I. М. Кулишеръ.

ЛЕКЦІИ
по
ИСТОРІИ ЭКОНОМИЧЕСКАГО БЫТА ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ.

КУРСЪ, ЧИТАННЫЙ ВЪ ПЕТРОГРАДСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Изданіе четвертое,

ПЕРЕРАБОТАННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія товарищества „Общественная Польза", Большая Подьяческая, 39.
1916.

Предисловіе ко второму изданію.

Первое изданіе „Лекцій по исторіи экономическаго быта", вышедшее весною прошлаго года, имѣло цѣлью дать общій обзоръ экономическаго развитія Западной Европы съ наиболѣе раннихъ временъ до Французской революціи, выяснить характеръ совершившейся въ отдѣльныхъ отрасляхъ хозяйства эволюціи, установить ходъ ея, причины и послѣдствія. При этомъ фактическія данныя приводились лишь въ видѣ иллюстраціи выставленныхъ авторомъ положеній; исчерпывающій анализъ ихъ въ качествѣ подтверждающаго отдѣльныя положенія матеріала измѣнилъ бы совершенно характеръ книги.

Первое изданіе было напечатано на правахъ рукописи въ сравнительно небольшомъ количествѣ экземпляровъ и предназначалось для моихъ слушателей. Однако, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ книга была распродана: выяснилось, что потребность въ такомъ курсѣ существуетъ и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ и вообще среди читающей публики, ибо не только на русскомъ, но и на иностранныхъ языкахъ нѣтъ сочиненія, которое давало бы научно составленный общій обзоръ всей исторіи экономическаго быта Европы, а не отдѣльныхъ только государствъ въ ту или другую эпоху. Въ виду этого, уже спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ выхода перваго изданія пришлось приступить къ печатанію второго изданія: къ сожалѣнію, вслѣдствіе краткости времени, авторъ вынужденъ былъ отказаться отъ первоначальнаго намѣренія дополнить курсъ, въ особ. добавленіемъ очерка развитія финансовъ и присоединеніемъ періода съ конца XVIII ст. до половины XIX вѣка. Отложивъ выполненіе этихъ задачъ до болѣе благопріятнаго времени, авторъ ограничился преимущественно улучшеніемъ внѣшней стороны книги и расширеніемъ отдѣльныхъ главъ. Второе изданіе напечатано на лучшей бумагѣ и гораздо болѣе крупнымъ шрифтомъ; изложеніе, носившее въ первомъ изданіи во многихъ случаяхъ конспективный характеръ, теперь измѣнено въ смыслѣ большей подробности; въ особенности значительно расширенъ весь послѣдній отдѣлъ, касающійся торговли, денегъ,

кредита, путей и средствъ сообщенія въ XVI—XVIII ст. Каждому отдѣлу попрежнему предпосланы указанія литературы, предназначенныя для тѣхъ, кто желалъ бы самостоятельно заняться изученіемъ экономической исторіи.

Апрѣль 1910 г.

Предисловіе къ третьему изданію.

Выходъ въ свѣтъ второго изданія былъ встрѣченъ критикой весьма сочувственно (см. рецензіи въ Вѣстникѣ Европы, Русской Мысли, Современномъ Мірѣ, Рѣчи, Вѣстникѣ Финансовъ и др.) и въ теченіе немногимъ болѣе двухъ лѣтъ оно почти совсѣмъ разошлось. При печатаніи третьяго изданія авторомъ были приняты во вниманіе различныя указанія, сдѣланныя въ отзывахъ о книгѣ. Такъ, вставлена особая главка объ аграрномъ строѣ въ Римской имперіи и въ лангобардской Италіи, сдѣланы нѣкоторыя дополненія и измѣненія въ главѣ о возникновеніи цеховъ, подробнѣе изложенъ отдѣлъ о промышленности и рабочемъ классѣ въ XVI—XVIII ст. Кромѣ того, сдѣланы прибавленія въ литературѣ и различныя болѣе мелкія вставки въ текстѣ; сокращенія же произведены лишь въ нѣсколькихъ мѣстахъ и притомъ незначительныя. Въ особ. же, въ виду выраженнаго пожеланія о прибавленіи новѣйшей эпохи (съ конца XVIII ст. до половины XIX вѣка) для того, чтобы изложеніе имѣло законченный характеръ, — сдѣлано (предполагавшееся, впрочемъ, еще и до выхода второго изданія) дополненіе въ видѣ обзора хозяйственнаго развитія въ этотъ послѣдній періодъ.

Январь 1913 г.

Предисловіе къ четвертому изданію.

Въ четвертомъ изданіи подвергнутъ переработкѣ отдѣлъ XVI—XVIII ст. (и прибавленъ конецъ этого отдѣла), составляющій вторую половину книги (стр. 226—442), и добавлены въ послѣднемъ отдѣлѣ (XIX вѣкъ) гл. 1 (населеніе) и гл. 5 (денежное обращеніе, кредитъ и банки). Кромѣ того сдѣланы болѣе мелкія измѣненія и дополненія въ различныхъ мѣстахъ остальныхъ отдѣловъ и въ указаніяхъ литературы (стр. 32—33, 56—61, 109—111, 139—141, 164—165, 194—195 453, 462, 481—82, 498—99 и др.).

Мартъ 1916 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Страницы.

Страницы.

Страницы.

Страницы.

Страницы.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Раннее средневѣковье

(отъ Юлія Цезаря до XI ст.).

Главнѣйшіе памятники. Caesar. De bello Gallico. Tacitus. Germania. Lex Salica (изд. Behrend'а съ примѣч.); на русск. яз. (Салическая Правда) изданіе Д. Н. Егорова (Сборн. законодат. памятн. древн. западно-европейск. права подъ ред. Виноградова и Владимірскаго-Буданова. Вып. I. 1906), другое изд. (только текстъ)—пер. Граціанскаго и Муравьева. 1913. Lex Ribuaria (изд. Sohm'а въ Monumenta Germaniae. Leges. V). Lex Baiuvariorum (изд. Merkel'я въ Monum. Germ. Leges. III). Capitularia regum Francorum (ed. Boretius. I. II), спец. Capitulare de villis, изд. Gareis'а съ комм. (Die Landgüterordnung Kaiser Karls des Grossen. 1895). Formulae Merovingici et Karolini aevi (Mon. Germ. Leges. V. Ed Zeumer). Polyptyque de l'abbé Irminon конца VIII или нач. IX ст. (de l'abbaye de Saint-Germain des Près), нов. изд. Longnon. 1895. Другіе сборники документовъ церковнаго землевладѣнія Codex diplomaticus Fuldensis (изд. Dronke), Traditiones possessionesque Vizzenburgienses (изд. Zeuss), Traditiones Frisingenses (изд. Bitterauf), изданія Guérard'а въ Collection des documents inédits (St. Rémi de Reims, Saint-Père de Chartres и др.). Кромѣ того Regestae Imperii, изд. Mühlbacher. Domesday-Book конца XI ст. изд. Ellis'а съ комент.

Литература. Относящіеся сюда вопросы, среди которыхъ на первомъ планѣ стоитъ проблема германской марки и возникновенія частной собственности на землю и крупнаго вотчиннаго землевладѣнія, а въ связи съ этимъ и крѣпостного права, имѣя одинаковое значеніе для всеобщей исторіи, исторіи хозяйства и исторіи права, имѣютъ обширную литературу, разработанную представителями всѣхъ трехъ областей знанія. Исходную точку въ вопросѣ о маркѣ составляютъ статьи Ганссена объ открытіяхъ Олуфсена, напечатанныя въ 1835 и 1837 г.г. въ Ansichten über das Agrarwesen der Vorzeit (теперь въ *Hanssen, Agrarhistorische Abhandlungen. 1880*), которыя, какъ и другія статьи его (помѣщенныя теперь въ томъ же сборникѣ)—о Цезарѣ (Wechsel der Wohnsitze und Feldmarken in germanischer Urzeit), о системахъ земледѣлія (Zur Geschichte der Feldsysteme in Deutschland) и о сохранившихся въ области Мозеля остаткахъ германской марки и общинныхъ передѣловъ (Die Gehöferschaften im Regierungsbezirk Trier) — послѣднее впрочемъ оказалось неправильнымъ (какъ выяснилъ Lamprecht. Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter. B. I. 1886. p. 442 и сл., ср. Meitzen. Siedelung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen etc. 1895. B. II. p. 602 и сл.)—сохранили до сихъ поръ свою цѣнность для аграрной исторіи. Основой для изученія аграрнаго развитія разсматриваемаго періода являются труды Маурера, какъ его общее „Введеніе“ (*Maurer. Einleitung zur Geschichte der Mark-Hof-Dorf und Stadtverfassung, 1854.* Переиздано Cunow'ымъ—безъ измѣненій и дополненій—въ 1896 г., есть русск. пер.), такъ и подробныя изслѣдованія отдѣльныхъ областей аграрнаго строя: *Maurer. Geschichte der Markenverfassung in Deutschland. 1856. Geschichte der Dorfverfassung in Deutschland, 2 Bände 1865—66. Geschichte der Fronhöfe, der Bauernhöfe und der*

Hofverfassung in Deutschland. 4 Bände 1862—63. Далѣе слѣдующіе капитальные труды обобщающаго характера: *Inama-Sternegg. Deutsche Wirtschaftsgeschichte.* B. I. 1879. B. II. 1891 (томъ первый посвященъ подробному изученію періода до Карла Вел.—часть 1 и эпохѣ Каролинговъ—ч. 2, томъ второй—періоду до XII ст.), *Lamprecht. Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter.* B. I (въ двухъ частяхъ — изложеніе) и II (источники). 1885, основанъ на источникахъ, относящихся къ району Мозеля (отчасти и Рейна), но выводы имѣютъ общее значеніе для средней Европы. *Meitzen. Siedelung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen, der Kelten, Römer, Finnen und Slawen.* 3 Bände (и атласъ) 1895 и *М. М. Ковалевскій. Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства.* Т. I. 1898. (Римскіе и германскіе элементы въ образованіи средневѣковаго помѣстья и сельской общины. Экономическая сторона процесса феодализаціи недвижимой собственности), гдѣ—въ противоположность Инама-Стернеггу и Лампрехту —разсматривается аграрный строй не одной Германіи, а всей Западной Европы (это находимъ и у Мейцена). Спеціально для Англіи—капитальные труды: *П. Г. Виноградова. Изслѣдованія по соціальной исторіи Англіи въ Средніе вѣка,* 1887 и *его же: Средневѣковое помѣстье въ Англіи.* 1911 (Growth of the Manor) и *English Society in the XI Century,* и въ противоположномъ направленіи *Seebohm. The english villainage—community. 1883.* Для Италіи: *П. Г. Виноградовъ. Происхожденіе феодальныхъ отношеній въ лангобардской Италіи,* а также *Hartmann. Geschichte Italiens im Mittelalter,* вышло т. I, II и III ч. *1* (1897—1908). *Darmstädter. Das Reichsgut in der Lombardei und Piemont.* 1896. Провансъ: *Kiener. Verfassungsgeschichte der Provence seit der Ostgothenherrschaft bis zur Errichtung der Konsulate.* 1900. Краткое разсмотрѣніе процесса аграрнаго развитія имѣется въ (прекрасныхъ) учебникахъ исторіи права Бруннера (*Brunner. Deutsche Rechtsgeschichte. B. I. 2. Aufl. 1906,* ч. 1. Germanische Zeit, ч. 2. Fränkische Zeit, особ. §§ 11, 14, 18, 26, 27, 31—33). Шредера (*Schroeder. Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte*), цит. по 4 изд. 1902 г. —есть болѣе новое—особ. важны §§ 9—10, 24, 27—29. Вайца (*Waitz. Deutsche Verfassungsgeschichte*), особ. первые два тома, но и въ слѣдующихъ (особ. т. VIII) встрѣчаются мѣткія характеристики хозяйственнаго строя. Віолле (*Viollet. Histoire du droit civil français,* цит. по 2 изд. 1893 г., особ. L. II. ch. VI. L. IV, ch. 1, изд. 3-е 1905), немногія общія положенія и *его же Histoire des institutions* politiques et administratives de la France. 1890 и сл. *Glasson. Histoire du droit et des institutions de la France,* 1888 г. и сл. (въ особ. т. III, §§ 9—13). *Pollock and Maitland. History of English Law.* 2 vol. 1895. Существенны также Мэнъ (*Sumner Main. Village communities in the East and West. 1871,* есть русск. пер.), изслѣдованіе сравнительнаго характера (параллель между Европой и Индіей). *Flach. Les origines de l'ancienne France,* t. I, II, 1886 г. и сл., важенъ для пониманія сеньеріальнаго строя. *Garsonnet. Histoire des locations perpetuelles et des baux à longue durée. 1878.* (Deuxième partie, p. 182—297), въ сущности исторія землевладѣнія съ древнѣйшихъ временъ (прекрасно написанная) и извѣстное сочиненіе Нассе объ общинныхъ передѣлахъ и огражденіяхъ въ Англіи (*Nasse. Ueber mittelalterliche Feldgemeinschaft in England. 1869.* Рус. пер. подъ ред. Азаревича. Зап. Демид. юридич. лицея. 1878). *Gomme. Village Community. Maitland. Township and Borough. Его-же Domesday-book and beyond. 1897. Allard. Les origines du servage* (Révue des questions hist. 1911). Въ извѣстныхъ типологическихъ курсахъ *Н. И. Карѣева, III. Помѣстье—государство и сословная монархія среднихъ вѣковъ.* Изд. 2. 1909—характеристика помѣстнаго строя. См. также *Д. М. Петрушевскій. Очерки изъ исторіи средневѣковаго общества и государства, 1907.* Кое-что имѣется и въ книгѣ Лавеле о первоначальныхъ формахъ землевладѣнія (*Laveleye. La propriété et ses formes primitives,* 4 éd. 1891, перераб. Бюхеромъ, гл. V—VII, XXVII—XXVIII, касаются Зап. Европы). Эшли (Ashley. Introduction into the economic history and theory, есть рус. пер.) при изложеніи этой эпохи несамостоятеленъ. *Grosch.* Markgenossenschaft und Grossgrundherrschaft im früheren Millelalter, 1911, ничего новаго не даетъ.

Противоположность направленію всѣхъ указанныхъ ученыхъ, являющихся (за исключеніемъ Зибома, Мэтланда и Эшли), представителями господствующаго ученія (относительно германской марки), составляютъ *Fustel de Coulanges,* Le problème des origines de la propriété foncière (критика Маурера) въ Revue des questions historiques, 1889 (нынѣ напечатано въ сборникѣ *Questions historiques,* 1893), Les Germains connaissaient-ils la propriété des terres. La marche germa-

nique (и то и другое изд. впослѣдствіи въ *Recherches sur quelques problèmes d'histoire, 1885*) и въ особ. *Histoire des Institutions politiques de l'ancienne France* (L'alleu et le domaine rural pendant l'époque merovingienne. 1889.—въ гл. V рѣзкая критика Глассона—Les origines du système féodal, 1890, (Есть на русск. языкѣ подъ ред. И. М. Гревса) изслѣдованіе замѣчательное, хотя съ выводами не всегда можно согласиться. Критика Фюстель де Куланжа у *Glasson. Les communaux et le domaine rural à l'époque franque, 1890* и *Halban-Blumenstok. Die Entstehung des deutschen Immobiliareigentums. B. I. 1894.* См. о немъ также ст. *Виноградова* въ Рус. Мысли, янв. 1890. Къ тому же направленію, какъ и Фюстель де Куланжъ, относятся: *Denman W. Ross. The early history of landholding among the germans. 1883. Thévenin. Etudes sur la propriété au moyen âge.* 1887. *Rübel Die Franken, ihr Eroberungs- und Siedelungssystem. 1901*; отчасти и *Dopsch. Die Wirtschaftsentwicklung der Karolingerzeit.* 1912—13 (2 тома) и его же. *Die Markgenossenschaft der Karolingerzeit (Mitteil. des Instituts für osterr. Geschichtsforsch. XXXIV*).

По отдѣльнымъ спеціальнымъ вопросамъ: 1) контроверза о толкованіи Цезаря и Тацита: *Thudichum. Der altdeutsche Staat. 1862. Max Weber. Der Streit um den Charakter der altgermanischen Sozialverfassung* (Jahrbücher für Nationaloekonomie. 1904. B. 28). *Rachfahl. Zur Geschichte des Eigentums* (Jahrbücher für Nationaloekonomie. 1900. B. 19) и его же (направлено—какъ и первая статья—въ особ. противъ Рихарда Гильдебранда) *Zur ältesten Sozial- und Wirtschaftsgeschichte der Germanen* (по поводу Brunner. I, 2. Aufl.) въ Schmollers Jahrbuch für Gesetzgebung etc. 1907. *Kötzschke. Die Gliederung der Gesellschaft bei den alten Deutschen* (Deutsche Zeitschr. für Geschichtswiss. II. 1897—98). *Richard Hildebrand. Recht und Sitte auf den verschiedenen wirtschaftlichen Kulturstufen. B. I. 1896* (первое изд.) и его же второе изд. 1907 (подъ назв. Recht und Sitte auf den primitiveren Kulturstufen), гдѣ рѣзко измѣнена первоначальная теорія; но и теперь много оригинальнаго, хотя уже для эпохи Цезаря и Тацита выводы часто необоснованы, остальная часть книги (образованіе помѣстнаго землевладѣнія) совершенно бездоказательна. *Wittich. Die wirtschaftliche Kultur der Deutschen zur Zeit Caesars* (Historische Zeitschr. 1897), его же большой трудъ: *Die Grundherrschaft in Nordwestdeutschland.* 1896. (Anhang. p. 108 и сл.). Кромѣ того: *Roscher.* Ueber die Landwirtschaft der ältesten Deutschen (*Ansichten der Volkswirtschaft etc. 1861*). *Viollet. Charactère collectif des premières propriétés immobilières* (Bibliothèque de l'école des Chartes. 1872, рус. пер. Юридич. Вѣстн. Май 1882 г.). *Schröder.* Zeitschr. der Savigny-Stiftung. 1903. (Возраженіе Виттиху). См. также *А. Билимовичъ, Германское землеустроительное законодательство*, т. I (гл. 1). 1908. 2) „Варварскія Правды" (франкская эпоха)—контроверза о характерѣ землевладѣнія: *Schröder. Die Ausbreitung der salischen Franken.* (Forsch. zur deut. Geschichte. XIX. 1879). *Его же. Die Franken und ihr Recht (Zeitschr. für Rechtsgesch. B. XV). Gierke. Rechtsgeschichte der deutschen Genossenschaft.* 1868, особ. p. 54 и сл. *Bethmann-Hollweg. Der germanisch-romanische Zivilprozess im Mittelalter. 1868. Thudichum. Die Gau- und Markverfassung in Deutschland. 1860. Sohm. Die altdeutsche Reichs- und Gerichtsverfassung. 1871. HalbanBlumenstok. Die Entstehung des deutschen Immobiliareigentums. B. I. 1894* (подробный анализъ lex Salica, а также lex Ribuaria). *Fustel de Coulanges.* Recherches sur quelques points des lois barbares (Nouvelles recherches sur quelques problèmes d'histoire). 1891. *Arbois de Jubainville, Recherches sur l'origine de la propriété foncière. 1890. Platon. Le droit de la propriété dans la société franque et en Germanie* (Revue d'économie politique. 1887, 1888, 1890). Изслѣдованія для отдѣльныхъ мѣстностей, приходящія, однако, къ различнымъ результатамъ: *Varrentrapp. Rechtsgeschichte und Recht der gemeinen Marken in Hessen.* I. 1909. *Schotte. Studien zur Geschichte der westfälischen Mark. 1908.* (Münster. Beitr. zur Geschichtsforsch. B. 29). *Haff. Markgenossenschaft und Stadtgemeinde in Westfalen.* (Viert. für Sozial=und Wirtschaftsgesch. VIII. 1910). *Weimann. Mark=und Walderbengenossenschaften des Niederrheins.* (Gierke's Untersuchungen etc. № 106). *Wopfner. Beiträge zur Geschichte der älteren Markgenossenschaft* (Mitteil. des Instit. für oesterr. Geschichtsforschung. B. 33, 34) и возраженія Dopsch'a (тамъ же, т. 34). 3) Проблема образованія круппаго помѣстнаго землевладѣнія и его организаціи: особ. важно—*Inama-Sternegg. Die Ausbildung der grossen Grundherrschaften in Deutschland während der Karolingerzeit. 1878* (Schmoller's staats- und sozialwiss. Forschungen. I) и его же Deutsche Wirtschaftsgeschichte. *Lamprecht. Beiträge zur Geschichte des französischen Wirtschaftslebens im* 11. *Jahrh. 1878* (въ тѣхъ же *For-*

schungen. I) и его же *Deutsches Wirtschaftsleben.* B. I. *Seeliger. Die soziale und politische Bedeutung der Grundherrschaft im früheren Mittelalter. 1903* (Abhandlungen der philolog.-hist. Klasse der Kön. Sächsischen Gesellsch. der Wissensch. B. XXII). Кромѣ того: *Dopsch,* ук. соч. *Eggers. Der königliche Grundbesitz im 10. u. beginnenden 11. Jahrh.* 1908 (Zeumers Quellen und Studien zur Verfassungsgesch. B. III). *Steinitz. Organisation der Krongüter unter Karl Gr.* (Vierteljahrschr. für Sozial- und Wirtschaftsgesch. 1911). *Loisel. Essai sur la législation économique des Carolingiens.* 1904. Статьи *Caro. Die Grundbesitzverteilung in der Nordostschweiz etc. zur Karolingerzeit* и *Zur Agrargeschichte der Nordostschweiz etc. vom 10—13. Jahrh.* (Jahrbücher für Nationaloekon. III. Folge. B. XXI и XXIV) и другія статьи его по тому же вопросу въ Jahrbücher für Schweiz. Geschichte. 1901—1902 (теперь соединено въ сборникѣ статей). *Удальцовъ: Свободная деревня съ Западной Нейстріи въ эпоху Каролинговъ и Меровинговъ.* (Журн. Мин. Нар. Просв. 1912. окт. и нояб.). 4) По поводу новѣйшей контроверзы относительно сословнаго строя и времени возникновенія вотчинъ: *Heck. Altfriesische Gerichtsverfassung. 1894.* Его же *Die Gemeinfreien der karolingischen Volksrechte. 1900. Wittich. Grundherrschaft in Nordwestdeutschland. 1896* (Anhang) и его же *Die Frage der Freibauern.* Zeitschr. der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Germ. Abt. 1901. *Gutmann. Die soziale Gliederung der Bayern zur Zeit des Volksrechtes. 1906* (Abhandl. aus d. staatswiss. Semin. zu Strassburg), Возраженіе имъ: *Brunner. Nobiles und Gemeinfreie der karolingischen Volksrechte.* (Zeitschr. der Savigny-Stiftung für Rechtsgesch. German. Abt. 1898) и его же: *Ständerechtliche Probleme* (Ibid. 1903). *Schröder. Der altsächsische Volksadel und die grundherrliche Theorie* (Ibid. 1903). *Vinogradoff. Wergeld und Stand* (Ibid. 1903).

О крупномъ землевладѣніи въ Римской имперіи. Weber. Römische Agrargeschichte. 1891. Schulten. Die römischen Grundherrschaften. 1896. *His. Die Domänen der römischen Kaiserzeit.* 1896. *Fustel de Coulanges.* L'alleu et le domaine rural. 1889. *Beaudouin. Les grands domaines dans l'empire romain.* (Nouv. révue hist. de droit français et étranger. 1897—1898). *Гревсъ. Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія.* 1899. *Петрушевскій. Очерки изъ исторіи средневѣковаго общества,* а также *Mommsen. Römische Geschichte.* Спеціально о колонатѣ: *Heisterbergk. Die Entstehung des Kolonats.* 1876. *Fustel de Coulanges. Le colonat romain* (Recherches sur quelques problèmes d'hist. 1885). *Гревсъ. Новое изслѣдованіе о колонатѣ* Журн. Мин. Нар. Просв. 1886. *Pelham. Imperial domain and the Colonate.* 1895. *Бѣлорусовъ. Колонатъ.* 1903. *Rostowzew. Studien zur Geschichte des Kolonats.* 1910. *Его же. Kolonat* въ Handwört. der Staatswiss. 3 Aufl. B. V.

Относительно *обрабатывающей промышленности* этого періода: *М. М. Ковалевскій. Экономическій ростъ Европы, т. III,* 1903, гл. 1 (вотчинная организація промышленности). *Inama-Sternegg. Deutsche Wirtschaftsgeschishte.* B. I. S. 132—146, 362—366, 422—426. B. II. Abschn. 5. *Levasseur. Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France avant 1789, 2-e éd. T. I 1900.* Livre II. *Heyne. Fünf Bücher deutscher Hausaltertümer* von den ältesten geschichtlichen Zeiten bis zum XVI Jahrhundert, особ. B. I. Wohnungswesen. 1899. Abschn. 1, 2. Его же посмертное сочиненіе: *Das altdeutsche Handwerk. 1908. Dopsch.* Die Wirtschaftsentwickl. der Karolingerzeit. B. II. 1913. Текстильная промышленность: *Hildebrand.* Jahrbücher für Nationaloekonomie. B. VI, VII, VIII. *Schmoller. Die Strassburger Tucher und Weberzunft.* 1879 (Darst. Kap. I, II). *Klumker. Der friesische Tuchhandel zur Zeit Karls des Grossen. 1899. Häpke. Die Herkunft der friesischen Gewerbe. Hansische Geschichtsblätter. 1906. Kober. Die Anfänge des deutschen Wollgewerbes. 1908.* Металлическія издѣлія: *Beck. Geschichte des Eisens.* B. I. 1884. S. 682—747. Формы промышленности: *Bücher. Entstehung der Volkswirtschaft* (рус. пер. подъ ред. I. М. Кулишера: Возникновеніе народнаго хозяйства, вып. 1, очерк. 5-й) и его же *Gewerbe* въ Handwört. der Staatswiss. Противъ него: *Below. Die Entstehung des Handwerks in Deutschland* (Zeitsch. für Social-und Wirtschaftsgeschichte. B. V), а также М. М. Ковалевскій, ук. соч.

Относительно *торговли* этого періода: *Schulte. Geschichte des mittelalterlichen Handels und Verkehrs zwischen Westdeutschland und Italien. 1900.* B. I. Darst. Buch. 1, 2 (торговые пути, товары, купцы). *Schaube. Handelsgeschichte der romanischen Völker des Mittelmeergbiets bis zum Ende der Kreuzzüge. 1906.* Erster Hauptteil (vom Anfang des X Jahrh. bis zum Beginn der Kreuzzüge). *Lamprecht. Beiträge zur französischen Wirtschaftsgeschichte des elften Jahrhunderts. 1879.* Kap. IV. *Inama-*

Sternegg. Deutsche Wirtschaftsgesch. B. I. Erstes Buch. Abschn. 5. Zweites Buch, Abschn. 5. B. II. Abschn. 6. *Pigeonneau. Histoire du commerce de la France.* T. I. *1885. Heyd. Geschichte des Levantehandels.* B. I. 1879. *Beer. Geschichte des Welthandels.* B. I (есть рус. пер., но весьма плохой). Рынки: *Rathgen. Die Entstehung der Märkte in Deutschland.* 1881. *Huvelin. Essai historique sur le droit des foires et des marchés. 1897. Rietschel. Markt und Stadt. 1897.* Sohm. *Entstehung des deutschen Städtewesens. 1890. Kalischer. Beiträge zur Handelsgeschichte der Klöster* zur Zeit der Grossgrundherrschaften. 1911. См. также *Addy. Church and Manor.* A Study in English Economic History. 1913. *Hahn. Die wirtschaftliche Thätigkeit der Juden im fränkischen und deutschen Reiche bis zum Zweiten Kreuzzuge.* 1911. *Удинцевъ. Исторія займа.* 1910. Хлѣбная торговля и голода: *Curschmann. Hungersnöte im Mittelalter. 1900* (VIII—XIII ст.).

Періодъ ранняго средневѣковья называютъ эпохой натуральнаго или докапиталистическаго, феодальнаго или помѣстнаго хозяйства. Первые два термина неудачны потому, что ими обозначается нерѣдко и весь періодъ, предшествующій открытію Америки: періодъ докапиталистическій у Маркса, какъ и періодъ натуральнаго хозяйства у Бруно Гильдебранда доходитъ до XVI вѣка. Не проводится, слѣдовательно, различія между эпохой до XII ст. и эпохой отъ начала крестовыхъ походовъ до открытія Америки. Названіе же феодальнаго или помѣстнаго хозяйства, противополагаемаго городскому хозяйству слѣдующихъ столѣтій, примѣнимо лишь къ одной части разсматриваемаго періода. Оно оставляетъ безъ вниманія эпоху, предшествующую образованію помѣстнаго хозяйства, тѣ вѣка, когда преобладало мелкое крестьянское общинное или частное землевладѣніе и еще не было основаннаго на феодальныхъ началахъ и крѣпостномъ трудѣ крупнаго землевладѣнія. Болѣе удачнымъ представляется, вслѣдствіе этого, терминъ Бюхера—замкнутое домашнее хозяйство, выражающій собою не политическую и соціальную организацію хозяйственной жизни (хотя и Бюхеръ имѣетъ въ виду преимущественно помѣстный строй), а самый характеръ хозяйства. Сущность послѣдняго заключается въ производствѣ предметовъ для собственнаго потребленія, въ соединеніи производства и потребленія въ предѣлахъ той же хозяйственной единицы. Поэтому предлагаемый имъ терминъ примѣнимъ и къ эпохѣ помѣстной организаціи хозяйства и къ предшествующему періоду господства крестьянской марки и мелкаго землевладѣнія.

Существованіе еще болѣе ранняго періода—первобытной хозяйственной эпохи у германскихъ народовъ Бюхеръ отрицаетъ; онъ относитъ ее къ доисторическому времени, находитъ этотъ періодъ только у неевропейскихъ племенъ. Мало того, первобытное состояніе онъ называетъ эпохой индивидуальныхъ поисковъ пищи. Между тѣмъ все то, что намъ извѣстно относительно хозяйственной жизни на первобытной ступени культуры, свидѣтельствуетъ о томъ, что индивидъ здѣсь не игралъ никакой роли, напротивъ, хозяйство имѣло общинный, племенной, коммунистическій характеръ. И охота, и рыбная ловля, и скотоводство, и выжиганіе лѣсовъ, и земледѣльческія работы, и постройка жилищъ,—все это производится цѣлыми племенами, нѣсколькими соединившимися деревнями или общинами, вообще группами (артелями); въ работахъ принимаетъ участіе цѣлая масса мужчинъ, женщинъ, дѣтей. А за совмѣстнымъ производствомъ слѣдуетъ и совмѣст-

ное потребленіе всей группой лицъ добытой ими пищи, совмѣстное пользованіе сообща построеннымъ домомъ и т. д. Указанія на существованіе такого первобытнаго коммунистическаго хозяйства у германцевъ мы находимъ у Цезаря и Тацита. Земля не только принадлежитъ цѣлой группѣ лицъ, но и обрабатывается сообща, а не каждымъ въ отдѣльности (см. ниже), потребленіе пищи производится совмѣстно; какъ предметы пропитанія, такъ и другія вещи не составляютъ частной собственности [1]). Если къ этому еще прибавимъ, что земледѣліе мало развито, земля обрабатывается не мужчинами, а женщинами, нѣтъ еще осѣдлаго состоянія,—то станетъ ясно, что въ эпоху Цезаря и Тацита у германцевъ еще не было выдѣлившагося изъ коммунистической организаціи индивидуальнаго домашняго хозяйства, что существовалъ первобытный, предшествующій хозяйственному развитію, періодъ. Въ виду, однако, невозможности для насъ, за отсутствіемъ данныхъ, опредѣлить, когда и какъ совершился переходъ отъ этой ступени къ формѣ замкнутаго домашняго хозяйства, мы не въ состояніи отдѣлить эти двѣ эпохи, а вынуждены ихъ разсматривать совмѣстно.

ГЛАВА I.

Аграрный строй въ эпоху Цезаря и Тацита.

„Едва ли можно указать во всей исторической литературѣ—говоритъ М. М. Ковалевскій—болѣе спорный вопросъ, чѣмъ тотъ, какой представляетъ бытъ древнихъ германцевъ... Преобладаніе первобытныхъ промысловъ или земледѣлія, кочевой или осѣдлый характеръ послѣдняго, свобода или крѣпостная зависимость сельскихъ воздѣлывателей, совмѣстная эксплоатація почвы или раздѣльное пользованіе ею—доселѣ составляютъ предметъ горячихъ преній между историками и экономистами, занимающимися вопросомъ о бытѣ древнихъ германцевъ“. Между тѣмъ „всѣ эти теоріи возникли на почвѣ толкованія однихъ и тѣхъ же свидѣтельствъ Цезаря и Тацита, съ рѣдкимъ обращеніемъ къ методу переживаній и историко-сравнительнымъ параллелямъ съ бытомъ арійскихъ, а тѣмъ болѣе неарійскихъ народностей“ [2]). Подобное положеніе вопроса должно вызвать, казалось бы, сомнѣніе въ возможности вообще когда-либо выяснить, что хотятъ сказать эти писатели (безплодный споръ, по словамъ Фукса), на сообщеніяхъ которыхъ, въ сущ-

---

[1]) Это видно изъ словъ Тацита о широкомъ гостепріимствѣ у германцевъ. На самомъ дѣлѣ это гостепріимство есть не что иное, какъ общность имущества. Подобно европейскимъ путешественникамъ, описывавшимъ народы другихъ частей свѣта и находившимъ у нихъ гостепріимство, когда въ дѣйствительности не проводилось различія между „моимъ“ и „твоимъ“, и Тацитъ здѣсь переноситъ господствовавшія въ Римѣ понятія на совершенно иную, чуждую имъ почву. Что мы имѣемъ предъ собой, какъ не общность имущества, когда „отказать кому-либо въ кровѣ считается безчестнымъ, когда всякій можетъ войти въ ближайшій домъ и получить пищу“, „когда не дѣлается различія между знакомымъ и незнакомымъ“, т. е. всѣ лица, принадлежащія къ племени, пользуются одинаковыми правами на вещи, когда, наконецъ, „хозяинъ обязанъ уступить гостю все, что тотъ у него потребуетъ“, и наоборотъ—иначе говоря, „просимыя“ вещи принадлежатъ всѣмъ сообща? (см. Tacitus. Germania. Cap. 21).

[2]) Ковалевскій, т. I, стр. 31—32.

ности, покоятся всѣ наши свѣдѣнія о хозяйственной жизни западно-европейскихъ народовъ въ древнѣйшую эпоху; недаромъ ихъ называютъ „библіей нѣмцевъ“ [1] [2]). Между тѣмъ, если мы вникнемъ въ то, что говорятъ Цезарь и Тацитъ—рѣчь идетъ всего о нѣсколькихъ фразахъ—то увидимъ, что на интересующіе насъ вопросы объ аграрномъ строѣ того времени дается если и не вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ, то, во всякомъ случаѣ, такой, который исключаетъ возможность рѣзкаго разногласія. Большинство разнорѣчивыхъ выводовъ въ данномъ случаѣ вытекаетъ изъ желанія придать словамъ этихъ римскихъ писателей искусственный смыслъ, совершенно не соотвѣтствующій первобытному характеру хозяйственной жизни германцевъ того времени.

Что касается прежде всего Цезаря, то онъ указываетъ на то, что германцы мало занимаются обработкой земли, что пища ихъ состоитъ главнымъ образомъ изъ молока, сыра и мяса; въ частности по поводу свевовъ онъ прибавляетъ, что они мало питаются хлѣбомъ, гораздо больше молокомъ и скотомъ (мясомъ?) и много времени проводятъ на охотѣ [3]).

Caesar. De bello Gallico. Lib. VI. 22. Agriculturae non student maiorque pars eorum victus in lacte, caseo, carne consistit. Ibid. Lib. IV. 1. Neque multum frumento, sed maximam partem lacte atque pecore vivunt, multumque sunt in venationibus.

Далѣе читаемъ у Цезаря: никто изъ нихъ не имѣетъ опредѣленнаго (отдѣленнаго границами отъ другихъ) участка пахотной земли; власти и старѣйшины отводятъ ежегодно отдѣльнымъ родамъ столько земли, сколько и гдѣ считаютъ это нужнымъ, и спустя годъ снова заставляютъ ихъ переходить на другія мѣста.

Sed privati ac separati agri apud eos nihil est (IV. 1). Neque quisquam agri modum certum aut fines habet proprios, sed magistratus ac principes in annos singulis gentibus cognationibusque hominum, qui tum una coierunt, quantum et quo loco visum est agri attribuunt atque anno post alio transire cogunt (VI. 22).

Изъ приведенныхъ словъ Цезаря мы можемъ усмотрѣть, что не только земля составляла собственность племени, но и обработка земли производилась совмѣстно родовыми группами, а не отдѣльными лицами [4]). Сопряженныя съ огромнѣйшими усиліями, при отсутствіи сколько-нибудь удовлетворительныхъ орудій, вырубка и выкорчеваніе дремучихъ лѣсовъ (Германія вѣдь по словамъ Помпонія Мела—была silvis ac paludibus invia, т. е. покрыта лѣсами и болотами), мыслимы были лишь соединенными силами многихъ. Сомнѣніе вызываетъ лишь то мѣсто, гдѣ рѣчь идетъ о ежегодныхъ перемѣнахъ въ площади пахотной земли. Говоря, что родъ, получившій въ обработку опредѣленную часть земли, принадлежащей племени, не остается на этомъ участкѣ земли свыше года [5]), имѣетъ ли Цезарь въ виду ежегод-

---

[1]) Fuchs. Epochen der deutschen Agrargeschichte, p. 4. Относительно сочиненій Möser'а, Eichhorn'а, Landau и др. см. Thudichum. Der altdeutsche Staat. 125 и сл.

[2]) Hanssen, I, p. 79.

[3]) Ср. Knüll. Historische Geographie Deutschlands im Mittelalter. 1903, p. 106 и сл.

[4]) Ср. Brunner. I. 83—4.

[5]) L. IV, 1 (Свевы) также говорится—neque longius anno remanere uno in loco incolendi causa licet.

ные общинные передѣлы земли, перераспредѣленіе пахотныхъ полей между отдѣльными родовыми группами въ предѣлахъ одной и той же площади, занятой племенемъ, или онъ хочетъ этимъ сказать, что германцы кочуютъ съ мѣста на мѣсто, что у нихъ еще нѣтъ осѣдлаго земледѣлія (какъ толкуютъ Зибель, Бетманъ-Гольвегъ, Тудихумъ) [1]. Въ послѣднемъ случаѣ, при изобиліи свободной земли, очевидно, нѣтъ надобности въ передѣлахъ; даже при ежегодной перемѣнѣ пашни остается много свободнаго пространства.

Есть основанія предполагать (хотя вполнѣ это едва ли можно будетъ установить когда-либо) именно такое кочевое состояніе, ибо оно вполнѣ соотвѣтствуетъ общему характеру хозяйственнаго быта древнихъ германцевъ [2]; постоянныя же поля предполагаютъ слишкомъ высокую ступень культуры. Это подтверждается словами Цезаря, что германцы избѣгаютъ осѣдлаго образа жизни и не строятъ постоянныхъ жилищъ [3]. И Страбонъ, писавшій въ началѣ I ст. по Р. Х., говоритъ, что германцы, будучи скотоводами-кочевниками, живутъ въ хижинахъ, которыя строятся лишь на одинъ день, и имъ не трудно, взваливъ имущество на повозки, переходить со скотомъ съ мѣста на мѣсто [4]. На существованіе такихъ первобытныхъ жилищъ, которыя могутъ быть перевезены съ одного мѣста на другое, указываетъ и Плиній: caesis domus eorum plaustris inpositas [5]. Мы находимъ ихъ еще и въ болѣе поздніе вѣка [6]; даже въ эпоху lex Salica, нѣсколько столѣтій спустя, производился сломъ дома и онъ взваливался на повозку [7].

Нѣмецкіе историки до сихъ поръ не хотятъ допустить, что древніе германцы могли быть кочевниками. Мейценъ даже приписываетъ имъ особую интеллигентность, благодаря которой они—въ противоположность другимъ народамъ—весьма рано перешли къ земледѣлію, прежде чѣмъ усилилась власть богатыхъ надъ бѣдными. Вайцъ находитъ, что сообщеніе Цезаря о кочевомъ характерѣ земледѣлія основано на недостаточной освѣдомленности его; вполнѣ правильно толкуя Цезаря, онъ, однако, въ концѣ концовъ, совершенно отказывается понять его [8], не допуская, чтобы германцы (и даже одни только свевы) могли вести такой кочевой образъ жизни [9]. Между тѣмъ Цезарь ссылается на подробные разспросы, произведенные имъ на мѣстахъ, и указываетъ на тѣ причины, которыя приводились въ объясненіе сообщаемыхъ фактовъ. Ганссенъ справедливо обращаетъ вниманіе на то, что самая болѣзненная фантазія не могла бы выдумать общинную собственность съ постоянной перемѣной осѣдлости, если бы этого не было въ дѣйствительности [10].

---

[1]) Sybel. Entstehung des deutschen Königtums. 1881. p. 6. Bethmann-Hollweg. Die Deutschen vor der Völkerwanderung. p. 12. Thudichum. Der altdeutsche Staat. 119.

[2]) См. стр. 5 и стр. 8.

[3]) Lib VI. 22. Ne assidua consuetudine capti studium belli gerendi agricultura commutent; ne accuratius ad frigora atque aestus vitandos aedificent. Ср. также с. 23. Civitatibus maxima laus est quam latissime circum se vastatis finibus solitudines habere. Ср. Помпоній Мела, который, сообщая о войнахъ свевовъ, замѣчаетъ, что они едва-ли вызываются недостаткомъ воздѣлываемой земли, ибо и тѣ поля, которыя находятся въ ихъ распоряженіи, обрабатываются плохо и у нихъ всегда много земли должно лежать свободно (Nam ne illa quidem enixe colunt, sed ut circa ipsos quae iacent vasta sint). Chorog. III. 3.

[4]) Географія Страбона въ семи книгахъ. Кн. VII. (Есть рус. пер. Мищенко).

[5]) Plinii. VIII. 40. 61.

[6]) См. ниже, а также Meitzen. I. 582. Waitz. 2. Aufl. I. 101.

[7]) Wittich, p. 340. Heyne. Deutsches Wohnungswesen, p. 158. См. также Отд. 2. гл. I въ концѣ.

[8]) Осторожнѣе будетъ признать,—говоритъ онъ,—что мы въ настоящее время не въ состояніи выяснить, какъ было дѣло въ дѣйствительности, p. 99.

[9]) Waitz. I. 2. A. p. 97—100.

[10]) Hanssen. I. 78. Roscher. Ansichten, p. 66.

Арндтъ утверждаетъ, что то́, что сообщаетъ Цезарь, не могло существовать въ такомъ видѣ—это не только предполагаетъ первобытную дикость, но и было бы въ высокой степени глупо: каждый годъ расчищать и воздѣлывать новыя земли, настолько отдаленныя отъ прежнихъ, что приходилось строить новыя жилища. Описываемыя Цезаремъ условія могли быть лишь временными; къ нимъ прибѣгали по необходимости тѣ племена, съ которыми Цезарь столкнулся прежде всего и которыя временно находились въ движеніи, тѣснимыя другими и вынужденныя покинуть насиженныя мѣста. Однако, не говоря уже о томъ, что германцы того времени дѣйствительно находились на первобытной ступени развитія (что Арндту кажется совершенно немыслимымъ) и потому земледѣліе должно было имѣть примитивный характеръ,—въ такомъ именно состояніи постояннаго движенія германскія племена находились не временно, а въ теченіе многихъ столѣтій, и не только въ эпоху Цезаря (Аріовистъ у Цезаря говоритъ, что его люди въ теченіе 14 лѣтъ не видѣли крыши надъ собой), но еще значительно позже. Достаточно ознакомиться съ извѣстнымъ трудомъ Мейцена, чтобы видѣть, что первыя шесть столѣтій въ жизни европейскихъ народовъ представляютъ собою эпоху весьма далекую еще отъ постоянной осѣдлости и обнаруживающую много сходства съ современной жизнью африканскихъ народовъ, какъ ее изображаетъ Ратцель: продолжительное пребываніе того или другого племени на одномъ и томъ же мѣстѣ составляетъ явленіе почти немыслимое [1]) [2]).

Еще и во времена Тацита (писавшаго полтора вѣка спустя—въ I ст. по Р. X.), а не только Цезаря, мы едва ли можемъ найти дѣйствительно вполнѣ осѣдлое земледѣліе. Но все же Тацитъ противополагаетъ германцамъ сарматовъ—кочевниковъ, и когда у него возникаетъ сомнѣніе въ томъ, слѣдуетъ ли то или иное племя отнести къ германцамъ или къ сарматамъ, то рѣшающимъ является моментъ осѣдлости. Далѣе, онъ упоминаетъ о томъ, что каждый германецъ имѣетъ собственное жилище, которое строится не изъ кирпичей или камней, а изъ стволовъ деревьевъ, и что несвободные также поселены на особыхъ участкахъ, имѣютъ свои жилища и ведутъ собственное хозяйство.

Peucini... sed ac domiciliis ut germani agunt... Venedi inter Germanos potiis referuntur, quia et domos figunt... quae omnia diversa sarmatis sunt in plaustro equoque viventibus (Cap. 46). Suam quisque domum spatio circumdat ne caementarum quidem apud eos aut tegularum usus: materia ad omnia utuntur informi (Cap. 16). Suam quisque (servus) sedem suos penatos regit, frumenti modum dominus aut pecoris aut vestis ut coloni iniungit (Cap. 25).

Имѣя это въ виду, слова Тацита: ежегодно мѣняются пашни и все-таки остаются свободныя пространства (arva per annos mutant et superest ager. Cap. 26) можно толковать въ томъ смыслѣ, что рѣчь идетъ о почвѣ, находящейся подъ паромъ, ибо каждый годъ часть земли воздѣлывается, другая же отдыхаетъ отъ пахоти, а не забрасывается, какъ это происходитъ при кочевомъ земледѣліи. Однако, при этомъ, конечно, не слѣдуетъ забывать, что извѣстная легкость въ отношеніи перемѣны мѣстъ существовала

---

[1]) „Даже лучшіе земледѣльцы среди африканскихъ племенъ необычайно подвижны, и большинство деревень и даже небольшихъ племенъ не остается долго на одномъ и томъ же мѣстѣ. При такихъ условіяхъ разница между образомъ жизни пастушескихъ и земледѣльческихъ народовъ сильно стушевывается". (Ratzel. Völkerkunde. I. Einl. p. 60) Cp. Hehn Kulturpflanzen und Haustiere. 7. Aufl. 1902. p. 548. и сл.

[2]) Литерат. объ этомъ: Arnold. Ansiedelungen und Wanderungen. Meitzen. Siedelungen und Agrarwesen. B. I. Waitz. Deutsche Verfassungsgeschichte. B. II. Zeuss. Die Deutschen und die Nachbarstämme. Inama-Sternegg. Deutsche Wirtschaftsgeschichte. B. I. Gaupp. Die germanischen Ansiedelungen und Landteilungen.

еще и въ эту эпоху [1]), и нельзя представлять себѣ земледѣліе того времени въ видѣ какого-либо правильнаго двухпольнаго или трехпольнаго хозяйства, какъ предполагаетъ Эйхгорнъ [2]) и нѣкоторые другіе историки. Они переводятъ (приведенныя выше) слова: arva per annos mutant—за озимыми посѣвами слѣдуютъ яровые, et superest ager—и каждый третій годъ поле остается подъ паромъ. Между тѣмъ—какъ указываетъ Ганссенъ—едва ли столь простую вещь, какъ то, что изъ всего поля $1/3$ засѣяна озимыми хлѣбами, другая яровыми, а третья находится подъ паромъ, Тацитъ изложилъ бы столь неясно и расплывчато. Вѣдь другіе греческіе и римскіе классики ясно описываютъ эту трехпольную систему земледѣлія, и она существовала во времена Тацита въ римскихъ провинціяхъ. Она вовсе и не могла казаться ему характерной для германцевъ [3]); Тацитъ же именно подчеркиваетъ то обстоятельство, что земледѣліе стоитъ на низкой ступени развитія [4]), т. е. по сравненію съ римлянами, у которыхъ господствовала трехпольная система. Пища состоитъ (попрежнему) изъ плодовъ, дичи и молочныхъ продуктовъ, но не хлѣба и не мяса [5]). Въ то время, какъ о трехпольномъ хозяйствѣ впервые упоминается въ источникахъ подъ 771 г. [6]), характеристика Тацита вполнѣ соотвѣтствуетъ—въ особенности если еще прибавимъ его указаніе на наличность обширныхъ свободныхъ пространствъ земли [7]) — первобытному подсѣчному хозяйству. Ганссенъ поэтому переводитъ цитированную фразу Тацита слѣдующимъ образомъ. Германцы не имѣютъ постоянныхъ пашенъ, а распаханная часть поля оставляется подъ паромъ на много лѣтъ, лежавшее же наиболѣе долго необработаннымъ поле поступаетъ затѣмъ временно подъ пашню; вся такимъ образомъ пользуемая площадь и составляетъ ager, изъ коего обрабатываемая ежегодно часть (pro tempore arva) занимаетъ лишь незначительную долю [8]).

Дѣйствительно, если мы допустимъ, что за 150 лѣтъ, отдѣляющихъ Цезаря отъ Тацита—какъ указываетъ Шредеръ [9])—произошла значительная перемѣна въ аграрномъ строѣ германцевъ, то едва ли мы сможемъ представить ее себѣ иначе, какъ въ томъ видѣ, что племя заняло извѣстную площадь земли, которую оно постепенно старается использовать, переходя отъ одной полосы на другую, а затѣмъ по совершеніи всего круга возвращаясь снова къ первой. Такимъ образомъ, мы уже не будемъ имѣть вполнѣ кочевого населенія и хозяйства, а лишь земледѣліе, постепенно переходящее въ состояніе осѣдлости [10]). Такого рода хозяйство мы находимъ мѣстами еще черезъ полторы и болѣе тысячи лѣтъ послѣ Тацита, въ эпоху т. наз. „ста-

---

[1]) Waitz. 102.
[2]) Eichhorn. Deutsche Staats und Rechtsgeschichte. 5. Aufl. I. p. 59.
[3]) Hanssen. I. p. 128.
[4]) Nec enim cum ubertate et amplitudine soli laborare contendunt (Cap. 26).
[5]) Cibi simplices, agrestia poma, recens fera aut lac concretum (Cap. 23).
[6]) De terra araturia 27 jurnales in tribus locis sitos (Codex Laureshamensis № 662).
[7]) Facilitatem partiendi camporum spatia praestant (Cap. 26).
[8]) Hanssen. I. p. 128—29. Ср. Müllenhoff. 365 и сл. 370.
[9]) Schrœder. p. 54—55. Еще раньше Arnold. p. VIII (Ansied.) и Hanssen (I. 79). Противъ этого Rachfahl. p. 163.
[10]) Вполнѣ осѣдлыми на территоріи между Эльбой, Дунаемъ и Рейномъ, а также по лѣвую сторону Рейна германцы становятся лишь въ IV вѣкѣ (Lamprecht).

раго порядка“ [1]); каждое поле обрабатывается разъ въ 8, 15 и даже болѣе — 20 и 30 лѣтъ, заростаетъ за это время кустарникомъ и даже лѣсомъ, и его приходится снова расчищать.

Частная собственность на землю отсутствовала еще и въ эпоху Тацита; однако и въ характерѣ землевладѣнія совершилась перемѣна. Въ гл. 26 читаемъ [2]): каждая община занимаетъ поочередно опредѣленную площадь земли, въ зависимости отъ числа членовъ общины, обрабатывающихъ землю (для расчистки и воздѣлыванія); но затѣмъ эта земля распредѣляется между отдѣльными лицами [3]), сообразно положенію каждаго [4]). Изъ этого видно, что земля принадлежала уже не всему племени какъ цѣлому, а отдѣльнымъ общинамъ. Кромѣ того обработка производилась не всѣми сообща, какъ при Цезарѣ, а каждымъ въ отдѣльности: ежегодно земля распредѣлялась между всѣми членами общины, такъ что каждый получалъ часть ея въ индивидуальное пользованіе.

Больше всего споровъ вызвалъ вопросъ о томъ, какъ слѣдуетъ читать слова Тацита: agri ab universis *invices* (vices, vice, in vicem—какъ находимъ въ различныхъ спискахъ) [5]) occupantur, или же необходимо ихъ исправить въ смыслѣ: „ab universis *vicis*“, какъ предлагаетъ Вайцъ [6]). Въ первомъ случаѣ получается: земли занимаются общинами поперемѣнно [7]) одна полоса за другой, по мѣрѣ ихъ использованія (или поперемѣнно отдѣльными общинами—передѣлы); а во второмъ случаѣ: земли занимаются всѣми селами; но все же дѣло касается лишь второстепеннаго вопроса, и пониманіе Тацита отъ того мало измѣняется [8]). Еще дальше въ этомъ отношеніи идетъ Бруно Гильдебрандъ, который заявляетъ, что „какъ ни верти in vices, все равно ни одного звука не получишь“, слѣдуетъ же читать vicinis, т. е. всѣми жителями (въ рукописи было написано, по его
in
мнѣнію, *vicis*, а переписчикъ это „in“ поставилъ ошибочно передъ „vicis“, вмѣсто того, чтобы вставить послѣ „c“ въ словѣ „vicis“). Наконецъ, Рахфаль утверждаетъ, что должно быть „invicem“, которое заимствовано Тацитомъ изъ Цезаря [9]) (кн. IV, гл. 12), гдѣ идетъ рѣчь о томъ, что свевы дѣлятся на двѣ части и поперемѣнно каждая изъ нихъ—invicem—то уходитъ на войну, то обрабатываетъ землю. Потому аналогично этому и слѣдуетъ понимать Тацита въ томъ

---

[1]) D'Avenel. Histoire de la propriété etc. T. I. p. 295. Sée. Les classes rurales en Brétagne du XVI siècle. p. 382—3.

[2]) Такъ переводятся обыкновенно слова Тацита: agri pro numero cultorum ab universis in vices (invicem) occupantur, quos mox inter se secundum dignationem partiuntur. Facilitatem partiendi camporum spatia praestant, arva per annos mutant et superest ager (Cap. 26).

[3]) По жребію (Бетманъ-Гольвегъ, Ганссенъ, Бруннеръ, Вайцъ).

[4]) Тудихумъ (p. 98) и Бетманъ-Гольвегъ, Civilprozess (p. 80—81) переводятъ secundum dignationem не въ смыслѣ различія въ положеніи отдѣльныхъ участниковъ, а въ смыслѣ различія въ качествѣ почвы, такъ что каждый получалъ часть какъ лучшей, такъ и худшей земли.

[5]) Въ Ватиканскомъ спискѣ 1862 г.—in vices, въ Ватиканскомъ 1518 г. и штутгартскомъ—vices, въ неаполитанскомъ—vice, въ Leydanus'ѣ—in vicem.

[6]) Waitz. I. p. 105. 134—5.

[7]) Другіе читаютъ: in vicos, per vicos; или даже вовсе вычеркиваютъ это слово какъ позднѣйшую вставку.

[8]) По поводу Тацита см.: Schröder. Rechtsgesch. 55—6. Brunner. Rechtsgesch. I. 86—7. Waitz. I. 2 Aufl. 133—4. Seebohm. Villainage community. 342—44. Müllenhoff. 370. Hanssen. 129—30. Thudichum. Staat. 96 и сл. Bethmann-Hollweg. Die Deutschen vor der Völkerwand. 10. Pollock. App. I. Maurer. Einleit. p. 92 и сл. Lamprecht. Deut. Wirtsch. I. 42. Langethal. Gesch. der Landwirtsch. I. 11. Meitzen. III. 586—87. Wopfner. Beit. zur. Gesch. der Markgenoss. 595 и сл. Hoops. Waldbäume und Kulturpflanzen. 1905 p. 522 и сл. Своеобразное толкованіе у Mucke. Urgeschichte des Ackerbaues und der Viehzucht. 1898. p. 139—151.

[9]) См. также Mucke. p. 142. Meitzen. Handwört. des Staatswiss. 3. Aufl. IV. 69.

смыслѣ, что каждый годъ лишь часть населенія, именно та, которая обрабатываетъ землю, занимаетъ ее [1]).

Толкованіе Рахфаля нѣсколько сходно съ тѣмъ объясненіемъ, которое даетъ Фюстель-де-Куланжъ, съ той, однако, существенной разницей, что Рахфаль, какъ и всѣ другіе интерпретаторы Тацита (касаясь лишь частностей), не сомнѣвается въ существованіи у германцевъ общинной собственности на землю, тогда какъ Фюстель идетъ дальше и отрицаетъ это, находя у Тацита индивидуальную собственность. Допуская, что Цезарь упоминаетъ объ отсутствіи частной собственности [2]), Фюстель толкуетъ Тацита въ томъ смыслѣ, что каждый разъ занимаютъ столько земли, сколько имѣется на-лицо людей для обработки ея, при чемъ, для большаго удобства, земля воздѣлывается послѣдними совмѣстно (ab universis слѣдуетъ читать: ab universis cultoribus). Они образуютъ извѣстныя ассоціаціи, но каждый при этомъ имѣетъ свою собственную часть; каждый разъ они переходятъ на другія земли; однако, въ виду небольшого количества лицъ, обрабатывающихъ землю, всегда остается много свободной земли [3]). Но что же это были за ассоціаціи, обрабатывавшія землю? Фюстель-де-Куланжъ на это отвѣчаетъ, что когда всѣ переходили съ одного мѣста на другое, то это дѣлалось вовсе не для того, чтобы обрабатывать землю на общинныхъ началахъ, а лишь для большаго удобства; они могли быть при этомъ дѣйствительными индивидуальными собственниками [4]), при чемъ, однако, ихъ право собственности не соединено съ опредѣленнымъ полемъ, но они его носятъ въ самихъ себѣ и попеременно примѣняютъ къ различнымъ участкамъ земли. „Такой видъ собственности—сознается онъ самъ—представляется намъ весьма страннымъ, но и Тацитъ, повидимому, былъ удивленъ этимъ, и объясняются такого рода условія, вѣроятно, существованіемъ какихъ-то ассоціацій первобытнаго характера, вызываемыхъ общностью интересовъ и плохой обработкой земли“ [5]). Такимъ образомъ, въ сущности онъ не даетъ никакого объясненія: между тѣмъ эти миѳическія ассоціаціи взаимопомощи, которыхъ онъ никакъ понять не можетъ, суть въ дѣйствительности тѣ самыя родовыя общины, которымъ и принадлежитъ земля,—никакихъ другихъ союзовъ въ эту эпоху нѣтъ и быть не можетъ. Вѣдь и самъ же онъ признаетъ [6]), что какъ наслѣдство, переходящее къ сыну, такъ и приданое и вира состоятъ у Тацита изъ рабовъ, лошадей, рогатаго скота, овецъ, оружія, но не изъ земельныхъ участковъ [7]), — лучшее подтвержденіе отсутствія частной собственности на землю; принадлежа цѣлой группѣ лицъ, земля и не могла составлять объекта гражданскаго оборота [8]).

Еще дальше идетъ Виттихъ. Онъ не только отрицаетъ общинную собственность у Тацита, но находитъ у него помѣстный строй, основанный на крѣпостномъ трудѣ [9]). Онъ ссылается на слова Тацита, что германцы прово-

---

[1]) Rachfahl. p. 179—80. Ср. Bethmann. p. 10. Thudichum. p. 97. Рахфаль вообще скептически относится къ Тациту, утверждая, что его разсужденія о германцахъ являются ничѣмъ инымъ, какъ плохой компиляціей, составленной на основаніи Цезаря (p. 184). Наоборотъ, Флейшманъ (Altgermanische und altrömische. Agrarverhältnisse in ihren Beziehungen und Gegensätzen. 1906. p. 1) находитъ свѣдѣнія Тацита весьма ясными и точными; напротивъ, данныя, сообщаемыя Цезаремъ, онъ называетъ неправдоподобными, противорѣчивыми, а частью даже совершенно невѣрными, которыми совсѣмъ не слѣдуетъ пользоваться.

[2]) Fustel de Coulanges. Recherches. p. 261—62. Questions historiques. p. 105.

[3]) Recherches. p. 263 и сл.

[4]) Или просто собственниками, ибо Фюстель-де Куланжъ не признаетъ общинной собственности, а знаетъ лишь слѣдующую альтернативу—либо собственность (т. е. частная), либо полное отсутствіе всякой собственности.

[5]) Recherches. p. 285—294.

[6]) Recherches. 243 и сл. 246—47.

[7]) Inter familiam et penates et iura successionum equi traduntur (Cap. 32); boves et frenatum equum et scutum cum framea gladioque (Cap. 18); equorum pecorumque numero convicti multantur (Cap. 12); luitur homicidium certo armentorum ac pecorum numero (Cap. 21).

[8]) Ср. Thudichum. Staat. p. 113.

[9]) Къ нему присоединяется Knapp. Grundherrschaft und Rittergut. p. 82—83 (германцы были мелкими помѣщиками). Еще раньше это высказывалъ Anton. Geschichte der deutschen Landwirtschaft. I. 24 (agri ab universis invicem occupantur онъ

цили свое время въ праздности или занятіяхъ общественнаго характера. Относительно же рабовъ Тацитъ говоритъ, что они, подобно римскимъ колонамъ, доставляли своему господину различные продукты въ видѣ хлѣба, скота и одежды [1]). Такимъ образомъ, эти рабы только и были земледѣльцами, свободные же германцы составляли классъ помѣщиковъ. Правда, Виттихъ замѣчаетъ, что такой выходъ противорѣчитъ другому указанію Тацита: полевыя работы производились по общему правилу самимъ домомъ и притомъ членами семьи, а не живущими на своихъ участкахъ рабами; но только онѣ выполнялись не мужчинами, которые предпочитали войну и охоту, съ одной стороны, бездѣлье и сонъ, съ другой стороны, тяжелому земледѣльческому труду и продолжительному выжиданію доставляемыхъ землей продуктовъ, а женщинами, стариками и другими слабыми членами семьи [2]). Но онъ старается примирить это со своей теоріей ссылкой на то, что обработка земли, производимая женщинами, стариками и т. д., могла являться лишь подсобнымъ промысломъ, который былъ настолько незначителенъ, что имъ могли заниматься наиболѣе слабые члены семьи. Основой, слѣдовательно, былъ доходъ, получаемый извнѣ, отъ рабовъ, поселенныхъ на принадлежащихъ свободнымъ германцамъ - помѣщикамъ участкахъ [3]). Въ другомъ мѣстѣ Виттихъ прибавляетъ, что предположеніе о томъ, что германцы сваливали всю работу на женщинъ, было бы несовмѣстимо съ тѣмъ высокимъ положеніемъ, которое послѣднія—по словамъ Тацита (гл. 8)—у нихъ занимали, что женщины, очевидно, руководили, завѣдывали хозяйствомъ, но вовсе не выполняли сами черную работу. Для послѣдней существовали рабы и наличность ихъ въ каждомъ хозяйствѣ была римлянину настолько понятна сама собой, что Тацитъ не считаетъ даже нужнымъ это особо подчеркивать. По количеству рабовъ, имѣвшихся въ каждомъ хозяйствѣ, у каждаго землевладѣльца, и распредѣлялась земля между германцами; такъ слѣдуетъ понимать слова „secundum dignationem“. Всякое иное распредѣленіе должно было бы повлечь за собой либо излишнее расточеніе, затрату рабочей силы, либо оставленіе земли безъ употребленія [4]).

Между тѣмъ, не говоря уже о томъ, что у Тацита нѣтъ и рѣчи о частной собственности на землю и что онъ какъ разъ наоборотъ подчеркиваетъ, что земледѣліемъ германцы занимались весьма мало, указаніе его на то, что полевыя работы сваливались на женщинъ и другихъ слабыхъ членовъ семьи, вполнѣ гармонируетъ съ тѣмъ, что намъ извѣстно относительно хозяйственнаго быта народовъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ культуры. Тамъ именно сильные—взрослые мужчины заставляютъ производить эти работы слабыхъ, прежде всего женщинъ: земля обрабатывается женщинами. Нѣтъ, слѣдовательно, ничего страннаго въ томъ, что свободныя германскія женщины занимались полевыми работами,—потому-то при покупкѣ жены и полагалась столь высокая цѣна, и нѣтъ ни малѣйшаго основанія говорить въ данномъ случаѣ о подсобномъ промыслѣ. Германцы же (мужчины)—какъ указываетъ Тацитъ занимались охотой. Такимъ образомъ, всѣ ихъ немногочисленныя потребности могли удовлетворяться собственнымъ же трудомъ. А слѣдовательно, и вся теорія о томъ, что необходимо долженъ былъ быть еще другой, основной источникъ дохода, теорія о первобытныхъ германцахъ какъ помѣщикахъ и о наличности въ видѣ общаго правила у нихъ рабовъ или крѣпостныхъ, совершенно падаетъ. О существованіи у германцевъ рабовъ въ видѣ общаго правила Тацитъ ничего не говоритъ; онъ не говоритъ даже, что каждый свободный гер-

---

переводитъ въ томъ смыслѣ, что помѣщикъ распредѣляетъ землю между крѣпостными крестьянами, которые ее попеременно обрабатываютъ). Возможность существованія (крупныхъ) помѣстій, обрабатываемыхъ колонами, допускаетъ и Фюстель-де-Куланжъ (Questions histor. p. 52), который не можетъ согласиться съ тѣмъ, чтобы аристократы сами воздѣлывали землю.

[1]) См. выше, цит. стр. 9.

[2]) Quotiens bella non ineunt, non multum venatibus, plus per otium transigunt, dediti somno ciboque, fortissimus quisque ac bellicosissimus nihil agens, delegata domus et penatium et agrorum cura feminis senibusque et infirmissimo cuique ex familia (Cap. 15).

[3]) Wittich. Grundherrschaft. Anl. p. 109*—111*.

[4]) Wittich. Die Frage der Freibauern. p. 252—61.

манецъ имѣлъ хотя бы одного раба [1]). Въ небольшомъ хозяйствѣ и на мелкихъ крестьянскихъ дворахъ древнихъ германцевъ не было мѣста для рабовъ, они могли быть лишь въ помѣстьяхъ королей и герцоговъ [2]). Шредеръ справедливо возмущается тѣмъ, что Виттихъ истолковалъ Тацита въ томъ смыслѣ, будто бы женщины лишь завѣдывали хозяйствомъ, ибо у Тацита прямо говорится, что онѣ сами работали [3]), и будто бы работы производились рабами, ибо Тацитъ заявляетъ, что рабы (поскольку они существовали) лишь доставляли продукты своего хозяйства. Еще болѣе пораженъ Шредеръ переводомъ словъ secundum dignationem—по количеству рабовъ. „Слова великаго римлянина много искажались,—говоритъ онъ—но этотъ переводъ переходитъ всякія границы. Возражать на него не приходится“ [4]).

Впрочемъ, еще задолго до Виттиха однородный взглядъ высказывалъ Денманъ Россъ; онъ утверждалъ, что германцы были землевладѣльцами, жившими отъ получаемыхъ ими рентъ, причемъ каждый занималъ столько земли, сколько въ состояніи былъ воздѣлывать при помощи своихъ рабовъ. Но только „по числу рабовъ“ заключается—по его толкованію—не въ словахъ Тацита „secundum dignationem“ (какъ полагаетъ Виттихъ), а въ выраженіи „pro numero cultorum“ [5]). Cultores—это рабы. Почему? На чемъ основано такое предположеніе? Толкованіе Росса столь же произвольно, какъ и изложенное выше предположеніе Виттиха.

Сибомъ указываетъ прежде всего на фразу Тацита, въ которой послѣдній обращаетъ вниманіе на то, что германцы, въ противоположность римлянамъ, не жили въ городахъ, а селились разбросанно, у источниковъ, на поляхъ и въ рощахъ, гдѣ каждому нравилось [6]). Но Тацитъ въ данномъ случаѣ—прибавляетъ онъ—имѣетъ въ виду лишь свободныхъ германцевъ, а не рабовъ, ибо въ слѣдующей фразѣ онъ говоритъ, что германцы даже въ своихъ селахъ не строятъ одно жилище подлѣ другого. У нихъ имѣлись, слѣдовательно, и села, и тѣ, кто жилъ разбросанно въ разныхъ мѣстахъ по своему выбору, не входили, очевидно, въ составъ селъ; въ нихъ мы должны видѣть предводителей племени и свободныхъ германцевъ, Послѣдніе становились осѣдлыми на болѣе или менѣе продолжительное время и присваивали себѣ землю, поселяя въ селахъ своихъ рабовъ, которые вели каждый собственное хозяйство. Такимъ образомъ, въ эпоху Тацита уже имѣлись вотчины, имѣлись помѣщики, которымъ принадлежалъ „мэноръ“, заселенный крѣпостными [7]).

И здѣсь совершенно произвольно обобщается указаніе Тацита на существованіе колоновъ—ибо мы находимъ у него замѣчанія, свидѣтельствующія о незначительномъ распространеніи несвободнаго состоянія, о томъ, что для германцевъ характернымъ является рядомъ съ „libertas“ (свободой) и „inopia“, т. е. бѣдность (Cap. 28), такъ что семьи огромной массы бѣдныхъ (plebs) вынуждены были обрабатывать сами землю. Точно также ни на чемъ не основано предположеніе, будто бы лица, которыя селятся отдѣльно по своему выбору, и тѣ, которыя живутъ въ селахъ, были не одни и тѣ же. Наоборотъ, и въ томъ и въ другомъ случаѣ подчеркивается раздѣльное поселеніе и указывается и въ отношеніи селъ, что дома окружены большимъ свободнымъ пространствомъ. Наконецъ, наиболѣе произвольнымъ является предположеніе, будто въ селахъ живутъ рабы и несвободные, чего не говорится нигдѣ, и будто села принадлежатъ предводителямъ племени—они, напротивъ, составляютъ собственность всей группы, которая на нихъ поселилась.

Своеобразную точку зрѣнія развиваетъ Рихардъ Гильдебрандъ. Онъ утверждаетъ, что германская марка, подобно русской общинѣ—по одному изъ существующихъ объясненій—образовалась какъ результатъ круговой поруки

---

1) Cp. Hildebrand. 2 Aufl. 42—3. Brunner. Nobiles und Gemeinfreie p. 105.
2) Schröder. Der altsächsische Volksadel. p. 375. Hildebrand. 101.
3) Такое же толкованіе находимъ у Seebohm'a и Флейшмана, а между тѣмъ оно не только противорѣчитъ тексту, но совершенно немыслимо на той ступени хозяйственной жизни, на которой мы находимъ германцевъ; какія помѣщицы тутъ могли быть!
4) Schroeder. 374—76.
5) Denman Ross. Early history of land-holding. p. 2—4.
6) Colunt discreti ac diversi, ut fons, ut campus, ut nemus placuit (Cap. XVI).
7) Seebohm. Villainage-community. Ch. IX. § 1.

при уплатѣ поземельной подати, возникла на почвѣ помѣстнаго строя. Свободной же общины никогда не было; въ эпоху Цезаря и Тацита не существовало ни частной, ни общинной собственности на землю, ибо земля имѣлась въ изобиліи и не было надобности въ установленіи такого права: было лишь право владѣнія или пользованія занятой племенемъ землей, которое предоставлялось исключительно членамъ этого племени. Гильдебрандъ, однако, упускаетъ изъ виду, что въ этомъ правѣ пользованія землей, которое принадлежитъ данному племени, и въ правѣ не допускать къ пользованію никого, кто не входитъ въ составъ этого племени, и выражается право распоряженія, право собственности на эту землю, субъектомъ котораго здѣсь является коллективное лицо—племя [1]).

ГЛАВА II.

Процессъ постепенной индивидуализаціи земельной собственности.

Лишь постепенно совершается переходъ отъ группового къ индивидуальному (или семейному) землевладѣнію. Такую переходную ступень М. М. Ковалевскій справедливо усматриваетъ въ Салической Правдѣ (lex Salica), наиболѣе ранніе списки которой относятся къ V вѣку.

Характернымъ для эпохи Салической Правды является широкое распространеніе скотоводства, о которомъ постоянно идетъ рѣчь въ этомъ памятникѣ, хотя стада не велики—рѣдко превышаютъ 7—12 штукъ лошадей, 12—25 головъ рогатаго скота, 6—50 свиней, 40—50 овецъ [2]). Особенно много Салическая Правда занимается свиньями, упоминая о многочисленныхъ видахъ и породахъ ихъ (свиньи, кабаны, вепри, поросята, различнаго возраста, качества, происхожденія) и устанавливая на каждый случай особое названіе, такъ что получается—по словамъ Лампрехта—«цѣлая свиная терминологія». Еще болѣе значеніе скотоводства по сравненію съ—очевидно, мало распространеннымъ—земледѣліемъ выражается въ томъ преимуществѣ, которое отдается интересамъ пастуха съ его стадомъ передъ интересами земледѣльца [3]). Въ тит. IX, §§ 1—3 прежде всего и ранѣе, чѣмъ идетъ рѣчь о чемъ-либо иномъ, говорится о нанесеніи ущерба животнымъ человѣкомъ, который захватилъ ихъ у себя на полѣ. Только въ § 4 наказуется порча жатвы чужимъ скотомъ, и притомъ лишь въ томъ случаѣ, если владѣлецъ скота отрицаетъ свою вину, такъ что, при отсутствіи послѣдняго обстоятельства, онъ, повидимому, лишь возмѣщаетъ нанесенный ущербъ [4]).

Si quis animal aut caballum vel qualibet pecus in messe sua invenerit, penitus eum vastare non debet... Si quis in messe sua pecora aliena invenerit, qui

---

[1]) Hildebrand. 2. Aufl. passim. Въ первомъ изданіи своего сочиненія Гильдебрандъ исходитъ изъ того, что германцы въ эпоху Цезаря находятся въ переходномъ состояніи отъ скотоводства къ земледѣлію, и строитъ на этомъ сложную теорію, въ значительной мѣрѣ соприкасающуюся со взглядами Мейцена. См. Meitzen Siedelungen. B. I. 138—39.

[2]) Lamprecht. Deutsch. Wirtschaftsleben. I. p. 10—12.

[3]) Въ Англіи въ саксонскій періодъ за порубку дерева полагался большій или меньшій штрафъ въ зависимости отъ числа свиней, которыя могли укрыться подъ его сѣнью отъ непогоды.

[4]) Halban-Blumenstok. I. p. 239—40.

pastorem suum non habent et eas inclauserit et nulli penitus innotescat et aliqua ex ipsis pecoribus perierit... Si alicuius porci aut qualibet pecora ipsum custodientem in messe aliena currerint...

Вообще—какъ указываетъ Галбанъ—въ старѣйшей редакціи Салической Правды [1]) нѣтъ полнаго и рѣшительнаго запрещенія пасти скотъ на чужомъ полѣ. Никто не можетъ запретить другому пасти свой скотъ послѣ снятія жатвы до новыхъ всходовъ; запрещается лишь проѣздъ чрезъ вспаханное поле [2]).

Что касается луговъ и сѣнокосовъ, то скосившій траву на чужомъ лугу обязанъ только оставить „свой трудъ", т. е. траву, тому, въ чьихъ рукахъ находится пользованіе лугомъ [3]), самый же захватъ луга не наказуется.

„Но такая защита—прибавляетъ М. М. Ковалевскій (I. 57) — принадлежитъ и любому члену сельской общины, который, слѣдуя обычаю, обноситъ присвоенный имъ на годъ участокъ степи; и онъ вправѣ повернуть въ свою пользу трудъ того, кто сниметъ траву въ предѣлахъ его заимки". Такимъ образомъ, наказаніе имѣетъ мѣсто лишь въ случаѣ взятія сѣна съ собой; лицо, въ пользованіи котораго находится лугъ, не можетъ требовать вознагражденія за то, что другой скосилъ его, и вынуждено удовлетвориться тѣмъ, что ему оставляется сѣно (Halban. p. 237, 240, 348).

Упоминается далѣе о веденіи общаго лѣсного хозяйства, причемъ запрещается мѣшать другимъ, портя и отнимая присвоенныя себѣ ими деревья. Каждый вправѣ топоромъ обозначить тѣ деревья, которыя онъ предполагаетъ срубить или выжечь въ теченіе ближайшаго года. По истеченіи года, если онъ не сдѣлалъ этого, деревья становятся снова общей собственностью.

Въ XXVII титулѣ говорится о томъ случаѣ, когда кто-либо вывозитъ лѣсъ изъ silva aliena (si quis ligna aliena in silva aliena furaverit), причемъ Шредеръ и Лампрехтъ указываютъ на то, что alienus здѣсь обозначаетъ лѣсъ, принадлежащій не другому частному лицу, а другой маркѣ, ибо о частныхъ лѣсахъ въ lex Salica нигдѣ рѣчи нѣтъ [4]).

Изъ § 17 этого титула видно, что различнымъ лицамъ принадлежатъ одинаковыя права въ отношеніи одного и того же лѣса, причемъ, однако, эти права извѣстнымъ образомъ регулируются, и существуетъ обязанность соблюдать интересы другого; очевидно, имѣется группа лицъ, которой принадлежитъ лѣсъ. Именно, чтобы указать границы своего индивидуальнаго присвоенія, заемщикъ обращается къ топору въ такой же степени, какъ къ плугу или

---

1) Въ томъ титулѣ, гдѣ рѣчь идетъ о защитѣ вспаханныхъ полей; титулъ называется: de damno in messe vel qualibet clausura inlatum.

2) Si quis per aliena messe, postquam levaverit, erpicem traxerit aut cum carro sine via transierit. Si quis per messe aliena iam palmitantem sine via transierit. То же читаемъ и въ тит. XXVII, повидимому, позднѣйшей редакціи: si quis in messe aliena pecus suum in furtum miserit—рѣчь идетъ только о порчѣ скотомъ воздѣланной земли и притомъ лишь о порчѣ намѣренной.

3) Si quis prato alieno secaverit opera sua perdat. Et si fenum exinde ad domum suam duxerit et discargaverit 45 sol.

4) Schröder. Forsch. XIX. 145. Lamprecht. I. 14. Inama (I. 97) возражаетъ противъ этого. Наоборотъ, Halban (I. 282) указываетъ на то, что и pratum alienum, на которомъ скошенное сѣно должно быть оставлено владѣльцу (см. выше), очевидно, обозначаетъ лугъ, пользованіе которымъ предоставлено иной, быть можетъ, многочисленной, группѣ лицъ. Важно во всякомъ случаѣ, что прилагательное alienus примѣняется къ лугамъ, на которыхъ выпасъ скота и иное пользованіе (съ оставленіемъ лишь скошеннаго сѣна) не запрещено всякому другому. Есть основаніе предполагать, что и silva aliena не лишаетъ другихъ правъ пользованія.

косѣ; посредствомъ помѣтки топоромъ (хотя бы съ одной только стороны) онъ обозначаетъ тѣ деревья, которыя онъ желаетъ срубить въ теченіе ближайшаго года. Si vero materio ex una parte dolato praesumpserit—3 sol. Si quis arborem post annum quod fuit signatus praesumpserit, nullam habeat culpam, — т. е. штрафъ въ три солида грозитъ только тому, кто въ теченіе года срубитъ помѣченное другимъ дерево.

Повсюду—при охранѣ скота и жатвы, при допущеніи выпаса скота на поляхъ и лугахъ, проѣзда по нимъ и т. д. [1]) обнаруживается, слѣдовательно, тотъ же принципъ: разграниченіе результатовъ пользованія недвижимостью отъ самой недвижимости, разграниченіе движимой и недвижимой собственности.

Этому послѣднему обстоятельству нисколько не противорѣчатъ статьи, трактующія о домѣ, жилищѣ. Обращается вниманіе только на самое строеніе; дворъ же, включающій въ себѣ помимо всѣхъ строеній и площадь земли, не составляетъ еще объекта законодательства. Жилище относилось къ числу движимостей, ибо, вслѣдствіе своего примитивнаго характера, допускало перенесеніе съ одного мѣста на другое. «Деревянныхъ половъ,—говоритъ М. М. Ковалевскій,—не было, иначе бы (въ титулѣ de chrenecruda) не говорилось о возможности набрать земли въ руку изъ четырехъ угловъ комнаты; не было также и потолка, иначе брошенный чрезъ отверстіе крыши камень не могъ бы грозить смертью или пораненіемъ лицамъ, пребывающимъ въ домѣ... Въ позднѣйшей добавкѣ предвидится даже случай кражи чужого дома, что, очевидно, возможно только при легкости постройки и возможности разобрать ее во всякое время» [2]). Такимъ образомъ, жилище, будучи движимымъ имуществомъ, не составляетъ исключенія изъ общаго правила, не знающаго частной собственности на недвижимое имущество, какъ таковое, а допускающаго лишь временное индивидуальное пользованіе имъ.

Въ то время, какъ lex Salica знаетъ сравнительно развитое право наслѣдованія движимостей и вполнѣ считается съ обращеніемъ движимостей и наложеніемъ взысканія на нихъ, — ей совершенно неизвѣстно ни обращеніе недвижимаго имущества, ни споръ о недвижимости. Упоминаются лишь частичныя нарушенія права на жилище, дворъ и землю, которыя разсматриваются какъ деликты [3]). Подобнымъ же образомъ и древнѣйшій вестготскій сборникъ законовъ не знаетъ продажи недвижимости [4]), а лангобардское право не допускаетъ обращенія взысканія на землю [5]). Какъ установилъ Зомъ, въ Салической Правдѣ понятіе facultas, fortuna, т. е. иму-

---

[1]) Въ отношеніи охоты и рыболовства lex Salica устанавливаетъ также наказаніе лишь за кражу рыболовныхъ орудій, словленныхъ рыбъ, убитыхъ звѣрей или употребляемыхъ на охотѣ животныхъ; но самое право охоты и рыболовства не охраняется, не принадлежитъ никому исключительно; не охраняется и право пчеловодства въ лѣсу, право собиранія плодовъ, ягодъ.

[2]) Ковалевскій, I. 57—58. Si quis casam alienam sine consilium domini sui traxerit (Тит. XXVII).

[3]) Bethmann-Hollweg. Civilprozess. p. 488—89. Sohm. Prozess der lex Salica. p. 173 и сл.

[4]) Sive mancipia sive quodlibet animalium genus venditur. Въ болѣе новомъ текстѣ прибавлено уже: sive terrae.

[5]) Только на движимости, въ томъ числѣ и инвентарь—servos, ancillas, vaccas, pecoras (по мнѣнію Озенбрюггена, и жилище въ качествѣ движимости—какъ и въ lex Sal. можетъ быть взято). Bethmann. Civilprozess. 367.

щество, совпадаетъ съ понятіемъ движимаго имущества; alodis—собственность, терминъ, примѣняемый впослѣдствіи только къ землѣ, здѣсь обозначаетъ совокупность движимостей, противополагаемую землѣ, которая не является частной собственностью, а только народнымъ богатствомъ [1]). Въ lex Salica нѣтъ и постановленій о наслѣдованіи недвижимостей—ни завѣщаніе, ни лишеніе наслѣдства, ни законныя части и т. д. не упоминаются. Единственный въ сущности случай перехода земли отъ одного лица къ другому составляетъ наслѣдованіе ея сыновьями и братьями [2]) [3]). Послѣднее, по мнѣнію Галбана, развилось изъ первоначальной обязанности марки заботиться о потомствѣ умершаго, именно путемъ отдачи этимъ лицамъ въ пользованіе какого-либо участка земли, ибо участокъ, принадлежавшій умершему, долженъ былъ возвратиться обратно въ общее пользованіе. Такая двойная процедура взятія маркой участка умершаго и отдача его снова сыновьямъ и замѣнилась болѣе простой: община предоставляетъ сыновьямъ дальше пользоваться участкомъ отца, передаетъ имъ непосредственно землю, которую обрабатывалъ отецъ. Съ внѣшней стороны,—заключаетъ онъ,—этотъ процессъ приближается къ праву наслѣдованія и несомнѣнно такой способъ передачи земли является основой его; но теоретически все же эта передача еще очень далека отъ наслѣдственнаго права [4]).

Въ тѣсной связи съ этимъ отсутствіемъ права распоряженія землей у отдѣльныхъ лицъ находятся тѣ указанія на роль марки какъ субъекта права собственности, которыя мы находимъ въ извѣстномъ титулѣ «de migrantibus», явившемся предметомъ оживленныхъ споровъ въ исторической литературѣ. Какъ указали еще Эйхгорнъ, Гераръ, Вайцъ и Гарсоне, этотъ титулъ свидѣтельствуетъ о томъ, что свободные земледѣльцы образовывали группы, замкнутыя по своему характеру. Постороннія лица могли войти въ ихъ составъ лишь въ случаѣ единогласнаго согласія всѣхъ участниковъ. Если кто-либо—говорится тамъ—пожелаетъ поселиться въ селѣ на участкѣ другого, то, хотя бы имѣлось согласіе многихъ лицъ, принадлежащихъ къ этому селу, достаточно протеста одного противъ принятія его, чтобы ему не было разрѣшено переселиться. Если пришелецъ все-таки поселится, то тотъ, кто протестовалъ противъ этого, можетъ опредѣленнымъ въ законѣ путемъ заставить его уйти, но обязанъ сдѣлать это въ теченіе 12 мѣсяцевъ, иначе теряетъ право протеста; пришелецъ теряетъ то, что онъ произвелъ, и уплачиваетъ пеню въ 30 солидовъ [5]) [6]).

---

[1]) Sohm. Die Altdeutsche Reichs und Gerichtsverfassung. p. 117 и сл.

[2]) L. Sal. 59. 4. De terra vero nulla in muliere hereditas est, sed ad virilem sexum, qui fratres fuerint, tota terra pertineat.

[3]) Bethmann-Hollweg. p. 488.

[4]) Halban. I. p. 284—86. 351 и сл. 368—69.

[5]) Слова „super alterum“ мы переводимъ по наиболѣе распространенной версіи (Schröder. Die Franken. p. 55. и сл. Maurer. Einleit. 144. Lamprecht. I. 46. Sybel. Entstehung des Königtums. 53. Viollet. Bibl. de l'école des chartes. p. 496 и сл. Thidichum. Gau und Markverfass. 221 и сл. Gierke. Rechtsgesch. d. Genoss. 76. Wopfner. Mitteil. XXIV. p. 12.), тогда какъ Вайцъ (Verf. Gesch. 3. Aufl. II. 1. 92) и Зомъ (Prozess der Lex Salica. p. 14—18) понимаютъ ихъ въ смыслѣ поселенія кого-либо на принадлежащей маркѣ пустоши, которую онъ воздѣлываетъ безъ согласія членовъ марки.

[6]) Изъ этого же видно, что—какъ указываетъ Мауреръ (Einleit. p. 142—3)—годичнаго безпрепятственнаго пользованія землей было достаточно для пріобрѣ-

Si quis super alterum in villa migrare voluerit, si unus vel aliqui de ipsis qui in villa consistunt eum suscipere voluerit, si vel unus exteterit qui contradicat migranti ibidem licentiam non habebit. Si vero contra interdicto unius vel duorum in villa ipsa adsedere praesumpserit, tunc ei testare debet et si noluerit inde exire, ille qui testat cum testibus sic ei debet testare: hic tibi testo in hac nocte proxima quod lex Saliga hebet sedeas. Si vero quis migraverit et intra XII menses nullus testatus fuerit, securus sic ut et alii vicini maneat (Tit. 4, 5).

Такимъ образомъ, рядомъ съ индивидомъ, права котораго охраняются, имѣются, очевидно, еще и другія лица, пользующіяся правами на тѣ же вещи. Недостаточно согласія даннаго лица на поселеніе въ его домѣ или на его участкѣ и даже приглашенія его къ себѣ, а необходимо еще и согласіе, хотя бы молчаливое, другихъ лицъ, очевидно, потому, что существуетъ верховное право собственности этой группы лицъ на землю.

Въ болѣе позднемъ текстѣ находимъ и объясненіе этого: нужно согласіе марки на пользованіе лугами, водами, выгонами [1]), пользованіе которыми, очевидно, сопряжено съ владѣніемъ участкомъ [2]).

Противъ такого толкованія возсталъ однако Фюстель-де-Куланжъ, заявивъ „со свойственнымъ ему умѣніемъ лишать источники германскаго права всякаго содержанія“ (Галбанъ), что нигдѣ нѣтъ слова „omnes“; не говорится о согласіи всѣхъ, не встрѣчается далѣе ни одного слова, которое бы обозначало марку, общину, и фразу „одинъ или нѣсколько“ немыслимо истолковывать подобнымъ образомъ. Онъ не допускаетъ мысли, чтобы человѣку, легальнымъ способомъ поселившемуся и получившему землю, могли помѣшать въ этомъ другіе жители, а тѣмъ болѣе могъ воспрепятствовать одинъ человѣкъ при согласіи всѣхъ другихъ, чтобы могли помѣшать въ томъ сосѣди, ибо слово vicini, по его мнѣнію, обозначаетъ не что иное, какъ сосѣди въ томъ смыслѣ, какъ это мы понимаемъ въ настоящее время. Нѣтъ рѣчи,—говоритъ Фюстель,—о какихъ-либо собраніяхъ участниковъ марки для обсужденія вопроса; дѣйствуетъ все время одинъ лишь человѣкъ, и его воля уничтожаетъ волю всѣхъ другихъ, что является весьма страннымъ въ свободной общинѣ. Онъ самъ полагаетъ, что рѣчь идетъ о насильственномъ захватѣ (super alterum обозначаетъ то же, что contra voluntatem alterius) участка, принадлежащаго одному лицу на правѣ частной собственности, кѣмъ-то другимъ, въ отсутствіи перваго; но онъ не въ состояніи объяснить, при чемъ же тутъ vicini, съ какой стати и по какому праву совершенно постороннія лица, другіе собственники, вмѣшиваются въ захватъ помѣстья чужого человѣка [3]). Очевидно, собственникъ можетъ самъ защищаться, и едва ли можно ставить его судьбу въ зависимость отъ воли сосѣдей. Какъ справедливо указываетъ Глассонъ, такой системы мы ни въ одномъ законодательствѣ не находимъ. Разъ vicini могутъ вмѣшиваться въ это дѣло, то, стало быть, они обладаютъ какими-то правами на захваченный участокъ; очевидно, этотъ участокъ принадлежитъ не только лицу, которое въ данномъ случаѣ сидитъ на немъ, но и всѣмъ его сосѣдямъ; очевидно, рѣчь идетъ о какой-то организаціи. Возраженіе Фюстель-де-Куланжа, что слово „omnes“ (всѣ) нигдѣ не встрѣчается, Глассонъ называетъ „дѣтскимъ“, ибо слова, что достаточно протеста одного, равнозначущи указанію на необходимость согласія всѣхъ [4]). Въ своемъ буквальномъ толкованіи текстовъ

тенія правъ на послѣднюю и для вступленія въ число членовъ марки, какъ это существовало и впослѣдствіи.

[1]) Extravag. B. 11. Non potest homo migrare nisi convicinia et herbam et aquam et viam [concedente].

[2]) См. Halban. p. 255. Viollet, Hist. des instit. polit. I. 313. М. М. Ковалевскій, I, стр. 62—63. Противъ этого Dopsch. Wirtschaftsentwickl. des Karolingerzeit. I. 349. и Markgenossenschaft. p. 410.

[3]) Fustel de Coulanges. Nouvelles récherches. p. 327—61. Etudes sur le titre de la loi Salique de migrantibus. L'alleu et le domaine rural. p. 187 и сл. Questions historiques. p. 90—91.

[4]) Glasson. Les communaux. p. 39 и сл. Ср. его-же Institutions de la France. T. III. p. 75 и сл. См. также Varrentrapp. Recht der germ. Marken in Hessen. I. 243.

*

Фюстель-де-Куланжъ здѣсь дѣйствительно дошелъ до смѣшного; но и его возраженіе, что въ законѣ нѣтъ слова „община", немногимъ лучше. Въ древнѣйшемъ правѣ мы въ огромномъ большинствѣ случаевъ не находимъ точнаго указанія тѣхъ или иныхъ существующихъ институтовъ или правоотношеній—такое обозначеніе замѣняется описаніемъ даннаго учрежденія; задача историка состоитъ въ томъ, чтобы, на основаніи этихъ, указываемыхъ въ источникахъ признаковъ, выяснить, о какихъ правовыхъ институтахъ рѣчь идетъ въ данномъ случаѣ.

Въ lex Salica сдѣланъ первый шагъ къ установленію частной собственности: земля переходитъ по наслѣдству къ сыну и брату или, вѣрнѣе, пользованіе ею имъ передается. Дальше идетъ въ этомъ направленіи эдиктъ Хильпериха (561—584). Если,—говорится въ немъ,—кто-либо, будучи членомъ марки, умираетъ и оставляетъ сыновей и дочерей, то наслѣдуютъ ему сыновья, согласно Салическому Праву; въ случаѣ же смерти сыновей, наслѣдуютъ дочери на тѣхъ же основаніяхъ, какъ если бы это были сыновья; если же и дочерей нѣтъ, то земля переходитъ къ брату и къ сестрѣ, а не къ маркѣ.

Simili modo placuit atque convenit, ut quicumque vicinos habens aut filios aut filias post obitum suum superstius fuerit, quamdiu filii advixerint, terra habeant, sicut et lex Salica habet. Et si subito filios defuncti fuerint filia simili modo accipiant terras ipsas, sicut et filii si vivi fuissent aut habuissent. Et si moritur, frater alter superstius fuerit, frater terras accipiant non vicini. Et subito frater moriens, frater non derelinquerit superstitem, tunc soror ad terra ipsa accedat possidenda (Capit. V).

Очевидно, до этого эдикта земля, въ случаѣ отсутствія сыновей, переходила къ общинѣ; Хильперихъ же измѣняетъ это правило, допуская, при отсутствіи сыновей и дочерей, брата и, наконецъ, сестру умершаго; къ общинѣ же земля не возвращается вовсе или, во всякомъ случаѣ, лишь при отсутствіи и сестры [1]). Здѣсь „происходитъ передъ нами борьба между новой индивидуальной и прежней групповой собственностью, между семьей и общиной",—послѣдняя все болѣе и болѣе теряетъ свои первоначальныя права на землю.

Фюстель-де-Куланжъ и здѣсь отказывается признать остатки общинной собственности, находя, что vicini вовсе не обозначаетъ участниковъ марки; что нигдѣ въ законѣ не говорится о томъ, что прежде земля переходила при отсутствіи сыновей къ vicini, и это указаніе на то, что vicini не должны захватывать землю, могло имѣть въ виду предупрежденіе злоупотребленій въ будущемъ. При этомъ онъ самъ прямо отказывается дать какое-либо объясненіе, говоря, что и самыя слова vicinos habens, т. е. имѣя сосѣдей (такъ онъ переводитъ), совершенно непонятны: кто же не имѣетъ сосѣдей? [2]). Глассонъ по этому поводу замѣчаетъ, что Фюстель упускаетъ изъ виду тотъ элементарный принципъ, что эдикты изданы исключительно съ цѣлью замѣны существующаго порядка инымъ, и поэтому слова: „non vicini" прямо свидѣтельствуютъ о томъ, что до этого эдикта господствовалъ обычай перехода земли къ vicini [3]). Еще болѣе искусственнымъ является объясненіе Допша, также утверждающаго, что „vicini" обозначаетъ сосѣдей. На вопросъ, кто же не имѣетъ сосѣдей, онъ отвѣчаетъ: могли быть собственники, единственными сосѣдями которыхъ были дремучіе

---

[1]) См. Gierke. Erbrecht und Vicinenrecht im Edikt Chilperichs. Zeitschr. für Rechtsgesch. B. 12. p. 436 и сл., а также Schröder. Die Franken etc. p. 54 и сл.

[2]) Fustel. L'alleu. p. 190—91. Récherches. p. 302. Quest. histor. p. 33. Съ нимъ соглашается Thevenin, Bibl. 1887. Hildebrand. p. 162.

[3]) Glasson. Les communaux. p. 44 и сл.

лѣса, воды или пустоши. А съ другой стороны, онъ не усматриваетъ ничего страннаго въ томъ, что при отсутствіи сыновей наслѣдуютъ сосѣди, ибо они нерѣдко помогали въ расчисткѣ лѣсовъ, тогда какъ прочіе родственники, быть можетъ, жили въ другой деревнѣ. Мало того, впослѣдствіи дѣйствительно существовали извѣстныя права наслѣдованія у ближайшихъ сосѣдей. Но Допшъ тутъ же признаетъ, что это право сосѣдства содержало многое изъ того, что сторонники теоріи марки относятъ къ правамъ участниковъ послѣдней [1]). Слѣдовательно, существовала какая-то связь между умершимъ и его сосѣдями; это не были просто лица, съ землей которыхъ граничили его владѣнія.

Наконецъ, переходя къ Рипуарской Правдѣ (lex Ribuaria), мы замѣчаемъ, что индивидуализація земельной собственности сдѣлала еще большіе успѣхи.

Lex Ribuaria относится, повидимому, къ болѣе позднему времени, по крайней мѣрѣ, по сравненію съ ранними списками Салической Правды; по Майру и Бруннеру, Рипуарская Правда возникла въ первой половинѣ VII вѣка, по мнѣнію другихъ, позже—въ VIII ст.; и содержаніе и построеніе ея свидѣтельствуютъ во всякомъ случаѣ о томъ, что составители ея были знакомы съ (древнѣйшими) списками Салической Правды и пользовались ими.

Въ то время, какъ Салическая Правда, говоря о наслѣдованіи, рѣзко разграничиваетъ движимую и недвижимую собственность, Рипуарская говоритъ о hereditas вообще, въ которую, очевидно, входятъ и недвижимости. Ей уже извѣстно наслѣдованіе женщинъ и боковыхъ родственниковъ, а не однихъ только сыновей. При этомъ мужская линія исключаетъ женскую, восходящіе призываются къ наслѣдованію при отсутствіи дѣтей, при отсутствіи же восходящихъ—боковые родственники первой степени; если же и ихъ нѣтъ, то имущество переходитъ къ сестрѣ по матери и къ сестрѣ по отцу. Право наслѣдованія прекращается только въ пятомъ поколѣніи. Лишь въ отношеніи hereditas aviatica (въ отличіе отъ terra salica) существуетъ особое наслѣдственное право, исключающее женщинъ.

Tit LVI. Si quis absque liberis defunctus fuerit, si pater materque subrectis fuerint in hereditate succidant. Si pater si materque non fuerint, inter frater et soror succidant. Sin autem nec eos habuerunt, soror matris patrisque succedat. Deinceps usque quinto genuclo, qui proximus fuerat, in hereditatem succedat. Sed cum virilis sexus extederit, femina in hereditate aviatica non succedat.

Однако, было бы слишкомъ поспѣшно дѣлать изъ этого выводъ, что индивидуальная собственность уже вполнѣ установилась. Какъ указываетъ Бетманъ, въ старѣйшихъ спискахъ Рипуарской Правды (отъ начала VI вѣка) иски и взысканія съ недвижимаго имущества отсутствуютъ [2]), и только въ послѣдуюшихъ дополненіяхъ и вставкахъ появляется гражданскій процессъ изъ-за недвижимостей [3]).

---

[1]) Dopsch. Wirtschaftsentwickl. I. 348 и въ особ. Markgenossenschaft. p. 411 и сл. См. критику его: Wopfner. Beiträge. III. p. 25 и сл. и Zur Frage der Markgenoss. Тамъ-же. B. 34. p. 736.

[2]) Bethman—Hollweg. p. 489—90. Зомъ (Altdeutsche Reichs-und Gerichtsverfass. I. p. 121—23) указываетъ на то, что еще и впослѣдствіи для удовлетворенія истца необходима была конфискація недвижимости королемъ.

[3]) Такими дополненіями являются тит. LIX и LX, гдѣ идетъ рѣчь о пріобрѣтеніи двора, виноградника или иного предмета. Si quis villam aut vineam vel quamlibet possessiuncalam ab alio comparaverit et testamentum accipere non potuerit.

Далѣе Рипуарская Правда—въ противоположность Салической Правдѣ—караетъ высокимъ штрафомъ того, кто такъ или иначе завладѣлъ хотя бы самой ничтожной частью чужого поля, и даже допускаетъ возможность задержанія человѣка, проникщаго въ предѣлы чужого участка [1]). Но въ то же время въ другихъ мѣстахъ [2]) обнаруживается значительное сходство съ lex Salica. Прежде всего охраняется скотъ, попавшій на чужое поле, отъ владѣльца послѣдняго, и лишь затѣмъ и поле, попорченное скотомъ. Упоминается о деревьяхъ, никому не принадлежащихъ, т. е. о лѣсахъ, которые никто не вправѣ себѣ присвоить, но которые могутъ быть въ любое время использованы членами общины—параллель Салической Правдѣ, гдѣ отдѣльнымъ лицамъ предоставляется посредствомъ отмѣтки топоромъ оставлять за собой на годъ опредѣленныя деревья.

Такимъ образомъ, лишь медленно и постепенно групповая собственность уступала мѣсто индивидуальной; лишь съ большимъ трудомъ институтъ индивидуальной собственности на землю прокладывалъ себѣ дорогу въ законодательствѣ и народномъ сознаніи.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что и помимо требованія марки, чтобы послѣ смерти владѣльца земля возвращалась къ ней, что явствуетъ изъ эдикта Хильпериха (см. выше, стр. 20), у марки существовало еще другое средство, которое также препятствовало установленію полной индивидуальной собственности и которое могло сопровождаться отнятіемъ части земли еще при жизни владѣльца. Такое значеніе имѣли общинные передѣлы, перераспредѣленіе земель; оно первоначально производилось ежегодно, впослѣдствіи рѣже, но еще долго не было окончательно забыто, поскольку существовали свободныя селенія. Въ томъ случаѣ, когда обнаруживалось значительное земельное неравенство среди отдѣльныхъ поселянъ, послѣдніе требовали и добивались новаго передѣла земли. Нельзя ни въ коемъ случаѣ отказывать въ новомъ распредѣленіи общинной неогороженной земли на равныхъ началахъ между всѣми участниками — читаемъ въ lex Burgundionum [3]). О земляхъ, подлежащихъ ежегодному передѣлу, говорится въ одной грамотѣ 815 года—terrae anales (annales) [4]). Наконецъ, весьма существеннымъ препятствіемъ къ установленію на практикѣ индивидуальной земельной собственности являлся крайне экстенсивный характеръ земледѣлія. Въ эту эпоху еще не было трехпольнаго зернового хозяйства, а господствовала переложная система или иная система хозяйства, при которой подъ запашку поступала каждый разъ лишь незначительная часть земли, тогда какъ вся остальная площадь оставалась подъ лѣсомъ и выгонами. При

---

1) Si quis hominem super res suas comperhenderit et eum ligare voluerit. Наказывается тотъ, кто воспротивится задержанію скота, попавшаго на чужое поле. Si quis peculium in messe adprehenso ad paricum minare non permisserit XV solidis culpabilis iudicetur.

2) Lex Ribuar. Tit. LXXXII, § 2. Tit. LXX, § 1.

3) Agri communis nullis terminis limitati exaequationem inter consortes nullo tempore denegandum. Lex. Bnrgund. Add. I. T. I. Cap. V.

4) Anales terras, mancipia, prata, pascua, vineas, aquas. Neugart. Codex diplom. Alemanniae. T. I. № 282. Мауреръ (Einleitung. p. 8) читаетъ: annales. Также и Glasson. Institutions. III. 72. Возраженія противъ этого Фюстель-де-Куланжа и его собственное предложеніе читать: areales (Alleu, p. 181—82, Questions, p. 34—35) ни на чемъ не основаны.

такихъ условіяхъ, когда послѣ жатвы полоса земли снова бросалась на много лѣтъ и служила все это время общиннымъ пастбищемъ, когда, слѣдовательно, земледѣлецъ лишь разъ въ 10—20 лѣтъ безраздѣльно могъ пользоваться своею собственностью и время общиннаго пользованія землей на много превышало время частнаго пользованія, — интересъ къ установленію индивидуальной собственности не могъ быть великъ; стремленіе къ превращенію владѣнія въ собственность, при фактической невозможности использованія послѣдней, не могло наблюдаться часто. Подобно lex Salica, и lex Alamannorum (76, 2), а равно lex Baiuvariorum (XIV, стр. 17) допускаетъ свободный выгонъ скота на нивы и сѣнокосы послѣ снятія жатвы. Изъ одного памятника VIII или IX ст. видно, что состоящій въ частной собственности участокъ признается не подлежащимъ общинному пользованію лишь въ силу спеціальнаго постановленія о томъ короля [1]).

Такая система пользованія полями послѣ жатвы въ качествѣ общинныхъ выгоновъ господствовала повсюду еще много столѣтій спустя — commonable, openfields въ Англіи, vaine pâture во Франціи, Gemeinweide, Gemeinheiten въ Германіи мы находимъ еще въ XVIII вѣкѣ.

И въ Англіи въ саксонскую эпоху конфискація захватываетъ исключительно движимость; терминъ achte, который употребляется въ этихъ случаяхъ, означаетъ только движимое имущество, въ противоположность „are“, которое указываетъ на землю. Переживаніемъ этого саксонскаго положенія является кентское правило, не допускавшее конфискаціи земли даже въ феодальную эпоху. Это отсутствіе конфискаціи является результатомъ принадлежности земли не отдѣльному лицу, а цѣлому роду, цѣлой общинѣ. О такой общинѣ упоминается въ законахъ Ине (конца VII вѣка), гдѣ говорится объ отвѣтственности кэрлей, лично-свободныхъ крестьянъ, которые держатъ сообща лугъ или пахотное поле, за потраву, произведенную скотомъ, проникшимъ на это поле или лугъ; всѣ обязаны участвовать въ постановкѣ изгородей въ предупрежденіе подобныхъ случайностей. Однако, еще и впослѣдствіи распоряженіе народной землей — folcland, которая составляетъ первоначальную и древнѣйшую форму землевладѣнія, возникшую вмѣстѣ съ саксонскимъ завоеваніемъ, ограничено волей общины, которой она принадлежитъ. Изъ грамоты XI вѣка мы можемъ усмотрѣть, что folcland не наслѣдуется женщинами, что его вообще нельзя завѣщать, ибо земля эта находится лишь въ пользованіи отдѣльнаго лица, „а не въ частной его собственности, принадлежащей въ сущности тому родовому или общинному союзу, къ которому онъ самъ принадлежалъ“. Лишь мало-по-малу устанавливается свобода распоряженія и для народной земли въ видѣ разрѣшенія продавать и дарить ее безъ всякихъ ограниченій, хотя остатки общиннаго землевладѣнія сохраняются и впослѣдствіи въ видѣ пользованія общинными угодьями, пастбищами и лѣсомъ [2]).

Любопытно, что и тогда, когда пахотная земля уже составляла частную собственность, очень часто луга находились въ общинномъ пользованіи, при которомъ каждый разъ предъ началомъ сѣнокоса лугъ подвергался передѣлу; распредѣленіе производилось по жребію (lot meadow), такъ что отдѣльные члены общины не знали заранѣе, какую часть они получатъ; такъ какъ луга не требуютъ обработки, то нѣтъ надобности пріурочивать ихъ каждому отдѣльному лицу для постояннаго пользованія [3]). Дѣйствительно, луга и

[1]) Ut eadem possessio solis regibus haereditario iure subiecta sit in perpetuum et nullus de pagensibus ibi aliquid commune habeat, nisi forte precario.—Ut pascua communia in agris habeamus, a. 855.

[2]) Виноградовъ. Соц. ист. Англіи и т. д.

[3]) Нассе, рус. пер., 13—14.

лѣса оставались долѣе всего общинной собственностью, при чемъ и самое пользованіе имѣло общинный, а не индивидуальный характеръ. Въ Бургундской Правдѣ мы находимъ указанія какъ на поступленіе сѣнокосовъ подъ общій выпасъ, такъ и въ особенности на существованіе общинныхъ лѣсовъ—римляне и бургунды владѣютъ сообща лѣсомъ (тит. XIII), а въ тит. XXIII говорится о правѣ забирать въ любомъ частномъ лѣсу матеріалъ для топлива. Въ lex Visigothorum предоставляется каждому поселянину пасти въ общинномъ лѣсу извѣстное количество свиней, пропорціонально размѣрамъ его пахоти. Тамъ же идетъ рѣчь объ общинномъ пользованіи травой на неогороженныхъ участкахъ.

Si quis tam Burgondio quam Romanus in silva communi exartum fecerit, aliud tantum spatie de silva hospiti suo consignet, et exartum, quem fecit remota hospitos communione possideat.—Si quis Burgondio aut Romanus silvam non habet incidendi ligna ad usos suos de iacentivis et sine fructu arboribus in cuius libet silva habeat liberam potestatem (L. Burg. XXVIII). Ut nullus de alterius silva quamvis prius inveniat aves tollere praesumat: nisi eius commarcanus fuerit (L. Baiuv., 22, 11). Quia illis (consortibus) usum herbarum, quae conclusae non fuerant, constat esse communem (L. Wisig. VIII, 5, 5).

Различныя грамоты Санъ-Галленскаго архива говорятъ о правѣ пользованія пастбищами, лѣсами и водами марки, какъ о правѣ, предоставленномъ всякому гражданину (члену марки?); такое право считается принадлежностью всякаго жителя марки или прямо признается за владѣльцемъ той или другой hoba, colonia или mancipium. Общинное пользованіе лѣсомъ упоминается не только въ грамотахъ XII вѣка, но и еще значительно позже [1]) [2]).

Общинная теорія (ср. Meitzen, I, p. 20 и сл.) создана (въ началѣ XIX ст.) датскимъ землемѣромъ, впослѣдствіи академикомъ, Олуфсеномъ, который во время своей практической дѣятельности нашелъ на межевыхъ картахъ остатки земельныхъ передѣловъ. На его сообщенія обратилъ вниманіе Ганссенъ, который и построилъ теорію германской марки. „Марка возникла — говоритъ онъ—изъ совмѣстнаго занятія земли союзомъ равноправныхъ главъ семействъ, которые имѣли право пользоваться землей одинаковаго количества и качества, лежащей на равномъ разстояніи отъ двора, на равное число лѣтъ, а также правомъ выпаса одинаковаго числа головъ скота на общинномъ выгонѣ". (Agrarhist. Abh. I, p. 2—3). За Ганссеномъ послѣдовали Мауреръ, Гирке, Рошеръ, Нассе, Бруннеръ и Шредеръ въ Германіи, Лавеле въ Бельгіи, Глассонъ, Віоле и Гарсоне во Франціи, Мэнъ и Спенсеръ въ Англіи, П. Г. Виноградовъ и М. М. Ковалевскій у насъ—и общинная теорія получила всеобщее распространеніе и стала господствующей догмой въ наукѣ. Если въ послѣднее время нѣкоторые кирпичи изъ прежняго стройнаго зданія и выброшены, то все же въ своихъ основахъ оно стоитъ крѣпко, и противники не въ состояніи поколебать его. Едва-ли не наиболѣе важнымъ аргументомъ ихъ является указаніе на то, что въ различныхъ варварскихъ „Правдахъ" встрѣчаются въ примѣненіи къ землѣ мѣстоименія suus, alienus или слова dominus, villa, которыя переводятся какъ Фюстель-де-Куланжемъ (L'alleu, p. 104), такъ и въ значительной мѣрѣ Инама-Стернеггомъ (I, p. 97) и Мейценомъ, отчасти и Вайцомъ (II. 1. 3. Aufl. p. 90—1), въ томъ значеніи, какое они имѣютъ въ кодексѣ Юстиніана; (ср. Ковалевскій I, 57). При этомъ они упускаютъ изъ виду, что alienus примѣняется къ полю, на которомъ, по снятіи жатвы можно, пасти скотъ, и messis sue есть лугъ, на

[1]) Sicut alii cives ligna et materiam cedendi potestatem habeam. a. 861.—Quibus homo in communi saltu uti potest.—In hac silva nullus nostrum privatim habeat aliquid sed communiter pertinebat at omnes villae nostrae incolas, a. 1174.

[2]) Ср. для Англіи: Виноградовъ. Средневѣковое помѣстье, стр. 181.

которомъ нельзя помѣшать другому косить сѣно — и то и другое прилагательное обозначаетъ очевидно не собственника, а человѣка, который имѣетъ право пользоваться землей на извѣстное время. Такое значеніе имѣетъ и „dominus“, подъ которымъ необходимо разумѣть лишь господина, т. е. человѣка, который господствуетъ надъ другими, при чемъ, однако, еще неизвѣстно, на чемъ основывается это господство. Villa во многихъ случаяхъ прямо идентифицируется съ понятіемъ марки: in villa sive marca, in villa vel marca, in eadem marca villave — говорится въ различныхъ памятникахъ IX вѣка (ср. Maurer. Einleit. 45). Впрочемъ. Инама, хотя и утверждаетъ, что франки не только пользуются недвижимостью, но и являются собственниками двора и сада, поля и жатвы и даже луговъ и лѣсовъ, но все же указываетъ на существованіе значительныхъ ограниченій въ правѣ собственности, исходящихъ отъ общины, на упоминаніе объ общинныхъ земляхъ, на право членовъ общины пасти скотъ на полѣ другого послѣ жатвы, на совмѣстное пользованіе выгонами и лѣсами (Inama, I, p. 36—8, 97—100, 106—7). И Вайцъ вынужденъ признать, что хотя поля и луга, иногда и лѣсъ, принадлежатъ каждому на основаніи права собственности, но имѣются и общинные лѣса, даже общинныя поля, упоминается и о правѣ наслѣдованія, принадлежащемъ членамъ общины (II. 1, p. 92). Отчасти это допускаетъ и Мейценъ (I, 583, 587—8, 528—31, 572). Въ другомъ мѣстѣ (Handwört. der Staatswiss. 3 Aufl. IV. Feldgemeinschaft) Мейценъ признаетъ, что въ варварскихъ „Правдахъ“ рѣчь идетъ о поселеніяхъ лицъ, принадлежащихъ къ той же племенной группѣ, что послѣ смерти кого либо изъ членовъ группы и при отсутствіи у него наслѣдниковъ, земля переходитъ къ ней, что безъ разрѣшенія послѣдней никто изъ членовъ не можетъ передать свою землю постороннему лицу, что лѣса и выгоны находятся въ общемъ пользованіи; только наличность передѣловъ пахотныхъ полей онъ считаетъ недоказанной, хотя допускаетъ существованіе ихъ среди извѣстныхъ группъ населенія. Только на Фюстель-де-Куланжа (къ нему примыкаютъ Denman Ross. Land-holding и Thévenin. Bibl. de l'école des hautes études. 1887) и такія указанія въ памятникахъ не произвели никакого впечатлѣнія. Даже такой случай, когда на общинномъ полѣ кто-либо развелъ виноградникъ, для чего требуется согласіе всѣхъ участниковъ, Фюстель толкуетъ въ томъ смыслѣ, что campus communis не представляетъ собою принадлежащую всѣмъ землю, а поле, которое по неизвѣстной причинѣ осталось нераздѣльнымъ у двухъ собственниковъ (Récherches, p. 306).

Наоборотъ, такіе термины, какъ proprium, possessio, выраженіе, какъ dono, trado atque transfundo perpetualiter ad possidendum, онъ выставляетъ на первый планъ, дѣлая при этомъ двойную ошибку. Онъ упускаетъ изъ виду, съ одной стороны, что нельзя ограничиваться дословнымъ переводомъ этихъ выраженій въ томъ смыслѣ, какой они имѣли въ римской имперіи, а съ другой стороны, что упоминаніе о частной собственности не доказываетъ еще отсутствія земельной общины. Даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ продолжало господствовать римское право, оно вынуждено было приспособиться къ нуждамъ и потребностямъ германскаго населенія. Различные юридическіе институты, въ частности собственность, претерпѣли измѣненія соотвѣтственно правовымъ взглядамъ населенія, къ которому они примѣнялись и которое не знало совершенно строгаго римскаго понятія собственности. Мало того—какъ указываетъ Галбанъ—самое римское государство подъ вліяніемъ соображеній публично-правового, въ частности фискальнаго характера, сильно подорвало институтъ частной собственности, вызывая сомнѣніе въ наличности частной собственности у пріобрѣтателей agri questorii, а также создавая двусмысленное положеніе относительно сдаваемыхъ въ аренду agri censorii, къ которымъ примѣнялось неопредѣленное выраженіе „veneunt locanturque“. Все это приводило къ тому, что во многихъ случаяхъ возникалъ вопросъ, пріобрѣтается ли путемъ данной сдѣлки собственность, или же только сервитутъ, или пользованіе на основаніи контракта найма — матеріальное содержаніе понятія собственности во всякомъ случаѣ сокращается. Рядомъ съ собственностью возникаетъ цѣлый рядъ параллельныхъ образованій, весьма сходныхъ, но содержащихъ во многихъ случаяхъ очень мало юридическихъ элементовъ и лишь по своему фактическому характеру приближающихся къ собственности и при конкуренціи съ ней лишающихъ ее всякаго содержанія. Такимъ образомъ, въ римское право была внесена большая путаница и оно совершенно не способно было поддержать чистую форму частной

собственности. Послѣдняя должна была снова постепенно выработаться подъ вліяніемъ хозяйственныхъ условій, пройдя предварительно черезъ рядъ промежуточныхъ формъ.

Въ такомъ ограниченномъ видѣ собственность встрѣчается уже весьма рано и въ германскихъ источникахъ. Фюстель упрекаетъ Маурера въ томъ, что изъ многочисленныхъ traditiones VIII—XIV ст. онъ выхватилъ всего 20 документовъ, въ которыхъ рѣчь идетъ объ общинной собственности, какъ будто бы не было вовсе остальныхъ (около 10 тысячъ), изъ которыхъ видно господство частной собственности на землю (Quest. hist., p. 37—39). Но онъ забываетъ о томъ, что весь интересъ заключается именно въ институтѣ, характеризуемомъ немногими приводимыми Мауреромъ памятниками, ибо они свидѣтельствуютъ о сохранившихся еще долго пережиткахъ прежде господствовавшаго порядка. Не могутъ же эти акты быть случайными, хотя такое объясненіе иногда даетъ Фюстель. Сколь бы незначительно ни было ихъ число, они несомнѣнно указываютъ на то, что распространяющаяся частная собственность является чѣмъ-то новымъ, институтомъ, который лишь постепенно вытѣсняетъ марку.

ГЛАВА III.

Образованіе крупныхъ помѣстій.

Въ такихъ странахъ, какъ Англія, прирейнскія государства, сѣверная Франція, которыя получили сплошное германское населеніе и гдѣ римское населеніе растворилось среди „варваровъ", аграрный строй покоился на господствѣ крестьянской марки. Въ тѣхъ странахъ, напротивъ, гдѣ и послѣ образованія варварскихъ монархій сохранилось многочисленное римское населеніе, какъ, напр., въ южной Франціи, Италіи, сохранился и римскій аграрный строй, частная земельная собственность осталась преобладающей формой землевладѣнія [1]).

Но и въ другихъ странахъ, даже въ тѣхъ, которыя никогда не входили въ составъ римской имперіи, весьма рано появляется категорія земель, на которыя существуетъ частная собственнность. Именно, гораздо раньше, чѣмъ общинныя земли успѣли превратиться въ индивидуальную собственность, возникла частная собственность на два вида земель: во-1-хъ, на земли пустопорожнія и, во-2-хъ, на земли, отнятыя у другихъ племенъ. По субъекту эта первоначальная форма частной собственности (собственности на незанятыя и завоеванныя земли) представляла собою собственность короля; король былъ первымъ частнымъ собственникомъ.

Уже въ Рипуарской Правдѣ лѣсъ, еще никѣмъ незанятый, отождествляется съ лѣсомъ, принадлежащимъ королю (in silva communi seu regis, tit. 76). Генрихъ II отдаетъ монастырю Эйнзидельнъ (въ Швейцаріи) въ 1018 г. лѣсъ, въ которомъ онъ построенъ, такъ какъ этотъ лѣсъ еще никому не принадлежалъ и, слѣдовательно, составлялъ собственность короля—какъ говорится въ грамотѣ. Silvam quandam incultam et ab hoc regie proprietati deputatam, in qua prefatum monasterium situm est.

Къ этимъ двумъ видамъ земель присоединялись въ качествѣ третьяго, составлявшаго также индивидуальную собственность короля—конфискованныя земли, ибо король пользовался правомъ конфискаціи земель. Однако,

---

[1]) См. объ этомъ гл. IV.

къ словамъ: confiscatio in fisco (т. е. конфискація въ пользу фиска) впослѣдствіи сдѣлано добавленіе: aut cui fiscus dare voluerit, т. е. или въ пользу того, кому фискъ передастъ землю. Послѣднее давало королю возможность устанавливать индивидуальную собственность и въ пользу иныхъ субъектовъ права, слѣдовательно, частная собственность устанавливалась и на другія земли, на земли, не находившіяся въ рукахъ короля. Такимъ субъектомъ индивидуальной собственности является прежде всего церковь, которая весьма скоро добилась для себя цѣлаго ряда исключеній изъ общихъ правилъ, съ цѣлью сосредоточенія въ своихъ рукахъ земельной собственности. Въ декретѣ Хлотаря II (нач. VII ст.) говорится (§ 10), что даренія умершихъ въ пользу церкви не могутъ быть никѣмъ присвоены, а въ lex Saxonum (тит. VII) церковь ставится на равную ногу съ королемъ—въ пользу нихъ (но никого другого) можно завѣщать свое имущество помимо наслѣдниковъ [1]. Еще дальше идетъ въ этомъ отношеніи Lex Alamannorum. Здѣсь запрещается всякое противодѣйствіе дареніямъ, дѣлаемымъ въ пользу церкви, хотя бы предметомъ этихъ дареній были земли и даже личность самаго дарителя (тит. I) [2]. Такимъ образомъ, рядомъ съ новымъ субъектомъ права собственности (не только король, но и церковь) возникаетъ—это чрезвычайно важно—и новый объектъ: земли марки, которыя также могутъ отчуждаться въ пользу церкви. Наконецъ, индивидуальная собственность устанавливается вообще во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда владѣніе принимается съ разрѣшенія и согласія короля. Салическая Правда говоритъ о правѣ короля потребовать принятія общиной новаго поселенца (тит. XIV, 4), Рипуарская Правда о силѣ, которую придаетъ владѣнію засвидѣтельствованіе его королемъ. Въ формулахъ Маркульфа (VII—IX ст.) допускаются сдѣлки на недвижимости съ вѣдома и согласія короля, а въ одномъ случаѣ даже говорится: то, что совершено въ нашемъ присутствіи или нашей рукой передано кому-либо, должно оставаться навсегда крѣпкимъ и ненарушимымъ [3]. Въ связи съ этимъ находится дальнѣйшее расширеніе правъ распоряженія недвижимымъ имуществомъ вообще, которое мы находимъ въ капитуляріяхъ IX вѣка: допускаются взысканія съ недвижимости (Cap. 816, § 5); признается право дарственнаго распоряженія и въ отношеніи свѣтскихъ лицъ, а не только церкви (Cap. 817). Наконецъ, устраняется протестъ членовъ марки противъ появленія новыхъ поселенцевъ (Cap. 819), который допускался—какъ мы видѣли выше — Салической Правдой; послѣдніе теперь свободно селятся на земляхъ марки.

Исходную точку въ этомъ установленіи частной собственности составляетъ римское право, которымъ воспользовался и король, проводя принципъ, что вся публичная собственность принадлежитъ фиску—въ Англіи это представленіе распространяется послѣ завоеванія норމановъ—и церковь для полученія въ свои руки общинныхъ земель [4]. Для послѣдней важно было не

---

[1]) Nulli liceat traditionem hereditatis suae facere praeter ad ecclesiam vel regi ut heredem suum exheredem faciat.

[2]) Si quis liber res suas vel semet ipsum ad ecclesiam tradere voluerit, nullus habeat licentiam contradicere ei, non dux, comes nec ulla persona.

[3]) Quisquis enim in praesentiam nostram agetur vel per manu nostra videtur esse transvulsum volumus et iubemus, ut maneat in posterum robustissimo iure firmisismo

[4]) Pollock. 30—34. 36.

столько установленіе охраны земель отъ захвата, сколько прежде всего разрѣшеніе всякому отчуждать принадлежащую ему землю, не взирая на другихъ членовъ общины и родственниковъ и безъ ихъ согласія [1]); ибо это открывало путь всѣмъ вѣрующимъ отдавать свои земли церкви. Притомъ, какъ видно изъ приведенныхъ выше постановленій, свобода распоряженія вводилась, главнымъ образомъ, въ смыслѣ свободы даренія при жизни и еще болѣе на случай смерти. Церковь вовсе не имѣла въ виду покупать земли— купля-продажа была въ эту эпоху вообще еще весьма рѣдкой сдѣлкой,—а старалась получить ихъ безвозмездно отъ тѣхъ, кто этимъ достигалъ цѣлей религіознаго характера—спасенія души.

Именно такой свободой распоряженія характеризуется англійскій bocland, т. е. земля, полученная на основаніи грамоты, первоначально лишь путемъ пожалованія королемъ,—новый видъ землевладѣнія, возникающій позже folcland'а и въ противоположность послѣднему. „Это право распоряженія настолько существенно, что законодатели иногда ищутъ особаго его подтвержденія, а въ дарственныхъ записяхъ иногда подчеркивается, что составлявшій ихъ дѣйствительно могъ дать земли кому хотѣлъ". Въ этомъ смыслѣ bocland называется terra testamentalis, hereditaria, libera; этимъ имѣется въ виду отмѣтить свободную передачу ея по наслѣдству, помимо вліянія членовъ рода. Для церкви этотъ видъ передачи стоялъ на первомъ планѣ, и вліяніе ея открыло дорогу новымъ порядкамъ, которые противорѣчили основанному на общинныхъ началахъ народному праву (folk-riht). Представляя собою долгое время явленіе исключительное, bocland впослѣдствіи сильно расширяется на счетъ folcland'а — въ XI ст. онъ составляетъ значительную площадь земель.

Установленіе индивидуальной собственности привело къ соціальной дифференціаціи населенія. И прежде земли распредѣлялись (по Тациту) secundum dignationem, т. е. одни (предводители—magistratus ac principes) получали больше, другіе меньше. Но все же, за исключеніемъ военачальниковъ, позже герцоговъ и конунговъ и ихъ приближенныхъ, не было значительныхъ различій въ соціальномъ и экономическомъ положеніи. Вся масса народа представляла собою нѣчто однородное, состояла изъ многочисленныхъ мелкихъ свободныхъ земледѣльцевъ. Съ теченіемъ времени это измѣнилось. Новыя войны, заканчивавшіяся присоединеніемъ земель покоренныхъ племенъ, создавали въ рукахъ королей и герцоговъ обширныя земельныя владѣнія, ибо при занятіи какой-либо территоріи они въ качествѣ военачальниковъ получали наибольшую часть земель [2]). Далѣе, пустопорожнія и никому не принадлежащія земли уже въ эпоху Меровинговъ считались собственностью короля; Каролингамъ на этомъ основаніи принадлежало свыше пятнадцати обширныхъ лѣсовъ и огромныя пустоши въ различныхъ мѣстностяхъ (Панноніи, Тюрингіи, Саксоніи и т. д.). Конфискація имущества преступниковъ составляла важное средство обогащенія какъ для баварскихъ герцоговъ, такъ и для франкскихъ королей; борьба изъ-за престола приводила каждый разъ къ конфискаціи имущества претендента, потерпѣвшаго пораженіе.

[1]) Interrogabat coram omnibus vicinis et cognatis suis si potenter potuisset res suas ad domum Dei tradere.

[2]) Хлодвигъ, разбивъ алемановъ, присвоилъ себѣ ихъ земли по лѣвой сторонѣ Рейна, частью раздавъ ихъ дружинникамъ, Карлъ Вел.—земли убитыхъ или переселенныхъ въ другія мѣста, саксовъ, послѣ побѣды надъ ними; послѣ сверженія баварскаго герцога, конфискованы были его земли.

Значительную часть всѣхъ этихъ земель короли и герцоги сохраняли въ своихъ рукахъ. По Гюлльману въ эпоху Каролинговъ имѣлось 123 упоминаемыхъ въ источникахъ вотчины, Инама насчиталъ ихъ 170 [1]), не считая Вюртемберга съ 31, Австріи съ 150 и т. д.; Лампрехтъ, принимая для германскихъ странъ приблизительную цифру въ 150 помѣстій, получаетъ 375 кв. миль корол. земель [2]). Но еще больше земель короли раздарили своимъ приближеннымъ и церкви. Будучи прежде всего военачальниками — duces, короли сохраняли свою власть лишь до тѣхъ поръ, пока въ состояніи были посредствомъ богатыхъ даровъ окружать себя большимъ количествомъ приближенныхъ; да и сообща захваченная на войнѣ добыча принадлежала не только предводителю, но и его помощникамъ. Отсюда возникли обширныя владѣнія свѣтской аристократіи: duces mei et domestici spatiosas suscipiunt villas—жалуется король уже въ VII ст. (vita Eligii). Еще больше, однако, пріобрѣла церковь.

Какъ установилъ Бруннеръ [3]) въ связи съ изслѣдованіями Вайца [4]), даренія Меровинговъ, какъ и баварскихъ герцоговъ (агилульфинговъ), бургундскихъ и англо-саксонскихъ королей, хотя и разсматривались какъ установленіе права собственности въ пользу одаряемаго, но представляли собою собственность ограниченную и условную. Ограниченную въ томъ смыслѣ, что они переходили только къ опредѣленнымъ наслѣдникамъ—нисходящимъ и не могли быть отчуждены безъ согласія дарителя. Въ дарственныхъ грамотахъ говорится спеціально о томъ, что дареніе должно перейти къ сыновьямъ, а не къ кому-либо иному; когда земля отчуждается, то прибавляется согласіе короля или герцога [5]). Во многихъ случаяхъ (даренія Меровинговъ) послѣ смерти одареннаго земля возвращается обратно къ фиску; король распоряжается сплошь и рядомъ землями, относительно которыхъ упомянуто, что онѣ раньше находились въ рукахъ того или иного лица; однако же о переходѣ этихъ земель къ королю на основаніи какого-либо титула нѣтъ рѣчи. Съ другой стороны, самое установленіе дареній находится уже въ эту эпоху въ связи съ обязанностью одаряемаго сохранять вѣрность (fides) королю или герцогу и нести ему службу—только на это время [6]) и баварскій герцогъ Тассило, и англо-саксонскіе короли, и Меровинги дарятъ землю. Въ случаяхъ же нарушенія вѣрности (infidelis) земля отнимается. Отсюда уже былъ всего одинъ шагъ до полнаго установленія феодализма съ его вассальной іерархіей и условной собственностью на землю, за которую вассалъ обязанъ своему сюзерену службой и повинностями.

Если короли и не имѣли въ виду установить полной и неограниченной собственности, а считали себя вправѣ послѣ смерти одареннаго, а въ случаѣ нарушенія имъ вѣрности, и до его смерти, взять землю обратно, то одаренные стараются установить наслѣдственность ея—наслѣдственность леновъ, и послѣдняя создается черезъ посредство пожалованія сыну (въ IX вѣкѣ) отцовскаго бенефиція. Карлъ Лысый въ 877 г. заявляетъ, что сына умершаго графа онъ утвердитъ во всѣхъ ленахъ послѣдняго (Cap. Cadisiacum). Но еще гораздо дальше идетъ церковь: она уже весьма рано установила принципъ, что тотъ,

---

[1]) Изъ нихъ половина находилась въ странѣ франковъ, 50 въ землѣ алеманновъ.

[2]) Hüllmann. Gesch. des mitt. Finanzwes. Inama. Deut. Wirtschaftsgesch. I. 281. Grossgrundherrsch., p. 25—42. Lamprecht. Deut. Wirtschaftsleb. II.

[3]) Brunner. Die Landschenkungen der Merowinger und der Agilolfinger. Sitzungsber. der königl. preuss. Akad. der Wiss. 1885. p. 1173 и сл.

[4]) Waitz. Verfassungsgesch. B. II. 1 (3. Aufl.).

[5]) A. 772. Per consensu Tassiloni atque licenciam villam propriam... tradedi... dono enim prænotatum beneficium tam pro domno Tassilonem, qui mihi inspiratione divina hoc largitus est donare. Marculf. I. 14—15. Quicquid exinde facire voluerint, ex permisso nostro liberam in omnibus habeant potestatem.

[6]) Quamdiu stabiles fœdere servassent apud principem serviendum sibi (баварск. декр.). Eo videlicet iure si ipse nobis et opiimatibus nostris fidelis manserit minister et inconvulsus amicus (англосакс.—Ihne).

кто отнимаетъ у нея подаренное, самъ ли даритель, или наслѣдники его, или кто-либо другой, является врагомъ церкви (Баварская Правда). Для дареній, производимыхъ въ пользу церкви, Меровинги—въ противоположность дареніямъ свѣтскимъ лицамъ—признаютъ не временную, а вѣчную собственность: in perpetuum [1]). Впрочемъ, послѣдующія конфискаціи церковныхъ земель въ IX—X ст. свидѣтельствуютъ о томъ, что и въ отношеніи этихъ дареній принципъ этотъ еще долго не былъ твердо установленъ.

Пространство церковныхъ владѣній быстро возрастало. Уже Хильперихъ (ум. въ 584 г.) жаловался, что его казна совершенно опустѣла и всѣ богатства перешли въ руки церкви [2]); въ VIII ст. собственность церкви въ Галліи, по Роту, составляла третью часть всей заселенной территоріи. Карлъ Вел. спрашиваетъ (Cap. 811, c. 4), неужели духовенство, столь стремящееся къ увеличенію своихъ владѣній, понимаетъ это подъ „отказомъ отъ міра сего". Хотя не только при немъ (и еще раньше при Пипинѣ), но и при Людовикѣ Благ. и его преемникахъ бывали случаи конфискаціи церковныхъ земель и захвата ихъ свѣтскими вотчинниками [3]), но въ результатѣ въ концѣ періода Каролинговъ, вслѣдствіе возвращенія части отнятаго и присоединенія къ нему многочисленныхъ новыхъ дареній, получились еще болѣе обширныя владѣнія епископскихъ каѳедръ, аббатствъ, монастырей и капитуловъ. Обычнымъ имуществомъ небольшого монастыря являлось 200—300 гуфъ, средняго 1—2 тыс., большого 3—8 тыс., почему санктъ-галленская обитель, имѣвшая всего 4 тыс. гуфъ, т.-е. огромныя земли, считалась весьма бѣдной. Въ графствѣ Нортумберлендскомъ болѣе половины земель принадлежало четыремъ монастырямъ. Любопытно, что, не имѣя непосредственныхъ данныхъ относительно сосредоточенія земель въ рукахъ свѣтской аристократіи, мы можемъ себѣ, однако, составить представленіе о нихъ изъ тѣхъ дарственныхъ грамотъ, которыми эти лица передаютъ имущества въ пользу церкви. Эти даренія, нерѣдко огромныхъ размѣровъ, составляютъ лишь часть ихъ помѣстьевъ и все же расположены часто въ 8, 15 и 23-хъ различныхъ мѣстностяхъ, включаютъ въ себѣ отъ 50 до 100 и 150 крестьянъ.

Не только государи и землевладѣльцы, располагавшіе обширными пространствами земли, но и лица малосостоятельныя, мелкіе собственники и цѣлыя марки (при постройкѣ новаго храма они отдавали часть общинныхъ угодій), подъ вліяніемъ религіознаго чувства, раздавали земли въ пользу церквей и монастырей. Уже Баварская Правда постановляетъ, что если свободный человѣкъ желаетъ для спасенія души принести въ даръ свое имущество церкви, то онъ можетъ произвести раздѣлъ со своими сыновьями и свободно распоряжаться своею частью; никто, даже король, не можетъ ему помѣшать въ этомъ.

Развивалось ученіе, что въ дареніяхъ этихъ выражается любовь къ Богу, что подаянія равносильны молитвѣ, что самая возможность дарить составляетъ благословеніе Божіе, и дареніе есть искупленіе человѣческихъ недостатковъ и

[1]) Brunner. Landschenkungen der Merowinger. p. 1187. 1193.

[2]) Ecce pauper remansit fiscus noster, ecce divitiæ nostrae ab ecclesiis sunt translatae.

[3]) См. Dopsch. I. p. 213 и сл.

[4]) L. Baiuv I. 1. Licentiam habeat de portione sua postquam cum filiis suis partivit. Ср. постановленіе Syn. Dingolfing. a. 772. c. 6: ut si quis de nobili genere de hereditate sua voluisset dare ad sanctuarium Dei, in sua potestate esset, nemo prohibuisset.

средство достиженія вѣчнаго блаженства [1] [2]). Рядомъ съ этими ученіями, которыя приводили къ институту индульгенцій (возможности пожертвованіями въ пользу церкви искупить грѣхи прошлые и будущіе), существовала и теорія принадлежности всей земли Богу, почему дареніе ея является въ сущности лишь обратнымъ возвращеніемъ имущества. Если же наслѣдники или родственники требовали себѣ подареннаго обратно, то церковь грозила имъ адскими муками. Но еще и впослѣдствіи, даже въ XI ст. родственники вправѣ были опорочить сдѣлку, если не выразили своего согласія при заключеніи ея, а получить согласіе всѣхъ представлялось нерѣдко дѣломъ совершенно невозможнымъ. Въ виду этого, церкви приходилось иногда отдавать даръ обратно явившемуся вдругъ сородичу; поэтому даритель нерѣдко долженъ былъ обязаться бороться противъ такихъ лицъ.

Религіозные мотивы передачи земли церкви имѣли несомнѣнно большое значеніе, особенно въ концѣ X ст., когда въ 1000 г. ожидали конца міра. При этомъ нерѣдко дарители выговаривали себѣ служеніе монастыремъ панихидъ послѣ ихъ смерти и поминовеніе въ богослуженіяхъ. Рядомъ съ ними, однако, на первый планъ выступали чисто мірскіе интересы со стороны дарителя. Захватившіи не принадлежавшую ему землю, онъ разсчитывалъ сохранить пользованіе ею за собой, передавая собственность на нее церкви и выговаривая себѣ лишь право пожизненнаго владѣнія. Или же, наоборотъ, лица, потерявшія надежду вернуть себѣ обратно отнятую у нихъ землю, безъ большой жертвы для себя предоставляли свое право какому-либо монастырю, которому такъ или иначе удавалось извлечь извѣстную выгоду изъ этого [3]). Иногда монастыри старались привлекать къ себѣ даренія тѣмъ, что даритель получалъ обратно въ пользованіе болѣе значительный участокъ, чѣмъ онъ отдалъ монастырю; но свою собственность онъ при этомъ терялъ [4]). Но еще чаще, повидимому, бѣдственное положеніе дарителя и притѣсненія его болѣе сильными заставляли передавать свою землю церкви, поступая этимъ подъ ея защиту. Нерѣдко даритель сохраняетъ за собой пожизненное право пользованія землей, съ тѣмъ, что послѣ его смерти земля переходитъ къ церкви. Голсдъ, какъ мотивъ отдачи своей земли и свободы, признается и lex Saxonum 63, и lex Frisonum, упоминается въ капитуляріяхъ и встрѣчается въ формулахъ и другихъ источникахъ, какъ вещь вполнѣ обычная; постоянно говорится объ отдачѣ земли за пропитаніе и одежду. Но не меньшую роль играли и насильственныя дѣйствія властъ имущихъ, которые захватываютъ земли у населенія или заставляютъ продавать имъ эти земли, сгоняютъ младшихъ и болѣе слабыхъ и стараются подчинить ихъ своей волѣ.

. Duplum accipiatur ex rebus eccleasiae, in suo tantum qui dederit nomine, si res proprias et ecclesiasticas usufructuario tenero voluerit. Si autem res proprias ad praesens dimiserit ex rebus ecclesiasticis triplum fractuario usu in suo tantum qui nomine sumat. (Capit. a 845 c. 22).

---

[1]) Pro remedio animae nostrae et peccaminum nostrorum remissione.

[2]) Даренія въ пользу церкви Липпертъ (Kulturgeschichte. II) приводитъ въ связь съ древнѣйшимъ обычаемъ давать душѣ что-либо съ собой при переходѣ ея въ другой міръ. Первоначально это происходило въ видѣ зарыванія вмѣстѣ съ умершимъ необходимыхъ ему предметовъ, его имущества; впослѣдствіи же замѣнилось передачей имущества посредникамъ между этимъ и загробнымъ міромъ, т.-е. духовенству, для открытія душѣ доступа въ рай.

[3]) D'Avenel. Histoire de la proptiété etc. I. p. 190.

[4]) Dopsch. I. 188 и сл.

Nulli liceat traditionem hereditatis suae facere nisi forte famis necessitate coactus (L. Sax. 62). Si liber homo spontanea voluntate vel forte necessitate coactus mobili seu libero seu etiam lito in personam et servitium liti se subdiderit (L. Fris. XI. 1).

Ut victum et vestimenta habuissem (Trad. Sangall. 725 n. 139; 827 n. 311). Sterilitas et inopia precinxit (Form. Andeg. 19).

Cap. 816. Qui inter eos maiores et potentiores erant eos qui inter ilelos minores et infirmiores erant ad eisdem locis depellere aut sibi ad servicium subicere conati sunt. Cap. 805. c. 16. De oppressione pauperum liberorum hominum ut non fiant a potentioribus per aliquod malum ingenium contra iustitiam oppressi, ita ut coacti res eorum vendant vel tradant. Cap. 811. c. 3. Pauperes se reclamant expoliatos esse de eorum proprietate et hoc aequaliter clamant super episcopos et abbates et eorum advocatos ét super comites et eorum centenarios.

Случаи условной передачи недвижимости церкви, т. е. даренія (traditio) подъ условіемъ полученія обратно въ пользованіе (precario) для себя, иногда и для наслѣдниковъ, повидимому, происходили уже въ эпоху Каролинговъ гораздо чаще, чѣмъ это думали. Дѣло въ томъ, что во многихъ случаяхъ записывались только traditiones, precariae же не вносились, ибо—какъ объясняетъ переписчикъ — eadem precariae sive prestariae morte eorum, qui eas precario acceperant, vim et locum amiserint (т. е. вслѣдствіе смерти лицъ, получившихъ землю въ пользованіе, потеряли смыслъ и значеніе). Первыя вѣдь являлись передачей собственности, вторыя—уступкой лишь временнаго пользованія [1]).

Короли вынуждены заботиться о томъ, чтобы людямъ, не имѣющимъ покровителей, пріискали таковыхъ родственники. Такими патронами и являлись духовные и свѣтскіе землевладѣльцы, которые всячески старались облегчить лицамъ, передающимъ имъ землю, вступленіе въ ихъ власть (бенефиціальное владѣніе), сохраняя за ними пользованіе землей и не требуя никакихъ опредѣленныхъ платежей, выговаривая себѣ лишь право на землю послѣ смерти даннаго лица или нѣсколькихъ лицъ.

Результатомъ всего этого и было то, что нерѣдко въ Англіи, „тамъ, гдѣ до завоеванія сидѣло десять или двѣнадцать свободныхъ, водворяется одинъ норманскій баронъ или аббатъ“. Въ сѣверной Италіи, въ особенности въ Тосканѣ, уже въ VIII вѣкѣ обнаруживаются громадныя скопленія земли въ рукахъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ [2]). Но и во Франціи, какъ и въ нынѣшней западной Германіи (чѣмъ ближе къ Рейну, тѣмъ чаще), какъ справедливо подчеркиваетъ Допшъ, уже въ эпоху Меровинговъ распространяются крупныя помѣстья. Все же вплоть до IX вѣка,—какъ установилъ А. Д. Удальцовъ,—мы находимъ рядомъ съ ними многочисленныя деревни, состоящія изъ мелкихъ и крупныхъ крестьянъ, частью бѣдныхъ, частью весьма зажиточныхъ, встрѣчаемъ и помѣстья не только крупныя, но и мелкія [3]). Лишь начиная съ IX ст., въ особенности же въ X — XI вѣкѣ крупныя помѣстья становятся господствующимъ явленіемъ. А въ тѣсной связи съ этимъ постепенно исчезаетъ мелкое крестьянское землевладѣніе. Правда, послѣднее не исчезло вполнѣ еще, и впослѣдствіи мы находимъ свободное держаніе въ различныхъ формахъ, на что также обращаетъ

---

[1]) См. Hübner. Die donationes post obitum und die Schenkungen mit Vorbehalt des Niessbrauchs. 1888 (Gierkes Untersuchungen zur deutsch. Staats u. Rechtsgesch. B. 26). p. 89.99 и др. Dopsch. Wirtschaftsentwickl. I. 87 и сл. 184 и сл. Roth. Benefizialwesen и его же. Feudalität und Untertanenverband, passim.

[2]) Виноградовъ. Происхожд. феод. отнош. въ Италіи. Журн. Мин. Нар. Пр. Авг., 880 г., стр. 246 и сл.

[3]) Удальцовъ. Свободная деревня въ Зап. Нейстріи. Журн. Мин. Нар. Пр. 1912. Окт. 324—25. Нояб. 38 и сл.

вниманіе Допшъ, находя преувеличеннымъ мнѣніе Маурера, Инама, Лампрехта о вытѣсненіи крупнымъ землевладѣніемъ мелкаго [1]). Но во всякомъ случаѣ крупная собственность становится господствующей, мелкая же лишь въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ сохраняется въ значительномъ количествѣ, занимаетъ сплошныя пространства. Сильный ущербъ мелкая земельная собственность терпѣла какъ подъ вліяніемъ насилій со стороны могущественныхъ сосѣдей или должностныхъ лицъ, такъ и по причинѣ невыгодныхъ матеріальныхъ условій (обѣднѣніе). Приходилось выбирать меньшее изъ двухъ золъ—передачу своей земли сильному и переходъ во власть его на извѣстныхъ легкихъ условіяхъ, ибо въ противномъ случаѣ грозило насильственное отнятіе ея и полное обѣднѣніе. О насиліяхъ со стороны власть имущихъ упоминается уже въ эпоху Меровинговъ (въ эдиктахъ Хильпериха, Хлотаря, въ постановленіяхъ церковныхъ соборовъ); но еще чаще объ этомъ рѣчь идетъ въ капитуляріяхъ Карла Великаго; missi Людовика Благочестиваго установили, что при Карлѣ Вел. цѣлая масса мелкихъ землевладѣльцевъ лишена была земли или свободы. При Людовикѣ это продолжалось.

Missi egressi invenerunt innumeratam multitudinem oppressorum aut ablatione patrimonii aut expolatione libertatis, quod iniqui ministri, comites et locopositi per malum ingenium exercebant (Vita Ludovici. C. 13).

Переходную ступень отъ насильственнаго захвата къ вызванной матеріальными условіями передачѣ земель составляло отнятіе крупными землевладѣльцами принадлежащихъ маркѣ угодій, что вело нерѣдко къ полному разоренію хозяйства мелкихъ собственниковъ [2]). Или же посылка ихъ въ эпоху Каролинговъ въ походъ по произвольному рѣшенію графовъ и сеніоровъ: кто отказывается отдать свою землю епископу, аббату, графу и т. д., читаемъ въ capit. 811 с. 3, того они заставляютъ до тѣхъ поръ уходить на войну, пока онъ, обѣднѣвъ, не вынужденъ „volens-nolens" отдать или продать свою землю, тогда какъ тѣ, кто добровольно отказались отъ нея, могутъ сидѣть дома.

Dicunt etiam quicumque proprium suum episcopo, abbati vel comiti, aut iudici vel centenario dare noluerit, occasiones quaerunt super illum pauperem, quomodo eum condempnare possint et illum semper in hostem faciant ire, usque dum pauper factus, nolens-volens suum proprium tradat vel vendat; alii vero qui traditum habent, absque ullius inquietudine domi resideant.

Наконецъ, моментомъ чисто хозяйственнаго свойства является конфискація за преступленіе, которая ведетъ къ обѣднѣнію или къ тому, что землевладѣлецъ, съ цѣлью избѣжать конфискаціи, передаетъ свою землю въ руки церкви или свѣтскаго лица. Тогда онъ сохраняетъ за собою фактическое владѣніе землей, зависимое отъ милости того, кому передана собственность: этотъ способъ передачи извѣстенъ уже въ lex Visigoth. (II, 1, 7). Въ другихъ случаяхъ преступленіе, въ виду весьма высокаго тарифа виръ (вира иногда доходила до 1800 солидовъ, тогда какъ быкъ цѣнился въ 1—3 сол.), влекло за собою задолженность и полное разореніе. По lex Sa-

[1]) Dopsch. I. p. 249 и сл. II. § 8.

[2]) Minorem populum depopulentur et opprimant et eorum pascua depascunt (Capit. 850 c. 5). Въ Каталоніи въ XI ст. общинныя угодья въ большомъ количествѣ захватываются вотчинниками (Пискорскій. Крѣпостное право въ Каталоніи въ сред. вѣка. стр. 23). Ср. Meitzen. II. p. 575.

lica (de chrenecruda), убійца, который не въ состояніи уплатить виру изъ своего движимаго имущества, во избѣжаніе кабалы, уступаетъ землю родовому союзу, къ которому она, какъ имѣющему на нее ближайшія права, возвращается, такимъ образомъ, обратно; на родовой союзъ и переходитъ обязанность уплаты виры.

При этомъ должникъ, въ доказательство отсутствія у него какого-либо имущества, въ одной рубахѣ, неопоясанный, босой перескакиваетъ черезъ заборъ (et sic postea in camisia disinctus, discalcius, palo in manu, sepe sallire debet). предварительно набравъ въ четырехъ углахъ земли и бросивъ ее черезъ лѣвое плечо на ближайшаго родственника, что обозначало передачу недвижимости.

Si quis hominem occiderit et tote facultate (движимость) data non habuerit unde tota lege compleat, XII iuratores donare debet quod nec super terram nec subtus terram plus facultatem non habeat quam iam donavit. Et postea debet in casa sua introire et de quatuor angulos terra in pugna collegere et sic postea in diropullo hoc est in limitare stare debet intus in casa respiciens et sic de sinistra manum de illa terra trans scapulas suas iacatae super illum quem proximiorem parentum habet (Tit. 58. De chrenecruda).

Такимъ образомъ, земля не отчуждалась, но вмѣстѣ съ тѣмъ родовые союзы обѣднѣли, какъ прямо указывается въ декретѣ Хильдеберта [1]). Они уже не въ состояніи были приходить на помощь должнику, и въ результатѣ невозможность уплатить виру имѣла послѣдствіемъ передачу себя прямо со всѣмъ своимъ состояніемъ въ кабалу, какъ это видно изъ формулъ Маркульфа [2]).

Но едва-ли не хуже всего вліяли въ этомъ направленіи войны. Въ особенности вторая половина IX вѣка составляла такую эпоху непрерывныхъ опустошеній; при Карлѣ Толстомъ сербы и чехи опустошили Тюрингію, датчане уничтожили новыя поселенія на востокѣ, норманны безпрепятственно высадились на берегу Сѣвернаго моря и разграбили прирейнскія мѣстности, уничтожая все на своемъ пути. При Арнульфѣ походы мадьяровъ черезъ всю Саксонію, Тюрингію, въ особенности же Баварію и Швабскія земли, болѣе всего вызвали гибель мелкаго землевладѣнія.

ГЛАВА IV.

Аграрный строй въ Римской имперіи и въ лангобардской Италіи.

Крупныя помѣстья, образованіе которыхъ мы разсмотрѣли, являются экономическимъ фундаментомъ феодальнаго строя. Крупные землевладѣльцы захватываютъ въ свои руки государственную власть, къ нимъ переходятъ одновременно съ землей и публичныя права—право войны и мира, суда, управленія. Другая сторона процесса феодализаціи выражается въ зависимости отъ крупнаго землевладѣльца-феодала того населенія, которое сидитъ на его землѣ, въ дробленіи идеи собственности на dominium utile, принадле-

[1]) De Chrenecruda lex, quam paganorum tempore observabant, deinceps nunquam valeat, quia per ipsam cecidit multorum potestas.

[2]) См. Ковалевскій. I· 97. Ср. также: Quas non habens unde redderet, ab abbate Ranerio cum uxore et liberis suis servili iure accipitur (Delisle. Les classes agricoles en Normandie au moyen âge. 2 éd. p. 18). И въ Англіи въ источникахъ X—XI ст. мы находимъ въ менорѣ (помѣстьи) свободныхъ, закабалившихся во время голода или попавшихъ въ кабалу, вслѣдствіе необходимости отрабатывать тяжелые уголовные штрафы.

жащій обрабатывающему землю крестьянину, и dominium directum (верховная собственность), находящійся въ рукахъ верховнаго собственника земли—феодала или сеньора [1]).

Когда германцы явились въ Италію, они нашли въ ней уже тѣ условія, которыя должны были подготовить процессъ феодализаціи. Они нашли въ ней въ полномъ развитіи не только крупную поземельную собственность и безземельность массы населенія, но и многочисленный классъ колоновъ, находившихся въ юридической зависимости отъ землевладѣльцевъ, на землѣ которыхъ они сидѣли.

Крупныя помѣстья — наряду съ мелкой и средней собственностью — появляются въ Римѣ уже весьма рано. Уже во времена Катона (II ст. до Р. X.) существовали имѣнія довольно значительныхъ размѣровъ, обрабатываемыя рабами (familia rustica); во главѣ ихъ стоитъ управитель (villicus)—также рабъ, имѣются землепашцы (bubulci), простые батраки, погонщики ословъ и свинопасы. Однако—какъ указываетъ Моммзенъ—помѣщичье хозяйство во времена республики по своему характеру немногимъ отличалось отъ крестьянскаго. Разница заключалась лишь въ меньшихъ размѣрахъ крестьянскаго хозяйства и въ томъ, что въ послѣднемъ случаѣ владѣлецъ земли и дѣти его работали вмѣстѣ съ рабами, а соха или плугъ замѣнялись простымъ заступомъ.

Крупная перемѣна произошла въ послѣднее столѣтіе республики и въ первые вѣка имперіи, т. е. въ тотъ періодъ, который составляетъ эпоху наибольшаго хозяйственнаго расцвѣта Рима. Размѣръ латифундій увеличивался, онѣ стали играть преобладающую роль, ихъ организація значительно измѣнилась. До Катона (II ст. до Р. X.) подъ латифундіей понималось уже пространство въ 200 югеровъ (45—50 десятинъ); въ эпоху Варрона (I. ст. до Р. X.) латифундіей считалось имѣніе въ размѣрѣ не менѣе 1000 югеровъ (около 250 дес.); а еще позже обычный размѣръ крупнаго помѣстья сталъ еще болѣе значительнымъ, появились люди, обладавшіе цѣлыми провинціями. Горацій упоминаетъ о помѣстьяхъ, охватывающихъ чуть ли не всю Аппулію, о житницахъ, гдѣ скопляется весь хлѣбъ съ африканскихъ полей. Колумелла сообщаетъ объ имѣньяхъ, которыхъ ихъ собственники не въ состояніи объѣхать верхомъ. „Вамъ мало—говоритъ Сенека—если вашъ управляющій не распоряжается по обѣ стороны Адріатическаго, Іонійскаго и Эгейскаго морей... расширяйте же свои владѣнія, пусть будетъ частнымъ помѣстьемъ то, что прежде называлось царствомъ!".

Latifundia perdidere Italiam iam vero et provincias (латифундіи погубили Италію и провинціи)—гласитъ извѣстное изреченіе Плинія. Въ самомъ дѣлѣ факты показываютъ, что ко времени паденія республики и къ началу принципата крупная земельная собственность восторжествовала надъ мелкой и средней. Горацію—какъ видно изъ его произведеній—крупное помѣстье всегда рисуется господствующимъ или по крайней мѣрѣ наиболѣе распространеннымъ явленіемъ. Идетъ ли рѣчь объ Италіи, Сициліи, Сардиніи, Галліи или Африкѣ,—повсюду предъ глазами поэта возникаютъ знакомыя картины помѣстій, широко раскинувшихъ свои предѣлы, владѣльцевъ огромныхъ амбаровъ, ломящихся отъ тяжести помѣщеннаго въ нихъ хлѣба, обладателей погребовъ съ тысячами бочекъ фалернскаго вина. Онъ представляетъ себѣ помѣстья, на поляхъ которыхъ проливаетъ потъ, работая въ пользу владѣльца, трудолюбивое земледѣльческое населеніе. Горацій возстаетъ противъ накопленія такихъ огромныхъ богатствъ и высказываетъ скромное желаніе имѣть „ручей съ чистой водой, маленькое поле, которое бы только кормило его". Поэтъ описываетъ и самую систему хозяйства на такихъ латифундіяхъ. Для общаго завѣдыванія хозяйствомъ назначается одинъ главный приказчикъ, именуемый прокураторомъ, т. е. такъ же, какъ и лица, управляющія императорскими помѣстьями. Ему под-

---

[1]) „Феодализмъ отличается территоріальной окраской политическихъ отношеній и политической окраской земельныхъ отношеній" (Виноградовъ. Феод. въ Италіи, Журн. Мин. 1880. Янв. 137). См. тамъ-же и у Н. И. Карѣева (Помѣстье - государство) теоріи происхожденія феодализма и литературу.

чинены villici—управители отдѣльныхъ имѣній или же непосредственные надсмотрщики за работами, которые уже прямо имѣютъ дѣло съ земледѣльческимъ населеніемъ — рабами и арендаторами. Такое же впечатлѣніе относительно скопленія земель въ рукахъ немногихъ могущественныхъ лицъ мы выносимъ изъ произведеній другихъ поэтовъ—Марціала, жившаго сто лѣтъ спустя послѣ Горація, Ювенала, Катулла. Нѣкоторыя помѣстья Марціалъ называетъ маленькими царствами, которыя производятъ самостоятельно не только все необходимое для жизни, но и предметы роскоши и благолѣпія для владѣльца и его близкихъ.

Параллельно съ ростомъ крупной земельной собственности происходитъ обезземеленье крестьянскаго населенія. Либо крупные собственники почти за даромъ пріобрѣтали участки обремененныхъ долгами и разоренныхъ войнами крестьянъ; либо за тѣ же долги отнимали у нихъ землю; либо, наконецъ, пользуясь просто своимъ соціальнымъ могуществомъ, силою сгоняли ихъ съ земли для округленія своихъ владѣній. Неоднократныя попытки римскаго государства предотвратить дальнѣйшее обезземеленье крестьянъ не приводили ни къ какимъ результатамъ. Раздача италійской земли выслужившимся солдатамъ—ветеранамъ имѣла послѣдствіемъ лишь то, что ветераны, привыкшіе къ войнамъ и грабежамъ, непригодные для мирнаго земледѣльческаго труда, либо просто бросали на произволъ судьбы полученныя земли, либо продавали ихъ—въ обоихъ случаяхъ раздача земель приводила къ образованію латифундій.

Нѣсколько болѣе удачной оказалась борьба съ захватомъ ager publicus. Тиверій и Кай Гракхи все-таки успѣли создать путемъ раздѣленія ager publicus 80 тысячъ крестьянскихъ хозяйствъ. И еще болѣе императоры имѣли въ виду расширеніе класса мелкихъ собственниковъ путемъ раздачи имъ земли и доставленія дешеваго кредита (Августъ, Нерва, Тиверій, Александръ Северъ). Говорить, слѣдовательно, о совершенномъ исчезновеніи мелкой земельной собственности нѣтъ основанія. Даже тамъ, гдѣ наиболѣе распространены были латифундіи, мы находимъ мелкое землевладѣніе. Римскіе поэты неоднократно изображаютъ его въ своихъ произведеніяхъ. Горацій восхваляетъ судьбу человѣка, который, по древнему обычаю, самъ пашетъ на своихъ быкахъ унаслѣдованный отъ предковъ участокъ, не боясь ростовщика и самъ не занимаясь ростовщичествомъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ съ любовью вызываетъ въ своемъ воображеніи встрѣчающійся и въ его время образъ крестьянина, который самъ съ лопатою въ рукахъ воздѣлываетъ отцовское поле и не желаетъ промѣнять такую спокойную жизнь на сопряженную съ рискомъ заморскую торговлю. Такія формы быта кажутся ему идеальными, и дѣйствительно его сосѣдями по имѣнію въ сабинской странѣ являлись такіе мелкіе землевладѣльцы. Однако, въ общемъ, примѣры крестьянъ-собственниковъ встрѣчаются у Горація довольно рѣдко и какъ-то остаются въ тѣни. Они носятъ у него, какъ и въ произведеніяхъ другихъ поэтовъ, скорѣе характеръ чего-то исключительнаго и случайнаго, и даже тонъ поэта таковъ, какъ будто рѣчь идетъ о добромъ старомъ времени, о золотомъ вѣкѣ, находящемся позади насъ.

Болѣе часто встрѣчается землевладѣніе среднихъ размѣровъ. Любопытно, что и Горацій и другіе поэты (Тибуллъ, Виргилій, Ювеналъ, Марціалъ) сами владѣли такими помѣстьями средней руки. Но по мѣрѣ расширенія латифундій, такія имѣнья потеряли свое прежнее значеніе; недаромъ Горацій считаетъ свое имѣніе очень маленькимъ, оно стушевывается рядомъ съ царственными помѣстьями. Да и самыя владѣнія среднихъ размѣровъ въ сущности не имѣли самостоятельнаго значенія, а были лишь выдѣлены крупными землевладѣльцами для содержанія зависимыхъ лицъ—кліентовъ, вольноотпущенныхъ и могли существовать лишь благодаря поддержкѣ сильныхъ людей; такой поддержкой богатыхъ друзей пользовались и Горацій, и Виргилій, и Ювеналъ. Нерѣдко такія части крупныхъ помѣстій, лишь временно отколовшись, впослѣдствіи возвращались обратно къ крупному землевладѣльцу или же изъ нихъ возникали новыя латифундіи [1]).

---

[1]) Гревсъ. Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія I. Стр. 136. 140—44. 152—54. 165—68. 178—79. 208—10. 228—30. 240.

Хозяйство крупныхъ помѣстій въ первые вѣка имперіи покоилось на рабскомъ трудѣ. Хотя одновременно съ этимъ части помѣстья и сдавались въ аренду небольшими участками, но все же такая аренда не имѣла существеннаго значенія. Поселеніе же рабовъ на отдѣльныхъ участкахъ для веденія самостоятельнаго хозяйства во времена Тацита еще не было извѣстно; онъ противополагаетъ найденные имъ у германцевъ случаи этого рода (см. выше, стр. 9) римскимъ порядкамъ, т. е. тѣмъ, гдѣ рабы воздѣлываютъ подъ начальствомъ выборныхъ старостъ земли помѣщика. Однако, съ сокращеніемъ подвоза рабовъ, когда войны II и III ст. уже не доставляли болѣе Риму прежняго количества невольниковъ, „рабскія казармы" должны были пасть; владѣльцы крупныхъ помѣстій вынуждены были сокращать размѣры собственной эксплоатаціи и перейти къ новой хозяйственной системѣ—раздачѣ земли въ аренду мелкими участками. Крупныя владѣнія попрежнему господствуютъ; но эксплоатація помѣстья переходитъ теперь въ руки мелкихъ свободныхъ арендаторовъ, которыхъ землевладѣлецъ снабжаетъ хозяйственнымъ инвентаремъ и съ которыхъ онъ получаетъ арендную плату въ видѣ части продуктовъ ихъ труда (coloni partiarii). Но это снабженіе безземельнаго человѣка инвентаремъ ставило его въ зависимость отъ крупнаго землевладѣльца. Зависимость еще болѣе усиливалась тѣмъ, что государство дѣлало землевладѣльца отвѣтственнымъ за правильное выполненіе его арендаторами государственныхъ повинностей, въ особенности поземельно-подушной подати; это было необходимо для казны, чтобы обезпечить себѣ правильное поступленіе податей. Усиленіе зависимости арендаторовъ выражалось въ удлиненіи срока договора—первоначальный пятилѣтній договоръ удлиняется, въ силу невозможности для арендатора разсчитаться съ собственникомъ, и въ результатѣ арендаторъ становится фактически прикрѣпленнымъ къ землѣ колономъ. Фактическое же прикрѣпленіе вскорѣ превращается въ установленное закономъ. Дѣлая землевладѣльца отвѣтственнымъ за уплату арендаторами повинностей и податей, государство обязано было обезпечить его необходимой рабочей силой. Это и происходитъ въ теченіе IV ст. Землевладѣльцамъ запрещается сманивать колоновъ другъ у друга: если у кого-либо будетъ найденъ колонъ, принадлежащій другому,—гласитъ постановленіе имп. Константина 332 г.—то онъ не только долженъ вернуть его, но и заплатить подать, причитающуюся за колона за то время, какое у него колонъ находился. Самихъ же колоновъ, которые вздумаютъ бѣжать, слѣдуетъ заковывать въ кандалы, какъ рабовъ. Такимъ образомъ, здѣсь уже запрещается колону уходить когда бы то ни было съ помѣстья, и такой уходъ признается бѣгствомъ. А постановленіе V ст. окончательно превращаетъ его въ неотдѣлимую отъ помѣстья часть; оно гласитъ, что всякій свободный человѣкъ, въ теченіе тридцати лѣтъ сидѣвшій на данномъ участкѣ, хотя и сохраняетъ личную свободу, но навсегда прикрѣпляется къ этому участку.

Въ связи съ этимъ крупный землевладѣлецъ, vir potens, постепенно присваиваетъ себѣ судебную и административную власть надъ своими колонами. Хотя послѣдніе въ глазахъ права и являлись попрежнему лично-свободными людьми, но все же зависимость ихъ настолько усилилась, что

законодательство нерѣдко смѣшиваетъ ихъ съ рабами и даже называетъ землевладѣльца, на землѣ котораго они сидятъ, ихъ господиномъ (dominus). И одновременно съ этимъ рабство теряетъ свой прежній характеръ, такъ какъ рабы отпускаются на волю и прикрѣпляются къ землѣ. „Такимъ образомъ, уже въ Римской имперіи опредѣлилось характеризующее средніе вѣка движеніе, по которому разлагаются классы земледѣльческихъ рабовъ и мелкихъ свободныхъ земледѣльцевъ“ и создается средній между ними классъ полусвободнаго, подчиненнаго крупному землевладѣльцу, населенія. На прочномъ, созданномъ такимъ образомъ уже въ эпоху Римской имперіи, базисѣ, въ Италіи, гдѣ сохранились римскія учрежденія и населеніе римскаго происхожденія, элементы феодализма получили дальнѣйшее развитіе. Тягость государственныхъ повинностей, притѣсненія и разоренія, заставлявшія искать помощи у церкви, бѣдность и нужда въ пищѣ и одеждѣ вынуждали и впослѣдствіи мелкихъ землевладѣльцевъ отказываться отъ своей земли, переводить ее монастырю или болѣе сильному сосѣду, съ сохраненіемъ за собой лишь права пользованія землей. Однако, это обозначало вмѣстѣ съ тѣмъ постепенную потерю личной свободы. „Отбывая тѣ же патримоніальныя повинности, какъ и крѣпостные, селясь въ перемежку съ ними, не имѣя фактической возможности покинуть свой надѣлъ, свободные земледѣльцы на чужой землѣ впадали въ состояніе, весьма близко подходящее къ тому, въ которомъ находились ихъ собратья несвободнаго происхожденія“.

Происходитъ рѣзкое раздѣленіе общества на двѣ группы—на свободныхъ собственниковъ, распоряжающихся землей, и „массу мелкаго люда, которая состоитъ изъ людей различнаго сословнаго положенія, изъ рабовъ, альдіевъ (полусвободныхъ) и ливелларіевъ (libelli—арендные договоры) или свободныхъ, живущихъ на чужой землѣ (liberi, qui terra aliena resident). Въ грамотахъ VIII вѣка всѣ эти разряды лицъ значительно сближаются, потому что на нихъ падаютъ весьма сходныя, иногда одинаковыя обязанности. Различія между ними стушевываются передъ противоположностью между господскимъ дворомъ (curtis dominica, sala) и зависимыми дворами (casae massariciae, colonicíae, tributariae) [1]).

Хотя господа еще распоряжаются личностью рабовъ, жертвуютъ и завѣщаютъ ихъ, но дѣлаютъ это, за немногими исключеніями, при распоряженіи своими земельными участками, такъ что связь ихъ съ землей, пользованіе надѣломъ не нарушается. Самое измѣненіе ихъ названія—вмѣсто servi-massarie, происходящее отъ оброчнаго двора—massa, свидѣтельствуетъ объ улучшеніи быта рабовъ, о переходѣ ихъ къ быту крѣпостныхъ крестьянъ. Первоначальная же личная свобода колоновъ успѣла значительно сократиться, и они мало чѣмъ отличаются отъ рабовъ. Такъ, напр., въ 709 г. Ромуальдъ II Беневентскій жалуетъ монастырю св. Петра ad aquam S. Petiti четырехъ колоновъ съ участкомъ земли; въ завѣщаніи Сенатора и Теодсинды 714 г. колоны съ ихъ землями поставлены рядомъ съ домашними рабами какъ рабы земледѣльческіе. Наконецъ, лица, заключавшія свободные договоры, посредствомъ ихъ становились въ постоянную зависимость отъ собственниковъ. Въ завѣщаніяхъ и купчихъ собственники передаютъ свои земли съ сидящими на нихъ рабами и рабынями, альдіями мужского и женскаго пола и свободными людьми; послѣд-

[1]) Виноградовъ. Происхожд. феод. отнош. въ Лангоб. Италіи. Журн. Мин. Нар. Пр. 1880. Янв. 208—9. Авг. 235—40. Сент. 215.

ніе, благодаря своей оброчности и связи съ землей, становятся предметами распоряженія наравнѣ съ людьми, лишенными своей воли.

ГЛАВА V.

Образованіе класса крѣпостныхъ крестьянъ въ Британіи и во франкской монархіи.

Въ лангобардской Италіи и въ нѣкоторыхъ другихъ частяхъ Римской имперіи совершился непосредственный переходъ отъ римской виллы къ средневѣковому феодальному помѣстью. Однако, феодализмъ установился и въ тѣхъ странахъ, которыя никогда не были римскими провинціями и находились внѣ римскаго вліянія, въ странахъ, гдѣ господствовала крестьянская община и не существовало элементовъ феодальнаго строя. И здѣсь къ крупнымъ землевладѣльцамъ перешла публичная власть. И здѣсь возникъ обширный классъ прикрѣпленнаго къ землѣ крестьянскаго населенія. Правда, здѣсь феодализмъ возникъ инымъ путемъ, чѣмъ въ Италіи, посредствомъ разложенія марки, превращенія ея въ феодальное помѣстье. Но только путь былъ иной, результатъ же одинаковый. Очевидно, однѣ и тѣ же причины вызывали однородныя послѣдствія. Какія же это были причины и въ чемъ заключался происшедшій въ эту эпоху переворотъ?

Замѣна прежняго общиннаго землевладѣнія или мелкой крестьянской собственности крупными помѣстьями (о чемъ мы говорили въ гл. III) не вызвала образованія латифундій и не создала безземельнаго населенія,— ибо единственный способъ пользованія рабочей силой въ разсматриваемую эпоху могъ лишь заключаться въ предоставленіи землевладѣльцемъ данному лицу участка земли въ пользованіе взамѣнъ выполненія имъ извѣстныхъ службъ и платежей. Прежній крестьянинъ и теперь обрабатывалъ свой участокъ земли, попрежнему пользовался общинными угодьями—лѣсами, пастбищами, лугами; съ той лишь разницей, что прежде онъ являлся и собственникомъ участка, вмѣстѣ съ другими или самостоятельно, теперь же верховное право надъ участкомъ находилось въ рукахъ другого. Произошло, слѣдовательно, дѣленіе продукта, вырабатываемаго земледѣльцемъ, на двѣ части, изъ коихъ одну—большую, онъ обязанъ былъ отдавать помѣщику. Это являлось прямымъ послѣдствіемъ происшедшей въ эту эпоху дифференціаціи населенія на классъ земледѣльческій и классъ военный. Земледѣлецъ не могъ уходить на войну, иначе—какъ это было въ эпоху Карла Вел. и позже—хозяйство его приходило въ упадокъ (см. выше), и онъ разорялся. Дѣйствительно, только свободные идутъ теперь на войну, несвободные же обязаны лишь ставить одного человѣка съ извѣстнаго числа манзъ (держаній) и снабжать его всѣмъ необходимымъ для похода. Только въ случаѣ нападенія врага, они всѣ выступаютъ на защиту [1]). Военный же классъ составляютъ свободные — вотчинники, рыцари; но, конечно, содержать ихъ вынуждены земледѣльцы. Если въ эпоху Цезаря та

---

[1]) См. Prou. Rév. hist. XLIV. Inama I. Delbrück. Gesch. des Kriegswes. B. III. Einleit. Schröder. 153 и слѣд.

часть свевовъ, которая ежегодно оставалась дома, обрабатывала землю не только для себя, но и для ушедшихъ на войну, то крестьяне слѣдующей эпохи, остававшіеся всегда дома, постоянно обрабатывали поля, которыя помѣщикъ сохранялъ за собой. Кромѣ того они постоянно вынуждены были снабжать проводившаго всю жизнь въ походахъ сеньора—въ особенности во время пребыванія его въ данной вотчинѣ—необходимыми припасами и содержать его и его свиту; „вождь, племенной старшина, а затѣмъ землевладѣлецъ объѣзжаютъ имѣнія и кормятся на счетъ зависимаго или подначальнаго населенія“. Отсюда и возникаетъ барщина (обработка помѣщичьей земли крестьянами), съ одной стороны, и оброкъ въ видѣ части продуктовъ, отдаваемой крестьянскимъ хозяйствомъ, съ другой стороны.

Но въ то же время такое превращеніе прежнихъ свободныхъ въ земледѣльцевъ по профессіи, лишая ихъ возможности защиты, лишая ихъ той силы, которую имѣлъ воинъ, необходимо отдавало ихъ во власть военнаго класса, превращало въ несвободный элементъ. Это состояніе нашло себѣ выраженіе въ капитуляріи 847 г., которымъ признана обязательность сеньоріата: всякій liber обязанъ пріискать себѣ сеньора [1]). Соціальныя условія ранняго средневѣковья, когда каждый вынужденъ былъ защищать самъ себя, не допускали по общему правилу существованія класса „мелкихъ, бѣдныхъ свободныхъ“, т.-е. людей безсильныхъ. Они допускали лишь двѣ категоріи лицъ: крупныхъ вотчинниковъ, людей сильныхъ, и подвластное имъ несвободное крестьянское населеніе. Поэтому-то въ разсматриваемую эпоху, когда мелкій собственникъ искалъ у крупнаго защиты не только своей земли отъ захвата, но и своей личности, сложилось представленіе, что всякій, кто сидитъ на чужой землѣ, тѣмъ самымъ зависитъ отъ собственника ея не только имущественно, но и лично, теряетъ вмѣстѣ съ тѣмъ личную свободу. Кратко и рѣзко это выражено словами „*Nulle terre sans seigneur*“, т.-е. надъ всякой землей, кромѣ лица обрабатывающаго ее, есть еще старшій—таковъ буквальный переводъ слова senior — которому принадлежитъ верховная власть надъ землей; отъ этого сеньора земледѣлецъ и „держитъ“ землю „Nulle terre sans seigneur“ обозначало, что каждый участокъ, находящійся въ предѣлахъ сеньоріи, обложенъ извѣстными поборами, службами и повинностями въ пользу сеньора и что въ распоряженіи своимъ участкомъ крестьянинъ ограниченъ, вслѣдствіе существованія высшей власти сеньора надъ участкомъ, существованія того, что называлось dominium eminens, въ отличіе отъ dominium utile крестьянина [2]). Одновременно съ концентраціей земли въ немногихъ рукахъ совершалось, слѣдовательно, шагъ за шагомъ постепенное пониженіе мелкихъ свободныхъ на уровень крѣпостныхъ.

Такое постепенное исчезновеніе—какъ указываетъ П. Г. Виноградовъ—главнаго и нормальнаго элемента—свободныхъ крестьянъ, пониженіе его, одновременно съ ухудшеніемъ хозяйственнаго положенія, въ соціальномъ отношеніи, и рисуютъ намъ „Правды“ англо-саксовъ VII—XI ст. Въ наи-

---

[1]) Volumus ut unusquisque liber homo in nostro regno seniorem qualem voluerit in nobis et nostris fidelibus accipiat (Cap. 847).

[2]) См. Карѣевъ. Помѣстье-государство, стр. 85.

болѣе раннихъ кентскихъ „Правдахъ" общество преставляется весьма мало расчлененнымъ, такъ какъ состоитъ, помимо рабовъ и полусвободныхъ (летовъ), изъ двухъ сословій—ёрлей или кровной аристократіи, и кёрлей—массы крестьянскаго населенія, и въ случаѣ нарушенія правъ первымъ уплачивается вдвое болѣе, чѣмъ вторымъ. Но затѣмъ постепенно разстояніе между ёрлями и кёрлями увеличивается—различіе въ имущественномъ отношеніи между ними становится огромнымъ.

Уже въ законахъ Глотаря и Эдрика ёрль возвысился надъ свободнымъ-кёрлемъ, ибо онъ цѣнится не въ два, а въ три раза болѣе, а по законамъ Инэ (конца VII ст.) даже въ шесть разъ болѣе. Если, однако, еще и въ законахъ Альфреда (въ концѣ IX вѣка) сохраняется постепенный переходъ въ видѣ виры въ 200—600—1.200 шилл., то, начиная съ законовъ Адельстана (перв. пол. X в.), принимаются въ разсчетъ только двѣ крайнихъ виры. А въ вирахъ конца X и начала XI вѣка между кёрлемъ и теномъ—королевскимъ дружинникомъ, лежитъ огромная пропасть (и 200—266 и 2.000 шилл.); устанавливается полная несоизмѣримость между ними, основанная на различіи въ имущественномъ состояніи. Правда кёрль можетъ сдѣлаться знатнымъ, пріобрѣтя 5 гайдъ земли (онъ владѣетъ одной гайдой), и въ законахъ Этельреда онъ названъ liber pauper. Но уже въ договорѣ между Альфредомъ и Гутрумомъ употреблены выраженія, которыя предполагаютъ, что большая часть кёрлей сидѣла не на свободной землѣ, а на оброчной.

Въ книгѣ Страшнаго Суда (Domesday-book) конца XI вѣка (1086 г.) еще упомянуто до 8 тысячъ семействъ мелкаго свободнаго люда. Они понимаются подъ двумя терминами: liberi и сокмены; однако, разница между этими двумя категоріями совершенно стушевывается, и мы постоянно находимъ упоминаніе о свободныхъ людяхъ тамъ, гдѣ слѣдовало бы ожидать сокменовъ. Сокмены же представляютъ собой классъ людей, подпавшихъ подъ частную юрисдикцію, подлежащихъ суду помѣщика. Въ отношеніи ихъ мы замѣчаемъ стремленіе бароновъ воспользоваться своими правами по суду для того, чтобы расширить права по землѣ, вслѣдствіе чего совершенно свободные собственники—сокмены постепенно спускаются въ положеніе арендаторовъ чужой земли. Даже королевскіе сокмены, имѣвшіе особенно значительныя гарантіи свободы, такъ какъ „остаются въ рукѣ короля" и подчиняются въ отношеніи юрисдикціи не частному лицу, а королю, сильно терпятъ отъ захвата ихъ земли баронами. Послѣ норманскаго завоеванія строгое различіе между сокой (судебная зависимость отъ помѣщика) и патронатомъ (имущественная зависимость по землѣ) стирается: сокмены приравниваются къ лицамъ, которыя посредствомъ патроната или коммендаціи стали подъ защиту крупныхъ землевладѣльцевъ.

Такимъ образомъ, свободные до того мелкіе землевладѣльцы постепенно превратились въ зависимыхъ по суду—сокменовъ, а тѣмъ самымъ и землю свою привели въ зависимость—стали вилланами. Въ законахъ Эдуарда Исповѣдника (XI ст.) сокмены поставлены уже на одну доску съ вилланами — несвободными крестьянами; въ книгѣ Страшнаго Суда тѣ же лица въ однихъ мѣстахъ записываются сокменами и свободными, въ другихъ (на западѣ) отнесены въ разрядъ вилланов. Имѣются даже примѣры, что въ одномъ экземплярѣ переписи сокменами названы тѣ же люди, въ отношеніи которыхъ въ другомъ употреблено названіе виллана. Такое смѣшеніе не могло не оказать рокового вліянія на дальнѣйшую судьбу этихъ людей. Въ

составъ класса вилланов влилась значительная часть прежняго рабскаго населенія, которое (въ Domesday-book рабовъ упомянуто 25 тыс.) частью фигурировало въ качествѣ слугъ и дворовыхъ, частью превратилось въ полусвободныхъ земледѣльцевъ; превращеніе рабовъ въ вилланов придало всему классу вилланов унизительный характеръ. Такимъ образомъ, произошло постепенное сближеніе двухъ различныхъ категорій лицъ, находившихся прежде на противоположныхъ полюсахъ—свободныхъ и рабовъ. Вслѣдствіе паденія однихъ и повышенія другихъ, создалось нѣчто среднее—зависимое отъ помѣщика населеніе. Изъ Domesday-book мы узнаемъ, что повинности мелкихъ свободныхъ увеличиваются, что они обязаны помѣщику барщиной, что самая личная независимость ихъ утрачивается. Съ другой стороны, въ XII ст. уже слово servus встрѣчается лишь въ видѣ исключенія, ибо старое сословное раздѣленіе уступило мѣсто новому распредѣленію по занятіямъ. Работникъ, которому порученъ уходъ за волами плуга—говорится въ Черной книгѣ аббатства Питерборо 1125 г.—можетъ быть и лично свободнымъ и рабомъ, но въ отдѣльныхъ случаяхъ нигдѣ не разъяснено, къ которому изъ этихъ состояній принадлежитъ человѣкъ. Очевидно, это стало безразличнымъ—положеніе и въ томъ и въ другомъ случаѣ среднее, одинаковое [1]).

Первоначально еще допускалось существованіе свободныхъ людей, сидящихъ на крѣпостныхъ участкахъ, но не теряющихъ вслѣдствіе этого своей свободы и не могущихъ быть лишенными крѣпостного держанія, если они исполняютъ лежащія на участкѣ повинности. Позже помѣщикъ увеличиваетъ оброкъ для свободного человѣка, взявшаго крѣпостной участокъ, и даже лишаетъ его вовсе участка; но все же личная свобода его сохраняется, и онъ самъ всегда можетъ оставить землю. Наконецъ, и такого различія между крѣпостными и свободными, держащими крѣпостной участокъ, уже не признается: villani и tenentes in villenagio обозначаютъ одно и то же. „Долгое пребываніе въ зависимости отъ того же владѣльца и на одних и тѣхъ же участкахъ и повинностяхъ сближало quasi-крѣпостныхъ до неразличимости"; давность лишала первыхъ ихъ личной свободы и вытекающаго изъ нея важнаго права перехода. Они входятъ въ обширный классъ вилланов-крѣпостныхъ. Послѣдніе первоначально еще пользовались извѣстной процессуальной защитой, остаткомъ отъ ихъ прежней личной свободы, пользовались даже правомъ иска по отношенію къ помѣщику. Но позже государственные суды отказались отъ разбора отношеній между крестьянами и помѣщиками (exceptio villenagii), что приводило крестьянское населеніе въ полную зависимость отъ помѣщиковъ; англійскаго виллана стали приравнивать къ римскому рабу.

Такая же перемѣна совершилась и на континентѣ, во франкской монархіи. И здѣсь, съ одной стороны, рабъ поднялся до положенія держателя гуфы, несвободнаго крестьянина (иногда на основаніи лишь фактической свободы отъ рабскаго состоянія въ теченіе извѣстнаго времени), обязаннаго вотчиннику лишь извѣстнымъ, нерѣдко вполнѣ опредѣленнымъ количествомъ оброковъ и повинностей; взглядъ на несвободнаго, какъ на вещь, исчезалъ [2]). А съ другой стороны, число свободныхъ землевладѣльцевъ постепенно сокращалось; они становились зависимыми отъ вотчинника (senior, seigneur) держателями, обязанными ему также извѣстными, хотя и меньшими по числу [3]),

1) Виноградовъ. Очер. соц. ист. Англіи.
2) Inama I. 374. Cp. Roth. Feudalität. p. 312. Dopsch. II. 37. 46—48.
3) Seeliger, p. 59 и сл.

повинностями. Если въ Англіи первый шагъ къ несвободѣ состоялъ въ томъ, что прежніе свободные стали подлежать юрисдикціи вотчинника (сокмены), то и здѣсь сближеніе обоихъ слоевъ населенія основывается на сходствѣ въ отношеніи юрисдикціи какъ уголовной, такъ и гражданской; „развитіе вотчинной юрисдикціи привело къ пониженію положенія свободныхъ крестьянъ до уровня крѣпостныхъ и къ возвышенію рабовъ на степень крѣпостныхъ“ [1]). Въ связи съ этимъ капитуларій 829 г. лишаетъ основного права свободнаго человѣка того времени—права быть свидѣтелемъ тѣхъ свободныхъ, которые, сидя на помѣщичьей землѣ, не имѣютъ при этомъ никакой собственной земли; лишь при наличности у нихъ послѣдней, они могутъ свидѣтельствовать на судѣ.

De liberis hominibus, qui proprium non habent, sed in terra dominica resident, ut propter res alterius ad testimonium non recipiantur. Illi vero qui et proprium habent et tamen in terra dominica resident, propter hoc non abiciantur quod in terra dominica resident, sed propter hoc ad testimonium recipiantur, quia proprium habent.

Такія измѣненія въ личномъ положеніи влекли за собой постепенное исчезновеніе и экономическихъ различій между мелкими свободными и рабами: разница между повинностями тѣхъ и другихъ была лишь количественная, и повинности эти, въ видахъ упрощенія ихъ взиманія, дѣлались все болѣе однородными, независимо отъ того, кто имъ подлежалъ [2]).

Вскорѣ повинности эти и въ отношеніи размѣра стали опредѣляться лишь характеромъ земли, на которой сидѣло данное лицо—были mansi (huba) serviles, mansi lidiles и mansi ingenuiles,—независимо отъ состоянія его. Неудивительно, что бѣдные свободные и прежніе рабы смѣшиваются: francos pauperiores aut alienos servos—говорится въ капитуляріи 858 года; относительно свободнаго читаемъ: sicut alii servi; въ другомъ случаѣ: dono meos duos servos, unus est liber, et alter servus [3]). Въ X вѣкѣ свободные (franci) разсматриваются какъ принадлежность вотчины, вмѣстѣ съ которой они отчуждаются—dono monachis Clunnienisbus in cautione homines meos francos in villa Vetus Curt et aliam terram (990 г.), curtem nostram cum omnibus suis apendiciis, campis, vineis... servos et ancillas cum uxoribus eorum et infantibus francorum, etiam servicia quod mihi et filio meo et ad ipsam potestatem ad praesens reddere videntur (984): свободные обязаны новому вотчиннику тѣми же повинностями, которыя существовали при прежнемъ и его сынѣ.

На обширныхъ помѣстьяхъ аббатства Сенъ-Жерменъ де Пре въ центрѣ Франціи, повидимому, первоначально три вида надѣловъ — mansi ingenuiles (свободные), lidiles (полусвободные), serviles (несвободные) соотвѣтствовали состоянію держателей. Но впослѣдствіи это соотвѣтствіе стало исчезать и въ особенности на многихъ mansi ingenuiles сидѣли несвободные и литы. Мало того, къ началу IX ст. и въ отношеніи службъ и повинностей не находимъ почти различія между этими тремя видами надѣловъ—свободными, полусвободными и несвободными. Всѣ они выполняютъ барщинныя работы, уплачиваютъ чиншъ и отбываютъ различныя повинности; только оброкъ въ формѣ промышленныхъ издѣлій падалъ преимущественно на крестьянъ, сидѣвшихъ на mansi serviles [4]).

Еще и впослѣдствіи, внѣ помѣстій, въ особенности въ Западной Франціи и Италіи, какъ и въ различныхъ мѣстностяхъ по Рейну

---

[1]) Lamprecht. I. p. 1152. Brants. 21—26. Пискорскій 26—27.
[2]) Lamprecht. I. 1148 и сл.
[3]) Gutmann. 138. 147.
[4]) Polyptique de l'abbaye de Saint-Germain des Prés. Publ. par Longnon. I. p. 88—9. 157—8. 181—2.

сохранились свободные элементы [1] [2]). Но и въ сеньоріяхъ рядомъ съ рабами, поселенными на земли (servi casati), имѣлись и полусвободные (liti, fiscalini, coloni) и свободные держатели крѣпостныхъ земель (ingenui, franci, liberi), сидѣвшіе преимущественно на королевскихъ земляхъ. Существовали, наконецъ, и среди несвободныхъ—какъ справедливо подчеркиваютъ Беловъ, Зелигеръ и Допшъ [3])—и такіе, которые фактически мало зависѣли отъ сеньора, будучи обязаны ему лишь опредѣленными оброками и имѣя возможность всю свою остальную дѣятельность посвящать обработкѣ своего надѣла и даже сбыту своихъ издѣлій. Но характернымъ явленіемъ для разсматриваемой эпохи все же является широкое распространеніе сеньоріальнаго строя и тенденція къ сближенію отдѣльныхъ слоевъ сеньоріальнаго населенія, къ образованію однороднаго по своему положенію класса крестьянскаго населенія, прикрѣпленнаго къ принадлежащей крупному вотчиннику землѣ (servage) [4]).

Изложенная нами выше (съ небольшими поправками) господствующая теорія, которая составляетъ логическое продолженіе теоріи марки и раздѣляется всѣми сторонниками послѣдней, усматриваетъ, слѣдовательно, въ аграрной исторіи крупный переворотъ — замѣну мелкаго самостоятельнаго землевладѣнія крупнымъ вотчиннымъ, а свободныхъ земледѣльцевъ—крѣпостными [5]): тогда какъ позже, начиная съ XIII ст., эта эпоха постепеннаго закрѣпощенія снова смѣняется періодомъ совершающагося мало-по-малу личнаго освобожденія крестьянскаго населенія. Но рядомъ съ этой теоріей въ послѣднее время выдвинуты двѣ другія, отрицающія существованіе такихъ трехъ различныхъ періодовъ аграрной исторіи. Одна изъ нихъ, непосредственно примыкающая къ ученію Фюстель-де-Куланжа и др. о существованіи индивидуальной собственности уже у древнихъ германцевъ, утверждаетъ, что уже въ наиболѣе раннюю эпоху существовало основанное на крѣпостномъ трудѣ вотчинное землевладѣніе, отрицаетъ, слѣдовательно, наличность переворота въ видѣ постепеннаго закрѣпощенія первоначально свободныхъ землевладѣльцевъ. Съ этой точки зрѣнія крупнаго переворота не произошло, мелкія помѣстья лишь замѣнились крупными, и вся аграрная исторія обнаруживаетъ одинъ лишь постепенный прогрессъ: именно, въ раннее средневѣковье происходитъ замѣна рабства крѣпостничествомъ, позже начинается постепенное раскрѣпощеніе крестьянъ: эпоха ухудшенія ихъ состоянія отсутствуетъ. На такой точкѣ зрѣнія стояли уже отчасти французскіе историки—въ особенности послѣдователи Фюстель-де-Куланжа, усматривавшіе въ землевладѣльцахъ, которые, по ихъ ученію, существовали уже въ древнѣйшія времена, въ значительной мѣрѣ не крестьянъ, обрабатывавшихъ землю, а вотчинниковъ, на которыхъ работали крѣпостные. Они (Сэ, Бонмеръ, Букомонъ, Сеньобосъ и др.), впрочемъ, признавали, что впослѣдствіи, съ образованіемъ крупныхъ помѣстьевъ, крѣ-

---

[1]) Изъ того, что въ источникахъ весьма рѣдко упоминается о мелкомъ свободномъ землевладѣніи—говоритъ Допшъ (I. 249 и сл. 309)—еще нельзя дѣлать никакого вывода, ибо важнѣйшее памятники—урбаріи, представляютъ собою лишь опись вотчинныхъ земель и поэтому свѣдѣній о свободныхъ крестьянахъ въ нихъ содержаться не можетъ.

[2]) Hartmann. Analekten zur Wirtschaftsgesch. Italiens. p. 57 и сл. Lamprecht. I 2. p. 750. См. Удальцовъ, стр. 39—40.

[3]) Below. Kritik der Hofrechtstheorie, Einl. (Territorium und Stadt). Его же. Zur Geschichte des Handwerks und der Gilden. Hist. Zeitschr. 1911. Seeliger. Staat und Grundherrschaft. Его же. Handwerk und Hofrecht. Hist. Viert. 1913.

[4]) Ср. Inama. I. 226, 335, 373, 386. II. 36. Lamprecht. I. 1152, 1158 и сл. Sée. p. 49 и сл. Dopsch. II. 49. Hanauer, 117. Waitz. V. 379.

[5]) За исключеніемъ, конечно, тѣхъ римскихъ провинцій, гдѣ -какъ указано выше—римскія учрежденія сохранились и гдѣ перемѣна заключалась лишь въ замѣнѣ меньшихъ помѣстій болѣе крупными и въ увеличеніи несвободнаго населенія, вслѣдствіе превращенія прежнихъ мелкихъ собственниковъ въ крѣпостныхъ.

постное населеніе значительно возросло, вслѣдствіе превращенія многихъ пользовавшихся ранѣе свободой земледѣльцевъ въ несвободныхъ держателей. Въ рѣзкой формѣ эта теорія была выставлена лишь въ послѣднее время въ Германіи послѣ того, какъ Гекъ въ своемъ изслѣдованіи о соціальномъ строѣ фризовъ пришелъ къ тому выводу, что nobiles вовсе не составляютъ дворянскихъ родовъ, высшаго сословія, а представляютъ собою свободныхъ, самостоятельныхъ земледѣльцевъ. Въ то время, однако, какъ Гекъ придерживается попрежнему господствующей теоріи о преобладаніи первоначально мелкаго крестьянскаго землевладѣнія (такой характеръ имѣютъ всѣ земли nobiles), Виттихъ отказывается отъ нея. Онъ утверждаетъ, что разъ nobiles представляютъ собой массу населенія, то, очевидно, эта масса свободнаго населенія и состояла изъ помѣщиковъ, а не изъ крестьянъ-собственниковъ, ибо вѣдь господствующая теорія (которая усматриваетъ въ нихъ, однако, меньшинство, стоящее на высшей соціальной ступени, а не массу населенія) признаетъ nobiles землевладѣльцами, земля которыхъ обрабатывается крѣпостными. Liberi же, которыхъ прежде считали преобладающимъ классомъ, свободными крестьянами, должны соотвѣтственно понизиться также на одну ступень, превращаясь въ еще болѣе обширный классъ полусвободныхъ, зависимыхъ отъ nobiles—вотчинниковъ. Обратившись къ саксонскимъ источникамъ, Виттихъ дѣйствительно нашелъ, что саксонскіе liberi или Frilinge не имѣли собственной земли, а сидѣли на землѣ мелкихъ землевладѣльцевъ—nobiles. Особаго слоя либертовъ (вольноотпущенниковъ) въ саксонскихъ источникахъ не упоминается; повидимому — утверждаетъ онъ—liberi и были этими вольноотпущенниками, неполноправными держателями, вышедшими изъ несвободныхъ [1]. Однако, такое предположеніе Виттиха ничѣмъ не подтверждается. Мы можемъ лишь установить, что въ IX—X вѣкахъ liberi изъ свободныхъ мелкихъ землевладѣльцевъ мало-по-малу превращаются въ несвободныхъ держателей. Виттихъ и самъ указываетъ на тотъ фактъ, что liber homo имѣлъ землю и что на эту землю сохранили еще извѣстныя права его сородичи, т. е. она постепенно изъ общинной (семейно-родовой) собственности превращалась въ частную. Какъ и земли nobiles и его (liber) земля называлась heriditas, т. е. перешла къ нему по наслѣдству; и тѣ и другіе могли отчуждать землю лишь въ пользу короля или церкви и только въ случаѣ нужды продавать ее другимъ лицамъ, да и то преимущественное право купли имѣлъ ближайшій наслѣдникъ. Лишь послѣ него liber обязанъ былъ предложить землю тому nobilis, подъ покровительствомъ котораго онъ находился. Изъ этихъ указаній можно усмотрѣть, что рѣчь идетъ о мелкихъ свободныхъ землевладѣльцахъ, которые еще имѣли собственную землю и принадлежали къ родовому союзу; они сдѣлали лишь первый шагъ въ смыслѣ сокращенія своей свободы и полноправія, поступили подъ покровительство болѣе сильнаго, въ особенности церкви—liberi super terram ecclesiae manentes. Далѣе Виттихъ указываетъ и на то, что подъ вліяніемъ вновь установленной десятины и постоянныхъ поборовъ, хозяйство liberi разстраивалось, и соглашается съ господствующимъ мнѣніемъ, что эпоха Каролинговъ была весьма невыгодна для крестьянскаго населенія и, наоборотъ, благопріятствовала nobil'ямъ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ XI вѣкѣ, съ образованіемъ крупныхъ вотчинъ (виллъ), liberi превращаются въ крѣпостныхъ, что они сливаются съ вышедшими изъ покореннаго несвободнаго населенія лицами. Послѣдніе дѣйствительно вышли изъ состоянія полной несвободы; хотя въ IX вѣкѣ они уже не были рабами, а постепенно поднялись на ступень крѣпостного держателя, но все же и впослѣдствіи приравнивались, иногда еще въ IX ст., къ рабамъ (mancipia, servi), въ случаѣ брака нуждались въ согласіи сеньора и т. д. Виттихъ соглашается съ Вайцомъ и Даномъ, что литы вышли изъ покореннаго саксами тюрингенскаго населенія [2]. Такимъ образомъ, въ лицѣ литовъ мы имѣемъ именно тотъ слой населенія, который постепенно поднимается снизу вверхъ, полная противоположность liberi, свободнымъ, которые, какъ это было повсюду, напротивъ, мало-по-малу потеряли свою самостоятельность, свою землю и свободу.

Въ другомъ своемъ изслѣдованіи, обширной статьѣ, напечатанной въ Zeitschr. der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte (вызвавшей энергичныя воз-

[1]) Wittich. Grundherrsch. etc. Anl. 115 и сл. 126 и сл.
[2]) Ibid. p. 111. 114—15. 118. 123.

раженія со стороны Бруннера, Шредера, П. Г. Виноградова и самаго Гека, изъ положеній котораго исходитъ Виттихъ), Виттихъ распространилъ свою теорію и на другія мѣстности Германіи. Повсюду онъ нашелъ уже въ древнѣйшія времена два класса—свободныхъ землевладѣльцевъ и сидящихъ на нихъ землѣ многочисленныхъ крѣпостныхъ (а не классъ свободныхъ мелкихъ землевладѣльцевъ—крестьянъ). Эту точку зрѣнія въ отношеніи Баваріи развиваетъ Гутманъ въ своей книгѣ о соціальномъ строѣ у баварцевъ въ эпоху „Правдъ“ (до X ст. включит.). Однако, изъ приведенныхъ послѣднимъ данныхъ мы можемъ усмотрѣть, что и здѣсь происходитъ превращеніе свободныхъ земледѣльцевъ въ крѣпостныхъ держателей подъ вліяніемъ совершенія ими различныхъ преступленій, невозможности уплатить виру (l. Baiuv. I, 10) и т. д. Хотя Баварская Правда и старается обезпечить свободу такимъ liberi, какъ бы бѣдны они ни были, но они вынуждены поступать подъ защиту церкви, передавая ей землю, которую они получаютъ обратно въ пользованье за уплату чинша и производство различныхъ работъ; такихъ случаевъ комендаціи среди приводимыхъ Гутманомъ (на стр. 209 и сл.) 700 грамотъ насчитывается болѣе 120. При этомъ они лишались и личной свободы: se ipsum tradidit in servitium S. Mariae—самъ теряетъ свободу; filii mei subiecti sunt servitio S. Mariae—дѣти становятся несвободными, самъ еще сохраняетъ свободу [1]).

Постепенный переходъ ихъ въ крѣпостное состояніе совершается черезъ посредство полусвободной ступени colonus ecclesiae, гдѣ отбываются еще libera servitia (съ mansi ingenuiles) и проводится различіе между tributalis или liber и servus; таковы въ частности баварскіе barscalci, которые,—какъ говоритъ Рупрехтъ Фрейзингскій,—отказались отъ своей свободы, сохранивъ, какъ сообщается въ одной грамотѣ 1165 г., лишь aliquantula libertas [2]). Единственнымъ существеннымъ обстоятельствомъ, на которое Гутманъ обращаетъ вниманіе, является многочисленность случаевъ передачи земли вмѣстѣ съ поселенными на нихъ несвободными колонами, бросающаяся въ глаза въ баварскихъ источникахъ и свидѣтельствующая о томъ, что, повидимому, уже въ VIII—IX ст., при господствѣ еще мелкаго крестьянскаго землевладѣнія, имѣлось въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ до сихъ поръ полагали, и помѣстное хозяйство, основанное на крѣпостномъ трудѣ (хотя предположеніе Гутмана о томъ, что число несвободныхъ было больше числа свободныхъ совершенно произвольно) [3]). Однако, Фастлингеръ въ своей любопытной книгѣ о баварскихъ монастыряхъ въ эпоху Агилульфинговъ, путемъ сопоставленія именъ дарителей, свидѣтелей и т. д. весьма правдоподобно объяснилъ этотъ фактъ тѣмъ, что всѣ эти случаи передачи исходятъ исключительно отъ немногихъ родовъ (genealogie) баварской аристократіи, и насколько глубокомысленны его предположенія, настолько слабы возраженія Гутмана [1]).

И другая теорія не усматриваетъ въ періодъ VIII—IX ст. крупнаго переворота, однако, не потому, что уже ранѣе существовало крѣпостное помѣстье, а по совершенно противоположной причинѣ, именно вслѣдствіе того, что и впослѣдствіи сохранились въ большомъ количествѣ свободные крестьяне, такъ что въ позднее средневѣковье не начинается вовсе новый періодъ раскрѣпощенія.

Каро, высказывающійся въ этомъ смыслѣ, указываетъ на то, что въ эпоху Карла Вел. вовсе не исчезло все свободное населеніе. Въ то же время онъ признаетъ, однако, что въ VIII и слѣдующихъ столѣтіяхъ помѣстная система расширяется, въ особенности вслѣдствіе роста церковныхъ владѣній, что соціальная пропасть между богатыми и бѣдными, большими и малыми усиливается, что положеніе существовавшихъ уже ранѣе мелкихъ землевладѣльцевъ ухудшается, ибо — какъ видно изъ документовъ о передачѣ церкви небольшихъ земель—владѣльцы таковыхъ лишь въ видѣ исключенія обладали манципіями (противоположность взгляду Гутмана).

Такимъ образомъ, мелкіе земледѣльцы лишаются необходимой рабочей силы (ибо сокращается число servi domestici), у крупныхъ же возрастаетъ рабочая сила (ибо они сажаютъ новыхъ servi casati) и положеніе мелкихъ сво-

---

[1]) Gutmann p. 157. 236—38. 244—46.

[2]) Ibid. 132. 135. 139—41.

[3]) Ibid. 72. 109 и сл. 242, 275.

[4]) Fastlinger. Die wirtschaftliche Bedeutung der bayerischen Klöster in der Zeit der Agilulfinger. Freiburg. 1903.

бодныхъ сближается постепенно съ положеніемъ поселенныхъ въ крупныхъ помѣстьяхъ несвободныхъ. Образуется новый общественный строй, распадающійся на двѣ крупныя части—на работающій крестьянскій классъ, независимо отъ того, свободенъ ли послѣдній или нѣтъ, и на дворянское сословіе, помѣщиковъ—рыцарей. Слѣдовательно, въ результатѣ Каро приходитъ въ общемъ къ тѣмъ же выводамъ—на основаніи своихъ изслѣдованій по исторіи землевладѣнія въ Швейцаріи—что и господствующая теорія, и лишь (вполнѣ правильно) сильнѣе подчеркиваетъ то обстоятельство, что и впослѣдствіи, когда господствующей стала помѣстная крѣпостная система, рядомъ съ ней сохранились надолго еще остатки свободнаго землевладѣнія [1]). Изъ разработанныхъ имъ швейцарскихъ источниковъ въ особ. видно, что здѣсь свободное крестьянство сохранилось въ большемъ количествѣ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ.

Гораздо дальше въ этомъ направленіи идетъ Зелигеръ [2]), утверждая, что, не только рядомъ съ вотчинами и внѣ ихъ—на что обращаетъ вниманіе Каро и что и господствующая теорія (хотя и въ меньшей степени) допускаетъ—но и въ предѣлахъ самыхъ помѣстій, въ иммунитетахъ жили въ значительномъ количествѣ не только несвободные, но и свободные держатели. Однако, изъ приводимыхъ имъ же данныхъ можно усмотрѣть, что въ многочисленныхъ памятникахъ X, XI и XII ст. упоминаются одни лишь несвободные. Онъ и самъ признаетъ, что свободный элементъ сильно уменьшился, частью вслѣдствіе добровольнаго превращенія различныхъ слоевъ населенія въ несвободныхъ (нѣкоторые изъ нихъ были еще въ IX ст. свободны), частью по той причинѣ, что помѣстные владѣльцы отводили надѣльныя земли преимущественно и даже исключительно несвободнымъ [3]). Мало того, поскольку Зелигеръ находитъ въ эту эпоху свободныхъ крестьянъ, они являются въ большинствѣ случаевъ свободными лишь по имени, ибо не только обязаны уплачивать чиншъ, но и находятся подъ чужой „tutela“, не могутъ самостоятельно искать и отвѣчать на судѣ („servi“ и „liberi“ находятся въ одинаковомъ положеніи) и подлежать юрисдикціи помѣщика. Послѣдняя тѣсно связана съ сидѣніемъ на землѣ [4]) · если это и не являлось необходимостью, то фактически вотчинники старались пріобрѣсти юрисдикцію въ предѣлахъ своихъ земель; лица, живущія на землѣ помѣщика, иногда даже прямо объявляются его крѣпостными [5]). Они, конечно, могли фактически (экономически) мало зависѣть отъ вотчинника, но формально (юридически) они, во всякомъ случаѣ, не могутъ считаться свободными.

ГЛАВА VI.

Сельское хозяйство и помѣстная организація IX—XI ст.

Помѣстье IX—XI ст. (villa, manor) распадается на двѣ части. Первую составляетъ барская часть, обрабатываемая за счетъ сеньора (terra salica или mansus dominicus, mansus indominicatus); въ центрѣ ея находится барская усадьба (curtis sala, curtis salica), обыкновенно замокъ, окруженный стѣной и рвомъ. Вторая—крестьянская часть, село въ количествѣ 15—20 (по Лампрехту) дворовъ съ принадлежащей къ нимъ землей, т. е. крестьянскихъ хозяйствъ или манзъ (mansa, meix, mois, mas) [6]). „Почти нѣтъ случаевъ,

---

[1]) Caro. Jahrb. XXI. p. 494—25. XXI. 601—03. 618—19.

[2]) См. о его теоріи Stengel въ Zeitschr. der Savigny-Stift. B. 25 и Below въ Mitteil. des Instit. für österr. Geschichtsforsch. XXV.

[3]) Seeliger. p. 151—52. 143—45.

[4]) Ut nullus index publicus ullam super *ingenuos* homines, qui teneant atque possideant terram praescripii monasterti, exerceat potestatem.

[5]) Ut quisque ad locum vel ad terram ipsi pertinentem causa habitandi se contraxerit, *cuiuscunque nationis vel conditionis sit*, de proprietate ipsius sit. (Привил. Лотаря 1136 г.).

[6]) Certe vox Mansus Gallis familiaris fuit, quam in Meix Burgundiones, Mois Normanni, Averni et Provinciales in Mas efferebant.

чтобы барская земля захватывала весь мэноръ“ (Виноградовъ). Наоборотъ, въ эпоху Каролинговъ и Оттоновъ она представляла собою во многихъ случаяхъ не болѣе одной гуфы, къ которой впослѣдствіи присоединились и сдѣланные вотчинникомъ заимки въ общинныхъ угодьяхъ (Bifang). Въ помѣстьѣ Румерсгеймъ аббатства Прюмъ terra dominica составляла, напр., едва пятую часть всей площади земли. Размѣры крестьянскихъ манзъ, изъ которыхъ состояла, повидимому, большая часть помѣстья, были весьма разнообразны; однако же, въ одномъ и томъ же помѣстьѣ манзъ составлялъ (какъ полагаетъ Сэ) нѣчто опредѣленное, хотя и не въ смыслѣ занимаемаго имъ пространства, а въ видѣ количества добываемыхъ продуктовъ. Вообще самое понятіе надѣла (какъ и гайда, виргага, бовата) обозначаетъ не столько площадь извѣстной величины, сколько искусственную единицу, доставлявшую опредѣленное количество хлѣба и уплачивавшую извѣстныя подати и повинности.

Рядомъ съ mansus существовали, впрочемъ, и другія единицы хозяйства. Это были частью самостоятельныя совершенно мелкія хозяйства, какъ напр., bordaria (половина манза), condamina (еще меньше), casale (отъ послѣдняго англ. коттеджъ, нѣмецкое Kossät), частью дополнительныя къ манзу для спеціальныхъ культуръ. Послѣднія, въ виду обязательнаго сѣвооборота на надѣльныхъ земляхъ, могли быть разводимы лишь на свободныхъ частяхъ марки, гдѣ были сдѣланы заимки. Такъ, напр., curtilus (также cabannaria, appendaria) составлялъ дополнительное къ манзу (только владѣлецъ манза могъ заимки дѣлать) виноградарское хозяйство; вслѣдствіе независимости культуры его отъ принудительнаго сѣвооборота, онъ возросъ впослѣдствіи въ цѣнности, по сравненію съ манзомъ, и имѣлъ иногда цѣнность трехъ манзъ.

За пользованіе отведеннымъ ему надѣломъ, землей, лѣсомъ, пастбищами крестьянинъ обязанъ былъ отбывать въ пользу помѣщика барщину (curvada, corvée, Frondienst), именно различныя конныя и пѣшія службы—первыя при помощи скота, упряжныя работы, вторыя—ручныя; эти службы составляли обыкновенно три дня въ недѣлю, т. е. половину всего рабочаго времени. Среди нихъ главное значеніе имѣли полевыя работы по воздѣлыванію барской земли, т. е. той части помѣстья, которая обрабатывалась за счетъ феодала, посѣвъ, распашка земли, уборка хлѣба, молотьба и т. д. Поэтому самое слово барщина являлось синонимомъ „поля“, „барщины, находящіяся за замкомъ“ (Сеньобосъ). Къ полевымъ работамъ присоединялись и другія службы—перевозка помѣщичьяго хлѣба и другихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ (подводная повинность), пастьба барскаго скота, стрижка овецъ, рытье канавъ, очистка прудовъ, передача извѣстій. Кромѣ барщины крѣпостной доставлялъ оброкъ (coutume, cencive, Zins), т. е. отдавалъ сеньору часть продукта, произведеннаго на крестьянскомъ надѣлѣ. Оброкъ состоялъ преимущественно въ натурѣ, въ видѣ хлѣба, скота, живности, шерсти, но отчасти и въ формѣ изготовленныхъ крѣпостныхъ издѣлій, въ особ. холста. Наконецъ, уплачивалась десятина, тотъ же оброкъ въ пользу церкви; отбывались и разнообразныя повинности въ случаѣ смерти крестьянина, вступленія въ бракъ и т. п. Вотчинникъ извлекаетъ доходъ также изъ баналитетовъ (отъ слова; bannum, заповѣдный). Именно баналитетомъ являлась мельница: изъ общинной она превращается въ помѣщичью, и держателямъ надѣловъ запрещается имѣть свои мельницы или молоть хлѣбъ гдѣ-

либо внѣ сеньоріальной мельницы. За право помола на сеньоріальной мельницѣ (multura) крестьянинъ отдавалъ въ пользу сеньора часть смолотаго хлѣба. Монополія сеньора или баналитетъ распространяется на районъ, который можетъ пробѣжать оселъ, нагруженный мукой, до мельницы и обратно. Нарушеніе этой монополіи грозило не только штрафомъ, но и конфискаціей смолотаго въ другомъ мѣстѣ хлѣба, даже осла, перевозившаго такую муку. Такими же баналитетами являются нерѣдко право печенія хлѣба, варенья пива, выдѣлыванія вина, оливковаго масла, иногда и кузница становится изъ общинной собственности сеньоріальной. Всѣ эти баналитеты даются на откупъ опредѣленнымъ лицамъ и скоро превращаются въ наслѣдственные феоды [1]).

Не только въ началѣ IX вѣка лѣсъ нерѣдко составлялъ (какъ въ помѣстьяхъ аббатства Saint-Germain dès-Prés) $^{9}/_{10}$ всей площади земель, но еще и впослѣдствіи, въ XI вѣкѣ вся сѣверная Франція (Арденскій лѣсъ), Иль-де-Франсъ, обширныя области Германіи (Франконскій лѣсъ, Тюрингенскій лѣсъ, Спессартъ, Гарцъ и др.) были покрыты дремучими лѣсами, огромными пустынями, прерывавшими селенія на большомъ разстояніи и изобиловавшими медвѣдями и волками, лѣсными кабанами и дикими кошками [2]). Въ связи съ этимъ широко была распространена охота, какъ и рыболовство или охота въ рѣкахъ. Принципъ коллективной собственности на лѣса еще господствовалъ, хотя вотчинники уже смотрѣли на нихъ, какъ на свою частную собственность, пользованіе которой, съ извѣстными ограниченіями, они предоставляютъ крестьянамъ, въ особенности для добыванія необходимаго топлива и строевого лѣса и для пастьбы скота. И на эти земли, слѣдовательно, постепенно распространяется „nulle terre sans seigneur“. Лѣсъ опредѣлялся количествомъ пасущихся въ немъ свиней, стада которыхъ достигали 200 и болѣе головъ. Сильно развито было, благодаря обширному пространству лѣсовъ, и овцеводство; монастырь Фульда имѣлъ, напр., свыше 5 тыс. овецъ. Лошадьми же пользовались и въ эту эпоху лишь для верховой ѣзды, почти исключительно на войнѣ; на югѣ съ ними конкурировали мулы. Расчистка лѣсовъ, выкорчевываніе ихъ являлось при такихъ условіяхъ дѣломъ чрезвычайно важнымъ; монастыри въ особенности не только сами много занимались этимъ, но и побуждали другихъ, справедливо называя обработку пустошей богоугоднымъ дѣломъ. Тѣмъ не менѣе постоянные вражескіе набѣги, сопровождавшіеся опустошеніемъ хозяйствъ, тормозили эту работу и приводили вновь къ запустѣнію воздѣланныхъ мѣстностей. Лишь въ концѣ XI ст. (въ 1095) Клермонскій соборъ установилъ Божій миръ для всего хозяйственнаго скота (быковъ, коровъ, ословъ, лошадей, овецъ): omnibus diebus sint in pace. Онъ запретилъ истребленіе скота во время воен-

---

[1]) О баналитетахъ см. Koehne. Das Recht der Mühlen bis zum Ende der Karolingerzeit 1900. Viollet. La communauté des moulins et des fours au moyen-âge. Révue histor. T. 32. 1886. Inama. Deut. Wirtschaftsgesch. II. Lamprecht.

[2]) Какъ указываетъ Вопфнеръ, до начала франкскаго періода вообще повидимому населеніе почти не принималось за расчистку дремучихъ лѣсовъ и площадь поселеній и посѣвовъ почти не измѣнялась; эти дремучіе лѣса не годились и для пастьбы скота (Wopfner. Beitr. zur Gesch. der Markgenoss. Mtteil. des Instit. für oesterr. Geschichtsforsch. B. 33 p. 596 и сл. См. также Hoops. Waldbäume und Kulturpflanzen. 1905).

ныхъ дѣйствій, вступилъ, слѣдовательно, въ борьбу съ опустошеніемъ крестьянскихъ земель, страдавшихъ за вину воинственныхъ бароновъ.

Лѣса, воды, пастбища находились въ общемъ пользованіи крестьянъ—каждое лицо, владѣвшее дворомъ, тѣмъ самымъ имѣло право на пользованіе угодьями; пахотныя земли, наоборотъ, составляли индивидуальную собственность каждаго. Однако, остатки прежней марки сохранились и въ отношеніи послѣднихъ еще надолго въ видѣ черезполосности земель и принудительнаго сѣвооборота (т. е. порядка засѣванья поля различными растеніями), которому обязаны были подчиняться не только всѣ крестьяне—держатели, но и феодалъ. Хотя послѣдній въ лицѣ своего приказчика и пользовался большимъ вліяніемъ на самое регулированье сѣвооборота, но такъ какъ и доманіальныя земли были чрезполосно разбросаны среди крестьянскихъ участковъ, то и онъ не въ состояніи былъ вести отличный отъ прочихъ сѣвоооборотъ. Послѣ снятія жатвы все поле, надѣльное и барское, превращалось въ общинное пастбище и если бы на чьемъ-либо надѣлѣ или на барской землѣ находились въ это время посѣвы, они были бы уничтожены. Поэтому-то и помѣщикъ не въ состояніи былъ вести на своей доманіальной землѣ болѣе совершеннаго хозяйства, чѣмъ то, которое практиковалось на крестьянскихъ участкахъ. Вся разница состояла лишь въ томъ, что луговое хозяйство, вслѣдствіе превращенія лѣсовъ и пустошей въ покосы, было нѣсколько распространено на барской землѣ, тогда какъ на крестьянской оно отсутствовало. Вообще,—какъ указываетъ Мейценъ,—сравнивая эпоху Карла Вел. съ эпохой Хлодвига, мы не находимъ какихъ-либо ранѣе неизвѣстныхъ или вновь разводимыхъ полевыхъ культуръ, не находимъ и какихъ-либо новыхъ или улучшенныхъ сельскохозяйственныхъ орудій. Садовыя растенія и цвѣты, которые рекомендуется разводить въ Capitulare de villis, хотя и распространились впослѣдствіи въ садахъ, въ особенности монастырскихъ, благодаря старанію монаховъ, но хозяйственнаго значенія не имѣли. И въ отношеніи сѣвооборота едва ли найдемъ перемѣны. Трехпольное хозяйство упоминается, правда, уже въ 771 году (въ Швейцаріи). Но такъ какъ указанія на существованіе этой системы хозяйства попадаются лишь въ видѣ исключенія, то трудно предположить, чтобы она была значительно распространена ранѣе X—XI ст.; въ Capitulare de villis, напр., о ней совершенно не упоминается. Однако, и въ XI ст. раціональная, даже съ точки зрѣнія людей того времени, обработка земли встрѣчается рѣдко. Лучше всего, повидимому, воздѣлывались церковныя владѣнія; единственный случай похвалы, встрѣчающійся въ источникахъ, относится къ аббату [1]). Сельскохозяйственный инвентарь имѣлъ даже на виллахъ Карла Вел. чрезвычайно печальный видъ. На цѣлыя помѣстья приходилось всего по одной лошади; повозки—какъ прямо указывается въ Capitulare de villis—имѣлись лишь для военныхъ цѣлей; плуги и бороны вовсе не упоминаются. Пользовались одними лопатами и кирками, причемъ въ цѣломъ имѣніи имѣлось лишь десятка три серповъ и семь мотыкъ и никакихъ болѣе инструментовъ. Еще въ XI вѣкѣ рядомъ съ крестьянами,

---

[1]) Culturas agrorum bene et opportune disposuit (Gest. abb. Gembl).

обрабатывающими землю при помощи воловъ или лошадей, упоминаются люди, разрывающіе ее руками [1]).

Едва ли поэтому можно согласиться съ Инама-Стернеггомъ въ томъ, что крупныя помѣстья сыграли важную историческую роль,—основное положеніе, которое онъ проводитъ въ своей экономической исторіи Германіи въ средніе вѣка [2]). Имѣя въ виду незначительные успѣхи въ области сельскохозяйственной культуры, сдѣланные въ разсматриваемую эпоху (какъ указано выше), трудно признать правильнымъ, что „крупные вотчинники не только сумѣли дать болѣе богатое содержаніе своей собственной жизни, но и открыть національному производству новые, болѣе широкіе пути, поставивъ наравнѣ съ землей, являвшейся до того времени наиболѣе важнымъ факторомъ производства, національный трудъ въ качествѣ не менѣе важнаго и плодотворнаго фактора". На утвержденіе Инама-Стернегга, что въ помѣстьяхъ всякій трудъ находилъ себѣ надлежащее примѣненіе и благодаря правильной организаціи, каждая рабочая сила могла быть вполнѣ использована, Лампрехтъ вполнѣ правильно возражаетъ, что спеціализація повинностей и платежей, въ особенности свобода выбора формы оброка крѣпостными, встрѣчается лишь въ видѣ исключенія [3]). Уже самый фактъ разбросанности частнаго землевладѣнія (Streubesitz)—какъ указываетъ Лампрехтъ—дѣлалъ невозможнымъ надлежащую организацію вотчиннаго хозяйства: въ одной и той же мѣстности имѣлись нерѣдко владѣнія цѣлой дюжины вотчинниковъ; по одному лишь Мозелю можно было насчитать 78 различныхъ владѣній.

Мнѣніе Лампрехта вполнѣ подтвердилось дальнѣйшими изслѣдованіями въ различныхъ мѣстностяхъ Германіи — Вюртембергѣ, Баваріи, Вестфаліи, Эльзасѣ, Швейцаріи, а также Франціи и Италіи, произведенными въ особенности на основаніи грамотъ о передачѣ недвижимостей (traditiones) монастырямъ—Санктъ-Галленскому, Фульда, Лоршъ, Фрейзингъ, Вейссенбургъ Верденъ, Сенъ-Жерменъ и др. Повсюду была установлена разбросанность какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго крупнаго землевладѣнія на мелкія полосы. Это результатъ постепеннаго захвата или пріобрѣтенія земель: полученные монастырями участки не только принадлежали многочисленнымъ владѣльцамъ но и являлись въ свою очередь лишь частицами владѣнія, находившагося въ рукахъ даннаго лица въ этой мѣстности. Передается portio, часть гуфы — $^1/_2$, $^1/_3$, даже $^1/_8$ ея, небольшія части пахотей, лѣсовъ, виноградниковъ [4]).

---

1) Pauperiores vero qui manibus laborant vel cum fossoribus (Cart. Jonne, Cart., Mâcon).

2) „То, чего не могла достигнуть свободная община—говоритъ Инама-Стернегъ,—именно крѣпкой сплоченности членовъ въ области поддержанія соціальнаго порядка и экономической самостоятельности, было достигнуто помѣстной системой. Она стала соціальной организаціей, въ которой свобода индивида по необходимости отступала предъ болѣе высокой цѣлью, стала крѣпкимъ тѣломъ, на функціи котораго могло положиться и государство въ своей заботѣ о культурныхъ интересахъ" (I. 332). Въ противоположность этому, Сеньобосъ (Le régime féodal en Bourgogne) даетъ такую характеристику: сеньоръ не управляетъ крестьянами, а эксплоатируетъ ихъ (p. 201).

3) Inama I. 381. Lamprecht. I. 2. p. 738 и сл.

4) См. Kötzschke. Studien zur Verwaltungsgeschichte der Grossgrundherrsch. Werden a. d. Ruhr. 1901. Meyer Martin Zur älteren Gesch. Corveys und Höxters. 1893. Caro въ Jahrbuch für schweizer. Geschichte. 1902. Dopsch. Wirtschaftsentwickl. der Karolingerzeit. I. 1912. Удальцовъ. Журн. Мин. Нар. Пр. 1912. Т. 42. стр. 18. 38.

Въ одномъ вопросѣ, однако, Лампрехтъ еще сходился съ Инама. И онъ признавалъ крупное значеніе имперскихъ помѣстій, которыя „представляли собою сплошныя территоріи въ 1—2 и даже 5—6 кв. миль“ и на которыхъ имѣлось централизованное управленіе и централизованное хозяйство, сосредоточивавшее свои продукты въ опредѣленныхъ пунктахъ—палаціяхъ, гдѣ императоръ отъ времени до времени имѣлъ свое пребываніе [1]). Напротивъ, Допшъ въ послѣднемъ своемъ изслѣдованіи отрицаетъ и централизованность имперскихъ помѣстій. Большинство ихъ, по его мнѣнію, также было разбито на небольшія части, лежавшія въ перемежку съ духовными и свѣтскими владѣніями и составлявшія нерѣдко всего одну или нѣсколько гуфъ съ немногими прикрѣпленными къ землѣ крестьянами. Какъ и во владѣніяхъ духовныхъ и свѣтскихъ властей, и такъ и здѣсь находимъ—говоритъ онъ—лишь отдѣльныя разнообразныя по величинѣ и самостоятельныя виллы, fiscus обозначаетъ ничто иное какъ виллу [2]), которой завѣдуетъ приказчикъ (iudex maior), причемъ на большинствѣ фисковъ имѣлся всего одинъ maior. Такъ же приказчики именуются и въ помѣстьяхъ аристократіи (meiere, villici, bailiff, sculteti или scultes, впослѣдствіи Schultteiss или Meier, maire), гдѣ завѣдуютъ обрабатываемой барщиннымъ трудомъ доменіальной землей и доставляютъ вотчиннику приносимые крестьнами съ надѣловъ оброки, платежи и повинности.

Важнѣйшимъ источникомъ, на которомъ покоится у большинства писателей характеристика землевладѣнія въ эпоху Каролинговъ, является Capitulare de villis—регламентъ относительно управленія фискальными имѣньями начала IX вѣка, сохранившійся въ одномъ лишь спискѣ и приписываемый Карлу Вел. Мауреръ (Einleitung p. 225), Инама—Стернеггъ (I, 305), Ницшъ (Ministerialität und Bürgertum. 67), Гарейсъ (Landgüterordnung. p. 3 сл.)—всѣ они говорятъ на основаніи этого капитулярія о „новой и блестящей системѣ“, введенной Карломъ Вел. въ управленіи помѣстьями: Capitulare de villis, „стоящій выше всѣхъ прочихъ законовъ эпохи Каролинговъ, свидѣтельствуетъ о мудрости Карла Вел., о широтѣ его взглядовъ, какъ и той заботливости, съ которой онъ вникаетъ во всѣ подробности хозяйства“. Они указываютъ и на то, что его распоряженія оказали крупное вліяніе и на организацію всего помѣстнаго землевладѣнія, духовнаго и свѣтскаго. Уже Лампрехтъ, однако, упрекаетъ Маурера и Вайца въ томъ. что они разсматриваютъ Capitulare de villis въ качествѣ magna charta крупнаго землевладѣнія вообще, тогда какъ оно относится только къ имѣніямъ фиска. Еще дальше идетъ въ этомъ направленіи Допшъ (р. 28—87), отрицающій вообще значеніе этого капитуларія какъ существеннаго источника для изученія землевладѣнія эпохи и указывающій на то, что никакой „блестящей картины“ хозяйства на фискальныхъ помѣстьяхъ онъ не обнаруживаетъ, какъ и не вводитъ въ нихъ ничего новаго. Скорѣе онъ свидѣтельствуетъ о томъ, что авторъ капитуларія, ссылаясь на старыя правила, желалъ лишь возстановить прежній порядокъ, пришедшій въ разстройство. Наличность одного лишь списка этого капитуларія, тогда какъ другіе капитуларіи сохранились въ большомъ количествѣ списковъ, указываетъ, по его мнѣнію, на то, что Capitulare de villis вовсе не есть капитуларіи, составленный для помѣстій фиска, а лишь регламентъ, имѣвшій временное значеніе и предназначенный только для нѣкоторыхъ имѣній (на это еще раньше указывалъ Guérard въ своихъ ко-

---

[1]) Такова господствующая точка зрѣнія, высказанная еще Мауреромъ (Geschichte der Fronhöfe etc. I. p. 212 и сл.) затѣмъ Инама (Deut. Wirtschaftsgesch. I. 321), Gareis (Landgüterordnung Karls d. Gr. p. 23), Eggers. Der königl. Grundbesitz etc. p. 104. Schröder. Deut. Rechtsgesch. 5. Aufl. 206.

[2]) Franci autem, qui in fiscis aut villis nostris commanent; тотъ же смыслъ имѣетъ и curtis: villis vel curtibus.

ментаріяхъ къ Capitulare de villis). Мало того, Допшъ утверждаетъ, что авторомъ этого регламента является не Карлъ Вел., а Людовикъ Благочестивый (въ 794 году); что относится регламентъ только къ тѣмъ помѣстьямъ, которыя должны были доставлять продукты для содержанія императора (а вовсе не для тѣхъ имѣній, которыя находились въ рукахъ другихъ лицъ въ качествѣ бенефицій); наконецъ, что капитуларій касается этихъ имѣній лишь въ одной мѣстности—на югѣ Франціи. Послѣднее Допшъ устанавливаетъ на основаніи именъ цвѣтовъ и растеній, которые, по требованію регламента, должны разводиться въ помѣстьяхъ фиска, но которые, какъ признаютъ ботаники, не существовали въ Германіи и не могли расти въ ея холодномъ климатѣ (напр., лавръ, розмаринъ, фикусъ и др.); рѣчь идетъ о южныхъ плодахъ и цвѣтахъ, которые, судя по ихъ названіямъ (арабскій costus, pisos Mauriscos, silum, т. е. seseli Massiliense), произрастали въ мѣстностяхъ, сосѣднихъ съ мавританскими странами и съ Средиземнымъ моремъ, т. е. въ южной Франціи (Аквитаніи).

Сами по себѣ поправки Допша относительно автора Capitulare de villis—времени его составленія, мѣстности, для которой онъ былъ предназначенъ, конечно, очень важны и заслуживаютъ внимательнаго разсмотрѣнія. Но для историка-экономиста, изучающаго лишь общій характеръ землевладѣнія въ эпоху Каролинговъ, разрѣшеніе большинства затронутыхъ имъ вопросовъ въ томъ или иномъ направленіи не можетъ имѣть рѣшающаго значенія; даже вопросъ о томъ, устанавливается ли этимъ регламентомъ что-либо новое, имѣемъ ли мы предъ собою продуктъ творчества Карла Вел. (или Людовика Благ.) или онъ вовсе не обнаруживаетъ государственной мудрости императора, съ этой точки зрѣнія не существенъ. Во всякомъ случаѣ Capitulare de villis даетъ намъ картину управленія фискальными помѣстьями и веденія въ нихъ хозяйства въ VIII—IX ст. Оно тѣмъ болѣе важно для изслѣдователя, что въ капитуларіи затрагиваются самыя мелкія подробности хозяйства. Такъ, напр., не только должны быть доставлены императору списки о количествѣ поступленій на отдѣльныхъ виллахъ, но и свѣдѣнія о числѣ пойманныхъ волковъ, причемъ шкуры послѣднихъ посылаются ему, какъ посылается и хлѣбъ, свиньи и бараны, утки и куры; ему сообщаются свѣдѣнія о разведеніи собакъ, относительно количества пріобрѣтеннаго вина и т. д.

Конечно, далеко не все то, что приказывалось въ капитуларіи, выполнялось на практикѣ. Многое было вовсе невыполнимо въ тѣ времена, какъ, напр., запрещеніе управителямъ и служащимъ брать взятки, пользоваться трудомъ крестьянъ въ своихъ интересахъ, требованіе вести точную отчетность на доменахъ и ежегодно представлять приходо-расходныя книги, при отсутствіи грамотности и умѣнья считать; содержаніе Capitulare не слѣдуетъ поэтому принимать за чистую монету даже въ отношеніи доменъ. Но съ другой стороны, было бы ошибочно предполагать существованіе рѣзкаго различія между помѣстьями фиска и иными категоріями землевладѣнія (свѣтскимъ и духовнымъ), ибо помимо того, что помѣстная организація Карла Вел. служила примѣромъ для крупныхъ вотчинниковъ, они являлись однородными и по существу и преслѣдуемой цѣли. Императоръ былъ тѣмъ же помѣщикомъ, доходы его имѣли такой же вотчинный характеръ и также заключались въ повинностяхъ и оброкѣ, приносимыхъ сидящими на его земляхъ крестьянами. Всѣ эти доходы предназначались ни для чего иного, какъ для удовлетворенія его личныхъ потребностей. При такихъ условіяхъ нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ помѣстьяхъ мы находимъ тѣхъ же служащихъ (сенешалъ, кравчій, егермейстеръ, привратникъ, пекарь, свинопасъ), завѣдующихъ отдѣльными частями хозяйства, какъ и въ государственномъ управленіи (ministeria—пфальцграфъ, сенешалъ, шенкъ, егермейстеръ и др.); выйдя изъ крѣпостного состоянія, они вскорѣ образуютъ—и тѣ и другіе—сильный классъ министеріаловъ (serjeants, servientes).

Для выясненія помѣстнаго хозяйства въ особ. въ церковныхъ владѣніяхъ имѣются другіе источники—описанія помѣстій въ видѣ „polypticha“ и урбарій (напр., Верденъ, Прюмъ), относящихся къ VIII—IX ст. Любопытны, напр., данныя относительно помѣстнаго строя на обширныхъ владѣніяхъ французскаго монастыря Сенъ-Жерменъ-де Пре (монастырь находился вблизи Парижа), содержащіяся въ описаніи (polypticum), составленномъ аббатомъ Ирминономъ въ началѣ IX вѣка (нов. изд. Longnon). Владѣнія аббатства равнялись, судя по

polyptique (по Герару, сохранилась лишь $^1/_4$ его), 36,613 гект., причемъ они распредѣлялись почти поровну между барской и крестьянской землей. Послѣдняя состояла изъ 1,646 манзъ съ населеніемъ ок. 10 тысячъ. По вычисленіямъ Гевара и Лоньона, доходъ аббатства, переведенный на деньги, составлялъ 580 тыс. соврем. франковъ; изъ коихъ 200 тыс. доставляла барская земля и 380 тыс. надѣльная, такъ что на манзъ приходилось службъ и платежей (почти поровну тѣхъ и другихъ) на 184 ф. Почти $^7/_8$ всѣхъ надѣловъ, именно 1.430, составляли mansi ingenuiles, всего 25 было lidiles и 191 serviles; но къ началу IX вѣка (какъ мы указывали выше) связь между характеромъ манза и состояніемъ лица, сидѣвшаго на ней, успѣла исчезнуть, и нерѣдко манзъ ingenuilis принадлежалъ серву или литу. Различіе между надѣлами заключалось лишь въ службахъ и платежахъ, лежавшихъ на нихъ. Но и въ этомъ отношеніи оно успѣло къ этому времени почти совсѣмъ стереться, ибо службы на владѣніяхъ Сенъ-Жерменскаго аббатства были въ эту эпоху почти одинаковы и для mansi ingenuiles и для mansi serviles или lidiles. Службы распадаются на три группы: 1) обработка полей при помощи скота (rigae, curvadae), 2) ручныя работы (manopera): устройство изгородей (clausurae), сооруженіе и исправленіе построекъ, жатвенныя работы, молотьба, приготовленіе хлѣба и пива, переноска тяжестей, рубка лѣса (caplim); 3) перевозочныя работы—транспортъ дровъ, хлѣба, вина; они называются carroperae или спеціально vinericia — перевозка вина, или по мѣсяцамъ, когда производится работа — magisca (въ маѣ), augustaticum (въ августѣ). Количественно службы либо вовсе не опредѣлены (сколько прикажутъ— manoperas quantum ei iubetur), либо опредѣлены по работѣ, которая должна быть выполнена,—воздѣлываніе такого-то пространства земли; либо, наконецъ, установлена продолжительность работы—столько-то дней въ недѣлю. Въ послѣднемъ случаѣ служба упряжная и ручная (помимо перевозокъ) составляла обыкновенно 2 или 3 дня въ недѣлю, причемъ при существованіи конной службы соотвѣтственно уменьшалась ручная работа; во время службъ крестьяне нерѣдко получали пищу и напитки отъ монастыря.

Повинности состояли изъ чинша, подушнаго или поочажнаго сбора (carnaticum), части продукта (agraria), платы за пользованіе лѣсами монастыря (lignaritia, glandaticum), наконецъ платежей на снабженіе войска во время похода (hostilicium, carnaticum)—первоначально имѣвшихъ повидимому временный характеръ, но впослѣдствіи превратившихся въ постоянные поборы. Повинности уплачивались обыкновенно въ слѣдующей формѣ: во-1-хъ, скотомъ, именно быками, баранами, свиньями (среди послѣднихъ различались поросята малые и большіе—porci maiores et porci minores, soales, т. е. цѣнностью въ одинъ солидъ, и porcelli меньшей цѣнности, ferreoli—молочные поросята, porci crassi—вполнѣ откормленные). Во-2-хъ, оброкъ крестьяне приносили въ видѣ птицы и яицъ—каждый манзъ доставлялъ 3 куръ и 15 яицъ; встрѣчается въ видѣ особаго платежа pullus regalis, по объясненію Герара, курица, уплачиваемая при проѣздѣ короля, первоначально повидимому случайный платежъ, который впослѣдствіи сталъ постояннымъ. Въ-3-хъ, вино въ значительномъ количествѣ доставлялось крестьянами (hostilicium и glandaticum обыкновенно уплачивались виномъ); монастырь потреблялъ (120 монаховъ) 2,000 модіевъ (модій составлялъ 63—68 литровъ) вина. Въ-4-хъ, находимъ хлѣбъ, но послѣдній доставлялся не со всѣхъ манзъ, и въ 5-хъ, солодъ и хмѣль для приготовленія пива, оброкъ спеціально для mansi serviles. Вторую группу составлялъ оброкъ въ промышленныхъ издѣліяхъ. Нѣсколько лицъ, обозначенныхъ faber (кузнецъ), обязаны производить оружіе—blasi, другіе—обручи, необходимые для бочекъ; въ иныхъ случаяхъ оброкъ заключался въ одеждѣ изъ льна и шерсти, изготовленной крѣпостными женщинами; наконецъ, 32 манза обязаны разъ въ три года къ Новому году снабжать монастырь лопатами (30 штукъ) [1].

---

[1]) Для Италіи см. подробное описаніе помѣстнаго хозяйства у Darmstädter Das Reischsgut in der Lombardei und Piemont, p. 299 и сл., Mommsen. Bewirtschaftung der Kirchengüter unter Papst Gregor I. Zeitschr. für Sozial-und Wirtschaftsgesch I. а также Ковалевскій. Экон. ростъ Европы I, стр. 14 и сл.

ГЛАВА VII.

Промыслы и обмѣнъ въ раннее средневѣковье.

Бюхеръ правильно характеризуетъ помѣстье ранняго средневѣковья какъ замкнутое домашнее хозяйство, которое самостоятельно удовлетворяетъ всѣ потребности находящагося въ предѣлахъ вотчины населенія. Оно дѣйствительно является самодовлѣющимъ цѣлымъ, не выходитъ за свои предѣлы, не нуждается во внѣшнемъ окружающемъ его мірѣ. Потребности эти, правда, не велики; онѣ ограничиваются весьма простой и грубой пищей, довольно примитивнымъ жилищемъ и немногими предметами одежды и утвари, напоминающими по своей простотѣ обстановку современныхъ неевропейскихъ дикихъ народовъ. И немногимъ лучше жили вотчинники вплоть до герцоговъ и королей.

Что касается жилища [1]), то исходную точку составляетъ состоящая изъ одного помѣщенія деревянная постройка съ крышей изъ дерева или черепицы, соломы, хвороста, съ утрамбованнымъ глиной поломъ. Посреди него горитъ огонь, служащій одновременно для приготовленія кушанья, для отопленія и освѣщенія жилища; дымъ проходитъ чрезъ отверстіе въ крышѣ. Каменныя постройки составляютъ рѣдкое явленіе, предметъ особой зависти нѣкоторыхъ государей; болѣе часты лишь каменныя церкви. При Карлѣ Вел. даже помѣщенія для храненія сокровищъ строились изъ дерева; уничтоженіе пожаромъ цѣлыхъ селеній, вслѣдствіе неосторожнаго обращенія съ огнемъ, составляло поэтому явленіе нерѣдкое. Неудивительно, если огня такъ боялись, сравнивали его съ врагомъ, нападающимъ на домъ или выскакивающимъ изъ чернаго облака, называли огонь злымъ, жаднымъ, хищнымъ. Появляются нерѣдко и двухэтажныя постройки, но строительное искусство было столь мало развито, что верхній этажъ легко рушился. Такимъ образомъ погибъ имп. Генрихъ III въ 1045 г., еще раньше пострадалъ (въ 870 г.) Карлъ Нѣмецкій. Вообще постройки были плохи: въ 817 г. соединительный ходъ между церковью и дворцомъ въ Ахенѣ обрушился подъ императоромъ и его свитой, въ 1045 г. рухнулъ соборъ въ Констанцѣ. Въ Эрфуртскомъ замкѣ во время рейхстага въ 1183 г. не выдержали балки и 8 князей, 5 графовъ и свыше 100 рыцарей погибло въ находившейся подъ замкомъ обширной выгребной ямѣ (императоръ успѣлъ выскочить въ окно) [2]). Каменные дворцы и монастыри дѣлились на нѣсколько помѣщеній, хотя отопляемыя помѣщенія составляли исключеніе и считались чѣмъ то особенно рѣдкимъ и доступнымъ только королямъ или епископамъ. Такое отдѣльное помѣщеніе для сна получаетъ названіе cheminata или caminata—комната или—что тоже—помѣщеніе съ каминомъ. Остальныя помѣщенія однако—погребъ, амбаръ, кухня (все они заимствованы у римлянъ) представляютъ собою особыя постройки; на виллахъ Карла Вел. имѣется обыкновенно цѣлый рядъ—иногда до 17—такихъ построекъ; ибо дѣленіе главнаго дома на части предъявляло еще и въ эту эпоху большія трудности. Въ стѣнахъ дѣлаются отверстія (окна), но лишь въ церквахъ они закрываются стеклами, въ замкахъ же свѣтскихъ князей—только деревянными ставнями. Мебель состоитъ изъ столовъ, скамей, на которыхъ лежатъ подушки и ковры, и стула для императора или епископа (особо почетное мѣсто, выдѣляющее его изъ ряда прочихъ) съ подставкой для ногъ, въ виду холоднаго некрытаго пола, простой деревянной кровати, покрытой соломой, далеко не всегда и пуховиками; Карлъ Вел. спалъ безъ нихъ. Церкви пользовались для освѣщенія лампаднымъ масломъ и восковыми свѣчами, имѣли стеклянные или металлическіе подсвѣчники и сосуды, даже канделябры. Въ

---

[1]) См. Heyne. Wohnungswesen. p. 81—84. 89—94. 106—113. 117—128.
[2]) Alw. Schultz. Höfisches Leben zur Zeit der Minnesinger. I. 85.

мірскихъ зданіяхъ всего этого не было; лишь въ видѣ рѣдкости встрѣчается воскъ на помѣстьяхъ Карла Вел., чаще свѣтильня помѣщается въ открытомъ глиняномъ сосудѣ, наполненномъ саломъ, что ведетъ къ частымъ пожарамъ. А еще чаще освѣщеніе происходитъ посредствомъ лучины изъ сухого дерева или огня, горящаго на очагѣ: маркграфъ Эккгардъ во время ночного нападенія въ 1002 г. бросаетъ все, что ему попадается подъ руки, въ тлѣющій на очагѣ огонь, чтобы освѣтить домъ.

Потребности эти удовлетворялись прежде всего и на девять десятыхъ сельскимъ хозяйствомъ—у крестьянъ продуктами собственнаго же труда, у помѣщика частью барщиной, т. е. трудомъ крѣпостныхъ, частью оброкомъ. Послѣдній состоялъ не только въ сельско-хозяйственныхъ продуктахъ, но нерѣдко и въ промышленныхъ издѣліяхъ, пряжѣ и тканяхъ изъ шерсти и льна — признакъ несвободнаго стостоянія. Холстъ (camisile) въ особенности упоминается сплошь и рядомъ (напр. въ помѣстьяхъ монастырей Прюмъ, Лоршъ, Вейсенбургъ). Столь же обычнымъ оброкомъ являются шерстяныя ткани—sarcile; 600 сѣрыхъ плащей или 35 фунтовъ серебра упоминается въ грамотахъ аббатства Фульда въ X ст. Или же оброкъ заключался въ кожѣ въ сыромъ или обработанномъ видѣ, предметахъ изъ дерева и т. п. Существовали спеціальные надѣлы, которымъ оброкъ былъ назначенъ исключительно въ тѣхъ или иныхъ промышленныхъ издѣліяхъ (см. выше, стр. 54, аббатство Сенъ-Жерменъ). Точно также и барщина выражалась не только въ полевыхъ работахъ, но и въ постройкѣ необходимыхъ для помѣщичьяго хозяйства зданій—усадьбы, сараевъ, амбаровъ, мельницъ; а равно въ промышленныхъ работахъ на помѣщичьемъ дворѣ — въ вареніи крѣпостными пива, выжимкѣ вина, въ производствѣ сапожныхъ, скорняжныхъ, сукновальныхъ и др. работъ (напр., въ аббатствѣ Рейхенау) въ теченіе извѣстнаго времени. При этомъ крѣпостные получали пропитаніе на монастырскомъ дворѣ, „пока они заняты изготовленіемъ одежды для монаховъ“; въ остальное время, какъ видно изъ различныхъ урбаріевъ, они обрабатывали свой надѣлъ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ формой производства, именуемой работой для домашнихъ потребностей. Но характеръ ея не измѣняется и тогда, когда тотъ или другой крѣпостной всецѣло посвящаетъ себя данному промыслу, работая какъ на вотчинника, такъ и на другихъ крестьянъ, ибо и здѣсь его работа не выходитъ за предѣлы помѣстнаго хозяйства, не происходитъ для сбыта. Впрочемъ такихъ работниковъ мы находимъ немного. Правда, мы встрѣчаемъ въ подворьи санъ-галленскаго монастыря помѣщенія для сѣдельниковъ, токарей, кожевниковъ, выдѣлывателей щитовъ и мечей; въ баварскихъ монастыряхъ—помимо виноградарей, охотниковъ, рыболововъ, упоминаются также токари, кузнецы и оружейники. Еще большее количество спеціальностей должно быть налицо, согласно Capitulare de villis, на имперскихъ доменахъ (кузнецы, золотыхъ дѣлъ мастера, кожевники, токари, выдѣлыватели телѣгъ, щитовъ, плетенныхъ издѣлій, мыловары, а также пекаря, пивовары, рыболовы и т. д.).

Но таковы были лишь приказанія, дѣйствительность имъ мало соотвѣтствовала. Изъ Exempla Brevium мы узнаемъ, что даже на хорошо устроенныхъ императорскихъ помѣстьяхъ, (напр., fiscus Asnapium) промышленныхъ ра-

ботниковъ совершенно не оказалось; вопросъ о наличности ихъ на другихъ доменахъ обходится молчанiемъ. И въ большинствѣ церковныхъ помѣстiй, повидимому, имѣлись лишь работники двухъ-трехъ спецiальностей (въ аббатствѣ св. Ремигiя въ Реймсѣ упоминаются лишь кузнецы, мельники, рыболовы), такъ что приходилось занимать работниковъ у другихъ лицъ. Такъ, напр., епископъ фрсйзингскiй временно уступаетъ опытнаго кузнеца; архiепископъ майнцскiй проситъ аббата Уармутскаго о присылкѣ ему изъ Англiи стекольщика для выдѣлки оконныхъ стеколъ и сосудовъ въ монастырѣ; аббатъ монастыря St. Claude уступаетъ епископу Фротару fidelem virum et sacris artificiis idoneum. Въ качествѣ особой заслуги архiепископа реймскаго лѣтописецъ упоминаетъ о томъ, что онъ повсюду старался добыть работниковъ и снабдить ихъ надѣлами. Монастырь Фульда также раздаетъ надѣлы лицамъ, знакомымъ съ промышленными работами, ut non sit vacua fabrica et semper docti opus faciant et iuniores discant. Однако, въ этихъ и другихъ случаяхъ мы даже не знаемъ, существовало ли всего одно или же нѣсколько лицъ даннаго промысла и были ли они профессiональными работниками, или лишь временно занимались промышленнымъ трудомъ на барскомъ дворѣ. По крайней мѣрѣ въ монастырѣ Стаффельзе при наличности 24 женщинъ, занимающихся изготовленiемъ платья, оказался запасъ всего въ 4—5 предметовъ различнаго сорта, такъ что можно предполагать, что работа производилась ими лишь извѣстное время въ году. Въ аббатствѣ Верденъ крѣпостные мастера работаютъ одни черезъ день (2 пекаря, 2 повара, 3 пивовара, одинъ сторожъ при погребѣ), другiе каждые 3—5 дней (4 плотника и т. д.); однако, на время жатвы они въ теченiе 2 недѣль совершенно освобождаются, такъ что и они занимались сельскимъ хозяйствомъ.

Въ другихъ монастыряхъ, напр., Вейссенбургѣ, работаютъ по очереди или въ теченiе зимы, дважды по 14 дней. Приведенныя обстоятельства проливаютъ свѣтъ и на вопросъ о томъ, правильна ли старая теорiя, согласно которой въ вотчинахъ существовали корпорацiи дворовыхъ работниковъ и по типу этихъ корпорацiй были впослѣдствiи организованы ремесленные цехи въ городахъ. Никакихъ положительныхъ данныхъ о такихъ корпорацiяхъ въ разсматриваемую эпоху мы не имѣемъ. Упоминаются, правда, magistri, но они обозначаютъ не старѣйшинъ корпорацiй, какъ полагаетъ упомянутая теорiя, а очень искусныхъ и умѣлыхъ работниковъ или же надсмотрщиковъ надъ прочими дворовыми работниками. Изъ послѣдняго, однако, вовсе не слѣдуетъ, что эти работники были распредѣлены по спецiальностямъ и во главѣ каждой группы поставленъ magister. Мало того, самая возможность существованiя такихъ корпорацiй находится въ противорѣчiи съ приведенными фактами—съ тѣмъ, что количество промышленныхъ работниковъ въ вотчинахъ было весьма незначительно, и съ тѣмъ, что, поскольку они имѣлись, они въ большинствѣ случаевъ не были профессiональными работниками.

Наконецъ, находимъ и домашнее производство въ видѣ предметовъ, изготовляемыхъ монастырской братiей. Самое развитiе различныхъ ремеслъ и искусствъ было вызвано, главнымъ образомъ, потребностями церкви. Таково было производство золотыхъ издѣлiй—золотыхъ чашъ, кубковъ, под-

свѣчниковъ для алтаря, ракъ для мощей, даже цѣлыхъ алтарей; производство издѣлій изъ стекла—оконныхъ стеколъ съ мозаикой для церквей, стеклянныхъ лампъ, сосудовъ, ящиковъ для реликвій; таково и переплетное мастерство, производство пергамента, литье колоколовъ, выдѣлка пола и стѣнъ изъ мозаики и т. д. Но въ церквахъ же ремесла и искусства достигли высокаго совершенства: упоминаются монахи въ качествѣ живописцевъ, музыкантовъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ, рѣзчиковъ по слоновой кости и т. д. Духовныя лица въ сѣверной Италіи и Франціи, позже и въ Германіи были первыми спеціалистами въ этихъ промыслахъ. Въ эпоху Каролинговъ и еще позже до XII ст. они являлись единственными строителями каменныхъ зданій даже мірскихъ; впослѣдствіи они передали свои свѣдѣнія прочему населенію.

За предѣлы замкнутаго вотчиннаго хозяйства выходитъ уже дѣятельность тѣхъ свободныхъ, обыкновенно странствующихъ, ремесленниковъ, которые, переходя съ одного помѣстья на другое, за извѣстную плату (натурой) обрабатывали полученный отъ вотчинника матеріалъ. Быть можетъ, это были прежніе мелкіе землевладѣльцы, лишившіеся земли, но въ видѣ исключенія сохранившіе свободу; или же это могли быть лица, формально несвободныя, но фактически (экономически) пользовавшіяся свободой въ видѣ возможности работать на рынокъ и обязанныя доставлять вотчиннику лишь незначительный оброкъ своими издѣліями [1]). Такіе промыслы существовали, однако, лишь для немногихъ спеціальностей. Простыя работы по обработкѣ дерева и металловъ, плетенье и т. д. могли производиться крѣпостными; ими выдѣлывались даже столы и скамьи, какъ видно изъ одного англосаксонскаго урбарія XI вѣка. Въ свѣтелкахъ на помѣщичьемъ дворѣ (genicia, почему и продуктъ получилъ названіе „genez“ женщины пряли и ткали ленъ и шерсть („pannus“ и „Laken“ обозначаетъ и холстъ и шерстяную ткань, прялка—Spindel—обозначаетъ первоначально и челнокъ ткача); мужчины этимъ не занимались обыкновенно. Наконецъ, гончарное искусство въ теченіе долгаго времени почти отсутствовало, да и впослѣдствіи оно находилось въ тѣснѣйшей связи съ домомъ, какъ это можно усмотрѣть (по указанію Морица Гейне) [2]) изъ разнообразія наименованій горшечника (Hafner, Grapengeter, Ulenbecker, Töpfer, Potter, Kacheler и др.). Изъ нихъ ни одно не распространилось на значительныя области, въ противоположность общегерманскому названію кузнеца—Schmied. Этотъ послѣдній является (какъ у неевропейскихъ народовъ, такъ и въ Европѣ) первымъ ремесленникомъ (т. е. производящимъ для заказчиковъ); кузнецъ необходимъ для выдѣлки сложныхъ металлическихъ предметовъ. Къ нему иногда присоединяется плотникъ для постройки замковъ и украшенія ихъ, для постройки судовъ и выдѣлки иныхъ предметовъ изъ дерева.

О кузнецѣ упоминается уже въ древнѣйшихъ сказаніяхъ: у германскаго бога Тора-громовержца имѣется желѣзный молотъ—mjölnir. На кузнеца (какъ еще до сихъ поръ въ Африкѣ) смотрятъ, какъ на кудесника и колдуна; въ Эддѣ кузнецъ виландъ, сынъ царя финовъ, изучаетъ свое искусство у карликовъ.

---

[1]) См. Maurer. Fronhöfé. I. p. 253. Koehne. Ursprung der Stadtverfass. von Worms etc. p. 5. Dopsch. B. II. p. 156. 160. Kober. p. Below. Zeitschr. für soz. und Wirtschaftsgesch. B. V.

[2]) Heyne. Altdeutsches Handwerk. p. 39 и сл.

Употребленіе молота и огня внушало на первобытной ступени культуры страхъ и создавало представленіе объ участіи какой-то демонической, сверхъестественной силы. Быть можетъ первоначальные кузнецы, добывавшіе въ то же время и руду изъ нѣдръ земли („проникали въ трещины горъ"), принадлежали (какъ нынѣ въ Африкѣ, на Цейлонѣ и т. д.) къ чуждому германцамъ племени карликовъ, наиболѣе древнимъ обитателямъ Европы (пещеры карликовъ, напр., Heinzelmannshöhlen около Эмса, близъ Франкфурта, являются повидимому древнѣйшими рудниками). Кузнецъ былъ долгое время однимъ изъ немногихъ профессіональныхъ ремесленниковъ, т. е. спеціально посвящавшимъ себя этой профессіи и работавшимъ на другихъ, на феодала и крестьянъ. Названіе „Schmied" (какъ и латинское faber) первоначально обозначало вообще ремесленника (а не только обрабатывающаго металлы); впослѣдствіи, когда появились и другія ремесла и ремесленники-спеціалисты, оно стало употребляться въ соединеніяхъ Steinschmied, Schuhschmied, Tuchschmied (т. е. каменотесный, сапожный, суконный „кузнецъ" или ремесленникъ). Еще въ теченіе поздняго средневѣковья кузнецъ былъ главнымъ ремесленникомъ и первымъ лицомъ въ селѣ, къ нему обращались, какъ къ знахарю, знакомому со всѣми травами и тайнами природы; въ кузницѣ (fabrica) происходили собранія, находился кабакъ, иногда и публичный домъ; сюда относились заложенные предметы, здѣсь мѣнялись товарами, кузница была (какъ и дорога къ ней) убѣжищемъ и въ ней же находились орудія пытки.

Тѣмъ не менѣе было бы ошибочно предполагать, что уже въ раннее средневѣковье кузнечный промыселъ игралъ особенно значительную роль. Главнымъ предметомъ производства являлось оружіе. Между тѣмъ шлемъ былъ у германцевъ рѣдкимъ явленіемъ; не только въ эпоху Тацита, но и при Меровингахъ его носили только предводители племени и еще въ X вѣкѣ длинные, связанные въ узелъ волосы составляли единственное украшеніе головы. Медленно входили въ употребленіе и панцыри; lex Salica ихъ не знаетъ еще, упоминаются они лишь въ Рипуарской Правдѣ; еще впослѣдствіи ландскнехты дрались „обнаженными" (т. е. безъ латъ). Вплоть до эпохи Каролинговъ еще не было поножей, а щиты были первоначально деревянные, покрытые кожей (щитъ—Schild, гот. scildus, англосакс. scyld, обозначаетъ отколотый кусокъ дерева), такъ что воины въ состояніи были сами исправлять поломанные щиты и не нуждались въ оружейникахъ. Лишь впослѣдствіи части щитовъ дѣлались изъ желѣза, и только тогда и вмѣстѣ съ появленіемъ панцырей, явилась потребность и въ хорошихъ мечахъ, тогда какъ ранѣе мечи составляли оружіе лишь знатныхъ, всѣ же остальные воины употребляли копья, ножи и топоры. Найденные скелеты лошадей отъ X вѣка не имѣютъ подковъ; чаще подковы встрѣчаются лишь въ XI ст., о нихъ упоминается и въ эпоху Вильгельма Завоевателя. Сравнительно мало ощущалась первоначально и потребность въ кузнецахъ для выдѣлки предметовъ мирнаго свойства. Самый молотъ кузнеца (какъ и наковальня) былъ первоначально изъ камня (слово „Hammer" обозначаетъ камень), какъ это мы находимъ и въ настоящее время у негровъ (см. Бюхеръ). Мы встрѣчаемъ правда въ различныхъ вотчинахъ (Стаффельзе, Фрейзингъ) желѣзныя орудія и утварь, въ источникахъ упоминается о желѣзномъ буравѣ, необходимомъ для плотника, о гвоздяхъ, употребляемыхъ при постройкѣ дома. Но въ то же время намъ извѣстно, что сельскохозяйственные инструменты даже въ помѣстьяхъ фиска (см. выше стр. 50) насчитывались единицами. Предметы изъ желѣза въ эпоху Каролинговъ (напр. ножи) являлись объектомъ подарковъ, пользованіе ими соединялось съ представленіемъ о короляхъ—и то и другое свидѣтельствуетъ о рѣдкости ихъ. Наконецъ, простыя кузнечныя работы крестьяне производили и сами, такъ что для этого не требовалось спеціалистовъ-кузнецовъ [1]).

Странствующіе ремесленники, необходимые для работъ, требовавшихъ извѣстнаго умѣнья, составляли отчасти уже привходящій извнѣ элементъ. Другимъ такимъ же, временно вторгавшимся въ замкнутую жизнь помѣстья, факторомъ являлись странствующіе купцы (mercator cursorius). Это были

[1]) Beck. I. p. 684. и сл. 696, 721 и сл. 782—9. Heyne p. 38—61. Duncker. Das mittelalterl. Dorfgewerbe. Dopsch. II. p. 135 и сл.

иноплеменники—евреи, арабы, фризы, саксы, позже—итальянцы (амальфитане, венеціанцы) [1]). Но и ихъ роль была незначительна; и они появлялись лишь отъ времени до времени, привозя главнымъ образомъ съ Востока, чрезъ Константинополь, предметы роскоши, малосущественные для хозяйства. Эти предметы были предназначены либо для церковнагоб лаголѣпія (шелковыя ткани и ковры, благовонія, драгоцѣнные камни) и богослуженія (вино, лампадное масло, воскъ) [2]) [3]), либо для королей и феодаловъ, пріобрѣтавшихъ пряности Востока, рабовъ и золотомъ шитыя ткани въ обмѣнъ на избытки доставляемыхъ многочисленными крѣпостными продуктовъ, скоплявшіеся въ ихъ амбарахъ. Крестьяне не ощущали потребности въ этихъ предметахъ; къ тому же, отдавая все, остававшееся за покрытіемъ необходимыхъ потребностей, вотчиннику, не имѣли средствъ для покупки ихъ.

Произведенія Востока, какъ Индіи и Китая, такъ и Халифата доставлялись въ Константинополь преимущественно арабами, которые въ эту эпоху стояли чрезвычайно высоко какъ въ области математики, медицины и архитектуры, такъ и въ сферѣ сельскаго хозяйства, промышленности и торговли. Ими были перенесены съ Востока въ (мавританскую) Испанію рисъ, сахарный тростникъ, хлопокъ, лимонное дерево, тутовое дерево. Они развили здѣсь обработку кожъ, выдѣлывая знаменитыя кордовскія или кордусенскія кожи (отъ г. Кордова), производство фаянса-майолики, металлическихъ издѣлій, которыми славился Толедо, изготовленіе шелковыхъ тканей. Роль арабовъ въ торговлѣ того времени отразилась на языкѣ, на торговыхъ терминахъ, заимствованныхъ у нихъ европейскими народами и сохранившихся до сихъ поръ (арабскія слова: караванъ, магазинъ, сарай, амбаръ, тара, тарифъ, адмиралъ, догана, по франц. douane—таможня и др.). Огромное значеніе для торговли ихъ имѣли пилигримства въ Мекку, которыя предписывались Кораномъ всѣмъ правовѣрнымъ почитателямъ Пророка, являлись вмѣстѣ съ тѣмъ купеческими караванами, привозившими продукты Востока. Оттуда эти товары провозились дальше въ Константинополь, который являлся центромъ международной торговли того времени. Сюда съѣзжались купцы сѣвера и юга—болгары, армяне, русскіе, арабы, итальянцы и отсюда товары уже распространялись по Европѣ. Желая сохранить за Константинополемъ монопольное положеніе, византійскіе императоры не дозволяли европейскимъ купцамъ ѣхать дальше и пріобрѣтать продукты въ мѣстѣ ихъ происхожденія, а заставляли ихъ покупать товары въ Константинополѣ, притомъ нерѣдко чрезъ посредство византійской казны. Многія произведенія Византіи также могли пріобрѣтаться лишь въ складахъ императора; послѣдніе торговали хлѣбомъ, шелкомъ, виномъ, оливковымъ ма-

---

[1]) См. Schulte. I. p. 78—9. Rathgen. p. 10, 12—14. Waitz. IV. p. 44. Heyd. I. 24 и сл. Inama. I. p. 432. Ashley. p. 78. Pigeonneau. I. p. 68, 104—06.

[2]) Аббатство Corbie пріобрѣтаетъ въ Камбре, какъ видно изъ одной записи, 600 фунтовъ воску, по 120 ф. перца и тмина, 70 ф. имбиря, 15 ф. корицы и по 10 ф. ладана, лакрицы и др. пряностей и лекарственныхъ снадобій.

[3]) См. Beck. Geschichte. der liturgischen Gewänder des Mittelalters. I. p. 25, 32 и др. Alwin Schultz. Das häusliche Leben etc. p. 221—22. 229. Heyd. I. p. 100. Schulte. I. p. 73.

сломъ, которые получались въ видѣ податей и сборовъ отъ населенія и сбытъ которыхъ составлялъ монополію фиска.

Отсюда произведенія Востока шли частью отъ Чернаго моря къ Балтійскому—въ Кіевъ, далѣе вверхъ по Днѣпру и на Волгу, затѣмъ въ Новгородскую область, прорѣзывая всю восточную равнину. Частью они направлялись Средиземнымъ моремъ въ Марсель и затѣмъ въ нынѣшнюю Францію, въ особенности на ярмарки Сенъ-Дени и Труа. Или же они перевозились въ Италію на ярмарки Павіи и Феррары; здѣсь—по словамъ лѣтописца швабскіе бароны пріобрѣтали мѣха и отороченные пурпуромъ шелковыя одѣянія у венеціанскихъ купцовъ, доставлявшихъ „изъ заморскихъ странъ всѣ богатства Востока". Наконецъ, важный путь съ юга шелъ внизъ по Рейну во Фландрію и на Рейнѣ былъ важный торговый центръ — Майнцъ. Изъ арабскаго источника X ст., отъ участника посольства, отправлявшагося къ Оттону Вел., мы узнаемъ, что онъ, къ своему удивленію, нашелъ „въ Майнцѣ (Maganga), лежащемъ на дальнемъ Западѣ, пряности, встрѣчающіяся только на дальнемъ Востокѣ, какъ, напримѣръ, перецъ, имбирь, гвоздику". Нѣсколько позже пріобрѣлъ торговое значеніе Кельнъ, вступившій въ торговыя сношенія съ Англіей. На Дунаѣ выдвинулся Регенсбургъ въ торговлѣ съ Кіевомъ, Польшей, Венгріей и Чехіей, поскольку такая торговля вообще являлась возможной при почти непрерывныхъ войнахъ и набѣгахъ, происходившихъ въ этихъ областяхъ; постоянной торговли съ Константинополемъ по Дунаю—какъ теперь выяснено — въ тѣ времена еще не было.

Среди промышленныхъ издѣлій, производимыхъ въ Западной Европѣ и являвшихся объектами торговли, особенно цѣнились фризскія сукна (pallia fresonica), отличавшіяся блескомъ и разнообразіемъ цвѣтовъ. Карлъ Вел. не только самъ ихъ носилъ, но и послалъ въ качествѣ подарка халифу Гарунъ-аль-Рашиду, ибо—сообщаетъ санктъ-галленскій монахъ—онъ зналъ, что эти ткани на Востокѣ составляли большую рѣдкость и высоко цѣнились. Ткани эти сбывались во франкской монархіи фризскими купцами. Но вопросъ о томъ, гдѣ они изготовлялись, является весьма спорнымъ. Въ то время, какъ до сихъ поръ предполагалось, что они и производились тѣми же фризами, въ настоящее время существуютъ двѣ другія гипотезы. Одни утверждаютъ, что мѣсто ихъ выдѣлки слѣдуетъ искать въ Англіи (Klumker. Der friesische Tuchhandel zur Zeit Karls des Grossen. Dopsch. Wirtschaftsentwickl. der Karolingerzeit. B. I 144). Другіе находятъ, что они изготовлялись во Фландріи, гдѣ уже во времена римскаго владычества существовало овцеводство, а въ IX—X ст.—какъ видно изъ источниковъ—изготовлялось и сукно. (Häpke. Die Herkunft der friesischen Gewebe. Hansische Geschichtsblätt. 1906. II. p, 309 и сл. Pirenne. Draps de Frise ou draps de Flandre. Viert. für Sozial-u. Wirtschaftsgesch. 1909. p. 308 и сл. и его же. Gesch. Belgiens. I p. 35 и сл.). Противъ послѣдней гипотезы высказывается Wilkens. Zur Geschichte des niederländischen Handels im Mittelalter Hans. Gesch.—Bl. 1908. II. p. 329 и сл.

Собственно говоря, странствующими купцами, переходившими изъ одного помѣстья въ другое, нерѣдко неся весь свой товаръ на спинѣ, ограничивался обмѣнъ въ тѣ времена [1]). Внутри помѣстья не было обмѣна;

[1]) Насколько слабо были развиты вообще торговыя сношенія внутри Европы того времени, можно усмотрѣть изъ того, что лѣтописецъ первой половины XII ст. епископъ Оттонъ Фрейзингъ (сынъ маркграфа австрійскаго Леопольда IV и внукъ императора Генриха IV) называетъ аквитанцевъ, гасконцевъ, норманновъ, англичанъ,

предметы доставлялись въ качествѣ оброка помѣщику или вспомоществованія (сѣмена) крестьянину, а услуги оказывались въ видѣ помѣщичьей барщины или взаимной помощи (помочей) между крестьянами при постройкѣ избы и т. п. Но точно также и внутри цѣлой страны почти не происходило мѣновыхъ сдѣлокъ между отдѣльными помѣстьями; не только въ силу того, что спеціализаціи занятій не было, но и потому, что люди не привыкли мѣняться—обмѣнъ замѣнялся дареніемъ. Какъ указываетъ Лампрехтъ, еще и въ XI вѣкѣ покупали что-либо лишь въ видѣ исключенія, обычнымъ же является полученіе подарковъ или же насильственныя дѣйствія въ отношеніи иноплеменниковъ. Вотчинники упрашивали другъ друга подарить имъ какую-либо вещь. Изъ этихъ дареній лишь постепенно возникалъ возмездный обмѣнъ,—подарокъ сопровождался въ свою очередь подаркомъ, или одаренный давалъ съ своей стороны что-либо дарителю pro caritate. Переходную ступень составляла и передача имущества церкви въ обмѣнъ за молитвы и освобожденіе души отъ власти дьявола (redemtio animae) [1]).

Такимъ образомъ, внутренній обмѣнъ возникъ у европейскихъ народовъ сравнительно поздно. Междуплеменный обмѣнъ появился раньше; временно онъ возникъ уже во времена римской имперіи—это былъ пограничный обмѣнъ между римлянами и германцами. Впослѣдствіи онъ прекратился и въ теченіи продолжительнаго времени замѣнялся по преимуществу безвозмездным пріобрѣтеніемъ имущества, грабежами. Купцы были одновременно и пиратами; первоначальное значеніе прибыли—награбленное имущество. Такой смыслъ имѣютъ слова „lucrum“ и „Lohn“; „winnunge“ или „Gewinn“ обозначаетъ захваченную добычу. Норманскіе викинги были одновременно купцами и разбойниками. Входя въ гавань, они поднимали красный щитъ на мачтѣ—знакъ мира, и приступали къ честному обмѣну; по окончаніи же обмѣна спускали щитъ и предавались столь же честному грабежу. Саксы, датчане, венды—всѣ они начали свою торговую дѣятельность грабежомъ и пиратствомъ. Поскольку же насиліе исчезло, прибыль представляла собою въ значительной мѣрѣ результатъ обманныхъ дѣйствій; Kaufmann, mercator, negotiator—по представленіямъ того времени—прежде всего обманщикъ, человѣкъ, прибѣгающій къ сомнительнымъ средствамъ для того, чтобы сбыть свой—недоброкачественный—товаръ [2]). И въ эпоху Каролинговъ исходной точкой является предположеніе объ обманѣ въ торговлѣ (tauschen—мѣнять и täuschen—обманывать одно и то же); „торговля опасна для души, ибо едва ли обходится безъ обмана“ —слова св. Іеронима.

Посредствомъ подарковъ устанавливаются мирныя торговыя сношенія между различными племенами; такъ Карлъ Вел., напр., вступаетъ въ обмѣнъ съ халифами, посылая къ нимъ своихъ людей съ дарами и полу-

---

шотландцевъ, ирландцевъ, французовъ, фламандцевъ и лотарингцевъ „совершенно неизвѣстными народами“. Объ этихъ неизвѣстныхъ народахъ распространялись самыя нелѣпыя басни.

[1]) См. Lamprecht. Französ. Wirtschaftsgesch. des XI Jahrh. p. 131—34.

[2]) См. Schrader. Linguistisch—historische Forschungen zur Handelsgeschichte. p. 59, 89—90. Goldschmidt. Universalgesch. des Handelsrechts. I. p. 106.

чая въ свою очередь восточныя ткани и притиранія, даже водяные часы. Вражда прекращалась, впрочемъ, лишь временно и можетъ возобновиться въ любой моментъ, почему самый обмѣнъ происходитъ на нейтральной, пограничной чертѣ; только такой характеръ имѣлъ обмѣнъ между германцами и римлянами. Купцы не рѣшались удаляться въ глубь чужой страны: въ Британіи римскимъ торговцамъ были знакомы лишь берега; впрочемъ ихъ и не пускали въ страну—племя нервовъ вовсе отказывалось допускать римскихъ купцовъ, не потому, что опасалось изнѣживающаго вліянія вина, какъ полагаетъ Цезарь (кн. II. гл. 15), а вслѣдствіе того, что боялось враждебныхъ дѣйствій съ ихъ стороны [1]). И впослѣдствіи рынки устраивались на границѣ; мы находимъ ихъ преимущественно на французско-валлонской порубежной полосѣ. Бардовикъ, Магдебургъ, Эрфуртъ, Форхгеймъ, Регенсбургъ, Лорхъ являются пограничными рынками въ торговомъ обмѣнѣ со славянами и аварами (ср. Capit. 805 с. 7).

Торговля находилась въ тѣснѣйшей связи съ богослуженіемъ—слова „месса", „feriae" обозначаютъ обѣдню и ярмарку; торговля соединялась съ церковными празднествами и процессіями, ибо послѣднія вызывали въ опредѣленные дни скопленіе народа; нерѣдко въ день освященія церкви жители окружныхъ селъ обязаны были совершать паломничества въ церковь. Связь эта заходила такъ далеко, что первоначально и самая торговля происходила въ храмѣ: въ то самое время, какъ на хорахъ совершалось богослуженіе, внизу, въ кораблѣ церкви, производился обмѣнъ товаровъ. Только здѣсь, гдѣ былъ провозглашенъ „Божій миръ", могъ происходить междуплеменной обмѣнъ безъ враждебныхъ столкновеній. Отсюда и церкви эти получили названіе (напр., въ Ипрѣ, Руанѣ, Метцѣ, Вестминстерѣ) торговыхъ, рыночныхъ церквей (ecclesia forensis, ecclesia mercatorum) [2]). Лишь впослѣдствіи торгъ былъ перенесенъ на площадь передъ храмомъ; въ теченіе всего средневѣковья на этихъ площадяхъ находились рынки, устраивались торговые ряды, устанавливались лари и будки и производилась торговля. Древнѣйшія грамоты на право устройства рынковъ относятся къ церквамъ и монастырямъ, какъ во франкской монархіи, такъ и въ Англіи, гдѣ монастыри: Вестминстеръ, Іоркъ, Дургемъ, Винчестеръ устроили первыя ярмарки. Изъ всѣхъ привилегій, выданныхъ въ Германіи вплоть до конца XII вѣка, $^{9}/_{10}$ приходятся на духовныхъ лицъ. Важнѣйшіе торговые города средневѣковья—Базель, Страсбургъ, Констанцъ, Кельнъ, Аахенъ, Нюрнбергъ, Прага, Утрехтъ, Вестминстеръ и др. пріобрѣли свое торговое значеніе, благодаря тѣмъ святымъ, которые тамъ почитались и вызывали пилигримство изъ отдаленныхъ мѣстъ въ находившіеся здѣсь монастыри. Недаромъ венеціанцы. въ коммерческихъ цѣляхъ, всячески старались пріобрѣтать—отчасти это дѣлалось путемъ насилія—мощи святыхъ, напр., они добыли руку св. Варѳоломея, мощи св. Марка.

Обмѣнъ сосредоточивался, слѣдовательно, въ опредѣленныхъ мѣ-

[1]) По той же причинѣ, какъ указываетъ Шурцъ, африканскія племена въ теченіе долгаго времени не допускали на свою территорію купеческихъ каравановъ.

[2]) Maurer. Gesch. der Städteverfass. I. 285. Huvelin. Foires et marchés. p. 45. См. также Addy. Church und Manor. 1913.

стахъ и происходилъ въ опредѣленное время. Онъ могъ совершаться лишь на церковной площади, на рынкѣ (publicum placitum, constituta mercata [1]), но не долженъ былъ производиться внѣ рынка, т. е. тайно или ночью (ut nullus in abscondo faciat). Обыкновенно обмѣнъ совершался лишь въ праздничные, т. е. богослужебные дни (in festivitate S. Viti martiris въ Эсслингенѣ, septem dies ante Pentekosten въ Бременѣ). Поэтому воскресенье, несмотря на всѣ запрещенія церкви, являлось въ теченіе всего средневѣковья рыночнымъ днемъ; или же обмѣнъ происходилъ въ тѣ дни, когда приходили купеческіе караваны (manus negotiatorum). Мало того, обмѣнъ ограничивался опредѣленными часами дня, пока продолжался рынокъ (temporibus praestitutis). Ибо только на рыночномъ мѣстѣ и на время рынка прекращалась междуплеменная вражда; во всей Голштиніи, напр., три ежегодныя ярмарки являлись единственнымъ временемъ и мѣстомъ вполнѣ безопаснаго обмѣна. Внѣшнимъ выраженіемъ этого является водружаемый съ открытіемъ рынка (mercatus) и стоящій въ теченіе рыночнаго времени крестъ (или флагъ),—знакъ того, что рынокъ находится подъ покровительствомъ короля (какъ и подъ охраной церкви). Въ присутствіи его или его представителя, графа или iudex'a (iudex forensis), который слѣдитъ за порядкомъ на рынкѣ, и свидѣтелей (coram idoneis testibus, nobilibus civitatis, какъ говорится въ капитуляріяхъ Карла Вел.) совершаются торговыя сдѣлки. При этомъ требовалось увѣреніе обѣихъ сторонъ, что сдѣлка (правильная сдѣлка—legitima traditio) совершена по обоюдному согласію, безъ принужденія (quod inter nos bene complacuit, sine omni pars parti violentia). Охраной короля (какъ и церкви—миръ св. Петра, pax Dei) пользуются всѣ лица, находящіеся на рынкѣ: отсюда названіе ихъ: „королевскіе“ купцы. Они пользуются охраной какъ на самомъ рынкѣ, такъ и въ окружности его на милю (Bannmeile) и на пути къ нему (королевскія дороги); во время рынка и въ теченіе нѣкотораго времени послѣ его окончанія, обыкновенно 40 дней въ году (напр., въ Англіи, во Фландріи) [2]). Всякое нарушеніе этого рыночнаго мира (forum infregit), рыночной свободы и безопасности (fori violavit libertatem) подлежитъ немедленному и строгому наказанію по приговору присутствующаго на рынкѣ должностнаго лица—рыночнаго судьи (iudex fori) [3]), который тутъ же разрѣшаетъ и всѣ споры гражданскаго характера, возникающіе на рынкѣ. Тѣмъ не менѣе рѣдкій рынокъ обходился безъ драки и враждебныхъ столкновеній, сломанныхъ ларей и будокъ: трудно было привыкнуть человѣку относиться даже временно безъ вражды къ иноплеменнику. Еще во второй половинѣ X вѣка драка на рынкѣ, перейдя во всеобщую рѣзню, кончилась разрушеніемъ города Аугсбурга.

На время рынка чеканится монета, причемъ, подобно ремесленникамъ

---

1) Mayer. Zoll, Kaufmannschaft und Markt. p. 396 (Abhandl für Maurer).

2) Omnibus eundem mercatum inquirentibus pacificum aditum ac reditum nostri imperialis banni districtione firmiter sancimus—гласитъ обычная привилегія (Зальцбургъ 996 г., Фрейзингъ того же года, Вейнгеймъ 1000 г., Донаувертъ 1030 г., Бременъ 1035 г., однородныя въ другихъ мѣстахъ), торжественно гарантируя миръ всѣмъ посѣтителямъ рынка на пути туда и обратно. Keutgen. Urkunden zur deutschen Verfassungsgesch. №№ 43. 49—52. 54.

3) Si quis id ipsum mercatum frangere temptaverit, aut in aliqua re violaverit, sciat se compositurum nostrum imperialem bannum. Keutgen. Urkunden. №№ 50. 52—54.

и торговцамъ, и монетчики являются первоначально странствующими [1]). На рынкѣ устраивается размѣнная контора; здѣсь же взимаются рыночные сборы; въ привилегіяхъ всегда говорится—donavimus mercatum cum theloneo ac moneta. Право чеканки монеты и взиманіе сборовъ, какъ и самое право устройства рынковъ, составляетъ королевскую регалію; впослѣдствіи она переходитъ къ феодаламъ [2]). Было бы, однако, ошибочно предполагать, что главная роль денегъ въ эту эпоху заключалась въ томъ, что они были орудіемъ обмѣна, ибо и самый обмѣнъ составлялъ явленіе рѣдкое. Деньги прежде всего являлись платежнымъ средствомъ; они служили для уплаты чиншей, повинностей, дани, виръ, торговыхъ сборовъ, для поднесенія даровъ, а также являлись мѣриломъ цѣнности. Воплощались они не только въ формѣ благородныхъ металловъ, но и во всякихъ иныхъ предметахъ. Чинши уплачивались хлѣбомъ, яйцами, курами, поросятами, виномъ; въ качествѣ виры часто встрѣчаются въ особенности дойныя коровы „съ рогами, зрячія и здоровыя“ или же ткани; подати вносились оружіемъ, скотомъ; торговые сборы—нерѣдко перцемъ; подарки дѣлались часто мѣшками соли. Да и поскольку функціонировали металлы (не только серебро, но и неблагородные металлы) они имѣли форму всевозможныхъ украшеній, и только на время рынка чеканилась монета. Особенно встрѣчаемъ металлы въ видѣ колецъ, браслетовъ: щедрый царь именуется въ германскомъ эпосѣ „раздающимъ кольца»; въ древне-исландскомъ судебникѣ глава о вирахъ названа „Baugotal“, т. е. списки колецъ. Сбереженія (клады—thesaurus, наслѣдства) X—XI ст. состояли изъ сосудовъ, украшеній и т. п. въ благородныхъ металлахъ и лишь въ незначительной части въ монетѣ. Такимъ образомъ, они служили цѣлямъ потребленія; при простотѣ этихъ предметовъ и дешевой работѣ крѣпостныхъ не составляло потери превратить ихъ въ случаѣ надобности въ монету, что дѣйствительно совершалось (въ особенности монастырями), когда наступали значительные платежи [3]). Но по той же причинѣ монета состояла изъ чистаго серебра и къ ней первоначально не примѣшивали другихъ металловъ, такъ какъ это сдѣлало бы невозможнымъ обратное превращеніе ея въ различные предметы. Въ то время, какъ размѣръ другихъ предметовъ опредѣляется еще долго и впослѣдствіи приблизительно, на глазомѣръ, безъ примѣненія мѣръ и вѣсовъ, взвѣшиваніе драгоцѣнныхъ металловъ при платежахъ вошло въ употребленіе уже въ раннее

---

[1]) Luschin. Allg. Münzkunde, p. 78, 84. При Карлѣ Великомъ они чеканили монету въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ пребывалъ въ данное время, въ соотвѣтствующемъ дворцѣ—palatium, отсюда „palatina moneta“. На монетахъ эпохи Карла Великаго обозначено 95 разныхъ мѣстъ, не меньше на монетахъ англосаксонскихъ королей, которые также „отправляли свою обязанность властвованія въ видѣ своего рода отхожаго промысла“.

[2]) Пожалованье кого-либо правомъ устройства размѣннаго учрежденія и правомъ взиманія рыночныхъ сборовъ равнозначуще дарованію права основать рынокъ; Wechselamt, т. е. размѣнъ, даже получаетъ названіе Marktamt.

[3]) Любопытно, что еще долго впослѣдствіи сохранился обычай разламывать монету на части, остатокъ отъ отламыванія кусковъ металла отъ слитка; и самый чеканъ нерѣдко покровительствовалъ этому, ибо давалъ возможность разрѣзыванія монеты надвое безъ уничтоженія чекана: король былъ изображенъ съ мечемъ въ каждой рукѣ (или двумя копьями, двумя знаменами) или посрединѣ находился крестъ, который намѣчалъ линію раздѣла, и съ двухъ сторонъ отъ него головное изображеніе монарха или гербъ (два раза). См. Friedensburg. Die Münze.

средневѣковье, благородные металлы принимаются по вѣсу; появляется монета въ видѣ динаріевъ, составляющихъ $^{1}/_{210}$ фунта чистаго серебра; римская либра или фунтъ—вѣсовая единица принята въ то же время и въ качествѣ монетной единицы. Но главной монетой въ международной торговлѣ являлась золотая византійская—uperperus или besand (отъ слова: византійскій) и арабская—marabotinus (отъ династіи морабетовъ), а также серебряная арабская—dirhem или драхма (она же называлась migliaresi). Это вполнѣ соотвѣтствовало роли Византіи и арабовъ въ качествѣ торговыхъ посредниковъ того времени между Востокомъ и Западомъ.

Кредита въ эту эпоху, какъ указываютъ и Бюхеръ [1]) и Артуръ Когенъ [2]), въ сущности не было никакого. Сдѣлки производились на наличныя, но были двоякаго рода. Въ однихъ случаяхъ уплата была окончательная: это были обыкновенные платежи или же сдѣлки купли-продажи. Къ послѣднимъ въ особенности прибѣгали землевладѣльцы, нуждавшіеся въ средствахъ: они, вынуждены были продавать свою землю, что вело, какъ мы видѣли выше къ обезземеленью мелкихъ собственниковъ въ широкихъ размѣрахъ. Кредитъ, слѣдовательно, замѣнялся куплей-продажей на наличныя деньги. Но существовала еще и вторая форма; и въ этомъ случаѣ сдѣлка производилась на наличныя, съ той только разницей, что лицо, вносившее плату (напр., за полученный на пропитаніе хлѣбъ или за одежду или уплачивавшее виру, повинности), сохраняло за собой право замѣнить отданный въ качествѣ эквивалента (при уплатѣ) предметъ впослѣдствіи другимъ. Однако, и въ этомъ случаѣ (временно) отдаваемый предметъ сразу поступалъ въ руки кредитора или, точнѣе, лица, которому уплачивалось, ибо о кредитѣ еще не было рѣчи. Сдѣлка эта была лишь зачаткомъ кредита, изъ нея онъ развился впослѣдствіи. Но пока она имѣла въ сущности характеръ купли-продажи за наличныя и отличалась отъ послѣдней лишь въ томъ отношеніи, что лицо, которое получало вещь въ качествѣ эквивалента, не становилось сразу собственникомъ ея. Къ нему вещь поступала во владѣніе, но превращалась въ собственность лишь по истеченіи извѣстнаго срока, если уплачивающій не воспользовался своимъ правомъ, не замѣнилъ ее въ теченіе извѣстнаго срока другой вещью. Первоначально такимъ временно отчуждаемомъ эквивалентомъ были только движимости или человѣкъ самъ, поступавшій въ кабалу: онъ содержался кредиторомъ въ заключеніи, въ оковахъ, и въ случаѣ невыкупа, незамѣны его чѣмъ-либо другимъ, могъ быть проданъ, убитъ и т. д. Земля, въ виду первоначальнаго господства общинной собственности, появляется лишь позднѣе въ качествѣ объекта какъ окончательной продажи, такъ и описаннаго нами временнаго отчужденія. Капитуларій 818 г. впервые разрѣшаетъ, въ случаѣ невозможности покрыть долгъ изъ движимостей, брать и недвижимость (de immobilibus suppleatur). Но форма временной отдачи земли съ правомъ замѣны ея иными предметами мало помогала сохраненію недвижимости въ рукахъ первоначальнаго собственника. Ибо, если въ теченіе извѣстнаго срока должникъ не выкупилъ землю (эта сдѣлка носитъ названіе ältere Satzung), то лишался ея совершенно. И дѣйствительно, земля обыкновенно оставалась въ рукахъ того, кому она была временно отчуждена: результатъ былъ тотъ же, что и при немедленной продажѣ ея.

Въ заключеніе для общей характеристики разсмотрѣннаго нами періода, необходимо обратить вниманіе на чрезвычайно важное явленіе, накладывающее отпечатокъ на всю эту эпоху: постоянные голода. Фрицъ Куршманъ изслѣдовавшій исторію голодовъ VIII—XIII ст. указываетъ на то, что въ теченіе IX вѣка насчитывается четыре всеобщихъ періода голодовъ, продолжающихся по нѣсколько лѣтъ и охватывающихъ большую часть Запад-

1) Bücher. Entst. p. 113. 129.

2) Cohen. Verschuld. des bäuerl. Grundbes. in Bayern. 1905. Einl. См. также о кредитѣ: Удинцевъ. Исторія займа. 1910.

ной Европы. Кромѣ того, въ теченіе 64 лѣтъ изъ ста въ IX вѣкѣ и въ теченіе 60 лѣтъ изъ ста въ XI ст. (о X вѣкѣ нѣтъ данныхъ) сообщается о голодахъ, происходящихъ въ томъ или другомъ районѣ Европы. Голода эти сопровождаются чумными эпидеміями, они вызываютъ канибализмъ. Лѣтописцы сообщаютъ, что въ 793, 868, 869, 896, 1005 и 1032 г.г. происходило людоѣдство и не въ качествѣ единичныхъ фактовъ, а какъ массовое явленіе. „Человѣкъ пожиралъ человѣка", откапывали трупы и питались ими; болѣе сильные убивали слабыхъ, жарили ихъ и съѣдали; матери убивали своихъ дѣтей, чтобы утолить голодъ ихъ мясомъ [1] [2].

---

[1]) Curschmann. p. 37—40. 59. 91. 98. 104. 109. 112.

[2]) Famis vero quae anno priori coepit, in tantum excrevit, ut homines, fratres ac matres filios comedere coegit (Annales Mosellani. XVI. 498, 23. a. 793). Homines infinitae multitudinis fuere a conparibus interempti atque bestiarum more dentibus laniati (Annal. Engolismenses. IV. 5. 13, a. 868). Arripiebantur autem vivantes a se praevalentibus, menbratimque dividebantur, igneque decocti vorabantur (Raoul Glaber. Ed. Prou. L. IV. c. 4. a. 1032).

*

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Позднее средневѣковье.

(Отъ начала Крестовыхъ походовъ до открытія Америки).

И въ классификаціи періодовъ хозяйственной жизни, установленной Марксомъ, и въ періодизаціи Бруно Гильдебранда средневѣковая эпоха разсматривается какъ одно цѣлое—это періодъ феодальнаго или докапиталистическаго хозяйства, по Марксу, натуральнаго хозяйства, по Гильдебранду. Бюхеръ едва ли не впервые подчеркнулъ необходимость разграниченія періодовъ ранняго средневѣковья и позднѣйшаго средневѣковья, назвавъ эту вторую эпоху періодомъ городского хозяйства. Дѣйствительно, характерную черту эпохи XII—XV ст. составляетъ то, что здѣсь страна распадается уже не на отдѣльныя помѣстья, въ предѣлахъ которыхъ замыкается, какъ политическая, такъ и хозяйственная жизнь, а на цѣлый рядъ районовъ, небольшихъ территорій, включающихъ въ себѣ городъ какъ центръ съ прилегающими къ нему помѣстьями. Хозяйственная жизнь, сосредоточиваясь теперь въ этихъ болѣе широкихъ предѣлахъ, отличается бо́льшимъ разнообразіемъ, обнаруживаетъ большее раздѣленіе труда. Обмѣнъ является необходимой составною частью ея, ибо отношенія между городомъ и прилегающими къ нему деревнями, а равно въ предѣлахъ самого города между отдѣльными группами городскихъ жителей рѣзко отличаются отъ условій, господствующихъ въ помѣстьи. Здѣсь передъ нами не односторонняя (безвозмездная) отдача предметовъ въ видѣ оброка или услугъ въ видѣ барщины, помочей, а отношенія возмезднаго, мѣнового характера. Непосредственный обмѣнъ на городскомъ рынкѣ составляетъ отличительную особенность этой эпохи.

И въ тѣсной связи съ этимъ и вся экономическая политика принимаетъ городской характеръ. Она рѣзко обнаруживается въ области промышленности и торговли: покровительство городскимъ промысламъ и запрещеніе производства промышленныхъ издѣлій въ селахъ; покровительство промысламъ своего города и стѣсненіе привоза предметовъ, изготовленныхъ въ другихъ городахъ; покровительство мѣстнымъ купцамъ и стѣсненіе купцовъ, пріѣзжающихъ изъ другихъ городовъ, ограниченіе ихъ торговли на городскомъ рынкѣ; содѣйствіе развитію своей, городской торговли съ другими городами, странами, частями свѣта и устраненіе другихъ купцовъ, какъ

конкурентовъ, изъ другихъ городовъ и странъ, съ которыми они намѣрены торговать. Но эта городская политика отражается и на сельскихъ мѣстностяхъ: съ одной стороны, въ видѣ недопущенія развитія промышленности въ деревняхъ, а съ другой стороны, въ видѣ облегченія доступа бѣглымъ крестьянамъ въ города, въ ущербъ помѣстнымъ владѣльцамъ; послѣднее содѣйствуетъ уменьшенію крѣпостной зависимости въ позднее средневѣковье.

I. Аграрный строй.

Источники. Особенно важны урбаріи (описанія помѣстій, списки вотчинныхъ поступленій). Oesterreichische Urbare, изд. вѣнской академіи. I. Die landesfürstlichen Urbare Nieder-und Oberoesterreichs aus dem 13. und 14. Jahrh. 1904. II. Die landesfürstlichen Urbare der Steiermark aus dem Mitt. 1910. Далѣе урбарій герцога Оттона Баварскаго XIII ст. въ Monumenta Boica. M. 36, эльзасскіе и пр. въ Quellen zur Schweizer. Gesch. XIV. XV., рейнскіе въ Publicationen der Gesellchaft für Rhein. Gesch. B. XX (1. St. Pantaleon, 2. Werden). Далѣе Lalore. Collection des principaux cartulaires du diocèse de Troyes. 1875—1890 (7 томовъ). Leroux. Chartes des archives départamentales et hospitaliers de Limoges. 1883. Leroux-Molmiers—Thomas. Documents historiques concernant la Marche et le Limousin. Cartulaire de l'abbaye de Saint Père de Chartres (изд. Guérard 1840). Cartulaire de l'église de Nôtre-Dame de Paris (изд. Guérard 1850. 4 тома).

Литература. Общую картину даютъ труды: *М. М. Ковалевскаго. Экономическій ростъ Европы,* т. II. 1900. (Помѣстье во второй половинѣ среднихъ вѣковъ въ Англіи, Германіи; Италіи, Каталоніи и Аррагоніи, и далѣе: разложеніе помѣстнаго хозяйства и процессъ эмансипаціи крестьянскаго люда; кромѣ того, гл. 18—21 перваго тома: отдѣльныя области Франціи), *Inama-Sternegg. Deutsche Wirtschaftsgeschichte in den letzten Jahrhunderten des Mittelalters* (третій томъ экономической исторіи). 1899. T. I. Вся первая часть посвящена населенію, сословіямъ и въ особ. (стр. 138—423) аграрному строю. *Lamprecht. Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter.* 1885—86 (обѣ части перваго тома). *Sée. Les classes rurales et le régime domanial en France au moyen-âgé, 1901. Rogers. History of Agriculture and Prices in England,* въ особ. первые два тома (1866 г.). См. также *Н. И. Карѣевъ. Помѣстье — государство и сословная монархія среднихъ вѣковъ. 2 изд. 1909.*

По отдѣльнымъ странамъ и мѣстностямъ имѣется довольно большая литература для Англіи и Франціи, весьма бѣдная для Германіи. *Англія.* Общій очеркъ землевладѣнія и земледѣлія даютъ: *Ochenkowski. Englands wirtschaftliche Entwickelung im Ausgang des Mittelalters.* 1879. *Rogers. Six Centuries of Work and Wages. 1884* (есть рус. перев. Исторія труда и заработной платы въ Англіи). Его-же. The Economic Interpretation of History, 1891. Очерки 1 и 2. *Andrews. The old English Manor.* До XIII ст. доходятъ извѣстные труды *П. Г. Виноградова. Очерки соціальной исторіи Англіи въ средніе вѣка,* 1887 (печаталось въ Журн. Мин. Народн. Просв. 1885 и 1886 г. г., рядъ книжекъ) и *Средневѣковое помѣстье въ Англіи.* 1911. Для феодализма важенъ *Stubbs. The Constitutional History of England.* T. II. 1883. Сочиненіе *Д. М. Петрушевскаго. Возстаніе Уота Тайлера.* T. I. 1897. II. 1901. (изд. 2-ое въ одномъ томѣ 1915 г.) представляетъ собою (прекрасное) изслѣдованіе аграрнаго развитія Англіи вообще въ XIV и XV ст. Тому же вопросу посвящено *Réville. Le soulevenemt des travailleurs d'Angleterre en 1381,* съ предисл. Petit-Dutaillis. 1898. Весьма цѣнны основанныя на детальныхъ изысканіяхъ работы *Page. Die Umwandlung der Frondienste in Geldrenten* in den westlichen, mittleren und südlichen Grafschaften Englands. 1899 и его-же *End of villainage in England.* 1900 (Publ. Amer. Econ. Association. 1900). Новыя точки зрѣнія и любопытныя данныя и для средневѣковой эпохи въ соч. *И. Гранатъ. Къ вопросу объ обезземеленіи крестьянства въ Англіи.* 1908. Нѣкоторыя свѣдѣнія имѣются далѣе у *Ashley.* Introduction into the Economic History and Theory (есть рус. пер.) и *Cunningham* (Growth of English Industry and Commerce). T. I. (рус. пер. Теплова), хотя оба гораздо болѣе важны для промыш-

ленной исторіи. Позднее средневѣковье затрагиваютъ также: *А. Савинъ. Англійская деревня въ эпоху Тюдоровъ.* 1903. *Nasse. Ueber die mittelalterliche Feldgemeinschaft in England.* 1869 (есть рус. пер. подъ ред. Азаревича 1876) и *Hasbach. Die englischen Lohnarbeiter* in den letzten hundert Jahren und die Einhegungen. 1894 (Schr. des Vereins für Sozialpolitik. B. 59). Mamroth. Die agrarische Entwicklung Englands. 1899 (Jahrbücher für Nationaloekonomie) не содержитъ ничего самостоятельнаго.

Франція. Для Нормандіи прекрасное изслѣдованіе *Delisle. Etudes sur la condition de la classe agricole* et l'état de l'Agriculture en Normandie au moyen-âge. 1903. Бретань—*Sée. Etudes sur les classes rurales en Bretagne au moyen-âge.* 1896. Шампань—*Sée. Etudes sur les classes serviles en Champagne.* 1894. Руссильонъ—*Brutails. Etude sur la condition des populations rurales du Roussillon au moyen-âgé.* 1891. Бургундія—*Seignobos. Le régime féodal en Bourgogne jusqu'à 1380.* 1883. Лангедокъ—*Molinier. Etude sur l'administration féodale dans le Languedo.* (Histoire du Languedoc. T. VII). Ниверне и Бурбоне—*Boucomont. Des mainmortes personelle et réelle en Nivernais.* 1896. Эльзасъ—*Hanauer. Les paysans de l'Alsace au moyen-âge. 1865.* Менѣе интересно *Schmidt.* Les paysans et la propriété rurale en Alsace au moyen-âge. 1897. Савойя, Лотарингія и французская Швейцарія—*Darmstädter. Die Befreiung der Leibeigenen (mainmortables) in Savoyen, der Schweiz und Lothringen* 1897. См. также *Berlin. De la mainmorte au moyen-âge.* 1896 и извѣстное сочиненіе *Bonvalot. Le Tiers Etat d'après la charte de Beaumont et ses filiales. 1884.*

Кромѣ того данныя объ аграрной исторіи Франціи: *Histoire économique de la propriété, des salaires, des denrées et de tous les prix en general.* T. I—II. 1894. *Bonnemère. Histoire des paysans* (I. Le servage). 4 éd. 1886. *Doniol. Histoire des classes rurales en France.* 1857. *Dareste de la Chavanne. Histoire des classes agricoles en France.* 1854. *Flach. Les origines de l'ancienne France.* T. I—II. 1886. Недурной очеркъ: *Réville. Les paysans au moyen-âge.* 1899.

Германія. Любопытное изслѣдованіе аграрнаго строя Ганновера и прилежащихъ мѣстностей: *Wittich. Die Grundherrschaft in Nordwestdeutschland.* 1896. Для монастырскаго землевладѣнія данныя у *Hesse. Entwicklung der agrarrechtlichen Verhältnisse im Stifte Werden. 1900. Danneil. Geschichte des magdeburgischen Bauernstandes.* 1896. Краткій очеркъ въ курсѣ *Schröder'a* (Deutsche Rechtsgeschichte. § 41), въ исторіи Goltz'a (Gesch. der deutschen Landwirtschaft T. I.— хотя этотъ отдѣлъ поверхностенъ). По вопросу о заселеніи восточной Германіи: *Schulze. Die Kolonisierung und Germanisierung der Gebiete zwischen Elbe und Saale.* 1896, особ. р. 122—166. *Hasse. Die Besiedelung des deutschen Volksbodens. 1905. Schröder. Die niederländischen Kolonien in Norddeutschland zur Zeit des Mittelalters.* 1880. и *Bremer* въ *Paul. Grundriss der german. Philologie.* 1899. Относящіеся сюда важнѣйшіе памятники собраны у *Kötzschke.* Zur Geschichie der ostdeutschen Kolonisation im 12. bis 14. Jahrh. 1912. На русскомъ яз. капитальный трудъ *Д. К. Егорова. Колонизація Мекленбурга въ XIII в.* (пока въ 1915 г. вышелъ первый томъ—матеріалъ и методъ). По вопросу о причинахъ и послѣдствіяхъ Крестьянскихъ войнъ (исторія войны: Zimmermann. Geschichte des Bauernkrieges. 1854. есть рус. пер.). *Wopfner. Die Lage Tirols im Ausgang des Mittelalters. 1908. Heerwagen. Die Lage der Bauern zur Zeit des Bauernkrieges im den Taubergegenden.* 1899. *Stolze. Zur Vorgeschichte des Bauernkrieges. 1900. Lamprecht. Deutsche Geschichte B. V. T. 1.* Gothein. Die Lage des Bauernstandes am Ende des Mittelalters (Westdeutsche Zeitschr. B. V) и Hagelstange. Süddeutsches Bauernleben im Mittelalter. 1898. даютъ мало.

По вопросу объ аграрномъ строѣ *восточной* Германіи въ средніе вѣка см. первыя главы указанныхъ ниже (аграрный строй XVI—XVIII ст.) сочиненій Dessmann'a, Grünberg'a. Knapp'a (Bauernbefreiung), Grossmann'a. Fuchs'a (Untergang des Bauernstandes) и ук. соч. Schulz'a. Kolonisierung.

Бельгія—Wauters. Libertés *communales de la Belgique. Pirenne. Geschichte Belgiens. I.—II.* 1899. 1902. *Brants.* Essai historique sur la condition des classes rurales en Belgique jusqu'au XVIII s. 1880. (Mém. de l'acad. royale) слишкомъ много значенія придастъ теоріямъ, имѣвшимъ мало вліянія на дѣйствительную жизнь. *Испанія—Пискорскій. Крѣпостное право въ Каталоніи въ средніе вѣка.*

Относ. Черной смерти 1348 и сл. гг. см. *Haeser. Lehrbuch der Geschichte der Medicin.* B. III. Geschichte der epidemischen Krankheiten. 3. Aufl. 1882 p. 97-183.

Hoeniger. Der Schwarze Tod in Deutschland. Hecker. Die Grossen Volkskrankheiten des Mittelalters. 1865. *М. М. Ковалевскій.* т. III. (ч. 2. Черная Смерть и ея экономическія послѣдствія). Новѣйшій трудъ: *Sticker. Die Pest.* T. I. Die Geschichte der Pest. 1908. Населеніе вообще: *Levasseur. La population française.* T. I. 1889. (Livre I). *Inama-Sternegg.* III. I и статья его въ Handw. d. Staatswiss. См. также литер. ниже: города.

ГЛАВА I.

Измѣненія въ распредѣленіи земельной собственности и организаціи помѣстья.

Аграрное развитіе позднѣйшаго средневѣковья (XII—XV ст.) характеризуется прежде всего измѣненіями въ распредѣленіи землевладѣнія между королевской властью, церковью и свѣтской аристократіей. Уже начиная съ X, въ особенности же съ XI—XII ст., имперскіе домены сокращаются. Правда, прежніе источники увеличенія ихъ существуютъ и въ эту эпоху и даже въ XIII—XV ст.: таково поступленіе выморочныхъ имуществъ, конфискація, новыя завоеванія. Въ XI—XII ст. конфискаціи играли еще значительную роль: періодъ отъ половины X до начала XIII вѣка особенно богатъ конфискаціями не только леновъ, но и наслѣдственныхъ земель у вотчинниковъ, впавшихъ въ немилость императора или сражавшихся противъ него во время партійныхъ раздоровъ. Но пріобрѣтенныя этимъ путемъ земли нерѣдко отдавались церквамъ и монастырямъ или сподвижникамъ и сторонникамъ императора. Значительное увеличеніе произошло и вслѣдствіе завоеваній, происходившихъ непрерывно въ теченіе трехъ столѣтій какъ на сѣверѣ, такъ и на юго-востокѣ. Но и эти земли превращались большей частью въ лены и раздавались разнымъ лицамъ. Начиная же съ XIII вѣка какъ выморочныя имущества, такъ и конфискованныя земли поступали въ пользу отдѣльныхъ территоріальныхъ государей, а не имперской казны; точно также завоеванныя на востокѣ земли принадлежали Тевтонскому ордену, который образовалъ особое государство. И другія права имперской власти, какъ-то: регалія горная, рыночная, монетная, таможенная, лѣсная, въ особенности же судебная, перешли въ руки отдѣльныхъ территоріальныхъ государей (какъ и право конвоя, право на найденныя вещи, береговое право и т. д.); такимъ образомъ, умаленіе значенія императора какъ землевладѣльца шло рука объ руку съ общимъ упадкомъ его власти—и въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ уступалъ свое мѣсто территоріальнымъ государямъ.

Въ совершенно иномъ направленіи шло развитіе землевладѣнія свѣтской аристократіи. Въ періодъ X—XII ст. возрастаетъ количество крупныхъ землевладѣльцевъ (феодаловъ), вслѣдствіе распространенія феодализма, образованія рыцарства, сословія министеріаловъ (въ особенности изъ прежнихъ помѣстныхъ управителей и имперскихъ придворныхъ чиновъ), присвоенія общинныхъ земель, образованія помѣстій во во вновь завоеванныхъ на востокѣ земляхъ; притомъ крупные помѣстные владѣльцы попрежнему обнаруживаютъ стремленіе къ дальнѣйшему расширенію своихъ владѣній. Пользуясь обширной властью и правами, перешедшими къ нимъ отъ императора, они не упускаютъ попрежнему случаевъ пріобрѣтенія, полюбовно ли или насиль-

ственнымъ путемъ новыхъ земель. Чѣмъ успѣшнѣе была дѣятельность отдѣльныхъ аристократическихъ родовъ въ этомъ направленіи, чѣмъ болѣе усиливались они въ политическомъ отношеніи, тѣмъ легче имъ было превратиться изъ обыкновенныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ въ территоріальныхъ государей, подчинивъ себѣ всѣхъ остальныхъ владѣльцевъ вотчинъ, графовъ и бароновъ. Эти территоріальные государи были въ то же время и крупнѣйшими помѣщиками въ своемъ княжествѣ: таковы были и баварскіе герцоги, считавшіеся въ XIII вѣкѣ богатѣйшими государями, и герцоги австрійскіе еще до Габсбурговъ, таковы были маркграфы бранденбургскіе, въ значительной мѣрѣ и герцоги вюртембергскіе. На владѣніи землей вѣдь и покоилась ихъ власть, на немъ была построена и военная организація, и феодализмъ, и весь соціальный строй. Для пріобрѣтенія государственной власти необходимо было, слѣдовательно, прежде всего получить въ свои руки тѣ земли, съ которыми была связана публичная власть въ данной мѣстности, независимо отъ того, покоилась ли послѣдняя на ленныхъ или на аллодіальныхъ земляхъ.

Вслѣдствіе этого, произошла, однако, дифференціація среди той однородной системы крупнаго землевладѣнія, которая господствовала въ эпоху Каролинговъ. Въ то время, какъ одни повышались, другіе падали—рука объ руку съ превращеніемъ однихъ крупныхъ землевладѣльцевъ въ государей, шелъ процессъ подпаденія другихъ подъ ихъ власть, а это повело, въ свою очередь, къ поглощенію послѣднихъ первыми. Въ результатѣ тѣ крупные землевладѣльцы, которые не сумѣли захватить въ свои руки государственную власть, подъ вліяніемъ образованія послѣдней, потери прежнихъ регалій, паденія земельныхъ рентъ, погибли въ неравной борьбѣ съ новой территоріальной властью. Въ XIII и XIV ст. эти аристократическіе роды повсюду вымирали, ихъ замѣняли мелкіе землевладѣльцы въ видѣ министеріаловъ и рыцарей. Этого не случилось только въ такихъ мѣстностяхъ, какъ напр., прирейнскія земли, гдѣ существованіе многочисленныхъ очень крупныхъ помѣстій, духовныхъ (Триръ, Майнцъ, Вюрцбургъ, Кельнъ) и свѣтскихъ, препятствовало стремленію немногихъ феодаловъ къ расширенію ихъ власти и вызвало образованіе многочисленныхъ графствъ съ правами верховной власти. Во всѣхъ другихъ мѣстностяхъ не только свѣтское, но и духовно землевладѣніе страдало отъ образованія территоріальныхъ государствъ.

Уже въ XI — XII ст., когда стали сокращаться домeніальныя земли императоровъ, и церковное землевладѣніе уменьшается. Даренія въ пользу церкви, какъ со стороны королей, такъ и со стороны прочихъ землевладѣльцевъ, хотя и продолжаются, но въ значительно меньшихъ размѣрахъ; а въ то же время много земли уходитъ изъ рукъ церкви, частью вслѣдствіе передачи вассаламъ, частью вслѣдствіе захвата церковной земли баронами, наконецъ, вслѣдствіе неоднократныхъ секуляризацій церковныхъ земель, вродѣ отнятія около 1.250 гуфъ у баварскихъ монастырей при Оттонѣ I, раздачи въ XI и XII ст. монастырскихъ земель свѣтской аристократіи и т. д. Въ XIII—XIV ст. мы не находимъ уже столь крупныхъ монастырскихъ владѣній, какъ въ IX—X ст., и владѣніе въ 300 гуфъ считалось уже весьма значительнымъ,—дѣйствительно, рѣдко монастыри имѣли большее количество. Въ

XIII вѣкѣ даренія въ пользу нихъ совершенно прекратились; наоборотъ, доходы настолько уменьшились, что приходилось прибѣгать къ отчужденію церковныхъ земель. Если въ предыдущія столѣтія церкви занимались кредитными операціями, отдавая взаймы денежные капиталы, которыми они располагали, то къ концу средневѣковья имъ, наоборотъ, приходилось самимъ прибѣгать къ займамъ, и задолженность нѣкоторыхъ изъ духовныхъ княжествъ (Констанцъ, Кельнъ, Майнцъ) достигаетъ къ концу средневѣковья весьма большихъ размѣровъ. Только во вновь завоеванныхъ земляхъ различнымъ духовнымъ орденамъ удалось образовать крупныя территоріальныя княжества, среди которыхъ на первомъ мѣстѣ стоитъ Тевтонскій орденъ.

И въ Англіи съ конца XII и начала XIII ст. происходитъ раздача земель баронамъ. Хотя англійскіе короли отъ времени до времени даютъ обѣщанія не раздавать болѣе доменіальныхъ земель, и высшіе сановники неоднократно связываютъ себя присягой въ томъ, что не станутъ впредь принимать такихъ подарковъ, но фондъ королевскихъ доменъ сокращается все болѣе и болѣе: въ серединѣ XV вѣка въ рукахъ поземельной аристократіи сосредоточилось около половины всѣхъ земель королевства. Лишь въ концѣ вѣка, благодаря конфискаціи земель мятежныхъ лордовъ при Эдуардѣ IV и Ричардѣ III, домены нѣсколько увеличились, но и то они по самой высшей оцѣнкѣ не превышали $^1/_5$ всѣхъ земель. Что касается другой половины земель, то—по вычисленіямъ М. М. Ковалевскаго—она принадлежала въ срединѣ XV столѣтія церкви. При этомъ, подобно тому, какъ свѣтскія земли находились во владѣніи немногихъ крупныхъ вотчинниковъ—герцоговъ, графовъ, вице-графовъ и бароновъ, и среди духовенства архіепископы, епископы, аббаты и пріоры сосредоточивали въ своихъ рукахъ почти все поземельное владѣніе церкви, именно не меньше одной трети всѣхъ земель королевства; на долю же бѣлаго духовенства приходилась сравнительно небольшая часть земель. Такимъ образомъ, въ Англіи церковныя владѣнія вплоть до XV вѣка не сокращались; и только въ этомъ столѣтіи дѣлаются попытки отнятія земель у церкви, и опять-таки съ цѣлью раздачи ея вновь народившейся свѣтской аристократіи. Владѣнія послѣдней продолжали непрерывно расширяться, въ политическомъ же отношеніи она хотя и играла большую роль, но не успѣла превратиться въ самостоятельныхъ владѣтельныхъ государей, какъ это было въ Германіи [1]).

И въ характерѣ самой помѣстной организаціи и веденія хозяйства въ помѣстьяхъ произошла рѣзкая перемѣна. Возьмемъ ли мы имперскія земли, монастырскія владѣнія или вотчины свѣтской аристократіи, повсюду замѣтимъ совершающійся процессъ распаденія прежняго помѣстнаго хозяйства, распаденія той единицы, которую представляло собой помѣстье—вилла. И это происходитъ во всѣхъ странахъ, хотя и въ различныхъ мѣстностяхъ не одинаково скоро. На имперскихъ помѣстьяхъ барщинное хозяйство болѣе не ведется; домены доставляютъ лишь опредѣленный для каждаго изъ нихъ servitium, тогда какъ все остальное остается въ рукахъ maior'овъ, графовъ и другихъ министеріаловъ. Съ XIII вѣка самостоятельность послѣднихъ усиливается; они образуютъ новое сословіе, должности ихъ превращаются въ наслѣдственныя вмѣстѣ съ землей, которая отдана въ качествѣ лена, нерѣдко они и прямо присваиваютъ себѣ доменіальныя земли. Но то же самое совершается повсемѣстно, какъ въ Германіи, такъ и во Франціи и Англіи, и на помѣстьяхъ аристократіи, духовной и свѣтской. Барщинная земля либо

[1]) Ковалевскій. Обществ. строй Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ, стр. 17—32.

вовсе исчезаетъ, либо значительно сокращается, напр. въ помѣстьяхъ Верденскаго аббатства въ XII ст., по сравненію съ X ст.; ибо villicus или maior, Meier или maire, прежде простой приказчикъ изъ крѣпостныхъ, превращается въ министеріала съ рыцарскимъ достоинствомъ. Будучи обязанъ доставлять вотчиннику продукты, производимые въ имѣніи и приносимые крѣпостными, онъ не только присваиваетъ себѣ значительную часть оброка, ибо учитывать приказчиковъ представлялось почти невозможнымъ, но и старается превратить свою должность въ наслѣдственную. Феодалы дѣлаютъ попытки сохранить за собой право назначать мэровъ: аббатство Стабло оставляло за собой право смѣнить villicus'а или maior'а въ любое время, при чемъ сынъ не долженъ претендовать на эту должность послѣ смерти отца [1]); аббатъ монастыря Saint Père des Chartres заставляетъ своихъ маіоровъ присягать, что они свой „маіоратъ" (maioratus) не будутъ разсматривать какъ наслѣдственный [2]). Изъ этихъ фактовъ, какъ и изъ другихъ грамотъ, напр., парижскаго монастыря Богоматери [3]), видно уже, какъ сильно укоренился обычай перехода должности управителя по наслѣдству. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ феодалъ даже самъ соглашается на переходъ функціи maior'а къ сыну, но только не далѣе (напр., графъ Блуа въ XII ст.), въ другихъ случаяхъ—до третьяго поколѣнія (напр., аббатство Кормери въ концѣ XIII ст.). Но на этомъ, конечно, дѣло не останавливалось. Maior'ы становятся ленными владѣльцами, ихъ земли ничѣмъ не отличаются отъ другихъ феодовъ [4]). Отнятіе феодаломъ такихъ наслѣдственныхъ должностей у министеріаловъ и связанныхъ съ ними леновъ разсматривалось, какъ своего рода государственный переворотъ. Стараясь предотвратить такое превращеніе приказчиковъ въ владѣльцевъ сеньоріальныхъ земель, феодалы устанавливали опредѣленный servitium, который maior обязанъ доставить, предоставляя послѣднему весь получающійся сверхъ этого избытокъ дохода. Они шли и дальше, просто сдавая въ аренду maior'у барщинную землю и заключая съ нимъ опредѣленный договоръ на извѣстный срокъ (iure pensionali, quod vulgari dicitur pachtrecht). Наконецъ, поскольку наслѣдственность еще не успѣла установиться, они отнимали барскую землю (terra dominica), разбивали ее на части и отдавали въ аренду другимъ лицамъ (isti tenent de dominico-часто встрѣчается въ земельныхъ книгахъ); иногда отдавали цѣлымъ общинамъ. Но особенно феодалы старались сохранить за собой по крайней мѣрѣ доходы, получаемые съ надѣльной земли, и устранить посредничество приказчиковъ въ этомъ отношеніи. Съ этой цѣлью барщинная земля совершенно отдѣлялась отъ надѣльной и доходы отъ послѣдней должны были поступать непосредственно отъ крестьянъ, которые прямо

[1]) Nullus villicus, qui vulgariter Maior vocatur, ministerium suum diutius habere et retinere valeat, nisi quamdiu cum gratia Abbatis deservire queat, sed quotiescunque iussus fuit reddere, sine contradictione reddat, nec filius post obitum patris per hereditatem repetat (a. 1140).

[2]) In iam dicto maioratu nihil iuris hereditarii reclamabit, sed post eius decessum maioratus noster libere et quiete in nostrum dominium revertetur (a. 1204).

[3]) Abiuravit coram nobis totum ius hereditarium quod confirmabat in maioria de Viriaco (a. 1224).

[4]) Dictus sicuidem guido, maior, partem predicti viridarii et dictum agripennum dixit ad ius suum feodaliter pertinere cum reliquo feodo quem tenet a capitulo (Cartul. Notre-Dame de Chartres. a. 1220).

сносились съ барской конторой, въ руки помѣщика; или же они сдавались на откупъ т. наз. фирмарію за опредѣленную сумму или, наконецъ, завѣдываніе ими передавалось особому лицу—фогту.

Но такой образъ дѣйствія приводилъ неминуемо къ распаденію помѣстнаго хозяйства, ибо связь между барщинной землей и надѣльной прекращалась, и помѣстье нерѣдко расчленялось на двѣ самостоятельныя части. изъ коихъ одна обыкновенно представляла наслѣдственное держаніе прежнихъ maior'овъ или иныхъ лицъ, другая же совершенно обособленно доставляла феодалу доходы тѣмъ или инымъ способомъ. Сеньоръ во многихъ случаяхъересталъ быть сельскимъ хозяиномъ, ибо барщинная земля болѣе не обрабатывалась на его страхъ и рискъ; онъ оставался лишь землевладѣльцемъ. Вилла превращалась изъ хозяйственной единицы, состоявшей изъ извѣстнаго количества земли, исключительно въ субстратъ платежей и повинностей, которыя доставляютъ принадлежащія феодалу земли и которыя въ свою очередь отчуждаются и выдѣляются другимъ лицамъ по частямъ. Получается дисмембрація виллы, распаденіе прежнихъ крупныхъ помѣстій на рядъ мелкихъ; изъ виллъ образуются иногда совершенно мелкія имѣнья въ рукахъ не только аристократіи, но и духовенства и горожанъ. Въ Бретани находимъ уже съ XII вѣка владѣнія, ограничивающіяся однимъ держаніемъ и состоящія изъ немногихъ arpents земли; въ Бургундіи встрѣчаются виллы въ 18 дворовъ, раздѣленныя между 4 сеньорами; иногда же сеньору принадлежитъ всего одинъ вилланъ въ цѣломъ селѣ; а въ Пуату встрѣчаются помѣстья въ 1—2 и даже $^{1}/_{5}$ надѣла. Имѣнье въ 30 держателей считалось (во Франціи) уже значительнымъ; распространялось, слѣдовательно, и вскорѣ стало господствующимъ мелкое хозяйство и мелкое землевладѣніе, причемъ классъ землевладѣльцевъ расширился за предѣлы феодальной аристократіи, включивъ въ свои ряды весьма много городскихъ патриціевъ [1]).

ГЛАВА II.

Барщина, личныя повинности и платежи.

Эти измѣненія не могли не отразиться на положеніи крестьянъ, облегчая крѣпостную зависимость и постепенное возвращеніе крестьянъ снова въ состояніе свободныхъ земледѣльцевъ. Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи являлось установленіе разъ навсегда опредѣленныхъ платежей [2]), не зависѣвшихъ отъ произвола приказчика (который значительную часть ихъ присваивалъ себѣ), хотя при отсутствіи правильныхъ мѣръ и вѣсовъ эта опредѣленность могла быть лишь относительной.

[1]) Относительно этого процесса дисмембраціи виллы см. для Англіи — Виноградовъ, ук. соч. Петрушевскій, II, стр. 166 и сл. Эшли, стр. 30—32. Hasbach. p. 21. Petit-Dutaillis (Reville), XXVIII и сл. Nasse, рус. изд. 38; для Франціи — Flach. II. 87—119. Seignobos. p. 199. Boucomont. p. 53—56. Sée. Classes rurales, 149 и сл. 330 и сл. 560. Sée. Classes rur. en Bretagne. p. 32 и сл. 53—4. 88—91. Brants. p. 57; для Германіи—Lamprecht. Deut. Wirt. I. 2. p. 771—75. Wittich. Grundherrsch. 304—18. Inama. II. 152—6. III. 1. p. 246—53.

[2]) Они должны взиматься безъ насилія, „такъ тихо, чтобы не разбудить дитя въ люлькѣ, не спугнуть пѣтуха съ насѣста“.

Иногда даже говорится: приносимый въ качествѣ оброка пѣтухъ долженъ быть такой величины, чтобы онъ могъ вскочить на стулъ въ $1^1/_2$ фута вышины; хлѣбъ, доставляемый крестьянкой, долженъ быть такой тяжести и толщины, какъ ея собственный задъ; сыръ долженъ быть настолько крѣпокъ, чтобы не разбился, будучи брошенъ объ стѣну.

А за этимъ слѣдовалъ дальнѣйшій и чрезвычайно важный шагъ—переводъ натуральныхъ повинностей и барщинныхъ работъ на деньги. Послѣднее обезпечивало феодалу опредѣленный доходъ и при распаденіи виллы являлось наиболѣе удобной для него формой дохода, тѣмъ болѣе, что продукты, доставляемые крестьянами въ натурѣ, были плохого качества [1]). Вслѣдствіе же послѣдующаго паденія цѣнности денегъ, эти платежи, при ихъ неизмѣняемости, оказались весьма выгодными и для крестьянъ. Что касается прежде всего реальныхъ оброковъ или тѣхъ, которые связаны съ землей и являются какъ бы платой за пользованіе послѣдней, то они (во Франціи) весьма рано уже пріобрѣтаютъ постоянный, опредѣленный характеръ, причемъ размѣръ обусловливается величиной надѣла. Мало того, уже въ XII вѣкѣ (отчасти даже въ XI ст. и раньше) они частью превращены въ постоянные денежные платежи [2]), въ чиншъ, тяжесть котораго съ теченіемъ времени, съ паденіемъ цѣнности денегъ, все болѣе сокращается. Но и съ прибавленіемъ къ нему, вслѣдствіе этого, дополнительнаго чинша (surcens), этотъ платежъ все же являлся скорѣе символическимъ выраженіемъ правъ помѣщика на землю, чѣмъ дѣйствительнымъ оброкомъ. Тягостнѣе была другая часть чинша. уплачиваемая въ натурѣ (coutumes), въ видѣ хлѣба (къ Рождеству), яицъ (къ Пасхѣ) и всякой живности (куръ, овецъ, поросятъ) или же замѣнявшая чиншъ опредѣленная часть урожая (campipars, champart, т. е. часть поля)—девятый, десятый снопъ, а также извѣстная часть винограда—vinage и т. д. Въ этомъ случаѣ крестьянинъ не могъ убирать снопы съ поля, прежде чѣмъ приказчикъ сеньора не установилъ размѣровъ урожая и часть, принадлежащая сеньору, не была отнесена въ его амбаръ; крестьянскій хлѣбъ въ теченіе всего этого времени лежалъ на полѣ и подвергался порчѣ отъ вѣтра и дождя [3]). Прогрессъ XIII и XIV ст. и заключался въ томъ, что обѣ эти тягостныя повинности, натуральный чиншъ и еще болѣе непріятный champart крестьянамъ удалось замѣнить опредѣленными денежными платежами. Въ Орлеане, Норманди (XII ст.), Руссильонѣ, Лангедокѣ, Пуату, Бургундіи (въ XII ст.)—повсюду они превращаются постепенно въ невысокій денежный оброкъ: „rentes qui ne crois-

---

1) Хлѣбъ, получаемый въ видѣ чинша, былъ равнозначущъ хлѣбу худшаго качества; овесъ сеньоръ обязанъ принять, если лошадь, голодавшая три дня, соглашается ѣсть его, а вино, даже если оно столь кисло, что разъѣдаетъ ногу лошади, вставившей ее въ сосудъ съ этимъ виномъ.

2) Сначала устанавливается денежная цѣнность натуральныхъ повинностей (porcum unum VI denariorum) и допускается выборъ между ними (porcum unum aut pro porco V solidos), позже денежный эквивалентъ становится обычнымъ и его размѣръ фиксируется („certa“)—viginti solidos pro carne et piscibus (Lamprecht. Franz. Wirtschaftsleben. p. 54).

3) Son blé remaint de l'autre part
Qui est au vent et à la pluie
Au vilein malement ennuie
De son blé qui gist par le champ.
(Цит. у Delisle, p. 64).

sent ni ne décroissent" [1]). Еще чаще натуральныя повинности замѣняются опредѣленной денежной рентой въ Англіи. Наоборотъ, въ Германіи устраненіе натуральныхъ оброковъ составляетъ явленіе сравнительно рѣдкое, хотя чиншъ (Zins) и здѣсь превратился въ земельную ренту, опредѣляющуюся размѣрами надѣла; къ ней затѣмъ при спеціальныхъ культурахъ присоединялись особые добавочные платежи. Повидимому, эти спеціальные платежи, даже въ случаѣ превращенія основного чинша въ денежную ренту, сохраняли свой натуральный характеръ. Во всякомъ случаѣ, помѣщики всегда оставляли за собой право выбора между денежнымъ и натуральнымъ оброкомъ.

Другой еще болѣе важный шагъ въ томъ же направленіи дѣлается въ смыслѣ замѣны барщины денежнымъ оброкомъ. Отдача барской земли на откупъ дѣлала излишней барщину, всякое сокращеніе ея позволяло освободить опредѣленныя группы вилланов отъ этой тяжелой повинности. Но и вообще для феодала барщинный трудъ являлся повидимому далеко не всегда выгоднымъ. Барщинные дни сопровождались угощеніемъ крестьянъ, которое иногда достигало такихъ размѣровъ, что прокормленіе ихъ обходилось дороже, чѣмъ выручка отъ ихъ мало-интенсивнаго труда.

Въ эльзасскихъ источникахъ имѣются указанія вродѣ того, что по случаю ежегодной доставки вина въ Базель, лодочники получаютъ обильное кушанье и столько вина, чтобы они только шатаясь могли дойти до лодки. Въ другомъ случаѣ барщинники могутъ претендовать на хлѣбъ величиной отъ колѣнъ до подбородка или такой величины, чтобы, взявъ его подъ мышку, нельзя было вложить палецъ за поясъ; при перевозкѣ они имѣютъ право на четвертную вина на каждой милѣ, а лошадямъ насыпается овесъ до ихъ груди. Косецъ имѣетъ право на столько скошенной травы, сколько въ состояніи поднять на концѣ косы, а при перевозкѣ на столько овса, сколько можетъ трижды забрать въ руку; кромѣ того онъ имѣетъ право взять себѣ полную телѣгу сѣна и съ каждаго перевезеннаго воза одинъ снопъ [2]).

При такихъ условіяхъ для феодаловъ нерѣдко было выгоднѣе получать изъ года въ годъ опредѣленные денежные платежи, выгоднѣе было даже тамъ, гдѣ сохранилось сеньоріальное хозяйство; они нанимали батраковъ для обработки барской земли, т.-е. рабочую силу, въ пользованіи которой они были болѣе свободны. Не слѣдуетъ далѣе упускать изъ виду что военная дѣятельность — обычное занятіе феодаловъ — вызывала у нихъ потребность въ значительныхъ денежныхъ суммахъ. Но и для крестьянъ такая замѣна обозначала значительное облегченіе, ослабляя зависимость ихъ и устраняя вмѣшательство сеньора въ ихъ жизнь; она превращала виллана изъ хозяйственнаго орудія своего господина въ свободно располагающаго своимъ трудомъ и временемъ человѣка, который вноситъ лишь извѣстную сумму денегъ въ пользу феодала. Замѣна барщины денежными платежами обозначала устраненіе стѣснительнаго контроля, неизбѣжно сопряженнаго съ отбываніемъ повинностей, и произвола служащихъ въ экономіи лицъ, старавшихся извлечь изъ этого какъ можно больше выгоды для себя; она обо-

[1]) Brutails. 151. 170. Délisle. p, 19. 49. Seignobos. p. 219. Sée. Classes rurales. p. 349—408. Bretagne. p. 63.

[2]) D'Avenel. I. 213—14. Hanauer. Paysans. 236—242. Виноградовъ. Авг. 1886 г. стр. 285. Hagelstange. p. 36.

значала освобожденіе крестьянъ отъ работъ въ пользу сеньора въ страдную пору, работъ, сопряженныхъ съ разстройствомъ ихъ собственнаго хозяйства. Недаромъ въ Англіи рядомъ съ юридическимъ различіемъ между держаніемъ по обычаю, т.-е. юридически необезпеченнымъ, которое лордъ вправѣ отнять въ любой моментъ, и держаніемъ по формально заключенному договору производится и другое различіе между двумя системами: оброчной и барщинной. Держанія, откупившіяся отъ барщины, даже прямо названы въ памятникахъ свободными, тогда какъ тѣ, которыя исправляютъ эти повинности,—„рабочими, рабскими, вилланскими“.

Процессъ замѣны барщины денежными платежами—коммутація—совершался, конечно, постепенно. Исходной точкой было, повидимому, установленіе разъ навсегда точно опредѣленныхъ дней отбыванія барщины. Въ Англіи по общему правилу вилланъ обязанъ былъ работать на лорда по три дня въ недѣлю отъ Михайлова дня—29 сент.—до праздника Петра въ веригахъ—1 авг. и по пяти дней еженедѣльно между 1 авг. и 29 сент.; при этомъ старостѣ вмѣнялось въ обязанность тщательно слѣдить за недоимками въ работѣ и взыскивать ихъ деньгами. Такимъ путемъ постепенно устанавливался извѣстный тарифъ оцѣнокъ для каждой работы, и если первоначально денежные платежи носили форму штрафа за пропущенный день, то впослѣдствіи они, становясь обычными, превратились въ замѣнявшій барщину денежный оброкъ. Однако, и будучи уже обычнымъ явленіемъ, такой денежный оброкъ все же долгое время по необходимости являлся лишь факультативнымъ. Въ правительственномъ кадастрѣ XIII ст. по нѣсколькимъ графствамъ приводится параллельная оцѣнка всѣхъ барщинныхъ работъ на деньги; выборъ между барщиной и оброкомъ предоставляется лорду, но сумма оброка, оцѣнка работъ, заранѣе установлена. Въ сотенныхъ спискахъ (Rotuli Hundredorum) мы находимъ не мало случаевъ, когда еще не установлено опредѣленнаго порядка и лордъ въ данномъ году беретъ съ виллана деньги, въ слѣдующемъ же требуетъ съ него снова барщину (onera) во всей ея полнотѣ: araturae, averagia, manuoperationes. Зато въ другихъ случаяхъ—какъ видно изъ тѣхъ же списковъ—денежные платежи успѣли уже укорениться и лордъ лишь сохранилъ за собой право ad voluntatem вернуться снова къ барщинѣ. Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ платежи постепенно пріобрѣтаютъ прочный характеръ освященной обычаемъ нормы (consuetudo maneri), связывающей лорда, нарушеніе коей разсматривается какъ произволъ. Въ то время, какъ въ однихъ имѣніяхъ еще помнили имя лица, переведшаго барщину на деньги, въ другихъ денежные платежи настолько укоренились, что передача той же земли новому держателю „за отработки“, а не „за ренту“, считалась несправедливостью. Нерѣдко выкупъ совершался не отдѣльными лицами, а цѣлыми селами и даже округами—онъ становился обычаемъ цѣлой мѣстности и выигрывалъ въ прочности; иногда онъ приводилъ даже къ заключенію настоящихъ договоровъ между лордами и крестьянами и нарушеніе такой грамоты давало крестьянамъ право иска въ королевскомъ судѣ.

Конечно, какъ указываетъ П. Г. Виноградовъ, барщина еще долго не исчезла цѣликомъ; различіе между свободными отъ барщины и несвобод-

ными учасниками было лишь количественное, опредѣляясь главной массой повинностей: подобно тому, какъ барщинныя держанія плотятъ и небольшой оброкъ, и на оброчныхъ земляхъ остаются извѣстныя барщинныя обязанности. Но во всякомъ случаѣ въ XIII ст. — по словамъ Д. М. Петрушевскаго — вилланъ, отбывающій всѣ свои натуральныя повинности, чрезвычайно рѣдкое явленіе. „Безъ преувеличенія можно сказать, что въ кустумаріяхъ, составленныхъ въ это время, не найдется ни одного виллана, та или другая часть барщины котораго не была бы переведена на деньги".

Ранѣе всего это произошло повидимому на королевскихъ доменахъ, гдѣ уже въ первой половинѣ XII вѣка (при Генрихѣ I) натуральныя повинности вилланов были переведены на денежные платежи. Въ „Діалогѣ о казначействѣ" (Dialogue de Scaccario), относящемся къ этой эпохѣ, говорится, что когда король Генрихъ I „сталъ ѣздить въ заморскія и отдаленныя страны для подавленія возстаній, ему понадобились необходимыя для этого средства въ формѣ чеканной монеты". Вмѣстѣ съ тѣмъ во время его поѣздокъ крестьяне „часто выходили къ нему съ сошниками своихъ плуговъ въ рукахъ въ знакъ того, что земледѣліе приходитъ въ упадокъ, ибо на нихъ лежали неисчислимыя тягости въ видѣ съѣстныхъ припасовъ, которые они должны были доставлять изъ своего мѣстожительства въ различныя мѣстности королевства". Потребность въ деньгахъ и непроизводительная трата времени вилланами при отбываніи натуральныхъ повинностей, какъ два основные фактора, вызвавшіе коммутацію, здѣсь ярко выступаютъ наружу. За королемъ вскорѣ послѣдовали и лорды, а затѣмъ и монастыри, хотя въ духовныхъ помѣстьяхъ коммутація совершалась медленнѣе, чѣмъ въ свѣтскихъ.

На широкое и быстрое распространеніе коммутаціи въ Англіи въ эпоху, предшествующую эпидеміи чумы (черной смерти) 1349 г., обратилъ особенное вниманіе Роджерсъ, Six Centuries Ch. VIII). Другіе изслѣдователи подчеркнули фактъ существованія барщины еще во второй половинѣ XIV вѣка, а мѣстами даже въ XV и началѣ XVI ст. Однако, находя утвержденія Роджерса чрезмѣрно преувеличенными, когда онъ говоритъ, что почти всѣ уже платили вмѣсто барщины деньги, Пти-Дютаи все же признаетъ, что въ теченіе XIII ст. и первой половины XIV ст. барщина приходитъ въ упадокъ, и только предостерегаетъ отъ крайняго оптимизма Роджерса. А Томасъ Пэджъ указываетъ на то, что въ отношеніи пастьбы скота барщина уже рано замѣнялась наемнымъ трудомъ, ибо она приходилась на опредѣленные дни и нельзя было поручить свиней или овецъ виллану, который служилъ только три дня въ недѣлю; а за пастухами пошли пахари и возчики, и вскорѣ всѣ конныя службы оказались выкупленными, тѣмъ болѣе, что онѣ отбывались лишь зажиточными крестьянами: онѣ еще до черной смерти 1349 г. были по общему правилу переведены на оброкъ. Что же касается ручныхъ работъ, выполнявшихся малоземельными вилланами, то послѣдніе не въ состояніи были откупиться отъ нихъ; да они и исполняли такія работы, для которыхъ, въ особенности во время сѣнокоса и уборки хлѣба, когда требовалось много рабочихъ рукъ, невозможно было найти достаточнаго количества батраковъ въ эту эпоху. Въ виду этого, по словамъ Пэджа, ручныя работы до половины XIV ст. были лишь отчасти замѣнены денежными платежами. Изъ 78 изученныхъ Пэджемъ мэноровъ въ 40 ручныя работы еще сохранились почти цѣликомъ, а въ 21 выполнялось не менѣе половины такихъ работъ барщиннымъ трудомъ.

Было бы ошибочно предполагать, что такія измѣненія въ хозяйственномъ строѣ помѣстья произошли лишь въ одной Англіи. Какъ указываетъ проф. Пискорскій, они имѣли мѣсто въ большомъ количествѣ и въ Каталоніи, гдѣ также, въ особенности въ XIV и XV ст., происходила замѣна не только натуральнаго оброка, но и личнаго труда крестьянъ опредѣленными денежными платежами на вѣчныя времена или на неопредѣленные сроки. Обыкновенно замѣна личныхъ обязательствъ ежегоднымъ оброкомъ

совершалась на основанiи откупа, единовременной уплаты опредѣленной суммы; во многихъ случаяхъ именно это отступное, необходимое феодалу при стѣсненныхъ денежныхъ обстоятельствахъ, являлось рѣшающимъ моментомъ, побуждавшимъ его отказаться отъ барщины [1]). Во Францiи первоначально размѣръ барщины corvées, prières, preces) зависѣлъ всецѣло отъ усмотрѣнiя барона (corvéables à merci). Но позже барщина превращается въ разъ навсегда опредѣленную повинность, ибо договоромъ или обычаемъ опредѣляется число дней въ году, которое обязанъ работать вилланъ. Не только на югѣ, въ Руссильонѣ (не болѣе 8 дней), Лангедокѣ, но и въ другихъ мѣстностяхъ — въ Нормандiи, Аквитанiи, Бургундiи (не болѣе 4 дней) число барщинныхъ дней сокращается все болѣе и болѣе, достигая 1—3 дней въ годъ. Иногда барщина даже совершенно исчезаетъ, какъ, напр., во Фландрiи, во вновь основанныхъ съ конца XII ст. селенiяхъ Шампани, въ казенныхъ помѣстьяхъ Орлеане. Въ другихъ случаяхъ сохраняются только общественныя помочи и сторожевая служба или подводная повинность; прочiя же работы постепенно переводятся на деньги и замѣняются, въ особенности на виноградникахъ, поденнымъ трудомъ батраковъ [2]).

Въ Германiи съ конца XIII ст., подъ влiянiемъ дробленiя гуфъ, и связанныя съ ними повинности сильно дробились и нерѣдко совершенно исчезали; повидимому, вслѣдствiе этого, и барщинныя работы сильно сокращались и помѣщики предпочитали замѣнять ихъ своевременно деньгами (redemptio). Уменьшенiе площади барской земли и здѣсь способствовало этому; хотя расширенiе вновь распаханныхъ площадей общинныхъ земель (Beunde) и заставляло въ XIV вѣкѣ снова прибѣгать къ крестьянскому труду, но въ общемъ онъ повсюду сократился, по сравненiю съ предыдущимъ перiодомъ. Барщина составляла не болѣе 12 дней въ году, иногда же всего два или даже одинъ день въ годъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ остались лишь подводныя повинности, строительныя и уходъ за скотомъ, во всѣхъ же другихъ отношенiяхъ крестьянъ замѣнили дворовые-крѣпостные [3]).

Наконецъ, постепенно измѣняетъ свой характеръ и третья категорiя повинностей, повинности чисто-личнаго характера — дурные обычаи, какъ ихъ называло населенiе (mauvaises coutumes, malas consuetudines, usos). Они носили рабскiй отпечатокъ, вытекая изъ первоначальнаго рабскаго состоянiя, отъ котораго они и впослѣдствiи сохранились, распространившись и на прочихъ держателей, потерявшихъ личную свободу. Поскольку эти повинности выполнялись ранѣе въ натурѣ, онѣ замѣняются теперь денежными платежами, поскольку же являлись имущественными, сокращаются до незначительныхъ размѣровъ; наконецъ, во многихъ случаяхъ онѣ исчезаютъ вовсе, вслѣдствiе выкупа или полной отмѣны ихъ. Среди этихъ повинностей на первомъ планѣ стояли различные поголовные платежи (chevage, capitatio) — признакъ несвободнаго состоянiя. Они превращены, особенно въ

---

1) Пискорскiй, стр. 134—142.

2) Boucomont.. p. 28. Brutails. p. 167. Molinier. p. 163. Seignobos. p. 285. 216. Delisle. p. 126 и сл. Sée. p. 382—85. Ковалевскiй, II, стр. 563 и сл., 577 и сл., 640—2.

3) Lamprecht. I. 864—266. Inama. III. 1. 407—14. Wittich, 321. Hagelstange. 31 и сл.

различныхъ мѣстностяхъ Германіи, въ реальную тягость, лежащую на землѣ, которую держитъ крестьянинъ, въ сборъ съ дыма, со двора (fumagium, foagium, Herdpfennig, Rauchhuhn, Rauchhafer). Или же они превратились (во Франціи) изъ taille à arbitraire (первоначально сеньоръ вправѣ взять любую часть: taille á volonté) въ опредѣленный, взимаемый соотвѣтственно размѣрамъ держанія, раскладочный сборъ — censive; къ нему иногда впрочемъ присоединяется taille extraordinaire. Или, наконецъ, выражая собою одинъ лишь фактъ зависимости, они понизились (въ Англіи) до минимальныхъ размѣровъ (tallagium, chevagium), до приношенія разъ въ годъ каплуна, корня имбиря или розы.

Таково далѣе присвоеніе сеньоромъ послѣ смерти виллана принадлежащаго послѣднему имущества цѣликомъ или частью. Оно вытекало изъ права сеньора на все, что принадлежало крѣпостному. Происходя изъ рабскаго состоянія, послѣдній собственнаго имущества имѣть не могъ, получалъ его лишь въ пожизненное пользованіе, но не могъ распоряжаться имъ; онъ не могъ поэтому ни завѣщать его, ни отчуждать; точно также онъ не могъ пріобрѣтать землю на сторонѣ для себя, а могъ ее пріобрѣтать лишь для сеньора. Постепенно, однако, переходъ всего имущества послѣ смерти крѣпостного къ сеньору замѣняется отдачей лучшей штуки скота и извѣстной денежной суммы, смотря по размѣрамъ земли, или только однимъ платежемъ; запрещеніе же отчуждать землю или пріобрѣтать ее на сторонѣ замѣнялось уплатой въ пользу сеньора небольшой суммы при переходѣ земли.

Въ Англіи формально вся земля принадлежала исключительно лорду, и поэтому онъ во всякое время могъ отнять у виллана землю, а также взять ее себѣ послѣ смерти виллана, какъ и имѣлъ право на всю ту землю, которую вилланъ пріобрѣталъ въ другихъ мѣстахъ. Однако, фактически случаи осуществленія этого права являлись исключеніемъ. Въ XIII вѣкѣ мы находимъ лишь отдѣльные случаи отобранія земли у крестьянъ; точно также недопускаемое прежде взятіе свободнаго участка на сторонѣ въ эту эпоху уже замѣнилось испрашиваніемъ на это разрѣшенія лорда въ качествѣ простой формальности съ внесеніемъ за это извѣстной суммы денегъ. „Вырабатываются извѣстныя постоянныя нормы, обычаи, которые регулируютъ постоянно повторяющіеся факты брака, наслѣдованія, отчужденія и т. п. Подъ прикрытіемъ этого обычая совершаются между крестьянами сдѣлки и устанавливаются права, аналогичныя сдѣлкамъ и правамъ свободнаго гражданскаго оборота“. Вступленіе лорда въ свои права на землю виллана становилось постепенно простой формальностью. Въ дѣйствительности, земля переходила in manus domini лишь до тѣхъ поръ, пока не являлся наслѣдникъ умершаго, къ которому „по праву должна перейти эта земля наслѣдственнымъ порядкомъ“, какъ говорится въ памятникахъ; этотъ наслѣдникъ безпрепятственно вступалъ въ свои права.

Но точно также изъ прочаго имущества сеньоръ имѣлъ право лишь на извѣстную небольшую часть—геріетъ. Первоначально почти все движимое имущество послѣ смерти виллана лордъ присваивалъ себѣ; „всѣхъ лошадей, всѣхъ пчелъ, всѣхъ свиней, кромѣ одной, все шерстяное платье,

лучшихъ головъ рогатаго скота, котелъ". Позже это замѣнилось передачей лорду одной лучшей головы скота; при отсутствіи же скота у умершаго виллана, лордъ не получалъ ничего. Еще чаще натуральный геріетъ (heriеtum) замѣнялся опредѣленнымъ денежнымъ платежемъ, которому присваивалось то же названіе.

И другія сдѣлки совершаются вилланами безпрепятственно, какъ, напр., передача однимъ крестьяниномъ другому участка въ видѣ аренды; эта междукрестьянская аренда въ XIII ст. сильно развилась какъ видно изъ Д. М. Петрушевскаго. Первоначально она производилась въ формѣ сдѣлки между лордомъ и новымъ арендаторомъ, при которой прежній владѣлецъ совершенно устранялся; онъ возвращалъ землю сеньору, а послѣдній уже передавалъ ее арендатору. Но вскорѣ форма измѣнилась: держатель испрашивалъ лишь разрѣшеніе лорда на сдачу опредѣленному лицу земли на извѣстное количество лѣтъ и уплачивалъ за это разрѣшеніе денежную сумму. При этомъ вилланъ уже разсматривался, слѣдовательно, какъ дѣйствительный владѣлецъ земли, продолжая сохранять за собою — какъ видно изъ различныхъ памятниковъ — держательскія права на землю и пользуясь правомъ, въ случаѣ нарушенія договора арендаторомъ, искать съ него удовлетворенія судебнымъ порядкомъ.

Во Франціи mainmorte или relief (въ Испаніи — экзоркія и интестія), т. е. право на имущество виллана послѣ его смерти уже въ XIII вѣкѣ измѣняется въ томъ смыслѣ, что имущество переходитъ къ дѣтямъ умершаго (если нѣтъ дѣтей, то наслѣдуетъ сеньоръ) не только въ томъ случаѣ, если они жили вмѣстѣ съ нимъ, но даже если они вели отдѣльное хозяйство. Сеньору же уплачивается лучшая штука скота (meilleur catel въ Геннегау, halve-have въ Брабантѣ, Kurmede въ другихъ мѣстахъ Бельгіи) или же онъ получаетъ лучшее украшеніе, и въ его пользу поступаютъ извѣстные сборы при переходѣ имущества (lods et ventes).

Въ Германіи платежи по случаю смерти (Kurmede, Bahrenrecht, Sterbfall, Toder, Optimale, manus mortua), равнявшіеся ранѣе всему движимому имуществу или значительной части его, превращаются, какъ и прочіе сборы при отчужденіи имущества (Empfängnis, Vorhure), въ реальныя повинности, лежащія на надѣлѣ и уплачиваемыя съ каждаго участка, хотя бы самой незначительной величины, „если на немъ еще помѣщается треножный стулъ". Они замѣняются лучшей штукой скота (Besthaupt), или же второй по качеству: сначала наслѣднику предоставлено отобрать лучшую голову скота, а затѣмъ уже выбиралъ помѣщикъ; или, наконецъ, сеньоръ получаетъ лучшее платье. При этомъ нерѣдко лучшей штукой скота считалась та, которую слуга сеньора, проходя по конюшнѣ или хлѣву, спиной къ скоту, ударилъ палочкой или просто издали выбралъ на глазомѣръ. Да и такая Kurmede разсматривалась уже въ XIII ст. многими какъ похищеніе чужого имущества, которое сеньоръ обязанъ вернуть его дѣйствительному собственнику. Наконецъ, Besthaupt принимаетъ и форму денежной суммы или получаетъ чисто символическій, выражающій подвластность сеньору, характеръ въ видѣ предоставленія сеньору треножника, который и сжигался во дворѣ вдовы умершаго.

Вообще и въ Германіи отчасти установилось новое обычное право внутри имѣній, въ силу котораго крестьянинъ уже не находился въ полной зависи-

мости отъ помѣщика. Его имущество уже не являлось собственностью вотчинника: оно переходило по наслѣдству. Оно, съ разрѣшенія помѣщика, отчуждалось или же послѣднему лишь предоставлялось право преимущественной купли, или, наконецъ, ему давалась только извѣстная пошлина съ отчуждаемаго имущества. Что держатели постепенно разсматриваются какъ собственники, видно изъ того, что они перестаютъ отвѣчать по обязательствамъ помѣщика и добиваются, съ другой стороны, права отягощать свои надѣлы долгами, что ихъ держаніе признается наслѣдственнымъ владѣніемъ и устанавливается опредѣленный, признаваемый и помѣщикомъ, порядокъ наслѣдованія.

Сюда же относится вытекавшее изъ права сеньора на жену крестьянина такъ наз. право первой ночи (ius primae noctis), также признакъ рабскаго состоянія. Оно заключалось первоначально въ правѣ помѣщика пользоваться новобрачной до передачи ея мужу. Теперь оно замѣняется различными символическими дѣйствіями, какъ, напр., правомъ сеньора класть одну ногу въ постель новобрачной или переступать ногой черезъ нее—ius coxae locandae, droit de jambage—остатками прежняго дѣйствительно совершаемаго обычая, а также денежными платежами (maritagium, formariage, merchetum) за разрѣшеніе вступить въ бракъ. Послѣднее носило въ Англіи названіе redemcio sanguinis—выкупъ повинности крови, во Франціи—culage, т. е. срываніе плодовъ (payer le cullage de mariage), въ Испаніи—firma di spoli forzada, въ Германіи—Iungfernzins, Hemdshilling, даже cunnagium. И символическія дѣйствія и названія платежей прямо указываютъ на характеръ прежней повинности, причемъ долгое время такая замѣна являлась факультативной, въ зависимости отъ воли помѣщика или желанія крестьянина [1]).

Въ то время, какъ огромное большинство изслѣдователей аграрнаго строя среднихъ вѣковъ (напр., М. М. Ковалевскій, П. Г. Виноградовъ, Бонмеръ, Вейнгольдъ и др.) стоятъ на той точкѣ зрѣнія, что ius primae noctis являлось общераспространеннымъ въ средніе вѣка и лишь постепенно исчезало, нѣкоторые ученые, какъ напр. Делиль (р. 75), въ особ. же Karl Schmidt въ спеціально посвященномъ этому вопросу изслѣдованіи „Ius primae noctis" отрицаютъ его существованіе. Но всѣ возраженія сводятся къ тому, что въ тѣхъ случаяхъ, когда говорится о такой обязанности крѣпостного, это есть не что иное, какъ шутка, которая заставляла виллана точно уплатить опредѣленную денежную сумму (Schmidt, р. 254), ибо они не сомнѣваются въ томъ, что онъ не могъ предпочесть уплатѣ предоставленіе новобрачной сеньору. Однако, прежде всего самое существованіе такихъ платежей необъяснимо, если мы не будемъ исходить изъ того, что они являлись остаткомъ, замѣной прежней натуральной повинности—для всѣхъ прочихъ платежей мы находимъ такія предшествовавшія имъ натуральныя повинности. Необъяснимы далѣе и приведенныя выше символическія дѣйствія, напр., право сеньора класть одну ногу въ постель новобрачной, непонятно, если не предположить, что это остатокъ ius primae noctis. Кромѣ того, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что, съ одной стороны, вилланъ могъ оказаться не въ состояніи уплатить данную денежную сумму, ибо, какъ мы увидимъ ниже, матеріальное положеніе крестьянъ было весьма плохое, и тогда ему приходилось выбирать отбываніе повинности въ натурѣ; а съ другой стороны не надо забывать, что взгляды на половыя отношенія были въ тѣ времена совершенно иныя, почему нельзя исходить изъ современныхъ представленій, какъ это дѣлаетъ Шмидтъ (р. 52): вилланъ могъ соглашаться на отбываніе права въ натурѣ, не усматривая въ этомъ ничего

---

[1]) Напр., въ Нормандіи въ 1419 г.: ou je puis et dois, sil me plaist, aller couchier avecque l'espousée, en cas ou son mary ou personne de par lui ne me paieroit и т. д.

дурного, чтобы не лишиться необходимыхъ ему средствъ. Вѣдь — какъ сообщаютъ Мауреръ (Städteverfassung II. 110) и Кригкъ (Deut. Bürgertum im Mitt., p. 319)—въ средніе вѣка почтенные горожане отдавали своихъ женъ и дочерей на заработки въ проституціонные дома, простое изнасилованіе — какъ указываетъ Haeser (Gesch. der Medicin. III, 224)—являлось въ то время обычнымъ и считалось чѣмъ-то невиннымъ.

Такіе же платежи вносятся крестьяниномъ въ случаѣ, если его дочь потеряла невинность (ибо здѣсь сеньоръ во всякомъ случаѣ лишается возможности осуществить свое право)—въ Испаніи это называется „кугусія"—или если она желаетъ выйти замужъ за предѣлы помѣстья (къ указанному выше присоединяется и потеря подданной и ея потомства, почему плата увеличивается). Самое же право перехода добыто уже крестьянами не только въ Англіи, но и во Франціи и Германіи (Unterzug); въ Каталоніи это право называлось „ременса"; между сеньорами заключаются договоры о допущеніи такихъ браковъ ихъ поданныхъ.

Рядомъ съ этими основными личными повинностями находимъ и цѣлый рядъ болѣе мелкихъ, какъ-то: обязанность виллана удобрять своимъ скотомъ землю вотчинника, обязанность молоть муку на сеньоріальной мельницѣ, пользоваться прессомъ сеньора для выжимки винограднаго сока (баналитеты); обязанность кормить помѣщика и его челядь въ теченіе пребыванія его въ данной мѣстности (droit de gîte). Послѣдняя является повидимому остаткомъ отъ прежнихъ временъ, когда помѣщикъ (вождь) преимущественно такимъ путемъ кормился на счетъ подвластнаго населенія; это и была въ тѣ времена главная форма оброка. Постепенно эта повинность значительно ограничивается: опредѣляется, сколько разъ въ году могутъ происходить такія посѣщенія сеньора, сколько онъ можетъ привозить съ собою людей. „Selb dritt mit zweien Winden und einem Vogelhund"—онъ можетъ пріѣзжать не болѣе, чѣмъ съ двумя слугами, двумя борзыми псами и одной гончей; иногда эта повинность замѣняется небольшими платежами.

Подобно тому, однако, какъ барщина далеко не исчезла вполнѣ въ теченіе средневѣковой эпохи, а обнаруживала лишь тенденцію къ такой постепенной замѣнѣ денежнымъ оброкомъ, и отчасти даже въ Англіи, а тѣмъ болѣе на континентѣ, еще въ значительной мѣрѣ сохранилась, хотя и въ уменьшенномъ видѣ,—такъ и перечисленныя выше личныя повинности далеко не повсюду замѣнялись денежными платежами и постепенно сводились къ минимуму. Даже въ Англіи остатки отъ этихъ рабскихъ повинностей, какъ онѣ назывались, сохранились еще въ XVI вѣкѣ. Въ Каталоніи всѣ шесть „дурныхъ обычаевъ" были окончательно отмѣнены (частью исчезли уже раньше) лишь въ 1486 г. Во Франціи мы находимъ двѣ категоріи населенія—т. наз. свободныхъ держателей (vilains francs) и крѣпостныхъ; первые, въ противоположность послѣднимъ, освобождены совершенно отъ всѣхъ или нѣкоторыхъ изъ личныхъ повинностей, отбывая въ то же время барщину и прочія повинности и тягости. И точно также въ Германіи имѣются крестьяне, пріобрѣвшіе право свободнаго отчужденія надѣла въ предѣлахъ вотчины, добившіеся сокращенія (лучшая штука скота) или даже полной отмѣны правъ феодала на ихъ имущество и установленія платы за разрѣшеніе вступить въ бракъ (самое разрѣшеніе становится формальностью) въ разъ навсегда опредѣленномъ размѣрѣ; такое освобожденіе отъ личныхъ повинностей совершилось въ значительной мѣрѣ въ Вестфаліи, Саксоніи, Тиролѣ и т. д. А рядомъ съ ними сохранились попрежнему обширные слои крестьянскаго населенія, которые несли тѣ же тягости, что и раньше; во многихъ мѣстностяхъ, гдѣ уничтожены были вилликаціи и крестьяне подчинены были фогту,

не только помѣщикъ, но и фогтъ взималъ съ нихъ различные платежи, получалъ Besthaupt и т. д.[1]).

ГЛАВА III.

Причины постепеннаго раскрѣпощенія крестьянъ.

Чѣмъ же обусловливались перемѣны, происшедшія въ положеніи крестьянъ въ послѣднія столѣтія средневѣковья? Несомнѣнно, что фискальныя соображенія играли важную роль въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ отъ различныхъ повинностей и сокращенія чинша и оброковъ. Возможность получить сразу крупную сумму, выкупъ (во Франціи онъ достигалъ иногда 1.300, 3.200, 4.850 ливровъ), которымъ сопровождалось освобожденіе отъ этихъ тягостей, имѣла огромное значеніе для феодала, постоянно нуждавшагося въ деньгахъ; неудивительно, что наиболѣе нуждавшійся въ звонкой монетѣ (см. гл. о кредитѣ)—король всегда первый вступалъ на этотъ путь. Но рядомъ съ этимъ имѣлись и другія, болѣе глубокія причины, которыя дѣлали не только возможнымъ, но и необходимымъ постепенное раскрѣпощеніе вотчиннаго населенія.

Эти причины заключались прежде всего въ обиліи свободныхъ земель, съ одной стороны, и въ рѣдкости населенія и медленномъ его приростѣ, съ другой стороны. И въ Англіи (въ особенности на сѣверѣ) и въ различныхъ мѣстностяхъ Франціи имѣлись обширныя пространства, гдѣ посредствомъ осушенія болотъ, расчистки лѣсовъ и истребленія хищныхъ животныхъ можно было создать новыя пахотныя поля; это дѣйствительно происходило въ періодъ 1200—1350 г.г. Еще большія незаселенныя площади открывались передъ переселенцами на сѣверѣ Фландріи и Брабанта: здѣсь они весьма рано стали корчевать обширныя пустоши (solitudines) и отвоевывать новыя пространства земли у моря и болотъ (polder'ы), устраивая плотины и загражденія отъ морскихъ волнъ[2]). Развивъ желѣзную энергію въ непрерывной борьбѣ съ суровой природой родины и заселивъ бременскую область и Гольштинію, фламандскіе, зеландскіе и фрисландскіе колонисты направились затѣмъ и къ востоку и расчистили отъ болотъ и лѣсовъ различныя мѣстности Тюрингіи, Лузаціи, Саксоніи, далѣе Бранденбурга, Мекленбурга и Лауенбурга, перешли въ прибалтійскія земли и, наконецъ, стали селиться и на югѣ—въ Богеміи. Покидая своего сеньора, они добивались значительной личной свободы: фламандское право вездѣ считалось существеннымъ улучшеніемъ правового положенія населенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ они заводили болѣе интенсивное хозяйство, примѣняя систему осушенія и возведенія плотинъ—

---

[1]) О личныхъ повинностяхъ см. Англія—Виноградовъ, Журн. Мин. Май 1886 г. стр. 60—63. 67—72 и Авг. 276—9. 291. 299. Петрушевскій. II, 103—121. 182—92. 218—24 Hasbach. 24—25. Франція—Bonnemère, I. p. 44—82. Delisle. p. 67 и сл. Seignobos 219—21. 224. Brutails. 172 и сл. Sée. Bretagne. p. 65. Id. Classes rur. 177—80. 357—62 386 и сл. Darmstädter. p. 216—17. Германія—Hagelstange. 23. Wittich. 322. Lamprecht I. 925 и сл. 1178—86. 1191—94. 1199—1203. Inama. III. 1. p. 311—14. 398—400. Schmidt. 125—36. Hesse, p. 14 и сл. Бельгія—Brants. p. 62. Pirenne. I. 153 и сл. Вообще—Ковалевскій, passim, въ особ. гл. XIX—XXI перваго тома.

[2]) Pirenne. I. 157—60. 328—38. II. 511—12. D'Avenel. I. 272.

слѣды ихъ дѣятельности въ Бранденбургѣ сохранились и до сихъ поръ; они заводили луговое хозяйство, развивая скотоводство, устраивая молочныя мызы (vaccarie) и овчарни (berquerie).

За фламандцами и голландцами на востокъ пошли и нѣмцы; въ мѣстности между Эльбой и Залой переселялись саксонцы и тюрингенцы; въ Бранденбургъ и далѣе въ Лузацію и Мекленбургъ двигались саксонскіе и вестфальскіе крестьяне; въ альпійскія и придунайскія страны (Богемію, Моравію, Силезію, Тироль) направились баварцы и прирейнскіе жители. Источники прямо указываютъ на то, что тяжелыя повинности и службы довели населеніе до крайней нищеты и вынудили покинуть отечество и унаслѣдованныя отъ отцовъ земли (1102 г.), что произволъ помѣщиковъ заставилъ крестьянъ бросить свои держанія и переселиться въ другія страны (памятники 1141, 1146 и 1183 г.г.). На востокѣ крестьянъ привлекали болѣе выгодныя условія земельныхъ держаній: земля предоставлялась колонистамъ въ наслѣдственное владѣніе (jure hereditario possidere) въ качествѣ эквивалента за расчистку и улучшеніе почвы [1]). Чиншъ былъ незначителенъ и разъ навсегда опредѣленныхъ размѣровъ. Господствовала въ значительной мѣрѣ свобода личности, въ особенности широкая свобода передвиженія, вытекавшая изъ самаго характера колонизаціи [2]). Начавшись въ XII вѣкѣ, эта колонизація германскимъ населеніемъ преимущественно славянскихъ земель (германизація) продолжалась въ теченіе трехъ вѣковъ—XII, XIII и XIV.

Въ XII—XIII ст. нынѣшній Тироль былъ вполнѣ заселенъ нѣмцами вплоть до Венеціанской области, Вероны и Виченцы; правильныя переселенія происходили вплоть до XIV ст. Такая же колонизація Богеміи въ XII—XIII ст. привела къ тому, что въ концѣ XIV ст. пограничныя мѣстности Богеміи и Моравіи стали вполнѣ нѣмецкими. Заселеніе Мекленбурга было закончено уже въ XII вѣкѣ, Бранденбурга—въ XIII ст. Колонизація послѣдняго, начавшись повидимому въ 1143 г., распространилась затѣмъ и на Лузацію, Мейссенъ, восточную Тюрингію, восточную Голштинію, Померанію, которая заселяется въ XIII ст. Далѣе идетъ колонизація Силезіи; здѣсь до 1350 г. возникло около 1.500 новыхъ селеній, переселилось туда около 150 — 180 тыс. нѣмецкихъ колонистовъ; заселяется и Познань въ XIII и XIV ст. До XIV ст. продолжалось и заселеніе мѣстности между Эльбой и Залой нѣмецкими крестьянами. Только съ конца XIV ст. выселеніе во вновь завоеванныя страны, являвшееся угрозой для нѣмецкаго барона, прекращается [3]).

Населеніе уходило въ другія мѣстности, гдѣ оно пользовалось и большей личной свободой и большими правами на землю; а въ то же время убыль его не покрывалась естественнымъ приростомъ, вслѣдствіе чрезвычайно высокой смертности. Въ Англіи въ теченіе одного XIII вѣка находимъ цѣлый рядъ

---

1) Ut de nemore fiat novale et ut terra inaedificata aedificetur et de non vineata vineata fiat et, ut in summa dicam, ut melioretur (Arnold. Ansiedelungen. p. 544 сл.). Quod sede incerta raro studiosus reperitur agricola, terrae possessoribus possessionem ipsius perpetuavimus,—говорится въ одномъ документѣ 1165 г. (Schulze. Kolonisierung und Germanisierung. p. 167).

2) A. 1180. Quicunque paludem inhabitare voluerint, liberim habebunt exitum et introitum et pacem in rebus et personis (Schmidt. Urkundenbuch des Hochstifts Halberstadt. I. n. 308).

3) Hasse. Besiedelung des deut. Volksbodens. 19—55. 74—6. Pirenne. I. 160—61. Grossmann. Gutsherrl.—bäuerl. Verh. Brandenb. 7. Inama. III. 1. 1—19. Behre. Gesch. der. brand-preuss. Statistik. Absch. I. Brants. 44 и сл. Schulze. Kolonisierung und Germanisierung. p. 122 и сл. Dessmann. Gesch. der schles. Agrarverfass. p. 14 и сл. Közschke. Quell. zur Gesch. der ostdeut. Kolonis. 1912.

эпидемій чумы и сильныхъ голодовокъ (1201, 1247, 1257, 1258, 1259, 1271, 1294); еще болѣе ихъ было въ предшествующемъ столѣтіи. Въ Германіи съ 1326 г. по 1400 г. насчитывается 32 года эпидемій. Наиболѣе ужасной „международной“ эпидеміей являлась черная смерть или чума, свирѣпствовавшая въ 1347—50 г.г. Она проникла изъ Восточной Азіи, перейдя оттуда къ Каспійскому и Черному морямъ, въ Сирію и Малую Азію, и уже въ концѣ 1346 и 1347 г.г. распространилась въ значительной части юго-восточной Европы. Изъ Константинополя и Сиріи она была занесена на торговыхъ судахъ, возвращавшихся съ Востока, въ торговые города у Средиземнаго моря, въ Мессину, Геную, Амальфи. „Замѣчательно, гдѣ бы ни приставали корабельщики—разсказываетъ лѣтописецъ—повсюду всѣ, кто ни приходилъ съ ними въ сношенія, умирали, какъ будто бы ихъ дыханіе заключало въ себѣ смертоносный ядъ“. Вскорѣ прибрежныя мѣстности Италіи, Испаніи, Франціи (въ концѣ 1347 и началѣ 1348 г.г.) были захвачены чумой, а затѣмъ она была занесена (въ августѣ 1348 г.) и въ торговые порты Англіи. Отсюда, изъ портовыхъ городовъ и прибрежной полосы, эпидемія уже стала распространяться въ глубь материка, сначала по Италіи (въ серединѣ 1348 г.), затѣмъ и въ другихъ странахъ средней Европы (особенно во Франціи), въ Германіи (въ 1349 г.) и въ Англіи, гдѣ 1 января началась въ Норвичѣ (еще въ ноябрѣ появилась въ Лондонѣ) и далѣе шла къ сѣверу, прекратившись лишь осенью слѣдующаго года [1]). Лѣтописцы, подъ вліяніемъ ужаса, охватившаго современниковъ, когда вымирали цѣлыя селенія и опустошенія превышали все дотолѣ извѣстное (хотя люди того времени не были избалованы въ этомъ отношеніи), утверждали, что изъ десяти человѣкъ пережилъ всего одинъ эту ужасную эпидемію (vix decima pars hominum fuisset relicta ad vitam). Но если это и преувеличено, то все же историки сходятся въ томъ, что моровая язва унесла во всѣхъ странахъ Европы не менѣе третьей части населенія, во Франціи и Англіи, быть можетъ, даже половину [2]).

Вслѣдствіе этого, въ Англіи—какъ указываетъ Роджерсъ — населеніе вплоть до XVI ст. не превышало той цифры, которой оно достигло уже въ началѣ XIV вѣка [3]). Точно также во Франціи значительный ростъ населенія, начинающійся—по Левассеру—уже съ XI ст., съ половины XIV ст смѣняется уменьшеніемъ его количества; такъ что еще въ концѣ XVI вѣка Франція не имѣла той численности, какъ наканунѣ Черной смерти [4]) [5]).

---

[1]) Haeser, Geschichte der Medicin. B. III. Die epidemischen Krankheiten.

[2]) Въ Англіи по Роджерсу (Economic Interpretation, p. 22) и Сибому (Fortnightly Review. II.) погибла половина населенія, по Крейтону (History of Epidemies in Britain. 1891), Gasquet'у (The great Pestilence. 1893), Кеннингэму (рус. пер. I. 284), Петрушевскому (стр. 21) и Пэджу (p. 20)—половина, по Ковалевскому (III. 343) отъ 1/3—1/2.

[3]) Сибомъ (Fortnightly Review. II. 149 и сл., IV. 87 и сл.) и М. М. Ковалевскій (III. 343) опредѣляютъ количество населенія Англіи въ 4—5 милл., какъ наканунѣ Черной смерти, такъ и сто лѣтъ спустя, послѣ того, какъ оно временно сократилось до 2—2½ милл.

[4]) Въ концѣ XVI ст. 14 милл., наканунѣ Черной смерти, по Левассеру, 20—28 милл., по Бодрильяру и Мартену—25, по Дюро де-ла Малль—34 милл. Ср. Ковалевскій, III. 302.

[5]) Относительно Бельгіи см. Wauters. Bullet. de l'acad. de Belg. 3. sér. III. 1882, Pirenne. II. 517—18. Судя по количеству очаговъ въ Брабантѣ въ 1435, 1464, 1472 и 1492 г.г., населеніе въ теченіе XV ст. продолжало уменьшаться, сначала медленно, а къ концу вѣка весьма быстро.

Повсюду послѣ Черной смерти наступаетъ, подъ вліяніемъ вымиранія цѣлыхъ имѣній, эпоха запустѣнія земель, заростанія пахотей лѣсомъ, эпоха перехода вьморочныхъ имуществъ обратно къ сеньору. Послѣдній нерѣдко не находилъ людей, соглашающихся принять ихъ на себя и поэтому готовъ былъ на различныя уступки, лишь бы найти держателей. Въ частности онъ соглашался на замѣну барщины денежнымъ оброкомъ, и въ Англіи, поскольку еще сохранилась барщина, она была превращена въ оброкъ, нерѣдко меньшій по своимъ размѣрамъ, чѣмъ это было до моровой язвы [1]). Но въ то же время такое огромное сокращеніе населенія въ связи съ превращеніемъ многихъ батраковъ въ арендаторовъ, да еще свободныхъ отъ барщины, привело повсюду къ повышенію заработной платы вдвое и болѣе. Эпоха, слѣдующая за Черной смертью, характеризуется во всѣхъ странахъ Европы изданіемъ многочисленныхъ максимальныхъ таксъ на трудъ съ угрозой строгимъ наказаніемъ тѣмъ, кто будетъ принимать или давать болѣе высокую плату, и съ требованіемъ, чтобы сельскіе батраки не уходили въ города, а тѣ, которые ушли, вернулись бы обратно, разъ имъ дается возможность заработка [2]).

Къ этому присоединилось возникновеніе городскихъ поселеній; пребываніе въ нихъ въ теченіе извѣстнаго времени, обыкновенно въ теченіе года и дня, но нерѣдко и въ продолженіе меньшаго срока, дѣлало человѣка лично свободнымъ. Какъ бы самый воздухъ городской освобождалъ отъ крѣпостной зависимости: Stadtluft macht frei—основной принципъ городского строя, въ извѣстномъ отношеніи противоположность принципу: „nulle terre sans seigneur“, господствовавшему въ феодальныхъ помѣстьяхъ. Для того, чтобы получить въ теченіе этого времени виллана обратно, сеньоръ долженъ былъ доказать его несвободное состояніе посредствомъ свидѣтелей, а это было дѣломъ весьма нелегкимъ—нужно было найти свидѣтелей и т. д.; такъ что въ результатѣ крѣпостному достаточно было добраться до одного изъ многочисленныхъ возникшихъ въ XII и сл. столѣтіяхъ городовъ, чтобы почувствовать себя свободнымъ за его привилегированной чертой.

Принципъ, что человѣкъ, пробывъ извѣстное время, обыкновенно годъ и день, въ привилегированномъ мѣстѣ, становится свободнымъ широко распространенъ уже въ привилегіяхъ XII вѣка, даруемыхъ различнымъ городамъ: quicumque hic per annum unum et per diem unum manserit, liber erit—гласитъ фламандская привилегія 1163 г.—Въ XII ст. этотъ принципъ встрѣчается не только во Фландріи (въ Сентъ-Омерѣ уже въ статутѣ 1127 г., въ Поперингенѣ въ 1147 г.), но и въ Англіи (Нотингемъ, Линкольнъ, Ньюкестль), въ Германіи (Любекъ, Брауншвейгъ, баварскіе города), во французскихъ кутюмахъ (при Людовикѣ VI и VII). Самое выраженіе „Stadtluft macht frei“ въ источникахъ не встрѣчается и принадлежитъ историкамъ, которые его создали, противопоставляя другой поговоркѣ—Luft macht eigen, т. е. человѣкъ, поселившись во владѣніяхъ даннаго сеньора, становится его крѣпостнымъ. Принципъ же, что человѣкъ, пробывъ извѣстное время въ предѣлахъ городского поселенія, пріобрѣ-

[1]) Такъ Черный принцъ понижаетъ оброкъ своихъ держателей на четверть изъ опасенія, чтобы „они, вслѣдствіе обѣднѣнія, не покинули вовсе свои держанія“; тѣмъ не менѣе еще въ 1352 г. сборщики оброковъ доносятъ, что большая часть дворовъ продолжаетъ пустовать, потому что не удается найти охотниковъ на выморочныя земли (Гранатъ, стр. 137).

[2]) См. Ковалевскій, т. III, отд. 2-ой.

гаетъ личную свободу, находится въ тѣсной связи съ послѣднимъ положенiемъ, что онъ принадлежитъ тому сеньору, на землѣ котораго поселился. Исходной точкой въ обоихъ случаяхъ является институтъ давности, примѣняемый къ вещамъ. Человѣкъ несвободный также разсматривается какъ вещь, право на которую, вслѣдствiе давности, теряется: сеньоръ, отъ котораго онъ ушелъ, по истеченiи извѣстнаго срока, не можетъ уже требовать своего крѣпостного обратно. На него прiобрѣлъ право (ius in eum) другой сеньоръ, во владѣнiяхъ котораго онъ поселился, въ частности, въ предѣлахъ города, сеньоръ, которому принадлежитъ городъ. Однако, съ теченiемъ времени права этого сеньора, владѣльца города, переходятъ къ самому городу, такъ что и право на новаго поселенца принадлежитъ городу. А такъ какъ въ городѣ населенiе состоитъ изъ лично-свободныхъ, то и онъ, этотъ прежнiй крѣпостной, попавши въ городскую черту, по истеченiи срока давности, становится свободнымъ. Такимъ образомъ, принципъ „Luft macht frei" лишь постепенно выдѣлился изъ первоначальнаго принципа „Luft macht eigen". Впослѣдствiи же, съ дальнѣйшей дифференцiацiей населенiя на городское свободное и деревенское крѣпостное, создалась рѣзкая противоположность между этими двумя принципами.

Положенiе, что человѣкъ, пробывши извѣстное время въ привилегированномъ мѣстѣ, становится свободнымъ, прiобрѣтаетъ различную форму. Въ однихъ случаяхъ нужно только пробыть въ этомъ мѣстѣ годъ и день; въ Сицилiи пробыть годъ, мѣсяцъ, недѣлю и день, иногда еще прибавлено—и часъ. Въ другихъ привилегiяхъ необходимо быть принятымъ кромѣ того въ составъ городскихъ гражданъ. Обыкновенно сеньоръ, если онъ не затребовалъ его въ теченiе этого срока, лишается совершенно права на ушедшаго, и послѣднiй становится вполнѣ свободнымъ: si quis homo de corpore... ibi manserit per annum et diem non repetitus a domino suo, remaneat liber et immunis a forismaritagio, manu mortua et omni alio debito servitutum. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ онъ освобождается только отъ извѣстныхъ повинностей — подушнаго сбора или перехода имущества къ сеньору послѣ его смерти и т. д. Наконецъ, иногда этотъ принципъ прiобрѣтаетъ форму освобожденiя немедленно, не выжидая годичнаго срока пребыванiя. Въ этомъ случаѣ мѣстности, пользующiяся такой привилегiей, становятся убѣжищами (создается Asylrecht); въ Испанiи (уже въ X—XI ст.), въ особ. съ цѣлью заселенiя вновь основанныхъ поселенiй, всѣмъ пришельцамъ дается немедленно полная личная свобода, преступникамъ же свобода отъ наказанiя; однородныя привилегiи встрѣчаемъ, однако и въ Мерзебургѣ, Тулузѣ, различныхъ итальянскихъ коммунахъ [1]).

Городъ доставлялъ и лучшiй заработокъ; трудъ въ промышленности оплачивался выше того, что приносила земля. Въ Англiи XIV—XV ст. заработокъ равнялся выручкѣ двора, располагающго 30 акр. полевой земли и соотвѣтственнымъ инвентаремъ, и составлялъ вполтора раза болѣе того, что выручалъ средненадѣльный пашенный дворъ [2]). Уходъ крестьянъ въ города долженъ былъ быть значителенъ; еще въ XIV—XV ст., когда, подъ влiянiемъ стѣсненiй цехового режима, приливъ въ города сократился, въ Германiи $^1/_2$—$^2/_3$ всѣхъ переселявшихся въ города происходила изъ окрестныхъ селъ [3]). Въ Англiи и послѣ Черной смерти 1348 г. продолжается обезлюденье деревень подъ влiянiемъ переселенiя малоземельныхъ крестьянъ въ города.

Вотчиннымъ владѣльцамъ приходилось идти на уступки, чтобы сохранить свое населенiе; а коль скоро одни вступали на этотъ путь, и другiе

---

[1]) См. Brunner. Luft macht frei. (Festgaben für Otto Gierke 1910), а также Hegel, Städte und Gilden. Frensdorff въ Gesellsch. der Wiss. in Göttingen. 1906. Rietschel въ Hist. Zeitschr. B. 102. Bateson. Borough Coustoms. II.

[2]) Гранатъ, стр. 124—135.

[3]) Bücher. Entst. p. 444—5. Inama III. 2, p. 29. Cp. Luchaire. Les communes françaises.

вынуждены были слѣдовать за ними; ибо крестьяне шли туда, гдѣ тягости были меньше. „Вилланъ—бѣглецъ и пришлый поселенецъ сдѣлались постоянными явленіями въ жизни феодальнаго общества“. Подвижность населенія увеличивалась, и вилланы стали въ большомъ количествѣ покидать своихъ сеньоровъ, гдѣ они являлись несвободными, и селиться на земляхъ другихъ лицъ, нерѣдко въ непосредственномъ сосѣдствѣ, на болѣе льготныхъ условіяхъ; предпріимчивые же землевладѣльцы переманивали къ себѣ чужихъ людей какими-либо предоставляемыми имъ выгодами [1]). Личное холопство превратилось какъ бы въ мѣстное холопство, ибо съ новымъ помѣщикомъ прежніе вилланы, бравшіе на себя обязанность расчистки лѣсовъ и болотъ и создававшіе нерѣдко новыя поселенія, вступали уже въ договорныя отношенія, въ качествѣ hôtes, hospites, laeten, противополагаясь крѣпостнымъ. Барщина для нихъ либо вовсе отсутствуетъ (въ Англіи), либо строго опредѣлена (во Франціи); они освобождены отъ личныхъ повинностей—таліи, main-morte или Besthaupt, formariage или maritagium (хотя нѣкоторые сборы сохраняются), причемъ эта свобода гарантируется особымъ договоромъ. Неудивительно при такомъ образованіи многочисленной пловучей массы, въ противоположность безправному и отягченному повинностями осѣдлому крестьянству, что и въ отношеніи послѣдняго „произволъ долженъ былъ замѣниться болѣе умѣренной, опредѣляемой договорами и закрѣпляемой мѣстными обычаями, эксплоатаціей, ибо вотчинникъ постоянно долженъ былъ имѣть въ виду, что притѣсненіе можетъ согнать крестьянина къ сосѣду, въ городъ или лѣсъ“. И не по требованію короля, который вовсе не вмѣшивался въ отношенія между феодалами и ихъ крестьянами, не подъ вліяніемъ подаваемаго имъ прекраснаго примѣра, а вслѣдствіе ухода крестьянъ на королевскія домены, гдѣ ранѣе всего было произведено повсюду раскрѣпощеніе крестьянъ, и другіе вотчинники вынуждены были, для поддержанія связи населенія съ землей и изъ опасенія подвергнуть свои земли опустѣнію, идти по его стопамъ въ смыслѣ облегченія крѣпостничества и даже полной его отмѣны. И въ отношеніи собственныхъ крестьянъ, а не только пришельцевъ изъ другихъ мѣстъ, возникаетъ свободная аренда на 10—25 лѣтъ, иногда на меньшіе сроки, или, наоборотъ, пожизненно, за опредѣленный чиншъ или на условіяхъ половничества (крестьянинъ отдаетъ $^1/_2$ или $^1/_3$ жатвы). Въ Англіи изъ 73 изслѣдованныхъ Пэджемъ имѣній въ 1371—80 г.г. барщина сохранилась лишь въ 14 вполнѣ и то только въ отношеніи ручныхъ (а не упряжныхъ работъ), причемъ послѣднія, въ виду сокращенія площади барской земли, значительно уменьшились [2]).

---

[1]) Одинъ крупный сеньоръ въ Ниверне, даруя личную свободу своимъ вилланамъ въ 1326 г., прямо говоритъ, что изъ-за существованія main-morte въ его помѣстьяхъ, крестьяне его уходятъ въ сосѣднее Бурбонне, гдѣ этой main-morte болѣе нѣтъ (Boucomont, p. 30). Случаи подобнаго рода находимъ и въ нынѣшней Бельгіи (Brants. 59—60).

[2]) См. въ отношеніи Англіи—Page, p. 16—18. Виноградовъ, ук. соч., май 1886 г., стр. 65—66. Петрушевскій, II. 83—86; Франціи — Seignobos. 45—49. 56. 64. 219—21. Boucomont, 3. 30. Delisle. 10 и сл., 52 и сл. D'Avenel. I. 272—4. Ковалевскій, II. 301 и сл. Darmstädter. 22—3 107—8. Luchaire. Hist. des. instit. II. 128 и сл. Sée. Bretagne, p. 43—4. 103—09. Sée. Champagne. 44—46. Sée. Classes rur. 224—38. 248 и сл.; 569 и

Если такова была общая тенденцiя развитiя, то все же самая эволюцiя аграрнаго строя была въ отдѣльныхъ государствахъ неодинакова, ибо перечисленные моменты и складывались различно и дѣйствовали тутъ и тамъ неодинаково интенсивно; да и къ нимъ присоединялись еще иные факторы, задерживавшiе развитiе или отклонявшiе его въ ту или иную сторону.

ГЛАВА IV.

Положенiе крестьянъ въ Италiи, Англiи и Испанiи.

Весьма рано личное освобожденiе крестьянъ совершилось въ Италiи. Здѣсь огромное значенiе имѣлъ раннiй и быстрый ростъ городовъ, которые уже въ первой половинѣ XIII ст. (Лукка, Пиза, Флоренцiя, Сiена, Ассизи) выступили на защиту бѣглецовъ, признавая ихъ немедленно свободными; они даже допускали бѣглыхъ крѣпостныхъ въ качествѣ свидѣтелей на судѣ, къ предъявленiю исковъ и т. п. Вслѣдствiе этого, установилась возможность покидать сеньора и искать убѣжища въ городѣ. Фактическая свобода крестьянъ подтверждалась затѣмъ и формальнымъ заявленiемъ объ этомъ итальянскихъ коммунъ: отмѣняется сеньорiальная власть и сеньорiальный судъ, наслѣдованiе въ имуществѣ крестьянъ, барщина, штрафы и всякiе произвольные поборы. Эта свобода укрѣплялась обыкновенно соглашенiемъ съ сеньоромъ и совершавшимся чрезъ посредство города выкупомъ, какъ это произошло, напр., въ XIII ст. въ Романьи, Эмилiи, Тосканѣ, въ Болоньи въ 1283 г., въ Ассизи въ 1210 г., въ Пармѣ въ 1266 г. Городъ производитъ самую операцiю выкупа и опредѣляетъ денежную оцѣнку крестьянскихъ службъ и платежей и ихъ капитализацiю и въ то же время заставляетъ сеньора принять тотъ или иной эквивалентъ—это право предоставлено городскому консулу. Если же сеньоръ отказывается отъ него подъ какимъ-либо предлогомъ, чтобы не выдать вольной, или въ случаѣ нежеланiя со стороны феодала отпустить виллана на свободу, городъ самъ выдаетъ вольную. Конечно, прiобрѣтая такимъ путемъ личную свободу, бѣглый холопъ, нашедшiй себѣ защиту въ стѣнахъ города, не могъ претендовать на покинутый имъ участокъ; послѣднiй неминуемо оставался въ рукахъ феодала. Однако, во многихъ случаяхъ предусмотрѣно и оставленiе надѣла за холопомъ, какъ, напр., въ статутахъ г. Тоди (въ Умбрiи): крѣпостной, получая свободу, либо теряетъ половину земли (а не всю), либо, уплативъ 30 лиръ, сохраняетъ ее цѣликомъ. Точно также въ Пистоѣ, Луккѣ, Романьи отпускъ на свободу происходитъ нерѣдко съ надѣломъ, съ передачей крестьянину земли на началахъ наслѣдственнаго держанiя (эмфитевзиса) за извѣстный выкупъ.

Такимъ образомъ, нѣтъ основанiя предполагать, чтобы обезземеленiе крестьянъ въ Италiи достигло значительныхъ размѣровъ. Напротивъ, сдача

сл. Bonnemère, p. 113 и сл.; Германiи—Inama. III, 1 p. 393. Lamprecht. I, 2, p. 902—28. 972. Wittich, p. 326 и сл. Wopfner. 68 и сл.; Бельгiи—Pirenne. II. Brants. 46—52. 60; Испанiи—Пискорскiй, ук. соч.; Италiи—Ковалевскiй, II, 377 и сл.

земли въ аренду освобожденнымъ отъ личной зависимости крестьянамъ являлась, повидимому, и для помѣщиковъ необходимостью, такъ какъ, въ случаѣ ухода колоновъ въ города, они лишались необходимыхъ для обработки земли рабочихъ рукъ. Замѣна же арендаторовъ наемными рабочими была, въ особенности съ половины XIV ст., послѣ опустошеній, произведенныхъ Черной смертью, и въ виду установившейся дороговизны труда, едва-ли возможна. Вслѣдствіе этого, мы можемъ наблюдать и во Флоренціи и въ Генуѣ, какъ первыми съемщиками являлись именно освобожденные отъ личной зависимости крестьяне. Да и впослѣдствіи и здѣсь и въ Моденѣ, сплошь и рядомъ лица, арендующія землю, становятся лично свободными. Въ теченіе XIII и XIV ст. повсюду въ Италіи распространяется этимъ путемъ система половничества; при этомъ помѣщикъ доставляетъ неимѣющему средствъ арендатору необходимый рабочій инвентарь. Начавшись въ Ломбардіи и Тосканѣ, освободительное движеніе перешло затѣмъ въ XIV—XV ст. и въ другія мѣстности Италіи, позже всего въ Венецію. И въ этихъ мѣстахъ, изъ опасенія лишиться крестьянъ и за соотвѣтствующій выкупъ сеньоры, на основаніи отдѣльныхъ соглашеній, отказываются отъ службъ и повинностей, и крѣпостное право мало-по-малу вымираетъ [1]).

Не столь гладко, какъ въ Италіи, совершался переворотъ въ аграрномъ строѣ Англіи. Здѣсь раскрѣпощеніе крестьянъ постепенно происходило уже въ теченіе XIII и первой половины XIV ст., а также въ теченіе десятилѣтій, слѣдующихъ за Черной смертью. Но окончательно оно имѣло мѣсто лишь послѣ крестьянскаго возстанія 1381 г., извѣстнаго подъ именемъ возстанія Уота Тайлера, одного изъ главныхъ вождей возмутившихся вилллановъ. Вопросъ о причинахъ, характерѣ и послѣдствіяхъ этого возстанія, имѣющій довольно большую литературу, заслуживаетъ особаго вниманія въ виду того, что онъ охватываетъ собою въ сущности всю аграрную исторію Англіи XIV—XV ст.; посвященныя ему изслѣдованія даютъ картину англійскаго аграрнаго строя всей этой эпохи.

Возстаніе началось съ вспышки въ Эссексѣ въ маѣ 1381 г. во время взиманія новой разрѣшенной парламентомъ подушной подати на содержаніе войска; затѣмъ оно распространилось на кентское и другія графства, сопровождаясь повсюду „къ величайшему поношенію и соблазну“ разрушеніемъ и поджогами. Многотысячная толпа подъ предводительствомъ Уота Тайлера, Джэка Строу, Джона Болла и др., толпа, хотя и плохо вооруженная, двинулась въ Лондонъ. „У однихъ были только палки, у другихъ луки, ставшіе отъ дыма желтѣе слоновой кости, и по одной стрѣлѣ — и съ такимъ оружіемъ они явились завоевывать королевство!“ Возстаніе было направлено противъ феодальнаго строя и крѣпостной организаціи труда: „когда Адамъ копалъ землю, а Ева пряла, кто былъ дворяниномъ?“—любимое двустишіе возставшихъ крестьянъ. Послѣдніе требовали для всѣхъ „одинаковой свободы и одинаковой власти“: „дѣла только тогда пойдутъ хорошо, когда имущество станетъ общимъ, когда не будетъ ни вилллановъ, ни дворянъ“; они требовали и секуляризаціи монастырской собственности. Эти требованія были формулированы лоллардами, „бѣдными священниками“, послѣдователями Виклефа, по своему положенію немногимъ отличавшимися отъ крестьянъ. Это были преимущественно капелланы, нанимаемые настоятелями приходовъ, ибо послѣдніе, сохраняя за собой доходы, не желали выполнять своихъ обязанностей. Эти священники, охваченные желаніемъ вопло-

[1]) Ковалевскій, т. II, стр. 378—479.

тить въ жизни евангельскіе принципы, и стояли во главѣ возстанія, напр., Джонъ Боллъ, „именующій себя пресвитеромъ“, Джонъ Роу — „преступнѣйшій пресвитеръ“ и др. „Первоначально—говорилъ Джонъ Боллъ—всѣ люди были равны, такими они вышли изъ рукъ природы. Впослѣдствіи нечестивые люди стали угнетать своихъ близкихъ, и явилось рабство, противное волѣ Божіей: если бы Богу угодно было создать рабовъ, онъ бы еще въ началѣ міра опредѣлилъ, кому быть рабомъ и кому господиномъ. Насталъ назначенный Богомъ часъ сбросить иго долговременнаго рабства и получить давно желанную свободу“. Изъ Эссекса, Кента и Лондона возстаніе распространилось затѣмъ и на цѣлый рядъ другихъ графствъ [1]), охвативъ значительную часть Англіи. Между тѣмъ въ Лондонѣ инсургенты потребовали отъ короля „различныхъ предосудительныхъ вещей“ и добились выдачи имъ освободительной грамоты, на основаніи которой имъ не только прощались всѣ совершенныя преступленія, но и даровалось право свободной торговли по всѣмъ городамъ, мѣстечкамъ и селамъ Англіи, въ особенности же вилланскія службы замѣнялись арендой въ размѣрѣ не свыше 4 пенсовъ съ акра. Въ различныхъ графствахъ они кромѣ того добылись отъ лордовъ еще особыхъ грамотъ, жаловавшихъ спеціальныя вольности, какъ-то: право свободной охоты и рыбной ловли и на сеньоріальныхъ земляхъ, право имѣть въ своихъ домахъ ручныя мельницы и т. п. Но не долго они пользовались этими вольностями; какъ только возставшіе ушли съ грамотами изъ Лондона, повсюду началось подавленіе лордами небольшихъ крестьянскихъ шаекъ, а затѣмъ послѣдовалъ судъ и расправа надъ участниками, надъ „измѣнниками“. Выданную имъ освободительную грамоту король призналъ недѣйствительной [2]).

Если Фруассаръ разсматриваетъ это возстаніе какъ заговоръ незадолго до того возникшей секты лоллардовъ, поставившей себѣ цѣлью демократизировать одновременно и церковь и государство, а Стау обращаетъ главное вниманіе на подушный сборъ, установленный со всѣхъ совершеннолѣтнихъ въ предшествующемъ возстанію году, то впервые научное объясненіе далъ Роджерсъ, который усматриваетъ главную причину возстанія въ попыткѣ лордовъ возстановить послѣ Черной смерти 1348 г. отмѣненную въ предшествующее столѣтіе барщинную систему. Роджерсъ называетъ Черную смерть 1348 г. наиболѣе важнымъ событіемъ въ исторіи Англіи, существеннымъ моментомъ въ исторіи личной свободы англійскаго населенія. Замѣна барщины денежнымъ оброкомъ — объясняетъ Роджерсъ [3])—заставила лордовъ вести хозяйство при помощи вольнонаемныхъ батраковъ; между тѣмъ цѣны на трудъ, вслѣдствіе сильнаго сокращенія населенія послѣ моровой язвы, значительно повысились. Такъ какъ доходъ, извлекаемый лордами изъ земледѣлія, былъ и ранѣе невеликъ, то это возрастаніе цѣнъ на трудъ поставило ихъ въ крайне затруднительное положеніе. Они обратились за помощью къ правительству, и послѣднее дѣйствительно вступило въ борьбу съ рабочими, запрещая давать заработную плату свыше извѣстнаго уровня. Но и это не помогло: статуты о рабочихъ оказались безсильными; при недостаткѣ въ рабочихъ невозможно было помѣшать заработной платѣ сильно повыситься. Тогда лорды прибѣгли къ новому средству; они сдѣлали по-

---

[1]) Въ г. Беверли, напр., нѣкоторые жители. „забывъ о своемъ благосостояніи“, вступили „въ заговоръ и возстали противъ именитыхъ и состоятельныхъ горожанъ, привлекши на свою сторону меньшихъ и менѣе состоятельныхъ лицъ“; они „присвоили себѣ королевскія права“ и стали дѣйствовать путемъ угрозъ и „иными безсмысленными способами“ и т. д.

[2]) Ходъ возстанія подробно изложенъ у Д. М. Петрушевскаго (въ первомъ томѣ) и у М. М. Ковалевскаго (во второмъ томѣ).

[3]) Rogers. History of Agriculture. I. 77—83. Six Cent. 218—224. 253.

пытку вернуться къ прежней барщинной системѣ. Формально они несомнѣнно имѣли на это полное право, ибо все, чѣмъ пользовались вилланы, было только обычаемъ, не обязательнымъ для лорда. Онъ только соглашался на соблюденіе обычая; но могъ всегда отъ этого отказаться, тѣмъ болѣе, что при переводѣ барщины на денежные платежи въ предшествующую эпоху землевладѣльцы всегда выговаривали себѣ право возстановить, въ случаѣ надобности, прежнія службы. Но вилланы на это не соглашались; нарушеніе издавна установившагося обычая вызвало возстаніе.

Это объясненіе Роджерса является весьма правдоподобнымъ. Оно должно въ настоящее время считаться общепризнаннымъ; другіе историки-экономисты частью подкрѣпили соображенія Роджерса новыми доказательствами, частью сдѣлали къ нимъ различныя дополненія, не измѣняющія, однако, сущности основного положенія, которое выставлено Роджерсомъ. Такъ, нѣмецкій экономистъ Охенковскій, изслѣдовавшій хозяйственное развитіе Англіи въ средніе вѣка, обратилъ вниманіе на слѣдующія три обстоятельства. Во 1-хъ, въ одномъ англійскомъ законѣ, изданномъ въ 1378 году, т.-е. за три года до возстанія, говорится, что вилланы (и держатели на вилланскомъ правѣ) не желаютъ ничего знать о своей зависимости, считаютъ себя свободными, отказываются отъ службъ и платежей и оказываютъ сопротивленіе тѣмъ, кто желаетъ ихъ принудить къ этому. Законъ оканчивается постановленіемъ, что „условія крестьянскихъ держаній остаются тѣ же, что и прежде". Этотъ законъ—указываетъ Охенковскій — знакомитъ насъ съ господствовавшимъ въ то время безпокойнымъ духомъ сельскаго населенія — предвѣстникомъ возстанія. Онъ объясняетъ намъ и причины волненій: рѣчь идетъ объ установленныхъ обязанностяхъ, къ выполненію которыхъ лордъ желаетъ принудить вилланов. Во 2-хъ, Охенковскій приводитъ слова лѣтописца Голайншеда, который жилъ, правда, нѣсколько позже, но опирается на болѣе ранніе источники. Лѣтописецъ говоритъ, что крестьяне считали себя очень угнетенными лордами, которые требовали старыхъ платежей и службъ. Подтвержденіе его словъ Охенковскій усматриваетъ въ производимомъ повсюду возставшими сожженіи документовъ, съ цѣлью уничтожить всякіе слѣды этихъ повинностей. Дѣйствительно, истребленіе документовъ составляло явленіе повсемѣстное, причемъ мятежные крестьяне истребляли не только тѣ документы, въ которыхъ обозначены были слѣдуемые съ нихъ службы и оброки, но и протоколы мировыхъ судей, податныхъ сборщиковъ, шерифовъ, лордовъ и ольдерменовъ [1]). Наконецъ, въ 3-хъ, Охенковскій подчеркиваетъ то обстоятельство, что выданная королемъ во время возстанія грамота вольностей устанавливала максимумъ денежныхъ платежей, при чемъ дѣлалась прибавка, что тамъ, гдѣ уже имѣла мѣсто болѣе низкая плата, она должна быть сохранена. Изъ

---

[1]) Въ Кэмбриджѣ во время возстанія отняты были у университета королевскія грамоты и другіе документы, на которыхъ основывались его вольности и привилегіи. Толпа бросилась на нихъ съ ножами, палками, топорами, уничтожила печати, разорвала грамоты на мелкіе куски и затѣмъ зажгла. Преданіе гласитъ, что когда все превратилось въ пепелъ, одна старуха подошла къ погасшему костру, собрала пепелъ и развѣяла его по вѣтру со словами: „пусть такъ исчезнетъ и мудрость ученыхъ". (Д. М. Петрушевскій, I. 268—70).

этого видно—прибавляетъ онъ,—что населеніе ни о какихъ службахъ знать не желало; оно признавало только денежный оброкъ [1]).

Къ этому Охенковскій дѣлаетъ, однако, и важное дополненіе, указывая на другой существенный моментъ, помимо попытки возстановить барщину. Онъ подчеркиваетъ значеніе статутовъ, изданныхъ въ 1350, 1352, 1389, 1406 и 1445 г.г. и направленныхъ противъ сельскохозяйственныхъ батраковъ и владѣющаго небольшимъ имуществомъ сельскаго населенія. Изъ этихъ статутовъ видно, что государство не только старалось понизить заработную плату до существовавшаго передъ моровой язвой уровня, но и сильно ограничивало свободу передвиженія. Крестьянскому населенію запрещалось уходить изъ имѣній и вообще покидать сельское хозяйство и обращаться къ другимъ промысламъ; оно какъ бы снова прикрѣплялось къ землѣ [2]). Наконецъ, на третій моментъ, являвшійся существенной причиной возстанія и характеризовавшій эпоху второй половины XIV ст., обратилъ вниманіе М. М. Ковалевскій. Онъ указалъ на то обстоятельство, что въ эту эпоху общіе выгоны, общинныя земли были огорожены лордами и сданы въ аренду. Въ числѣ обвиненій, возводимыхъ на мятежниковъ, мы находимъ „разрушеніе загородей или принужденіе собственниковъ и свободныхъ владѣльцевъ вернуть тѣмъ или другимъ оброчнымъ семьямъ нѣкогда принадлежавшіе имъ надѣлы“. Далѣе „лѣтописецъ Кнайтонъ влагаетъ въ уста главнаго вожака движенія протестъ противъ права охоты, присвоеннаго помѣщиками, и требованіе, чтобы каждому дозволено было бить дичь въ лѣсу и на полѣ“, какъ это говорится и въ двѣнадцати артикулахъ нѣмецкихъ крестьянъ (см. ниже). При этомъ и фактъ сдачи прежнихъ „открытыхъ“ полей въ аренду и расширенія площадей, отводимыхъ подъ выгоны—вслѣдствіе чего размножалась дичь, нанося ущербъ крестьянскимъ полямъ — М. М. Ковалевскій приводитъ также въ связь съ моровой язвой 1348 г., вызвавшей запущеніе большого пространства земель [3]).

Но М. М. Ковалевскій ставитъ и самый вопросъ значительно шире. Не отрицая отмѣченнаго Роджерсомъ „попятнаго движенія“ и приводя новыя соображенія въ пользу объясненія его попыткой возстановить барщину,—онъ въ то же время обращаетъ вниманіе на общій характеръ возстанія: „революціонное движеніе охватило собой не однихъ крѣпостныхъ и оброчныхъ; къ нему примкнули и низшіе слои городского населенія“. Такъ, лѣтописецъ Кнайтонъ говоритъ, что многіе ученики, отрубивъ голову мастерамъ, примкнули къ возставшимъ; движеніе направлялось также противъ иностранцевъ и противъ всѣхъ, кто такъ или иначе вліялъ на пониженіе заработной платы или на сокращеніе размѣровъ туземнаго производства [4]).

Это вспыхнувшее почти одновременно въ самыхъ различныхъ мѣстностяхъ Англіи возстаніе не производитъ, однако, впечатлѣнія единства преслѣдуемыхъ цѣлей, а имѣетъ,—какъ говоритъ Стеббсъ,—такой видъ, что „въ немъ соединились всѣ, кто имѣлъ или думалъ, что имѣетъ какое-либо

---

1) Ochenkowski. p. 18—20.
2) Ibid., p. 15—17.
3) Ковалевскій. Т. II. 555—56.
4) Т. II. 552—54.

основаніе быть недовольнымъ". Въ частности, недовольство крестьянъ, вызванное попытками возстановить барщину и уничтожить свободу передвиженія, въ связи съ захватомъ общинныхъ земель, являлось, повидимому,—какъ указалъ П. Г. Виноградовъ,—неизбѣжнымъ послѣдствіемъ господствовавшаго въ аграрномъ строѣ Англіи противорѣчія между правомъ и фактомъ, между правами феодала, которыя онъ могъ осуществить въ любой моментъ и которыя поддерживались теоретическими взглядами юристовъ, и фактически установившимися, но лишенными всякой юридической силы, обычаями, фактическимъ освобожденіемъ. Мысль о томъ, что эти противорѣчія въ результатѣ должны были повести къ рѣзкому столкновенію, коль скоро лендъ-лорды стали вновь настаивать на своихъ, въ дѣйствительности долгое время уже не примѣнявшихся въ жизни, правахъ, подробно развита и подкрѣплена тщательнымъ анализомъ фактическаго матеріала въ сочиненіи Д. М. Петрушевскаго. Послѣдній въ общемъ положеніи о стремленіи крестьянъ къ сохраненію уже ранѣе добытыхъ и установленныхъ въ качествѣ обычая свободъ, какъ причинѣ возстанія, объединяетъ всѣ указанные предыдущими изслѣдователями моменты.

Противники теоріи Роджерса частью лишь предостерегаютъ противъ преувеличенія успѣховъ, сдѣланныхъ крестьянами въ смыслѣ достиженія свободы въ предшествующую эпоху (Пти-Дютаи, Кеннингэмъ), частью, признавая общее положеніе о томъ, что крестьяне только добивались сохраненія достигнутыхъ вольностей, придаютъ, однако, главное значеніе не попыткѣ возстановить барщину, а злоупотребленію правомъ налагать штрафы (Эшли). На послѣднее обстоятельства, какъ одно изъ многихъ, указываетъ и Д. М. Петрушевскій; онъ же подчеркиваетъ стѣсненія, которыя ставились крестьянамъ при пріобрѣтеніи земельныхъ участковъ на сторонѣ, чего въ предшествующую эпоху уже не было, и при переходѣ имущества въ предѣлахъ мэнора. Лишь нѣкоторые изъ противниковъ Роджерса (Гасбахъ, Пэджъ, отчасти и Эшли) совершенно отрицаютъ его основной тезисъ о попыткѣ возвращенія къ старинѣ; они утверждаютъ, что такой попытки вовсе не было, что, наоборотъ, помѣщики, при отсутствіи держателей послѣ опустошеній, нанесенныхъ Черной смертью, вынуждены были идти и на дальнѣйшія уступки. Они объясняютъ поэтому возстаніе 1381 г. желаніемъ крестьянъ не помѣшать возвращенію къ старому, а идти еще дальше и устранить и тѣ остатки несвободы, преимущественно въ видѣ личныхъ повинностей, которые еще сохранились къ концу XIV вѣка. Пэджъ подкрѣпилъ, дѣйствительно, свое возраженіе фактическими данными, приведя факты относительно дальнѣйшаго сокращенія барщины въ 1371—80 г.г. Эти данныя заставляютъ насъ признать, что рядомъ съ преобладающимъ теченіемъ къ ухудшенію положенія массъ крестьянскаго населенія, вызвавшимъ возстаніе, имѣлось послѣ Черной смерти и другое теченіе, менѣе сильное, которое, являясь продолженіемъ движенія предшествующей эпохи, попрежнему выражалось въ уступкахъ со стороны помѣщиковъ.

Возстаніе окончилось внѣшне неудачей для крестьянскаго населенія; но оно въ результатѣ все-таки остановило обратное движеніе, и движеніе въ смыслѣ раскрѣпощенія крестьянъ возобновилось. Барщина продолжала сокращаться и въ XV вѣкѣ; исчезаютъ постепенно и личныя повинности. Какъ выяснилъ Пэджъ, въ изученныхъ имъ мэнорахъ въ половинѣ XV ст. оставалось весьма мало барщины; хотя въ протоколы мэноріальныхъ курій попрежнему вносятся имена бондменовъ или вилланов, жившихъ внѣ мэнора, но вилланство эпохи Тюдоровъ являлось почти одной лишь юридической

фикціей и можетъ имѣть лишь антикварный интересъ [1]). И точно такъ же проф. Савинъ въ своемъ изслѣдованіи объ англійскихъ крестьянахъ эпохи Тюдоровъ приходитъ къ тому выводу, что „большинство крѣпостныхъ получило свободу раньше XVI вѣка; трудно думать, чтобы даже въ началѣ эпохи Тюдоровъ вилланы составляли болѣе одного процента всего населенія" [2]).

Что касается экономическаго положенія англійскихъ крестьянъ, то Мэтландъ обратилъ вниманіе на многочисленность безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ-коттеровъ уже въ эпоху Вильгельма Завоевателя, какъ это видно изъ Domesday-book; они должны были находить себѣ пропитаніе посредствомъ найма въ хозяйствахъ крестьянъ со значительными надѣлами [3]). Неравенство въ имущественномъ распредѣленіи въ предѣлахъ англійской деревни XII—XIII ст. подчеркиваетъ П. Г. Виноградовъ, указывая на существованіе среди крестьянъ богатыхъ и бѣдныхъ, работодателей и рабочихъ; послѣдніе состояли изъ многочисленнаго населенія, не имѣвшаго надѣловъ и державшагося на клочкахъ земли и отдѣльныхъ дворахъ [4]). Этотъ вопросъ подробно изслѣдованъ г. Н. Гранатомъ, который выяснилъ, на основаніи какъ правительственнаго кадастра пяти центральныхъ графствъ Эдуарда I (сплошное описаніе пяти крупныхъ областей), такъ и многочисленныхъ частныхъ ренталей отдѣльныхъ маноровъ XII—XIV ст., что численность безнадѣльныхъ или малоземельныхъ крестьянъ, т. е. такихъ, которые имѣли не болѣе 5 акровъ, и слѣдовательно, не могли прожить однимъ доходомъ съ земли, была весьма велика; они составляли въ среднемъ одну треть несвободнаго крестьянства. А съ другой стороны, въ деревнѣ существовало значительное количество пашенныхъ дворовъ, пользовавшихся относительно довольно высокимъ благосостояніемъ, которые прибѣгали къ наемному труду безземельныхъ коттеровъ, посылали ихъ также вмѣсто себя при выполненіи тѣхъ или иныхъ работъ въ экономіи помѣщика. „И на помочи,—говорится въ одномъ ренталѣ,—имѣетъ онъ являться самъ или его жена со всѣми работниками, какихъ они имѣютъ, и если ихъ менѣе трехъ, то онъ или его жена работаютъ сами, если же ихъ болѣе трехъ, онъ, но не жена, держитъ надъ своими работниками палку" [5]).

Въ Испаніи, въ особенности въ Каталоніи, находимъ въ значительной мѣрѣ сходное съ англійскимъ развитіе. Съ одной стороны, еще до Черной смерти бѣгство крестьянъ въ города заставило вотчинниковъ идти на уступки, переводя барщину на денежные платежи и отмѣняя нѣкоторые „дурные обычаи". А съ другой стороны, моровая язва 1349 г., вызвавъ дальнѣйшія уступки со стороны помѣщиковъ, въ то же время заставила ихъ обратиться къ королевской власти съ просьбой о принятіи мѣръ противъ эмиграціи въ города и объ установленіи максимальныхъ цѣнъ на трудъ; ибо, согласно заявленіямъ, сдѣланнымъ земскими чинами на кортесахъ въ Вальядолидѣ, повышеніе заработной платы на сельскій трудъ и въ городскихъ ремеслахъ было настолько значительно, что могло имѣть послѣдствіемъ запустѣніе земель, дороговизну припасовъ и разореніе помѣщиковъ. Но въ виду того, что установленныя правительствомъ таксы и здѣсь, повидимому, имѣли ту же судьбу, что и въ другихъ странахъ, т. е. не примѣнялись на практикѣ, и здѣсь обнаружилось сходное съ Англіей стремленіе замѣнить вздорожавшій свободный трудъ трудомъ подневольнымъ—именно трудомъ невольниковъ-сарацинъ, и новые даровые конкуренты грозили вытѣсненіемъ свободнаго труда. Это движеніе въ смыслѣ замѣны крестьянъ сарацинами, съ одной стороны, и желаніемъ положить конецъ вѣковымъ поборамъ и вымогательствамъ, частью уже уничтоженнымъ, съ другой стороны, и привело повсюду къ возстаніямъ. На Майоркѣ, этой отнятой у мавровъ „жемчужинѣ Средиземнаго моря,—по выраженію мѣстныхъ историковъ,—оно произошло уже въ 1391 г., когда разграбленъ былъ г. Пальма, и въ

---

[1]) Page. End. of villainage in England. p. 29.
[2]) Савинъ. Стр. 19. На этой точкѣ зрѣнія стоятъ Роджерсъ, Лидэмъ и Чени.
[3]) Maitland. Domesday Book and beyond, p. 40 и сл.
[4]) Виноградовъ. Очерки соц. ист. Англіи.
[5]) Гранатъ. Стр. 6—26, 59—60.

еще болѣе сильной степени въ 1451 г., когда сильно пострадали и сборщики податей, причемъ сельское населеніе встрѣчало поддержку и въ городскихъ рабочихъ классахъ; наконецъ, въ 1462 г., когда разнесся слухъ о возстаніи въ Каталоніи. Такія же возстанія имѣли мѣсто въ Валенсіи и Кастиліи, въ Наваррѣ и Каталоніи. Подъ вліяніемъ этихъ возстаній, и нуждаясь постоянно въ деньгахъ, арагонскіе короли Хуанъ I и еще болѣе Мартынъ I въ концѣ XIV и первой половинѣ XV ст. стали проводить идею выкупа крѣпостныхъ. Однако, прелаты и свѣтскіе сеньоры оказывали сильнѣйшее сопротивленіе, нерѣдко даже увеличивали число и размѣръ повинностей и распространяли крѣпостное право даже тамъ, гдѣ его никогда не было, вызывая этимъ новое броженіе среди крестьянъ; представители кортесовъ въ 1413 и 1432 г.г. жаловались на то, что крестьяне рыли для нихъ могилы и ставили кресты какъ угрозы смертью. Дѣло должно было кончиться соціальной революціей, тѣмъ болѣе, что королева Марія, условившись съ крестьянами, что съ уплатой 54 тыс. флор. они будутъ свободны отъ „дурныхъ обычаевъ", и получивъ деньги, не выполняла своего обѣщанія (формально для этого, впрочемъ, требовалось согласіе кортесовъ), удерживая деньги въ свою пользу. Въ виду этого, сеньоры считали „дурные обычаи" попрежнему существующими; крестьяне же, внеся выкупъ съ великими усиліями и жертвами, утверждали, что они уже отмѣнены. Получилось противорѣчіе, которое вызвало возстаніе 1462 г. „Мы будемъ платить ударами копій всякому, кто потребуетъ у насъ чинша",—заявляли крестьяне. Какъ выкупная операція, такъ и возстаніе окончилось полной неудачей. Но въ 1842 г., когда возстаніе повторилось, оно уже имѣло послѣдствіемъ отмѣну крѣпостного права (въ 1486 г.) Фердинандомъ Католикомъ. На основаніи „сентенціи" короля, крестьяне каждаго манса обязаны были уплатить 60 барселонскихъ солидовъ единовременно или выплачивать ежегодно ренту въ размѣрѣ 3 солид. за всѣ шесть дурныхъ обычаевъ, подлежащихъ отмѣнѣ; крестьяне, подчиненные дѣйствію лишь нѣкоторыхъ изъ нихъ, подлежали уплатѣ 6 сол. единовременно или 6 ден. ежегодно за каждый изъ дурныхъ обычаевъ. Кромѣ дурныхъ обычаевъ отмѣняется также уголовная юрисдикція сеньоровъ. Всѣ повинности, явившіяся результатомъ злоупотребленій сеньоральной власти, какъ, напр., ius primae noctis, отмѣняются безъ всякаго вознагражденія. Отмѣнялись, наконецъ, всякаго рода барщинныя службы и приношенія натурой, не внесенныя въ грамоты или внесенныя туда путемъ обмана. Что же касается различныхъ платежей за земельныя держанія, то они остаются въ силѣ, если крестьяне не въ состояніи доказать, что свободны отъ нихъ. Точно также въ отношеніи земли они вправѣ распоряжаться лишь благопріобрѣтенными участками, мансы же они могутъ покидать вмѣстѣ со всѣмъ движимымъ имуществомъ, но обязаны уплатить всѣ долги сеньору и участокъ возвращается ему [1]).

ГЛАВА V.

Положеніе крестьянъ во Франціи и Германіи. Крестьянская война.

Наименѣе благопріятно было положеніе крестьянъ къ концу средневѣковья во Франціи и Германіи. Во Франціи всѣ короли изъ дома Капетинговъ, начиная отъ Людовиковъ VI и VII, вплоть до Филиппа Красиваго и Людовика X, постепенно отмѣняютъ main-morte въ своихъ доменахъ [2]), а за ними слѣдуетъ и цѣлый рядъ сеньоровъ, духовныхъ и свѣтскихъ [3]). Многочисленныхъ vilains francs мы встрѣчаемъ въ XIV ст., однако, лишь въ сѣверной и западной Франціи (Нормандіи, Бретани, Пуату, Про-

[1]) Пискорскій, стр. 149—214.

[2]) Въ Иль де Франсъ, Орлеанѣ, Лангедокѣ, Шампани.

[3]) Дофинъ, графы Тулузскіе, Ниверне, Валуа и Блуа, церковь Nôtre-Dame въ Парижѣ, епископъ Реймскій, монастыри Сенъ-Дени и Сенъ-Жерменъ уже въ XII вѣкѣ уничтожили main-morte.

вансѣ, Лангедокѣ, Беарнѣ), а также во Фландріи и во французской Швейцаріи (Невшатель). Одни изъ нихъ освобождены отъ main-morte (обязанности отдачи сеньору части имущества въ случаѣ смерти), другіе—отъ taille arbitraire (поголовнаго сбора, взимаемаго по усмотрѣнію сеньора), который замѣненъ разъ навсегда опредѣленнымъ платежомъ; многіе вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ formariage (платы за разрѣшеніе вступить въ бракъ). Освобожденіе крестьянъ выразилось въ выкупѣ этихъ повинностей, а вовсе не въ освобожденіи отъ всякой феодальной зависимости, причемъ самая мѣра имѣла фискальный характеръ. Хотя въ предисловіи къ грамотѣ Людовика X и говорится въ пышныхъ выраженіяхъ о свободномъ состояніи людей, какъ „естественномъ, основанномъ на ихъ природѣ, и о невозможности существованія неволи въ королевствѣ франковъ, т.-е. свободныхъ людей“, но сервы доменовъ должны были путемъ выкупа повинностей доставить Людовику необходимыя ему для веденія войны деньги. Все же въ результатѣ въ XV ст. во всей сѣверной и западной Франціи большинство населенія,—особенно много во Фландріи, Брабантѣ—оказалось лично свободнымъ.

Иное дѣло въ центрѣ и восточной Франціи; здѣсь прежнее крѣпостное состояніе сохраняется въ значительной мѣрѣ и кутюмы отводятъ ему много мѣста (Ниверне, Бурбонне, Маршъ, Труа) или по крайней мѣрѣ упоминаютъ о немъ (Мо, Витри, Овернь); крестьяне называются иногда даже „hommes de corps“: „il tient et adheire á sa chairé et aux os“.

Delisle утверждаетъ, что въ Нормандіи послѣдніе слѣды крѣпостного состоянія относятся къ XI ст. и что въ XII—XIV ст. ихъ не встрѣчается совершенно, какъ и нѣтъ освободительныхъ грамотъ (p. 17—24). Однако, онъ самъ же указываетъ на барщину, конную и ручную, на различныя повинности, которыя въ концѣ XII и въ теченіе XIII ст. были замѣнены денежными оброками, вслѣдствіе чего положеніе крестьянъ значительно улучшилось (p. 125—134). Онъ подчеркиваетъ то обстоятельство, что ни main-morte, ни formariage въ Нормандіи не встрѣчается, но въ то же время сообщаетъ, что въ XII ст. крестьяне не имѣли права ни вступать въ бракъ съ лицами, принадлежащими другому сеньору, ни продавать или обременять долгами свои надѣлы, и что большинство сеньоровъ разрѣшало имъ и то и другое за небольшую плату; точно также при переходѣ земли къ наслѣдникамъ уплачивался relief въ пользу сеньора (p. 2. 19). Что это какъ не тѣ же институты main-morte и formariage? Только самые термины, очевидно, въ этой мѣстности не встрѣчаются. Мало того, натуральная повинность здѣсь, повидимому, не всегда замѣняется денежной въ видѣ maritagium (p. 69, прим. 83 и p. 72).

Гораздо раньше, чѣмъ въ Нормандіи, раскрѣпощеніе крестьянъ началось, повидимому, въ Бретани, гдѣ уже въ X ст. имѣлись категоріи крестьянъ, свободныхъ отъ разныхъ личныхъ повинностей. Однако, на другіе слои населенія эти свободы распространены были лишь въ XIII ст., а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бретани только въ XV ст. исчезла main-morte и taille arbitraire (mottiers, quevaisiers); остатки сохранились, впрочемъ, еще и въ послѣдующія столѣтія (Borderie. Mémoire sur le servage en Bretagne. p. 112. Sée. Etude sur les classes rurales en Bretagne an moyen-âge, p. 95—96. 103).

Въ различныхъ мѣстностяхъ Невшателя въ теченіе XIV ст. отмѣнена main-morte, установлено право наслѣдованія до шестой степени родства, право свободнаго отчужденія надѣловъ съ уплатой въ пользу сеньора всего $^1/_{12}$ ихъ стоимости и свобода передвиженія (Darmstädter, p. 108).

Въ Фландріи, Брабантѣ, Геннегау барщина, подушная подать, платежи при переходѣ имущества по наслѣдству и при вступленіи въ бракъ во многихъ случаяхъ совершенно исчезли или же превратились въ незначительные сборы

уже начиная съ XIII ст. Къ концу средневѣковья огромное большинство сельскаго населенія Бельгіи состояло изъ лично свободныхъ крестьянъ-чиншевиковъ. Рядомъ съ ними, однако, сохранились, въ особенности, въ Брабантѣ и въ Геннегау, и слои населенія, подлежавшіе formariage и „meilleur cattel", т.-е. обязанности отдать сеньору лучшую штуку скота, платья и т. д.; въ Люксембургѣ и въ особенности во Фландріи они составляли незначительное меньшинство (Brants. p. 66—73. Pirenne. I. 153. 330—4. II. 511—12).

Совершенно иную картину находимъ въ центрѣ и восточной Франціи. Въ Ниверне и Бурбонне крѣпостные не могли свидѣтельствовать противъ сеньора въ дѣлахъ уголовныхъ, уплачивали taille arbitraire, по усмотрѣнію вотчинника („exploitables haut et bas"), хотя размѣры ея фиксировались обычаемъ. Droit de poursuite уже не осуществлялось къ концу средневѣковья въ смыслѣ принудительнаго возвращенія крѣпостного, покинувшаго помѣстье, но оно обозначало право сеньора на часть оставшагося послѣ смерти крестьянина имущества, гдѣ бы онъ ни умеръ. Кромѣ того, по истеченіи извѣстнаго срока (30 лѣтъ въ Ниверне, 10 лѣтъ въ Бургундіи, Франшкомте, Маршъ) оставленный имъ надѣлъ переходитъ къ сеньору. Барщина была незначительна (4 дня въ году въ Бурбонне, 12 дней въ Оверни), но различные платежи достигали весьма высокой суммы, отнимая болѣе $1/2$ доходовъ крѣпостного. Число лично (полу-) свободныхъ, по сравненію съ крѣпостными, было тоже невелико, хотя вслѣдствіе отпущеній, оно въ XIII ст. возрастало все болѣе (они назывались bordeliers); они уплачивали сеньору кромѣ ежегодной ренты третью часть цѣны при отчужденіи имущества (кромѣ имущества, пріобрѣтеннаго свободно на сторонѣ). Имущество переходило по наслѣдству только къ лицамъ, жившимъ вмѣстѣ съ умершимъ, и имѣвшимъ съ нимъ общій столъ („le feu, le sel et le pain partent l'homme morte-main"); завѣщать они могли кому угодно, но только въ томъ случаѣ, если имѣлись лица, жившія совмѣстно съ наслѣдователемъ, ибо только въ этомъ случаѣ все равно сеньоръ лишался этого имущества, при отсутствіи же такихъ лицъ, наслѣдство переходитъ къ сеньору. Въ отличіе отъ bordeliers, съ имущества крѣпостныхъ сеньоръ получалъ $1/5$ при отчужденіи и въ томъ случаѣ, если оно было пріобрѣтено на сторонѣ. Въ общемъ положеніе bordeliers было немногимъ лучше крѣпостныхъ, хотя они все-же пользовались большей личной свободой и въ ихъ составъ входили и горожане, позже и дворяне, а не только крестьяне (Boucomont. Des main-mortes personelle et réelle en Nivernais. 1896).

Въ Германіи, повидимому, еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ Англіи послѣ моровой язвы, движеніе въ смыслѣ облегченія крѣпостной зависимости, происходившее въ XIII—XIV ст., смѣнилось—какъ указываетъ Лампрехтъ—обратнымъ теченіемъ. Появилась масса безземельнаго несвободнаго населенія, питавшагося отъ общинныхъ угодій и не имѣвшаго никакого постояннаго заработка и крѣпкой осѣдлости,—населенія, которое рядомъ съ прочими личными повинностями уплачивало подушную подать и несло тяжелую барщину. Но положеніе и прочаго населенія, повидимому, ухудшилось, вслѣдствіе захвата общинныхъ земель вотчинниками, которые по своему усмотрѣнію регулировали пользованіе общинными угодьями. Они выдѣляли для себя лѣса, входъ въ которые вовсе не дозволялся крестьянамъ, ограничивали въ другихъ лѣсахъ право рубить деревья и запасаться топливомъ, травой и дерномъ, жечь уголь и золу, пасти скотъ, разсматривая при этомъ общинные лѣса какъ свою помѣщичью собственность, за пользованіе которою крестьяне должны платить опредѣленную сумму. Право охоты и рыбной ловли, поскольку оно не было объявлено регаліей территоріальныхъ государей, вотчинники присвоили себѣ, право разведенія пчелъ въ лѣсахъ, добыванія известняка и т. д. также отняли у крестьянъ, за пользованіе выгонами установили высокіе платежи. Недаромъ однимъ изъ основ-

ныхъ требованій возставшихъ въ 1525 г. крестьянъ, изложенныхъ ими въ 12 статьяхъ (Zwölf Artikel), было возвращеніе общинамъ принадлежащихъ имъ полей и луговъ и всѣхъ лѣсовъ, которые не были пріобрѣтены помѣщиками путемъ покупки; „должна быть возстановлена прежняя свобода охоты, пастьбы скота и пользованія лѣсами“. Къ этому сокращенію крестьянскихъ угодій, приводившему къ разстройству ихъ хозяйства, присоединялось вызванное этимъ же захватомъ усиленіе барщины; послѣдняя была необходима для воздѣлыванія этихъ новыхъ, присоединенныхъ къ помѣстью, земель. Наконецъ, ту частичную свободу переселенія, тотъ intercursus, котораго крестьянамъ удалось добиться въ предшествующую эпоху посредствомъ соглашеній между помѣщиками, теперь у нихъ снова отнимаютъ, совершенно прикрѣпляя крестьянъ къ землѣ. Такимъ образомъ, мы находимъ здѣсь такое же, какъ въ Англіи и Испаніи, реакціонное движеніе, нарушеніе старины, но въ еще большей, пожалуй, мѣрѣ. Обнаруживаются одни и тѣ же моменты и тутъ и тамъ: захватъ общинныхъ угодій, расширеніе барщины, ограниченіе права передвиженія [1]).

Однѣ и тѣ же причины должны были привести къ одинаковымъ послѣдствіямъ—къ возстанію крестьянъ.

Уже съ половины XV ст. начинаются движенія среди крестьянъ, обнаруживается стремленіе послѣдовать примѣру добившихся свободы въ борьбѣ съ Габсбургами швейцарцевъ—„стать швейцарцами“ (schweizerisch werden wollen). Мы встрѣчаемъ то же двустишіе, которое распѣвалось въ Англіи въ 1381 г.: „когда Адамъ копалъ землю, а Ева пряла, гдѣ же былъ тогда дворянинъ?“; возникаютъ возстанія въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ. Таково, напр., возстаніе Ганса Бегейма изъ Никлаусгаузена въ 1476 г., проповѣдывавшаго въ вюрцбургской области о новомъ царствѣ Господнемъ, „гдѣ не будетъ ни князей, ни папы, никакихъ господъ и повинностей“; вюрцбургскій епископъ велѣлъ ночью схватить его и сжечь, и волненіе утихло. Далѣе возстаніе „сырниковъ“ въ Нидерландахъ: въ 1491 г. они нарисовали на своихъ знаменахъ скверный ячменный хлѣбъ съ зеленымъ сыромъ; для подавленія его потребовалась большая военная сила. Мятежъ въ аббатствѣ Кемптенъ въ Швабіи въ 1493 г., гдѣ аббатъ заявлялъ: „я поступаю такъ же, какъ и другіе сеньоры“. За ними послѣдовало образованіе въ 1500 г. крестьянскаго союза „Bundschuh“ (лапоть), совершившаго рядъ возстаній: возстаніе въ Вюртембергѣ („Бѣдный Конрадъ“) въ 1514 г., въ Каринтіи и Штиріи въ 1515 г. и пр. При этомъ, рядомъ съ экономическимъ и политическимъ движеніемъ мы находимъ и здѣсь, въ особенности подъ вліяніемъ гусситскихъ идей (какъ въ Англіи исходящую отъ лоллардовъ), основанную на Евангеліи проповѣдь, свободы и равенства: „ничего кромѣ справедливости Божеской“; находимъ требованіе секуляризаціи церковныхъ земель и отмѣны десятины: „я сѣю хлѣбъ своими руками, а онъ переходитъ въ руки священника“. Далѣе замѣчаемъ и въ Германіи, какъ и въ Англіи, что движеніе не ограничивается крестьянами, а происходитъ и въ городахъ—въ Вѣнѣ въ 1462 г., въ Ахенѣ въ 1477 г., въ 80-хъ г.г. въ Кельнѣ, Ростокѣ, Брауншвейгѣ, Оснабрюкѣ, въ 1491 г. въ Магдебургѣ. Въ 1525 г. произошло всеобщее возстаніе, извѣстное подъ именемъ „Крестьянской войны“. Оно подготовлялось уже въ предшествующіе годы; слышно было, что

---

[1]) Рядомъ съ этимъ общимъ движеніемъ замѣчается и здѣсь, какъ въ Англіи и Каталоніи, частичное продолженіе прежней тенденціи въ смыслѣ улучшенія положенія крестьянъ. Оно—какъ указываютъ Инама-Стернеггъ и Вопфнеръ—замѣтно въ южной Германіи, гдѣ продолжаютъ развиваться формы свободной аренды. Но значеніе этого противоположнаго движенія несравненно меньше, чѣмъ въ Англіи, какъ это видно изъ другихъ изслѣдованій Вопфнера. Quellen zur Gesch. des Bauernkriees in Deutschtirol. I и его же Gesch. der freien bäuerlichen Erbleihe. См. также Kaser. Ursachen des Bauernkrie. ges. Viert. f. Wirtschaftsgesch. 1911.

какіе-то люди ходятъ по деревнямъ; въ церквахъ и на рынкахъ, во время свадебъ и въ кабакахъ они возбуждаютъ крестьянъ противъ помѣщиковъ, говоря, что власть послѣднихъ вовсе не отъ Бога, что они „наемники дьявола и сатана ихъ предводитель“. Всѣ ожидали возстанія: „кто въ 1523 г. не умретъ, въ 1524 г. не погибнетъ въ водѣ, а въ 1525 г. не будетъ убитъ, тотъ спасется чудомъ“,—говорили повсюду, и предсказаніе о наводненіяхъ 1524 г. вскорѣ превратило воду въ потоки человѣческой крови. Возставшіе (идеологами ихъ являлись Карлштадтъ и Ѳома Мюнцеръ) требовали свободнаго пользованія „водами, воздухомъ и лѣсами“, уничтоженія барщины, правильнаго судопроизводства, свободной проповѣди слова Божія и права выбирать своихъ пастырей; эти требованія изложены въ 12 статьяхъ. Они первоначально добились значительныхъ успѣховъ, разбивая феодальныя войска и заставляя феодаловъ во многихъ мѣстахъ идти на уступки. Возстаніе распространилось по всей Швабіи, Эльзасу, Гессену, Тюрингіи, Баваріи (Франконіи), Тиролю, Зальцбургу. Крестьяне стали предъявлять и требованія политическаго характера, настаивая на централизаціи власти въ рукахъ императора съ отнятіемъ ея у феодаловъ, на учрежденіи единой монеты, вѣса и мѣры, на отмѣнѣ таможенъ и конвойныхъ денегъ и на установленіи свободы передвиженія. Объединеніе феодаловъ привело къ разгрому крестьянскихъ войскъ и постепенному подавленію возстанія.

Непосредственный результатъ былъ и въ Германіи и въ Англіи одинаково неблагопріятенъ для крестьянъ, ибо возстаніе окончилось неудачей; при этомъ въ Германіи оно сопровождалось гораздо большими жестокостями съ обѣихъ сторонъ, чѣмъ въ Англіи. Однако, въ Англіи (какъ и въ Каталоніи) крестьяне все-таки добились своей цѣли, ибо обратное теченіе остановилось и раскрѣпощеніе вновь стало дѣлать большіе успѣхи; въ Германіи же такіе результаты не могли быть достигнуты. Въ Англіи фактическая сила была въ рукахъ крестьянъ, ибо имѣлось много свободныхъ земель и города могли принимать къ себѣ сельское населеніе; далѣе, послѣднее къ концу XIV вѣка не успѣло даже достигнуть той цифры, какая имѣлась наканунѣ Черной смерти; а къ этому присоединился разгромъ англійской аристократіи во время борьбы алой и бѣлой розы. Въ Германіи Черная смерть не причинила столь значительныхъ опустошеній, какъ въ приморскихъ странахъ, Англіи или Италіи; города стали стѣснять доступъ сельскихъ жителей и уходъ туда сталъ сокращаться; территоріальная власть мелкихъ государей усиливалась, и—что самое главное—прекратился тотъ отливъ населенія на востокъ въ славянскія земли, который въ теченіе трехъ столѣтій (XII—XIV) являлся исходомъ для всѣхъ недовольныхъ, вызывалъ разрѣженіе населенія въ западныхъ областяхъ и заставлялъ феодаловъ идти на уступки. Это отсутствіе исхода усиливало революціонное движеніе въ теченіе XV вѣка; но оно въ то же время приводило къ тому, что здѣсь—въ противоположность Англіи—установилось дѣйствительно adscriptio glebae, и прикрѣпленіе къ землѣ совершилось не только юридически въ видѣ стѣсненія передвиженій, но и фактически. Какъ выяснили новѣйшія изслѣдованія—въ противоположность болѣе старому мнѣнію,—положеніе крестьянъ послѣ Крестьянской войны не ухудшилось; по крайней мѣрѣ, ухудшенія не находимъ ни въ Баденѣ, ни въ Баваріи, Эльзасѣ, Тиролѣ; но все же происшедшее въ XV ст. фактическое прикрѣпленіе къ землѣ осталось и въ послѣдующія столѣтія.

Какъ въ Англіи Роджерсъ (въ отношеніи XIV ст.), такъ въ Германіи Лампрехтъ является главнымъ сторонникомъ того взгляда, что поло-

женіе крестьянъ въ XV ст. ухудшилось и этимъ было вызвано возстаніе крестьянъ. Къ нему, хотя и съ оговорками присоединяются: Инама-Стернеггъ (Deut. Wirtschaftsgesch.), Зомерладъ (Handwört. der Statswiss. Suppl. B. II). Напротивъ Янссенъ, Максъ Ленцъ (Hist. Zeitschr. 1896), Гагельстанге, отчасти и Штольце (Vorgeschichte des Bauernkrieges) это отрицаютъ, усматривая причины Крестьянской войны въ другихъ моментахъ, преимущественно политическаго характера; отчасти они утверждаютъ даже (какъ противники Роджерса въ отношеніи Англіи), что матеріальное положеніе крестьянъ къ концу средневѣковья улучшилось.

Соотвѣтственно юридическому и общее экономическое положеніе крестьянъ въ позднее средневѣковье на континентѣ не могло быть благопріятнымъ; лишь въ Англіи оно было нѣсколько лучше. Земля давала крестьянину весьма мало. Сдѣланы были значительные успѣхи въ смыслѣ экстенсивности—расширилась площадь посѣвовъ путемъ корчеванія лѣсовъ, осушенія болотъ и расчистки пустошей; но въ отношеніи интенсивности сельское хозяйство стояло весьма низко. Велось хищническое хозяйство, воздѣлывались изъ года въ годъ одни и тѣ же истощающіе землю злаки; кормовыхъ травъ, рѣпы, картофеля и т. п. не сѣяли, люцерна и клеверъ появились не ранѣе XVII—XVIII ст. Искусственнаго удобренія не было, естественное же не умѣли использовать; навозъ выбрасывался въ рѣки или просто на улицу, заражая воздухъ и не принося пользы земледѣльцу, почему поля удобрялись далеко не ежегодно. Господствовала трехпольная система хозяйства: изъ трехъ полосъ земли, на которыя раздѣлялось поле, одна засѣвалась озимыми хлѣбами, другая—яровыми, а третья находилась подъ паромъ. При этой системѣ изъ трехъ полей ежегодно лишь одно поле доставляло полную жатву, второе (подъ яровыми посѣвами) — только половину, а третье—ничего, т.-е. весь участокъ земли приносилъ лишь половину того, что могъ бы давать. Въ отпускныхъ грамотахъ XIV—XV ст. еще сплошь и рядомъ упоминается о томъ, что земля разрывалась заступомъ. Считалось, что соха нужна лишь для распашки поля въ 60 акровъ, но этого размѣра—какъ указываетъ Делиль—надѣлы отдѣльныхъ крестьянъ обыкновенно не достигали. Иногда, впрочемъ, соха пріобрѣталась сообща, составляя общинное имущество, и въ нее запрягалось 6—8 животныхъ, быковъ, рѣже—лошадей. Борона обыкновенно отсутствовала, почему оставшіяся на поверхности сѣмена становились нерѣдко пищей птицъ, а дурныя травы не выпалывались, серпомъ же вырывались въ лучшемъ случаѣ лишь верхушки ихъ. Раціональному сельскому хозяйству препятствовали въ значительной мѣрѣ всевозможныя суевѣрія; различныя причитанія и языческіе обряды должны были обезпечить хорошую жатву, устранить враждебныя земледѣльцу силы [1]).

Получая отъ земли мало, крестьянинъ вынужденъ былъ, однако, много отдавать сеньору въ видѣ различныхъ оброковъ, чиншей и платежей, церкви вносить десятину, а королю—различнаго рода подати. По вычисле-

---

[1]) Передъ началомъ жатвы вокругъ сохи три раза обносился хлѣбъ съ зажженной восковой свѣчкой; для того, чтобы качество сѣмянъ было лучше, они бросались сквозь сито, сдѣланное изъ волчьей шкуры, въ которомъ было продѣлано тридцать отверстій; для удаленія гусеницъ зарывались кости вола въ землю; наливая вино, нужно было говорить: Saint-Martin bon vin и т. п. (Réville).

ніямъ д'Авенеля, земля доставляла 10 проц. дохода (съ ея продажной стоимости), изъ которыхъ 3—4 проц. уходило въ пользу сеньора; если же прибавить къ этому еще прочіе платежи, да имѣть въ виду, что эти 10 проц. оставляли сами по себѣ весьма небольшую сумму, то для крестьянина останется очень немного. Инама-Стернеггъ также пришелъ къ тому выводу, что у средневѣковаго крестьянина оставалась лишь третья часть того небольшого дохода, который доставляла ему земля; ибо $^1/_3$ уплачивалась въ видѣ чинша и оброка помѣщику; изъ оставшихся 66 проц. $^1/_{10}$ или 6 проц. составляли десятину въ пользу церкви, а изъ остальныхъ 60 проц. $^1/_3$ шла въ пользу фогта и 10 проц. въ качествѣ государственныхъ податей, не считая остальныхъ сборовъ, барщины и т. д.

Неудивительно, при такихъ условіяхъ, что и обстановка, въ которой проводилъ жизнь крестьянинъ, не отличалась удобствами, что питанье его было весьма скудное. Какъ видно изъ Морица Гейне, изба строится изъ дерева; опредѣлялось количество деревьевъ, которое можно брать безплатно для постройки дома; или же она строится изъ глины, которая весьма цѣнится и добываніе которой регулируется особыми постановленіями, хотя глиняныя постройки, въ которыя вѣтеръ проникалъ со всѣхъ сторонъ, сравнивались съ гнѣздами. Постройки изъ камня или кирпичей составляли въ селахъ рѣдкость даже въ эпоху широкаго распространенія зданій изъ кирпичей въ городахъ. Крыша дѣлалась изъ соломы, тростника и черепицы; крѣпостью постройка не отличалась и признавалась удовлетворительной, если три человѣка тремя заступами не въ состояніи ее сорвать. Вплоть до XV ст. изба разсматривалась какъ движимое имущество, ее перевозили съ мѣста на мѣсто, иногда увозили въ городъ; цѣлыя деревни, вслѣдствіе этого, прекращали свое существованіе. Изба строилась низкая, чтобы удерживалась теплота въ зимнее время; освѣщалась она огнемъ съ очага, лучиной, иногда и факелами изъ смолы. Оконъ обыкновенно не было; въ лучшемъ случаѣ существовали небольшія отверстія въ стѣнахъ, но они ничѣмъ не закрывались: ни стекломъ, которое было крайне дорого, ни бумагой, которой не было, а лишь затыкались соломой или какой-либо матеріей или деревомъ въ очень холодное время. Посреди избы, на голой землѣ разводился огонь, дымъ котораго выходилъ въ закрываемыя лишь на половину двери—верхняя часть ихъ отдѣлялась отъ нижней; кромѣ того имѣлась печь, которая служила и для теплоты и для приготовленія пищи одновременно. Въ этомъ же единственномъ помѣщеніи проводила всю жизнь семья вмѣстѣ съ домашней птицей и скотомъ; иногда, впрочемъ, отдѣляли особыя комнаты для сна. Спали на землѣ, на соломѣ или на печи, гдѣ могло помѣститься нѣсколько человѣкъ; у болѣе состоятельныхъ имѣлась и широкая фамильная кровать, на которой спала вся семья, какъ и оставшіеся ночевать гости. Спали голыми, ибо бѣлья не было; весь скарбъ крестьянина оцѣнивался сборщиками налоговъ въ нѣсколько солидовъ. Имѣлись лишь скамьи, которыя шли вокругъ избы, четырехугольный столъ, нерѣдко одинъ стаканъ для всѣхъ, изъ котораго пили попеременно. Ревиль предлагаетъ называть XIV вѣкъ не вѣкомъ Данте или Петрарки, не вѣкомъ Столѣтней войны, не вѣкомъ компаса или пороха, а вѣкомъ рубашки, которая въ это время входитъ въ домашній обиходъ. Однако, въ дѣйствительности она составляла въ тѣ времена еще большую рѣдкость, такъ какъ холстъ былъ крайне дорогъ, и только короли и феодалы имѣли по нѣскольку рубахъ, получая ихъ въ подарокъ въ торжественныхъ случаяхъ и оставляя потомкамъ въ наслѣдство. Питанье крестьянъ заключалось въ ячменной или ржаной похлебкѣ или хлѣбѣ, въ Англіи, впрочемъ, они ѣли и пшеницу; далѣе питались соленой рыбой, составлявшей постную ѣду, овощами, сыромъ, яйцами; мясо подавалось только по праздникамъ, почему они назывались „мясными днями", ибо, вслѣдствіе частыхъ падежей скота [1]), его было весьма мало.

[1]) Walter Henley совѣтуетъ кормить поденщиковъ мясомъ падшей скотины, посоливъ и высушивъ его; другой англійскій писатель XIV ст. предлагаетъ вывезти мясо изъ Англіи, убивъ больной скотъ (Réville).

Большое количество всевозможныхъ кушаній потреблялось лишь на свадьбахъ и крестинахъ; тогда крестьянинъ тратилъ чуть ли не все, что онъ имѣлъ, закалывалъ имѣвшуюся скотину, вынималъ всѣ запасы хлѣба; происходило сильнѣйшее обжорство и пьянство (послѣднее было въ средніе вѣка весьма распространено), но за этимъ слѣдовала жизнь впроголодь, еще большая нужда, чѣмъ въ обычное время. Особенно же плохо приходилось во время войнъ, ибо война того времени должна была „кормиться войной", т.-е. грабежомъ населенія, и вооруженныя шайки жгли и грабили добро у крестьянъ; во время Столѣтней войны между Англіей и Франціей половина Франціи была опустошена. Въ случаѣ же противодѣйствія со стороны крестьянъ, ихъ сжигали на кострахъ и четвертовали, подвергая ужаснѣйшимъ пыткамъ. Большое опустошеніе производили и объѣзды короля по различнымъ мѣстностямъ, ибо—по выраженію Бюхера—король въ средніе вѣка правилъ страной въ видѣ „отхожаго промысла", переѣзжая изъ одного мѣста въ другое. При этомъ не только населеніе вынуждено было содержать его и свиту, но послѣдняя самымъ безпощаднымъ образомъ грабила жителей, отнимая у нихъ запасы, опустошая поля; такъ что крестьяне во время этихъ своеобразныхъ войнъ, производимыхъ своими же, убѣгали въ лѣса, оставляя свое имущество на произволъ судьбы. Еще хуже было во время часто повторявшихся голодовъ, когда приходилось питаться корнями, травой, древесной корой и даже человѣческимъ мясомъ, чтобы только самому не умереть съ голоду. Хлѣбная торговля, которая была столь необходима въ этихъ случаяхъ, функціонировала весьма слабо; даже если припасы привозились въ мѣстность, страдавшую отъ голода, то лишь тогда, когда голодъ успѣлъ достигнуть большихъ размѣровъ и цѣны на хлѣбъ стояли столь высоко, что крестьяне не въ состояніи были пріобрѣтать его. Феодаловъ это мало трогало, за исключеніемъ лишь тѣхъ случаевъ, когда они опасались волненій и поэтому, въ особенности монастыри, приходили на помощь голодному населенію. Феодалы требовали отъ крестьянъ „patience et obéissance" и, относясь къ нимъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ (Jacques bonhomme a bon dos, il souffre tout, т.-е. спина его все вынесетъ), утверждали, что „der Bauer ist an Ochsen statt, nur dass er keine Hörner hat (т.-е. мужикъ тотъ же быкъ, только безъ роговъ), что „rustica gens optima flens, pessima gaudens" [1]).

---

[1]) См. Heyne. Deutsches Wohnungswesen. 153—164, 169, 181, 200. Delisle, p. 189. 287, 300—1, 311. Haeser. 235—36. Réville, p. 14—15, 40, Schulz. Höf. Leben. I. p. 121. Hagelstange, 96—97, 109—113. 131. Sée. Classes rur. 540, 557. Brutails. Popul. rur. du Roussillon. Inama. III. 1, p. 405.

II. Города и промыслы.

Источники. Для исторіи городовъ. *Oberrheinische Stadtrechte* (herausgeg. von der Badischen hist. Kommission) 1. Abt. Fränkische Rechte (вышло съ 1895 г. 8 том.), 2. Abt. Schwäbische Rechte (2 т.), 3. Abt. Elsässische Rechte (2 т.). *Westfälische Stadtrechte* (съ подробнымъ введеніемъ къ каждому тому), veröff. von der hist. Kommission für Westfalen. 1901 и сл. *Sammlung schweizerischer Rechtsquellen.* Stadtrechte кантоновъ Аргау и Бернъ. *Quellen zur Rechts-und Wirtschaftsgeschichte der Rheinischen Städte.* (Kurkölnische Städte. Bergische Städte), Publikationen der Gesellschaft für Rheinische Geschichtskunde. *Hegel. Chroniken der deutschen Städte. 1862—1898* (26 томовъ). Выдержки изъ памятниковъ у *Keutgen. Urkunden zur stadtischen Verfassungsgeschichte. 1899,* а также *Gaupp. Deutsche Stadtrechte des Mittelalters. I—II. 1851.* Весьма важны также записи городскихъ доходовъ и расходовъ: *Knipping. Die Kölner Stadtrechnungen des Mittelalters.* 2 тома 1897. *Koppmann. Kämmereirechnungen der Stadt Hamburg.* 7 томовъ. *Harms. Der Stadthaushalt Basels.* Jahresrechnungen 1365—1535. (вышло 3 тома). Такія же изданія имѣются для Брюсселя, Ипра, Дортрехта, Миддельбурга и др. голландскихъ и фламандскихъ городовъ.

Главными источниками для изученія характера *промышленности* и организаціи ея въ средніе вѣка являются цеховые статуты. Имѣется нѣсколько прекрасныхъ изданій (средневѣковыхъ) цеховыхъ статутовъ, въ особ. германскихъ городовъ, съ подробными комментаріями. Таково изданіе цеховыхъ уставовъ г. Любека (*Wehrmann. Die älteren lübeckischen Zunftrollen. 1864*), Люнебурга (*Bodemann. Die älteren Zunfturkunden der Stadt Lüneburg. 1883*), Риги (*Stieda und Mettig. Schragen der Gilden und Aemter der Stadt Riga bis 1621. 1896*), Кельна (*Lösch. Die Kölner Zunfturkunden nebst anderen Gewerbeurkunden. 1907*), Парижа (*Lespinasse. Les métiers et corporations de la ville de Paris*). Далѣе—безъ комментарій или почти безъ нихъ—статуты г. Гамбурга (*Rüdiger. Die ältesten hamburgischen Zunftrollen und Brüderschaftsstatuten. 1874*), Оснабрюка (*Philippi. Die ältesten osnabrückischen Gildeurkunden. 1899*), Грейфсвальда (*Krause. Die ältesten Zünftrollen der Stadt Greifswald. 1898*). Весьма важны также собранные Шмоллеромъ статуты по исторіи страсбургскаго суконнаго цеха. *Schmoller. Die Strassburger Tucher-und Weberzunft. Urkunden und Darstellung. 1879. Frankfurter Amts-und Zunfturkunden* (изд. Bücher-Schmidt) вышла пока только первая часть (въ двухъ томахъ 1914 г.). Сборникъ избранныхъ документовъ по исторіи промышленности: *Fagniez. Documents rélatifs à l'histoire de l'industrie et du commerce de la France. Vol. I—II.* Много документовъ, хотя и разрозненныхъ, также въ *Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins* (Mone. Zunftorganisation vom 13—16 Iahrhundert). На рус. яз. *Граціанскій. Ремесленные цехи въ Парижѣ въ XIV ст. 1911.*

Литература. По исторіи городовъ. Основные труды: *Hüllmann. Städtewesen im Mittelalter.* 4. Bände. 1825 и сл. *Maurer. Geschichte der Städteverfassung in Deutschland. 4 Bände. 1896—71. Hegel. Geschichte der Städteverfassung von Italien.* Его же *Städte und Gilden der germanischen Völker im Mittelalter.* 2. Bde. 1891. *Gengler. Geschichte der deutschen Stadtrechtsaltertümer. Luchaire. Les communes françaises à l'époque des Capetiens directs. 1890. Flach. Les origines de l'ancienne France. T. II. 1893. Raynouard. Histoire du droit municipal. Bechard. Droit municipal au*

moyen-âge. 1861. Warnkönig. Flandrische Staats-und Rechtsgeschichte. 3 Bände 1835 и сл. E. Mayer. Deutsche und französische Verfassungsgeschichte. I—II. Описанія городского строя въ *Bibliothèque de l'Ecole des Hautes Etudes* (Sciences philol. et hist. № 31. Saint Omer. № 45. Senlis. № 75. Noyon) *Espinas. Les finances de la commune de Douai des origines au XV siècle. 1902.* Краткій очеркъ: *Schröder.* Deutsche Rechtsgeschichte § 51. Много интереснаго у *Mannier. L'origine et la fonction économique des villes. 1910.* На рус. языкѣ: *Дживелеговъ. Средневѣковые города въ Зап. Европѣ.* 1902. См. также *І. М. Кулишеръ. Коммунальное обложеніе въ Германіи въ его историч. развитіи 1914.* Стр. 1—13 и 56—195 города и городское обложеніе.

Спеціальныя изслѣдованія по вопросу о возникновеніи городовъ и городского строя. *Sohm. Die Entstehung des deutschen Städtewesens. 1890. Below. Der Ursprung der deutschen Stadtverfassung. 1892.* Его же. *Entstehung der deutschen Stadtgemeinde. 1889.* (Рус. пер. нѣсколькихъ работъ его подъ назв. Городской строй и городская жизнь въ средневѣковой Германіи. Подъ ред. Д. М. Петрушевскаго. 1912). *Rietschel. Markt und Stadt in ihrem rechtlichen Verhältnis. 1897. Keutgen. Untersuchungen über den Ursprung der deutschen Stadtverfassung. 1895. Liesegang. Niederrheinisches Städtewesen im Mittelalter. 1897. Gothein. Wirtschaftsgeschichte des Schwarzwaldes. B. I. 1891. Hegel. Entstehung des deutschen Städtewesens. 1898. Wauters. Les libertés communales. 1878. Pirenne. Origines des constitutions urbaines au moyen-âge.* Révue hist. T. 57. 1895. Его же. *Villes, marchés et marchands au moyen-âge.* Ibid. T. 67. Спеціально по вопросу о землевладѣніи въ городахъ: *Arnold. Zur Geschichte des Eigentums in den deutschen Städten. 1861. Beyerle. Grundeigentumsverhältnisse und Bürgerrecht im mittelalt. Konstanz. Höniger. Kölner Schreinsurkunden. 1884—94. Des Marez. Etude sur la propriété foncière dans les villes du moyen-âge, spécialement en Flandre. 1898.*

Проблема о количествѣ населенія въ средневѣковыхъ городахъ, его составѣ и распредѣленіи имущества. Inama-Sternegg. Deutsche Wirtschaftsgeschichte B. III. T. I. 1899. Его же. *Die Quellen der historischen Bevölkerungsstatistik.* (Statistische Monatsschr. B. XII). *Bücher.* Entstehung der Volkswirtschaft. 5. Aufl. 1906. (рус. изд. Возникн. народн. хоз. 1907 г. вып. 2, очерки 10—12). Его же замѣчательный трудъ о Франкфуртѣ, имѣющій и общее значеніе для хозяйственной исторіи средневѣкового періода (*Bücher. Bevölkerung von Frankfurt a. M. im XIV und XV Jahrh. B. I. 1885*), *Schoenberg. Finanzverhältnisse der Stadt Basel im 14. und 15. Jahrh. 1879.* (даетъ много и для исторіи городовъ и промысловъ). Цѣнное изслѣдованіе *Bothe. Die Entwicklung der direkten Besteuerung der Reichsstadt Frankfurt. 1906* (много даетъ объ экономической жизни населенія вообще и объ имущественномъ положеніи различныхъ группъ) и его же *Beiträge zur Wirtschafts—und Sozialgeschichte Frankfurts. 1906.* Изъ болѣе мелкихъ работъ заслуживающихъ вниманія: *Buomberg. Bevölkerung- und Vermögensstatistik der Stadt und Landschaft Freiburg um die Mitte des 15. Jahrh.* 1900. *Eulenburg. Zur Bevölkerung- und Vermögensstatistik des 15. Jahrh.* (Zeitschr. für Sozial- und Wirtschaftsgesch. B. 3), относ. Гейдельберга. *Pirenne. Les démembrements de la population d' Ypres au XV s.* (Viert. für Sozial- und Wirtschaftsgesch. B. I). *Iastrow. Die Volkzahl deutscher Städte zu Ende des Mittelalters.* 1886. Кромѣ того цифровыя данныя даютъ: *Reisner. Die Einwohnerzahl deutscher Städte in früheren Jahrhunderten.* 1902 (для Любека), *Eheberg. Strassburgs Bevölkerungszahl seit Ende des 15 Jahrh.* (Jahrb. für. Nationaloekon. N. F. VI. VII), *Paasche. Die städtische Bevölkerung früherer Jahrhunderte* (Jahrb. f. Nationaloekon., N. F. V) — для Ростока: *Helbok. Die Bevölkerunz der Stadt Bregenz vom 14. bis 18. Jahrh.* (Forsch. zur inneren Geschichte Oesterreischs. B. VII). *Banck. Die. Bevölkerungszahl der Stadt Köln.* (Beiträge zur Gesch. vornehml Kölns und der Rheinlande. 1895). *Bungers. Beiträge zur mittelalterlischen Topographie, Rechtsgeschichte und Sozialstatistik der Stadt Köln. 1899. Nuglisch. Die wirtschaftiche Leistungsfähigkeit deutscher Städte im Mitt.* (Zeitschr. f. Sozialwiss. 1906)—распредѣленіе доходовъ въ Равенсбургѣ, Эсслингенѣ и др. *Hartwig. Der Lübecker Schoss* (въ концѣ отд. о населеніи). *Keller-Escher. Das Steuerwesen der Stadt Zürich im XIII, XIV und XV Jahrh. 1904. Vetter. Bevölkerungsverhältnisse Mülhausens im XV—XVI. Jahrh.* (Leipziger hist. Abhandl. XVII). См. также *Schaefer* въ Gierke's Untersuchungen B. 44. (Ueberlingen) и *Hartun'g* (Die Augsburger Zuschlagssteuer 1495. и Die Augsburgische Vermögenssteuer und die Entw. der Besitzverhältnisse im XVI. Jahrh.—объ статьи въ Schmoller's

Jahrbuch. 1895), для Парижа *Martin-Saint-Léon. Histoire des corporations de métiers.* 1897 (вышло 2-е изд.).

По исторіи промышленности и цеховой организаціи въ средневѣковыхъ городахъ, сочиненія общаго характера: *Wilda. Das Gildewesen im Mittelalter. 1831. Stahl. Das deutsche Handwerk. 1874. Mascher. Das deutsche Gewerbewesen. 1860. Gierke. Rechtsgeschichte der deutschen Genossenschaft.* 1868 (отд. о цехахъ). *Hegel.* Städte und Gilden. 1891. *Maurer.* Gesch. der Städteverfass. 1869—71. *Neuburg. Zunftgerichtsbarkeit und Zunftverfassung* 1880, въ дѣйствительности всесторонняя характеристика средневѣковыхъ цеховъ въ Германіи и Франціи. *Brentano. Arbeitergilden der Gegenwart. B. I. 1871. Schmoller.* Die Strassburger Tucher- und Weberzunft. 1879 (исторія шерстяной промышленности и цехового строя въ Германіи). *Inama-Sternegg.* Deutsche Wirtschaftsgeschichte. B. III. T. 2. 1901. *Stieda. Zunftwesen* въ Handw. der Staatswiss. 3. Aufl. B. VIII. *Schoenberg. Zur wirtsch. Bedeutung des deutschen Zunftwesens im Mitt.* 1869 (чрезмѣрная идеализація цеховой жизни). *Sombart. Der moderne Kapitalismus.* 1902. B. I. *Schoenlank. Soziale Kämpfe vor dreihundert Jahren. 1894. Eulenburg. Das Wiener Zunftwesen.* (Zeitschr. für Sozial- und Wirtschaftsgesch. I. II.). *Blümcke. Die Handwerkszünfte im mittalterl. Stettin.* (Baltische Studièn. 1884). *Siegl. Die Egerer Zunftordnungen. 1909. Schanz. Zur Geschichte des deutschen Gesellenverbände im Mitt. 1876. Tuckermann. Die gewerbe der* Stadt *Hildesheim bis z. XV. Jahrh. I. 1906. Fecht.* Die *Gewerbe des* Stadt *Zürich im Mitt. 1909. Hehmann. Zunftwesen der Stadt Fulda. 1909. Levasseur.* Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France jusqu'à 1789. T. I. *Martin-Saint-Léon.* Histoire des corporations de métiers. 1897. *Hauser. Les ouvriers du temps-passé. 1898. Eberstadt. Das französische Gewerberecht von XIII Jahrh. bis 1581. Fagniez. Etudes sur l'industrie et la classe industrielle à Paris au XIV siècle. 1877. Des Marc. L'organisation du travail à Bruxelles au XV siècle. 1901. Cunnigham.* Grofth of English Industry and Commerce. T. I. *Ashley.* Introduction into the Economic. History. *Ochenkowski.* Englands wirtschaftliche Entwicklung am Ausgang des Mittelalters. 1879. *Poehlmann. Wirtschaftspolitik des Florentiner Renaissance. Doren. Das Florentiner Zunftwesen vom XIV—XVI Jahrh.* 1908. (Studien aus der florent. Wirtschaftsgesch. B. II). *Rodocanachi. Les corporations ouvrières à Rome. 1894. Ковалевскій.* Экономическій ростъ Европы. T. III. *I. M. Кулишеръ. Эволюція прибыли съ капитала. T. I. 1906.*

По вопросу о происхожденіи (и цѣли учрежденія) цеховъ: *Hartmann. Zur Geschichte der Zünfte im frühen Mittelalter* (Zeitschr. f. Soz. und Wirtschaftsgesch. III). *Nitzsch. Ministerialität und Bürgertum im 10. und 11. Jahrh. 1889. Stieda. Zur Entstehung des deutschen Zunftwesens. 1876. Eberstadt. Magisterium und Fraternitas.* Его же. *Der Ursprung des Zunftwesens. 1900. W. Müller. Zur Frage des Ursprungs der mittelalterlichen Zünfte. 1910. Philippi. Die erste Industrialisierung* Deutschlands. *1909.* Противъ всего этого направленія: *Below. Die Entstehung des Handwerks in Deutschland* (Zeitschr. f. Soz. und Wirtschaftsgesch). Его же. *Zur Entstehung der deutsch. Stadtverfassung* (Hist. Zeitschr. 1887. *Его же. Zur Geschichte des Handwerks und der Gilden.* (Hist. Zeit. 1911). *Gothein.* Wirtschaftsgesch. des Schwarzwaldes. I. 1891. *Keutgen. Aemter und Zünfte. 1903.* Статьи моего отца: *M. И. Кулишеръ. Цехи на Западѣ и у насъ* (Рус. Мысль, 1887). Его же. *Изъ исторіи цеховъ у насъ и въ Европѣ* (Вѣстн. Евр.,) 1887). Отчасти и *Gross. The Gild Merchant. 1898.* См. также. *Seeliger. Handwerk und Hofrecht.* Hist. Vierteljahrsschr. 1913.

По отдѣльнымъ вопросамъ цехового строя (условія пріема въ цехъ, отношеніе между мастерами и подмастерьями, установленіе цѣнъ на промышленныя издѣлія, характреръ промышленной прибыли въ средніе вѣка и т. д. см. литер. въ моей *Эволюціи прибыли съ капитала въ связи съ развитіемъ промышленности и торговли въ Западной Европѣ.*

Тамъ же см. относительно домашней (капиталистической) промышленности въ средніе вѣка.

ГЛАВА I.

Возникновеніе городовъ.

Возникновеніе городовъ обусловливается двумя моментами—сооруженіемъ крѣпости и устройствомъ рынка. Средневѣковый городъ есть прежде

всего, какъ видно изъ его названія, огороженное мѣсто, городище, мѣсто, укрѣпленное валомъ и рвомъ, — Bourg [1] [2]), bouruh, позднѣе англ. borough; поэтому и жители его называются bourgenses или „Bürger", въ отличіе отъ сельскихъ жителей: „Bürger und Bauer scheidet nichts als die Mauer" [3]). Городище служитъ сельскимъ жителямъ убѣжищемъ въ случаѣ нападенія врага, куда они скрываются съ семьями, скотомъ и пожитками. Въ Англіи такія укрѣпленія строитъ Альфредъ Великій въ IX ст. для защиты отъ нападеній датчанъ; на континентѣ ихъ возводятъ въ защиту отъ нормановъ и мадьяръ Каролинги, главнымъ образомъ, въ Тюрингіи и Саксоніи; еще болѣе постройкой укрѣпленій занимается Генрихъ Птицеловъ. Обыкновенно они сооружаются изъ земли и дерева, въ видѣ исключенія Майнцъ, Кельнъ, Мерзебургъ имѣли каменныя стѣны. Строятся укрѣпленія съ сторожевыми башнями и брустверомъ (т. е. стѣной, доходящей до груди защитниковъ); нѣкоторые, въ виду спѣшности, возводились днемъ и ночью. По прекращеніи враждебныхъ дѣйствій, когда норманы и мадьяры, пограбивъ кругомъ и не теряя времени на осаду, спѣшатъ дальше къ болѣе легкой добычѣ, жители вновь возвращаются въ села, но вмѣстѣ съ тѣмъ заботятся и впослѣдствіи о поддержаніи укрѣпленій. Изъ этой совмѣстной защиты и совмѣстной постройки городища возникаютъ позже натуральныя повинности, обязанности городского жителя (iura civilia, iura ferensia, burwerc) выступать противъ врага (exitum facere pro defensione civitatis), имѣть всегда необходимое вооруженіе (а также для болѣе состоятельныхъ—держать лошадей и слугъ—equos et famulos tenere); нести сторожевую службу (vigilia), участвовать въ работахъ по укрѣпленію городского вала и рва (murata et fossata, servitia fodiendi) [4]).

Съ другой стороны, городъ возникаетъ только тамъ, гдѣ въ связи съ огороженнымъ мѣстомъ находится рынокъ, market, mercatus (mercari—покупать и продавать). Рынокъ находится внѣ крѣпостной стѣны, на порубежной чертѣ, тамъ стоятъ и межевые кресты; въ городъ иноплеменники не рѣшаются первоначально входить [5]). Теорія происхожденія городовъ (Зома), придающая первостепенное значеніе рынку, рыночной организаціи и миру на рынкѣ (Marktfrieden, изъ котораго возникаетъ Stadtfrieden), вполнѣ правильно исходитъ изъ этого основного въ исторіи образованія городовъ момента.

Временныя переселенія сельскихъ жителей въ городище постепенно превращались въ постоянное жительство въ немъ—ихъ привлекала сюда и

---

[1]) Burg равнозначуще городу, какъ это видно не только изъ окончаній многихъ старѣйшихъ городовъ—Регенсбургъ, Зальцбургъ, Вюрцбургъ, Страсбургъ и т. д., но также изъ присоединенія этого слова къ названіямъ иноземныхъ городовъ (напр. Constantinispurc, т. е. Константинополь, Rumuburg; т. е. Римъ, Colnaburch, т. е. Кельнъ и др.).

[2]) Или castra, отчего въ Англіи окончанія городовъ на ceaster (castrum, urbs-burg равнозначущи).

[3]) Уже въ источникахъ XI ст. проводится различіе между укрѣпленными мѣстами (urbs, castellum, civitas) и неукрѣпленными (villa, vicus). Keutgen. Stadtverfass. p. 46. „Городъ есть ничто иное, какъ село, окруженное стѣной" (Maurer. Gesch. der Städteverf. I. 31).

[4]) См. мое Комунальное обложеніе, стр. 56 и сл.

[5]) Ср. выше, стр. 62 и сл.

безопасность, ибо незащищенныя селенія подвергались постояннымъ опустошеніямъ, и наличность рынка, гдѣ можно было сбывать излишки своего хозяйства. Первоначально поселившіеся въ городѣ сельскіе жители занялись расчисткой участковъ, хлѣбопашествомъ и разведеніемъ садовъ и огородовъ, совмѣстно регулируя общинное пользованіе лѣсомъ, выгонами, водами. О Майнцѣ одинъ арабскій путешественникъ говоритъ, что онъ частью заселенъ, а частью засѣянъ. Но сельское хозяйство сохраняется въ городахъ и впослѣдствіи [1]); не только извѣстное число головъ скота каждый могъ держать безплатно на городскомъ выгонѣ, но и въ предѣлахъ города имѣлись въ XIII—XV ст. пахотныя поля, напр. въ Парижѣ, Нанси, Кембриджѣ, Вюрцбургѣ. „Городская жизнь поздняго средневѣковья еще вращалась въ деревенской атмосферѣ“. Иногда сельское хозяйство составляло даже важнѣйшую отрасль занятій, напр. виноградарство въ Иберлингенѣ. Однако, по общему правилу, главное значеніе въ качествѣ источника пропитанія пріобрѣтаютъ промыслы. Устанавливается спеціализація: выдвигается занятіе немногими опредѣленными, въ зависимости отъ естественныхъ условій мѣстности, промыслами, произведенія коихъ можно было сбывать являвшимся на рынокъ жителямъ, иноземнымъ купцамъ, съ одной стороны, окрестнымъ крестьянамъ, съ другой стороны.

Городскіе жители, такимъ образомъ, уже не образуютъ цѣльной въ хозяйственномъ смыслѣ общины, а лишь частичную общину, изготовляющую лишь опредѣленные продукты и зависимую въ отношеніи другихъ продуктовъ отъ лицъ, являющихся на рынокъ. Но и въ этомъ смыслѣ городская община не представляется чѣмъ-либо цѣльнымъ: мы имѣемъ передъ собой не только общину сельскую и городскую, на которыя распалась первоначально единая община, но и въ предѣлахъ города цѣлый рядъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ общинъ, составляющихъ особыя, но въ экономическомъ отношеніи, въ силу ихъ дальнѣйшей спеціализаціи, зависимыя другъ отъ друга общины. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣются прямыя указанія на то, что городъ образовался изъ двухъ различныхъ сельскихъ общинъ; но къ нимъ обыкновенно присоединялись еще и другія общины — общины тѣхъ странствующихъ ремесленниковъ, которые изъ другихъ мѣстностей приходили на рынокъ и осѣдали въ городѣ; или-же ихъ приглашали для увеличенія населенія города и для полученія новыхъ доходовъ короли и епископы — основатели города. Такъ образуются въ городѣ особыя общины кузнецовъ, гончаровъ, каменщиковъ и т. п., причемъ каждая изъ нихъ обыкновенно немногочисленна. Наконецъ, различныя группы купцовъ, появляющіяся на рынкѣ, пріобрѣтаютъ осѣдлость въ городѣ, устраиваютъ свои постоянныя факторіи, также нерѣдко по приглашенію. Всѣ эти отдѣльныя группы образуютъ городъ, городское населеніе—mercatores, negotiatores, emptores, Kaufleute; подъ этимъ названіемъ разумѣются городскіе жители вообще, которые покупаютъ на городскомъ рынкѣ (а не продаютъ: купецъ и Kaufmann—покупающій). Рынокъ теперь уже переносится внутрь укрѣпленія, ибо на немъ уже обмѣниваются жители, живущіе внутри стѣнъ; для нихъ прежде всего служитъ рынокъ, но и окрестные крестьяне уже болѣе не опасаются входить въ городъ. Поэтому впослѣдствіи межевые (рыночные) кресты оказываются далеко отъ рынка.

Такимъ образомъ, съ внѣшней стороны городъ представляется уже чѣмъ-

---

[1]) См. Bücher. Bevölkerung von Frankfurt a. M. im XIV—XV. Jahrh. p. 261—63. Below. Ursprung der deut. Stadtverfassung. p. Adler. Fleischteuerungspolitik der deutschen Städte. p. 5 и сл. Maunier. L'origine et la fonction économique des villes. p. 73 и сл. и 157 и сл. Gomme. Village Community. p. 273. Green. Town life in the XV cent. Bourgin. Commune de Soissons. 1908.

то цѣльнымъ, отдѣлившимся отъ всей окружающей мѣстности. Дѣйствительно, онъ выдѣлился изъ нея, выдѣлился и по типу своей организаціи, которую онъ развилъ гораздо болѣе; выдѣлился и въ томъ смыслѣ, что по общему правилу за стѣнами горожане могли быть спокойны отъ нападенія; тогда какъ внѣ стѣнъ происходили постоянные разбои, какъ теперь въ Африкѣ, а когда ворота не были заперты, то грабители и впослѣдствіи врывались внутрь [1]); выдѣлился и въ томъ, наконецъ, отношеніи, что въ случаѣ нападенія, всѣ граждане города отстаивали его совмѣстно. Но во всемъ другомъ цѣльности попрежнему не было и городъ еще долго распадался на всю ту массу отдѣльныхъ группъ, частичныхъ общинъ, которыя поселились въ немъ. Каждая изъ нихъ имѣла свою спеціальность, хотя, конечно, вполнѣ обособиться послѣднія еще долго не могли — отсюда впослѣдствіи безпрестанныя столкновенія между цехами изъ-за отмежеваннаго каждому поля дѣятельности; каждая представляла собою какъ-бы самостоятельную общину. Живя внутри одной и той же городской стѣны, они жили, однако, каждая особой жизнью. Каждая изъ нихъ селилась въ особой части города, на особой улицѣ и продолжала тамъ жить, отдѣленная отъ другихъ воротами, которыя запирались на ночь и охранялись ночной стражей [2]). Отсюда и впослѣдствіи эти особыя улицы, которыя носили названія по сословію или профессіи жившихъ тамъ группъ [3]). Представляя собою цѣльныя общины, эти профессіональныя группы составляли единство во всѣхъ отношеніяхъ — заботились о вдовахъ и сиротахъ оставшихся членовъ, имѣли своего патрона въ церкви, отправляли совмѣстно богослуженіе, составляли особый отрядъ, совмѣстно устраивали развлеченія и т. д.

Города возникли на землѣ, принадлежавшей феодалу, и поэтому городскіе жители первоначально не имѣли свободнаго самоуправленія, а управленіе находилось въ рукахъ епископа, графа или лица, которому оно поручалось; нерѣдко это было то же лицо, которое завѣдывало рынкомъ. Вслѣдствіе этого, города обязаны были уплачивать извѣстныя подати и отбывать повинности публичнаго характера въ пользу сеньора (Burgherr, Stadtherr), но личная свобода въ городѣ господствовала съ самаго начала; Stadtluft macht frei, это основной принципъ городского строя [4]). Лишь постепенно, послѣ продолжительной, нерѣдко кровопролитной борьбы съ феодаломъ или королемъ, городъ добился независимости, добился, за уплату болѣе или менѣе значительной суммы, хартіи, на основаніи которой онъ освобождался отъ произвола и вмѣшательства властей, пріобрѣталъ самостоятельность въ области внутренняго управленія и суда (которыя являлись доходными статьями), монеты, податей, торговыхъ сборовъ и баналитетовъ (отъ помола, пива, вина). Нерѣдко онъ пріобрѣталъ права и привилегіи по частямъ. У королей, духовныхъ и свѣтскихъ князей—говоритъ Гуго Прейссъ,—„города скупали все, что появлялось на рынкѣ въ видѣ регалій, верховныхъ правъ и привилегій всякаго рода; а такихъ объектовъ купли-продажи, имѣя въ виду хроническую нужду государей въ день-

---

[1]) См. Kriegk. Bürgerzwiste.

[2]) Борьба между отдѣльными кварталами города въ Кельнѣ, во Флоренціи; самостоятельное финансовое управленіе въ каждой изъ пяти частей Брауншвейга (Ср. Maunier. p. 122 и сл. Maurer. I. 65. Mack. Braunschweigs Finanzverwalt). Лондонъ въ XII ст. представлялъ собою — какъ указываетъ Стеббсъ — соединеніе ряда вотчинъ, приходовъ, общинъ и т. д., жившихъ самостоятельной жизнью.

[3]) Strata clericorum или Pfaffengasse, Rittergasse, Herrengasse, rue des nobles: названія улицъ по вотчинамъ, принадлежащимъ переселившейся въ городъ аристократіи, или по отдѣльнымъ ремесленнымъ цехамъ (улицы ткачей, кожевниковъ, кузнечныя, столярныя) или по національности купцовъ (фламандскія, тевтонскія, флорентинскія). См. Maurer. Städteverfassung. II. 21 и сл. Sombart. Kapitalismus. I. p. 123.

[4]) См. выше, стр. 38.

гахъ, появлялось весьма много". Различныя верховныя права переходили отъ владѣтельнаго князя къ отдѣльнымъ семьямъ патриціевъ, проживавшимъ въ городѣ, и отъ нихъ уже городъ пріобрѣталъ эти права; или же они закладывались королемъ или княземъ съ правомъ обратнаго выкупа, но городъ могъ быть спокоенъ, зная, что заложившій никогда не въ состояніи будетъ произвести выкупъ [1]).

Во главѣ города стоялъ теперь городской магистратъ (credenza въ Италіи, jurés во Франціи, scabini или échevins во Фландріи, Rat въ Германіи, common council въ Англіи—символъ городской автономіи; во главѣ его — мэръ (major, mair) или бургомистръ, иногда нѣсколько бургомистровъ или выборныхъ консуловъ (коллегія консуловъ). Ранѣе всего такой независимости достигли итальянскіе и южно-французскіе города — уже во второй половинѣ XI и въ началѣ XII ст.; затѣмъ въ теченіе XII вѣка и сѣверо-французскіе и англійскіе города (фламандскіе уже въ началѣ XII ст., Лондонъ въ концѣ XII ст.), въ XII—XIV ст. германскіе. Но и городской магистратъ еще долго не объединялъ города, не являлся представителемъ всѣхъ его частей, а избирался изъ однихъ высшихъ слоевъ горожанъ, соединявшихся въ итальянскихъ городахъ въ такъ наз. старшіе цехи (arti maggiori); въ сѣверо-французскихъ и нѣмецкихъ городахъ городской совѣтъ былъ также обыкновенно аристократическимъ органомъ—купцамъ и банкирамъ было обезпечено большинство; существовали патриціанскіе роды—ratsfähige Geschlechter, въ рукахъ которыхъ находилась власть. Нужна была дальнѣйшая борьба между аристократіей (gran borghesi, Geschlechter, divites, maiores), вынесшей на своихъ плечахъ борьбу съ сеньорами, и ремесленниками (minuto popolo), требовавшими участія въ городскомъ управленіи, прежде чѣмъ и послѣднимъ удалось проникнуть въ городской совѣтъ и къ городскимъ должностямъ. Частью мирнымъ путемъ цехи добивались участія въ выборѣ мэра и эшевеновъ, получали особую скамью въ городскомъ магистратѣ; частью они достигали своего права насильственными средствами, какъ напр., въ Болоньи и Миланѣ, въ Ипрѣ, Брюггѣ и Гентѣ; причемъ нерѣдко завоеванное насильственнымъ путемъ право у нихъ снова отнималось. Такими раздорами внутри коммуны пользовались часто сеньоры и отнимали у нихъ прежнія вольности, какъ это было въ различныхъ французскихъ и сѣверо-итальянскихъ городахъ. Тамъ, гдѣ ремесленные цехи одержали побѣду, учреждались спеціальныя должностныя лица отъ нихъ, рядомъ со старыми — prud' hommes du commun, capitano del popolo, ремесленники образовывали особую общину — credenza, commune, Gemeinde, которая противополагалась патриціямъ и которая образовывала особый совѣтъ (innerer Rat). Или же цехи получали право присылать своихъ представителей въ существующій магистратъ, участвовать въ выборахъ мэра; рядомъ съ прежнимъ совѣтомъ возникалъ новый—grosser, äusserer Rat, который составлялся путемъ выборовъ отъ различныхъ организацій.

Наиболѣе старая теорія (Гизо, Ренуаръ, Тьери, Савиньи) усматривала въ западно-европейскихъ городахъ непосредственное продолженіе городовъ, основанныхъ римлянами. Однако, уже Гюльманъ, Арнольдъ и Гирке (Лео и Гегель спеціально въ отношеніи Италіи, впослѣдствіи Флакъ для Франціи) выяснили ея несостоятельность, установивъ, что даже въ наиболѣе раннихъ итальянскихъ, испанскихъ и французскихъ городахъ ничего, кромѣ чисто внѣшней связи съ римскими муниципіями, провести невозможно; римскія муниципальныя учрежденія переродились совершенно; въ Германіи же и самыя римскія поселенія совершенно исчезли и остались одни лишь выстроенныя римлянами крѣпостныя стѣны и названія укрѣпленій. Гораздо дольше держалась выставленная Вильда и затѣмъ развитая Гирке и въ особенности Ницшемъ теорія происхожденія городовъ изъ городскихъ гильдій, охватывавшихъ первоначально все городское населеніе. Исходной точкой здѣсь является гипотеза о существованіи гильдіи для защиты интересовъ своихъ членовъ, которая образова-

---

[1]) Preuss. Entwickl. des deut. Städtewesens. I. p. 43. См. мое Коммунальное обложеніе, стр. 7—13.

ское право, городской миръ (Stadtfrieden) возникло изъ того рыночнаго права, лась изъ марки и въ свою очередь позже превратилась въ городскую общину. Изъ этой цѣльной гильдіи затѣмъ постепенно выдѣлялись отдѣльныя гильдіи, обнимавшія ту или другую часть населенія—купеческія ассоціаціи, ремесленные цехи и т. д. Новѣйшими изслѣдованіями Карла Гегеля, Гросса, Белова эта теорія опровергнута: такой цѣльной гильдіи, первообраза различныхъ городскихъ корпорацій, нигдѣ не найдено. Въ настоящее время въ сущности остались только двѣ теоріи: одна—теорія возникновенія городской общины изъ сельской, высказанная еще Мауреромъ, подробно развитая Беловымъ. къ которому присоединяются въ значительной мѣрѣ также Кейтгенъ и Гегель; другая—теорія происхожденія города изъ рынка и городского строя изъ рыночной организаціи, сторонниками которой являются въ особенности Готейнъ, Шульте, Шредеръ, Зомъ, Гювеленъ. На первый взглядъ ученіе о происхожденіи городского строя изъ сельскихъ общинъ представляется весьма правдоподобнымъ, ибо, дѣйствительно, мы имѣемъ дѣло съ тѣми же сельскими жителями, которые, перейдя въ городъ, не только могли, но и должны были перенести туда свои обычаи и, образуя новую организацію, построить ее по типу той, къ которой они раньше принадлежали; и если впослѣдствіи городской строй оказывается значительно болѣе сложнымъ, чѣмъ организація марки, то все же первоначальный исходный пунктъ, основа, могла быть заимствована оттуда, а впослѣдствіи уже дальше развита. И тотъ фактъ, что городъ образуется изъ нѣсколькихъ разнородныхъ общинъ, на первый взглядъ не противорѣчитъ этой теоріи; ибо при однообразіи въ организаціи сельскихъ общинъ этой эпохи и даже отколовшихся отъ нихъ ремесленныхъ группъ, не выработавшихъ еще первоначально организаціи отличной отъ земледѣльческой общины, или во всякомъ случаѣ мало развившихъ ее, строй сельской общины могъ явиться той организаціей, которая объединяла въ городѣ всѣ разнообразныя поселившіяся въ ней общины. Сомнѣніе вызываетъ, однако, уже то обстоятельство, что сельскія общины въ эпоху образованія городовъ—не ранѣе X—XI ст.—были уже крѣпостныя и ихъ организація и управленіе являлись въ значительной мѣрѣ результатомъ дѣйствій сеньора, а не самихъ крестьянъ. Съ другой стороны, городъ съ самаго начала представляетъ собою поселеніе лично свободныхъ гражданъ, и даже крѣпостные, уходившіе туда, по истеченіи года, пріобрѣтали свободу. Между тѣмъ, вся организація сельской общины была разсчитана на крѣпостное, а не на свободное населеніе и поэтому едва ли могла быть примѣнена при образованіи городовъ. Еще болѣе существеннымъ является другой фактъ, вытекающій изъ указаннаго нами общаго характера городской общины, какъ внѣшняго соединенія нѣсколькихъ разнообразныхъ, чуждыхъ другъ другу группъ. Это послѣднее обстоятельство гораздо болѣе, чѣмъ отличіе между крѣпостнымъ и свободнымъ населеніемъ, рѣзко отдѣляло городъ отъ сельской общины. Основой здѣсь по необходимости должна была явиться не единоплеменная, а междуплеменная организація, и именно институты послѣдняго рода успѣли уже раньше выработаться на рынкѣ. Рынокъ есть не только основной элементъ, безъ котораго городъ возникнуть не можетъ, не только характерный признакъ эпохи городского замкнутаго хозяйства, гдѣ всѣ сношенія какъ между городомъ и деревней, такъ и между отдѣльными группами городскихъ жителей совершаются на рынкѣ, не только условіе развитія промысловъ и торговли въ городахъ, причина превращенія городовъ въ центры ремесла и торговли. Рынокъ составляетъ нѣчто большее — это тотъ первообразъ, который далъ свой обликъ городскому строю. Рыночное право (или купеческое право — ибо оно было предоставлено всѣмъ торговцамъ въ широкомъ смыслѣ, т. е. всѣмъ лицамъ, посѣщавшимъ рынокъ) превратилось постепенно въ обще-городское право. Рыночный судъ, тотъ судъ, который—какъ мы видѣли выше—производился епископомъ или его ставленникомъ (графомъ) во время рынка между посѣтителями рынка (общины, имѣющія рынокъ, подлежатъ всегда особому суду), сталъ, съ превращеніемъ рыночнаго мѣста въ постоянный, непрерывный рынокъ, т. е. въ городъ, городскимъ судомъ для рѣшенія тяжбъ между членами различныхъ городскихъ корпорацій; каждая изъ нихъ имѣла кромѣ того свой собственный судъ для рѣшенія споровъ между членами той же корпораціи, который по своему характеру являлся однороднымъ съ судомъ сельской общины, поскольку послѣдній не принадлежалъ феодалу. Все город-

того мира, который обезпеченъ всякому на рынкѣ и по дорогѣ на рынокъ. Наконецъ, надзоръ за мѣрами и вѣсами, вѣдѣнію котораго Беловъ придаетъ первостепенное значеніе, опять-таки заимствованъ городомъ изъ рынка. Правда уже Карлъ Великій обратилъ вниманіе на мѣры и вѣсы, слѣдовательно, они регулировались уже въ эпоху, предшествующую возникновенію городовъ; но нѣтъ сомнѣнія, что рѣчь шла лишь объ установленіи правильныхъ мѣръ и вѣсовъ на рынкахъ. Здѣсь это было существенно, въ виду многочисленности совершаемыхъ сдѣлокъ и вслѣдствіе возможности столкновеній, здѣсь вообще впервые появляется постоянное пользованіе ими, хотя и здѣсь еще долгое время они были крайне несовершенны; въ другихъ же случаяхъ обходились совсѣмъ безъ мѣръ и вѣсовъ.

ГЛАВА II.

Городское населеніе.

Въ хозяйственномъ отношеніи города прежде всего, въ противоположность селамъ, представляютъ собою скопленіе населенія. Количество городовъ было довольно велико, по крайней мѣрѣ, если имѣть въ виду города въ юридическомъ смыслѣ, т.-е. всѣ мѣстности съ городскимъ управленіемъ. Въ Германіи въ XIII вѣкѣ было основано около 400 городовъ, въ XIV в. снова около 300, въ XV ст. не болѣе 100. Бюхеръ опредѣляетъ ихъ число въ концѣ средневѣковья въ 3000, причемъ городъ приходится на каждыя 2—2½ кв. мили въ юго-западной Германіи, на 3—4 въ средней и сѣверо-западной и на 5—8 въ восточной. Онъ составлялъ центръ для данной мѣстности и вмѣстѣ съ окружавшими его селами образовывалъ особую цѣльную въ хозяйственномъ отношеніи единицу, подобно помѣстью въ раннее средневѣковье. При столь значительномъ количествѣ городовъ и болѣе или менѣе равномѣрномъ распредѣленіи ихъ въ странѣ это было вполнѣ мыслимо; каждая мѣстность имѣла свой городъ, вокругъ котораго она группировалась, и крестьянинъ могъ въ теченіе дня достигнуть городского рынка и къ вечеру вернуться обратно.

Было бы, однако, ошибочно думать—какъ это предполагали прежде (Арнольдъ, Гирке, Паули и др.),—что въ средніе вѣка существовали большіе города съ населеніемъ въ 50—100 и болѣе тысячъ жителей. Даже наиболѣе крупные торговые центры имѣли 8—10 тыс. жителей, въ исключительныхъ случаяхъ и болѣе, до 20 тыс., тогда какъ большинство городовъ насчитывало менѣе 5 тысячъ. Тѣмъ не менѣе даже такіе города могли имѣть важное торгово-промышленное значеніе въ тѣ времена, когда рѣчь шла не о производствѣ для вывоза, требующемъ большого количества рабочихъ рукъ, а объ изготовленіи продуктовъ для мѣстнаго населенія. И если многіе города по своему характеру мало чѣмъ отличались отъ окружныхъ селъ, оставшись попрежнему сельскохозяйственными поселеніями [1]), то другіе не только имѣли развитое, основанное на широкой спеціализаціи, ремесло [2]),

[1]) Въ г. Алленсбахѣ, напр., упоминается о существованіи одного лишь купца, да и тотъ торгуетъ сельскохозяйственными продуктами—виномъ и лошадьми.

[2]) Во Франкфуртѣ на Майнѣ находимъ, напр., въ обрабатывающей промышленности въ 1387 г. около ста, а въ 1440 г. свыше ста различныхъ спеціальностей

не только принимали дѣятельное участіе въ международной торговлѣ, какъ напр. Гамбургъ, который имѣлъ не болѣе 6—7 тыс. жителей, но могли и при наличности весьма незначительнаго населенія играть видную политическую роль. Иберлингенъ у Боденскаго озера принималъ участіе съ 1325 по 1495 г. въ 16 союзахъ городовъ и его городской совѣтъ — der grosse Rat—состоялъ въ половинѣ XV ст. изъ 95 членовъ, населеніе же не превышало 5 тысячъ.

Въ настоящее время мы располагаемъ болѣе или менѣе достовѣрными данными относительно численности населенія различныхъ средневѣковыхъ городовъ. Частью найдены результаты произведенныхъ въ тѣ времена переписей городовъ (Нюрнбергъ, Страсбургъ, Фрейбургъ) или отдѣльныхъ кварталовъ города (напр., Ипръ); частью имѣются данныя относительно податей, распространявшихся на все населеніе (Дрезденъ, Цюрихъ, Данцигъ) или иныя записи, составленныя преимущественно въ податныхъ цѣляхъ, охватывающія по крайней мѣрѣ часть населенія полностью (Франкфуртъ, Базель, Ростокъ), изъ которыхъ можно посредствомъ соотвѣтствующихъ вычисленій получить приблизительную цифру городского населенія. Конечно, и въ этихъ случаяхъ приходится исходить изъ предположеній недостаточно провѣренныхъ, въ особ. при опредѣленіи численности населенія на основаніи количества домохозяйствъ (слѣдуетъ ли считать на хозяйство 4 чел. или 5 или $3-3^1/_2$?) или на основаніи данныхъ объ одномъ лишь взросломъ населеніи (Базель, Любекъ). Но все же ошибка здѣсь получается значительно меньшая, чѣмъ прежде, когда вычисленія производились на основаніи столь произвольныхъ данныхъ, какъ, напр., количество очаговъ, численность войска, выставленнаго городомъ и т. п.

На основаніи этихъ вычисленій оказывается, что около 20 тыс. населенія насчитывалось въ Нюрнбергѣ (въ 1440 г. 20, 165), Страсбургѣ (въ 1473—1477 гг. 20.722, а не 90 тыс.), Ульмѣ (въ 1427 и 1489 г.г.), Любекѣ (въ XV ст. 20—25 тыс. въ XIV ст. меньше, а не 70—80 тыс., какъ утверждалъ Паули), Аугсбургѣ (въ 1475 г. 18 тыс.). Около 10 тыс. находимъ во Франкфуртѣ на Майнѣ (въ XIV—XV ст. 7—10 тыс.), Ростокѣ (10—13 тыс.), Цюрихѣ (10—12 тыс.), Ипрѣ (9—10 тыс.), Реймсѣ ($10^1/_2$ тыс.), Базелѣ (7—12 тыс., а не 40—50 тыс.), Трирѣ (8—9 тыс.). Всего 5 тыс. насчитывалось во Фрейбергѣ (Саксонія), Равенсбургѣ, Гейдельбергѣ, Фрейбургѣ (Швейцарія), Майнцѣ (а не 90 тыс.); въ Нердлингенѣ 5—6 тыс., въ Дрезденѣ $2^1/_2$—4 тыс., въ Мейссенѣ, Буцбахѣ и т. д.—даже всего 2 тыс. Точно также и въ отношеніи англійскихъ городовъ въ XIV ст. (1377 г. на основаніи polltax, нѣчто вродѣ подушной подати со всѣхъ лицъ старше 14 лѣтъ) установлено, что огромное большинство городовъ имѣло менѣе 5 тыс. жителей, лишь нѣкоторые 5—10 тыс. (Іоркъ—11 тысячъ, Бристоль—$9^1/_2$, Плимутъ и Ковентри—7 тыс., Норвичъ—6 тыс. Линкольнъ, Салисбери, Линъ, Кольчестеръ—5 тыс.) и только въ Лондонѣ численность населенія достигала 35 тыс.

Мало того, въ теченіе XIV—XV ст. во многихъ (крупныхъ) городахъ не только не наблюдается роста населенія, а наоборотъ, происходило сокращеніе его, какъ, напр., во Франкфуртѣ (въ 1387 г. около 10 тыс., въ 1406 г. 7 тыс.); въ Базелѣ (старше 14 лѣтъ въ 1446 г. 7200 чел., въ 1454 г. всего $5^1/_2$ тыс.); въ Цюрихѣ (въ 1350 г. 12375 жителей, въ 1410 г. 10570 жит., въ 1467 г. 4713 чел.); въ Ипрѣ (въ 1412 г. 10736 чел., въ 1491 г. 7626).

А между тѣмъ наплывъ населенія изъ деревень въ города, гдѣ господствовала личная свобода, да и благосостояніе было выше, а въ XV ст. переселенія изъ мелкихъ городовъ въ крупные, были весьма значительны [1]); такъ

(Bücher. Bevölker. v. Frankf., p. 141 и сл., 256 и сл.); не меньше было число ихъ въ такихъ городахъ, какъ, напр., Любекъ, Кельнъ, Нюрнбергъ, Парижъ, Базель, Флоренція.

[1]) Во Франкфуртѣ съ 1730 г. по 1500 г. 6252 новыхъ гражданъ (Bücher. Bevölker. p. 363), въ Временѣ съ 1289 г. по 1519 г. ок. 13 тыс., въ Ипрѣ за 16 лѣтъ во второй пол. XIV ст. 1800, въ Любекѣ за 35 лѣтъ 1317—1355 гг. 6251 (Reisner. p. 70), въ

что населеніе, благодаря одному внѣшнему притоку, должно было бы увеличиться въ 2—3 и болѣе разъ. Въ то же время и рождаемость была повидимому (данныхъ пока собрано немного) очень велика; по словамъ лѣтописца XV ст. Конрада Столле, въ семьѣ рождалось обыкновенно 8, 9, 10 дѣтей; въ родѣ Рорбахъ во Франкфуртѣ—по Бюхеру—9 рожденій на семью.

Причина низкой численности населенія, несмотря на сильный наплывъ извнѣ и высокій коэффиціентъ рождаемости, выясняется, однако, изъ факта наличности незначительнаго количества дѣтей, если взять процентное отношеніе ихъ ко всему населенію. Именно въ средневѣковыхъ городахъ на семью приходится 1—2 дѣтей (Франкфуртъ, Базель, Кельнъ, Ростокъ; Нюрнбергъ 1,64, Фрейбургъ 1,74; Ипръ 2),—результатъ сильной смертности дѣтей. Искусственное сокращеніе ихъ числа посредствомъ дѣтоубійства практиковалось преимущественно въ раннее средневѣковье—у германцевъ, кельтовъ и англо-саксовъ въ равной мѣрѣ [1]). Впослѣдствіи же это дѣлалось лишь въ періоды голодовъ, когда господствовалъ даже канибализмъ [2]), хотя и въ позднѣйшую эпоху родители не подвергались наказанію за убійство собственныхъ дѣтей. Но естественная смертность дѣтей, которая была повидимому высока даже въ состоятельныхъ семьяхъ [3]), а тѣмъ болѣе должна была быть сильна среди бѣдноты, приводила къ тѣмъ же послѣдствіямъ. Недостаточное развитіе врачебнаго искусства (вскрытіе труповъ въ теченіе всего средневѣковья запрещалось церковью) и отсутствіе врачебной помощи во время родовъ вызывало гибель массы дѣтей уже при самомъ рожденіи. Другіе умирали во время или послѣ крещенія, которое происходило въ церкви въ первые два-три дня; наконецъ, антисанитарное состояніе городовъ [4]), содѣйствуя распространенію эпидемическихъ болѣзней [5]), конечно, прежде всего отражалось на дѣтской смертности.

Низкая производительность почвы не позволяла въ средніе вѣка населенію возрастать свыше извѣстныхъ предѣловъ, и происходившіе отъ времени до времени голода и чумныя эпидеміи каждый разъ снова приводили

Гамбургѣ среднее число принятыхъ въ число гражданъ составляло въ 1461—1496 г.г. 72 человѣка въ годъ (Koppmann. Kämmereirechnungen B. III. p. XXXVII) въ Ростокѣ въ 1570—86 г.г. въ среднемъ ежегодно 93 (Paasche. p. 309).

1) Ср. Sutherland. Moral instinct.

2) См. выше, стр. 67.

3) Въ семьѣ Рорбахъ во Франкфуртѣ, помимо мертворожденныхъ, родилось за два вѣка 65 дѣтей, изъ коихъ всего 18 пережили отца, 12 вступили въ бракъ всего 35 проц. достигли совершеннолѣтія. См. Бюхеръ. Возникн. нар. хоз., а также v. d. Ropp. Kaufmannsleben zur Zeit der Hanse. 1908.

4) Свиньи гуляли „передъ всей публикой“ по улицамъ; даже когда это запрещалось, все-же въ опредѣленные часы дня онѣ могли свободно ходить по городу; передъ домами были выстроены хлѣва для нихъ, которые загораживали улицу; дохлыя собаки, кошки лежали повсюду; нечистоты выбрасывались въ рѣки или-же на улицу и лежали передъ домами и на площадяхъ. Король Филиппъ-Августъ, привыкшій къ запаху своей столицы, въ 1185 г. упалъ въ обморокъ, когда онъ стоялъ у окна дворца и проѣзжавшія мимо него телѣги взрывали уличныя нечистоты; самое латинское названіе Парижа Lutetia производили отъ lutum, переводя—городъ грязи: А императоръ Фридрихъ едва не погрязъ въ нечистотахъ вмѣстѣ съ лошадью, проѣзжая въ 1485 г. по улицамъ Рейтлингена. (Alw. Schulz. Häusl. Leben, p. 69 и сл. Maurer. Gesch. der Städteverfass. III. p. 38 и сл.).

5) Въ Парижѣ, Авиньонѣ и т. д., какъ указываютъ лѣтописцы, эпидемія Черной смерти 1348 г. усилилась, вслѣдствіе нечистотъ, которыми наполнены были улицы (Haeser. Geschichte der Medicin. III. p. 142).

вышедшее за эти предѣлы населеніе къ уровню средствъ существованія. По Бюхеру, съ 1326 г. по 1400 г. насчитывается въ Германіи 32 года эпидемій, съ 1400—1500 г.—около 40; по Инама, послѣ Черной смерти 1348—50 г.г., въ XIV ст. было 14 лѣтъ чумы, изъ коихъ половина случаевъ распространяется на всю Германію въ широкомъ смыслѣ. Въ частности и города, повидимому, не могли прокормить болѣе 5—10 тысячъ населенія, а семья болѣе двухъ дѣтей. Для многихъ городовъ даже такая цифра была слишкомъ велика; они отдавали свое населеніе другимъ, болѣе счастливымъ городамъ, гдѣ этимъ путемъ пополнялись произведенныя эпидеміями опустошенія. Послѣднія были чрезвычайно велики; иногда въ теченіе нѣсколькихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ умирала десятая, шестая, даже четвертая часть населенія; это происходило даже въ годы, когда не было всеобщей эпидеміи.

Техника производства была довольно примитивна; къ новымъ изобрѣтеніямъ, какъ къ „новшествамъ", ремесленные цехи проявляли крайне враждебное отношеніе, рѣшительно запрещая всякое отступленіе отъ разъ установленныхъ правилъ. Способъ производства, качество продукта, ширина и длина его, матеріалъ—все это точно опредѣлялось цеховыми уставами; въ частности цехи боролись противъ всякой замѣны ручного труда аппаратами. Запрещено было въ XIII и XIV ст. пользованіе самопрялкой и употребленіе ея совершенно заглохло, такъ что впослѣдствіи ее приписывали одному изобрѣтателю XVI ст. Валяльная мельница, изобрѣтенная не позже XI ст., подвергалась запрещенію еще въ XV в. въ Англіи, Фландріи, Парижѣ: утверждали, что при употребленіи ея получается сукно худшаго качества, чѣмъ при валяньи ногами (Walker—валяльщикъ, значитъ ходящій); но при этомъ указывали также, что она замѣняетъ трудъ 24 человѣкъ, слѣдовательно, можетъ повести къ безработицѣ [1]). Въ тѣхъ же рѣдкихъ случаяхъ, когда тотъ или другой цехъ вводилъ у себя болѣе усовершенствованные пріемы, онъ хранилъ ихъ въ строгой тайнѣ отъ цеховъ другихъ городовъ. Тайну составляло, напр., производство стекла въ Венеціи, шелка—въ Болоньи, Луккѣ и др. итальянскихъ городахъ, песочныхъ часовъ и различныхъ металлическихъ предметовъ въ Нюрнбергѣ, оружія и ножевого товара въ Золингенѣ и т. п. Подъ угрозой смертной казни запрещалось разглашеніе секрета, вывозъ инструментовъ или переселеніе мастеровъ въ другіе города; члены этихъ цеховъ должны были давать клятву въ выполненіи этихъ предписаній.

А съ другой стороны, существованіе большого количества непроизводительнаго населенія въ городахъ налагало на производительные элементы тяжелое бремя. Въ настоящее время въ Европѣ женскій полъ лишь немногимъ превышаетъ мужской; въ средневѣковыхъ же городахъ, гдѣ женщины по общему правилу въ цехи не допускались и могли лишь заниматься домашними работами, да помогать мужу, онѣ значительно превышали мужское населеніе. На 1.000 мужчинъ приходилось обыкновенно около 1.200 женщинъ, какъ, напр., во Фрейбургѣ, Нюрнбергѣ, Ипрѣ, иногда даже болѣе: въ Базелѣ—1.246, въ Ростокѣ—1.295, только во Франкфуртѣ всего 1.100—

[1]) См. мою статью въ Jahrbuch für Gesetzgebung etc. 1906.

1.140. Это превышеніе женскаго населенія надъ мужскимъ приводило къ многочисленности женскихъ пріютовъ и монастырей (бекинъ, бекардъ) съ ихъ весьма невысокой нравственностью, въ виду вынужденнаго отреченія отъ міра [1]). Далѣе находимъ большое количество людей со всевозможными тѣлесными недостатками, дѣлавшими ихъ неспособными къ труду. Сюда относятся прокаженные, для которыхъ въ каждомъ, даже небольшомъ, городѣ имѣлись спеціальныя заведенія (lazaretti, Siechenhäuser, léproseries); во Франціи въ XIII ст. насчитывалось около 2.000 лепрозорій, въ одной діоцезѣ Труа—19 [2]). Далѣе, много имѣлось, повидимому, слѣпыхъ—во Франкфуртѣ въ XIV ст. приходилось 20—42 на 10.000 населенія, въ Ипрѣ въ 1431—1501 г.г. 36—39, тогда какъ теперь въ Германіи всего 7. Весьма велико было число безрукихъ и безногихъ калѣкъ, жившихъ выпрашиваніемъ подаянія—подъ вліяніемъ вѣчныхъ войнъ и кровопролитныхъ столкновеній, неумѣнія врачей и еще болѣе отсутствія ихъ, а также вслѣдствіе многочисленныхъ членовредительныхъ наказаній. Наконецъ, постоянный расходъ для городовъ составляло содержаніе безумныхъ, „дураковъ" въ особыхъ заведеніяхъ или замкахъ; во франкфуртскихъ документахъ находимъ не менѣе 30 различныхъ названій для нихъ. Крестовые походы дѣтей, виттова пляска въ прирейнскихъ городахъ, массовыя умопомѣшательства послѣ Черной смерти 1348 г. представляли собою душевныя эпидеміи, охватившія цѣлыя группы населенія на значительномъ пространствѣ. „Настолько овладѣлъ ими страхъ Божій, что знатные и простые, старцы и юноши обнаженные, прикрывшись только ради пристойности, откинувъ смущеніе, парами ходили въ процессіяхъ по улицамъ городовъ, каждый держа въ рукѣ ременный бичъ, и со стономъ и плачемъ жестоко бичевали себя по плечамъ до пролитія крови" [3]).

Если при такихъ условіяхъ приходилось кормить много лишнихъ ртовъ, то и самый продуктъ, весьма незначительный, распредѣлялся очень неравномѣрно; мнѣніе объ отсутствіи имущественнаго неравенства въ средневѣковыхъ городахъ едва ли выдерживаетъ критику [4]).

Небольшая группа населенія сосредоточивала въ своихъ рукахъ почти все имущество, средній же классъ былъ, повидимому, незначителенъ, тогда какъ было огромное количество лицъ съ минимальнымъ имуществомъ и даже бѣдняковъ, ничего рѣшительно не имѣвшихъ. Въ Базелѣ и Фрейбургѣ ничего не имѣла пятая часть всего населенія, въ Ипрѣ на каждыхъ 10 человѣкъ былъ одинъ призрѣваемый, что считалось нормальнымъ и для брабантскихъ городовъ. Это вполнѣ гармонируетъ съ той картиной нищеты и запустѣнія, которую представляли собою средневѣковые города, даже такіе, какъ напр., Франкфуртъ-на-Майнѣ: только центральная часть города, расположенная у рынка, была вполнѣ заселена и производила благопріятное

---

[1]) Ср. Kriegk. Deutsch. Bürgertum im Mittelalter Neue Folge, p. 268 и сл.

[2]) Haeser. Gesch. der Medicin. III, p. 83.

[3]) См. напр. Флоровская. Братства бичующихся въ Италіи въ концѣ XIII и началѣ XIV вѣка. Журн. Мин. Народн. Просв. Сент. 1912 г.

[4]) Этого взгляда еще и теперь придерживается Бюхеръ, который во всемъ остальномъ уже пересталъ идеализировать средневѣковую жизнь.

впечатлѣніе, во всѣхъ же остальныхъ кварталахъ находимъ массу пустыхъ развалившихся домовъ [1]).

Во Фрейбургѣ 2 проц. населенія обладали половиной имущества, средній классъ былъ значительно слабѣе представленъ, чѣмъ въ настоящее время, а 23 проц. всего населенія имущества не имѣли. Въ Гейдельбергѣ на средній классъ приходится менѣе третьей части всего имущества. Въ Базелѣ небольшая группа лицъ, составляющая всего 3—5 проц. населенія, сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ 53—59 проц. имущества, средній классъ, т.-е. населеніе съ имуществомъ отъ 1 до 10 тысячъ гульд., составляетъ всего $5^1/_2$ проц. населенія и и 19 проц. населенія не имѣютъ ничего. Почти такую же безотрадную картину представляетъ собою Франкфуртъ. Точно также въ Галлѣ 52 проц. имущества принадлежало немногимъ лицамъ—4,7 проц. населенія; въ Равенсбургѣ такая кучка лицъ (4,6 проц. населенія) владѣла тремя четвертями имущества (72,7 проц.) и 63 проц. населенія имѣли менѣе 100 гульд. Въ Эсслингенѣ 31 проц. населенія имѣетъ менѣе 10 фунт. имущества или вовсе ничего не имѣетъ. Въ Цюрихѣ въ такомъ положеніи находилась половина населенія. Въ Кельнѣ изъ 1.373 человѣкъ 900—1.000 не въ состояніи были уплатить налога въ 1 гульд. Во Флоренціи въ 1428 г. изъ 10 тыс. чел. почти 3 тыс. въ качествѣ miserabili платили лишь подушную подать [2]).

Предположенія Буомберга и Эйленбурга, что распредѣленіе имуществъ въ средневѣковыхъ городахъ было болѣе неравномѣрное, чѣмъ нынѣ, и даже прямо нездоровое, на что указываетъ и Боте, такимъ образомъ, повидимому, подтверждается,—по крайней мѣрѣ, тѣми данными, которыми мы располагаемъ въ настоящее время.

При этомъ наиболѣе состоятельными являются магистратъ и крупные землевладѣльцы — патриціи, напр. въ Гейдельбергѣ, Базелѣ; во Фрейбургѣ имъ принадлежитъ свыше 40 тысячъ имущества, въ Парижѣ на первомъ планѣ стоятъ итальянскіе купцы (ломбарды) [3]). Слѣдующую по размѣрамъ имущества группу составляютъ мѣстные купцы, духовенство, врачи; за ними идутъ мелкіе торговцы и лишь въ концѣ ремесленники, за которыми слѣдуютъ только поденщики, женщины съ самостоятельнымъ заработкомъ, подмастерьи и т. д. Среди ремесленныхъ цеховъ одни мясники и пекаря отличаются большой состоятельностью, напр., въ Гейдельбергѣ, Базелѣ, Берлинѣ, Страсбургѣ; наоборотъ, ткачи въ Базелѣ, Гейдельбергѣ и др. городахъ стоятъ особенно низко, ниже всѣхъ остальныхъ цеховъ; среди цеховъ, слѣдовательно, также обнаруживается значительное имущественное неравенство. Наконецъ, и въ предѣлахъ одного и того же цеха мы можемъ подмѣтить рѣзкія различія въ степени благосостоянія.

Въ то время, какъ большинство ремесленниковъ въ Парижѣ имѣютъ менѣе 250 фр. дохода, доходъ нѣкоторыхъ ремесленниковъ составляетъ болѣе 1.000 и даже 5.000, а у одного шляпочника и одного суконщика онъ достигаетъ 9 и 19 тыс. фр. Въ Базелѣ изъ 123 портныхъ и кожевниковъ 2 имѣютъ свыше 1.000 гульд. имущества, а 65 менѣе 50 гульд., изъ 97 мясниковъ 10 свыше 1.000 гульд., 18 отъ 300 до 1.000 и 34 менѣе 50. Въ Гейдельбергѣ изъ 91 кузнецовъ 9 обладаютъ значительнымъ доходомъ.

---

1) Bothe. Beiträge zur Entwickl. 117 и сл.

2) Schoenberg. Basels Finanzverh., p. 225—63. 433—35. 459. Buomberger. p. 135—37. Eulenburg. Zeitschr. II. Nuglisch. p. 481. Pirenne. I. p. 2 и сл. Sieveking. Viert. 1909. p. 88. Loesch. Kölner Zunfturkunden I. p. 30. Diehl. Württemb. Jahrbücher. 1900. Keller-Escher. p. 69. 77. Bothe. Entw. p. 144. и сл.

3) Одинъ изъ нихъ имѣетъ 458 тыс. дохода, другой 375 тыс., двое свыше 200 тыс., четверо 160—180 тыс.; только за ними уже идутъ богатые мѣстные купцы.

Въ городахъ, въ противоположность селамъ, находимъ дома на каменномъ фундаментѣ, хотя самое зданіе въ теченіе всего средневѣковья еще строилось изъ дерева; крыша изъ кирпичей распространяется также лишь постепенно. Въ Гамельнѣ, въ Ньюпортѣ, въ Аміенѣ и даже во Флоренціи встрѣчаются соломенныя крыши; въ Геттингенѣ магистратъ выдавалъ тому, кто замѣнялъ солому кирпичами, четвертую часть расходовъ. Половина всѣхъ семействъ проживаетъ въ собственныхъ домахъ, напр., въ Страсбургѣ, Ростокѣ, Дрезденѣ; во многихъ городахъ почти все населеніе имѣетъ свои дома—въ Ипрѣ, напр., изъ 419 домовъ одного квартала всего 59 имѣли болѣе одного хозяйства, во Фрейбургѣ швейцарскомъ на домъ приходится всего 1,23—1,28 хозяйствъ, въ Брегенцѣ, Нюрнбергѣ и Кельнѣ также число домохозяйствъ почти совпадаетъ съ числомъ домовъ [1]). Въ городскихъ домахъ появляется деревянный полъ, домъ состоитъ изъ двухъ этажей съ мезониномъ; верхній этажъ дѣлится на комнаты, хотя послѣднія попрежнему низки и темны; ибо свѣтъ получается лишь съ улицы и со двора, окна же закрываются въ холодное время матеріей, пергаментомъ, бумагой, къ тому-же отверстія малы и ихъ очень немного. Стекло еще въ XIII—XV ст. считается и въ городахъ роскошью, и стеклянныя окна имѣются лишь въ общественныхъ зданіяхъ (ратушахъ) и въ домахъ особенно знатныхъ лицъ; въ церквахъ находимъ ихъ еще раньше. При этомъ стекло обыкновенно было толстое и мало прозрачное, такъ что съ трудомъ можно было различить черезъ него нарисованную на столѣ фигуру. Домашняя обстановка, мебель, постели и т. д., отличается здѣсь гораздо большими удобствами, чѣмъ въ деревняхъ; у богатыхъ патриціевъ находимъ нерѣдко дорогую утварь, посуду изъ серебра, шелковыя, яркихъ цвѣтовъ, отороченныя мѣхомъ, одежды.

Законы, направленные противъ роскоши, запрещаютъ ношеніе платья изъ шелка, атласа, бархата, а также украшеніе шляпъ, верхняго платья и т. п. жемчугомъ; недозволены также покрытые серебромъ пояса, мечи или ножи; ни золотыхъ ни серебряныхъ колецъ, кромѣ одного кольца на большомъ пальцѣ, нельзя носить. Однако, для ратмановъ и ихъ сыновей дѣлается исключеніе, какъ и вообще проводится въ этихъ постановленіяхъ различіе между членами городского совѣта, знатью и прочей „общиной". Еще подробнѣе регулируется одежда и пр. въ отношеніи женъ и дочерей городскихъ жителей; точно опредѣляется, кто въ правѣ носить косы и локоны, башмаки съ длинными носками и т. д. Такъ, напр., женамъ ратмановъ дозволено носить кромѣ обручальнаго кольца въ 15 гульд. еще кольца цѣнностью въ 24 гульд. (въ совокупности); женамъ другихъ знатныхъ гражданъ—не болѣе 3 колецъ цѣнностью въ 3 гульд., а прочимъ—только обручальное кольцо. Указана длина одежды, покрой ея и матеріалъ, изъ котораго она можетъ быть сдѣлана, даже количество платьевъ, которое могутъ имѣть лица различныхъ сословій. Правда, выполнялись эти правила весьма плохо, и поэтому многіе города прибавляли къ запрещеніямъ, что если кто-либо все-таки намѣренъ носить то или другое одѣяніе, то обязанъ уплатить надлежащій налогъ. Или же, какъ, напр., въ Цюрихѣ, Венеціи, городской совѣтъ пробовалъ вліять на городскихъ дамъ тѣмъ, что предоставлялъ только однимъ проституткамъ носить украшенія любого рода и въ любомъ количествѣ. Но рядомъ съ этими постановленіями находимъ и такія, которыя свидѣтельствуютъ о совершенно иномъ: издается запрещеніе ремесленникамъ являться на собранія безъ штановъ; по крайней мѣрѣ, камзолъ долженъ быть такой длины, чтобы голыя ноги не были видны. Точно также и рубашка являлась и среди горожанъ рѣдкостью; даже знатныя дамы спали безъ нея. Камеристка, одѣвавшая свою госпожу въ ткани, шитыя золотомъ, удивлялась, если находила у нея рубашку для ночи. Точно также при наличности дорогой посуды отсутствовали вилки: въ XIV ст. даже короли имѣли въ лучшемъ случаѣ одну вилку, да и то для исключительныхъ случаевъ—мясо и рыбу всегда ѣли руками. Мы находимъ, слѣдовательно рѣзкую противоположность: съ одной стороны—роскошь, съ другой—отсутствіе того, что мы признаемъ самымъ необходимымъ.

Въ области потребленія пищи и напитковъ замѣчаемъ крайнюю неумѣренность въ праздничные и торжественные дни. На свадьбѣ дочери аугсбург-

[1]) Pirenne. Les dénombrements etc. p. 21. Buomberger. p. 220. Helbok. p. 15. Banck. p. 320.

скаго пекаря Гундлингера было съѣдено 20 быковъ, 49 козъ, 500 штукъ птицы разнаго рода, кромѣ того 1006 гусей, 25 павлиновъ, 46 телятъ, 95 свиней, 15 индюковъ. Въ крестинахъ, свадьбахъ, погребеніяхъ принимала участіе огромная масса народа, весь цехъ, къ которому принадлежало данное лицо, и для всѣхъ ихъ устраивалось обильное угощеніе. И противъ этого города издавали запрещенія, опредѣляя число лицъ, которое можетъ быть приглашаемо, напр., не болѣе 24; они устанавливали количество и качество блюдъ, напр. не болѣе 3—4; въ Генуѣ потребленіе баранины составляло привилегію аристократіи; въ статутахъ указывался далѣе характеръ напитковъ (мѣстныя вина, но не иностранныя), число музыкантовъ и комедіантовъ на свадьбахъ, цѣнность подарковъ и т. д. Однако, устранить неумѣренность въ ѣдѣ и питьѣ эти регламенты не могли—„въ религіозныхъ представленіяхъ и въ поэтическихъ произведеніяхъ того времени безконечныя трапезы изображаются какъ верхъ земныхъ и небесныхъ наслажденій". Но по той же причинѣ нельзя выводить изъ этихъ фактовъ какихъ-либо среднихъ величинъ, напр., относительно потребленія мяса на душу населенія и за опредѣленный періодъ, какъ это дѣлаютъ Шмоллеръ и Адлеръ. Ибо, въ противоположность современному періоду, въ тѣ времена потребленіе было чрезвычайно неравномѣрное въ теченіе года и весьма неравное по отдѣльнымъ группамъ населенія. Уже одинъ фактъ большого количества постовъ—въ среднемъ два дня въ недѣлю — приводилъ къ тому, что мясо потреблялось далеко не ежедневно; и если, съ одной стороны, горожане держали много скота, то въ то же время не слѣдуетъ забывать, что во время празднествъ мяса потреблялось чрезвычайно много, почему для другихъ дней оставалось мало, привознаго же мяса не было, такъ что приходилось довольствоваться тѣмъ, что имѣлось въ предѣлахъ города и ближайшихъ деревень [1]).

ГЛАВА III.

Происхожденіе цеховъ.

Среди городскихъ корпорацій на первомъ планѣ по своему значенію [2]) стоятъ ремесленныя гильдіи, мастерства или братства (gild, corporation, métier, arte, officium, Amt, Handwerk, Zunft, Innung, Gewerk). Въ итальянскихъ городахъ, гдѣ они появляются ранѣе, чѣмъ гдѣ-либо, мы ихъ находимъ уже въ IX—X ст. и въ большомъ количествѣ въ XI вѣкѣ. Во Франціи наоборотъ, они лишь въ видѣ исключенія появляются въ XI ст., въ большинствѣ же случаевъ ихъ первые статуты относятся къ эпохѣ не ранѣе XII вѣка. Еще позднѣе цехи возникаютъ или, по крайней мѣрѣ, получаютъ свои уставы въ Англіи и Германіи. Первые случаи встрѣчаются въ XII вѣкѣ, по общему правилу они являются впервые въ томъ или иномъ городѣ лишь въ XIII ст. При этомъ въ различныхъ городахъ цехи возникаютъ въ разное время: напр., въ Римѣ мы находимъ ихъ значительно позже, чѣмъ въ Венеціи или Болоньѣ, въ Гамбургѣ, Любекѣ раньше, чѣмъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, Дрезденѣ, Мюнстерѣ; во фламандскихъ городахъ ранѣе, чѣмъ въ брабантскихъ. Точно также въ одномъ и томъ же городѣ одни ремесла принимаютъ цеховую организацію ранѣе, чѣмъ другіе, иногда на разстояніи

[1]) См. Heyne. Deutsches Wohnungswesen. p. 200—333 (особ. 205 и сл., 211 и сл., 234 и сл.). Maurer. Geschichte der Städteverfassung. B. III, p. 81—83. Baudrillart. Histoire du luxe. 2. éd. T. III. p. 162 и сл., 170 и сл., 204 и сл., 230 и сл., 250 и сл. Alw. Schulz. Häusliches Leben, p. 166 и сл., 230 и сл., 311 и сл. Alw. Schulz. Deut. Leben im XIV—XV Jahrh. Schmoller. Hist. Entwicklung des Fleischkonsums. Zeitschr. für ges. Staatswiss. B. XXVII. Adler. Fleischteuerungspolitik deut. Städte im Mitt. p 7 и сл. Below. (рус. изд.—городской строй и городская жизнь. 1912).

[2]) О купеческихъ гильдіяхъ рѣчь будетъ ниже въ главѣ о торговлѣ.

нѣсколькихъ столѣтій. Изъ первоначальныхъ немногихъ цеховъ постепенно, какъ путемъ дифференціаціи [1]), такъ и вслѣдствіе возникновенія новыхъ ремеслъ или принятія старыми цеховой оранизаціи, возникаетъ въ XIV—XV ст. нѣсколько сотъ; уставы ихъ, состоявшіе ранѣе изъ немногихъ статей, становятся все болѣе и болѣе просторными, входя во всѣ подробности и промысла и цеховой жизни.

Вопросъ о происхожденіи ремесленныхъ цеховъ вызвалъ среди историковъ-экономистовъ и историковъ весьма много споровъ. Существуетъ нѣсколько различныхъ теорій происхожденія цеховъ.

Согласно Эйхгорну, цехи возникли изъ римскихъ корпорацій, въ рукахъ которыхъ находилась рыночная и промысловая полиція. Многіе ученые (Мартенъ, Гартманъ, Фаньезъ) еще до сихъ поръ стоятъ на такой точкѣ зрѣнія. Однако другіе (еще Вильда, Мауреръ, въ особ. же Гегель и Стида) указали на то, что рыночная полиція могла у германцевъ возникнуть независимо отъ римлянъ, что римскіе цехи были организованы въ правительственныхъ цѣляхъ, что переворотъ, совершившійся въ періодъ 600—1200 г.г., былъ слишкомъ значителенъ и періодъ этотъ слишкомъ продолжителенъ, а развитіе промысловъ въ эту эпоху слишкомъ незначительно, чтобы римскіе институты могли сохраниться [2]).

Мартенъ, Фаньезъ и Ренуаръ указываютъ на корпорацію (впрочемъ не ремесленную, а торговую) marchands de l'eau de Paris, о которыхъ упоминается еще въ 1121 г.; въ 1170 г. о нихъ говорится: „consuetudines tales sunt ab antiguo“. Далѣе извѣстно, что еще въ Лутеціи во времена Тиверія существовала корпорація nautes, наконецъ, названіе ея (marchands de l'eau) есть ничто иное, какъ переводъ римскаго mercatores aquae [3]). Но едва-ли изъ этого можно сдѣлать тотъ выводъ, что она дѣйствительно произошла отъ этой римской коллегіи. Никакихъ доказательствъ въ этомъ смыслѣ не имѣется. Къ такому выводу приходитъ Пикарда, на основаніи подробнаго разбора всѣхъ данныхъ въ спеціально посвященномъ этому вопросу сочиненіи [4]). Еще слабѣе указаніе Мартена на то, что корпорація парижскихъ мясниковъ несомнѣнно произошла отъ римской ассоціаціи этого рода, существовавшей въ римской Галліи, что по его мнѣнію видно изъ наслѣдственности ларей мясниковъ еще въ XII вѣкѣ—именно въ Римѣ существовала такая наслѣдственность. Однако, съ такой точки зрѣнія не только во Франціи, но и въ Германіи, Бельгіи и др. странахъ должна оказаться цѣлая масса цеховъ римскаго происхожденія, ибо наслѣдственность промысла въ нихъ является не только въ X—XII ст., но и позже довольно частымъ явленіемъ. Наслѣдственность профессій есть явленіе на первыхъ ступеняхъ хозяйственной жизни обычное и вовсе не является чѣмъ-либо характернымъ для Рима. Впрочемъ, въ видѣ подкрѣпленія къ этимъ фактамъ, которые—какъ Мартенъ и самъ признаетъ—еще не достаточны для доказательства, что въ Галліи сохранились остатки римской организаціи, Мартенъ ссылается на непреложный, по его мнѣнію, фактъ—въ дѣйствительности совершенно не доказанный—о томъ, что весь городской строй франкской эпохи развился изъ римскаго, такъ что странно было бы, чтобы одна составная часть civitas, коллегіи ремесленниковъ, совершенно исчезла. Въ результатѣ онъ убѣжденъ, однако, лишь въ томъ, что какія-то очень тонкія нити, пока еще плохо установленныя, связываютъ римскія корпораціи со средневѣковыми цехами.

---

[1]) Въ XII ст. въ германскихъ городахъ, напр., башмачный промыселъ еще не выдѣлился изъ кожевеннаго, сѣдельный промыселъ и промыселъ по изготовленію щитовъ еще составлялъ одно цѣлое.

[2]) См. Hegel. Gesch. der Städteverfassung in Italien. II. 345 и сл., 391 и сл.

[3]) Martin. Hist. des corporations. p. 50 и сл. Fagniez. Etudes sur l'industrie et la classe industrielle. p. 4. Raynouard. Hist. du droit municipal. II. 102.

[4]) Picarda. Les marchands de l'eau. 1901.

Иное дѣло, если Гартманъ указываетъ на связь между византійскими цехами, съ одной стороны, и цехами въ Равеннѣ и Римѣ, съ другой стороны. Въ этихъ мѣстностяхъ могли сохраниться римскіе порядки, ибо здѣсь, какъ справедливо указываетъ М. М. Ковалевскій, германскихъ нашествій почти или даже вовсе не было. Въ Равеннѣ мы находимъ въ IX вѣкѣ три цеха—мясниковъ, negotiatores и рыбниковъ, Въ частности, относительно послѣднихъ сохранился арендный договоръ 943 года, заключенный не только отъ имени наличныхъ членовъ, но и для дѣтей и внуковъ, причемъ изъ самаго договора видно, что онъ является возобновленіемъ болѣе стараго, который, надо полагать, также былъ заключенъ на три поколѣнія. А если такъ, то цехъ рыбниковъ, очевидно существовалъ уже въ концѣ IX вѣка и весьма возможно, что онъ являлся продолженіемъ одного изъ тѣхъ цеховъ, которые имѣлись въ Италіи въ эпоху византійскаго господства въ VIII вѣкѣ; тѣмъ болѣе, что въ эдиктѣ Льва Мудраго относительно византійскихъ цеховъ (IX ст.) установлены правила о продажѣ и покупкѣ товаровъ и о старѣйшинахъ цеховъ. Наконецъ, многое говоритъ за то, что цехъ рыбниковъ, упоминаемый въ 943 году, есть тотъ же, который мы находимъ въ 1100 году. Между тѣмъ, въ послѣднемъ высшую должность составлялъ capitularius или maior, отъ имени котораго заключались договоры. Слово capitularius находится въ связи съ capitularium—вступительный взносъ въ римскихъ коллегіяхъ. Это названіе также указываетъ на связь между древне-римскими и итальянскими цехами. (См. Hartmann. въ Zeitschr. f. Soz. und Wirtschaftsgesch. 1892).

Весьма долго держалась въ наукѣ другая теорія происхожденія цеховъ изъ союзовъ дворовыхъ ремесленниковъ, существовавшихъ въ помѣстьяхъ въ раннее средневѣковье.

На этой точкѣ зрѣнія стояли въ особенности Ничшъ и Гирке; но и другіе ученые—Мауреръ, Гейслеръ, Арнольдъ, Эйхгорнъ, Стида, а также Левассеръ, Віолле, Леспинасъ въ значительной мѣрѣ признавали ее правильной. Исходнымъ положеніемъ являлось существованіе въ помѣстьяхъ корпорацій дворовыхъ ремесленниковъ. Первоначально послѣдніе не имѣли корпоративной организаціи, но уже тогда крѣпостные, производившіе промышленныя работы въ помѣстьяхъ, соединялись въ различные группы по спеціальностямъ, причемъ каждая группа имѣла своего старѣйшину; такую же организацію имѣли и прочіе работники, охотники, пастухи и т. д. Такая группа называлась ministerium или officium, а стоявшій во главѣ ея—magister или praepositus. Онъ назначался вотчиннымъ владѣльцемъ, и ремесленники являлись его подчиненными—subjecti, famuli. Платы они не получали, а пользовались лишь харчами; корпоративныхъ правъ не имѣли никакихъ. Однако, постепенно положеніе ихъ измѣнилось—не нуждаясь въ полномъ использованіи ихъ рабочей силы, вотчинникъ позволялъ имъ работать и на постороннихъ лицъ; они могли жить и внѣ помѣстья; натуральная плата замѣнилась денежной; они получали надѣлы, которые вскорѣ стали наслѣдственными, какъ наслѣдственна была и обязанность доставленія промышленныхъ издѣлій помѣщику, которая соединялась съ этими ремеслами; они пріобрѣтали постепенно личную свободу; наконецъ, къ нимъ присоединились и новые свободные элементы, которые поступали подъ защиту вотчинника. Въ результатѣ помѣстныя ремесленныя организаціи постепенно пріобрѣтали корпоративный характеръ, корпоративныя права, превращались въ свободныя корпораціи и только нѣкоторыя обязанности ихъ по отношенію къ помѣщику еще впослѣдствіи указывали на ихъ первоначальное происхожденіе [1]).

Въ качествѣ доказательствъ въ пользу этой теоріи приводятся прежде всего тѣ повинности и сборы, которые городскіе ремесленники обязаны были уплачивать еще въ позднѣйшую эпоху феодалу, которому принадлежалъ городъ; хотя они и были весьма незначительны, но являются остатками крѣ-

---

[1]) Gierke. I. 176-80. Arnold. Verfassungsgesch. I. 250. Maurer. Städteverfass. II. 343. Heusler. Verfassungsgesch. der Stadt Basel. 1860.

постного состоянія ремесленниковъ. Съ другой стороны, терминъ officium, которымъ обозначались цехи, являлся вмѣстѣ съ тѣмъ и техническимъ названіемъ помѣстныхъ ремесленныхъ организацій. Далѣе, старѣйшины цеховъ первоначально назначались феодаломъ, которому принадлежалъ городъ; позже цехи получили право предлагать лицъ, изъ среды которыхъ эти старѣйшины должны были назначаться, и еще позже стали сами выбирать своихъ старѣйшинъ. Наконецъ, мы дѣйствительно знаемъ, что при переходѣ изъ селъ въ города прежніе крѣпостные пріобрѣтали свободу, имѣемъ и данныя, что вотчинники разрѣшали своимъ крѣпостнымъ работать на публику.

Теорія вотчиннаго происхожденія цеховъ стала постепенно терять свою чистую форму, къ ней стали примѣшивать и указаніе на свободное происхожденіе цеховыхъ организацій. У новѣйшихъ писателей (Бюхеръ, Шмоллеръ, Герингъ, Зомъ и др.) дворовые ремесленные союзы, съ одной стороны, и свободныя организаціи, съ другой стороны, являются двумя источниками, изъ которыхъ возникаютъ цехи.

Уже Вильда и Моне высказывали сомнѣніе въ правильности доказательствъ, приводимыхъ въ пользу вотчинной теоріи, находя, что приношенія ремесленниковъ должны быть разсматриваемы скорѣе въ качествѣ податей, тѣмъ болѣе, что они уплачиваются во многихъ случаяхъ ремесленниками, которые являются крѣпостными другихъ помѣщиковъ. Гфререръ же, какъ и Машеръ, Вильда и Мауреръ указывали на существованіе свободныхъ ремесленниковъ въ помѣстьяхъ. Поэтому Мауреръ придавалъ свободнымъ ремесленникамъ гораздо больше значенія при образованіи цеховъ, чѣмъ крѣпостнымъ. Гирке также указывалъ на то, что цеховая организація, которая по самому характеру своему составляла противоположность помѣстному строю, возникла не только изъ организацій дворовыхъ ремесленниковъ, но имѣетъ и другіе корни, что образцомъ для вновь возникшихъ цеховъ являлись въ значительной мѣрѣ различныя корпораціи свободныхъ людей. И Стида признаетъ существованіе въ помѣстьяхъ рядомъ съ дворовыми ремесленниками и свободныхъ. Можно допустить—говоритъ онъ—что съ самаго начала были и такіе цехи, которые не находились въ связи съ крѣпостными организаціями, или-же цехи, въ составъ которыхъ входили какъ свободные, такъ и несвободные, тѣмъ болѣе, что многіе цехи съ самого начала избирали своихъ старѣйшинъ и послѣдніе не назначались вотчинникомъ. Поэтому Стида приходитъ къ тому выводу, что цеховой строй имѣетъ два источника—дворовыя ассоціаціи, съ одной стороны, и свободные союзы, съ другой стороны. Онъ утверждаетъ, что несоединенные первоначально ни въ какіе союзы ремесленники въ помѣстьяхъ образовали впослѣдствіи союзы: сначала, еще до Каролинговъ,—въ нихъ объединился многочисленный кухонный и пекарный персоналъ монастырей (magister coquine iuniores), — затѣмъ и другія отрасли. При Карлѣ В. такія организаціи уже имѣются: они находятся въ особыхъ помѣщеніяхъ (pisile, pisum) во главѣ съ minister. Съ конца XII вѣка замѣчается сильное движеніе въ города—сюда и они направляются, но пріобрѣтаютъ личную свободу, дѣло ограничивается немногими повинностями, и здѣсь эти ремесленники присоединяются къ уже существующимъ организаціямъ ремесленниковъ (Stieda. Entstehung des Zunftwesens.).

Въ послѣднее время появляется, однако, весьма рѣшительный протестъ и противъ этой измѣненной теоріи; стали указывать на то, что первый изъ двухъ источниковъ—вотчинное происхожденіе цеховъ — немыслимо и ничѣмъ не подтверждается. Наиболѣе рѣзко выступилъ противъ этой теоріи Беловъ [1]), опровергая высказанные въ ея пользу аргументы и утверждая,

[1]) См. статьи его въ Histor. Zeitschr. 1887. 1911. Zeitschr. für Soz. und Wirtschaftsgesch. B. V. (См. рус. изд. подъ ред. Петрушевскаго). Подробная критика вотчинной теоріи также у Кейтгена (Aemter und Zünfte).

что цехи являются союзами свободныхъ людей, объединявшихся ради промышленныхъ цѣлей. Прежде всего онъ доказываетъ неправильность ссылки сторонниковъ вотчинной теорiи на то, что и цехи и вотчинныя организацiи носили одно и то же названiе — officium: въ дѣйствительности помѣстныя организацiи называются вовсе не officium, какъ цехи, а ministerium. Далѣе онъ обращаетъ вниманiе на то, что изъ назначенiя въ нѣкоторыхъ случаяхъ старѣйшинъ еще не слѣдуетъ, что цехи были несвободнаго происхожденiя. Это могло быть публичное право, и подобно тому, какъ изъ назначенiя судьи еще не вытекаетъ, что лица, которыхъ онъ судитъ,—рабы, нельзя выводить и того, что цехи, старѣйшина коихъ назначается властью вотчинника, состоятъ изъ несвободныхъ. Беловъ выставляетъ и другiя весьма существенныя соображенiя — предположенiе о томъ, что свободные и несвободные ремесленники могли совмѣстно образовать цеховую организацiю, совершенно противорѣчитъ фактамъ: во всѣхъ цеховыхъ статутахъ запрещается принимать несвободныхъ, свободные ремесленники защищаютъ себя этимъ путемъ отъ наплыва крѣпостныхъ. Дѣйствительно, иммунитеты (городскiя слободы) имѣли въ теченiе всего средневѣковаго перiода своихъ ремесленниковъ, независимо отъ существованiя городскихъ цеховъ. Такимъ образомъ, мы находимъ въ позднѣйшее средневѣковье двоякаго рода ремесленниковъ, рѣзко отграниченныхъ другъ отъ друга. Если бы ремесленники изъ этихъ иммунитетовъ образовали впослѣдствiи цехи, то, имѣя въ виду существованiе повсюду въ городѣ не одного, а нѣсколькихъ иммунитетовъ, должны были бы образоваться въ городѣ нѣсколько цеховъ одной и той же спецiальности. Да и упоминанiе объ этихъ дворовыхъ ремесленникахъ встрѣчается не раньше, чѣмъ источники говорятъ о свободныхъ. Вообще въ огромномъ большинствѣ случаевъ, когда рѣчь идетъ о ремесленникахъ въ помѣстьяхъ, мы имѣемъ дѣло съ источниками позднѣйшаго перiода, когда цехи уже существовали. Поскольку сходство между цехами и ассоцiацiями въ помѣстьяхъ въ позднѣйшее средневѣковье замѣчается, есть много основанiй предполагать, что, наоборотъ, помѣстныя организацiи впослѣдствiи заимствовали различныя черты у свободныхъ цеховъ. Что же касается ранняго средневѣковья, то ремесленники встрѣчаются въ помѣстьяхъ не группами, а единицами, ихъ число рѣдко больше 4—5, а во многихъ случаяхъ ихъ и вообще не было [1]).

Мало того, мы не вправѣ разсматривать всѣхъ встрѣчающихся въ помѣстьи ремесленниковъ въ качествѣ крѣпостныхъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ это несомнѣнно свободные ремесленники, но и въ другихъ случаяхъ многое говоритъ за то, что работавшие на помѣщика люди были экономически свободные—ихъ зависимость сводилась къ уплатѣ опредѣленнаго оброка, тогда какъ своимъ трудомъ они могли свободно располагать. Во многихъ случаяхъ оброкъ платился за пользованiе землей, предоставленной помѣщикомъ; есть случаи, когда такой оброкъ платятъ священники, рыцари, купцы и т. п. Точно также платежи въ пользу помѣщика-владѣльца города, вносимые городскими цехами, являются во многихъ случаяхъ вознагражденiемъ за пользо-

[1]) См. выше, стр. 56—57.

ваніе земельными участками, въ другихъ случаяхъ за устройство ларей и лавокъ, въ особенности будокъ пекарей и мясниковъ. Нерѣдко платежи имѣютъ публичный характеръ, являясь податями всякаго рода, причемъ, по господствовавшему тогда обычаю, послѣдніе вносились продуктами, а не деньгами, которыя были крайне рѣдки,—именно, каждымъ уплачивались въ тѣхъ продуктахъ, которые онъ изготовлялъ. Наконецъ, они уплачиваются далеко не всѣми цехами, и мы находимъ ихъ и въ т. наз. колоніальныхъ городахъ, т.-е. и въ Восточной Германіи, гдѣ не было никакихъ помѣстій.

Вопросъ относительно характера платежей внимательно изслѣдовалъ Готейнъ; при этомъ онъ обратилъ особое вниманіе какъ разъ на тѣ города, гдѣ, по распространенному мнѣнію, наиболѣе ярко выступали наружу остатки помѣстной организаціи ремеслъ, гдѣ ихъ находили въ XI—XII и даже XIII ст., какъ, напр. въ Страсбургѣ, Базелѣ, Трирѣ и т. п. Онъ выяснилъ, что въ Страсбургѣ въ древнѣйшія времена мы находимъ одновременно и свободныхъ и крѣпостныхъ ремесленниковъ, причемъ первоначально послѣдніе пользовались правомъ купли и продажи на городскомъ рынкѣ, платили и подати. Но затѣмъ они добились освобожденія отъ податей, лишившись, однако, вмѣстѣ съ тѣмъ права сбыта на рынкѣ и вообще отдѣлившись отъ городскихъ жителей. Очевидно, изъ нихъ не могли образоваться цехи, которые уже съ самаго начала въ древнѣйшихъ городскихъ статутахъ имѣютъ тотъ характеръ, которымъ они отличались впослѣдствіи. Еще въ XII вѣкѣ мы встрѣчаемъ такихъ крѣпостныхъ ремесленниковъ епископа, ремесленниковъ тѣхъ же спеціальностей, которыя одновременно существовали среди городскихъ цеховъ: таковы, напр., ремесленники, изготовляющіе кубки—они получаютъ ежедневно дерево для промысла, т.-е. обязаны постоянно работать на епископа. Наоборотъ, свободные цеховые той же спеціальности обязаны лишь во время войны работать на него. Однако, именно изъ этого послѣдняго обстоятельства, что въ первомъ городскомъ статутѣ упоминаются повинности, отбываемыя нѣкоторыми цехами въ пользу епископа въ видѣ безвозмездно доставляемыхъ ему продуктовъ своего производства, сдѣланъ былъ выводъ, что эти ремесленные цехи произошли изъ несвободныхъ организацій. Въ дѣйствительности оказывается, что такая обязанность у цѣлаго ряда цеховъ—кузнецовъ, сапожниковъ, перчаточниковъ, цеховъ, изготовляющихъ кубки, ножны для мечей, существовала лишь при отъѣздѣ епископа на войну или ко двору, причемъ обязательныя повинности касались не однихъ ремесленниковъ, а распространялись на всѣхъ горожанъ, съ той только разницей, что всѣ остальные вносили оброкъ въ видѣ сельскохозяйственныхъ произведеній [1]). Точно также и относительно Базеля нѣтъ никакихъ доказательствъ происхожденія цеховъ изъ вотчинныхъ организацій. Списокъ цеховъ за 1200 г. упоминаетъ о слугахъ епископа (Ministerialen), стоявшихъ во главѣ цеховъ, но вовсе не говоритъ о несвободномъ характерѣ послѣднихъ. Если же изъ того факта, что начальникомъ цеха является подчиненное епископу лицо, мы захотимъ сдѣлать такой выводъ, то придется отнести всѣхъ жителей города къ несвободнымъ, ибо Schultheiss также принадлежалъ къ людямъ епископа, также былъ изъ числа Ministerialen. Мало того, и вновь образовавшіеся впослѣдствіи цехи, состоявшіе уже во всякомъ случаѣ изъ свободныхъ, получали такихъ же начальниковъ. Что же касается платежей, то ихъ въ Базелѣ вовсе не находимъ—здѣсь существовала общая подать на землю, на которой поселились горожане и которая въ одинаковой формѣ уплачивалась всѣми, между прочимъ и ремесленниками [2]). И относительно другихъ прирейнскихъ городовъ Готейнъ точно установилъ на основаніи источниковъ отсутствіе какой бы то ни было связи между городскими цехами свободныхъ ремесленниковъ и помѣстными крѣпостными ремесленниками (р. 327 и сл.).

Послѣ рѣзкой критики Белова, сторонники теоріи происхожденія цеховъ изъ организацій дворовыхъ ремесленниковъ не рѣшались болѣе под-

---

[1]) Gothein. p. 310—17.
[2]) Ibid. p. 321—22.

держивать ее. Даже Стида, первоначально отстаивавшій ее, вынужденъ былъ признать, что мы ни въ одномъ случаѣ не можемъ установить такой связи.

Только Эберштадтъ рѣшился вновь поднять этотъ вопросъ. Однако, онъ перенесъ уже контроверзу на нѣсколько иную почву. Если ранѣе главнымъ доказательствомъ въ пользу этой теоріи являлось указаніе на то, что городскіе цехи сохранили черты помѣстной несвободной организаціи въ видѣ назначаемыхъ старѣйшинъ, въ видѣ платежей, вносимыхъ ими, и т. п., то Эберштадтъ обратилъ вниманіе на другую сторону, на характеръ существовавшихъ въ позднѣйшее средневѣковье въ помѣстьяхъ ремесленныхъ организацій, стараясь найти въ нихъ черты, свойственныя цеховому строю. Но это обстоятельство совершенно ничего не доказываетъ, ибо помѣстные союзы—magisteria могли перестроиться по типу той организаціи, какою отличался цехъ, поскольку эти magisteria не исчезли вовсе, какъ это совершилось во многихъ случаяхъ въ XII—XIII ст. Мало того, въ Англіи такихъ magisteria вовсе не было, а между тѣмъ имѣлся весьма развитой цеховой строй. Да и въ Германіи рядъ городовъ, и при томъ древнѣйшихъ, какъ Кельнъ, Майнцъ, Страсбургъ, Констанцъ, Любекъ, Гамбургъ, Рига, ничего не знаютъ объ организаціи ремеслъ въ magisteria, тогда какъ цехи встрѣчаются въ нихъ въ болѣе или менѣе развитомъ видѣ уже съ середины XII вѣка. Точно также во Франціи не только въ Аррасѣ, Дуэ и Лиможѣ—какъ признаетъ Эберштадтъ,—но и въ Руанѣ, Аміенѣ и др. городахъ, гдѣ имѣются многочисленные памятники, нѣтъ рѣчи о существованіи магистерій, но говорится подробно объ устройствѣ цеховъ. Наконецъ, если мы провѣримъ тѣ случаи, гдѣ magisteria встрѣчаются, то и тутъ нельзя открыть ни одного факта перехода magisterium въ цехъ и ничего, что доказывало бы корпоративное устройство поставленныхъ подъ власть магистра ремесленниковъ [1]).

Въ настоящее время должна быть признана господствующей теорія свободнаго происхожденія цеховъ. Она существуетъ въ двухъ различныхъ варіантахъ. Одни, указывая на свободное происхожденіе цеховъ, приписываютъ главное значеніе не образованію союзовъ ремесленниковъ, а факту утвержденія, признанія этихъ союзовъ государственной властью. Они подчеркиваютъ, такимъ образомъ, публично-правовой характеръ (въ отличіе отъ частно-правового, по вотчинной теоріи) этихъ организацій. Сторонники этого взгляда придаютъ большое значеніе тому обстоятельству, что ремесленники въ городахъ уже весьма рано сосредоточивались въ опредѣленныхъ торговыхъ рядахъ на рынкѣ и жили на опредѣленныхъ улицахъ, причемъ каждое ремесло имѣло свою улицу, свои ряды. Это соединеніе лицъ одного и того же промысла они объясняютъ распоряженіями публичной власти, которая ради надзора за ремесленниками, болѣе легкаго взиманія съ нихъ податей и сборовъ признавала необходимой такую концентрацію ихъ ларей и лавокъ [2]). Особенно подчеркиваетъ это обстоятельство Кейтгенъ [3]), по мнѣнію котораго публичная власть, группируя ремесленниковъ на рынкѣ въ зависимости отъ характера производимыхъ ими издѣлій, тѣмъ самымъ создавала опредѣленныя ремесленныя организаціи (Aemter). Изъ нихъ уже впослѣдствіи образовались самостоятельныя ассоціаціи ремесленниковъ, пользующіяся автономіей въ области промысла,—цехи. Такимъ образомъ, и по ученію Кейтгена (какъ и по вотчинной теоріи), цехи возникаютъ въ два

---

[1]) См. критику Эберштадта—Rietschel. Hist. Vierteljahrschr. 1898. Loesch. Hist. Zeitschr. 1897. Des Marez. Rév. histor. 1899. Ковалевскій. Эком. ростъ III. 35 и сл.

[2]) См. Schmoller. Tucher-und Weberzunft. p. 385. См. выше, стр. 111.

[3]) Keutgen. Aemter und Zünfte. 1903.

пріема, хотя и являются съ самаго начала организаціями свободныхъ и притомъ организаціями публично-правового характера. Однако, утвержденіе Кейтгена, что ремесленники въ цѣляхъ надзора и уплаты податей были первоначально распредѣлены властями на рыночныя группы—Aemter, не подверждается фактами. Какъ выяснили Беловъ, Лешъ и др., во многихъ городахъ, относительно которыхъ о промыслахъ вообще сохранилось много свѣдѣній, мы не находимъ никакихъ указаній на существованіе рыночныхъ организацій [1]).

Другая группа писателей, исходя также изъ свободнаго происхожденія цеховъ, не только отрицаетъ образованіе цеховъ въ два пріема (какъ утверждаетъ Кейтгенъ), но и вообще придаетъ главное значеніе стремленію самихъ ремесленниковъ къ объединенію въ союзы, образованію ими ассоціацій по собственному почину. Затѣмъ такія ассоціаціи уже утверждались публичной властью; признаніе ихъ правъ было для нихъ необходимо, но оно имѣло лишь формальное значеніе; фактически цехи существовали и до ихъ утвержденія (см. ниже). Мауреръ обращаетъ вниманіе на фактъ распространенія ремесленныхъ цеховъ по всему міру, вплоть до Китая, изъ чего видно, что возникновеніе ихъ вызывалось одними и тѣми же потребностями, извѣстной внутренней необходимостью [2]). Гирке, правда, не замѣчаетъ ихъ всеобщаго распространенія и утверждаетъ, что цехи составляютъ чисто—германскій институтъ, но въ то же время онъ указываетъ, что возникновеніе цеховъ относится къ эпохѣ начинающагося разложенія древнихъ общинныхъ родовыхъ союзовъ [3]). Беловъ подчеркиваетъ тотъ фактъ, что движеніе изъ селъ въ города было иммиграціей свободныхъ, а не крѣпостныхъ, и что вообще преувеличиваютъ количество несвободнаго населенія въ средніе вѣка [4]). На основаніи этого, Зомбартъ приходитъ къ тому заключенію, что ремесленники были первыми, создавшими новыя организаціи и выдѣлившимися изъ старинныхъ союзовъ, племенныхъ, общинныхъ, семейныхъ, что мы должны ихъ разсматривать, какъ продолженіе этихъ родовыхъ и мѣстныхъ союзовъ; профессія здѣсь явилась объединяющимъ моментомъ, какъ ранѣе имъ было общее происхожденіе или совмѣстное жительство [5]). М. И. Кулишеръ, съ другой стороны, разсматриваетъ ремесла въ раннюю пору ихъ развитія, какъ отхожіе промыслы: въ каждомъ данномъ мѣстѣ ремеслами занимаются иностранцы или чужеродцы, вообще выходцы изъ другихъ мѣстностей [6]).

Если мы будемъ имѣть въ виду всеобщее распространеніе ремесленныхъ ассоціацій въ самыхъ различныхъ странахъ, далѣе, фактъ образованія городскихъ поселеній изъ переселившихся въ города сельскихъ жителей, выдѣлившихся изъ болѣе старыхъ союзовъ, наконецъ, то обстоятельство, что и въ первоначальныхъ сельскихъ общинахъ промышленное развитіе имѣло односторонній характеръ, и члены общины занимались немногими опредѣленными группами промысловъ, развитію которыхъ способствовали мѣстныя условія, —

---

1) См. Below. Hist. Vierteljahrschr. B. VII. Loesch. Westdeut. Zeitschr. B. XXIII.
2) Maurer. II. 345.
3) Gierke. 224—26.
4) Below. Hist. Zeitschr. B. 58, p. 193 и сл.
5) Sombart. Kapitalismus. I. 125.
6) М. И. Кулишеръ. Цехи у насъ и въ Европѣ. Рус. Мысль. 1887. XI. Стр. 46.

то мы придемъ къ тому выводу, что цехи представляли собою выдѣлившіяся изъ отдѣльныхъ первоначальныхъ общинъ группы, переселившіяся въ города и здѣсь продолжавшія каждый разъ тѣ промыслы, которые были распространены среди общины, отъ которой они откололись. Уже одно переселеніе ихъ въ городъ дѣлало ихъ свободными, хотя, конечно, не устраняло уплаты извѣстныхъ сборовъ или отбыванія опредѣленныхъ повинностей въ пользу владѣльца той мѣстности, гдѣ возникалъ городъ; а фактъ происхожденія изъ той же мѣстности всѣхъ членовъ переселившейся группы рѣзко отдѣлялъ ихъ отъ всѣхъ иныхъ элементовъ городского населенія, какъ свободныхъ такъ и—тѣмъ болѣе несвободныхъ; разумѣется, они не допускали въ свою среду несвободныхъ ремесленниковъ, работавшихъ на епископа или герцога.

Вмѣстѣ съ тѣмъ съ такой точки зрѣнія самый вопросъ о тѣхъ потребностяхъ, которыми было вызвано единеніе ремесленниковъ въ цехи, отпадаетъ—не инстинктивная потребность въ соединеніи съ себѣ равными, какъ утверждаетъ Зомбартъ, и не внѣшнія условія, какъ полагаетъ Мауреръ, вызвали къ жизни эти новыя организаціи: имъ вообще не было надобности возникать вновь. Мы должны себѣ представить цехи не въ видѣ союзовъ, въ которые соединились разрозненные индивиды, въ зависимости отъ производимаго ими промысла, а въ качествѣ группъ, изъ которыхъ каждая представляла собой съ самаго начала нѣчто цѣльное, объединялась общностью происхожденія и производила опредѣленную группу промысловъ.

Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ цехи представляли собою цѣльныя общины, преслѣдовавшія—какъ и другія средневѣковыя корпораціи—самыя разнообразныя цѣли, всѣ тѣ цѣли, которыя необходимы были для удовлетворенія потребностей членовъ цеха. Въ литературѣ уже давно былъ возбужденъ вопросъ о томъ, какую цѣль преслѣдовали цехи, ради чего они возникли. На этотъ вопросъ давались весьма разнообразные отвѣты. Такъ Вильда обращалъ особое вниманіе на религіозный характеръ цеховъ и въ немъ усматривалъ первоначальную цѣль ихъ возникновенія [1]) другіе указывали на то, что цехи были первоначально военными организаціями и преслѣдовали цѣль взаимной защиты. По мнѣнію Шенберга, цехи вызваны желаніемъ устранить господствовавшую до того времени свободную конкуренцію. Шмоллеръ усматривалъ цѣль ихъ образованія въ установленіи самостоятельнаго суда надъ ремесленниками и освобожденіи послѣднихъ отъ суда другими лицами; Гюлльманъ—въ недопущеніи постороннихъ къ участію въ сбытѣ промышленныхъ издѣлій и къ пользованію будками и ларями, въ устраненіи всякой конкуренціи и въ установленіи наслѣдственности привилегій; Стида, наконецъ, въ содѣйствіи развитію промысла.

Нельзя отрицать, конечно, того, что на первомъ планѣ для цеха стояло занятіе промысломъ и оказаніе другъ другу (членами цеха) содѣйствія въ этомъ отношеніи; но существенное значеніе для цеха имѣло и совмѣстное удовлетвореніе членами религіозныхъ потребностей, потребностей общенія, взаимная защита (цехъ, какъ военный отрядъ), устройство собственнаго суда надъ своими членами и т. д. Однако—и это наиболѣе важно—всѣ эти стороны дѣятельности цеховъ составляли необходимое послѣдствіе самой ихъ организаціи, а не спеціальныя цѣли, ими преслѣдуемыя. Гирке справедливо указываетъ на то, что цехъ, какъ и гильдія и другіе союзы, и въ особенности первоначальная родовая община, какъ первообразъ ихъ, охватываетъ человѣка цѣликомъ, во всѣхъ его проявле-

[1]) Wilda, p. 344.

ніяхъ,—въ противоположность новѣйшимъ союзамъ, имѣющимъ въ виду каждый разъ лишь опредѣленную сторону жизни. Современныя ассоціаціи—говоритъ онъ—можно сравнить съ цѣлой массой взаимно пересѣкающихся круговъ; онѣ основываются на возможности принадлежать одному союзу одной частью своего „я“, другому—другой стороной своей личности, даже только опредѣленной частью своего имущества. Это предполагаетъ, однако, свободу личности, которая мыслима лишь на болѣе высокихъ ступеняхъ культуры. Средневѣковая ассоціація охватывала всего человѣка во всѣхъ его проявленіяхъ. Несмотря на разнообразіе корпорацій, которое мы находимъ въ эту эпоху, государство представляло собой рядъ концентрическихъ круговъ, изъ коихъ одинъ охватывалъ другой или нѣсколько другихъ, но ни одинъ не перекрещивался съ другими“ [1]).

Таковы были всѣ ассоціаціи средневѣковаго періода, такой характеръ имѣли въ частности и цехи.

Цехъ составлялъ прежде всего единицу въ политическомъ отношеніи представляя въ этомъ отношеніи тотъ же городъ, но только въ уменьшенномъ видѣ. Только чрезъ посредство цеха каждый отдѣльный членъ могъ принимать участіе въ городскомъ самоуправленіи, выбирая своего представителя въ городскую ратушу. И точно также городскіе сборы и повинности нерѣдко распредѣлялись между цехами, а не между отдѣльными лицами,—характерная черта того времени, когда политическая власть имѣла дѣло не съ отдѣльными гражданами, а съ корпораціями. Самоуправленія, права выбора собственныхъ старѣйшинъ и цехи добились лишь постепенно, послѣ продолжительной борьбы. Но въ позднѣйшее средневѣковье они имѣли уже свою ратушу (городская въ миніатурѣ), гдѣ происходили цеховыя собранія, свой судъ, которому подлежали не только члены цеха, но и семьи ихъ, и который производился тѣми-же старѣйшинами. Въ лицѣ послѣднихъ наиболѣе ярко выражалась разносторонность цѣлей, преслѣдуемыхъ цехами—они были и управителями, и судьями, и военачальниками (предводителями цеха на войнѣ), завѣдывали цеховой казной и т. п. Въ тѣсной связи съ этимъ находится далѣе и то, что цехъ составлялъ особую единицу въ военномъ отношеніи. Онъ выставлялъ свой отрядъ во время войны, имѣлъ свои знамена; отъ каждаго вступавшаго въ цехъ требовалось обладаніе вооруженіемъ и взносъ на пріобрѣтеніе необходимыхъ запасовъ оружія. Какъ организованный отрядъ, цехъ обязанъ былъ заботиться и о защитѣ города. Каждый цехъ жилъ (и въ этомъ въ свою очередь выражалась его политическая самостоятельность и обособленность) въ опредѣленной части города или на опредѣленной улицѣ, отчего сохранились и впослѣдствіи названія улицъ по ремесламъ. Онъ обязанъ былъ охранять соотвѣтствующую часть городской стѣны и ворота.

Столь же существенной являлась въ цеховой организаціи и религіозная сторона. Чѣмъ стариннѣе цеховые уставы, тѣмъ больше мѣста отведено въ нихъ вопросамъ удовлетворенія религіозныхъ потребностей, такъ что многіе изъ нихъ производятъ такое впечатлѣніе, какъ будто бы цехи учреждены исключительно для спасенія души своихъ членовъ. Всѣ они имѣютъ святыхъ въ качествѣ патроновъ, имѣютъ свои церкви и часовни, устраиваютъ религіозныя процессіи. Въ день почитаемыхъ цехомъ святыхъ происходитъ богослуженіе, причемъ всѣ члены цеха обязаны на немъ присутствовать; точно также они обязаны собираться для поминовенія усопшихъ членовъ. Въ связи съ этимъ находится и требованіе отъ вновь вступающихъ извѣстнаго количества воска, а также взиманіе многочисленныхъ штрафовъ въ видѣ воска послѣдній шелъ на факелы, употребляемые при религіозныхъ процессіяхъ, и на свѣчи во время богослуженія. Взглядъ Моне, будто бы цехи и религіозныя братства были отдѣлены другъ отъ друга, неправиленъ. Лишь впослѣдствіи постепенно возникаютъ самостоятельныя религіозныя братства, независимо

[1]) Gierke. Rechtsgesch. der deut. Genoss. p. 226—7.

отъ цеховъ, гильдій и иныхъ корпорацій. Въ средніе вѣка этого еще не было. Но точно также Вильда ошибочно приписываетъ цехамъ религіозную цѣль, какъ первоначально единственную. Нерѣдко дѣйствительно различныя преслѣдуемыя властями корпораціи, въ частности и цехи, гдѣ они находились въ такомъ положеніи (какъ и впослѣдствіи запрещенные союзы подмастерьевъ), принимали внѣшнюю форму религіозныхъ братствъ и дѣлали видъ, будто бы они никакихъ иныхъ цѣлей не имѣютъ въ виду. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что они дѣйствительно ограничивались этимъ.

Рядомъ съ воскомъ и денежнымъ взносомъ вновь вступающій обязанъ былъ поставить цеху и извѣстное количество вина, а равно другіе съѣстные припасы и устроить угощеніе мастерамъ. Въ этомъ выражается—какъ и въ штрафахъ пивомъ и виномъ—то, что цехи не упускали изъ виду и цѣли общенія, что и въ этомъ отношеніи они составляли нѣчто единое; между ними обнаруживалась въ этомъ въ особенности весьма крѣпкая связь, тѣмъ болѣе, что въ ихъ совмѣстныхъ пиршествахъ принимали участіе не только члены цеха—мастера, но и ихъ семьи. И они являлись на цеховыя празднества, сходились въ цеховыхъ домахъ (Zunftstuben), и на нихъ распространялся цѣлый рядъ цеховыхъ постановленій. Такъ, напр., требованіе о происхожденіи—законномъ, свободномъ и т. д. относилось равнымъ образомъ и къ мастерамъ и къ женамъ ихъ, ибо и тѣ и другіе составляли части той единицы, которую образовывалъ цехъ. Самое названіе цеха (Zeche—попойка, то же обозначаетъ и gild) свидѣтельствуетъ объ огромномъ значеніи общенія членовъ. По той же причинѣ члены цеха составляли неразрывное цѣлое, ихъ обязанностью было содѣйствіе другъ другу въ нуждѣ, оказаніе цехомъ помощи обѣднѣвшимъ членамъ, вдовамъ и сиротамъ, участіе въ погребальной процессіи въ случаѣ смерти члена.

Рядомъ съ цехами находимъ многочисленныя однородныя корпораціи—союзы, гильдіи, братства, организованныя на тѣхъ же основаніяхъ, охватывающія человѣка во всѣхъ его проявленіяхъ. Таковы гильдіи, братства и ассоціаціи купцовъ, нотаріусовъ и мѣнялъ, врачей и учителей, даже золотарей и гробокопателей, нищихъ и проститутокъ,—всѣ они объединяются въ союзы, избираютъ старѣйшинъ, образуютъ свой судъ, устраиваютъ религіозныя процессіи, строго охраняютъ свою привилегію промысла.

Нищіе въ Базелѣ, Ульмѣ, Нюрнбергѣ, Франкфуртѣ и др. городахъ имѣли цеховыхъ старѣйшинъ (Bettlermeister), запрещали пришлымъ нищимъ-конкурентамъ выпрашивать подаяніе, за исключеніемъ двухъ дней въ году; требовали отъ вновь вступающихъ знанія наизусть „Отче Нашъ" и другихъ молитвъ, имѣли свой цеховой судъ, который состоялъ (въ Базелѣ) изъ семи нищихъ, „не носившихъ ни штановъ, ни ножа". Судъ происходилъ торжественно подъ липой, причемъ предсѣдательствующій держалъ трость въ рукахъ, правое бедро его было обнажено, а нога зимою и лѣтомъ погружена во все время суда въ кадку, наполненную водой; по сторонамъ его сидѣли остальные шесть, также съ обнаженнымъ правымъ бедромъ; по окончаніи суда предсѣдатель ногою опрокидывалъ кадку и выливалъ воду. Въ Германіи въ половинѣ XV ст. существовало спеціальное братство прокаженныхъ, въ составъ котораго входили прокаженные всѣхъ мѣстностей по Рейну; годичное собраніе его происходило 1 марта въ Майнцѣ. Въ братства и союзы объединялись и проститутки—„общія", „свободныя", „странствующія" женщины, какъ ихъ называли. Къ нимъ въ средніе вѣка вовсе не относились съ презрѣніемъ; наоборотъ, онѣ являлись почетными гостями на свадьбахъ, депутатками при встрѣчѣ королей (выраженіе гостепріимства). Онѣ также имѣли свою патронессу—св. Магдалину и въ день этой святой устраивали процессію; во главѣ ихъ стояли Frauenmeisterinnen (напр., въ Лейпцигѣ), настоятельницы или „королевы" (напр., въ Авиньонѣ, Женевѣ); онѣ просятъ городской совѣтъ (въ Нюрнбергѣ), чтобы онъ „ради Бога и справедливости" не допускалъ конкуренціи, ибо иначе имъ трудно будетъ пропитывать себя „честно" [1]).

[1]) См. М. И. Кулишеръ. Изъ исторіи цеховъ у насъ и въ Европѣ. Вѣстн. Евр., стр. 565—74. Maurer. II. 472. III. 105—110. Kriegk. Deut. Bürgert. im Mitt. Neue Folge. p. 259 и сл., 291 и сл.

ГЛАВА IV.

Характеръ цехового строя.

Тѣ же характерныя черты цеховой жизни, которыя мы находимъ во всѣхъ другихъ областяхъ,—солидарность всѣхъ членовъ цеха между собой и замкнутость цеха по отношенію ко всѣмъ другимъ корпораціямъ и лицамъ, проявлялись и въ сферѣ дѣятельности цеховъ, какъ хозяйственныхъ ассоціацій. И здѣсь обнаруживался принципъ равенства всѣхъ, одинаковой выгоды для всѣхъ членовъ, пользованія всѣмъ на равныхъ условіяхъ. Поэтому сырой матеріалъ пріобрѣтался сообща; если же кто-либо покупалъ его самостоятельно, то обязанъ былъ, по требованію всякаго другого, уступить ему часть по той же цѣнѣ, какую самъ заплатилъ, обязанъ былъ сообщить другимъ о своей покупкѣ, о предпринимаемой имъ съ этой цѣлью поѣздкѣ и т. д. Поэтому и объемъ производства былъ установленъ для каждаго ремесленника; было запрещено держать свыше извѣстнаго числа подмастерьевъ и учениковъ, пріобрѣтать болѣе опредѣленнаго количества сырья; имѣть болѣе одной лавки или будки. Поэтому, далѣе, цехъ имѣлъ свои техническія приспособленія, которыми пользовались всѣ члены, валяльныя, мельницы, красильни, точильни, лавки и т. п. По той же причинѣ, наконецъ, цѣна товаровъ, сбываемыхъ цехомъ опредѣлялась сообща и запрещено было брать ниже установленной цѣны, какъ и платить подмастерью выше опредѣленной совмѣстно членами цеха платы; не дозволено было отбивать подмастерьевъ или заказчиковъ у другого мастера или брать начатую другимъ работу.

Съ другой стороны, замкнутость цеха по отношенію къ внѣшнему міру выражалась въ области хозяйственной жизни въ т. наз. принципѣ Zunftzwang'a. Въ отрядъ, составляемый цехомъ для охраны города, входили только члены его, въ устраиваемыхъ имъ богослуженіяхъ и процессіяхъ, какъ и въ увеселеніяхъ участвовали только они и ихъ семьи. Точно такъ же только лица, входящія въ составъ даннаго цеха, могли производить товары даннаго рода и сбывать ихъ изъ своихъ рядовъ на рынкѣ. Zunftzwang вытекаетъ, слѣдовательно, изъ общаго характера всей цеховой организаціи, проявляющагося и во всѣхъ другихъ сторонахъ цеховой жизни. Онъ не является, далѣе, чѣмъ-либо присущимъ однимъ лишь цехамъ, ибо мы находимъ ту же замкнутость и у всѣхъ другихъ средневѣковыхъ корпорацій (см. выше, стр. 130—31). Онъ вытекаетъ изъ общаго характера средневѣковой жизни, соціальнаго строя того времени съ его сословными перегородками, съ его рѣзкой разобщенностью отдѣльныхъ слоевъ населенія. Zunftzwang первоначально представлялъ собою, какъ и исключительность во всѣхъ другихъ сторонахъ цеховой жизни, лишь явленіе фактическаго характера, не требовавшее никакой спеціальной регламентаціи; ибо лишь опредѣленная, тѣсно сплоченная группа лицъ занималась извѣстнымъ промысломъ и стоящіе внѣ этого круга не обнаруживали намѣренія нарушать ея фактическую монополію, а тѣмъ болѣе производить тѣ же издѣлія, не будучи принятыми въ составъ цеха.

Однако, уже и тогда, въ противоположность удовлетворенію всѣхъ другихъ потребностей жизни—отправленію суда, устройству религіозныхъ процессій и т. п., что было доступно всѣмъ корпораціямъ, хотя и производилось каждой отдѣльно,—замкнутость въ экономическомъ отношеніи приводила къ слѣдующему результату: она устанавливала связующее звено между всѣми корпораціями и союзами, входящими въ составъ городской общины, создавала раздѣленіе труда между ними. Но въ то же время она вызывала зависимость каждой изъ нихъ отъ всѣхъ остальныхъ, ибо отмежевывала каждой опредѣленную область производства, въ которую не могъ вторгаться никто другой. Такая взаимная зависимость усилилась съ теченіемъ времени съ открытымъ провозглашеніемъ въ цеховыхъ уставахъ принципа Zunftzwang'а, который сталъ теперь не только фактическимъ, но и юридическимъ, такъ какъ долженъ былъ предупредить возникшія съ разныхъ сторонъ попытки „вторгаться" въ промыселъ, т. е. производить его или сбывать промышленныя издѣлія, не принадлежа къ данному цеху. Лица, дѣлающія такія попытки, назывались Störer или Pfuscher, chambrelans, и цехи расправлялись съ ними весьма жестоко. Въ Магдебургѣ, Вѣнѣ, Мюльгаузенѣ въ концѣ XII и первой половинѣ XIII ст., въ Оксфордѣ и Іоркѣ со времени Генриха I и II короли и герцоги надѣляютъ цехи привилегіей промысла, запрещая кому бы то ни было заниматься послѣднимъ, если онъ не принятъ въ цехъ—consortium, communio, unio, gilda (nisi sit de gilda illa); изъ семи ремесленныхъ грамотъ нѣмецкихъ городовъ, относящихся къ XII вѣку, въ шести Zunftzwang прямо указанъ въ качествѣ цѣли образованія цеха. Если же въ другихъ случаяхъ еще и впослѣдствіи не упоминается въ статутахъ, что всѣ, желающіе заниматься даннымъ промысломъ, должны принадлежать къ цеху, то изъ этого не слѣдуетъ, что въ извѣстный періодъ обязательность отсутствовала (какъ полагаетъ Зомбартъ), или существовала категорія цеховъ, гдѣ господствовала свобода промысла (какъ утверждаетъ Эберштадтъ). Этотъ фактъ объясняется тѣмъ, что такая обязательность, вошедши въ обычай, предполагалась общеизвѣстной и не подлежащей сомнѣнію; поэтому во многихъ случаяхъ дѣло ограничивалось указаніемъ въ статутѣ размѣровъ взноса, который обязанъ былъ уплатить каждый вновь вступающій.

Zunftzwang могъ конечно имѣть различный характеръ и объемъ въ зависимости отъ того, являлись ли цехи вмѣстѣ съ тѣмъ и политическими корпораціями, пользовались ли они автономіей, составляли ли вмѣстѣ съ тѣмъ „Einung"; въ понятіе послѣдней входило право цеховъ по собственному усмотрѣнію опредѣлять обязательныя для всѣхъ членовъ цѣны производимыхъ товаровъ—устанавливать минимальныя таксы. Но даже въ тѣхъ случаяхъ, когда цехи не были признаны городской властью или были „запрещены", основной признакъ цеховой организаціи, недопущеніе постороннихъ къ промыслу, сохранился. И если въ различныхъ городахъ цехи возникаютъ чрезвычайно поздно (въ нѣкоторыхъ французскихъ городахъ, какъ указываетъ Hauser, не ранѣе XVI ст.), то изъ такой поздней регламентаціи ихъ и признанія правительствомъ вовсе не слѣдуетъ отсутствіе ихъ въ качествѣ ремесленныхъ союзовъ, осуществляющихъ привилегію производства

даннаго промысла, во весь предшествующій періодъ. „Признаніе властями не составляетъ необходимаго признака цеха“; и при отсутствіи такого признанія, они заставляютъ своихъ членовъ подчиняться постановленіямъ большинства и фактически пользуются значительной силой [1]).

Принципъ Zunftzwang'a—враждебность по отношенію ко всѣмъ чужимъ, рядомъ съ равенствомъ и братствомъ внутри данной корпораціи,—составляетъ основу всей промышленной политики средневѣковыхъ городовъ или точнѣе—вообще промышленной политики въ средніе вѣка, ибо она заключалась въ политикѣ отдѣльныхъ городовъ. Политика эта проникнута покровительствомъ городскому ремеслу и враждой къ другимъ городамъ, пригородамъ и жителямъ окрестныхъ селъ. Мы находимъ въ эту эпоху ремесло въ двухъ различныхъ формахъ—т. наз. работу на заказъ, гдѣ сырье принадлежитъ потребителю и ремесленникъ, по его указанію, изготовляетъ изъ этого матеріала тѣ или другіе предметы; или же ремесло въ тѣсномъ смыслѣ, когда ремесленникъ выдѣлываетъ изъ собственнаго матеріала готовый продуктъ, по предварительному заказу или для сбыта на рынкѣ. Въ XII—XV ст. въ большинствѣ случаевъ находимъ повидимому—какъ установилъ Бюхеръ (а частью еще до него Эшли, Роджерсъ, Охенковскій) [2])—ремесло во второй формѣ [3]). Въ интересахъ городского ремесла, привозъ промышленныхъ издѣлій, изготовленныхъ внѣ города (тѣхъ промысловъ, которые имѣлись въ городѣ), былъ нерѣдко вовсе запрещенъ, за исключеніемъ ярмарочныхъ дней, когда онъ былъ свободенъ для всѣхъ. Или же онъ былъ обставленъ чрезвычайными стѣсненіями вродѣ права продажи привозныхъ товаровъ лишь оптомъ, въ теченіе опредѣленнаго срока, уплаты многочисленныхъ разнообразныхъ торговыхъ сборовъ—рыночныхъ, проѣздныхъ, мостовыхъ, вѣсовыхъ, складочныхъ, у подъемныхъ крановъ и т. д. При этомъ торговецъ обязанъ былъ пользоваться городскими вѣсами и платить вѣсовой сборъ, уплачивалъ мостовый сборъ даже если ѣхалъ вбродъ, складочный—если не пользовался торговымъ подворьемъ, у подъемныхъ крановъ—хотя бы выгружалъ свои суда безъ помощи крановъ [4]). Иногда торговецъ былъ предоставленъ на усмотрѣніе цеха, къ сферѣ котораго онъ относился, отданъ подъ его контроль въ отношеніи доброкачественности товара. Это приводило большей частью къ запрещенію, ибо, признавая привезенныя издѣлія негодными, цехъ не только устранялъ иногороднюю конкурренцію, но и удерживалъ въ свою пользу часть конфискованныхъ товаровъ или штрафныхъ денегъ. Всѣ эти постановленія составляли сильное

---

[1]) Loesch. Einl., p. 42, 56 и сл.

[2]) Ashley. Introduction. I. Rogers. Six Centuries. p. 136. 267. Ochenkowski. p. 53—4. Bücher. Entstehung (очеркъ о формахъ промышленности).

[3]) Противъ этого возражаютъ Зомбартъ (Kapitalismus. I). Де Маресъ (Travail à Bruxelles etc.), отчасти и Ковалевскій (Экономич. ростъ, т. III), въ особ. же Беловъ (Zeitschr. für. Soz. und Wirtschaftsgesch. V. 227 и сл.—есть въ рус. изд.); послѣдній утверждаетъ, что ремесло въ тѣсномъ смыслѣ существовало уже въ ранее средневѣковье, а съ другой стороны, нѣкоторые промыслы вплоть до XIX ст. сохранили форму работы на заказъ. Но онъ упускаетъ изъ виду, что большинство промысловъ въ XIII—XV ст. сбывало готовый продуктъ, причемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы можемъ прослѣдить, что въ позднее средневѣковье совершился переходъ къ этой формѣ отъ работы на заказъ.

[4]) См. Кулишеръ. Коммунальное обложеніе, стр. 159 и сл. 164—68, 171.

стѣсненіе для торговли въ городѣ промышленными издѣліями, за исключеніемъ лишь такихъ, которыя въ большинствѣ городовъ не производились. Такъ, напр., шелковыя ткани, издѣлія изъ стекла изготовлялись почти исключительно въ итальянскихъ городахъ, сукно высшаго качества выдѣлывалось въ Италіи и Фландріи, различныя металлическія издѣлія только въ Нюрнбергѣ—почему эти товары допускались къ ввозу.

Въ еще большей степени отъ городской промышленной политики страдали жители пригородныхъ селъ, ибо послѣдніе на протяженіи нѣсколькихъ миль отъ города (Bannmeile — заповѣдная миля) не могли изготовлять промышленныхъ издѣлій, а обязаны были покупать ихъ въ городѣ. При этомъ крестьяне не только вынуждены были пріобрѣтать исключительно произведенныя цехомъ промышленныя издѣлія, но и при покупкѣ послѣднихъ находились въ весьма невыгодномъ положеніи. Пріобрѣтая ихъ въ обмѣнъ на привозимые въ городъ сельско-хозяйственные продукты, крестьяне были сами совершенно неорганизованы и въ то же время имѣли предъ собой крѣпко сплоченныхъ цеховыхъ мастеровъ. Къ тому же городъ всячески стѣснялъ пріѣзжавшаго на городской рынокъ крестьянина, ограничивая время продажи; не дозволялъ ему вывозить обратно привезенныхъ продуктовъ, нерѣдко даже устанавливалъ для него максимальныя цѣны (таксы), выше которыхъ онъ не могъ продавать зерно, домашнюю птицу, скотъ, овощи и т. д. Шмоллеръ, слѣдовательно, правильно указываетъ на то, что городская политика имѣла въ виду интересы ремесленника и старалась всячески поставить въ невыгодное положеніе крестьянина.

Минимальныя таксы устанавливались цехами для своихъ членовъ съ цѣлью предупредить конкуренцію среди мастеровъ и сбиваніе цѣнъ, частью въ видѣ прямыхъ запрещеній въ статутѣ брать ниже опредѣленныхъ цѣнъ или ниже обычной цѣны, частью путемъ особыхъ постановленій цеховыхъ собраній или старѣйшинъ—въ Англіи они пользовались этимъ правомъ вплоть до начала XVI вѣка. Рядомъ съ этими таксами существовали и максимальныя таксы, издаваемыя городскимъ совѣтомъ и запрещающія цехамъ продавать дороже извѣстной цѣны; но онѣ распространяются только на пищевые продукты, вздорожаніе которыхъ было особенно опасно, ибо могло вызвать волненія. Такія маасимальныя таксы находимъ на (печеный) хлѣбъ, мясо, рыбу, пиво, вино и т. п. Въ одниxъ случаяхъ опредѣлена непосредственно цѣна продукта, въ другихъ случаяхъ указана прибыль, болѣе которой запрещается наживать. Таксы на хлѣбъ устанавливаются обыкновенно слѣдующимъ образомъ; цѣна опредѣляется одна и та же разъ навсегда, но вѣсъ испеченнаго хлѣба долженъ мѣняться въ зависимости отъ колебаній въ цѣнѣ на зерно. Эти таксы имѣютъ, слѣдовательно, подвижной характеръ. Однако, практическое значеніе максимальныхъ таксъ было невелико; нерѣдко цехи вовсе отказывались имъ подчиняться. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ самомъ установленіи таксъ участвовали заинтересованныя лица—пекаря, мясники, рыбники; изъ нихъ же выбирались должностныя лица, которыя обязаны были слѣдить за выполненіемъ таксъ. Напротивъ, максимальныя таксы на привозимыя въ городъ крестьянами сельско-хозяйственные продукты составлялись лицами, заинтересованными въ продажѣ этихъ произведеній по низкой цѣнѣ, именно городскими жителями. Такъ, напр., во Флоренціи комиссія, устанавливавшая таксу на привозное зерно, состояла изъ торговца пряностями, торговца маслами, оружейника, кожевника и продавца желѣзныхъ товаровъ. Она заявляла, что такса издается ради блага общаго, искусствъ и ремеслъ, слѣдовательно, отождествляла свои собственные интересы съ общими и совершенно игнорировала выгоды земледѣльца.

Сила цеховыхъ ремесленниковъ усугублялась стѣснительностью доступа въ составъ цеха, въ виду различныхъ требованій, предъявляемыхъ къ каж-

дому вновь вступающему, вслѣдствіе чего количество ихъ не могло достигнуть значительныхъ размѣровъ. Этимъ не только облегчался надзоръ за выполненіемъ всѣми членами установленныхъ сообща правилъ, который при большой численности ихъ едва ли былъ бы мыслимъ, но и самый Zunftzwang пріобрѣталъ крупное практическое значеніе. Если бы всякій, желающій заниматься промысломъ, могъ вступить въ соотвѣтствующій цехъ, Zunftzwang имѣлъ бы чисто формальный характеръ. Теперь же онъ обезпечивалъ привилегію производства за немногими, предоставляя имъ монопольное положеніе на рынкѣ. Условія, которымъ необходимо было удовлетворять для того, чтобы стать мастеромъ, членомъ цеха, были троякаго рода. Во-1-хъ, въ отношеніи происхожденія кандидата. Не допускались иностранцы и даже иногородніе, несвободные (сыновья рабовъ и крѣпостныхъ), незаконнорожденные, сыновья лицъ, принадлежащихъ къ т. наз. позорящимъ или безчестнымъ занятіямъ. Къ послѣднимъ относились ткачи льняныхъ издѣлій, мельники, кожевники, пастухи, баньщики, цирульники, музыканты, ночные сторожа, палачи, гробокопатели и др. При этомъ требовалось доказательство свободнаго и законнаго рожденія какъ самаго ремесленника (отъ «честныхъ» родителей), такъ и жены, иногда и предковъ до четвертаго поколѣнія включительно. Во-2-хъ, установлены были требованія техническаго характера. Прежде чѣмъ стать мастеромъ, нужно было пробыть извѣстное, нерѣдко весьма продолжительное время (7 лѣтъ) ученикомъ, а затѣмъ работать у мастера въ качествѣ подмастерья, совершить странствованіе по различнымъ городамъ и въ заключеніе выполнить пробную работу (Meisterstück, chef d'oeuvre, essay). Наконецъ, въ-3-хъ, въ статутахъ содержатся требованія матеріальнаго свойства. Установлена цѣлая система вступительныхъ взносовъ съ ученика, подмастерья, вновь вступающаго мастера. Далѣе требуется обладаніе извѣстнымъ имуществомъ; обязательно устройство обильнаго пиршества, вызывавшаго большіе расходы: «чѣмъ лучше будетъ угощеніе, тѣмъ больше онъ заслужитъ благодарности»; со значительными расходами было сопряжено и изготовленіе пробной работы: матеріалъ и инструменты нерѣдко пріобрѣтались подмастерьемъ на собственный счетъ, изготовленный же продуктъ поступалъ въ пользу цеха.

Признаніе различныхъ профессій „позорящими" преграждало доступъ въ цехъ широкому кругу населенія. Въ Бременѣ въ 1440 г. башмачники отказываютъ въ пріемѣ одному лицу за то, что жена его происходитъ изъ ремесла ткачей (т. е. ея отецъ былъ ткачемъ), и лишь городскому магистрату удается послѣ продолжительныхъ усилій заставить цехъ нарушить существующій обычай и принять этого башмачника [1]). Золотыхъ дѣлъ мастера Познани не приняли въ 1448 г. нѣкоего Севастіана, такъ какъ отецъ его былъ цирульникомъ [2]). Сынъ кожевника ни въ коемъ случаѣ не могъ стать кузнецомъ, ибо для этого требовалось имѣть „честное происхожденіе" [3]).

Вступительные взносы постепенно достигаютъ весьма высокихъ размѣровъ, вслѣдствіе чего „человѣкъ бѣдный, если не юридически, то фактически не имѣлъ возможности сдѣлаться мастеромъ" [4]). Во французскихъ городахъ въ

---

[1]) Böhmert. Urkundliche Geschichte der bremischen Schusterzunft. Urk. № 3.
[2]) Warschauer. Die mittelalterl. Innungen zu Posen. Zeitschr. der histor. Gesellsch. für die Prov. Posen. 1885 p. 30.
[3]) Beck. Geschichte des Eisens. I. p. 882.
[4]) Boissonade. Essai sur l'organisation du travail en Poitou. II. p. 100.

XIII ст. сумма, уплачиваемая при пріобрѣтеніи званія мастера, еще незначительна и упоминается о ней далеко не во всѣхъ статутахъ. Въ первой половинѣ XIV ст. она уже равняется 20 сол., а во второй половинѣ того же вѣка—40 и 60 сол., и это требованіе становится всеобщимъ. Въ XV ст. вступительный взносъ уже опредѣляется ливрами, и взносъ въ 10 ливр. (200 сол.) является далеко не рѣдкимъ [1]). Въ англійскихъ городахъ власти неоднократно издаютъ постановленія, направленныя противъ чрезмѣрныхъ поборовъ, взимаемыхъ при вступленіи въ цехъ [2]). Подобные же факты встрѣчаются въ нѣмецкихъ городахъ. Въ 1441 г. базельскій магистратъ жалуется на то, что цехи довели вступительную сумму до такихъ размѣровъ, что никто болѣе не рѣшается селиться въ Базелѣ [3]). Въ Страсбургѣ въ 1400—1434 гг. суконщики и сукновалы взимаютъ вступительный взносъ въ 45 шилл., ткачи (въ 1407 г.) въ 85 шилл. съ каждаго вступающаго, кромѣ дѣтей мастеровъ цеха; вслѣдствіе этого, какъ указываетъ Шмоллеръ, „доступъ всѣхъ постороннихъ лицъ (т. е. не происходящихъ отъ членовъ цеха) былъ сильно стѣсненъ“ [4]).

Въ отношеніи требованій, предъявляемыхъ при вступленіи въ цехъ, господствующая теорія различаетъ два періода въ исторіи цехового строя—періодъ средневѣковый или періодъ расцвѣта цеховъ, и періодъ упадка, относящійся къ XVI—XVIII ст. Одни, проводящіе это различіе весьма рѣзко, преимущественно нѣмецкіе ученые (Шенбергъ, Гирке, Шталь), утверждаютъ, что постановленія стѣснительнаго характера, являющіяся результатомъ погони за наживой, и съ этой цѣлью сокращающія число мастеровъ, не существовали еще въ средніе вѣка. Въ эту эпоху «величественныя, по истинѣ благородныя черты» обнаруживаются въ статутахъ, имѣвшихъ въ виду, въ отличіе отъ послѣдующаго періода, интересы не только членовъ цеха, но и потребителей и подмастерьевъ. Другіе, преимущественно французскіе и англійскіе историки и экономисты (Левассеръ, Кеннингэмъ, Де-Маресъ), а также и нѣкоторые новѣйшіе нѣмецкіе (Шмоллеръ, Стида, Шанцъ), признаютъ, что уже весьма рано встрѣчаются многія изъ тѣхъ требованій, которыя мы находимъ впослѣдствіи. Они утверждаютъ, однако, что эти требованія еще не преслѣдовали цѣли стѣсненія доступа въ цехъ, какъ это было впослѣдствіи; лишь позднѣе, подъ вліяніемъ возрастанія народонаселенія и ухудшенія условій сбыта, цехи постепенно пріобрѣтаютъ характеръ исключительности, столь рѣзко бросающейся въ глаза въ особенности въ XVII—XVIII ст.

Въ дѣйствительности, однако, мы встрѣчаемъ всѣ перечисленныя выше требованія, въ томъ числѣ даже такія, которыя, какъ, напр., пробная работа, разсматриваются обыкновенно, въ качествѣ появившихся наиболѣе поздно,—уже въ XIII—XIV ст., какъ обычное явленіе.

Мы находимъ пробную работу въ XIV ст.: въ Любекѣ (портные въ 1370 г. скорняки въ 1386 г. и др.), въ Ригѣ (золотыхъ дѣлъ мастера въ 1360 г., бочары въ 1370 г. и др.), въ Гамбургѣ (пекаря въ 1375 г.), въ Данцигѣ (кузнецы въ 1387 г.). въ Майнцѣ (портные въ 1391 г.), въ Штеттинѣ (кузнецы въ 1313 г.), въ Берлинѣ (пекаря въ 1272 г.), въ Кельнѣ, Нюрнбергѣ, Мюнхенѣ, Фрейбергѣ, а также въ Лондонѣ, Римѣ, Венеціи, Флоренціи въ томъ же XIV ст.; въ Парижѣ уже въ XIII ст. (сѣдельники; пирожники, ткачи шелковыхъ матерій и др.). См. мою Эволюцію прибыли съ капитала, т. I, стр. 347 и сл.

[1]) Eberstadt. Das französ. Gewerberecht vom XIII Jahrh. bis 1581. p. 87, 156, 245.
[2]) Ashley. Introduction. (рус. изд. 335 и сл.).
[3]) Geering. Handel und Industrie Basels bis zum XVII Jahrh. p. 63—65.
[4]) Schmoller. Tucher-und Weberzunft. Urkunden. №№ 11. 20, 22—23, 32.

При этомъ необходимо имѣть въ виду, что цеховые статуты являются ничѣмъ инымъ, какъ записями нормъ обычнаго права, которыя могли существовать уже задолго до ихъ внесенія въ статутъ, почему есть основанія предполагать, что они возникли и примѣнялись въ жизни гораздо раньше. Что же касается характера постановленій, то, конечно, въ самой наличности ихъ еще нельзя усматривать стремленія къ стѣсненію доступа въ цехъ. Многія изъ нихъ обусловливались потребностями цеховой жизни; такъ, напр., денежные взносы необходимы были на нужды цеха—для пріобрѣтенія различныхъ приспособленій техническаго характера, для покупки оружія, нужнаго при сторожевой службѣ; воскъ нуженъ былъ для богослуженія, угощенія находились въ связи съ потребностями общенія. Другія постановленія вызывались необходимостью пріобрѣтенія знаній и провѣрки ихъ: таково, напр., странствованіе подмастерьевъ (при отсутствіи промышленныхъ школъ и характерѣ техники того времени), пробная работа. Наконецъ, они могли вытекать изъ присущей тому времени вообще вражды къ иностранцамъ или иногороднимъ, или изъ какихъ-либо средневѣковыхъ предразсудковъ, представленій о сословной чести и достоинствѣ свободныхъ людей; поэтому, напр., недопущеніе дѣтей «безчестныхъ» родителей, т. е. опредѣленныхъ («позорныхъ») профессій, незаконнорожденныхъ, несвободныхъ. Но во всякомъ случаѣ, даже стоя на такой точкѣ зрѣнія, мы все-таки получимъ въ результатѣ, что цехи, не стремясь вовсе къ этому, все же на практикѣ должны были устранять цѣлую массу лицъ, которыя не удовлетворяли тѣмъ или другимъ требованіямъ, вытекавшимъ изъ дѣйствительныхъ нуждъ цеха или изъ предразсудковъ того времени.

Есть, однако, факты, свидѣтельствующіе о наличности прямого намѣренія у цеховъ устранить конкуррентовъ. Если цехи требовали наличности опредѣленнаго, иногда весьма значительнаго имущества у вновь поступающихъ; если производимая кандидатомъ пробная работа нерѣдко состояла въ изготовленіи такого предмета, который вышелъ изъ употребленія и былъ почти неизвѣстенъ, и производилась она такъ, что никакого вывода объ умѣньи подмастерья нельзя было сдѣлать, наконецъ, даже могла быть вовсе замѣнена уплатой извѣстной суммы въ пользу цеха; если многіе цехи прямо опредѣляли максимумъ членовъ,—то едва ли все это можно объяснить чѣмъ-либо инымъ, какъ не стремленіемъ къ исключительности, къ монополизаціи промысла въ рукахъ немногихъ мастеровъ, посредствомъ затрудненія доступа всѣмъ остальнымъ желающимъ.

Бременскій сапожный цехъ (статуты 1300 и 1388 г.г.) допускаетъ лишь тѣхъ лицъ (постороннихъ, въ отличіе отъ дѣтей мастера), которыя имѣютъ имущество цѣнностью въ 8 фун. марокъ серебра; постановленіе — по словамъ Бемерта — очень жестокое для людей несостоятельныхъ, которымъ этимъ путемъ вовсе закрывался доступъ въ цехъ, ибо это была весьма солидная для того времени сумма; при вступленіи въ члены городской ратуши имущественный цензъ въ XIV ст. равнялся 32 ф. мар. Въ другихъ городахъ требовалось нерѣдко еще большее имущество: въ Гамбургѣ (пекаря и бочары 1375 г.) и въ Люнебургѣ (сапожники 1389 г.) въ 20 мар., въ Любекѣ — до 30 мар. Такое требованіе постоянно встрѣчается и въ цеховыхъ уставахъ Риги, Вернигероде, Грейфсвальда, въ Парижѣ и Сентъ-Омерѣ даже въ отношеніи подмастерьевъ; въ Англіи, кто не располагаетъ годовымъ доходомъ въ 20 шилл., не можетъ отдавать своихъ дѣтей въ ученье. (См. мою Эвол. приб. I. 335).

Пробная работа нѣмецкихъ кузнецовъ состояла нерѣдко въ томъ, что подмастерье долженъ былъ изготовить подковы для лошадей, не снимая мѣрки и даже не взглянувъ ближе на ногу лошади, передъ нимъ только проѣзжали два—три раза на ней (Beck). Во французскихъ цехахъ не только изготовляются нерѣдко въ качествѣ пробной работы предметы, совершенно вышедшіе изъ употребленія, но кромѣ того опредѣляется низшая цѣнность пробной работы и устанавливаются особые взносы въ пользу лицъ, присутствовавшихъ при изготовленіи пробной работы. Въ то-же время сыновья мастеровъ (въ Аміенѣ, Пуатье, Брюсселѣ и др. городахъ) освобождаются вовсе отъ выполненія пробной работы (См. Эвол. прнб. I, 347 и сл.).

Мы находимъ цѣлый рядъ т. наз. замкнутыхъ цеховъ, т.-е. такихъ, гдѣ былъ установленъ максимумъ членовъ и новые принимались лишь постольку, поскольку мѣсто очищалось умершими мастерами. Въ Любекѣ, напр., латунники (въ 1330 г.), игольный цехъ (1356 г.), рыбники (1376 г.) опредѣляютъ число мастеровъ въ 12, въ Штеттинѣ ограничено число башмачниковъ, бочарей, въ Нюрнбергѣ — жестяниковъ, красильщиковъ, въ Гамбургѣ — бочарей, ткачей и др., въ Руанѣ—шапочниковъ. Почти повсюду ограничено число мясниковъ, обыкновенно и пекарей, суконщиковъ, кузнецовъ, ибо здѣсь продажа производилась изъ опредѣленныхъ прилавковъ или предметы изготовлялись въ особыхъ мастерскихъ, число которыхъ, по словамъ цеха, не могло быть увеличено (См. Эвол. прнб. I. 356).

Наличность стремленія къ монополизаціи промысла подтверждается и различными коментаріями къ цеховымъ постановленіямъ, въ которыхъ цехи сами иногда объясняютъ причину тѣхъ или иныхъ мѣръ: напр., увеличеніе вступительныхъ взносовъ необходимо для того, чтобы воспрепятствовать ученикамъ самостоятельно начинать производство по окончаніи срока ученичества (брюссельскіе шерстоткачи въ 1481 г. и саузэмптонскіе портные въ 1474 г. и бочары въ 1436 г.) [1]. Или-же они аргументируютъ слѣдующимъ образомъ (Ульмъ): среди сельскихъ ткачей много лицъ сомнительной репутаціи, не отбывшихъ надлежащимъ образомъ ученичества; отъ этого страдаютъ они, цеховые ремесленники, почему производство тканей должно быть на будущее время монополіей ткацкаго цеха, и всякій, желающій заниматься этимъ ремесломъ, обязанъ пріобрѣсти право гражданства въ городѣ за 22 гульд. и заплатить 4 гульд. въ цехъ [3]).

Нельзя отрицать, конечно, того, что въ исторіи цеховъ существовалъ извѣстный, въ однихъ городахъ и странахъ болѣе, въ другихъ менѣе продолжительный періодъ, когда цехи, не имѣя вовсе статутовъ или составляя таковые, не устанавливали стѣснительныхъ правилъ въ отношеніи вновь вступающихъ. Однако—и это весьма существенно — отсутствіе такихъ правилъ вовсе не объясняется существованіемъ въ эту эпоху якобы вполнѣ свободной „германской" корпораціи; послѣднее противорѣчило бы и всему характеру цеховой организаціи, проявляющемуся во всѣхъ другихъ сторонахъ ея. Оно вызвано, повидимому, тѣмъ обстоятельствомъ, что первоначально ремесло переходило отъ отца къ сыну въ предѣлахъ небольшой группы лицъ, входившей въ составъ первоначальной промышленной общины.

Именно въ древнѣйшихъ цеховыхъ статутахъ мы находимъ наслѣдственность цеховъ, напр., равеннскихъ рыболововъ X ст., венеціанскихъ шорниковъ, кожевниковъ, мясниковъ, солеваровъ X ст., въ статутахъ вормскихъ рыбаковъ

---

[1]) Des Marez. L'organisation du travail à Bruxelles au XV siècle. p. 47, 76.
[2]) Ashley. Introduction. p. 337—38.
[3]) Nübling. Ulms Baumwollweberei im Mittelalter.

XI ст., парижскихъ мясниковъ XII вѣка, въ различныхъ раннихъ англійскихъ статутахъ и т. д. [1]). Многіе изъ нихъ еще и впослѣдствіи отказываются принимать въ цехъ постороннихъ, напр., мясники въ различныхъ французскихъ городахъ, кузнецы въ норманскихъ городахъ еще въ XIV—XV ст., пекари въ прирейнскихъ городахъ и т. д. [2]). Но большинство вынуждено было допускать впослѣдствіи и ихъ въ свою среду; и эту перемѣну въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр., для цеховъ г. Гекстера и у бременскихъ сапожниковъ, мы въ состояніи прямо установить при сравненіи цеховыхъ уставовъ болѣе ранней и болѣе поздней эпохи [3]).

Однако, разница между „своими" и „чужими" проводилась и впослѣдствіи. Первые непосредственно получали право занятія промысломъ: самый фактъ достиженія совершеннолѣтія давалъ сыну мастера или лицу, женившемуся на дочери или вдовѣ мастера, право стать мастеромъ. Вторые, напротивъ, — характерная черта всѣхъ цеховыхъ уставовъ — должны были удовлетворять различнымъ, нерѣдко весьма стѣснительнымъ условіямъ, какъ-то: изготовленіе на мѣстѣ сложной пробной работы, внесеніе значительной суммы и т. д., въ противномъ случаѣ они не допускались вовсе. Во всякомъ случаѣ, даже если и для „своихъ" устанавливались какія-либо условія пріема, они были несравненно легче, чѣмъ тѣ, которымъ должны были удовлетворять посторонніе, не принадлежавшіе къ семьѣ мастера.

„Свои" освобождались отъ семилѣтняго ученичества, отъ вступительнаго взноса, иногда даже отъ пробной работы, такъ что техническая квалификація замѣнялась происхожденіемъ. „Въ Штетинѣ—говоритъ Блюмке — не было ни одного постановленія относительно пріема въ цехъ, которое бы не отмѣнялось или существенно не измѣнялось въ пользу дѣтей мастера" [4]).

Промыслы кузнецовъ, котельщиковъ, мѣдниковъ и латунщиковъ въ Нюрнбергѣ (1399 г.) принимали въ цехъ только тѣхъ, кто пріобрѣлъ домъ, съ которымъ было связано право занятія ремесломъ. Эти дома носили названіе „Eheschmieden", ибо пріобрѣтались большею частью путемъ вступленія въ бракъ: женясь на дочери мастера, подмастерье достигалъ званія мастера [5]). Въ различныхъ цехахъ Парижа, Монпелье, Аміена, Пуатье сыновья мастеровъ освобождаются отъ уплаты вступительнаго взноса [6]); такое же постановленіе находимъ въ итальянскихъ городахъ—Луккѣ, Пьяченцѣ, Сіенѣ, Флоренціи [7]). Въ Англіи они не обязаны отбывать семилѣтняго ученичества, въ Брюсселѣ и различныхъ французскихъ городахъ отъ нихъ не требуется пробной работы [8]). Благодаря такому предпочтенію, отдаваемому тѣмъ, кто „родился въ цехѣ", во многихъ случаяхъ прочимъ подмастерьямъ вовсе была закрыта возможность стать самостоятельными хозяевами.

Въ такомъ разграниченіи своихъ и чужихъ проводился, повидимому, въ хозяйственной области знакомый и другимъ сторонамъ цехового строя принципъ участія въ цеховой жизни не только полноправныхъ мастеровъ, но и ихъ семействъ. Подобно тому, какъ семья принимала участіе въ устраи-

---

1) Ковалевскій. Экономич. ростъ Европы. III. 56. 148. Rogers. p. 77. Levasseur. I. p. 348—49.

2) Martin—Saint Léon. p. 271—90. Boissonade. Essai sur l'organisation du travail en Poitou. II. p. 79. Levasseur. I. 284, 349. Maurer. II. 459. Schanz.

3) Wigand. Denkwürdige Beiträge etc. p. 135—43. Böhmert. Urkundliche Gesch. p. 15, 153. p. 16—18.

4) Beck. I. p. 880—81. II. p. 566.

5) Fagniez. Etudes sur l'industrie et la classe industrielle à Paris au XIII et au XIV s. p. 102.

6) Levasseur. I. 279. Martin Saint Léon. p. 261. Boissonade II. 62 и сл.

7) Ковалевскій III. 134—35. Poehlmann. p. 48.

8) Ochenkowski. p. 70, 136. Ashley. p. 353. Des Marez. p. 50—53, 80—83.

ваемыхъ цехомъ празднествахъ, религіозныхъ процессіяхъ, пользовалась поддержкой въ случаѣ смерти мастера, семьѣ въ ея цѣломъ принадлежали и цеховыя привилегіи. Сынъ мастера, лицо, женившееся на дочери его или вдовѣ, имѣло первоначально исключительное, а впослѣдствіи преимущественное право на производство того ремесла, которое производилъ отецъ и мужъ, на переходъ къ нимъ принадлежавшихъ ему правъ.

ГЛАВА V.

Ограниченность мѣстнаго рынка; положеніе подмастерьевъ.

Стѣсненіе доступа въ цехъ и покровительство родственникамъ членовъ цеха не только обусловливливалось замкнутымъ характеромъ средневѣковыхъ корпорацій, но имѣло основанія и экономическаго характера. Оно вытекало изъ недостаточности мѣстнаго городского рынка. При небольшой численности городского населенія и незначительной покупательной способности крестьянскаго населенія спросъ на ремесленныя издѣлія былъ весьма ограниченъ [1]). Городъ вынужденъ былъ устанавливать порядокъ убоя скота мясниками, печенья хлѣба для пекарей, отводя каждому лицу опредѣленные дни; онъ опредѣлялъ максимумъ производства для другихъ промысловъ. И все же рынокъ былъ бы несомнѣнно весьма скоро переполненъ, если бы доступъ въ цехъ былъ открытъ всякому. Приходилось принимать дальнѣйшія мѣры — не допускать въ цехи обширныя категоріи населенія („позорящія" профессіи, незаконнорожденныхъ и т. д.), устанавливать сложную пробную работу и иныя техническія требованія, повышать вступительные взносы и не допускаютъ лицъ безъ опредѣленнаго имущества, даже просто опредѣлять число мастеровъ цеха.

Но этимъ города и цехи ограничивались. Никакихъ мѣръ къ облегченію сбыта они не принимали; требовали, чтобы мастеръ сидѣлъ въ своей мастерской или лавкѣ, поджидая — нерѣдко напрасно — покупателя, но не давали ему возможности сбывать свои издѣлія за предѣлами городского рынка. Правда, отдѣльные ремесленники дѣлали попытки посѣщать рынки и ярмарки и распространять тамъ свои товары; такъ поступали, напр., брюссельскіе оружейники, башмачники, перчаточники, золотыхъ дѣлъ мастера, портупейники, ткачи въ Кельнѣ, Любекѣ, Нюрнбергѣ. Но все же въ средніе вѣка это были исключенія; огромное большинство производило для мѣстнаго ограниченнаго рынка.

Недостаточностью послѣдняго обусловливается и положеніе подмастерьевъ, стремленіе цеховъ всячески затруднять имъ пріобрѣтеніе званія мастера.

Цеховое ремесло средневѣковой эпохи отличается трехстепенной градаціей. Оно состоитъ изъ учениковъ, подмастерьевъ и полноправныхъ членовъ цеха — мастеровъ. Аналогичную градацію мы находимъ въ другихъ

---

[1]) См. Stieda. Litteratur, heutige Zustände und Entstehung der deut. Hausindustrie. p. 156.

организаціяхъ того времени: рыцарствѣ, церкви, университетахъ. Мастеру дозволялось обыкновенно держать не болѣе 1—2 учениковъ (собственныя дѣти сюда не входили), а срокъ ученія продолжался въ Германіи около 4, въ Италіи 5—7, въ Англіи 7, во Франціи 6—8 лѣтъ, причемъ допускалась (во Франціи) замѣна 1—2 лѣтъ ученичества уплатой мастеру извѣстной суммы; во Франціи и Англіи ученикъ получалъ въ послѣдніе годы небольшое вознагражденіе. При семилѣтнемъ срокѣ ученичества и несложности средневѣковой техники, ученикъ въ послѣдніе годы являлся уже настоящимъ работникомъ [1]); такой характеръ работника имѣлъ во всякомъ случаѣ подмастерье. Между тѣмъ плата подмастерьевъ устанавливалась односторонне цеховыми мастерами, цехомъ въ его совокупности,—это входило въ составъ его автономіи. Въ предупрежденіе того, чтобы мастеръ не отбивалъ хорошаго подмастерья у другого, цехъ опредѣлялъ максимумъ поштучной или поденной платы, свыше которой ни одинъ мастеръ не вправѣ былъ платить своему подмастерью подъ страхомъ наказанія. Другую отрицательную сторону средневѣковой промышленной жизни составляла чрезмѣрная продолжительность рабочаго дня, длившагося отъ восхода до заката солнца, а нерѣдко продолжавшагося и при искусственномъ освѣщеніи. Продолжительность труда равнялась обыкновенно 14—16 часамъ въ сутки, только строительные рабочіе работали меньше, да и вознаграждались лучше. Впрочемъ, эта продолжительность умѣрялась „синимъ" понедѣльникомъ, когда подмастерьи послѣ воскресной попойки, не являлись на работу.

Такъ, въ статутѣ янтарнаго цеха города Любека 1365 г. запрещается платить подмастерью свыше 4 пфен. за сверленье тысячи камней. „Запрещается давать подмастерью или обѣщать ему болѣе обычнаго въ Парижѣ вознагражденія". Въ г. Аміенѣ плата подмастерьевъ — кожевниковъ опредѣлена въ 3 су; подмастерьи, отказывающіеся подчиниться этому постановленію, подвергаются строгимъ наказаніямъ. Въ Брюсселѣ, въ случаѣ уплаты подмастерью болѣе обычной платы, послѣдній подвергается штрафу въ 5 су; мастеръ же, дающій болѣе высокую плату — штрафу въ 20 су. Цехи портныхъ 20 прирейнскихъ городовъ опредѣляютъ норму вознагражденія подмастерьевъ на 28 лѣтъ: „никто не въ правѣ—гласитъ постановленіе — платить подмастерью болѣе 2 фунтовъ, какъ это существуетъ съ давнихъ поръ".

„Рабочій день нѣмецкихъ подмастерьевъ въ средніе вѣка былъ весьма продолжителенъ; работали съ восхода солца до заката, во многихъ промыслахъ и при искусственномъ освѣщеніи. 14, 15, 16 часовъ составляютъ въ тѣ времена обычное явленіе. Строительные рабочіе, занимающіе особенно привилегированное положеніе, работаютъ всего 10—11 час. въ день" (Schoenlank. Gesellenvebände. Handw. der Staatswiss IV). Рабочій день продолжался въ Кельнѣ (оружейники) съ 5 ч. утра до 9 ч. веч., въ Любекѣ—15 час., во Франціи — съ восхода солнца до наступленія ночи: depuis le heure, que on i porra ouver par jour sans candeille, jusques à tant que on porra ouver dudict jour sans candelle (XIV ст.). См. мою Эвол. прибыли, т. II, стр. 103 и сл.

Такое неблагопріятное положеніе подмастерьевъ не могло бы, однако, вызывать какихъ-либо послѣдствій, тѣмъ болѣе, что подмастерье работалъ за однимъ станкомъ съ мастеромъ, а, слѣдовательно, и послѣдній едва ли прекращалъ работу раньше,—если бы эта ступень была лишь временной,

[1]) Впрочемъ, нерѣдко вмѣсто обученія мастеръ заставлялъ ученика заниматься домашними работами, пользуясь имъ въ качествѣ прислуги, причемъ обращеніе съ учениками было, какъ видно изъ статутовъ, нерѣдко жестокое.

переходной, по истеченіи извѣстнаго времени, ступенью къ званію мастера; такъ это могло и должно было бы быть при существованіи мелкой формы производства—ремесла, не требовавшаго сколько - нибудь значительнаго капитала, а, слѣдовательно, доступнаго каждому, кто выучился данному промыслу. Предположеніе о томъ, что ступень подмастерья была дѣйствительно лишь временной, долгое время господствовало въ исторической литературѣ, идеализировавшей средневѣковый цеховой бытъ: разъ доступъ въ цехъ былъ въ тѣ времена свободенъ, то, очевидно,—по этой теоріи—всякій подмастерье долженъ былъ стать мастеромъ. Однако, оно должно въ настоящее время считаться отвергнутымъ. Выяснилось, что подъ вліяніемъ стѣсненій доступа въ цехъ (см. выше), большое количество подмастерьевъ оставалось въ этомъ положеніи всю жизнь (имѣлись даже женатые, жившіе внѣ дома хозяина), образуя уже въ XIV—XV ст. постоянный промышленный рабочій классъ. „Въ половинѣ XIV ст.—говоритъ Эшли—образовался въ Англіи рабочій классъ въ томъ смыслѣ этого слова, какого оно не имѣло ранѣе. Классъ этотъ увеличивается, для каждаго средняго подмастерья стало уже невозможнымъ, какъ это было ранѣе, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы, завести свое дѣло“ [1]). „XIII и XIV ст.—читаемъ у М. М. Ковалевскаго — вопреки утвержденію идеализаторовъ средневѣковыхъ порядковъ, уже были свидѣтелями начавшагося вѣроятно съ самаго момента возникновенія цеховъ процесса дифференціаціи труда и капитала въ области промышленности“ [2]).

Поэтому-то продолжительный рабочій день и низкая плата должны были вызывать столкновенія между подмастерьями и хозяевами. Уже въ XIV ст. происходятъ среди подмастерьевъ волненія, недоразумѣнія между ними и мастерами, вызывающія среди послѣднихъ вопросъ о томъ, какъ сохранить власть надъ своими „слугами“ (valet, Knecht, servant). Возникаютъ стачки („заговоры“) среди подмастерьевъ; послѣдніе предъявляютъ требованіе о повышеніи платы и сокращеніи рабочаго дня и одновременно прекращаютъ работу и уходятъ изъ города; у подмастерьевъ-кузнецовъ былъ даже техническій терминъ стачки—„den Meistern den Hammer legen“. Появляются и постоянные союзы подмастерьевъ. Будучи вызваны общимъ стремленіемъ въ средніе вѣка къ соединенію въ корпораціи лицъ одного и того же сословія, эти организаціи свидѣтельствуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ о томъ, что подмастерьи считали себя чѣмъ-то совершенно отличнымъ отъ цеховъ, какъ союзовъ цеховыхъ мастеровъ, преслѣдовали иные интересы. Они возникли первоначально, какъ и всѣ прочія организаціи въ эпоху гоненій, въ видѣ исключительно религіозныхъ братствъ, но вскорѣ союзы подмастерьевъ стали преслѣдовать и цѣли экономическаго свойства, почему повсюду вызывали противодѣйствіе со стороны цеховъ и попытки къ ихъ уничтоженію.

Въ 1383 г. цехи кузнецовъ городовъ Майнца, Вормса, Шпейера, Франкфурта, Гейнгаузена, Ашафенбурга, Бингена, Оппенгейма и Крейцнаха вступаютъ въ соглашеніе относительно того, какъ сохранить свою власть надъ под-

---

[1]) Эшли, стр. 362.
[2]) Ковалевскій. Ш. 127. 142.

мастерьями (слугами), среди которыхъ происходятъ волненія. „Это столь рано обнаружившееся недовольство подмастерьевъ — говоритъ Шанцъ — является тѣмъ болѣе удивительнымъ, что кузнецы сами лишь незадолго до того организовались въ цехи; напр., во Франкфуртѣ-на-Майнѣ они окончательно образовали цехъ, собственно говоря, лишь въ 1377 г.“. И въ Данцигѣ почти одновременно съ образованіемъ цеховъ начинаются столкновенія между мастерами и подмастерьями: въ 1385 г. городъ угрожаетъ подмастерьямъ, принимающимъ участіе въ стачкахъ, отрѣзаніемъ ушей. Во Франціи соціальная рознь между мастерами и подмастерьями возникаетъ въ различныхъ мѣстахъ уже въ XIII вѣкѣ, въ XIV ст. она усиливается и принимаетъ общій характеръ; въ 1280 г., напр., подмастерьи — суконщики Прованса, выведенные изъ терпѣнья увеличеніемъ рабочаго дня, производятъ возстаніе и убиваютъ мэра. Уже въ XIII ст. подъ названіемъ „la caritat“ образуются во Франціи религіозныя ассоціаціи подмастерьевъ, которыя вскорѣ преслѣдуютъ и мірскіе интересы. И въ англійскихъ городахъ въ XIV ст. мастера жалуются на то, что подмастерьи, „подъ прикрытіемъ лицемѣрнаго благочестія“, составляютъ союзы—заговоры, съ цѣлью чрезмѣрно поднять заработную плату, и дѣйствительно успѣваютъ въ этомъ. Каждый разъ, когда возникнетъ разногласіе между мастеромъ и подмастерьемъ, послѣдній обходитъ всѣхъ подмастерьевъ этого ремесла и по взаимному соглашенію они рѣшаютъ, чтобы каждый отказался работать на своего мастера, пока тотъ мастеръ и его слуга не придутъ къ соглашенію [1]).

Такимъ образомъ, хотя господствовавшая въ средніе вѣка ремесленная форма производства сама по себѣ, казалось бы, не должна была вызывать распаденія лицъ, участвующихъ въ производствѣ, на двѣ категоріи—мастеровъ-господъ и подмастерьевъ-слугъ, изъ коихъ вторые были подчинены первымъ,—но цеховой строй съ его стѣсненіями доступа въ цехъ, вызванными въ значительной мѣрѣ ограниченностью мѣстнаго рынка, неминуемо приводилъ къ тому, что чуть ли не одновременно съ образованіемъ цеховъ возникъ и рабочій вопросъ, и цехъ разбился на двѣ группы лицъ съ рѣзко отличнымъ экономическимъ и соціальнымъ положеніемъ. Такое положеніе вело неминуемо къ переходу къ инымъ формамъ производства, работающимъ на болѣе широкій рынокъ; въ лицѣ подмастерьевъ подготовлялось необходимое для этой формы производства постоянное рабочее населеніе. Зачатки этого находимъ уже въ средніе вѣка во Фландріи и Италіи.

Шелковая промышленность въ средніе вѣка существовала лишь въ итальянскихъ городахъ, изъ прочихъ городовъ исключеніе составляли Парижъ и Кельнъ. Эта промышленность была занесена съ Востока въ Сицилію королемъ Роджеромъ, который въ 1174 г, переселилъ ткачей шелковыхъ матерій изъ Византіи въ Палермо, и такимъ образомъ христіанскій западъ впервые ознакомился съ этимъ производствомъ. Отсюда шелковое производство распространилось въ Лукку, а изъ Лукки во Флоренцію, Венецію, Генуя. Вездѣ оно имѣло форму домашней промышленности, при которой производитель сбываетъ свои издѣлія не потребителю, а скупщику; вездѣ сбытомъ матерій занимались торговцы и имъ же принадлежалъ матеріалъ, обрабатываемый на дому ткачами и красильщиками [2]).

Гораздо большее значеніе имѣла въ средніе вѣка шерстяная промышленность, работавшая для широкаго рынка. Она существовала въ особенности въ Нидерландахъ и Италіи. Къ XIII—XIV ст. относится развитіе шерстяной промышленности во фламандскихъ городахъ—Ипрѣ [3]), Брюгге, Гентѣ, Сентъ-Омерѣ;

---

[1]) См. Schanz. Gesch. der deut. Gesellenverbände im Mitt. и мою Эвол. приб., т. I. стр. 419 и сл.

[2]) См. о генуэзской шелковой промышленности — Sieveking. Die Genueser Seidenindustrie im 15—16. Jahrh. Schmollers Jahrbuch für Gesetzgebung. B. XXI. p. 101—133; о венеціанской—Broglio D'Ajano. Die venetianische Seidenindustrie im Mittelalter. Münchener volkswirtsch. Studien. II.

[3]) Въ Ипрѣ наложено пломбъ (въ качествѣ клейма) на сукно: въ 1306 г. $10^1/_2$ тыс., въ 1308 г. 33 тыс., въ 1309 г. 63 тыс., въ 1310 г. 87 тыс., въ 1313 г. $92^1/_2$ тыс. (См. Pirenne. Gesch. Belgiens. I. 475).

со второй половины XIV ст. уже начинается упадокъ. Во Фландріи и Брабантѣ городскіе цехи изготовляли ткани изъ англійской шерсти, отличавшейся высокимъ качествомъ, и производили окраску и апретуру тканей, чѣмъ эти города особенно славились. Поэтому фламандскихъ красильщиковъ стараются привлечь въ свои стѣны и нѣмецкіе города: у нихъ обыкновенно нѣтъ этого промысла. Красильное и апретурное производство сохранилось за Нидерландами и впослѣдствіи, когда, вслѣдствіе невозможности полученія англійской шерсти и вслѣдствіе эмиграціи ткачей, самое производство сукна упало—для отдѣлки англичане попрежнему обращались еще долго къ фламандцамъ. Во Фландріи уже рано выдѣляется особый классъ скупщиковъ—капиталистовъ, занимающихся пріобрѣтеніемъ шерсти и сбытомъ тканей. Пряжа производится обыкновенно женщинами, нерѣдко въ селахъ, а затѣмъ поступаетъ отъ скупщика къ ткачу, валяльщику, сукностригу и красильщику, причемъ продуктъ возвращается каждый разъ предварительно къ скупщику, который передаетъ его уже слѣдующему мастеру. Въ Брюгге три главныхъ цеха шерстяного промысла — ткачи, валяльщики и сукностриги составляли (ок. 1300 г.) 68 проц. всего взрослаго мужского населенія. Заработная плата ихъ опредѣлялась издаваемыми городомъ таксами. Красильщики повсюду занимали привилегированное положеніе среди мастеровъ шерстяного промысла [1]). Съ XIV ст. и въ различныхъ сѣверо-итальянскихъ городахъ, Флоренціи, Венеціи, Генуѣ производство шерстяныхъ тканей принимаетъ характеръ домашней промышленности, работающей для вывоза.

Во Флоренціи компаніи торговцевъ, входящихъ въ составъ цеха суконщиковъ (arte di lana),—они же нерѣдко занимаются банкирскими операціями—исключительно руководятъ процессомъ производства, не принимая участія въ самой обработкѣ шерсти, занимаются пріобрѣтеніемъ шерсти, преимущественно въ Англіи, и сбытомъ готовыхъ тканей въ европейскихъ государствахъ и на Востокѣ. Въ ихъ мастерскихъ производятся подготовительные процессы производства, въ особ. очистка, промываніе и чесаніе шерсти, поденными рабочими. Послѣдніе составляли низшій и бѣднѣйшій классъ рабочаго населенія: называя кого-либо чесальщикомъ шерсти, Боккачіо выражаетъ высшую степень грязи и презрѣнія. Рабочіе эти не только пользовались принадлежащими суконщикамъ приспособленіями, но и получали отъ нихъ впередъ плату, которую затѣмъ обязаны были отработать, ибо законъ 1371 г. запрещалъ имъ возвращать долгъ наличными. Законъ 1418 г. еще болѣе усилилъ ихъ зависимость, заставляя тѣхъ, кто нанимается на продолжительное время, въ случаѣ нежеланія возобновить договоръ, заявлять объ этомъ за четыре мѣсяца до истеченія срока, тогда какъ относительно соотвѣтствующей обязанности предпринимателя ничего не упоминается. Заработная плата этой категоріи рабочихъ, опредѣляемая свободнымъ соглашеніемъ, была весьма низка и подвергалась рѣзкимъ колебаніямъ, причемъ частое явленіе составляла безработица („я чесальщикъ шерсти, если нахожу работодателя", „моя плата равняется столькимъ-то солидамъ, но я имѣю работу всего половину года"). Эта безработица представляла постоянную опасность для города, ибо чесальщики, промывальщики шерсти и т. д. нерѣдко, подъ вліяніемъ голода, прибѣгали къ вооруженнымъ мятежамъ, требуя повышенія платы. Въ первой половинѣ XIV ст. такія волненія происходили неоднократно: затѣмъ они прекратились временно, ибо Черная смерть 1348 г. вызвала сильнѣйшее опустошеніе въ особ. среди низшихъ слоевъ флорентинскаго населенія, и поэтому заработная плата повысилась; установленныя въ это время максимальныя таксы не могли сразу привести плату къ прежнему уровню. Новое возстаніе произошло въ 1378 г. (tumulto dei Ciompi). Оно имѣло результатомъ образованіе цеха „чіомпи", т. е. этихъ низшихъ группъ рабочаго населенія, и доставило имъ временно участіе въ управленіи городомъ, что повело къ коренному измѣненію ихъ положенія. Однако, вскорѣ, въ томъ же году, послѣ новаго двухдневнаго вооруженнаго столкновенія, ихъ сила была сломлена, а съ 1415 г. власть предпринимателей надъ ними уже не подвергалась сомнѣнію:

[1]) См. Häpke. Brügges Entwickelung zum mittelalterlichen Weltmarkt. p. 199-205. Pirenne. Gesch. Belgiens. I, p. 304 и сл. II, p. 69 и сл. Des Marez. L'organisation du travail à Bruxelles au XV siècle, p. 182 и сл., 196 и сл.

всѣмъ рабочимъ шерстяной промышленности запрещено было, безъ разрѣшенія консуловъ, собираться даже для религіозныхъ цѣлей или для развлеченія.

Другую категорію составляли рабочіе на дому; они распадались на двѣ группы — прядильщицъ и ткачей. Прядильщицы были деревенскими женщинами, которымъ посылалась шерсть и на обманы которыхъ предприниматели постоянно жаловались. Имъ грозили, въ случаѣ продажи на сторону шерсти или пользованія ею въ собственномъ хозяйствѣ, религіозными карами, въ четвертый разъ—отлученіемъ отъ церкви, причемъ духовенство обязано было въ дни большихъ праздниковъ (на Рождество, Пасху и т. д.) въ проповѣдяхъ побуждать населеніе къ честному выполненію работы. Не менѣе труденъ былъ, впрочемъ, и надзоръ за факторами—посредниками, которые передавали деревенскимъ жителямъ шерсть и брали у нихъ пряжу: посредникамъ запрещалось передавать и получать какія-либо иныя произведенія, кромѣ принадлежащихъ хозяину; въ случаѣ нарушенія этого правила, они обязаны были совершить путешествіе въ базилику св. Петра въ Римѣ, чтобы замолить свои грѣхи. Ткачи представляли собою городское населеніе, причемъ и здѣсь большая часть состояла изъ женщинъ. Если экономическое положеніе ткачей было не столь неблагопріятно, какъ чесальщиковъ, то зависимость отъ предпринимателей была не менѣе велика. Имъ запрещалось не только работать на собственный счетъ, но и на заказъ другихъ лицъ, кромѣ членовъ arte di lana (суконнаго цеха). Ткацкій станокъ, на которомъ ткачъ работалъ, либо принадлежалъ предпринимателю, либо былъ заложенъ у него, такъ что въ любой моментъ, если ткачъ отказывался работать на извѣстныхъ условіяхъ, суконщикъ могъ отнять у него станокъ или, угрожая этимъ, принудить его къ повиновенію. Положеніе ткачей еще ухудшалось, вслѣдствіе происходившаго съ конца XIV ст, переселенія ткачей изъ другихъ странъ, въ особ. изъ Фландріи и Брабанта. Неудачныя попытки переворота въ нидерландскихъ городахъ и упадокъ ихъ суконной промышленности вызвали эмиграцію; фламандскіе и брабантскіе ткачи находили себѣ работу въ итальянской шерстяной промышленности и оказывали давленіе на уровень заработной платы.

Привилегированное положеніе среди рабочаго населенія занимали и во Флоренціи красильщики, которые отчасти заполняли пропасть, отдѣлявшую предпринимателей и рабочихъ другъ отъ друга. Красильное производство требовало отъ красильщика обладанія извѣстнымъ капиталомъ въ видѣ техническихъ приспособленій, чановъ, тогда какъ красильныя вещества пріобрѣталъ цехъ суконщиковъ и снабжалъ ими отдѣльныхъ красильщиковъ. Капиталъ красильной мастерской оцѣнивался въ 80—450 гульд. Съ хозяиномъ—красильщикомъ работало всегда нѣсколько подмастерьевъ, обыкновенно 4—5 человѣкъ. Красильщики дѣлились на 3 группы—по крашенію синильникомъ, мареной и tintore minore. Первымъ, для сохраненія секрета производства, запрещалось, подъ страхомъ высокаго штрафа (200 либровъ), переселеніе въ другія города, даже итальянскіе. Вторые стояли нѣсколько ниже, третьи же пользовались плохой краской, и ихъ произведенія не годились для сбыта въ другія страны. Всѣ 3 группы красильщиковъ имѣли почти характеръ кастъ — не только изъ другихъ городовъ не притекало новыхъ элементовъ, но и вообще доступъ посторониимъ къ промыслу былъ, повидимому, закрытъ, и ремесло переходило отъ отца къ сыну. И красильщики находились въ сильной зависимости отъ своихъ работодателей, которые были вмѣстѣ съ тѣмъ судьями надъ ними и вершителями ихъ судьбы, ибо красильщики не входили въ составъ цеха и не могли вліять на его рѣшенія. Но все же они объединялись религіознымъ братствомъ, что ихъ сближало между собой, и кромѣ того они пользовались нѣкоторыми правами цехового самоуправленія, ибо могли замѣщать низшія должности въ цехѣ. Они во всякомъ случаѣ, въ противоположность другимъ группамъ рабочихъ, не находились въ зависимости отъ опредѣленнаго предпринимателя или компаніи, а могли работать на нѣсколькихъ суконщиковъ одновременно. Несвоевременная уплата за работу и вычеты изъ заработной платы, въ особ. же односторонія рѣшенія предпринимателей—судей вызвали въ 1370 г. стачку красильщиковъ, которая, послѣ двухлѣтней борьбы, кончилась побѣдой предпринимателей: запрещено было въ теченіе 10 лѣтъ давать работу участникамъ „мятежа". Но вскорѣ эта мѣра была отмѣнена, оказавшись неосуществимой. Въ 1378 г. они также воспользовались возстаніемъ чіомпи и образовали самостоя-

тельный цехъ, который вступилъ въ правильную борьбу съ суконщиками, устанавливая минимальныя таксы, которыхъ обязанъ былъ придерживаться всякій красильщикъ, препятствуя предпринимателямъ устроить лавку для продажи красильныхъ веществъ и т. д. Лишь 3 года спустя суконщикамъ удалось уничтожить ихъ организацію, и хотя суконщики и пошли на уступки и предоставили нѣкоторыя права красильщикамъ, но послѣднія оставались на бумагѣ. Наконецъ, послѣднюю группу составляли рабочіе, занимающіеся окончательной отдѣлкой сукна—они также не состояли на службѣ у опредѣленнаго работодателя, а имѣли свои „bottega publica" и вступали въ сношенія съ покупателями, а не съ хозяевами [1]).

---

[1]) Doren. Die Florentiner Wollentuchindustrie vom 14. bis zum 16. Jahrh. p. 216—327.

III. Обмѣнъ.

(Торговля, деньги, кредитъ, пути сообщенія).

Важнѣйшіе источники. Въ отношеніи *ганзейской* торговли: *Hansisches Urkundenbuch,* вышло 8 томовъ, доходящихъ до 1463 г.; *Hanserecesse* (постановленія ганзейскихъ сеймовъ), ч. I. (1256—1430) въ 8 томахъ (изд. Коппманомъ), ч. II. (1431—1476) въ 7 томахъ (изд. Роппомъ) и ч. III. (1477—1530), вышло 5 томовъ (изд. Шеферомъ); *Hansische Geschichtsquelen,* сборники документовъ, относящихся къ отдѣльнымъ вопросамъ ганзейской исторіи, съ весьма интересными комментаріями (введеніями). Среди нихъ особенно интересны акты, относящіеся къ торговлѣ Ганзы съ Англіей (т. VI. *Kunze.* Hanseakten aus England), къ торговлѣ Риги съ различными городами и странами (таможенныя записи: т. V. *Stieda.* Revaler Zollbücher und Quittungen des 14. Jahrhunderts), къ торговлѣ въ Шоненѣ (Сконіи) (*Schäfer.* Das Buch des lübeckischen Vogtes auf Schonen) и др. Въ отношеніи *левантійской* торговли. *Tafel und Thomas. Urkunden zur ältesten Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig.* 3 Bde. 1856—1857. *Davidsohn. Forschungen zur Geschichte von Florenz.* 4 Bde. 1896—1908. *Mas—Latrie. Traités de paix et de commerce* et documents divers concernant les rélations des chrétiens avec les Arabes de l'Afrique septentrionale au moyen-âge. 1866. 1872. *Blancard. Documents inédits sur le commerce de Marseille au moyen-âge.* 1884—1885. *Pardessus. Collection des lois maritimes antérieures au XVIII siècle.* 6 vols. 1828—1885. Кромѣ того для исторіи торговли ук. періода: *Fagniez. Documents relatifs à l'histoire de l'industrie et du commerce en France.* 2 vols. 1898—1900.

Весьма важны изданныя въ послѣднее время *торговыя книги* средневѣковыхъ купцовъ—ганзейскихъ (любекскаго *Das Handlungsbuch von Herrmann und Iohann Wittenborg,* ed. Mollvo. 1901; гамбургскаго—*Das Handlungsbuch Vickos von Geldersen,* ed. Nirrnheim, 1895; ростокскаго — *Iohann Tölners Handlungsbuch von 1345—1350,* ed. Koppmann. 1885); французскихъ—*Les livres de compte des frères Bonis, marchands Montalbanais du XIV s.,* éd. Forestié. 1890—94 въ Archives historiques de la Gascogne, *Le livre de comptes de Jacme Olivier, marchand narbonnais du XIV siècle,* ed. Alph. Blanc. 1899, вышелъ пока лишь второй томъ; *Le livre-journal du maître Ugo Teralh, notaire et drapier à Forcalquier,* éd. Paul Meyer (Notices etc. de la Bibl. Nation. v. 36), а также извлеченія изъ торговыхъ книгъ купцовъ-евреевъ сѣверо-западной Франціи нач. XIV ст. (*Loeb* въ Révue des études juives, 1884); регенсбургскихъ купцовъ (*Ebner. Ein Regensburger kaufmännischen Hauptbuch aus den Jahren 1383—1407.* Verhandl. des histor. Ver. der Oberpfalz. B. 45), венеціанскихъ купцовъ (*Sieveking.* Schmollers Jahrbuch. B. 25), торговаго дома Медичи (*Sieveking. Die Handelsbücher der Medici.* (Sitzungsber. der Akad. der Wissensch. in Wien. B. 151). См. также *Sieveking. Aus Genueser Rechnungs-und Steuerbüchern* 1909. (Sitzungsber. der Wiener Akad. B. 162).

Литература. Сочиненія общаго характера, излагающія почти исключительно одну внѣшнюю исторію средневѣковой торговли: торговыя сношенія между различными націями, торговые пути и товары, а равно организацію торговли. *Falke. Geschichte des deutschen Handels. 1859. Heyd. Geschichte des Levantehandels im Mittelalter. B. I — II. 1879. Sartorius. Urkundliche Geschichte des Ursprunges der deutschen Hanse 1830. Pigeonneau. Histore du commerce de la France.*

T. I. 1885. Schaube. Handelsgeschichte der romanischen Völker des Mittelmeergebiets bis zum Ende der Kreuzzüge. 1906. Noel. Histoire du commerce du monde depuis les temps les plus reculés. T. I. 1894. *Beer.* Geschichte des Welthandels. B. I. T. 2. *Levasseur. Histoire du commerce de la France.* 1911. T. I. Avant 1789. Отдѣлы о торговлѣ, путяхъ сообщенія, кредитѣ и т. д. въ слѣд. сочиненіяхъ: *Inama-Sternegg.* Deutsche Wirtschaftsgeschichte. B. III. T. 2. *Cunningham.* Growth of English Industry and Commerce in Middle Age. *Ashley.* Introduction into the Economic History and Theory. *Ochenkowski.* Englands wirtschaftliche Entwicklung im Ausgang des Mittelalters. *Pirenne. Geschichte Belgiens.* B. I. II. 1899. 1900. Общій очеркъ у *А. А. Дживелегова. Торговля на Западѣ въ средніе вѣка.*

Сочиненія, касающіяся торговой дѣятельности отдѣльныхъ городовъ и странъ: *Simonsfeld. Der Fondaco dei Tedeschi in Venedig und die deutsch-venetianischen Handelsbeziehungen.* 1887. B. I. (Urkunden). II. (Darstellung). *Heynen. Zur Entstehung des Kapitalismus in Venedig. 1905. Sieveking. Zur Handelsgeschichte Genuas. (Studium Lipsiense. 1909). Friedmann. Der mittelalterl. Welthandel von Florenz in* seiner geograph. Ausdehnung. 1912. (Abhandl. der geogr. Gesellsch. in Wien X. 1). *Schanz. Englische Handelspolitik gegen Ende des Mittelalters. 1881. Kiesselbach. Die wirtschaftlichen Grundlagen der deutschen Hanse und die Handelsstellung Hamburgs. 1907. Stieda. Hansisch-venetianische Handelsbeziehungen im 15. Jahrh. 1894. Häpke. Brügges Entwicklung zum mittelalterlichen Weltmarkt. 1908. Sartorius. Urkundliche Geschichte des hansischen Stahlhofes zu London. 1851. Hirsch. Danzigs Handels-und Gewerbsgeschichte. 1858. Warnkönig. Flandrische Staats-und Rechtsgeschichte. 1835—42. Walter Stein. Beiträge zur Geschichte der deutschen Hanse bis um die Mitte des 15. Jahrh. 1900.* Его-же. *Die Genossenschaft der deutschen Kaufleute in Brügge in Flandern. 1890. Bahr. Handel und Verkehr der deutschen Hanse in Flandern während des 14. Jahrh. 1911. Никитскій. Исторія экономическаго быта Вел. Новгорода. 1893. Бережковъ. О торговлѣ Руси съ Ганзой 1879. Buck. Der deutsche Handel in Nowgorod bis zur Mitte des 14. Jahrh. 1895. Winkler. Die deutsche Hansa in Russland. 1886. Prutz. Kulturgeschichte der Kreuzzüge.* Его-же. *Jacques Coeur von Bourges. 1911. Yver. Le commerce et les marchands dans l'Italie méridionale au XIII et au XIV s. 1902. Michel. Histoire du commerce et de navigation de Bordeaux. I. 1867. Finot. Etudes historiques sur les rélations commerciales entre la France et la Flandre au moyen-âge. 1894. Juritsch. Handel und Handelsrecht in Böhmen bis zur husitischen Revolution. 1907. Theod. Mayer. Der auswärtige Handel des Herzogt. Oesterreich im Mittelalter.* (Forsch. zur inn. Gesch. Oesterr. VI. 1909).

Внутренняя исторія торговли—количество сбываемыхъ товаровъ различныхъ категорій, размѣры торговыхъ оборотовъ вообще, различныя категоріи купцовъ, численность судовъ, издержки транспорта, цѣны и общій характеръ торговли, какъ она была въ дѣйствительности, а не только должна была быть, согласно различнымъ договорамъ, постановленіямъ и т. д.—изслѣдована гораздо меньше (см. объ этомъ ст. *Eulenburg* въ Festgabe für Schmoller, die Entwickl. der deut. Volkswirtschaftslehre im 19. Jahrh. 1908). Наиболѣе затронуты эти вопросы въ слѣд. сочиненіяхъ. *Sombart. Der moderne Kapitalismus. B. I. 1901. Schulte. Geschichte des mittelalterlichen Handels und Verkehrs zwischen Westdeutschland und Italien. 1900. Lamprecht. Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter. B. II. 1885. Keutgen. Der Grosshandel im Mittelalter* (Hansische Geschichtsblätter 1901). *Below. Grosshändler und Kleinhändler im deutschen Mittelalter* (Jahrbücher für Nationaloekonomie 1900), моя ст. *Josef Kulischer. Warenhändler und Geldausleiher im Mittelalter.* (Zeitschr. für Volkswirtschaft, Socialpolitik und Verwaltung. Wien. 1908) и по поводу этой статьи *Arens* (Commerce d'argent et commerce de denrées au moyen-âge). Rev. de synth. histor. 1908. *Stieda. Ueber die Quellen der Handelsstatistik im Mittelalter* (Abhandl. der Preuss. Akad. d. Wiss. 1903). *Sieveking. Die kapitalistische Entwicklung in den italienischen Städten des Mittelalters.* Viert für Soz.-und Wirtschaftsgesch. 1909. и его же—*Zur Zürcherischen Handelsgeschichte,* а также *Daenell. Die Blütezeit der deutschen Hanse.* 1906 (особ. B. II. Buch. 3). Кое-что у *Nolte. Der Kaufmann in der deutschen Sprache und Litteratur des Mittelalters.* Gött. Diss. 1909. Много дастъ для исторіи торговли замѣчательный трудъ Гольдшмидта по исторіи торговаго права (*Goldschmidt. Universalgeschichte des Handelsrechts. I. 1891*).

По отдѣльнымъ вопросамъ средневѣкового обмѣна: 1) *пути и средства сообщенія—Götz. Die Verkehrswege im Dienste des Welthandels. 1889. Knüll. Histo-*

rische Geographie Deutschlands im Mittelalter. 1903. *Lindsay. History of the merchant chipping.* 1874—6. *Vogel. Geschichte der deutschen Schiffahrt. B. I.* (bis zum XV Jahrh). 1915. *Huber. Die geschichtliche Entwicklung des modernen Verkehrs. 1893. Sommerlad. Das Verkehrswesen im deut. Mittelalter.* Handw. der Staatswiss.. а также Schulte, ук. соч. (особ. альпійскіе переходы).

2) *ярмарки: Harelin. Essai historique sur le droit des marchés et des foires. 1897. Bourquelot. Etudes sur les foires de Champagne* (Mémoires etc. de l'Academie des inscriptions et belles lettres). 1865. *Goldschmidt. Die Geschäftsoperationen auf den Messen der Champagne* (Zeitschr. für ges. Handelsrecht. B. 40). *Bassermann. Die Champagnermessen. 1911. Ehrenberg. Makler, Hosteliers und Börse in Brügge vom 13—14. Jahrh.* (Zeitschr. f. ges. Handelsrecht. B. 30). *Ch. Gross. The court of piepowder* (Quart. Journ. of Economics, publ. for Harward Univ.). *Kriegk. Frankfurter Bürgerzwiste und Zustände im Mittelalter. 1862* (франкфуртская ярмарка) и Schulte. ук. соч. (ярмарки Шампани, Женевы, Ліона).

3) *товарищества: Schmidt. Die Entwickelung und Verbreitung der Handelsgesellschaften. 1883. Silberschmidt. Die Commenda. Schmoller. Gesch. Entw. der Unternehmung* (Jahrbuch für Gesetzgebung etc. B. 15). *Weber. Zur Geschichte der Handelsgesellschaften im Mittelalter. 1889.* (итальянскія товарищества). *Roon — Bassermann. Sienesische Handelsgesellschaften des XIII Jahrh. 1912. Keutgen. Hansische Handelsgesellschaften, vorn. des XIV Jahrh.* (Viert. f. Soz.- und Wirtschaftsgesch. 1906) и Goldschmidt. Universalgesch.

4) *денежное обращеніе: d'Avenel. Histoire de la propriété etc. T. I. Luschin von Ebengreuth. Allgemeine Münzkunde und Geldgeschichte des Mittelalters und der Neueren Zeit.* 1904 (въ дѣйствительности ограничивается средневѣковымъ періодомъ). Много цѣннаго у *Friedensburg. Die Münze in der Kulturgeschichte. 1909 Sommerlad. Mittelalterl. Münzwesen* (Handwört. der Staatswiss.). *Hanauer. Etudes économiques sur l'Alsace.* T. I. (les monnaies). 1876 *Eheberg. Ueber das ältere deutsche Münzwesen und die Hausgenossenschaften.* 1879. (Schmollers Forschuugen. I). *Schrötter. Das Münzwesen des Deutschen Reichs von 1500—1566.* Schmollers Jahrbuch. 1911). *Landry. Essai économique sur les mutations des monnaies dans l'ancienne France. 1910. Borrelli de Serres. Recherches sur divers services publics du XIII au XVII siècle. T. II. 1904. Shaw. Histoire de la monnaie 1252—1894.* Trad. par Raffalowich. 1896. *Bridrey. La theorie de la monnaie au XIV s. 1906. Engel-Serrure. Traité de numismatique du moyen-âge.* особ. T. I. (Introd). *Grosse. Münzstudien.* 1854. *Kruse. Kölnische Geldgeschichte bis 1386.* 1888. *Soetbeer. Beiträge zur Geschichte des Geld- und Münzwesens in Deutschland,* а также ук. соч. Inama-Sternegg (этотъ отдѣлъ прекрасно изложенъ), Schanz, Lamprecht, Schmoller въ Jahrbuch für Gesetzgebung. etc. 1900.

5) *кредитъ: Neumann. Geschichte des Wuchers in Deutschland. 1865. Рота-Кауфманъ. Исторія банковъ* (важно для Италіи). *Brunner. Die fränkisch-romanische Urkunde.* (Zeitschr. für Handelsrecht. 1877). *Landmann. Entwicklungsgesch. der Formen des öffentlichen Kredites* (Finanzarchiv. 1912. I). *Meltzing. Das Bankhaus der Medici und seine Vorläufer. 1906*; кромѣ фирмы Медичи дается характеристика дѣятельности отдѣльныхъ флорентинскихъ компаній второй пол. XIII и первой пол. XIV ст. *Gottlob. Päpstliche Darlehnsschulden des 13. Jahrh.* (Hist. Jahrhuch. 1899). *Schneider. Die finanziellen Beziehungen der florentinischen Bankiers zur Kirche. 1899. Ehrenberg. Das Zeitalter der Fugger.* 1896. B. I. (введеніе касается средневѣковаго періода). *Des Marez. La lettre de foire à Ypres au XIII s. 1901.* (Mém. de l'Acad. royale de Belgique. T. 60). *Delisle. Mémoire sur les operations financières des Templiers. 1889. Prutz. Die finanziellen Operationen der Hospitaliter* (Sitzungsber. der Münch. Akad. d. Wiss. 1906). Его-же. Jacques Coeur von Bourges. 1911. *Caro. Sozial-und Wirtschaftsgeschichte der Juden.* B. I. Das frühere und das hohe Mittelalter. 1908. *Hoffmann. Der Geldhandel der deutschen Juden während des Mittelalters bis 1350.* (Schmollers Forsch. 152). 1910. *Sieveking. Genueser Finanzwesen vom XII bis XIV. Jahrh.* 1898. (особ. т. II. Casa di S. Giorgio). *Nasse. Das venetianische Bankwesen im XIV. XV. XVI. Jahrh.* (Jahrb. für Nationoloekon. 1889). *Genestal. Rôle des monastères, comme etablissements de crédit. Grosch. Geldgeschäfte hansischer Kaufleute mit englischen Königen im 13—14. Jahrh.* (Archiv für Kulturgesch. II. 1903). *Hansen. Der englische Staatskredit unter König Eduard III und die hansischen Kaufleute* (Hansische Geschichtsblätter. 1910). 1901. Кромѣ того ук. соч. Bourquelot, Davidsohn, Schulte, Bassermann, мое ук. соч., Yver. ук. соч., Schaube, особ. же Goldschmidt.

6) *размѣры оборотовъ, судоходства, издержки транспорта и т. п.:* Lauffer. *Danzigs Schiffs- und Warenverkehr am Ende des XV. Jahrh. 1893.* Stieda. *Revaler Zollbücher und Quittungen* Hans. Geschichtsquellen. V). *Müller. Geleitswesen und Güterverkehr zwischen Nürnberg und Frankfurt a. M. im. XV Jahrh.* (Viert. f. Sozial- und Wirtschaftsgesch. 1907). *Schaube. Die Wollausfuhr Englands vom Jahre 1273.* (Viert. für Sozial- und Wirtschaftsgesch. 1908) *Wendt. Lübecks Schiffs-und Warenverkehr in den Jahren 1368—1369.* Lübeck. 1902. *Sattler. Der Handel des Deutschen Ordens in Preussen zur Zeit seiner Blüte* (Hansische Geschichtsblätter. 1887), а также ук. соч. Bahr. Schulte. Daenell, Sombart, Davidsohn.

ГЛАВА I.

Торговые пути, торговые города и ярмарки.

Исходную точку въ развитіи западно-европейской торговли составляютъ Крестовые походы. Они знаменуютъ собою появленіе международной торговли, ибо все то, что мы находимъ въ предшествующія столѣтія, не шло далѣе зачатковъ въ этомъ направленіи. Уже къ IX—X ст. относятся попытки итальянскихъ городовъ Амальфи и Венеціи вытѣснить Константинополь изъ того центральнаго положенія, которое онъ занималъ въ предшествующія столѣтія въ торговыхъ сношеніяхъ между Западомъ и Востокомъ. Они совершали широкій кругъ моремъ мимо него и вступали въ непосредственныя сношенія съ магометанскимъ міромъ. Но ростъ торговли на Средиземномъ морѣ начинается лишь со времени Крестовыхъ походовъ, этихъ многочисленныхъ пилигримствъ въ Святую землю. Какъ и всѣ пилигримства вообще (см. выше, стр. 67), они должны были вліять оживляющимъ образомъ на торговыя сношенія, ознакомить европейцевъ съ новыми странами и ихъ продуктами. Съ этого времени на Средиземномъ морѣ возникаютъ, вмѣсто прежнихъ случайныхъ, постоянныя торговыя сношенія между европейско-романско-христіанскимъ и арабско-магометанскимъ міромъ. Въ теченіе всей эпохи, обнимающей XII—XV ст., вплоть до открытія морского пути въ Индію, Средиземное море составляло торговый путь изъ сѣверо-итальянскихъ, а также каталонскихъ и южно-французскихъ прибрежныхъ городовъ въ страны Востока—Египетъ, Сирію и Палестину, Малую Азію, Византію, отчасти и въ сѣверную Африку. Благодаря правильно изъ года въ годъ отправляемымъ генуэзскимъ и венеціанскимъ, а позже и флорентинскимъ флотиліямъ, оно являлось средствомъ снабженія Европы цѣнными произведеніями странъ Востока вплоть до Индіи и Китая.

Другой торговый путь въ средніе вѣка составляли сѣверныя моря—Нѣмецкое и Балтійское. Они соединяли восточныя страны—Русь и Польшу, Скандинавскій полуостровъ съ Англіей, Фландріей и Брабантомъ. Здѣсь посредствующимъ звеномъ и центральнымъ мѣстомъ, подобно итальянскимъ городамъ на Средиземномъ морѣ, являлись сѣверо-германскіе города—вендскіе, померанскіе, лифляндскіе, прусскіе. Отъ нихъ шелъ путь, съ одной стороны, въ Новгородъ и Псковъ, въ Бергенъ и Сконію, а съ другой стороны, въ Брюгге и Лондонъ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ Ганзейскій союзъ, образовавшійся постепенно въ теченіе XIII вѣка, основалъ свои торговыя факторіи—конторы.

Связь между этими обоими морями, южнымъ и сѣвернымъ, центрами международной торговли, установилась первоначально посредствомъ происходившихъ въ графствѣ Шампань ярмарокъ, куда сходились народы сѣвера и юга для взаимнаго обмѣна своихъ продуктовъ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что еще въ XII—XIII ст. существовало то взаимное недовѣріе при сношеніяхъ между иноплеменниками, которое является характернымъ для предыдущихъ эпохъ хозяйственной жизни. Это недовѣріе покоилось на реальныхъ фактахъ въ видѣ насильственныхъ дѣйствій, которымъ подвергались купцы, попадая на территорію другого народа, какъ со стороны государей, такъ и со стороны мѣстныхъ жителей[1]). Неудивительно при такихъ обстоятельствахъ, что купцы еще долго не соглашались ѣздить въ другія страны, не хотѣли рисковать своей жизнью и имуществомъ. Только на нейтральномъ мѣстѣ, не принадлежавшемъ никому въ отдѣльности и вмѣстѣ съ тѣмъ выгодно расположенномъ въ географическомъ отношеніи, могли встрѣчаться купцы различныхъ племенъ и народовъ. Такимъ нейтральнымъ мѣстомъ, такой порубежной чертой являлось независимое графство Шампань, лежавшее между Германіей, Франціей и Италіей. Путь изъ Италіи въ Англію пересѣкалъ Шампань, и точно также путь изъ Средиземнаго моря по Ронѣ велъ прямо въ графство. Но еще важнѣе, чѣмъ въ географическомъ отношеніи, было нейтральное и въ политическомъ отношеніи положеніе Шампани. Оно было независимымъ отъ Франціи графствомъ и, вслѣдствіи этого, было свободно отъ тѣхъ войнъ, которыя въ эту эпоху разоряли Францію. Являясь совершенно нейтральной почвой для всѣхъ сосѣднихъ народовъ, оно имѣло независимыя отъ Франціи сношенія съ другими странами—на югъ чрезъ Арелатъ, на сѣверъ чрезъ Верхнюю Лотарингію. Здѣсь-то шесть разъ въ году, чередуясь между собой, происходили ярмарки; именно, по двѣ ярмарки въ Труа по верхней Сенѣ и въ Бри между Сеной и Марной (въ Провансѣ) и по одной въ Баръ на р. Объ и въ Ланьи на р. Марнѣ. Всѣ онѣ вмѣстѣ продолжались почти круглый годъ. Сюда стекались караваны купцовъ со всѣхъ сторонъ—изъ Франціи, Италіи и Испаніи, Савои и Швейцаріи, Фландріи и Брабанта, Германіи и Англіи. Здѣсь итальянцы и купцы съ юга Франціи сбывали другимъ народамъ, въ особенности народамъ сѣверныхъ странъ, произведенія Востока въ обмѣнъ на фламандское и брабантское, позже и англійское сукно, на льняныя издѣлія южно-германскихъ городовъ, мѣха и другіе сырые продукты сѣвера.

Съ половины XII до половины XIV вѣка процвѣтали ярмарки Шампани, являясь посредниками между югомъ и сѣверомъ. Съ начала XIV вѣка соціальныя условія измѣнились, измѣнился и торговый путь и рынокъ. Наступила новая эпоха въ исторіи торговли. Шампань перестала быть нейтральнымъ мѣстомъ, войдя въ составъ французской монархіи; такъ что и на Шампани отражались тѣ войны, которыя вели французскіе короли, въ особенности войны съ фламандскими герцогами и городами и Столѣтняя война съ Англіей. Итальянцы и нѣмцы, хотя и не принимали участія въ войнахъ, но сильно страдали отъ нихъ, такъ какъ не могли уже безпре-

---

[1]) См. ниже, гл. III.

пятственно привозить товары въ Шампань; они старались теперь найти другой путь для торговыхъ сношеній. Но если это было поводомъ къ установленію непосредственнаго торговаго обмѣна между различными народами, то побудительнымъ мотивомъ было то, что вообще потребность въ нейтральномъ мѣстѣ съ теченіемъ времени уменьшалась. Чѣмъ чаще итальянцы, французы, фламандцы, нѣмцы встрѣчались въ Шампани, тѣмъ болѣе они привыкали къ мирнымъ торговымъ сношеніямъ съ чужеземцами и постепенно переставали смотрѣть на нихъ какъ на враговъ. Но въ то же время они научались уважать права иноплеменниковъ—въ Шампани они были поставлены на равную ногу, всѣ пользовались одинаковыми правами, и ни одному городу не отдавалось предпочтенія передъ другими. Въ связи съ этимъ и совершилась перемѣна: купцы стали ѣздить уже въ другія страны—нѣмцы въ Италію, итальянцы въ Германію, въ особенности же во Фландрію и Англію. Торговыя сношенія между сѣверомъ и югомъ направлялись теперь преимущественно чрезъ Гибралтарскій проливъ и Бискайскій заливъ, установлены были ежегодные рейсы между Италіей и Фландріей. Такимъ образомъ, къ двумъ центральнымъ морскимъ путямъ—по Средиземному и Сѣверному и Балтійскому морямъ—присоединился и третій морской соединительный путь по Атлантическому океану: въ 1314 году [1]) первая венеціанская галера появляется въ гавани Анверъ (Антверпена) и вмѣстѣ съ тѣмъ таможенные доходы пяти ярмарокъ Шампани (Ланьи неизвѣстно) упали съ 8380 ливровъ въ 1296 г. до 1152 ливровъ въ 1340—41 г.г. [2]).

Рядомъ съ морскимъ путемъ сохранился, впрочемъ, и путь по сушѣ, именно, вдоль Рейна, или же рѣчной по Рейну, которымъ направлялись товары изъ Италіи во Фландрію.

Онъ шелъ чрезъ Альпы и далѣе на Базель, Страсбургъ, Шпейеръ, Вормсъ Майнцъ, Кобленцъ, Кельнъ и Утрехтъ, откуда товары отправлялись моремъ въ Англію, или же изъ Кельна далѣе на Аахенъ, Льежъ, Брюссель, Мехельнъ, Гентъ и Брюгге. Если путь совершался по Рейну, то прерывался на нѣсколько частей, вслѣдствіе того, что около Бингена не рѣшались проѣзжать, въ виду скалъ и водоворота, а въ нижней части рѣки Кельнъ устроилъ свой штапель, требуя перегрузки товаровъ на кельнскія суда.

Въ Кельнѣ этотъ путь соединялся съ другимъ важнымъ путемъ, который шелъ съ запада на востокъ—чрезъ Вестфалію, Брауншвейгъ на Гамбургъ въ Любекъ. Такимъ образомъ, Любекъ и Гамбургъ были соединены съ Кельномъ и далѣе съ Брюгге [3]).

Наконецъ, изъ Нюрнберга и Регенсбурга, а равно изъ другихъ южногерманскихъ (въ томъ числѣ и австрійскихъ) городовъ, шелъ важный торговый путь въ Италію, прежде всего въ Венецію, чрезъ Альпы.

Этотъ путь направлялся на Меммингенъ, мимо Боденскаго озера чрезъ Хуръ, Меранъ, Тріентъ, Верону. Изъ альпійскихъ переходовъ существенное значеніе имѣлъ восточный—Бреннеръ, чрезъ который отправлялись какъ изъ

---

[1]) По Schaube. Histor. Zeitschr. 1908. H. I, p. 37.
[2]) Bourquelot. II. 367—68. I. 165. 348. D'Avenel. III. p. 458. Pigeonneau. I. p. 226.
[3]) Меньше значенія въ торговомъ отношеніи имѣлъ путь изъ Майнца на Франкфуртъ (на Майнѣ), Эйзенахъ или Гота, Эрфуртъ и Лейпцигъ, откуда (или изъ Галле) онъ шелъ дальше до Регенсбурга или же чрезъ Эрфуртъ, Арнштадтъ, Зоннебергъ въ Нюрнбергъ.

Венеціи, такъ и изъ Болоньи, Рима и Вероны, хотя путь между Стерцингомъ и Боценомъ былъ часто почти непроходимъ. Далѣе много ѣздили чрезъ Сентимеръ, гдѣ о содержаніи удобнаго пути заботились хурскіе епископы (онъ шелъ на Хіавенну); съ начала XIII вѣка также чрезъ вновь открытый Сенъ-Готтардскій переходъ, который соединялъ Миланъ съ городами Боденскаго озера и направлялся далѣе къ сѣверу до Страсбурга и Фландріи. На Сенъ-Готтардѣ впервые былъ выстроенъ цѣпной мостъ изъ желѣза неизвѣстнымъ изобрѣтателемъ—удивительное для того времени явленіе, ибо желѣзные мосты появились лишь много вѣковъ спустя. Наконецъ, пользовались и путемъ на Монъ-Сеписъ (крутая тропинка) при путешествіяхъ изъ Италіи во Францію. Наоборотъ, Сенъ-Бернаръ, который также являлся обычнымъ переходомъ изъ Италіи во Францію, со времени открытія Сенъ-Готтарда потерялъ свое значеніе. Симплонъ, вслѣдствіе значительныхъ трудностей перехода, и Монъ-Женевръ также отступаютъ на второй планъ.

Среди городовъ этой эпохи въ качествѣ важныхъ рынковъ выдвинулись естественно тѣ, которые лежали у торговыхъ путей, т. е. прежде всего у Средиземнаго, Сѣвернаго и Балтійскаго морей, а затѣмъ расположенные у торговыхъ трактовъ, прорѣзывавшихъ материкъ Европы. Но и изъ нихъ далеко не всѣ пріобрѣли одинаковое торговое значеніе; это зависѣло отъ многихъ условій. Большую роль играло географическое положеніе, въ особенности судоходность рѣки, расположеніе при впаденіи притока, или въ такомъ мѣстѣ, гдѣ можно было перейти рѣку въ бродъ (отсюда многочисленность городовъ, названія которыхъ оканчиваются на furt), либо тамъ, гдѣ измѣнялся уровень воды и совершалась перегрузка товаровъ. Тамъ, гдѣ морской берегъ образуетъ уголъ, гдѣ берегъ сильнѣе врѣзывается въ континентъ или гдѣ этотъ уголъ является устьемъ рѣки, тамъ естественно концентрировался торговый обмѣнъ. Точно также обладанье гаванью, защищенной отъ бури и непогоды, далѣе, наличность собственной промышленности, предпріимчивость жителей и ихъ умѣнье развить свое мореходство и судостроеніе,—все это уже съ самаго начала имѣло существенное значеніе и вмѣстѣ съ политическими условіями независимости играло затѣмъ все болѣе существенную роль. Вслѣдствіе этого, одни города пріобрѣтали центральное торговое значеніе въ европейскомъ и европейско-левантійскомъ обмѣнѣ; другіе же въ лучшемъ случаѣ снабжали только себя да близлежащія мѣстности необходимыми продуктами, рѣзко выражая принципъ замкнутаго городского хозяйства и не выходя за предѣлы послѣдняго.

Такъ напр., для Венеціи имѣло огромное значеніе ея островное положеніе: „венеціанцы живутъ въ самой водѣ, во всемъ мірѣ нѣтъ народа, столь пригоднаго для борьбы съ моремъ"—говоритъ англійскій лѣтописецъ XI ст. Притомъ Венеція была расположена у закрытаго съ трехъ сторонъ и глубоко врѣзывающагося здѣсь въ континентъ Европы Адріатическаго моря. Благодаря этому, она, находясь у Средиземнаго моря, вмѣстѣ съ тѣмъ не испытывала всѣхъ тѣхъ неудобствъ, которыя доставляло открытое море; корабли, находившіеся въ ея гавани, совершенно не чувствовали морскихъ бурь. Въ то же время изъ Венеціи прямой путь велъ чрезъ устья р. Бренты, которая снабжала водами венеціанскія лагуны, въ Альпы и дальше къ сѣверу, такъ что „городъ лагунъ" являлся естественнымъ посредникомъ между европейскими странами и моремъ. Отсюда, изъ Венеціи, и производились

главныя торговыя сношенія по Средиземному морю. Ежегодно отправлялось нѣсколько флотилій на важнѣйшіе торговые рынки [1]).

Такія же флотиліи по Средиземному морю отправляла и Генуя. И ей благопріятствовало мѣстоположеніе—въ наиболѣе сѣверной мѣстности западной части Средиземнаго моря, у врѣзывающагося въ материкъ залива, т. е. въ мѣстности, наиболѣе близко находящейся къ центральной полосѣ Европы. Съ послѣдней она соединялась нѣсколькими удобными альпійскими переходами, направлявшими движеніе къ морю—именно на Геную съ ея прекрасной морской гаванью.

Среди городовъ, являвшихся посредниками въ торговомъ обмѣнѣ между западнымъ и восточнымъ міромъ, эти два города—Венеція („второй Константинополь", какъ ее называли) и Генуя (magnum et notabile membrum inter Italiae potentias)—выдѣлялись своей силой и своимъ положеніемъ въ странахъ Востока, гдѣ имъ уже во время Крестовыхъ походовъ удалось пріобрѣсти значительныя владѣнія. Въ борьбѣ съ Исламомъ они выиграли гораздо больше, чѣмъ дали,—какъ говоритъ лѣтописецъ—и съ властью сарациновъ они легко примирялись, когда рѣчь шла объ ихъ торговыхъ интересахъ.

Генуя завладѣла частью Антіохіи и Лаодикеи, затѣмъ получила треть Арзуфа и Цезареи и часть Іерусалима, въ особенности же треть Акки, которая занимала центральное мѣсто въ левантійской торговлѣ, а впослѣдствіи пріобрѣла владѣнія въ Триполисѣ и Кипрѣ (г. Фамагуста), Греціи (рядъ острововъ Хіосъ, Самосъ, Никарія и др.)—Грецію Генуя называла своимъ садомъ—и, наконецъ въ Крыму и у Чернаго моря, гдѣ Каффа составляла главную генуэзскую колонію и важный торговый пунктъ въ торговлѣ съ Персіей, центральной Азіей и Китаемъ. Еще болѣе значительны были пріобрѣтенія венеціанцевъ. Послѣдніе захватили третью часть Сидона и Тира и благодаря этому, прочно укрѣпили свое положеніе въ Сиріи, сохраняя здѣсь свое могущество даже въ тѣ времена, когда во всѣхъ другихъ мѣстахъ оно было почти утрачено. А съ завоеваніемъ Константинополя крестоносцами въ 1204 г. за венеціанцами упрочилось первенство во вновь основанной Латинской имперіи; они получили (помимо предмѣстья Пера въ Константинополѣ) три восьмыхъ всей территоріи, такъ что владѣли лучшими торговыми пунктами на протяженіи отъ Константинополя до Адріатическаго побережья.

Сравнительно съ Генуей и Венеціей, всѣ остальные города—итальянскіе, провансальскіе и каталонскіе—играли лишь второстепенную роль въ торговлѣ на Средиземномъ морѣ, являлись „торговыми народами второго и третьяго разряда", какъ ихъ называетъ Гейдъ.

Такъ, г. Амальфи, который едва ли не ранѣе всѣхъ другихъ итальянскихъ городовъ вступилъ въ торговыя сношенія съ Сиріей, Палестиной и Египтомъ, уже въ 1130 г. потерялъ свою самостоятельность, а въ 1135 г. лишился своего флота: конкуренты амальфитянъ—пизанцы произвели внезапное нападеніе на городъ, захватили его, уничтожили флотъ и совершенно разграбили жителей.

---

[1]) Одна флотилія (изъ Венеціи) отправлялась въ Черное море; выходя изъ Венеціи между 8 и 20 іюня, она раздѣлялась на три части—одна посѣщала гавани пелопонесскаго побережья и приставала затѣмъ къ Константинополю, другая направлялась къ южнымъ берегамъ Чернаго моря; въ Синопъ и Трапезундъ, третья шла въ сѣверномъ направленіи и заходила въ Тану и Каффу. Сирійскій флотъ (вторая флотилія) отходилъ между 8 и 25 августа и на обратномъ пути (изъ Сиріи) заходилъ въ Кипръ, Кандію, Морею. Третья эскадра назначалась въ Александрію и прочія сѣверо-африканскія гавани и выходила изъ Венеціи въ сентябрѣ (Беръ. Ист. всем. торг. I. 163).

Если отъ величія Амальфи скоро остались лишь незначительные слѣды, то и торжество его соперницы—Пизы продолжалось недолго. Съ XII вѣка происходитъ почти безпрерывная борьба между Пизой и Генуей—они стараются вытѣснить другъ друга изъ Сиріи и Палестины, поджигаютъ факторіи, грабятъ товары. Эта борьба привела Пизу къ упадку и закончилась битвой при островѣ Мелоріи въ 1284 г., которая оказалась роковой для Пизы: 33 галеры и 10 тыс. человѣкъ были захвачены генуэзцами, а въ 1290 г. послѣдніе разрушили ея гавань Портопизано и засыпали устья Арно [1]. Флоренція долгое время являлась лишь промышленнымъ, но не торговымъ центромъ. Она имѣла суконную и шелковую промышленность, работавшую для широкаго рынка (см. выше, стр. 144 и сл.), но у нея не было ни собственной гавани, ни флота; поэтому она вынуждена была отправлять свои шерстяныя ткани чрезъ посредство Генуи, Анконы и въ особенности Венеціи. Лишь съ начала XV вѣка, послѣ того, какъ Флоренція овладѣла Пизой и пріобрѣла ея гавань Ливорно, она рѣшила построить собственный флотъ и самостоятельно вступить въ торговыя сношенія со странами Востока, требуя, въ качествѣ преемницы Пизы, передачи ей всѣхъ тѣхъ владѣній, которыми прежде, до утраты своего торговаго могущества, обладала Пиза. Континентальные сѣверо-итальянскіе города имѣли значеніе лишь для внутренней европейской торговли (Миланъ, Піаченца), въ особенности для денежной торговли (Лукка, Сіена, Римъ). Для Феррары, Равенны, Болоньи, Анконы рынкомъ являлась Венеція. Они собственной торговли не имѣли; Венеція этого не допускала. Савону генуэзцы неоднократно разрушали, сжигали ея корабли, наполняли камнями гавань. Что касается, наконецъ, расположенныхъ у Средиземнаго моря каталонскихъ (аррагонскихъ) городовъ, среди которыхъ на первомъ мѣстѣ стояла Барселона, и южно-французскихъ, изъ коихъ Монпелье, Марсель и Нарбонна находились въ торговыхъ сношеніяхъ съ Востокомъ, то ихъ вліяніе на Востокѣ было незначительно. Въ Трапезундѣ мы уже съ конца XIII вѣка не встрѣчаемъ никого, кромѣ венеціанцевъ, генуэзцевъ и флорентинцевъ—ни каталонскихъ купцовъ, ни купцовъ изъ Лангедока или Прованса. Съ конца XIV вѣка провансальцы исчезаютъ изъ Византіи, прекращаются торговыя сношенія Франціи и съ Египтомъ; торговлю Прованса Генуя старается направить черезъ свой портъ. Вообще, „довольно невзрачный видъ имѣли двѣ французскія галеры, отправлявшіяся на Востокъ, рядомъ съ венеціанскими и генуэзскими эскадрами“. Въ XV вѣкѣ испанской торговли уже совсѣмъ не было, лишь многочисленныя суда каталонскихъ пиратовъ наводили страхъ на мореплавателей и прибрежныхъ жителей въ Средиземномъ морѣ и Архипелагѣ.

Торговля между Западной Европой и странами Востока сосредоточивалась, такимъ образомъ, въ сущности въ рукахъ Венеціи и Генуи, съ XV ст. и Флоренціи, сосредоточивалась благодаря тому, что эти города не ограничивались отправкой торговыхъ эскадръ на Востокъ, но одновременно съ этимъ посылали торговыя флотиліи и въ страны Запада—Фландрію, Англію, сѣверную Францію, снабжая ихъ произведеніями Востока и становясь единственными посредниками въ этомъ обмѣнѣ между двумя частями свѣта. Когда проходъ венеціанскихъ и генуэзскихъ судовъ чрезъ Гибралтаръ былъ затрудненъ, вслѣдствіе нападеній пиратовъ, во Фландріи сильно поднимались цѣны на пряности и благовонія Востока, и многихъ товаровъ, привозимыхъ оттуда, невозможно было достать, ибо индерландскіе купцы сами не посѣщали Средиземнаго моря [2]. Съ половины XV вѣка среди семи рейсовъ, установленныхъ для флорентинской эскадры, было опредѣлено и ежегодное плаваніе во Фландрію и Англію. Значеніе итальянцевъ въ Англіи было настолько велико, что одна угроза генуэзскихъ галеръ въ 1434 г.

---

[1] Heyd. Gesch. des Levantehandels im Mittelalter. I. 207—8, 289, 346—7, 378—83, 390. 431, 519—21.

[2] Heyd. II, p. 709—11

уѣхать обратно заставила короля стать на ихъ сторону въ ихъ спорѣ съ таможенными властями. Пользуясь широкими привилегіями въ Англіи, итальянцы въ то же время не допускали англійскихъ купцовъ въ Средиземное море: генуэзцы грабили появлявшіеся тамъ англійскіе корабли [1]). Тѣ же итальянцы, устроивъ факторіи во всѣхъ этихъ странахъ, держали въ своихъ рукахъ денежныя и банковыя операціи.

Среди всѣхъ западно-европейскихъ странъ одна лишь Германія составляла исключеніе. Почти одновременно съ тѣмъ, какъ венеціанцы и генуэзцы начали совершать плаванія во Фландрію и Англію, обходя ярмарки Шампани, и нѣмцы, которые только ради нихъ туда и пріѣзжали, стали ѣздить въ Венецію, не боясь теперь отправляться въ чужія страны ради непосредственныхъ сношеній. Это избавило южную Германію отъ того захвата торговли итальянцами и монополизаціи ея ими, которую мы наблюдаемъ во всѣхъ другихъ странахъ. Значеніе Венеціи отъ этого еще болѣе усилилось: она стала центромъ международной торговли (emporium orbis, какъ ее называетъ Петрарка), стала постояннымъ рынкомъ, на которомъ обмѣнъ совершался въ теченіе всего года. Здѣсь, на Ріальто и на вымощенной площади св. Марка, гдѣ находились городскіе вѣсы, въ колоннадѣ собирались купцы, и „безъ шуму, безъ споровъ, безъ словъ, какъ бы одними кивками головы заключались торговыя операціи города или, вѣрнѣе, всего міра“— зачатки биржи; только банкротство какого-либо купца, возвѣщаемое сильнымъ стукомъ по его кассѣ, прерывало эту тишину [2]).

Желая монополизировать въ своихъ рукахъ весь торговый обмѣнъ между Западомъ и Востокомъ, Венеція, однако, не могла и нѣмцамъ дозволить ѣздить дальше на Востокъ и пріобрѣтать товары помимо адріатической республики; ибо на Адріатическое море она смотрѣла, какъ на свое владѣніе, стараясь провозглашенную ею теорію о единовластіи Венеціи у Адріатическаго моря превратить въ дѣйствительность. И нѣмцы, слѣдовательно, не обходились безъ посредничества итальянцевъ. „Нѣмецкій купецъ пріѣзжавшій въ Венецію, находился уже въ морѣ, онъ плавалъ на гондолахъ въ соленой водѣ, но дальше, въ открытое море, его все-таки не пускали—здѣсь его предпріимчивости былъ положенъ предѣлъ“ [3]).

Обѣщая нѣмецкимъ купцамъ всевозможныя льготы, которыми они не пользовались въ Венеціи, въ особенности же возможность путешествій по Средиземному морю, генуэзцы старались отвлечь ихъ отъ посѣщенія Венеціи. Но если Венеція называла фондако (торговое подворье) нѣмецкихъ купцовъ „optimo membro di questa sita“ (лучшимъ членомъ города), а отсутствіе нѣмецкихъ купцовъ считала крайне пагубнымъ для себя, „ибо для вывоза товаровъ, привозимыхъ въ большомъ количествѣ, мало путей изъ фондако“ [4])—то и нѣмецкіе города, несмотря на троекратное запрещеніе имп. Сигизмунда торговать съ Венеціей и на всевозможныя стѣсненія, оставались ей вѣрными. Видя безплодность своихъ запретовъ, императоръ вынужденъ былъ ихъ отмѣнить [5]).

Соперничество генуэзцевъ и венеціанцевъ между собою въ вопросѣ о привлеченіи нѣмецкихъ купцовъ являлось лишь частичнымъ выраженіемъ

[1]) Schanz. I, p. 116. 121.
[2]) Ehrenberg. Zeitalter der Fugger. I. 72—3.
[3]) Schulte. I. 354—5.
[4]) Simonsfeld. Der Fondaco dei Tedeschi. p. 36—38.
[5]) Stieda. Hans.-venetianische Handelsbeziehungen, p. 1—36.

той постоянной борьбы, которая происходила между ними, въ особенности въ странахъ Востока. Въ самомъ дѣлѣ, было бы ошибочно полагать, что венеціанцы и генуэзцы, захвативъ въ свои руки левантійскую торговлю, мирно уживались другъ съ другомъ. Подобно тому, какъ Пиза уничтожила Амальфи, Генуя и Флоренція—Пизу, и Венеція и Генуя вели непрерывную борьбу за первенство въ торговлѣ. Онѣ разрушали укрѣпленія, блокировали гавани, жгли суда и грабили товары взаимно, а византійскій императоръ пользовался этой враждой и нерѣдко тайно возбуждалъ венеціанскія и генуэзскія факторіи другъ противъ друга.

Особенно усилилась эта вражда съ начала XIII вѣка; возгорѣлась кровопролитная колоніальная война между обоими городами, охватившая всю Сирію и все Средиземное море и прекратившаяся лишь тогда, когда общій непріятель—сарацины успѣли уже захватить Антіохію и Триполисъ и направлялись къ главному оплоту крестоносцевъ—Акрѣ. Послѣдній палъ въ 1291 г., и вина въ томъ, что основанныя крестоносцами государства снова очутились въ рукахъ сарацинъ, въ значительной мѣрѣ надаетъ на итальянскихъ купцовъ съ ихъ безграничной жадностью и взаимной завистью, - какъ говорятъ современники. Впрочемъ, потеря Сиріи ихъ ничему не научила, вражда продолжалась и въ послѣдующія столѣтія и носила тотъ же острый характеръ; потеря Константинополя также въ значительной мѣрѣ должна быть поставлена въ вину нескончаемой борьбѣ между собой итальянскихъ городовъ. Но вытѣснить другъ друга имъ нигдѣ не удавалось: въ однихъ мѣстностяхъ преобладаніе въ торговлѣ принадлежало временно венеціанцамъ, въ другихъ—генуэзцамъ; но повсюду все-таки и тѣ и другіе сохраняли торговыя связи. Архіепископъ Фессалоники сравниваетъ адріатическую республику съ финикіянами, съ морскими разбойниками, называетъ ее „жабой, морской змѣей, болотной лягушкой“, вслѣдствіе ея самовластія, эксплоатаціи населенія въ Византіи, погони за наживой. Но эти эпитеты столь же примѣнимы и къ ея постоянной соперницѣ—Генуѣ.

Весьма выгоднымъ въ географическомъ отношеніи расположеніемъ пользовались и прибрежные ганзейскіе города. Изъ внутренней Германіи, по рѣкамъ, идущимъ параллельно съ юга на сѣверъ, Везеру, Эльбѣ, Одеру, Вислѣ, товары транспортировались внизъ къ морю, откуда они доставлялись ганзейцами въ другія страны. И точно также привозимые моремъ товары шли изъ приморскихъ городовъ вверхъ по теченію рѣкъ внутрь страны. Гамбургъ на Эльбѣ, Штеттинъ на Одерѣ, Данцигъ на Вислѣ находились въ особенно выгодномъ положеніи—они являлись послѣдними складочными пунктами для вывозимыхъ изъ Германіи и первыми для привозимыхъ туда товаровъ. Здѣсь рѣчныя суда замѣнялись морскими и здѣсь штапельное право, т. е. право останавливать проѣзжающія суда и заставлять ихъ перегружать товары и выставлять ихъ на продажу, имѣло свои чисто физическія основанія. Эти города вмѣстѣ съ Любекомъ, расположеннымъ у наиболѣе глубоко врѣзывающагося въ континентъ пункта юго-западной части Балтійскаго моря, играли первую роль среди ганзейскихъ городовъ. Не столь выгодно было положеніе ганзейскихъ городовъ, лежавшихъ вверхъ по рѣкѣ; но рѣчной путь, направлявшійся къ морю и соединявшій внутреннія области Германіи съ сосѣдними, доставлялъ и имъ возможность сод́ѣятельнаго участія въ торговомъ обмѣнѣ на сѣверныхъ моряхъ. Въ особенности это имѣло мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда измѣненіе въ быстротѣ теченія или уровнѣ воды вызвало необходимость перегрузки товаровъ на другія суда, или же сухопутная дорога подходила къ рѣкѣ, и товары съ

возовъ перегружались на корабли; во всѣхъ этихъ случаяхъ городъ могъ осуществить свое штапельное право не хуже, чѣмъ при расположенiи у моря или устья рѣки. Отсюда торговое значенiе такихъ ганзейскихъ городовъ, какъ Кельнъ на Рейнѣ, Магдебургъ на Эльбѣ, Франкфуртъ и Бреславль на Одерѣ — они всѣ находились въ такомъ положенiи. Если еще прибавимъ такiе приморскiе города, какъ Ростокъ, Стральзундъ, Висмаръ, Бременъ, то будемъ имѣть всѣ важнѣйшiе ганзейскiе города, сосредоточившiе въ своихъ рукахъ торговлю на Сѣверномъ и Балтiйскомъ моряхъ.

Повсюду на Сѣверномъ и Балтiйскомъ моряхъ ганзейцамъ удалось стать твердой ногой—въ Англiи, гдѣ они вывозили изъ Бостона (въ послѣдней четверти XIV вѣка) 76 проц. всего экспортируемаго оттуда сукна; во Фландрiи, гдѣ ганзейская контора въ Брюгге представляла собою—по выраженiю, ганзейцевъ—„складочное мѣсто, на которомъ преимущественно зиждется нѣмецкая Ганза"; въ Скандинавскихъ государствахъ, гдѣ—по словамъ короля Густава Ваза—мѣстные купцы превратились въ „факторовъ и маклеровъ", состоявшихъ на службѣ у ганзейцевъ; наконецъ, въ Новгородѣ, гдѣ ганзейская контора являлась „тѣмъ живымъ источникомъ, изъ котораго образовались всѣ остальныя"; въ Новгородѣ—говорили ганзейцы—„легче всего и при небольшомъ капиталѣ стать человѣкомъ". Во всѣхъ этихъ странахъ ганзейцамъ удалось добиться широкихъ вольностей, благодаря которымъ они, оттѣсняя отъ торговли мѣстныхъ и другихъ иноземныхъ купцовъ, забрали торговлю между сѣверными странами въ свои руки и не терпѣли въ ней конкурентовъ. Нерѣдко они добивались этого и путемъ насильственныхъ дѣйствiй, направленныхъ противъ другихъ купцовъ, напр. противъ англичанъ, прiѣзжавшихъ въ Норвегiю или Данiю, противъ голландцевъ, отправлявшихся въ Балтiйское море. Но, требуя для себя всевозможныхъ привилегiй въ Англiи, Фландрiи, Скандинавскихъ государствахъ, Новгородѣ, они въ то же время вовсе не думали предоставлять англичанамъ, фламандцамъ и другимъ народамъ въ свою очередь такiя же права въ ганзейскихъ городахъ: не принадлежавшiе къ союзу купцы не могли ни прiѣзжать въ ганзейскiе города, ни вступать въ компанiю съ тамошними купцами, ни прiобрѣтать у послѣднихъ товары или корабли.

На Средиземномъ морѣ—какъ мы видѣли выше—торговля въ среднiе вѣка сосредоточивалась въ рукахъ двухъ-трехъ городовъ, которые находились въ непрерывной враждѣ какъ между собой, такъ и съ другими городами, желавшими вступить въ непосредственный обмѣнъ съ Востокомъ. На Балтiйскомъ и Сѣверномъ моряхъ торговля велась Ганзейскимъ союзомъ, онъ назывался „der gemeine deutsche Kaufmann", communis mercator. Союзъ, образовавшiйся изъ ряда отдѣльныхъ договоровъ, состоялъ въ XIV—XV ст. изъ свыше 70 городовъ—вендскихъ, померанскихъ, саксонскихъ, вестфальскихъ, прусскихъ, лифляндскихъ. Однако, уже изъ приведенныхъ выше указанiй видно, что изъ этого числа лишь немногiе города играли роль въ торговомъ обмѣнѣ на сѣверныхъ моряхъ, тогда какъ значенiе остальныхъ было второстепенное и даже третьестепенное. Самую сплоченность ганзейскихъ городовъ не слѣдуетъ преувеличивать. Не желая, чтобы за неправильныя дѣйствiя однихъ городовъ въ другихъ странахъ привле-

кали къ отвѣту и другіе города, Ганза заявляла, что она не есть организованный союзъ — societas, collegium, а лишь конфедерація городовъ съ цѣлью охраны и регулированія торговли и мореходства; и это въ значительной мѣрѣ соотвѣтствовало дѣйствительности. Наибольшую солидарность города проявляли во внѣ, въ сношеніяхъ съ другими странами, во время пребыванія на чужбинѣ, въ Лондонѣ, Брюгге, Новгородѣ. Основнымъ положеніемъ союза было пріобрѣтеніе одинаковыхъ привилегій для всѣхъ членовъ; онъ не могъ допустить, чтобы отдѣльные города или купцы пользовались особыми, не принадлежащими другимъ, преимуществами. Однако, уже въ борьбѣ за пріобрѣтеніе этихъ привилегій отдѣльные города, заинтересованные въ нихъ менѣе другихъ, отказывались принимать участіе. Кельнъ, Люнебургъ, Дортмундъ, не лежавшіе у моря, не интересовались вопросами мореплаванія и не соглашались нести расходы на морскія войны, на преслѣдованіе пиратовъ, на различныя заморскія предпріятія; прусскіе города вообще находили для себя убыточнымъ давать значительныя суммы въ общихъ интересахъ. Отдѣльные города, вслѣдствіе этого, выходили изъ союза, напр., Бреславль, Кульмъ, Галле; другіе, въ особенности Кельнъ, рѣшительно проводили принципъ, что городъ не обязанъ подчиняться рѣшенію союзнаго сейма, если это не соотвѣтствуетъ его собственнымъ выгодамъ; прусскіе города, несмотря на запрещеніе сеймовъ, продолжали попрежнему строить суда для иностранцевъ. Самыхъ сеймовъ, на которыхъ рѣшались всѣ важнѣйшіе вопросы, было немного—съ 1363 г. (первый сеймъ) до конца XV вѣка менѣе 50 (съ 1400—1440 г. всего 12, а съ 1440 г. до 80-хъ гг. XV в. всего 7); изъ нихъ большинство происходило въ Любекѣ, причемъ большею частью присутствовали каждый разъ представители всего 12— 20 городовъ.

Было бы ошибочно также предполагать, что внутри ганзейскаго союза купцы различныхъ городовъ пользовались одинаковыми правами. Ганзейская контора въ Бергенѣ находилась въ рукахъ вендскихъ городовъ, и попытки другихъ группъ городовъ принять участіе въ управленіи ею оказывались безуспѣшными. Точно также Висби и Любекъ не допускали прусскіе города въ составъ организаціи новгородской конторы, да и лифляндскіе города не пользовались равноправнымъ положеніемъ. Еще болѣе обнаруживалась рознь городовъ между собою на родинѣ, гдѣ проводилось строгое разграниченіе между горожанами и купцами другихъ ганзейскихъ городовъ, и послѣдніе пользовались лишь немногими преимуществами по сравненію съ „гостями" т. е. неганзейцами; въ прусскихъ и лифляндскихъ городахъ въ XV в. они даже ставились на одинаковую ногу съ послѣдними. Вражда между городами выражалась особенно ярко въ штапельномъ правѣ, изъ-за котораго города, лежавшіе на одной и той же рѣкѣ, нерѣдко вели между собой ожесточенную борьбу, не желая пропускать провозимые товары къ морю. Въ результатѣ и на сѣверныхъ моряхъ лишь нѣсколько городовъ, на первомъ планѣ вендскіе города съ Любекомъ во главѣ, составлявшіе центръ союза и шедшіе рука объ руку, вслѣдствіе однородности ихъ интересовъ, а вовсе не весь ганзейскій союзъ, сосредоточили въ своихъ рукахъ торговый обмѣнъ, подобно Генуѣ и Венеціи на Средиземномъ морѣ [1].

Вліяніе итальянцевъ и ганзейцевъ въ торговлѣ было одинаково и въ другомъ отношеніи: монопольныя ихъ стремленія привели къ тому, что

---

1) Daenell, II. 293—300. 311—13. 392.

большинство европейскихъ странъ не въ состоянiи было вести самостоятельную торговую политику, не играло активной роли въ торговлѣ. Въ этихъ странахъ, если и возникали все-таки торговые города и рынки, то они были весьма немногочисленны; во всей Англiи въ половинѣ XIV ст. имѣлось не болѣе 170 богатыхъ купцовъ. Рынки существовали лишь тамъ, гдѣ появлялись итальянцы и ганзейцы, и имѣли значенiе въ торговлѣ лишь постольку, поскольку послѣднiе ихъ посѣщали; наконецъ, во многихъ случаяхъ мѣстные купцы на нихъ почти не фигурировали вовсе. Такою пассивною ролью прежде всего вынуждены были довольствоваться Новгородъ и Псковъ, Скандинавскiя страны съ ганзейскими рынками — Бергеномъ, Сконiей; и тутъ и тамъ господствовали ганзейцы. Но такое же положенiе занимала и Англiя; и здѣсь торговля находилась въ рукахъ итальянскихъ купцовъ и Ганзы.

Въ XIII ст. поѣздки новгородцевъ на Западъ составляли, повидимому, явленiе болѣе частое: въ договорѣ 1229 г. говорится, что никто не долженъ препятствовать новгородскимъ купцамъ, если бы они пожелали изъ Готланда ѣхать въ Любекъ, и точно также полоцкiй князь въ 1265 г. выговариваетъ для своихъ купцовъ право торговли не только на Готландѣ и въ Ригѣ, но и въ Любекѣ. Торговля эта направлялась по преимуществу въ Готландъ, гдѣ новгородскiе купцы имѣли свои склады, Любекъ же являлся для новгородцевъ крайнимъ пунктомъ. Есть основанiе предполагать, что и тогда новгородцы пользовались чужими судами, ибо едва ли обладали собственными. Такъ это было по крайней мѣрѣ въ XIV и XV ст.; въ эту эпоху о поѣздкахъ новгородцевъ на Западъ упоминается довольно рѣдко. По сравненiю съ торговлей ганзейцевъ въ Новгородѣ и на Руси вообще, самостоятельныя попытки новгородцевъ совершенно отступаютъ на второй планъ. Ганзейцы не ограничивались тѣмъ, что запрещали (какъ и въ отношенiи купцовъ другихъ странъ) вступать съ русскими въ компанiю, принимать ихъ товары на нѣмецкiя суда и ссужать ихъ капиталами; къ этому присоединялись — то же ганзейцы дѣлали и со шведами и норвежцами, фламандцами и англичанами — и постоянныя притѣсненiя, встрѣчаемыя русскими въ нѣмецкихъ портахъ и не дававшiя имъ возможности пользоваться выговоренными правами [1]).

На Скандинавскомъ полуостровѣ торговое значенiе имѣли Сконiя (Шоненъ) и Бергенъ — и тотъ и другой въ силу того, что они были ганзейскими рынками. Сконiя являлась для ганзейцевъ промежуточной станцiей на пути съ восточнаго побережья Балтiйскаго моря къ побережью Сѣвернаго моря, ибо прямой путь являлся слишкомъ опаснымъ. Но еще важнѣе была Сконiя въ качествѣ мѣста, гдѣ ганзейцы прiобрѣтали рыбу, прежде всего сельди. Мѣстное населенiе жило рыбной ловлей, но торговля рыбой сосредоточивалась въ рукахъ ганзейцевъ — ни рыбакамъ, ни лодочникамъ, ни мѣстнымъ ремесленникамъ не дозволялось солить рыбы болѣе 6 тоннъ, т. е. болѣе того, что имъ могло бы понадобиться для собственнаго пропитанiя въ теченiе зимы [2]).

Огромное значенiе иностранныхъ купцовъ, итальянцевъ и ганзейцевъ, въ англiйской торговлѣ видно уже изъ того, что коммиссiи, рѣшавшiя, въ случаѣ споровъ, вопросъ о томъ, доставлена ли шерсть надлежащаго качества и правильная ли упаковка, состояли изъ двухъ англичанъ, двухъ нѣмцевъ и двухъ итальянцевъ, такъ что иноземные купцы составляли въ нихъ большинство. Первоначально главную роль въ англiйской торговлѣ играли итальянцы, впослѣдствiи же, послѣ банкротства флорентинскихъ товариществъ въ первой половинѣ XV ст., ганзейцы. Это подтверждается и данными относительно участiя тѣхъ и другихъ въ вывозѣ шерсти и сукна. Въ 1273 г. всего 7 проц. вывезенныхъ изъ Англiи тюковъ шерсти приходилось на долю ганзейцевъ, въ

[1]) Никитскiй. стр. 31. 141—44. Костомаровъ, т. II, стр. 213—15. Kiesselbach, p. 43.

[2]) Schäfer. Das Buch des lübeckischen Vogtes auf Schonen. p. LIX—LVII. LXII LXVII. LXXII.

1277—78 гг. 12 проц.; они занимали чертвертое мѣсто среди купцовъ, экспортировавшихъ оттуда шерсть, и имъ выдавались лицензіи на вывозъ отъ 38 до 57 тюковъ. Напротивъ, итальянцы въ 1277—78 гг. стояли на первомъ мѣстѣ, вывозили 30 проц. всей шерсти, и получаемыя ими лицензіи равнялись въ среднемъ 163 тюкамъ. Позже положеніе измѣнилось: въ 1303 ганзейскій вывозъ составляетъ третью часть вывезеннаго количества, а семь лѣтъ спустя, судя по уплаченнымъ пошлинамъ, половину. Въ 1338—42 гг. на лицензію ганзейцевъ приходится обыкновенно не менѣе 150 тюковъ, иногда болѣе тысячи и даже трехъ тысячъ. Въ послѣдней четверти XIV ст., когда вывозъ шерсти изъ Англіи замѣнился вывозомъ сукна, ганзейцы вывозили изъ Бостона 76 проц. всего экспортируемаго оттуда сукна, на долю англійскихъ купцовъ приходилось 21 проц., на всѣхъ остальныхъ иностранцевъ—менѣе 3 проц. Впрочемъ, въ Саутгемптонѣ вывозъ другихъ иностранцевъ превышаетъ вывозъ ганзейцевъ, въ Кингстонѣ первую роль играютъ англичане [1]). Однако, активная торговля англичанъ начинается не ранѣе образованія компаніи Merchant adventurer“ и развивается лишь въ XVI ст. (См. ниже, періодъ новаго времени).

Точно также и Нидерланды съ XIV ст. уже не имѣли самостоятельной торговли. Лишь благодаря тому, что въ Брюгге сосредоточивался обмѣнъ сѣверной части Европы и къ нему, „какъ радіусы къ центру“, сходились торговые пути съ всѣхъ сторонъ; лишь благодаря тому, что тамъ устроили свои факторіи венеціанцы, флорентинцы, генуэзцы, съ одной стороны, ганзейцы, съ другой стороны,—Брюгге сталъ „маклеромъ христіанскихъ народовъ“, и Фландрія сыграла важную роль въ средневѣковой торговлѣ [2]).

Нѣкоторая отдаленность Брюгге отъ морского берега, съ которымъ онъ былъ соединенъ небольшимъ искусственнымъ воднымъ путемъ, вызывала необходимость перегрузки товаровъ и ставила его въ менѣе выгодное положеніе, по сравненію съ городами, лежавшими какъ бы у самой периферіи морскихъ волнъ и являвшимися непосредственной цѣлью морскихъ судовъ, какъ напр., Лондонъ и Антверпенъ. Несмотря на это, жители г. Брюгге могли съ гордостью заявлять, что „Фландрія—это истина безспорная и очевидная — есть страна коммерческая, которую посѣщаютъ купцы самыхъ различныхъ націй“, и Брюгге въ XIV—XV ст. считался знаменитѣйшимъ городомъ міра по числу привозимыхъ товаровъ.

Эренбергъ, Пиренне и др. обращаютъ особое вниманіе на торговлю Брюгге въ эти два столѣтія и поэтому разсматриваютъ его исключительно какъ международный рынокъ, гдѣ иностранцы производили между собою торговыя операціи. Однако, какъ указываетъ Гепке (а также Киссельбахъ), въ предшествующіе вѣка XII и XIII, и фламандскіе города играли весьма важную роль своей активной торговлей. Они вели оживленную торговлю на ярмаркахъ Шампани, гдѣ сбывали свое сукно и пріобрѣтали у итальянцевъ восточные товары для сѣверныхъ странъ. Купцы Ипра имѣли свои ряды во всѣхъ четырехъ мѣстахъ, гдѣ происходили ярмарки; Дуэ имѣлъ ихъ только въ Труа, Аррасъ—въ Баръ; о торговыхъ рядахъ Брюгге не упоминается вовсе, хотя нѣкоторое участіе и онъ принималъ, ибо входилъ въ составъ ганзы 17 городовъ. Но не меньшее значеніе имѣла активная торговля фламандскихъ купцовъ въ Англіи въ эту эпоху (лондонская ганза), именно ранѣе всего, въ XII ст., торговля Сентъ-Омера и Дуэ, позже Гента и Ипра и, наконецъ, Брюгге. Однако, постоянная вражда между Англіей и Фландріей, приводившая къ безпрестаннымъ запре-

---

[1]) Kunze. Hanseakten aus England. №№ 366. 368. Hans. Urkundenbuch. III. №№ 275, 571, p. 405.

[2]) Въ настоящее время особенно подчеркиваетъ значеніе Фландріи для ганзейской торговли Киссельбахъ, указывая на то, что уже изъ старѣйшихъ статутовъ ганзейскихъ городовъ можно усмотрѣть, какъ центромъ всѣхъ ихъ сношеній являлись фламандскіе города (См. Kiesselbach. Die wirtschaftlichen Grundlagen der deut. Hanse. 1907. Его же: Konzentration des hansischen Schiffsverkehrs auf Flandern. Viert. für Soz. u. Wirtschaftsgesch. 1910. Возраженія W. Stein въ Hans. Gesch. Bl. 1910 и отвѣтъ ему Киссельбаха въ Viert. 1911).

щеніямъ вывоза шерсти изъ Англіи и захвату товаровъ, уничтожила къ началу XIV ст. эту торговлю Фландріи. Она перешла въ руки ганзейцевъ и итальянцевъ, черезъ которыхъ теперь фламандцы получали англійскую шерсть, хотя при полученіи лицензій на вывозъ ея изъ Англіи торговцы давали клятву, что она не будетъ вывезена во Фландрію. Далѣе въ XII—XIII ст. фламандцы, въ особ. купцы Сентъ-Омера и Гента, посѣщали сѣверо-германскіе и прирейнскіе города для сбыта своего сукна. Только съ конца XIII ст. они вытѣсняются и изъ этой области ганзейцами—Любекъ не допускаетъ ихъ въ Балтійское море, Кельнъ заграждаетъ имъ путь вверхъ по Рейну. Наконецъ, купцовъ изъ Сентъ-Омера встрѣчаемъ въ XII ст. въ Иль-де-Франсѣ, въ XIII ст. въ Пуату. Торговыя суда изъ Брюгге отправляются въ Ларошель, позже и въ Бордо; изъ захваченнаго въ 1226 г. каравана фламандскихъ судовъ, отправлявшихся изъ южной Франціи съ грузомъ вина, третья часть судовъ принадлежала Брюгге.

Со времени паденія ярмарокъ Шампани, когда венеціанцы и генуэзцы, кастильцы и купцы южной Франціи и, наконецъ, ганзейцы появляются въ Брюгге, этотъ городъ пріобрѣтаетъ положеніе мірового рынка и, по своему торговому значенію, обнаруживаетъ большое сходство съ Венеціей. Оба города являлись центрами и притомъ едва ли не единственными центрами международной торговли, одинъ сѣвернымъ, другой—южнымъ, замѣнившими собою ярмарки Шампани; они являлись торговыми центрами, гдѣ происходилъ торговый обмѣнъ не періодически только, а въ теченіе всего года. Но при всемъ сходствѣ между ними бросается въ глаза и огромное различіе; параллельно росту международнаго значенія Брюгге, сокращается все болѣе активная торговля фламандскихъ городовъ. Въ XIV—XV ст. они не устраиваютъ факторій въ другихъ странахъ, не имѣютъ торговаго флота, получаютъ товары изъ другихъ странъ чрезъ иностранцевъ. Мало того, какъ мы видѣли, итальянцы не допускали непосредственныхъ сношеній между иностранными купцами, пріѣзжавшими въ Италію; напротивъ, жители Брюгге ограничивались посреднической функціей маклеровъ въ торговыхъ сношеніяхъ между купцами различныхъ національностей, пріѣзжавшими въ Брюгге. Они являлись далѣе содержателями гостиницъ для иностранныхъ „гостей", т. е. купцовъ, владѣльцами буксирныхъ лодокъ и барокъ для транспорта товаровъ изъ Слюиза въ Брюгге, перевозовъ, амбаровъ. Но они совершенно не стѣсняли иноземныхъ купцовъ въ ихъ торговыхъ операціяхъ, предоставляя имъ возможность заключать между собою торговыя сдѣлки, „черезъ головы мѣстныхъ жителей"; и въ этомъ отношеніи торговля въ Брюгге сохранила нейтральный характеръ ярмарокъ Шампани.

Мало развита была и активная торговая дѣятельность французскихъ городовъ, ибо и здѣсь торговля, какъ товарная, такъ и денежная, находилась преимущественно въ рукахъ итальянцевъ [1]). Рядомъ съ ними играли значительно менѣе важную роль ассоціаціи мѣстныхъ торговцевъ, распространявшія свою дѣятельность на цѣлыя рѣчныя системы и провинціи. Въ лицѣ Жака Кера впервые выступилъ въ серединѣ XV вѣка на сцену крупный французскій коммерсантъ; дѣятельность его вызывала удивленіе современниковъ, ибо онъ поставилъ свои операціи на широкую ногу, по „итальянскому" способу—онъ посылалъ 7 кораблей изъ Монпелье на Востокъ, въ

[1]) По требованію генуэзцевъ, Монпелье въ 11[illegible]5 г. вынужденъ былъ дать обязательство не вести торговлю на Средиземномъ морѣ далѣе Генуи, даже отказаться отъ непосредственныхъ сношеній съ Испаніей.

*

Египетъ, Сирію, Кипръ, вступалъ въ непосредственныя сношенія съ Флоренціей, Валенсіей, Брюгге, образовывалъ товарищества для различныхъ торговыхъ операцій [1]). Но все же, при всемъ своемъ могуществѣ, онъ былъ единственнымъ, и когда онъ лишился милости французскаго короля, прекратился и кратковременный расцвѣтъ французской торговли на Востокѣ. Монпелье, Нарбонна, Марсель (послѣдній на пути къ долинѣ Роны и на морскомъ пути изъ южной Италіи въ Испанію) не могли сравниться по своему значенію съ итальянскими городами.

Кромѣ провансальскихъ и лангедокскихъ городовъ, отмѣтимъ Бордо въ устьѣ Жиронды (торговля виномъ), Нантъ, Руанъ—(всѣ они пользовались тѣмъ же выгоднымъ въ торговомъ отношеніи географическимъ положеніемъ, какъ Антверпенъ, Гамбургъ, Штеттинъ); особенно же Парижъ, расположенный на пути изъ долины Роны къ Сѣверному морю и въ Англію и отъ средняго Рейна въ сѣверную Испанію; для Парижа особенно выгодно было то обстоятельство, что путь къ востоку отъ бассейна Сены и Оазы встрѣчалъ многочисленныя естественныя препятствія, сѣверо-восточное побережье не имѣло портовъ и берегъ къ сѣверу отъ устьевъ Сены изобиловалъ мелями и скалами [2]).

Въ XIV вѣкѣ и въ особенности въ первой половинѣ XV выдвинулась Женева со своими ярмарками, замѣнившими отчасти ярмарки Шампани. Занимая столь же выгодное географическое положеніе, какъ и послѣдняя, женевскія ярмарки стали важнымъ торговымъ центромъ для южной части Европы—Италіи, Франціи и южной Германіи. Къ концу XV вѣка онѣ уступили свое мѣсто возникшимъ неподалеку и находившимся въ столь же благопріятномъ положеніи ліонскимъ ярмаркамъ.

Изъ германскихъ (въ широкомъ смыслѣ слова) городовъ внутри континента на первомъ планѣ стоятъ прирейнскіе, мимо которыхъ шелъ путь изъ Италіи во Фландрію — Вормсъ, Страсбургъ, Шпейеръ; Майнцъ въ эту эпоху менѣе выдвигался. Далѣе Франкфуртъ на Майнѣ являлся первой нѣмецкой международной ярмаркой, которая посѣщалась въ концѣ XIV вѣка купцами юго-западной, позже и сѣверной Германіи, отчасти и итальянцами; она была платежнымъ срокомъ для купцовъ юго-запада Германіи. Большое торговое значеніе имѣлъ „святой" Кельнъ, который, благодаря своему выгодному географическому положенію, являлся конечнымъ пунктомъ для транспортовъ вверхъ и внизъ по Рейну. Въ Кельнѣ, гдѣ важнѣйшій водный путь внутренней Европы, Рейнъ, перекрещивался съ путемъ изъ Брюгге въ Любекъ, создалось естественное штапельное право на лѣсъ, соль, рыбу, медъ, въ особенности же на вино, доставляемое съ верхняго Рейна въ Нидерланды и Англію [3]).

[1]) Heyd. Gesch. des Levantehandels. II. p. 483. Pigeonneau. Hist· du commerce de la France. I. p. 369—379. Prutz. Jacques Coeur. p. 148 и сл., 166 и сл.

[2]) Götz, p. 521—24.

[3]) Денель (II. 60—61) на основаніи цифровыхъ данныхъ о поступленіи городскихъ доходовъ, приводимыхъ Книппингомъ (Die Kölner Stadtrechnungen des Mittelalters. 1897), утверждаетъ, что въ XV ст. торговля Кельна падаетъ. Однако при ближайшемъ изученіи данныхъ, опубликованныхъ Книппингомъ (I. 120—30. 190—91. 206—10) оказывается, что сокращеніе поступленій имѣло лишь временный характеръ (См. Кулишеръ. Коммунальное обложеніе Германіи въ его историческомъ развитіи 1914. Стр. 16—17). Вообще (см. Кулишеръ, тамъ же) предположеніе (оно высказывается въ особ. Flamm. Der wirtschaftl. Niedergang Freiburgs. 1905), что XV ст. есть уже періодъ упадка нѣмецкихъ городовъ, не подтверждается фактами.

Среди южно-германскихъ городовъ выдвинулись въ качествѣ крупныхъ торговыхъ центровъ тѣ, которые находились въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ международнымъ рынкомъ—Венеціей. Таковы были Аугсбургъ, Констанцъ, Базель, Вѣна, откуда отправлялись купеческіе караваны въ Венецію; въ особенности же Нюрнбергъ, „центръ Европы, ибо оттуда идетъ торговля во всѣхъ направленіяхъ", — какъ говоритъ о немъ астрономъ XV вѣка Мюллеръ. Это подтверждается данными о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имѣлись могилы нюрнбергскихъ купцовъ; на первомъ мѣстѣ по числу этихъ могилъ стоитъ Венеція. Роль южно-германскихъ городовъ въ европейской торговлѣ заключалась преимущественно въ снабженіи южной и сѣверной Германіи привезенными изъ Венеціи левантійскими товарами, а также собственными промышленными издѣліями. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эти города, и прежде всего опять-таки Нюрнбергъ, имѣли свою промышленность, производившую для вывоза. Въ южной Германіи мы находимъ и важную международную ярмарку въ Цурцахѣ; здѣсь на открытомъ мѣстѣ, во время церковныхъ празднествъ совершался въ XV ст. обмѣнъ произведеній различныхъ странъ [1]).

Нюрнбергъ славился производимыми имъ для вывоза металлическими издѣліями (Nürnberger Tand); четвертая часть всѣхъ работниковъ Нюрнберга приходилась на промыслы обрабатывающіе металлы; въ Констанцъ вывозилъ холстъ; Ульмъ и Аугсбургъ—полу-бумажныя ткани (бархентъ). Базель—сукно. Кромѣ баварскихъ, швейцарскихъ, австрійскихъ городовъ (они перечислены у Симонсфельда — Fondaco dei Tedeschi) въ торговлѣ съ Венеціей принимали участіе также Прага, Краковъ, Львовъ и т. д. При этомъ Аугсбургъ, Ульмъ, Базель лежали въ такомъ мѣстѣ, гдѣ рѣка дѣлаетъ поворотъ, Нюрнбергъ, Регенсбургъ, Прага—въ такомъ мѣстѣ, гдѣ островъ на рѣкѣ облегчаетъ переходъ чрезъ нее.

О широтѣ нюрнбергской торговли свидѣтельствуетъ списокъ 1332 г., въ которомъ обозначено 69 городовъ и мѣстностей различныхъ частей Европы, гдѣ нюрнбергскіе купцы были освобождены отъ уплаты сборовъ на таможняхъ. Въ XV ст. Нюрнбергъ, однако, пошелъ еще дальше, направивъ свою торговую дѣятельность въ иныя мѣста—въ Польшу, Богемію, Венгрію, въ особенности же въ прусскіе и лифляндскіе города. Въ этихъ городахъ, какъ и въ Любекѣ, Фландріи и Брабантѣ, нюрнбергскіе купцы пріобрѣли различныя привилегіи и стали непріятными конкурентами для ганзейцевъ [2]).

Между торговыми городами, съ одной стороны, и ярмарочными пунктами, съ другой стороны, есть, повидимому, какъ это указано было въ послѣднее время, значительное различіе. Торговые города имѣютъ собственное купечество, ведущее активную торговлю съ другими городами и странами и посѣщающее различныя ярмарки и рынки. Но ярмарки въ этихъ городахъ не устраиваются, и пріѣзжающіе туда иногородніе и иностранные купцы подвергаются всевозможнымъ ограниченіямъ и стѣсненіямъ, ибо они не должны конкурировать съ мѣстными купцами. Таковы, напр., Генуя, Венеція, Любекъ, Гамбургъ, Аугсбургъ, Нюрнбергъ, Марсель, Монпелье. Въ противопо-

[1]) См. Herzog. Die Zurzacher Messen. 1898.

[2]) Chroniken deutscher Städte. Herausg. Hegel. B. I. p. 222. Schulte. B. I. p. 618—19. 636—37. 645—47. 653—55. Heyd. grosse Ravensburger Gesellschaft. Simonsfeld. Fondaco dei Tedeschi. II. 37 и сл. 47 и сл. Daenell. II. 268—80. Gothein. Wirtschaftsgesch. I. 459 и сл. 519 и сл.

ложность имъ, ярмарочные пункты активной роли въ торговлѣ не играютъ, собственнаго купечества у нихъ нѣтъ. Благодаря особымъ привилегіямъ, которыя предоставляются иностранцамъ, особо выгодному центральному географическому положенію въ отношеніи другихъ странъ, они привлекаютъ къ себѣ иностранныхъ купцовъ, которые здѣсь встрѣчаются и производятъ обмѣнъ товаровъ между собой. Мѣстные же жители ограничиваются лишь вспомогательной въ области торговли дѣятельностью, выступая въ качествѣ маклеровъ, экспедиторовъ, грузчиковъ, иногда и мѣнялъ при стекающихся на ярмарку иностранныхъ купцахъ. Такой характеръ имѣла торговля въ Шампани, а по прекращеніи этихъ ярмарокъ,—въ Брюгге, Франкфуртѣ-на-Майнѣ, Женевѣ, Цурцахѣ, позже въ Ліонѣ, Лейпцигѣ и Антверпенѣ [1]).

По сравненію съ этими ярмарками, имѣвшими международное значеніе, объединившими купцовъ нѣсколькихъ странъ, отступаютъ на второй планъ прочія средневѣковыя ярмарки болѣе мѣстнаго характера. Укажемъ, напр. ярмарку въ Нердлингенѣ, имѣвшую значеніе для Баваріи, въ Страсбургѣ, въ Боценѣ (Тироль); фламандскія ярмарки въ Туру, Ипрѣ, Лиллѣ, Гехтѣ; изъ англійскихъ — ярмарки въ Вестминстерѣ, Стербриджѣ; изъ французскихъ— ярмарки Сенъ-Дени около Парижа, которыя назывались foires de Lendit [2]).

ГЛАВА II.

Объекты торговли, размѣры ея; пути сообщенія.

Какъ мы установили въ предыдущихъ главахъ, господствующимъ въ позднее средневѣковье является принципъ замкнутаго городского хозяйства. Этотъ принципъ является по своему существу враждебнымъ всякому развитію торговой дѣятельности. Изъ него вытекаетъ, что огромное большинство средневѣковыхъ городовъ никакой торговой политики не вело и вести не могло. Или, по крайней мѣрѣ, ихъ хозяйственная политика была торговой политикой лишь въ томъ смыслѣ, что она затрагивала и торговлю, стѣсняла ее, старалась ее элиминировать. Въ сущности же это была лишь промышленная политика. Будучи направлена къ покровительству городскимъ промысламъ, она всячески препятствовала какъ привозу произведенныхъ внѣ города промышленныхъ издѣлій, такъ и сбыту городскихъ промышленныхъ произведеній не-ремесленниками (торговцами). Она стѣсняла и вывозъ производимаго въ окрестныхъ селахъ хлѣба въ другія мѣстности, требуя привоза его исключительно на городской рынокъ. Этотъ характеръ средневѣковаго экономическаго строя въ качествѣ замкнутаго городского хозяйства подтверждается при разсмотрѣніи тѣхъ категорій товаровъ, которые являлись объектами торговаго обмѣна.

---

[1]) См. объ этихъ городахъ выше.

[2]) Объ этихъ ярмаркахъ см. Warnkönig. Flandrische Staats- und Rechtsgeschichte. B. II. Bückling. Die Bozener Märkte bis zum dreissigjähr. Kriege 1907. Schulte. Handel und Verkehr etc. Kriegk. Frankfurter Bürgerzwiste- u. Zustände im Mitt. (глава о ярмаркахъ). Bücher. Bevölkerung von Frankfurt. I. 502 и сл. Dietz. Frankfurter Handelsgesch. I. p. 50 и 60 (таблицы ярмарочныхъ доходовъ отъ различныхъ сборовъ за 1354—90 г.г. и за 1397—1500 г.г.). Häpke. Brügges Entwickl. 1908. Huvelin. Hist. du droit des foires etc. Borel. Les foires de Genève au XV s. 1892. Brésard. Les foires de Lyon. 1914.

На первомъ планѣ среди нихъ стояли сырыя произведенія Востока: пряности, благовонія, красильныя вещества, южные плоды — главные предметы торговли на Средиземномъ морѣ. Пряности — перецъ, имбирь, гвоздика, мускатный цвѣтъ и мускатный орѣхъ, корица, кардамонъ и др. привозились арабами съ Малабарскаго побережья (въ Индіи), Зондскихъ и Молукскихъ острововъ на рынки Малой Азіи и Египта (Бейрутъ, Тавриза, Тана, Трапезунтъ, Александрія и др.) и здѣсь закупались итальянскими купцами. Въ виду ихъ возбуждающаго дѣйствія, они потреблялись въ Европѣ какъ въ качествѣ лекарственныхъ снадобій, согрѣвающихъ средствъ, облегчающихъ пищевареніе, такъ и въ качествѣ ароматическихъ веществъ и въ видѣ приправъ къ кушаньямъ и напиткамъ [1]). Наибольшее значеніе среди пряностей, какъ и вообще во всей средневѣковой торговлѣ, имѣлъ перецъ. Онъ являлся нерѣдко даже платежнымъ средствомъ при покупкѣ земель, при уплатѣ городами займовъ; точно также торговые сборы вносились, приданое уплачивалось фунтами перца. Послѣдній игралъ въ торговлѣ того времени такую же роль, какъ въ XIX вѣкѣ чай и хлопокъ въ англійской торговлѣ. Даже масштабомъ грузоспособности кораблей служило вмѣщаемое ими количество перца, къ которому приводился уже всякій иной грузъ. Самые купцы получили прозвище „мѣшковъ перца"—Pfeffersäcke [2]).

Такую же двоякую роль медицинскихъ средствъ и ароматическихъ веществъ играли и благовонія, мирра и ладанъ, бальзамъ и алой,—произведенія богатой пахучими цвѣтами и растеніями Аравіи и сосѣднихъ странъ, а также амбра, мускусъ и др. Какъ и пряности—мускатъ, гвоздика, корица, они представлялись поэтамъ того времени чѣмъ-то возвышеннымъ и прекраснымъ и служили для картиннаго изображенія придворной жизни [3]). Съ Востока привозился далѣе тростниковый сахаръ, предметъ большой рѣдкости, привозились и красильныя вещества. Шафранъ, которымъ пользовались въ качествѣ желтой краски, но въ то же время и какъ составной частью для различныхъ лекарствъ, наконецъ, и въ видѣ приправы къ кушаньямъ. Бразильское дерево — красная краска изъ передней Индіи, которая примѣнялась и въ живописи; квасцы изъ Малой Азіи, придававшіе тканямъ яркій цвѣтъ. Наконецъ, южные плоды во многихъ случаяхъ появились впервые въ европейской торговлѣ въ эпоху Крестовыхъ походовъ, напр., абрикосы, которые назывались „сливами изъ Дамаска", изюмъ или „виноградъ изъ Дамаска". Тогда же впервые были привезены съ Востока бумажныя и шелковыя ткани. Изъ названій ихъ видно ихъ происхожденіе; таковы муслинъ (отъ гор. Мозула), балдахинъ (отъ Багдада), дамастъ (отъ Дамаска), далѣе золотомъ расшитыя ткани, называвшіяся panna Alexandrina, ковры, которыми со времени Крестовыхъ походовъ стали обивать стѣны по образцу восточныхъ народовъ. Хотя европейцы и пересадили вскорѣ эти производства на свою почву, итальянцы—шелковое, французы—ковровое; но и впо-

[1]) См. Warburg. Die Muskatnuss. Ihre Geschichte, Botanik, Kultur, Handel. und Verwertung. 1897 p. 547—52. 576—78. Alw. Schulz. Höfisches Leben zur Zeit der Minnesinger. I. 202. 392. 400

[2]) См. Geering. Basels Handel und Industrie. p. 236. Sieveking. Genueser Finanzwesen. B. I. Nolte. Der Kaufmann etc.

[3]) Warburg. p. 50—55. Schultz. I. 578.

слѣдствіи наиболѣе изящныя шелковыя издѣлія и почти всѣ бумажныя ткани, бархатъ и тафта получались изъ странъ Востока и ковры носили названіе „heidnisch Werk“ [1]). Весь вывозъ оттуда состоялъ, такимъ образомъ, изъ предметовъ роскоши высокой цѣнности, которые только и въ состояніи были вынести большія издержки перевозки; онъ состоялъ изъ предметовъ, потребляемыхъ преимущественно феодальной аристократіей и церковью, лишь отчасти и городскимъ состоятельнымъ населеніемъ.

Произведеніямъ Востока европейцы съ своей стороны почти ничего противопоставить не могли; они были вынуждены уплачивать благородными металлами, почему отливъ денегъ изъ Европы на Востокъ, къ „нехристямъ“ былъ въ средніе вѣка весьма значителенъ. Главные европейскіе товары, въ которыхъ ощущали потребность левантійскія страны,—хлѣбъ, оружіе и строительный лѣсъ, какъ предметы, необходимые для войны, было запрещено римской куріей продавать „сарацинамъ“. Только благодаря тому, что эти запрещенія систематически нарушались, нѣкоторая часть ввоза покрывалась вывозомъ. Такъ Пиза вывозила на Востокъ стальные клинки, Венеція—строительный лѣсъ, императоръ Фридрихъ II—хлѣбъ изъ Сициліи, хотя самъ же онъ участвовалъ въ Крестовыхъ походахъ.

Къ этимъ предметамъ вывоза еще присоединялись яркія и блестящія шерстяныя ткани, ибо на Востокѣ производились шелковыя и бумажныя издѣлія, но не было шерстяныхъ. Вывозились фламандскія, сѣверо-французскія и каталонскія, въ особенности же флорентинскія алаго цвѣта ткани, спеціально-предназначенныя для „турокъ“. Туда же вывозили цвѣтныя бусы и поддѣльные драгоцѣнные камни изъ Венеціи и прочія ничего не стоющія, но вызывавшія большой спросъ на Востокѣ, бездѣлушки. Наконецъ, итальянцы доставляли за высокія цѣны, въ особенности египетскимъ султанамъ, похищаемыхъ ими преимущественно у побережьевъ Чернаго моря рабовъ, изъ которыхъ составлялось войско султана—мамелюки (mamluk значитъ „рабъ“); рабынь же, въ особ. черкешенокъ, они вывозили въ Европу.

Въ противоположность торговлѣ на Средиземномъ морѣ, объекты ганзейской торговли состояли преимущественно изъ громоздкихъ массовыхъ продуктовъ, которые только и могли провозиться морскимъ и рѣчнымъ путемъ.

Таковы были продукты земледѣлія и скотоводства—хлѣбъ, шерсть, кожи, воскъ, марена; продукты лѣсоводства—строевой лѣсъ, уголь, смола, зола; продукты охоты—мѣха; продукты рыболовства—камбала, осетръ, въ особенности же сельдь—„маленькая соленая рыбка“, ежегодно проходившая стадами чрезъ Зундскій проливъ мимо Сконіи и Ютландіи. Въ XV ст. она переселилась въ значительной мѣрѣ къ берегамъ Голландіи, почему на ней и могъ нажить впослѣдствіи свои богатства Амстердамъ; объектами торговли были также соль изъ Люнебурга, Шотландіи, Франціи (Байё) и Португаліи; вино изъ Пуату, Гаскони и Испаніи; нѣмецкое пиво, особенно изъ Гамбурга и Висмара; янтарь; камни для построекъ и жернововъ.

Въ то время, какъ въ левантійской торговлѣ фигурировали почти исключительно произведенія Востока, которыя вывозились въ Европу, здѣсь, въ области ганзейской торговли, всѣ страны были одновременно и странами

---

[1]) Prutz. Kulturgeschichte der Kreuzzüge. p. 407—09. Kremer. Kulturgeschichte des Orients. B. II. 292—94. 315—16. Dreesbach. Der Orient in der altfranzös. Kreuzzugsjitteratur. 1901. p. 61 и сл. Heyd. II. p. 685. 699.

вывоза и странами привоза, такъ что не происходило и значительнаго отлива денегъ изъ однихъ государствъ въ другія. На первомъ планѣ стояла хлѣбная торговля. Правда, 95 проц. городовъ Германіи (и столько же, несомнѣнно, другихъ странъ) не знали никакой хлѣбной торговли, а лишь получали необходимый для жителей хлѣбъ отъ крестьянъ пригородныхъ селъ и дальше никуда не вывозили его. Но поскольку хлѣбная торговля существовала вообще, она сосредоточивалась въ рукахъ Ганзы. То незначительное меньшинство городовъ, которое занималось хлѣбной торговлей, состояло именно изъ ганзейскихъ городовъ, лежавшихъ у Балтійскаго побережья.

Въ Гамбургѣ, Штеттинѣ и Данцигѣ, Любекѣ, Бременѣ, Стральзундѣ, Висмарѣ и Ростокѣ сосредоточивался хлѣбъ, производимый въ Даніи, Швеціи, сѣверной Германіи (Гольштиніи, Мекленбургѣ, Помераніи, Бранденбургѣ), Богеміи, Силезіи и Польшѣ. Эти города частью заставляли крестьянъ приморскихъ мѣстностей возить хлѣбъ исключительно въ ихъ гавань и при помощи сторожевыхъ судовъ строго слѣдили за этимъ, частью посредствомъ штапельнаго права захватывали въ свои руки продукты, которые шли внизъ по рѣкѣ изъ внутренней Германіи и славянскихъ странъ. Вывозился изъ ганзейскихъ городовъ хлѣбъ въ Голландію и Фландрію, Англію, Шотландію, Францію, отчасти и на Скандинавскій полуостровъ и въ Новгородъ. Но изъ этихъ же странъ, въ особенности изъ Англіи, Швеціи, Франціи, нерѣдко происходилъ и вывозъ хлѣба, такъ что разграниченія между странами хлѣбнаго экспорта и импорта въ сущности провести невозможно. Это объясняется частью тѣмъ обстоятельствомъ, что голодовки происходили во всѣхъ странахъ, даже въ ганзейскихъ городахъ и приморскихъ областяхъ Германіи и Польши: хлѣбъ и вывозился каждый разъ туда, гдѣ наиболѣе силенъ былъ въ данное время голодъ и наиболѣе высоко стояли цѣны, обѣщая наибольшую прибыль. Но кромѣ того невозможность провоза сушей приводила, напр., къ тому, что сѣверныя графства Англіи вывозили хлѣбъ на материкъ, а не въ южныя части страны, нуждавшіяся въ хлѣбѣ и вынужденныя покупать хлѣбъ изъ Германіи и Польши у ганзейскихъ купцовъ. Хлѣбная торговля въ средніе вѣка приняла своеобразный характеръ и по той причинѣ, что коммерческіе интересы выступали на первый планъ не только въ ганзейскихъ городахъ, которые допускали вывозъ хлѣба даже тогда, когда тамъ ощущался недостатокъ, но и у королей и феодаловъ, въ амбарахъ которыхъ скоплялись отъ оброковъ и податей крестьянъ значительные запасы хлѣба и которые старались сбыть ихъ наиболѣе выгоднымъ образомъ. Они либо вели самостоятельную хлѣбную торговлю, какъ императоръ Фридрихъ II, неаполитанскіе герцоги или магистры Тевтонскаго ордена, либо разрѣшали ганзейскимъ купцамъ свободный вывозъ производимаго въ странѣ и пріобрѣтаемаго у крупныхъ помѣстныхъ владѣльцевъ хлѣба, какъ это дѣлали короли англійскіе. Устанавливая, по требованію народныхъ массъ, запрещеніе вывоза хлѣба, многіе государи въ то же время продавали купцамъ лиценціи на вывозъ хлѣба; они обходили, такимъ образомъ, запрещеніе съ выгодой для себя, ибо получали доходъ отъ лиценцій. Это широко практиковалось особенно въ Англіи; а магистры Тевтонскаго ордена даже въ годы неурожая и голода отказывались прекратить свою торговлю хлѣбомъ [1]).

Изъ промышленныхъ издѣлій и здѣсь, если не считать привозимыхъ изъ Италіи и левантійскихъ странъ шелковыхъ и бумажныхъ тканей, единственнымъ объектомъ оживленной торговли являлось фламандское и брабантское судно высшихъ сортовъ [2]); тонкія крашеныя сукна составляли важный объектъ средневѣковой торговли.

---

[1]) См. мою статью: Хлѣбная торговля въ средніе вѣка. Народн. Хозяйство, 1901 г.

[2]) См. выше, стр. 144.

Аррасъ производилъ легкій „рашъ“ (саржу). С.-Омеръ. Брюгге и Валенсіеннъ—„say“ изъ тонкой шерсти и полосатыя матеріи; Гентъ и Ипръ—ярко-красныя тонкія ткани изъ англійской шерсти. Къ нимъ присоединялись французскія сукна (изъ Бургундіи, Шампани, Прованса, Лангедока), преимущественно зеленаго и краснаго цвѣта, отчасти, хотя въ меньшей степени, голландскія и нѣмецкія ткани, въ XV ст. и англійскія. Значеніе торговли сукномъ, именно фламандскимъ, выясняется изъ торговыхъ книгъ ганзейскихъ купцовъ: и ростокскій купецъ Тельнеръ въ 1345—50 гг. закупаетъ во Фландріи тамошнее сукно для сбыта его въ розницу у себя на родинѣ; и любекскій купецъ Виттенбергъ въ 1346—60 гг. пріобрѣтаетъ сукно во Фландріи, Брабантѣ и Англіи; и гамбургскій купецъ Гельдерсенъ торгуетъ сукномъ, происходящимъ изъ 34 мѣстностей, которыя, за исключеніемъ трехъ, относятся къ Нидерландамъ и сѣверной Франціи; въ томъ числѣ половина находится во Фландріи. Съ половины XIV ст. вывозъ англійской шерсти во Фландрію, сѣверную Францію и Италію замѣняется вывозомъ выдѣланнаго въ самой же Англіи сукна [1].

Такимъ образомъ, въ позднее средневѣковье обмѣнъ преимущественно заключался въ сбытѣ городскихъ промышленныхъ издѣлій мѣстнымъ помѣщикамъ и крестьянамъ и въ пріобрѣтеніи у послѣднихъ произведеній сельскаго хозяйства городскими жителями. Привозимые съ Востока сырые продукты (пряности, благовонія, красильныя вещества и пр.) и промышленныя издѣлія составляли предметы большой рѣдкости и цѣнности и поэтому для огромнаго большинства не только сельскаго, но и городского населенія не могли имѣть никакого значенія. Европейскія же произведенія сельскаго хозяйства вывозились въ другія мѣстности лишь изъ тѣхъ немногихъ районовъ, гдѣ имѣлись избытки въ хлѣбѣ, шерсти и т. п., или гдѣ (при отсутствіи избытковъ) удавалось, въ ущербъ мѣстнымъ жителямъ, производить вывозъ необходимыхъ для мѣстнаго потребленія запасовъ. Промышленныя издѣлія вывозились лишь изъ тѣхъ мѣстностей, которыя обладали фактической монополіей выдѣлки какихъ-либо предметовъ, незнакомыхъ другимъ городамъ и странамъ; въ этихъ случаяхъ промышленность, выйдя за предѣлы ремесленной формы производства [2], имѣла возможность сбывать свои продукты въ другихъ городахъ и государствахъ. Однако, рядомъ съ типичными средневѣковыми городами, враждебно относящимися къ торговлѣ и проводящими принципъ замкнутаго домашняго хозяйства, для котораго торговля является лишь необходимымъ въ извѣстныхъ случаяхъ зломъ,—мы находимъ и дѣйствительно торговые города, которые старались расширить свою торговлю, расширить вмѣстѣ съ политической свою торговую власть надъ міромъ. Эти города—мы говорили о нихъ выше—были немногочисленны; на первомъ планѣ стояли ганзейскіе и итальянскіе. Если они по своему характеру выходили далеко за предѣлы замкнутаго городского хозяйства, то небольшое количество ихъ, съ одной стороны, и ограниченность объектовъ ихъ торговли, съ другой стороны, приводили къ тому, что и они не могли измѣнить общаго облика городского хозяйственнаго строя. Связь ихъ съ послѣднимъ выражалась въ особенности въ томъ, что они являлись не только центрами международной торговли, но, въ противоположность послѣдующимъ періодамъ хозяйственной жизни, въ то

[1] См. Mollwo. Handlungsbuch. p. LXX. Nirrnheim, p. LXV—VI. Stieda. Quellen. p. 26. Lohmann. Engl. Wollengewerbe въ Schmollers Forschungen.

[2] См. выше, стр. 144 и сл.

же время были и центрами, ведущими самостоятельную торговую политику.

Въ средніе вѣка каждый торговый городъ прежде всего проводилъ свою торговую политику, независимо отъ всѣхъ другихъ городовъ и отъ центральной королевской власти [1]). Онъ заключалъ самостоятельно торговые договоры съ государями въ интересахъ исключительно своихъ купцовъ и выговаривалъ только для себя различнаго рода привилегіи: право посѣщать данную страну, оставаться въ ней долѣе опредѣленнаго—ярмарочнаго—срока, торговать въ розницу, вступать въ непосредственныя мѣновыя сношенія съ мѣстнымъ крестьянскимъ населеніемъ и съ иностранцами, не уплачивать пошлинъ или платить ихъ въ пониженныхъ размѣрахъ, вывозить тѣ или иные товары, не отвѣчать за преступленія своихъ соотечественниковъ или за ихъ долги (индивидуальная, а не групповая отвѣтственность). Но въ то же время торговые города не давали никакихъ льготъ иноземнымъ и иногороднимъ купцамъ; иногородніе купцы не могли продавать въ розницу въ данномъ городѣ, вступать между собою въ непосредственныя сношенія помимо мѣстныхъ купцовъ, не могли нагружать своихъ кораблей, пока не вышли изъ гавани суда мѣстныхъ купцовъ; они платили торговые сборы съ привозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ, которымъ мѣстные купцы не подлежали или подлежали въ гораздо меньшемъ размѣрѣ, нерѣдко они не могли даже везти мимо города товары, а обязаны были выставлять ихъ тамъ на продажу (штапельное право). Такимъ образомъ, эта торговая политика была направлена въ ущербъ всѣмъ другимъ городамъ. Наконецъ, торговая политика заключалась и въ томъ, чтобы въ другихъ странахъ не допустить иныхъ купцовъ къ обладанію одинаковыми съ выговоренными для своихъ привилегіями. Поэтому при заключеніи торговыхъ договоровъ устанавливалось, что никакіе иные купцы не будутъ пользоваться такими же пониженными пошлинами, не будутъ имѣть права вывозить тѣ или иные товары, иногда—даже вообще не вправѣ будутъ пріѣзжать въ страну. Тамъ же, гдѣ этого оказывалось недостаточно, прибѣгали къ насилію и изгоняли изъ данной страны купцовъ другихъ странъ и городовъ, оставляя для себя монополію торговаго посредничества въ сношеніяхъ этой страны съ другими странами.

Примѣромъ подобнаго рода широкихъ привилегій, пріобрѣтенныхъ торговыми городами въ другихъ мѣстахъ, могутъ послужить тѣ права, которыми пользовались ганзейцы во Фландріи. Имъ предоставлено было не только право пріѣзжать во Фландрію, но и торговать тамъ въ розницу, совершать торговыя сдѣлки между собою и съ другими иностранцами, продавать товары во всякое время и повсюду на сушѣ и на водѣ. На случай возникновенія войны между Фландріей и нѣмецкими городами или князьями имъ давался срокъ въ четыре мѣсяца на ликвидированіе своихъ операцій и отъѣздъ; однако, и тѣмъ ганзейцамъ, которые пожелали бы во время войны остаться во Фландріи, гарантирована была полная защита (постановленіе 1360 г.). Насколько велики были здѣсь привилегіи ганзейцевъ можно усмотрѣть изъ того, что въ Брабантѣ они пользовались только 40-дневнымъ срокомъ для отъѣзда въ случаѣ войны, а въ Голландіи 80-дневнымъ, но имъ не была дана защита на случай, если бы они

[1]) Относительно дальнѣйшаго см. факты выше въ описаніи торговли итальянскихъ и ганзейскихъ городовъ (стр. 154 и сл.).

остались тамъ во время войны. Точно также во Фландріи купцы другихъ націй не могли оставаться въ случаѣ возникновенія военныхъ дѣйствій, а пользовались лишь правомъ въ теченіе извѣстнаго времени послѣ начала войны ликвидировать свою торговлю; англичанамъ давался на это 3-мѣсячный срокъ, генуэзцамъ же, которые также находились всегда въ привилегированномъ положеніи—8 мѣсяцевъ. Далѣе ганзейцы добились того, что за дѣйствія отдѣльныхъ ганзейцевъ не отвѣчали ихъ соотечественники. Точно также въ случаѣ смерти ганзейца во Фландріи, имущество его не поступало въ собственность государства, а выдавалось его наслѣдникамъ. Напротивъ, они сами требовали, чтобы за преступленія, совершенныя по отношенію къ ганзейцамъ, отвѣчалъ не только виновный, но и государство или городъ, къ которому онъ принадлежитъ; слѣдовательно, они настаивали въ этомъ случаѣ на совершенно иномъ принципѣ, чѣмъ тотъ принципъ, который проводился въ предыдущемъ случаѣ, когда виновнымъ являлся ганзеецъ. И они добились своей цѣли. Если фламандецъ ограбилъ нѣмца и былъ схваченъ, то обязанъ былъ вернуть цѣнность награбленнаго; если онъ не въ состояніи былъ это сдѣлать или не былъ схваченъ, то отвѣчали города Брюгге, Гентъ и Ипръ. Если нѣмецъ ограбленъ внѣ Фландріи фламандцемъ, то герцогъ и города обязаны содѣйствовать ганзейцу въ обратной выдачѣ награбленнаго. Если на ихъ двукратныя требованія не послѣдовало удовлетворенія, то налагается арестъ на имущество всѣхъ жителей того города, гдѣ виновный находится; иначе говоря, въ случаѣ, если жители этого города окажутся въ предѣлахъ Фландріи, то изъ ихъ имущества покрываются убытки, нанесенные потерпѣвшему. Т. назыв. береговое право (т. е. право мѣстнаго феодала на имущество, оставшееся при кораблекрушеніи), конечно, не примѣнялось къ ганзейцамъ во Фландріи. Послѣдніе настояли на томъ, чтобы всякое имущество съ ганзейскаго корабля, потерпѣвшаго крушеніе, передавалось альдерманамъ (старѣйшинамъ ганзейцевъ); лишь въ томъ случаѣ, если въ теченіе года не явилось ганзейцевъ, имѣющихъ право на это имущество, оно составляло собственность графа фламандскаго [1]). Столь же широкими привилегіями пользовались ганзейцы въ Англіи (см. Schanz, Kunze и др.), въ Норвегіи (см. Schäfer), итальянцы въ странахъ Востока (см. Heyd.).

Подобныя особо выгодныя условія эти торговые города могли выговаривать для себя въ другихъ странахъ, могли проводить свою торговую политику, благодаря тому, что они необходимы были для государей этихъ странъ, ибо главнѣйшими потребителями товаровъ, являвшихся объектами средневѣковой торговли, были короли, феодалы духовные и свѣтскіе, монастыри. А въ то же время эти иноземные купцы необходимы были имъ потому, что они являлись прекрасными покупателями доставляемаго королямъ и феодаламъ подвластнымъ населеніемъ хлѣба, производимой на ихъ помѣстьяхъ шерсти, кожъ и т. д. Наконецъ, эти же купцы ссужали королей, папъ и аристократію нерѣдко весьма крупными денежными суммами. На этой пользѣ, приносимой ими сильнымъ міра сего, покоились привилегіи ганзейцевъ и итальянцевъ въ различныхъ странахъ: mercatores extranei sunt ydonei et utiles magnatibus (иностранные купцы полезны и выгодны для аристократіи)—говоритъ король англійскій.

Выраженіемъ этой торговой политики, этого стремленія къ развитію торговли, иногда въ ущербъ мѣстному населенію, когда напр. подъ вліяніемъ вывоза хлѣба въ другія страны, появлялся голодъ,—было значительное развитіе купеческаго класса въ такихъ городахъ, какъ напр., Венеція, Генуя, Любекъ, Данцигъ, Аугсбургъ и др.,—тогда какъ, напр., во Франкфуртѣ, который былъ лишь ярмарочнымъ пунктомъ, торговый классъ былъ весьма невеликъ. Знатные нобили

---

[1]) Konrad Bahr. Handel und Verkehr der deutschen Hanse in Flandern währned des 14 Jahrh. 1911. T. II. p. 57—112. См. также ук. соч. Daenell, Häpke, Hirsch, Kiesselbach, Pirenne, Warnkönig.

и патриціи держали въ своихъ рукахъ торговлю въ Венеціи, Флоренціи, Генуѣ, Констанцѣ, Аугсбургѣ, Равенсбургѣ, Любекѣ и др. городахъ. Въ этихъ городахъ выборныя власти состояли изъ купцовъ (венеціанскіе и генуэзскіе дожи, бургомистры, амтманы и ратманы ганзейскихъ и южно-германскихъ городовъ) [1]. Вообще въ средніе вѣка даже короли и герцоги (имп. Фридрихъ II, короли неаполитанскіе) иногда занимались торговлей. Такъ, напр., Фридрихъ II Гогенштауфенъ въ широкихъ размѣрахъ торговалъ хлѣбомъ, причемъ частнымъ лицамъ запрещалось нагружать корабли, прежде чѣмъ королевскіе суда съ хлѣбомъ не вышли изъ гавани. Онъ же монополизировалъ торговлю шелкомъ-сырцомъ, льномъ, желѣзомъ и солью, а также сдавалъ на откупъ красильное производство. Точно также Марія Анжуйская, супруга Карла VII, закупала вино въ Пуату для продажи, отправляла корабли во Фландрію; и самъ Карлъ VII участвовалъ въ торговыхъ операціяхъ съ левантійскими странами [2]. Еще больше данныхъ мы находимъ относительно торговой дѣятельности епископовъ и монастырей, монашескихъ орденовъ, причемъ духовныя учрежденія получали особыя привилегіи въ области торговли. Для того, чтобы пользоваться послѣдними, купцы нерѣдко—какъ указываетъ Прутцъ—постригались въ монахи [3].

Въ немногихъ торговыхъ центрахъ и только въ нихъ торговые обороты достигали значительныхъ размѣровъ. Но нельзя согласиться съ Зомбартомъ, что средневѣковая торговля имѣла ремесленный характеръ, отличалась столь же ограниченными размѣрами, какъ производство ремесленника того времени. Тѣ города, которые вели дѣйствительно торговую политику, расширяя свою торговую дѣятельность и препятствуя развитію торговли другихъ городовъ, получили уже въ тѣ времена торговый характеръ, имѣвшій мало сходства съ господствующимъ типомъ ремесленнаго города. Конечно, если мы станемъ сравнивать обороты средневѣковой торговли, т. е. торговли этихъ городовъ, съ современнымъ торговымъ обмѣномъ, то получится—какъ указываетъ Зомбартъ—тотъ выводъ, что весь товаръ, фигурировавшій въ торговлѣ какого-нибудь торговаго центра того времени въ теченіе года, равняется грузу двухъ-трехъ судовъ нашего времени; окажется, что по размѣрамъ оборота главные торговые порты средневѣковья соотвѣтствуютъ совершенно мелкимъ торговымъ пунктамъ конца XIX вѣка [4]. Но любопытно, что, взявъ въ качествѣ критерія не только эпоху XVI—XVIII ст. но даже XIX вѣкъ, только не конецъ его, а первую половину, мы получаемъ совсѣмъ иной результатъ: размѣры оборотовъ въ позднѣйшее средневѣковье оказываются вовсе не столь незначительными, какъ можно было бы предполагать. Чрезъ Сенъ-Готтардъ изъ Италіи въ Германію перевозилось въ XIV—XV ст. въ среднемъ 1250 тоннъ ежегодно, что въ настоящее время, при существованіи желѣзныхъ дорогъ, можно перевезти въ двухъ товарныхъ поѣздахъ. По сравненію съ нынѣшними 300 тыс., эти 1250 тоннъ представляются совершенно мизернымъ числомъ. Но въ 1830-хъ годахъ, до проведенія желѣзныхъ дорогъ, провозилось въ среднемъ лишь около 4 тыс.

[1] См. Häpke. 189 и сл. Sieveking. Viert. 73. Stud. Lips. p. 143. Schulte. I. pass. Heynen. p. 15—16. 27—29 и др. Мою „Хлѣбн. торговлю въ средн. вѣка“.

[2] Naudé. Acta Borussien. 158—62. Winkelmann. Zur Gesch. Kais. Friedrich II. B. I. p. 521 и сл. II. p. 278, и сл. Yver. p. 33. 137. 157. Schaube. p. 505 и сл. Prutz. Jacques Coeur. p. 155.

[3] См. мою статью „Warenhändler und Geldausleiher“, а также Prutz, ук. соч. p. 33. 156 и др.

[4] Sombart. I. 166—68.

тоннъ въ годъ, т. е. всего втрое болѣе того количества, которое транспортировалось въ XIV вѣкѣ [1]). Вывозъ различныхъ ганзейскихъ городовъ во второй половинѣ XIV вѣка составлялъ на современныя нѣмецкія марки свыше $4^1/_2$ милл. въ Любекѣ (1368 г.), свыше $3^1/_2$ милл. въ Гамбургѣ (1371 г.), свыше 3 милл. въ Стральзундѣ (1384 г.), причемъ цифры эти, полученныя на основаніи данныхъ о фунтовой пошлинѣ, взимаемой въ годы войны, въ мирное время должны были быть еще болѣе значительны [2]) [3]).

Въ то же время торговые обороты однихъ лишь прусскихъ и четырехъ вендскихъ городовъ (въ 1368—69 гг. $15^1/_2$ милл. мар. въ годъ) были втрое болѣе поступленій отъ земельныхъ податей въ Англіи: по Стеббсу (Constitutional History. T. II), при Эдуардѣ III и Ричардѣ II всѣ земельныя подати не превышали 120 тыс. ф. ст. или 5 милл. мар. Если будемъ имѣть въ виду, что въ настоящее время не одни обороты этихъ городовъ, а весь привозъ и вывозъ Германіи ($11^1/_2$ милліард. въ 1903 г.) всего вчетверо болѣе государственныхъ доходовъ Англіи (ок. 3 милліард.), то для средневѣковаго періода получится болѣе благопріятное отношеніе торговыхъ оборотовъ къ государственнымъ доходамъ [4]).

Изъ Англіи въ 1273 г. было вывезено, преимущественно итальянцами и ганзейцами (повидимому въ сѣверную Францію и Фландрію), 35 тыс. тюковъ шерсти, что составляло—по вычисленіямъ Шаубе—цѣнность въ 20 милл. современныхъ герм. марокъ [5]). Во Фландріи въ 1389 г. любекскіе купцы, вслѣдствіе отнятія у нихъ товаровъ, въ одной только торговлѣ сельдью потерпѣли убытковъ на 3500 франк. (фламандскихъ), купцы изъ Стральзунда заявили о потеряхъ въ видѣ сельди на 1400 фр. и такую же сумму объявили купцы прусскихъ городовъ [6]). Въ Генуѣ въ XV ст., по Зивекингу, привозъ и вывозъ равнялся 15—20 милліонамъ совр. фр. [7]).

Если будемъ имѣть при этомъ въ виду общій характеръ хозяйственной жизни того времени, небольшое количество обращавшейся въ средніе вѣка монеты, въ особенности-же незначительность населенія даже въ крупныхъ торгово-промышленныхъ центрахъ (городъ въ 10 тыс. жит. составлялъ рѣдкое явленіе), малые размѣры имущества и доходовъ даже у состоятельныхъ людей (см. выше, стр. 119), — то приведенныя цифры торговыхъ оборотовъ окажутся весьма значительными для того времени. Сравнивая же ихъ за извѣстный періодъ, мы получаемъ и довольно быстрое возрастаніе торговаго обмѣна. Такъ, по вычисленіямъ Лампрехта, торговые обороты по среднему Рейну, судя по уплаченнымъ пошлинамъ, составляли въ 70-хъ годахъ XIII вѣка отъ 935 до 1870 килогр. серебра въ годъ, т. е. 187—375 тыс. мар. на современныя нѣмецкія деньги; сто лѣтъ спустя они достигали 44 тыс. килогр. сер. или почти 9 милл. мар., т. е. возросли въ 40 разъ, а въ половинѣ XV вѣка равнялись 186—217 тыс. килогр. сер., ($63^1/_2$ милл. мар.), слѣдовательно, снова возросли въ нѣсколько разъ [8]).

Предположеніе о незначительности размѣровъ торговли не подтверждается и свѣдѣніями о количествѣ судовъ, плававшихъ на Сѣверномъ и

1) Schulte. I. 722—24.
2) Stieda. Revaler Zollbücher. Hans. Geschichtsquellen. V. p. LVII.
3) Мы приводимъ здѣсь и дальше только цифровыя данныя, вполнѣ провѣренныя и являющіяся результатомъ вычисленій историковъ; сообщаемыя лѣтописцами цифры, установленныя на глазомѣръ, не имѣютъ никакой цѣны.
4) Keutgen. Hans. Handelsgesellschaften etc. p. 284.
5) Schaube. Die Wollausfuhr Englands vom Jahre 1273. p. 178.
6) Konr. Bahr. p. 144.
7) Sieveking. Viert. 1909. p. 88.
8) Lamprecht. Deut. Wirtschaftsleben im Mitt. II. 314—45. 349.

Балтійскомъ моряхъ: въ 1368 г. въ Любекъ прибыло 423 корабля и ушло 871 [1]). Число судовъ, посѣщавшихъ Данцигскій портъ, какъ установилъ Лауфферъ, равнялось въ 70-хъ и 80-хъ годахъ XV вѣка 400—600 ежегодно, а въ 90-хъ годахъ достигло 600—700 [2]). Конечно, вмѣстимость судовъ была невелика: по Денелю, ганзейскіе корабли рѣдко содержали болѣе 250 регистр. тоннъ [3]). Но при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду что и такія суда, будучи нагружены малообъемистыми дорогими товарами, напр., пряностями, шелковыми тканями, представляли собою высокую цѣнность. Такого рода грузомъ были въ особенности наполнены суда, плававшія по Средиземному морю. Между тѣмъ и въ области торговли между итальянскими городами и Востокомъ мы находимъ капиталы въ 70 тыс. мар. уже въ XII вѣкѣ (напр., Майрано въ Венеціи) [4]), и въ отдѣльной экспедиціи купецъ помѣщалъ обыкновенно уже въ первой половинѣ XIII вѣка капиталъ въ 17—20 и болѣе тысячъ марокъ [5]). А такихъ экспедицій предпринималось одновременно нѣсколько: ибо купецъ—Зомбартъ упускаетъ это изъ виду—снаряжалъ нѣсколько кораблей одновременно въ различныя страны или по крайней мѣрѣ принималъ въ нихъ участіе.

О существованіи крупныхъ торговцевъ въ средніе вѣка свидѣтельствуютъ, напр., слѣдующіе факты: торговая компанія Векингузенъ и К°, которая вела операціи между Любекомъ, Брюгге и Венеціей, произвела въ теченіе одного 1409 года на 60 тыс. марокъ оборотовъ; въ 1420 г. въ венеціанскомъ подворьѣ лежало 2.000 фунтовъ янтаря [6]), а въ 1325 г. компанія Барди-Перуччи получила разрѣшеніе на вывозъ изъ неаполитанскаго королевства 30 тысячъ тоннъ хлѣба [7]). Германъ Рекъ изъ Нюрнберга бѣжалъ изъ Венеціи, оставивъ долговъ на сумму въ 25.000 дукатовъ [8]). Торговый домъ Скотти изъ Піаченцы вывезъ въ 1273 г. англійской шерсти на сумму въ 1.250.000 совр. герм. мар. [9]).

Такое развитіе торговли въ средніе вѣка способно даже вызвать наше удивленіе, если мы будемъ имѣть въ виду тѣ огромныя препятствія, которыя встрѣчалъ купецъ на каждомъ шагу своей дѣятельности. Шульте указываетъ на то, что южно-германскіе купцы въ послѣднія столѣтія средневѣковья посѣщали не только Венецію, но и Геную; ибо, въ противоположность Венеціи, которая имъ не давала возможности ѣхать дальше моремъ, они черезъ Геную могли отправляться на корабляхъ въ Испанію. Въ подтвержденіе того обстоятельства, что нѣмецкіе купцы изъ Констанца, Сантъ-Галлена и другихъ городовъ дѣйствительно ѣздили чрезъ Геную въ Барселону, Валенсію, Тортозу и обратно, онъ приводитъ цѣлый рядъ фактовъ,— и все это исключительно случаи захвата вышедшихъ изъ Генуи судовъ по дорогѣ въ Испанію провансальскими, каталонскими, генуэзскими пиратами, случаи разграбленія товаровъ близъ Ниццы или Майорки жителями по-

1) Stieda. Hans. Geschichtsblätter. 1884. p. 81.
2) Lauffer. Danzigs Schiffs -und Warenverkehr am Ende des XV Jahrh.
3) Daenell. II, p. 347.
4) Heynen. Zur Entwickl. des Kapitalismus in Venedig. p. 122.
5) Schaube. Handelsgesch. der Mittelmeerromanen etc. p. 155. 156. 162. 268. 205. 207.
6) Stieda. Hans.-venet. 37—48. Simonsfeld. Fondaco. II. p. 37—8.
7) Davidsohn. Forsch. z. Gesch. von Florenz. III. №№ 828. 848. а также 533, 613, 695, 736.
8) Simonsfeld. I. № 357.
9) Schaube. Viert. 1908. p. 179 -83.

слѣдней[1]). Это обстоятельство прекрасно иллюстрируетъ характеръ средневѣковой торговли: идетъ ли рѣчь о торговыхъ путяхъ или о томъ, какіе товары составляли объектъ торговли, о качествѣ или количествѣ ихъ,— всегда главнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній являются данныя относительно ограбленныхъ каравановъ, отнятыхъ въ той или иной мѣстности судовъ или товаровъ; на это купцы жалуются государю той мѣстности, гдѣ они потерпѣли убытокъ, или сообщаютъ объ этомъ на родину. Крупнѣйшіе труды по исторіи торговли Гейда, Шульте, Шаубе, Ивера и мн. др. въ значительной мѣрѣ основаны именно на такого рода фактахъ. Стида прямо указываетъ на эти свѣдѣнія, какъ на важный источникъ при изученіи средневѣковой торговли [2]).

Такой фактъ, напр., какъ ограбленіе въ 1247 г. на Тирренскомъ морѣ однимъ изъ адмираловъ императора Фридриха римскихъ купцовъ, которые везли между прочимъ $34\frac{1}{2}$ тюка французскаго сукна, указываетъ на существованіе экспорта французскаго сукна. Доказательствомъ того, что купцы изъ Лукки и Пистои посѣщали ярмарки Шампани, служитъ фактъ нахожденія ихъ въ 1242 г. въ купеческомъ караванѣ (въ составъ послѣдняго входили и купцы изъ другихъ городовъ), на который было произведено нападеніе піачентинцами, причемъ купцы лишились цѣнностей въ товарахъ, деньгахъ и лошадяхъ на 17 тыс. ливр.—по показанію потерпѣвшихъ, или на 12 тыс. ливр., какъ признавали виновные; сумма эта въ 300 тыс. совр. герм. мар. во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ о значительности оборотовъ, производимыхъ на ярмаркахъ Шампани [3]). А существованіе торговаго пути изъ Италіи во Фландрію черезъ Сенъ-Готтардъ на Страсбургъ и Люксембургъ уже въ началѣ XIV вѣка засвидѣтельствовано тѣмъ, что пфальцскій дворянинъ Людвигъ Киркель, подъ предлогомъ, что германскій императоръ у него въ долгу, ограбилъ въ 1303 г. миланскаго купца Бертрама де Венто: замокъ Киркель находится на этомъ пути.

Такой дворянинъ Киркель вовсе не составлялъ явленія исключительнаго свойства. Какъ указываетъ Фрицъ Мейеръ, изучившій жизнь средневѣковья на основаніи поэтическихъ произведеній того времени, разбойники принадлежали главнымъ образомъ къ высшимъ слоямъ населенія. Рыцари строили свои замки вблизи торговыхъ трактовъ, и когда они замѣчали ѣхавшаго купца, то производили на него нападеніе; въ случаѣ сопротивленія, его убивали; если же купецъ сдавался, то во всякомъ случаѣ лишался своего имущества, ибо, подъ предлогомъ взиманія проѣздныхъ сборовъ, у него отнимали рѣшительно все, нерѣдко и его самого забирали въ плѣнъ для полученія выкупа [4]). „Лѣса, покрывавшіе берега рѣкъ, способствовали нападеніямъ на купеческія суда, а крѣпкія стѣны замка давали возможность сохранить захваченную добычу". Какъ бы иллюстраціей къ этому общему положенію является слѣдующій случай. Графы Монфорскіе въ 1308 г. сообщаютъ въ Венецію, что изъ-за короля Рудольфа и другихъ королей они введены въ огромные расходы, вслѣдствіе чего и въ виду недостатка средствъ, а вовсе не изъ грабительскихъ цѣлей, имъ пришлось захватить 100 тюковъ сукна у купцовъ, проѣзжавшихъ по Боденскому озеру, цѣнностью въ 10 тыс. мар. Впрочемъ, они готовы вернуть эти товары, если имъ будетъ заплачено 6 тыс., вернуть съ убыткомъ для себя, ибо при продажѣ они могли бы выручить гораздо больше [5]).

При такихъ условіяхъ трудно, собственно говоря, даже представить себѣ, какимъ образомъ въ средніе вѣка могла существовать вообще тор-

[1]) Schulte. I. p. 543—44. 547—48.
[2]) Stieda. Quellen der Handelsstatistik im Mittelalter. p. 13—18.
[3]) Bourquelot. I. 178. Schulte. 211. 425-27.
[4]) Fritz Meyer. Die Stände, ihr Leben und Treiben, dargestellt nach den altfranzösischen Artus- und Abenteuerromanen. 1892. p. 76—7. Stengels Ausgaben und Abhandlungen aus dem Gebiete der roman. Philologie. № 82.
[5]) Stieda въ Abh. der Akad. d. Wiss. p. 14. Schulte. I. p. 383.

говля и могли даже возникнуть компанiи со значительными оборотами. Вѣдь ограбленiемъ купцовъ занимались не только рыцари: датскiй король захватывалъ проѣзжавшiе черезъ Зундъ корабли, французскiй король посылалъ своихъ адмираловъ для каперства венецiанскихъ галеръ, отправлявшихся по Атлантическому океану во Фландрiю, неаполитанскiе короли изъ Анжуйской династiи поставляли корсарамъ необходимыя для пиратства суда и дѣлились съ ними награбленной добычей [1]). А между тѣмъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что къ этимъ препятствiямъ присоединялся еще цѣлый рядъ другихъ, сильно стѣснявшихъ торговое движенiе. Идеаломъ дороги являлась такая, гдѣ три лошади могли идти рядомъ или „гдѣ можетъ проѣхать невѣста, не зацѣпивъ возъ съ покойникомъ“ [2]) [3]). Возьмемъ ли мы Францiю, Англiю, Германiю или Италiю, Скандинавскiя государства,—повсюду перевозка товаровъ совершалась по общему правилу на вьючныхъ животныхъ, лошадяхъ и ослахъ, которыхъ приходилось разгружать каждый вечеръ [4]); рѣже прибѣгали къ двухколеснымъ повозкамъ [5]). Инымъ путемъ не было возможности передвигаться или перевозить товары, ибо большiя повозки легко переворачивались на дорогахъ, которыя представляли собою либо вспаханное поле, либо луга, поросшiе травой. Каждый годъ приходилось заново протаптывать путь, причемъ пользоваться имъ можно было лишь лѣтомъ и при хорошей погодѣ; зимой и въ дождливое время дорога была непроходима [6]). Даже тяжелая колесница папы Iоанна XXII, отправлявшагося на Констанцскiй соборъ (въ 1414 г.), попала въ болото и перевернулась. „Jaceo hic in nomine diaboli“, возопилъ онъ, упавъ въ болото. Имп. Сигизмундъ велѣлъ доходы городовъ отъ проституто къ и преступниковъ тратить на исправленiе дорогъ, чтобы полученныя отъ пороковъ деньги шли на добрыя дѣла [7]).

О мостахъ упоминается, правда, начиная съ XIII вѣка, въ Италiи и Фландрiи и раньше; хотя постройка ихъ считалась богоугоднымъ дѣломъ и основанiемъ для полученiя индульгенцiи, но все же появляются они лишь въ незначительномъ количествѣ и только тамъ, гдѣ невозможно было переходить рѣки въ бродъ. Мосты эти были деревянные и часто повозка по нимъ проѣхать вовсе не могла; они не были предназначены для повозокъ non curribus (не для возовъ). Въ области Ганзы мы находимъ, напр., въ

[1]) Yver. p. 33. Schulte. I. 548.

[2]) Maurer. Gesch. der Dorfverfassung. p. 286.

[3]) Въ области Майна архiепископъ Бальдуинъ впервые въ 1329 г. расширилъ дорогу по Мозелю, по которой ранѣе едва въ состоянiи была проходить ненагруженная лошадь, настолько, что вьючная лошадь или оселъ могли безопасно передвигаться (Lamprecht. II. 242).

[4]) Любопытно, что ѣздить верхомъ и передвигаться было равнозначуще въ тѣ времена; говорили „ѣздить верхомъ черезъ море“.

[5]) Götz. Verkehrswege. 531, 554, 557, 561. Yver. Les marchands etc. p. 69.

[6]) Huber. Gesch. Entwickl. p. 218 и сл. Handwört. der Staatswiss. s v. Wege. B. VII. Jähns. Ross und Reiter in Leben und Sprache etc. II, 122 и сл.

[7]) При поѣздкахъ внѣ города приходилось брать съ собой людей спецiально для того, чтобы они вытаскивали повозку, когда она застряла въ грязи. Неудивительно, что ѣздили съ массой провожатыхъ. Когда герцогъ Богиславъ X отправился изъ Вѣны въ Римъ въ 1496 г., онъ взялъ съ собой 300 лошадей; ландграфъ Вильгельмъ поѣхалъ на бракосочетанiе съ графиней Елисаветой въ 1498 г. съ 20 четырехколесными повозками, а магистръ Тевтонскаго ордена, въѣзжая во Франкфуртъ, имѣлъ всегда не менѣе 50—90 лошадей. (Jähns. Ross und Reiter in Leben und Sprache etc. B. II. 122—25).

XIV вѣкѣ нѣсколько мостовъ; о „совершенныхъ“, построенныхъ съ огромными расходами, каменныхъ мостахъ лѣтописцы особо упоминаютъ какъ о чрезвычайно важномъ явленіи. Но даже „прекрасный“ каменный мостъ у г. Миндена былъ сорванъ ледоходомъ [1]); въ области Мозеля построенный римлянами каменный мостъ являлся до половины XIV ст. единственнымъ; только въ сѣверной Италіи мосты повидимому находились въ нѣсколько лучшемъ состояніи [2]).

Улучшеніе дорогъ вовсе и не входило въ интересы жителей той мѣстности, черезъ которую лежалъ путь, ибо чѣмъ хуже была дорога, тѣмъ больше требовалось добавочныхъ лошадей, тѣмъ больше дохода приносили кузницы отъ починки телѣгъ, подковъ, наконецъ, тѣмъ больше тратили проѣзжающіе во время остановокъ на потребляемые ими продукты [3]). Для сеньеровъ же выгодно было не строить дороги и мосты, а ухудшать и разрушать ихъ, ибо — помимо того, что плохая дорога облегчала нападенія и грабежи—по принципу „что съ воза упало, то пропало“ (Grundruhrrecht), всякая вещь, которая падала на землю, если телѣга ломалась или опрокидывалась при паденіи животнаго, становилась собственностью сеньора [4]). „Когда ѣдешь на ярмарку — дается совѣтъ купцамъ— бери повозку съ небольшими колесами и смотри, чтобы тебѣ не пришлось уплатить Grundruhr, а то вся твоя прибыль пропала“ [5]). Чѣмъ дольше продолжалось путешествіе, тѣмъ большій доходъ доставлялъ сеньору и конвой, т. е. охрана людей и ихъ имущества посредствомъ всадниковъ, которые сопровождали проѣзжающаго. Впрочемъ, конвой нерѣдко имѣлъ характеръ т. наз. „мертваго“ конвоя, гдѣ все ограничивалось полученіемъ квитанціи въ уплатѣ конвойныхъ денегъ. Эти квитанціи являлись уже простымъ средствомъ вымогательства: онѣ нисколько не охраняли проѣзжающихъ, наоборотъ, собственные же люди сеньора нападали на уплатившаго и грабили его, воюющія же стороны ужъ во всякомъ случаѣ не обращали вниманія на грамоту о безпрепятственномъ проѣздѣ, даже если она была выдана самимъ императоромъ.

Нерѣдко феодалы спеціально портили дороги и устраивали всевозможныя стѣсненія и преграды—строили на сушѣ мосты, протягивали цѣпи черезъ рѣку, чтобы обезпечить себѣ сборы при проѣздѣ купцовъ мимо многочисленныхъ таможенъ. Ради этой послѣдней цѣли былъ установленъ и „Strassenzwang (nemini licitum sit per villas circumire), т. е. запрещеніе замѣнять разъ навсегда установленную худшую дорогу лучшей и болѣе прямой. Изъ Польши на лейпцигскую ярмарку былъ, напр., установленъ, въ качествѣ обязательнаго, кружный путь чрезъ Познань, Глогау и т. д., который былъ втрое длиннѣе прямого пути. Для борьбы съ обходомъ до-

1) Daenell. II. 146.
2) Schaube. p. 732 и сл.
3) Götz. p. 548. Нерѣдко проѣзжающій, независимо отъ того, желалъ ли онъ и нуждался ли въ этомъ, обязанъ былъ заѣзжать въ кузницу и останавливаться у мастерской сѣдельника и въ харчевнѣ, гдѣ лошадь и повозка осматривались и исправлялись различныя части и гдѣ онъ обязанъ былъ потребить припасовъ не менѣе, чѣмъ на опредѣленную сумму.
4) Sommerlad. Das Verkehrswesen im deut. Mittelalter. Handw. p. 942—3.
5) Stephan. Das Verkehrsleben im Mittelalter.

роговъ и таможенъ феодалы строили высокія башни, господствовавшія надъ всей окрестностью, заключали между собою даже союзы съ этою цѣлью, причемъ предписывали остановку въ опредѣленныхъ мѣстахъ и отнимали весь товаръ у нарушавшихъ постановленія купцовъ [1]. Это находилось въ связи съ безчисленнымъ количествомъ таможенныхъ заставъ: въ XIV вѣкѣ насчитывалось 64 заставы на Рейнѣ, 35 на Эльбѣ и 77 на Дунаѣ въ Нижней Австріи [2]; около Нюрнберга имѣлось 24 заставы, изъ нихъ 10 на разстояніи всего 3 миль отъ города. Транспортъ по Рейну, вслѣдствіе многочисленности таможенъ, былъ крайне стѣсненъ; по Лампрехту, на разстояніи между Бингеномъ и Кобленцомъ рейнскія пошлины составляли свыше $^2/_3$ цѣнности товара [3]. Не даромъ Mathias Paris говоритъ о „furiosa Teutonicorum insania", о помѣшательствѣ нѣмцевъ, выражающемся въ безчисленныхъ таможенныхъ заставахъ [4]. Конечно, скорость передвиженія при подобныхъ условіяхъ не могла быть велика: въ теченіе дня—по Гецу—въ среднемъ проѣзжали 5—7 миль; въ Альпахъ, впрочемъ, лишь при смѣнѣ лошадей [5].

Значительно благопріятнѣе, чѣмъ на сушѣ, были условія развитія морской торговли. Конечно, и моря кишѣли пиратами, которыми становились даже ганзейскіе матросы въ безработное время, Grundruhrecht замѣнялось на морѣ береговымъ правомъ, т. е. правомъ прибрежныхъ владѣльцевъ на товары, выброшенные на ихъ землю во время кораблекрушенія. Однако, и ганзейцамъ и итальянскимъ городамъ удалось добиться отмѣны по отношенію къ нимъ берегового права, заклейменнаго названіемъ берегового разбоя. Итальянцы достигли этого уже въ XII ст., ганзейцы не подвергались ему въ Англіи съ 1228 г. въ случаѣ, если хотя бы одинъ изъ потерпѣвшихъ крушеніе спасся. Въ 1253 г. Фландрія отказалась отъ берегового права въ отношеніи ганзейскихъ купцовъ. Датскій король долго не хотѣлъ отказаться отъ этого выгоднаго для него обычая [6]. Суда и теперь еще избѣгали открытаго моря [7], двигаясь вдоль береговъ и многократно приставая; они не умѣли лавировать противъ вѣтра и при противномъ вѣтрѣ не могли выходить изъ гавани или выйдя оттуда, при измѣненіи его направленія, возвращались обратно. Въ зимнее время, вслѣдствіе сильныхъ бурь, мореплаваніе прекращалось на Сѣверномъ и Балтійскомъ моряхъ въ теченіе 3—$3^3/_4$ мѣсяцевъ (съ 11 ноября

[1] Götz. 549. Schulte. 429. Schaube. 335.

[2] Sommerlad. I. p. 943. Falke. Gesch. d. deut. Zollwes. 66. 74—5.

[3] Lamprecht. Wirtschaftsleben im Mitt. II. 307—8.

[4] Короли, феодалы, города—всѣ они равно безцеремонно тормозили торговлю таможнями; къ счастью, нѣкоторымъ городамъ удалось добиться освобожденія своихъ гражданъ отъ таможенныхъ сборовъ; въ такомъ положеніи находились, напр., Нюрнбергъ и Кельнъ, отчасти также Страсбургъ, Майнцъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ Женева, Венеція и Миланъ (Schulte). Фламандскіе и брабантскіе города также взаимно освобождали своихъ купцовъ отъ таможенныхъ сборовъ (Häpke. p. 38).

[5] Götz. p. 532, 668 и др. Изъ Марселя въ Провансъ на ярмарку путешествіе продолжалось 22 дня и провозъ обходился въ 75 совр. герм. мар. съ тюка въ 300 400 фунтовъ (Schaube. p. 381).

[6] Prutz. Kulturgeschichte der Kreuzzüge, p. 358, 559. Lappenberg. II. 711. Daenell. II. p. 374. Konr. Bahr, p. 101 и сл.

[7] Иногда они, впрочемъ,—какъ указываетъ Шаубе (p. 153),—на Средиземномъ морѣ при благопріятномъ вѣтрѣ корабли совершенно оставляли изъ виду Сицилію и Критъ.

до 2—22 февраля). Хотя морскія карты и существовали уже съ конца XII ст., но ганзейцы и французы ими не пользовались, замѣняя ихъ особыми указателями фарватеровъ, гаваней, морскихъ теченій и т. д. Съ начала XIV ст. итальянцамъ былъ уже извѣстенъ и компасъ (въ болѣе примитивной формѣ и ранѣе), а въ XV ст. онъ примѣнялся и ганзейцами, французами и т. д. [1]).

Указатель фарватеровъ на протяженіи отъ Гибралтара до Финскаго залива (Seebuch, routier de mer) былъ составленъ первоначально, повидимому, въ западной Франціи, затѣмъ переработанъ во Фландріи и дополненъ ганзейцами въ отношеніи Сѣвернаго и Балтійскаго морей [2]).

Уже въ концѣ XII ст. у различныхъ авторовъ упоминается о магнитѣ, свойства котораго весьма полезны для мореплаванья; а въ арабскомъ сочиненіи „Сокровищница купцовъ" 1242 г. говорится о „рыбкѣ изъ тонкаго и полаго желѣза, которою пользуются мореплаватели и которая отличается тѣмъ, что, будучи брошена въ море, она держится на поверхности и головой своей указываетъ на сѣверъ, а хвостомъ на югъ". Въ XIII ст. магнитъ (marinette, mariniére; въ Сициліи—calamita, т. е. лягушка) примѣняется какъ итальянцами, такъ и французами и испанцами. Въ началѣ XIV ст. магнитъ получилъ неподвижное положеніе, будучи помѣщенъ въ коробку и прикрѣпленъ къ ней, и получился компасъ (bossolo—компасъ—значитъ коробка); изобрѣтеніе его приписывается генуэзцу Флавіо Джойо [3]).

Сооружаются и маяки — въ XIII ст. близъ Фальстербо у входа въ Зундскій проливъ, у Травемюнде, далѣе — въ устьяхъ Эльбы, Везера, Мааса, хотя огни на нихъ не всегда содержались въ порядкѣ. Веніаминъ изъ Туделы относитъ къ чудесамъ каменный маякъ близъ Александріи. Особенно много было маяковъ у французскихъ береговъ — какъ у Средиземнаго моря (у Эгъ-Мортъ въ XIII ст., Марселя и др.), такъ и въ Атлантическомъ океанѣ: на югѣ маякъ около Байонны и уже въ XII ст. около мыса Кордуана, огни котораго поддерживались эремитами, какъ въ древности священный огонь весталками; въ 1468 г. выстроенъ маякъ у порта Ларошеля, содержимый городомъ, еще раньше, въ половинѣ XIV ст., въ Ко (Нормандія), называвшійся Sainte-Adresse, въ началѣ XIV ст. въ Кале, въ Дюнкеркъ и т. д. [4]).

Помимо отсутствія таможенъ и другихъ стѣсненій, морской путь имѣлъ огромное преимущество предъ путешествіемъ по сушѣ, вслѣдствіе несравненно большей вмѣстимости судовъ и скорости движенія.

Лондонскіе граждане, правда, еще въ XV вѣкѣ имѣли всего 4 корабля вмѣстимостью болѣе 120 тоннъ; ганзейскія суда содержали обыкновенно 200—250 тоннъ и цѣнность ихъ составляла не болѣе 3 тысячъ современ. марокъ; въ прусскихъ городахъ (Тевтонскаго ордена) и Ригѣ строились и болѣе крупныя суда въ 400 и болѣе тоннъ, но они уже не могли входить въ цѣлый рядъ портовъ, въ особенности нидерландскихъ.

Итальянскія невы (отъ лат. „navis") перевозили 1—1½ тысячи человѣкъ и въ одной надпалубной части 250 тоннъ товара, а каталонскія суда вмѣщали 420—630 тоннъ, т. е. въ сотни разъ болѣе, чѣмъ двухколесная повозка съ ея 1½—2 тоннами товара, иногда при 10—12 волахъ [5]). При

---

1) Roncière. Histoire de la marine française. II, 1900. p. 506, 510—14.
2) Daenell. II. 364—5.
3) Noel. II. 4—7. Roncière. Hist. de la marine franç. II. 505—12.
4) Roncière. T. II. 1900. p. 537—545.
5) Lindsay. History of merchant shipping. I. 494. Hirsch. Danzigs Handels-und Gewerbsgeschichte. p. 264. Götz. p. 541. 624—25. Stieda. Revaler Zollbücher. p. LXIX. Daenell. II. 345—8.

этомъ вмѣсто 5—7 миль въ день проѣзжали въ прямомъ направленіи 18—20 миль, иногда и гораздо болѣе—24—32 мили [1]).

Слѣдуетъ имѣть въ виду въ особенности эти два послѣдніе момента,— съ одной стороны, возможность провоза гораздо большаго количества товаровъ моремъ, а съ другой стороны, несомнѣнно большую скорость морского пути. Изъ Константинополя въ Венецію ѣздили моремъ втрое скорѣе, чѣмъ сушей—одинъ мѣсяцъ вмѣсто трехъ; а изъ Италіи во Фландрію путешествіе продолжалось гораздо меньше моремъ, чѣмъ по Рейну, хотя Атлантическій океанъ и называли „моремъ тьмы“ и боялись его безбрежной ширины [2]). При такихъ условіяхъ станетъ понятно, что главные торговые пути въ средніе вѣка должны были быть морскіе, что моря должны были имѣть преобладающее значеніе въ средневѣковой торговлѣ.

Даже перевозка товаровъ изъ Нюрнберга на франкфуртскую ярмарку, совершаемая частью по Майну (отъ Бамберга до Франкфурта), частью гужевымъ способомъ (отъ Нюрнберга до Бамберга), обходилась на 20—25 проц. дешевле, чѣмъ перевозка исключительно сушей, ибо фрахтъ сушей составлялъ въ среднемъ (въ концѣ XV ст.) 3 пф. на милю и центнеръ груза, водой же всего 1 пф. [3]).

ГЛАВА III.

Организація торговли; общій характеръ коммерческой дѣятельности въ средніе вѣка.

Вѣчная опасность, которой подвергался средневѣковый купецъ, какъ во время путешествія на ярмарку или на рынокъ, такъ и во время пребыванія на послѣднемъ, опасность въ видѣ нападенія и ограбленія иноплеменниками, какъ и, съ другой стороны, подозрительное отношеніе къ нему со стороны иноземцевъ, къ которымъ онъ пріѣзжалъ для торговаго обмѣна и которые также имѣли основанія опасаться враждебныхъ дѣйствій съ его стороны,—все это вызвало появленіе ряда своеобразныхъ институтовъ и организацій, какъ-то: каравановъ, адмиралтействъ, купеческихъ подворій и факторій, ярмарокъ, консуловъ и маклеровъ-посредниковъ и др.

Цѣлыми караванами ѣздили итальянскіе купцы на ярмарки Шампани; туда же отправлялись караваны купцовъ изъ южно-германскихъ и фламандскихъ городовъ. Изъ этихъ каравановъ, временныхъ союзовъ, распадавшихся по возвращеніи обратно, постепенно образовались въ различныхъ городахъ постоянныя организаціи — купеческія гильдіи, изъ года въ годъ правильно отправлявшіяся на ярмарки Шампани [4]). Итальянскіе

---

[1]) Лишь вслѣдствіе ряда остановокъ въ промежуточныхъ гаваняхъ, отправленные изъ Венеціи товары получались въ странахъ Востока—на Кипрѣ, въ Бейрутѣ, Родосѣ, Яффѣ—чрезъ 22—33½ дня, а путешествіе изъ Антверпена или Брюгге въ Любекъ или Гамбургъ продолжалось 11—18 дней, иногда, впрочемъ, всего 7 дней (Götz. 558—9. 567—9. 621—3. 68. Daenell. II. 350).

[2]) Въ виду послѣдняго, страховая премія при перевозкѣ моремъ изъ Брюгге въ Пизу составляла вдвое болѣе преміи при транспортѣ сушей—12—15 вмѣсто 6—8 проц.

[3]) Joh. Müller. Geleitswesen etc. zwischen Nürnberg und Frankfurt a. M., p. 338 и сл.

[4]) О купеческихъ гильдіяхъ см. Wilda. Das Gildenwesen des Mittelalters. 1831. Hegel. Städte und Gilden. 1892. Doren. Zur Gesch. der Kaufmannsgilden des Mittelal-

города составили обширную корпорацію — „союзъ итальянскихъ купцовъ, посѣщающихъ ярмарки Шампани и Франціи (universitas mercatorum Italiae nundinas Campaniae ac regnum Franciae frequentantium); возникла корпорація провансальскихъ и корпорація лангедокскихъ купцовъ, посѣщающихъ ярмарки Шампани [1]). Цѣлью ихъ являлось взаимное содѣйствіе во время пути и на рынкѣ, совмѣстная защита отъ нападеній, соглашеніе относительно покупныхъ и продажныхъ цѣнъ, пользованіе сообща пріобрѣтенными въ той или иной мѣстности торговыми привилегіями. Такія же гильдіи или ганзы возникли и въ другихъ мѣстахъ. Во Фландріи образовалась т. н. „лондонская ганза“—гильдія купцовъ изъ Брюгге, посѣщающихъ Англію; главный объектъ ея торговли составляла англійская шерсть. Впослѣдствіи, когда въ началѣ XIII ст. она соединилась съ ассоціаціями купцовъ изъ другихъ городовъ, она получила названіе фламандской ганзы (Hansa Flandrensis Brugensium et illorum, qui ad Hansam illam pertinent). Въ XIII ст. она состояла изъ 15 городовъ, распадавшихся на три группы—брюггскую, ипрскую и валлонскую, причемъ старшина ганзы долженъ былъ быть обязательно жителемъ г. Брюгге, а изъ 28 членовъ гильдейскаго суда Брюгге посылалъ 8, Ипръ—4, прочіе по 2 и по одному. Эту фламандскую ганзу въ Англіи не слѣдуетъ смѣшивать (какъ это дѣлаютъ, напр., Bourquelot, Koehne и др.) съ другой корпораціей фламандскихъ купцовъ—ганзой 17 городовъ, производившей въ XIII ст. сбытъ фламандскаго (и французскаго) сукна на ярмаркахъ Шампани [1]); по своему значенію фламандцы занимаютъ здѣсь второе послѣ итальянцевъ мѣсто. Такую же гильдію, но особенно обширную купеческую гильдію представляла собою въ сущности и „Нѣмецкая Ганза“ или союзъ городовъ, расположенныхъ у Сѣвернаго и Балтійскаго морей [2]).

Сухопутнымъ караванамъ соотвѣтствовали на морѣ флотиліи, эскадры или адмиралтейства (conservae, samflot), т. е. караваны судовъ; путешествія флотиліями были необходимы для защиты отъ пиратовъ. Прусскіе города требовали (въ 1399 г.), чтобы флотиліи ѣздили въ составѣ не менѣе 20 судовъ, причемъ предъ отъѣздомъ всѣ корабельщики должны были присягать въ томъ, что ни въ коемъ случаѣ не покинутъ другихъ, не уйдутъ отъ эскадры и будутъ подчиняться предводителю (адмиралу) каравана. Въ дѣйствительности, караваны эти были гораздо многочисленнѣе—

ters. 1893. Van der Linden. Les gildes marchandes dans les Pays-bas au moyen-âge 1896. Pirenne. L'origine des constitutions urbaines au moyen-âge (Révue histor. 1895) Gross. The gild merchant. 1890. Koehne. Das Hansgrafenamt. 1893.

[1]) См. Höhlbaum. Hans. Geschichtsblätt. 1898. Häpke. Brügges Entw., въ особ. же Pirenne. La Hanse flamande de Londres, который выяснилъ различіе между этими двумя гильдіями.

[2]) См. выше, стр. 159 и сл. Ее мы понимаемъ обыкновенно подъ словомъ Ганза безъ всякаго прибавленія, хотя ганза обозначаетъ просто гильдію и является общеупотребительнымъ въ средніе вѣка названіемъ для купеческихъ корпорацій. Какъ указываетъ Вальтеръ Штейнъ (Hans. Geschichtsblätter. 1909), ганза обозначаетъ „группу“, „множество“, „союзъ лицъ“, а не пошлину, сборъ съ торговли, какъ прежде утверждали. Но еще существеннѣе то обстоятельство, что—какъ онъ же выяснилъ—hansa, ansum tenere обозначаетъ всегда торговлю междугородскую, внѣшнюю, въ отличіе отъ gilda mercatoria, въ рукахъ которой сосредоточивается внутренняя торговля, торговля въ предѣлахъ города. (См. также Below. Zur Gesch. des Handwerks und der Gilden. Hist. Zeitschr. 1911).

напр., т. наз. соляныя флотиліи, приходившія въ Данцигъ, состояли изъ изъ 50 и болѣе судовъ [1]). Въ Венеціи о такихъ совмѣстныхъ путешествіяхъ упоминается уже въ 1131 г.; о нихъ имѣются спеціальныя постановленія Consolato dimare, въ марсельскихъ, генуэзскихъ и аррагонско-каталонскихъ статутахъ. Караваны уходили въ опредѣленное время года; по пути они оставляли въ той или другой гавани часть судовъ, предназначенныхъ для данной мѣстности, которые нерѣдко крейсировали между ближайшими портами. На обратномъ пути флотилія снова забирала ожидавшія ее въ различныхъ гаваняхъ суда и въ полномъ составѣ возвращалась обратно.

Такія періодически отходящія флотиліи назывались mudua navium и соотвѣтственно времени ихъ отъѣзда изъ Венеціи, различали mudua pascae, resurrectionis domini, mudua aestatis или S. Petri, mudua mensis augusti и mudua iberni. Каждый корабль, подобно каждому купцу въ караванѣ, былъ снабженъ оружіемъ—метательными машинами (баллистами), самострѣлами (арбалетами), копьями и т. д. По постановленію Ганзы, судно въ 100 ластъ должно было имѣть оружія не менѣе, чѣмъ на 20 человѣкъ, болѣе крупныя—соотвѣтственно больше.

Къ этимъ торговымъ судамъ нерѣдко присоединялись спеціальныя военныя—конвойныя или адмиральскія суда для защиты каравана. Въ Англіи мы находимъ ихъ въ XIV ст., въ Нидерландахъ ок. 1400 г. (Convoyschiffe), въ Италіи и Ганзѣ гораздо раньше; въ особенно же опасныя времена флотиліи вовсе не выходили, и торговля пріостанавливалась. И морскія путешествія вызывали съ теченіемъ времени образованіе купеческихъ морскихъ гильдій (Kauffahrergilden), въ особенности въ ганзейскихъ городахъ; нѣчто сходное, впрочемъ, замѣчаетъ Гольдшмидтъ и въ Италіи [2]). Купцы даннаго города, посѣщавшіе опредѣленный рынокъ, объединялись въ особую компанію: Bergenfahrer, Nowgorodfahrer, Rigafahrer, Revalfahrer, Narwafahrer, Stockholmfahrer, Schonenfahrer.

Особенно много такихъ компаній было въ Любекѣ; но и въ другихъ городахъ (напр., Кельнѣ, Ростокѣ, Грейфсвальдѣ, Штеттинѣ, Люнебургѣ, Дортмундѣ) мы находимъ всегда нѣсколько гильдій, въ особенности Englandfahrer, которые въ Гамбургѣ состояли изъ 35 купцовъ, Flandernfahrer—въ Гамбургѣ ихъ было 84, затѣмъ компаніи, посѣщавшія русскіе города (Новгородъ, Ригу и т. д.), или скандинавскіе рынки (Копенгагенъ, Борнгольмъ, Сконію, Мальме или вообще Данію) [3]).

Не только на пути, но и по прибытіи на мѣсто назначенія, въ другую страну, купцы сохраняли ту же солидарность, составляли нѣчто цѣлое, объединенное между собою и въ то же время чуждое населенію той мѣстности, куда они пріѣзжали, рѣзко отдѣленное отъ него. Поселенія купцовъ или факторіи (ложи) представляли собою опредѣленную часть города, улицу или даже цѣлый кварталъ, который былъ укрѣпленъ стѣною на случай нападенія со стороны мѣстныхъ жителей. Внутри его находилось торговое подворье—гостиный дворъ, fondaco или dogana, гдѣ жили купцы и хранились ихъ товары [4]).

[1]) Lauffer. p. 10.

[2]) Goldschmidt. Univ. p. 191.

[3]) См. Bruns. Die lübecker Bergenfahrer. Hans. Geschichtsquellen. N. F. B. II. Siewert. Rigafahrer in Lübeck. Hans. Geschichtsquell. Einl.

[4]) Fondaco происходитъ отъ арабскаго funduc; точно также dogana (отсюда франц. douane—таможня) есть арабское слово (см. Goldschmidt, p. 98. Anm. 11) и выше, стр. 60.

Такія ложи (logiae или loggia) имѣли итальянцы повсюду какъ въ левантійскихъ, такъ и въ западно-европейскихъ городахъ; уже въ XII вѣкѣ въ Сициліи и Сиріи, въ XIII ст. на Кипрѣ, Сардиніи, Майоркѣ, въ Аррагоніи, Каталоніи, южной Франціи, Нидерландахъ, на ярмаркахъ Шампани. Внутри факторіи помѣщался palatium консула, фондако для храненія и продажи товаровъ, церковь, галлерея со сводами для защиты отъ дождя и жары, гдѣ происходили собранія купцовъ. При этомъ каждая „нація" или купцы каждаго города — генуэзцы, пизанцы, венеціанцы, флорентинцы—имѣли обыкновенно свою особую ложу и свое особое фондако; венеціанцы въ Александріи имѣли даже два подворья (съ половины XIII ст.) [1]).

Ганзейцы имѣли четыре основныя факторіи или конторы—съ XII ст. въ Новгородѣ и Лондонѣ, съ XIII ст. въ Брюгге и съ пол. XIV ст. въ Бергенѣ; кромѣ того существовалъ рядъ болѣе мелкихъ [2]). Въ исторіи извѣстенъ ихъ „Stalhof" въ Лондонѣ [3]), расположенный на берегу Темзы; названіе его происходитъ, однако, не отъ стали, которая никакого значенія въ торговлѣ того времени не имѣла, а отъ stalen—производить осмотръ и клейменіе сукна; послѣднее играло важную роль въ экспортѣ ганзейцевъ изъ Англіи. „Stalhof" обозначаетъ, слѣдовательно, не „стальной дворъ", какъ обыкновенно утверждаютъ, а „суконный дворъ". Извѣстны и ихъ гостинные дворы, готландскій и нѣмецкій (дворъ св. Петра), въ Новгородѣ; они были огорожены высокимъ тыномъ съ крѣпкими воротами и окружены на семь шаговъ кругомъ незастроенной полосой земли, отдѣлявшей ихъ отъ прочихъ (русскихъ) поселеній, отъ самаго Новгорода.

Въ Бергенѣ поселеніе ганзейскихъ купцовъ, ихъ факторія называлась „die deutsche Brücke" (нѣмецкій мостъ, Tyskebrüggen, возможно, что въ смыслѣ „Landungsbrücke", т. е. та часть города, гдѣ приставали нѣмцы); въ ней находилось 30 строеній, принадлежавшихъ ганзейцамъ, и ихъ церковь. Въ копенгагенѣ они жили въ особой „Deutschenstrasse". Въ Брюгге ихъ подворье извѣстно было подъ именемъ „des coepmans huys" и тамъ имѣлась площадь остерлинговъ (такъ назывались ганзейцы, ибо пріѣзжали съ Востока). Ганзейскіе купцы обязаны были всегда держать наготовѣ латы и оружіе на случай нападенія туземцевъ; повсюду туземнымъ жителямъ запрещалось ночевать на нѣмецкомъ дворѣ, а ганзейцамъ оставаться на ночь внѣ отведенной для нихъ части города; туземцы не могли входить даже въ церковь, ибо въ церкви (и въ Новгородѣ, и въ Брюгге) хранились товары и вѣсы и здѣсь же предъ алтаремъ производились нерѣдко торговыя операціи. Въ нѣмецкой церкви св. Петра въ Новгородѣ, внизу, въ сводахъ, помѣщались бочки, тюки полотенъ и вообще всѣ громоздкія вещи, привезенныя съ запада, здѣсь же хранились вымѣненные у русскихъ мѣха; внутри церкви стояли ящики съ разнымъ товаромъ, а для вина было отведено привилегированное мѣсто при алтарѣ; вообще церковь упоминается въ источникахъ почти исключительно въ качествѣ товарнаго склада [4]).

[1]) Только провансальскіе, лангедокскіе и каталонскіе города иногда (напр., въ Тирѣ въ концѣ XII ст.) составляли одну общину съ общими консулами и судомъ, ибо число купцовъ, пріѣзжавшихъ изъ каждаго отдѣльнаго города (Монпелье, Марсель, Сенъ-Жиль, Барселоны), было слишкомъ незначительно, чтобы купцы каждаго изъ нихъ могли составлять самостоятельное цѣлое. Такія же соединенныя купеческія общины существовали, какъ мы видѣли выше, на ярмаркахъ Шампани.

[2]) Таковы: Полоцкъ, Ковно; Бостонъ, Линнъ, Ипсвичъ, Гулль, Ярмутъ; Копенгагенъ, Мальме, Ставеренъ; Амстердамъ, Слюисъ и др.

[3]) Такое же названіе имѣли ганзейскія подворья въ Линнѣ и Бостонѣ.

[4]) Костомаровъ. Сѣверно-русскія народоправства. II, стр. 27. Никитскій. Экон. бытъ Вел. Новгорода, стр. 116. Buck. p. 63—64.

И въ другихъ мѣстахъ первоначальное поселеніе купцовъ въ нанятыхъ домахъ замѣнялось сосредоточеніемъ ихъ въ опредѣленномъ подворьѣ. Такъ, напр., купцы южно-германскихъ городовъ пріѣзжавшіе въ Венецію, жили въ извѣстномъ „fondaco dei Tedeschi" (т. е. гостинный дворъ нѣмцевъ)—одно изъ наиболѣе благоустроенныхъ и красивыхъ зданій средневѣковаго періода. Или же они проживали въ извѣстной части города въ замкнутой факторіи, какъ напр., ганзейцы въ Ковнѣ, купцы изъ южной Германіи въ Вѣнѣ, Прагѣ, („deutsches Dorf", окруженный стѣной и валомъ). Такія подворья — Kaufhäuser или Gredhäuser — возникли во многихъ мѣстахъ по требованію итальянцевъ; мы находимъ ихъ и въ прирейнскихъ и другихъ нѣмецкихъ городахъ (въ XIV ст. въ Майнцѣ, Франкфуртѣ, Кельнѣ, Фрейбургѣ, Базелѣ, Страсбургѣ, въ XV ст. въ Вормсѣ, Констанцѣ, Ульмѣ), гдѣ былъ уничтоженъ прежній обычай иногороднихъ купцовъ останавливаться въ харчевняхъ (какъ бы подъ покровительствомъ хозяина). Они обязаны были и сами проживать тамъ (въ особыхъ помѣщеніяхъ—Gadem), и хранить привезенные товары, и производить продажу ихъ исключительно въ „гостиномъ дворѣ", расположенномъ у рѣки (Рейна, Дуная) или озера (напр., Боденскаго); въ немъ же хранились вѣсы и производился осмотръ товаровъ и взиманіе разнообразныхъ торговыхъ сборовъ (какъ и въ нѣмецкомъ подворьѣ въ Венеціи) [1]). Между ними и итальянскими фондако или ганзейскими „дворами" нельзя найти—въ противоположность мнѣнію Шульте [2]), которое не подтверждается приводимыми имъ же фактами — никакого существеннаго различія. И въ то же время эти подворья пріѣзжихъ купцовъ ничего общаго не имѣютъ съ тѣми торговыми рядами, въ которыхъ мѣстные жители сбывали свои продукты; Генглеръ [3]) ошибочно смѣшиваетъ эти двѣ столь различныя по своему происхожденію и характеру вещи [4]).

Въ отдѣльныхъ поселеніяхъ купцовъ—особыхъ улицахъ, подворьяхъ, выражается отсутствіе довѣрія между лицами различной національности. Но тѣмъ же проникнуты и такіе обычаи, какъ напр., отнятіе у итальянскихъ судовъ, по прибытіи ихъ въ Александрію, руля и парусовъ, которые отдавались обратно не ранѣе, чѣмъ всѣ торговыя операціи были закончены и купцамъ разрѣшалось возвращаться домой [5]), или какъ появленіе на ярмаркѣ въ панцырѣ и съ лукомъ [6]). Тотъ же смыслъ имѣютъ и многочисленные ярмарочные обычаи и привилегіи, составлявшія исключеніе изъ общаго права того времени. На ярмаркахъ средневѣковый обмѣнъ сосредоточивался по преимуществу; число ихъ было весьма велико, хотя, за исключеніемъ немногихъ ярмарокъ международнаго характера (см. стр. 164-6), почти всѣ остальныя имѣли значеніе лишь для небольшого района. На нихъ, преимущественно на крупныхъ международныхъ ярмаркахъ, выработался своеобразный кодексъ (международнаго) торговаго права, которое должно было предупреждать столкновенія между купцами различныхъ національностей, городовъ и племенъ. Такъ, прежде всего ярмарка являлась убѣжищемъ, гдѣ нельзя было никого преслѣдовать за дѣйствія, совершенныя внѣ ярмарки, въ особенности нельзя было ни задержать должника, ни захватить его товары. Далѣе, на ярмаркѣ отмѣнялось такъ называемое право репрессалій: прі-

---

[1]) Уже первыя строенія такого рода окружены стѣнами и находятся на противоположной городу сторонѣ рѣки, соединяясь съ городомъ лишь подъемными мостами; напр., въ г. Виртенъ на Мозелѣ въ X ст. (Claustrum muro instar oppidi exstructum ab urbe quidem Mosa interfluente seiunctum sed pontibus duobus interstratis ei annexum). Lamprecht. Deut. Wirtsch. II. p. 252.

[2]) Schulte. I. p. 520 и сл.

[3]) Gengler. Stadtrechtsaltertümer. p. 330 и сл.

[4]) См. мое Коммунальное обложеніе, стр. 170 и сл.

[5]) Heyd. II. 431.456.

[6]) См. Wauters. Libertés communales de Belgique. p. 253.

ѣзжавшіе на ярмарку купцы не отвѣчали за долги или за преступленія, совершенныя ихъ соотечественниками внѣ ярмарки (но не на самой ярмаркѣ — это обыкновенно особо оговаривается). Если данный городъ отказывался выдать бѣглаго должника, то купцы этого города и ихъ товары могли быть захвачены повсюду, но только не на ярмаркѣ. Имущество, оставшееся послѣ умершаго иностранца, не присваивалось, какъ въ обыкновенное время, мѣстнымъ правителемъ (государемъ), а выдавалось согласно составленному имъ завѣщанію или, при отсутствіи послѣдняго, передавалось его соотечественникамъ. Учреждался особый ярмарочный судъ съ ускореннымъ суммарнымъ производствомъ (summarie et de plano, propter personas, qui celerem habere debent justiciam, sicut sunt mercatores). Онъ производился безъ соблюденія обычныхъ сложныхъ формъ (sine figura et longo strepitu iudicii, non servata sollempnitate). Въ Англіи этотъ судъ назывался court of piepowder или curia pedis pulverisati (т. е. судъ пыльныхъ ногъ), ибо pede pulverosi назывались странствующіе люди, торговцы, ноги которыхъ были покрыты пылью [1]).

Ярмарка происходила всегда въ теченіе опредѣленнаго срока—мѣсяца, шести недѣль, 40 дней, послѣ чего купцы обязаны были покинуть данную мѣстность. Продолжительность ея совпадала съ религіозными праздненствами въ честь почитаемаго въ данной мѣстности святого; это наиболѣе рѣзко выражается во времени происходившихъ въ графствѣ Шампань шести—особенно важныхъ для всей Европы—ярмарокъ. Ярмарка распредѣлялась на нѣсколько частей: предварительный періодъ, когда купцы пріѣзжали, распаковывали товары; далѣе, опредѣленные дни для продажи тѣхъ или иныхъ издѣлій; въ Шампани сначала происходила суконная ярмарка, затѣмъ ярмарка кожъ и одновременно пряностей, благовоній и красильныхъ веществъ, привозимыхъ съ Востока. Наконецъ, послѣдній періодъ — разсчетные дни. Одинъ періодъ смѣнялся другимъ, когда раздавался крикъ: „hare, hare“ (herbei, sus),—обычный возгласъ, примѣняемый при созывѣ сосѣдей, призывѣ на помощь и т. д. [2]).

Какъ во главѣ каравановъ на сушѣ и на морѣ, такъ и во главѣ образовавшихся изъ нихъ купеческихъ гильдій стояли „capitanei universitatis mercatorum“, Hansegrafen или consuls sur mer, которые являлись старѣйшинами купцовъ, предводителями ихъ во время путешествія и пребыванія на ярмаркѣ или рынкѣ. Съ образованіемъ постоянныхъ факторій въ различныхъ странахъ они—обыкновенно ихъ два, три — превращаются въ постоянныхъ представителей купечества даннаго города, въ альдермановъ (или ольдермановъ, т. е. старѣйшинъ), консуловъ (vicecomes, baiulus, podesta, capitano). При нихъ состоялъ совѣтъ (совѣтъ „мудрыхъ“, присяжные), но-

---

[1]) Названіе это объясняютъ нерѣдко такимъ образомъ, что судъ происходилъ столь же скоро, какъ пыль падаетъ съ ногъ (Huvelin. p. 419); существуютъ и другія, не менѣе искусственныя толкованія. Однако, какъ выяснилъ Gross, The court of piepowder, это названіе обозначаетъ просто купеческій судъ, судъ для странствующихъ торговцевъ; lex de pede pulveroso есть то же, что въ XIII ст. называется lex mercatoria.

[2]) Есть и цѣлый рядъ другихъ объясненій слова „hare“, напр., hare отъ hora — часъ, отъ Halle—лавка, отъ haraho—площадь, отъ haret—граница, отъ hirechare, состоящаго изъ двухъ словъ; Hirche (Kirche—церковь) и Halle, и т. д.; но всѣ эти толкованія весьма искусственны. Ср. Huvelin. p. 520.

таріусы (ранѣе всего и здѣсь корабельный нотаріусъ во время пути), клерки и писцы, лица завѣдующія подворьями и складами, и т. д. Караваны же и гильдіи имѣли теперь своихъ особыхъ предводителей.

Генуэзскихъ и венеціанскихъ консуловъ мы находимъ повсюду на Востокѣ, и нерѣдко по тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ они упоминаются, можно заключить о рынкахъ, на которыхъ торговали купцы этихъ городовъ. Они, какъ и капитаны провансальскихъ, лангедокскихъ и итальянскихъ купеческихъ гильдій на ярмаркахъ Шампани и ольдермены ганзейскихъ конторъ, являются частью выборными изъ среды купцовъ, частью (впослѣдствіи) назначаемыми городомъ для факторіи должностными лицами; по статутамъ Флоренціи для выбора консула достаточно 12, по статутамъ Марселя—10—12, по статутамъ Пизы—5, Піаченцы—3 купцовъ даннаго города, пребывающихъ въ одной и той же мѣстности. Съ одной стороны, консулы и ольдермены завѣдовали дѣлами факторіи, издавали обязательныя для всей купеческой общины постановленія и производили, при участіи выборныхъ отъ купечества, разборъ тяжбъ между членами общины (какъ постоянными, такъ и временно пребывающими), притомъ всегда на основаніи собственнаго, а не чужого (т. е. туземнаго) права. Съ другой стороны, въ сношеніяхъ съ населеніемъ той мѣстности, гдѣ устроена факторія, консулы въ средніе вѣка являлись посредниками между всей купеческой общиной и туземнымъ населеніемъ (первоначально между кочующимъ торговымъ племенемъ, караваномъ и властями того мѣста, гдѣ онъ останавливался). Они—отдѣльнымъ лицамъ Ганза это рѣшительно запрещала—заключали (торговые) договоры отъ имени всей купеческой организаціи; послѣдними регулировались права и привилегіи иноземныхъ купцовъ. Договоры эти были чрезвычайно многочисленны: даже небольшой, не игравшій значительной роли въ торговлѣ, итальянскій городъ Анкона заключилъ въ XII—XIII ст. 302 договора. Ибо даже заключенные на „вѣчное“ время договоры должны были какъ въ Европѣ, такъ и на Востокѣ каждый разъ вновь подтверждаться при вступленіи на престолъ новаго короля, герцога или султана въ знакъ того, что мирное состояніе продолжается, хотя бы этому никакое столкновеніе не предшествовало.

Иной характеръ имѣетъ, повидимому, институтъ маклеровъ-посредниковъ (sensarius отъ араб. simsar; courtier, Unterkäufer), который также имѣлъ существенное значеніе въ средневѣковой торговлѣ. Въ противоположность консуламъ, представителямъ купеческой общины, они являются представителями туземнаго населенія, съ которыми пріѣзжіе купцы вступаютъ въ торговыя сношенія. Они возникли, какъ въ настоящее время выясняется, изъ тѣхъ домохозяевъ, у которыхъ первоначально останавливались купцы-иностранцы и подъ покровительствомъ которыхъ (пользуясь ихъ гостепріимствомъ) они находились. Иностранецъ былъ безправенъ и, вслѣдствіе господства междуплеменной вражды, не могъ вступать въ торговый обмѣнъ съ туземнымъ населеніемъ; хозяинъ же, гостепріимствомъ котораго онъ пользовался, являлся его защитникомъ и посредникомъ въ обмѣнѣ, и заключалъ сдѣлку нерѣдко на собственное имя. Впослѣдствіи онъ постепенно превратился въ помощника, сопровождавшаго купца во время его торговой дѣятельности въ данной мѣстности. Эти помощники-маклеры образуютъ особыя корпораціи, пользующіяся исключительнымъ правомъ посредничества; нерѣдко купцы даже обязаны къ нимъ обращаться, не могутъ производить операцій помимо нихъ. Они являютс оцѣнщиками, свидѣтелями при заключеніи сдѣлки, экспертами по опредѣленію

качества товаровъ. Но имъ повсюду и вездѣ запрещена ихъ прежняя дѣятельность — пріобрѣтеніе товара на свое имя, какъ вообще какое бы то ни было участіе въ сдѣлкѣ. При торговыхъ подворьяхъ и во время ярмарокъ имѣлось обыкновенно значительное количество маклеровъ, причемъ они распадались на различныя спеціальности — маклеры по продажѣ вина, лошадей, по измѣренію сукна, по перевозкѣ товаровъ, корабельные маклеры, какъ и маклеры въ области страхованія, заключенія браковъ и т. п. Большое значеніе имѣли маклеры въ итальянскихъ городахъ, гдѣ они образовывали особыя корпораціи; еще большее въ Брюгге, гдѣ къ концу XIII ст. они занимали второе мѣсто среди городскихъ корпорацій (первое—цехъ ткачей), а въ началѣ XIV ст. даже первое, причемъ они объединились съ содержателями постоялыхъ дворовъ и амбаровъ въ порту [1]).

Въ средніе вѣка торговецъ по общему правилу сопровождалъ самъ свои товары, разъѣзжая съ ярмарки на ярмарку и стараясь посѣтить возможно большее число ихъ (ярмарки происходили поочередно) [2]) [3]), почему—какъ подчеркиваетъ Охенковскій—въ торговлѣ того времени главную роль игралъ личный трудъ купца, а не его капиталъ. Однако, необходимость посѣщать значительное число рынковъ и поддерживать сношенія съ различными, нерѣдко весьма отдаленными другъ отъ друга, мѣстностями заставляла обращаться къ спеціальнымъ перевозчикамъ товаровъ (carraterii, vecturarii, muliones) или же держать факторовъ или приказчиковъ (famulus, institor); рядомъ съ ними имѣются ученики—discipuli, garzoni, встрѣчаются даже дѣвушки. Факторы посылались съ торговыми цѣлями въ различныя мѣстности, проходя такимъ образомъ извѣстную подготовительную школу. Посѣтители ганзейскихъ конторъ состояли въ значительной мѣрѣ изъ такихъ факторовъ (26 кельнскихъ факторовъ въ Лондонѣ), принципалы которыхъ оставались дома [4]). Съ ними заключался нерѣдко своеобразный договоръ Sendeve, который Реме отождествляетъ съ договоромъ товарищества на вѣрѣ, а Левинъ съ комиссіоннымъ договоромъ, тогда какъ — какъ выяснилъ Молльво — здѣсь имѣется своеобразная переходная ступень отъ договора довѣренности: то же лицо, будучи попрежнему не болѣе, какъ довѣреннымъ въ отношеніи къ принципалу, въ дѣйствіяхъ съ третьими лицами выступаетъ уже отъ своего имени — довѣренный и комиссіонеръ здѣсь сливаются [5]). Такіе договоры находимъ и въ южно-германской и въ итальянской торговлѣ; въ особенности же въ итальянскихъ договорахъ повсюду имѣется добавленіе — самъ или чрезъ посредство товарищей или

---

[1]) См. Goldschmidt. Ursprünge des Mäklerrechts. Zeitschr. für Handelsrecht, B XXVIII, а также Universalgesch. p. 250 и сл. Huvelin. Hist. du droit etc. p. 529. и сл Schmoller. Tucher- und Weberzunft. p. 430—41. Falke. I. 266 и сл. Ehrenberg. Zeitschr p. 403 сл.

[2]) Итальянскіе купцы отправлялись въ началѣ года на ярмарку въ Ланьи (Шампань), на масленицу въ Ипръ; послѣ Пасхи ѣхали въ Брюгге, въ маѣ переѣзжали въ Англію, возвращались затѣмъ обратно, чтобы попасть на ярмарку въ Лиллѣ, а затѣмъ въ Провансѣ въ сентябрѣ; въ ноябрѣ они посѣщали послѣднюю ярмарку Шампани (въ Труа) и къ концу года возвращались домой. (Ср. Des Marez. La lettre de foire. p. 75).

[3]) Недаромъ базельскій купецъ Андреасъ Риффъ говоритъ, что онъ „мало времени проводилъ въ своей жизни спокойно, безъ того, чтобы сѣдло не грѣло ему задъ" (Geering. Basels Handel etc. 412).

[4]) Daenell. B. II. 326.

[5]) Rehme. Zeitschr. für ges. Handelsrecht. N. F. 27. Levin. Das Kommissionsgeschäft im Hansagebiet. 1887. Mollwo. Das Handlungsbuch Vickos von Geldersen. p. LVI и сл.

факторовъ, слугъ и учениковъ. Факторы не только получаютъ опредѣленную плату, но нерѣдко участвуютъ и въ прибыляхъ, помѣщая свои капиталы въ предпріятіе, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ понятія factor и socius (товарищъ) даже признаются равнозначущими.

Изъ этого видно, насколько товарищество являлось въ средніе вѣка необходимой организаціей торговли; и всякія другія формы клонились къ превращенію въ товарищество съ равноправными отношеніями. Оно составляло организацію, которая—въ противоположность весьма распространенному до недавняго времени мнѣнію—вовсе не возникаетъ по общему правилу лишь съ конца XV и начала XVI вѣка. Напротивъ,—какъ выяснили Моллво и Беловъ—товарищество представляетъ собою не только въ Италіи, гдѣ мы встрѣчаемъ товарищества въ большомъ количествѣ, но и въ Германіи нѣчто свойственное средневѣковому періоду. Господствующимъ является товарищество временное, заключаемое на годъ, на три—шесть лѣтъ, еще чаще на одно опредѣленное торговое путешествіе; при этомъ одинъ и тотъ же торговецъ нерѣдко вступаетъ одновременно въ нѣсколько разнообразныхъ товариществъ, направляющихъ свою дѣятельность въ различныя мѣстности. Такую форму имѣетъ вся итальянская торговля въ Средиземномъ морѣ, какъ и вся морская ганзейская торговля; вообще товарищества возникаютъ въ области морской торговли и развиваются тамъ наиболѣе сильно.

Либо капиталъ доставляется обоими участниками, но только одинъ изъ нихъ, tractator или portator (ибо онъ portat trans mare—или in terra—laboratum) производитъ торговыя операціи, причемъ онъ помѣщаетъ одну треть капитала, прибыль же дѣлится пополамъ; тогда возникаетъ collegantia, societas maris, societas vera (т. е. дѣйствительное товарищество)—изъ послѣдняго названія быть можетъ вытекаетъ, что это была первоначально единственная форма. Либо tractator только прилагаетъ свой трудъ и тогда ему принадлежитъ $^1/_4$ вырученной прибыли. Это commenda, accommenda — отъ слова commendare: поручать. Ему поручается товаръ, онъ является въ этомъ случаѣ корабельщикомъ, который принимаетъ отъ различныхъ лицъ (commendator) товары для продажи ихъ въ другихъ странахъ; въ исторіи итальянской и южно-французской торговли мы встрѣчаемъ много упоминаній объ этомъ видѣ товариществъ. Впрочемъ, эти формы нынѣшняго товарищества на вѣрѣ (которое образовалось изъ нихъ впослѣдствіи) нерѣдко переходятъ одна въ другую и не различаются современниками; даже названія обоихъ иногда прилагаются и къ той и къ другой безразлично.

Рядомъ съ такими кратковременными товариществами находимъ и болѣе постоянныя, большей частью въ формѣ полнаго товарищества (compagna, cumpenie, mascopie). Послѣднее возникло, повидимому, среди родственниковъ и являлось соединеніемъ труда и капитала на началахъ солидарной и неограниченной отвѣтственности всѣхъ участниковъ (e compagnie, e la sua compagnia). При производствѣ торговыхъ операцій въ нѣсколькихъ странахъ необходимость знакомства съ путями сообщенія, торговыми обычаями, многочисленными и сложными таможенными тарифами требовала такого одновременнаго участія нѣсколькихъ лицъ, заинтересованныхъ притомъ своимъ капиталомъ. Они обыкновенно селились въ различныхъ мѣстностяхъ и тамъ производили закупку и продажу товаровъ за счетъ компаніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, соединеніе капиталовъ нѣсколькихъ лицъ, къ

чему присоединялись сбереженія другихъ лицъ, отдаваемыя компаніи подъ проценты, давало компаніи возможность закупать товары въ значительномъ количествѣ, даже скупать весь запасъ, имѣющійся въ данной мѣстности; это было тѣмъ болѣе возможно, что въ средніе вѣка количество товаровъ, доставляемыхъ на рынокъ, было вообще невелико; скупивъ ихъ, компанія могла уже произвольно регулировать цѣны. Съ конца XVI ст. эти компаніи усиливаются все болѣе и болѣе, и возникаетъ рядъ крупныхъ ассоціацій съ большимъ количествомъ участниковъ и значительными капиталами; торговля между южно-германскими и итальянскими городами находилась въ рукахъ немногихъ крупныхъ торговыхъ компаній, напр., «великой равенсбургской компаніи». И одновременно съ ростомъ послѣднихъ въ XV ст. раздаются жалобы на монополизацію ими различныхъ отраслей торговли. Встрѣчаемъ, напр., жалобы Ганзы въ срединѣ XV ст. на компаніи итальянскихъ и фламандскихъ купцовъ, повышающихъ цѣны въ Брюгге, на компанію, скупавшую всѣ издѣлія лейденскихъ ткачей; въ то же время упоминается въ аугсбургскихъ лѣтописяхъ о монопольныхъ ассоціаціяхъ, скупающихъ товары въ Венеціи большими партіями и затѣмъ продающихъ ихъ по произвольно повышеннымъ цѣнамъ. Продолженіемъ этихъ товариществъ являются тѣ крупныя компаніи начала XVI ст., которыя своимъ монопольнымъ характеромъ вызвали негодованіе Лютера и Цвингли и которыя обыкновенно разсматриваются, какъ нѣчто новое, характерное для періода XVI вѣка [1]).

Эти товарищества, ассоціаціи имущественнаго характера, не слѣдуетъ смѣшивать съ купеческими гильдіями или ганзами, о которыхъ мы уже упоминали выше. Послѣднія представляютъ собою, въ противоположность торговымъ компаніямъ, соединенія лицъ, а не капиталовъ. Мало того, компанія есть одно цѣльное предпріятіе, члены ея ведутъ торговыя операціи за общій страхъ и рискъ и дѣлятъ между собой сообща вырученную прибыль. Гильдіи же являются соединеніемъ цѣлаго ряда лицъ, изъ коихъ каждое имѣетъ самостоятельное предпріятіе, ведетъ торговлю за свой счетъ независимо отъ другихъ; цѣль гильдіи—какъ мы указывали выше — состоитъ во взаимной защитѣ и взаимномъ содѣйствіи во время пути и на рынкѣ, въ соглашеніяхъ относительно высоты цѣнъ и т. п. Поэтому-то внутри купеческой гильдіи, ассоціаціи купцовъ той или иной національности могли возникать и дѣйствительно возникали отдѣльныя торговыя компаніи. Напр., купцы различныхъ южно-германскихъ торговыхъ городовъ, совершавшіе путешествія въ Венецію съ торговыми цѣлями, представляли собой несомнѣнно цѣлый рядъ гильдій, объединявшихся венеціанскимъ фондако и тамошними нѣмецкими консулами; но внутри этихъ гильдій образовались торговыя компаніи Мейтинговъ, Гумписовъ, Вельзеровъ, принимавшія постепенно монопольный характеръ.

---

[1]) Goldschmidt. I. § 9. III. Schulte. I. p. 155. 667 и сл. Bruns. Die Lübecker Bergenfahrer. p. CI и сл. Schmoller въ Jahrbuch für Gesetzgebung; B. XVII. p. 372 и сл. (Gesch. Entwickl. der Unternehmung). Below. Grosshändler und Kleinhändler. (Jahrb. für Nationaloekon. 1900. p. 8—13). Lamprecht. Zeitschr. Wirtschaftsgesch. I 205. Schmidt. Handelsgesellschaften etc. p. 14.

Въ средніе вѣка находимъ гильдіи двоякаго рода. Съ одной стороны, помянутыя нами выше universitates, ганзы или гильдіи въ видѣ Englandfahrer, Nowgorodfahrer, universitas et societas mercatorum et cambitorum Lombardorum, Italicorum nundinas Campaniae freguentantium, фламандскихъ ганзъ и др. (см. выше, стр. 182), т. е. ассоціаціи купцовъ, производящихъ торговлю съ тѣми или иными странами. Вступленіе въ эти гильдіи не стѣснено и торговля ихъ имѣетъ оптовый, международный характеръ (см. выше, стр. 182, прим.) А съ другой стороны, имѣются мѣстныя гильдіи, которымъ принадлежитъ исключительное право торговли въ розницу въ данномъ городѣ или районѣ, гильдіи замкнутыя (на подобіе цеховъ). Обыкновенно участники первыхъ входятъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ составъ гильдій розничныхъ торговцевъ для того, чтобы имѣть возможность сбывать не только оптомъ, но и въ розницу привезенные изъ другихъ странъ товары. Гильдіи розничныхъ торговцевъ (gilda mercatorum) нерѣдко (въ особ. въ германскихъ городахъ) именуются гильдіями суконщиковъ (Gewandschneidergilden, incisores panni), ибо главную ихъ привилегію составляетъ продажа иноземнаго (фламандскаго, англійскаго) сукна въ розницу, хотя часто они торгуютъ и другими товарами, въ особ. привознымъ виномъ. Отъ этихъ гильдій, состоявшихъ изъ знатныхъ людей и имѣвшихъ большое значеніе въ средневѣковыхъ городахъ, отличаются иногда по своему болѣе низкому соціальному положенію гильдіи (третьяго рода) мелочныхъ торговцевъ (Krämer, institor). Послѣдніе, въ противоположность осѣдлымъ розничнымъ торговцамъ (Gewandschneider, Kaufleute), сохранили свой кочевой характеръ, были коробейниками, странствовавшими съ рынка на рынокъ, по замкамъ и монастырямъ, являлись на всякаго рода празднества, на турниры, вообще вездѣ, гдѣ было скопленіе народа. Въ другихъ случаяхъ напротивъ Kaufleute и Krämer сливаются, и Gewandschneider'амъ принадлежитъ только продажа въ розницу тканей. Въ южно-германскихъ городахъ привилегіей Krämer'овъ—розничныхъ торговцевъ—являлся сбытъ въ розницу иностранныхъ, въ особ. т. наз. венеціанскихъ товаровъ, подъ которыми, какъ впослѣдствіи подъ именемъ французскихъ товаровъ, вообще разумѣлось все, что не изготовлялось въ данномъ городѣ. Ихъ товары—„Kram"—состояли изъ „Wurtz", т. е. Gewürze—пряностей, а также южныхъ плодовъ, благовоній, красокъ и т. д. и „ander fenningwert", т. е. всякаго рода мелкихъ издѣлій: металлическихъ, стеклянныхъ, деревянныхъ; далѣе, сюда относятся пояса, ленты, шляпы, перчатки и т. д., наконецъ, шелковыя, бархатныя и бумажныя ткани—все это привозилось изъ Италіи. Въ то же время они посѣщаютъ иностранныя ярмарки и совершаютъ путешествія въ Венецію. Рядомъ съ ними находимъ иногда особыхъ мелочныхъ торговцевъ—Hucker, Gremper или Merzler, которымъ принадлежала привилегія сбыта опредѣленныхъ товаровъ мѣстнаго происхожденія, въ особ. съѣстныхъ припасовъ. Во многихъ случаяхъ Krämer'ы пользовались правомъ сбыта въ розницу также издѣлій городского ремесла, въ особ. металлическихъ предметовъ; въ другихъ случаяхъ, напротивъ, ремесленники соотвѣтствующихъ спеціальностей присваивали себѣ и право сбыта произведенныхъ въ другомъ мѣстѣ предметовъ даннаго рода, почему между ремесленниками и торговцами происходили постоянныя столкновенія, и разграниченіе ихъ компетенціи являлось дѣломъ весьма труднымъ.

Надо, впрочемъ, признать, что вопросъ о характерѣ средневѣковыхъ гильдій еще далеко не выясненъ и многое въ источникахъ допускаетъ и иное толкованіе [1]).

Разсматривая всю широкую область коммерческой дѣятельности въ средніе вѣка, мы поражаемся чрезвычайно мало развитой спеціализаціей занятій. Ремесло или обрабатывающая промышленность рѣзко отдѣлена отъ торговли, и въ области самаго ремесла отдѣльные промыслы отграничены

[1]) См. особ. статью Keutgen'a въ Hansische Geschichtsblätter. 1901. Below въ Jahrb. für Nationaloekon. 1900. Borgius въ Zeitschr. für soziale Gesetzgeb. 1899. Gross. Gild Merchant. Hegel. Städte und Gilden. Doren. Untersuch. zur Gesch. der Kaufmannsgilden des Mittelalters. Schmollers Forschungen. 1893. Eckert. Die Krämer in den süddeutschen Städten bis zum Ausg. des Mitt. 1910. Geering. Handel und Industrie der Stadt Basel bis zum 17 Jahrh. 1886.

другъ отъ друга; за тѣмъ, чтобы эти границы не переступались, зорко слѣдитъ каждый цехъ; но въ то же время торговля оптовая и розничная, перевозка товаровъ, денежныя и кредитныя операціи, откупъ податей и монеты и многое другое тѣсно связаны и производятся одними и тѣми же лицами. Транспортный промыселъ не выдѣлялся въ особую спеціальность— купецъ, единолично торгующій, или одинъ изъ членовъ компаніи, или, наконецъ, приказчикъ или факторъ сопровождаетъ товары; корабли принадлежатъ купцамъ, перевозящимъ на нихъ свои товары. Даже матросы являются отчасти и торговцами, пользуясь правомъ везти съ собой извѣстное количество товаровъ и торговать ими.

Купецъ, перевозящій свои товары, торгуетъ самыми разнообразными товарами одновременно, не усваивая себѣ какой-либо спеціальности. Сукно и хлѣбъ, перецъ, корица, шафранъ и другія пряности, кожи и мѣха, лѣсъ, рыба различныхъ сортовъ,—все это фегурируетъ одновременно въ качествѣ объекта торговли въ одной и той же торговой книгѣ [1]). Далѣе, тотъ же купецъ, закупая въ другихъ странахъ товары оптомъ, частью продаетъ ихъ снова оптомъ мѣстнымъ торговцамъ, частью самъ сбываетъ ихъ въ розницу, какъ это видно изъ сохранившихся торговыхъ книгъ того времени (см. напр., торговыя книги Тельнера, Виттенборга и др.). Мало того, установленное Беловымъ положеніе, что и въ средніе вѣка не было особаго сословія, особой категоріи оптовыхъ торговцевъ, которая не занималась бы совершенно продажей въ розницу, подтвердилось и изслѣдованіями Кейтгена. Послѣдній въ одномъ лишь Аугсбургѣ нашелъ (рядомъ съ корпораціями розничныхъ торговцевъ) особую корпорацію оптовиковъ ограничивающихся только этой областью торговли; во всѣхъ другихъ случаяхъ имѣются лишь корпораціи розничныхъ торговцевъ, которые одни лишь вправѣ продавать въ розницу, тогда какъ оптовой торговлей можетъ заниматься всякій, даже и не купецъ.

Далѣе, тотъ же купецъ, занимающійся товарной торговлей, есть вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ я показалъ въ своемъ изслѣдованіи «Warenhändler und Geldausleiher im Mittelalter», мѣняла и банкиръ: онъ занимается въ то же время и размѣномъ денегъ, и вексельными операціями, и въ особенности ссудами подъ проценты. Выдѣленіе ломбардовъ и евреевъ въ качествѣ единственнаго класса, занимающагося кредитными сдѣлками—какъ утверждаютъ многіе изслѣдователи—не выдерживаетъ критики; ибо, съ одной стороны, подъ ломбардами въ средніе вѣка понимались всѣ итальянскіе купцы, которые вели товарную и денежную торговлю съ Англіей, Франціей, Фландріей и т. д.; а съ другой стороны, нельзя различать среди итальянскихъ купцовъ двѣ особыя группы—занимающихся только товарной торговлей или только кредитными операціями. Всѣ они, какъ флорентинцы (компаніи Фрескобальди, Барди, Перуччи, Моччи, Спини и т. д.), такъ и венеціанцы, генуэзцы, торговые дома Сіены, Болоньи, Лукки соединяютъ товарныя операціи съ ссудными (банкирскими). Итальянскіе банки въ то же

[1]) См. также Franklin. La vie privée d'autrefois. Magasins de nouveautés. 1884. p. 5 и сл.—многообразіе предметовъ, которыми одновременно торгуетъ парижскій купецъ XIV ст.

время спекулируютъ въ области товарной торговли (см. ниже): даже крупнѣйшая фирма Медичи, которую до новѣйшаго времени считали исключительно банкирскимъ домомъ, какъ выяснилось на основаніи изслѣдованій Зивекинга, вела въ то же время обширную торговлю пряностями Востока, итальянскими шелковыми издѣліями и т. д. И точно также евреи, какъ видно изъ торговыхъ книгъ, опубликованныхъ Лебомъ, и изъ данныхъ, приведенныхъ Шаубе и Каро, и въ XIII—XV ст. (а не только до XI ст., какъ утверждаютъ Мауреръ, Шредеръ, Гольдшмидтъ) занимались не одними лишь банкирскими операціями, но и оптовой и розничной торговлей товарами. Если мы, съ другой стороны, возьмемъ ганзейцевъ, купцовъ южно-германскихъ, французскихъ и т. д., которыхъ считаютъ обыкновенно исключительно торговцами товарами, то увидимъ изъ Hanseakten и изъ другихъ источниковъ, что ганзейцы и фламандцы въ Англіи, Жакъ Керъ во Франціи и т. д. давали королямъ, баронамъ и даже мелкимъ торговцамъ и ремесленникамъ деньги подъ проценты. Hausgenossen — монетчики и мѣнялы были въ то же время сборщиками податей, принимали вклады, давали ссуды подъ проценты, торговали различными товарами [1]).

Необходимость соединенія торговли товарной съ банкирскими сдѣлками вызывалась тѣмъ, что купцы, напр., итальянцы и ганзейцы въ Англіи, для сохраненія своихъ привилегій въ товарной торговлѣ (шерстью, сукномъ, хлѣбомъ и т. д.) вынуждены были оказывать услуги королямъ, постоянно нуждавшимся въ деньгахъ, открывая имъ кредитъ, да и имѣли часто свободные капиталы, вслѣдствіе перерывовъ въ товарной торговлѣ, вызываемыхъ войнами и т. п. И точно также банкиры должны были стать купцами, такъ какъ у нихъ оставались переданныя въ закладъ и не выкупленныя должниками вещи, которыя нужно было какъ-нибудь сбыть. Кромѣ того, будучи придворными банкирами, они получали постоянно порученія доставить ко двору различные предметы роскоши и т. д. или же для войска, въ случаѣ войны, хлѣбъ, одежду, оружіе. Наконецъ, банкиры нерѣдко получали долгъ обратно не наличными деньгами, а продуктами, сельско—хозяйственными произведеніями королевскихъ и сеньоріальныхъ доменъ, или же взамѣнъ уплаты деньгами имъ давались выгодныя торговыя привилегіи, напр., право вывоза запрещенныхъ другимъ купцамъ товаровъ и т. д. Но банкирамъ иногда уплачивали за долги и инымъ образомъ: короли предоставляли имъ для покрытія долга различные государственные доходы— подати, таможенные сборы, монету, соляные источники, рудники. Вслѣдствіе этого, банкиры становились не только купцами, но и сборщиками податей, монетчиками, горнопромышленниками. Итальянцы въ особенности соединяли всѣ эти операціи въ своихъ рукахъ и въ Англіи, и во Франціи, и въ Нидерландахъ, и въ королевствѣ обѣихъ Сицилій.

Изъ торговыхъ книгъ братьевъ Bonis, французскихъ купцовъ (г. Монтобана) XIV ст., мы узнаемъ, что они постоянно занимались слѣдующими опе-

[1]) См. мою статью въ Zeitschr. für Volkswirtsch., Socialpol. und Verwalt. 1905. См. кромѣ указанной тамъ литер. Sieveking. Viert., p. 73. 78. Sieveking. Handelsgesch. ...mas. p. 156. Caro. p. 241—3. 319—20. 426 и сл. Häpke. p. 47. Kiesselbach. p. 63 и сл. Prutz. Jacques Coeur.

раціями. Выдавали ссуды подъ векселя, подъ закладъ движимостей, подъ землю, принимали вклады, производили сборъ таліи, брали на откупъ десятину и иные церковные доходы. Далѣе, они торговали матеріей, обувью, золотыми и серебряными издѣліями, пряностями, оружіемъ, сѣдлами, порохомъ; они выдѣлывали лекарственныя снадобья, восковыя свѣчи, кондитерскія издѣлія, отдавали лошадей на прокатъ, устраивали похоронныя процессіи. (Les livres de comptes des frères Bonis. Ed. Forestié. 1890. I. Introd. XXVII).

Крупнѣйшая торговая фирма средневѣковаго періода—торговый домъ Медичи во Флоренціи съ отдѣленіями въ Римѣ, Миланѣ и т. д. — занималась одновременно какъ вексельными и ссудными (ссуды и государямъ, и купцамъ, и ремесленникамъ), депозитными, такъ и коммиссіонными, страховыми, фрахтовыми операціями, а равно товарной торговлей въ широкихъ размѣрахъ, именно торговлей и шерстью и фабрикатами, какъ-то: сукномъ, шелковыми тканями,— и то и другое изготовлялось по ихъ заказу рабочими на дому (см. выше стр. 144 и сл.)—шапками и перчатками; они торговали далѣе пряностями и иными левантійскими товарами—перцемъ, сахаромъ, хлопкомъ, квасцами и т. п.; наконецъ, они доставляли ко двору золотыя и серебряныя издѣлія. Для флорентинскаго отдѣленія на первомъ планѣ стояли банковыя операціи, хотя рядомъ съ ними производилась и товарная торговля; напротивъ, въ Брюгге Медичи являлись прежде всего импортерами пряностей; изъ Англіи они вывозили сукно, но кредитовали также англійскихъ королей.

Точно также товарищество купцовъ-евреевъ во Франціи (Франшконте 1300—1318 г.г.) производило—какъ это видно изъ его торговыхъ книгъ (выдержки напечатаны Лебомъ)—какъ денежныя и кредитныя операціи, такъ и торговлю матеріями самыхъ различныхъ сортовъ, виномъ, но также всевозможными сельско-хозяйственными продуктами и промышленными издѣліями.

Гамбургскій купецъ и ратманъ Вико ванъ Гельдерсенъ пріобрѣталъ во Фландріи, отчасти и въ Англіи, сукно и сбывалъ его нѣмецкимъ розничнымъ торговцамъ. Въ то же время онъ торговалъ оптомъ и въ розницу восточными пряностями и южными плодами, хлѣбомъ, шелковыми матеріями, деревянными и металлическими предметами. Онъ занимался и кредитными операціями, частью въ формѣ покупки ренты, частью въ видѣ простой отдачи денегъ въ ростъ подъ залогъ движимостей, какъ драгоцѣнностей, такъ и простой утвари, принадлежавшей, очевидно, бѣднымъ людямъ, причемъ онъ открыто бралъ ссудные проценты.

Подобнымъ же образомъ извѣстный французскій купецъ Жакъ Керъ одновременно производилъ торговлю восточными пряностями и тканями, и участвовалъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ (во флорентинской шелковой промышленности), и арендовалъ казенные рудники. Далѣе, онъ являлся откупщикомъ монеты, снабжалъ короля необходимыми для двора предметами роскоши и заключалъ съ нимъ и съ придворными займы, выдавая ссуды подъ высокіе проценты; наконецъ, онъ былъ argentier du roi, т. е. завѣдывалъ всѣми королевскими доходами и выплачивалъ ихъ королю.

Любопытно, что и Тевтонскій орденъ велъ одновременно въ широкихъ размѣрахъ операціи, какъ торговыя, такъ и кредитныя. Онъ вывозилъ изъ Фландріи сукно, холстъ, соль и пряности, изъ земель ордена хлѣбъ и янтарь, торговалъ русскимъ воскомъ и мѣхами, венгерской мѣдью, посылая все это во Фландрію. Свободные капиталы орденъ давалъ въ ростъ подъ обезпеченіе домовъ и земель или подъ поручительство.

Средневѣковый торговецъ нерѣдко не ограничивался этими многообразными источниками доходовъ изъ коммерческой дѣятельности, а присоединялъ къ нимъ и иной способъ наживы—насильственное отнятіе имущества, въ особ. пиратство. Подвергаясь сплошь и рядомъ ограбленію со стороны иноземнаго населенія, королей и феодаловъ,—купецъ не гнушался и съ своей стороны производить нападенія на населеніе тѣхъ странъ, куда онъ пріѣзжалъ, или на корабли купцовъ другихъ націй. Много серебра, золота, драгоцѣнныхъ камней, дорогихъ одѣяній и сосудовъ, ковровъ и шелковыхъ тканей было награблено венеціанцами, генуэзцами, пизанцами во

время Крестовыхъ походовъ—при завоеваніи Антіохіи и Іерусалима, Арзуфа и Цезареи. И впослѣдствіи венеціанцы неоднократно подвергали разграбленію Константинополь, греческіе острова—Родосъ, Самосъ, Лесбосъ, города Далмаціи; генузцы отправляли съ Востока домой большія флотиліи съ награбленнымъ добромъ. Такія же нападенія на чужія суда англійскія, фламандскія, производили ганзейцы, грабили новгородцевъ, норвежцевъ. По мнѣнію Зивекинга и Гейнена, такіе способы пріобрѣтенія имущества имѣли огромное значеніе для Венеціи и Генуи при созданіи ихъ торговыхъ капиталовъ, причемъ такой образъ дѣйствій вовсе не считался чѣмъ-либо предосудительнымъ. По крайней мѣрѣ, въ генузскихъ источникахъ XIII ст. упоминается о купцахъ, которые занимались пиратствомъ, а пизанскіе источники того же столѣтія усматривали въ морскомъ разбоѣ предпріятіе выгодное съ коммерческой точки зрѣнія, спеціально для крупнаго коммерсанта [1]).

ГЛАВА IV.

Денежное обращеніе и денежная торговля.

Въ позднѣйшее средневѣковье денежное хозяйство постепенно проникаетъ во всѣ сферы экономической жизни. Не только въ городахъ обмѣнъ совершается при посредствѣ денегъ, но и въ помѣстьяхъ — какъ мы видѣли выше—натуральныя повинности и барщина превращаются въ денежные платежи. Однако, развитіе хозяйственной жизни въ этомъ направленіи сильно тормозилось недостаткомъ въ деньгахъ, недостаточнымъ количествомъ благородныхъ металловъ, обращавшихся въ странѣ.

Весь запасъ благородныхъ металловъ къ концу XV вѣка Лексисъ опредѣляетъ въ 7 милл. килогр. или 1200—1300 милл. мар. серебра и 500 килогр. или 1000 милл. мар. золота, а всего въ 2—$2^1/_3$ милліарда мар. По другимъ вычисленіямъ, этотъ запасъ не превышалъ 1 милліарда (Пешель), 680 милл. (Якобъ) и даже 500 милл. мар. (Gerboux) [2]).

Возмемъ ли мы, однако, болѣе высокую или болѣе низкую цифру, мы должны во всякомъ случаѣ имѣть въ виду, что въ предшествующія концу XV вѣка столѣтія этотъ запасъ былъ еще значительно меньше; ибо лишь во второй половинѣ XV вѣка добыча серебряныхъ рудниковъ (въ Саксоніи, Богеміи, Тиролѣ, Венгріи, Зальцбургѣ) сильно возрастаетъ. Лексисъ опредѣляетъ добычу серебра въ 1260—1450 г.г. въ 27 тыс. килогр. ежегодно и лишь въ 1450—1500 г.г. въ 44 тыс. килогр.; добыча золота и серебра вмѣстѣ составляла, по его вычисленіямъ, 11,9 милл. мар. ежегодно до половины XV вѣка и 14,8 милл. марокъ въ концѣ XV вѣка. Далѣе, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что приведенныя выше цифры означаютъ

---

[1]) Heynen. Entst. des Kapitalismus in Venedig. p. 38 и сл. 55. Sieveking. Стат. въ Studium Lipsiense. p. 161—62. Prutz. Kulturgesch. der Kreuzzüge. p. 334—35. Heyd. I. p. 152. 196. 493. II. p. 335. Caro. p. 235. Sombart. I. 363. Schaube. Das Konsulat des Meeres in Pisa. p. 38. Yver. Le commerce etc. en Italie méridionale. p. 33 и сл. 137. Dreesbach. Der Orient etc. 78—81. Heyck. Genua und seine Marine. p. 182.

[2]) Lexis. Gold und Goldwährung. Его же. Silber und Silberwährung въ Handw. d. Staatswiss. Peschel. Zeitalter der Entdeckungen. p. 26 и сл. Michel Chevalier. Dictionn. d'écon. pol. (Métaux précieux). Helferich. Das Geld. p. 50—60.

весь запасъ драгоцѣнныхъ металловъ, а не одну лишь обращающуюся въ странѣ монету. Между тѣмъ, по словамъ того же Лексиса, изъ 7 милл. килогр. серебра—запасъ въ 1500 г.—большая часть состояла изъ предметовъ украшенія, посуды и т. д., и меньшая часть приходилась на долю орудій обращенія. Мало того, значительное количество послѣднихъ извлекалось изъ оборота и сохранялось въ качествѣ сбереженій, скопляясь въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ и корпорацій; нерѣдко оно зарывалось въ землю (напр., въ большихъ размѣрахъ во Франціи во время Столѣтней войны съ Англіей), или же отдавалось на храненіе церквамъ и монастырямъ. Въ подвалахъ послѣднихъ, напр., ордена Тампліеровъ, ордена Іоаннитовъ, Тевтонскаго ордена, скоплялись нерѣдко огромныя богатства какъ въ слиткахъ, такъ и въ монетѣ и всевозможныхъ украшеніяхъ изъ золота и серебра [1]).

Недостаточность орудій обращенія подтверждается тѣми значительными затрудненіями, которыя вызывалъ всякій крупный платежъ. Послѣ того, какъ Ричардъ Львиное Сердце отнялъ у населенія десятую часть имущества на крестовый походъ, доставленіе выкупа его изъ плѣна въ размѣрѣ 150 тыс. марокъ серебра кельнскаго вѣса представило огромныя трудности; пришлось переплавить въ монету церковную утварь, въ особенности кубки [2]). Въ виду недостатка въ монетѣ, издаются распоряженія о томъ, чтобы всякій принесъ третью часть своихъ вещей изъ золота и серебра на монетный дворъ для перечеканки ихъ на монету, причемъ иногда эту монету населеніе получаетъ лишь по истеченіи извѣстнаго времени; слѣдовательно, происходитъ принудительный заемъ (во Франціи въ 1313, 1332 и др. г.г.). Ювелирамъ же запрещается выдѣлывать предметы свыше опредѣленнаго вѣса, или вообще ихъ производство временно пріостанавливается [3]). Короли неоднократно вынуждены были прибѣгать, вслѣдствіе крайней нужды въ деньгахъ [4]), къ выпуску кожаныхъ денегъ [5]) — прототипу современныхъ бумажныхъ денегъ. Болѣе ранніе виды денегъ (различные продукты, не-металлы) хотя и встрѣчались несравненно рѣже, чѣмъ въ предшествующій періодъ, но все же не выходили изъ употребленія. Такъ, хлѣбъ (смолотый) составлялъ нерѣдко платежное средство [6]); существовало выраженіе „Korngeld", въ противоположность „Pfenniggeld" (монета); монетный дворъ въ Моравіи еще въ XIII в. платилъ королю за откупъ монеты краснымъ сукномъ [7]). Другіе товары фигурировали даже въ области международной торговли въ качествѣ денегъ: въ итальянскихъ источникахъ XII вѣка находимъ обѣщаніе погасить обязательство на $1/3$ перцемъ, на $1/3$ бразильскимъ деревомъ и

[1]) См. Delisle. Templiers. p. 2 и сл. Prutz. Sitzungsber. der Akad. der Wiss. zu Münch., philos.-philol. Kl. 1906. p. 12 и сл. Sattler. Hans. Geschichtsbl. Lamprecht. II. 397.

[2]) Schanz. Engl. Handelspol. I. 483.

[3]) Landry. Mutations des monnaies dans l'ancienne France. p. 107—09.

[4]) Жалобы на недостатокъ монеты мы встрѣчаемъ неоднократно. Shaw. Hist. de la monnaie. p. 30. Landry. p. 101.

[5]) Такія деньги выпускаютъ имп. Фридрихъ II во время осады Фавенцы въ 1241 г., Іоаннъ Безземельный, французскіе короли Людовикъ IX и Іоаннъ Добрый (въ 1360 г.); венеціанскіе дожи (Luschin. p. 138. Roscher. III. 319. Schanz. I. 485. Raumer. Hohenstaufen. V. 461. Wachsmuth. Kulturgesch. II. 312).

[6]) См. Tille. Getreide als Geld. Jahrb. f. Nationalök. p. XX. 1900. p. 730 и сл. 572.

[7]) Inritsch. p. 4.

на $^1/_3$ квасцами и ладаномъ, при отсутствіи же послѣднихъ товаровъ — однимъ лишь перцемъ [1]. Генуя еще въ 1378 г., нуждаясь въ значительныхъ средствахъ на отправленіе посольства, объявляетъ, что она готова сдѣлать заемъ въ перцѣ, обѣщая вернуть его въ монетѣ или въ томъ же натуральномъ видѣ [2]; а въ Германіи имѣется постановленіе конца XV вѣка, которымъ подтверждается—хотя, повидимому, уже безрезультатно — обязанность, при отсутствіи монеты (которая названа уже просто деньгами), принимать другіе товары въ качествѣ платежа [3].

Недостаткомъ монеты объясняются и постоянныя запрещенія вывозить золото и серебро въ слиткахъ [4], монетѣ и утвари или уплачивать ими по векселямъ безъ особаго каждый разъ разрѣшенія короля [5]; отсюда и требованіе, чтобы пріѣзжіе купцы пріобрѣтали на всю вырученную въ данномъ мѣстѣ сумму товары (въ Венеціи, въ Англіи). Впрочемъ, запрещеніе вывозить слитки и монету вытекало также изъ другихъ соображеній. Короли желали извлечь доходъ изъ лиценцій, выдаваемыхъ на право вывоза монеты и слитковъ; этимъ путемъ они, наполняя свои сундуки, въ дѣйствительности обходили запрещеніе (въ Англіи Генрихъ VII). Или же эти запрещенія имѣли цѣлью предотвратить отливъ изъ страны лучшей монеты, вывозъ которой только и запрещается, какъ это было, напр., во Франціи въ годы особенно сильной порчи монеты [6].

Еще болѣе неблагопріятно для развитія денежнаго хозяйства было другое обстоятельство: плохое качество монеты и чрезвычайная путаница въ области денежнаго обращенія.

Счетной единицей былъ и въ позднее средневѣковье фунтъ серебра (ливръ, лира), раздѣлявшійся на 20 солидовъ (шиллинговъ) и 240 динаріевъ (деньэ) или пфенниговъ (пенсовъ), причемъ попрежнему только послѣдніе, динаріи, дѣйствительно чеканились и составляли орудіе обращенія [7]. Однако, цѣнность динаріевъ понижалась все болѣе и болѣе; съ одной стороны, находимъ кельнскіе и регенсбургскіе динаріи, содержавшіе около $1^1/_2$ граммъ (1,4 гр.) серебра, и англійскіе стерлинги (также около $1^1/_2$ гр.), сохранившіе въ теченіе долгаго времени тотъ же вѣсъ и содержаніе, благодаря чему они широко распространились по Германіи и Франціи; а въ то же время фламандскіе, голландскіе, любекскіе, трирскіе и другіе динаріи составляли не болѣе $^1/_3$ кельнскаго динарія. Эти динаріи уже ничего общаго съ фунтомъ серебра не имѣли: 240 дин. представляли собою значительно менѣе фунта серебра по содержанію, и названіе фунта обозначало теперь не фунтъ серебра, а количество въ 240 динаріевъ. Въ Госларѣ ихъ стали выпускать въ видѣ совершенно тонкихъ пластинокъ, чеканенныхъ лишь съ одной стороны, ибо тонкость не допускала дву-

---

1) Schaube. p. 164.

2) Sieveking. Genueser Finanzwesen vom XII—XIV Jahrh. II. 157.

3) Tille, l. c.

4) За вывозъ благородныхъ металловъ грозили смертной казнью, и эта угроза приводилась въ исполненіе, какъ видно изъ случаевъ четвертованія знатныхъ лондонскихъ купцовъ за нарушеніе этого запрещенія (Shaw. p. 12).

5) Въ Англіи въ 1299, 1307, 1382, 1478 г.г., во Франціи въ 1304. 1309, 1322, 1332 г.г. въ Арагоніи въ 1315, 1455 и др. г.г.

6) Кромѣ того, государи усматривали въ самомъ фактѣ вывоза монеты съ ихъ изображеніемъ оскорбленіе величества (Landry. p. 98).

7) Вѣсовыя единицы и денежныя единицы были однѣ и тѣ же—въ Англіи въ XIII ст. въ Assisae panis вѣсъ хлѣба выражается въ ливрахъ, шиллингахъ и пенсахъ. Въ Россіи это сохранилось еще въ XVI—XVII ст. См. И. И. Кауфманъ. Русскій вѣсъ, его развитіе и происхожденіе въ связи съ ист. рус. денежн. системъ. 1906.

сторонней чеканки; поэтому они и назывались Hohlpfennige или (по-латински) брактеаты. Да и самая либра или фунтъ замѣнилась теперь, параллельно сокращенію вѣса динарія, меньшей денежной единицей—маркой, которая составляла $^2/_3$ либры (въ Англіи), $^1/_2$ (во Франціи) и даже меньше (въ Германіи). Марка означала также (какъ и либра) одновременно и вѣсовую единицу, которую примѣняли при взвѣшиваніи товаровъ, и денежную единицу, изъ которой чеканилась монета (динаріи).

Низкая цѣнность динаріевъ дѣлала и перевозку ихъ крайне затруднительной. Для транспорта изъ Піаченцы 15 мѣшковъ въ 200 фунтовъ имперіаловъ—въ Піаченцѣ динаріи имѣли это названіе—необходимо было 16 вьючныхъ животныхъ. Потребность въ болѣе крупной монетѣ заставила итальянскіе города — Верону, Венецію, Флоренцію уже съ конца XII вѣка чеканить солиды (шиллинги). За этими городами послѣдовали вскорѣ и Болонья, Сіена, Лукка, Піаченца. Солиды, которые ранѣе представляли собою лишь счетную единицу, теперь стали монетой. именно монетой въ 12 динаріевъ (позже и въ 24—26 динаріевъ). Эта монета. въ противоположность брактеатамъ, получила названіе grosso или grossi, т. е. крупные. массивные. въ 12 piccoli, т. е. маленькіе. За Италіей послѣдовала Франція (Людовикъ IX) со своими grossi (albi) turonenses или турнозами (gros tournois). соотвѣтствовавшими (grossus) 12 динаріямъ или 12-ти parvi turonenses. А затѣмъ и чешскій король Венцель II призвалъ флорентинцевъ для выдѣлки крупной монеты по образцу итальянской: появились пражскіе „грошены“ (отъ grossus). Вскорѣ чеканка ихъ распространилась по австрійскимъ территоріямъ (мейссенскіе. богемскіе грошены) и вызвала (въ теченіе XIV вѣка) подражаніе и въ другихъ мѣстностяхъ Германіи: въ Саксоніи, на Рейнѣ (albus или Weisspfennig, тотъ же грошенъ), въ сѣверной Германіи (любекскіе шиллинги). въ Нидерландахъ [1]. Въ Англіи, куда также Эдуардъ I привлекъ флорентинцевъ. въ началѣ XIV ст. появились грошены (groats) въ 4 пенс. и полу-грошены въ 2 пен., а съ конца XV ст. и серебряные шиллинги въ 12 пенсовъ. Такимъ образомъ, въ XIII — XIV ст. появилась крупная серебряная монета. которая повсюду не только по названію, но и по характеру являлась однородной, чеканенной по образцу итальянской; она чеканилась въ большомъ количествѣ и стала вытѣснять никуда негодные брактеаты. Рядомъ съ ней находимъ и новую мелкую серебряную монету въ Англіи уже съ XII ст. въ полъ-пенса и въ $^1/_4$ пенса (фартингъ)., въ Германіи, въ особ. южной и западной—въ видѣ геллеровъ (чеканились они въ г. Галлъ), содержавшихъ первоначально $^1/_3$ грамма и чеканенныхъ съ обѣихъ сторонъ. Благодаря усиленной чеканкѣ ихъ императорами, постоянству ихъ содержанія, въ особенности же вслѣдствіе того, что геллеры были приведены въ опредѣленное соотношеніе съ другими монетами (какъ 1 къ 2 или къ 8), и фунтъ геллеровъ долженъ былъ равняться флорентинскому гульдену,—они вскорѣ стали какъ бы имперской монетой; но желаніе сохранять такое соотвѣтствіе должно было привести вмѣстѣ съ тѣмъ и къ ухудшенію геллера, по мѣрѣ пониженія въ цѣнности гульдена и другихъ монетъ [2]).

Гульдены представляютъ собою золотую монету (гульденъ, т. е. golden, и обозначаетъ „золотой“) и подобно грошенамъ (denarii grossi de argento) являются также итальянской монетой. Они—какъ это было съ грошенами въ отношеніе динаріевъ—должны были замѣнить собою сильно понизившіеся (съ $4^1/_2$ граммъ серебра почти до 2 и ниже) grossi или шиллинги. Пользуясь первоначально для крупныхъ платежей византійской и арабской золотой монетой [3]), итальянскіе города, въ особенности Флоренція, Венеція, стали позднѣе чеканить золотую монету въ $3^1/_2$ грамма чистаго золота; она должна была соотвѣтствовать фунту (лирѣ), содержа 20 солидовъ (20 floreni argentei) и 240 динаріевъ. Повторилось вновь то же движеніе. Съ половины XIII вѣка floreni aurei или просто floreni (отсюда флорины, т. е. флорентинская монета) или дукаты (такъ они называ-

---

[1]) Schulte. I. 330. Schrötter. Jahrb. 1911. p. 1699. Alfr. Schmidt. p. 1.

[2]) Inama. III. 2. p. 380. и сл.

[3]) Въ основанныхъ на Востокѣ крестоносцами государствахъ чеканилась золотая монета съ арабскими надписями (нерѣдко съ магометанскими изреченіями)— byzantii sarracenati (Prutz. p. 372 и сл.). Въ южной Италіи вплоть до XIII ст. чеканъ обнаруживаетъ сочетаніе византійскаго и арабскаго вліянія какъ въ изображеніяхъ, такъ и въ надписяхъ на монетахъ (Friedensburg, p. 114).

лись въ Венеціи, такъ какъ имѣли изображеніе дожа—dux) [1]) чеканятся во Франціи (écu d'or; на нихъ былъ изображенъ король со щитомъ); съ XIV вѣка они чеканятся въ Богеміи и Венгріи (венгерскіе дукаты), гдѣ только и добывалось золото, причемъ снова призываются итальянцы. Позже ихъ чеканятъ и императоры (Людовикъ Баварскій) и предоставляютъ (золотая булла) всѣмъ курфюрстамъ право чеканки золотыхъ монетъ по образцу флорентинскаго гульдена (много чеканилось въ XV ст. въ Любекѣ и Бременѣ); они чеканятся, наконецъ, во Фландріи и Голландіи, въ Испаніи (oro florines), въ Англіи (съ пол. XIV ст. флорины въ 6 шилл., rosenoble или rial и съ конца XV ст. sovereign'ы или double rial въ 20 шилл.). Соотвѣтствіе съ флорентинской монетой дѣйствительно долгое время повсюду сохранялось; установилась одинаковая система, широко были распространены итальянскіе, венгерскіе и рейнскіе гульдены, и до конца XV вѣка въ Германіи гульденъ (иногда онъ назывался Schildgulden отъ французскаго écu, или реалъ — regalis aureus, т. е. королевскій, подражаніе французскому écu) сохранялъ свою цѣнность. Впрочемъ, въ концѣ XV ст. въ прирейнскихъ мѣстностяхъ онъ содержалъ всего $2^{1}/_{2}$ грамма золота, почти столько же (2,40 гр.) содержалъ французскій livre; еще сильнѣе чѣмъ въ Германіи, упало содержаніе гульдена въ Нидерландахъ (тогда какъ въ 1370 г. оно равнялось $3^{1}/_{2}$ гр.); въ Англіи содержаніе sovereign'а составляло $15^{1}/_{2}$ гр. [2]). По мнѣнію Шоу, исторія денежныхъ системъ въ современныхъ европейскихъ государствахъ начинается лишь съ XIII ст., когда они стали чеканить золотую монету. Эта золотая монета въ особ. въ XIV и XV ст. играла значительную роль въ обмѣнѣ; платежи при покупкѣ большихъ цѣнностей, по долгамъ, при выдачѣ приданаго часто производились золотомъ, какъ во Франціи и Германіи, преимущественно на Рейнѣ, такъ и въ особ. въ Италіи, гдѣ золото даже старались сдѣлать единственнымъ платежнымъ средствомъ для крупныхъ сдѣлокъ [3]).

Характерную черту средневѣковаго періода составляетъ фактъ постояннаго паденія цѣнности монеты, вслѣдствіе сокращенія содержащагося въ ней количества благороднаго металла. Это являлось прежде всего послѣдствіемъ крайняго несовершенства техники въ области чеканки монеты: послѣдняя производилась при помощи молота и получала посредствомъ щипцовъ форму диска. Монета при такихъ условіяхъ не выходила вполнѣ круглой и штемпель не покрывалъ всей монеты, а по краямъ отсутствовалъ. Поэтому монеты одного и того же достоинства уже при выпускѣ получались весьма разнообразныя, различаясь другъ отъ друга (динаріи) на 40 проц. и болѣе; онѣ легко изнашивались и еще легче обрѣзывались. Отдѣльные куски, выступавшіе по краямъ, какъ бы прямо вызывали на это но дѣло шло и дальше — щипцами обрѣзывались куски монеты, причемъ захватывалась и чеканка, отрѣзывались цѣлыя полосы вокругъ монеты: найдено значительное количество—въ нѣсколько фунтовъ вѣса каждый разъ — такихъ отрѣзанныхъ частей монеты. Если гдѣ-либо появлялась лучшая монета, то ее немедленно скупали и переплавляли, такъ что въ обращеніи оставалась только худшая [4]). Чѣмъ дольше обращалась монета, тѣмъ болѣе она изнашивалась и обрѣзывалась: послѣдняя операція иногда производи-

---

1) На венеціанскихъ дукатахъ былъ изображенъ съ одной стороны Спаситель, а съ другой стороны—дожъ со знаменемъ св. Марка, патрона Венеціи; надпись гласила: sit tibi, christe, datus quem tu regis iste ducatus. Иногда эти дукаты назывались также цекинами (zecchino) отъ слова „la zecca"— монетный дворъ.

2) Schrötter. p. 1700—04.

3) Shaw. p. 2. Schmoller, Jahrb. 1255—58. Lamprecht. II. 397.

4) Quando boni nummi vadunt
Statim eos igni tradunt
Sicque vadit pagamentum
Corium et non argentum

лась тутъ же при выпускѣ. Изъ этого и короли и феодалы сдѣлали тотъ выводъ, что позже выпущенную монету, для того, чтобы она по своему содержанію равнялась ранѣе чеканенной, можно дѣлать менѣе полновѣсной и такимъ образомъ присвоить себѣ всю ту выгоду, которую извлекали бы другіе при обрѣзываніи монеты. Вслѣдствіе этого, къ концу года чеканилась монета меньшаго содержанія, чѣмъ въ началѣ года—въ Брауншвейгѣ въ XIV ст., напр., чеканилось изъ марки серебра въ срединѣ года 29 шилл., въ слѣдующіе же мѣсяцы 31, 33 и даже 35.

Этой операціей, однако, не ограничивалась порча монеты въ фискальныхъ интересахъ. По саксонскому и швабскому зерцаламъ слѣдуетъ чеканить новые пфенниги только, „wenn neue Herren kommen“, т. е. при вступленіи на престолъ новаго государя; но на самомъ дѣлѣ феодалы выпускали ежегодно, два раза или даже три-четыре раза въ годъ (ad tria fora, т. е. для каждой ярмарки) новую монету, которую населеніе обязано было вымѣнивать, возвращая въ казну старую монету (revocationes, innovationes, mutationes). При этомъ оно получало обыкновенно за 16 старыхъ динаріевъ 12 новыхъ того же достоинства, слѣдовательно, несло ежегодно убытка на 25 проц.; выгода же для фиска была гораздо меньше, ибо чеканка новой монеты обходилась весьма дорого. Къ этому средству прибѣгали и французскіе короли, въ особенности Филиппъ Красивый, получившій прозваніе фальшивомонетчика, почему Данте помѣщаетъ его въ аду; и Іоаннъ, въ теченіе 14 лѣтъ измѣнившій 86 разъ цѣнность серебряной монеты; прибѣгали и испанскіе монархи, и нѣмецкіе курфюрсты, и города, занимаясь наперерывъ порчей монеты. Частныхъ лицъ, виновныхъ въ этомъ, они подвергали смертной казни, утверждая, чта фальшивомонетчики „привыкли“ быть сваренными въ кипящей водѣ, или заливали имъ горло расплавленнымъ металломъ. И въ то же время короли считали себя въ правѣ повышать или понижать цѣнность монеты по своему усмотрѣнію, именно повышать, когда ожидались крупныя поступленія, и понижать, когда предстояли значительные расходы для короля, „когда этого требуютъ его дѣла“— таковъ былъ принципъ финансовой политики. Французскіе же короли, преслѣдуя за это феодаловъ, исходили не изъ ущерба, наносимаго странѣ выпускомъ низкопробной монеты, а изъ принадлежащаго королю исключительнаго права „понижать цѣнность монеты и дѣлать ее тоньше“. Какъ мы видимъ „то изобрѣтеніе дьявола, которое именуется деньгами, вызывало всегда особенно много злоупотребленій, которыя къ тому же вовсе не считались таковыми, а разсматривались въ качествѣ вполнѣ законнаго источника доходовъ“. Обыкновенно происходилъ рядъ послѣдовательныхъ уменьшеній во внутренней цѣнности монеты (въ содержаніи благороднаго металла); когда же пониженіе послѣдней достигало значительныхъ размѣровъ, такъ что дальше уже идти невозможно было, и въ населеніи господствовало сильное неудовольствіе, тогда король, какъ бы идя навстрѣчу жалобамъ населенія, возстановлялъ прежнюю цѣнность монеты, производя сразу крупное повышеніе; это вызывало сильную пертурбацію во всѣхъ разсчетахъ, королю же давало возможность вновь начать пониженіе цѣнности монеты, т. е. начать исторію съ начала [1]).

[1]) Landry. p. 179—182.

Въ теченіе всего средневѣковаго періода идетъ борьба населенія за „denarius perpetuus“, за вѣчную монету, которая не измѣнялась бы по нѣскольку разъ въ годъ; говорили, что такія перемѣны пагубнѣе чумы и разгрома страны врагами, и называли князей грабителями: non duces, sed fures. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ требованіе о неизмѣнности монеты удавалось осуществить; напр., Аугсбургъ и Фрейбургъ добились того, что монета мѣнялась лишь разъ въ четыре года. Но это происходило не безвозмездно. Теряя выгоду, извлекаемую изъ порчи монеты, король взамѣнъ этого выговаривалъ въ свою пользу либо новую подать на обращеніе (иногда подать альтернативнаго свойства: или уплачивать въ новой монетѣ, или же въ старой, но съ приплатой особаго сбора), либо ежегодную подать съ движимаго имущества; либо налогъ поочажный, привратный и питейный; послѣдній въ особенности давалъ несравненно больше, чѣмъ монетный доходъ. Эти подати носили названіе Münzgeld, Ungeld, monetagium, monneyage, morabotinum. Однако, введеніе вѣчной монеты составляло явленіе сравнительно рѣдкое; большею частью пониженіе монеты въ цѣнности производилось и впослѣдствіи до конца XIV и начала XV ст., вызывая нерѣдко внезапное повышеніе цѣнъ, бунты и мятежи. Французскій король (и дофинъ) въ годы народныхъ волненій (1355 — 1358 г.г.) вынужденъ былъ отказаться отъ дальнѣйшихъ измѣненій въ цѣнности монеты или во всякомъ случаѣ обѣщалъ не производить ихъ безъ согласія генеральныхъ штатовъ. Однако, когда волненія прекратились, онъ возобновилъ свои прежнія операціи, хотя и ссылался въ своихъ ордоннансахъ на крайнюю необходимость, на огромные расходы, вызываемые войнами, и на то, что эти мѣры въ области чеканки произведены „послѣ продолжительныхъ и зрѣлыхъ размышленій“ и послѣ совѣщаній съ опытными лицами [1]). Неудивительно при такихъ условіяхъ, если внутренняя стоимость монеты понижалась чуть ли не ежегодно: кельнскіе динаріи, лучшая монета XIII ст., съ 1280 по 1380 г. ухудшались ежегодно на 2,8 проц.; въ Англіи изъ фунта серебра въ 1344 г. чеканилось 20 шилл., а въ 1464 г.—34 шилл.; въ Германіи гульденъ съ $23^1/_2$ каратовъ (въ 1354 г.) понизился до 19 каратовъ (въ 1432 г.), а во Франціи въ XVI вѣкѣ ливръ представлялъ собой не болѣе $^1/_{39}$ своего первоначальнаго вѣса.

Такимъ образомъ, въ сущности говоря, въ средніе вѣка всякая монета была неполновѣсной, ибо между ея номинальной цѣнностью и дѣйствительнымъ содержаніемъ металла было огромное разстояніе; при имп. Генрихѣ IV на нѣкоторыхъ монетныхъ дворахъ чеканились почти мѣдные пфенниги; такая же монета имѣлась и во Франціи въ концѣ XV ст. Это происходило не только вслѣдствіе дороговизны (4—6 проц.) чеканки, расходы которой несло населеніе, но и вслѣдствіе той прибыли, которую извлекали государи, чеканя нерѣдко 18 ливровъ изъ слитка, купленнаго за 4 ливра. И это продѣлывали не только императоры и короли французскіе или англійскіе, но и всѣ тѣ многочисленные феодалы и бароны, прелаты и города, которые чеканили монету. Во Франціи въ XIII ст. этимъ правомъ пользовалось болѣе 80 феодаловъ, въ началѣ XIV ст., впрочемъ, уже всего 30; въ Германіи находимъ въ концѣ среднихъ вѣковъ около 600 монетныхъ дворовъ. Получалась чрезвычайная многочисленность сортовъ монеты, выпускаемыхъ изъ различныхъ монетныхъ дворовъ и изъ одного и того же монетнаго двора въ разное время съ постояннымъ измѣненіемъ чекана. Такъ, въ теченіе 150 лѣтъ, съ половины XIII до конца XIV ст., были выпущены вѣнскіе пфенниги столькихъ же различныхъ видовъ чеканки, а на 32 года правленія Бернгарда изъ дома Асканіевъ приходится около 100 брактеатовъ разнаго чекана, т. е. чеканъ мѣнялся 3 раза въ годъ.

---

[1]) Landry. p. 45—47.

Это вызывало крайнюю путаницу въ орудіяхъ обращенія, ибо на одномъ и томъ же рынкѣ обращались монеты самаго разнообразнаго сорта, качества и достоинства. Правда, государи признавали единственной валютой выпускаемую ими (и притомъ только послѣднюю выпущенную) монету, и „геллеръ являлся деньгами только въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ чеканенъ", а рейнскіе курфюрсты даже неоднократно запрещали у себя обращеніе чеканенной императоромъ монеты [1]). Въ другихъ странахъ (Франціи, Англіи, Испаніи) обращеніе различныхъ иностранныхъ монетъ допускалось, но при томъ условіи, чтобы онѣ принимались не свыше ихъ внутренней цѣнности, ибо короли не желали принимать во вниманіе доходъ, выручаемый другими сеньорами изъ монетной регаліи,—условіе совершенно невыполнимое [2]). Но въ дѣйствительности монеты оказывались международными и принимались, конечно, по цѣнности, превышавшей цѣнность содержащагося въ нихъ благороднаго металла.

Во Франціи, напр., въ XIII и XIV ст. обращались рядомъ съ королевскими и сеньоріальными монетами также арабскія, сицилійскія, византійскія, флорентинскія, на югѣ миланскіе фунты и венеціанскіе дукаты, въ Шампани — испанскіе реалы, бургундскіе и англійскіе нобили и нидерландскія кроны [3]). Любекскія и кельнскія монеты, англійскіе стерлинги въ XIII ст. и французскіе турнозы въ XIV ст. обращались повсюду. Еще болѣе распространены были венеціанскіе grossi и дукаты и флорентинскіе fiorini, свидѣтельствуя о торговомъ господствѣ этихъ городовъ: они стали міровыми деньгами [4]). Да и не удивительно: въ то время, какъ чеканъ другихъ монетъ измѣнялся два-три и болѣе разъ въ годъ, чешскіе грошены сохраняли свой чеканъ изъ года въ годъ, а венеціанскіе дукаты не измѣняли заимствованнаго изъ Византіи чекана со времени четвертаго крестоваго похода въ теченіе пятисотъ лѣтъ. Самая чеканка монетъ производилась нерѣдко феодалами по образцу этихъ наиболѣе ходячихъ монетъ; найдено, напр., 85 различныхъ подражаній стерлингу и почти столько же флорину; даже папа римскій чеканилъ монету по образцу послѣдняго. Въ особенности же мелкіе феодалы съ поразительной точностью копировали чеканъ наиболѣе распространенныхъ монетъ — кельнскихъ пфенниговъ на всемъ Рейнѣ, въ Вестфаліи и Нидерландахъ, магдебургскихъ въ восточной Германіи и Польшѣ; фламандскіе „botdrager" въ XIV ст. чеканились 24 баронами [5]). Это приводило къ установленію на практикѣ однообразныхъ системъ, но и оно было соединено съ стремленіемъ къ извлеченію дохода изъ монеты и поэтому не предотвращало порчи ея; чеканя гульдены по образцу флорентинскихъ (иногда это было даже предписано городамъ) или турнозовъ, государи старались дѣлать ихъ по возможности менѣе полноцѣнными, сокращали, слѣдовательно, содержаніе въ нихъ золота.

Только монетные союзы соглашенія между феодалами или городами относительно одинаковой монетной единицы способны были ввести нѣкоторый порядокъ въ монетное обращеніе. Такъ, напр., союзъ рейнскихъ курфюрстовъ и городовъ, въ которомъ участвовало 11 князей и 74 города, сдѣлалъ рейнскій гульденъ типичной нѣмецкой золотой монетой и уста-

---

[1]) Inama. III. 2. p. 367.
[2]) Shaw. p. 18. Landry. p. 99—196.
[3]) Въ Бордо вмѣсто 17 ливровъ turonenses (tournois) можно было уплатить либо три золотыхъ écus, либо два menrigues новыхъ, либо два рейнскихъ гульдена или пять аррагонскихъ или три итальянскихъ (au chat). (D'Avenel. I. 58).
[4]) Въ Германіи такой ходячей монетой являются въ XIII ст. англійскіе стерлинги, позже французскіе турнозы, затѣмъ богемскіе и мейссенскіе грошены, а съ половины XIV ст. золотыя монеты—флорентинскіе гульдены французскаго и нидерландскаго чекана, а на юго-востокѣ венеціанскіе и венгерскіе (Luschin. 240).
[5]) Friedensburg. p. 112—13.

новилъ опредѣленный курсъ другихъ мѣстныхъ и иностранныхъ монетъ [1]). Во Франціи тотъ же результатъ постепенно былъ достигнутъ выкупомъ королевской властью права чеканки у различныхъ феодаловъ, предписаніемъ другимъ опредѣленной пробы при чеканкѣ монеты; при этомъ съ конца XIII ст. на монетныхъ дворахъ сеньоровъ имѣются королевскіе надсмотрщики для контроля за выполненіемъ предписаній короля. Особенно же важнымъ событіемъ являлось установленіе съ 1262 г. королевской монеты въ качествѣ законнаго платежнаго средства по всей странѣ, — рядомъ съ монетами феодаловъ, имѣвшими лишь мѣстное обращеніе.

Купцы, въ свою очередь, прибѣгали къ различнымъ средствамъ для устраненія той неопредѣленности и неустойчивости въ монетѣ, которая господствовала въ средніе вѣка. Съ одной стороны, вмѣсто монеты они пользовались попрежнему драгоцѣнными металлами, въ особенности серебромъ въ слиткахъ, т. е. болѣе примитивнымъ средствомъ, взвѣшивая слитки; феодалы боролись съ этимъ, устанавливая для монетныхъ дворовъ монополію покупки серебра, ибо замѣна монеты слитками грозила имъ потерей дохода отъ чеканки монеты. Или же купцы прибѣгали къ взвѣшиванію самой монеты, что также запрещалось [2]); они принимали динаріи лишь по вѣсу въ цѣлыхъ фунтахъ и маркахъ, — исходъ хотя и необходимый, но сопряженный съ значительной затратой непроизводительнаго труда, ибо, неся расходы по чеканкѣ монеты, населеніе не имѣло никакой пользы отъ нея. Но и поскольку пользовались монетой, въ средніе вѣка всегда проводилось различіе между монетой реальной, обращающейся въ странѣ, moneta usualis et dativa („gäng und gäbe“), и монетой счетной или эффективной (monnées parlées). Послѣдняя отличалась отъ первой уже въ томъ отношеніи, что долгое время не чеканилось такихъ монетъ (солидовъ и фунтовъ), которыя составляли болѣе высокую счетную единицу, представляли собою извѣстное количество дѣйствительно обращавшейся монеты (динаріевъ). Мало того, цѣнность счетной монеты, равняясь номинальной цѣнности монеты даннаго сорта (напр., динарія), была выше цѣнности дѣйствительной монеты (того же динарія, обращавшагося въ странѣ), многократно испорченной и, вслѣдствіе этого, понизившейся въ содержаніи металла. Самое существованіе такой счетной или нормальной монеты являлось выраженіемъ укоренившагося въ населеніи убѣжденія въ неполноцѣнности существующей въ обращеніи монеты (пагамента); послѣднюю при платежахъ сводили къ опредѣленному количеству нормальной или разсчетной монеты, дѣйствительно содержащей извѣстное количество благороднаго металла.

Поэтому мы находимъ записи вродѣ такой: 212 ливровъ 18 су неполновѣсной монеты, которыя равняются 106 ливрамъ 9 су чистой монеты (т. е. вдвое менѣе). Или встрѣчаемъ записи въ различныхъ монетахъ—forte, moyenne,

[1]) Еще раньше находимъ соглашенія между городами у Боденскаго озера. Впрочемъ, даже Rappenmünzbund, къ которому принадлежали многіе города западной Германіи въ XV ст., не могъ предотвратить уменьшенія содержанія монеты на $1/3$ въ теченіе 75 лѣтъ—низкая техника чеканки, обрѣзываніе монеты и изнашиваніе ея привели къ этому. Ср. Cahn. Rappenmünzbund. 1901.

[2]) См., напр., французскіе ордонансы 1330, 1340, 1347, 1361 г.г. (L

faible [1]); или же вычисленіе поступленій происходитъ въ полноцѣнныхъ ѐсu, которыя, соотвѣтственно постепенному пониженію цѣнности су французскими королями, въ теченіе года приравниваются къ 20, 30, 40, 50 и даже 80 су въ одномъ и томъ же году [2]). Кредиторы казны и поставщики ея, конечно, вынуждены были принимать монету (новую монету мѣстнаго чекана) по ея номинальной цѣнѣ; но населеніе старалось предотвратить печальные результаты фальсификаціи ея (въ видѣ вліянія на цѣны), принимая монету лишь по ея дѣйствительному содержанію; поэтому купцы совершали между собой договоры на старую болѣе полновѣсную или на иностранную монету. И прочее населеніе боролось съ злоупотребленіями королей, исходя изъ опредѣленнаго количества благороднаго металла въ монетѣ, не выполняя требованія о доставкѣ на монетный дворъ старой монеты для замѣны ея новой, менѣе полновѣсной, и пользуясь попрежнему такой старой монетой. Но борьба эта была не всегда одинаково интенсивна и успѣшна; факты повышенія и пониженія цѣнъ, слѣдующихъ за соотвѣтствующими измѣненіями въ монетѣ, свидѣтельствуютъ о томъ, что операціи въ области монетной регаліи неоднократно оказывали вліяніе на хозяйственную жизнь, внося моменты неопредѣленности и неизвѣстности во всякіе разсчеты.

Хаотическое состояніе денежнаго обращенія, многочисленность обращавшихся на одномъ и томъ же рынкѣ видовъ монеты, постоянная замѣна однѣхъ монетъ другими, плохая чеканка ихъ, широкое распространеніе фальшивой монеты,—все это вмѣстѣ, въ связи съ требованіемъ, чтобы платежи производились именно въ данной монетѣ, вызывало въ средніе вѣка существованіе особаго промысла мѣнялъ (cambiatores, campsores) или „банкировъ“, bancherii (отъ слова banco — столъ, на которомъ лежали мѣшки съ монетами). Они занимались размѣномъ монеты или покупкой монеты,—какъ говорили въ тѣ времена, промысломъ столь же сложнымъ и труднымъ [3]), какъ и доходнымъ. Ибо мѣняла долженъ былъ обладать свѣдѣніями о томъ, сколько долей чистаго серебра или золота содержала въ себѣ всякая монета, которая ему вручалась; онъ узнавалъ это посредствомъ взвѣшиванья или просто на глазъ, на основаніи продолжительной практики. Онъ долженъ былъ знать, сколько монетъ всякаго другого рола равняются по стоимости монетѣ того рода, которая размѣнивалась въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

По арабскимъ источникамъ, мѣнялы встрѣчаются уже въ X вѣкѣ въ Палермо; въ 1111 году мѣнялы г. Лукки даютъ клятву на будущее время воздерживаться отъ обмановъ, воровства и фальсификаціи, и клятву эту приказали вырѣзать на мраморномъ камнѣ, поставленномъ въ притворѣ собора. Въ теченіе XII вѣка мѣнялы, объединенные въ корпораціи, встрѣчаются повсюду въ итальянскихъ городахъ (Генуѣ, Амальфи, Венеціи, Болоньи), гдѣ они въ церквахъ или на площадяхъ передъ церковью устраиваютъ свои столы и лари. А затѣмъ мы ихъ находимъ и въ другихъ городахъ и странахъ, какъ Востока, такъ и Запада, почти исключительно въ лицѣ тѣхъ же итальянцевъ; въ Монпелье самая церковь называлась Ecclesia beate Marie de Tabulis, ибо здѣсь находились „tabuli“ итальянцевъ. Даже поскольку размѣнъ монеты считался правительственной регаліей, какъ это было, напр., въ Англіи, послѣдняя отдавалась на откупъ тѣмъ же итальянцамъ.

---

[1]) Marca probati, fini, recti, albi, puri argenti съ одной стороны, и non probati nigri argenti, съ другой стороны (Luschin. 114).

[2]) Въ Мерзебургѣ, напр., лотъ серебра въ началѣ года приравнивался 20 пфеннигамъ, съ 1 мая до 24 авг.—48 пфен. (вслѣдствіе уменьшенія содержанія ихъ по мѣрѣ приближенія къ концу года).

[3]) „Онъ долженъ быть внимательнымъ и аккуратнымъ, работать день и ночь и постоянно вести счеты, чтобы у него все было въ порядкѣ“ (Уццано. 1442 г.).

Тѣми же обстоятельствами—условіями денежнаго обращенія, вызывалась и другая денежная операція, производимая также мѣнялами или банкирами рядомъ съ размѣномъ монеты. Мы имѣемъ въ виду переводъ денегъ по книгамъ, съ цѣлью избѣжанія уплаты наличными: когда одинъ изъ кліентовъ долженъ былъ уплатить другому, то это дѣлалось посредствомъ переписыванія суммъ въ торговыхъ книгахъ со страницы платящаго на страницу получающаго—pagare in banco, „giro“ (джиро обозначаетъ кругъ). Широко это практиковалось уже на ярмаркахъ Шампани (въ началѣ XIII вѣка), гдѣ пріѣзжіе торговцы передавали привезенныя съ собою деньги мѣнялѣ, а по окончаніи ярмарки производили платежи посредствомъ зачета и перевода по книгамъ, въ которыхъ указаны были „debet“ и „credit“; только разница дѣйствительно выплачивалась наличными. Размѣнъ монетъ заставлялъ мѣнялу всегда держать наготовѣ самыя разнообразныя монеты, за которыми къ нему могли бы обратиться, какъ и золото и серебро въ слиткахъ, слѣдовательно, производить операцію покупки монеты и слитковъ. Переводъ же платежей предполагалъ въ свою очередь существованіе вкладовъ, т. е. передачу денегъ мѣнялѣ съ тѣмъ, чтобы они хранились у него и по требованію возвращены были обратно вкладчику или уплачены, по его указанію, другому лицу, его кредитору. Операція вкладовъ практиковалась въ Италіи въ значительныхъ размѣрахъ: населеніе привлекалось къ депонированію денегъ нерѣдко высокими процентами по вкладамъ, уплачиваемымъ банкирами; поэтому банкротство мѣнялы или банкира отражалось на широкихъ кругахъ населенія.

Проценты по вкладамъ встрѣчаемъ уже въ началѣ XIII вѣка въ Венеціи, какъ и у флорентинскихъ компаній, напр., Барди; Медичи, у которыхъ герцогъ Бургундскій, придворные и духовныя лица помѣщали свои деньги, уплачивали 10—12% по вкладамъ. Особенно расширились эти операціи подъ вліяніемъ превращенія итальянскихъ банкировъ (въ Англіи, Франціи, королевствѣ обѣихъ Сицилій) въ сборщиковъ десятины и прочихъ папскихъ налоговъ, а также въ сборщиковъ мѣстныхъ податей и таможенныхъ сборовъ. Всѣ эти суммы депонировались у нихъ; у товарищества Спини, напр., съ 1300 до 1303 г. было депонировано 137 тыс. зол. флор. или свыше полумилліона руб. папскихъ суммъ; затѣмъ эти деньги выплачивались ими по мѣрѣ надобности должникамъ папы, короля и т. д. Напр., по порученію папы Бонифація VIII, компанія Франчези перевела неаполитанскому королю Карлу 4 тыс. унцій зол. или около 100 тыс. руб.; кардиналъ-легату Бертранду изъ Болоньи было выплачено компаніей Acciajuoli въ теченіе 10 мѣсяцевъ 1323—24 г., по порученію папской куріи, 230 тыс. зол. флор., что составляетъ огромную, въ особенности для того времени, сумму въ 1 милліонъ руб.

Наконецъ, въ связи съ тѣми же неудовлетворительными условіями денежнаго обращенія возникло и новое орудіе платежа—вексель. Слово „вексель“ обозначаетъ обмѣнъ: и латинское cambium и нѣмецкое Wechsel значитъ обмѣнъ, тотъ же смыслъ имѣетъ bill of exchange, lettre de change. Въ средніе вѣка понимали подъ этимъ обмѣнъ или размѣнъ денегъ, причемъ различали два вида послѣдняго. Съ одной стороны, cambium обозначало непосредственный обмѣнъ одной монеты на другую, совершаемый мѣнялой въ томъ же мѣстѣ и немедленно; послѣдній взамѣнъ извѣстнаго количества одной монеты выдаетъ соотвѣтствующее количество другой. Это то, что мы называемъ размѣномъ (о немъ рѣчь была выше), обмѣнъ изъ рукъ въ руки, почему онъ и обозначался „Handwechsel“, cambium manuale, cam-

bium sine litteris. А съ другой стороны, существовалъ тотъ же обмѣнъ денегъ или размѣнъ, но въ другое время и въ другомъ мѣстѣ—cambium per litteras. Итальянскіе (провансальскіе и др.) купцы, отправляясь на ярмарки Шампани для пріобрѣтенія сукна и другихъ товаровъ, желали избѣгнуть перевозки съ собой значительнаго количества монеты, обходившейся весьма дорого (требовалось большое количество лошадей) и сопряженной съ опасностью быть ограбленнымъ. Имѣя также въ виду, что имъ все равно на ярмаркѣ придется произвести размѣнъ своей монеты на мѣстную, они предпочитали произвести этотъ же размѣнъ у себя въ Италіи. Но за уплаченную монету они брали не другую монету, а письмо, документъ, на основаніи котораго, при предъявленіи его, получали соотвѣтствующую сумму по прибытіи на ярмарку. Точно также и сборщики десятины (т.-е. подати въ пользу церкви), рискуя быть по дорогѣ ограбленными, не везли ее изъ Англіи въ Римъ, а, оставаясь въ Англіи, вносили ее въ различныхъ монетахъ мѣнялѣ въ Лондонѣ. Послѣдній выдавалъ имъ кредитный документъ на полученіе данной суммы въ флорентинской монетѣ въ Римѣ, причемъ этотъ документъ они чрезъ нарочнаго посылали папской куріи. „Timens maris pericula—пишетъ одинъ сборщикъ—feci cambium cum sociis societatis Bardorum“, т.-е. опасаясь перевозки денегъ моремъ, я произвелъ вексельную операцію съ товариществомъ Барди, перевелъ деньги черезъ нихъ. Это различіе по мѣстности, разстояніе (distancia loci), являлось вмѣстѣ съ различіемъ въ монетѣ характерной чертой средневѣковаго векселя, хотя иногда оно было лишь фикціей; другихъ векселей, безъ различія въ мѣстности, мы въ эту эпоху не находимъ.

До самаго послѣдняго времени полагали,—и это излагается до сихъ поръ въ учебникахъ политической экономіи и торговаго права,—что первоначальную форму векселя составлялъ не простой, а переводный вексель, т. е. приказъ объ уплатѣ, посылаемый третьему лицу; полагали, что банкирскій домъ выдавалъ документъ лицу, внесшему денежную сумму, въ которомъ приказывалъ своему отдѣленію, чтобы оно уплатило предъявителю сего документа. Однако, какъ выяснилъ Гольдшмидтъ, наиболѣе старинные векселя, именно генуэзскіе второй половины XII вѣка (начиная съ 1155 г.), найденные въ сохранившемся архивѣ нотаріуса того времени Іоанна Скриба, являются простыми векселями, не приказами, а обѣщаніями платежа, векселями, выданными на себя, а не на другихъ лицъ. Они имѣютъ такую форму: „я, Солиманъ, заявляю, что получилъ отъ тебя, Огерія, 15 фунтовъ генуэзскихъ динаріевъ, которые обязуюсь дать тебѣ или твоему фактору [1]) въ Александріи въ размѣрѣ $2^3/_4$ бизанцій (византійская монета) за фунтъ“. Первоначально, повидимому, уплата по векселю производилась тѣмъ же самымъ лицомъ, которое получило деньги, и вся суть операціи состояла, слѣдовательно, въ томъ, что мѣняла или банкиръ, а не купецъ, мѣнявшій деньги, везъ монету къ мѣсту назначенія, гдѣ происходила уплата по век-

[1]) Уже въ это время уплата производится либо самому кредитору, либо другому лицу, по его указанію (missus, certus missus, nuncius, certus nuncius)—tibi vel tuo misso, aut cui preceperit suprascriptus (Brunner. Fränk.—roman. Urkunde. Zeitschr. für Handelsrecht. 1877. p. 94 и сл.).

селю; слѣдовательно, банкиръ несъ весь рискъ, сопряженный съ перевозкой монеты,—онъ все равно везъ съ собой монету на ярмарку для производства тамъ размѣнныхъ операцій. Или же банкиръ даже не везъ монету съ собой, а, пріѣхавъ въ мѣсто назначенія, получалъ тамъ деньги отъ своихъ кредиторовъ или за продаваемые имъ товары (онъ занимался и торговлей—см. выше, стр. 192 и сл.) и изъ этихъ денегъ уплачивалъ по векселю. Но вскорѣ (уже въ началѣ XIII вѣка) въ векселяхъ добавляется, что уплату обязанъ произвести либо онъ, либо его довѣренный (per me vel meum nuncium, solvere seu solvi facere promittit), который находился въ мѣстѣ назначенія. Послѣднему сообщалось объ этомъ, посылалось письмо (littera di pagamento, lettre de payement). Оно называлось „tracta" (отсюда слово „тратта", которымъ мы обозначаемъ переводный вексель), въ противоположность самому векселю (carta), и являлось лишь добавленіемъ къ векселю, а не самостоятельнымъ документомъ; ибо лишь вексель обязывалъ банкира къ уплатѣ, если бы лицо, на имя котораго онъ посылалъ письмо (трассатъ), отказалось уплатить по векселю. Лишь къ концу средневѣковаго періода этотъ приказъ (письмо, тратта) сталъ дѣйствительнымъ (переводнымъ) векселемъ, и первый документъ (простой вексель) оказался при платежахъ на разстояніи излишнимъ.

Возникнувъ первоначально, повидимому, въ области морской торговли, а затѣмъ перейдя и въ сферу сухопутной торговли, вексель уже въ XIII вѣкѣ широко распространился въ качествѣ выдаваемаго купцами документа во всей южной и юго-западной Европѣ, т. е. повсюду, гдѣ появлялись итальянцы въ качествѣ банкировъ и купцовъ. Въ 1315 г. герцогъ Іоаннъ разрѣшаетъ итальянцамъ, пріѣзжающимъ во Фландрію, производить размѣнъ монеты непосредственно или при помощи выдачи векселей: quod possint cambire cum litteris seu sine litteris. Пеголотти, писавшій въ первой половинѣ XIV вѣка, приводитъ уже разницу вексельныхъ курсовъ на различные города; а изъ книги Уццано (XV вѣка) видно, что непосредственныя вексельныя операціи производились между всѣми наиболѣе важными торговыми пунктами Италіи, Франціи, Испаніи, Фландріи, а также Лондономъ. Только въ Германіи вексель появился позже, лишь въ XIV вѣкѣ и хотя и тамъ примѣнялся въ торговлѣ съ Фландріей (и тамъ находимъ векселя вмѣстѣ съ дополнительными приказами—траттами), но не имѣлъ въ средніе вѣка такого значенія, какъ въ итальянской торговлѣ [1]).

ГЛАВА V.

Кредитныя операціи.

Рядомъ съ денежными операціями находимъ въ средніе вѣка и кредитныя операціи въ нѣсколькихъ различныхъ формахъ. Прежде всего въ формѣ поземельнаго кредита или купли-продажи ренты. Владѣлецъ земли

[1]) Относительно вексельныхъ операцій въ области Ганзы см. Neumann. Gesch. des Wechsels im Hansagebiete. Beil. z. Zeitschr. f. Handelsr. Pauli. Lübeckische Zustände im Mittelalter и торговую книгу Vicko van Geldersen'a, изд. Mollwo.

(или дома) получаетъ подъ нее денежную сумму (капиталъ) и обязуется вплоть до возвращенія ея (или въ случаѣ невозвращенія въ извѣстный срокъ, т. е. лишь съ опредѣленнаго времени) отдавать кредитору доходы со своей земли (или дома); онъ продаетъ ренту съ земли, кредиторъ покупаетъ ее.

Уже въ раннее средневѣковье возникла рядомъ съ непосредственной куплей-продажей своего рода временная продажа, при которой земля сразу переходитъ въ руки лица, уплатившаго за нее (выдавшаго ссуду); но лишь въ случаѣ невыкупа ея въ теченіе извѣстнаго срока, въ продолженіе котораго онъ (кредиторъ) пользуется доходами съ нея, она превращается въ его собственность (ältere Satzung) [1]. Позже изъ сдѣлки купли-продажи возникаетъ другая форма: въ виду опасеній со стороны покупателя, что пріобрѣтенная земля могла бы быть потребована въ теченіе извѣстнаго времени обратно имѣющими право на нее сородичами, поручители обязаны на это время предоставить покупателю какое-либо иное имущество, которое переходитъ къ нему въ случаѣ наступленія указаннаго обстоятельства; оно остается пока въ рукахъ поручителя, который отдаетъ лишь документъ—символическая передача покупателю, Позже это стало примѣняться и въ отношеніи временной продажи до выкупа, т. е. кредита, такимъ образомъ, что земля оставалась въ рукахъ должника, кредиторъ же получалъ лишь суррогатъ—документъ, пользуясь доходами съ земли вплоть до момента возвращенія ему переданной суммы (jüngere Satzung).

Въ позднее средневѣковье широко распространена такая купля-продажа ренты, причемъ рента становилась вѣчной и составляла реальную повинность, тягость, уплачиваемую всякимъ, кто являлся въ данное время владѣльцемъ участка. Выкупъ „проданной" ренты (по истеченіи извѣстнаго времени) обыкновенно не допускался. Въ особенности церкви и монастыри „купившіе" ренту и получившіе, благодаря этому, возможность вѣрнаго и постояннаго помѣщенія свободныхъ капиталовъ, боролись противъ постепенно входившаго въ употребленіе допущенія выкупа. Что же касается другой стороны, то появленіе кредитныхъ документовъ, дающихъ право на полученіе ренты, мобилизовало ее, такъ какъ покупатель могъ уступить ее другому лицу и такимъ образомъ получить обратно помѣщенный капиталъ Но у должника и онъ не могъ потребовать свой капиталъ обратно, такъ какъ это поставило бы должника въ чрезвычайно неблагопріятное, иногда прямо безвыходное, положеніе [2].

Какъ установили Делиль и Борепëръ (для Нормандіи), Ганауеръ (для Эльзаса), Моне и Лампрехтъ (для прирейнскихъ мѣстностей), Винтеръ (для Гессена) и д'Авенель (для Иль-де-Франса, Орлеане, Франшкомте и всей южной Франціи), обычнымъ процентомъ въ области этого реальнаго кредита съ правомъ выкупа или безъ него (подъ обезпеченіе недвижимостей) являлось (какъ въ значительной мѣрѣ и при пожизненныхъ или наслѣдственныхъ рентахъ) 10 проц., т. е. соотношеніе между отданнымъ капиталомъ и получаемой ежегодной рентой составляло 10 со ста. Этотъ размѣръ находимъ не только въ XII—XIII, но и въ XIV ст.; лишь въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ онъ составляетъ во второй половинѣ XIV ст. 7—8 проц.; только въ XV вѣкѣ онъ понижается до 8—6, иногда даже до 5 проц. [3]).

1) См. выше, стр. 66.

2) Кредитная сдѣлка и здѣсь, слѣдовательно, еще не выдѣлилась вполнѣ изъ купли-продажи.

3) Hanauer. Etudes économiques sur l'Alsace. T. I. p. 552 и сл. Delisle. Classe agricole en Normandie. 213 и сл. Lamprecht. Wirtschaftsleben. II. 609—10. Winter. Zur Gesch. des Zinsfusses in Mitt. Zeitschr. für Sozial-und Wirtschaftsgesch. IV. p. 161 и сл. D'Avenel. I p. 86 и сл. Arnold. Gesch. d. Eigentums.

Вѣчная рента легко превращалась въ болѣе высокую, пожизненную. Къ послѣдней охотно прибѣгали города, выплачивая лицамъ, помѣстившимъ у нихъ капиталы (это были окрестные землевладѣльцы, городскіе жители, вдовы и сироты и т. д.), пожизненно ренту изъ опредѣленнаго источника городскихъ доходовъ [1]). Или же кредиторамъ непосредственно передавался въ завѣдыванье данный источникъ дохода, и они покрывали изъ него постепенно свой долгъ. Такъ поступали уже весьма рано итальянскіе города: Генуя уже въ половинѣ XII вѣка (въ 1164 г.) передаетъ товариществу—monte—изъ 7 лицъ за полученный капиталъ, который раздѣленъ на семь равныхъ частей—partes, loca, опредѣленные городскіе доходы на 11 лѣтъ. При этомъ любопытно, что уже въ эту эпоху капиталъ раздѣляется не равномѣрно, а 2 участника берутъ по 2 loca, 2 по 1, одинъ половину и 2 по $^1/_4$ [2]).

Займы заключались городами съ иногородними подъ отвѣтственностью всѣхъ горожанъ всѣмъ своимъ имуществомъ (nos omnes et singulas personas, terras, possessiones et dona), т. е. за поручительствомъ всѣхъ городскихъ жителей; въ Брюгге, напр., встрѣчаемъ подпись 300 жителей. Вслѣдствіе этого, получалась возможность захватывать ихъ товары и ихъ самихъ, когда они находятся внѣ города; въ случаѣ неуплаты долга городомъ, это дѣйствительно дѣлалось. И мѣстные жители охотно доставляли городу свои средства, покупая ренту; въ Венеціи въ 1353 и 1398 г.г. горожане продавали дома, чтобы пріобрѣсти паи городского займа. Иногда деньги прямо приносились въ ратушу, и городъ не могъ отказаться отъ нихъ, даже когда въ этомъ не нуждался,—онъ не желалъ нарушить довѣрія горожанъ или просто хотѣлъ имъ оказать (напр., Иберлингенъ мѣстному монастырю) услугу, давая имъ возможность помѣстить свободныя суммы. Благодаря этому, города располагали кредитомъ, необходимымъ имъ на пріобрѣтеніе различныхъ верховныхъ правъ отъ феодаловъ—торговыхъ сборовъ, монеты, судебной власти, налога съ евреевъ и ломбардовъ и т. п. Кредитъ нуженъ былъ имъ также на потребности городской жизни (расширеніе городской площади, возведеніе укрѣпленій и иныхъ построекъ) и на веденіе войнъ. Какъ указываетъ Эренбергъ, кредитъ составлялъ важное оружіе городовъ въ борьбѣ за свободу, за политическую независимость: въ Кельнѣ 82 проц. городского бюджета шли на военные и дипломатическіе расходы, въ Нюрнбергѣ эти расходы составляли 90 проц., въ Майнцѣ болѣе $^3/_4$ всѣхъ расходовъ (въ 1436—37 г.г.). Однако, сильная задолженность городовъ въ XIV—XV ст. являлась также послѣдствіемъ весьма плохого веденія городского хозяйства. Лица, стоявшія во главѣ его, никогда не знали, сколько они въ состояніи истратить въ данномъ году, расходовали поэтому слишкомъ много, причемъ больше заботились о собственной наживѣ, чѣмъ объ интересахъ города; когда же денегъ не хватало, старались занимать повсюду, гдѣ только можно было. Они предпочитали такой образъ дѣйствія повышенію налоговъ или установленію новыхъ податей, ибо послѣднее всегда

[1]) См. Espinas. Les finances de la commune de Douai. 1902. p. 303 и сл.
[2]) См. Sieveking. Casa di S. Giorgio. 1899.

вызывало неудовольствіе со стороны населенія и наводило его на мысль о неправильномъ расходованіи городскихъ суммъ магистратомъ [1]).

Итальянскіе города къ концу средневѣковья производятъ уже консолидацію своихъ долговъ, образуя обширныя ассоціаціи кредиторовъ (massa, maona), внося заемъ въ государственную долговую книгу (cartulario) и устанавливая переходъ паевъ по наслѣдству и отчуждаемость ихъ. Въ 1274 г. консолидированъ былъ долгъ Генуи, въ 1384 г. онъ составлялъ 8 милл. лиръ. Въ нѣмецкихъ городахъ въ послѣднія столѣтія средневѣковья займы также превращаются какъ бы въ постоянный источникъ дохода, въ Базелѣ, напр., въ 1361—1482 г.г. насчитывается всего три года, когда не было заключено новыхъ займовъ; они составляютъ значительную часть городскихъ доходовъ, напр., въ Кельнѣ въ 1378 г. 45 проц., въ 1392 г. 50 проц.; въ Базелѣ въ 1361—1501 г.г. четверть всѣхъ доходовъ получалась путемъ займовъ и въ нихъ помѣщено 25 проц. имущества жителей; въ Нюрнбергѣ займы давали $1/_3$ всѣхъ поступленій. Чрезмѣрная задолженность (въ Гамбургѣ напр. свыше 20 проц. всѣхъ поступленій шло на платежи по займамъ) приводитъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ прекращенію платежей городомъ (Гамбургъ); иногда послѣдствіемъ необходимости введенія новыхъ податей для уплаты процентовъ и погашенія займа является открытый мятежъ жителей и переворотъ въ городскомъ управленіи (Кельнъ, Дортмундъ) [2]). Значительна была уже въ XIII ст. задолженность и французскихъ городовъ (Аміенъ, Нойонъ, Суассонъ, Руанъ)—результатъ постоянныхъ требованій, предъявляемыхъ къ нимъ королемъ. И они (Нойонъ, Санли) прекращали уплату долговъ [3]).

Государи (короли, феодалы духовные и свѣтскіе) не менѣе городовъ нуждались въ кредитѣ, въ особенности на веденіе многочисленныхъ войнъ, какъ и на пріобрѣтеніе предметовъ роскоши [4]). Но заемъ составлялъ личный долгъ короля, а не долгъ всего населенія; правда, короли и папы обязывались не только за себя, но и за своихъ преемниковъ (pour nous, nostre couronne et successeurs en icelle), но послѣдніе нерѣдко отказывались платить по долгамъ своего предшественника, почему такой кредитъ былъ сопряженъ для банкировъ съ чрезвычайно большимъ рискомъ. Въ тѣ времена—говоритъ Маколей—если казна была пуста, подати поступали медленно и жалованье солдатамъ и матросамъ не было уплочено, канцлеръ казначейства въ сопровожденіи лордъ-майора и ольдерменовъ обходилъ съ шапкой Чепелдъ и Корнгиль (лондонскіе кварталы) и добывалъ нужную сумму, занимая 100 фунтовъ у какого-нибудь чулочника и 200 фунтовъ у торговца жестяными товарами. Если иностранные купцы все-таки соглашались—хотя далеко не всегда—на заключеніе даже значительныхъ по тому времени займовъ, то лишь въ разсчетѣ на возможность покрыть ихъ изъ предо-

---

[1]) См. Bücher. Haushalt Frankfurts im Mitt. Zeitschr. für ges. Staatswiss. 1896. p. 17. Landmann. Entwicklungsgesch. der Formen des öffentl. Kredits. Finanzarchiv. 1912. p. 12 и сл., 39 и сл. Knipping. Kölner Stadtrechnungen. 1898. B. II. p. 420 и сл. Sander. Die reichsstädtische Haushaltung Nürnbergs p. 698. 701. Chroniken der deutschen Städte. B. XVIII. T. 2. p. 109. Schoenberg. Basels Finanzverhältnisse im XIV—XV. Jahrh. 1885. Мое Коммунальное обложеніе. См. также выше, стр. 111—12.

[2]) См. Stieda. Städtische Finanzen in Mittelalter. Jahrb. für Nationaloekon. 1899. XVII. p. 34 и сл. Sander. Nürnbergs Haushalt. p. 718. Koppmann. Kammererrechnungen Hamburgs.

[3]) Luchaire. Communautés françaises. p. 198. 203—205. Borelli de Serres. Recherches sur divers services publ. T. I. 25.

[4]) Займы французскаго короля: въ 1440 г. 80 и 60 ливр. на наряды для двухъ принцессъ, въ 1445 г. на пріобрѣтенье одеждъ для придворныхъ празднествъ и турнировъ; въ томъ же году 200 ливр. на пріобрѣтенье шелковыхъ тканей и мѣховъ для супруги дофина. (Prutz. Jacques Coeur. 96).

ставляемыхъ имъ различныхъ статей дохода или инымъ путемъ, посредствомъ полученія новыхъ выгодныхъ привилегій. Нерѣдко это дѣлалось подъ вліяніемъ прямого принужденія и получался принудительный заемъ, или же въ силу принужденія косвеннаго: они рисковали лишиться своихъ торговыхъ привилегій, откупа монеты, пошлинъ, рудниковъ и даже быть изгнанными изъ страны или не получить обратно прежнихъ долговъ, въ случаѣ отказа отъ участія въ дальнѣйшихъ займахъ. И все же королю было весьма нелегко достать нужную сумму.

Англійскіе короли постоянно нуждались въ деньгахъ на веденіе войнъ и на уплату жалованья солдатамъ и, встрѣчая отказъ парламента въ ассигнованіи средствъ и установленіи экстраординарныхъ налоговъ, вынуждены были обращаться къ итальянскимъ банкирамъ, отчасти и къ мѣстнымъ купцамъ и монастырямъ за ссудой денегъ. Король Генрихъ III вынужденъ былъ заложить свои драгоцѣнности, парадныя одежды и даже реликвіи св. Эдуарда; у него было столько долговъ, что при появленіи его на улицѣ раздавались крики его кредиторовъ, и онъ заявлялъ публично, что нужда его столь велика, что милосерднѣе дать ему денегъ, чѣмъ нищему на паперти. Сто лѣтъ спустя Эдуардъ III въ 1340 году объявилъ парламенту, что онъ подъ своимъ личнымъ поручительствомъ занялъ массу денегъ за-границей, и если эти долги не будутъ уплочены, то ему придется вернуться въ Брюссель и тамъ остаться въ качествѣ заложника своихъ кредиторовъ. Вслѣдствіе неуплаты этихъ долговъ, флорентинскія фирмы, оказывавшія кредитъ Эдуарду III, обанкротились; когда товарищество Барди въ 1345 г. прекратило платежи, долгъ англійскаго короля составлялъ 900 тыс. флор. золотомъ, или около 8½ милл. современныхъ герм. марокъ; требованія товарищества Перуччи къ нему равнялись 600 тыс. флор. золота, или 5½ милл. мар. [1]).

Когда въ 1371 г. французскій король заключилъ заемъ у авиньонскихъ купцовъ въ 100 тыс. ливровъ, за него должно было поручиться солидарно 22 человѣка, въ томъ числѣ принцы, придворные, жители Парижа. Французскій король Карлъ VII, тратившій большія суммы на покупку золотого оружія и цѣнныхъ тканей, вынужденъ былъ повсюду занимать мелкими суммами, даже у собственныхъ поваровъ, а съѣстные припасы брать въ долгъ. По словамъ современниковъ, Жакъ Керъ оказалъ ему большое вниманіе, пославъ двухъ жареныхъ куръ и баранью ногу,—до того печально было положеніе короля [2]).

Задолженность духовныхъ феодаловъ являлась прежде всего результатомъ того, что они уплачивали крупныя суммы при занятіи епископскихъ кафедръ, какъ въ видѣ т. наз. servitia communia, т. е. пошлины, вносимой за утвержденіе папой въ санѣ—обыкновенно въ размѣрѣ одной трети годового дохода епархіи [3])—такъ и въ видѣ неопредѣленныхъ по своимъ

[1]) Sinclair. History of the public revenue of the British Empire. T. I.
[2]) Prutz. Jacques Coeur. p. 44—47.
[3]) Архіепископы аквилейскій, кельнскій, майнцскій, трирскій, зальцбургскій платили 10 тыс. флор., люттихскій, мецкій, вердюнскій, утрехтскій, бреславскій, реймскій 4—7 тыс., другіе 1½—3 тыс., епархіи женевская, аугсбургская всего 500—600 гульд. (Schulte).

размѣрамъ „подарковъ“ (servitia minuta), которые дѣлались различными претендентами приближеннымъ папы. Послѣдніе могли оказать вліяніе на замѣщеніе вакантнаго мѣста тѣмъ или инымъ лицомъ, въ виду чего конкурренты старались въ своихъ обѣщаніяхъ перещеголять другъ друга. А это создавало для счастливаго соперника крупные долги: во второй половинѣ XV вѣка задолженность архіепископа констанцскаго достигала 150 тыс. флор., и весь доходъ его имѣній уходилъ на уплату процентовъ, такъ что ему оставалось не болѣе 400 фл. въ годъ [1]).

Заключеніе долга обставлялось поручительствами, при чемъ поручители были солидарно отвѣтственны, и въ случаѣ несвоевременной уплаты долга, обязаны были пріѣхать въ указанное кредиторомъ мѣсто и подвергнуться личному задержанію. Оно сопровождалось далѣе залогомъ драгоцѣнностей: государи отдавали свою корону, папы—тіару и т. д.; встрѣчается даже—какъ указываетъ Гольдшмидтъ—генуэзскій вексель 1251 г., выданный подъ залогъ трона имп. Фридриха II. Кромѣ того, въ случаѣ неуплаты денегъ въ срокъ, кредиторъ обязанъ былъ помимо выговореннаго процента уплатить особые проценты за промедленіе въ размѣрѣ 10 проц. за каждые два мѣсяца (отъ ярмарки до ярмарки), т. е. 60 проц. въ годъ; а до уплаты всей суммы онъ вынужденъ былъ нести путевыя издержки и расходы по содержанію одного купца съ лошадью и слугой, иногда даже двухъ купцовъ съ лошадьми и слугами.

Заключеніе договора производилось, въ особенности если должникомъ являлся иногородній, въ присутствіи двухъ (и болѣе) свидѣтелей, мѣстныхъ жителей; послѣдніе могли фигурировать лишь въ отношеніи суммы, не превышавшей цѣнности ихъ имущества. Далѣе представлялось поручительство, обыкновенно жителей того города, откуда былъ должникъ; они часто являлись такими же должниками, какъ заемщикъ, такъ что различіе между должникомъ и поручителями исчезало. Поручители обязывались, иногда представляя въ свою очередь поручителей, въ случаѣ неуплаты въ срокъ, явиться въ городъ, гдѣ проживаетъ кредиторъ, и не уѣзжать оттуда ранѣе, чѣмъ будетъ уплоченъ долгъ (Einlager). Къ этому присоединялась передача въ залогъ драгоцѣнностей, выдача письменныхъ кредитныхъ обязательствъ (векселей), въ особенности высокопоставленными лицами, иногда и внесеніе сдѣлки въ городскую книгу (Liber memorandorum, Ratsdenkelbuch). При отсутствіи поручителей и залога городской совѣтъ, напр., гамбургскій, обращался къ совѣту того города, гдѣ жилъ плательщикъ, напр., Люнебурга, съ просьбой о понужденіи его къ уплатѣ; если же это не приводило къ цѣли, то подвергалъ аресту его земляковъ, люнебургскихъ купцовъ, находившихся въ данное время въ Гамбургѣ [2]).

Отъ епископовъ, аббатовъ и другихъ духовныхъ лицъ, съ которыми итальянскіе купцы заключали сдѣлки займа, они требовали, помимо обычнаго поручительства другихъ лицъ, гарантію папы въ уплатѣ долга, и въ случаѣ неуплаты, обращались къ нему съ требованіемъ понудить духовное лицо къ возвращенію суммы,—это было единственное средство получить долгъ обратно. И папа, дѣйствительно, нерѣдко подъ угрозой отлученія отъ церкви, заставлялъ епископа или аббата, если не уплатить всю сумму и немедленно, то во всякомъ случаѣ вступить въ соглашеніе съ кредито-

[1]) Franz Keller. Die Verschuldung des Hochstiftes Konstanz im XIV und XV Jahrh. 1903. p. 42.

[2]) Das Handlungsbuch Vickos von Geldersen. Bearb. von Nirrnheim. 1[illegible]5. Einl. p. XXX—XXXV. Cp. Des Marez. La lettre de foire. p. 17 и сл., 40 и сл.

рами относительно размѣровъ суммы, которую онъ въ состояніи вернуть, и сроковъ ея уплаты [1]).

Кредитъ въ средніе вѣка имѣетъ почти исключительно потребительный характеръ, выражаясь преимущественно въ формѣ кредита государей—почти всецѣло потребительнаго и кредита городовъ, преимущественно потребительнаго, но отчасти предназначеннаго и на производительныя нужды. Этотъ публичный кредитъ по своимъ особенностямъ лишь отчасти (главнымъ образомъ кредитъ городовъ) отличается отъ кредита частныхъ лицъ.

Гораздо меньше значенія имѣлъ кредитъ коммерческій, кредитъ въ области торговли, т. е. заемъ капиталовъ для помѣщенія ихъ въ торговлѣ; онъ развился лишь въ итальянскихъ городахъ, въ торговлѣ на Средиземномъ морѣ. У итальянскихъ и южно-французскихъ купцовъ купля-продажа товаровъ въ кредитъ составляла явленіе вполнѣ обычное; выработались даже опредѣленные сроки кредитованія — 8 дней, $2^1/_2$ мѣсяца, $3^1/_2$ мѣсяца. Напротивъ, Ганза не желала допускать даже отсрочекъ въ платежѣ по купленнымъ товарамъ. Въ отношеніи торговли съ русскими и лифляндскими городами ей удалось настоять на такомъ запрещеніи. Въ другихъ мѣстностяхъ, впрочемъ, провести это постановленіе на практикѣ оказывалось невозможнымъ, ибо ганзейцы вынуждены были давать товары въ кредитъ, а, слѣдовательно, имъ приходилось и покупать въ кредитъ, какъ это дѣлали ихъ конкуренты не-ганзейцы. Широкое распространеніе такихъ операцій мы можемъ усмотрѣть изъ сохранившихся отъ средневѣковой эпохи торговыхъ книгъ нѣмецкихъ купцовъ; самое веденіе этихъ книгъ являлось результатомъ существованія сдѣлокъ въ кредитъ, ибо то, что было совершено на наличныя, въ тѣ времена считали излишнимъ записывать; въ этомъ случаѣ вѣдь никакихъ обязательствъ не возникало. Срокъ былъ нерѣдко весьма продолжителенъ, составляя (напр., въ торговой книгѣ гамбургскаго купца Вико ванъ Гельдерсена конца XIV вѣка) обыкновенно отъ одного до шести мѣсяцевъ, иногда отъ 9 мѣсяцевъ до года и даже въ видѣ исключенія $1^1/_2$ года. Въ качествѣ времени уплаты назначается какой-либо большой праздникъ, Пасха, Тройца или какая-либо большая ярмарка, напр., франкфуртская; часто не указанъ опредѣленный день, а лишь установленъ срокъ лишь приблизительно—во время открытія навигаціи, весною, между Пасхой и Троицей, осенью. Или же должнику предоставленъ выборъ между двумя сроками; иногда кредиторъ сохраняетъ за собой право требовать уплаты раньше или позже по собственному усмотрѣнію.

Рядомъ съ кредитомъ, вытекавшимъ изъ отсрочки платежа по купленнымъ товарамъ, въ итальянской торговлѣ фигурируетъ и кредитъ, основанный на ссудѣ денегъ. Онъ принимаетъ въ области торговли различную форму въ зависимости отъ того, кто несетъ рискъ—кредиторъ или должникъ. Въ первомъ случаѣ получается морской заемъ (foenus nauticum) или, по аналогіи съ нимъ, такой же заемъ для торговыхъ операцій на сушѣ: купецъ, отправляющійся на ярмарку (naviganti vel eunti ad nundinas), обязывается вернуть полученную сумму съ процентами, въ случаѣ благополуч-

---

[1]) Cp. Schulte. I. p. 230—72.

наго возвращенія (sana navi, salvum in terra, ad fortunam Dei et maris). Во второмъ случаѣ онъ просто выдаетъ вексель, обязательство въ уплатѣ, независимо отъ всякихъ случайностей [1]). Вексель, такимъ образомъ, изъ документа, облегчающаго размѣнъ денегъ, постепенно становится общимъ орудіемъ кредита, примѣняемымъ какъ въ случаѣ отсрочки въ уплатѣ за товаръ, такъ и въ случаѣ полученія денежной суммы въ качествѣ ссуды. Однако, и здѣсь сохраняется все же основной характеръ средневѣковаго векселя—уплата въ другомъ мѣстѣ, а не тамъ, гдѣ деньги получены, — остатокъ первоначальныхъ функцій, выполняемыхъ векселемъ [2]). При этомъ, несмотря на запрещенія какъ церкви, такъ и свѣтскихъ властей давать деньги въ ростъ (напр., въ Англіи въ 1341 и 1391 г.г., во Франціи въ 1312 г.), взиманіе процентовъ было широко распространено [3]).

Третью форму, наконецъ, составляетъ употребленіе банкирами помѣщенныхъ у нихъ вкладовъ для операцій въ области товарной торговли. Результатомъ послѣдняго являлось замедленіе въ обратной выдачѣ вкладовъ банкирами и даже отказъ въ этомъ; нерѣдко также, вслѣдствіе неудачъ въ торговлѣ, наступало банкротство ихъ и потеря вкладчиками помѣщенныхъ у нихъ денегъ. Въ Венеціи въ XIV ст. изъ 103 банковъ погибло 96, вслѣдствіе того, что они имѣли обыкновеніе производить товарную торговлю и поэтому при требованіи вкладовъ не въ состояніи были возвратить ихъ. Въ виду этого, въ 1374 г. банкамъ запрещено было торговать металлами, тканями, шафраномъ и другими товарами; впослѣдствіи было постановлено, что они могутъ торговать лишь на собственныя деньги, но не на деньги, помѣщенныя у нихъ вкладчиками. Но на практикѣ они попрежнему смотрѣли на вклады, какъ на полученную взаймы сумму, которою они вправѣ свободно располагать [4]).

Переходя отъ должниковъ къ кредиторамъ, необходимо отмѣтить прежде всего, что тѣ же города, въ особенности же духовныя учрежденія, которыя нерѣдко нуждались въ деньгахъ, во многихъ случаяхъ ссужаютъ другихъ свободными капиталами, извлекая изъ этого значительные доходы. Какъ указываетъ Лампрехтъ, уже въ X вѣкѣ церкви выступали въ качествѣ банковыхъ учрежденій, ссужая преимущественно свободныхъ крестьянъ подъ залогъ принадлежащихъ послѣднимъ земель, а въ XI вѣкѣ они давали значительныя суммы императорамъ Генриху III и IV. Эти операціи церквей и монастырей были возможны, благодаря скопленію значительныхъ денежныхъ дареній отъ вѣрующихъ лицъ, а также благодаря помѣщенію у нихъ, какъ въ единственныхъ безопасныхъ мѣстахъ, значительныхъ суммъ на храненіе. Банковая дѣятельность ихъ приняла еще большіе размѣры въ

---

1) Goldschmidt. p. 412—16.

2) Своеобразную форму векселя представляетъ собою lettre de foire или littera obligatoria, распространенная въ Англіи и Фландріи. Де-Маресъ, открывшій въ архивахъ г. Ипра нѣсколько тысячъ такихъ документовъ XIV ст. (См. Des Marez. La lettre de foire à Ypre. Mém. de l'acad. royale) называетъ lettre de foire векселемъ сѣвера, въ противоположность настоящему векселю итальянскаго происхожденія. Примѣняется littera obligatoria въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ платежа, всегда съ прибавленіемъ обязательства уплатить такому-то или его приказу.

3) См. ниже, стр. 222—23.

4) Nasse. Das venetianische Bankwesen im XIV, XV, XVI. Jahrh. Jahrb. für Nationaloek. 1879. p. 334 и сл.

слѣдующія столѣтія съ возникновеніемъ монашествующихъ орденовъ тампліеровъ (храмовниковъ), тевтонскаго, францисканскаго, іоаннитскаго. Среди нихъ на первомъ планѣ стоитъ по своимъ кредитнымъ операціямъ орденъ тампліеровъ, который съ конца XII до начала XIV вѣка представлялъ собою едва ли не крупнѣйшее банковое учрежденіе Европы съ двумя центральными конторами (templum) въ Парижѣ и Лондонѣ и отдѣленіями въ различныхъ французскихъ городахъ и левантійскихъ странахъ. Короли французскіе и англійскіе, бароны и монастыри помѣщали у тампліеровъ свои капиталы, направляли туда поступленія отъ податей и земель; они поручали тампліерамъ уплату по векселямъ, выплату пожизненныхъ рентъ и переводъ денегъ, наконецъ, получали отъ нихъ денежныя ссуды или гарантію въ уплатѣ занимаемой суммы [1]).

Въ теченіе всего времени своего существованія тампліеры являлись банкирами крестовыхъ походовъ: они производили сборъ десятины, сборъ св. Петра и другихъ доходовъ, предназначенныхъ на крестовые походы, доставляли необходимыя суммы изъ Европы въ страны Востока, выдавали платежи во время походовъ. Они же завѣдывали финансами различныхъ французскихъ бароновъ, Іоанна Безземельнаго, королей аррагонскихъ и неаполитанскихъ, въ особенности же королей французскихъ — Филиппа-Августа, Людовика Св., Филиппа Смѣлаго и Филиппа Красиваго. „Templum" являлся королевской казной; къ нему поступали государственные доходы и онъ производилъ платежи за счетъ короля, уплачивалъ жалованія, пенсіи, погашалъ долги, производилъ уплату содержанія дипломатическимъ агентамъ, выдавалъ субсидіи союзникамъ и т. п.

Значительно позже духовныхъ учрежденій выступили на сцену—второй періодъ въ исторіи банковаго дѣла—въ качествѣ банкировъ евреи. Въ Германіи это совершилось не ранѣе XI вѣка; XII и XIII ст. являются эпохой широкаго развитія ихъ кредитныхъ операцій.

Король Генрихъ II, короли венгерскіе и герцоги силезскіе, архіепископъ кентерберійскій, епископы бамбергскіе, констанцскіе, далѣе французскія и англійскія аббатства, графы Лейчестеръ, Монпелье, Тулузскіе и др. обращаются къ евреямъ за ссудой денегъ и въ обезпеченіе (и погашеніе) долга отдаютъ имъ на откупъ таможенные доходы, различныя подати, поручаютъ даже общее завѣдываніе финансами [2]). Въ архіепископствѣ кобленцскомъ еврей-управитель со своимъ секретаремъ (iudei domini) имѣетъ еврейское казначейство и ведетъ книги на еврейскомъ языкѣ [3]). При входѣ каждаго итальянскаго судна въ гавань Арль епископъ арльскій получаетъ 20 сол., а его „еврей" — какъ его просто называютъ источники—4 солида. Въ Саксоніи при герцогѣ Балдуинѣ еврей Менадье производилъ чеканку монеты (знаки на монетѣ весьма сходны съ еврейскими буквами); въ Австріи при Леопольдѣ V въ XII ст., въ трирскомъ и вюрцбургскомъ епископствахъ въ XIII ст. находимъ евреевъ-монетчиковъ. Въ Германіи евреи еще въ XIV вѣкѣ производятъ крупныя кредитныя операціи; въ 1377 г. повѣшенъ еврей Симонъ Сигбургъ, которому рыцари и феодалы по нижнему Рейну были должны сумму въ 27 тыс. мар.; въ концѣ XIV вѣка Симонъ Сельгенштадтъ далъ рейнскимъ городамъ крупную сумму на пріобрѣтеніе огнестрѣльнаго оружія и онъ же заключилъ съ городомъ Франкфуртомъ заемъ въ 10 тыс. гульд, Въ Испаніи вплоть до конца XV вѣка въ рукахъ евреевъ находился сборъ податей и управленіе финансами страны (они носили титулъ tesorero mayor, т. е. главнаго казначея) и еврей Исаакъ Абраванель привелъ финансы страны въ то цвѣтущее состояніе, въ которомъ они

---

1) Delisle. Mémoire sur les opérations financières des Templiers. Académie des Inscriptions et Belles-lettres. T. 39.
2) Schulte. p. 328—9. Caro. p. 323—26.
3) Lamprecht. I. p. 1472.

находились — какъ указываетъ Геблеръ — при Фердинандѣ и Изабеллѣ. Въ Англіи же и во Франціи они были изгнаны уже въ концѣ XIII и въ началѣ XIV вѣка; здѣсь, какъ и въ Нидерландахъ и Италіи, они уступили мѣсто итальянскимъ купцамъ и банкирамъ. Въ Германіи главную категорію ихъ должниковъ въ XV ст. составляютъ ремесленники (сапожники, портные, шорники), которые берутъ мелкія суммы (въ Регенсбургѣ въ качествѣ денежной единицы берется 30 пф.) на короткій срокъ подъ закладъ матеріала; въ Нюрнбергѣ запрещено ремесленникамъ брать подъ закладъ матеріала болѣе, чѣмъ стоитъ матеріалъ и составляетъ заработная плата, получаемая за его обработку. Крестьянъ же ссужаютъ преимущественно монастыри, итальянцы и мѣстные торговцы.

Третій періодъ (особ. XIV—XV ст.) въ развитіи банковаго дѣла въ средніе вѣка знаменуетъ собою дѣятельность итальянскихъ банкировъ. Они извѣстны преимущественно подъ именемъ „ultramontani, transalpini", т. е. торговцы изъ мѣстностей по ту сторону Альпъ, или „caorsini", т. е. купцы изъ г. Cahors въ южной Франціи, или „lombardi", т. е. купцы изъ Ломбардіи. Отъ ломбардовъ и самая ломбардная операція, т. е. ссуда подъ закладъ движимостей, получила свое названіе; векселя назывались нерѣдко „litterae lombardorum". Уже къ началу XIII ст. (и даже къ концу XII ст.) относятся кредитныя операціи піаченцскихъ, болонскихъ и римскихъ купцовъ въ Англіи и Франціи. Затѣмъ выступаютъ на сцену банкиры Асти, Лукки, Сіены, въ особенности же флорентинцы. Наиболѣе важны три флорентинскія компаніи: Барди, Перуччи, Аккаюоли, позже Альберти и во второй пол. XV ст. Медичи; флорентинцы съ конца XIII вѣка сосредоточиваютъ крупнѣйшія денежныя и банкирскія операціи въ своихъ рукахъ. Состоя изъ 10—20 участниковъ, каждая изъ этихъ фирмъ объединяла въ своихъ рукахъ весьма крупные для того времени капиталы, какъ собственные, такъ и полученные въ качествѣ вкладовъ отъ другихъ лицъ. Компанія Барди имѣла, напр., въ 1310 г. 15 участниковъ, она насчитывала пять представителей въ Англіи, шесть во Фландріи, четыре во Франціи и Шампани [1]). Въ Англіи при Эдуардѣ I, въ особенности же при Эдуардѣ III, во Франціи при Филиппѣ Красивомъ и его преемникахъ, далѣе въ Неаполитанскомъ королевствѣ и во Фландріи флорентинскія товарищества становятся королевскими банкирами, сборщиками податей, принимаютъ вклады, берутъ на откупъ чеканку монеты.

Дѣятельность ихъ, однако, не могла быть долговѣчна: будучи вынуждены, въ интересахъ сохраненія и расширенія своихъ привилегій въ области товарной торговли, давать крупные займы королямъ и герцогамъ, они должны были, при невозможности заставить послѣднихъ уплатить, кончить банкротствомъ: за первыми крупными флорентинскими товариществами (Моччи, Спини, Фрескобальди, Черчи нери и Черчи біанчи, т. е. черные и бѣлые) послѣдовали вскорѣ и придворные банкиры французскаго короля Гвиди-Франчези (Франчези они назывались вслѣдствіе ихъ дѣятельности во Франціи), на имущество которыхъ въ 1308 г. открытъ былъ конкурсъ. А въ половинѣ XIV вѣка, послѣ свыше полувѣковой дѣятельности, и три крупнѣйшія товарищества Перуччи, Барди и Аккаюоли оказались несостоятельными.

Въ XV ст. выступилъ на сцену флорентинскій банкирскій домъ Медичи, производившій обширныя разсчетныя и вексельныя операціи со всѣми

[1]) Davidsohn. Forschungen. III. 201.

важнѣйшими торговыми центрами, принимавшій вклады и выдававшій ссуды какъ королямъ и баронамъ, такъ и ремесленникамъ и торговцамъ. Уже съ XII—XIII ст. и генуэзскіе банкиры имѣли своихъ агентовъ во Франціи, Испаніи, Константинополѣ, Палестинѣ; но высокаго развитія генуэзскіе и венеціанскіе банки достигли въ особенности въ XIV—XV ст.: въ Венеціи извѣстна фирма Соранцо, въ Генуѣ банкъ Центуріеони, у котораго находилась въ качествѣ залога папская тіара, впослѣдствіи выкупленная Лоренцо Медичи. Въ 1407 г. былъ учрежденъ извѣстный генуэзскій банкъ св. Георгія—первый публичный банкъ. Онъ представлялъ собою ассоціацію кредиторовъ генуэзской республики: многочисленныя товарищества государственныхъ кредиторовъ были слиты въ одно товарищество на паяхъ; впослѣдствіи производились новые выпуски акцій (напр., въ 1416 г. ок. 100 тыс. лиръ). Банкъ предоставлялъ необходимыя генуэзской республикѣ средства и производилъ также за нее платежи, на покрытіе которыхъ получалъ различныя доходныя статьи или же получалъ генуэзскія колоніи; въ скоромъ времени онъ сталъ собственникомъ почти всѣхъ регалій государства и колоніальныхъ владѣній. Государственный долгъ Генуи имѣлъ, по словамъ Зивекинга, такое же соціальное значеніе, какъ долгъ Англіи въ XVII — XVIII ст. Loca di S. Giorgio, вслѣдствіе колебаній въ курсѣ, стали въ XV ст. объектомъ оживленной спекуляціи, сдѣлокъ на разницу. Какъ видно изъ словъ аналистовъ XIV—XV ст., ихъ курсъ являлся барометромъ экономическаго положенія, какъ въ настоящее время курсъ англійскихъ консолей [1]).

ГЛАВА VI.

Каноническая доктрина и дѣйствительность.

Средневѣковая экономическая доктрина въ значительной мѣрѣ соотвѣтствуетъ хозяйственной жизни того времени [2]). Какъ исходной точкой въ развитіи средневѣковаго хозяйственнаго быта является аграрный коммунизмъ, сельская община съ отсутствіемъ индивидуальной собственности на землю, такъ и ученіе Отцовъ Церкви разсматриваетъ коммунизмъ, какъ естественное состояніе (iure naturali omnia sunt communia omnibus) и всякую частную собственность какъ уклоненіе отъ него: лишь вслѣдствіе грѣхопаденія, появилось „мое“ и „твое“ (divisio rerum). Постепенно и представители церкви признавали частную собственность необходимымъ зломъ, хотя скорѣе наказаніемъ, чѣмъ благодѣяніемъ для человѣчества. Идеаломъ остается общая собственность, она единственно допустима для духовенства.

---

1) Sieveking. Casa di S. Giorgio.

2) См. Endemann. Studien in der romanisch-kanonistischen Wirtschafts- und Rechtslehre. 1874—1883. Schaube. Der Kampf gegen den Zinswucher, ungerechten Preis und unlautern Handel im Mittelalter. 1905. Maurenbrecher. Thomas von Aquinos Stellung zum Wirtschaftsleben seiner Zeit. 1898. Glaser. Die franziskanische Bewegung. 1903. Goldschmidt. Universalgesch. des Handelsrechts. 1891. Jos. Kulischer. Warenhändler und Geldausleiher im Mittelalter. 1908. Эшли. Экономич. ист. Англіи. 1897. Янжулъ. Англійск. свободн. торговля, т. I.

Если же для мірянъ допускается индивидуальная собственность, то изъ этого не слѣдуетъ, что они вправѣ присваивать себѣ и объявлять своей собственностью болѣе, чѣмъ это нужно каждому; въ послѣднемъ случаѣ они обязаны отдать избытокъ бѣднымъ. Стремленіе къ обогащенію безусловно порицается. Богатство опасно для души, ибо—говоритъ св. Іеронимъ—обогащеніе одного всегда происходитъ насчетъ потери другого (dives autem iniquus aut iniqui haeres).

Выводомъ изъ этого является то, что каноническая доктрина ранняго средневѣковья признаетъ только двѣ отрасли производства. Прежде всего сельское хозяйство (cultura), которое составляетъ естественную дѣятельность человѣка и которымъ онъ наилучше можетъ служить Богу. Въ качествѣ второй—обработку даровъ природы (промыслы—artificium), которая должна находиться въ тѣсной связи съ сельскимъ хозяйствомъ; здѣсь имѣется еще въ виду трудъ ремесленный въ сферѣ замкнутаго домашняго хозяйства. Торговля же (negotiatio, mercatura) совершенно не признается; она не только запрещена духовенству, но недопустима и для мірянъ. Тѣмъ, что Господь выгналъ купцовъ изъ храма—читаемъ у св. Златоуста—онъ выразилъ, что купецъ не можетъ нравиться Богу, почему ни одинъ христіанинъ не долженъ заниматься торговлей, иначе онъ будетъ изгнанъ изъ церкви. Купцомъ является, по этому ученію, всякій, кто продаетъ предметы въ томъ же видѣ, въ какомъ купилъ ихъ. Не есть купецъ только тотъ, кто пріобрѣтаетъ ихъ; это то, что мы называемъ промышленной дѣятельностью: покупка матеріала ремесленникомъ. Если торговля признается опасной для души (папа Левъ Вел. находитъ, что торговля безъ обмана составляетъ явленіе рѣдкое), то тѣмъ болѣе враждебно каноническая доктрина относится къ ссудному проценту. Она называетъ отдачу денегъ взаймы подъ проценты ростовщичествомъ (usura), занятіемъ предосудительнымъ (turpe lucrum), такъ какъ въ этомъ случаѣ человѣкъ получаетъ больше, чѣмъ отдалъ; вѣдь основной принципъ ученія церкви: mutuum date nihil inde sperantes. Взиманіе процента есть дѣйствіе несправедливое, результатъ жадности, которая подъ видомъ человѣколюбія обманываетъ другихъ, эксплоатируетъ нуждающихся. Поэтому ссудный процентъ безусловно запрещенъ не только духовенству, но и мірянамъ; первымъ каноническое законодательство угрожаетъ лишеніемъ сана, вторымъ — отлученіемъ отъ церкви, къ чему присоединяются и свѣтскія наказанія.

И ученіе о торговлѣ и процентѣ соотвѣтствовало эпохѣ ранняго средневѣковья, когда торговля была сопряжена съ насиліемъ и обманомъ (см. выше, стр. 62), а ссудныя операціи, носившія исключительно потребительный характеръ, являлись обогащеніемъ на счетъ бѣдныхъ, преимущественно на счетъ разорившихся мелкихъ землевладѣльцевъ—крестьянъ (см. выше, стр. 66). Въ общемъ ученіе церкви, такимъ образомъ, гармонировало съ замкнутымъ домашнимъ хозяйствомъ, являлось выраженіемъ его; но съ другой стороны оно имѣло весьма мало вліянія на хозяйственную жизнь. Оно не въ состояніи было ни бороться со стремленіемъ людей къ обогащенію вообще, ни помѣшать развитію торговли, росту которой „Божій миръ“, господствовавшій въ церкви, наоборотъ, содѣйствовалъ (см.

выше, стр. 63). Оно не могло, наконецъ, уничтожить и ссудный процентъ, который взимался въ той или иной формѣ даже духовенствомъ. Въ области распространенія сельскохозяйственной культуры и насажденія ремеслъ средневѣковая церковь сдѣлала весьма много (см. стр. 47—50, 57—58); но точно также торговля и банковое дѣло развивались въ значительнсй мѣрѣ подъ покровительствомъ и при участіи церкви (см. выше, стр. 64).

Все то, противъ чего боролась каноническая доктрина, приняло въ позднее средневѣковье еще болѣе обширные размѣры. Самая дѣятельность церкви находилась въ противорѣчіи съ этимъ ученіемъ. Монастыри накопили обширную земельную собственность, практикуемое ими призрѣніе бѣдныхъ сильно пало; мало того, когда появились люди, которые желали вернуть католическую церковь къ христіанскому идеалу, организовать ее соотвѣтственно Евангелію, то они не только встрѣчали сильное противодѣйствіе со стороны папы и епископовъ, не желавшихъ отказаться отъ своихъ богатствъ, но и подвергались преслѣдованію, отлученію отъ церкви въ качествѣ еретиковъ и сожженію на кострахъ [1]).

Не оказавъ вліянія на жизнь, каноническая доктрина, наоборотъ, сама измѣнилась, соотвѣтственно измѣнившемуся хозяйственному строю, болѣе принаровившись къ господствовавшему въ позднее средневѣковье городскому хозяйству. Правда, попрежнему проповѣдывалась любовь къ ближнему и какъ результатъ ея защита неимущихъ, порицался всякій эгоизмъ и нажива на счетъ другихъ, болѣе слабыхъ. Но измѣнилось отношеніе къ торговлѣ. Находя, что каждый благоустроенный городъ долженъ производить въ своихъ стѣнахъ какъ съѣстные припасы, такъ и промышленныя издѣлія, Ѳома Аквинскій (XIII ст.)—„doctor universalis“, наибольшій авторитетъ въ области канонической доктрины — въ то же время вовсе не исключаетъ совершенно торговую дѣятельность. Онъ указываетъ на то, что едва ли можно найти городъ, который въ состояніи вполнѣ обойтись безъ привоза съѣстныхъ припасовъ, и находитъ, что торговля нужна и для продажи тѣхъ товаровъ, которые имѣются въ городѣ въ избыткѣ. Ѳома Аквинскій не усматриваетъ чего-либо грѣховнаго въ торговой прибыли если только она умѣренныхъ размѣровъ, а равно, если торговля производится въ цѣляхъ общественныхъ, ради того, чтобы въ отечествѣ не ощущалось недостатка въ необходимыхъ для поддержанія жизни предметахъ. Въ послѣднемъ случаѣ прибыль не есть цѣль сама по себѣ, а какъ бы плата за трудъ. Онъ возстаетъ не противъ прибыли какъ таковой, а лишь противъ ничѣмъ не ограниченной погони за наживой. Но тогда возникаетъ вопросъ: гдѣ же естественные предѣлы прибыли? Ѳома Аквинскій даетъ и на это отвѣтъ, говоря, что доходы каждаго должны опредѣляться его сословнымъ положеніемъ, должны дать ему возможность вести приличествующій данному сословію образъ жизни. Этимъ самымъ устраняется прежнее ученіе о равенствѣ всѣхъ; исходной точкой становится реальная жизнь средневѣковаго періода съ ея сословными перегородками. „Подняться выше своего сословія грѣшно, ибо раздѣленіе на сословія установлено Богомъ“. И дру-

[1]) См. Hundeshagen. Schriften und Abhandl. I. Glaser. Die Franziskanische Bewegung. Münch. volkswirtsch. Abhandl. 1903.

гіе канонисты исходятъ изъ существованія „дохода, необходимаго для пропитанія сообразно съ состояніемъ даннаго лица“.

Отсюда не трудно вывести и то, какова должна быть цѣна, „справедливая цѣна“. Это та цѣна, которая соотвѣтствуетъ расходамъ продавца съ прибавленіемъ приличествующаго его состоянію дохода. При этомъ, по ученію Ѳомы Аквинскаго, цѣна можетъ быть повышена, если вещь была до продажи улучшена, или когда въ другомъ мѣстѣ и въ другое время цѣны стояли иныя, или, наконецъ, если продавецъ при доставкѣ товара изъ одного мѣста въ другое подвергался риску. Въ каждый данный моментъ существуетъ въ данной мѣстности одна лишь справедливая цѣна, и цѣны не должны поэтому измѣняться въ зависимости отъ внезапныхъ колебаній спроса и предложенія. Съ цѣлью обезпеченія справедливой цѣны, канонисты рекомендуютъ установленіе властями обязательныхъ таксъ на различные предметы.

Исходной точкой въ канонической доктринѣ поздняго средневѣковья является, какъ видно изъ приведеннаго, городское хозяйство; совершенство замкнутаго городского хозяйства состоитъ и въ томъ, что оно возможно меньше пользуется услугами торговли, и въ томъ, что каждый, благодаря заботамъ управителей, въ состояніи добывать соотвѣтствующій его сословному положенію доходъ [1]). Но въ то же время, допуская измѣненіе цѣнъ, въ зависимости отъ риска, отъ измѣненія ихъ въ другихъ мѣстностяхъ и т. д., каноническая доктрина имѣетъ въ виду не только ремесленника, сбывающаго свои товары на городскомъ рынкѣ, гдѣ колебанія цѣнъ не могутъ быть значительны, но и купца въ междугородской и международной торговлѣ, гдѣ цѣны подвержены гораздо болѣе рѣзкимъ измѣненіямъ.

См., напр., Henrici a Gandavo Aurea Quodibeta (конца XIII ст.), гдѣ субъективные моменты при установленіи цѣны широко принимаются во вниманіе. Исходя изъ того основного положенія, что продавать предметъ дороже, нежели за него заплачено, можно лишь въ томъ случаѣ, если произведены измѣненія въ товарѣ, Генрихъ изъ Гента толкуетъ, однако, эти слова Златоуста въ томъ смыслѣ, что не только измѣненіе вслѣдствіе труда, но и всякое иное допускаетъ повышеніе цѣны. Послѣднее характерно въ смыслѣ указанія, какъ старая доктрина приспособилась къ новымъ условіямъ жизни. Эти измѣненія могутъ быть троякаго рода: во-1-хъ, ratione loci—если кто-либо перевозитъ товаръ изъ мѣста, гдѣ онъ имѣется въ избыткѣ, туда, гдѣ онъ составляетъ рѣдкость, то цѣнность товара, вслѣдствіе измѣненія въ мѣстѣ, возрастаетъ; во-2-хъ, ratione temporis—если кто-либо, пріобрѣтя товары въ то время, когда они дешевы, продаетъ ихъ тогда, когда они дороги, онъ можетъ ихъ продать дороже, чѣмъ купилъ, ибо цѣнность ихъ, вслѣдствіе сохраненія, за это время возросла; въ-3-хъ, ratione ementis—если кто-либо, будучи знатокомъ данныхъ товаровъ, покупаетъ наиболѣе цѣнные изъ нихъ, то онъ вправѣ ихъ немедленно же продать дороже.

Измѣнилось, наконецъ, и ученіе о ростѣ. Конечно, основное положеніе запрещенности ссуднаго процента сохранилось, но въ него была внесена существенная поправка. Различалось вознагражденіе—ссудный процентъ—

---

[1]) Какъ указываетъ Мауренбрехеръ (Thomas von Aquinos Stellung zum Wirtschaftsleben seiner Zeit. T. I. 1898), Ѳома Аквинскій настолько проникнутъ представленіемъ о замкнутомъ городскомъ хозяйствѣ, что и пребываніе въ городѣ онъ считаетъ естественнымъ и сожалѣетъ людей, которые, вслѣдствіе случайности или какого-либо несчастія, вынуждены жить внѣ города.

двоякаго рода: за понесеніе убытка (domnum emergens), вслѣдствіе несвоевременной уплаты долга, и за неполученіе прибыли (lucrum cessans), вслѣдствіе отдачи денегъ въ ссуду. Послѣдняго Ѳома Аквинскій не допускалъ, ибо „человѣкъ не долженъ продавать того, чего онъ не получилъ", да и многое могло помѣшать ему получить. И впослѣдствіи, хотя и указывалось на то, что заимодавецъ могъ бы помѣстить свои деньги въ торговлѣ и извлечь изъ нихъ прибыль, все же въ средніе вѣка этотъ аргументъ (lucrum cessans) какъ оправданіе ссуднаго процента, не признавался канонической доктриной. Но тотъ же Ѳома Аквинскій допускалъ, что „лицо, дающее взаймы, можетъ, не совершая грѣха, договориться съ должникомъ о полученіи вознагражденія за убытокъ (damnum emergens"). Это не будетъ продажей пользованія деньгами, т. е. ростовщичествомъ, а лишь „средствомъ избѣжать убытковъ". На основаніи этого и создалось ученіе о томъ, что заимодавецъ вправѣ требовать отъ должника вознагражденія за убытокъ, понесенный имъ отъ несвоевременной уплаты долга, и такъ какъ убытокъ этотъ возрасталъ съ увеличеніемъ просрочки, то опредѣленная пеня могла замѣняться процентами въ зависимости отъ времени просрочки. При такихъ условіяхъ всякій могъ со спокойной совѣстью взимать проценты. Необходимо было лишь при заключеніи договора выговорить себѣ краткій срокъ уплаты, къ которому должникъ не въ состояніи былъ вернуть ссуду,—за это время процентовъ нельзя было взимать—а затѣмъ прибавить, что, въ случаѣ неуплаты къ сроку, должникъ обязанъ вознаградить кредитора за понесенные имъ убытки въ размѣрѣ столькихъ-то процентовъ—обыкновенно 60 на сто въ годъ.

Примѣръ долгового обязательства. Всѣмъ, кто прочтетъ настоящій документъ, привѣтъ въ Господѣ. Да будетъ извѣстно, что мы получили въ Лондонѣ отъ... сто четыре марки настоящими, законными стерлингами. Вышеозначенныя марки мы обѣщаемъ сполна возвратить и уплатить вышеозначеннымъ купцамъ или ихъ довѣренному, который представитъ настоящее письмо 1-го августа въ New Temple въ Лондонѣ, съ тѣмъ, однако, условіемъ, что, если эти деньги не будутъ уплачены въ означенномъ мѣстѣ и въ означенное время, то, по истеченіи указаннаго срока, мы обѣщаемъ платить имъ каждые два мѣсяца по одной маркѣ съ каждыхъ десяти марокъ въ вознагражденіе за убытки, которые они вслѣдствіе этого могутъ понести (pro recompensatione damnorum); такъ что убытки и расходы, а также капиталъ могутъ быть взысканы вмѣстѣ съ издержками на содержаніе одного купца съ лошадью и съ однимъ слугою за все время до полной уплаты вышеозначеннаго... И за вышесказанное мы согласны отвѣчать гдѣ бы то ни было и передъ всякимъ трибуналомъ. отказываясь за себя и за нашихъ преемниковъ отъ всякой защиты каноническаго или гражданскаго права, индульгенцій, привилегій и т. д.

Если каноническая доктрина приспособилась къ хозяйственной жизни, то все же она, идя навстрѣчу дѣйствительности, устанавливала извѣстныя стѣсненія. Она не допускала высокой прибыли въ торговлѣ, требовала установленія властями цѣнъ (таксъ) на товары, запрещала взиманіе роста при отсутствіи просрочки и т. д. На практикѣ, однако, и эти ограниченія не имѣли значенія, и каноническая доктрина оказала свое вліяніе лишь въ томъ смыслѣ, что создались различные институты торговаго права, извѣстныя формы, посредствомъ которыхъ обходились ея запрещенія [1]). Таксы,

[1]) Напр., договоръ бодмереи: ссуда подъ обезпеченіе судна или находящихся на немъ товаровъ съ уплатой процента въ случаѣ благополучнаго возвращенія (взамѣнъ простой ссуды подъ проценты).

т. е. максимальныя цѣны на различные предметы, правда, устанавливались городскими властями въ средніе вѣка; нерѣдко точно вычислялись при опредѣленіи ихъ издержки производителя, къ которымъ прибавлялся соотвѣтствующій его состоянію доходъ,—т. е. выполнялось то, чего требовало каноническое ученіе. Однако, устанавливались такія максимальныя таксы лишь на нѣкоторые предметы, преимущественно на съѣстные припасы; въ отношеніи же промышленныхъ издѣлій существовали, наоборотъ, минимальныя таксы, которыя устанавливались различными цехами въ ихъ интересахъ въ видѣ запрещенія членамъ цеха продавать ниже опредѣленной цѣны. Да и максимальныя таксы, поскольку онѣ имѣлись, въ особенности таксы на хлѣбъ, мясо, рѣдко соблюдались на практикѣ, большей же частью совершенно игнорировались [1]).

Въ связи съ этимъ и прибыль при продажѣ товаровъ далеко не всегда соотвѣтствовала требованіямъ канонической доктрины, какъ это можно усмотрѣть изъ того, что ремесленники нерѣдко достигали значительнаго благосостоянія и богатства [2]). Еще меньше прибыль соотвѣтствовала канонической доктринѣ въ области торговли. По вычисленіямъ Дорена, сбытъ англійской шерсти во Флоренціи доставлялъ 75—90 проц. чистой прибыли. Въ торговлѣ между Брюгге и Венеціей разница между покупными и продажными цѣнами, за вычетомъ издержекъ, равнялась 100—200 проц. А венеціанскіе купцы по занятымъ капиталамъ выплачивали 25—50 проц. за срокъ данной экспедиціи (2—3 мѣсяца), что даетъ представленіе о выручаемой ими прибыли [3]). Вообще, и въ области ремесла, и въ сферѣ торговли господствовало то стремленіе къ наживѣ, которое такъ порицала церковь и противъ котораго боролась—безрезультатно—средневѣковая каноническая доктрина.

Что касается взиманія процента, то лица, дававшія деньги въ ростъ, несомнѣнно сознавали грѣховность своихъ поступковъ. Не одинъ торговецъ, мучимый совѣстью, на смертномъ одрѣ дѣлалъ распоряженіе о возвращеніи полученныхъ за ссуду денегъ своимъ должникамъ или о раздачѣ денегъ бѣднымъ pro eo quod fuisset ab eo indebite extortum и даже отказывалъ все свое имущество церкви. Различнымъ благотворительнымъ ассоціаціямъ было дано папой разрѣшеніе принимать пріобрѣтенныя такимъ образомъ деньги. Крупные банкиры, съ цѣлью избѣжать гнѣва церкви и въ заботахъ о душѣ своей, отчисляли ежегодно извѣстную часть доходовъ въ пользу монастырей, монашескихъ орденовъ и иныхъ духовныхъ учрежденій. Запрещеніе взиманія процента приводило далѣе къ тому, что кредитныя сдѣлки нерѣдко замѣнялись участіемъ въ прибыляхъ торговаго дома, и съ этой цѣлью учреждалось товарищество, въ которомъ капиталистъ и предприниматель являлись участниками, дѣлившими вырученную прибыль на извѣстныхъ условіяхъ [4]). Въ другихъ случаяхъ, однако, запрещеніе просто обходилось посредствомъ заключенія сдѣлки на различную монету: въ этомъ случаѣ процентъ принималъ форму разницы, выручаемой на курсѣ монеты. Но торговцы шли и дальше и брали проценты, не указывая ихъ лишь въ

[1]) См. выше, стр. 135.
[2]) См. выше, стр. 119.
[3]) См. мою Эвол. прпб., т. I. 223—237.
[4]) См. выше, стр. 189.

долговомъ документѣ, а обозначая сумму обязательства большую, нежели та, которая была дѣйствительно дана. Наконецъ, нерѣдко и къ замаскированію процента не прибѣгали, а прямо опредѣляли его, называя лишь не ростомъ, а „подаркомъ“ (donum) за принятые на себя кредиторомъ расходы; называли „вознагражденіемъ за оказанныя имъ услуги (recompensatio utilium serviciorum) и за понесенные имъ труды“, какъ выражались короли англійскіе, неаполитанскіе и др. при уплатѣ процента итальянскимъ банкирамъ. Говорили и о процентахъ за промедленіе; наиболѣе рѣшительные прямо выговаривали себѣ „usurae“ (ростъ). Даже магистры Тевтонскаго ордена, давая капиталы ордена въ ссуду, требовали отъ должника ежегодной уплаты „Zinsen“: tenetur 20 marc, do sal her uns von czinsen alle jar 2 marc uff weynachten, т. е. получилъ 20 марокъ, за которые обязанъ намъ платить ежегодно на Рождество двѣ марки процентовъ.

Каноническая доктрина, такимъ образомъ, обнаруживала свое вліяніе преимущественно въ видѣ различнаго рода обходовъ, которыми прикрывались ссудныя операціи. Устранить же уплату процентовъ церковь тѣмъ менѣе могла, что сама же она въ лицѣ римской куріи платила проценты флорентинскимъ банкирамъ, у которыхъ заключала займы; а отдѣльные ея представители, занимавшіеся банковыми операціями, въ особенности монашескіе ордена, получали проценты за выданныя ссуды. Даже учреждаемыя церковью съ половины XV ст. въ общественныхъ интересахъ кредитныя учрежденія—montes pietatis,—которыя должны были освободить населеніе отъ ига ростовщиковъ, брали при выдачѣ ссудъ 8—15 проц., т. е. большую сумму, чѣмъ они уплачивали за вклады. При такихъ условіяхъ не приходится удивляться тому, что итальянскіе купцы прямо говорятъ объ обычномъ въ ихъ отечествѣ процентѣ. Леонардо Пизано (въ началѣ XIII ст.) въ своемъ учебникѣ приводитъ задачи по вычисленію процентовъ: нѣкто отдалъ сто фунтовъ подъ проценты въ 4 динарія съ фунта въ мѣсяцъ подъ залогъ дома, т. е. за 20 проц. въ годъ; точно также землевладѣльцы, горожане, города даютъ деньги въ ростъ. Даже св. Иветта (въ XIII ст.) ради своихъ дѣтей разрѣшила отцу отдавать ея имущество подъ проценты; и лѣтописцы, сообщая объ этомъ, оправдываютъ ея поступокъ тѣмъ—это особенно характерно—что въ тѣ времена это не считалось грѣховнымъ и многіе достойные люди поступали такимъ же образомъ.

При такихъ условіяхъ, разъ не только евреи и т. наз. ломбарды, т. е. итальянцы, занимались „ростовщичествомъ“, и объясненіе многократныхъ изгнаній тѣхъ и другихъ изъ различныхъ городовъ и странъ тѣмъ, что они эксплоатировали населеніе, не выдерживаетъ критики. Избіенія евреевъ были выгодны, какъ для ихъ должниковъ, освобождавшихся такимъ путемъ отъ обязанности платежа долговъ, такъ и для королей и князей, присваивавшихъ себѣ имущество убитыхъ и изгнанныхъ: иногда представитель короля уже заранѣе объявлялъ на случай, если произойдетъ нападеніе на евреевъ, все ихъ имущество принадлежащимъ королю. Та же цѣль достигалась, впрочемъ, простымъ признаніемъ притязаній евреевъ по долгамъ недѣйствительными, какъ это сдѣлалъ, напр., императоръ Венцель (Вячеславъ) въ 1389 г. (знаменитая Schuldentilgung): капиталъ и проценты не подлежали взысканію, евреи же должны были вернуть полученные въ залогъ предметы; за это императоръ получалъ отъ должниковъ 15 проц. съ той суммы, которую они задолжали евреямъ [1]). Подобная же ликви-

[1]) См. Süssmann. Die Judenschuldentilgung unter König Wenzel. 1907.

дація долговъ имѣла мѣсто во Франціи въ 1227 г., 1234 г., въ Англіи при Іоаннѣ Безземельномъ и т. д. Еще болѣе выгодны, однако, были эти насилія для лицъ, занимавшихся ссудными операціями и освобождавшихся такимъ путемъ отъ непріятныхъ конкуррентовъ; изъ Англіи евреи были изгнаны въ 1290 г. почти одновременно съ предоставленіемъ брату короля герцогу Ричарду Корнуэльскому исключительной привилегіи на производство ссудныхъ операцій. Велика была вражда и къ итальянскимъ банкирамъ. Несмотря на то, что папа называлъ ломбардовъ „сыновьями церкви", своими „купцами и банкирами", въ Англіи производились неоднократныя нападенія на ломбардовъ, во Франціи ломбарды и кагорцы были изгнаны въ 1268 г.; епископъ оснабрюкскій запрещаетъ имъ селиться въ своемъ княжествѣ, герцогъ брабантскій въ своемъ завѣщаніи 1261 г. опредѣляетъ изгнаніе кагорцевъ; въ Швейцаріи и въ ганзейскихъ городахъ они вовсе не допускаются. Однако, по своему характеру эта вражда къ евреямъ и ломбардамъ нисколько не отличается отъ той междуплеменной вражды, которая составляетъ характерную черту средневѣковья и которая обнаруживается вездѣ и повсюду въ отношеніи иностранцевъ, въ особенности торговцевъ, какъ товарами, такъ и деньгами. Достаточно обратиться для этого къ источникамъ ганзейской исторіи—избіенія ганзейцевъ въ Англіи, въ Нидерландахъ, Новгородѣ и нападенія съ ихъ стороны, въ свою очередь, на англійскія и фламандскія суда, на норвежцевъ, новгородцевъ являются обычнымъ явленіемъ [1]) и даютъ столь же кровавую картину, какъ насилія, производимыя итальянцами на Востокѣ, какъ кровопролитная борьба итальянскихъ городовъ—Венеціи, Генуи, Пизы и т. д. [2]) между собою на Средиземномъ морѣ, въ Италіи, въ левантійскихъ странахъ.

Будучи неосуществимо на практикѣ, запрещеніе ссуднаго процента давало должникамъ возможность избѣгать уплаты не только условнаго процента, но и самаго капитала, въ виду недѣйствительности сдѣлки; поэтому генуэзцы нерѣдко въ самый договоръ вносили оговорку о томъ, что должникъ отказывается оспаривать дѣйствительность его, ссылаясь на его ростовщическій характеръ. Королямъ эти запрещенія доставляли даже поводъ преслѣдовать своихъ кредиторовъ за ростовщичество, какъ сдѣлалъ, напр., Ричардъ II; это лишило его, впрочемъ, дальнѣйшаго кредита. Но въ то же время запрещенія роста, усиливая рискъ и суживая безъ того узкій кругъ лицъ, располагающихъ капиталомъ и въ то же время соглашающихся помѣстить его въ видѣ ссуды, приводили естественно къ установленію весьма высокаго заемнаго процента. На ярмаркахъ Шампани въ 1311 г. разрѣшенный ордонансомъ процентъ составлялъ 20 со ста; этотъ процентъ былъ, повидимому, господствующимъ въ XII—XIII ст. и въ Венеціи (de quinque sex per annum secundum usum patriae nostrae), и въ Генуѣ (de quatuor quinque—25 проц.), и во Флоренціи (его же приводитъ въ качествѣ обычнаго Леонардо Пизано), и въ Англіи. Въ другихъ случаяхъ, впрочемъ, даже въ торговомъ кредитѣ онъ составлялъ гораздо больше: 25—50 проц. (въ Венеціи) не въ годъ, а на время торговой экспедиціи, т. е. за 2—3

[1]) Норвежскій король жаловался на то, что ганзейскіе купцы, „по прибытіи въ Норвегію и по входѣ въ гавань, бьютъ, наносятъ раны и умерщвляютъ людей и тотчасъ же отплываютъ, не заботясь объ отвѣтѣ предъ Богомъ и королемъ, ни объ удовлетвореніи пострадавшихъ. Гдѣ они пристанутъ съ судами, тамъ разрушаютъ дома королевскіе и частныхъ лицъ, жгутъ ихъ безъ всякаго основанія, къ великому вреду и поношенію короля и многихъ другихъ". Съ другой стороны, въ теченіе сравнительно небольшого періода съ 1288 г. по 1335 г. русскіе награбили у ганзейцевъ товаровъ на 7.600 мар. и убили 15 человѣкъ; въ 1436 г. ганзейцы вынуждены были перенести свою контору въ Антверпенъ, вслѣдствіе умерщвленія фламандцами большого количества нѣмецкихъ купцовъ въ гавани Брюгге-Слюисѣ.

[2]) См. выше, стр. 155, 158. и др.

мѣсяца; во Флоренціи онъ равнялся отъ 20—30 проц. въ годъ до 218—266$^{2}/_{3}$ проц. Съ переселеніемъ туда евреевъ процентъ для нихъ пониженъ былъ сначала до 20, а затѣмъ и до 15. Въ различныхъ городахъ Германіи и имъ и итальянцамъ (ломбардамъ) разрѣшено брать 21$^{2}/_{3}$, 32$^{1}/_{2}$ и даже 43$^{1}/_{3}$ проц., т. е. одинъ, полтора или два гелл. въ недѣлю съ фунта — отсюда эти неровныя цифры. Этотъ послѣдній процентъ (43$^{1}/_{3}$) Шульте считаетъ (въ потребительномъ кредитѣ) обычнымъ; иногда ломбарды берутъ 54,2 и 86$^{1}/_{2}$ и даже 216$^{2}/_{3}$ со ста (Гюлльманъ). Ломбардамъ населеніе предпочитало евреевъ [1]), ибо послѣдніе довольствовались нерѣдко болѣе низкими процентами и, въ случаѣ уплаты долга до срока, брали только за истекшее время, тогда какъ ломбарды требовали уплаты процентовъ за весь выговоренный срокъ.

---

[1]) См. мою ст. Warenhändler und Geldausleiher l. c., Ehrenberg. I. 66. Schanz. Engl. Handelspol. I. 551.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Новое время.

(Отъ открытія Америки до Французской Революціи).

Періодъ XVI—XVIII ст. характеризуется прежде всего объединеніемъ городовъ (съ прилежащими селами) въ болѣе крупныя территоріальныя единицы, охватывающія болѣе или менѣе значительныя части страны, а затѣмъ цѣлыя государства. Въ связи съ этимъ находится возникновеніе внутренней торговли, не только немногими предметами сырья, какъ въ средніе вѣка, но и различными промышленными издѣліями, возникновеніе междугородского обмѣна на протяженіи всей объединенной въ хозяйственномъ отношеніи территоріи. Нарождается промышленность, которая производитъ не для мѣстнаго только, а для болѣе обширнаго рынка, постепенно совпадающаго съ предѣлами государства. А вмѣстѣ съ тѣмъ та политика исключительности, которая составляетъ отличительную черту средневѣковаго города, переходитъ теперь на эти болѣе крупныя территоріальныя единицы. Создавая національную промышленность, содѣйствуя развитію внутренней торговли, государство вмѣстѣ съ тѣмъ—подобно городу въ средніе вѣка—замыкается въ своихъ границахъ, не допускаетъ привоза иностранныхъ (какъ прежде иногородныхъ) продуктовъ, или, по крайней мѣрѣ, сильно стѣсняетъ его.

Оно идетъ и за предѣлы своей территоріи и стремится къ развитію не только внутренней, но и внѣшней торговли, къ пріобрѣтенію колоній и исключительнаго права торговли съ другими странами. Оно вытѣсняетъ оттуда купцовъ иныхъ націй, тормозитъ всѣми силами развитіе торговли и судоходства другихъ народовъ. И это также не болѣе, какъ продолженіе прежней политики городовъ, перенесеніе ея лишь на болѣе широкую, національную почву. Однако, разница заключается не только въ послѣднемъ, но еще болѣе въ томъ, что въ средніе вѣка такую политику развивали лишь немногіе отдѣльные города, именно торговые центры, тогда какъ всѣ остальные города не стремились къ развитію своей торговли. Теперь же стремленіе къ торговому преобладанію, борьба изъ-за торговой монополіи является всеобщей; всѣ страны придерживаются не только промышленной, но и торговой политики въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. въ смыслѣ

содѣйствія развитію собственной внѣшней торговли, хотя и не всѣ достигаютъ одинаковыхъ успѣховъ въ этомъ направленіи.

Наконецъ, такой же характеръ пріобрѣтаетъ политика въ области сельскаго хозяйства и землевладѣнія. Мѣропріятія отдѣльныхъ феодаловъ въ ихъ помѣстьяхъ замѣняются постепенно все болѣе и болѣе обширными государственными постановленіями въ области аграрнаго строя, помѣстной организаціи и крестьянскихъ повинностей, землевладѣнія и землепользованія. И въ то же время покровительство сельскому хозяйству въ видѣ содѣйствія распространенію новыхъ культуръ и улучшенныхъ породъ скота, расширенію площади посѣвовъ и введенію болѣе раціональнаго хозяйства становится важнымъ пунктомъ программы государственной политики.

Термины: національное хозяйство и національная политика, слѣдовательно, наиболѣе правильно выражаютъ характерныя черты періода XVI—XVIII ст. Экономическая политика этой эпохи имѣетъ въ виду интересы страны, какъ цѣлаго; она осуществляется государствомъ; она выражается въ созданіи рынка, охватывающаго постепенно всю государственную территорію; она заключается въ рядѣ мѣропріятій, относящихся къ аграрному строю и сельскому хозяйству, промышленности, торговлѣ внутренней и внѣшней, путямъ и средствамъ сообщенія—на протяженіи всей страны или, по крайней мѣрѣ, значительныхъ частей ея.

Названіе меркантилизма или меркантильной системы, которымъ характеризуютъ нерѣдко хозяйственный строй этого періода, имѣетъ въ виду преимущественно именно эти государственныя мѣропріятія или государственную регламентацію въ области различныхъ отраслей хозяйства, которая должна создать національную торговлю и промышленность, развитое сельское хозяйство, улучшенные пути сообщенія, единую монету, мѣры и вѣсы и многое другое. Такъ мы понимаемъ въ настоящее время слово „меркантилизмъ"; прежнее представленіе, согласно которому меркантилизмъ заключался въ стремленіи къ привлеченію возможно большаго количества звонкой монеты въ страну, въ настоящее время уже оставлено. Но и правильно понимаемый терминъ меркантилизма все же выражаетъ лишь одну сторону: хозяйственной политики, упуская изъ виду второй моментъ—дѣйствительность, самый характеръ хозяйства, замѣну городского хозяйства національнымъ.

Съ особой точки зрѣнія разсматриваетъ экономическое развитіе XVI—XVIII ст. Марксъ, называя этотъ періодъ эпохой ранняго капитализма или первоначальнаго накопленія, въ отличіе отъ послѣдующей эпохи развитаго капитализма или капиталистическаго накопленія. Обозначая этимъ терминомъ фактъ развитія промышленности, работающей для болѣе обширнаго рынка, онъ въ особенности подчеркиваетъ соціальный моментъ: отдѣленіе капитала отъ труда, вслѣдствіе появленія особаго класса капиталистовъ-предпринимателей, съ одной стороны, и класса рабочихъ, съ другой стороны, возникновеніе, въ связи съ образованіемъ широкаго рынка, крупнаго капитала, какъ фонда, доставляющаго прибавочную цѣнность или прибыль. Но и въ этомъ опредѣленіи указывается лишь одна сторона происшедшаго въ хозяйственной жизни переворота.

*

Наконецъ, Бюхеръ называетъ періодъ XVI — XVIII ст. періодомъ народнаго хозяйства, гдѣ предметы проходятъ черезъ цѣлый рядъ хозяйствъ, прежде чѣмъ они отъ производителя доходятъ до потребителя. Хотя онъ и имѣетъ въ виду національный характеръ хозяйственнаго строя и экономической политики, но объединяетъ подъ этимъ терминомъ не только разсматриваемый періодъ, но и всю эпоху отъ XVI ст. до настоящаго времени. Между тѣмъ отъ періода національнаго или народнаго хозяйства XVI — XVIII ст. слѣдуетъ отличать послѣдующую эпоху международнаго или міровового хозяйства, когда экономическая жизнь выходитъ далеко за предѣлы отдѣльныхъ государствъ или націй.

I. Населеніе.—Общій характеръ потребленія.

Литература. Сочиненія о населеніи этой эпохи вообще. *Süssmilch. Die göttliche Ordnung in denen Veränderungen des menschlichen Geschlechts etc. 1742.* 4 изд. Baumann'a. 1775. *Moheau. Récherches et considérations sur la population de la France. 1778.* (Collection des Economistes etc.). *Dieterici. Ueber die Vermehrung der Bevölkerung seit dem Ende des 17. Jahrh. 1850* (Preuss. Akad. d. Wissensch.). *Levasseur. La population française.* Histoire de la population avant 1789. T. I. 1889. p. 188–288. T. II. 1891. L. I. II. passim, особ. p. 286 и сл. *Inama-Sternegg. Geschichte der Bevölkerungsbewegung.* Handwört. der Staatswiss.

Сочиненія, касающіяся отдѣльныхъ мѣстностей. *Mallet. Recherches historiques et statistiques sur la population de Génève* (1549—1833). 1837. (Annales d'hygiène publ. XVII). *Beloch. Bevölkerungsgeschichte der Republik Venedig* (отъ XV ст. до франц. революціи). Jahrb. für Nationaloekon. 1899. B. XVIII. *Salvioli. La colonizzazioni in Sicilia nei secoli XVI—XVII* (Vierteljahrsch. f. Sozial- und Wirtschaftsgesch. B. I.). *Roller. Die Einwohnerschaft der Stadt Durlach in ihren wirtschaftlichen und kulturgeschichtlichen Verhältnissen. 1907. Eheberg. Strassburgs Bevölkerungszahl seit Ende des 15. Jahrh.* (Jahrb. f. Nationaloekon. N. F. B. VII. VIII). *Gmelin. Bevölkerungsbewegung im Hallischen seit Mitte des XVI Jahrh.* (Allgem. statist. Archiv. B. VI. I. 1902). *Helbok. Bevölkerung der Stadt Bregenz vom 14. bis zum Beginne des 18. Jahrh. 1912. Burchardt. Demographie und Epidemiologie der Stadt Basel während der letzten drei Jahrhunderte. 1908. Его-же. Die Kinderzahl und jugendliche Sterblichkeit in früheren Jahrhunderten* (Zeitschr. für schweizer. Statistik. 1907. B. 43). *Hanauer. Der Gang der Sterblichkeit in Frankfurt a. M. vom Mittelalter bis zur Mitte des XIX Jahrh.* (Soziale Medicin und Hygiene. B. II. 1907). *Schmöller. Die preussische Einwanderung und ländliche Kolonisation des 17. und 18. Jahrh.* (Umrisse und Untersuchungen zur Verfassungs- Verwaltungs- und Wirtschaftsgeschichte). 1898. *Weiss. Histoire des réfugiés protestants en France.* 1885. *Sundbärg. Bevölkerungsstatistik Schwedens.* 1750—1900. XIV. Intern. Kongress. f. Hygiene u. Demogr. 1907. *Faust. Das Deutschtum in den Vereinigten Staaten in seiner geschichtlichen Entwicklung.* 1912.

Данныя о населеніи разсматриваемаго періода имѣются также въ слѣд. сочиненіяхъ: а) общихъ курсахъ политич. экономіи, статистики и т. д. *Conrad. Statistik. T. I.* (Grundris zum Studium der polit. Oekon. IV). *Rümelin. Statistik.* (Schoenberg. Handbuch der polit. Oekon. B. I). *John. Geschichte der Statistik. I.* 1884. p. 161 и сл. *Prinzing. Handbuch der medizinischen Statistik. 1906.* особ. p. 525 и сл. *Behre. Geschichte der Statistik in Brandenburg-Preussen,* особ. p. 151–207 (населеніе Пруссіи XVII—XVIII ст.); б) въ монографіяхъ по исторіи промышленности, торговли и т. д. этого періода: *Troeltsch. Die Calwer Zeughandlungskompagnie und ihre Arbeiter.* 1897. p. 394—430 (населеніе Вюртемберга въ XVII—XVIII ст.). *Bein. Die Industrie des sächsischen Voigtlandes.* B. II. 1884. p. 111 и сл., 207 и сл. (населеніе Фогтланда въ концѣ XVIII ст.). *Häbler. Die wirtschaftliche Blüte Spaniens im XVI. Jahrh. und ihr Verfall.* 1888. p. 144 и сл. (населеніе Испаніи въ XVI—XVII ст.). *Sée. Les classes rurales en Bretagne du XVI siècle à la Révolution.* 1906. p. 469—492. *Brutails. Economie rurale*

du Roussillon à la fin de l'ancien régime 1889. Ch. VI. Démographie. *Rogers. Six Centuries of Work and Wages.* гл. XII (населеніе Англіи въ XVI—XVII ст.). *Тойнби. Промышленный переворотъ въ Англіи въ XVIII ст.*, пер. подъ ред. А. И. Чупрова. 1897 (гл. о населеніи). *Mantoux. La révolution industrielle au XVIII siècle.* 1906. p. 349—376 (населеніе Англіи въ XVIII вѣкѣ), а также ук. выше (см. стр. 70-71) сочиненія объ эпидеміяхъ *Haeser'a, Sticker'a, Lersch'a* (Gesch. der Volkszeuchen. 1896). См. также мою ст.: *Josef Kulischer. Ueber die Ursachen des Uebergangs von der Handarbeit zur maschinellen Betriebsweise um die Wende des XVIII und in der ersten Hälfte des XIX Jahrh.* Schmoller's Jahrbuch für Gesetzgebung etc. 1906.

Относительно характера потребленія въ эту эпоху даетъ богатый матеріалъ замѣчательное сочиненіе *Franklin. La vie privée d'autrefois.* (Art et métiers, modes, moeurs, usages des Parisiens du XII au XVIII siècle. D'après des documents originaux ou inédits). Paris. 1887—1895 (рядъ томовъ), на которомъ основывается наше изложеніе. Кромѣ того цѣнный трудъ: *Alwin Schultz. Das häusliche Leben der europäischen Kulturvölker* (vom Mittelalter bis zur zweiten Hälfte des XVIII Jahrh. 1903). *Baudrillart. Histoire du luxe privé et public.* 1880. T. III. IV. *Sombart. Luxus und Kapitalismus. 1913. Macaulay. The History of England from the accession of James the Second* (Popular Edition. 1889. T. I. ch. 3)—описаніе англійской жизни въ 1685 году.

Относительно численности населенія въ различныхъ странахъ въ разсматриваемый періодъ имѣется нѣсколько больше свѣдѣній, чѣмъ о средневѣковой эпохѣ. Впрочемъ, еще въ 1753 г. предложеніе произвести народную перепись было отвергнуто англійскимъ парламентомъ, ибо перепись „обнаружила бы врагамъ Англіи ея слабость и обозначала бы полную гибель послѣднихъ остатковъ англійской свободы“. Неужели же — восклицаетъ одинъ изъ членовъ парламента — найдется хоть одно человѣческое существо, столь смѣлое и столь безстыдное, чтобы сдѣлать подобное предложеніе! При отсутствіи достовѣрныхъ цифръ неудивительно, что дѣлались самыя противорѣчивыя предположенія относительно численности населенія. Грегори Кингъ утверждалъ въ 1696 г., что населеніе Англіи удвоится—достигнетъ 11 милл.—въ 2300 г., на самомъ дѣлѣ уже въ 1906 г. насчитывалось $36^1/_2$ милл. Но онъ все же былъ оптимистомъ по сравненію съ Прайсомъ (въ 1773 г.) и многочисленными его сторонниками, находившими, что населеніе Англіи сокращается, что оно сократилось съ конца XVII вѣка. Все свидѣтельствуетъ, наоборотъ, о томъ, что, въ противоположность средневѣковому періоду, когда населеніе Англіи находилось въ стаціонарномъ состояніи (Роджерсъ находитъ и въ XIV ст. и въ XVI ст. тѣ-же $2^1/_2$ милл.), съ быстрымъ развитіемъ ея хозяйственной жизни начался и значительный ростъ населенія въ XVII вѣкѣ (по Роджерсу оно въ теченіе XVII ст. удвоилось), въ особенности же въ XVIII ст. Какъ видно изъ вычисленій Финлэзона—на основаніи данныхъ о крещеніяхъ и погребеніяхъ — населеніе возросло почти на милліонъ, или на 17 проц., въ теченіе первой половины XVIII ст. и на 3 милл., или болѣе 50 проц., во второй половинѣ вѣка (5,1 милл. въ 1700 г., 6 милл. въ 1750 г. и 9,18 милл. въ 1801 г.). При этомъ, подъ вліяніемъ развитія промышленности, измѣнилось распредѣленіе населенія между отдѣльными частями страны (Тойнби): съ 1700 по 1750 г. оно особенно возросло во вновь возникшихъ центрахъ хлопчатобумажной (Ланкаширъ) и каменноугольной индустріи (Дюргемъ и Нортумберлендъ), а также

въ районахъ производства металлическихъ и гончарныхъ издѣлій (Стаффордширъ, Уарвикширъ).

И во Франціи съ XVII вѣка замѣчается ростъ населенія; но религіозныя преслѣдованія, войны и голода снова прервали его — въ началѣ XVIII ст. было всего 18 милл.; и лишь ко времени революціи численность его населенія по Левассеру, достигла 26 милл. Въ Пруссіи политическій и экономическій подъемъ XVIII вѣка ярко выражается въ численности населенія. Оно удвоилось въ полъ-столѣтія съ 1688—1740 г.: въ 1688 г. насчитывалось 1,11 милл., въ 1715 г. 1,67 милл. и въ 1740 г. 2,38 милл.; и снова болѣе чѣмъ удвоилось въ царствованіе Фридриха Великаго — въ 1740 г. было 2,38 милл., въ 1786 г. 5,63 милл.

И въ другихъ мѣстностяхъ Германіи, послѣ сильнаго сокращенія населенія въ эпоху Тридцатилѣтней войны—по Рюмелину, на половину—замѣчается значительный ростъ населенія. Въ особенности въ Вюртембергѣ оно въ теченіе второй, половины XVII вѣка почти удвоилось, хотя все же не достигло той цифры, которая существовала наканунѣ 30-лѣтней войны; быстрый ростъ перваго 30-лѣтія XVIII ст. смѣнился, по Трельтшу, затѣмъ болѣе медленнымъ темпомъ, но къ концу XVIII вѣка оказалось 70 чел. на квадр. килом. вмѣсто 40 за 100 лѣтъ до того. Наоборотъ, на Пиренейскомъ полуостровѣ населеніе возрастаетъ лишь въ теченіе XVI вѣка—оно удваивается: 4,25 милл. насчитывалось въ началѣ XVI ст. и 8,4 милл. въ концѣ этого вѣка; это эпоха хозяйственнаго роста Испаніи. Въ слѣдующую эпоху, какъ видно изъ Геблера, населеніе Испаніи обнаруживаетъ уменьшеніе: въ 1723 г. было 5,8 милл., или почти на 3 милл. менѣе, чѣмъ въ 1594 г., результатъ дурного управленія страной, показатель застоя въ экономической жизни. Въ общемъ въ Европѣ въ XVIII вѣкѣ плотность населенія сильно увеличилась. Въ 1700 г. Англія имѣла менѣе 36, Нидерланды нѣсколько больше и только Франція 45 жит. (Вюртембергъ 40) на квадр. килом., Данія же и Шотландія всего 15—16. Сто лѣтъ спустя Англія и Нидерланды достигали 65, Вюртембергъ 72 и даже Саксонія 50 чел., а въ Пруссіи плотность населенія, будучи абсолютно невелика (30 чел.), успѣла возрости въ 2—$2^1/_2$ раза; въ Богеміи она также увеличилась съ 27 до 58 чел. на кв. кил.

Общее количество населенія увеличилось въ Европѣ съ 95 милл. въ 1600 г. до 130 милл. въ 1700 г. и до 178 милл. въ 1800 году.

Измѣнилось и соотношеніе между городскимъ и сельскимъ населеніемъ. Артуръ Юнгъ утверждалъ—преувеличивая—что въ цвѣтущихъ странахъ, какъ Англія, половина населенія живетъ въ городахъ, во Франціи же въ городахъ проживаетъ всего четвертая часть; по Лавуазье, Мого и Де-Помеллю, городское населеніе Франціи составляло также $^1/_3$ — $^1/_4$ всего населенія. Во всякомъ случаѣ, какъ видно изъ описаній Юнга, въ Англіи городская жизнь была гораздо болѣе развита, чѣмъ въ другихъ странахъ. Въ Вюртембергѣ городское населеніе не превышало $^1/_4$ всего населенія, въ Гессенѣ и Силезіи $^1/_5$; если въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Пруссіи оно доходило до 40 проц., то не столько вслѣдствіе роста городовъ, сколько по причинѣ существованія обширныхъ пустопорожнихъ сельскихъ мѣстностей. Англичанинъ Arbuthnot объясняетъ ростъ большихъ городовъ тремя причинами: наличностью торговли, парламента и „другихъ“ увеселеній, въ дѣйствительности имѣя въ виду одинъ Лондонъ. О послѣднемъ Гроунтъ въ 1662 г. писалъ, что голова—Лондонъ слишкомъ велика и могущественна для туловища—Англіи, и что населеніе его возрастаетъ втрое скорѣе, чѣмъ во всей остальной Англіи. Лондонъ, по Грегори Кингу, имѣлъ полъ-мил-

ліона населенія, по утвержденію Маколея, въ 17 разъ болѣе, чѣмъ Бристоль или Норвичъ. Въ концѣ XVIII ст. онъ сосредоточивалъ, по Эдену, $^{1}/_{10}$, по Юнгу, $^{1}/_{5}$ населенія Англіи. Изъ прочихъ городовъ всего нѣсколько имѣло 10 тыс. жителей [1]). Сто лѣтъ спустя, т. е. еще въ эпоху, предшествующую появленію машинъ, промышленные центры — Манчестеръ, Бирмингэмъ, Шефильдъ, Ливерпуль превратились изъ небольшихъ городовъ съ 4—5-тысячнымъ населеніемъ въ города съ 20 — 40 тыс. жителей; Бристоль имѣлъ даже 100 тыс. жителей. Однако, большими городами они и другія поселенія (Лидсъ, Галифаксъ, Норвичъ) стали лишь къ концу XVIII вѣка, когда прядильная машина и фабрика стала привлекать тысячи населенія изъ окрестныхъ селъ.

Во Франціи наканунѣ революціи насчитывалось около 80 городовъ съ числомъ жителей свыше 10 тыс. (сто лѣтъ спустя 255 городовъ), сосредоточивавшихъ около 2 милл. населенія (сто лѣтъ спустя $3^{1}/_{2}$ милл.)—среди нихъ на первомъ планѣ Парижъ съ 600 тыс. и Ліонъ съ 135 тыс. Вѣна и Римъ также имѣли въ XVIII вѣкѣ 150—200 тыс., нѣсколько меньше Венеція. Берлинъ же насчитывалъ еще въ srединѣ XVII вѣка менѣе 10 тыс. населенія, и лишь сто лѣтъ спустя оно достигло 100 тысячъ.

Въ отношеніи движенія населенія при сравненіи періода XVII—XVIII ст. съ XIX вѣкомъ получается значительная разница; и брачность, и рождаемость, и смертность были, повидимому, гораздо выше въ разсматриваемую эпоху, чѣмъ въ XIX вѣкѣ.

Брачность была въ XVIII вѣкѣ, повидимому, болѣе значительна, чѣмъ въ первой половинѣ XIX ст. и въ особенности въ концѣ XIX вѣка. Она составляла на тысячу жителей во Франціи во второй половинѣ XVIII в. 8,8 (въ Руссильонѣ 9) вмѣсто 7,9 во второй полонѣ XIX вѣка; въ Швеціи 8,9 въ 1771 — 1780 г.г. вмѣсто 6,0 въ 1896 — 1900 г.г.; въ Ольденбургѣ 10,0 въ 1760—69 г.г. вмѣсто 8,2 въ 1891 — 1909 г.г.; въ Пруссіи въ эпоху Фридриха Великаго и Зюсмильха 10,2 въ 20 курмаркскихъ городахъ и 9,2 въ 1056 курмаркскихъ селахъ, тогда какъ въ 1867—86 г.г. (въ Пруссіи вообще) 9,2 въ городахъ и 8 въ селахъ, и въ 1896—1900 г.г. 8,4.

Болѣе значительна была и рождаемость. Во Франціи во второй половинѣ XVIII ст. она равнялась на 1000 населенія 37—39 (въ Руссильонѣ 42), тогда какъ въ 1841—50 г.г. 27,4, а въ 1896—1900 г.г. 22,0; на одинъ бракъ приходилось во второй пол. XVIII ст. 4—$4^{1}/_{2}$ рожденій вмѣсто 3 въ концѣ XIX вѣка. Въ Швеціи на 1000 населенія рождалось въ 1750—60 г.г. 36,2, въ 1841—50 г.г. 31,1 а въ 1896—1900 г.г. 26,9; въ Ольденбургѣ въ 1760—69 г.г. 36,6; въ 1841—50 г.г. 30,5; въ 1891—1900 г.г. 35,2. Для Пруссіи имѣемъ слѣдующія цифры: по Кроме и Трельтшу, въ государствѣ вообще въ 1784—88 г.г. 40, тогда какъ въ 1896—1900 г.г. 38,1; въ Курмаркѣ, по Зюсмильху, $33^{1}/_{2}$ въ селахъ и 36 въ городахъ (Курмарки), съ исправленіемъ Вернике 40,5 и 41—42, въ герцогствѣ Магдебургскомъ 34,6 въ 1783—89 г.г. и 39 въ 1752—56 г.г. Почти та же цифра, какъ для Пруссіи, получается для Вюртемберга во второй половинѣ XVIII вѣка (1715—55=39,6, 1757—61=41, 1780—86=42—$42^{1}/_{2}$, 1794—99=41,2), тогда какъ въ 1887—91 г.г. 33,9 (въ 1879—88 г.г. 38,7). Зюсмильхъ устанавливаетъ рождаемость въ размѣрѣ 4 дѣтей на одинъ бракъ, что подтверждается вычисленіями Бере (для Пруссіи вообще въ 1688—1756 г.г. 3,9, въ 1757—1805 г.г. 4,6); въ Фойхтландѣ (Саксоніи) въ 1777—96 г.г. 4,6, въ городахъ въ 1782—91 всего 3,15—3,45 (Bein, Tab. VI). Изучивъ исторію одного базельскаго рода въ составѣ 1500 человѣкъ за 1550—1875 г.г., Альбрехтъ

[1]) Pepys, посѣтившій Бристоль въ 1668 г., былъ пораженъ тѣмъ, что въ этомъ городѣ, куда ни посмотришь, ничего кромѣ домовъ не видно; въ другихъ городахъ, кромѣ Лондона, онъ вездѣ находилъ поля и лѣса внутри города.

Буркгардтъ получилъ, что родившихся живыми приходилось на одинъ бракъ въ XVI ст. 9,6, въ XVII ст. 5,9, въ XVIII ст. 4,7 и въ XIX ст. 3,7, и далѣе, что въ XVI ст. не было бездѣтныхъ браковъ, въ XVII и XVIII ст. бездѣтные браки составляли 2 и 4 проц. всѣхъ браковъ, тогда какъ въ XIX ст. они равнялись 16 проц. [1]).

Еще болѣе значительный контрастъ получается въ отношеніи смертности. Послѣдняя равнялась во Франціи при Людовикѣ XVI 30—33 на 1000 населенія (въ 1841—58 г.г. 23,3, въ 1896—1900 г.г. 20,7); въ Швеціи въ 1751—70 г.г. 28,8 (мужчины) и 26,5 (женщины), въ 1841—60 г.г. 21,7 и 20,1 и въ 1891—98 г.г. 16,1 и 15, 9; въ Ольденбургѣ въ 1760—69 г.г. 29,7, въ 1841—60 г.г. 22,6 и въ 1891—1900 г.г. 20,5. Зюсмильхъ вычислилъ смертность (въ нормальные годы) въ большихъ городахъ въ 40 на тысячу населенія, въ городахъ вообще въ 33, въ сельскихъ мѣстностяхъ въ 26, въ странѣ вообще въ 28. Цифры эти слишкомъ благопріятны. Бере получилъ для Пруссіи 33,3 (1748—55 г.г.) и 29,2 (1765—86 г.г.), тогда какъ въ 1891—1900 г.г. она не превышала 24,6 (въ 1841—50 г.г., впрочемъ, 29,1). Въ Вюртембергѣ смертность составляла 31,7 въ 1749—55 г.г., 36,8 въ 1757—61 г.г. 26,3—28,0 въ 1780—85 г.г. и 34,6 въ 1794—99 г.г., вмѣсто 29,3 въ 1874—83 г.г. и 24,2 въ 1884—93 г.г.

Въ городахъ находимъ слѣдующія цифры смертности на тысячу населенія [2]).

Въ Лондонѣ.		Въ Парижѣ.	
(безъ мертворожденныхъ).			
1620—1643	70,0	1750—1759	34,5
1728—1757	52,0	1780—1789	33,3
1800—1810	29,0	1892—1901	20,8
1891—1900	19,1		

Въ Женевѣ. (вмѣстѣ съ мертворожд.).	
1551—1600	39,7
1601—1650	37,1
1651—1700	35,9
1701—1750	33,5
1751—1800	29,5
1851—1890	24,8

Въ Берлинѣ. (вм. съ мертворожд.).	
1721—1730	40,6
1731—1740	44,7
1741—1750	37,9
1751—1760	40,5
1761—1770	37,4
1771—1780	40,1
1781—1790	35,6
1791—1800	34,6
1891—1900	20,3

Во Франкфуртѣ-на-Майнѣ.	
1561—1600	51
1600—1650	68
1651—1700	45
1700—1800	34
1891—1900	17

Въ Базелѣ.	
1601—1670	33,6
1671—1740	21,9
1741—1800	24,3
1860—1900	19,6

Высокій коэффиціентъ смертности долженъ былъ наиболѣе отразиться на смертности дѣтей. Дѣйствительно, она была несравненно выше, чѣмъ въ настоящее время. Дѣтей рождалось много, но $^1/_3$—$^1/_5$ ихъ не выживала и одного года. Такъ, въ Лейпцигѣ умирало въ первомъ году изъ тысячи родившихся 355; въ Пруссіи, по Зюсмильху, 250, въ Швеціи 205, въ Бреславлѣ, по Галлею, 295, въ Женевѣ 260 въ XVI ст., 237 въ XVII ст. и 202 въ XVIII. ст., тогда какъ теперь умираетъ не болѣе $^1/_5$—$^1/_{10}$ (въ Швеціи 102, въ Пруссіи ок. 200). До десяти лѣтъ доживала всего половина населенія (во Франціи, по Дюпре де Сенъ-Мору, 490, по Дювиллару, 551; Галлей опредѣляетъ въ 495, Бауманъ въ 532,Варгентинъ въ 611), теперь доживаетъ $^3/_4$ населенія. По вычисленіямъ Буркгардта, въ Базелѣ въ XVII и XVIII ст. до 15 лѣтъ доживало 68 и 65 проц., тогда какъ въ XIX ст.—82 проц.

Некеръ указывалъ на то, что четверть всего населенія умираетъ ранѣе трехъ лѣтъ, другая четверть до 25 лѣтъ и третья четверть, не доживъ 50 лѣтъ. Это подтверждается вычисленіями Дювиллара и другихъ статистиковъ, составившихъ таблицы смертности. Черезъ полъ-столѣтія вымирало въ XVIII вѣкѣ $^3/_4$ даннаго поколѣнія. По Дюпре де Сенъ-Мору, до 50 лѣтъ доживало изъ 1000 чел. 242, по Прайсу 286, по Дювиллару 297, по Варгентину 385; до 25 лѣтъ доживало 419—482, по Бауману, Зюсмильху, Галлею, Дюпре, Прайсу, Дювиллару; по Керсебому, 550; теперь же черезъ 50 лѣтъ остается еще половина. Средняя продолжительность жизни не превышала (во Франціи) 25—27 лѣтъ, достигая въ настоящее время (тамъ же) 40 и болѣе.

---

[1]) Burkhardt. Zeitschr. fürschweiz. Statistik. 1907. II. 8.

[2]) Prinzing. Handb. der mediz. Stat. p. 529. Mallet. p. 51. Levasseur. II. p. 395.

Если взять продолжительные періоды и страну въ цѣломъ, то получится, что рождаемость превышала смертность, напр., въ Пруссіи на 30 проц. (и въ 1688—1766 г.г. и въ 1757—1805 г.г. на 100 умершихъ 130 рождающихся), въ саксонскомъ Фойхтландѣ на 28—50 проц. (въ 1782—91 г.г.), во Франціи же всего на $8^1/_2$ проц. (1086 рожденій на 1000 смертей). Но въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ (во Франціи: Бретань, Орлеане, Руссильонъ, Бургундія, Нормандія), въ особенности въ городахъ, гдѣ въ настоящее время смертность особенно низка, она, наоборотъ, была выше рождаемости. Поэтому и Галлей, и Бауманъ, и другіе статистики того времени находили, что дѣйствительную прибыль населенія надо искать въ деревняхъ, большіе же города только питаются приливомъ оттуда. Гроунтъ, по даннымъ XVII ст., указываетъ на то, что въ лондонскихъ спискахъ число умершихъ превышаетъ число крещеній и все же населеніе его непрерывно растетъ,—доказательство прилива изъ другихъ мѣстъ. По Зюсмильху, въ XVIII ст. въ Берлинѣ, Дрезденѣ, Аугсбургѣ на 100 умершихъ приходилось 96—85 родившихся, въ Вѣнѣ и Римѣ всего 80, въ Зальцбургѣ даже 78. На основаніи новѣйшихъ вычисленій Буркгардта, Ганауера и др., смертность во Франкфуртѣ-на-Майнѣ въ теченіе всего періода съ пол. XVI до конца XVIII ст. всегда (за исключеніемъ четырехъ десятилѣтій) превышаетъ рождаемость. Въ Базелѣ, гдѣ смертность была особенно низка, въ 1600—1740 г.г. умершихъ было меньше, чѣмъ родившихся, но въ 1740—1800 г.г. и здѣсь число смертей больше числа рожденій [1]).

Это прямо вытекало изъ санитарныхъ условій того времени: грязны были и люди, и дома, и улицы. Въ комнатахъ гнѣздились всевозможныя насѣкомыя, которыя въ особенности находили себѣ удобное мѣсто на трудно очищаемыхъ балдахинахъ, устраиваемыхъ надъ кроватями, именно, въ защиту отъ находившихся въ потолкѣ насѣкомыхъ; но они находились и въ платьѣ и на тѣлѣ. При описаніи спаленъ не упоминается еще въ первой половинѣ XVIII ст. ни объ умывальникахъ, ни о тазахъ, ни о полотенцахъ. Имѣлись лишь кувшины, изъ которыхъ лили немного воды на руки и слегка мочили лицо; французскимъ королямъ подавались по утрамъ мокрыя полотенца, которыми они обтирали лицо и руки. Блестящій дворъ Людовика XIV сильно бы потерялъ въ своемъ блескѣ при болѣе внимательномъ осмотрѣ его съ этой стороны; король самъ страдалъ отъ недостатка чистоты, и о людяхъ, вполнѣ чистыхъ, говорили какъ о явленіи исключительномъ и достойномъ особаго уваженія [2]) [3]).

[1]) Burrckhardt. Demographie und Epidemiologie der Stadt Basel 1601—1900. Hanauer. Der Gang der Sterblichkeit in Frankfurt a. M. Soz. Medicin und Hygiene. 1907. II.

[2]) См. Franklin. La vie privée d'autrefois. Les soins de toilette. 1887. p. 26—38. Alw. Schulz. Häusl. Leben. p. 140—1, 337. Ванны находимъ лишь у очень богатыхъ людей, остальные лишь отъ времени до времени посѣщали публичныя бани, но послѣднія часто служили распространителями заразныхъ болѣзней, и во многихъ городахъ ихъ совершенно закрывали.

[3]) По мнѣнію Зомбарта (Luxus und Kapitalismus. p. 68) на чистоту тѣла впервые стали обращать вниманіе придворныя куртизанки, и уже ихъ примѣру вынуждены были послѣдовать дамы изъ общества; матери даютъ совѣтъ дочерямъ мыться для себя или... для мужа.

Въ городахъ еще не было водопроводовъ; питьевая вода была негодна (въ Парижѣ еще въ XVIII ст.); въ городскихъ резервуарахъ находили трупы кошекъ и крысъ (въ Килѣ). Тротуаровъ также не было (въ Парижѣ они были устроены лишь въ 1782 г.), не было и мостовой, или она была такова, что лучше бы ея вовсе не было—какъ говорили жители силезскихъ городовъ еще въ началѣ XIX вѣка: она изобиловала пробоинами, куда легко проваливались люди и животныя съ повозками (въ Эрфуртѣ), а послѣ каждаго дождя улицы превращались въ непроходимыя болота (въ Амстердамѣ).

Хожденіе по скользкимъ улицамъ въ вечернюю пору при отсутствіи освѣщенія, являлось далеко не безопаснымъ. Магистратъ Бреславля еще къ концу XVIII ст. признавалъ, что публика рискуетъ сломать себѣ руки и ноги. Посреди улицы находились сточныя канавы, издававшія отвратительный запахъ и служившія очагомъ заразы (въ Лондонѣ). Ибо ретирады почти отсутствовали, и населеніе удовлетворяло свои потребности на дворѣ (и выбрасывало экскременты на улицу), въ небольшихъ городахъ это продѣлывалось даже посреди улицы; Лувръ, въ Испаніи даже королевскій дворецъ былъ совершенно загаженъ [1]).

Неудивительно, если Руссо называетъ города „пропастью, поглощающею человѣческій родъ. Люди не для того созданы,—говоритъ онъ—чтобы быть втиснутыми въ муравейники; болѣзни тѣла, какъ и болѣзни души, являются неизбѣжнымъ послѣдствіемъ слишкомъ большого стеченія людей". Напротивъ, деревня содѣйствуетъ, по мнѣнію Руссо, возрожденію расы.

Любопытныя данныя относительно состоянія Парижа въ гигіеническомъ отношеніи сообщаетъ Franklin въ одномъ изъ томовъ своего изслѣдованія „La vie privée d'autrefois" (l'Hygiène, Paris. 1890). Въ 1531 г. приказано было жителямъ Парижа устроить въ своихъ домахъ ретирады и выгребныя ямы, чтобы не пользоваться для тѣхъ же цѣлей улицами; но еще при Людовикѣ XIV только немногіе имѣли у себя ретирады, содержаніе которыхъ отъ времени до времени выбрасывалось въ садъ. Еще въ XVIII ст. нечистоты изъ плохо устроенныхъ выгребныхъ ямъ попадали въ сосѣдніе колодцы. Въ домахъ каждый разъ открывались окна и раздавался крикъ: „gare l'eau"; на невнимательнаго прохожаго, не слышавшаго предупрежденія или не успѣвшаго посторониться, выливалось содержимое ночной посуды или ведеръ съ экскрементами. Во всемъ Парижѣ не было мѣста, гдѣ проходящіе по улицѣ были бы гарантированы отъ подобныхъ неожиданностей и гдѣ не было бы невыносимаго запаха отъ выброшенныхъ такимъ образомъ на улицу нечистотъ. Только въ 1780 г. полиція запретила такой образъ дѣйствій. Отъ времени до времени приходилось очищать городъ; когда, вслѣдствіе непрекращающихся чумныхъ эпидемій, произведена была подобная очистка улицъ въ 1666 г., то въ честь ея не только слагались поэмы, но были чеканены двѣ медали на память объ этомъ чрезвычайно знаменательномъ историческомъ событіи. Не только улицами, но и публичными зданіями и даже церквами пользовались, въ виду отсутствія ретирадовъ, для удовлетворенія своихъ потребностей—на лѣстницахъ и балконахъ, за дверями валялись экскременты даже въ королевскомъ дворцѣ. Хотя еще Генрихъ III въ 1578 г. приказалъ каждое утро, прежде чѣмъ онъ встанетъ, очищать отъ этого залы его дворца, но и при Людовикѣ XIV во дворцахъ „запахъ былъ болѣе сильный, чѣмъ издаваемый розами, но вовсе не болѣе пріятный". Когда по случаю коронованія Людовика XVI устроенъ былъ въ реймскомъ соборѣ, гдѣ оно происходило, ретирадъ „à l'angloise", т. е. съ современными приспособле-

[1]) См. Franklin ук. соч. Macalay. History. Trautmann. Kiels Ratsverfassung und Ratswirtschaft vom Beginn des 17. Jahrh. 1909. p. 204 и сл. 222 и сл. Horn. Erfurts Stadtverfassung. p. 101. Gebauer. Breslaus kommunale Wirtschaft um die Wende des XVIII Jahrh. 1906. p. 178 и сл. Behre. p. 149.

ніями, гдѣ вода уноситъ нечистоты, то въ этомъ усматривали верхъ пресмыкательства, хотя эти приспособленія изобрѣтены были въ Англіи еще въ XVII ст. Только въ 1770 г. было ограничено погребеніе въ церквахъ, но и то оно не было совершенно запрещено, вслѣдствіе чего „испаренія отъ мертвыхъ убивали живыхъ“. Кладбище „des Innocents“ въ Парижѣ было такъ устроено, что въ прилежащихъ къ этой мѣстности домахъ припасы портились въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, вслѣдствіе исходившихъ оттуда испареній; оно свидѣтельствовало „о варварствѣ еще большемъ, чѣмъ у готтентотовъ или негровъ“ [1]).

При такихъ антисанитарныхъ условіяхъ—хотя врачи уже въ XVI ст. говорили о необходимости чистой воды и чистаго воздуха — нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что эпидеміи чумы [2]), тифа, оспы, кроваваго поноса, кори свирѣпствовали въ городахъ и вызывали сильную смертность. Такое же вліяніе на смертность оказывали безконечныя войны [3]), равнымъ которымъ по опустошительности трудно найти въ исторіи. Войны вызывали усиленную смертность, вслѣдствіе существованія большого числа умершихъ отъ ранъ, какъ среди комбатантовъ (войска), такъ и среди прочаго населенія тѣхъ мѣстностей, которыя заняты были войсками; еще въ большей степени, однако, сильная смертность являлась послѣдствіемъ распространенія въ связи съ войнами различныхъ эпидемическихъ болѣзней. Послѣднія—какъ видно изъ Гезера, подробно разбирающаго этотъ вопросъ,—свирѣпствовали среди войска (въ особ. т. наз. „лагерный тифъ“), распространялись среди населенія данной мѣстности; нерѣдко эпидемія развивалась и дальше и охватывала обширныя пространства Европы, такъ что война являлась исходнымъ пунктомъ для возникновенія и роста различныхъ эпидемическихъ болѣзней. Вслѣдствіе этого, въ отдѣльные годы и цѣлыя десятилѣтія смертность даже въ странѣ, взятой въ цѣломъ, не покрывалась рождаемостью; напр., въ Германіи въ эпоху Тридцатилѣтней войны соотношеніе между умершими и родившимися составляло въ среднемъ 100:96,7; въ Вюртембергѣ въ 1634—39 г.г. населеніе, по Рюмелину, сокращалось ежегодно на 15,4 проц.

Въ XVI ст. во время осады французами Неаполя въ 1528 г., въ лагерѣ французовъ началась эпидемія тифа, которая уничтожила большую часть войска и самого командующаго; въ 70-хъ годахъ въ Нидерландахъ и въ осажденныхъ испанцами городахъ какъ, и среди испанскаго войска и далѣе за предѣлами театра войны постоянно свирѣпствовали различныя эпидеміи; дезинтерія же помѣшала истребленію испанцами голландскаго флота, ибо отъ нея погибъ адмиралъ и значительная часть флота. Въ Венгріи во время походовъ Максиміліана I противъ турокъ среди его войска (какъ и впослѣдствіи среди войска принца Евгенія въ 1717 г. и въ 1788—89 г.г.) распространилась т. наз.

[1]) Franklin. La vie privée d'autrefois. L'hygiène. p. 122 и сл. 133—143, 149—154. 168, 171, 176, 197—203.

[2]) Въ Восточной Пруссіи, по различнымъ вычисленіямъ, въ 1709—10 г.г. вымерло около третьей части населенія; въ Магдебургѣ въ 1709 г. населеніе, подъ вліяніемъ чумы, сократилось съ 8 до 5 тыс. чел., въ Данцигѣ въ этомъ году было 1836 родившихся и 24533 умершихъ, а вообще за періодъ 1601—1750 г.г. въ Данцигѣ число умершихъ составляло на 83 тыс. болѣе числа родившихся. Въ Лондонѣ, по словамъ Граунта, во время чумныхъ эпидемій 1603 и 1625 г.г. вымерло около $^1/_5$ населенія; однако тамъ же авторъ утверждаетъ, что благодаря приливу извнѣ въ теченіе двухъ лѣтъ послѣ чумы населеніе Лондона по общему правилу достигаетъ прежней цифры.

[3]) Во время Шведско-польской войны въ Восточной Пруссіи въ 1656 г. было сожжено 13 городовъ, 249 мѣстечекъ и селеній, убито 23 тыс. чел. и взято въ плѣнъ 34 тыс., въ Помераніи во время Семилѣтней войны населеніе уменьшилось на 10 проц.

венгерская болѣзнь, видъ тифозныхъ заболѣваній (мѣстные жители и турки отъ нея не страдали) и послѣ окончанія похода она была занесена распущенными по домамъ солдатами въ Германію, Богемію, Бельгію и Италію, распространилась даже въ Англіи. Еще сильнѣе свирѣпствовали различныя эпидемическія болѣзни въ первой половинѣ XVII ст., въ эпоху Тридцатилѣтней войны: цынга, кровавый поносъ и въ особ. тифъ распространились по всей охваченной огнемъ войны территоріи—Саксоніи, Вюртембергѣ, занятыхъ Валленштейномъ и Тилли, Помераніи и Мекленбургѣ, въ лагерѣ шведовъ подъ Нюрнбергомъ, въ Аугсбургѣ и Мюнхенѣ, въ Мекленбургѣ, гдѣ находились имперскія войска и шведы. Но не менѣе страдали и Нидерланды во время продолжительной борьбы съ Испаніей, Франція и Италія въ 1628—32 г.г. во время войны за Савойю, когда бѣглыя войска распространяли „лагерный“ тифъ. Наконецъ, въ то время, какъ въ большей части Европы во второй пол. XVII ст. эпидемическія болѣзни временно уменьшились, лагерная горячка вновь свирѣпствовала во время войны Людовика XIV въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя занимались французскими войсками. Въ XVIII ст. война за испанское наслѣдство и Сѣверная война (послѣ Полтавской битвы бѣглыя шведскія и польскія войска занесли чуму въ прибалтійскія мѣстности) вызвали эпидеміи чумы и тифа въ первыя два десятилѣтія; напротивъ, слѣдующее сравнительно спокойное двадцатилѣтіе свободно отъ нихъ: только силезскія войны снова вернули Европу къ прежнему состоянію, и эпоха 1750—75 г.г. полна ужаснѣйшихъ эпидемій, среди которыхъ на первомъ планѣ стоятъ эпидеміи во время Семилѣтней войны (всеобщее распространеніе ихъ въ 1757—64 г.г., начиная отъ простой маляріи до сильнѣйшихъ формъ тифозныхъ заболѣваній) и во время войны между Испаніей и Англіей (возвращавшіяся изъ Испаніи войска распространили дезинтерію и тифъ по всей Франціи). Наконецъ, послѣ нѣкотораго промежутка, настали революціонныя войны, а съ ними дезинтерія и тифъ во всей средней Европѣ вплоть до Италіи, гдѣ они косили и мѣстное населеніе и французскія войска [1]).

Тѣмъ не менѣе, какъ указываетъ тотъ же Гезеръ, все же періодъ XVI—XVIII ст. представляетъ собой, по сравненію со средневѣковой эпохой, извѣстный шагъ впередъ въ смыслѣ меньшаго распространенія эпидемическихъ болѣзней. Это вызывалось, съ одной стороны, нѣкоторымъ улучшеніемъ въ питаніи съ XVII ст.; среди среднихъ классовъ распространяется потребленіе вина, чая, кофе; голода составляютъ явленіе менѣе частое, чѣмъ прежде, качество потребляемаго хлѣба и другихъ продуктовъ нѣсколько улучшается. А, съ другой стороны, человѣческій организмъ успѣлъ постепенно приспособиться, его сопротивляемость усилилась. Наконецъ, въ самомъ леченіи болѣзней обнаружились успѣхи, въ особенности вслѣдствіе замѣны прежнихъ, совершенно непригодныхъ и даже прямо вредныхъ снадобій, новыми средствами. Такими новыми средствами являлись: опій, привозимый голландцами и англичанами изъ Индіи; ревень, экспортируемый изъ Америки чрезъ Россію, гдѣ торговля имъ была долго казенной монополией; ипекакуана, получаемая также изъ Америки. Наибольшее же значеніе имѣло употребленіе другого американскаго продукта — хинной коры. Хининъ стали употреблять съ половины XVII ст. во всевозможныхъ случаяхъ и въ чрезвычайно большихъ дозахъ, и онъ приносилъ громадную пользу [2]).

---

[1]) Haeser. Geschichte der Medicin. B. III, p. 349. 358. 363. 377—78. 399—401. 404—6. 454—57. 463—64. 478. 481—88. 494. 533—37.

[2]) Больницы, однако, еще и въ XVIII ст. представляли ужасное зрѣлище и неудивительно, что населеніе ихъ избѣгало. См. Franklin. L'hygiène. p. 177—92.

Дѣйствительно, въ XVII ст. исчезаетъ проказа [1]; въ Италіи это происходитъ уже съ конца XV вѣка, вслѣдствіе болѣе ранняго культурнаго развитія этой страны. Сифилисъ, послѣ періода страшнаго усиленія въ концѣ XV и началѣ XVI ст., теряетъ свой эпидемическій характеръ и вызываетъ съ XVI ст. нѣкоторый прогрессъ въ сферѣ половой нравственности. Въ XVIII ст. уменьшаются эпидеміи кроваваго поноса, до того производившія огромное опустошеніе среди населенія. Наконецъ, еще болѣе важное событіе составляетъ постепенное уменьшеніе чумныхъ эпидемій и сокращеніе смертности отъ чумы уже съ XVI ст. Чума, повидимому, замѣняется болѣе слабой формой—„петехіальнымъ" (т. е. чумнымъ—отъ сл. pestis) тифомъ, появленіе котораго прямо разсматривали, какъ болѣе слабую форму чумныхъ заболѣваній. Но все же лишь въ XVIII ст. чума перестаетъ быть наиболѣе важной изъ эпидемическихъ болѣзней—по своему значенію она теперь отступаетъ на задній планъ [2]).

Переселеніе изъ селъ въ города, вслѣдствіе хроническаго превышенія смертности въ нихъ надъ рождаемостью (въ Данцигѣ, напр., въ періодъ 1601—1750 г.г. умерло на $82^1/_2$ тыс. болѣе, чѣмъ родилось), являлось необходимостью; но и для многихъ странъ привлеченіе переселенцевъ и во всякомъ случаѣ недопущеніе эмиграціи собственнаго населенія составляло вопросъ ихъ существованія. Въ Баденѣ, Саксоніи, Австріи, Савоѣ, Польшѣ и др. странахъ правительство всѣми силами старалось воспрепятствовать выселенію жителей, заключало даже съ другими правительствами соглашенія о взаимной выдачѣ бѣглыхъ подданныхъ, хотя эти постановленія и договоры рѣдко приводили къ цѣли. Весьма строго эти запрещенія проводились въ отношеніи промышленниковъ, которые не должны были распространять новыхъ изобрѣтеній и отраслей промышленности въ другихъ странахъ: поэтому, напр., въ Бельгіи (въ 1698 г.) запрещена была эмиграція кружевниковъ, въ Австріи стекольщиковъ (богемскихъ), въ Пруссіи при Фридрихѣ Вел. чулочниковъ. Въ случаѣ невыполненія требованія вернуться, посылались (напр., въ Венеціи) люди, которые должны были убить (отравить) мастера, сообщившаго свое искусство другимъ странамъ. Одно уже подозрѣніе, что данный промышленникъ можетъ выселиться, влекло за собой обязанность внести залогъ; такое правило существовало, напр., въ Англіи въ отношеніи мастеровъ шерстяныхъ и металлическихъ издѣлій; съ 1750 г. оно было распространено на всѣ отрасли промышленности; агенты же, уговаривавшіе англичанина эмигрировать, подвергались наказанію въ 15 мѣс. тюрьмы и 300 ф. ст. штрафа [3]).

Тѣмъ не менѣе періодъ XVI—XVIII ст. представляетъ собою эпоху промышленной эмиграціи; благодаря многочисленнымъ переселеніямъ, въ различныхъ странахъ Европы распространились новыя, ранѣе неизвѣстныя отрасли производства. Въ XIV вѣкѣ въ особенности англійскіе протестанты

---

[1]) Даже въ Парижѣ, что, однако, нельзя приписать, какъ указываетъ Франкленъ (Lhygiéne. p. 104—50), улучшенію гигіеническихъ условій.

[2]) Haeser. p. B. Ш. 234 и сл. 299 и сл. 315—18. 347, 357. 376. 444—45. 559. 573—74, 584 88.

[3]) См. мою ст. Die Ursachen des Uebergangs von der Handarbeit zur maschinellen Betriebsweise. Schmollers Jahrbuch. 1906. p. 73 и сл.

во время преслѣдованій въ царствованіе Маріи, итальянцы (изъ Локарно), евреи, изгнанные изъ Испаніи, и голландцы во время господства Альбы выселялись въ другія страны. Итальянцы перенесли во Францію шелковую и зеркальную промышленность, фламандцы—кружевную, въ Германіи нидерландцы и евреи оживили торговлю (франкфуртская, лейпцигская ярмарки). Во второй половинѣ XVII ст. послѣ отмѣны Нантскаго эдикта начинается обширная эмиграція гугенотовъ изъ Франціи: выселилось ок. 50 тыс. семействъ, 290—300 тыс. чел. въ разныя страны Европы: въ Нидерланды (въ 1687 г. насчитывалось ок. 75 тыс. французовъ), Пруссію (въ 1720 г. ихъ было 17 тыс.), Австрію, Прирейнскія страны, Англію (въ концѣ XVII ст. въ Лондонѣ было ок. 60 тыс. гугенотовъ). Такія отрасли промышленности, какъ, напр., производство табачныхъ издѣлій, стекла, мыла, шелковыхъ тканей, тонкаго сукна и кожи, часовъ, лентъ (на новомъ станкѣ), какъ и новую чулковязальную машину — все это эти страны получили благодаря гугенотамъ. Во Франціи же, подъ вліяніемъ эмиграціи промышленнаго населенія, сократилась торговля Ліона и Марселя, бумажное производство Лимузена и Прованса; въ Реймсѣ половина станковъ осталась безъ работы, въ Туренѣ число шелковыхъ ткачей уменьшилось съ 40 до 4 тыс. Французская промышленность съ ея изящнымъ вкусомъ и красивыми издѣліями была создана итальянцами, прусская — гугенотами; Англія, прославившаяся на всю Европу своими шерстяными тканями, обязана была этому прежде всего голландцамъ и фламандцамъ. Періодическія переселенія послѣднихъ въ теченіе семи вѣковъ съ XI до XVIII вѣка доставили Англіи все — отъ перваго ознакомленія населенія съ производствомъ шерстяныхъ тканей до производства „new draperies", т. е. смѣшанныхъ съ шелкомъ и льномъ матерій, отличавшихся яркими цвѣтами и разнообразіемъ рисунка; это были тонкія ткани для высшаго общества и легкія издѣлія для сбыта въ тропическихъ странахъ (см. ниже, отд. III, гл. 5). Въ области мореплаванія и кораблестроенія, банковаго дѣла и биржевой техники, посѣва кормовыхъ травъ, даже производства хлопчатобумажныхъ матерій, которыя создали въ XIX вѣкѣ міровую индустрію Англіи, нидерландскіе переселенцы были ихъ учителями.

Въ Пруссію съ 1685 г. по 1805 г., благодаря вѣротерпимости (de laisser à chacun la liberté d'aller au ciel par quel chemin il lui plait, какъ говорилъ Фридрихъ Вел.), переселилось около 350 тысячъ колонистовъ, бѣжавшихъ преимущественно отъ преслѣдованій въ другихъ странахъ. Это были протестанты изъ Пфальца (7 тыс. чел. въ 1680 — 99 г.г.), архіепископства Зальцбургскаго (20 тыс. чел. въ 1732 г.), Швейцаріи (6—7 тыс.), Богеміи, въ особ. же французскіе гугеноты (ок. 20 тыс. чел.), а также нѣмцы изъ Вюртемберга [1]). Пруссія занялась планомѣрной колонизаціей, сопровождаемой выдачей пособій на дорогу и на устройство хозяйства, освобожденіемъ отъ податей на 2 — 15 лѣтъ, отъ пошлинъ и т. п., въ особенности же раздачей земли колонистамъ; огромное большинство ихъ составляли крестьяне, только гугеноты и нѣкоторые другіе поселились въ

[1]) Въ 50-хъ и 60-хъ г.г. XVIII вѣка изъ Вюртемберга эмигрировало вообще въ среднемъ свыше 2 тыс. чел. ежегодно или $^1/_2$ проц. населенія.

городахъ и занялись промыслами. Крестьяне были поселены отчасти въ Силезіи на помѣщичьихъ земляхъ, гдѣ землевладѣльцамъ выдавалось по 150 талер. за каждый вновь образованный крестьянскій дворъ, отчасти же и преимущественно на королевскихъ доменахъ въ Курмаркѣ (ок. 50 тыс.), Восточной Пруссіи—на пустовавшихъ или вновь расчищенныхъ земляхъ. По Бегаймъ-Шварцбаху, къ концу жизни Фридриха Вел. „приблизительно третья часть населенія или около милліона людей состояло изъ колонистовъ и потомковъ колонистовъ, поселившихся со времени великаго курфюрста въ Пруссіи“, изъ коихъ около 400 тыс. (285 тыс. переселилось) приходилось на эпоху Фридриха Вел. Въ эту же эпоху совершалась сильная эмиграція нѣмцевъ въ Венгрію (въ 1712 г. переселилось туда ок. 14 тыс., въ 1763—76 г.г. ок. 80 тыс.) и Польшу (пров. Познань); а съ другой стороны, происходило переселеніе французовъ, голландцевъ, въ особенности же англичанъ въ Америку. По вычисленіямъ Левассера, къ концу XVIII в. въ Америкѣ насчитывалось ок. $9^1/_2$ милл. европейскаго населенія; именно 6,7 милл. въ Сѣверной Америкѣ, изъ которыхъ $4^1/_2$ милл. приходилось на Соед. Штаты, и 2,7 милл. въ Южной Америкѣ; изъ нихъ 1,7 въ испанскихъ владѣніяхъ и почти 1 милл. въ Бразиліи.

Насколько измѣнился характеръ потребленія съѣстныхъ припасовъ, въ особ. мяса, и измѣнился ли онъ вообще, трудно сказать, за отсутствіемъ статистическихъ и иныхъ данныхъ. Маколей указываетъ лишь на то, что еще къ концу XVII ст., въ виду невозможности прокармливать скотъ въ теченіе зимы, приходилось убивать его въ большомъ количествѣ и солить мясо, такъ что въ теченіе многихъ мѣсяцевъ даже джентри не потребляли свѣжей животной пищи, за исключеніемъ дичи и рыбы. При Генрихѣ VII свѣжее мясо потреблялось лишь въ теченіе 2—3 мѣсяцевъ въ году, при Карлѣ II мясо солили только въ ноябрѣ. Тотъ же Маколей находитъ, что хлѣбъ былъ весьма плохъ, и въ концѣ XVII ст. арендаторы и торговцы потребляли хлѣбъ, одинъ видъ котораго вызвалъ бы теперь (въ половинѣ XIX ст.) волненія въ работномъ домѣ [1]).

Гораздо больше данныхъ имѣется о потребленіи напитковъ, о пьянствѣ въ эту эпоху. Лютеръ писалъ о томъ, что вся Германія „загублена пьянствомъ“ и что „нашъ нѣмецкій дьяволъ—добрая бочка вина, а имя ему пьянство“. „Мы, нѣмцы, пропиваемъ наше имущество, наше здоровье и самое царство небесное“—восклицаетъ другой реформаторъ, Меланхтонъ.

Не меньше пили и въ „старой веселой Англіи“ (old merry England): на дверяхъ кабаковъ были нарисованы вывѣски, приглашавшія выпить за самую малую сумму—одинъ пенни, съ увѣреніемъ, что за два пенни посѣтители будутъ мертвецки-пьяны и получатъ солому, на которой могутъ выспаться. Кабатчики, дѣйствительно, имѣли помѣщенія, куда провожали своихъ пьяныхъ гостей. Нѣмецкій солдатъ—пьяница, испанскій—воръ, говорилъ Карлъ V. Но не лучше дѣло обстояло въ этомъ отношеніи и среди другихъ слоевъ населенія. И Людовикъ XV и Филиппъ Орлеанскій (регентъ) имѣли обыкновеніе весьма часто напиваться до-пьяна. За обѣдомъ послѣдняго дѣло всегда кончалось тѣмъ, что гости не въ состояніи были ни говорить, ни слушать другого, и

[1]) Macaulay. History. I. p. 179—181.

часто ихъ приходилось уносить, такъ какъ ходить они уже не могли. Охотно напивались и придворныя дамы, пожилыя и молодыя, дочери старались превзойти матерей. Врачи еще въ XVII ст. серьезно обсуждали вопросъ о томъ, полезно ли отъ времени до времени предаваться пьянству (темы парижскаго медицинскаго факультета въ 1643, 1658, 1665 г.г.: An singulis mensibus repetita semel ebrietas salubris? An curandae quartanae conveniat ebrietas?), и многие изъ нихъ находили полезнымъ напиваться до пьяна разъ или два въ мѣсяцъ для того, чтобы желудочныя силы не уменьшались [1]).

Среди городского населенія въ эту эпоху сильно распространяется потребленіе различныхъ пряностей—перца, мускатнаго орѣха, корицы, гвоздики, которые прежде составляли рѣдкость. Теперь, съ открытіемъ морского пути въ Индію, они стали дешевле и доступнѣе; кромѣ того, ихъ стали разводить и въ другихъ мѣстахъ, въ особенности на Антильскихъ островахъ. По той же причинѣ гораздо болѣе доступнымъ становится тростниковый сахаръ (свекловичнаго еще не было). Состоятельные слои населенія потребляютъ теперь и новые колоніальные товары—кофе, чай, какао, табакъ.

Ранѣе всего, уже въ XVI ст. распространяется потребленіе сахара; въ высшемъ обществѣ „не ѣдятъ ничего, что не посыпано сахаромъ"; изъ сахара выдѣлываютъ мармеладъ, конфекты, засахариваютъ фрукты и пряности всякаго рода; подаются сахарныя фигуры, изображенія птицъ и животныхъ, дворцовъ и кораблей изъ сахара; сахаръ кладется въ вино, воду, въ мясныя и рыбныя блюда, прибавляется къ яицамъ; солью пользуются не чаще, чѣмъ сахаромъ.

Съ потребленіемъ кофе познакомились въ концѣ XVI и началѣ XVII ст. купцы, посѣщавшіе Турцію и Египетъ. Они сообщили о томъ, что арабы и турки пьютъ напитокъ, именуемый caova, cahüa или copha, который продается въ тавернахъ, какъ въ Европѣ вино, ибо вино пить религія многимъ запрещаетъ. Пьютъ его не во время обѣда, а послѣ него; при чемъ кофе устраняетъ меланхолію, укрѣпляетъ желудокъ, въ особенности же полезенъ для тѣхъ, кому необходимо ночью бодрствовать, ибо онъ прогоняетъ сонъ. Въ 1640—1660-хъ г.г., кофе появляется во Франціи и Англіи, ранѣе всего, повидимому, въ Марсели, куда онъ былъ перевезенъ французскими купцами, торговавшими съ левантійскими странами; они завели турецкій обычай потребленія кофе, къ которому пріучились на Востокѣ. Въ 1670 г. Людовикъ XIV при пріемѣ посольства султана Магомета IV угощалъ его кофе и послѣ этого ввелъ его въ употребленіе при дворѣ. А затѣмъ продажа кофе фунтами распространяется и въ Парижѣ, Лондонѣ, Амстердамѣ. Изъ кофе стали выдѣлывать конфекты, ликеры, сиропы разнаго рода. Врачи первоначально возставали противъ потребленія его, находя, что кофе повсюду, куда онъ проникъ, сталъ „ужасной страстью, тиранической привычкой", отъ которой люди не могутъ отказаться даже тамъ, гдѣ подвергаются за это преслѣдованіямъ. Они опасались, какъ бы это произведеніе счастливой Аравіи не вытѣснило вино, вслѣдствіе тѣхъ качествъ, которыя ему приписываются, „хотя, говоря правду, ни вкусъ, ни цвѣтъ, ни запахъ, ни субстанція его не позволяютъ проводить даже отдаленнаго сравненія между нимъ и виномъ". Другіе врачи утверждали, что кофе сокращаетъ жизнь—Кольберъ сжегъ себѣ имъ желудокъ, ибо былъ вынужденъ для ночной работы потреблять кофе; называли принцессу, которая отъ кофе умерла послѣ тяжкихъ страданій и у которой въ желудкѣ нашли послѣ смерти сотню небольшихъ нарывовъ; фламандскаго губернатора, у котораго кофе вызвалъ ракъ на рукѣ, отчего онъ умеръ. Въ Германіи, главной потребительницѣ кофе въ XIX вѣкѣ, прежде, еще въ пол. XVIII ст., было еще много противниковъ кофе, которые утверждали, что предки не знали его и не страдали коликами, ипохондріей и болью въ животѣ. Въ Парижѣ—разсказывали они—семьи вымираютъ въ третьемъ

[1]) Янжулъ. Въ поискахъ лучшаго будущаго. 1893. Baer. Der Alkoholismus 1878. Franklin. Les répas. p. 121—137. 145 и др. Alw. Schulz. p. 181—2. 313. 319. 324—5. Macaulay. p. 156—7.

поколѣніи; чѣмъ это вызывается, какъ не потребленіемъ кофе? Но вѣдь врачи и торговцы будутъ протестовать, если больше никто не станетъ потреблять ни кофе, ни сахару. Вѣдь если въ Вестфаліи семья ежегодно тратитъ 5 тал. на сахаръ, кофе, и чай; то изъ страны уходитъ 150 тыс. талеровъ, а на эти деньги и можно было бы дать приданое 150 бѣднымъ дѣвушкамъ—жалуется одна дѣвица [illegible] Мезеру (т. I § XVIII). Фридрихъ Вел. былъ противникомъ кофе, ибо „самъ онъ былъ воспитанъ на супѣ изъ пива, слѣдовательно и другіе люди могутъ довольствоваться имъ, тѣмъ болѣе, что онъ гораздо здоровѣе кофе. Такого же мнѣнія держалась Елисавета Орлеанская (урожд. принцесса Пфальнская); кофе она сравнивала съ сажей и жженными фигами, чай — съ травой, шоколадъ для нея слишкомъ сладокъ и вызываетъ боль въ желудкѣ, всему она предпочитала кислую капусту и супъ изъ пива. Въ различныхъ нѣмецкихъ городахъ кофе былъ запрещенъ, и у жителей отбирали кофейную посуду; а долги по продажѣ кофе объявлялись неподлежащими взысканію. Гоненіямъ онъ подвергался и въ Англіи; въ особ. духовенство возставало противъ этого „турецкаго напитка". Но это нисколько не помогало—потребленіе кофе распространялось, тѣмъ болѣе, что и среди врачей онъ вскорѣ нашелъ себѣ сторонниковъ („въ интересахъ страждущаго человѣчества и голландскихъ купцовъ"), которые утверждали, что для умственной работы потребленіе его полезно; какъ доказывалъ одинъ парижскій врачъ на медицинскомъ факультетѣ въ 1718 г., оно не создаетъ расположенія къ апоплексіи, оно устраняетъ опьяненіе, вызываемое виномъ. Появились поэмы и кантаты, слагаемыя въ честь кофе (Chanson sur le caffé. 1711 г. Caffeum. 1715 г. Le café въ Voyage de parnasse).

Свѣдѣнія о чаѣ въ Европу проникли въ половинѣ XVI ст. Сообщалось о томъ, что японцы приготовляютъ чрезвычайно полезный напитокъ, который обезпечиваетъ долгую жизнь, изъ травы, именуемой chia или chaa. Голландскіе купцы, побывавшіе въ Китаѣ, Японіи или Сіамѣ, вскорѣ стали потреблять этотъ напитокъ, а затѣмъ нидерландская остъ-индская компанія начала вывозить его изъ Макао въ Европу. При этомъ объявлялось, что чай облегчаетъ пищевареніе и даетъ пьяницамъ новыя силы для возобновленія потребленія спиртныхъ напитковъ. Дифирамбы въ честь чая, однако, во многихъ случаяхъ сочинялись по порученію остъ-индской компаніи съ цѣлью расширенія сбыта чая. Чай называли божественной травой, амброзіей, рекомендовали пить его въ количествѣ 40—50 чашекъ въ сутки, потреблять его возможно больше во всякое время. Одного голландскаго врача, проживавшаго въ Гамбургѣ и въ большомъ количествѣ прописывавшаго паціентамъ потребленіе чая, также обвиняли въ томъ, что его подкупили купцы, торгующіе чаемъ. Въ половинѣ XVII ст. чай потребляли въ Голландіи, Лондонѣ, Ліонѣ, Парижѣ, итальянскихъ городахъ; но онъ стоилъ чрезвычайно дорого, и поэтому только высшіе слои населенія могли позволять себѣ эту роскошь. Въ 1766 г. вывезено было изъ Китая $17^1/_2$ милл. фунт. чая, изъ нихъ 6 милл. англичанами и 4 милл. голландцами.

Шоколадъ былъ вывезенъ въ 1528 г. Кортецомъ изъ Мексико, гдѣ зерна какао служили монетой (вплоть до половины XIX ст.). Тамъ шоколадъ приготовлялся въ видѣ смѣси изъ какао, маиса, перца и другихъ пряностей. Хотя первоначально европейцы называли такой напитокъ болѣе пригоднымъ для свиней, чѣмъ для людей, однако, уже въ половинѣ XVI ст. онъ сталъ распространяться въ Испаніи, затѣмъ во Фландріи и Флоренціи, а съ половины XVII ст. и во Франціи—кардиналъ Мазарини и маршалъ Грамонъ выписали двухъ умѣлыхъ поваровъ изъ Италіи для приготовленія чая, кофе и шоколада. Но уже въ Испаніи послѣдній измѣнилъ свой характеръ; вмѣсто перца къ какао стали примѣшивать ваниль или корицу, медъ или сахаръ. Шоколадъ не былъ встрѣченъ съ такой враждой, какъ кофе: напротивъ, его считали полезнымъ медикаментомъ, въ особ. при ревматизмѣ, заболѣваніяхъ горла, безсонницѣ, коликахъ, холерѣ и дезинтеріи. Только нѣкоторые врачи сомнѣвались въ полезности его, говоря, что шоколадъ напитокъ тяжелый, пригодный лишь для желудка индійцевъ, что онъ испортилъ зубы королевѣ Христинѣ, что онъ сожигаетъ кровь. Мадамъ де Севиньe одно время была противницей его и приписывала фактъ рожденія совершенно черваго ребенка у одной маркизы и смерть его потребленію шоколада маркизой: ребенка сожгли шоколадомъ, от-

куда иначе могло явиться столько жару въ этомъ маленькомъ тѣлѣ? Напротивъ, духовенство поощряло потребленіе его, высказавшись въ томъ смыслѣ, что шоколадъ не нарушаетъ поста, ибо, хотя онъ и является питательнымъ, но не составляетъ съѣстного.

Наконецъ, изъ Америки былъ привезенъ и табакъ. И онъ, подобно другимъ колоніальнымъ товарамъ, примѣнялся первоначально какъ лекарственное снадобье, которому приписывалась специфическая сила; но уже въ 1600 г. „курили и нюхали въ Старомъ Свѣтѣ табакъ на протяженіи отъ Лиссабона до Пекина и отъ Исландіи до Мыса Доброй Надежды". Началось съ матросовъ, побывавшихъ въ Америкѣ, въ 1585 г. появились въ Англіи „tabakhouses", и это „вонючее, въ поношеніе Господа употребляемое растеніе" стало распространяться среди населенія. Духовенство въ Англіи заявляло, что табакъ вреденъ для здоровья, уменьшаетъ умственныя способности, вызываетъ нечистоплотность и отрицательно вліяетъ на общественное настроеніе. Въ Германіи оно находило, что тѣ, кто „пьютъ" табакъ, лишаются вѣчнаго блаженства, курятъ ѳиміамъ дьяволу. Послѣ заповѣди „не прелюбодѣйствуй", прибавляли „не потребляй табаку". Яковъ I въ Англіи написалъ двѣ брошюры, направленныя противъ табаку, и ими было вызвано избіеніе народомъ людей, курившихъ и нюхавшихъ табакъ. Дворяне, уличенные въ „смертномъ грѣхѣ" куренья, были изгнаны изъ Лондона, и у нихъ были острижены бороды. Въ Швейцаріи курильщиковъ выставляли къ позорному столбу. Въ Московскомъ государствѣ „богомерзкая трава" была проклята патріархомъ, и по Уложенію 1649 г. за продажу и куреніе табаку велѣно рѣзать носы и рвать ноздри и ссылать въ дальніе города [1]).

Новые напитки—чай и кофе, какъ и потребленіе табаку, стали въ особ. распространяться благодаря появляющимся съ половины XVII ст. въ Англіи. Нидерландахъ, Франціи кофейнямъ. Послѣднія были занесены, какъ и самое потребленіе кофе, изъ Турціи и Египта: тамъ имѣлись кофейные дома, въ которыхъ мужчины проводили по нѣсколько часовъ въ день (женщины туда не могли входить). Въ 1652 г. возникла первая кофейня въ Лондонѣ, и вскорѣ кофейни стали необходимымъ учрежденіемъ Лондона, которымъ онъ особенно отличался отъ другихъ городовъ; онѣ стали домомъ для лондонскаго жителя, такъ что люди, искавшіе кого-либо, спрашивали не улицу, гдѣ онъ живетъ, а посѣщаетъ ли онъ „греческую кофейню" или „радугу". При этомъ каждое званіе или профессія, каждое религіозное или политическое направленіе имѣло свою особую кофейню, гдѣ обсуждались различные важные вопросы въ области литературы и политики, гдѣ выступали ораторы, гдѣ можно было узнать всѣ послѣднія новости (при отсутствіи газетъ), получить совѣтъ врача, гдѣ, наконецъ, совершались и коммерческія операціи. Пріѣзжіе удивлялись, какъ люди, имѣющіе свои жилища, могли покидать ихъ, чтобы часами проводить время въ ужасной, наполненной дымомъ атмосферѣ, гдѣ сидѣли какъ въ туманѣ и усиленно курили или нюхали табакъ. Правительство первоначально пробовало съ ними бороться, находя кофейни опаснымъ явленіемъ, но вынуждено было отказаться отъ мѣръ, направленныхъ противъ нихъ [2]).

Парижская полиція вступила въ борьбу съ кофейнями, открытыми ночью, находя, что онѣ являются сборными мѣстами для воровъ и другихъ сомнительныхъ людей, тѣмъ болѣе, что кофейни освѣщены фонарями, которыми онѣ отличаются отъ другихъ домовъ и которые являются сигналомъ для людей этого рода (Ордоннансъ 1695 г.). Политическое значеніе парижскихъ кофеенъ было меньше, чѣмъ лондонскихъ; но литераторы здѣсь собирались въ большомъ количествѣ: Руссо здѣсь писалъ свои произведенія, Вольтеръ о кофейняхъ неоднократно упоминаетъ; въ 1723 г. ихъ насчитывалось въ Парижѣ, по Савари, около 380 [3]).

И въ другихъ отношеніяхъ мы можемъ отмѣтить значительныя измѣненія въ характерѣ потребленія, хотя происходятъ они лишь постепенно и медленно.

---

1) Franklin. Le café, le thé et le chocolat. p. 1—60. 76 и сл. 109—144. 156—185. Justus Möser. Patriotische Phantasien. B. I. 4 Aufl. p. 19. 118—20.

2) Macaulay. I. 154. 205. 207—8.

3) Franklin. Le café, le thé et le chocolat. p. 43 и сл. 61 и сл. 73—5. 216 и сл. 224 и сл.

Franklin въ одномъ изъ томовъ своей „Vie privée d'autrefois" (Les répas) устанавливаетъ слѣдующія три основныхъ положенія: 1) до XVII вѣка во всякомъ случаѣ во Франціи всѣ ѣли руками; 2) употребленіе вилокъ среди высшаго общества начинается лишь послѣ 1600 года; 3) среди прочаго городского населенія употребленіе вилокъ становится обычнымъ лишь въ теченіе XVII вѣка. Дѣйствительно, изъ фактовъ, сообщаемыхъ имъ въ различныхъ томахъ его сочиненія, мы можемъ усмотрѣть, что еще въ началѣ XVII ст. каждый бралъ съ общаго блюда нѣсколько изъ нарѣзанныхъ кусковъ руками, а затѣмъ руками же ихъ разрывалъ на части; при чемъ въ XVII ст. онъ клалъ ихъ на тарелку, ранѣе же послѣднія замѣнялись толстыми круглыми кусками хлѣба, на которые клали мясо и иные сухіе продукты. Поэтому рекомендовалось не сморкаться той рукой— правой (носовыхъ платковъ еще не было), которой берутъ мясо за обѣдомъ. Англійскій путешественникъ Томасъ Коруатъ, посѣтившій въ 1608 г. Парижъ, сообщаетъ, что „въ Италіи онъ нашелъ обычай, котораго нѣтъ въ другихъ христіанскихъ странахъ. Когда итальянцы разрѣзываютъ мясо, они пользуются небольшими граблями изъ желѣза или стали, иногда изъ серебра. Странно, что итальянцевъ нельзя заставить ѣсть руками; они исходятъ какъ бы изъ того, что не у всѣхъ руки чисты". Вернувшись въ Англію, онъ рѣшилъ перенять эту неизвѣстную и тамъ привычку и ѣсть при помощи вилки. Но пріятели надъ нимъ весьма смѣялись, и одинъ во время обѣда назвалъ его „furcifer'омъ". Еще въ 1651 г. королева Анна Австрійская „не находила ничего предосудительнаго въ томъ, чтобы класть свои красивыя руки въ блюдо съ рагу", но сто лѣтъ спустя это считалось уже недопустимымъ.

При отсутствіи вилокъ, тѣмъ большее значеніе должны были имѣть ножи. Одинъ французъ сообщаетъ въ 1560 г., что въ Италіи и Швейцаріи каждый за обѣдомъ имѣлъ свой ножъ, и точно также Монтень, 30 лѣтъ спустя, разсказываетъ, что швейцарцы не лѣзутъ руками въ блюдо, а берутъ все ножемъ; напротивъ, во Франціи число ножей до XVII ст. обыкновенно не соотвѣтствовало числу гостей, имѣлось всего 2—3 на весь столъ, такъ что во время обѣда приходилось занимать ихъ другъ у друга.

Не лучше обстояло дѣло при ѣдѣ супа и прочихъ жидкихъ блюдъ. При Людовикѣ XIV во время самыхъ торжественныхъ обѣдовъ всѣ ѣли своими ложками изъ общей миски, какъ теперь солдаты изъ общаго котла, ибо обыкновенно тарелокъ для жидкихъ блюдъ не было. Только къ концу XVII ст. — въ Швейцаріи уже въ XVI ст. — появляется новый обычай — брать супъ только одинъ разъ, перекладывая на свою тарелку, причемъ дается совѣтъ по окончаніи одного кушанья вытирать свою ложку, прежде чѣмъ опускать ее въ другое общее блюдо. Наконецъ, и стакановъ было мало; почему правило приличія требовало, чтобы каждый опорожнивалъ стаканъ до дна, прежде чѣмъ передавалъ его сосѣду. Однако, въ концѣ XVIII ст. Артуръ Юнгъ во время своего путешествія по Франціи подмѣтилъ, что даже среди менѣе состоятельныхъ слоевъ населенія никто не пользуется стаканомъ другого—такъ это и у плотниковъ, и у кузнецовъ, и у другихъ [1]).

---

[1]) Franklin. Les répas. 1889. p. 35—38. 104—111. Variétés gastronomiques. 1891. p. 62—72. Les soins de toilette. p. 26—27.

Когда Генрихъ IV сталъ французскимъ королемъ, у него имѣлась всего дюжина рубахъ, причемъ часть была разорвана, и всего пять носовыхъ платковъ. Лишь постепенно, въ теченіе XVI — XVII ст., входитъ въ употребленіе обычай спать въ рубашкахъ — число ихъ очевидно, увеличивается. Однако, это касается только болѣе состоятельныхъ слоевъ населенія: Себастіанъ Мерсье въ своихъ мемуарахъ, относящихся къ концу XVIII ст., разсказываетъ, что въ Парижѣ въ воскресенье рано утромъ можно было встрѣтить людей, моющихъ въ Сенѣ свою единственную рубаху или единственный платокъ, которые они тутъ же развѣшивали на палкѣ, ожидая, пока солнце ихъ высушитъ.

„Чиновники, музыканты, художники, поэты—продолжаетъ онъ—покупаютъ сукно и даже кружева, но бѣлья они не покупаютъ. Они надѣваютъ бархатныя одежды и прикрѣпляютъ кружевныя манжеты къ грязной рубашкѣ. Таковъ парижанинъ. Парикмахеръ ему нуженъ ежедневно, но прачка является лишь разъ въ мѣсяцъ. Парижанинъ съ доходомъ менѣе 10 тысячъ ливровъ обыкновенно не имѣетъ ни постельнаго бѣлья, ни столоваго, ни рубахъ; но зато у него есть часы, зеркала, шелковые чулки, кружева". Этотъ недостатокъ въ бѣльѣ — изъ его описаній мы все же видимъ, какое значеніе придавалось бѣлью въ другихъ слояхъ населенія — онъ приписываетъ тому, что прачки разрываютъ и уничтожаютъ его своими неумѣлыми способами стирки бѣлья.

Къ употребленію носовыхъ платковъ даже придворные круги относились иногда довольно скептически, спрашивая, „за что дается особая привиллегія той грязи, которая выходитъ изъ носа: на какомъ основаніи ее слѣдуетъ помѣщать въ изящный кусокъ полотна и бережно прятать въ карманѣ вмѣсто того, чтобы ее прямо выбрасывать" [1]).

Изъ приведеннаго можно усмотрѣть, что хотя и теперь еще менѣе важному придавалось большее значеніе, чѣмъ предметамъ необходимости, но все же тѣхъ рѣзкихъ противоположностей, какія мы наблюдали въ средневѣковый періодъ, мы въ XVII—XVIII ст. не замѣчаемъ. Широко распространяется, напр., употребленіе кружевъ. Кружева въ равной мѣрѣ украшаютъ одежды, какъ женщинъ, такъ и мужчинъ. Объ этомъ лучше всего свидѣтельствуютъ картины того времени, въ особ. изображающія придворную жизнь От кружевного одѣяла младенца во время крестинъ до разукрашенной кружевами постели богатаго покойника они сопровождаютъ человѣка чрезъ всю его жизнь. Фата невѣсты, сѣтка для волосъ у замужнихъ женщинъ, такъ же, какъ и рубашка, манжеты, воротники, даже покрывала для букетовъ — все богато отдѣлывалось кружевами. Кружевами покрыты одѣянія священника, платъ для вытиранія чаши, покрывало для алтаря. Во Франціи въ началѣ XVIII ст. опредѣляли потребленіе кружевъ въ 8 милл. фр. въ годъ. Но въ то же время тріумфъ кружевъ обозначалъ новое направленіе въ развитіи одежды— бѣлье, прежде игравшее незначительную роль, выдвигается на первый планъ. Рядомъ съ распространеніемъ ношенія шелковыхъ одеждъ не только женщинами, но въ такой же мѣрѣ и мужчинами—платьевъ, чулокъ, жилетовъ и т. д., рядомъ съ употребленіемъ всевозможныхъ золотыхъ и серебряныхъ украшеній,—все же появляются на сцену вилки и ложки, съ XVI ст. широко распространяются въ городахъ оконныя стекла, въ XVII ст. входятъ въ употребленіе бумажные обои; новые виды комнатнаго убранства, одежды,

1) Franklin. Les magasins de nouveautés: Le vêtement. 1894. p. 186 и сл. La lingerie. 1898. p. 11—36. 70—71. 161—162.

изящная мебель, вазы, портреты ковры, вызываются соображеніями удобства и комфорта [1]). И самые предметы роскоши частью измѣняютъ свой характеръ—таковы, напр., рядомъ съ потребленіемъ кофе, и часы и зеркала, которые должны быть отнесены къ роскоши полезной.

До XVI ст. существовали только песочные часы, притомъ въ видѣ стѣнныхъ или башенныхъ часовъ; они производились преимущественно въ Нюрнбергѣ. Съ половины XVI ст. появляются и карманные часы, но они составляли чрезвычайную рѣдкость и на нихъ смотрѣли исключительно, какъ на предметъ особой роскоши, почему они обыкновенно были покрыты драгоцѣнными камнями и ихъ носили на цѣпочкѣ открыто, чтобы всѣ могли видѣть. Современный часовой механизмъ былъ изобрѣтенъ Гюйгенсомъ, и только съ этого времени, т. е. съ середины XVII ст., часы стали больше распространяться среди высшихъ слоевъ населенія. Лондонъ, Парижъ, а послѣ отмѣны Нантскаго эдикта, Женева, куда переселились гугеноты изъ Франціи позже, и Шварцвальдъ стали центрами производства часовъ въ XVII—XVIII ст. [2]).

Зеркала до XVII ст. производились только въ Мурано близъ Венеціи, и техника производства хранилась въ строгой тайнѣ. При этомъ зеркала выдѣлывались выпуклыя, почему получалось весьма плохое изображеніе. Съ XVI ст. появляются и плоскія зеркала, но они были еще чрезвычайно рѣдки и дороги. Лишь съ конца XVII ст., когда секретъ производства зеркалъ былъ перенесенъ изъ Венеціи въ другія страны, въ особ. во Францію, и здѣсь техника производства была усовершенствована, высшіе слои населенія стали украшать комнаты зеркалами; устраивались особыя помѣщенія, гдѣ стѣны были покрыты зеркалами, къ мебели всякаго рода прикрѣплялись зеркала, и „appartements ornés de glaces“ обозначали квартиру особенно элегантную. Но все же это были еще зеркала небольшихъ размѣровъ; до XIX ст. большія зеркала рѣдко удавались; ибо получалось слишкомъ тонкое стекло, которое при самомъ выдуваніи или охлажденіи его лопалось [3]).

Вслѣдствіе устройства оконъ изъ стекла, дневное освѣщеніе получило совершенно иной характеръ—въ комнатахъ днемъ было свѣтло; но искусственное освѣщеніе было попрежнему весьма плохое: темно было ночью на улицахъ, если луна „не принимала на себя обязанности освѣщать дорогу“,—вдвойнѣ печально при отсутствіи тротуаровъ и при наличности нечистотъ, которыми улицы были покрыты (см. стр. 234). Въ Лондонѣ впервые въ концѣ XVII ст. одному лицу выданъ былъ патентъ на исключительное право освѣщенія улицъ; именно, за небольшое вознагражденіе онъ обязанъ въ безлунныя ночи отъ 6 до 12 час. ставить фонарь у каждой десятой двери. Его идея вызвала „восторгъ у однихъ, находившихъ, что открытіе Архимеда ничто въ сравненіи съ подвигомъ человѣка, превращающаго ночь въ бѣлый день, и протесты другихъ, защитниковъ тьмы“ (Маколей). Въ другихъ городахъ освѣщеніе появляется не ранѣе XVIII ст., да и то лишь освѣщаются отдѣльныя части города; только во время пожаровъ, волненій, или когда войска проходили чрезъ городъ, магистратъ приказывалъ освѣщать городъ, причемъ довольствовались факелами и смоляными лампами. Въ обыкновенное же время каждый появлявшійся вечеромъ на улицѣ вооружался факеломъ или бралъ съ собой мальчика, освѣщавшаго ему дорогу. Но такъ какъ пользованіе этими факелами нерѣдко вызывало пожары, то магистраты запрещали ношеніе ихъ, и тогда на улицахъ господствовала полная темнота (какъ это было, напр., въ Килѣ въ 1723 году)—кареты и возы сталкивались и переворачивались. Городское освѣщеніе появилось во многихъ городахъ лишь въ 1760—1790-хъ годахъ (въ Данцигѣ, Вюрцбургѣ, Мюнстерѣ, Нюрнбергѣ, Оснабрюкѣ), иногда даже только въ началѣ XIX ст. (въ Эрфуртѣ, Магдебургѣ); къ домамъ прикрѣплены были масляныя лампы, которыя зажигались, однако, только осенью и зимой, и то лишь въ тѣ дни, когда въ календарѣ не была показана

---

[1]) См. Alwin Schulz. p. 128—29. 131—33. 230. 255 и др. Baudrillart. IV. p. 275. и сл. 283 и сл. 420 и сл.

[2]) Franklin. La vie privée d'autrefois. La mesure du temps. 1888. Pflеghart. Die Schweizerische Uhrenindustrie, ihre geschichtliche Entwicklung und Organisation. 1908.

[3]) Frémy. Histoire de la manufacture royale des glaces de France aux XVII—XVIII s. 1909. p. 71 и сл. 199—205. 204 и сл. Alwin Schulz. p. 21. 44. 131.

луна. Въ нѣкоторыхъ городахъ оно устроено раньше—въ 1720-хъ—1740-хъ годахъ (въ Килѣ, Галле, Веймарѣ, Бреславлѣ), но лампъ было мало, въ Килѣ, напр., 141 фонарь на весь городъ и это число сохранялось въ теченіе столѣтія; въ Бреславлѣ число ихъ лишь къ концу XVIII ст. было доведено до 1400. Не менѣе темно было въ домахъ на лѣстницахъ, на которыхъ безопасно ходить могли только лица, хорошо знакомыя съ домомъ. Наконецъ, и въ комнатахъ имѣлись лишь коптѣвшія, дымившія и распространявшія дурной запахъ масляныя лампы, или же — еще чаще — пользовались только сальными свѣчами, которыя приходилось, на что жаловался еще Гете, каждый разъ очищать; для этого существовали спеціальныя ножницы [1]).

II. Сельское хозяйство и аграрный строй.

Литература. Богатая литература имѣется въ отношеніи *Германіи.* Однако трудовъ общаго характера, которые охватывали бы всю Германію (какъ для предыдущей эпохи Инама-Стернеггъ, Лампрехтъ; Ковалевскій даже всю Европу) для этого періода не существуетъ. То, что имѣется изъ общихъ сочиненій, заключается въ нѣсколькихъ статьяхъ, гдѣ сопоставляются различныя мѣстности на основаніи отдѣльныхъ монографій. Таковы статьи: *Below. Der Osten und der Westen Deutschlands* (въ Historische Bibliothek. B. XI. 1900). *Caro. Probleme der deutschen Agrargeschichte* (Viert. für Sozial- und Wirtschaftsgesch. B. V. 1907). *Iordan-Rozwadowski. Die Bauern des 18. Jahrh. und ihre Herrn im Lichte der neuesten deutschen Forschungen* (Jahrb. f. Nationaloek. 1900. B. XX). *Theodor Knapp. Ueber Leibeigenschaft in Deutschland seit dem Ausgang des Mittelalters* (Zeitsch. der Savigny-Stift. f. Rechtsgesch. Germ. Abt. 1898. B. XIX), а также брошюра *Fuchs'a. Die Epochen der deutschen Agrargeschichte und Agrarpolitik.* 1898. и различныя главы въ *Lamprecht. Deutsche Geschichte,* особ. B. VI. p. 384 и сл. B. VII. p. 777 и сл. B. IX. p. 217 и сл. Сюда же относятся статьи Георга Кнаппа, соединенныя въ двухъ книжкахъ: *Georg Knapp. Grundherrschaft und Rittergut.* 1897 (сопоставленіе аграрнаго строя сѣверной и южной Силезіи, Австріи и Пруссіи, сѣверо-западной Германіи—по Виттиху—съ прочими частями Германіи) и *Die Landarbeiter in Knechtschaft und Freiheit.* 1891 (ст. Die bäuerliche Leibeigenschaft im Osten и Erbunterthänigkeit etc.). Краткій очеркъ аграрнаго строя Германіи въ эту эпоху даетъ *Schröder. Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte* (въ 4 изд. 1902 г. § 67). Наконецъ, полное, хотя также краткое (и притомъ устарѣлое теперь) изложеніе по всѣмъ странамъ содержитъ извѣстный трудъ *Sugenheim. Geschichte der Aufhebung der Leibeigenschaft und Hörigkeit in Europa.* 1861 (излагается не только освобожденіе крестьянъ, но и аграрная исторія какъ средневѣковаго, такъ и послѣдующаго періода). XV и XVI ст. изложены въ книгѣ *Зеворта,* переработанной В. И. Лучицкимъ, *Исторія новаго времени.* 1885. Въ противоположность всѣмъ указаннымъ сочиненіямъ, разсматривающимъ почти исключительно аграрный строй, у *Goltz. Geschichte der deutschen Landwirtschaft.* B. I. 1902, находимъ свѣдѣнія о развитіи сельскаго хозяйства въ XVIII ст. и въ особ. сельскохозяйственной литературы этой эпохи. Подробныя данныя о положеніи сельскаго хозяйства имѣются въ многотомномъ трудѣ *Stadelmann. Preussens Könige in ihrer Thätigkeit für die Landeskultur,* особ. важенъ т. II. о дѣятельности Фридриха Вел.

Въ противоположность общимъ работамъ, преимущественно компилятивнаго характера, *монографіи по аграрной исторіи отдѣльныхъ мѣстностей Германіи* за разсматриваемый періодъ представляютъ собою рядъ весьма цѣнныхъ изслѣдованій на основаніи архивнаго матеріала (свѣдѣній о сельскомъ хозяйствѣ въ нихъ почти не содержится, мало затрагиваются и вопросы крестьянскаго землепользованія; главную проблему составляютъ права и обязанности крестьянъ, сеньоріальный строй и аграрныя условія). Наиболѣе важны (капитальные) труды: *Georg Knapp. Die Bauernbefreiung und der Ursprung der Landarbeiter in den ältesten Teilen Preussens.* 1887 (Объ этомъ *Schmoller. Der Kampf*

[1]) Gebauer. Breslaus kommunale Wirtschaft. p. 184—85. Horn. Erfurts Stadtverfassung. p. 104. Trautmann. Kiels Ratsverfassung und Ratswirtschaft. p. 237 и сл.

des preussischen Königtums um die Erhaltung des Bauernstandes. Jahrbuch für Gesetzgebung etc. 1888). *Grünberg. Die Bauernbefreiung und die Auflösung des gutsherrlich-bäuerlichen Verhältnisses in Böhmen, Mähren, Schlesien.* 1893 (Его же другая книга: *Studien zur oesterreichischen Agrargeschichte*). *Grossmann. Ueber die gutsherrlich-bäuerlichen Verhältnisse in der Mark Brandenburg vom 16. bis zum 18. Jahrh.* 1890. Schmollers Forschungen (Объ этомъ *Fuchs: Zur Geschichte des gutsherrlich-bäuerlichen Verhältnisses in der Mark Brandenburg.* Zeitschr. der Savigny-Stift. Germ. Abt. XII. 1891). *Wittich. Die Grundherrschaft in Nordwestdeutschland.* 1896. (Ганноверъ и сосѣднія области). *Fuchs. Der Untergang des Bauernstandes und das Aufkommen der Gutsherrschaften.* 1888 (Померанія и Рюгенъ). *Aubin. Zur Geschichte des gutsherrlich-bäuerlichen Verhältnisses in Ostpreussen.* 1910. Кромѣ того: о положеніи крестьянъ въ Бранденбургѣ (вслѣдствіе сочиненія Гроссмана устарѣло) *Korn. Geschichte der bäuerlichen Rechtsverhältnisse in der Mark Brandenburg* (Zeitschr. für Rechtsgesch. 1873), въ Помераніи—*Brünneck. Die Leibeigenschaft in Pommern* (Zeitschr. der Savigny-Stift. IX. 1888) въ восточной Пруссіи — его же. *Die Leibeigenschaft in Ostpreussen.* (Тамъ же VIII. 1887). Его же. *Die Aufhebung der Leibeigenschaft durch die Gesetzgebung Friedrich des Gr. etc.* (Тамъ же X. XI. 1889. 1890). Силезія—*Dessmann. Geschichte der schlesischen Agrarverfassung.* 1904. Мекленбургъ—*Böhlau. Ursprung und Wesen der Leibeigenschaft in Mecklenburg* (Zeitschr. für Rechtsgesch. X. 1872). Шлезвигъ-Гольштинія — *Hanssen. Die Aufhebung der Leibeigenschaft etc. in den Herzogtümern Schleswig und Holstein.* 1861, и новѣйшее весьма интересное изслѣдованіе: *Sering. Erbrecht und Agrarverfassung in Schleswig-Holstein auf gesch. Grundlage.* 1908 (О немъ Rachfahl. Schleswig-Holstein in der deutsch. Agrargesch. Jahrb. f. Nationaloek. 1909. XXXVIII). См. также *Swart. Zur friesischen Agrargeschichte.* 1910. Баденъ—*Ludwig. Der badische Bauer im 18. Jahrh.* 1896. *Moericke. Die Agrarpolitik des Markgrafen Karl Friedrich von Baden. 1905.* Баварія—*Hausmann. Die Grundentlastung in Bayern. 1892. Schmelzle. Der Staatshaushalt in Herzogtum Bayern im 18. Jahrh. 1900* (въ обоихъ содержится очеркъ о положеніи крестьянъ). Общій очеркъ о Баденѣ (по Лудвигу), Гессенѣ (по Виттиху), Баваріи и Вюртембергу (по собственнымъ работамъ) имѣется въ ст. *Theodor Knapp. Die Grundherrschaft im süd-westlichen Deutschland vom Ausgang des Mittelalters.* Zeitschr. der Savigny-Stift. Germ. Abt. XXII. 1901 (Теперь напечатано и въ сборникѣ его сочиненій по аграрной исторіи). Для другихъ менѣе крупныхъ территорій и отдѣльныхъ мѣстностей имѣются еще слѣд. работы: *Kraaz. Bauerngut und Frohndienste in Anhalt vom 16.—19. Jahrh.* 1898. (Conrad's Sammlung). *Danneil. Geschichte des magdeburgischen Bauernstandes* (2 тома, доходитъ до XVII ст.). *Hesse. Entwicklung der agrar-rechtlichen Verhältnisse im Stifte, späteren Herzogtum Verden.* 1900 (Conrad's Sammlung). *Haun. Bauer und Gutsherr in Kursachsen.* 1891 (составлено на основаніи одного сборника крестьянскихъ повинностей и мірскихъ обычаевъ XVIII ст.). *Ehrler. Agrargeschichte der Iohanniterherrschaft Heitersheim.* 1900. *Meyer. Guts- und Leibeigentum im Fürstentum Lippe* (Jahrb. für Nationaloek. 1896. B. XII). См. также *Acta Borussica. Getreidehandelspolitik.* B. II. III. 1901. 1910.

Франція. Чрезвычайно много для пониманія сельскохозяйственнаго развитія Франціи въ XVIII ст., отчасти и для изученія аграрнаго строя, даетъ дневникъ Артура Юнга о его путешествіяхъ по Франціи: *Arthur Joung. Voyages en France pendant les années 1787. 1788. 1789* (Цит. по изд. Guillaumin. 1860, 2 vols. Bibl. des sciences mor. et polit.). Имѣется далѣе рядъ общихъ сочиненій, касающихся всей Франціи и затрагивающихъ въ равной мѣрѣ, какъ помѣстную организацію и условія землевладѣнія, такъ и положеніе сельскаго хозяйства. Таковы капитальные труды: *Н. И. Карѣева. Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII вѣка, 1879* (касается, однако, и болѣе ранняго періода), *И. В. Лучицкаго. Крестьянское землевладѣніе во Франціи наканунѣ революціи* (преимущественно въ Лимузенѣ). 1900. Его же. *Состояніе земледѣльческихъ классовъ во Франціи наканунѣ революціи.* 1912. Его же. *Аграрныя отношенія во Франціи наканунѣ революціи.* (Русское Богатство. 1913. II. III); *М. М. Ковалевскаго. Происхожденіе современной демократіи.* Т. I. Изд. 3-е. 1912. Его же. *Происхожденіе мелкой крестьянской собственности во Франціи.* 1912. (По поводу новѣйшихъ сочиненій М. М. Ковалевскаго и И. В. Лучицкаго *Н. И. Карѣевъ. Бѣглыя замѣтки по экономической исторіи Франціи* 1912. Серія вторая 1915. Его же. *Эпоха французской революціи въ трудахъ рус-*

скихъ ученыхъ за послѣдніе десять лѣтъ. 1912). *Wolters. Studien über Agrarzustände und Agrarprobleme in Frankreich von 1700 bis 1790.* 1905 (Много новаго). Спеціально вопросу о развитіи сельскаго хозяйства посвящена статья *Levasseur'a. Des progrès de l'agriculture française dans la seconde moitié du XVIII siècle.* Révue d'écon. polit. 1898) и *Labiche. Les sociétés d'agriculture au XVIII siècle.* 1908; вопросу объ арендной платѣ и цѣнахъ на землю—изслѣдованіе *Zolla Des variations du revenu et du prix des terres en France aux XVII et XVIII siècles* (Annales de l'école libre des sciences politiques. 1893—1894). *D'Avenel. Histoire économique de la propriété, des salaires etc.* въ первомъ томѣ (1894) даетъ, кромѣ исторіи цѣнъ на хлѣбъ, на землю, арендной платы, и характеристику аграрнаго развитія и сельскаго хозяйства. Много интереснаго у *Champion. La France d'après les cahiers 1789.* Paris. 1897. *Ону. Выборы 1789 г. во Франціи и наказы. третьяго сословія.* Ч. I. 1908. *Sagnac. La propriété foncière au XVIII siècle.* (Revue d'histoire moderne et contemp. 1901). *Cherest. Chute de l'ancien régime.* (есть рус. пер.). *Babeau. La vie rurale dans l'ancienne France,* 2 éd. 1885, и *Le village sous l'ancien régime,* 3 éd. рисуетъ общую картину жизни крестьянъ и общиннаго управленія, но при этомъ недостаточно разграничиваетъ отдѣльныя эпохи (въ особ. XVII—XVIII ст. отъ предыдущаго періода) и придаетъ чрезмѣрное значеніе завѣщаніямъ крестьянъ. Изъ болѣе старыхъ сочиненій укажемъ *Doniol. Histoire des classes rurales en France.* 1857. *Bonnemère. Histoire des paysans,* 4 éd. 1889. (третій томъ относится къ XVII—XVIII ст.). *Leymarie. Histoire des paysans en France.* 1858. *Dareste de la Chavanne. Histoire des classes agricoles en France.* 1858. *Lavergne. Economie rurale de la France depuis 1789.* Paris. 1860. *Baudrillart. Les populations agricoles de la France* (въ обоихъ имѣется и XVIII вѣкъ). *Boiteau. Etat de la France en 1789.* Paris. 1861. *Moreau de Jonnès. Etat économique et social de la France depuis Henri IV jusqu'à Louis XIV.* 1868, а также извѣстные труды *Taine'a. Les origines de la France contemporaine* (2 éd. 1880) и *Toqueville. L'ancien régime et la Révolution.* См. также сборникъ *Н. И. Карѣеву ученики и товарищи по научной работѣ. 1914.*

Среди сочиненій, касающихся отдѣльныхъ мѣстностей Франціи, наиболѣе цѣнны: *Sée. Les classes rurales en Bretagne du XVI siècle à la Révolution.* 1906 (Богатство матеріала, выводы не только для Бретани, но и общаго характера). *Bernier. Essai sur le Tiers-Etat et les paysans de Basse-Normandie au XVIII siècle.* 1892 (Интересныя картины общаго строя жизни крестьянъ и другихъ группъ сельскаго населенія Нормандіи). *Brutails. Note sur l'économie rurale du Roussillon à la fin de l'ancien régime.* 1889 (Недурной очеркъ сельскаго хозяйства, населенія и сеньоріальныхъ повинностей Руссильона). *Calonne. La vie agricole sous l'ancien régime dans le nord de la France.* 2 éd. 1885. (Относится преим. къ Артуа, Пикарди и Фландріи; интересныя свѣдѣнія). *Dénis. Lectures sur l'histoire de l'agriculture dans le departement de Seine-et-Marne.* 1881 (сельское хозяйство, отчасти и положеніе крестьянъ въ центрѣ Франціи). *Dutil. L'état économique du Languedoc à la fin de l'ancien régime.* 1911. касается только сельскохозяйственной культуры (р. 69—277, отчасти и 797—868). *Bloch. Etudes sur l'histoire économique de la France* (1760—1789). 1900, изучаетъ (въ одной изъ статей этого сборника) лишь вопросъ о распредѣленіи земельной собственности въ Орлеанэ. *Sagnac* въ двухъ своихъ статьяхъ (Rév. d'hist. mod. et contemp. 1901 и Rév. de synth. hist. 1906) знакомитъ только французскую публику съ результатами изслѣдованій И. В. Лучицкаго. Нѣкоторыя данныя для аграрной исторіи Франціи XVIII ст. содержатся также у *Jaurès, La Constituante* (Histoire Socialiste. T. I) и *Wahl. Studien zur Vorgeschichte der französischen Revolution. B. I.,* а также *Levasseur. La population française. T. I.* и въ сочиненіяхъ по исторіи хлѣбной торговли: *Araskhaniantz. Die französische Getreidehandelspolitik bis zum Jahre 1789,* 1882. *Аѳанасьевъ. Условія хлѣбной торговли во Франціи въ XVIII вѣкѣ.* 1892.

Англія. Изъ современниковъ наиболѣе любопытны: *Coke. Scriven treatise of copyhold customary and ancient domesne tenure* и *Blakstone. Considerations on copyhold.* И то и другое посвящено выясненію юридическаго положенія крестьянскаго населенія. Послѣднее подробно разсматривается въ прекрасномъ трудѣ *Савина. Англійская деревня въ эпоху Тюдоровъ.* 1903. Огораживанія и обезземеленье крестьянъ обстоятельно изучены у *Hasbach. Die englischen Landarbeiter in den letzten hundert Jahren und die Einhegungen.* 1894. *Gay. Zur Geschichte der Einhegungen in England.* 1903 и его же *Inclosures in England in the sixteenth century.*

Quart. Journ. of Econom. XVII. *Nassc. Feldgemeinschaft in England* etc. (есть рус. пер.) *Mantoux. La révolution industrielle au XVIII siècle.* 1906 (подробно разсматривается ходъ огораживаній XVIII ст.). *Tawney. The Agrarian Problem in the Sixteenth Century. 1912. Hammond. The Village Labourer 1760—1832.* 1911. *Gonner. Common Land and Inclosure.* 1912. *Slater. The English Peasantry and the Inclosure of common Fields.* 1907. *Johnson. The Disappareance of Small Landowner.* 1909. Новый свѣтъ проливаетъ цѣнное сочиненіе *И. Граната. Къ вопросу объ обезземеленіи крестьянъ въ Англіи.* 1908. Этотъ вопросъ затрагиваютъ также: *Marx. Das Kapital.* B. I. *Ashley.* Introduction. *Cunningham. Growth of English Industry and Commerce in Modern Times. Тойнби. Промышленный переворотъ въ Англіи въ XVIII вѣкѣ.* 1898. *Green. Inclosures since 1760.* Econ. Rev. VI. *Rae. Why have the Jeomanry perished?* (Contempor. Review. 1883). Въ связи съ этимъ *Levy, Der Untergang kleinbäuerlicher Betriebe in England* (Jahrb. f. Nationaloek. 1903) и (противъ него) *Hasbach. Der Untergang des englischen Bauernstandes in neuer Beleuchtung* (Arch. f. Sozialwiss. 1907). См. также *Pollock.* Land *Laws. Pollock—Maitland. History of English Law. Rogers. Six Cent.*, его же *Economic Interpretation of History* и т. VII. *Hist. of Agriculture* (вышло послѣ его смерти). *Prothero. The Pioneers and Progress of English Farming. 1888* и въ переработанномъ видѣ: *English Farming Past and Present. 1912. Faber. Entstehung des Agrarschutzes in England.* 1888 и Маколея (The history of England), гл. III.

Въ отношеніи *Швейцаріи* (Савои, Лотарингіи).—*Darmstädter. Die Befreiung der Leibeigenen in Savoyen, der Schweiz und Lothringen.* 1897. *Claassen. Schweizerische Bauernpolitik im Zeitalter Zwinglis* 1899. *Испанія—Häbler. Die wirtschaftliche Blüte Spaniens und ihr Verfall.* 1886 (глава о сельскомъ хозяйствѣ). *Desdevises du Dezert. L'Espagne de l'ancien régime.* La richesse et la civilisation. 1904. (p. 1—48; l'agriculture). *Бельгія—Brants. Essai historique sur la condition des classes rurales en Belgique jusqu'au XVIII siècle.* Mém. de l'acad. royale etc. 1880 (въ отношеніи XVII—XVIII ст. касается почти исключительно развитія сельскаго хозяйства). Много данныхъ для различныхъ странъ содержитъ *Naudé. Getreidehandelspolitik Europäischer Staaten vom XIII bis XVIII Jahrh.* 1896 (Acta Borussica, изд. берл. акад.).

ГЛАВА I.

Оживленіе въ области сельскаго хозяйства; общій характеръ аграрныхъ условій.

Въ XVII — XVIII ст. замѣчается значительное оживленіе въ области сельскаго хозяйства. Господствовавшія вѣками системы полеводства признаются неудовлетворительными; обнаруживается желаніе перейти отъ трехпольной системы къ болѣе интенсивной культурѣ, какъ и вообще замѣнить унаслѣдованные отъ отцовъ и дѣдовъ принципы хозяйства раціональной организаціей его.

Прекращеніе вѣкового застоя выразилось прежде всего въ появленіи богатой агрономической литературы, оригинальной и переводной, въ формѣ энциклопедій, журналовъ и монографій,—литературы, трактовавшей о вопросахъ полеводства и животноводства, объ агрономіи, агрономической химіи и экономіи сельскаго хозяйства; всѣ эти области знанія были въ тѣ времена тѣсно связаны и изучались одними и тѣми же лицами.

Первыя агрономическія сочиненія появляются въ Западной Европѣ уже весьма рано—въ XIII вѣкѣ въ Италіи (Petrus de Crescentiis), въ XVI вѣкѣ во Франціи (Charles Etienne „Maison rustique)“, и Германіи (Heresbach, Coler), не считая переводовъ римскихъ писателей на различные языки—Варрона, Колумелы, Палладія. Эти сочиненія частью имѣютъ форму разговоровъ между различными вымышленными лицами по вопросамъ наилучшаго способа веденія

хозяйства; частью они составлены въ видѣ сельско-хозяйственныхъ календарей и альманаховъ, заключающихъ въ себѣ и много суевѣрій, напр., о вліяніи луны на растенія и животныхъ; частью, наконецъ, они представляютъ собою и систематическія сочиненія. Въ Германіи создалась цѣлая т. наз. Hausväter-literatur, — т. е. издавались руководства относительно веденія домохозяйства; въ нихъ излагаются правила печенія хлѣба; приготовленія пищи, даются медицинскіе совѣты, разбираются вопросы этики и религіи; но въ то же время содержатся принципы сельскаго хозяйства со ссылками на римскихъ писателей и съ историческими вступленіями, начиная отъ Адама и Евы, какъ это вообще было принято въ книгахъ того времени. Тотъ фактъ, что книги извѣстныхъ авторовъ перепечатывались въ почти неизмѣненномъ видѣ разными книгопродавцами и издавались вновь, свидѣтельствуетъ о томъ интересѣ, съ которымъ относилось общество къ агрономической литературѣ [1]).

Однако, новыхъ принциповъ веденія хозяйства напрасно было бы искать въ этихъ сочиненіяхъ; дѣло ограничивается указаніемъ на необходимость различныхъ частичныхъ измѣненій,—эпоха провозглашенія новыхъ идей, ведущихъ къ кореннымъ реформамъ, эпоха оживленія въ области сельскаго хозяйства была впереди.

Одновременно съ появленіемъ новой агрономической литературы въ XVIII ст. стали возникать и сельскохозяйственныя общества во всѣхъ странахъ Европы. Государство же, сочувствуя образованію послѣднихъ, съ своей стороны принимаетъ различныя поощрительныя мѣры къ развитію сельскаго хозяйства. Оно выписываетъ и раздаетъ населенію сѣмена новыхъ растеній и племенной скотъ, устраиваетъ сельско-хозяйственныя станціи и питомники, поощряетъ разведеніе тутовыхъ деревьевъ, создаетъ учрежденія сельско-хозяйственнаго кредита, выдаетъ преміи за разведеніе новыхъ культуръ и примѣненіе новыхъ видовъ удобреній.

Движеніе исходило изъ Нидерландовъ, гдѣ уже съ XVI ст. широко примѣнялась (во Фландріи) культура клевера и рѣпы и чрезъ засѣваніе кормовыми травами парового поля совершался переходъ отъ трехпольной къ плодосмѣнной системѣ. А изъ Нидерландовъ оно перешло въ Англію. „Голландцы—говоритъ Роджерсъ — занимались земледѣліемъ, обнаруживая при этомъ терпѣніе и прилежаніе садовниковъ. Имъ удалось достигнуть значительныхъ успѣховъ въ области разведенія какъ растеній, необходимыхъ для человѣческаго питанія, такъ и тѣхъ, которыя удовлетворяютъ изысканному вкусу. Они насъ обучили земледѣлію и садоводству. Они были первымъ народомъ, начавшимъ окружать свои жилища клумбами, палисадниками, красивыми цвѣтниками. Они сажали плодовыя деревья, улучшали растенія, вводили новые корни и травы, необходимые для людей и животныхъ. Голландцамъ — заключаетъ онъ—мы должны быть благодарны за то, что въ Англіи нѣтъ болѣе цинги и проказы, что непрерывно слѣдующія одна за другой жатвы замѣнили систему оставленія полей подъ паромъ, что найденъ и усовершенствованъ плодосмѣнный сѣвооборотъ, что населеніе Великобританіи возросло, количество же рогатаго скота и овецъ увеличилось въ десять разъ, а по вѣсу и качеству повысилось втрое“.

Уже англійскіе агрономы XVII вѣка, среди нихъ на первомъ планѣ натурализовавшійся въ Англіи голланецъ Гартлибъ, другъ Мильтона, и Платтесъ, также голландецъ по происхожденію, старались объяснить англи-

[1]) См. Goltz. I. 290 и сл. 305. 316. Acta Borussica. III. p. 15 и сл.

чанамъ, какимъ образомъ голландцы стали учителями другихъ народовъ въ области сельскаго хозяйства. Они пропагандировали новую раціональную систему хозяйства, основанную на перемѣнномъ сѣвооборотѣ. Эта система должна была замѣнить собою обычное трехпольное хозяйство (паръ, озимь, ярь) введеніемъ въ сѣвооборотъ кормовыхъ травъ: рѣпы (турнепса), райграса, клевера, посѣвъ которыхъ даетъ возможность устранить непроизводительныя паровыя поля. Въ XVIII вѣкѣ эти новые принципы хозяйства получили дальнѣйшее развитіе, благодаря дѣятельности Іетро Тулля, „джентльмена изъ Беркшира", который уже съ 1701 г. сталъ примѣнять рядовой посѣвъ. Въ 1731 г. онъ выпустилъ книгу, ставившую во главѣ угла плодоперемѣнную систему хозяйства, гдѣ различныя растенія воздѣлываются послѣдовательно одно за другимъ, приготовляя нѣкоторымъ образомъ почву одно для другого и устраняя то утомленіе почвы, которое вызывается слишкомъ однообразной культурой хлѣбныхъ злаковъ. Сѣмена, брошенныя Туллемъ и его предшественниками, попали на благодарную почву: цѣлое поколѣніе лордовъ-землевладѣльцевъ подхватило новое ученіе и стало примѣнять его въ своихъ помѣстьяхъ, стараясь такимъ путемъ увеличить свои доходы. Едва ли не наиболѣе извѣстенъ среди нихъ лордъ Тоуншендъ, покинувшій послѣ своей ссоры съ Вальполемъ въ 1730 году столицу и начавшій примѣнять въ своемъ имѣніи въ Райнгеймѣ въ графствѣ Норфольскомъ, ту новую систему раціональнаго хозяйства, съ которой онъ успѣлъ ознакомиться еще во время своего пребыванія въ Голландіи въ качествѣ англійскаго посланника. Дренажъ болотистой почвы, удобреніе мергелемъ, разведеніе искусственныхъ луговъ, введеніе новаго, знаменитаго „норфолькскаго" четырехпольнаго сѣвооборота изъ турнепсовъ, ячменя, клевера и пшеницы, — все это создало то образцовое норфолькское хозяйство, слава о которомъ распространилась вскорѣ далеко за предѣлами Англіи; автора ея, разводившаго турнепсы, прозвали Tnrnip-Towushend [1]).

Другіе лорды (маркизъ Рокингемъ, герцогъ Бедфордскій, лордъ Эджремонтъ, лордъ Клеръ, лордъ Галифаксъ) вскорѣ послѣдовали его примѣру; занятіе земледѣліемъ стало модой, и всякій считалъ себя пригоднымъ руководить самостоятельно своимъ хозяйствомъ, производить опыты и дѣлать нововведенія. Писатели этого времени разсказываютъ, что аристократы бесѣдовали объ удобреніи и дренажѣ, о выгодности того или иного сѣвооборота, о разведеніи рогатаго скота и свиней съ неменьшимъ оживленіемъ, чѣмъ ихъ отцы объ охотѣ, лошадяхъ и собакахъ. Интересъ къ сельскому хозяйству сталъ распространяться и въ другихъ кругахъ населенія: „цехъ земледѣльцевъ—говоритъ Артуръ Юнгъ—обнимаетъ въ настоящее время всѣ сословія, начиная отъ герцога и кончая ремесленнымъ подмастерьемъ". Лондонскіе жители, проводившіе пять дней въ недѣлю въ коммерческихъ дѣлахъ, занимались остальные два дня сельскимъ хозяйствомъ. Люди, готовившіе себя къ совершенно инымъ профессіямъ, покидали ихъ и посвящали себя этому столь пріятному повидимому и независимому занятію. Врачи, адво-

[1]) Ср. Mantoux. Révol. industr. p. 148 и сл.

каты, пасторы, купцы, солдаты, моряки — всѣ стали въ то же время сельскими хозяевами [1]).

Вскорѣ новая страсть къ занятію земледѣліемъ перешла за предѣлы Англіи, зараза сообщилась французамъ. „Около 1750 года—говоритъ Вольтеръ — французскій народъ, пресыщенный стихами, трагедіями, комедіями, операми, романами и еще болѣе размышленіями о морали и о богословскихъ вопросахъ, сталъ, наконецъ, думать о хлѣбѣ. Даже виноградники были забыты, говорили лишь о пшеницѣ и ржи. Писали полезныя вещи о земледѣліи, которыя читались всѣми, за исключеніемъ однихъ... крестьянъ. Возвращаясь домой изъ Opéra Comique, устанавливали тотъ фактъ, что Франція имѣетъ массу хлѣба для вывоза“ [2]). Толчокъ исходилъ изъ Англіи: подобно тому, какъ англичане старались перенять у голландцевъ ихъ усовершенствованную сельско-хозяйственную культуру, французы наблюдали то, что происходило по ту сторону Ламанша, и не могли надивиться тому, что англичане, благодаря развитію своего сельскаго хозяйства, достигли возможности покрывать потребность въ хлѣбѣ собственнымъ производствомъ, тогда какъ Франція 1715—1755 г.г. вынуждена была еще ввозить пшеницу на 200 милліоновъ ливровъ [3]).

Французскія агрономическія сочиненія начала XVIII вѣка содержали еще много суевѣрій, вродѣ тайны тайнъ Лаперріера, посредствомъ которой увеличивалось количество хлѣба чудеснымъ образомъ; затѣмъ агрономическая литература въ теченіе полустолѣтія почти совершенно заглохла. Но, начиная съ 1750 года, Францію сразу захлестнула волна выходившихъ одно за другимъ и посвященныхъ сельскому хозяйству сочиненій, оригинальныхъ и переводныхъ, монографій, словарей, періодическихъ изданій. Ведется „полная пыла и энергіи проповѣдь о необходимости идти по стопамъ Англіи съ ея богатой земледѣльческой культурой“.

Началось съ изданія переводовъ цѣлаго ряда англійскихъ писателей, какъ напр., Hale'а, экземпляры котораго чрезъ посредство мѣстныхъ интендантовъ раздавались крестьянамъ, въ особенности же извѣстнаго Тулла, книга котораго въ переработкѣ Дюгамеля вышла въ 1751 году. Въ появившемся въ томъ же году первомъ томѣ (д'Аламберовской) „Энциклопедіи“ уже имѣется принадлежащая перу Дидро статья „сельское хозяйство“, гдѣ трактуется эта совершенно новая наука; въ этой статьѣ излагается рядомъ съ господствующими системами земледѣлія и новая система, предложенная Тулломъ. Затѣмъ французы стали самостоятельно разрабатывать вопросы сельскаго хозяйства, настаивая на необходимости распашки пустопорожнихъ земель и пастбищъ: „такая распашка обозначаетъ расширеніе территоріи, увеличеніе количества подданныхъ, ростъ доходовъ страны и усиленіе ея могущества“. Въ особенности же Патулло своей небольшой, ясно и просто написанной книжкой о плодосмѣнной системѣ ознакомилъ широкіе слои населенія съ новымъ раціональнымъ способомъ хозяйства. При этомъ онъ заходитъ еще дальше своихъ учителей, отдавая половину и даже двѣ трети пахотныхъ земель подъ кормовыя травы,— подъ „искусственные луга“, какъ во Франціи стали называть плодосмѣнную культуру. Французы пошли дальше и въ другомъ отношеніи: они старались привести въ связь новую науку сельскаго хозяйства съ химіей и физикой и поставить ее на вполнѣ научныя основанія, изучая питаніе растеній и соотношеніе между ихъ произрастаніемъ и неорганическими субстанціями почвы [4]).

---

1) Rogers. Chap. XVII.
2) Voltaire. Dictionnaire philosophique. IV.
3) Wolters. p. 158. 165—166. 201.
4) Ibid. 158—170. 200—210.

Вторая половина XVIII вѣка составляетъ, такимъ образомъ, и во Франціи эпоху сильнаго оживленія въ области сельскаго хозяйства: наканунѣ революціи послѣднимъ интересовались ничуть не менѣе, чѣмъ политическими и религіозными вопросами. Сельское хозяйство — читаемъ въ Journal Economique 1763 г. — не должно оставаться въ рукахъ тѣхъ, чей кругозоръ ограниченъ и кто, не будучи въ состояніи подняться выше повседневныхъ интересовъ, не можетъ разобраться въ томъ, что правильно и что неправильно. Находили, что на службу сельскому хозяйству должны идти лучшіе умы. При этомъ ссылались на древнихъ, которые и въ области сельскаго хозяйства, по мнѣнію французовъ того времени, достигли совершенства, знали даже якобы травосѣяніе. Древніе только тѣхъ признавали богами, кто ихъ научилъ пользоваться дарами природы — Цереру, Вакха, Триптолема, и имена извѣстнѣйшихъ людей заимствованы отъ названій растеній (Лентулъ, Фабій, Пизонъ, Цицеронъ), культуру которыхъ они усовершенствовали [1]). По примѣру этихъ древнихъ грековъ и римлянъ, во Франціи, какъ и въ Англіи, крупнѣйшіе люди посвятили себя новой дѣятельности. Choiseul est agricole et Voltaire est fermier“ вошло въ поговорку; Пармантье разводитъ картофель (отсюда названіе картофеля — parmantière); Добантонъ вводитъ мериносовое овцеводство. Учреждается цѣлый рядъ сельско-хозяйственныхъ обществъ — въ Реннѣ, Тулузѣ, Ліонѣ, Орлеанѣ и т. д., повсюду они выростаютъ, „какъ грибы послѣ дождя“. Лабишъ насчитываетъ свыше 40 такихъ обществъ [2]). Парижское общество издаетъ „Mémoires d'agriculture“, въ которыхъ принимаетъ участіе самъ Артуръ Юнгъ—„оракулъ англійскаго земледѣлія“.

И въ Германіи вторая половина XVIII вѣка составляетъ эпоху оживленія въ области сельскаго хозяйства. Со всѣхъ концовъ Европы Германія, въ особенности Пруссія, старается заимствовать новыя усовершенствованія. „Завоевавъ мирнымъ путемъ цѣлую провинцію“, — какъ говорилъ Фридрихъ Великій въ 1753 г., когда было осушено 225 тысячъ моргеновъ по Одеру,—прусскій король привлекъ сюда колонистовъ; послѣдніе принесли съ собой изъ Франціи, Богеміи, Пфальца, Голландіи свѣдѣнія о лучшихъ способахъ обработки земли и разведенія скота, о посѣвѣ клевера и табаку, устроили мызы по голландскому образцу, которыя назывались „Holländeren“. Фридрихъ Вел. рекомендовалъ землевладѣльцамъ „англійскую“ систему хозяйства, подъ которой понималъ посѣвъ кормовыхъ травъ, и засѣянныя ими пространства онъ, по примѣру французовъ, называлъ „искусственными лугами“. Изъ Италіи онъ выписывалъ сѣмена лупины, приказывалъ разводить на королевскихъ доменахъ картофель [3]), поощрялъ разведеніе испанскихъ мериносовыхъ овецъ. Еще большій, быть можетъ, памятникъ онъ воздвигъ себѣ впервые введенной организаціей поземельнаго кредита („Landschaften“), ибо если и до него „болѣзнь“ въ видѣ задолженности

1) Wolters. p. 170—177.
2) См. Labiche. Sociétés d'agriculture au XVIII siecle. p. 35—36.
3) Cartoufle отъ tartoufle—въ Италіи его смѣшивали, вслѣдствіе внѣшняго сходства, съ трюфелями—tartuffolo.

дворянскаго землевладѣнія была несомнѣнна, то „лѣкарство“ было раньше неизвѣстно,—какъ писалъ Юстусъ Мезеръ [1]).

Въ связи съ учрежденіемъ, начиная съ 1727 года, почти во всѣхъ (ихъ было около двадцати) нѣмецкихъ университетахъ каѳедръ камеральныхъ наукъ, въ составъ которыхъ входило и сельское хозяйство, и въ Германіи находимъ во второй половинѣ XVIII вѣка богатую сельскохозяйственную литературу. Эта литература, основанная на детальномъ знакомствѣ съ англійскими и французскими авторами и на заимствованіяхъ у нихъ, оказала, въ лицѣ камералистовъ, большое вліяніе на государей, государственныхъ дѣятелей и землевладѣльцевъ.

Въ отличіе отъ сочиненій XVII вѣка, дающихъ совѣты о томъ, какъ долженъ поступать прилежный хозяинъ (см. выше, стр. 250), въ этихъ сочиненіяхъ имѣется въ виду сельскохозяйственное предпріятіе и излагаются способы наиболѣе раціональнаго и доходнаго веденія его. Назовемъ хотя бы Пфейффера и Юсти; Цинке, издавшаго 16 томовъ „Leipziger Sammlungen“, своего рода періодическое изданіе, гдѣ почти все написано имъ самимъ; Крюница, автора (неоконченной) энциклопедіи въ 72 томахъ, Антона, написавшаго пятитомную исторію сельскаго хозяйства (доведено до XV вѣка); послѣ него и вплоть до настоящаго времени исторія сельскаго хозяйства Германіи написана всего два раза—Лангеталемъ и Гольцомъ.

Еще большее значеніе имѣли сельскіе хозяева-практики, изучившіе земледѣліе не только въ Германіи, но и въ Англіи, Нидерландахъ, частью и во Франціи; среди нихъ особенно извѣстенъ Іоаннъ Христіанъ Шубартъ— „благодѣтель человѣчества“, какъ называетъ его Теэръ. Послѣ удачныхъ опытовъ съ посѣвомъ клевера, свекловицы, марены, табаку, онъ явился убѣжденнымъ сторонникомъ плодосмѣнной системы хозяйства. Подъ его вліяніемъ цѣлый рядъ высокопоставленныхъ владѣльцевъ обширныхъ имѣній стали вводить у себя усовершенствованія; а отъ императора Іосифа II Шубартъ за свои труды по распространенію клевера получилъ званіе „рыцаря священной римской имперіи von dem Kleefelde“ [2]). И въ Германіи среди сельскихъ хозяевъ обнаружилась „болѣзненная страсть“ расширять пахоти; появились рѣшительные противники паровыхъ полей и общинныхъ выгоновъ, которые „съ сотворенія міра не воздѣлывались и поэтому превратились въ желѣзо“ [3]). И здѣсь стали интересоваться рогатымъ скотомъ „больше, чѣмъ верховыми лошадьми, гончими и метрессами“ и „только того признавали сельскимъ хозяиномъ, кто день и ночь говоритъ о скотѣ“ [4]) [5]).

Каковы же были результаты новаго движенія? Успѣхи, сдѣланные въ области сельскаго хозяйства въ смыслѣ осуществленія новыхъ идей, примѣненія на практикѣ системы раціональнаго хозяйства, были прежде всего

---

[1]) Stadelmann. Preussens Könige in ihrer Thätigkeit für die Landeskultur. B. II. p. 42—55. Goltz. I. p. 474—476.

[2]) Goltz. I. p. 319—389.

[3]) Іоаннъ Бергенъ, возставая противъ существованія общинныхъ пастбищъ, не допускающихъ устраненія паровыхъ полей, сравнивалъ ихъ съ публичными женщинами, „которыми пользуется всякій въ видахъ наслажденія, но о которыхъ не заботится никто“.

[4]) Acta Bor. Getreidehandelspol. 22 и сл.

[5]) Такое же движеніе, стремленіе къ усовершенствованію системы хозяйства, сельско-хозяйственную литературу, сельско-хозяйственныя общества и т. д. находимъ и въ Испаніи въ концѣ XVIII ст. См. Desdevises du Dezert. p. 26 и сл.

не одинаковы въ различныхъ государствахъ. Больше всего было достигнуто въ Англіи, гдѣ постепенный переходъ къ травосѣянію начался уже весьма рано, гдѣ въ XVIII ст. уже совершалась въ значительной мѣрѣ замѣна прежняго трехпольнаго хозяйства улучшеннымъ зерновымъ. Какъ указываетъ Роджерсъ, до XVII ст. въ сельскомъ хозяйствѣ Англіи замѣчается полнѣйшій застой. Напротивъ, начиная съ этого времени, обнаруживается значительный прогрессъ въ видѣ распространенія посѣвовъ кормовыхъ травъ и корнеплодовъ. Уже въ концѣ XVII ст. сѣмена клевера встрѣчаются во всѣхъ прейсъ-курантахъ цѣнъ, не только на лондонскомъ, но и на другихъ рынкахъ. Но все же было бы ошибочно думать, что Англія уже въ XVIII ст. перешла къ плодосмѣнной системѣ. „Цѣликомъ, т. е. въ смыслѣ чередованія опредѣленныхъ категорій растеній, характера распашки и удобреній—говоритъ Брантсъ—эта послѣдняя система долгое время примѣнялась лишь во владѣніяхъ герцога Норфольскаго“ [1]).

Такой выводъ подтверждается и свидѣтельствами современниковъ. Съ одной стороны, Лауренсъ и Макферсонъ, писавшіе въ 1727 и 1729 г.г., говорятъ о значительныхъ улучшеніяхъ, совершившихся въ предшествующія десятилѣтія: „за послѣдніе годы во многихъ имѣніяхъ новыя улучшенія приняты во всемъ ихъ объемѣ, хотя—рѣчь идетъ о первой четверти XVIII вѣка—на гораздо большемъ числѣ хозяйствъ вліяніе современной техники очень мало или даже совсѣмъ не отразилось“ [2]). Точно также изъ жалобы Артура Юнга въ 1770 году, что едва ли многимъ болѣе половины, въ крайнемъ случаѣ двѣ трети всѣхъ англійскихъ сельскихъ хозяевъ разводятъ клеверъ, мы получаемъ представленіе о значительныхъ успѣхахъ, сдѣланныхъ сельскимъ хозяйствомъ Англіи съ конца XVII вѣка. Но, съ другой стороны, тотъ же Артуръ Юнгъ упоминаетъ о томъ, что лишь съ 60-хъ годовъ XVIII ст. сталъ распространяться рядовой посѣвъ Тулла; поэтому онъ находитъ (въ 1770 г.), что „въ земледѣліи за послѣднія десять лѣтъ сдѣлано больше опытовъ и открытій, обнаружено вообще больше здраваго смысла, чѣмъ раньше въ цѣлую сотню лѣтъ“, нѣсколько умаляя, правда, при этомъ—какъ указываетъ Манту [3])—заслуги предшественниковъ.

Значительно меньше было достигнуто, повидимому, во Франціи.

Въ XVI—XVII ст. и первой половинѣ XVIII ст. во Франціи — какъ указываетъ Henry Sée [4])—сельское хозяйство стояло еще на весьма низкой ступени развитія, почти не сдѣлавъ успѣховъ со времени средневѣковаго періода, когда всего одно изъ трехъ полей засѣвалось, другое представляло собою пастбище, а третье находилось подъ паромъ. Подобно тому, какъ въ позднее средневѣковье нерѣдко встрѣчаются крестьяне, „обрабатывающіе землю руками“, и въ эту эпоху мы еще находимъ случаи воздѣлыванія 7 — 8 арпановъ (арпанъ = $^1/_2$ дес.) земли заступомъ или мотыкой,—такія мѣстности назывались „раемъ для лошадей и адомъ для людей“. Но и въ другихъ мѣстахъ въ теченіе всего разсматриваемаго періода обычнымъ орудіемъ являлась деревянная соха, притомъ весьма примитивнаго устройства, напоминавшая во многомъ ту, которая описана еще Виргиліемъ; при помощи ея можно было только избороздить землю, но не

---

1) Brants. Mém. cour. publ. par l'Acad. royale de Belgique. T. XXXII. p. 210 и сл.
2) Toynbee. Industr. revol.
3) Mantoux. p. 153.
4) Sée. Les classes rurales en Bretagne du XVI siècle à la Révolution. Paris. 1906. p. 379—413.

вспахать ее, и двѣ трети площади оставались нетронутыми. При этомъ посѣвъ производился слишкомъ поздно, травы выпалывались весьма небрежно, что вредило не только ближайшему урожаю, но и слѣдующимъ. Удобреній было мало, и крестьянинъ вынужденъ былъ тратить чуть ли не третью часть своего времени на собираніе листьевъ, папоротника и тростника, смѣшивая ихъ съ тѣмъ небольшимъ количествомъ навоза, которое давали плохо питавшіяся коровы; для послѣднихъ не хватало пастбищъ, корма доставало лишь настолько, чтобы не дать имъ умереть съ голоду. Крестьяне заклинаніями боролись съ гусеницами, уничтожавшими молодые отростки, отлучали отъ церкви животныхъ, портившихъ овощи, ассигнуя на это ежегодно опредѣленную сумму, за здравіе же полезныхъ земледѣльцу животныхъ они служили молебны [1]). Въ отношеніи боязни всякихъ новшествъ ихъ сравнивали съ фламандскими рыбаками. Когда послѣдніе въ сѣтяхъ, брошенныхъ для ловли сельдей въ море, находятъ случайно попавшихъ макрелей, они тотчасъ же бросаютъ ихъ обратно въ море, ибо отцы ихъ всегда ловили макрелей исключительно удочкой [2]).

Если мы сравнимъ съ этимъ то, что нашелъ Артуръ Юнгъ въ концѣ 80-хъ годовъ XVIII вѣка, то увидимъ, что хотя въ предшествующіе полъвѣка были сдѣланы несомнѣнные успѣхи, но успѣхи эти были лишь частичные, происходили только въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ и обозначали лишь нѣкоторое измѣненіе прежней системы хозяйства, но вовсе не коренную ломку ея. Отъ французской сохи Артуръ Юнгъ—сравнивая ее съ англійской—вовсе не приходитъ въ восторгъ [3]), даже въ 1800 году усовершенствованная соха еще составляла исключеніе; вообще во многихъ мѣстностяхъ сельско-хозяйственная культура стоитъ, по его словамъ, „не выше, чѣмъ у гуроновъ“ [4]). Съ другой стороны, уже въ началѣ 60-хъ годовъ XVIII вѣка Journal Economique сообщалъ, что „искусственные луга“ въ большинствѣ провинцій съ каждымъ годомъ расширяются все болѣе и болѣе, что культура рѣпы, турнепса, клевера, эспарсета встрѣчается и на сѣверѣ и въ центральной Франціи. Во многихъ мѣстахъ разводится проникшій изъ Англіи и Швейцаріи картофель. Онъ былъ извѣстенъ уже въ XVII вѣкѣ, но тогда къ нему относились отрицательно, находя его вреднымъ растеніемъ, потребленіе котораго вызываетъ лихорадку, почему въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ посѣвъ картофеля былъ запрещенъ. Теперь, напротивъ, разведеніе его дѣлаетъ большіе успѣхи, благодаря усиліямъ Пармантье и поощренію, исходящему отъ двора; онъ долженъ былъ ежедневно подаваться къ столу короля; цвѣты картофеля Марія Антуанета даже носила въ петлицѣ. Картофель сталъ вскорѣ, въ особенности въ годы не-

1) D'Avenel. I. p. 298.

2) Wolters. p. 232.

3) A. Young. I. p. 116.

4) Тамъ же, p. 146. По поводу Норманди Бернье указываетъ на то, что удобренія приходилось доставать изъ отдаленныхъ мѣстностей, вслѣдствіе чего суки, стоившіе 25 ливр. на мѣстѣ, обходились съ перевозкой въ 100 ливр., не считая сломанныхъ телѣгъ, убитыхъ животныхъ и раненыхъ людей (ибо дороги кишѣли разбойниками). Поэтому населеніе прибѣгало къ старому, вѣками испытанному способу: сжигали мохъ и кустарникъ и золой посыпали землю и несмотря на доклады сельско-хозяйственнаго общества, земля не производила необходимаго жителямъ количества хлѣба. (Bernier. Les paysans de Basse-Normandie. p. 26—30).

урожая, обычной „пищей бѣдняковъ“ [1]), какъ его уже тогда называли, хотя Артуръ Юнгъ утверждалъ, что „99/100 рода человѣческаго едва ли согласятся потреблять картофель“ [2]).

Однако, наиболѣе характерную черту Франціи, по словамъ того же Юнга, составляло то, что „все, что онъ нашелъ хорошаго, либо приходилось на мѣстности съ особо плодородной почвой, какъ, напр., Фландрію, Эльзасъ, долину Гаронны, либо являлось результатомъ культуры какихъ-либо спеціальныхъ растеній, приспособленныхъ къ климату центральной и южной Франціи, какъ, напр., маисъ... Не странно ли—прибавляетъ онъ,—что въ то время, какъ въ Англіи наименѣе плодородныя земли наилучше воздѣланы или во всякомъ случаѣ обработаны не хуже, чѣмъ прочія, во Франціи лишь очень плодородныя земли эксплоатируются надлежащимъ образомъ?“ [3]). Фландріей, Артуа, Эльзасомъ Юнгъ остался весьма доволенъ; но, переѣзжая въ сосѣднія провинціи, Пикарди, Франшкомте, „вы попадаете—по его словамъ—въ совершенно новое государство, вы переходите границу, отдѣляющую здравый смыслъ отъ неразумія. Тамъ вы находитесь въ саду, но перейдите рѣку, и вы очутитесь на поляхъ лѣнивыхъ людей. Тамъ умъ человѣческій дѣятеленъ и смѣтливъ, здѣсь онъ находится въ состояніи застоя и безжизненности“ [4]). Однако, дальше, въ особенности къ югу и западу, пошли снова поля, засѣянныя люцерной и эспарсетомъ; мѣстами встрѣчается полное отсутствіе паровыхъ полей (на сѣверѣ они практикуются даже на лучшихъ участкахъ), на (крайнемъ) югѣ имѣется и правильно устроенное орошеніе полей (особенно въ Провансѣ и Лангедокѣ). Что сказать—говоритъ онъ о сельскохозяйственныхъ обществахъ—когда мы видимъ, что они тратятъ свое время и деньги на распространеніе плужковъ, конныхъ мотыкъ и красильныхъ растеній, въ то время какъ двѣ трети страны не знаютъ орошенія земель [5]). Въ заключеніе Юнгъ, подчеркивая большое распространеніе во Франціи паровыхъ полей, замѣчаетъ, „что, когда Людовикъ XIV разорялъ народъ ради того, чтобы посадить своего внука на испанскій тронъ и для завоеванія Фландріи, Эльзаса, онъ несомнѣнно сдѣлалъ бы свое государство гораздо болѣе богатымъ, счастливымъ и могущественнымъ, если бы устранилъ паровыя поля въ десяткѣ своихъ провинцій или ввелъ въ другихъ культуру рѣпы“ [6]).

Такую же параллель между второй половиной XVIII вѣка и предшествующей эпохой проводитъ Гольцъ въ отношеніи Германіи [7]). „До середины XVIII вѣка—говоритъ онъ—хозяйство вращалось въ печальномъ и весьма пагубномъ заколдованномъ кругѣ“. Обычный способъ обработки земли доставлялъ слишкомъ мало корма для скота; вслѣдствіе этого, невозможно было держать много скота. За недостаткомъ корма, коровы въ теченіе зимы настолько теряли силы, что къ веснѣ онѣ не въ состояніи

[1]) Labiche p. 135 и сл.
[2]) Young. II. 121.
[3]) Young. II. p. 135.
[4]) Young. II. 118. 122.
[5]) Young. II. 150—52.
[6]) Young. II. 140. Относительно распространенія новыхъ культуръ см. Brutails. p. 65 и сл. Calonne. p. 80 и сл.
[7]) Goltz. T. 2.

были подняться съ мѣста и идти на пастбище; ихъ приходилось привязывать за хвостъ и тащить туда,—отсюда они и назывались „Schwanzvieh“. Являвшееся же послѣдствіемъ этого отсутствіе удобреній въ свою очередь приводило къ низкому уровню полевого хозяйства. Оно вызывало недостаточно глубокое вспахиванье, разбивку полей на грядки, на середину которыхъ сваливались удобренія, ибо для всего поля ихъ не хватало, вызывало расточительную затрату удобреній и конечнымъ результатомъ былъ низкій урожай хлѣбовъ и соломы. Все это должно было совершенно измѣниться съ распространеніемъ культуры кормовыхъ травъ: послѣднія, доставляя возможность расширенія скотоводства, устраняли первопричину всѣхъ золъ недостатокъ удобреній. Однако, во второй половинѣ XVIII вѣка произошла лишь частичная перемѣна въ этомъ отношеніи. Лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ особ. въ Баденѣ, притомъ обыкновенно только въ крупныхъ хозяйствахъ, часть парового поля была отведена подъ культуру клевера и другихъ кормовыхъ травъ [1]), „въ садахъ, на пастбищахъ и паровыхъ поляхъ, повсюду, гдѣ только возможно было, стали сажать картофель, сажали его въ большомъ количествѣ, даже виноградники вынуждены были уступить ему мѣсто“. Плодосмѣнная же система въ цѣломъ, которая примѣнялась уже въ XVIII ст. въ Англіи, иногда встрѣчалась и во Франціи, въ Германіи была еще совершенно неизвѣстна, тѣмъ болѣе, что и въ теоріи она появилась здѣсь не ранѣе начала XIX вѣка. Если въ крупныхъ хозяйствахъ уже и ранѣе иногда слѣдовали принципу Юсти, что поле вовсе не нуждается въ отдыхѣ, то въ крестьянскихъ хозяйствахъ съ ихъ строго установленнымъ сѣвооборотомъ объ этомъ еще пока и рѣчи быть не могло.

Это послѣднее обстоятельство даетъ намъ отчасти и объясненіе того факта, что, несмотря на столь сильное оживленіе сельскохозяйственной литературы въ XVIII вѣкѣ, несмотря на всяческое содѣйствіе со стороны государства и общества къ распространенію новыхъ земледѣльческихъ культуръ, на практикѣ было достигнуто столь мало. „Акръ огороженной земли стоитъ четырехъ акровъ общинной“—говоритъ англійскій агрономъ XVII вѣка. Во Франціи же существованіе общинныхъ сервитутовъ приводитъ къ уничтоженію вновь разведенныхъ виноградниковъ пасущимся скотомъ [2]); еще въ 1753 и 1756 г.г. оно вызываетъ запрещеніе жать усовершенствованными инструментами, ибо это „лишало бы бѣдняка соломы, которой онъ въ своей хижинѣ покрывается и согрѣваетъ окоченѣвшіе члены“. Юсти въ своемъ сочиненіи «Von denen Hindernissen einer blühenden Landwirtschaft» обращаетъ вниманіе на другой фактъ, на невозможность улучшеній при томъ состояніи, когда крестьянинъ едва пробивается изо дня въ день и лишь съ трудомъ добываетъ необходимыя для платежа податей средства. Еще дальше идутъ писатели XVIII вѣка, выставляющіе прямо требованіе „отмѣны узурпированныхъ правъ и крѣпостного права“, подъ которымъ понималось вообще всякое ограниченіе личной или имущественной свободы. Едва ли не наиболѣе рѣзко выражаетъ эту мысль Артуръ Юнгъ постоянно встрѣчающимися въ его дневникѣ замѣчаніями, вродѣ слѣдую-

1) См. Ludwig. Der badische Bauer im 18. Jahrh. p. 142—43.
2) Brutails. Econ. rur. du Roussillon. p. 50.

щихъ: „если вы когда-либо и гдѣ-либо встрѣчаете пустопорожнія земли, хотя на нихъ вполнѣ можно было бы произвести улучшенія, знайте, что онѣ принадлежатъ какому-нибудь крупному сеньору“, или: „плохая обработка, нищенскія жилища, навѣрное земля кого-либо изъ блестящихъ особъ, которыхъ я видѣлъ вчера во время церемоніи въ Версальскомъ дворцѣ...; признакомъ величія принцевъ и высокопоставленныхъ особъ являются пустоши, поросшія верескомъ земли, ихъ резиденціи окружены лѣсами, населенными оленями, вепрями и волками“.

„Безъ коренныхъ реформъ въ аграрныхъ отношеніяхъ—говоритъ проф. Н. И. Карѣевъ—вся агрономія тогдашняго времени оставалась въ большинствѣ случаевъ пустой забавой праздныхъ людей—ихъ агрономическіе опыты (за исключеніемъ картофельныхъ опытовъ) иногда не отличались отъ модной затѣи m-me Помпадуръ одѣваться молочницей, ихъ трактаты приносили столько же пользы, сколько вся развившаяся, подъ вліяніемъ агрономической моды, агрикольная поэзія“ [1]).

Что же было сдѣлано въ области аграрнаго строя, правового положенія крестьянъ въ періодъ XVI—XVIII ст., насколько измѣнилась степень личной несвободы крестьянъ и права и обязанности ихъ по землѣ въ эту эпоху? Необходимо прежде всего отмѣтить, что то общее положеніе, которое мы встрѣчаемъвъ особенности въ болѣе старыхъ сочиненіяхъ по аграрной исторіи и которое сводится къ идеѣ объ ухудшеніи положенія крестьянъ въ періодъ XVI—XVIII ст., не подтверждается новѣйшими изслѣдованіями. Какъ мы видѣли выше [2]), по сравненію съ эпохой ранняго средневѣковья, уже въ XIII—XV ст. замѣчается прогрессъ въ смыслѣ раскрѣпощенія крестьянъ. Не только въ Англіи въ это время въ значительной мѣрѣ исчезла личная зависимость и крестьяне пріобрѣли права на землю, но и въ другихъ странахъ—въ сѣверной Италіи, въ различныхъ областяхъ Испаніи (Каталонія, Наварра, Майорка), въ отдѣльныхъ швейцарскихъ кантонахъ (Швицъ, Ури, Унтервальденъ, Гларусъ, Апенцелль) крестьяне уже къ концу среднихъ вѣковъ освободились отъ личной зависимости, сеньоріальной юрисдикціи и повинностей, превратились частью въ свободныхъ землевладѣльцевъ, частью въ лично-свободныхъ арендаторовъ помѣщичьей земли. Въ теченіе слѣдующихъ столѣтій освобожденіе крестьянъ дѣлаетъ успѣхи и въ другихъ мѣстностяхъ и странахъ, въ особенности во Франціи и французской Швейцаріи, въ западной Германіи, гдѣ до XVI ст. лишь нѣкоторымъ категоріямъ крестьянъ удалось достигнуть болѣе благопріятнаго правового положенія. Если въ различныхъ частяхъ Западной Германіи мы наблюдаемъ даже реакцію въ періодъ, предшествующій Крестьянскимъ войнамъ, то она все же имѣла лишь временный характеръ и послѣ Крестьянскихъ войнъ не продолжалась болѣе [3]); аграрныя условія застыли въ томъ же положеніи на долгое время.

Только въ отношеніи восточныхъ областей Германіи можно утверждать, что положеніе крестьянскаго населенія ухудшилось. Это ухудшеніе въ смыслѣ большого прикрѣпленія къ землѣ, усиленія барщины и умаленія

---

[1]) Карѣевъ. Стр. 235—239.
[2]) См. стр. 75 и сл. 89 и сл. 97 и сл.
[3]) См. стр. 102.

правъ крестьянъ на землю происходило преимущественно въ эпоху Тридцатилѣтней войны и слѣдующаго за ней столѣтія. Съ половины XVIII вѣка появляются уже мѣропріятія, ведущія къ постепенному, хотя и медленному, раскрѣпощенію крестьянъ. Въ Пруссіи, Австріи, Мекленбургѣ, Гольштиніи это движеніе начинается весьма поздно, и поэтому постепенное раскрѣпощеніе продолжается вплоть до половины XIX вѣка. Въ другихъ странахъ совершенное освобожденіе крестьянъ имѣло мѣсто уже въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка; эти заключительные шаги могли быть сдѣланы уже тогда, благодаря тому, что постепенное облегченіе крѣпостного состоянія началось гораздо раньше, за сто-двѣсти и болѣе лѣтъ до французской революціи. Если считать правильнымъ мнѣніе объ усиленіи крѣпостной зависимости въ XVI—XVIII ст., то освобожденіе крестьянъ къ концу XVIII вѣка оказалось бы чѣмъ-то внезапнымъ, не вытекающимъ изъ всего предшествующаго развитія, не могло бы быть объяснено какъ послѣдній актъ совершавшагося вѣками процесса.

Изъ того факта, что въ Англіи крѣпостное состояніе исчезло въ значительной мѣрѣ уже къ концу среднихъ вѣковъ, во Франціи и Западной Германіи, постепенно облегчаясь, прекратилось къ концу XVIII и началу XIX ст., а въ Пруссіи и Австріи, послѣ періода ухудшенія, отмѣнялось съ начала XIX вѣка,—мы можемъ сдѣлать и другой выводъ, что и въ области крестьянскаго вопроса, какъ и въ распространеніи другихъ институтовъ освободительнаго характера, движеніе шло съ запада на востокъ. Конечно, о рѣзкихъ переходахъ едва ли можетъ быть рѣчь: подобно тому, какъ уже въ эпоху до Тридцатилѣтней войны мы находимъ зачатки, а нерѣдко и весьма развившіяся формы тѣхъ институтовъ, которые вполнѣ выступаютъ наружу только въ теченіе XVII и первой половины XVIII ст., и по мѣсту можно отмѣтить лишь постепенный переходъ. Разница же между отдѣльными частями Европы заключается въ томъ, что институты, получившіе въ однихъ мѣстностяхъ полное развитіе, въ другихъ остановились на полъ-пути, на предшествующей ступени, или что явленія, характерныя для данной мѣстности, въ сосѣдней съ ней не достигли столь широкаго распространенія и встрѣчаются лишь спорадически.

Оба эти положенія—различие по мѣсту съ запада на востокъ и все же лишь постепенный переходъ, подтверждаются при анализѣ условій *личной* зависимости крестьянскаго населенія, условій несвободы, обозначаемыхъ понятіями villainage, servage, Leibeigenschaft или Leibherrschaft (права помѣщика на личность крестьянина, ограниченія свободы передвиженія, вступленія въ бракъ, наслѣдованія, избранія занятій и т. д.). Но къ тому же выводу мы придемъ и при разсмотрѣніи правъ крестьянъ на землю, институтовъ *вещнаго* (помѣстнаго, сеньоріальнаго) права, Grundherrschaft, seigneurie (право на барщину, оброкъ, чинши); права эти могутъ быть весьма различны; начиная отъ держанія до тѣхъ поръ, пока заблагоразсудится вотчиннику („bis weiter“), и вплоть до граничащаго съ собственностью наслѣдственнаго эмфитевзиса.

ГЛАВА II.

Аграрный строй въ Англіи.

Съ XV вѣка аграрное развитіе Англіи совершается въ двоякомъ направленіи: въ смыслѣ распространенія овцеводства, съ одной стороны, и размежеванія общинныхъ угодій, съ другой стороны. Какъ результатъ того и другого, происходитъ образованіе крупныхъ помѣстій. Въ Англіи уже въ XIV и XV ст. производство шерсти достигло значительныхъ размѣровъ. Издержки, связанныя съ войнами Эдуардовъ и Генриховъ—говоритъ Роджерсъ — покрывались преимущественно поступленіями съ вывозныхъ пошлинъ на шерсть; огромныя суммы, выплачиваемыя Англіей римской куріи и различнымъ духовнымъ лицамъ въ XIII—XV ст., „прежде всего посылались ломбардскими банкирами во Фландрію въ видѣ шерсти, а затѣмъ уже оттуда переводились деньгами въ Италію". Въ 1454 г. палата общинъ составила списокъ изъ 44 сортовъ шерсти, цѣнностью отъ 13 до $2^1/_2$ ф. ст. за связку въ 364 фунта, вывозъ которыхъ допускался изъ Англіи; это были, повидимому, 44 различныя марки, которыя составляли предметъ обмѣна на фламандскомъ рынкѣ и большинство которыхъ производилось лишь въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ Англіи. Съ половины XV вѣка овцеводство въ Англіи расширяется еще болѣе; Кеннингемъ приводитъ это въ связь съ крестьянскимъ возстаніемъ 1381 г. Онъ указываетъ на то, что крестьяне едва ли работали послѣ возстанія особенно усердно; попытки же обрабатывать землю наемнымъ трудомъ, вслѣдствіе высокой заработной платы, не могли приводить къ благопріятнымъ послѣдствіямъ. Выходъ изъ этихъ затрудненій состоялъ въ превращеніи пахотей въ пастбища, ибо для пастьбы скота требовалось гораздо меньше рабочей силы, чѣмъ для обработки полей. Съ половины XV ст. начинается, какъ указываетъ Роджерсъ, и быстрый ростъ цѣнъ на шерсть,—новый стимулъ расширенія овцеводства, которое давало къ тому же легче сбываемый и транспортируемый и болѣе прочный продуктъ. Овцеводство распространяется по преимуществу на „огороженныхъ" земляхъ, т. е. выдѣленныхъ изъ чрезполосности, изъ общиннаго пользованія. Такъ какъ такое размежеваніе сопровождалось обнесеніемъ выдѣленныхъ земель изгородью, то весь процессъ получилъ названіе „огораживанія" (inclosure)—это послѣднее дѣйствіе казалось англичанамъ наиболѣе существеннымъ. Только при разверстаніи „богатый не будетъ объѣдать бѣднаго своимъ скотомъ, и каждый сможетъ использовать свой огороженный участокъ по своему желанію".

Распространеніе пастбищнаго хозяйства и производство огораживаній вызывали многочисленныя жалобы на то, что тамъ, гдѣ прежде были цѣлыя селенія, теперь имѣется лишь овчаръ со своей собакой, что дома и церкви превращены въ овчарни. До сихъ поръ—говорится въ одномъ памфлетѣ—намъ нужны были собаки для охраны овецъ; но лучше бы этихъ овецъ съѣли лисицы, ибо отъ нихъ погибаютъ цѣлые города и селенія, погибнетъ и все государство.

Мы находимъ рядъ законовъ, направленныхъ противъ дальнѣйшаго образованія крупныхъ фермъ (закономъ 1489 г. для острова Уайта запрещается имѣть аренды болѣе, чѣмъ на 10 мар. ежегодной ренты), противъ распространенія овцеводства (закономъ 1535 г. не дозволяется держать болѣе 2000 овецъ) и въ связи съ этимъ противъ разрушенія сельско хозяйственныхъ строеній, необходимыхъ для хлѣбопашества (законъ 1489 г., распространяющійся на всю Англію). Но когда кардиналъ Вольсей, не ограничиваясь этимъ, сталъ требовать возстановленія ранѣе разрушенныхъ строеній и возвращенія огороженныхъ земель подъ хлѣбопашество (законъ 1517—18 г.г.) и сдѣлалъ попытку осуществить эти постановленія на практикѣ, отдавъ приказъ (въ 1529 г.) срывать устроенныя ранѣе изгороди,—онъ потерпѣлъ полную неудачу, и послѣ его паденія преемники его уже не слѣдовали по его стопамъ. И впослѣдствіи законы, направленные противъ огораживаній, издавались неоднократно, иногда возобновлялись изъ года въ годъ (1563—по 1593 г.); они относятся преимущественно къ годамъ, слѣдовавшимъ за голодовками и высокими цѣнами на хлѣбъ, ибо въ послѣднихъ населеніе усматривало результатъ огораживаній (послѣ возстанія 1549 г. и голодовки 1550 г.—законъ о сохраненіи земледѣлія 1552 г.; неурожаи и голодовки 1594—97 г.г. вызвали статутъ 1598 г.). Но въ задачу законодателей, повидимому, вовсе не входило осуществленіе ихъ на практикѣ, а въ 1623 г. всѣ прежніе законы (до статута 1563 г. включительно) были отмѣнены, такъ какъ лишь напрасно занимали мѣсто въ кодексѣ: они „представляли собой такой запутанный лабиринтъ, что не могли приносить все равно никакой пользы“.

Не слѣдуетъ, конечно, принимать многочисленныя жалобы въ буквальномъ смыслѣ; да и вообще нѣтъ основанія предполагать, что замѣна земледѣлія овцеводствомъ была явленіемъ всеобщимъ, а не охватывала лишь нѣкоторыя мѣстности Англіи. Наиболѣе выгоднымъ такое хозяйство являлось въ среднихъ, центральныхъ графствахъ; здѣсь цѣна шерсти стояла, повидимому, наиболѣе высоко, цѣны же на хлѣбъ были весьма низки; здѣсь производство хлѣба для внѣшнихъ рынковъ, вслѣдствіе неудовлетворительности сухопутныхъ путей сообщенія и отдаленности отъ моря, являлось почти немыслимымъ, такъ какъ издержки провоза превышали цѣну продукта. Въ связи съ этимъ становится правдоподобнымъ предположеніе, которое высказываетъ Эдвинъ Френсисъ Гей, утверждая, что именно въ этихъ внутреннихъ графствахъ огораживанія только и имѣли мѣсто, — въ противовѣсъ господствующему мнѣнію, согласно которому огораживанія XV—XVI ст. охватили половину и даже $^2/_3$ Англіи.

Въ подтвержденіе своей мысли Гей ссылается на слѣдующія данныя. Во 1-хъ, на свидѣтельство писателя XV вѣка Роуса, который упоминаетъ объ огораживаніяхъ общинныхъ земель и распространеніи овцеводства, происходившихъ уже въ половинѣ XV вѣка, однако, говоритъ лишь о Midlands; во 2-хъ, на законъ 1597 года, изданный противъ огораживаній, который не распространяется на сѣверо-западныя, восточныя и южныя графства, ибо тамъ огораживанія не производятся въ значительныхъ размѣрахъ; наконецъ, на то, что въ XVII вѣкѣ жалобы на огораживанія раздаются главнымъ образомъ изъ Варвикшира, Сомерсетшира, Лейчестершира, Бедфордшира, Букингемшира.

Во всякомъ случаѣ, сравненіе вліянія огораживаній этой эпохи съ опустошающими послѣдствіями Черной смерти 1348—50 г.г. (Гасбахъ) является преувеличеннымъ не только потому, что огораживанія производились лишь въ отдѣльныхъ областяхъ Англіи, но и по той причинѣ, что они по своимъ размѣрамъ едва ли были значительны. За періодъ 1485—1517 годы, какъ видно изъ разслѣдованія комиссіи 1517—19 г., насчитывается

не сотня тысячъ, а всего 7 тысячъ жертвъ аграрнаго переворота и огорожено только 100 тыс. акровъ за все это время; а съ 1588 г. по 1607 г., на основанiи матерiаловъ другой комиссiи, огорожено еще меньше: 70 тыс. акровъ, пострадало 2,2 тыс. человѣкъ. Если имѣть въ виду, что въ первое тридцатилѣтiе XIX ст. огорожено было цѣлыхъ $3^1/_2$ милліона акровъ, и если допустить даже, что въ анкеты попали не всѣ данныя, то и тогда окажется все же, что это были „лишь слабые зачатки аграрной революціи“ [1]).

Если, такимъ образомъ, прежнія представленія о размѣрахъ огораживаній XVI вѣка оказываются сильно преувеличенными, то нельзя согласиться и со старымъ объясненіемъ этихъ огораживаній, согласно которому они представляли собой насильственную экспропріацію крестьянъ лордами, какъ утверждали Протеро и Марксъ [2]). Новѣйшие изслѣдователи (Лидэмъ, Гасбахъ, Эшли, А. В. Савинъ) признаютъ, что изгнанія держателей производились безъ прямого нарушенія закона, ибо и въ XVI ст. существовала еще многочисленная группа населенія, которая лишена была защиты своихъ земельныхъ правъ; Эшли полагаетъ, что въ такомъ положеніи находились всѣ копигольдеры: они не пользовались судебной защитой [3]).

Въ самомъ дѣлѣ, освобожденіе крестьяне въ XIV—XV ст. въ Англіи выражалось въ исчезновеніи вилланов, т. е. крѣпостного населенія, подлежавшаго барщинѣ и личнымъ повинностямъ [4]). Постепенно изъ вилланскаго держанія выростаетъ обычное держаніе или копигольдъ, т. е. держаніе на основаніи копіи—копіи, соотвѣтствующей мэноріальной записи о допущеніи держателей лордомъ во владѣніе землей. Хотя копигольдъ и является держаніемъ свободнымъ, но еще и въ эту эпоху сохраняются извѣстныя личныя ограниченія. При отчужденіи или наслѣдованіи въ пользу лорда вносится извѣстная плата, иногда сохраняется геріотъ или право лорда на лучшую штуку скота [5]) [6]).

Но еще существеннѣе то обстоятельство, что права копигольдера по землѣ были мало обезпечены, ибо—какъ объяснилъ проф. Савинъ—теоретически отношенія копигольдера къ лорду конструируются какъ личный договоръ, почему всякій перерывъ держанія формально возвращаетъ копигольдъ въ руки лорда, который какъ бы отъ себя уже передаетъ его (жалуетъ) другому лицу—наслѣднику или пріобрѣтателю. Изъ Литльтона, писавшаго въ концѣ XV и началѣ XVI ст., видно, что въ эту эпоху произволу лорда открывалось еще много простора. Даже у наслѣдственнаго держателя противъ изгнанія лордомъ имѣются только фактическія, но не юридическія гарантіи. Лордъ не захочетъ нарушить разумнаго обычая въ

---

1) Gay. Quart. Journ. of Econ. XVII. Гранатъ, стр. 89 и сл.
2) Prothero. Pioneers and Progress of Engl Farming. Марксъ. Капиталъ. I. гл. 24.
3) Ashley. Introduction. I. Hasbach. p. 26. 29. Савинъ, стр. 142 и сл.
4) См. выше, стр.
5) Cunningham. I. 458—59. Hasbach. p. 70—71. Савинъ, стр. 58 и сл. 77 и сл. 124 и сл.
6) Въ отдѣльныхъ рѣдкихъ случаяхъ сохранились еще въ XVII ст. (и даже XVIII ст.) такія повинности, какъ „выкупъ крови“, меркетъ, т. е. плата при выходѣ замужъ или рожденіи внѣ брака, даже и нѣкоторые виды барщины (Савинъ, стр. 136. 139. 420—21. Hasbach. p. 71).

виду уваженія къ нему, изъ страха предъ местью или пассивнымъ сопротивленіемъ населенія. Королевскіе судьи въ эту эпоху еще отказываютъ въ искѣ изгнанному наслѣднику, но если послѣднему удалось утвердиться силой и истцомъ является недовольный лордъ, то судъ можетъ войти въ разсмотрѣніе обычая, коимъ оправдывается отвѣтчикъ, и отказать лорду въ искѣ. Еще и Кичинъ (Kitchin), сочиненіе котораго вышло въ 1580 г., выражаетъ сомнѣніе — несмотря на его доброжелательное отношеніе къ копигольдерамъ — относительно права послѣднихъ возбуждать искъ о вторженіи (вслѣдствіе отнятія земли) противъ лорда, и только въ послѣдующее столѣтіе устраняется постепенно произволъ лорда, вслѣдствіе вмѣшательства судовъ общаго права въ интересахъ держателей. Такимъ образомъ, въ XVI вѣкѣ во всякомъ случаѣ лордъ могъ удалить съ своей земли крестьянъ, не встрѣчая преграды ни въ меноріальномъ обычаѣ, ни въ охранявшихъ этотъ обычай королевскихъ судахъ. Рядомъ съ наслѣдственными держаніями имѣлось много пожизненныхъ или такихъ, которыя давались на нѣсколько жизней — въ обоихъ случаяхъ земля въ результатѣ возвращалась къ лорду, который могъ ее отдать кому хотѣлъ или присоединить къ своему домену. Если онъ теперь даже не присоединялъ ее сразу къ домену, но передавалъ на основаніи общаго права (фригольдъ, а не копигольдъ), то имѣлъ впослѣдствіи всегда полную возможность, по окончаніи срока аренды, вернуть себѣ землю обратно [1]).

Но огораживанія—какъ установилъ И. Гранатъ—оказывались выгодными не только для лордовъ, но и для зажиточнаго крестьянскаго населенія, которому также „копыто овцы превращало песокъ въ золото“ [2]). Съ одной стороны, крестьяне становятся арендаторами пастбищныхъ угодій—такая аренда широко распространяется; а съ другой стороны, крестьянскія хозяйства, благодаря огораживаніямъ и пріобрѣтенію земель на сторонѣ, превращаются—какъ указываетъ г. Гранатъ — въ предпринимательскія хозяйства, въ хозяйства средней руки; уже въ XIV ст. до четверти дворовъ держало по полному надѣлу въ 30 акр., въ XV—XVI ст. еще большій процентъ дворовъ держитъ свыше 40 акр. Вмѣсто батраковъ крестьянинъ нашелъ болѣе выгоднымъ содержать овецъ, и поэтому „тамъ, гдѣ раньше работало 30, 40, 50 батраковъ, теперь занято лишь 3 или 4“. Такимъ образомъ, жалобы на то, что дома и селенія уничтожаются и прежніе жители, лишившись заработка, превращаются въ бродягъ, нищихъ и преступниковъ, или же умираютъ съ голода, что обращеніе пахотей въ пастбища создаетъ праздность, начало всѣхъ преступленій, — всѣ эти жалобы вызваны дѣйствіями не только лордовъ, но и крестьянъ; послѣдніе „обнаруживаютъ жадную погоню за всякими огороженными участками и даже неогороженными, но сплошными и по своему положенію легко допускающими огораживаніе и обращеніе пахоти въ пастбище“. Разверстаніе общинныхъ земель происходитъ нерѣдко на основаніи общинныхъ приговоровъ. Страдаютъ отъ перемѣны въ аграрномъ строѣ только малоземельные—коттеры—

---

[1]) См. Савинъ, стр. 78. 92 и сл. 100. 106 и сл. 142—156. 206. 402 и сл.
[2]) См. выше, стр. 97.

поскольку вообще, повторяемъ, такія перемѣны совершались въ эту первую эпоху огораживаній [1]).

По Эшли, періодъ огораживаній продолжается съ 1470 по 1600 г., причемъ съ 1530 г. движеніе замедляется. Кеннингемъ, Чини и Протеро также устанавливаютъ полуторавѣковый періодъ огораживаній, которыя съ конца XVI вѣка прекращаются и снова возобновляются въ началѣ XVIII ст. [2]). Однако, какъ указываютъ Гасбахъ и Гей, огораживанія въ XVII ст. не пріостанавливаются. Изъ молчанія писателей эпохи еще нельзя дѣлать подобнаго вывода, ибо писатели успѣли уже свыкнуться съ огораживаніями, какъ съ явленіемъ вполнѣ обыденнымъ; если литература предшествующаго столѣтія слишкомъ много кричала о бѣдствіяхъ, вызываемыхъ устройствомъ изгородей на общинныхъ выгонахъ, преувеличивая ихъ размѣры, то въ XVII ст. она обходила ихъ въ значительной мѣрѣ молчаніемъ, интересуясь другими вопросами.

Впрочемъ, далеко не вполнѣ: и въ XVII ст. мы встрѣчаемъ въ проповѣдяхъ такого рода мѣста: „огораживатель — кровожадный вепрь съ двумя дьявольскими клыками, изъ коихъ одинъ — деньги, которыми онъ вербуетъ себѣ друзей и достигаетъ того, что власти смотрятъ на него сквозь пальцы, а другой- нечистая совѣсть, которая не боится плыть по морю крови прямо въ адъ". И въ эту эпоху говорилось о прекрасныхъ поляхъ, которыя превращены въ печальныя и грустныя пустыни по милости ужасныхъ огораживателей, „какъ будто бы они стремились рано или поздно довести бѣдняковъ до голодной смерти", описывались муки ихъ въ аду, а въ 1607 г. огораживанія вызвали даже открытое возстаніе въ среднихъ графствахъ [3]).

Однако, несмотря на все это, до XVIII вѣка обезземеленье крестьянскаго населенія въ Англіи совершалось еще весьма медленно; оно приняло широкіе размѣры лишь въ XVIII вѣкѣ.

„Еще въ послѣднія десятилѣтія XVII ст.—говоритъ Марксъ—іомены, независимые крестьяне, были многочисленнѣе класса фермеровъ. Они еще составляли главную силу, на которую опирался Кромвель... Около 1750 года классъ іоменовъ исчезъ, а въ послѣднія десятилѣтія XVIII вѣка исчезли и послѣдніе слѣды общинной собственности земледѣльцевъ" [4]). Къ нѣсколько болѣе позднему времени относитъ обезземеленье фригольдеровъ или іоменовъ Тойнби. „Многочисленные и благоденствовавшіе въ XV ст. фригольдеры—читаемъ у него—пострадали нѣсколько отъ огораживаній въ XVI вѣкѣ, и хотя въ XVII вѣкѣ отъ времени до времени слышатся жалобы на консолидацію фермъ, однако, нѣтъ основаній полагать, чтобы число фригольдеровъ за это время значительно уменьшилось. Въ концѣ XVII ст. въ Англіи существовало, по разсчету Грегори Кинга, 180.000 фригольдеровъ, а менѣе чѣмъ черезъ столѣтіе тогдашніе памфлетисты и даже такіе осторожные писатели, какъ Артуръ Юнгъ говорятъ о мелкихъ собственникахъ, какъ о фактически исчезнувшемъ явленіи... Человѣкъ, незнакомый съ исторіей Англіи за промежуточный періодъ—продолжаетъ онъ—могъ бы подумать, что произошла какая-нибудь истребительная война или насильственная соціальная революція, вызвавшая переходъ собственности отъ одного класса къ другому. Но хотя предположеніе, сдѣланное въ такой формѣ, и невѣрно, тѣмъ не менѣе мы вправѣ сказать, что дѣйствительно произошла революція необыкновенной важности. Съ 1700 г. начинается постепенное исчезновеніе фригольдеровъ, однако, быстрымъ этотъ

[1]) Грапатъ, стр. 95. 166. 176. 180—198.
[2]) Cheney. Social changes in England. p. 103—4. Prothero. The Pioneers and Progress of English Farming. 1888 (Нов. изд. 1913). Cunninham. Vol. II. p. 53.
[3]) Gay. p. 54—63.
[4]) Marx. Kapital. I. 2 Aufl. 253—54.

процессъ сталъ лишь приблизительно съ 1770 года. Существуютъ несомнѣнныя доказательства, что можно найти много іоменовъ еще въ 1770 г., но въ 1787 году Артуръ Юнгъ признаетъ, что іомены фактически исчезли въ большей части страны" [1]).

Марксъ относитъ исчезновеніе крестьянства въ Англіи къ первой половинѣ XVIII вѣка, Тойнби — ко второй половинѣ этого столѣтія. Еще дальше въ этомъ отношеніи идетъ Рэ въ своей статьѣ: „Why have the yeomanry perished", утверждая, что особенно гибельной явилась для іоменовъ первая половина XIX вѣка [2]). Если окончательное уничтоженіе дѣйствительно относится лишь къ XIX вѣку, то все же нельзя не признать, что наиболѣе сильный ударъ имъ былъ нанесенъ уже въ XVIII вѣкѣ [3]), подъ вліяніемъ измѣнившагося характера огораживаній. Въ предшествующія столѣтія огораживанія совершались отдѣльными землевладѣльцами, переходившими къ системѣ крупныхъ фермъ, или отдѣльными общинами. Въ XVIII вѣкѣ они являлись массовымъ общественнымъ процессомъ, происходившимъ по опредѣленному плану. Прежде огораживанія выражались въ захватѣ лордомъ болѣе или менѣе значительной части общинныхъ земель или крестьянскихъ надѣловъ въ переходѣ зажиточныхъ крестьянъ къ пастбищному хозяйству. Теперь они состояли въ уничтоженіи остатковъ коммунистическаго аграрнаго строя и установленіи полной частной собственности на землю: образовались въ большомъ количествѣ округленныя, независимыя другъ отъ друга владѣнія, которыя окружались изгородями, показателями ихъ самостоятельности и индивидуализаціи. Между тѣмъ на этихъ пережиткахъ прежней, давно исчезнувшей, общинной организаціи покоилось хозяйство фригольдеровъ или іоменовъ,—оно было тѣсно связано съ существованіемъ общинныхъ пастбищъ, съ правомъ выгонять свой скотъ на земли сосѣдей послѣ уборки хлѣбовъ и т. п.; съ отмѣной ихъ оно оказывалось нежизнеспособнымъ, не будучи въ состояніи принаровиться къ новому аграрному строю.

А этотъ новый аграрный строй имѣлъ въ виду раціональную систему хозяйства, для которой окаменѣвшіе остатки старины являлись безусловнымъ препятствіемъ. Прогрессъ въ области земледѣлія требовалъ прежде всего уничтоженія чрезполосности земель, прекращенія т. наз. открытыхъ полей, т. е. полей, открытыхъ для общиннаго выпаса скота послѣ снятія жатвы; ибо эти поля вынуждали слѣдовать разъ навсегда установленному однообразному сѣвообороту и въ опредѣленное время производить тѣ или другія сельскохозяйственныя работы. Еще Фицгербертъ въ 1539 г. совѣтовалъ соединять разбросанные чрезполосно участки земли, говоря, что если акръ земли приносилъ шесть пенсовъ до того, какъ онъ огороженъ, то онъ будетъ приносить впослѣдствіи восемь пенсовъ, благодаря удобренію отъ скота, который будетъ ходить и лежать на немъ днемъ и ночью. А агрономы XVII вѣка говорили, что „бѣднякъ съ двумя акрами огороженной земли былъ бы богаче, чѣмъ съ 20 акрами „открытаго" поля".

Въ связи съ этимъ находилось стремленіе къ расширенію площади распашки путемъ превращенія общинныхъ земель (common), обширныхъ не-

[1]) Тойнби, стр. 66—71.
[2]) Contemporary Review. 1883. См. ниже, XIX вѣкъ.
[3]) Ср. Levy въ Jahrb. f. Nationaloek. 1903.

плодородныхъ пространствъ, которыми пользовались лишь въ качествѣ пастбищъ, въ пахотныя поля; а для того, чтобы и эти земли могли войти въ общій, болѣе раціональный сѣвооборотъ, необходимо было подѣлить ихъ, превратить ихъ въ частную собственность. Дѣйствительно, еще въ XVII вѣкѣ большая часть графствъ имѣла обширныя песчаныя, поросшія кустарникомъ площади земли, иногда сплошныя болотистыя равнины, гдѣ гнѣздились лишь дикія утки. Это были пустынныя мѣстности, „гдѣ серны бродили тысячами, какъ въ американскихъ лѣсахъ, по ночамъ слышно было, какъ стонала дикая кошка, а огромные орлы появлялись стадами въ 50—60 штукъ и вытаскивали рыбъ изъ воды“ (Маколей). На крайнемъ сѣверѣ Англіи на пространствѣ 150 миль глазъ не находилъ ни одной обработанной полосы. Во второй половинѣ XVIII вѣка былъ произведенъ дренажъ общинныхъ болотъ въ цѣломъ рядѣ графствъ; вообще же въ теченіе XVIII вѣка было огорожено и поступило подъ плугъ свыше трехъ милл. акровъ общинныхъ (пастбищныхъ) земель; площадь сельскохозяйственной обработки, такимъ образомъ, сильно возросла.

Не только земледѣліе, но и скотоводство дѣлало значительные успѣхи; разведеніе овецъ и производство шерсти смѣнилось разведеніемъ новыхъ породъ рогатаго скота и барановъ для сбыта мяса, масла, молока. Въ то время, какъ въ предшествующую эпоху имѣлись лишь маленькіе и тщедушные экземпляры рогатаго скота, немногимъ отличавшіеся отъ того, что получалось, когда они бродили въ полудикомъ состояніи, въ теченіе XVIII вѣка путемъ скрещиванья созданы были новыя породы. Конструкція ихъ въ видѣ тонкихъ костей, короткихъ членовъ, маленькой головы, мало развитыхъ роговъ прямо указываетъ на ту цѣль, которую себѣ ставили при ихъ разведеніи: добыть какъ можно больше мяса и возможно лучшаго качества, устраняя все остальное, что не являлось необходимымъ для этого. Въ особенности Лондонъ предъявлялъ обширный спросъ на продукты скотоводства. Сосредоточивая въ своихъ стѣнахъ болѣе $^1/_{10}$ всего населенія Англіи, притомъ наиболѣе состоятельную его часть — дворъ, парламентъ, владѣльцевъ государственныхъ фондовъ, онъ, по Эдену, въ 1732 г. потреблялъ 28 милл. фунт. говядины и 14 милл. ф. баранины, а полъ-вѣка спустя (въ 1794 г.) 50 милл. ф. бычачьяго и 25 милл. ф. бараньяго мяса, т. е. вдвое больше. Даже отдаленныя отъ него мѣстности могли, благодаря сооруженію шоссейныхъ дорогъ, производить мясо и другіе продукты для лондонскаго рынка [1]).

Стремленіе къ раціональному земледѣлію, къ расширенію пахотныхъ полей, къ улучшенію животноводства,—все это находится въ тѣсной связи съ возростаніемъ цѣнъ на хлѣбъ и на прочіе сельскохозяйственные продукты (мясо, молоко, масло); цѣна пшеницы составляла въ 1740 и 1750 годахъ въ среднемъ 29 и 37 шилл. за квартеръ, а въ слѣдующія десятилѣтія достигала въ среднемъ 51 шилл.

Въ связи съ этимъ характеромъ огораживаній вполнѣ понятно, что и самое отношеніе государства къ огораживаніямъ было совершенно иное,

---

[1]) Hasbach. p. 13—14.

чѣмъ прежде; по крайней мѣрѣ иное оно было формально, ибо фактически государство и прежде имъ не препятствовало,—тѣмъ болѣе, что огораживанія вѣдь совершались теперь не отдѣльными лицами, а всѣми жителями данной мѣстности, по взаимному соглашенію. Именно характерную черту огораживаній XVIII вѣка составляло и то, что они совершались не противозаконно, какъ въ XV—XVII ст., а на легальномъ основаніи. Марксъ поэтому и говоритъ о „парламентарной формѣ грабежа“ въ XVIII вѣкѣ, о томъ, что „законъ самъ явился теперь средствомъ захвата народныхъ земель“—въ этомъ выразился „прогрессъ“. Посредствомъ „bills for inclosures of commons“, т. е. статутовъ, „лендъ-лорды сами себѣ дарили народныя земли въ частную собственность“ [1]). Происходило это такимъ образомъ, что землевладѣльцы, заинтересованные въ уничтоженіи черезполосицы и „открытыхъ“ полей, въ дѣленіи общинныхъ пустошей, созывали собраніе, на которомъ владѣльцы $^{4}/_{5}$ всей земли, подлежащей превращенію въ индивидуальную собственность, должны были дать на это свое согласіе; послѣ этого подавалась соотвѣтствующая петиція въ парламентъ. Разсмотрѣвъ петицію и произведя иногда анкету, парламентъ издавалъ билль, коимъ разрѣшалось огораживаніе. Всего такихъ биллей въ XVIII вѣкѣ издано свыше 1700. За биллемъ слѣдовало самое распредѣленіе земель, дѣленіе пустошей и округленіе владѣній, поручаемое парламентомъ 3—7 комиссарамъ съ весьма широкими полномочіями.

Однако, несмотря на такой, съ внѣшней стороны, вполнѣ законный характеръ, фактически и эти огораживанія производились исключительно съ интересахъ крупныхъ и среднихъ землевладѣльцевъ, лордовъ и зажиточныхъ крестьянъ; мелкіе же держатели терпѣли отъ нихъ прямой ущербъ. Они лишались возможности выпаса скота на общинной землѣ и на чужихъ поляхъ послѣ уборки хлѣба и получали взамѣнъ этого лишь небольшой клочокъ пастбища, почему вынуждены были сократить количество содержимаго скота. Мало того, комиссары, назначаемые парламентомъ, состоявшимъ изъ тѣхъ же крупныхъ землевладѣльцевъ, принадлежали также либо къ числу послѣднихъ, либо къ угоднымъ лордамъ лицамъ и имѣли въ виду лишь интересы крупныхъ землевладѣльцевъ [2]). Лишь въ 1801 году появился законъ, согласно которому комиссарами при огораживаніяхъ не могутъ быть лица, имѣющія какія-либо права на огораживаемыя земли, а равно состоящія или состоявшія на службѣ у владѣльцевъ этихъ земель. До этого времени, т.-е. въ эпоху, когда огораживанія производились въ особенно широкихъ размѣрахъ (съ 1760 до 1797 г.), способъ назначенія комиссаровъ обезпечивалъ крупнымъ землевладѣльцамъ лучшія земли и вообще возможность произвести огораживанія на наиболѣе выгодныхъ для себя условіяхъ.

Имѣя это въ виду, а также то обстоятельство, что часть издержекъ по подачѣ петиціи въ парламентъ (они составляли отъ 180 до 300 ф. ст.) и, далѣе, расходы по возведенію изгородей на отведенномъ участкѣ тяжело

---

[1]) Marx. Kapital. I. 2 Aufl. p. 253.

[2]) Mantoux. p. 155 и сл. На той же точкѣ зрѣнія стоятъ Hammond. The Village Labourer. 1911 и Gonner. Common Land and Inclosure. 1912.

ложились на мелкихъ владѣльцевъ—іоменовъ, мы поймемъ, что послѣдніе должны были протестовать противъ огораживаній. Однако, они не рѣшались вступать въ борьбу съ сильными, иногда даже подъ вліяніемъ угрозъ подписывали петиціи; а во многихъ случаяхъ они, несмотря на свою многочисленность, владѣли менѣе чѣмъ $^1/_5$ всѣхъ земель, такъ что ихъ согласія и не требовалось. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ іомены набирались смѣлости подать протестъ противъ петиціи; такой протестъ былъ связанъ со значительными расходами, да и не приводилъ къ цѣли, ибо по полученіи петиціи отъ своихъ же родственниковъ и друзей, члены парламента лишь для вида производили анкету, и затѣмъ заранѣе изготовленный билль вступалъ въ силу. Только въ тѣхъ волненіяхъ, которыми иногда сопровождалось самое производство огораживаній, выражалось неудовольствіе іоменовъ; появляются толпы народа, препятствующія расклеиванію объявленій о предстоящихъ огораживаніяхъ, они дѣлаютъ попытки прогнать комиссаровъ.

Многіе іомены вышли изъ огораживаній задолженными и обѣднѣвшими. Получивъ худшіе участки и лишившись возможности держать скотъ въ прежнемъ размѣрѣ, они вынуждены были идти навстрѣчу крупнымъ землевладѣльцамъ, стремившимся къ расширенію своихъ владѣній — продавать имъ свои земли. Они превращались въ крупныхъ фермеровъ на помѣстьяхъ этихъ же лордовъ, если имъ удавалось выручить отъ продажи участка значительный, необходимый для веденія хозяйства, капиталъ. Многіе вообще находили профессію фермера болѣе доходной и предпочитали аренду крупныхъ помѣстій обработкѣ собственнаго небольшаго участка. Или же они покидали насиженныя мѣста и уходили въ города. Кто имѣлъ капиталъ, искалъ счастья во вновь возникшей крупной промышленности въ качествѣ фабриканта; кто его не имѣлъ—въ такомъ положеніи находились въ особенности коттеры, малоземельные или безземельные крестьяне, которые теперь не могли держать скота,—превращался въ рабочаго, питая собою армію фабричнаго рабочаго населенія во вновь зарождавшейся крупной промышленности [1]). Населеніе Манчестера за четверть вѣка съ 1773 по 1801 г. возросло съ 27 до 95 тысячъ, Больтона съ 5 до 17 тыс., Лидса съ 17 до 53 тыс.; въ Бирмингамѣ въ 1760 г. насчитывалось 30 тыс. жителей, въ 1801 г. 73 тыс. Населеніе шло изъ селъ въ города, притекая со всѣхъ сторонъ въ центры фабричной промышленности; обезземеленіе крестьянъ являлось какъ бы необходимымъ для созданія новой индустріи, для снабженія ея рабочей силой.

ГЛАВА III.

Аграрный строй во Франціи.

Было бы ошибочно предполагать, что разсмотрѣнныя нами перемѣны въ области аграрнаго строя Англіи составляли что-либо исключительно ей свойственное: однородныя явленія мы можемъ найти и на континентѣ. Такъ,

[1]) Mantoux. p. 155—171.

расширеніе овцеводства въ XVI вѣкѣ, столь характерная, казалось бы, для Англіи черта, повторяется въ томъ же столѣтіи и въ Германіи, гдѣ также издаются запрещенія противъ содержанія чрезмѣрно большихъ стадъ овецъ; происходитъ оно также въ Испаніи, во Франціи[1]). Далѣе, и на континентѣ Европы, въ Голландіи, Пруссіи, Франціи, мы наблюдаемъ, въ особенности въ XVIII вѣкѣ (какъ и въ Англіи), расчистку обширныхъ болотъ и пустошей и превращеніе ихъ въ пахотныя поля и заливные луга.

Главными производителями тонкой шерсти въ эту эпоху являются, по словамъ современниковъ, Англія, Прирейнскія области Германіи и Франція[2]). Въ послѣдней—какъ указываетъ Левассеръ—съ половины XVIII ст. не только появляется цѣлый рядъ изслѣдованій о развитіи тонкорунного овцеводства (сочиненія Abbé Carlier 1770 г., Felician 1778 г., Roland de la Platiére 1770 г., Michel 1784 г.), предлагающихъ скрещиванье различныхъ породъ и иныя системы, но и дѣйствительно устраиваются овчарни и примѣняются усовершенствованные пріемы[3]). Въ Испаніи уже со средневѣковаго періода центральныя и южныя провинціи были покрыты стадами бродячихъ овецъ (merinos, transhumantes), которыя лѣтомъ паслись въ горахъ Леона, Бургоса, Толедо, Куенсы, а съ начала осени стадами въ 10 тысячъ головъ переходили въ южныя провинціи—Эстремадуру, Андалузію. Владѣльцами ихъ были испанскіе гранды, епископы и монастыри, въ XVI ст. и самъ король; въ эту эпоху въ Новой Кастиліи насчитывалось свыше 6 милл. овецъ[4]).

Въ сѣверной Голландіи съ 1612—1631 г.г. произведено было осушеніе пяти озеръ, составлявшихъ 24 тыс. моргеновъ; а всего—по вычисленіямъ геолога Старинга—съ 1540 г. по 1795 г. въ Нидерландахъ, къ сѣверу отъ р. Мааса, отвоевано у моря свыше 85 тыс. гектаръ. Въ Пруссіи при Фридрихѣ Великомъ осушены значительныя пространства по Одеру, Гавели, Вартѣ[5]). Во Франціи еще при Генрихѣ IV осушенныя пространства освобождались отъ обложенія, а въ 1764 г. это постановленіе было возстановлено въ томъ смыслѣ, что такія земли освобождаются на 20 лѣтъ отъ десятины. Декретъ же 1766 г., подобно баварскому 1762 г., приглашалъ и иностранцевъ воздѣлывать пустопорожнія земли, предоставляя имъ одинаковыя съ французами льготы—свободу отъ десятины, taille и всѣхъ другихъ налоговъ на 15 лѣтъ[6]).

Расширеніе площади сельскохозяйственной культуры и во Франціи не могло не сопровождаться борьбой съ остатками аграрнаго коммунизма. И здѣсь обнаруживается стремленіе къ раздѣлу угодій (communaux). Въ XVI—XVII ст. сеньоры приступаютъ къ дѣлежу ихъ, причемъ присваиваютъ себѣ третью часть, откуда и самое дѣленіе носило названіе triage; въ другихъ случаяхъ сеньоръ получалъ даже $^2/_3$ земель (cantonnement). На сторонѣ сеньоровъ стоятъ и болѣе состоятельные крестьяне, такъ какъ они имѣютъ возможность пріобрѣтать въ аренду у сеньоровъ вновь огороженные нерѣдко обширные участки земли. Напротивъ, страдали огораживанія отъ общинныхъ угодій малоземельные крестьяне, для которыхъ возможность пасти и нѣсколько головъ скота на общинномъ пастбищѣ составляла важное подспорье въ

[1]) Stolze. Zur Vorgeschichte des Bauernkrieges. p. 48. Wiebe. Zur Geschichte der Preisrevolution im XVI—XVII Jahrh. p. 231.

[2]) Haun. Kursachsen. p. 35 и сл., 78 и сл. Goltz. I. 470—1. Roscher. II. 801.

[3]) Levasseur. Rév. p. 8. Ср. Labiche. ук. соч.

[4]) Naudé. 201—2. Sugenheim. 43—44. Ср. Desdevises du Dezert.

[5]) См. Stadelmann. Preussens Könige in ihrer Thätigkeit für die Landeskultur. T. II. pass.

[6]) См. объ этомъ Wolters. p. 197—99. Sée. p. 367—68, 434—43. Brutails. p. 233 и сл. Levasseur. Rév. d'ècon. pol. p. 1 и сл. Всѣ они указываютъ на существенное значеніе декретовъ, вызвавшихъ расчистку земель. Наоборотъ Н. И. Карѣевъ относится къ результатамъ этихъ законовъ скептически (стр. 148—99).

хозяйствѣ. Мало того, и о самомъ способѣ дѣлежа среди крестьянъ возникали споры. Одни, особенно отцы большихъ семействъ, просили раздѣла поголовнаго, мелкіе собственники находили болѣе выгоднымъ подворный, а крупные желали раздѣла, пропорціональнаго собственности каждаго. Вслѣдствіе такого различія интересовъ среди крестьянъ, случалось, что во время раздѣла происходили бурныя сцены, доходившія до вооруженнаго столкновенія [1]).

Законодательство, начиная съ 1576 г., запрещаетъ какъ тріажъ, такъ и продажу сеньорамъ общинныхъ земель крестьянскими обществами, заявляя, что земли даны крестьянамъ, „чтобы они могли прокармливать свой скотъ и посредствомъ удобреній дѣлать болѣе плодородными свои нивы“. Ордоннансъ 1659 г. объявляетъ недѣйствительными всѣ сдѣлки по отчужденію общинныхъ земель, совершенныя начиная съ 1620 года, независимо отъ тѣхъ договоровъ, указовъ, судебныхъ рѣшеній, на которыхъ этотъ переходъ основывался [2]).

Правда, раздѣлъ и отчужденіе общинныхъ угодій продолжались и впослѣдствіи; но они, повидимому, никогда не совершались въ значительныхъ размѣрахъ, такъ что къ концу XVIII ст. еще сохранилась бóльшая часть этихъ земель и обезземеленіе крестьянскаго населенія во Франціи происходило лишь въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ. Еще менѣе успѣшна была борьба съ другими остатками стараго строя. Таково было droit de glanage, т. е. собиранье колосьевъ послѣ жатвы; оно являлось правомъ „всѣхъ стариковъ и калѣкъ, маленькихъ дѣтей и другихъ, не могущихъ работать“. Такой характеръ имѣло и droit de vaine pâture (въ предѣлахъ одной общины) и droit de parcours (въ предѣлахъ нѣсколькихъ общинъ), т. е. право пастьбы скота на поляхъ сосѣдей послѣ уборки хлѣба; оно приводило къ уничтоженію посѣвовъ на тѣхъ земляхъ, гдѣ вводился новый усовершенствованный сѣвооборотъ.

Сеньоры жаловались на то, что droit de glanage порождаетъ бездѣльниковъ, которые превратили это право въ профессію, причемъ они не выжидаютъ даже, пока хлѣбъ связанъ въ снопы и свезенъ съ поля, а берутъ колосья изъ сноповъ. Въ то же время чувствуется недостатокъ въ сельскихъ батракахъ, ибо гораздо выгоднѣе и легче заниматься гланажемъ. Поэтому они требовали, чтобы во время жатвы имѣлась стража, которая не допускала бы никого, кто не имѣетъ отъ мѣстныхъ властей свидѣтельства на право производства гланажа, и чтобы лица, осуществляющія это право безъ свидѣтельства, подлежали тюремному заключенію. Другіе землевладѣльцы поступали проще, снимая изгороди съ полей лишь одновременно съ выгономъ скота на поля, такъ что промежутка для собиранія колосьевъ не оставалось [3]).

---

[1]) Карѣевъ. Крестьяне и крест. вопр. Стр. 75. 124—25. 131—34. Jaurès. 202. 210—14. Sée. 235—37. 310. Calonne. p. 136 и сл.

[2]) Cauchy. De la propriété communale en France. Renauldon. Traité historique et pratique des droits seigneuriaux. p. 532 и сл. Laveleye. La propriété. 4-e éd. 1891. p. 246 и сл. Jaurès. 202—7. Babeau. Le village sous l'ancien régime.

[3]) Jaurès. I. p. 187—90.

Что касается права общиннаго выпаса послѣ снятія урожая, то—какъ установилъ Сэ въ своихъ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ, спеціально посвященныхъ этому вопросу [1], — несмотря на неоднократныя попытки правительства уничтожить это право, этотъ институтъ въ большей части Франціи сохранился вплоть до революціи. Лишь въ нѣкоторыхъ, въ особ. сѣверныхъ провинціяхъ, было произведено въ значительныхъ размѣрахъ огораживаніе земель (изгородью, каменной стѣной, рвомъ) и земля была тѣмъ самымъ защищена отъ vaine pâture. Повидимому главнымъ препятствіемъ являлась дробность и черезполосность участковъ, вслѣдствіе чего крестьяне не въ состояніи были воспользоваться эдиктами, разрѣшающими огораживаніе. Только крупные собственники были въ состояніи огородить свои поля. Неудивительно, если эдикты были весьма непопулярны среди массы крестьянскаго населенія: крестьяне потеряли права, которыми прежде пользовались на земляхъ крупныхъ владѣльцевъ и лишились возможности держать скотъ; и въ то же время не въ силахъ были освободить свои земли отъ права выпаса, осуществляемаго между прочимъ и тѣми же крупными собственниками.

Такимъ образомъ, въ общемъ весь прежній аграрный строй—съ общинными землями, съ черезполосностью, съ правомъ собиранья колосьевъ и выпаса послѣ уборки урожая—сохранялся во Франціи вплоть до революціи, а въ связи съ этимъ сохранялось и мелкое крестьянское землевладѣніе.

Въ то время, какъ въ Англіи система крупныхъ фермъ стала господствующимъ явленіемъ, во Франціи она—какъ указываетъ И. В. Лучицкій—наканунѣ революціи лишь впервые зарождалась; она пустила глубокіе корни лишь на церковныхъ и монастырскихъ земляхъ, да и то только на сѣверѣ Франціи, причемъ и здѣсь это не была преобладающая форма держанія; крестьяне противодѣйствовали распространенію крупныхъ фермъ путемъ усиленнаго спроса на мелкіе участки. Господствующимъ во Франціи являлось—въ противоположность Англіи и Пруссіи и подобно всей западной части Германіи,—мелкое крестьянское землевладѣніе и землепользованіе [2].

Сеньорія (seigneurie) во Франціи сохранилась еще и въ XVIII вѣкѣ—король, дворянство и духовенство попрежнему обладали dominium directum, т. е. верховной собственностью на землю; изъ нея вытекала вотчинная юрисдикція, различныя повинности и платежи. Но въ то время, какъ сеньоріальныя права господствовали почти на всей территоріи Франціи, лишь часть этой территоріи составляла дѣйствительную собственность сеньоровъ; всѣ же остальныя земли, находившіяся въ предѣлахъ сеньоріальныхъ владѣній, принадлежали другимъ лицамъ и находились только въ зависимости отъ сеньоровъ—обязаны были имъ различными платежами. „Сеньорія и земельное владѣніе — два различныхъ института, не покрывающіе другъ друга. Можно быть сеньоромъ и въ то же время не имѣть ни клочка

[1]) Sée. Une enquête sur la vaine pâture et le droit de parcours à la fin du règne de Louis XV. Révue d'histoire du XVIII siècle. 1913. Его-же. Вопросъ о правѣ выпаса во Франціи въ концѣ стараго режима. Научный Историч. Журналъ. 1914. № 2. См. Карѣевъ. Бѣглыя замѣтки. Серія 2.

[2]) Лучицкій. Крестьянское землевладѣніе во Франціи наканунѣ революціи 1900. Стр. 167—73. 123.

земли“. Сплошь и рядомъ говорится въ источникахъ, что земли у сеньора не имѣется—„онъ есть сеньоръ прихода, но не владѣетъ въ немъ ни замкомъ, ни землями, а только рентами“; „у сеньора нѣтъ ни клочка земли, у него нѣтъ даже мѣста для резиденціи, онъ дѣлаетъ только одно—взимаетъ ренты“ [1]).

Поскольку сеньоры дѣйствительно владѣли землей, это не были отрубныя владѣнія; земли ихъ были разбросаны въ цѣломъ рядѣ приходовъ — одинъ владѣлъ землей въ 10 приходахъ, другой въ 14 и т. д., по 100—200 гектаръ въ каждомъ. Эта разбросанность крупныхъ владѣній является характерной для всей Франціи XVIII вѣка и не только для дворянскихъ земель, но и для владѣній, принадлежавшихъ крупной буржуазіи [2]).

Что же касается земель, на которыя сеньоры имѣли лишь верховныя права, то они преимущественно находились въ рукахъ крестьянъ. Конечно, крестьяне являлись лишь вѣчно—наслѣдственными арендаторами (эмфитевтами) обрабатываемыхъ ими земель, уплачивавшими чиншъ и ренту за землю, на которой они сидѣли; они были чиншевиками, цензитаріями. Но эта наслѣдственная аренда въ связи съ правомъ распоряженія участкомъ—правомъ продавать его, сдавать въ аренду, дарить, закладывать, сильно приближалась къ праву собственности [3]), какъ на нее дѣйствительно смотрѣли многіе юристы XVIII вѣка; крестьяне, въ рукахъ которыхъ находились земельные участки, назывались нерѣдко „propriétaires-cultivateurs“, tenanciers en propre въ отличіе отъ батраковъ и арендаторовъ чужой земли, т. е. лицъ, не обрабатывавшихъ самостоятельно землю [4]). Это была собственность несвободная, условная, феодальная, но это была фактическая собственность. Она рѣзко отличалась отъ аренды, простой сдачи земли въ наемъ: условнаго собственника, цензитарія — говоритъ Н. И. Карѣевъ — „сеньоръ не имѣлъ права лишить земли, пока онъ правильно платилъ цензъ и шампаръ, а арендатора-половника землевладѣлецъ прогонялъ, когда угодно“ [5]). Такого рода ограниченныхъ собственниковъ только и имѣетъ въ виду Артуръ Юнгъ, когда онъ упоминаетъ о чрезвычайномъ распространеніи во Франціи мелкой крестьянской собственности, которая въ суммѣ составляетъ $^1/_3$ всего королевства [6]), или когда онъ прославляетъ частную собственность, противопоставляя ее арендѣ [7]).

Какъ установилъ И. В. Лучицкій, только въ сѣверной части Франціи крестьяне владѣли всего одной третью всей земли, зато въ центральной части и на югѣ крестьянская собственность охватывала уже половину всей территоріи, а нерѣдко и болѣе.

1) Лучицкій. Состояніе земледѣльческихъ классовъ во Франціи наканунѣ революціи, стр. 17—21.
2) Лучицкій. Тамъ же, стр. 21—26.
3) Ср. Brutails. p. 149.
4) Young. II. p. 198, 214.
5) Карѣевъ. Крест. и крест. вопр., стр. 31. 34—35. Его же. Бѣглыя замѣтки по экон. ист. Франціи. Серія I.
6) Карѣевъ, стр. 31 и сл.
7) Поражаясь системой орошенія, устроенной на югѣ Франціи, и прекрасной культурой, несмотря на неблагопріятную скалистую почву, онъ восклицаетъ: „возбуждать вопросъ о причинѣ этого значило бы оскорблять здравый смысль—это могла сдѣлать только собственность. Дайте человѣку въ собственность голую скалу, онъ сдѣлаетъ изъ нея садъ; дайте ему садъ въ аренду на девять лѣтъ, онъ превратитъ его въ пустыню“ (I. p. 64).

На основаніи описей, кадастровъ и податныхъ списковъ, И. В. Лучицкій получилъ слѣдующія данныя относительно распредѣленія земельной собственности во Франціи въ XVIII ст. [1]):

	находилось въ рукахъ			
	дворянства	духовенства	дворянства и духовенства вмѣстѣ	крестьянъ
	въ процентахъ			
Артуа	29.0	22.0	51.0	33.5
Пикардія	33.4	14.6	48	36.7
Бургундія ...	35.1	11.6	46.7	33.1
Лимузенъ ...	15.3	2.4	17.7	59.2
Верхн. Овернь .	11.0	2.1	13.1	50.0
Керси	15.5	2,0	17.9	54.0
Дофине	12.0	2.0	14.0	40.8
Landes	22.3	1.0	23.3	52.0
Беарнъ	20.0	1.1	21.1	60.0
Тулузенъ	28.7	4.0	32.7	35.0
Руссильонъ ..	32.0	10.4	42.4	40.0

Впрочемъ, вопросъ о распредѣленіи земель во Франціи въ XVIII ст. между отдѣльными группами населенія, какъ и внутри группы земель. находящейся въ рукахъ крестьянъ, является весьма спорнымъ. Буато, слѣдуя указаніямъ писателей XVIII ст., утверждаетъ, что земли сосредоточивались въ немногихъ рукахъ, что $^2/_3$—$^3/_4$ и даже $^9/_{10}$ страны принадлежали королю и 400 лицъ. Тенъ дѣлитъ всѣ земли на 5 частей: $^1/_5$ принадлежитъ королю и коммунамъ, $^1/_5$ дворянству, $^1/_5$ духовенству, $^1/_5$ третьему сословію и $^1/_5$ сельскимъ жителямъ. Наоборотъ, Токвиль, а также Лавернь, Бабо, Калонъ и др. находятъ, что половина и даже $^2/_3$ крестьянъ были мелкими собственниками, и всему крестьянскому классу принадлежала половина (по Зибелю $^1/_3$) земель королевства [2]). На точкѣ зрѣнія Токвиля стоитъ И. В. Лучицкій (см. выше); этого же мнѣнія придерживается Н. И. Карѣевъ. Напротивъ, М. М. Ковалевскій отрицаетъ значительную распространенность крестьянской собственности до революціи, признавая собственностью только земли аллодіальныя и подводя феодальную собственность подъ понятіе наслѣдственной аренды [3]).

Какъ мы видѣли выше, крестьянство не представляло собой однородной массы. Выдѣляется — какъ указываетъ Бернье — классъ крупныхъ крестьянскихъ владѣльцевъ, крестьянской аристократіи; появляется, рядомъ съ gentilhomme, и honnête homme (vavasseur), который „гордится не столько своими предками, сколько своими внуками“ — насмѣшка надъ нимъ. Онъ постепенно прибираетъ къ рукамъ земли сосѣднихъ сеньоровъ и становится quasi-сеньоромъ ихъ крестьянъ [4]). А съ другой стороны, мы находимъ въ XVII—XVIII ст. обширную категорію мелкихъ собственниковъ; въ Бретани большинство имѣло менѣе 5 и даже 1—2 гект. (46 проц.). Артуръ Юнгъ поражался чрезвычайнымъ дробленіемъ участковъ, доходящимъ нерѣдко до того, что плодовое дерево съ 10 гект. земли составляетъ самостоятельную

1) Лучицкій. Состояніе землед. классовъ, стр. 6—7. 18—19. См. также Sée. p. 63. Bloch. p. 106. Marion. p. 3 и сл.

2) Boiteau. Etat de la France en 1789. Paris. 1889. p. 49. Tocqueville. L'ancien régime. 1877. p. 11. Babeau. La vie rurale dans l'ancienne France. 1885. p. 130. H. Sybel. Gesch. der Revolutionszeit. 1897. I. p. 24.

3) См. Ковалевскій. Происхожденіе мелкой крест. собственности, стр. 2 и сл. Карѣевъ. Бѣглыя замѣтки. Гл. VII.

4) Этотъ типъ подробно описанъ у Bernier. p. 172—301.

ферму. „Число крестьянскихъ владѣній столь велико,—говоритъ онъ—что англичане даже едва ли въ состояніи будутъ себѣ представить“ [1]).

Въ центральной Франціи—говоритъ И. В. Лучицкій—рядомъ съ приходами, гдѣ насчитывается не болѣе 1—2 проц. совершенно безземельнаго населенія, встрѣчаются и приходы съ 20—50 проц. и даже 80 проц. безземельныхъ. Но въ общемъ во всей центральной и южной Франціи безземельные составляютъ лишь 17,6 проц., и только на западѣ процентъ ихъ выше. Но „какъ ни разнообразенъ былъ составъ сельскаго населенія, не было все же ни одной группы, которая всецѣло была бы оторвана во всемъ своемъ составѣ отъ земли, которая не владѣла бы землей“. Въ отличіе отъ laboureurs, наиболѣе обезпеченной землей группы населенія, manouvriers или journaliers имѣли гораздо меньше земли. Но и послѣдніе нерѣдко владѣли мелкими участками или снимали чужую землю; класса самостоятельныхъ свободныхъ сельскихъ рабочихъ, какой мы находимъ въ Англіи во второй пол. XVIII ст., во Франціи не было [2]).

Крайняя неравномѣрность въ распредѣленіи земли среди крестьянъ вызывала распространеніе крестьянской аренды, что должно было вести къ дальнѣйшему расширенію общей площади земель, обрабатываемыхъ крестьянами.

Въ противоположность взгляду Маріона, Рамо и другихъ писателей, въ особенности 80-хъ годовъ, относительно концентраціи земельной собственности, и притомъ въ рукахъ привилегированныхъ классовъ, И. В. Лучицкій констатируетъ, на основаніи тщательныхъ изслѣдованій, тотъ фактъ, что какъ въ центральной и южной Франціи, такъ и въ сѣверныхъ областяхъ, процессъ перемѣщенія собственности въ періодъ, непосредственно предшествующій революціи, былъ направленъ не въ сторону концентраціи собственности, а въ сторону раздробленія, и обнаруживалъ, хотя съ различной интенсивностью въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, тенденцію къ расширенію крестьянскихъ земель на счетъ владѣній дворянства и въ особенности городской буржуазіи [3]). Французская аристократія не обнаруживала интереса къ веденію самостоятельнаго хозяйства. Свои помѣстья она сдавала по частямъ въ аренду крестьянамъ, частью въ формѣ вѣчно-наслѣдственной аренды, т. е. съ правомъ наслѣдственнаго пользованія по прямой линіи, но безъ права передачи, частью — въ большинствѣ случаевъ—въ формѣ отдачи земли во временное пользованье на 3 — 4, позже (въ XVIII ст.) 6—9 лѣтъ [4]).

Какъ видно изъ д'Авенеля и Зола, въ 1640—70 г.г. (1650—75 г.г.), обнаруживается значительный ростъ арендныхъ цѣнъ, затѣмъ онъ смѣнился понижательнымъ движеніемъ вплотьдо 1740—50-хъ г.г.; послѣ этого возобновилось рѣзкое возрастаніе аренды. По д'Авенелю, арендная плата съ гектара пахоти составляла въ 1651—75 г.г. 19,2 фр., въ 1726 — 50 г.г. 13²/₃ фр., въ 1776 - 1800 г.г. 26 фр.; съ гектара сѣнокосовъ—48, 35 и 44 фр. Это находится, повидимому, въ связи съ уровнемъ хлѣбныхъ цѣнъ; за періодомъ низкихъ цѣнъ съ 1660 по 1750 г. во Франціи (какъ и въ Англіи) слѣдовала эпоха высокихъ цѣнъ, какъ на различные хлѣба, такъ и на другіе сельскохозяйственные про-

[1]) См. также Wolters. p. 5 и сл. Baudrillart. Les popul. agricoles de la France. 1885. T. I. Marion. Les rôles du vingtième dans le pays Toulousain. Révol. franç. p. 413 и сл. Sée. p. 66 и сл.

[2]) Лучицкій. Состояніе землед. классовъ, стр. 13—16. Карѣевъ. Крестьяне и крест. вопросъ. Стр. 104—05. См. Его-же. Бѣглыя замѣтки. Гл. VIII.

[3]) Лучицкій. Крест. землевл., стр., 130. 173—6. 183—9. 196—201. Сост. земл. класс., стр. 6, 8. Ону. Наказы, стр. 632.

[4]) Young. II. p. 200—02. Лучицкій, стр. 150 и сл. 165. Sée p. 241 и сл. 255 и сл. Brutails. p. 114 и сл. 134. Calonne. p. 60 и сл.

дукты—мясо, масло, молоко. По Зола, увеличеніе составляло 60—85 проц., по Біенеме (для Парижа) припасы вздорожали въ $1^1/_2$—2 раза [1]).

Если крестьяне, владѣя чиншевой землей, являлись въ сущности собственниками, хотя собственность ихъ и была условной, несвободной,—то такой же характеръ въ огромномъ большинствѣ случаевъ имѣло и дворянское землевладѣніе: и дворянскія земли (terres nobles) были землями зависимыми, и ихъ владѣльцы были лишь условными, ограниченными въ своихъ правахъ собственности. Мы находимъ—какъ выяснилъ тотъ же проф. Лучицкій—во Франціи въ XVIII вѣка еще старинный феодальный строй, прежнюю іерархическую зависимость между держаніями различнаго рода. Попрежнему извѣстное количество держаній объединено было въ одно цѣлое, тянувшее къ укрѣпленному замку, входило въ составъ шателленіи, держатель которой являлся сюзереномъ, а всѣ остальные держатели его вассалами и подданными. Нѣсколько шателленій образовывали баронію, а нѣсколько бароній—графства и затѣмъ герцогства, которыя уже непосредственно зависѣли отъ короля. Во главѣ каждой такой организаціи стояли титулованные сеньоры, которыми приносилась присяга въ вѣрности и уплачивались тѣ или иныя повинности или службы. Связь этихъ владѣній, образовывавшихъ іерархическую лѣстницу, не была простой формальностью — сюзерены требовали отъ своихъ непосредственныхъ вассаловъ точнаго выполненія всѣхъ обязанностей. Перемѣна, по сравненію съ предыдущей эпохой, заключалась лишь въ томъ, что продолжавшій существовать феодальный строй потерялъ всякое политическое значеніе, что всѣ обязанности вассаловъ сводились къ однимъ платежамъ, обратились въ доходную статью, такъ что феодальная организація покоилась на одномъ фискальномъ началѣ. На этомъ принципѣ было построено и отношеніе сеньоровъ къ послѣдней и самой низшей ступени феодальной іерархіи, къ держателямъ цензуальныхъ или чиншевыхъ земель,—это были преимущественно крестьяне, но все же не исключительно они—среди чиншевиковъ находимъ и подъ-вассаловъ дворянъ, и буржуазію, и духовныхъ лицъ. Всѣ они совершенно также, какъ и крестьяне, и на такихъ же условіяхъ, подлежатъ разнаго рода повинностямъ и платежамъ [2]).

Такимъ образомъ, принципіальнаго различія между крестьянскими землями и прочими держаніями не было, „всѣ три рода держаній — дворянское, буржуазное и крестьянское перепутываются другъ съ другомъ“. Личность французскаго крестьянина, начиная, съ XVI вѣка, почти повсюду свободна; если нѣкоторыя кутюмы сохранили сервовъ въ лицѣ т. наз. gens de main morte или de post, то въ XVIII вѣкѣ на это смотрѣли какъ на исключеніе [3]).

---

[1]) D'Avenel. T. I. Zolla. Des variations du revenu et du prix des terres en France aux XVII et XVIII siècles. Annales de l'école libre des sciences polit. 1893. См. также Levasseur. Rév. d'écon. polit. 1898. Sée. p. 260—61. Denis. Hist. de l'agriculture dans le départ. de Seine-et-Marne. p. 294.

[2]) Лучицкій. Аграрныя отношенія во Франціи накануне революціи. Русское Богатство. 1913. № 2. Стр. 164 и сл. См. Его-же. Крест. землевлад., стр. 226 и сл. и Сост. землед. класс., стр. 19. Sée. p. 31. Boucomont. p. 54.

[3]) Brutails. Econ. rurale du Roussillon. p. 6. Sée. Classes rurales en Bretagne du XVI s. p. 7. Boucomont. Des mein-morte personelle et réelle en Nivernais. p. 112. Bernier. Tiers-Etat etc. en Basse-Normandie au XVIII s. p. 66.

Въ западной и сѣверной Франціи, т. е. въ наиболѣе близкихъ къ Англіи и Нидерландамъ провинціяхъ, личная несвобода успѣла въ значительной мѣрѣ исчезнуть уже въ послѣднія столѣтія средневѣковья [1] [2]). Въ восточной части Франціи и въ прилегающихъ къ ней странахъ — Савойѣ, французской Швейцаріи, части Лотарингіи и Люксенбурга находимъ еще (хотя далеко не повсюду) [3]) main-morte, но обыкновенно въ смягченной формѣ, гдѣ ограниченія личной свободы были невелики, сводились къ наслѣдованію сеньоромъ имущества при отсутствіи наслѣдниковъ, жившихъ вмѣстѣ съ умершимъ [4]). Въ этой части страны встрѣчаются и тѣ полтора милліона сервовъ, которые насчитываются во Франціи накапунѣ революціи [5]).

Главный платежъ, сеньоріальная рента или чиншъ съ земельнаго участка, состоящій въ денежной формѣ, не измѣняется въ теченіе XVI—XVIII ст., а слѣдовательно, при значительномъ паденіи цѣнности денегъ, облегчается; обыкновенно денежный чиншъ составляетъ весьма незначительную сумму, а иногда и вовсе исчезаетъ. Тяжелѣе былъ существовавшій, впрочемъ, не повсюду, натуральный чиншъ, но и его размѣръ въ XVI—XVIII ст. не повышался. Личныя повинности, вродѣ taille personnelle, aide и т. д., почти совсѣмъ прекратились; произвольной барщины также нѣтъ болѣе. Поскольку мы вообще находимъ еще барщину, она не составляетъ тягости, не превышая 2—3 дней въ годъ, ибо вѣдь сеньоры не вели самостоятельнаго хозяйства и не нуждались въ трудѣ крестьянъ, и притомъ барщина падала безразлично, какъ на крестьянъ, такъ и на дворянъ и буржуа; еще чаще она превращалась въ весьма небольшую денежную сумму, не измѣняющуюся вѣками. Гораздо большее значеніе имѣли т. наз. droits casuels (случайныя права): они уплачивались не постоянно, а лишь при наступленіи особыхъ обстоятельствъ. Таковы rachat, т. е. уплата при полученіи наслѣдства, таковы lods et ventes, сборъ въ пользу сеньора при отчужденіи имущества; въ Русильонѣ они составляли шестую часть цѣнности имущества. И то и другое было весьма доходно для сеньора, являлось остаткомъ прежняго права его на все имущество крестьянина. Эти платежи, въ противоположность рентѣ, барщинѣ и другимъ повинностямъ, ложились весьма тяжело на крестьянъ,—тѣмъ болѣе, что въ XVIII ст. былъ установленъ и государственный налогъ съ наслѣдства. Но имъ также подлежали привилегированныя сословія: и они уплачивали во многихъ случаяхъ rachat, достигавшій иногда размѣровъ годового дохода, и для нихъ были установлены quints reliefs и т. д., соотвѣтствовавшіе droits de lods et ventes [6]).

Неблагопріятное положеніе крестьянскаго населенія обусловливалось; не столько этими разъ навсегда установленными платежами, сколько тѣмъ произволомъ, который господствовалъ въ странѣ, тѣми широкими правами, которыя предоставлялись сеньорамъ и которыя они могли по желанію

---

[1]) См. выше, стр. 99.

[2]) Къ такимъ остаткамъ старины относятся сохранившіеся въ небольшомъ количествѣ въ Бретани mottiers (или motoyers) и quevaisier. (Sée. p. 8—21).

[3]) См. выше, стр. 90. 98.

[4]) Darmstädter. Befreiung der Leibeigenen in Savoyen, der Schweiz und Lothringen. p. 17—18. 28—30. 83—85. 96—100. 107—11. 209 Boucomont. p. 107—11.

[5]) Впрочемъ Оларъ относится и къ этому числу скептически, находитъ его преувеличеннымъ (Aulard. La féodalité. sous Louis XVI. Revol. Franç. 1913).

[6]) Brutails. p. 160—64. Лучицкій, Крест. землевл. стр. 239 и сл. Ср. Sée. p. 31. 83—118.

всегда использовать. Рядомъ съ обыкновенной, почти исчезавшей, барщиной существовали corvées extraordinaires, барщина, которая отбывалась отъ времени до времени, въ случаѣ необходимости, напр., въ видѣ обязанности выстроить сгорѣвшій замокъ сеньора, исправить мельницу, проложить дорогу. Опредѣленныхъ размѣровъ для этого рода барщины не было установлено, и если она могла быть ранѣе явленіемъ довольно рѣдкимъ, то съ конца XVII ст., со времени сооруженія многочисленныхъ каналовъ, шоссейныхъ дорогъ, гаваней, мостовъ и т. д., она должна была стать чрезвычайнымъ зломъ для крестьянскаго населенія [1]).

Еще Тенъ выяснилъ тотъ огромный ущербъ, который наносило крестьянамъ исключительное право охоты, принадлежавшее сеньору [2]). Въ XV вѣкѣ крестьянамъ еще позволялось охотиться на лисицъ и барсуковъ, ловить жаворонковъ и другихъ маленькихъ птицъ; въ XVI вѣкѣ за это ссылали на галеры, отрѣзывали уши: право охоты какъ на доменахъ, такъ и на крестьянскихъ земляхъ принадлежало однимъ сеньорамъ [3]). „Жатва здѣсь—пишетъ Артуръ Юнгъ—такова, какъ она должна быть въ помѣстьяхъ принцевъ крови, т. е. состоитъ изъ зайцевъ, фазановъ, оленей и дикихъ звѣрей . . , сеньоры окружаютъ себя лѣсами и хищными животными, а не хорошо воздѣланными фермами“ [4]). Ради того удовольствія, которое сеньоры имѣли отъ охоты, крестьяне вынуждены были спокойно смотрѣть, какъ птицы портили ихъ посѣвы, а волки пожирали ихъ скотъ. Ради этого уничтожались изгороди, ибо онѣ мѣшали разведенію дичи и охотѣ; воспрещалось полоть сорныя травы и косить сѣно ранѣе, чѣмъ куропатка выведетъ свои яйца, которыя она кладетъ въ сѣнѣ; иногда для сохраненія дичи убивались собаки и кошки у крестьянъ. Мало того, сеньоры даже позволяли себѣ охотиться на засѣянныхъ участкахъ, уничтожать поля и виноградники крестьянъ. Когда же послѣдніе пробовали протестовать противъ этого, то получали въ отвѣтъ: „скажи слово, и ты умрешь“ [5]) [6]).

Злоупотребленія и вымогательства со стороны служащихъ у сеньора лицъ, жестокость самихъ помѣщиковъ, которымъ иногда доставляло прямо удовольствіе тиранизировать своихъ „подданныхъ“—все это составляетъ характерную черту періода, именуемаго „ancien régime“. Безнаказанность же сеньоровъ, хотя бы они совершали прямыя преступленія, вытекала изъ существованія сеньоріальной юстиціи. Уголовная юстиція, правда, постепенно сокращается, хотя еще въ XVII—XVIII ст. она мѣстами существуетъ даже въ отношеніи преступленій, угрожающихъ смертной казнью. „Феодальная“ же юстиція, т. е. судебное разбирательство по всѣмъ дѣламъ, касающимся нарушенія правъ помѣщиковъ и обязанностей крестьянъ, гдѣ помѣщики являются, слѣдовательно, судьями въ собственномъ дѣлѣ, сохраняется въ полной мѣрѣ. И она-то является особенно выгодной для сеньоровъ: принужденіе ко всякагорода незаконнымъ повинностямъ и поборамъ, доходы

---

[1]) Будучи пораженъ прекрасными французскими дорогами (въ противоположность плохимъ англійскимъ), Артуръ Юнгъ (I. p. 7—8) прибавляетъ въ одномъ мѣстѣ: „Дорога привела бы меня въ восхищеніе, если бы я не зналъ о тяжелыхъ повинностяхъ несчастныхъ земледѣльцевъ, принудительный трудъ которыхъ создалъ это благолѣпіе“.

[2]) Taine. L'ancien régime. p. 71—76.

[3]) D'Avenel. I. 219—23.

[4]) Young. I. p. 91. 124.

[5]) Sée. p. 153—150. Карѣевъ, стр. 53 и сл. Bernier. p. 134.

[6]) Такой же характеръ имѣло разведеніе голубей, которые портили поля; голуби считались священными.

съ самаго процесса, конфискація имущества въ видѣ наказанія—все это обогащало карманы сеньоровъ, и поэтому они всячески отстаивали свои права юрисдикціи [1]).

Такимъ образомъ, сеньоріальный режимъ въ видѣ обязательныхъ, установленныхъ платежей и повинностей исчезалъ; но связанный съ нимъ произволъ и злоупотребленія сохранялись попрежнему. Матеріальное положеніе крестьянъ, крайне бѣдственное въ предшествующую средневѣковую эпоху, едва ли улучшилось. Конечно, мы находимъ и состоятельныхъ крестьянъ, движимое имущество которыхъ оцѣнивается при переходѣ по наслѣдству въ 1100, 1800, 1900, 2100, 3400 и даже 8500 ливровъ [2]). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ—по словамъ путешественниковъ (Шатобріана, Гибера, Артура Юнга)—встрѣчаются деревянные и даже въ видѣ исключенія каменные дома, крытые черепицей или сланцемъ [3]); любопытно, впрочемъ, что даже въ описаніи жилища богатаго крестьянина идетъ рѣчь о томъ, что полъ состоитъ изъ земли, утрамбованной сѣномъ, а крыша изъ соломы, смѣшанной съ камышемъ. Но состоятельные крестьяне были рѣдкимъ явленіемъ. Большинство крестьянъ обладало крайне незначительнымъ движимымъ имуществомъ, не достигавшимъ даже цѣнности въ 100 ливр., иногда не превышавшимъ 20 ливр. Сэ нашелъ въ одной сеньоріи 24 случая, гдѣ наслѣдство было менѣе 100 ливр. (среди нихъ случаи въ 9, 11, 22, 23, 30, 35 ливр.). Общимъ правиломъ являлась, повидимому, хижина, крытая соломой, откуда и названіе ея—chaumière; имѣла она весьма печальный видъ, иногда возвышалась такъ мало надъ землей, что походила скорѣе на погребъ. Люди, животныя (поросята, козы), домашняя птица жили всѣ вмѣстѣ, лишь отдѣленные перегородкой, подъ одной крышей, въ одномъ и томъ же сыромъ, покрытомъ навозомъ помѣщеніи, среди испареній, исходившихъ отъ животныхъ. Но даже когда изба была раздѣлена на три части, хлѣвъ, ригу и помѣщеніе для людей, послѣдніе все-таки на зиму переходили въ хлѣвъ, такъ какъ тамъ было теплѣе. И Локъ въ 70-хъ годахъ XVII вѣка, и Шатобріанъ сто лѣтъ спустя подчеркиваютъ тотъ фактъ, что избы были окружены чрезвычайной грязью, не имѣли ни оконъ, ни печей, а дымъ выходилъ чрезъ единственное отверстіе—дверь. Избу приходилось окружать со всѣхъ сторонъ навозомъ для защиты отъ холода, проходившаго въ незакрытыя отверстія, ибо поскольку эти отверстія существовали—иначе было совсѣмъ темно—они не были закрыты стеклами [4]) Даже когда жилище было построено изъ хорошаго матеріала и не заслуживало названія хижины, стеколъ оно все-таки не имѣло, совершенно необычайное для англичанина зрѣлище—какъ говоритъ Артуръ Юнгъ. Хорошія постройки,—замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ—но ни одного окна

---

[1]) Sée. p. 117—127. Bernier. p. 144—46.
[2]) Sée. p. 463. 465. Brutails. p. 216 и сл. Bernier. p. 206 и сл.
[3]) Young. I. 21. 32. 34. 72. Guibert. Voyages dans diverses parties de la France en 1775. p. 151. 271.
[4]) Babeau. La vie rurale. p. 13 и сл. Calonne. p. 189 и сл. Bernier. p. 49—50. Sée. p. 458 и сл. Théron de Montaugé. L'agricult. dans le pays Toulousain. 1869. p. 59. и сл. Brutails. p. 224.

со стеклами [1]). Послѣднія считались особенной роскошью; въ доказательство богатства Лотарингіи въ эпоху до Тридцатилѣтней войны указывалось на то, что тамъ крестьяне имѣли стеклянныя окна [2]).

Другое явленіе, сильно поразившее Артура Юнга, было отсутствіе обуви у населенія: ни чулокъ, ни башмаковъ не было, иногда даже ходили безъ лаптей; хотя они и могутъ гордиться—прибавляетъ онъ—тѣмъ, что ихъ босыя ноги ходятъ по прекрасно сооруженному шоссе [3]). Немногимъ лучше была пища; такъ какъ пшеница и рожь шли на продажу для платежа податей и на уплату сеньоріальныхъ повинностей, то оставались только худшіе сорта ржи, непринимаемые сеньоромъ, ячмень и овесъ. Далѣе, употреблялись въ пищу рыба, свиное сало, масло, яйца, овощи Мясо же составляло почти такую же рѣдкость, какъ и въ средніе вѣка, и появлялось лишь въ праздничные и воскресные дни, почему воскресная одежда и называлась: habit à la viande [4]) [5]).

Такъ было въ обыкновенные годы; слѣдуетъ ли удивляться тому, что во время голодовокъ крестьяне ѣли траву, какъ разсказываютъ Лабрюйеръ и Мого, на основаніи собственныхъ наблюденій, что эпидеміи тифа, дизентеріи, оспы не прекращались, что въ плохіе годы $^1/_4$—$^1/_5$ населенія жили подаяніями, что во многихъ мѣстностяхъ смертность всегда превышала рождаемость, и вообще продолжительность человѣческой жизни была въ среднемъ не болѣе 25 лѣтъ [6]).

Тенъ сравниваетъ французскій народъ наканунѣ революціи съ человѣкомъ, находящимся по горло въ водѣ и рискующимъ при малѣйшемъ пониженіи дна, при небольшомъ хотя бы волненіи, потерять почву подъ ногами и утопуть [7]). Такой волной явилась, повидимому, попытка сеньоровъ во второй половинѣ XVIII вѣка возстановить свои прежнія права на чинши и ренты, которые уже давно не осуществлялись. Во многихъ мѣстностяхъ держатели заявляли, что имъ неизвѣстно, кому принадлежитъ земля, на которой они сидятъ; они десятилѣтіями не платили никакой ренты, не отбывали сеньоріальныхъ повинностей; сеньоры не требовали отъ нихъ ничего, такъ какъ уже ихъ предки перестали получать эти платежи. Сеньоріальный режимъ, уже и такъ значительно измѣнившій свой прежній характеръ и постепенно исчезавшій, грозилъ окончательно прекратиться. Однако, этому не суждено было совершиться. Сеньоры стали взыскивать накопившіяся за много лѣтъ недоимки, возстановлять давно прекратившіеся платежи, доискиваться своихъ старыхъ правъ. „Съ одного конца Франціи до другого—говоритъ Шере—сеньоры стали провѣрять документы, возобновлять свои terriers, выкапывать права, отъ которыхъ имѣли благоразуміе

---

1) Young. I. p. 28. 32. 34. 35. 59. 332. Напротивъ, въ городахъ—какъ мы видѣли выше (стр. 245)—стеклянныя окна составляли обычное явленіе.

2) Babeau. p. 20.

3) Young. I. p. 31. 38. 53. 69. 148.

4) Calonne. p. 211—217. Sée. p. 466—67. Bernier. p. 26. 51—52. Babeau. p. 102. и сл. 112 и сл.

5) Юнгъ разсказываетъ, что французы вообще ѣдятъ мало мяса, и что въ г. Лейракъ убиваютъ всего пять быковъ въ годъ, тогда какъ въ Англіи въ такомъ же городкѣ понадобилось бы 2—3 въ недѣлю. Онъ самъ присутствовалъ во время ужина фермеровъ, состоявшаго изъ большого количества мало аппетитнаго хлѣба, массы капусты, жиру и воды; мяса же было приготовлено для нѣсколькихъ десятковъ людей столько, сколько съѣли бы въ Англіи шесть фермеровъ, ругая хозяина за его скупость. (Young. I. p. 37. 78).

6) Levasseur. Population française. I. 1889. p. 258 и сл. 278. Babeau. p. 120. 100 Calonne. p. 227 и сл. Sée. p. 471. 489—91. Brutails. p. 41. 103. Bernier. p. 30—32. 43. и сл. 64—71.

7) Taine. p. 440.

отказаться ихъ предки, изобрѣтать новыя, возбуждать безконечные процессы противъ недоимочныхъ крестьянъ, вести съ ними безжалостную борьбу“ [1]). Но характерно, что здѣсь рѣчь шла не объ однихъ лишь крестьянскихъ, а объ всякаго рода вассальныхъ владѣніяхъ, объ отмѣнѣ всякой условной собственности, на земляхъ дворянскихъ, буржуазныхъ и чиншевыхъ. Аграрный вопросъ не былъ однимъ только крестьянскимъ вопросомъ.

ГЛАВА IV.

Аграрный строй въ Германіи.

При изученіи аграрнаго строя Германіи въ предшествующіе вѣка необходимо исходить изъ установленнаго Георгомъ Кнаппомъ различія между Grundherrschaft и Gutsherrschaft. Grundherrschaft обозначаетъ тотъ сеньоріальный строй, который покоится всецѣло на полученіи сеньоромъ отъ крестьянъ извѣстныхъ рентъ, чиншей и платежей, тогда какъ самостоятельнаго хозяйства сеньоръ не ведетъ, не является помѣщикомъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Иное дѣло Gutsherrschaft: и здѣсь имѣются платежи въ пользу сеньора, но на первомъ планѣ стоятъ не эти доходы, получаемые съ крестьянскихъ земель, а тѣ, которые сеньоръ извлекаетъ посредствомъ веденія помѣщичьяго хозяйства; онъ является прежде всего сельскимъ хозяиномъ, обрабатывающимъ землю за свой страхъ и рискъ посредствомъ подневольнаго труда своихъ крѣпостныхъ.

Различіе проводится между Западомъ и Востокомъ: Франція и вся западная Германія представляютъ собою страны сеньоріальнаго, основаннаго на крестьянскихъ платежахъ, аграрнаго строя; восточная Германія и далѣе Польша и Россія являются государствами съ помѣщиками — сельскими хозяевами, имѣющими самостоятельное хозяйство. Характерную черту первыхъ составляетъ мелкое крестьянское хозяйство, уплачивающее оброкъ, всякаго рода повинности и платежи; вторыхъ—крупныя помѣщичьи хозяйства, обрабатываемыя барщиннымъ трудомъ прикрѣпленнаго къ помѣстью населенія [2]).

Это разграниченіе двухъ системъ аграрнаго строя имѣетъ, несомнѣнно, научное значеніе; въ частности въ отношеніи Германіи оно указываетъ на тотъ историческій процессъ, который въ результатѣ создалъ двѣ, столь отличныя по своему характеру и экономическимъ условіямъ и интересамъ, отдѣляемыя другъ отъ друга Эльбой, части Германской имперіи: западъ— Баденъ, Вюртембергъ, прирейнскія мѣстности и т. д., и востокъ—главнымъ образомъ восточныя прусскія провинціи, Мекленбургъ, Гольштинія и т. д. Западная Германія въ XVI—XVIII ст. представляетъ собою какъ бы естественное продолженіе Франціи. И тутъ и тамъ то развитіе аграрнаго строя,

---

[1]) Cherest. Chute de l'anc. rég. I. 50. Ср. Wolters. p. 260—75. Лучицкій, Сост. землед. класс., стр., 43 и сл. Saguac. La proprieté foncière au XVIII siècle. Révue d'hist. moderne. 1901. См. также Карѣевъ. Бѣглыя замѣтки. Нов. сер. 1915.

[2]) См. особ. Georg Knapp. Bauernbefreiung. 1887. B. I. Einleitung. Fuchs. Epochen der deutschen Agrargeschichte. Caro. Probleme der deutschen Agrargeschichte. Viert. f. Soc. und Wirtschaftsgesch. Jordan-Rozwadowski. Die Bauern des 18. Jahrh. Jahrb. f. Nationaloek. Lamprecht. Deutsche Geschichte. B. IX. 1907. p. 217—282.

которое началось уже съ XII—XIII ст., совершается и впослѣдствіи въ томъ же направленіи. Крупныя помѣстья—виллы ранняго средневѣковья (въ особенности эпохи каролинговъ) распались на отдѣльныя части; связь между ними и цѣлымъ—сеньоріальнымъ управленіемъ, сокращалась, самостоятельное хозяйство сеньора все болѣе исчезало. А вмѣстѣ съ нимъ уменьшалась и барщина, зависимость крестьянскихъ держаній теряла свой прежній характеръ, сведясь къ опредѣленнымъ платежамъ и оброкамъ.

Возьмемъ Баденъ, гдѣ маркграфъ на пространствѣ почти всего герцогства сосредоточивалъ сеньоріальныя права въ своихъ рукахъ,—и верховное право на землю, и права личнаго характера, и патримоніальную юрисдикцію; лишь въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ были вкраплены тѣ или другія права отдѣльныхъ сеньоровъ. Мы найдемъ здѣсь почти полную собственность крестьянъ на землю, которую держатель можетъ свободно отчуждать, обременять долгами, а въ извѣстныхъ предѣлахъ и дѣлить. На ней лежатъ лишь опредѣленные чинши въ деньгахъ и натурѣ, особенно въ видѣ куръ, платежи при продажѣ, обмѣнѣ или наслѣдованіи ($^1/_3$—$^1/_5$); послѣдніе соотвѣтствуютъ французскимъ lods et ventes и rachat. Существовала и небольшая барщина, какъ результатъ сеньоріальной юрисдикціи; она не превышала 2—4 недѣль въ году [1]). Leibeigenschaft и ограниченіе личной свободы свелось фактически къ извѣстнымъ платежамъ, за которые выдавались различныя разрѣшенія, напр. на вступленіе въ бракъ, и къ отдачѣ сеньору послѣ смерти крестьянина лучшей штуки скота (Besthaupt) или 1—5 проц. съ цѣнности движимаго имущества. Самое прекращеніе всякой зависимости—отпущеніе на волю, обусловливалось уплатой опредѣленной, нерѣдко, впрочемъ, весьма высокой суммы [2]) [3]).

Или обратимся къ сѣверо-западной Германіи, гдѣ территорія распадалась на многочисленныя мелкія княжества и графства—Брауншвейгъ-Вольфенбюттель, Геттингенъ-Грубенгагенъ, Бременъ, Верденъ, Гильдесгеймъ, Люнебургъ, Календбергъ, Ганноверъ и др. Мы и здѣсь увидимъ, какъ съ XIV—XV вѣка крестьяне (мейеры) постепенно превращаются въ наслѣдственныхъ держателей. Уже въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка держатель, правильно уплачивавшій чиншъ, хотя юридически и могъ быть смѣщенъ помѣщикомъ, но фактически сохранялъ пожизненно свое держаніе, а нерѣдко передавалъ его и своимъ наслѣдникамъ. Превращеніе государственной властью въ теченіе XVI вѣка чиншей въ разъ навсегда установленные платежи, размѣръ которыхъ не можетъ повышаться, запрещеніе произвольно удалять крестьянъ съ ихъ дворовъ, а въ различныхъ мѣстностяхъ и прямое признаніе держаній наслѣдными (въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка) укрѣпило эту уже фактически устанавливавшуюся наслѣдственность и превра-

[1]) Ludwig. p. 18—32. 52—65. 85—86.

[2]) Ludwig. p. 33—52. Однородныя явленія въ Вюртембергѣ. Theod. Knapp. Zeitsch. XII.

[3]) И въ Баденѣ охотничьи наклонности маркграфа наносили большой вредъ крестьянамъ; несмотря на доброжелательное отношеніе къ нимъ государей-сеньоровъ, имъ запрещалось бороться съ кабанами, которые иногда даже днемъ стадами опустошали виноградники; имъ запрещалось и устраивать изгороди съ заостренными кольями и размѣромъ выше, чѣмъ до пояса, такъ какъ иначе дичь, при перескакиваніи черезъ нихъ на крестьянскія поля, могла бы причинить себѣ вредъ. (Ludwig. p. 92).

тило крестьянскія земли въ ихъ частную собственность. Послѣдняя была обременена лишь чиншемъ и десятиной, рѣдко барщиной, и ограничена обязанностью испрашивать разрѣшеніе сеньора при отчужденіи земли [1]).

И точно также и въ государствахъ средней Германіи, будетъ ли то Ангальтъ, Липпе или курфюршество Саксонское, обнаруживается преобладаніе наслѣдственной аренды (превратившейся въ таковую изъ пожизненной) съ правомъ обремененія земли долгами, съ разрѣшенія помѣщика, и правомъ отчужденія ея на основаніи одного лишь заявленія и даже безъ этого. Отнятіе участка допускалось лишь въ строго опредѣленныхъ случаяхъ, въ особенности въ случаѣ неплатежа чинша въ теченіе ряда лѣтъ, веденія плохого хозяйства, совершенія преступленія.

Правда, рядомъ съ этимъ urgens et improvisa necessitas, т. е. крайняя потребность въ земельномъ участкѣ со стороны помѣщика, давало ему право отнять землю у крестьянина,—и въ различныхъ мѣстностяхъ сѣверо-западной Германіи помѣщики дѣлали попытки расширенія этимъ путемъ своихъ владѣній. Въ большинствѣ случаевъ съ такихъ, присоединенныхъ къ помѣстью земель, они, однако, обязаны были уплачивать попрежнему всѣ слѣдуемыя съ крестьянскихъ держаній государственныя подати. Но въ сѣверномъ Ганноверѣ и такого правила не существовало; это значительно облегчало образованіе крупныхъ дворянскихъ и церковныхъ помѣстій въ эпоху обезлюденья деревень во время Тридцатилѣтней войны [2]). Въ образовавшихся такимъ путемъ крупныхъ помѣстьяхъ, гдѣ велось самостоятельное хозяйство съ производствомъ хлѣба на вывозъ, существовала и довольно тяжелая барщина въ видѣ разнообразныхъ работъ по воздѣлыванію помѣщичьей земли и по перевозкѣ хлѣба, упряжныхъ и ручныхъ, но всегда въ разъ навсегда установленномъ количествѣ дней въ недѣлю (1—2 или 1—3), безъ права помѣщика произвольно ихъ увеличивать. Вообще связь между самостоятельнымъ веденіемъ хозяйства помѣщиками и барщиной выступаетъ весьма рѣзко наружу: только тамъ, гдѣ имѣлись такія помѣстья, барщина не была замѣнена денежными оброками. Но случаи такого рода составляли явленіе довольно рѣдкое, ибо крупныя помѣстья далеко не играли той роли въ сѣверо-западной Германіи, какъ въ сѣверо-восточной. Помѣщики и не стремились къ образованію ихъ, и владѣнія отдѣльныхъ сеньоровъ обыкновенно не составляли чего-либо цѣльнаго, будучи разбросаны по частямъ въ различныхъ мѣстностяхъ [3]): подобно тому, какъ современный капиталистъ не обязанъ быть собственникомъ всѣхъ акцій какой-либо фабрики, такъ и помѣщикъ того времени не долженъ былъ непремѣнно обладать верховной властью надъ всѣми крестьянами данной общины — говоритъ Георгъ Кнаппъ [4]).

Но, конечно, какъ въ области земельнаго строя, такъ и въ сферѣ ограниченій личной свободы, переходъ отъ Франціи и западной Германіи къ Пруссіи, австрійскимъ землямъ, Мекленбургу и Гольштиніи совершался постепенно. Такую переходную ступень представляла собою въ особенности Баварія. Рядомъ съ наслѣдственными и пожизненными держаніями встрѣчаются здѣсь и такія, которыя могутъ быть отняты помѣщикомъ въ любое время (Freistift), хотя онъ долженъ былъ имѣть къ этому какую-либо основательную причину. Въ связи съ этимъ и крупныя помѣщичьи хозяйства были въ Баваріи гораздо больше распространены, чѣмъ въ другихъ частяхъ западной Германіи. Хотя земское право 1616 г. значительно сократило барщину, лишая этимъ владѣльцевъ обширныхъ помѣстій соотвѣтствующихъ рабочихъ силъ, но уже съ XVI вѣка здѣсь совершался процессъ,

---

1) Wittich. p. 21. 26. 32—35. 44. 63—7. 82—3. 358. 377—392. 409—11.
2) Ibid. p. 57. 61. 393—99. 406—9.
3) Ibid. p. 14—17. 185 и сл. 217—19.
4) Georg Knapp. Grundherrsch. p. 85.

именуемый „Bauernlegen“ [1]). При наличности т. наз. „дурныхъ“ правъ на землю, т. е. не наслѣдственныхъ и не пожизненныхъ, такіе участки помѣщикъ имѣлъ полное право присоединить къ своему хозяйству,—между двумя моментами, характеромъ крестьянскихъ держаній и распространеніемъ крупныхъ помѣстій, примѣръ Баваріи позволяетъ установить несомнѣнное взаимодѣйствіе.

Ухудшеніе, по сравненію съ западной частью Германіи, обнаруживается и въ степени личной несвободы крестьянскаго населенія; хотя—по словамъ Гаусмана—Leibeigenschaft, которой посвященъ еще цѣлый титулъ въ земскомъ уложеніи 1756 г., была по своему названію гораздо страшнѣе того, что подъ этимъ скрывалось, но несомнѣнно личная зависимость здѣсь была тяжелѣе, чѣмъ въ Баденѣ или Вюртембергѣ. Помимо платежей, производимыхъ при вступленіи въ бракъ, имѣется и обязательная служба дѣтей крестьянъ въ качествѣ дворовыхъ (это напоминаетъ восточную Германію); отдача же имущества вотчиннику послѣ смерти крестьянина, хотя и замѣнилась опредѣленными платежами, но все же весьма высокими и тяжелыми для наслѣдниковъ [2]).

Однако, полосой широкаго распространенія крупныхъ помѣщичьихъ хозяйствъ являются мѣстности, лежащія къ востоку отъ Эльбы. Разбросанныя тамъ и сямъ въ средней Германіи, въ особенности въ Липпе-Детмольдѣ, Ангальтѣ, Баваріи, помѣстья именуютъ собою лишь преддверье къ господству этого характернаго для странъ по ту сторону Эльбы, для восточной части Германіи аграрнаго строя.

Характерную черту западной Германіи, въ отличіе отъ восточной, составляетъ сосредоточеніе въ рукахъ государей (маркграфа баденскаго, герцога вюртембергскаго, а также въ Липпе, Ангальтѣ) сеньоріальной власти, обыкновенно и сеньоріальной юрисдикціи, а частью и верховнаго права собственности на землю. Напротивъ, въ восточной Германіи всякій помѣщикъ есть самъ себѣ государь, государственная власть не играетъ тамъ никакой роли, и королевскія домены имѣли значеніе лишь въ томъ смыслѣ, что на нихъ могли производиться первые эксперименты раскрѣпощенія крестьянъ.

Далѣе въ западной Германіи почти никакой связи между помѣщичьей и крестьянской землей не существуетъ, и помѣщичья земля является въ сущности не болѣе, какъ привилегированнымъ земельнымъ участкомъ, по своимъ размѣрамъ нерѣдко немногимъ превышающимъ обычныя крестьянскія держанія [3]). Въ восточной же Германіи помѣстье представляетъ собой нѣчто цѣльное, оно состоитъ изъ двухъ тѣсно связанныхъ частей — земли, непосредственно обрабатываемой за счетъ помѣщика, и земли крестьянской, поставляющей ему необходимую рабочую силу, причемъ земли, предназначенныя для помѣщичьяго хозяйства, постепенно расширяются насчетъ земель крестьянскихъ. „Когда возможность пріобрѣтенія добычи посредствомъ войнъ и набѣговъ исчезаетъ, тогда аристократія приступаетъ къ расширенію

---

[1]) Hausmann. p. 34 и сл. 54 и сл. 65—66.

[2]) Hausmann. 7. 16—17. 20. 23—27. Schmelzle. p. 46. Theod. Knapp. Zeitschr. p. 24. 26.

[3]) Wittich. p. 21—18.

своихъ владѣній частью путемъ захвата общинныхъ угодій, лѣсовъ и невоздѣланныхъ пустошей, частью же и прежде всего отнятіемъ земли у крестьянъ и присоединеніемъ ея къ помѣщичьему хозяйству" [1]). Въ курфюршествѣ Бранденбургскомъ, въ Средней Маркѣ, за полъ-столѣтія, предшествующія Тридцатилѣтней войнѣ, было выкуплено 426 крестьянскихъ участковъ, составлявшихъ въ общей сложности $1563^1/_3$ гуфъ, и площадь помѣщичьихъ земель (хозяйствъ) возросла въ полтора раза — съ 3228 до 4792 гуфъ [2]). Въ Богеміи въ первой половинѣ XVII вѣка образуются латифундіи въ 20—30 тысячъ моргеновъ пахатной земли—луговъ и пастбищъ [3]). А въ Мекленбургѣ изъ $12^1/_2$ тыс. крестьянскихъ дворовъ, насчитывавшихся въ эпоху Тридцатилѣтней войны, въ 1848 г. сохранилось всего 1213. Усадьбы мекленбургскихъ дворянъ, которые отнимали у своихъ крестьянъ землю, сравнивали съ берлогами хищныхъ звѣрей, которые опустошаютъ все окружающее и создаютъ тишину кладбища [4]).

Первоначально присоединеніе крестьянскихъ дворовъ совершалось на вполнѣ законномъ основаніи. Оно происходило вслѣдствіе ухода крестьянъ въ города и оставленія ими населенныхъ дворовъ, либо посредствомъ покупки земель у крестьянъ съ ихъ согласія, или же въ видѣ отнятія земли у крестьянъ, небрежно ведущихъ хозяйство и не отбывающихъ возложенныхъ на нихъ повинностей. Къ этому присоединилось вскорѣ и лишеніе крестьянъ земли, хотя и съ вознагражденіемъ ихъ, съ цѣлью устройства на этихъ земляхъ новой помѣщичьей усадьбы и веденія самостоятельнаго хозяйства. Это должно было повести, вслѣдствіе широкаго толкованія, къ сильному обезземеленью крестьянъ; курфюрсты бранденбургскіе уже въ 1540 и 1572 г.г., ссылаясь на издавна существующій обычай, разрѣшаютъ выкупъ крестьянскихъ земель, если помѣщикъ самъ желаетъ проживать на этихъ участкахъ [5]).

Если необходимость уплаты за отнятыя земли свидѣтельствуетъ несомнѣнно о наличности у крестьянъ въ эту эпоху извѣстныхъ правъ на нихъ, то впослѣдствіи, въ эпоху Тридцатилѣтней войны, помѣщики не только имѣли всѣ основанія присоединять къ своимъ имѣніямъ покинутые въ большомъ количествѣ дворы, образуя такимъ путемъ крупныя помѣстья, но и, пользуясь обезлюденіемъ селъ, могли заселять ихъ новыми колонистами на новыхъ условіяхъ, при которыхъ эти держатели могли бы быть лишены въ любое время занимаемыхъ ими участковъ. Это послѣднее обстоятельство весьма существенно. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда мы находимъ въ Пруссіи наслѣдственныя держанія, они сильно отличались отъ западно-германской наслѣдственной аренды: получивъ во время Тридцатилѣтней войны даромъ отъ помѣщика опустошенный участокъ съ нѣкоторымъ инвентаремъ, крестьянинъ естественно не обладалъ никакими правами на это имущество. Онъ не могъ не только отчуждать или закладывать землю, но не вправѣ былъ даже распоряжаться домомъ или живымъ инвен-

[1]) Brünneck. l. c.
[2]) Grossmann. p. 28.
[3]) Grünberg. Bauernbefreiung. p. 39, 106.
[4]) Sugenheim. p. 433.
[5]) Georg Knapp. Bauernbefreiung. p. 37—39. Grossmann. p. 15.

таремъ: кромѣ урожая ничего ему не принадлежало. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ такія держанія почти не отличались отъ временныхъ, которыя могли быть отняты у крестьянъ въ любое время. Разница заключалась лишь въ томъ, что въ первомъ случаѣ (при наслѣдственномъ характерѣ держанія) земля переходила къ наслѣдникамъ, причемъ, однако, среди нихъ помѣщикъ по своему усмотрѣнію выбиралъ одного и передавалъ ему дворъ. Напротивъ, во второмъ случаѣ—ненаслѣдственные ласситы — крестьянинъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ батракомъ, который въ видѣ вознагражденія за свой трудъ—отбываемую имъ барщину—получалъ въ пользованіе избу и клочекъ земли. Въ Мекленбургѣ, Гольштиніи, Лифляндіи, Богеміи (uneingekaufte Rustikalisten), Моравіи, Помераніи, Восточной Пруссіи держанія послѣдняго рода во второй половинѣ XVII и въ первой половинѣ XVIII вѣка были господствующими. Фактически нерѣдко, но далеко не всегда, они переходили къ наслѣдникамъ, но зависѣло это все же отъ воли помѣщика. Общій принципъ былъ во всякомъ случаѣ тотъ, что „крестьянинъ не долженъ днемъ приготовлять себѣ постель, такъ какъ онъ не можетъ знать, будетъ ли онъ еще ночевать на томъ же мѣстѣ“ [1]).

При такихъ условіяхъ, помѣщикъ имѣлъ, конечно, полную возможность присоединять къ своимъ имѣньямъ земли цѣлыхъ селъ, какъ это совершалось въ Мекленбургѣ, Помераніи, Силезіи, и неудивительно, что въ Средней Маркѣ (Бранденбургское курфюршество) число крестьянскихъ дворовъ съ 1624 до 1727 г. сократилось съ 7600 до 6922 [2]). Такими постановленіями, какъ указъ 1616 г. въ Помераніи, указы 1621 г., 1633 г., 1654 г. въ Мекленбургѣ, допускавшими неограниченное „Abschlachten der Bauern“, вполнѣ признавалось отсутствіе у крестьянъ какихъ-либо правъ на землю. И какъ въ этихъ странахъ, такъ и въ Шлезвигъ-Гольштиніи и др., вплоть до начала XIX вѣка не издавалось никакихъ распоряженій въ защиту крестьянскаго населенія [3]).

Иное дѣло въ Пруссіи и Австріи. Здѣсь была сдѣлана попытка борьбы съ „Bauernlegen“. Она вызывалась соображеніями фискальнаго свойства: правительство было заинтересовано въ томъ, чтобы помѣщичья земля (Rittergut), освобожденная отъ земельной подати, не расширялась на счетъ крестьянской. По этой причинѣ, однако, дѣло ограничивалось первоначально постановленіемъ, что характеръ (крестьянскихъ) земель остается тотъ же, независимо отъ того, кто въ данное время владѣетъ ими и, слѣдовательно, уплачиваются тѣ же подати (указъ 1669 г. для Моравіи, 1717 г. для Богеміи); этимъ какъ бы санкціонировался захватъ крестьянскихъ земель. Или же, частью въ виду того, что подати въ этихъ случаяхъ перелагались на остальныя крестьянскія земли, мѣропріятія правительства выражались въ требованіи, чтобы на крестьянскихъ земляхъ никто, кромѣ крестьянъ, не сидѣлъ (указъ для Богеміи 1751 г., для Моравіи и Силезіи

[1]) Hanssen. Die Aufhebung der Leibeigenschaft etc. in Schleswig und Holstein. p. 17. Georg Knapp. p. 47—50. Grünberg. p. 55 и сл. 70. Grossmann. p. 90 и сл. Brünneck. Leibeigenschaft in Pommern. p. 104 и сл. Fuchs. Der Untergang des Bauernstandes. l. c.

[2]) Grossmann. p. 17.

[3]) Böhlau. Leibeigenschaft in Mecklenburg. p. 409—10. Georg Knapp. II 21. Lamprecht. Deut. Gesch. B. IX. p. 260. Fuchs. p. 17—18. 43 и сл. 68 и сл.

1768 и 1771 г.г., эдикты Фридриха I 1709 г., и Фридриха-Вильгельма 1714 и 1717 г.г.). Но и здѣсь участь каждаго отдѣльнаго крестьянина не охранялась, а забота распространялась лишь на все крестьянство въ цѣломъ, ибо было безразлично, кто изъ крестьянъ сидѣлъ на данномъ дворѣ. Однако, даже эти умѣренныя постановленія не достигали своей цѣли. Фридрихъ-Вильгельмъ I, возмущенный поведеніемъ своего родственника маркграфа Шведтскаго, издалъ въ 1739 г. приказъ: „чтобы ни одинъ вассалъ, кто бы онъ ни былъ, начиная отъ маркграфовъ и вплоть до самаго низшаго, не смѣлъ прогонять крестьянъ съ ихъ дворовъ безъ достаточнаго основанія и безъ немедленной передачи двора другому крестьянину“. Но дворянство Восточной Пруссіи отказалось исполнить этотъ указъ, ссылаясь на то, что на королевскихъ доменахъ производится такое же сокращеніе крестьянскихъ дворовъ; и дворянству удалось добиться измѣненія этого указа въ томъ смыслѣ, что при отсутствіи надлежащихъ крестьянъ для передачи имъ освободившихся участковъ, такая передача не обязательна; это, конечно, лишало эдиктъ всякаго реальнаго значенія.

Еще менѣе могли быть осуществлены на практикѣ мѣропріятія, не ограничивавшіяся запрещеніями лишенія крестьянъ земли въ будущемъ, но имѣвшія въ виду возвращеніе имъ земель, отнятыхъ у нихъ ранѣе и присоединенныхъ къ другимъ крестьянскимъ участкамъ или помѣщичьимъ владѣніямъ. Такая цѣль преслѣдовалась Маріей Терезіей и Фридрихомъ Великимъ: тѣ земли, которыя принадлежали въ Силезіи крестьянамъ до 1733 г., въ Богеміи до 1751 г., и въ Моравіи до 1776 г., въ Пруссіи до Семилѣтней войны (т. е. до 1756 г.), подлежали возвращенію. Въ Восточной Пруссіи указъ Фридриха Великаго вовсе не былъ приведенъ въ исполненіе, какъ это обнаружилось въ 1806 году (и тогда 1756 г. былъ замѣненъ 1772); Западная Пруссія была присоединена лишь въ 1772 г., такъ что указъ могъ быть примѣненъ лишь значительно позже. Только въ Силезіи онъ строго проводился, не взирая на личность землевладѣльца, и возстановленные дворы составили $3^1/_2$ проц. всѣхъ крестьянскихъ дворовъ. Но въ 1807, а еще болѣе въ 1816 г., всякая охрана крестьянскихъ земель была въ Пруссіи отмѣнена; въ Австріи же она продолжала дѣйствовать вплоть до 1848 года [1].

Крестьяне разсматривались, какъ принадлежность даннаго помѣстья, какъ вещь, но находящаяся въ собственности не лица, а другой вещи [2]). Въ Помераніи ихъ называли недвижимостью, капиталомъ, вложеннымъ въ помѣстье и оцѣненнымъ вмѣстѣ съ послѣднимъ [3]). Вся ихъ рабочая сила принадлежала помѣстью, барщина не была ограничена,—такая нерегулированная барщина считалась „прекраснѣйшей жемчужиной дворянскихъ имѣній“ [4]); въ лучшемъ случаѣ (если она была ограничена) она равнялась 3—4 или чаще 5—6 днямъ въ недѣлю [5]). Съ расширеніемъ имѣній и барщина должна была возрастать, ибо „воздѣлывать поля наемными людьми значило бы черпать воду рѣшетомъ“,—гласитъ чешская пословица [6]). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ, напр., въ Восточной Пруссіи, мы находимъ

---

[1]) Dessmann. p. 95 и сл. Grünberg. I. p. 56. 121—123. 242—253. Knapp. I. p. 51 53. Grossmann. 88. Golz. I. 421.
[2]) Böhlau. p. 413.
[3]) Fuchs. p. 174—176.
[4]) Hausmann. p. 60.
[5]) Aubin. p. 168.
[6]) Grünberg. I. p. 38.

и значительное количество лично-свободныхъ, нанимаемыхъ помѣщиками въ качествѣ батраковъ, но и здѣсь большая часть работъ производилась въ качествѣ барщины [1]). Все свое время крестьянинъ проводитъ на помѣщичьихъ поляхъ, подгоняемый управителями съ кнутомъ въ рукахъ, почему послѣднихъ и называли въ Австріи „карабачниками“ [2]); лунными ночами онъ вынужденъ пользоваться для обработки изнуренными лошадьми своего собственнаго участка, какъ это сообщали очевидцы на основаніи своихъ наблюденій въ Помераніи и Гольштиніи [3]). Не только крестьянинъ, но и семья его (дѣти) обязаны работать на помѣщика (Gesindezwangsdienst); безъ согласія его никто не можетъ наниматься на работу въ другихъ мѣстахъ, не можетъ вступать въ бракъ и т. д. Но въ то же время крестьяне продавались и безъ земли, отдавались въ наемъ, обмѣнивались и закладывались. Это мы находимъ и въ Бранденбургѣ, и въ Восточной Пруссіи, и въ Шлезвигѣ и Гольштиніи; въ Мекленбургѣ продажа безъ земли была признана въ 1757 году [4]). Крестьянъ проигрывали въ карты, вымѣнивали на собакъ, продавали съ публичнаго торга; говорили о настоящей торговлѣ неграми [5]).

Какъ утверждаетъ Кнаппъ, крѣпостное право поздняго, какъ и ранняго средневѣковья, не было институтомъ, предназначеннымъ для мученія людей [6]); но подобная характеристика примѣнима къ крѣпостничеству, которое мы находимъ въ восточной Германіи въ XVII—XVIII ст. Крестьянъ даже называли рабами, „въ томъ широкомъ смыслѣ, какъ это понимаетъ римское право“, утверждали, что ихъ личность и имущество принадлежитъ господину [7]). Барщина здѣсь превратилась въ „египетскія казни“, въ мученія, какихъ себѣ не позволяютъ „даже турки и другіе язычники“; она не оставляла крестьянину „ничего, кромѣ жизни въ голодѣ и нищетѣ“, и приводила отъ времени до времени къ бунтамъ, сопровождавшимся жестокостями съ обѣихъ сторонъ [8]).

---

1) Aubin. p. 157—165.
2) Grünberg. I. p. 107.
3) Hanssen. p. 25. Knapp. I. 70.
4) Grossmann. p. 54. Brünneck. Leibeigenschaft in Ostpreussen. p. 56. 59. Hanssen. Die Aufhebung der Leibeigenschaft. etc. Cp. Sering. Erbrecht und Agrarverfassung etc. Bühlau. l. c.
5) Transehe Roseneck. p. 163. Fuchs. Der Untergang des Banernstandes etc. p. 170.
6) Knapp. Grundherrschaft. p. 84.
7) Grossmann. p. 94. Transehe-Roseneck. p. 263.
8) Knapp. I. p. 41. II. 44. Grünberg. I. p. 102. 128—130.

III. Формы промышленности и рабочій классъ.

Литература. Болѣе старая литература, давая свѣдѣнія о различныхъ отрасляхъ производства и цеховой организаціи, не проводитъ, однако, различія между ремесломъ и кустарной формой производства, а говоритъ лишь о мелкомъ производствѣ („petite industrie“, „Kleingewerbe“), а нерѣдко и прямо смѣшиваетъ цеховое производство съ ремесленнымъ; съ другой стороны, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ въ источникахъ о крупномъ производствѣ, фабрикахъ или мануфактурахъ, предполагается существованіе дѣйствительно централизованныхъ мануфактуръ (см. ниже гл. III). Лишь новѣйшія изслѣдованія избѣгаютъ и этой второй ошибки, они же стараются выяснить точнѣе организацію производства и матеріальное положеніе рабочихъ. Впервые далъ анализъ кустарной формы производства и охарактеризовалъ ея историческое развитіе на Западѣ и у насъ *А. Корсакъ. О формахъ промышленности вообще и о значеніи домашняго производства (кустарной и домашн. пром.) въ Западной Европѣ и въ Россіи.* 1861. Сочиненіе его и до сихъ поръ сохранило значеніе. Подробно разсмотрѣно возникновеніе и развитіе кустарной промышленности и мануфактуръ этой эпохи и положеніе рабочихъ въ моей *Эволюціи прибыли, т. I.*, а продолжительность рабочаго дня, трудъ женщинъ и дѣтей въъ XVII–XVIII ст. и т. д. *тамъ же, т. II, 1908.*

Англія. Изъ старыхъ сочиненій: *Baines. History of the Cotton Manufacture in Great-Britain.* 1835. *Ellison. Handbook of Cotton Trade.* 1854. *James. History of the Worsted manufacture in England.* 1857. *Scrivenor. History of the Iron Trade.* 1854. *Timmins. Industrial History of Birmingham.* 1866. Сюда же относится по своему характеру *Rogers. Six Centuries of Work and Wages.* 1884. *Cooke Taylor. Introduction to a history of the factory system.* 1886. Изъ новыхъ особ. цѣнны: *Mantoux. La révolution industrielle au XVIII siecle.* 1906. *Clapham. Woollen and Worsted Industries.* 1907. Lohmann. *Die staatliche Regelung der englischen Wollindustrie vom XV bis zum XVIII Jahrh.* 1900. *Held. Zwei Bücher zur sozialen Geschichte Englands.* 1881. (Есть рус. пер.). *Cunningham. The Growth of English Industry and Commerce in Modern Times. Unwin. Industrial Organisation in the sixteenth and seventeenth centuries.* 1904 (касается почти исключительно Лондона). *1912. Ashley. Early History of the English Woollen Industry.* Интересныя данныя въ его же *Surveys Historic and Economic.* 1900 и въ *Introduction to English Economic History and Theory. T. II. Toynbee. Lectures on the industrial revolution in England.* 1884. *Hobson. The evolution of modern capitalism.* 1894 (первыя главы касаются кустарной промышленности Англіи XVIII ст.). *Marx. Das Kapital. B. 1.* (особ. важны главы о мануфактурахъ). *Traill. Social England. 6 vol.* (сборникъ статей различныхъ авторовъ: въ отдѣльныхъ томахъ имѣются главы о промышленности каждаго періода). *Schulze-Gävernitz. Der Grossbetrieb* (въ началѣ касается XVIII ст.).—Послѣднія шесть сочиненій имѣются въ русскомъ переводѣ.—*Dechesne. L'évolution économique et sociale de l'industrie de la laine en Angleterre.* 1900 (Полная исторія суконной промышленности вплоть до новѣйшаго времени, недурно составленная). *Brentano. Die Arbeitergilden der Gegenwart. B. I.* (главы о цехахъ въ Англіи въ новое время).

Германія. Изъ сочиненій XVII—XVIII ст.—Hornigk. Oesterreich über alles, wann es nur will etc. 1684. *Joh. Joach. Becher. Politische Discurs etc.* 1673. *Wilh.*

Schröder. Die fürstliche Schatz-und Rentenkammer. 1713. *Justus Möser. Patriotische Phantasien. B. I.* 1775. Lamprecht. *Von der Kameralverfassung und Verwaltung der Handwerke, Fabriken und Manufakturen in den preussischen Staaten.* 1797. Цеховые статуты—*Mylius. Corpus Constitutionum Marchicarum.* 1755, рядъ томовъ. *Ortloff. Corpus iuris opificarii.* 1804.

Изъ старыхъ сочиненій: *Biedermann.* Deutschland im 18. Jahrh. B. I. (хозяйственное развитіе). 1854. Изъ новыхъ весьма цѣнны статьи *Schmoller'a* о кустарной промышленности, изучающія общій характеръ возникновенія и развитія кустарнаго производства въ различныхъ мѣстностяхъ Германіи, сопоставляя съ другими странами, а также характеръ регламентовъ въ кустарной промышленности: *Die Hausindustrie und ihre älteren Ordnungen und Reglements* (Jahrbuch für Gesetzgebung etc. 1887). *Das Recht und die Verbände der Hausindustrie* (тамъ же, 1891),—по поводу книгъ Bein'a и Schanz'a, а также соотвѣтствующіе отдѣлы въ его статьяхъ о хозяйственномъ развитіи Пруссіи въ XVIII ст. *Studien über die Wirtschaftspolitik Friedrichs des Grossen etc. Jahrbuch für Gesetzgebung etc. Stieda. Litsteratur, heutige Zustände und Entstehung der deutschen Hausindustrie* (Schriften des Vereins für Sozialpolitik. 1889) разсматриваетъ возникновеніе кустарнаго производства въ различныхъ мѣстностяхъ и даетъ краткій обзоръ литературы, въ особ. въ отношеніи того, насколько выдѣляется эта форма производства изъ прочихъ, притомъ обзоръ литературы, касающейся какъ современнаго положенія кустарной промышленности, такъ и характера ея въ предыдущіе вѣка. Помимо этихъ сочиненій общаго характера имѣется рядъ важныхъ трудовъ, посвященныхъ развитію кустарнаго производства XVI -XVIII ст. въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Германіи и дающихъ весьма интересный матеріалъ какъ по вопросу о возникновеніи этой формы производства, такъ и въ отношеніи проблемы о рабочемъ классѣ въ эту эпоху. Таковы: *Troeltsch. Die Calwer Zeughandlungskompagnie und ihre Arbeiter.* 1897. *Schanz. Kolonisation und Industrie in Franken. Herkner. Die oberelsässische Baumwollindustrie und ihre Arbeiter* (первыя главы относятся къ XVIII ст.). *Gothein. Wirtschaftsgeschichte des Schwarzwaldes.* 1891. (послѣдняя часть посвящена исторіи баденской промышленности до конца XVIII ст.). *Bein. Die Industrie des sächsischen Voigtlandes. B. II. Textilindustrie.* 1886 (въ первыхъ отдѣлахъ разсматривается возникновеніе и ростъ кустарной промышленности саксонскаго Фогтланда въ XVII—XVIII ст.). *Thun. Die Industrie am Niederrhein und ihre Arbeiter.* 1880. 2 тома, особ. любопытны отдѣлы о металлическомъ производствѣ въ Золингенѣ и Рула. *Zimmermann. Blüte und Verfall des Leinengewerbes in Schlesien.* См. также *Strieder. Studien zur Geschichte der kapitalistischen Organisationsformen.* Kartelle. Monopole und Aktiengesellschaften im Mittelalter und zu Beginn der Neuzeit. 1914. (преимущественно организаціи въ области горной и горнозаводской индустріи Германіи и Австріи, отчасти и другихъ странъ въ XVI—XVIII ст.). *Witzel. Gewerbegeschihtlche Studien zur niederländ. Einwanderung in Deutschland im XVI Jahrh.* (Westdeut. Zeitschr. für Gesch. 1910). Stieda. *Die keramische Industrie in Bayern während des 18. Jahrh.* 1906. (Abhandl. der phil.-hist Klasse der Sächs. Gesellsch. der Wiss. B. 24). Его-же ст. въ Deut. Rundschau. 1906. Jan. *Hintze. Die preuss.* Seidenindustrie *im 18. Jahrh.* B. I—III. 1892. (Acta Borussica). *Bräuer. Neuere* Studien *zur Geschichte der Industrie.* (Jahrb. für Nationaloek. 1911. B. 42). *Koch. Geschichte des Seidengewerbes in Köln. 1907.*

Ремесло и цехи.—Schmoller. *Zur Geschichte der deutschen Kleingewerbe im XIX Jahrh.* 1870 (первыя главы) и *его-же, Das brandenburgisch-preussische Innungswesen von 1640—1806* (Umrisse und Untersuchungen).—общія основанія цеховыхъ регламентовъ въ различныхъ нѣмецкихъ государствахъ. *Kaizl. Der Kampf um Gewerbereform und Gewerbefreiheit in Bayern von 1799 bis 1868.* Leipzig. 1879. (введеніе). *Tyszka. Handwerk und Handwerker in Bayern im 18. Jahrh. 1907. Schmelzle. Der Staatshaushalt des Herzogtums Bayern im 18. Jahrh.* 1900 (глава о промышл.). *Молчановскій. Цеховая система Пруссіи XVIII вѣка.* 1886 (подробно разсматриваются всѣ вопросы цеховой организаціи). *Meyer* (Moritz). *Geschichte der preussischen Handwerkerpolitik. T. I—II.* 1884. 1888. *Rohrscheidt. Vom Zunftzwange zur Gewerbefreiheit. Adler. Die Epochen der deutschen Handwerkerpolitik.* 1903. *Roehl. Beiträge zur preuss. Handwerkerpolitik.* 1900 (гл. I). *Krumbholtz. Die Gewerbe der Stadt Münster bis zum Jahre 1616.* 1898. *Schüz. Die alt-württemb. Gewerbeverfassung in den letzten drei Jahrh.* (Zeitschr. für Staatswiss. 1850). *Brauns. Kurhessische Gewerbepolitik im 17. und 18. Jahrh. 1911.*

Спеціально для *Австріи*—цѣнныя изслѣдованія: *Max Adler. Die Anfänge der merkantilistischen Gewerbepolitik in Oesterreich.* 1903. (Wiener staatswiss. Studien. IV). *Pribram. Geschichte der oesterreichischen Gewerbepolitik* (вышелъ первый томъ—XVIII вѣкъ. 1908). Интересныя данныя также у *Beer. Studien zur Geschichte der oesterreichischen Volkswirtschaft unter Maria-Theresia. T. I.* 1894. *Salz. Geschichte der Böhmischen Industrie in der Neuzeit.* 1913 (очерки изъ исторіи горной, стекольной и текстильной индустріи). *Srbik. Der staatliche Exporthandel Oesterreichs von Leopold I bis Maria-Theresia. 1907.* (Спеціально изучаетъ эксплоатацію казенныхъ ртутныхъ и мѣдныхъ рудниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ и общую картину австрійской хозяйственной политики въ эту эпоху) и касающіяся отдѣльныхъ вопросовъ—работы *Rizzi. Das oesterreichische Gewerbe im Zeitalter des Merkantilismus.* Zeitschr. für Volkswirtsch. etc. 1903. *Hatschek. Das Manufakturhaus auf dem Tabor in Wien.* 1887 (Schmollers. Forschungen). *Franz Mayer. Die Anfänge des Handels und der Industrie in Oesterreich.* 1882 (эпоха, предшествующая Маріи-Терезіи). *Hecht. Die K. K. Spiegelfabrik zu Neuhaus in Niederösterreich 1701—1844.* 1909. Поверхностная брошюра (изъ юбилейнаго труда) *Hallwich'a.* Die Anfänge der Grossindustrie in Oesterreich. 1898.

Франція. Levasseur. Histoire des classes ouvrières. 2. éd. T. II. 1901. Спеціально мануфактурамъ посвящены, хотя не проводятъ надлежащаго разграниченія между ними и кустарной формой производства: *Martin* (Germain). *La grande industrie sous le règne de* Louis *XIV.* 1898. *Его-же. La grande industrie sous Louis XV.* 1900. *Mosnier. Origines et developpements de la grande industrie en France du XV siècle à la Révolution.* 1898. См. также *Ковалевскій.* Происхожденіе современной демократіи и его-же. Происхожденіе мелкой крестьянской собственности во Франціи. 1912. *Des Cilleuls. Histoire et régime de la grande industrie en France au XVII et XVIII siècles.* 1898. *Hauser. Les ouvriers du temps passé.* Политика *Кольбера*: *Clément.* Histoire de la vie et de l'administration de Colbert. 1846. *Joubleau.* Etudes sur Colbert. 1856. *Neymarck.* Colbert et son temps. 1877. Цеховая организація: *Martin-Saint-Léon. Histoire des corporations de métiers* (depuis leurs origines jusqu'à leur suppression en 1791). 1897. 2 изд. 1910 г. Подмастерьи: *Hauser.* Les *compagnonnages d'arts et métiers à Dijon au XVII et XVIII siècles. Martin. Coalitions ouvrières au XVIII s. Fagniez. Le compagnonnage au XVIII siècle.* Исторія шелковой промышленности Ліона: *Godart. L'ouvrier en soie. 1899. Pariset. Histoire de la fabrique* Lyonnaise. *1901.* Мануфактуры въ эпоху революціи: *Е. В. Тарле. Рабочіе національныхъ мануфактуръ во Франціи въ эпоху революціи.* 1908—на основаніи архивнаго матеріала,—и его-же капитальные труды *Рабочій классъ во Франціи въ эпоху революціи.* 2 тома. 1909—1911 и *Континентальная блокада* 1913, выясняющіе рядъ совершенно не разработанныхъ ранѣе проблемъ относительно французской промышленности и рабочаго класса въ XVIII и въ началѣ XIX ст.

Бельгія (и Голландія). *Julin. Les grandes fabriques en Belgique vers le milieu du XVIII siècle* (Mém. de l'Acad. royale etc. de Belgique. LXIII), весьма цѣнно. *Pringsheim. Die wirtschaftliche Entwickelung der Vereinigten Niederlande im XVII und XVIII Jahrh.* (Schmollers Forschungen), много любопытныхъ данныхъ. *Lewinsky, L'évolution industrielle de la Belgique.* 1911.—первыя главы касаются XVIII ст. *Pirenne. Geschichte Belgiens. B. IV.* 1913. (отд. III, гл. 2 промышленность въ XVII вѣкѣ). *Vanhaeck. Histoire de la sayetterie à Lille.* 1910. *Willemsen. Contribution à l'histoire de l'industrie linière en Flandre au XVIII siècle.* 1907. (Annales de la société d'hist. et d'archéol. de Gand. VII). *Barlet.* Histoire de l'industrie et du commerce de la Belgique даетъ мало. *Испанія—Häbler. Die wirtschaftliche Blüte Spaniens in XVI Jahrh. und ihr Verfall* излагаетъ лишь государственную политику, но не самое положеніе промышленности, и вообще книга написана въ духѣ старыхъ сочиненій. Такой же характеръ имѣетъ и Desdevises du Desert. L'Espagne de l'ancien régime (касается только XVIII вѣка). *Ansiaux. Histoire économique de l'Espagne au XVI et au XVII s.* Révue d'écon. polit. 1893.

ГЛАВА I.

Общій характеръ промышленной политики.

Производство для городского рынка замѣняется въ XVI—XVIII ст. національной, работающей для всей страны, промышленностью; городская промышленная политика постепенно уступаетъ мѣсто государственной територіальной промышленной политикѣ. Послѣдняя направлена прежде всего къ устраненію хозяйственной самостоятельности отдѣльныхъ городовъ, къ уничтоженію ихъ штапельнаго права; въ Бранденбургѣ, напр., большинство городовъ уже не имѣло права задерживать провозимые товары. Далѣе, цѣлью ея является отмѣна внутреннихъ таможенъ, отдѣлявшихъ отдѣльныя провинціи и части страны другъ отъ друга. Такъ, Кольберъ соединилъ всю сѣверную и среднюю Францію въ одну территорію подъ названіемъ provinces de cinq grosses fermes и уничтожилъ большую часть существовавшихъ въ ихъ предѣлахъ мѣстныхъ таможенъ, замѣнивъ ихъ однимъ общимъ тарифомъ 1664 г.; этотъ тарифъ былъ ниже того, что прежде платилось въ суммѣ на внутреннихъ таможняхъ. Точно также въ 1707 г. упразднены таможни, отдѣлявшія Англію отъ Шотландіи. Эта политика направлена, наконецъ, къ устройству шоссейныхъ дорогъ и каналовъ для созданія изъ страны одного общаго, цѣльнаго рынка, къ организаціи почтовыхъ сообщеній и облегченію торговыхъ операцій [1]).

По существу своему, промышленная политика этого періода не представляетъ, какъ указано выше [2]), ничего новаго; она является лишь примѣненіемъ тѣхъ принциповъ протекціонизма, которыхъ придерживались ранѣе отдѣльные города, къ цѣлымъ государствамъ; она переходитъ отъ самодовлѣющаго города къ самодовлѣющему государству. Въ средніе вѣка городъ, покровительствуя собственнымъ ремесламъ, не допускалъ или, по крайней мѣрѣ, сильно стѣснялъ привозъ произведенныхъ извнѣ промышленныхъ издѣлій. Подобно этому, и государство XVI—XVIII ст., поощряя конкуренцію внутри страны, старалось запретительными пошлинами и даже запрещеніями ввоза оградить себя отъ иностранныхъ промышленныхъ издѣлій. Дѣйствительно, чѣмъ раньше устанавливается свобода обмѣна внутри государства, чѣмъ раньше устраняются внутреннія преграды, тѣмъ ранѣе проводится и государственная запретительная система въ видѣ стѣсненій привоза, перенесенныхъ, по мѣрѣ уничтоженія внутреннихъ преградъ на границу государства.

Въ Англіи во второй половинѣ XIII ст. появляются первыя соглашенія между городами съ цѣлью облегченія ввоза товаровъ, и въ той же второй половинѣ XIII ст. издается первое (временное) запрещеніе ввоза издѣлій иностранной промышленности,—именно иностраннаго сукна. Въ XIV же вѣкѣ (1355 г.) присоединяется запрещеніе ввоза желѣза, въ половинѣ XV (1455) -запрещеніе ввоза шелковыхъ издѣлій, а затѣмъ, въ 1464 г., появляется запрещеніе ввоза цѣлой массы товаровъ, почти всѣхъ издѣлій промышленности. Такимъ образомъ, ясно выраженный таможенный протекціонизмъ находимъ въ Англіи уже

---

1) См. ниже.

2) См. выше, стр. 226—27.

въ XIV—XV ст., а вовсе не только въ XVII—XVIII ст., какъ обыкновенно утверждаютъ, т. е. протекціонизмъ, проводимый государствомъ, возникаетъ одновременно съ установленіемъ свободы обмѣна внутри страны. Во Франціи въ XV—XVI ст. устанавливаются лишь временныя запрещенія ввоза англійскаго сукна и остъиндскаго шелка, въ XVII ст. издаются запрещенія ввоза венеціанскихъ зеркалъ и кружевъ (въ 1671 г.), но запретительная система здѣсь вполнѣ примѣняется лишь съ конца XVIII ст., со времени объединенія страны въ одно цѣлое, уничтоженія всѣхъ сохранившихся еще таможенъ между провинціями, рѣчныхъ и дорожныхъ сборовъ. Въ Австріи съ 1713 г. пограничныя пошлины замѣняются запрещеніями ввоза, которыя относятся однако лишь къ отдѣльнымъ австрійскимъ областямъ, въ зависимости отъ того, какіе товары въ каждой изъ нихъ производятся. Одновременно дѣлаются попытки уничтоженія различныхъ дорожныхъ сборовъ и превращенія хотя бы каждой провинціи въ одно таможенное цѣлое, при ввозѣ въ которое товары облагались бы только одинъ разъ, на границѣ. Но лишь въ 1775 году вошелъ въ силу одинъ общій для всѣхъ нѣмецкихъ и славянскихъ областей таможенный тарифъ, который также былъ распространенъ и на Галицію. Установленіе тарифа сопровождалось отмѣной городскихъ, земскихъ и имперскихъ таможенъ между провинціями — въ то же время при Маріи-Терезіи господствовала запретительная система. Въ Пруссіи въ XVII ст. появляются запрещенія ввоза издѣлій изъ мѣди и олова (1654 г.), желѣзныхъ товаровъ (1666 г.), стекла (1658 г.), еще раньше сукна; съ XVIII ст. устанавливаются запрещенія ввоза произведеній вновь созданныхъ при Фридрихѣ Вел. отраслей промышленности [1]).

Далѣе, если въ средневѣковомъ городѣ не имѣлось какого-либо промысла, то онъ старался переселить къ себѣ иноземныхъ ремесленниковъ соотвѣтствующей спеціальности. И точно также, привлекая различными льготами иностранныхъ мастеровъ, всѣ государства въ XVII — XVIII ст. стараются насадить у себя новыя, отсутствовавшія у нихъ ранѣе отрасли промышленности—производство шелковыхъ и бумажныхъ тканей, вязаныхъ издѣлій, кружевъ, зеркалъ, часовъ, обоевъ, мыла. При этомъ новыя предпріятія получаютъ всевозможныя льготы—освобожденіе отъ налоговъ, отъ постоя, значительныя денежныя пособія, зданія, преміи на вывозимые товары. Особенно важнымъ являлось предоставляемое имъ обыкновенно монопольное право производства и сбыта товаровъ въ извѣстномъ районѣ—аналогія средневѣковымъ цеховымъ монополіямъ въ предѣлахъ города. Къ этому присоединяется запрещеніе всѣмъ другимъ переманивать къ себѣ лицъ, работающихъ въ данномъ привилегированномъ предпріятіи, и преслѣдованіе бѣжавшихъ изъ предпріятія рабочихъ.

Такъ, при Кольберѣ на поддержку одной лишь ковровой, шелковой и кружевной промышленности было истрачено $5^1/_2$ милл. ливр., около 2 милл. на суконныя предпріятія. Учрежденная при Кольберѣ ковровая мануфактура въ Бове получила исключительную привилегію производства на 30 лѣтъ, компанія по производству (венеціанскихъ) кружевъ—привилегію на 9 лѣтъ и право изготовлять кружева во всей Франціи; она строила заведенія въ Реймсѣ, Алансонѣ, Буржѣ и т. д. Точно также предпріятія по производству крепа, неизвѣстнаго ранѣе Франціи, шелковыхъ чулокъ, которые также ранѣе не производились, суконная мануфактура голландца Ванъ-Робе, мануфактуры по производству мыла и т. д. — всѣ они получали привилегію на извѣстное время. Къ этому присоединялись и иныя всевозможныя льготы, предоставляемыя предпринима-

---

[1]) См. Lexis. Einfuhrverbote. Handw. der Staatswiss. IV. Cunningham. Growth. etc. Levasseur. Hist. des classes ouvr. II. Schanz. Engl. Handelspolit. Эшли, стр. 216. 321. Clamageran. T. II. 16. 27. 643—48. Brandt. Französ. Handelspol. p. 40. Falke. Gesch des Zollwes. 60—62. 268. Beer. Stud. zur Gesch. der oesterr. Volkswirtsch. p. 67. 71. 77—80. Mayer. Anfänge des Handels etc. in Oesterr. p. 90—97.

телямъ и рабочимъ, матеріальныя и юридическія — все это ради насажденія новыхъ отраслей промышленности въ странѣ [1]). „Въ теченіе 20 лѣтъ—говоритъ Шапталь (De l'industrie française. 1869 Introd.) — „Франція заняла положеніе равное Испаніи и Голландіи въ суконномъ производствѣ, равное Брабанту въ области кружевъ, Италіи—въ шелковой промышленности, Англіи въ вязальной, Германіи — въ области металлическихъ издѣлій, Голландіи въ изготовленіи полотна".

Подобнымъ же образомъ создавалъ новую промышленность и Фридрихъ Вел. при помощи гугенотовъ: производство всевозможныхъ вязаныхъ издѣлій на новомъ вязальномъ станкѣ—чулокъ и штановъ, ковровъ, перчатокъ, шляпъ и т. д.; производство новыхъ сортовъ сукна—лучшаго качества, иныхъ цвѣтовъ; производство шелка и шелковыхъ издѣлій, отчасти на ленточномъ станкѣ; производство обоевъ, мыла, фарфора. Все это были новыя отрасли промышленности и при введеніи ихъ предприниматели получали денежныя пособія, строительные матеріалы, зданія, вывозныя преміи, ссуды и подарки [2]).

Было бы ошибочно предполагать, что Англія обходилась безъ такого покровительства промышленности, какъ это иногда указываютъ (см., напр., Lohmann, Wollengewerbe. 1900). Въ Англію уже въ XIV ст. привлекались фламандскіе и брабантскіе ткачи и въ 1337 г. всѣмъ иноземнымъ суконщикамъ обѣщана была защита короля и различныя вольности. Имъ было обѣщано „хорошее пиво, хорошее мясо, хорошія постели и еще лучшія подруги, которыя бы раздѣляли съ ними постель, ибо англійскія дѣвушки славились своей красотой". Ко времени того же Эдуарда III относится приглашеніе въ Англію голландскихъ часовщиковъ, въ XV ст. привлеченіе голландскихъ солеваровъ и богемскихъ рудокоповъ. Въ XVI ст. переселились въ Англію нѣмецкіе оружейники и производители стекла изъ Италіи, монополію получили итальянцы, производившіе атласныя и полубумажныя матеріи. Много новыхъ отраслей производства создано было въ Англіи при посредствѣ иностранцевъ въ эпоху Елизаветы: производства мыла, селитры, испанской кожи (желтой), оконнаго стекла, парусовъ и т. д. Вводившіе ихъ иностранцы получали патенты—исключительную привилегію производства. Конечно, это были все новыя для Англіи отрасли производства или, по крайней мѣрѣ, производство издѣлій новыхъ лучшихъ сортовъ, иными способами; въ этомъ смыслѣ — какъ указываетъ Дамме [3])—можно говорить объ изобрѣтеніяхъ, какъ ихъ и называли (invention). Но и Кольберъ, Фридрихъ Вел., Марія-Терезія и другіе государи этой эпохи вѣдь дѣйствовали подобнымъ же образомъ; оказывали—какъ мы видѣли—покровительство новымъ, ранѣе неизвѣстнымъ въ странѣ отраслямъ промышленности.

Прежде городъ стѣснялъ вывозъ хлѣба въ другія мѣстности, желая обезпечить свое населеніе съѣстными припасами; жителей же окрестныхъ селъ заставлялъ пріобрѣтать промышленныя издѣлія на городскомъ рынкѣ, не давая имъ заводить у себя ремесла. Такой же политики придерживалось и государство разсматриваемаго періода. И оно стѣсняло вывозъ хлѣба изъ страны, въ интересахъ національной промышленности, такъ какъ дешевый хлѣбъ долженъ былъ повлечь за собой и низкую заработную плату—въ такомъ смыслѣ понимались интересы промышленности. Оно не допускало далѣе вывоза необходимаго для національной промышленности сырья, въ особ. шерсти, льна. И оно всѣми силами противодѣйствовало развитію промышленности въ селахъ: во Франціи полная свобода въ этомъ отношеніи устанавливается лишь эдиктомъ 1762 г.; въ Пруссіи еще въ 1718 г. допускалось лишь извѣстное число мастеровъ различной спеціальности въ

[1]) См. Levasseur. Hist. des class. ouvr. 2 ed. II. p. 238—266.
[2]) Schmoller. Stud. über die wirtsch. Politik Friedrich d. Gr. Jahrbuch. XI p. 805 и сл. Matschoss. Friedrich. d. Grosse.
[3]) См. Damme. Gesch. des Ursprungs des mod. Patentwes. in Engl. Schmollers Jahrbuch. 1907. p. 985—92.

деревняхъ. Только въ Англіи уже съ конца XVII ст. не дѣлалось стѣсненій, хотя въ теченіе всего XVI вѣка еще не разрѣшалось производство шерстяныхъ издѣлій въ селахъ, за исключеніемъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ этотъ промыселъ уже существовалъ издавна. И точно также колоніи, на которыя государство смотрѣло какъ на расширенную сельскую область, должны были снабжать метрополію сырьемъ для непосредственнаго потребленія или для производства; но онѣ не могли производить промышленныхъ издѣлій, изъ-за чего въ результатѣ и произошла война между Англіей и ея сѣвероамериканскими колоніями, окончившаяся отпаденіемъ тринадцати колоній.

Наконецъ, прежде регламентація производства и сбыта находилась въ рукахъ отдѣльныхъ цеховъ. Теперь она переходитъ къ государству; послѣднее опредѣляетъ качество матеріала и продукта, размѣръ его, вѣсъ, создаетъ учрежденія для обязательнаго осмотра изготовленныхъ товаровъ и наложенія клейма на нихъ. Регламентировались государствомъ и употребляемыя въ производствѣ орудія: несоотвѣтствующіе регламентамъ инструменты подлежатъ уничтоженію въ присутствіи инспектора мануфактуръ,— гласитъ постановленіе Кольбера. Точно также опредѣлялось количество станковъ, которымъ можетъ давать заказы предприниматель, число учениковъ и рабочихъ, заработная плата послѣднихъ.

Переходъ отъ городской къ государственной промышленной политикѣ, переходъ къ меркантилизму произошелъ, конечно, лишь постепенно и медленно. Въ однихъ государствахъ, какъ въ Англіи, Италіи, онъ совершился раньше, уже въ XV вѣкѣ, въ другихъ—Франціи, Пруссіи, Австріи—позже. Окончательное объединеніе Франціи въ національное въ хозяйственномъ отношеніи государство совершилось не ранѣе революціи, объединеніе Пруссіи и Австріи только въ XIX вѣкѣ. Борьба съ городами, цехами и отдѣльными владѣтельными князьями, отстаивавшими свои привилегіи, была весьма упорна. Точно также лишь шагъ за шагомъ торговцамъ, въ борьбѣ съ цехами, опиравшимися на свое исключительное право сбыта промышленныхъ издѣлій, удалось отвоевать себѣ свободу продажи въ городѣ большей части произведенныхъ въ другихъ мѣстахъ промышленныхъ продуктовъ.

Въ результатѣ въ предѣлахъ государства или, по крайней мѣрѣ, той или другой части его, возникла конкурренція; образовалось раздѣленіе труда между отдѣльными мѣстностями, которыя стали развивать различныя спеціальности. Промыслы, которые прежде имѣлись повсюду, стали въ нѣкоторыхъ случаяхъ исчезать, подъ вліяніемъ конкуренціи привознаго товара; такъ, напр., исчезла выдѣлка тканей въ XVI — XVII ст. въ различныхъ французскихъ городахъ, прекратилось производство металлическихъ предметовъ во многихъ нѣмецкихъ городахъ, вслѣдствіе конкуренціи нюренбергскихъ металлическихъ товаровъ. Въ другихъ мѣстахъ, наоборотъ, промышленность теперь производила для широкаго рынка: напр., англійская суконная промышленность, ліонская шелковая, золингенскій ножевой промыселъ. Эта промышленность, работавшая для широкаго рынка, принимала двоякую форму: иногда это были мануфактуры — централизованныя предпріятія, гдѣ въ помѣщеніи предпринимателя и подъ его руководствомъ изготовлялись товары; болѣе часто, однако, встрѣчаемъ другую форму — ку-

старную промышленность, гдѣ сбытъ находился въ рукахъ скупщика и на послѣдняго работали у себя на дому кустари-рабочіе.

Въ сочиненіяхъ по исторіи англійской промышленности (Baines, Ellison, Rogers) мы обыкновенно не находимъ упоминанія о кустарной или домашней промышленности. Все то, что не отнесено къ фабричному (или, какъ оно именуется нерѣдко, капиталистическому) производству, разсматривается въ качествѣ ремесленной формы промышленности (или мелкаго производства), которая и считается господствующей вплоть до конца XVIII вѣка, до появленія фабрикъ. Такую же точку зрѣнія мы находимъ долгое время у нѣмецкихъ писателей. Юстусъ Мезеръ въ XVIII вѣкѣ понимаетъ подъ „ремесленниками", не только кустарей, работающихъ на скупщика, но и самихъ скупщиковъ, сбывающихъ эти издѣлія, называя ихъ „торгующими ремесленниками". Правда, уже въ 1828 г. у Морица Моля встрѣчается упоминаніе о такой формѣ производства, гдѣ мастера производятъ у себя на дому, по заказу скупщика, причемъ производство предназначено для широкаго рынка. Несмотря на это, еще долго и впослѣдствіи нѣмецкіе писатели знаютъ только Handwerk и Kleingewerbe (а не Hausindustrie, Verlagssystem—домашняя промышленность); періодъ господства ремесленнаго производства совпадаетъ у нихъ съ эпохой существованія цехового строя; внѣшнюю форму въ видѣ цеховой организаціи они смѣшиваютъ съ характеромъ промышленности; между тѣмъ цеховую организацію можетъ имѣть не только ремесло, но и домашняя промышленность. Только новѣйшіе изслѣдователи (Шмоллеръ, Тунъ, Бейнъ, Трельтшъ, Стида и др.) выдѣляютъ Hausindustrie или Verlagssystem въ качествѣ самостоятельной формы промышленности. Французскіе писатели и до сихъ поръ часто не знаютъ домашней формы производства, въ особ., когда рѣчь идетъ о прежнихъ эпохахъ (см. напр. Boissonade, Babeau, Martin-Saint-Léon), а говорятъ лишь о ремеслѣ и фабрикѣ. Впервые рѣзкое разграниченіе между ремесломъ, кустарной промышленностью и централизованной мануфактурой въ отношеніи Франціи проведено у проф. Е. В. Тарле въ его трудѣ о рабочемъ классѣ во Франціи въ эпоху революціи.

Между тѣмъ существованіе домашней промышленности отмѣтилъ и далъ ей исчерпывающую характеристику еще московскій профессоръ А. Корсакъ въ своемъ сочиненіи, относящемся къ 1861 году; въ немъ имѣется уже и самое названіе этой формы производства. Корсакъ указываетъ „на одну весьма замѣчательную форму производства, которая во многомъ отличается отъ всѣхъ другихъ, существующихъ въ настоящее время. Ее можно назвать домашней, въ отличіе отъ фабричной и мануфактурной, сосредоточенной на фабрикахъ и мануфактурахъ, и отъ ремесленной, которая производится въ мастерскихъ. У насъ она называется вообще кустарной и составляетъ одинъ изъ видовъ производства въ маломъ видѣ, подобно ремесленной, но въ то же время имѣетъ близкое отношеніе къ производству въ большомъ видѣ, которое вполнѣ выражается въ промышленности фабричной и мануфактурной". Однако,—говоритъ онъ далѣе—„у насъ понятіе о кустарной промышленности и ремеслахъ часто не отдѣляется одно отъ другого, хотя экономическое положеніе ремесленника и кустарника бываетъ весьма различно" (Стр. 2).

Но возникавшая конкурренція была значительно стѣснена, какъ вслѣдствіе того, что нѣкоторыя отрасли промышленности составляли монополію государства или отдѣльныхъ лицъ или компаній (см. выше, стр. 293), такъ и въ силу существованія упомянутой выше государственной регламентаціи производства и сбыта; наконецъ, и въ виду того, что цехи пользовались попрежнему привилегіями производства опредѣленныхъ товаровъ. Цеховыя привилегіи въ особ. сильно стѣсняли всякое улучшеніе техники производства, появленіе новыхъ издѣлій и способовъ производства; во всякомъ новшествѣ цехи усматривали „нѣчто отвратительное", нарушеніе ихъ привилегій; государство же частью вполнѣ стояло на ихъ сторонѣ, частью принципіально допуская и новыя изобрѣтенія, все же оказывало весьма мало по-

мощи изобрѣтателямъ въ борьбѣ ихъ съ цехами. Извѣстна, напр., та ожесточенная и весьма успѣшная борьба, которую цехи вели въ Англіи, Нидерландахъ, Франціи, нѣмецкихъ городахъ съ появившимся въ XVI ст. ленточнымъ станкомъ и съ изобрѣтенной въ XVII ст. чулко-вязальной машиной; борьба эта выражалась въ запрещеніи пользованія этими изобрѣтеніями и въ уничтоженіи самыхъ инструментовъ и сильно задержала распространеніе ихъ; даже самъ изобрѣтатель ленточнаго станка былъ брошенъ въ Данцигѣ въ 1586 г. въ Вислу, гдѣ и погибъ. Во Франціи еще въ 70-хъ г.г. XVIII ст. цехи стали разбивать привезенные изъ Цюриха ленточные станки, и только Законодательное собраніе окончательно признало этотъ станокъ допустимымъ (въ Англіи, Нидерландахъ это произошло гораздо раньше) — „благодаря золоту и интригамъ владѣльцевъ“, какъ утверждали противники станка[1]). Бойкотъ объявлялся всѣмъ тѣмъ ремесленника и цехамъ, которые согласятся на немъ работать; нѣмецкіе цехи треботали общеимперскихъ запрещеній пользованія новыми изобрѣтеніями, чего они достигали неоднократно. Когда Бова́ въ XVIII ст. сталъ производить во Франціи издѣлія изъ свинца новымъ способомъ, то цехъ, имѣвшій привилегію выдѣлки предметовъ изъ свинца, выступилъ противъ него, какъ конкуррента, и въ возгорѣвшейся борьбѣ приняли участіе двѣ академіи, парижскій парламентъ, министръ, англійскій посолъ; только послѣ того, какъ изобрѣтателю удалось доказать, что его методъ примѣняется въ Англіи уже въ теченіе 30 лѣтъ съ большимъ успѣхомъ, онъ получилъ возможность осуществить свой патентъ и во Франціи.

Но помимо этихъ стѣсненій, основанныхъ на всякаго рода привилегіяхъ, имѣлись еще и правила комерческой этики, покоившіяся на неписанныхъ законахъ и связывавшія предпринимателя по рукамъ и ногамъ. Комерческая мораль того времени исходила изъ того принципа, что каждому гарантируется опредѣленный кругъ покупателей, опредѣленный рынокъ, и другіе не могутъ и не должны захватывать принадлежащую ему область. „Не отбивай ни у кого покупателя ни устно, ни письменно“. Не допускается ловля покупателя, путемъ ли зазыванія въ лавку или хожденія по харчевнямъ, гдѣ остановились пріѣзжіе. Не допустима и „ловля“ покупателя въ переносномъ смыслѣ—посредствомъ привлекательныхъ витринъ или убранства лавки или путемъ публичнаго оповѣщенія о продаваемыхъ товарахъ. Объявленіями доводится до свѣдѣнія публики о времени отплытія кораблей и отхода дилижансовъ, о продажахъ съ публичнаго торга, о сдачѣ внаймы или въ аренду земель, о выходѣ въ свѣтъ новыхъ книгъ, о продажѣ старыхъ вещей. Но торговецъ не могъ пользоваться объявленіями для рекламированія своихъ товаровъ, даже для указанія мѣста продажи тѣхъ или другихъ товаровъ. А совсѣмъ грязнымъ пріемомъ считалось оповѣщеніе о томъ, что товаръ продается по болѣе низкимъ цѣнамъ, чѣмъ у прочихъ конкуррентовъ. Это считалось послѣднимъ дѣломъ, средствомъ

[1]) О техникѣ этого времени см. Beck. Gesch. des Eisens. B. II—III. Wendt. Die Technik als Kulturmacht. 1906. Sombart. Der mod. Kapitalismus. B. II. Lamprecht. Zur jüngsten deut. Vergangenheit. B. II, а также мою статью „Ueber die Ursachen etc.“ (см. выше).

отчаянія, примѣняемымъ почти разорившимся торговцемъ. Въ этомъ случаѣ соединялось два безнравственныхъ поступка, недостойныхъ честнаго комерсанта—и недопустимое оповѣщеніе о продажѣ раздачей объявленій или помѣщеніемъ ихъ въ газетахъ и столь же порицаемое сбиваніе цѣнъ, продажа себѣ въ убытокъ, по такимъ цѣнамъ, „при которыхъ солидный купецъ не можетъ существовать“. „Продавать во вредъ согражданину и отдавать слишкомъ дешево не приноситъ добра“. Когда купцы, переселившіеся въ Базель изъ Италіи и Нидерландовъ, путемъ пониженія цѣнъ пріобрѣли большой кругъ покупателей, то это привело мѣстныхъ купцовъ въ сильное негодованіе. Ибо господствующій принципъ гласилъ: малый оборотъ, высокая прибыль, и стремленіе къ ускоренію сбыта при меньшей прибыли, желаніе завоевать себѣ этимъ путемъ рынокъ являлось чѣмъ то совершенно новымъ, вызывавшимъ возмущеніе. Оно противорѣчило духу времени, который не признавалъ за торговцемъ права опредѣлять прибыль по собственному усмотрѣнію, рѣшать самостоятельно вопросъ о томъ, работать ли съ барышомъ или безъ него, чтобы впослѣдствіи заработать еще больше и, разоривъ своихъ сосѣдей, расширить кругъ своихъ покупателей.

Если мы будемъ имѣть въ виду все изложенное, то станетъ понятнымъ, почему и предпріятіе XVI—XVIII ст. отличалось въ значительной мѣрѣ той же инертностью и неподвижностью, какъ и средневѣковое ремесло и торговля. Не только ремесленникъ, но и скупщикъ-предприниматель и владѣлецъ централизованной мануфактуры, хотя и представлялъ собою новую форму производства, но былъ проникнутъ прежнимъ цеховымъ духомъ и цеховымъ консерватизмомъ, работалъ такъ, какъ отцы и дѣды; онъ пользовался полученными отъ нихъ свѣдѣніями, накопленнымъ ими опытомъ. Ни къ какому новшеству, ни въ смыслѣ расширенія предпріятія, улучшенія въ организаціи сбыта или въ техникѣ производства онъ не былъ способенъ. Предпріятіе двигалось въ разъ установленномъ направленіи и въ рамкахъ, отведенныхъ ему законодательствомъ (о монополіяхъ и привилегіяхъ, о техникѣ производства и условіяхъ сбыта) и не менѣе обязательными и суровыми, чѣмъ законъ, обычаями комерческой жизни.

Лишь къ концу этой эпохи появляется новое направленіе въ хозяйствѣ, отрицающее духъ традиціонализма и установившуюся комерческую мораль. Въ Голландіи и Англіи постепенно обнаруживается новое идейное настроеніе въ области промышленности и торговли, создается новая комерческая этика, вступающая въ борьбу, какъ со старыми обычаями, такъ и съ законодательствомъ, исходящимъ изъ принципа исключительныхъ привилегій и регламентаціи производства, со всѣмъ старымъ цеховымъ духомъ и цеховымъ укладомъ. Это новое предпріятіе, построенное на началахъ экономическаго раціонализма и свободной конкурренціи, означаетъ переходъ къ XIX вѣку, къ періоду свободной торговли [1]).

---

[1]) См. литер., V: Переходъ къ XIX вѣку.

ГЛАВА II.

Кустарная или домашняя промышленность.

Измѣненіе въ характерѣ сбыта многихъ промышленныхъ издѣлій, появленіе конкурренціи внутри страны вызвало—какъ мы уже указали—перемѣну въ формѣ производства ихъ, возникновеніе новыхъ формъ промышленности. Съ одной стороны, для сбыта многихъ промышленныхъ издѣлій необходимо было посѣщеніе отдаленныхъ рынковъ и, слѣдовательно, прекращеніе производства ремесленникомъ на все это время; а съ другой стороны, конкуренція требовала большаго знакомства съ требованіями покупателей въ различныхъ мѣстностяхъ, большей энергіи, большаго рвенія въ сбытѣ товаровъ. По обѣимъ этимъ причинамъ цеховой мастеръ не въ состояніи былъ сохранить сбытъ въ своихъ рукахъ. Онъ не могъ пріостанавливать производство на продолжительное время и не имѣлъ опыта въ торговлѣ; послѣдняя составляла для него всегда не главное, а побочное занятіе. Должна была произойти дифференціація среди цеховыхъ мастеровъ, должно было совершиться раздѣленіе функцій продавца и производителя товаровъ, соединявшихся прежде въ лицѣ одного и того же ремесленника. Нѣкоторые, немногіе изъ нихъ, которые обладали коммерческими способностями и успѣли уже ранѣе скопить извѣстный капиталъ, постепенно прекращали производство, все болѣе посвящая себя исключительно сбыту промышленныхъ издѣлій; они превращались въ скупщиковъ-предпринимателей. Первоначально ихъ торговые обороты были еще невелики; они брали часть продуктовъ, изготовленныхъ другими членами цеха, для сбыта ихъ на ярмаркѣ, и по возвращеніи оттуда, вновь принимались и сами за работу. Но съ расширеніемъ своей торговой дѣятельности они постепенно сокращали и, наконецъ, вовсе прекращали производство, сдѣлавъ своей спеціальностью исключительно сбытъ издѣлій, произведенныхъ другими мастерами, которымъ они теперь давали заказы. Послѣдніе, именно огромное большинство мастеровъ, одновременно съ этимъ становились исключительно производителями товаровъ, входя все менѣе и менѣе въ сношенія съ потребителями и сбывая свои продукты однимъ лишь скупщикамъ; они отказались, слѣдовательно, отъ всякихъ функцій торговца.

Такъ возникла во многихъ отрасляхъ производства домашняя или кустарная промышленность, гдѣ мастеръ, работая попрежнему у себя на дому, въ своей мастерской, съ подмастерьями и учениками, не сбывалъ, однако, уже продуктовъ потребителю, а доставлялъ ихъ скупщику-предпринимателю, посреднику между нимъ и потребителемъ. Такъ, въ производствѣ холоднаго оружія въ Золингенѣ, извѣстномъ центрѣ оружейной промышленности, „первоначально — говоритъ Тунъ — торговцы, сбывавшіе оружіе, были вмѣстѣ съ тѣмъ и ремесленниками и, возвратившись съ ярмарки, снова принимались за отдѣлку оружія и изготовленіе ноженъ для мечей. Но чѣмъ болѣе расширялась торговля Золингена, чѣмъ болѣе отдѣльные торговцы, болѣе энергичные, болѣе бережливые и имѣвшіе большую удачу, стали посвящать себя исключительно торговой дѣятельности,

тѣмъ болѣе они выдѣлялись въ самостоятельный классъ купцовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ремесленная форма производства постепенно переходитъ въ кустарную. Все рѣже и рѣже кузнецы сами сбываютъ мечи, все болѣе и болѣе общимъ становится явленіе, что они работаютъ, какъ и другіе мастера, по заказу купцовъ" [1]).

Зачатки этой новой формы производства мы можемъ найти уже весьма рано въ видѣ отдѣльныхъ случаевъ изготовленія товаровъ цеховыми мастерами по заказу другихъ мастеровъ или купцовъ. Но до тѣхъ поръ, пока такіе случаи являлись рѣдкими и по общему правилу мастеръ производилъ непосредственно на потребителя, мы имѣемъ дѣло еще съ ремесленникомъ, а не съ кустаремъ. Въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ и отрасляхъ производства уже въ средніе вѣка развитіе идетъ, однако, гораздо дальше, и работа на скупщика становится преобладающей. Это совершилось въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда уже въ средніе вѣка допускался свободный привозъ въ города тѣхъ или иныхъ промышленныхъ издѣлій, т. е. тогда, когда какая-либо мѣстность пользовалась фактической монополіей даннаго промысла (см. выше, стр. 144 и сл. 170). Отсюда-то уже въ XIV ст. развилась кустарная форма производства въ итальянскихъ городахъ: Луккѣ, Венеціи, Генуѣ, которые производили шелковыя ткани для всей Европы, во фламандскихъ и итальянскихъ городахъ, гдѣ сосредоточивалось производство тонкихъ крашенныхъ сортовъ сукна (Брюгге, Гентъ, Ипръ, Сентъ-Омеръ; Флоренція, Миланъ, Венеція). Въ этихъ случаяхъ продукты изготовлялись не только для мѣстнаго рынка, но также и прежде всего для вывоза, почему и образовался классъ скупщиковъ-предпринимателей. То же находимъ въ производствѣ металлическихъ издѣлій Нюрнберга, въ производствѣ оружія въ Бресчіи, Миланѣ, ибо эти города пользовались фактической монополіей этого производства въ средніе вѣка.

Но за исключеніемъ этихъ и только этихъ случаевъ, въ средніе вѣка кустарная промышленность не существовала и не могла существовать, въ виду отсутствія широкаго рынка сбыта. Лишь съ измѣненіемъ хозяйственнаго строя въ слѣдующія столѣтія, эта форма производства могла получить сильное распространеніе; теперь она соотвѣтствовала новымъ условіямъ сбыта. Вмѣстѣ съ тѣмъ кустарная промышленность сохранила прежній характеръ мелкаго производства и ручной техники, слѣдовательно, не производила никакихъ иныхъ перемѣнъ, не дѣлала рѣзкихъ скачковъ отъ прежней ремесленной формы къ крупному производству; только сбытъ былъ организованъ на началахъ крупнаго предпріятія. Поэтому въ глазахъ современниковъ она являлась въ сущности тѣмъ же ремесломъ [2]), только пользовавшимся услугами купца; это несомнѣнно облегчило ея распространеніе, преодолѣніе тѣхъ препятствій, которыя ей ставились цеховой организаціей.

Въ базельской шелковой промышленности случай, гдѣ 16 человѣкъ работаютъ на одного скупщика, составляетъ въ 1599 г. еще рѣдкость; въ 1646 г. уже установленъ максимумъ станковъ, могущихъ работать на одного скупщика

[1]) Thun. Die Industrte am Niederrhein. II. p. 7—12.

[2]) Даже экономисты XIX вѣка долгое время не могли отличить кустарной формы производства отъ ремесленной (см. выше стр. 289—296).

въ 50 (15 въ городѣ и 35 въ окрестныхъ деревняхъ) [1]. Въ шелковой промышленности Ліона въ XVIII вѣкѣ на каждаго скупщика приходилось 20—30 ткацкихъ станковъ, 8—14 мастеровъ и 35—50 рабочихъ вообще, считая всѣхъ лицъ, помогавшихъ мастеру [2]. Въ г. Седанѣ въ XVIII ст. было 25 предпринимателей, на которыхъ работало свыше 10.000 человѣкъ [3]. Въ Нотингемѣ въ 1750 г. на 50 скупщиковъ работало 1,200 чулочно-вязальныхъ станковъ [4]. Въ Нидерландахъ, впрочемъ, предпріятія были гораздо меньше: въ суконной промышленности Дельфта въ 1652 г. насчитывалось 69 скупщиковъ и 256 кустарей-рабочихъ, въ Эйпенѣ (Лимбургъ) въ началѣ XVIII ст. на 50 предпринимателей-суконщиковъ работало 340 станковъ [5].

Препятствія, которыя встрѣчала на своемъ пути кустарная промышленность, заключались прежде всего въ томъ, что, согласно средневѣковымъ цеховымъ статутамъ, каждый мастеръ долженъ былъ самостоятельно сбывать произведенныя имъ издѣлія потребителямъ; и впослѣдствіи, въ XVI—XVII ст., цехи рѣшительно настаивали на этомъ. Лишь постепенно цехи вынуждены были отказаться отъ этого принципа и допустить, въ виду наличности большого количества бѣдныхъ мастеровъ, не находившихъ сбыта своимъ товарамъ, чтобы болѣе самостоятельные пріобрѣтали у нихъ эти товары для продажи и давали имъ новые заказы. А затѣмъ имъ пришлось пойти и на дальнѣйшую уступку: согласиться на то, чтобы одни цеховые мастера давали заказы другимъ, прекращая при этомъ сами производство и становясь исключительно торговцами. Въ Парижѣ, по статуту 1575 г., могли брать работу на домъ по заказу другихъ мастеровъ только тѣ ремесленники, которые обѣднѣли и не имѣли средствъ держать собственную мастерскую; „въ этомъ случаѣ можно имъ давать работу, чтобы они могли снискивать себѣ пропитаніе" [6]. Въ нюрнбергской промышленности металлическихъ издѣлій еще въ XVI ст. по общему правилу запрещается давать другимъ мастерамъ работу для окончанія товара; но въ статутахъ мѣдно-котельнаго цеха 1540 г. и позолотнаго цеха 1566 г. допускается производство издѣлій для другого мастера—нельзя работать лишь по заказу купца [7]. Однако, и этихъ вышедшихъ изъ состава цеховыхъ мастеровъ скупщиковъ-предпринимателей оказывалось далеко недостаточно. Жалобы на невозможность сбыть свои продукты и на безработицу раздавались со всѣхъ сторонъ. Въ Страсбургѣ, напр., ткачи уже въ половинѣ XVI ст. не находятъ сбыта для своихъ издѣлій и „такъ какъ они очень бѣдны и не въ состояніи ждать болѣе благопріятнаго времени, то они обращаются къ купцамъ и всячески упрашиваютъ ихъ купить произведенные ими продукты" [8]. Въ Лиллѣ въ началѣ XVII ст. мастера суконнаго цеха вынуждены, за отсутствіемъ спроса, закладывать свою одежду и платье женъ и дѣтей въ городскихъ ломбардахъ и даже выпрашивать себѣ подаяніе; единственный исходъ для нихъ—обратиться къ купцамъ и принять предла-

[1]) Geering. Basels Handel und Industrie. p. 60?.
[2]) Godart. L'ouvrier en soie. 1 p. 20—26.
[3]) Martin. La grande industrie sous Louis XV. p. 259.
[4]) Mantoux. Révol. industrielle. p. 45.
[5]) Pringsheim. Wirtsch. Entwickl. der Verein. Niederlande. p. 29—30. Juln. Mém. de l'acad. T. 63. p. 30.
[6]) Hauser. Les ouvriers du temps passé. p. 86.
[7]) Schoenlank Soziale Kämpfe. p. 47. 161.
[8]) Schmoller. Wirtschaftspolitik Friedrich des Gr. Jahrbuch. XI. p. 812.

гаемыя послѣдними условія [1]). Поэтому даже писатели-меркантилисты, относившіеся отрицательно къ скупщикамъ, признавали ихъ чрезвычайно важнымъ элементомъ для развитія промышленности.

Ряды ихъ стали пополняться изъ другихъ слоевъ населенія: именно купцы, которые ранѣе торговали почти исключительно предметами сырья, теперь присоединили къ этому пріобрѣтеніе у кустарей различныхъ фабрикатовъ и сбытъ послѣднихъ. Но такъ какъ они никогда производствомъ не занимались и въ составъ ремесленныхъ цеховъ не входили, то они встрѣтили гораздо болѣе сильное противодѣйствіе со стороны послѣднихъ, чѣмъ скупщики, состоявшіе изъ бывшихъ мастеровъ. Придерживаясь принципа, что только лицо, входящее въ составъ цеха, можетъ сбывать изготовленные цеховыми мастерами товары, цехи, даже поскольку они признавали совершившуюся въ характерѣ промышленности перемѣну, разрѣшали цеховымъ мастерамъ работать лишь на другихъ мастеровъ, но ни въ коемъ случаѣ не по заказу купцовъ. Между ними и купцами происходитъ продолжительная борьба. Въ Англіи она выражается въ борьбѣ изъ-за обязательности семилѣтняго ученичества для скупщиковъ-суконодѣловъ, борьбѣ, продолжавшейся свыше двухъ столѣтій: здѣсь рѣчь идетъ именно о допущеніи въ число скупщиковъ лицъ, не входившихъ въ составъ ремесленныхъ корпорацій и потому не бывшихъ учениками, т. е. купцовъ [2]).

Однако, разъ постепенно было дозволено торговать издѣліями цеха не только цеховымъ мастерамъ, прекратившимъ производство, оставаясь членами цеха, но и тѣмъ, которые не принадлежали къ нему болѣе, ушли совсѣмъ изъ цеха (т. е. бывшимъ членамъ цеха), — то отсюда былъ всего одинъ шагъ до допущенія въ число скупщиковъ и лицъ, которыя никогда не занимались промысломъ, т. е. купцовъ. А съ другой стороны, послѣдніе достигали той же цѣли, обходя запрещеніе различными способами. Купцы ссужали мастеровъ деньгами или матеріалами съ тѣмъ, чтобы послѣдніе были возвращены имъ въ видѣ различныхъ издѣлій, и такимъ образомъ они захватывали торговлю этими товарами въ свои руки. Въ вюртембергской шерстяной промышленности пришлось признать, что подобнаго рода ссуды вызываются бѣдностью ткачей, и допустить эти операціи [3]). Или же купцы записывались въ составъ цеха и, слѣдовательно, какъ члены цеха могли заниматься сбытомъ продуктовъ, изготовленныхъ ихъ товарищами. Такъ, ліонскій ордонансъ 1619 г. еще запрещалъ тѣмъ, кто не принадлежитъ къ цеху мастеровъ, заниматься сбытомъ шелковыхъ тканей. Но въ 1667 г. всѣ купцы, торговавшіе этими издѣліями, были приняты въ составъ корпораціи мастеровъ, и слѣдовательно, этимъ окольнымъ путемъ пріобрѣли право торговли шелковыми матеріями [4]). Въ результатѣ повсюду борьба, хотя иногда лишь послѣ продолжительнаго времени, закончилась побѣдой купцовъ; сбытъ промышленныхъ издѣлій тѣмъ или инымъ путемъ перешелъ къ нимъ. Такимъ образомъ, одновременно съ от-

[1]) Pirenne. IV. p. 581—82.
[2]) См. объ этомъ Cunning. ham. Growth of English Industry. II. p. 38 и сл. 354 и сл. Lohmann. Engl. Wollengewerbe. p. 22. Эшли. Экон. ист. 505 и сл.
[3]) Stieda. Hausindustrie. p. 143 и сл.
[4]) Godart. L'ouvrier en soie, p. 91.

дѣленіемъ торговца отъ производителя въ области промышленности, установилась связь между промышленностью и торговлей: торговцы сбывали теперь всякаго рода товары, въ томъ числѣ и промышленныя издѣлія.

Вмѣстѣ съ расширеніемъ класса скупщиковъ расширялся, по мѣрѣ развитія кустарной промышленности, и рабочій классъ. Въ то время, какъ въ средніе вѣка рабочій классъ состоялъ почти исключительно изъ цеховыхъ подмастерьевъ, теперь на ступень послѣднихъ понизились и прежніе самостоятельные мастера. Далѣе, увеличилось число подмастерьевъ, которыхъ держалъ мастеръ,—вмѣсто 1—2 оно доходило теперь до 6—8, до 10 и даже болѣе. Наконецъ, присоединились новые элементы. Таковы были мѣстные привилегированные мастера, получившіе особый патентъ отъ короля и города; иностранцы, въ особенности гугеноты, переселившіеся въ различныя страны; далѣе, лица, переходившія изъ деревень въ города, въ виду большей свободы и лучшихъ заработковъ, и не принятыя въ цехъ. Это были явные нарушители цеховыхъ привилегій; но впослѣдствіи постепенно установилось положеніе, что на скупщика могутъ работать и мастера, не входящіе въ составъ цеха. Къ нимъ присоединялись далѣе женщины-работницы, которыя обыкновенно въ цехи не допускались и поэтому только и могли принимать участіе въ производствѣ, получая работу на домъ. Онѣ имѣли огромное значеніе для развитія новой формы промышленности; въ особенности въ первое время, когда купцамъ не давалось возможности пріобрѣтать произведенія цеховыхъ мастеровъ, они могли все же раздавать заказы женщинамъ; такъ возникъ обычай имѣть работниковъ внѣ собственной мастерской.

Однако, наиболѣе важную роль въ развитіи кустарной промышленности играло не городское, а деревенское населеніе, среди котораго опять-таки преобладали женщины. Кустарная промышленность во многихъ случаяхъ возникла въ деревняхъ изъ работы для домашнихъ потребностей, а оттуда уже перешла въ города. Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда она впервые появилась въ городахъ, она распространяется впослѣдствіи и въ окрестныхъ селахъ; въ тѣхъ именно мѣстностяхъ, гдѣ эта форма производства получила значительное развитіе, деревенскіе жители составляли главный контингентъ рабочихъ. Въ виду того, что земледѣліе не могло прокормить населенія, послѣднее обращалось къ кустарному производству, какъ къ подсобному промыслу. Для скупщиковъ же это обстоятельство было особенно выгодно, ибо деревенское населеніе довольствовалось болѣе низкой платой, имѣя кромѣ того доходъ съ земли, и являлось для нихъ орудіемъ для пониженія платы городскихъ кустарей. Въ Англіи съ XVII ст. производство сукна, чулокъ, шапокъ, металлическихъ издѣлій широко распространяется въ деревняхъ въ формѣ кустарной промышленности [1]). Тотъ фактъ, что и во Франціи кустарная промышленность XVIII вѣка имѣла деревенскій характеръ, въ настоящее время твердо установленъ проф. Е. В. Тарле, на основаніи многочисленныхъ фактическихъ данныхъ, найденныхъ имъ въ архивахъ и относящихся къ самымъ различнымъ областямъ Франціи. Дере-

[1]) Cunningham. Growth of english industry. p. 218 и сл. Dechesne. Evolution économ. de l'ind. de la laine. p. 26 и сл. 54 и сл. Lohmann. Engl. Wollengew. 11. p.

венская индустрія составляетъ для крестьянъ „полезное добавленіе къ земледѣлію"; „вслѣдствіе неприбыльности земледѣлія, работаютъ окрестныя деревни, нерѣдко на 15 лье въ окружности"; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ промыслы составляютъ главный заработокъ, которымъ „женщины и дѣти занимаются въ теченіе 8 мѣсяцевъ въ году" [1]). Въ Бельгіи въ XVII ст. обнаруживается упадокъ промышленности въ городахъ, въ деревняхъ же развивается производство шерстяныхъ матерій, холста, кружевъ, гвоздарный и оружейный промыселъ, причемъ работа производится по заказу скупщика, доставляющаго нерѣдко сырье и образцы заказанныхъ товаровъ [2]). Точно также и въ Германіи въ XVII и въ особ. въ XVIII ст., поскольку мы тамъ вообще находимъ производство, имѣющее не чисто-мѣстный характеръ, оно заключается въ деревенской кустарной промышленности.

Лампрехтъ въ своей истори Германіи указываетъ на то, что въ Германіи вообще кустарная промышленность распространялась преимущественно въ малоплодородныхъ мѣстностяхъ, гдѣ заработная плата была низка и гдѣ сельское населеніе имѣло въ теченіе продолжительной зимы много свободнаго отъ сельскохозяйственныхъ занятій времени. Вслѣдствіе этого, Силезскія (Исполинскія) горы, Рудныя горы, Франкенвальдъ, Тюрингервальдъ, Вестфальскія горы съ ихъ неплодородными возвышенностями и суровымъ климатомъ стали центрами новой кустарной промышленности—вязальнаго, ткацкаго и кружевного промысла, выдѣлки предметовъ изъ дерева, металла и камня [3]).

Если съ виду кустарная промышленность, по сравненію съ ремесломъ, не обнаруживала значительной перемѣны—перемѣна произошла лишь въ организаціи сбыта—то на самомъ дѣлѣ именно послѣднее обстоятельство, переходъ сбыта въ руки скупщика, знаменовалъ собою крупный переворотъ въ экономическомъ и соціальномъ положеніи мастера-производителя. Изъ самостоятельнаго ремесленника, работавшаго на потребителя, онъ превратился въ зависимаго отъ скупщика рабочаго. Скупщики съ самаго начала стремятся подчинить своей власти кустарей; это происходитъ даже тамъ, гдѣ мы находимъ уже въ средніе вѣка зачатки кустарной формы производства. Такъ, напр., аугсбургскій купецъ Оттъ Руландъ, давая заказы мастерамъ янтарнаго цеха въ Вѣнѣ и Зальцбургѣ въ половинѣ XV ст., какъ бы беретъ ихъ къ себѣ на службу на извѣстное время; онъ требуетъ, чтобы всѣ изготовляемые ими въ это время товары поступали исключительно къ нему, и ремесленники обязуются не работать ни на кого другого [4]). Тѣмъ болѣе такая зависимость устанавливается тамъ, гдѣ ремесло замѣняется кустарной формой производства. Такъ въ итальянской шелковой промышленности уже въ XIV—XV ст. мастера лишаются возможности сбыта своихъ произведеній кому-либо помимо скупщиковъ; получивъ же задатокъ или матеріалъ отъ опредѣленнаго купца, они теряютъ и свободу продавать свои издѣлія инымъ скупщикамъ помимо него [5]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, повидимому, первоначально кустари пользовались относительной свободой; они имѣли воз-

---

1) Тарле. Рабочій классъ во Франціи. Т. II. Стр. 78 и сл.
2) Pirenne. IV. p. 578—85.
3) Lamprecht. Zur jüngsten deut. Vergangenheit. B. II. T. I. p. 295—96.
4) Stieda. Hausindustrie p. 119.
5) Ajano. Venetian. Seidenindustrie. p. 49. Sieveking. Genueser Seidenindustrie. Jahrb. XXI. p. 106. 110—11. Doren. Florentiner Wollengewerbe. p. 264—70.

можность самостоятельно сбывать свои произведенія на рынкѣ купцамъ, по своему усмотрѣнію, и не находились въ задолженности у опредѣленныхъ лицъ; зависимость ихъ установилась лишь впослѣдствіи. Но въ другихъ мѣстностяхъ и промыслахъ они во всякомъ случаѣ въ XVII — XVIII ст. вынуждены были „смотрѣть купцу въ глаза, плясать подъ его дудку", иначе лишались куска хлѣба и записывались „на черную доску". Они обязаны были брать аттестатъ отъ скупщика, чтобы получить работу у другого, ибо никто не вправѣ давать работу мастеру, не удостовѣрившись, что предыдущій хозяинъ остался имъ доволенъ; такимъ образомъ, достаточно было кустарю не угодить скупщику, чтобы лишиться на продолжительное время работы.

Подобно цеховымъ уставамъ въ области ремесла, въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ возникаетъ кустарная форма производства, мы находимъ регламенты, которыми регулируется какъ техника производства, условія сбыта, такъ и отношенія между предпринимателями и рабочими. Однако, едва ли можно согласиться съ тѣми экономистами, которые (какъ напр., Шмоллеръ, Трельтшъ, Бейнъ и др.) утверждаютъ, что цѣль изданія этихъ статутовъ состояла, поскольку рѣчь идетъ о правахъ и обязанностяхъ предпринимателей и рабочихъ, въ устраненіи соціальныхъ несправедливостей. На самомъ дѣлѣ, какъ видно изъ приводимыхъ ниже фактовъ (см. стр. 306—07), эти регламенты составлены исключительно въ выгодахъ скупщиковъ и не имѣютъ въ виду интересовъ кустарей,—чѣмъ они рѣзко отличаются отъ фабричнаго законодательства XIX вѣка.

Самая организація промысла, создаваемая этими уставами, клонилась далеко не къ выгодѣ кустарей. Въ однихъ случаяхъ въ составъ такой ассоціаціи, именуемой нерѣдко попрежнему цехомъ, входили какъ скупщики, такъ и кустари, причемъ, однако, по размѣрамъ вступительныхъ взносовъ проводилась рѣзкая граница между ними. Тотъ, кто не былъ въ состояніи уплатить высокій взносъ (въ нѣсколько сотъ ливровъ), принимался въ качествѣ кустаря (maître-ouvrier), а это его лишало права сбыта продуктовъ кому бы то было, кромѣ скупщиковъ, (maître-marchand) той же ассоціаціи. Или же запрещеніе скупщикамъ производить издѣлія или имѣть у себя болѣе 1—2 станковъ (въ Ліонѣ), держать учениковъ и подмастерьевъ (въ Венеціи) лишало мастеровъ возможности вступать въ эту группу лицъ; слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ они не могли сбывать самостоятельно своихъ товаровъ. Въ другихъ случаяхъ скупщики не только фактически, но и формально вполнѣ отдѣлились отъ рабочихъ, образовавъ особую компанію. При этомъ и здѣсь, съ одной стороны, въ составъ компаніи скупщиковъ принимаются только лица, которыя могутъ сбывать опредѣленное количество продуктовъ, напр., давать заказы на 12 станковъ (въ чулочномъ производствѣ Апольды и Эрлангена) [1], доставлять на лейпцигскую ярмарку не менѣе 600 штукъ товара (въ шерстяномъ производствѣ саксонскаго Фогтланда) [2] и сдѣлать извѣстный, обыкновенно высокій вступительный взносъ. Слѣдовательно, доступъ въ компанію скупщиковъ сильно стѣсненъ. А съ другой

[1] Schanz. Industrie und Kolonisation in Franken. B. II. p. 188. 272.
[2] Bein. Inpustrie des sächs. Voigtlandes. B. II. p. 41—48. 72 –79.

стороны, всѣ остальные, принадлежащіе, слѣдовательно, къ корпораціи рабочихъ (къ цеху — форма эта часто сохранялась), обязаны сбывать свои издѣлія исключительно—состоящей изъ немногихъ лицъ — компаніи скупщиковъ (Verleger). Послѣдніе, такимъ образомъ, раздѣлили страну на районы, и въ каждомъ районѣ господствовала опредѣленная корпорація скупщиковъ, отъ которой зависѣло все мѣстное населеніе.

Въ 1667 году въ ліонской шелковой промышленности торговцы шелковыми издѣліями были приняты въ составъ ткацкаго цеха и этимъ добились равноправія съ мастерами, производившими шелковыя матеріи, бархатъ, парчу и т. п. Однако, этимъ скупщики не удовлетворились: въ тотъ же статутъ 1667 г. были внесены постановленія, которыми мастера-производители низводились на степень подмастерьевъ и совершенно отдавались во власть мастеровъ-скупщиковъ. Какъ и подмастерьи, они лишались права отказываться отъ работы на скупщика, не предупредивъ его объ этомъ мѣсяцемъ раньше, не окончивъ начатой работы и не возвративъ полученнаго задатка. Послѣдніе могъ сдѣлать за мастера, въ случаѣ его несостоятельности, новый скупщикъ, который ему давалъ заказы. Но если сумма была значительна, трудно было найти скупщика, который бы согласился на это, и мастеръ-кустарь рисковалъ остаться въ теченіе продолжительнаго времени безъ работы. Выбирая изъ двухъ золъ меньшее, онъ продолжалъ работать на того же скупщика, даже на невыгодныхъ для себя условіяхъ. Тотъ же статутъ содержалъ слѣдующее постановленіе: мастеръ, который даетъ работу другому мастеру, подвергается штрафу въ 60 ливровъ, если онъ не удостовѣрился въ томъ, остался ли этимъ мастеромъ доволенъ тотъ, на котораго онъ раньше работалъ. Такимъ образомъ—жаловались мастера—мастеръ никогда не можетъ разсчитывать получить заработокъ, если онъ не умѣетъ покорностью и низкопоклонничествомъ добиться милости у своего хозяина.

Въ томъ случаѣ, когда мастеръ не сумѣлъ поладить со скупщикомъ и не получилъ отъ него соотвѣтствующаго свидѣтельства, ему оставался одинъ только исходъ — сбывать товары на собственный счетъ. Но и правомъ производства на собственный счетъ мастеръ-производитель обладалъ недолго: мастера-скупщики всячески старались лишить его этого права. Въ 1667 году мастера были раздѣлены на два класса: на лицъ, работающихъ за собственный счетъ или заказывающихъ работу другимъ, и лицъ, работающихъ исключительно на другихъ и не пользующихся правомъ самостоятельнаго сбыта товаровъ. Для того, чтобы войти въ число первыхъ, надо было уплатить сначала двѣнадцать, а четыре года спустя уже триста ливровъ—сумму огромную для того времени; малосостоятельные мастера-производители совершенно не въ состояніи были добыть такую массу денегъ. А статутъ 1712 года различаетъ уже три категоріи, именно: мастеровъ-скупщиковъ, которые сами не въ правѣ производить товаровъ, мастеровъ, работающихъ на собственный счетъ, и, наконецъ, мастеровъ-кустарей. Первыхъ насчитывалось 200 человѣкъ; количество самостоятельныхъ мастеровъ—говорится въ статутѣ—колеблется изо дня въ день, ибо какъ только наступаютъ какія-либо невыгодныя для нихъ обстоятельства, они сейчасъ же становятся кустарями. Послѣднихъ, наконецъ, 3—4 тысячи, такъ что на каждаго скупщика приходится около 15—20 человѣкъ; нѣкоторые же изъ нихъ даютъ заказы цѣлой сотнѣ рабочихъ. Какъ мы видимъ, скупщикамъ удалось и сократить конкурренцію въ своей средѣ, и подчинить себѣ мастеровъ-ткачей, которые первоначально были равноправны и даже пользовались извѣстнымъ преимуществомъ передъ ними [1]).

Купцамъ г. Кальва (Вюртембергъ) уже въ концѣ XVI вѣка удалось вытѣснить иностранныхъ предпринимателей и занять преобладающее положеніе въ этой мѣстности. Преимущество среди нихъ принадлежало тѣмъ, которые одновременно съ торговлей занимались и красильнымъ промысломъ, ибо изъ красильщиковъ вышли первые скупщики. Но при установленіи заработной платы кустарей красильщики вступали въ соглашеніе съ прочими купцами для устраненія конкурренціи на рынкѣ труда. Вскорѣ, именно въ началѣ XVII вѣка, имъ удалось добиться и другой выгоды, лишить мастеровъ права заниматься

[1]) Godart. L'ouvrier en soie, I. p. 89—92. 180—84.

красильнымъ промысломъ. Такъ какъ на ярмарки доставлялись только крашеныя матеріи, то мастера, очевидно, находились, отнынѣ въ зависимости отъ скупщиковъ-красильщиковъ, которымъ вынуждены были сбывать всѣ свои издѣлія: сами они не имѣли болѣе возможности торговать своими издѣліями. Такимъ образомъ, уже въ первой половинѣ XVII вѣка власть скупщиковъ надъ кустарями была значительна; но еще болѣе она усилилась, начиная съ 1650 года, когда была основана корпорація скупщиковъ, которая представляла собою полное товарищество, хотя и называлась до 1665 года красильнымъ цехомъ. Съ этихъ поръ монопольное положеніе корпораціи скупщиковъ вполнѣ упрочилось. Прежде всего она пріобрѣла исключительное право торговли всѣми тѣми сортами матерій, которые являлись наиболѣе ходкими на рынкѣ; другимъ купцамъ Вюртемберга и мастерамъ была запрещена торговля этими издѣліями. Далѣе, кустари, производившіе матерію, были лишены права входить въ сношенія съ красильщиками, не принадлежащими къ компаніи скупщиковъ г. Кальва; имъ было запрещено сбывать свои издѣлія другимъ купцамъ, проживающимъ въ этой мѣстности; наконецъ, ихъ право сбыта собственныхъ произведеній всячески сокращалось, пока оно не было совершенно уничтожено въ 1658 году. Кустари обязаны были предлагать всѣ свои издѣлія компаніи, и лишь тѣ, которыя она отказывалась принять, они могли продавать поштучно или аршинами внутри страны и заграницу. Съ 1705 года компанія пріобрѣла право накладывать штемпель на непринятые ею товары, и только этими штемпелеванными матеріями могли торговать мастера. „Вслѣдствіе этого—говоритъ Трельчъ—ткачи, жившіе на большомъ разстояніи отъ г. Кальва были вынуждены нести туда товаръ даже въ томъ случаѣ, если они были увѣрены, что онъ не будетъ принятъ компаніей. При отвратительномъ состояніи дорогъ это влекло за собой потерю, по крайней мѣрѣ, цѣлаго дня, къ которой въ случаѣ отказѣ присоединялась еще потеря времени до окончательнаго сбыта товара; многіе на обратномъ пути пропивали вырученныя тяжелымъ трудомъ деньги; необходимость этой процедуры вынуждала также нерѣдко кустаря довольствоваться меньшей платой, лишь бы избѣжать болѣе значительныхъ неудобствъ. Далѣе, штемпель, наложенный на непринятый компаніей товаръ, разсматривался повсюду какъ позорное клеймо. Съ ѣдкой ироніей ткачи называли этотъ штемпель „voulez-vous", указывая этимъ на его значеніе. Штемпелеванный кусокъ матеріи терялъ часть своей стоимости. Наконецъ, очень существеннымъ обстоятельствомъ являлось то, что ткачамъ дозволялось лишь продавать свои издѣлія на мѣстѣ, но запрещалось пересылать ихъ въ другія мѣста; это запрещеніе лишало ихъ возможности использовать надлежащимъ образомъ право сбыта собственныхъ издѣлій".

Подобнымъ же образомъ компанія стѣсняла и сбытъ пряжи. Прядильщицамъ, жившимъ въ округѣ Кальва (Moderationsbezirk), запрещалось сбывать свою пряжу мастерамъ черезъ границу; онѣ должны были продавать ее ткачамъ, работавшимъ для компаніи, и только въ случаѣ отсутствія спроса со стороны послѣднихъ, могли, съ разрѣшенія администраціи, доставлять пряжу другимъ лицамъ. Въ своемъ округѣ компанія не допускала никакого другого предпріятія, которое производило бы шерстяныя издѣлія. Она желала сохранить за собой полную монополію въ своемъ районѣ и устанавливать условія труда, не считаясь съ какой бы то ни было конкурренціей. И этого она вполнѣ достигла. Кустари-рабочіе находились въ полной фактической и юридической зависимости отъ компаніи и до того свыклись со своимъ положеніемъ, что и не думали о протестѣ [1] [2]).

ГЛАВА III.

Ремесло.

Рядомъ съ новой, распространяющейся все болѣе и болѣе формой промышленности—кустарнымъ или домашнимъ производствомъ, мы нахо-

[1]) Troeltsch. Die Calwer Zeughandlungskompagnie und ihre Arbeiter. p. 19—20. 27—28. 49. 55—56. 74—75. 83. 89—95. 125—35.

[2]) Относительно флорентинской кустарной промышленности см. выше, стр. 145 и сл., объ англійской суконной промышленности—ниже, стр. 320 и сл.

димъ въ разсматриваемую эпоху и двѣ другія формы промышленности: одну старую, сохранившуюся отъ средневѣковаго періода—ремесло, и другую новую, обозначающую переходъ къ новѣйшему времени, къ фабричной эпохѣ — мануфактуру.

Что касается ремесла, то во многихъ отрасляхъ промышленности оно сохранило свое прежнее значеніе: именно главнымъ образомъ въ производствѣ предметовъ для непосредственнаго потребленія. Въ то время, какъ ткани всякаго рода, кожи, металлы, стекло производились кустарной промышленностью и централизованными мануфактурами, издѣлія изъ нихъ,— платье, бѣлье, шляпы, обувь, различнаго рода кожевенные товары, посуда, мебель, инструменты, домашняя утварь изъ дерева даже въ большихъ городахъ изготовлялись ремесленниками (въ деревняхъ и мелкихъ городахъ часто и въ домашнемъ хозяйствѣ). Только предметы роскоши — кружева, ленты, издѣлія изъ шелка и бархата, ковры, фарфоръ, зеркала, оружіе лучшихъ сортовъ, мебель изъ краснаго дерева, различныя издѣлія изъ черепахи, слоновой кости, металловъ, отчасти также часы, перчатки производились кустарнымъ способомъ или на мануфактурахъ; сюда же относится бумага, мыло, обои, табачныя издѣлія, игрушки,—все это также являлось въ тѣ времена предметомъ роскоши. Такимъ образомъ въ сферѣ производства предметовъ непосредственнаго потребленія установилось извѣстное разграниченіе между ремесломъ и крупной промышленностью. Послѣдняя захватила въ свои руки лишь изготовленіе предметовъ роскоши, притомъ преимущественно такихъ, которые появляются вновь и никогда не производились ремесленниками [1]). Конкурренція между крупнымъ и мелкимъ производствомъ господствовала лишь въ области производства различнаго рода тканей—шерстяныхъ, льняныхъ, пеньковыхъ, шелковыхъ, бумажныхъ и полубумажныхъ и т. д., позументныхъ издѣлій, кожъ, ножевого товара, вязальныхъ издѣлій и т. д., гдѣ кустарная промышленность стала постепенно—какъ мы видѣли выше—преобладающей и вытѣсняла ремесленника. То раздѣленіе занятій, спеціализація производства между различными мѣстностями, которая произошла въ эту эпоху и о которой упоминалось выше, обозначало ничто иное, какъ гибель этихъ отраслей ремесла въ различныхъ городахъ и территоріяхъ. Напр., рядомъ съ возникновеніемъ въ отдѣльныхъ мѣстахъ кустарной суконной промышленности, работающей для значительной части Франціи, во многихъ мѣстностяхъ, (напр., Нантъ, Динанъ, Нимъ, Каркасоннъ, Сентъ-Омеръ) исчезло ремесло, производившее суконныя издѣлія. И въ другихъ мѣстахъ ремесленники страдали отъ конкуренціи торговцевъ промышленными издѣліями. Юстусъ Мезеръ, писавшій въ XVIII ст., указываетъ на то, что за сто лѣтъ число ремесленниковъ сократилось на половину, число же мелочныхъ торговцевъ увеличилось втрое.

Потеря въ значительной мѣрѣ—хотя далеко не вполнѣ и не повсюду— этихъ столь важныхъ и столь обширныхъ областей производства въ связи

[1]) Если же цехи все-таки боролись съ такого рода мануфактурами, то главнымъ образомъ въ силу того, что мануфактуры нарушали ихъ привилегію производства продуктовъ изъ даннаго рода матеріала; такъ напр., гугеноты стали выдѣлывать перчатки и шляпы изъ шерсти—это было раньше неизвѣстно—въ то время, какъ изготовленіе вообще предметовъ изъ шерсти составляло привилегію даннаго цеха.

съ невозможностью пріобрѣсти новыя отрасли—новые виды товаровъ, какъ указано, производились крупнымъ производствомъ — составляла конечно большой ущербъ для ремесла. Отсюда жалобы на скупщиковъ и прочихъ торговцевъ, сбывающихъ сукно, галантерейные товары, холстъ, металлическія издѣлія.

Въ связи съ этимъ находится и постепенное измѣненіе характера самаго ремесла. Въ XVIII ст. въ особенности ремесленникъ, нерѣдко нанимая гораздо больше подмастерьевъ, чѣмъ раньше, отчасти давая работу и болѣе бѣднымъ мастерамъ, изготовляетъ значительные запасы товаровъ и устраиваетъ лавку, въ которой продаетъ свои издѣлія. Писатель XVIII вѣка Бергіусъ жалуется на то, что ремесло страдаетъ отъ этого: мастеръ сидитъ въ лавкѣ, и торговля стоитъ для него на первомъ планѣ, работу же выполняютъ подмастерьи и ученики въ мастерской безъ надзора хозяина [1]). Мало того, и право сбыта въ розницу многихъ привозныхъ кустарныхъ издѣлій принадлежитъ тому или другому цеху, въ зависимости, главнымъ образомъ, отъ того, изъ какого матеріала они изготовлены, тогда какъ розничные торговцы не въ правѣ торговать ими; во Франкфуртѣ на Майнѣ, напр., ремесленники имѣли такую монополію розничной продажи золотыхъ и серебряныхъ вещей, ножевого товара, предметовъ изъ стекла, мѣховъ и пуговицъ, позументныхъ, токарныхъ и переплетныхъ издѣлій [2]). Прочими товарами къ концу XVIII ст. могутъ торговать какъ ремесленники, такъ и мелочные торговцы: послѣдніе, такимъ образомъ, успѣли постепенно, сначала фактически, а затѣмъ и юридически добыть право сбыта различныхъ предметовъ; или же они продаютъ эти товары тайно, ведя лишь постоянную борьбу съ ремесленниками—какъ указываетъ Юстусъ Мезеръ [3]). Если во многихъ мѣстахъ торговцы только и могли торговать тайно многими ремесленными издѣліями, не пользуясь правомъ сбыта ихъ, то они въ свою очередь нерѣдко настаивали на томъ, чтобы въ области текстильной промышленности, въ сферѣ сбыта сукна, холста, камлотовыхъ матерій и т. д. право розничной торговли принадлежало имъ однимъ—въ Австріи ни ремесленникамъ, ни кустарямъ, ни скупщикамъ не дозволено имѣть лавки для продажи этого рода издѣлій; они могутъ продавать ихъ лишь купцамъ изъ своихъ складовъ [4]).

Въ разсматриваемый періодъ не только понятія промышленности и ремесла—въ противоположность средневѣковому періоду—не совпадали, но и ремесло не ограничивалось цеховымъ ремесломъ. Во Франціи—какъ указываетъ д'Авенель—„исключенія" по своей численности превышали „общее правило" [5]). Въ Вѣнѣ въ 1734 г. изъ 7809 мастеровъ всего 2640 или третья часть была цеховыми [6]). Помимо иностранцевъ, которые были не только скупщиками и кустарями, но отчасти и ремесленниками, существовала осо-

[1]) Bergius. Polizei-und Kameralmagazin. B. IV. p. 392.

[2]) Kanter. Die Entwicklung des Handels mit gebrauchsfertigen Waren von der Mitte des 18. Jahrh. bis zum Jahre 1866 in Frankfurt a. M. 1902. p. 14—15.

[3]) Justus Möser. Patriotische Phantasien. 1775. B. I. 4. Aufl. p. 23. Gedanken über den Verfall der Handlung in den Landstädten.

[4]) Landau. Die Entwicklung des Warenhandels in Oesterreich. 1906. p. 26, 41 и др.

[5]) D'Avenel. III. 456.

[6]) Max Adler. Oesterr. Gewerbepolitik. p. 82—3.

бая категорія нецеховыхъ или привилегированныхъ ремесленниковъ, которые, не входя въ составъ цеха, съ особаго каждый разъ разрѣшенія города, короля или герцога (почему они и назывались „королевскими“ мастерами), за особую плату, допускались къ производству того или другого промысла. Во Франціи, напр., съ половины XV ст, въ особо торжественныхъ случаяхъ, напр., при восшествіи на престолъ, рожденіи наслѣдника, выпускаются патенты (lettres de maitrise), и пріобрѣтатели ихъ получаютъ право производить промыселъ. Число этихъ патентовъ возрастаетъ все больше и больше, ибо въ фискальныхъ интересахъ они выпускаются впослѣдствіи по всякому поводу; временно цехамъ даже запрещено было принимать въ свой составъ мастеровъ, пока патенты не раскуплены. Ремесленниками были и такъ наз. придворные мастера (ouvriers suivant la cour),—въ началѣ XVIII ст. ихъ насчитывалось во Франціи 377 человѣкъ. Среди нихъ лишь нѣкоторые дѣйствительно работали на короля и его семейство; большинство же являлись привилегированными мастерами, которые за уплату извѣстной суммы въ пользу казны получали такимъ путемъ право работать на потребителей, не будучи подчинены цеху.

Неудивительно, если цехи при такихъ условіяхъ довели свою политику исключительности до крайнихъ предѣловъ, если сильное повышеніе вступительныхъ взносовъ, крайнее усложненіе пробной работы и т. п. приводитъ къ тому, что въ цехи съ формально свободнымъ для всякаго доступомъ теперь могутъ фактически вступать только сыновья и зятья членовъ цеха, для которыхъ требованія—какъ и въ средніе вѣка—были значительно ниже. Въ одномъ мѣстѣ цехъ исключаетъ изъ своего состава мастера, вслѣдствіе того, что бабка его жены была дочерью пастуха,—хотя имѣлось свидѣтельство, доказывавшее неправильность этого „ужаснаго“ обвиненія. Въ другомъ случаѣ ремесленникъ исключенъ за то, что онъ (не зная объ этомъ) поѣхалъ на лошади палача; въ Зомерфельдѣ онъ исключенъ по той причинѣ, что пилъ пиво съ палачемъ (котораго не узналъ). Положеніе таково, „что люди могутъ занимать высшія должности въ гражданскомъ управленіи или войскѣ, но не могутъ стать бортными или сапожниками“ [1]). Таково было понятіе чести у цеховъ, осуществленіе принципа, что „цехъ долженъ быть такъ чистъ, какъ если бы его собрали голуби“. Не допускался же въ цехъ въ качествѣ „нечистаго“ тотъ, кто притронулся къ падали, кто снялъ съ веревки повѣсившагося и т. п.

А въ XVIII вѣкѣ правило о закрытіи цеховъ становится всеобщимъ; каждый цехъ имѣетъ установленное число мастеровъ и только въ случаѣ смерти кого-либо изъ нихъ, можетъ вступить въ цехъ новый мастеръ. Исключеніе дѣлалось только для своихъ; подмастерье имѣлъ одинъ только путь попасть въ цехъ—жениться на дочери или вдовѣ мастера. Въ случаѣ же невозможности это сдѣлать, онъ вынужденъ былъ поселиться въ деревнѣ, гдѣ цеховъ не было. Но число допускаемыхъ тамъ мастеровъ въ

---

[1]) Еще сравнительно легкимъ наказаніемъ ограничился бременскій сапожный цехъ, исключивъ жену мастера изъ общенія и оштрафовавъ самого мастера за то, что жена его родила уже чрезъ 7 недѣль послѣ вступленія въ бракъ. (Böhmert. Die bremer Schusterzunft).

Пруссіи было сильно ограничено; въ Баваріи стѣсненій было меньше, во Франціи деревенскіе промыслы были совершенно запрещены. Ремесленники и кустари обходили эти ограниченія. Или же подмастерье поступалъ на мануфактуру,—но послѣднихъ было весьма мало. Или, наконецъ, въ качествѣ нецехового мастера (Pfuscher, Störer, Stimpler, Bönhase), обходя цеховыя привилегіи, онъ тайно занимался производствомъ. Въ послѣднемъ случаѣ его положеніе было весьма тяжелое; ему приходилось скрываться отъ глазъ людей, ибо, если цехъ узнавалъ о его дѣйствіяхъ, то онъ подвергался жестокимъ гоненіямъ. И все же въ Мюнхенѣ къ концу XVIII ст. число такихъ тайныхъ ремесленниковъ было почти столь же велико, какъ и количество цеховыхъ мастеровъ.

Уже это послѣднее обстоятельство свидѣтельствуетъ о томъ, что цѣль, къ которой стремились цехи, не достигалась. Установленіе замкнутыхъ, цеховъ не могло устранить ни привоза иногородныхъ и иностранныхъ издѣлій, ни распространенія тайныхъ нецеховыхъ ремесленниковъ. Въ бранденбургскихъ городахъ въ XVIII ст. свыше 40 процентовъ населенія состояло изъ ремесленниковъ, въ вюртембергскихъ городахъ послѣдніе составляли иногда $^2/_3$ всего числа жителей [1]). Но и въ Баваріи, гдѣ число городскихъ ремесленниковъ не превышало въ среднемъ 12 проц. населенія, матеріальное положеніе ремесла было весьма неблагопріятное—цехи жалуются на переполненіе, на чрезмѣрное количество деревенскихъ мастеровъ, на недостатокъ въ сырьѣ и на сильную конкурренцію привозныхъ товаровъ [2]).

Въ связи съ этимъ отстаиваніемъ своей монополіи находилась и еще болѣе усиливавшаяся борьба между смежными цехами—за принадлежащее каждому изъ нихъ поле дѣятельности. Парижскіе пуговичники и портные вели споръ изъ-за права изготовленія послѣдними пуговицъ изъ той же матеріи, изъ которой было заказанное платье [3]). Въ Пруссіи столяръ не въ правѣ былъ прикрѣплять желѣзныя части, кузнецъ не могъ самъ выдѣлывать необходимыхъ ему гвоздей, а пекарь приготовлять пирожное, ибо послѣднее относилось къ области кондитерскаго цеха. Для устройства печи нужно было нанимать десять различныхъ ремесленниковъ; ради какой-либо починки приходилось ходить отъ одного мастера къ другому, получая отъ каждаго изъ нихъ отказъ, въ виду ихъ опасенія переступить за предѣлы дозволенной каждому области производства [4]).

Переходъ отъ городского хозяйства къ національному оказалъ вліяніе на ремесло не только въ видѣ возникновенія конкурренціи, создавшейся подъ вліяніемъ расширенія рынка сбыта промышленныхъ издѣлій, но и въ иномъ направленіи—въ смыслѣ замѣны городской политики въ отношеніи цеховъ территоріальной политикой. Съ одной стороны, самые цехи стараются теперь объединить свою дѣятельность и регулировать ее по однообразнымъ принципамъ: кузнецы, слесари, ножевщики, гончары, каменщики, суконщики, красильщики, кожевники,—всѣ они дѣлали попытки порайоннаго объединенія. Въ однихъ случаяхъ разбросанные въ различныхъ мѣстностяхъ от-

[1]) Troeltsch. p. 370—75.
[2]) Tyszka. p. 93 и сл.
[3]) Levasseur. II. 412.
[4]) Kaizl. p. 16.

дѣльные мастера даннаго промысла соединялись въ одинъ общій территоріальный цехъ, имѣли общую кассу, общаго выборнаго старѣйшину и собирались на общія собранія въ опредѣленномъ городѣ. Въ другихъ случаяхъ отдѣльные цехи сохранялись, но образовывали союзъ съ однимъ или нѣсколькими центральными мѣстами, куда являлись депутаты отъ цеховъ—членовъ союза и гдѣ рѣшались общіе вопросы, въ особенности вопросъ объ отношеніяхъ къ подмастерьямъ, устанавливались соглашенія относительно продажныхъ цѣнъ, производился и судъ надъ непослушными цехами [1]).

Такіе союзы цеховъ находимъ, напр., въ Вюртембергѣ, гдѣ они охватываютъ цехи всей страны, въ Баденѣ; бранденбургскіе цехи соединяются съ саксонскими, ангальтскими, люнебургскими. Союзъ ножевщиковъ распространяется на баварскіе, австрійскіе, швейцарскіе города; бранденбургскіе мыловары, сукнострики, канатники объединяются въ территоріальные цехи. Наиболѣе извѣстенъ изъ порайонныхъ цеховыхъ союзовъ союзъ каменщиковъ, возникшій во второй половинѣ XV ст.; центрами его являются въ XVI—XVII ст. Страсбургъ, Вѣна, Регенсбургъ, Бернъ, Магдебургъ, Дрезденъ, въ XVIII ст. высшую инстанцію составляетъ Страсбургъ [2]).

Еще большее развитіе получили, повидимому, территоріальныя организаціи подмастерьевъ. Мѣстные союзы послѣднихъ, возникшіе еще въ средніе вѣка подъ видомъ религіозныхъ братствъ, успѣшно развивались въ послѣдующую эпоху, по мѣрѣ увеличенія числа семейныхъ подмастерьевъ; отчасти эти союзы были признаны государствомъ. Подъ вліяніемъ распространенія обязательности странствованія подмастерьевъ до полученія званія мастера — институтъ этотъ существовалъ уже съ XIV—XV ст. — между мѣстными союзами подмастерьевъ возникало сближеніе, приводившее къ аналогичной союзамъ цеховъ организаціи. Этой организаціей они въ особенности пользовались въ борьбѣ съ хозяевами-мастерами, оказывая взаимное содѣйствіе при устройствѣ стачки въ какомъ-либо мѣстѣ, бойкотируя („Schelten") подмастерья, который не исполнилъ сообща принятаго рѣшенія: онъ не могъ получить работы ни въ одномъ изъ городовъ, на которые распространялся территоріальный союзъ. Подмастерьи и въ Германіи и во Франціи устраиваютъ „заговоры" (Cabale), „возстанія" (Aufstände), „налагаютъ интердикты" на хозяевъ, заявляютъ, что наниматься къ данному мастеру нельзя (это называлось Schmähen, Auftreiben); въ Дижонѣ такое запрещеніе устанавливалось на срокъ отъ 2 до 6 мѣсяцевъ, иногда на 2 года. Подмастерьи оповѣщаютъ объ этомъ старшинъ товариществъ въ различныхъ городахъ. Когда въ тотъ или другой городъ является странствующій подмастерье, онъ отправляется въ помѣщеніе товарищества подмастерьевъ (Herberge, во Франціи оно называлось „матерью"); тамъ онъ получаетъ пищу, обыкновенно и небольшое пособіе (Geschenk); тамъ вывѣшенъ и списокъ хозяевъ, нуждающихся въ подмастерьяхъ. Если объявлена стачка, то тамъ его ждутъ выборные отъ товарищества и сообщаютъ имъ распоряженіе, иногда знаками, о немедленномъ уходѣ изъ города. Во Франціи тѣсное общеніе существовало не только въ предѣлахъ того же промысла,

[1]) Schmoller. Das brandenburgisch-preussische Innungswesen von 1640 bis 1800. Umrisse und Untersuchungen etc. p. 329 и сл.

[2]) Schmoller. p. 332—36 Jahn. Gewerbepolitik der deut. Landesfürsten. p. 130 и сл.

но и среди подмастерьевъ различныхъ ремеслъ; „всѣ они выступали какъ одинъ человѣкъ въ поддержании требований, предъявленныхъ хозяевамъ“ [1]).

Съ другой стороны, надзоръ за цехами и регулированіе ихъ дѣятельности государство беретъ въ свои руки. Во Франціи статутъ 1581 г. вновь вводитъ даже, въ цѣляхъ однообразія, цеховую форму (jurés) въ такихъ городахъ и промыслахъ, гдѣ цехи существовали лишь фактически, но не имѣли соотвѣтствующей организаціи; онъ устраняетъ различныя злоупотребленія при изготовленіи пробной работы—она не должна продолжаться болѣе 3 мѣсяцевъ и т. д. Новый пересмотръ статута съ полнымъ подчиненіемъ цеховъ государству производится при Кольберѣ въ 1671—74 г.г. Точно также въ германскихъ государствахъ въ теченіе XVIII ст. издается однообразное цеховое законодательство; такъ въ 1731 г. заключено соглашеніе между Австріей, Пруссіей, Саксоніей и др. странами. Имъ отмѣняется цеховая автономія, и цехи всецѣло подчиняются государственной власти. Законодательство вступаетъ въ борьбу съ „злоупотребленіями“ цеховъ: регулируется пробная работа, запрещаются соглашенія относительно цѣнъ, отмѣняется принципъ недопущенія вслѣдствіе „безчестнаго“ происхожденія. Но государство же ведетъ борьбу и съ подмастерьями: имъ запрещены всякіе союзы, территоріальныя соглашенія, стачки, бойкотированіе мастеровъ и подмастерьевъ, празднованіе т. наз. „синяго понедѣльника“ [2]). Впрочемъ, далеко не всѣ эти постановленія исполнялись на практикѣ—и цеховые мастера, и подмастерьи всѣми силами боролись противъ нихъ. За этими общими постановленіями слѣдовалъ самый пересмотръ цеховыхъ статутовъ и привилегій: въ Пруссіи въ 1734—38 г.г. составлено болѣе 70 генеральныхъ цеховыхъ привилегій, ея примѣру послѣдовала Марія-Терезія въ Австріи, затѣмъ Баденъ и Вюртембергъ.

ГЛАВА IV.

Мануфактуры.

Противоположность цеховому ремеслу—остатку отъ средневѣковаго періода—составляетъ новая форма производства—мануфактура. Въ настоящее время мануфактурной называется та форма производства, гдѣ болѣе или менѣе значительное количество рабочихъ соединяется въ опредѣленномъ зданіи подъ надзоромъ предпринимателя. Составляя промежуточную ступень между кустарнымъ производствомъ и фабричнымъ, мануфактура отличается отъ перваго помѣщеніемъ, гдѣ происходитъ работа, отъ второго—отсутствіемъ машинъ и двигателей. Однако, установить въ отношеніи XVII—XVIII ст. степень распространенія мануфактуръ является дѣломъ не-

[1]) См. Hauser. Les compagnonnages d'arts et métiers à Dijon. Des Marez. Le compagnannage des chapeliers bruxelois. 1909. Ковалевскій. Происхожденіе мелкой земельной собственности гл. V. Tyszka. Handwerk und Handwerker in Bayern. Kap. II. Schoenlank. Gesellenverbände. Handwört. der Staatswiss. Jahn. Gewerbepolitik der deutschen Landesfürsten. p. 40 и сл.

[2]) Строгія мѣры противъ подмастерьевъ были вызваны въ особенности безпорядками и стачками, произведенными ими въ 1724 г. въ Вѣнѣ, Майнцѣ, Штутгартѣ, Вюрцбургѣ, Аугсбургѣ.

ленимъ, ибо далеко не во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ источникахъ упоминается о мануфактурахъ, въ дѣйствительности мы имѣемъ передъ собой эту форму производства. Подъ словомъ мануфактура или фабрика въ тѣ времена понималась не опредѣленная форма производства, а промышленность вообще; оно было равнозначуще понятію промышленность. Или же мануфактура обозначала промышленность прядильно-ткацкую — шелковую, шерстяную, полотняную, хлопчатобумажную; т. е. подъ „мануфактурой“ понималось то, что мы и теперь въ общежитіи называемъ мануфактурной промышленностью,—независимо отъ того, имѣла ли она ремесленный или кустарный характеръ, или же производилась въ централизованныхъ предпріятіяхъ, т. е. мануфактурахъ въ современномъ смыслѣ слова. Необходимо поэтому въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ на основаніи описанія данной „мануфактуры“ или „фабрики“ опредѣлить, о какой формѣ производства идетъ рѣчь. Послѣ такого тщательнаго анализа выясняется, что фабрикъ въ тѣ времена вообще не было, ибо машины и двигатели до конца XVIII ст. отсутствовали; мануфактуры же въ современномъ смыслѣ, т. е. централизованныя предпріятія безъ употребленія машинъ, хотя и возникаютъ въ отдѣльныхъ случаяхъ уже въ XVI ст., чаще же со второй половины XVII ст., но было ихъ сравнительно немного, и они далеко не играли той роли, какъ кустарная форма производства. Обыкновенно, когда въ источникахъ говорится о мануфактурахъ, оказывается, что эти мануфактуры раздаютъ работу на домъ городскимъ и въ особенности деревенскимъ жителямъ, т. е. это не мануфактуры, а кустарная форма производства.

Такъ во французскихъ источникахъ фабрикантомъ именуется всякій, имѣющій отношеніе къ промышленности: и самостоятельный ремесленникъ, и деревенскій кустарь, работающій на скупщика (мастерская кустаря упоминается подъ названіемъ „une fabrique“), и самый скупщикъ-капиталистъ, раздающій заказы кустарямъ. Даже цѣлая отрасль промышленности, производство данной мѣстности именуется часто „fabrique“; la fabrique de soie—шелковая промышленность, la fabrique de Rouen—совокупность промышленныхъ заведеній города Руана. Такой же неопредѣленностью отличается и терминъ „мануфактура“, „мануфактуристъ“. Мануфактуристами называли себя и скупщики, и владѣльцы централизованныхъ мануфактуръ (ateliers réunis), и рабочіе послѣднихъ [1]).

По терминологіи камералиста XVIII вѣка Юсти, фабрики или мануфактуры бываютъ трехъ родовъ: первая категорія составляетъ какъ то, что мы называемъ кустарной промышленностью, такъ и то, что понимается подъ централизованной мануфактурой; вторая категорія то же, но при коллективной формѣ предпріятія (компанія); въ третью категорію мануфактуръ или фабрикъ выдѣлено ремесло. Въ статутахъ, относящихся къ саксонской хлопчатобумажной промышленности, гдѣ кустари производили товары на скупщиковъ, говорится: процвѣтаніе *фабрики* требуетъ, чтобы *ремесленники* сбывали свои издѣлія исключительно компаніи купцовъ, послѣдніе же принимали у нихъ товары по справедливой цѣнѣ и не притѣсняли ихъ. Въ Австріи XVIII ст. фабрикантами именуются всѣ, имѣющіе какое-либо отношеніе къ производству,

[1]) Тарле. Рабочій классъ во Франціи въ эпоху револ. II. Стр. 58—59. 81. 85. 107.

въ отличіе отъ тѣхъ, кто занимается лишь распредѣлительной дѣятельностью— и кустари, и ремесленники, и скупщики [1]).

Въ противоположность обычному пріему, не проводящему различія между отдѣльными категоріями мануфактуръ, я установилъ въ своей „Эволюціи прибыли", что въ XVII—XVIII ст. въ западно-европейскихъ странахъ (какъ и у насъ) существовали мануфактуры троякаго рода, рѣзко отличающіяся другъ отъ друга какъ по способу возникновенія, такъ и по своему характеру [2]).

Во-1-хъ, мануфактуры, устроенныя иностранцами. Онѣ были первоначально ничѣмъ инымъ, какъ мануфактурами въ томъ смыслѣ, какъ это понималось въ ту эпоху, т. е. просто промышленными заведеніями: иностранцевъ призывали для того, чтобы они создали новыя „мануфактуры", т. е. новыя отрасли промышленности въ странѣ. Они были чужими въ данной странѣ, переселялись обыкновенно изъ одной и той же мѣстности (земляки); поэтому они держались и селились вмѣстѣ, имъ отводились особыя зданія, какъ и давались другія привилегіи (денежныя пособія, монополія производства и т. д.). Къ этому присоединялась вражда къ нимъ со стороны мѣстныхъ жителей, которые, въ особенности цехи, усматривали нарушеніе своихъ привилегій въ допущеніи иностранцевъ вообще и невыполнившихъ пробной работы, не отбывшихъ ученичества и т. д., въ частности. Для защиты отъ насилій со стороны мѣстныхъ жителей они селились вмѣстѣ въ привилегированныхъ мѣстахъ (предмѣстьяхъ—faubourgs) и зданіяхъ, носившихъ королевскій или герцогскій гербъ. Первыя мануфактуры во Франціи при Генрихѣ IV—знаменитый Лувръ, далѣе мануфактура Гобеленовъ, Савоннери и др.,—всѣ они производили всевозможные предметы роскоши и были ничѣмъ инымъ, какъ убѣжищами, созданными для иностранныхъ мастеровъ, преслѣдуемыхъ цехами; въ этихъ убѣжищахъ каждый мастеръ со своими подмастерьями и рабочими производилъ самостоятельно ремесленнымъ способомъ. Такъ же возникли и такой же характеръ имѣли первыя мануфактуры въ Австріи (das Manufakturhaus auf dem Tabor въ Вѣнѣ), Пруссіи, Нидерландахъ. Лишь постепенно — мы можемъ это прослѣдить—эти совмѣстно живущіе мастера и въ области производства соединились вмѣстѣ. Изъ ихъ среды выдѣлились старшіе, наиболѣе опытные, позже они стали назначаться государствомъ. Они стали во главѣ производства, установивъ раздѣленіе труда (спеціализацію) между остальными, стали играть роль предпринимателей, взявъ въ свои руки какъ направленіе самаго техническаго процесса производства, такъ и сбытъ продуктовъ. Превратившись, такимъ образомъ, въ мануфактуры въ современномъ смыслѣ, эти основанныя иностранцами въ новыхъ отрасляхъ промышленности (ковровое производство, зеркальное, изготовленіе цѣнной мебели съ бронзой и инкрустаціями, выдѣлка тонкаго сукна и др.) предпріятія попрежнему пользовались широкими привилегіями, работали въ значительной мѣрѣ для двора, но кромѣ того и на публику.

---

1) См. Landau. Entwicklung des Warenhandels in Oesterreich. p. 30.
2) См. Эволюція прибыли, т. I. стр. 598 и сл.

Другую категорію составляли мануфактуры, устроенныя правительствомъ въ домахъ призрѣнія, работныхъ домахъ, тюрьмахъ и другихъ подобнаго рода заведеніяхъ. Съ ними соединялись нерѣдко въ томъ же зданіи (напр., въ Нюрнбергѣ, Регенсбургѣ, Франкфуртѣ, Базелѣ, Пфорцгеймѣ) сиротскіе пріюты, дома для умалишенныхъ; et improbis coercendis et quos deseruit sanae mentis usura custodiendis — гласитъ характерная надпись въ Лейпцигѣ. Желая заставить преступниковъ, бродягъ и иныхъ сидѣльцевъ этихъ заведеній работать, чтобы не тратить денегъ на ихъ содержаніе, государство вводило въ нихъ различныя производства—чулочно-вязальное, суконное; особенно же часто въ нихъ производилось пряденье шерсти, пеньки, льна, почему и тюрьмы назывались „прядильными домами", —Spinhuis, netoria domus (то же можно замѣтить и у насъ); затѣмъ эти заведенія сдавались на откупъ частнымъ предпринимателямъ.

Въ другихъ случаяхъ государство этимъ путемъ желало создать новыя отрасли промышленности или расширить уже существующія, въ виду необходимости данныхъ продуктовъ для двора или для войска (въ особ. суконныя мануфактуры); вмѣстѣ съ тѣмъ оно имѣло въ виду освободить населеніе отъ великаго множества нищихъ. Поэтому оно приказывало переловить послѣднихъ и учредить мануфактуру или предпріятіе, гдѣ подъ надзоромъ назначеннаго лица эти способные къ труду нищіе изготовляли бы необходимые правительству товары. Въ результатѣ въ эти промышленныя предпріятія попадали подъ именемъ бродягъ или нищихъ тѣ, кто не находилъ себѣ работы въ области ремесла или кустарной промышленности или не желалъ приложить свой трудъ въ этихъ областяхъ производства. То же самое населеніе, которое отказывалось отъ работы (или не находило ея), не трудно было принудить къ ней, хватая безработныхъ какъ бродягъ и сажая ихъ въ устроенные для этого дома—мануфактуры.

Здѣсь рабочіе жили и работали подъ одной крышей и подъ руководствомъ того же предпринимателя; но вмѣстѣ съ тѣмъ такія мануфактуры имѣли коммерческій характеръ, въ виду сдачи ихъ на откупъ тому или иному промышленнику. Выписывались даже спеціальные мастера изъ-за границы для обученія сидѣльцевъ тому или другому промыслу. Въ Амстердамѣ въ 1596 г. магистратъ, по предложенію лицъ, завѣдывавшихъ призрѣніемъ бѣдныхъ, обсуждалъ вопросъ относительно подходящаго мѣста для прядильни, гдѣ молодыя дѣвушки и другія лица, пріучающіяся къ нищенству и бездѣлію, занимались бы пряденьемъ шерсти и могли бы зарабатывать себѣ пропитаніе. Такъ какъ нѣсколько скупщиковъ предложили выгодныя условія, то магистратъ призналъ учрежденіе такого заведенія „очень добрымъ и христіанскимъ дѣломъ", и въ слѣдующемъ году оно было открыто [1]). Точно также въ 1686 г. Великій Курфюрстъ издалъ эдиктъ относительно устройства „*исправительныхъ, прядильныхъ и мануфактурныхъ заведеній*", куда должны помѣщаться, если нужно, силой и всѣ безработные и ихъ дѣти. Какъ видно изъ введенія къ эдикту, онъ имѣлъ въ виду этимъ путемъ, съ одной стороны, содѣйствовать развитію суконной

[1]) Hippel. Beiträge zur Gesch. der Freiheitsstrafe. Zeitschr. für ges. Strafrechtswissensch. 1898. p. 443.

промышленности, а съ другой—пріучить лѣнивыхъ къ труду. Еще раньше въ Бранденбургѣ велѣно было выписать изъ Гамбурга и изъ Голландіи мастеровъ, которые руководили бы производствомъ, устраиваемымъ въ исправительномъ домѣ для работоспособныхъ взрослыхъ и дѣтей [1]). Въ Эрфуртѣ пріютъ для бездомныхъ бѣдняковъ и ихъ дѣтей, соединенный съ исправительнымъ заведеніемъ для профессіональныхъ нищихъ, представлялъ собою — по словамъ Горна — мануфактуру шерстяныхъ чулокъ и шапокъ. Завѣдующій этимъ заведеніемъ былъ въ сущности промышленникомъ. Правда, инструменты пріобрѣтались на казенный счетъ, но онъ доставлялъ на свой счетъ матеріалъ и пищу сидѣльцамъ и въ его пользу поступала вся вырученная отъ продажи издѣлій сумма [2]).

Населеніе англійскихъ работныхъ домовъ (workhouse) также состояло изъ всевозможныхъ бродячихъ элементовъ, какъ-то: рабочихъ, не находившихъ работы или отказывавшихся исполнять ее по установленной мировымъ судьей платѣ, нищенствующихъ студентовъ, лицъ, не имѣющихъ ни недвижимости, ни денегъ, ни дозволеннаго занятія, нищенствующихъ моряковъ, разсказывавшихъ о томъ, что ихъ судно потерпѣло крушеніе, но не имѣвшихъ соотвѣтствующаго удостовѣренія, далѣе клоуновъ, фокусниковъ, гадальщиковъ, вожаковъ медвѣдей и т. д. [3]). Въ Австріи въ 1721 г. рѣшено устроить въ городѣ Грацѣ суконную „фабрику" (мануфактуру), ибо сотни людей голодаютъ и проводятъ время въ бездѣльѣ. Для начала слѣдуетъ—говорится въ проектѣ мѣстной коммерческой палаты—производить не болѣе 1000 штукъ сукна, ибо неизвѣстно, какъ организуется сбытъ, нужно, слѣдовательно, „переловить и арестовать" соотвѣтствующее количество нищихъ, бродящихъ по улицамъ Граца. Этимъ путемъ не только будутъ добыты рабочія силы для мануфактуры, но очищенъ городъ отъ нищихъ, ибо отъ страха всѣ остальные разбѣгутся изъ города, и жители обязаны будутъ мануфактурѣ благодарностью, или точнѣе обязаны будутъ за это доставить необходимый для веденія мануфактуры капиталъ, внося въ пользу мануфактуры то, что они ранѣе тратили въ качествѣ подаянія нищимъ [4]).

Сходство между той и другой группой мануфактуръ (мануфактурами, созданными иностранцами, и мануфактурами съ принудительнымъ трудомъ) состоитъ въ томъ, что въ обоихъ случаяхъ не имѣлось въ виду создать новую форму производства, а рѣчь шла лишь объ учрежденіи новаго предпріятія. Если оно и во второмъ случаѣ получило форму именно мануфактуры, то это объясняется и здѣсь въ значительной мѣрѣ наличностью цеховыхъ привилегій, нарушеніе которыхъ здѣсь несомнѣнно происходило, ибо изготовлялись тѣ же продукты, что и цехами. Нарушеніе ихъ могло оправдываться лишь въ томъ случаѣ, когда государство предпринимало что-либо въ общественныхъ интересахъ, „съ благотворительной цѣлью", какъ прямо отвѣчало правительство на протесты цеховъ. Къ этому присоединялась указанная выше полицейская цѣль—сокращать число бродягъ, а это возможно было, безъ ущерба для казны, лишь въ томъ случаѣ, если они помѣщались въ спеціальныя заведенія и если они обязаны были трудомъ прокармливать себя [5]).

1) Hippel, ук. соч. p. 436—37.
2) Horn. Erfurts Stadtverfassung. p. 90.
3) Hippel p. 427.
4) Fr. Mayr. Anfänge des Handels und der Industrie in Oesterreich. p. 64—66. Max·Adler. Oesterr. Gewerbepolitik etc. p. 90.
5) Относительно такихъ мануфактуръ въ Польшѣ см. Воблый. Очерки по исторіи польской фабричной промышленности. Т. I. 1909. Стр. 48—49.

Наконецъ, третью, весьма малочисленную категорію мануфактуръ составляли тѣ изъ нихъ, которыя постепенно развились изъ другихъ формъ производства, возникли генетически въ особенности изъ кустарнаго производства. Желаніе сберечь на расходахъ, связанныхъ съ раздачей матеріала кустарямъ и передачей продукта отъ одного мастера другому, въ частности желаніе сберечь на платѣ посредникамъ-факторамъ, а также избѣгнуть присвоенія матеріала кустарями и наконецъ усилить надзоръ за производствомъ,—все это побуждало скупщика соединить разрозненныхъ рабочихъ въ одномъ зданіи и взять производство въ свое непосредственное управленіе. Здѣсь возможна была и та спеціализація производства, которая такъ поразила Адама Смита при посѣщеніи имъ булавочной мануфактуры и которая оказывалась весьма выгодной. Несмотря однако на всѣ эти преимущества мануфактурной формы производства передъ кустарной, мануфактуры мало развивались. Въ Баденѣ, Баваріи, Вюртембергѣ централизованныя мануфактуры, поскольку онѣ не находятся въ исправительныхъ заведеніяхъ и сиротскихъ пріютахъ, составляютъ рѣдкое явленіе, несмотря на постоянно встрѣчающіяся тамъ громкія названія „фабрикъ“ и „мануфактуръ“ [1]). На извѣстной мануфактурѣ Ванъ-Робе, основанной еще при Кольберѣ, работало въ половинѣ XVIII ст. 1000—1200 пряхъ въ самомъ помѣщеніи предпринимателя, тамъ же онѣ жили. Однако, Савари, сообщающій эти свѣдѣнія въ своемъ „Словарѣ“, прибавляетъ, что „ни одного другого подобнаго заведенія во Франціи не существуетъ“. Во второй половинѣ XVIII ст. имѣлась еще одна крупная централизованная мануфактура (производство шелковыхъ матерій Вокансона), на которую современники смотрѣли, какъ на явленіе исключительное: сосредоточиваетъ 120 станковъ подъ одной кровлей!—говорили они съ удивленіемъ.

Е. В. Тарле, детально изучившій этотъ вопросъ, констатируетъ наличность еще нѣсколькихъ централизованныхъ предпріятій, въ особенности въ области производства издѣлій изъ бумажной массы (съ 10—20 рабочими), гдѣ самый характеръ производства — пользованіе одними и тѣми же станками и инструментами — заставлялъ прибѣгать къ этой формѣ промышленности. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ „мануфактуры“ раздавали работу на домъ. Это дѣлалось даже въ зеркальномъ производствѣ, требовавшемъ по своему характеру сосредоточенія рабочихъ въ одномъ зданіи—и здѣсь заказы, касавшіеся подготовительныхъ работъ, раздавались кустарямъ на домъ [2]).

Привычность кустарнаго производства, нежеланіе рабочихъ уходить изъ своего дома на мануфактуру и необходимость обладать значительнымъ капиталомъ стѣсняли развитіе мануфактуръ этой третьей категоріи, т. е. мануфактуръ, возникавшихъ въ старыхъ, уже извѣстныхъ отрасляхъ производства и работавшихъ при помощи свободнаго труда. Во французской шелковой промышленности предприниматели объясняли предпочтеніе, отдаваемое ими кустарной формѣ производства, трудностью соединять въ одномъ зданіи значительное число рабочихъ, ибо нужно найти помѣщеніе, гдѣ бы проживали не только они, но и вмѣстѣ съ ними жена, 3—4 дѣтей и домашнія

[1]) Gothein. Wirtschaftsgesch. des Schwarzwaldes. p. 701 и др. Schmelzle. Der bayer. Staatshaushalt im XVIII. Jahrh.
[2]) Тарле, ук. соч. II. стр. 67—68. 74.

животныя [1]). Переходъ совершался весьма медленно: сначала на мануфактурѣ производились лишь отдѣльные процессы производства, требовавшіе особаго надзора, въ виду своей сложности; или тамъ изготовлялись нѣкоторые сорта продуктовъ, товары высшаго качества, тогда какъ вся остальная работа раздавалась попрежнему на домъ. Или же мануфактура отнимала у кустарной промышленности начальные и конечные процессы производства, очистку матеріала и сортировку его, съ одной стороны, и окраску, аппретуру и т. п. съ другой стороны; посредствующіе же процессы происходили на дому у отдѣльныхъ рабочихъ. Въ Бельгіи степень распространенности централизованныхъ мануфактуръ можно установить на основаніи анкеты, произведенной въ 1764 г. Какъ выяснилъ Жюленъ, разработавшій результаты этой анкеты, текстильная промышленность имѣла преимущественно кустарную форму производства, насчитывалось не болѣе 10—12 централизованныхъ предпріятій. Болѣе значительное число ихъ встрѣчаемъ лишь въ производствѣ металлическихъ и стеклянныхъ издѣлій, но численность рабочихъ на нихъ обыкновенно не превышаетъ 15—30 человѣкъ, лишь въ видѣ исключенія доходитъ до 45. Мало того, мануфактуры, одновременно съ производствомъ въ мастерскихъ, раздавали работу на домъ кустарямъ: шерстяная мануфактура въ Малинѣ имѣла 175 рабочихъ, но кромѣ того 259 работало для нея на дому; на камлотовой мануфактурѣ въ Турне работало 62 человѣка, пряжа же для нея изготовлялась 800 деревенскими кустарями—женщинами; для ткацкой мануфактуры въ Брюгге съ 80 рабочими и для полотнянной мануфактуры въ Турне съ 277 рабочими (въ самомъ заведеніи) пряжу изготовляли кустари—въ первомъ случаѣ 66, во второмъ около 535 человѣкъ [2]).

Австрійскія мануфактуры по изготовленію бумажныхъ тканей въ Швехатѣ и Линцѣ производили только окончательную отдѣлку матерій (аппретуру) въ собственныхъ помѣщеніяхъ Восточной компаніи, тогда какъ вся остальная работа раздавалась на домъ кустарямъ. На суконной „фабрикѣ“ Іогана Фриса въ Фридау (Австрія), по отчету 1763 г., имѣлось, кромѣ директора и трехъ служащихъ, 56 „фабрикантовъ“, т. е. рабочихъ на самой мануфактурѣ, тогда какъ въ Фридау и другихъ мѣстностяхъ на нее работало свыше 2000 человѣкъ [3]). Т. наз. ситцевая „фабрика“ въ Зульцѣ на Некарѣ, первоначально занимавшаяся исключительно скупкой бумажныхъ матерій, съ половины XVIII ст. переходитъ къ концентраціи производства въ ея собственныхъ помѣщеніяхъ, гдѣ организуется аппретурный и красильный промыселъ; въ 1760 г. имѣлось 26 рабочихъ на мануфактурѣ, въ 1764 г. 130, на дому же работало въ нѣсколько разъ больше—это были ткачи и прядильщицы (въ 1760 г. ихъ было свыше 600, въ 1764 г.—1.500) [4]).

Еще въ концѣ XVIII ст. въ Англіи и въ началѣ XIX ст. на континентѣ мы находимъ много случаевъ такой смѣшанной формы производства: столько-то рабочихъ находилось на мануфактурѣ и столько-то работало на дому. Это сохранилось даже при первыхъ прядильныхъ машинахъ, которыя были небольшихъ размѣровъ, почему могли помѣщаться въ кустарной мастерской; только послѣдующія машины заставили перейти къ

---

[1]) Тарле. Т. II, стр. 73.

[2]) Julin. Les grandes fabriques en Belgique. p. 32—39. 63—66. 72—81. См. также Тарле. II. 68—69. Воблый, стр. 52 и сл.

[3]) Schmelzle. Mayr.

[4]) Troeltsch. Calwer Zeughandlungs-Kompagnie. p. 229—33.

централизованной формѣ производства,—но это уже была не мануфактура, а фабрика.

ГЛАВА V.

Отрасли промышленности.

Помимо отраслей производства, имѣвшихъ форму ремесла, работавшихъ на мѣстный рынокъ и существовавшихъ поэтому повсюду, какъ и въ средніе вѣка,—мы находимъ теперь, подъ вліяніемъ установившагося раздѣленія труда между различными мѣстностями, и цѣлый рядъ такихъ отраслей промышленности, которыя въ формѣ кустарнаго производства, отчасти и мануфактуръ, достигли въ той или иной странѣ значительнаго развитія, составляя существенный источникъ благосостоянія для населенія. Среди такихъ отраслей производства на первомъ планѣ стоитъ шерстяная промышленность Англіи, которая уже съ XV ст. приняла кустарный характеръ и которая въ XVII—XVIII ст. составляла наиболѣе важную отрасль англійскаго экспорта. Та роль, которую играли фламандскіе и итальянскіе города въ средніе вѣка въ области шерстяного производства, перешла теперь, и въ еще гораздо большихъ размѣрахъ, къ Англіи.

Въ XV ст. постепенно сокращается экспортъ англійской шерсти. По Миссельдену, въ 1354 г. изъ Англіи было вывезено $31^1/_2$ тыс. мѣшковъ шерсти, между тѣмъ въ царствованіе Генриха VII (1485—1509) средній ежегодный вывозъ, не считая, впрочемъ, экспорта въ страны, расположенныя у Средиземнаго моря, составлялъ всего около 7 тыс. мѣшковъ; въ 1509—1521 г.г. онъ равнялся въ среднемъ $8^1/_2$ тыс. мѣшковъ, въ 1522—1531 г.г. около 5 тыс., въ 1532—1539 г.г. около $3^1/_2$ тыс. и въ 1540—1547 г.г. около 5 тыс. Напротивъ, вывозъ сукна возросталъ слѣдующимъ образомъ: въ 1354 г. вывезено около 5 тыс. кусковъ, въ 1505—1519 г.г. въ среднемъ ежегодно 85 тыс., въ 1520—1529 г.г. 91 тыс., въ 1530—1535 г.г. 103 тыс., въ 1536—1547 г.г. 122 тыс. Сокращеніе вывоза англійской шерсти обозначало паденіе фламандской суконной промышленности, такъ какъ одной испанской шерстью безъ примѣси англійской она не могла пользоваться: „во Фландріи народъ живетъ въ сущности переработкой нашей шерсти и безъ нея не можетъ долго жить“. Фламандскіе города—Брюгге, Гентъ, Ипръ, центры суконнаго производства,—не допускали—какъ средневѣковые города вообще (см. выше)—развитія сельской промышленности; найденные въ деревняхъ ткацкіе станки или валяльные чаны они, пользуясь монополіей производства, подвергали слому, сжиганію или конфискаціи. Этимъ они вызвали переселеніе сельскихъ жителей въ Англію: при Эдуардѣ III въ графствахъ Норфолькскомъ, Суффолькскомъ и Эссекскомъ (Норвичъ являлся главнымъ рыночнымъ центромъ), а также въ другихъ мѣстностяхъ восточной Англіи образовались, подъ защитой короля, поощрявшаго переселеніе, колоніи фламандскихъ суконныхъ ткачей, валяльщиковъ и красильщиковъ. Съ этихъ поръ, съ половины XIV ст., и начинается вывозъ англійскихъ шерстяныхъ тканей, прежде всего камвольныхъ

тканей, производимыхъ именно въ восточныхъ графствахъ, куда переселились фламандцы.

Съ этого времени происходитъ упадокъ фламандскихъ городовъ—подъ вліяніемъ отсутствія англійской шерсти, качество ихъ суконныхъ издѣлій ухудшается, они вытѣсняются англійскими матеріями. Привозъ англійскаго сукна въ Нидерланды сравниваютъ къ концу XV ст. съ „наводненіями, производимыми моремъ"; когда рѣчь идетъ о матеріяхъ высокаго качества, то предполагается, что онѣ несомнѣнно англійскаго производства. Въ началѣ XVI вѣка Брюгге, уже не видя возможности конкурировать съ англійскимъ сукномъ, старается привлечь въ свои стѣны англичанъ и устроить у себя складочное мѣсто для сбыта ихъ тканей,—но уже поздно: англичане устроили его въ Антверпенѣ. Тѣмъ не менѣе, фламандское шерстяное производство еще не погибло; исчезла суконная промышленность въ городахъ, прекратилось производство тканей высокаго качества, въ области котораго не было возможности бороться съ англичанами. Но стало распространяться иное производство: изготовленіе простыхъ, дешевыхъ матерій изъ испанской шерсти. Оно имѣетъ деревенскій характеръ; въ широкихъ размѣрахъ происходитъ выселеніе изъ селъ въ города, возникаютъ новые центры производства (Bergues, Hondschoote, Armentières, Verviers). Какъ и городская шерстяная промышленность Фландріи XIV—XV ст., новая деревенская промышленность имѣла характеръ кустарнаго производства, съ той только разницей, что здѣсь отсутствовала цеховая организація и существовала свобода производства.

Но съ конца XVI вѣка и эта отрасль фламандской шерстяной промышленности стала падать, въ XVII ст. ея значеніе уже сильно сократилось. Разореніе, нанесенное странѣ герцогомъ Альбой, выразилось въ опустошеніи многихъ центровъ этой новой промышленности, и оно же вновь вызвало переселеніе нидерландскихъ ткачей въ Англію. При Елизаветѣ въ 1565 г. были выданы грамоты 30 фламандскимъ и валлонскимъ суконщикамъ, поселившимся въ Норвичѣ, а въ 1583 г. новая колонія уже достигла почти 5 тысячъ человѣкъ. Имъ разрѣшено производить „bays, says, tapestry mockadoes" и т. п. сорта матерій, т. е. именно то, что составляло спеціальность новой нидерландской деревенской промышленности. Подобнымъ же образомъ появляются переселенцы и въ Кольчестерѣ, Саузэмптонѣ и др. городахъ, получая и здѣсь различныя привилегіи изготовленія иностранныхъ сортовъ матерій. Такъ было перенесено въ Англію и производство дешевыхъ и простыхъ сортовъ сукна, возникла „new drapery". Появились и новыя комбинаціи—смѣшанныя съ шелкомъ или льномъ ткани, легкія и тонкія матеріи, новые образцы, новые цвѣта. Всѣмъ этимъ Англія обязана была нидерландскимъ переселенцамъ. Благодаря имъ же, Англія въ эту эпоху освободилась и отъ необходимости посылать свои издѣлія для крашенья и аппретуры въ Нидерланды и Францію; въ 1669 г. голландецъ Джорджъ Герріотъ, переселившись въ Англію, получилъ здѣсь патентъ на производство аппретуры новымъ, изобрѣтеннымъ въ Голландіи, способомъ.

Такимъ образомъ, съ XVII ст. англійская шерстяная промышленность достигла высокаго развитія. Въ XVII—XVIII ст. она была распространена

по всей Англіи, хотя въ центрѣ менѣе, чѣмъ на востокѣ и западѣ. Ее можно разбить на три крупныхъ района — Іоркширъ съ Лидсомъ и Галифаксомъ, Норфолькъ съ Норвичемъ и юго-западный районъ, расположенный между Ламаншемъ и Бристольскимъ каналомъ. Въ каждомъ районѣ, въ свою очередь, производство было разбросано по цѣлой массѣ мѣстностей, въ особенности по деревнямъ, гдѣ изготовленіе тканей соединялось съ сельскимъ хозяйствомъ. Въ деревняхъ почти во всякомъ коттеджѣ раздавался звукъ прялки и ткацкаго челнока. Это были низкія избы, съ небольшимъ числомъ узкихъ оконъ, состоявшія обыкновенно изъ одного помѣщенія, которое служило и въ качествѣ кухни, и для сна, и для работы. Вся семья занималась производствомъ: жена и дочери за прялкой, мальчики расчесываютъ шерсть, мужъ управляетъ ткацкимъ станкомъ — такова классическая картина. Трудъ былъ не легкій, весьма продолжительный, малолѣтнія дѣти привлекались къ работѣ; оплата же была низкая, мясо появлялось на столѣ лишь по воскресеньямъ. Изготовленныя ткани сбывались на рынкахъ скупщикамъ (clothier, manufacturer), которые уже отдавали ихъ въ аппретуру. Нерѣдко и самая шерсть принадлежала предпринимателямъ, и они раздавали ее по деревнямъ; въ этомъ случаѣ кустари-производители находились въ большой зависимости отъ работодателей. Въ особенности съ конца XVII ст. и шерсть, и пряжа, и станокъ, и валяльная мельница — все становится собственностью скупщика-капиталиста. Но работа попрежнему производится на дому; централизованныя мануфактуры въ области шерстяной промышленности являлись исключеніемъ даже въ XVIII вѣкѣ. Изъ анкеты, произведенной въ 1806 году, мы можемъ усмотрѣть, что мануфактуры составляли явленіе крайне рѣдкое, имѣлись лишь въ западной части графства Іоркскаго, но и тамъ существовали лишь недавно. Сравнительно мало распространена была и форма домашней промышленности, именуемая domestic system, гдѣ производитель былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и собственникомъ изготовляемаго сукна. Наиболѣе же широко развита была форма производства „master clothiers", называемая такъ отъ слова master clothier или просто clothier, которымъ обозначались предприниматели-капиталисты: имъ принадлежало сырье и они раздавали его для обработки различнымъ категоріямъ рабочихъ на дому.

Англійское законодательство XV—XVIII ст. много занимается вопросами этой главной въ странѣ отрасли промышленности. Оно прежде всего подробно регулируетъ отношенія между предпринимателями и рабочими. Такъ, оно запрещаетъ утайку шерсти рабочими, изъ которой возникъ цѣлый промыселъ „endgatherers": послѣдніе скупали у кустарей „остатки" матеріала. Для борьбы съ этимъ, скупщикамъ разрѣшалось въ любое время производить обыскъ въ домахъ рабочихъ, и за сопротивленіе этому рабочій подвергался наказанію въ 20 ф. ст. Такимъ образомъ, общее право не допускать въ свой домъ постороннихъ лицъ отмѣнялось въ интересахъ предпринимателей. Организаціи рабочихъ запрещались. Такъ, законъ 1725 г. признаетъ всѣ постановленія, объявленія и союзы шерсто-ткачей, валяльщиковъ и чулочниковъ, имѣющіе цѣлью измѣненіе заработной платы и другихъ условій труда, ничтожными и незаконными. За основаніе такихъ clubs, участіе въ нихъ, содѣйствіе имъ или выполненіе ихъ постановленій

законъ грозитъ рабочимъ всѣхъ отраслей шерстяной промышленности тремя годами hard labour. За уничтоженіе шерстяныхъ тканей, матеріаловъ или инструментовъ установлена смертная казнь, а за насилія или угрозы въ отношеніи лицъ, отказывающихся подчиняться требованіямъ союза, ссылка на семь лѣтъ.

Регламентаціи подвергаются и другія обстоятельства: размѣръ заработной платы, причемъ запрещается давать какъ больше, такъ и меньше установленнаго мировыми судьями размѣра (въ другихъ отрасляхъ производства наказаніе установлено только на случай выдачи или полученія болѣе высокой платы). Установленъ, далѣе, надзоръ за качествомъ тканей; контролеры должны провѣрять длину и ширину матерій и ихъ вѣсъ и налагать пломбы. Общій надзоръ за этимъ и назначеніе контролеровъ находилось и въ этомъ случаѣ въ рукахъ мировыхъ судей. Между тѣмъ послѣдніе состояли преимущественно изъ скупщиковъ-капиталистовъ; нетрудно понять, какое вліяніе это должно было оказать и на устанавливаемую ими заработную плату и на характеръ контроля качества продукта. Во многихъ случаяхъ дѣло происходило еще проще: клейма находились въ рукахъ самихъ предпринимателей [1]).

Изъ другихъ отраслей текстильной индустріи льняная промышленность Силезіи работала для всей Европы (также въ кустарной формѣ), имѣло значеніе и производство льняныхъ тканей въ Шотландіи. Напротивъ, хлопчатобумажное производство было вообще сравнительно мало развито. Въ средніе вѣка бумажныя ткани привозились преимущественно съ Востока (Малой Азіи); смѣшанныя со льномъ ткани (бархентъ) отчасти изготовлялись въ XIV—XV ст. въ Ульмѣ и нѣкоторыхъ другихъ южно-германскихъ городахъ. Въ послѣдующія столѣтія онѣ стали производиться и въ Нидерландахъ и еще болѣе въ XVIII ст. (кустарное производство) въ Эльзасѣ, Саксоніи и Швейцаріи (кантонъ Санктъ-Галленъ). Въ Англію это производство было занесено изъ Нидерландовъ еще въ XVI ст., но до 1760-хъ годовъ не имѣло никакого значенія. Въ отличіе отъ производимыхъ въ Европѣ полу-бумажныхъ тканей, изъ Индіи привозились чисто-бумажныя набитыя матеріи, indiennes или calicoes (отъ г. Каликутъ). Благодаря ихъ дешевизнѣ, яркости красокъ и узоровъ, они быстро распространились какъ въ Англіи, такъ и во Франціи и другихъ странахъ: изъ нихъ изготовлялись дамскія платья, занавѣси, они служили для обивки мебели, комнатъ, составляя опасную конкурренцію для шерстяной промышленности. Вслѣдствіе этого и подъ вліяніемъ волненій среди рабочихъ шерстяной промышленности (въ Лондонѣ они въ 1680 г., повидимому, не безъ участія землевладѣльцевъ, разводившихъ овецъ, разгромили домъ Остъ-Индской компаніи, привозившей эти ткани изъ Индіи), повсюду издаются запрещенія носить привозимыя изъ Остъ-Индіи, Персіи и Китая бумажныя набивныя ткани—во Франціи они запрещены въ 1686 г., въ Англіи въ 1700 г., запрещены въ Пруссіи, въ Испаніи. Но одновременно съ привозными тканями (toiles peintes) и въ подражаніе имъ возникло въ Европѣ и собственное производство набивки какъ полубумажныхъ, такъ и привозимыхъ изъ Индіи

[1]) См. соч. Cunningham,-James, Clapham, Ashley (Early History etc.), Lohmann, Dechesne, Mantoux, Held, Pirenne (и статью послѣдняго въ Bulletin de l'Academie royale de Belgique).

бѣлыхъ бумажныхъ тканей (ихъ привозъ былъ дозволенъ), и эти европейскія набивныя или печатанныя матеріи (toiles imprimées) стали распространяться среди населенія, которое подражало аристократіи, но не могло себѣ позволить покупки настоящихъ привозныхъ тканей. Въ виду этого, и набивка бумажныхъ и полубумажныхъ тканей была запрещена во Франціи тѣмъ же декретомъ 1686 г., который запретилъ привозъ ихъ изъ Индіи, всѣ набивныя мастерскія объявлены закрытыми, ношеніе этихъ тканей никому не дозволялось. Въ 1720 г. послѣдовало въ Англіи такое же запрещеніе ношенія изготовленныхъ въ странѣ набивныхъ тканей (производство ихъ расширилось послѣ запрещенія въ 1700 г. привоза изъ Остъиндіи); они могли выдѣлываться лишь для вывоза. Послѣ этого начинается продолжительный періодъ борьбы во всѣхъ странахъ (Англіи, Франціи, Пруссіи и т. д.) съ контрабанднымъ привозомъ бумажныхъ набивныхъ тканей изъ Индіи и съ ношеніемъ какъ этихъ тканей, такъ и бумажныхъ издѣлій мѣстнаго производства. Контрабандистовъ, провозящихъ эти ткани, колесуютъ и вѣшаютъ во Франціи въ большомъ количествѣ, на дамъ, носящихъ на улицѣ платья изъ набивныхъ тканей, устраиваются цѣлыя облавы, съ нихъ срываютъ одежду и подвергаютъ ихъ оскорбленіямъ, производятъ обыски въ домахъ, забирая набивныя матеріи для мебели, одежды и т. д. И все же ношеніе ихъ повидимому не сокращается; частью это объясняется тѣмъ, что либо производство такихъ тканей было дозволено (въ Англіи), либо разрѣшался привозъ извѣстнаго количества ихъ для вывоза въ другія страны (во Франціи), а услѣдить за тѣмъ, куда дальше направлялись привезенныя или произведенныя ткани, было чрезвычайно трудно. Частью это вызывалось широкимъ распространеніемъ набивного производства въ Швейцаріи и въ различныхъ нѣмецкихъ государствахъ, которыя получили эту новую отрасль промышленности, благодаря переселившимся изъ Франціи гугенотамъ и стали поощрять ее; производимыя тамъ ткани, вслѣдствіе широко развитой контрабанды, не только попадали въ другія страны, но и открыто продавались контрабандистами въ пограничныхъ мѣстностяхъ Франціи. Несмотря на всѣ жестокости, дамы открыто носили „индусскія и персидскія знаки“ и въ одномъ изъ ордонансовъ говорится: тѣ дамы города Калэ, которыя носятъ такія одежды—я разумѣю всѣхъ дамъ и дѣвицъ этого города, ибо всѣ онѣ одѣты въ набивныя ткани. Въ результатѣ французы, увидѣвъ безплодность сотни изданныхъ ордонансовъ, поняли, что запрещеніемъ у себя набивного производства они содѣйствовали лишь развитію его (черезъ французскихъ эмигрантовъ) въ другихъ мѣстахъ. Послѣ продолжительной борьбы изъ-за свободы производства, привоза и ношенія набивныхъ тканей, въ которой принимали участіе извѣстнѣйшіе ученые того времени—Форбонне, Гурне, аббатъ Морелле—запрещеніе въ 1759 г. было отмѣнено. Въ 1774 г. стѣсненія ношенія набивныхъ бумажныхъ тканей были уничтожены въ Англіи, еще раньше въ Пруссіи. Только съ этого времени успѣшно развивается хлопчатобумажная промышленность, но это уже была эпоха появленія машинъ въ Англіи [1]).

1) Dépitre La toile peinte en France au XVII et XVIII. siècles. 1912. Dépierre L'impression

Ту роль, которая въ области шелковой промышленности принадлежала въ средніе вѣка итальянскимъ городамъ, съ начала XVII ст. присвоилъ себѣ Ліонъ съ его широко развитымъ производствомъ шелковыхъ, бархатныхъ и т. п. тканей; и здѣсь мы находимъ кустарное производство; мануфактуръ тамъ никогда не было. Впрочемъ, и другія страны старались теперь пересадить къ себѣ шелковую промышленность и уже въ XVI ст. она появилась въ Антверпенѣ, Базелѣ и Цюрихѣ, а съ конца XVII ст. въ Амстердамѣ, Крефельдѣ и Берлинѣ, а также въ Швеціи и Россіи. Въ шелковой промышленности купецъ игралъ съ самаго начала главную роль въ предпріятіи. Правда, съ XIII до XVIII вѣка производство имѣло цеховую организацію, но количество самостоятельныхъ мастеровъ, производившихъ на собственный счетъ, никогда не было значительно и они повсюду отступали на второй планъ. Вездѣ мы находимъ скупщиковъ-предпринимателей, съ одной стороны, и мастеровъ-рабочихъ, съ другой стороны. Изъ анкеты, произведенной въ Базелѣ въ 1599 г., мы можемъ, напр., установить, что среди 173 человѣкъ, работавшихъ въ шелковой промышленности, имѣлось всего 10—12 ремесленниковъ, которые не работали на другихъ лицъ и сами не заказывали никому товаровъ [1]).

Изъ Фландріи и Брабанта, съ одной стороны, изъ Венеціи, съ другой стороны, распространяется производство кружевъ, которое ранѣе практиковалось лишь монахинями, да королевами-любительницами, какъ, напр., Екатериной Медичи, Маріей Стюартъ. Кольберъ сталъ насаждать во Франціи производство кружевъ, главнымъ образомъ, въ кустарной формѣ; центромъ его являлся Алансонъ, гдѣ возникли новые стили. Прежнія запрещенія ношенія кружевъ не только были отмѣнены, но и уступили мѣсто обязательному ношенію ихъ при дворѣ. Гугенотами алансонскія кружева были занесены въ Германію, въ особ. же въ Богемію; на богемскихъ кружевахъ ярко отразилось вліяніе брабантскаго стиля. Ношеніе кружевъ—какъ мы видѣли выше (стр. 244)—стало широко распространяться; лишь французская революція, внеся серьезное направленіе и въ сферу одежды, уничтоживъ придворную жизнь, нанесла серьезный ударъ кружевному промыслу [2]).

Благодаря гугенотамъ, распространяются и новые виды дубленія кожъ, появляются замшевыя кожи, глазированныя (лайковыя) кожи. Ихъ выдѣлка находится въ тѣсной связи съ производствомъ перчатокъ, которыя со времени Людовика XIV во Франціи становятся для придворныхъ круговъ, а затѣмъ и для прочихъ состоятельныхъ слоевъ необходимымъ предметомъ одѣянія. Производство глазированной кожи и перчатокъ, какъ и обычай

des tissus, specialement l'impression à la main, à travers les âges. 1910. Kaeppelin. La compagnie des Indes Orientales. 1908. Baines. History of the Coton Manufacture. 1835. Geering. Entstehung des Zeugdrucks im Abendlande (Vierteijahrschr. für Sozial- und Wirtschaftsgesch B. I), а также Cunningham, Held, Mantoux.

[1]) Geering. Handel und Industrie der Stadt Basel. p. 454 и сл. См. также Godart. L'ouvrier en soie. 1899. Schmoller. Die preuss. Seidenindustrie im XVII Jahrh. Umrisse und Untersuchungen). Hintze. Die preuss. Seidenindustrie.

[2]) Carlier. La Belgique dentellière. 1898. Dreger. Entwicklungsgeschichte der Spitze. 1901. Finck. Barbara Ullmann, die Begründerin der Spitzenindustrie im Erzgebirge. 1886.

пошенія послѣднихъ, распространился черезъ гугенотовъ въ Англіи, Германіи, Австріи [1]).

Производство зеркалъ составляло до половины XVII ст. монополію Венеціи; несмотря на неоднократныя попытки, дѣлавшіяся во Франціи, ей не удалось узнать секрета зеркальнаго производства, ибо Венеція грозила смертью за разглашеніе секрета и принимала самыя рѣшительныя мѣры къ предупрежденію переселенія рабочихъ зеркальной промышленности въ другія страны. Лишь Кольберу удалось черезъ довѣренныхъ лицъ устроить побѣгъ во Францію нѣсколькихъ венеціанскихъ рабочихъ (они бѣжали ночью на баркѣ, охраняемой вооруженными людьми); съ ними былъ заключенъ договоръ на 4 года, въ теченіе которыхъ они обязаны были за высокую плату работать на устроенной теперь королевской зеркальной мануфактурѣ. Желая всячески привязать венеціанцевъ къ ихъ новой родинѣ, Кольберъ пытался холостыхъ женить на француженкахъ, предлагая каждому изъ нихъ 25.000 экю въ качествѣ приданаго, семейнымъ же старался привезти и женъ ихъ во Францію, чтобы они не мечтали о возвращеніи; хотя венеціанское правительство стало слѣдить за женами бѣглецовъ и взяло съ нихъ обязательство не уѣзжать изъ города, но имъ все же удалось бѣжать. Послѣ этого, и увидѣвъ безуспѣшность всѣхъ мѣръ, принятыхъ къ тому, чтобы „scelerati vitrieri“ (преступные стекольщики) вернулись, венеціанское правительство прибѣгло къ инымъ средствамъ; послѣ кратковременной болѣзни рабочіе стали умирать и вскрытіе, произведенное по распоряженію Кольбера, выяснило, что они были отравлены. Это обстоятельство заставило и остальныхъ рабочихъ покинуть Францію, получивъ изъ Венеціи прощеніе, и владѣльцы королевской мануфактуры ихъ не удерживали, ибо венеціанцы держали себя въ Парижѣ вызывающе, не терпѣли противорѣчія; во время болѣзни кого-либо изъ нихъ всѣ остальные прекращали работу, такъ что производство останавливалось; они требовали каждый разъ увеличенія платы, грозя въ противномъ случаѣ отъѣздомъ. Секретъ же производства французы за это время успѣли узнать и могли теперь обойтись безъ венеціанцевъ; королевская мануфактура, которой была предоставлена привилегія производства зеркалъ, особенно зеркалъ большихъ размѣровъ, могла удовлетворить теперь весь спросъ на зеркала внутри страны. Больше всего она работала для двора; зеркалами наполнялись королевскіе дворцы — Версальскій, Фонтенебло, Лувръ и другіе. Кольберъ вскорѣ совершенно закрылъ французскій рынокъ для венеціанскихъ зеркалъ, производство которыхъ въ Венеціи (какъ и кружевъ, по той же причинѣ)—какъ ему сообщалось изъ Венеціи—стало значительно сокращаться. Теперь нѣмцы, англичане, испанцы старались въ свою очередь узнать у французовъ—какъ прежде французы у венеціанцевъ—технику производства зеркалъ, ибо французы внесли рядъ новыхъ улучшеній, открыли новые способы производства, примѣняли новые аппараты; французы же старались сохранить тайну производства. За побѣги рабочихъ съ цѣлью перейти на зеркальныя мануфактуры, основанныя въ

[1]) Ebert. Die Entwicklung der Weissgerberei. 1913. p. 124. 200. 245—46. 348—49. и сл. Wiedfeldt. Statist. Studien zur Gesch. der Berliner Industrie. 1898. p. 364—65.

другихъ странахъ, или для основанія зеркальнаго производства за границей, они, какъ и переманивавшія ихъ лица, заключались въ тюрьму; съ этой цѣлью перехватывались ихъ письма, они подвергались строгому надзору и нерѣдко въ моментъ отъѣзда попадали въ руки полиціи[1]).

Наконецъ, производство металлическихъ издѣлій, составлявшее ранѣе монополію Нюрнберга и Милана, сосредоточилось въ прирейнскихъ мѣстностяхъ, особенно въ Золингенѣ и Рула, гдѣ развивался ножевой промыселъ, выдѣлка косъ, изготовленіе холоднаго оружія, въ различныхъ мѣстностяхъ Бельгіи и въ англійскихъ городахъ Бирмингемѣ и Шеффильдѣ; послѣдніе были извѣстны своимъ гвоздарнымъ, замочно-слесарнымъ и кузнечнымъ промысломъ, изготовленіемъ всевозможныхъ мелкихъ металлическихъ издѣлій, отчасти на мануфактурахъ, — отсюда Адамъ Смитъ взялъ свой извѣстный примѣръ относительно раздѣленія труда на булавочной мануфактурѣ.

Промышленными странами въ XVII — XVIII ст. становятся Франція, Англія, Нидерланды. Напротивъ, итальянскіе города, имѣвшіе столь крупное промышленное значеніе въ средніе вѣка, съ потерей своей фактической монополіи въ различныхъ отрасляхъ промышленности (суконной, шелковой, стекольной, зеркальной и др.), ибо послѣднія появляются теперь и въ другихъ странахъ, обнаруживаютъ упадокъ въ промышленномъ отношеніи. Точно также и южная Германія теряетъ свое прежнее значеніе въ области промышленности. Вообще Германія въ XVII — XVIII ст. имѣла, мало развитую промышленность, и поэтому вынуждена была уплачивать Франціи ежегодно не менѣе $^1/_{10}$ своего дохода, по Лейбницу, и около 4 милл. тал., по Бехеру; въ XVIII ст. уходило во Францію 18 милл. мар. ежегодно, въ концѣ вѣка даже до 32 милл. мар. „Поѣдемъ въ Бременъ — говоритъ Юстусъ Мезеръ—поможемъ тамошнимъ купцамъ нагружать песокъ въ качествѣ баласта въ корабли, посмотримъ затѣмъ у французовъ въ Нантѣ горы песку, которыя вываливаютъ тамъ бременцы и которыя извѣстны подъ названіемъ „les produits de l'Allemagne". Бехеръ насмѣхается надъ нѣмцами, по мнѣнію которыхъ французскія ножницы лучше нѣмецкихъ рѣжутъ волосы, французскіе парики лучше украшаютъ голову, чѣмъ нѣмецкіе волосы; „нѣмецкія деньги—говоритъ онъ—можно очевидно проигрывать лишь французскими картами и класть только во французскіе кошельки". Тонкое сукно нѣмцамъ доставляли Франція и Голландія еще въ концѣ XVII ст.; ни одинъ нѣмецъ, въ особ. въ сѣверной Германіи „не могъ написать письма, не купивъ предварительно у голландцевъ листа бумаги".

Какой славой пользовалась нѣмецкая промышленность еще въ концѣ XVIII ст., объ этомъ можно судить изъ разсказовъ Кампе объ его путешествіи въ Парижъ въ 1789 г. Когда онъ подалъ одной маркизѣ обыкновенную лакированную табакерку, она спросила его: неужели это сдѣлано въ Германіи; получивъ утвердительный отвѣтъ, она была сильно поражена этимъ и съ удивленіемъ нѣсколько разъ воскликнула: „et cela se fait en Allemagne, какъ если бы мы, увидѣвъ такую вещь въ рукахъ самоѣда, заявили—и такія вещи выдѣлываютъ самоѣды!". Въ другомъ случаѣ, когда одинъ весьма почтенный

---

[1]) Frémy. Histoire de la manufacture royale des glaces en France au XVII et au XVIII siècles. 1909.

парижанинъ, членъ многихъ академій, засталъ его въ хорошемъ визитномъ костюмѣ, онъ съ удивленіемъ произнесъ: неужели такъ одѣваются и въ Германіи? и не хотѣлъ вѣрить тому, что тамъ, „dans le fond du Nord“, одѣваются такъ же, какъ во Франціи. Характерно и то, что при заявленіи секретаря Національнаго Собранія въ Версали о поступившихъ вещахъ и бумагахъ, что получена книга о мореплаваніи, составленная — нѣмцемъ. все собраніе разражается хохотомъ, усматривая въ этомъ нѣчто невѣроятное.

ГЛАВА VI.

Положеніе рабочихъ.

Характерную черту и въ кустарномъ производствѣ и на мануфактурахъ составляетъ полная зависимость рабочихъ отъ предпринимателей и стремленіе со стороны государства усилить эту зависимость; точно также государство старается всецѣло подчинить подмастерьевъ цеховымъ мастерамъ и уничтожить союзы и организаціи подмастерьевъ. Подобно тому, какъ городъ всецѣло отдавалъ подмастерьевъ во власть цеховымъ мастерамъ, государство смотритъ на рабочихъ, какъ на лицъ, подчиненныхъ предпринимателямъ. Рабочіе прикрѣплялись къ помѣщичьимъ мануфактурамъ, гдѣ работа составляла особую форму барщины, какъ это было, напр., въ Австріи. Но они были прикрѣплены нерѣдко и къ городскимъ привилегированнымъ мануфактурамъ, какъ, напр., въ извѣстной суконной мануфактурѣ Van Robais во Франціи, къ королевской зеркальной мануфактурѣ и др. [1]). Предприниматели пользовались въ отношеніи своихъ рабочихъ, напр., въ Пруссіи, особой юрисдикціей (iurisdictio domestica)—полная аналогія тому, что мы находимъ въ Россіи въ XVII—XVIII ст.; рабочіе шотландскихъ рудниковъ и соляныхъ копей до конца XVIII ст. даже продавались вмѣстѣ съ копями и носили знакъ съ подписью владѣльца. Закрѣпощеніе же кустарей, о которомъ уже была рѣчь выше (стр. 305 и сл.), выражалось въ томъ, что—согласно кустарнымъ регламентамъ—кустари не могли вступать въ корпорацію скупщиковъ, не могли самостоятельно сбывать своихъ произведеній на рынкѣ, не могли продавать ихъ ни отдѣльнымъ купцамъ, ни какимъ-либо корпораціямъ скупщиковъ, кромѣ одной опредѣленной для данной мѣстности компаніи.

Останавливаясь на другихъ моментахъ, въ которыхъ выражалось положеніе рабочихъ въ разсматриваемую эпоху, мы можемъ усмотрѣть изъ регламентовъ этого періода, что и заработная плата и продолжительность рабочаго времени, притомъ какъ рабочихъ на мануфактурахъ, такъ и кустарей и подмастерьевъ и сельскихъ батраковъ въ равной мѣрѣ регулировались государствомъ; опредѣлялась максимальная плата, выше которой рабочій не вправѣ требовать, а хозяинъ давать, подъ страхомъ наказанія. Закономъ Елисаветы 1563 г. предписывалось мировымъ судьямъ въ деревняхъ и магистратамъ въ городахъ ежегодно, спустя шесть недѣль послѣ Пасхи, „устанавливать и ограничивать“ заработную плату батраковъ, рабо-

[1]) Max Adler. p. 90. Levasseur. II. 803. Молчановскій. стр. 156 и сл. Mantoux. p. 54. Frémy, ук. соч).

чихъ и ремесленниковъ, причемъ законъ грозилъ 10 днями тюремнаго заключенія и 3 фун. ст. штрафа всякому предпринимателю, дающему выше установленной мировыми судьями платы и 21 днемъ заключенія всякому рабочему, берущему больше установленной платы. За плату же, ниже опредѣленной судьями, наказанія не полагалось. Опредѣлялся далѣе минимальный рабочій день, менѣе котораго запрещается работать, устанавливались максимальныя таксы для различнаго рода промышленныхъ издѣлій, продаваемыхъ цехами.

Насколько можно судить на основаніи имѣющихся по этому вопросу данныхъ, въ эту эпоху сильнаго вздорожанія съѣстныхъ припасовъ денежная плата повысилась весьма мало, почему реальная плата значительно упала. По Роджерсу, то количество хлѣба, которое англійскому ремесленнику необходимо было на пропитаніе въ теченіе года, онъ вырабатывалъ въ 1495 г. въ 10 недѣль, въ 1533 г. въ 14—15 недѣль, въ 1564 г. въ 20 недѣль, въ 1593 г. въ 40 недѣль, въ 1610 и 1653 г. въ 43 недѣли, въ 1684 г. въ 48 недѣль; а въ 1725 г. всего его годичнаго заработка не хватало на пріобрѣтеніе одного лишь необходимаго ему на годъ количества хлѣба.

Рабочій день продолжался въ XVII—XVIII ст. 14 и болѣе часовъ. Какъ видно изъ одной англійской брошюры, вышедшей въ 1747 г., въ 100 предпріятіяхъ Лондона изъ 118, о которыхъ въ ней сообщаются свѣдѣнія, работали съ 6 час. утра до 8—9 час. веч. или 14—15 час. въ сутки [1]). Французскіе ремесленники нерѣдко работали еще дольше [2]). При этомъ, какъ у ремесленниковъ, такъ и на мануфактурахъ, въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, или „когда нужно закончить начатую работу", работа происходила и ночью и даже въ праздничные дни. Женщины работали въ большомъ количествѣ не только въ кустарной промышленности, гдѣ роль ихъ была весьма велика, но и на мануфактурахъ—число ихъ нерѣдко было значительно больше количества мужчинъ-рабочихъ [3]). При этомъ характерно, что (напр. въ Нидерландахъ въ XVIII в.) женщины работали даже въ тѣхъ отрасляхъ производства (солеварное, изготовленіе бумаги, обжиганіе кирпичей), гдѣ трудъ былъ тяжелъ и вреденъ для здоровья [4]).

Широко примѣнялся трудъ малолѣтнихъ, нерѣдко съ 5—7-лѣтняго возраста, причемъ лучшіе люди, наиболѣе ревностные филантропы того времени всячески содѣйствовали распространенію дѣтскаго труда въ кустарномъ производствѣ, ибо это пріучаетъ дѣтей къ труду и облегчаетъ родителямъ заботу о хлѣбѣ насущномъ. „Какой наивной радостью преисполнялись люди XVIII вѣка, когда имъ удавалось доставлять дѣтямъ полезную работу въ возможно раннемъ возрастѣ: конгрессъ, засѣдавшій въ Раштадтѣ въ 1714 г. по поводу заключенія мира, рѣшилъ устроить прядильню для бѣдныхъ дѣтей—она должна была наилучшимъ образомъ увѣковѣчить дѣятельность конгресса" [5]). Извѣстный камералистъ XVIII ст. Юсти находитъ,

1) Цит. у Webb. Labour in the longest reign. 1897. (Есть рус. пер.).
2) См. Levasseur. II. p. 117. 385. 795—96.
3) Hauser. Les ouvriers du temps passé. p. 78. 80. 83—85.
4) Pringsheim. p. 54—55. Julin. Grandes fabriques en Belgique. p. 47—48.
5) Gothein. p. 728. 742.

что дѣтей слѣдуетъ пріучать къ труду съ ранняго возраста, что „имѣются сотни всевозможныхъ видовъ труда, для которыхъ дѣти пригодны уже съ 5—6 лѣтняго возраста; въ этомъ случаѣ трудъ какъ бы становится второй ихъ природой, и бездѣлье имъ совершенно неизвѣстно“. Онъ указываетъ на то, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ торговля и промышленность развиваются, какъ въ Англіи и Голландіи, дѣти работаютъ съ 4—6 лѣтъ, тогда какъ въ другихъ государствахъ, гдѣ нѣтъ склонности къ полезному труду, они занимаются играми и бездѣліемъ. Марія-Терезія также признавала чрезвычайно важнымъ пользованіе „празднымъ и дешевымъ трудомъ женщинъ, дѣтей и стариковъ въ области промышленности“. Поэтому школа должна быть въ то же время и мастерской, гдѣ дѣти обучаются пряденью, вязанью, ткачеству. Многіе родители не въ состояніи посылать дѣтей въ школу, такъ какъ не могутъ обойтись безъ ихъ помощи въ хозяйствѣ; но положеніе совершенно измѣняется, если тѣ же дѣти приносятъ изъ школы заработанныя ими промышленнымъ трудомъ деньги. Пользованіе дѣтскимъ трудомъ не должно, однако, начинаться слишкомъ поздно, ибо мальчикъ или дѣвочка, начинающіе работать съ 14 лѣтъ, не произведутъ и половины того, что двое другихъ дѣтей равныхъ способностей и силы, но начавшіе работать уже съ 6 лѣтъ. Фридрихъ Вел., Кольберъ весьма покровительствуютъ дѣтскому труду; предприниматели, домогающіеся привилегій и ссудъ у правительства, указывая на огромную пользу для населенія новой отрасли промышленности, подчеркиваютъ, что она будетъ доставлять пропитаніе даже шестилѣтнимъ дѣтямъ.

Дѣйствительность соотвѣтствовала этимъ пожеланіямъ: Марксъ сильно ошибался, утверждая, что примѣненіе дѣтскаго труда до появленія машинъ составляло явленіе исключительное. Въ Англіи въ пол. XVIII ст., когда машинъ еще не было, въ хлопчатобумажной промышленности, въ шелковой промышленности, въ производствѣ парусовъ, въ бирмингемскомъ промыслѣ металлическихъ издѣлій—какъ указываетъ Гельдъ—работали дѣти 5—7-лѣтняго возраста, какъ только они становились сколько-нибудь пригодными для этого [1]).

Изобрѣтатель прядильной машины Джорджъ Кромптонъ слѣдующимъ образомъ описываетъ свое дѣтство. „Едва я сталъ ходить, какъ меня заставили работать въ бумаго-ткацкомъ производствѣ. Пряжу моя мать клала въ глубокую лохань, куда вливалась мыльная вода, затѣмъ она загибала мнѣ платье и ставила меня въ лохань, чтобы я отбивалъ ногами пряжу. Воду она каждый разъ прибавляла, послѣ чего я вновь приступалъ къ работѣ. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока лохань не наполнялась настолько водой, что я уже не въ состояніи былъ стоять въ ней. Тогда мать придвигала къ ней стулъ, за спинку котораго я держался“ [2]).

Въ Англіи путешественники, какъ напр., Дефоэ, восхищаются развитіемъ промышленности въ различныхъ мѣстностяхъ съ широкимъ примѣненіемъ дѣтскаго труда; приходы раздаютъ дѣтей—сиротъ кустарямъ на работу, какъ впослѣдствіи фабрикантамъ [3]). И такое приложеніе дѣтскаго

[1]) Held. Zwei Bücher zur socialen Geschichte Englands. p. 557—58. 561—2. 592. Cp. Mantoux. p. 428.

[2]) French. Life of Crompton. p. 43.

[3]) См. Тойнби, стр. 53. Mantoux. p. 429.

труда встрѣчаетъ въ современникахъ полное сочувствіе и удовлетвореніе на промышленниковъ же, получающихъ не только даровую рабочую силу, но еще и денежную плату за „обученіе", смотрятъ какъ на благодѣтелей и филантроповъ [1]). „Округъ или промышленность, гдѣ почти всякій уже съ пяти лѣтъ можетъ приложить свой трудъ и фактически прилагаетъ его въ цѣляхъ самому заработать необходимыя средства для существованія, считается чуть ли не идеальнымъ состояніемъ общества" [2]). И въ Германіи и Австріи правительство выдаетъ преміи владѣльцамъ мануфактуръ „за каждаго мальчика и каждую дѣвочку, работающую на мануфактурѣ" [3]). При каждой почти мануфактурѣ, кромѣ помѣщеній для взрослыхъ рабочихъ, находимъ въ Австріи особыя помѣщенія для дѣтей, работающихъ на мануфактурѣ, подъ названіемъ „Kinderhaus". Такъ какъ родители во многихъ случаяхъ не желали отпускать своихъ дѣтей на мануфактуры, гдѣ они были совершенно оторваны отъ родителей, то правительство велѣло мѣстнымъ властямъ брать дѣтей и доставлять ихъ владѣльцамъ мануфактуръ. Но „любящія свободу дѣти" всячески старалась уйти съ мануфактуры; поэтому велѣно магистратамъ оказывать владѣльцамъ мануфактуръ содѣйствіе въ задержаніи такихъ дѣтей и отправленіи ихъ обратно на мануфактуру. При этомъ, какъ мы можемъ усмотрѣть изъ правительственнаго распоряженія 1786 г., когда въ Австріи о машинахъ еще и помину не было, дѣти работали на мануфактурахъ отъ 5—6 час. утра до 7 час. вечера, т. е. 13—14 часовъ въ день, иногда даже 16 час. Принимались дѣти даже моложе 9 лѣтъ. Въ одной кровати спало 4—5 дѣтей вмѣстѣ [4]). Кромѣ того съ работными домами и тюрьмами, гдѣ устраивались мануфактуры, соединены были сиротскіе пріюты, питомцы которыхъ также работали (см. выше, стр. 160), а иногда правительство и самостоятельно устраивало мануфактуры въ сиротскихъ домахъ, чтобы дѣти не сидѣли безъ дѣла.

Отсюда уже, изъ кустарной мастерской и мануфактуры, примѣненіе дѣтскаго труда, какъ и продолжительный рабочій день и многое другое, перешло на фабрику; фабричное производство не создало впервые этого зла.

Всѣ эти мѣры—стремленіе къ пониженію заработной платы, къ удлиненію рабочаго дня, къ распространенію дешеваго труда женщинъ и малолѣтнихъ вызывались однимъ и тѣмъ же соображеніемъ: сократить издержки производства для того, чтобы промышленныя издѣлія могли конкурировать съ иностранными товарами. О томъ, что отъ всего этого страдали интересы рабочаго класса, что сокращеніе заработной платы вело къ ухудшенію и безъ того грустнаго положенія рабочихъ, о томъ, что работа дѣтей въ раннемъ возрастѣ отражалась вредно на физическомъ и умственномъ развитіи подрастающаго поколѣнія,—объ этомъ въ тѣ времена думали также мало, какъ объ отсутствіи чистой питьевой воды, мостовой и освѣщенія

[1]) Швиттау. Квалифицированный трудъ. Ч. I. Проблема дѣтскаго труда. 1915. Стр. 170 и сл. 220.

[2]) Hutchins-Harrison. History of Factory Legislation. 1907. p. 4. Швиттау, стр. 220.

[3]) Beer. Geschichte der oesterr. Volkswirtschaft. I. p. 107. 117.

[4]) См. Mises. Zur Gesch. der oesterreichischen Fabrikgesetzgebung. Zeitschr. für Volkswirtschaft etc. 1905.

улицъ въ городахъ, какъ о томъ, что нечистоты, сваливавшіяся на улицахъ и площадяхъ, являлись разсадниками эпидеміи чумы и тифа (см. выше, стр. 233—34) [1]). Писала же Марія-Терезія, по поводу установленія государствомъ платы для прядильщиковъ, слѣдующее. „Я вполнѣ одобряю прекрасное намѣреніе торговой палаты понизить заработную плату на нѣкоторыхъ мануфактурахъ для того, чтобы этимъ путемъ удешевить товары; хотя въ Вѣнѣ въ настоящее время трудно будетъ провести эту мѣру, въ виду усиливающейся дороговизны средствъ продовольствія, въ особенности послѣ того, какъ рабочіе получали въ теченіе продолжительнаго времени высокую плату“ [2]). Для того, чтобы мануфактуры (т. е. промышленность) процвѣтали—читаемъ въ „Memoire sur les manufactures de Lyon“—необходимо, чтобы рабочій всегда имѣлъ лишь столько, сколько ему нужно на пропитаніе и одежду, но никогда не болѣе этого. Слишкомъ хорошее матеріальное положеніе усыпляетъ дѣятельность, развиваетъ бездѣліе и другіе связанные съ нимъ пороки... Предприниматели никогда не должны забывать, что низкая заработная плата не только выгодна сама по себѣ, но и потому, что при низкой платѣ рабочій болѣе трудолюбивъ, болѣе скроменъ, болѣе покоренъ“ [3]).

Таковъ былъ господствующій взглядъ эпохи, таково было отношеніе къ рабочему классу не только предпринимателей, но и правительства. Таково было и отношеніе большинства писателей этой эпохи. Они настаиваютъ не на низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ ради пониженія заработной платы, какъ это иногда утверждаютъ, а наоборотъ, на высокихъ хлѣбныхъ цѣнахъ, ибо послѣднія заставляютъ людей больше работать для собственнаго пропитанія, слѣдовательно, усиливаютъ предложеніе и этымъ вызываютъ уменьшеніе заработной платы.

Такъ Уилльямъ Петти (Political Arithmetic. 1631) находитъ, что удлиненіе рабочаго дня, сокращеніе промежутковъ для отдыха во время работы, повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ и вообще затрудненіе добыванія средствъ пропитанія для населенія необходимо въ интересахъ экономическаго прогресса страны. Уилльямъ Темпль (Essai on the Trade of Ireland. 1673) указываетъ на желательность введенія налога на хлѣбъ въ Ирландіи: при дешевизнѣ средствъ пропитанія промышленность не можетъ процвѣтать, ибо благодаря этой дешевизнѣ, предложеніе труда уменьшается, и, слѣдовательно, возростаетъ заработная плата, что очевидно невыгодно для промышленности. Оба они, и Петти и Темпль ссылаются на голландскихъ писателей, въ особенности на Жана де-Витта, настаивающаго на необходимости пониженія заработной платы государствомъ. Точно также и Джонъ Гаугтонъ (Improvement of Husbandry and Trade. 1683) является сторонникомъ высокихъ хлѣбныхъ цѣнъ, такъ какъ онѣ вызываютъ пониженіе заработной платы и дѣлаютъ рабочихъ покорными слугами предпринимателей. Анонимный авторъ сочиненія „Considerations on Taxes“ (1765 г.) высказывается за повышеніе цѣнъ на съѣстные припасы мѣрами правительства и притомъ настолько, чтобы шестидневный трудъ доставлялъ рабочему не болѣе того, что безусловно необходимо для поддержанія жизни. Далѣе, онъ требуетъ установленія максимальной заработной платы, выше которой никто не вправѣ платить, и минимальнаго рабочаго дня въ 14 часовъ,

[1]) Лишь съ начала XIX ст. признается необходимымъ и обученіе грамотѣ, между тѣмъ впослѣдствіи необходимость посѣщенія школы является одной изъ главныхъ причинъ запрещенія и ограниченія труда малолѣтнихъ.

[2]) Beer. I. p. 38.

[3]) Godart. p. 266—67.

который ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть уменьшенъ. Наконецъ, и Артуръ Юнгъ въ различныхъ своихъ сочиненіяхъ настаиваетъ на необходимости установленія правительствомъ высокихъ цѣнъ на хлѣбъ и низкой заработной платы въ интересахъ развитія англійской торговли и промышленности.

Результаты вполнѣ соотвѣтствовали этимъ пожеланіямъ. Бюджеты рабочихъ, насколько они имѣются, показываютъ, что даже при самыхъ скромныхъ потребностяхъ получался дефицитъ. Въ Вюртембергѣ во второй половинѣ XVIII вѣка минимальные расходы семьи, состоящей изъ мужа и жены, равнялись въ обычные годы 115—120 гульд. въ годъ, расходы же семьи изъ пяти членовъ составляли 190—200 гульд. въ годъ. Между тѣмъ годовой заработокъ ткача не превышалъ 75, 60 и даже 50 гульд., остальные члены семьи зарабатывали максимумъ 20—25 гульд., такъ что въ общемъ заработокъ не превышалъ 100 гульд., т. е. былъ вдвое меньше того, что нужно было для семьи. Можно себѣ представить, каково было соотношеніе между доходами и расходами въ годы дороговизны, когда расходы увеличивались, заработокъ же не возрасталъ [1]). Изъ другихъ данныхъ видно, что рабочіе находились въ состояніи, близкомъ къ полной нищетѣ, что имъ приходилось прибѣгать нерѣдко къ благотворительности и подаяніямъ. „Кто-то сказалъ—писалъ аббатъ Бертолонъ, котораго нельзя упрекнуть во враждебномъ отношеніи къ предпринимателямъ—что такихъ мануфактуръ, какъ въ Ліонѣ, нигдѣ невозможно устроить, ибо для этого нужно было бы отыскать людей, которые бы не ѣли и не спали, какъ въ Ліонѣ“ [2]). При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду частыхъ кризисовъ, перерывовъ въ работѣ; поэтому нерѣдко работали всего 180 дней въ году, половина станковъ стояла безъ работы [3]). „Уже въ XVI—XVII ст.—какъ справедливо указываетъ Ломанъ по поводу англійской суконной промышленности—всякое колебаніе рынка пагубно отражалось на положеніи низшихъ и среднихъ классовъ населенія на протяженіи многихъ графствъ Соединеннаго Королевства“, ибо, когда сбытъ товаровъ сокращался, скупщики прекращали свои заказы, опасаясь покупать много товаровъ на складъ. Въ такихъ случаяхъ возникали и волненія среди голодающихъ рабочихъ; они происходили, напр., въ Англіи въ 1520-хъ и 1560-хъ годахъ, еще болѣе въ XVII ст.; начавшійся въ 1629 г. кризисъ продолжался цѣлое десятилѣтіе [4]). Въ обычное же время противодѣйствія со стороны рабочихъ, бунты и волненія (всякіе союзы и стачки были строго воспрещены) составляли явленіе весьма рѣдкое; рабочіе до того свыклись со своей судьбой и до того лишены были энергіи, что носили терпѣливо свое ярмо и даже злоупотребленія, вродѣ расплаты товарами, удержанія заработаннаго и т. п., неспособны были вывести ихъ изъ этого состоянія.

---

1) Troeltsch. p. 235—37.
2) Godart. p. 20—26, 405—18.
3) См. Mantoux. p. 50 — 51. Toeltsch. p. 95—97. 113—17. 102—06. Geering. p. 622—623. Godart. p. 41—50. 206 и сл. Levasseur. II. p. 778.
4) Lohmann. Engl. Wollengew. p. 17 и сл. 37.

IV. ОБМѢНЪ.

(Торговля, деньги, кредитъ, пути и средства сообщенія).

Литература. По сравненію съ литературой средневѣковой торговли, литература для этой эпохи весьма бѣдна, въ особенности вопросы внутренняго характера (см. выше, стр. 142) самаго развитія торговли, а не только торговой политики и законодательства о торговлѣ, выяснены очень мало. Изъ современниковъ наиболѣе важенъ *Ад. Смитъ. Богатство народовъ* (есть рус. пер. Бибикова, хотя и устарѣлый); см. также указанныя въ отдѣлѣ о промышленности сочиненія (стр. 289); любопытны для исторіи торговли XVII—XVIII ст. и сочиненія различныхъ меркантилистовъ, особ. англійскихъ: *Петти, Чайльдъ, Цедлей Нортъ, Томасъ Мэнъ* и др., а также *Savary.* Le parfait négociant. 1673 и (сыновей его) Dictionnaire universel de commerce etc. 1723. Извлеченіе изъ него на русскомъ яз.: *Экстрактъ Саваріева Лексикона о Коммерціи,* по требованію Государственной Коммерцъ-Коллегіи съ французскаго на россійскій языкъ переведенный Сергѣемъ Волчковымъ. 1747.

Далѣе соотвѣтствующіе отдѣлы въ общихъ сочиненіяхъ по исторіи торговли: *Scherer. Allgemeine Geschichte des Welthandels.* II. 1853. *Lindsay. History of merchant shipping and of ancient commerce.* 1874—76. *Beer. Geschichte des Welthandels. III. Richard Mayr.* Lehrbuch *der Handelsgeschichte.* 4 Aufl. 1908. *Noël. Histoire du commerce du monde.* II. 1894. (Depuis les découvertes maritimes du XV s. jusqu'à la Révolution de 1789), а также *Н. И. Карѣева. Исторія Западной Европы въ новое время и его же Абсолютная монархія XVII—XVIII ст.* 1908. *Пфлугъ-Гартунгъ. Всемірная исторія отъ Вестфальскаго мира до паденія Наполеона.* 1911. *и Peschel. Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen.* 2 Aufl. 1877. Кратко: отд. Handelspolitik въ курсѣ *Schmoller'a* (Grundriss der allg. Volkswirtschaftslehre. B. II. 4. Buch). См. также *Sombart. Die Juden und das Wirtschaftsleben. 1910.* (есть рус. пер. 1912). *Lohmann. Die amtliche Handelsstatistik Englands und Frankreichs im XVIII Jahrh.* (Sitzungsberichte der Berliner Akademie der Wissensch. 1908. p. 859 и сл.).

Англія. Anderson. History of commerce. 1764, хотя и устарѣло, но много интересныхъ данныхъ; Leon *Levi. History of british commerce.* 2 éd. 1880.; многіе отдѣлы составлены поверхностно; *Hewins. English trade and finance chiefly in the XVII century.* 1891, очень цѣнно; *Schanz. Englische Handelspolitik gegen Ende des Mittelalters* mit bes. Berücksichtig. des Zeitalters der beiden ersten Tudors. B. I—II. 1881, даетъ много для XVI ст.; *Ashley. Introduction to English economic history and theory. T. II. Cunningham. Growth of English industry and commerce in modern times.* 3 éd. Много данныхъ у *Baines. History of the commerce and town of Liverpool.* 1852. Торговля съ Россіей: *Любименко. Исторія торговыхъ сношеній Россіи съ Англіей.* Вып. I.—XVI вѣкъ. 1912. *Остроуховъ. Англо-русскій торговый договоръ 1734 года.* 1914.

Германія (и Австрія). Falke. Geschichte des deutschen Handels. B. II. 1860. устарѣло, дополненіе къ нему: *Falke. Geschichte des deutschen Zollwesens.* 1869. *Schmoller. Studien über die wirtschaftliche Politik Friedrichs des Grossen* (интересный отдѣлъ о торговлѣ Пруссіи). Jahrbuch für Gesetzgebung etc. VIII. *Rachel. Handels-, Zoll-und Accisepolitik Brandenburg—Preussens bis 1713.* (Acta Borussica).

1912. См. также *Acta Borussica. Getreidehandelspolitik Preussens. B. II—III. Beer. Oesterreichische Handelspolitik unter Maria Theresia. Landau. Die Entwicklung des Warenhandels in Oesterreich. 1906;* оба излагаютъ исключительно торговую политику и не даютъ представленія о дѣйствительномъ развитіи торговли. *Ehrenberg. Hamburg und England im Zeitalter der Königin Elisabeth.* 1896, чрезвычайно цѣнно. Его же замѣчательный трудъ, дающій развитіе торговли въ Европѣ вообще (торговыя фирмы, компаніи, биржи, спекуляція, кредитъ), въ XVI, отчасти и XVII ст. *Das Zeitalter der Fugger.* B. I — II. 1896. *Hasse. Geschichte der Leipziger Messen.* 1885.

Франція. Pigeonneau. Histoire du commerce de la France. II. 1889 (доходитъ только до XVII ст.). *Levasseur. Histoire du commerce de la France.* T. I. Avant 1879. *Foville. Le commerce extérieur de la France depuis 1716.* (Bulletin de statistique et de legislation comparée 1883). *Biollay. Etudes économiques sur le XVIII siècle.* T. I. 1885. *Masson. Histoire du commerce français dans le Levant au XVII siècle.* 1896 и продолженіе того же сочиненія *Histoire du commerce etc. au XVIII siècle, 1911;* яркая картина торговли на Средиземномъ морѣ. *Malvezin. Histoire du commerce de Bordeaux.* T. II—III. *Clément. Histoire de Colbert.* 1894. *Decharme. Le comptoir d'un marchand au XVII siècle.* 1910. Сжатое изложеніе исторіи торговой политики у *Brandt. Geschichte der französischen Handelspolitik.* 1894.

Нидерланды—очень интересенъ старый трудъ Lüder'a: *Gesch. des holländischen Handels. 1788.* Прекрасно составленъ *Pringsheim. Wirtsch. Entwickl. der Ver. Niederlande im 17—18. Jahrh. Wätjen. Die Niederländer im Mittelmeergebiet zur Zeit ihrer höchsten Weltstellung.* 1900. (XVII ст., кромѣ политич. отношеній и характеръ торговли и судоходства). *Baasch. Hamburg und Holland im 17 und 18. Jahrh.* (Hans. Geschichtsblätter. 1910). *Wätjen. Statistik der holländ. Heringsfischerei im 17.—18. Jahrh.* (тамъ-же). *Blok. Geschichte der Niederlande.* B. IV. 1609—1648. B. V. 1648—1702. (Heeren-Uckert. Gesch der europ. S aaten. 1910. 1912).

Швеція—Stavenow. Geschichte Schwedens. B. VII. 1718—1772 (тамъ же 1908: подр. отдѣлъ о торговлѣ).

Компаніи, биржа, спекуляція. Bonnassieux. Les grandes compagnies de commerce. 1892; свѣдѣнія о всѣхъ заокеанскихъ компаніяхъ различныхъ государствъ, наиболѣе крупныя компаніи изложены подробно. *Schmoller. Gesch. Entw. der Unternehmung.* Jahrbuch. XVII. *Klerk de Reus. Gesch. Ueberblick der administrativen, rechtlichen und finanziellen Entwicklung der niederländisch-ostindischen Kompagnie. 1895. Montagne. Histoire de la compagnie des Indes.* 1899. (франц. компанія). Капитальный трудъ *Scott. The Constitution und Finance of English, Scottish and Irish Ioint Stock Compagnies to 1720. 1910—12. Studies of the history of English Commerce in the Tudor Period.* 1912; изд. Пенсильванскаго университ. (особ. англійская компанія въ Россіи). *Lehmann. Gesch. Entw. des Aktienrechts bis zum Code de Commerce. 1895. А. И. Каминка. Акціонерныя компаніи, т. I, 1902.* (содержитъ подробный анализъ возникновенія заокеанскихъ акціонерныхъ компаній съ юридической точки зрѣнія). *Roscher—Jannasch. Kolonien, Kolonialpolitik und Auswanderung.* 3 Aufl. 1885 (характеристика отдѣльныхъ компаній и общаго ихъ режима). *Ehrenberg. Das Zeitalter der Fugger.* B. II.—главный трудъ по исторіи биржи, содержитъ и данныя о нидерландско-остъиндской компаніи. *Ehrenberg. Die Amsterdamer Aktienspekulation im 17. Jahrh.* (Jahrb. für Nationaloek. 1891). изложеніе взглядовъ Don Joseph de la Vega о спекуляціи. *Cohn. Zeitgeschäfte und Differenzgeschäfte* (Jahrb. f. Nationaloek. 1866), спекуляція на лондонской биржѣ въ XVII—XVIII ст. *Виртъ. Исторія торговыхъ кризисовъ.* (Рус. пер. Конради), въ началѣ кризисы XVII—XVIII ст. *Grossmann. Die Amsterdamer Börse vor zweihundert Jahren.* 1876. *Sayous.* La *Bourse d'Amsterdam au XVII siècle.* (Revue de Paris. 1900). Его же Les *sociétés par actions* (les compagnies hollandaises). Revue d'économie politique. 1902. Его же. La *speculation dans les Pays-Bas au XVI siècle.* (Journal des Economistes. 1901). Его же Les *ententes de producteurs et de commerçants en Hollande au XVII siècle.* (Mémoires de l'Académie des Sciences morales et politiques. 1901). Любименко, ук. соч. а также *Sombart. Die Iuden und das Wirtschaftsleben.* 1910. (гл. VI) и Его же *Der Bourgeois.* 1913. (по поводу первой изъ нихъ см. Gutmann Archiv für Sozialwiss. и Häbler въ Schmollers Jahrbuch). См. также *Macaulay. History of England.* и Hist. of Commerce *Anderson'*a. T. II—III.

Денежное обращеніе, цѣны. Soetbeer. Edelmetallproduktion und Wertverhältnis zwischen Gold und Silber seit der Entdeckung Amerikas. 1879. *Его-же. Beiträge zur Gesch. des Geld-und Münzwesens in Deutschl. Wiebe. Zur Geschichte der Preisrevolution des XVI und XVII Jahrh.* 1896. *Martin. G. La monnaie et le crédit privé en France au XVI—XVII s.* (Rév. d'hist. des doctrines écon. 1909). *Helferich. Von den periodischen Schwankungen im Wert der edlen Metalle von der Entdeckung Amerikas bis zum Jahr 1830.* 1843 (отчасти устарѣло). *Weyhmann. Die merkant. Währungspolitik Herzog Leopolds von Lothringen 1697—1729 mit bes. Berücksichtigung der Geschichte John Laws.* 1910. (Jahrb. der Gesellsch. für lothring. Gesch. Erg. B. III). Цѣнныя данныя въ изданіи Берлинской академіи: *Das preussische Münzwesen im 18. Jahrh., münzgesch. Teil. 3 Bde* 1904—1911. *D'Avenel. Hist. de la propriété etc. T. I—II. Hanauer. Etudes économiques sur l'Alsace.* I. Les monnaies. 1876, особ. гл. VI и VII. *Schmoller. Ueber die Ausbildung einer richtigen Scheidemünzpolitik vom 14—19. Jahrh.* (Jahrbuch. für Gesetzgebung etc. 1900). *Dana Horton. The silver pound and English monetary policy since the restoration. 1887. Kalkmann. Englands Uebergang zur Goldwährung im XVIII Jahrh.* 1895. *A. Schmidt. Geschichte des englischen Geldwesens im 17. und 18. Jahrhundert.* 1914. (Abhandl. aus dem Staatswiss. Seminar zu Strassburg). Статьи *Lexis'a* о валютѣ въ Handw. der Staatswiss. *Helfferich. Die geschichtliche Entwicklung der Münzsysteme.* (Jahrbücher für Nationaloek. 1895. B. IX, тамъ-же возраженіе Лексиса). *Landry. Essai économique sur les mutations des monnaies dans l'ancienne France.* 1910. См. также *Friedensburg. Die Münze in der Kulturgeschichte.* 1909. *Forbonnais. Récherches et considirations sur les finances de la France. 1758.*

Кредитъ и банки. Рота-Кауфманъ. Исторія банковъ. 1877. *Banken* въ Handw. der Staatswiss. *Lévy von Halle. Die Hamburger Girobank und ihr Ausgang.* 1891. *Soetbeer. Die Hamburger Bank.* Viert. f. Volkswirtsch. Politik. etc. 1866—1867. *Limburg. Die kgl.-bayerische Bank von Nürnberg in ihrer Entwicklung seit ihrer Gründung.* 1903. *G. Martin & M. Besançon. L'histoire du crédit en France sous le règne de Louis XIV.* T. I. Le crédit public. 1913. *Jannet. Le crédit populaire et les banques en Italie du XV au XVIII siècle.* 1885. *Vigne. La banque à Lyon du XV au XVIII siècle.* 1903. *Ehrenberg. Das Zeitalter der Fugger.* 1896. *И. И. Кауфманъ. Государственный долгъ Англіи съ 1688 по 1890 г.* Спб., 1893. *Rogers. The first nine years of the Bank of England.* 1887. *Andreadès. Histoire de la Banque d'Angletere.* 1904. T. I. *Bischop. The Rise of the London Money Market. 1910.* (исторія Англійскаго Банка и частныхъ банковъ съ пол. XVII до начала XIX ст.). *Landmann. Entwicklungsgesch. der Formen des öffentlichen Kredites* (Finanzarchiv. 1912). *Metzler. Studien zur Geschichte des deut. Effektenbankwesens. 1911. Thorsch. Materialien zu einer Geschichte der oesterreichischen Staatsschulden vor dem XVIII Jahrh. 1891. Reinitz. Das oesterr. Staatsschuldenwesen von seinen Anfängen bis zur Jetztzeit. 1913. Däbritz.* Die *Staatschulden Sachsens von 1763 bis 1837.* 1906. *Lenz-Unholtz. Geschichte des Bankhauses Gebrüder Schickler.* (Festschrift zum 200-jährigen Bestehen des Bankhauses). 1911. См. также ук. соч. Scott, Compagnies и отд. о банкахъ у Адама Смита (Богатство народовъ, кн. IV, гл. 3).

Пути и средства сообщенія. Götz. Die Verkehrswege im Dienste des Welthandels. 1891. *Sax. Die Verkehrsmittel.* B. I. *Jähns. Ross und Reiter in Leben und Sprache, Glauben und Geschichte.* B. II. 1872. *Pratt. A History of Inland Transport and Communication of England.* 1910. Много данныхъ въ „Исторіи" Маколея. Спеціально о судоходствѣ главы въ ук. соч. Scott, Masson, Malvezin, Wätjen, а также Schriften des Vereins für Sozialpolitik. B. 101. T. 2 (Gothein. Gesch. Entw. der Rheinschiffahrt) и B. 104. pass. (Jülg и др.); о судостроеніи особ. *Bausch. Geschichte des deut. Schiffbaues und der Schiffbaupolitik.* 1899.

Колоніи. Saalfeld. Geschichte des holländischen Kolonialwesens. 1812. (основной трудъ). *Leroy-Beaulieu. De la colonisation chez les peuples modernes.* 5 éd. 1902. *Roscher. Kolonien.* 3 Aufl. 1885. *Zimmermann. Die europäischen Kolonien.* 6 томовъ. 1896—1903. *Lannoy et Van der Linden. Histoire de l'expansion coloniale des peuples européens.* 1907—1911. *Зевортъ. Исторія новаго времени.* (XVI—XVIII ст.) съ дополн. И. В. Лучицкаго. 1883. *Peschel. Gesch. des Zeitalters der Entdeckungen.* 2 Auf. 1877. Новѣйшіе капитальные труды: *Supan. Die territoriale Entwicklung der europäischen Kolonien.* 1906. См. также ук. соч. Scott. Klerk de Reus. Montagne, особ. Lüder. На русскомъ языкѣ: *Мижуевъ. Исторія колоніальной имперіи и колоніальной политики Англіи* и *Борецкій-Бергфельдъ. Колоніальная исторія западно-европейскихъ континентальныхъ странъ.* 1914.

Хлѣбная торговля. Для Франціи наиболѣе важенъ *Аѳанасьевъ. Условія развитія хлѣбной торговли во Франціи въ XVIII ст.* 1896. *Araskhaniantz. Die französische Getreidehandelspolitik bis 1789.* 1883. (вслѣдствіе книги г. Аѳанасьева, устарѣлъ). Хорошо составленъ *Naudé. Getreidehandelspolitik der Europäischen Staaten vom 13—18. Jahrh.* 1896. *Schmoller—Naudé. Getreidehandelspolitik etc. Brandenburg—Preussens bis 1740.* 1901. и (т. III) *Getreidehandelspolitik etc. 1740 bis 1756.* 1910. Документы и изложеніе, много новаго. *Rachel.* Handels-Zoll-und Accisepolit. Brand.—Preuss. bis 1713. *Faber. Die Entstehung des Agrarschutzes in England.* 1888. Цѣнны соч. современниковъ особ., *Boisguillebert. Le détail de la France.* 1712. (есть въ коллекціи Daire). *Galiani. Dialogues sur le commerce des bleds,* 1770 (есть рус. пер.; объ этомъ *Gaudemet.* L'abbe Galiani etc. 1899). *Forbonnais. Observations économiques.* 1787.

ГЛАВА I.

Общій характеръ торговли и торговой политики; Испанія и Португалія, Нидерланды, Франція.

Въ XVI вѣкѣ совершился крупный переворотъ въ области торговаго обмѣна. Въ 1498 г. Васко-да Гама, обогнувъ мысъ Доброй Надежды, послѣ десятимѣсячнаго плаванія, прибылъ въ Каликутъ, находившійся на Малабарскомъ берегу. Найденъ былъ новый прямой путь въ Индію; сопряженныя со столькими трудностями—особенно со времени завоеваній османовъ въ XV вѣкѣ — путешествія по сушѣ смѣнились гораздо болѣе легкими и менѣе продолжительными плаваніями на корабляхъ, вмѣщавшихъ въ себѣ несравненно большее количество товаровъ. Почти одновременно съ этимъ, въ 1492 г. Христофоръ Колумбъ (Колонъ) открылъ Антильскіе острова а затѣмъ и континентъ Америки. Эти два событія, которыя называютъ результатами примѣненія компаса („безъ компаса не была бы открыта Америка“), Адамъ Смитъ считаетъ самыми важными фактами всей новой исторіи. Подъ вліяніемъ ихъ, характеръ торговли измѣнился: торговля теперь вышла за узкіе предѣлы внутреннихъ морей, Средиземнаго, Сѣвернаго и Балтійскаго, и пріобрѣла океанскій характеръ, сосредоточиваясь на соединявшихъ между собою части свѣта Атлантическомъ и Индійскомъ океанахъ. Не ганзейцы и итальянцы—торговые народы среднихъ вѣковъ, а прибрежные къ Атлантическому океану народы захватываютъ въ свои руки торговое могущество. Они—португальцы, испанцы, голландцы, англичане, французы—борятся въ теченіе трехъ столѣтій изъ-за преобладанія въ международной торговлѣ, „изъ-за скипетра, выпавшаго изъ рукъ итальянцевъ“.

Соотвѣтственно измѣнившемуся характеру всей хозяйственной жизни, борьбу ведутъ уже не отдѣльные города или группы городовъ между собою, какъ это было въ средніе вѣка, а цѣлыя страны. Отчасти ихъ торговая политика есть ничто иное, какъ результатъ протекціонной системы, проводимой въ интересахъ развитія національной промышленности, слѣдовательно, повтореніе того, чего придерживались города въ средніе вѣка. Отсюда стѣсненіе привоза иностранныхъ промышленныхъ издѣлій и вывоза предметовъ сырья (шерсти, льна, кожъ, необходимыхъ для національной промышленности,—стѣсненіе въ видѣ запрещеній и запретительныхъ пошлинъ.

Отсюда принужденіе купцовъ пріобрѣтать произведенія вновь возникшихъ мануфактуръ, требованіе, чтобы сельскіе батраки носили шерстяныя ткани, изготовляемыя въ странѣ (Австрія), а покойники хоронились бы въ шерстяныхъ саванахъ и въ обитыхъ сукномъ гробахъ (Англія). Отсюда, наконецъ, вообще поощреніе вывоза въ другія страны произведеній собственной промышленности и въ то же время скептическое отношеніе къ внутренней торговлѣ; она вѣдь не доставляетъ странѣ новыхъ богатствъ отъ другихъ народовъ, а заключается въ наживѣ однихъ слоевъ населенія на счетъ другихъ въ предѣлахъ той же страны.

Впрочемъ, покровительство экспорту фабрикатовъ является уже чѣмъ то новымъ, отсутствовавшимъ въ предыдущую эпоху. И еще болѣе новымъ, характернымъ для разсматриваемой эпохи и общимъ для всѣхъ государствъ должно быть признано поощреніе торговли, какъ таковой, совершенно независимо отъ вывоза произведеній промышленности; но, конечно, она поощряется лишь тамъ, гдѣ она не приноситъ ущерба промышленности: вредной считается поэтому торговля привозными промышленными издѣліями. Прежде такой политики придерживались лишь немногіе торговые центры. Поощреніе это выражается въ монополизированіи въ своихъ рукахъ торговли съ колоніями и судоходства между ними и метрополіей а также каботажнаго судоходства, т. е. судоходства между портами того же государства. Оно состоитъ, далѣе въ мѣрахъ содѣйствія развитію кораблестроенія въ формѣ выдачи премій построеннымъ въ странѣ судамъ, въ формѣ обложенія дополнительными сборами судовъ другихъ странъ и находящихся на нихъ товаровъ. Различныя государства, не только Англія, но и Франція, Испанія, Швеція идутъ и далѣе, въ цѣляхъ поощренія собственнаго судоходства: они запрещаютъ привозъ товаровъ изъ другихъ странъ иначе, какъ на собственныхъ судахъ или на судахъ страны происхожденія, (т. е. страны, гдѣ товары произведены). Наконецъ, существенно для разсматриваемаго періода стремленіе къ пріобрѣтенію колоній въ Америкѣ и Индіи не только для эксплоатаціи имѣющихся въ нихъ золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ, но и для развитія экспортной торговли.

Борьба, происходящая между отдѣльными странами изъ-за преобладанія въ торговлѣ, выражается въ значительной мѣрѣ въ завоеваніяхъ заокеанскихъ странъ; въ истребленіи туземныхъ жителей или превращеніи ихъ въ рабство и насильственномъ отнятіи у нихъ богатствъ (золотыхъ украшеній и утвари, въ ограбленіи дворцовъ и гробницъ), въ запрещеніи имъ пріобрѣтать продукты въ другихъ странахъ, кромѣ метрополіи; въ нескончаемыхъ войнахъ между европейскими государствами изъ-за колоній и изъ-за развитія своей торговли и судоходства въ ущербъ прочимъ странамъ.

Такимъ образомъ борьба эта попрежнему жестокая, кровопролитная; вторая половина XVII ст. наполнена войнами между Голландіей и Англіей изъ-за суприматіи въ торговлѣ; XVIII вѣкъ — войнами между Англіей и Франціей, Англіей и Голландіей, Голландіей и Франціей изъ-за торговыхъ интересовъ; изъ предшествующихъ 1790 году 149 лѣтъ Англія, по словамъ Бюша, провела 66 лѣтъ въ войнахъ, направленныхъ къ уничтоженію конкурентовъ въ торговлѣ.

Первую эпоху въ исторіи торговли XVI—XVIII ст. составляетъ португальско-испанскій періодъ (приблизительно до 1600 г.), вторую—голландско-англійскій (XVII — XVIII ст.) и въ результатѣ побѣдительницей остается Англія, которая къ концу XVIII вѣка является первой торговой державой.

Португальцамъ принадлежатъ первыя открытія на западномъ берегу Африки (Генрихомъ Мореплавателемъ) и въ Индіи на Малабарскомъ, Камбайскомъ и Коромандельскомъ побережьи; они же утвердились на Цейлонѣ, Малаккѣ, Зондскихъ (Суматра, Ява, Целебесъ) и Молукскихъ островахъ (острова пряностей, какъ ихъ называли), а въ 1563 г. и въ Макао въ Китаѣ. „Въ теченіе 50-лѣтняго періода имъ удалось основать факторіи, начиная отъ Мадеры и кончая Японіей, на пространствѣ ста пятидесяти градусовъ". Возникла великая „колоніальная имперія", особ. благодаря Альбукерку, этому „Наполеону Индіи", какъ его впослѣдствіи называли. Въ рукахъ португальцевъ находилась теперь торговля пряностями и благовоніями, сахаромъ и хлопкомъ. Лиссабонъ сталъ центромъ международной торговли—черезъ него шли всѣ сношенія Европы съ Индіей; изъ Лиссабона доставлялись индійскіе товары въ другія страны. Португальцы были полными властелинами Индійскаго океана: арабская торговля была уничтожена, иранско-индійская проходила мимо ихъ фортовъ; ни одно судно не могло проходить безъ ихъ разрѣшенія, иначе оно разсматривалось какъ пиратское; путемъ торговыхъ договоровъ, заключенныхъ съ тамошними князьками, торговля была обезпечена для однихъ только португальцевъ. Въ первыхъ экспедиціяхъ въ Индію принимали участіе также итальянскіе и нѣмецкіе купцы, впослѣдствіи же доступъ для нихъ былъ совершенно закрытъ; мало того, торговля все болѣе и болѣе сосредоточивалась въ рукахъ короля (торговля перцемъ была объявлена королевской регаліей), хотя принципіально она была открыта для всѣхъ португальцевъ. Однако „героическая эпопея заморскихъ завоеваній Португаліи" должна была вскорѣ кончиться крахомъ—ни одно государство Европы не было столь плохо подготовлено къ колоніальной дѣятельности какъ Португалія. Эта была власть пиратовъ болѣе высокаго полета. „Счастье,—говорили индусы,—что Богъ пожелалъ, чтобы португальцевъ было такъ же мало, какъ тигровъ и львовъ, иначе они истребили бы весь родъ людской". Достаточно было появленія голландцевъ въ Индіи, какъ португальская „колоніальная имперія" въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій исчезла съ лица земли; ихъ замѣнили голландцы, затѣмъ и англичане.

Свою колоніальную дѣятельность португальцы перенесли въ другую часть свѣта — въ Америку, гдѣ ими была заселена Бразилія и созданы сахарныя, кофейныя и табачныя плантаціи, а вскорѣ стали разрабатываться и богатыя залежи золота. Бразилія пріобрѣла для Португаліи, находившейся въ состояніи полнаго экономическаго застоя, крупное значеніе, отъ нея ждали спасенія. Въ концѣ XVII ст. доходы Бразиліи составляли $^1/_4$ всѣхъ доходовъ Португаліи, а торговля съ этой колоніей равнялась всему торговому обороту Португаліи съ другими государствами. Въ 1822 г. созрѣвшая въ экономическомъ и политическомъ отношеніи Бра-

зилія провозгласила свою независимость отъ Португаліи, отпала „подобно тому, какъ спадаетъ съ дерева плодъ, выросшій и созрѣвшій на немъ“ [1]).

Если пряности привлекали португальцевъ въ Индію, то Америка манила къ себѣ испанцевъ золотомъ. Уже на Гванагани (Санъ-Сальвадоръ), первомъ островѣ, открытомъ Колумбомъ, послѣдній увидѣлъ золотыя украшенія въ ушахъ и носу туземцевъ и старался вымѣнять на бездѣлушки возможно большее количество ихъ. Подобный же характеръ имѣла и дальнѣйшая колонизація испанцевъ. „Америка стала испанской и осталась ею постольку, поскольку существовали залежи золота и серебра“; поэтому испанцы завоевали Мексику, Панаму (которую назвали Золотой Кастиліей), Чили, Перу, разгромивъ при помощи своихъ пушекъ старинную цивилизацію Мексики и Перу. Повсюду они грабили изобиловавшіе золотомъ дворцы и храмы; перуанскій инка отдалъ испанцамъ въ качествѣ выкупа 88 милл. фр.—столько золота, сколько вмѣщала въ себѣ комната, въ которой его держали въ плѣну, но все таки не избѣгъ смерти. Въ поискахъ за золотомъ они отправились и къ югу и востоку отъ Чили и „расползлись по всей Южной Америкѣ“ (Аргентина, Гренада, Венецуэла, Парагвай), стали заселять и Кубу, Флориду, Филиппинскіе острова (названные такъ въ честь Филиппа II). Напротивъ, плодородныя земли на сѣверо-востокѣ нынѣшнихъ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ не оказывалось золота, испанцы называли ненужными странами „tierras de ningun provecho“, какъ онѣ и обозначались на картахъ.

Папа Александръ VI раздѣлилъ весь земной шаръ, какъ яблоко, на двѣ части между португальцами и испанцами — по меридіану, проходившему чрезъ Атлантическій океанъ, на основаніи чего Америка была отдана вполнѣ во власть Испаніи. И послѣдней было установлено, что всѣ богатства колоній должны идти исключительно въ Испанію, и одна Испанія можетъ снабжать ихъ необходимыми европейскими продуктами; даже колоніи между собой могли торговать лишь чрезъ посредство испанскихъ коммерсантовъ, причемъ торговыя сношенія съ Америкой были дозволены только кастильцамъ и только чрезъ одинъ морской портъ, сначала Севилью, позже Кадиксъ.

Установленная такимъ образомъ строгая монополія, однако, фактически нарушалась уже въ половинѣ XVI вѣка, вслѣдствіе возникновенія „самой обширной контрабанды, какую только можно встрѣтить въ исторіи торговли“. Контрабанда поощрялась тѣмъ, что севильскіе купцы, въ рукахъ которыхъ находилась торговля съ Америкой, обращали вниманіе на одно лишь золото и серебро и отказывались вывозить оттуда другіе продукты. Уже при Филиппѣ II $^{9}/_{10}$ товаровъ, доставляемыхъ въ испанскія колоніи, были иностранной фабрикаціи; въ XVII ст. контрабандная торговля обратилась въ политическую систему, посредствомъ которой другія страны — Франція, позже Голландія и Англія, боролись съ Испаніей. Но точно также и вну-

---

[1]) Въ 1808 г. португальскій король, узнавъ, что Наполеонъ объявилъ браганцкую династію низложенной, бѣжалъ въ Бразилію, гдѣ сохранилъ свою резиденцію и послѣ низложенія Наполеона, такъ что создалось необычайное положеніе, перемѣна ролей—Португалія какъ бы превратилась въ колонію, а Бразилія—въ метрополію.

тренняя торговля, кредитъ и промышленность находились въ Испаніи въ рукахъ иностранцевъ. Аугсбургскому торговому дому Фуггеровъ принадлежали испанскіе рудники и монополія въ торговлѣ ртутью; генуэзцы, по словамъ кортесовъ 1542 г., обладали фактической монополіей въ торговлѣ съѣстными припасами, шерстью, шелкомъ и желѣзомъ. Вплоть до половины XVII вѣка южно-германскіе и генуэзскіе коммерсанты являлись банкирами испанскихъ королей, получая налоги на откупъ, несмотря на неоднократныя запрещенія со стороны кортесовъ. Французы посылали спеціальные военные корабли въ Севилью для конвоированья той части т. наз. серебряной (т. е. нагруженной серебромъ) флотиліи, приходившей изъ Америки, которая приходилась на долю французскихъ купцовъ. Въ половинѣ XVII вѣка въ одномъ Мадридѣ насчитывалось свыше 40 тыс. иностранцевъ, которымъ принадлежали почти всѣ промыслы. Даже тѣ товары, которые вывозились самими испанцами въ колоніи, были иностраннаго производства, и поэтому чеканенные въ Севильѣ дукаты и пезосы изъ Мексико и Лимы уходили въ Голландію, Францію и Англію—въ Испаніи оставалась одна мѣдная монета. „Вслѣдствіе американскаго золота, Испанія обѣднѣла". Въ 1796 г. привозъ товаровъ изъ Англіи въ Испанію составлялъ 192 милл. реал., вывозъ же въ Англію — всего 63 милл., привозъ изъ Франціи 184 милл., вывозъ не болѣе 31 милл.

Даже въ XVIII ст. Испанія не въ состояніи была сохранить въ своихъ рукахъ торговлю съ Америкой, ибо и въ 1778 г. она владѣла всего 400—500 кораблей всѣхъ размѣровъ. Когда въ 1728 г. учреждена была королевская компанія въ Гвипискоа для торговли съ Каракасомъ, она первоначально не могла найти необходимаго ей числа матросовъ. Поэтому-то каботажную торговлю въ Испаніи производили почти исключительно французы, англичане, голландцы. Въ 1729 г. Испанію посѣтили 160 французскихъ судовъ въ 14 тыс. тоннъ съ экипажемъ въ 3 тыс. чел. Торговлю неграми Испанія не могла вести самостоятельно; не было ни необходимыхъ для этого капиталовъ, ни соотвѣтствующихъ судовъ, ни товаровъ для сбыта въ Африкѣ въ обмѣнъ на невольниковъ. Право снабженія неграми испанскихъ колоній она вынуждена была поэтому отдавать на откупъ другимъ странамъ, которыя изъ этого извлекали высокую прибыль.

По Утрехтскому миру, это право (asiento de negros) было предоставлено англичанамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдніе выговорили себѣ привилегію посылать разъ въ годъ въ Портобелло корабль въ 500 тоннъ, нагруженный англійскими товарами. Въ дѣйствительности этимъ сильно нарушалась монополія Испаніи въ торговлѣ съ Америкой, ибо англійскій корабль сталъ плавучимъ товарнымъ складомъ: онъ проводилъ 6 мѣсяцевъ на рейдѣ въ Портобелло, и по мѣрѣ сбыта груза, послѣдній каждый разъ пополнялся при посредствѣ небольшихъ судовъ, которыя сопровождали корабль и поддерживали сношенія съ берегомъ. Въ 1738 г. англичане, безъ всякаго дозволенія, послали въ Америку 40 судовъ въ 150—200 тоннъ каждое; въ 1748 г. контрабандисты построили фортъ въ 40 миляхъ отъ Панамы, снабдили его войскомъ и орудіями, и Испанія вынуждена была отправить противъ него вооруженную силу. Въ 1750 г. англійская компанія лишилась своего права торговли неграми, но, по парижскому миру 1763 г., англичане получили право рубить красильныя деревья у побережья Гондураса и пользовались этимъ опять-таки для контрабандной торговли съ Мексикой.

Лишь въ 1778 г. Испанія сдѣлала первый шагъ къ освобожденію торговли съ Америкой отъ прежнихъ стѣсненій—объявила свободной тор-

говлю между Испаніей и Вестъ-Индіей. Торговля же между Америкой и другими европейскими государствами была попрежнему запрещена, хотя фактически она уже давно производилась въ широкихъ размѣрахъ, причемъ голландскіе, англійскіе, гамбургскіе торговцы отправляли свои товары въ Америку отъ имени испанцевъ, съ которыми вступали въ соглашенія. Тринадцати испанскимъ портамъ было нынѣ разрѣшено торговать съ двадцатью американскими портами. И только съ этихъ поръ оживились торговыя сношенія Испаніи съ Америкой, усилился вывозъ кофе и какао, сахара и индиго на испанскихъ судахъ. Но это совершилось уже въ то время, когда Испанія стала терять свои колоніи—не только Гаити и Флориду, но и всѣ свои богатыя колоніи въ Южной Америкѣ (Чили. Венецуэлу, Новую Гренаду, Боливію, Перу). Изъ $14^1/_2$ милл. кв. километр. колоніальныхъ владѣній, которыми Испанія владѣла въ XVIII ст., она въ 1830 г. сохранила менѣе $^1/_2$ милліона.

Въ 1585 г., во время войны съ Нидерландами, Филиппъ II захватилъ нидерландскіе корабли, находившіеся въ португальскихъ водахъ, а затѣмъ закрылъ Лиссабонскій портъ и для англичанъ. Онъ лишилъ, такимъ образомъ, обѣ страны возможности получать индійскіе товары въ Лиссабонѣ, какъ это было со времени открытія морского пути въ Индію. Правда, вскорѣ портъ былъ снова открытъ; но голландцы и англичане старались уже теперь избѣжать подобныхъ случайностей и стали посылать свои корабли въ Индію; они старались пріобрѣтать товары изъ первыхъ рукъ, вытѣсняя все болѣе и болѣе португальцевъ (въ 1581 г. Португалія была присоединена къ Испаніи) изъ континента и острововъ Индіи. Въ 1640 г., когда Португалія вновь отдѣлилась отъ Испаніи, вся торговля отъ Кохинхины до Зондскихъ острововъ находилась въ рукахъ голландцевъ; португальскій же вице-король не въ состояніи былъ отправить флота изъ Индіи въ Лиссабонъ, за отсутствіемъ людей и денегъ. Въ теченіе какого-нибудь полустолѣтія Голландія стала наиболѣе могущественной страной въ Индіи; повсюду она имѣла свои факторіи, ея эскадра господствовала на всѣхъ моряхъ. Система, которая проводилась голландцами, была та же, которой придерживались ранѣе португальцы: иностранные корабли въ индійскія воды не допускались, никакіе иные продукты, кромѣ голландскихъ, не могли привозиться въ Индію. Торговля какъ между Европой и Индіей, такъ и между отдѣльными мѣстностями Индіи и Азіи вообще сосредоточивалась въ рукахъ голландцевъ или точнѣе одной лишь голландской остъ-индской компаніи, основанной въ 1602 году. Послѣдняя (см. ниже) пользовалась не только монополіей торговли на всемъ протяженіи между мысомъ Доброй Надежды и мысомъ Горномъ, но и правомъ объявленія войны и заключенія мира; во всѣхъ находившихся здѣсь странахъ, т. е. прежде всего въ Остъ-Индіи, компанія имѣла право строить города и крѣпости, чеканить монету, производить гражданскій и уголовный судъ, назначать чиновниковъ, заключать союзы съ туземными властями,—и все это отъ имени генеральныхъ штатовъ. Она представляла своего рода чудовище—„левіафанъ“ Гоббса, „искусственно созданное дополнительно къ Нидерландамъ государство на чисто-капиталистическихъ основаніяхъ, территоріей

котораго являлись плававшія на океанахъ суда, да отнятыя у португальцевъ колоніи". Вся островная часть Индіи въ особенности очутилась въ ея рукахъ—Молукскіе острова (Амбонна, Банда), изъ которыхъ вывозились гвоздика и мускатъ, Зондскіе острова—Ява, гдѣ былъ основанъ г. Батавія, Целебесъ съ г. Макассаромъ, Суматра; отсюда вывозился перецъ и здѣсь компанія развила кофейныя плантаціи; далѣе Цейлонъ. Но компанія утвердилась и на континентѣ Индіи—на Малабарскомъ берегу (Ачинъ, Калькутта), въ Сіамѣ и Малаккѣ, наконецъ, ей удалось вступить въ торговый обмѣнъ съ Китаемъ и Японіей; въ Японіи одни только голландцы пользовались правомъ торговли.

О характерѣ торговой дѣятельности компаніи даетъ прекрасное представленіе ея торговля гвоздикой, мускатнымъ цвѣтомъ и мускатнымъ орѣхомъ, привозимыми съ Молукскихъ островов и являвшимися едва-ли не наиболѣе важными объектами ея торговли. Компанія опасалась, какъ бы монополія въ снабженіи Европы пряностями не была у нея отнята, въ особ. англичанами, утвердившимися на Борнео; какъ бы туземное населеніе не стало сбывать эти продукты англичанамъ или же голландцамъ, не принадлежащимъ къ компаніи. Опасеніе было основательно, ибо компанія, несмотря на заключаемые ею съ туземцами договоры относительно цѣны, платила по своему усмотрѣнію и несравненно ниже того, что предлагали другіе купцы. Результатомъ этихъ опасеній было истребленіе компаніей мускатнаго орѣха на всѣхъ Молукскихъ островахъ, кромѣ островов Банда: на послѣднихъ же лѣса, гдѣ росъ мускатный орѣхъ, были розданы прежнимъ солдатамъ и мелкимъ чиновникамъ компаніи; туземцы были частью уничтожены, частью обращены въ рабство. Точно также гвоздика была сохранена на одномъ лишь островѣ Тидорѣ; на остальныхъ островахъ сады гвоздики, кому бы они ни принадлежали, были уничтожены, ибо, какъ заявлялъ губернаторъ, представитель компаніи, „весь міръ, какимъ его создалъ Богъ, въ состояніи потреблять лишь 1,500 баръ (500—600 фунт.) гвоздики". Но и при такихъ условіяхъ компанія не находила возможнымъ сохранить свою монополію: тѣ цѣны, которыя она считала необходимыми, не могли быть удержаны при продажѣ пряностей въ Европѣ безъ того, чтобы не истреблять часть привезеннаго груза. Доставленные въ Нидерланды запасы корицы, гвоздики и муската сжигались здѣсь въ столь значительномъ количествѣ, что ароматъ ихъ, по описаніямъ очевидцевъ, распространялся на много миль вокругъ [1]).

Вскорѣ возникла по типу Остъ-индской компаніи и другая акціонерная компанія—вестъ-индская (въ 1622 г.), которой предоставлена была монополія торговли съ вновь открываемыми ею въ Америкѣ странами. Компанія захватила нѣсколько Антильскихъ островов, основала въ Сѣверной Америкѣ земледѣльческую колонію съ городомъ Новымъ Амстердамомъ (впослѣдствіи переименованъ англичанами въ Нью-Іоркъ), начала колонизацію Суринама или Гвіаны, временно завоевала и Бразилію. Но главная ея дѣятельность заключалась не въ завоеваніяхъ и не въ торговлѣ, а въ каперствѣ—въ захватѣ испанскихъ и португальскихъ кораблей (за 1623—36 г.г. захвачено 547 судовъ, цѣнность которыхъ съ грузомъ составляла 40 милл. гульд.) и въ уничтоженіи торговой монополіи и колоніальнаго владычества Испаніи.

Торговля Нидерландовъ съ Остъ-Индіей имѣла существенное значеніе, но все же не слѣдуетъ ее преувеличивать, ибо компанія, въ рукахъ которой сосредоточилась торговля съ Индіей, вывозила оттуда весьма ограниченное количество пряностей, главный объектъ торговли съ Индіей. Во

[1]) См. о голландской компаніи Warburg. Die Muskatnuss. 1897. Bockemeyer. Die Molukken. 1888. Klerk de Reus. Gesch. Ueberbl. etc. 1894.

второй половинѣ XXII в. торговля съ азіатскими колоніями составляла [illegible] всей голландской торговли. Въ теченіе XVIII в. значеніе торговли съ Индіей усилилось. Но и теперь торговля и мореплаваніе Нидерландовъ на европейскихъ моряхъ были значительнѣе заокеанской торговли: къ концу XVIII ст. обороты ихъ заокеанской торговли составляли 65 милл. гульд., обороты европейской торговли 157 милл. гульд. Первое мѣсто въ европейской торговлѣ занималъ обмѣнъ на Сѣверномъ и Балтійскомъ моряхъ, гдѣ Нидерланды уже съ XV вѣка, постепенно вытѣсняя ганзейцевъ, пріобрѣтали первенствующее значеніе. Прочно утвердившись въ Скандинавскихъ государствахъ и Россіи, они оказались въ XVII ст. единственнымъ посредникомъ (ежегодно уходило туда 800—1200 голл. судовъ), которому эти страны могли сбывать свой хлѣбъ, лѣсъ, желѣзо и другіе предметы сырья.

Хотя Средиземное море перестало быть „сердцемъ міра", и „матерью всей коммерціи" стало Сѣверное море, все же голландцы не игнорировали и перваго: и здѣсь они стали фрахтовщиками большинства народовъ, принимавшихъ участіе въ торговлѣ на Средиземномъ морѣ. Генуэзцы и венеціанцы, французы и испанцы, греки и восточные евреи—всѣ они обращались къ голландцамъ, ибо послѣдніе брали невысокій фрахтъ, добросовѣстно выполняли порученія, отличались точностью и аккуратностью. Въ своемъ стремленіи захватить въ свои руки весь транспортъ на Средиземномъ морѣ голландцы были готовы на все; они предоставляли свои суда даже для самыхъ опасныхъ предпріятій, капитаны рисковали жизнью своей и своего экипажа; они отдавали суда и друзьямъ и врагамъ, считая судоходство „дѣломъ международнымъ".

Въ противоположность торговлѣ съ Остъ-Индіей, торговля на Средиземномъ морѣ не находилась въ рукахъ какой-либо привилегированной компаніи, а была открыта для всѣхъ. Была организована лишь, по иниціативѣ евреевъ, изгнанныхъ изъ Испаніи и нашедшихъ гостепріимство въ Нидерландахъ, торговая палата, для регулированія судоходства, въ особенности во избѣжаніе захвата судовъ пиратами: съ этой цѣлью установлено было плаваніе флотиліями, адмиралтействами, которыя отходили въ опредѣленные сроки въ сопровожденіи военныхъ судовъ.

При содѣйствіи этой палаты голландцы усердно посѣщали Средиземное море. Хотя Алеппо уже не было болѣе „маленькой Индіей", какъ въ XIV—XV ст., но хлопокъ и шелкъ привлекали и теперь еще сюда голландцевъ. Тунисъ и Алжиръ, „враговъ христіанства" они—какъ и англичане—снабжали порохомъ и ружьями, мачтами и веслами, несмотря на то, что нидерландское правительство грозило за это смертной казнью. Ибо эти предметы служили для снабженія пиратскихъ судовъ, которыя нападали на голландскіе же корабли, грабили ихъ и продавали людей въ рабство. Еще усерднѣе голландцы посѣщали Смирну и Константинополь для сбыта своихъ матерій и привезенныхъ изъ Индіи въ Амстердамъ восточныхъ пряностей. Но и Ливорно, Генуя, Мессина, Марсель имѣли большое значеніе въ левантійской торговлѣ голландцевъ, и даже Венецію ежегодно посѣщало 10—12 „прекрасныхъ" кораблей, несмотря на то, что Венеція старалась причинять возможно больше непріятностей своимъ конкурентамъ—голландцамъ.

Въ XVII вѣкѣ Нидерланды являлись первой торговой страной міра и занимали первенствующую роль на всѣхъ моряхъ. Голландскіе купцы—цари,

говорили о нихъ; они царствуютъ надъ морями. „Эта горсточка людей, владѣющихъ клочкомъ земли, состоящимъ изъ водъ и выгоновъ, снабжаетъ европейскіе народы большей частью нужныхъ имъ товаровъ“, —говорилъ Ришелье. Дѣйствительно, Голландія была центральнымъ рынкомъ для хлѣба, рыбы, соли, лѣса и строительныхъ матеріаловъ, для сукна, наконецъ, для всѣхъ колоніальныхъ товаровъ—перца, корицы, гвоздики, чая, кофе, табаку.

Коммерческую дѣятельность Нидерландовъ Вальтеръ Ралей въ 1603 г. (Observations touching Trade and Commerce with the Hollander and other Nations) описываетъ слѣдующимъ образомъ. Амстердамъ всегда имѣетъ, помимо, того, что продается ежегодно, 700 тыс. квартеровъ хлѣба на складѣ, хотя ни одинъ изъ этихъ квартеровъ не произведенъ въ самой Голландіи; одного года дороговизны въ Англіи, Франціи, Испаніи, Португаліи, Италіи достаточно для того, чтобы обогатить Голландію въ теченіе семи слѣдующихъ лѣтъ. Наибольшій уловъ рыбы производится у береговъ Англіи, Шотландіи и Ирландіи, но наиболѣе оживленную торговлю рыбой ведетъ Голландія, снабжая сельдями Россію, Скандинавскія государства, прибалтійскіе города, Францію. Вино и соль производятся преимущественно во Франціи и Испаніи, но главное складочное мѣсто находится въ Нидерландахъ, и оттуда эти продукты отправляются въ прибалтійскія страны. Послѣднія изобилуютъ лѣсомъ, но наибольшіе склады корабельнаго, строительнаго и иного лѣса сосредоточены въ Нидерландахъ, гдѣ лѣсовъ нѣтъ. Шерсть и сукно выдѣлываются въ Англіи, но сукно отправляется необработаннымъ и некрашеннымъ въ Нидерланды, гдѣ имѣются соотвѣтствующія производства и откуда оно уже вывозится въ Испанію и Португалію подъ именемъ фламандскихъ тканей. Нидерланды строятъ ежегодно до тысячи судовъ, хотя всѣ производимые ими продукты можно сразу вывести на 100 судахъ. Этотъ ростъ коммерческаго могущества Нидерландовъ Ралей приписываетъ либеральному отношенію ихъ къ иностранцамъ, господствующей тамъ свободѣ торговли, низкимъ таможеннымъ пошлинамъ, низкому фрахту и поощренію различными мѣрами новыхъ отраслей торговли.

Голландцы были признанными „фрахтовщиками Европы“, ибо они производили на своихъ судахъ весь транспортъ какъ между Европой и колоніями, такъ и между отдѣльными странами Европы: Англіей, Франціей, Испаніей, и даже между портами той же страны. Въ ихъ же рукахъ находилось рыболовство въ европейскихъ моряхъ, которому придавалось въ тѣ времена особенное значеніе; англичане утверждали, что на ловлѣ сельдей покоится благосостояніе Нидерландовъ.

Въ то время, какъ обороты Любека въ XV ст. составляли около 250 тыс. фунт. стерл., обороты Генуи въ XV ст. около 1 милл. ф. ст., наконецъ, торговые обороты Англіи въ первой четверти XVII ст. не превышали 5 милл. ф. ст.,—одинъ вывозъ Нидерландовъ, по вычисленіямъ Петти, во второй половинѣ XVII вѣка равнялся 12 милл. ф. ст.; Англія достигла этой цифры лишь въ 30-хъ годахъ XVII вѣка. Такой же результатъ получается при сравненіи судоходства Голландіи съ судоходствомъ ея предшественниковъ въ области мореплаванія—итальянцевъ и ганзейцевъ. Генуэзцы въ концѣ XIII ст. съ особенной гордостью указывали на тѣ 70 большихъ галеръ, которыя служили имъ для дальняго плаванія, помимо всѣхъ другихъ судовъ; въ гавань Любека входило въ 1368 г. 423 корабля и вышло изъ нея 871, въ Данцигъ въ 1474—1476 г.г. входило ежегодно 400—634 судовъ, выходило въ 1490—1492 г.г. 562—720 судовъ. Напротивъ, Кольберъ въ 1669 г. утверждалъ, что изъ 20 тысячъ кораблей Европы 15—16 тысячъ, т. е. $^3/_4$, принадлежатъ Нидерландамъ. Эта цифра почти совпадаетъ съ тѣмъ, что мы находимъ въ одномъ изъ списковъ, сохранившихся въ гаагскомъ архивѣ: число нидерландскихъ судовъ опредѣлено въ 34850, за вычетомъ же 20 тыс. судовъ внутренняго плаванья и 1 тыс. судовъ, плававшихъ по Маасу и Рейну, остается 13850 кораблей для внѣшней торговли, которые распредѣлялись слѣдующимъ образомъ [1]):

[1]) См. Naudé. Europ. Getreidehandelspolit. p. 372.

	Число судовъ.	Число ластъ.
Торговля остзейская (съ Помераніей, Данцигомъ, Кенигсбергомъ, Мемелемъ, Курляндіей, Ригой, Ревелью и Швеціей)	6.000	720.000
Торговля съ Россіей и Гренландіей	250	25.000
Торговля на Сѣверномъ морѣ (съ Эмденомъ, Бременомъ, Гамбургомъ, Даніей, Норвегіей)	2.500	200.000
Торговля съ Англіей, Шотландіей, Ирландіей, Франціей	1.500	150.000
Торговля съ Португаліей, Испаніей, Италіей, Кандіей, Кипромъ, Турціей и сѣверной Африкой	800	160.000
Торговля съ Гвинеей, Бразиліей, Остъ-Индіей и Вестъ-Индіей	300	75.000
Рыболовныя суда	2.500	75 000
Итого	13.850	1.405.000

Изъ этого перечня видно, что почти половина всѣхъ судовъ и половина ластъ приходилась на торговлю съ прибалтійскими странами, тогда какъ заокеанская торговля составляла сравнительно незначительную часть, судя по числу кораблей, болѣе значительную, впрочемъ, по вмѣстимости судовъ и еще большую по цѣнности груза, ибо эти корабли нагружались товарами высокой цѣнности при незначительномъ объемѣ. Изъ той же таблицы можно усмотрѣть, что суда на различныхъ моряхъ были далеко неодинаковы: заокеанскія суда имѣли 250 ластъ, суда, предназначенныя для торговли съ южно-европейскими и левантійскими странами, 200 ластъ, тогда какъ всѣ прочія (на сѣверныхъ моряхъ, въ торговлѣ съ Англіей и Франціей) не болѣе 86—100—120 ластъ.

Голландія стала вмѣстѣ съ тѣмъ рынкомъ, къ которому обращалась Европа, когда она нуждалась въ капиталахъ, Европа не можетъ обойтись безъ денегъ голландцевъ—говорилъ императоръ въ 1672 г. Сто лѣтъ спустя капиталы Голландіи, помѣщенные въ иностранныхъ государственныхъ займахъ, опредѣляли въ 150 милліоновъ ливровъ.

Въ XVIII вѣкѣ владычество Нидерландовъ на Балтійскомъ морѣ оспаривала Швеція, на Средиземномъ—Франція, и тутъ и тамъ—Данія; въ Индіи—Англія; все же Нидерланды сохранили прежніе размѣры своей торговли. Но процентное отношеніе послѣдней ко всему международному обмѣну къ рединѣ XVIII вѣка уже успѣло понизиться, вслѣдствіе чрезвычайнаго роста англійской торговли. Въ концѣ XVIII ст., благодаря англичанамъ, отчасти и скандинавскимъ государствамъ. торговля Нидерландовъ на Балтійскомъ морѣ, въ частности и съ Россіей, сократилась. Она упала къ 1783 г. на половину прежняго размѣра; въ то же время война съ Англіей 1780—83 г.г. окончательно подорвала торговое могущество Нидерландовъ [1]). Съ начала слѣдующаго столѣтія Голландія должна была уступить первое мѣсто Англіи и въ качествѣ „банкира Европы", международнаго рынка публичныхъ займовъ.

Франція еще въ теченіе всего XVI вѣка была наводнена иностранцами, въ особенности итальянскими купцами и банкирами; они снабжали

[1]) Точно также и ловля сельдей, которая имѣла крупное значеніе для Нидерландовъ, въ XVIII ст. сократилась, по сравненію съ XVII ст. (какъ это видно изъ статистическихъ данныхъ); Голландія уже не пользовалась „Богомъ данной" ей монополіей въ этой области; но окончательно она пала въ концѣ XVIII вѣка. См. Wätjen. Statistik der holl. Heringsfischerei im XVII—XVIII Jahrh. p. 131 и сл. 148 и сл. 159 и сл. 177 и сл.

ее и товарами и деньгами, заключая займы съ французскими королями. Первыя попытки колонизацiи Канады были сдѣланы въ началѣ XVII вѣка, но колонизацiя вскорѣ прекратилась, повидимому, и въ данномъ случаѣ по причинѣ отсутствiя благородныхъ металловъ въ этихъ странахъ. Лескарбо уже тогда говорилъ, что хлѣбъ, вино и кормъ для скота—лучшiе золотые прiиски; а Сюлли долженъ былъ признать, что основанiе колонiй не соотвѣтствуетъ характеру французовъ. И при Ришелье еще французская колонизацiя Канады („Новой Францiи") и Антильскихъ островов (Гваделупа, Мартиникъ) подвигалась весьма медленно, развитiю же торговли съ заокеанскими странами препятствовало то, что „французы не расположены къ продолжительнымъ путешествiямъ", хотя имъ же былъ созданъ рядъ торговыхъ компанiй (болѣе шести) для колонизацiи Африки (Сенегалъ, Гвинея, Зеленый Мысъ, Мадагаскаръ) и Америки (Антильскiе острова, Гвiана, Санъ-Доминго, Новая Францiя) и для торговли съ этими странами. Онъ поддерживалъ и каперство на Атлантическомъ океанѣ, которое наносило огромный ущербъ испанцамъ, въ особенности вслѣдствiе захвата отправлявшихся въ Испанiю серебряныхъ флотилiй. Ришелье объявилъ каботажное плаванье (т. е. между французскими портами) монополiей французскаго флота, и французскимъ же кораблямъ было предоставлено исключительное право вывоза продуктовъ моремъ. Наконецъ, рядъ французскихъ портовъ, особенно Марсель и Гавръ, были расширены и улучшены, другiе вновь созданы. Ришелье, такимъ образомъ, подготовилъ Францiю для той торговой дѣятельности, которая наступила со времени Кольбера.

Только въ левантiйскихъ странахъ Францiя укрѣпилась уже раньше, заключивъ въ 1535 г. выгодный торговый договоръ съ турецкимъ султаномъ Солиманомъ Великолѣпнымъ. Лишь французскiй и венецiанскiй флаги допускались на левантiйскихъ моряхъ; какъ указано при возобновленiи договора въ 1581 г., Францiя признавалась покровительницей всѣхъ христiанъ, торгующихъ съ имперiей Солимана,—они могли плавать только подъ ея флагомъ (генуэзцы, англичане, испанцы, португальцы, сицилiйцы и др.). Въ 1610 г. французы имѣли пять консульствъ въ левантiйскихъ странахъ „Средиземное море кишѣло" французскими судами; число ихъ доходило до тысячи, они старались посѣщать всевозможные порты Средиземнаго моря—не только Сирiи и Египта, но и Мореи и Македонiи. Правда, вскорѣ и англичанамъ разрѣшено было плавать подъ своимъ флагомъ; за ними появились и голландцы, и торговля обѣихъ державъ стала принимать обширные размѣры. Но еще въ 20-хъ и 30-хъ годахъ XVII ст. обороты французскихъ купцовъ превышали вдвое торговлю англичанъ и венецiанцевъ; въ Саидѣ и другихъ портахъ Сирiи только французы имѣли своего консула, тамъ существовали только французскiя факторiи [1]).

Массонъ слѣдующимъ образомъ описываетъ жизнь европейскихъ купцовъ въ левантiйскихъ городахъ (les échelles) въ XVII вѣкѣ. Факторiя каждой нацiи представляла собою своего рода республику въ миниатюрѣ со своимъ главой въ видѣ консула, который являлся для купцовъ одновременно и представите-

[1]) Masson. Histoire du commerce français dans le Lévant au XVII siècle. p. 445 и сл.

лемъ королевской власти, и судьей, и защитникомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ-то: Каирѣ, Смирнѣ, каждый французскій купецъ имѣлъ свой домъ, но всѣ они находились въ опредѣленномъ кварталѣ, именуемомъ „contrée françaises“. Въ другихъ городахъ, какъ, напр., Александріи, Алеппо, Бейрутѣ, Саидѣ, они жили въ одномъ и томъ же зданіи, внѣ сношеній съ туземнымъ населеніемъ, вслѣдствіе чего въ время эпидемій чумы, какъ и въ случаѣ волненій среди туземнаго населенія, они находились въ безопасности. Но въ то же время эти подворья (camp) стѣсняли французскихъ купцовъ: они запирались на ночь, и ключъ передавался турецкому чиновнику, который возвращалъ его на другое утро; точно также по пятницамъ, во время утренней молитвы, купцы были заперты въ своемъ подворьѣ, ибо, по распространенному среди турокъ повѣрью, европейцы должны воспользоваться этимъ временемъ, чтобы захватить ихъ города [1]. Консулы выходили изъ дому лишь въ сопровожденіи янычаръ, купцы ходили свободно по своимъ дѣламъ, но всѣ они—и французы, и голландцы, и англичане принимали обликъ туземцевъ. Съ конца XVIII ст., когда вражда населенія къ нимъ уменьшилась, они стали носить европейскую прическу, въ Смирнѣ и Константинополѣ даже европейскую одежду; только въ Египтѣ это было сопряжено съ опасностями. Климатъ Малой Азіи, Сиріи и Египта былъ весьма вреденъ для европейцевъ, по крайней мѣрѣ, французы сильно страдали отъ лихорадки. Подъ вліяніемъ одной изъ такихъ эпидемій, французскій консулъ писалъ въ 1713 г.: изъ 100 французовъ, отправляющихся въ левантійскія страны, обыкновенно 90 умираютъ, трое возвращаются съ большими богатствами, пятеро болѣе богатыми или болѣе бѣдными, чѣмъ раньше, и двое разоряются.

Постепенно англичане и голландцы стали проникать и въ тѣ порты, гдѣ прежде господствовали французы. Хотя они, въ противоположность французамъ, всегда ограничивались лишь наибольшими торговыми центрами, французская торговля на Средиземномъ морѣ падала: изъ 554 судовъ, находившихся въ 1633 г. въ гаваняхъ Прованса, всего 182 были предназначены для плаванья въ левантійскія страны, остальныя же занимались каботажемъ у береговъ Лангедока, въ Испаніи и сѣверной Италіи. Въ 1664 г. число провансальскихъ судовъ, отправлявшихся въ левантійскіе порты, упало до 30, торговые обороты за полъ-столѣтія сократились съ 30 до 4 милл. Роль Средиземнаго моря въ международной торговлѣ падала все болѣе и болѣе — пряности съ ростомъ нидерландской торговли съ Остъ-Индіей совершенно исчезли оттуда, англичане и голландцы старались направить продукты Азіи исключительно въ порты Индійскаго океана. Постепенно и персидскія шелковыя ткани которыя долгое время имѣли огромное значеніе для торговли Марселя на Средиземномъ морѣ, измѣнили свой путь, направляясь чрезъ Ормузъ, а не на Смирну.

Очевидно, и Франція должна была пойти по стопамъ этихъ народовъ — вступить въ непосредственный обмѣнъ съ Индіей. Это было весьма нелегко, если имѣть въ виду, что первая компанія для торговли съ Остъ-Индіей, учрежденная въ 1604 г., вынуждена была пріобрѣтать суда и набирать экипажъ въ Голландіи; послѣдняя же всячески этому препятствовала и грозила уничтожить французскія суда и перевѣшать находящихся на нихъ голландцевъ. Но все же уже въ первой половинѣ XVII ст. компанія (или вѣрнѣе три компаніи, смѣнившія одна другую) отъ времени до времени отправляли корабли въ Индію.

Эпоху быстраго роста французской торговли представляетъ собою время Кольбера. При немъ совершалась колонизація Америки. Узнавъ о существованіи великой рѣки „Миссисипи“, что обозначаетъ „отецъ водъ“, французы надѣялись найти водный путь къ Тихому океану, ибо думали, что Миссисипи впадаетъ въ Калифорнскій заливъ. Хотя впослѣдствіи и выяснилась неправильность этого предположенія, но все же область Миссисипи, названная въ честь короля Луизіаной, была пріобрѣтена Франціей, и

[1]) Ср. выше, стр. 183 и сл.

возникъ обширный планъ созданія французской колоніальной имперіи отъ Мексиканскаго залива до устьевъ рѣки св. Лаврентія. Эта идея постепенно осуществлялась вплоть до половины XVIII ст., но французская колонизація въ Америкѣ по своей интенсивности не могли сравниться съ англійской: во всей колонизованной области насчитывалось всего 80 тыс. французскаго населенія къ срединѣ XVIII ст., тогда какъ англійскія колоніи въ Америкѣ имѣли свыше 250 тыс. колонистовъ. Столкновеніе между англичанами и французами должно было повести къ уничтоженію французскихъ колоній въ Сѣверной Америкѣ.

На основаніи Утрехтскаго мира 1713 г. Франція вынуждена была отдать Англіи Акадію (Новую Шотландію), Нью Фаундлендъ и области у Гудсонова залива; а второй актъ „великой драмы", разыгравшейся въ колоніальной исторіи Европы, совершился во время Семилѣтней войны, когда на саксонскихъ поляхъ сраженія была рѣшена судьба Канады; война дала возможность Англіи захватить Канаду и продиктовать затѣмъ Франціи свои условія мира. Франція лишилась Канады и другихъ своихъ владѣній въ Сѣв. Америкѣ и сохранила лишь небольшія владѣнія свои въ Гвіанѣ и нѣсколько Антильскихъ острововъ (Гваделупу, Мари-Галантъ, Санта-Луцію, Мартиникъ). Такъ что Парижскій миръ 1763 г. однимъ ударомъ лишилъ Францію колоній (она вынуждена была отдать Англіи и Сенегамбію въ Африкѣ) и въ особ. навсегда закрылъ ей дорогу въ ту часть Новаго Свѣта, гдѣ ей принадлежитъ честь открытія и изслѣдованія громадныхъ областей.

Не менѣе удачна была первоначально дѣятельность французовъ въ Индіи: со времени Кольбера они развивали свою торговлю съ Индіей, первоначально, главнымъ образомъ, бумажными тканями (главный рынокъ былъ въ Суратѣ); позже, когда привозъ ихъ былъ признанъ неудобнымъ для французскихъ мануфактуръ, главными объектами стали пряности. До начала XVIII ст. французамъ удалось пріобрѣсти только отдѣльныя факторіи въ Бенгаліи и на Коромандельскомъ побережьи. Но въ XVIII ст. ихъ политика измѣнилась: цѣлью являлся захватъ власти въ Индіи, т. е. то, что впослѣдствіи дѣлали англичане, причемъ для французовъ достиженіе этого облегчалось доброжелательнымъ отношеніемъ къ нимъ туземнаго населенія. Въ особенности благодаря Дюпле, французамъ удалось подчинить своему вліянію почти весь Деканъ, утвердиться въ Бенгаліи, временно даже отнять у англичанъ Мадрасъ. И лишь послѣ отозванія Дюпле они и здѣсь вынуждены были уступить первенство англичанамъ; торговля же французской остъ-индской компаніи (compagnie des Indes Orientales) никогда не имѣла того значенія, какъ обороты голландской или англійской остъ-индской компаніи.

Французскіе кружева, шелковыя и ковровыя издѣлія, зеркала и галантерейные товары, результатъ созданной Кольберомъ промышленности, производства предметовъ роскоши („французскіе товары") находили себѣ широкое распространеніе въ Европѣ. Торговые обороты Франціи, по Брюяру, возросли въ теченіе XVIII ст. (съ 1716 г. по 1789 г.) почти, въ десять разъ — съ 80 до 750 милл. фр. Для французскаго экспорта характерно

однако, что и въ XVIII ст. вывозъ пудры, румянъ, мыла, парфюмерныхъ товаровъ былъ по цѣнности не ниже вывоза шерстяныхъ тканей.

ГЛАВА II.

Торговая политика Англіи.

Позже всѣхъ другихъ въ качествѣ торговой державы выступаетъ на сцену Англія. По своему островному положенію, гдѣ каждый шагъ за предѣлы страны велъ въ море, она какъ бы предназначена была играть роль въ международной торговлѣ; цѣлый рядъ естественныхъ не замерзающихъ гаваней отъ Дувра до Плимута облегчалъ выходъ въ море и развитіе мореплаванія и морской торговли. Но въ средніе вѣка Англія находилась на краю міра, вдали отъ центровъ торговли, отъ Средиземнаго и Балтійскаго морей. Она не могла использовать своихъ естественныхъ преимуществъ, активной торговли она не вела, а пользовалась услугами ганзейскихъ и итальянскихъ купцовъ. Ганзейцы снабжали ее русскими мѣхами, фламандскимъ сукномъ и сырыми продуктами Скандинавскаго полуострова и прусскихъ низменностей; венеціанцы, гэнуэзцы и флорентинцы привозили англійской аристократіи цѣнные продукты Востока. Англичане отъ времени до времени дѣлали, правда, попытки освободиться отъ опеки иностранцевъ, стараясь завязать самостоятельныя сношенія съ другими странами, но ганзейцы и итальянцы этого не допускали. Появлявшихся въ Норвегіи англійскихъ купцовъ ганзейцы изгоняли силой и отнимали у нихъ товары; если же англійскія суда показывались въ Средиземномъ морѣ, то генуэзцы пускали ихъ ко дну.

Первый шагъ къ освобожденію отъ иноземнаго владычества въ области экономической жизни былъ сдѣланъ въ XV ст. съ развитіемъ вывоза англійскаго сукна. Въ то время, какъ раньше шерсть вывозилась изъ Англіи иностранцами, вывозомъ производимаго въ Англіи сукна занялась англійская компанія Merchant Adventurers. Она образовала свою факторію въ Брюгге, а затѣмъ въ XVI вѣкѣ въ Антверпенѣ. Здѣсь, въ Антверпенѣ, въ XVI вѣкѣ сосредоточивалась активная торговля Англіи. Правда, она этимъ и ограничивалась, и такъ какъ морской путь изъ Англіи въ Нидерланды былъ весьма незначителенъ, то англійское судоходство не могло развиваться. Самый вывозъ еще въ половинѣ XVI ст. не превышалъ 1,1 милл. ф. ст., причемъ большая часть его совершалась попрежнему иностранцами; ганзейцы вывозили 42 проц. сукна, 54 проц. кожъ, они же импортировали почти весь воскъ. И государственные займы Англія вынуждена была еще попрежнему заключать въ Антверпенѣ, такъ какъ внутри страны не находилось соотвѣтствующихъ капиталовъ.

Положеніе измѣнилось только во второй половинѣ XVI вѣка—въ эпоху Елисаветы. Вмѣсто 169 богатыхъ купцовъ, насчитывавшихся во всей Англіи въ XIV вѣкѣ, въ 1601 г. находимъ 3500 купцовъ, торгующихъ съ одними лишь Нидерландами. Исчезаютъ итальянскіе банкиры изъ Англіи, и она уже при Елисаветѣ пользуется національными капиталами (хотя прин-

ципъ Грешема о честномъ выполненіи правительствомъ принятыхъ на себя обязательствъ осуществился лишь въ XVIII вѣкѣ). Такой же переворотъ происходитъ и въ области товарной торговли. Прекращается посѣщеніе Англіи венеціанскими галерами, ибо англичане въ состояніи обойтись безъ посредничества итальянцевъ. Произведенія Востока, съ открытіемъ морского пути въ Индію, они пріобрѣтаютъ въ Лиссабонѣ, и Антверпенѣ, а не у венеціанцевъ. За продуктами же Малой Азіи и Персіи они посылаютъ собственныя суда въ Средиземное море; они учреждаютъ консульства въ Венеціи и другихъ итальянскихъ городахъ для содѣйствія этой торговлѣ и вступаютъ въ борьбу съ итальянцами на тѣхъ самыхъ моряхъ, которыя прежде разсматривались какъ собственность итальянцевъ и были закрыты для всѣхъ другихъ. То же самое происходитъ и съ ганзейцами. Широкія привилегія Ганзы въ Англіи исчезаютъ; ганзейцы ставятся на равную ногу съ прочими иностранцами, а въ 1598 г. совершенно закрытъ ганзейскій Stalhof въ Лондонѣ, и нѣмецкимъ купцамъ приказано въ теченіе двухъ недѣль выѣхать изъ Англіи. Англичане основываютъ свои факторіи и на сѣверѣ Европы—въ Гамбургѣ, врываются въ поле дѣятельности Ганзы.

Наконецъ, они дѣлаютъ и дальнѣйшій шагъ; Елисавета отказывается признать договоръ между Испаніей и Португаліей, которымъ онѣ подѣлили земной шаръ между собой; она считаетъ права на территорію безъ дѣйствительной оккупаціи ея недѣйствительными (that prescription whitout possession availed nothing). Англичане выступаютъ въ качествѣ конкурентовъ Испаніи и Португаліи въ борьбѣ изъ-за колоній, стараясь независимо отъ нихъ достигнуть Индіи, найти туда иной путь, сѣверный. Имѣя въ виду эту цѣль, Себастьянъ Каботъ открылъ уже въ 1497 г. Сѣверную Америку (Ньюфаундлендъ); а за нимъ послѣдовалъ рядъ другихъ путешественниковъ, среди нихъ Френсисъ Дрэкъ, въ 1577—80 г.г. совершившій кругосвѣтное плаванье и вернувшійся домой съ богатой награбленной имъ добычей. А въ то же время въ Англіи образовалась компанія (подъ названіемъ „Мистерія") для открытія пути въ Китай и Индію чрезъ сѣверныя страны восточнаго полушарія. Въ 1553 г. ею была отправлена экспедиція въ полярныя страны, которая попала въ Бѣлое море и завязала торговыя сношенія съ Московскимъ государствомъ. Вальтеръ Ралей („отецъ англійской колонизаціи") въ 1584 г. основалъ первую англійскую колонію—Виргинію на восточномъ берегу Сѣв. Америки, и хотя она просуществовала недолго, но ею было положено начало англійской колонизаціи въ Америкѣ. Въ 1591 г. отправилась первая англійская экспедиція въ Индію (Джемсъ Ланкастеръ), а въ 1600 г. образовалась компанія для торговли съ Остъ-Индіей, которой уже въ первые годы своего возникновенія удалось основать факторіи на Мальбарскомъ и Коромандельскомъ побережьи.

Конечно, все это были только первые шаги, но шаги чрезвычайно важные, которыми былъ заложенъ фундаментъ коммерческаго развитія Англіи. Они были сдѣланы во всѣхъ направленіяхъ—въ Сѣверной Америкѣ и Индіи, въ Московскомъ государствѣ и на Средиземномъ морѣ. Когда при преемникѣ Елисаветы Яковѣ I былъ заключенъ миръ съ Испаніей и испанцы потребовали, чтобы Англія отказалась отъ торговыхъ сношеній съ

„обѣими Индіями“, лордъ Берлей могъ заявить съ гордостью, что Англія не можетъ отказаться отъ этихъ странъ; она пріобрѣла тамъ уже территоріи, которыхъ не коснулась нога испанца, и предъ ней открываются еще новыя незанятыя пространства.

Испанія и Португалія уже въ первой половинѣ XVII вѣка потеряли свое торговое значеніе: въ 1588 г. уничтожена была испанская Армада и этимъ открытъ путь въ испанскія колоніи; въ 1635 г. на основаніи заключеннаго между Англіей и Португаліей мира португальскія гавани въ Индіи были открыты для англійскихъ судовъ. Но Англія имѣла иную соперницу— Нидерланды. Весь XVII вѣкъ и наполненъ борьбой съ Нидерландами; противъ нихъ былъ направленъ знаменитый Навигаціонный актъ Кромвеля 1651 г. Уже съ XV ст. въ Англіи былъ изданъ рядъ законовъ, которыми она, слѣдуя примѣру итальянскихъ городовъ, ганзейцевъ, испанцевъ, старалась путемъ покровительства собственному судоходству и кораблестроенію создать національный торговый флотъ. Елисавета замѣнила прежнія многочисленныя и противорѣчивыя постановленія двумя законами 1559 и 1563 г.г., въ силу которыхъ иностранныя суда облагались болѣе высокими сборами, чѣмъ англійскія, а каботажъ, т. е. плаванье между англійскими портами, былъ объявленъ привилегіей англійскихъ судовъ. Навигаціонный актъ Кромвеля, дополненный законами 1660 и 1665 г., состоялъ въ слѣдующемъ: 1) Каботажное плаванье и сношенія съ колоніями предоставляются исключительно англійскимъ судамъ. 2) При этомъ англійскими судами признаются лишь корабли, выстроенные въ Англіи и на которыхъ капитанъ англичанинъ и $^3/_4$ экипажа состоятъ изъ англичанъ. 3) Европейскіе товары могутъ привозиться въ Англію только на англійскихъ судахъ или на судахъ страны происхожденія, т. е. той страны, гдѣ они произведены. Въ послѣднемъ случаѣ, однако, товары облагаются двойной пошлиной; но и въ первомъ случаѣ (если они привозятся на англійскихъ судахъ) они должны быть доставлены непосредственно изъ страны происхожденія, а не изъ какихъ-либо иныхъ, напр., голландскихъ портовъ. 4) Наконецъ, уловъ и привозъ рыбы иностранными судами подлежатъ двойной пошлинѣ.

Такимъ образомъ, отнынѣ ни колоніальные товары, ни европейскіе продукты, за исключеніемъ однихъ лишь произведенныхъ въ Нидерландахъ, не могли ни ввозиться въ Англію голландскими судами, ни привозиться изъ голландскихъ портовъ; между тѣмъ и то и другое производилось ранѣе въ широкихъ размѣрахъ. Голландцы лишались также возможности заниматься рыбной ловлей у англійскихъ береговъ. Ихъ мореплаванью, торговому посредничеству между Англіей и другими странами былъ нанесенъ сильный ударъ. До середины XVII ст. половина привозимыхъ въ Англію шведскихъ товаровъ шла черезъ руки голландцевъ, съ 1769—76 г.г. черезъ ихъ посредство привозилось всего $^1/_6$ этихъ товаровъ Въ эти годы третья часть шведскаго экспорта направлялась въ Англію и всего 10 проц. его въ Нидерланды. Навигаціонный актъ вызвалъ рядъ войнъ между Англіей и Нидерландами, но онѣ закончились тѣмъ, что Голландія вынуждена была признать его законность. Съ этихъ поръ начинается быстрый ростъ англійскаго торговаго

флота, важнѣйшей опоры ея экономическаго могущества, осуществляется положеніе, что „будущность Англіи находится на водѣ“ („Rule Britannia, rule the waves“). Въ 1708 г. Чемберленъ могъ уже говорить, что Англія, благодаря своему островному положенію, господствующей въ ней свободѣ и превосходной конституціи, среди всѣхъ странъ наиболѣе приспособлена къ торговой дѣятельности. Рядомъ съ landed interest — землевладѣльцами, въ XVII ст. выступаетъ на сцену monied interest—торговый классъ. Дефоэ утверждалъ въ 1624 г., что въ Англіи занятіе промышленностью и торговлей вовсе не противорѣчитъ званію джентльмэна, а, напротивъ, именно создаетъ джентльмэна; Свифтъ прямо заявлялъ, что могущество, прежде соединенное съ землей, теперь перешло къ деньгамъ; а Юнгъ въ 1770 г. вычислилъ, что изъ $8^1/_2$ милл. англійскаго населенія имѣется всего 3,6 милл. землевладѣльческаго населенія и 3,7 милл. торговаго и промышленнаго класса.

Мирное развитіе своего торговаго преобладанія въ однихъ странахъ и кровопролитная борьба изъ-за захвата другихъ—вотъ тѣ два пути, которыми создалось коммерческое могущество Англіи во второй половинѣ XVII и въ XVIII вѣкѣ. Первымъ способомъ Англія подчинила себѣ Португалію. Въ 1654 г. Кромвель заключилъ договоръ съ Португаліей (который дѣйствовалъ вплоть до 1810 г.); установлена была „великая хартія англійскихъ правъ и привилегій въ Португаліи“. Англичанамъ предоставлена торговля со всѣми португальскими колоніями, въ томъ числѣ съ Бразиліей и Вестъ-Индіей, на равныхъ съ португальцами основаніяхъ. Португальцы обязаны пользоваться англійскими судами для сношеній съ заокеанскими странами и не могутъ фрахтовать другихъ иностранныхъ судовъ, разъ Англія въ состояніи удовлетворить ихъ требованіямъ. Наконецъ, установлена т. наз. система наибольшаго благопріятствованія, однако, односторонняя, въ пользу однихъ лишь англичанъ. Именно, коль скоро Португалія предоставитъ какія-либо выгоды другимъ государствамъ, онѣ тѣмъ самымъ распространяются и на Англію (въ этомъ состоитъ принципъ наибольшаго благопріятствованія). Въ дополненіе къ этому трактату въ 1703 г. былъ заключенъ торговый договоръ между „Свѣтлѣйшей и могущественнѣйшей Государыней Анной, королевой Великобританіи и свѣтлѣйшимъ могущественнѣйшимъ Петромъ, королемъ Португаліи“, извѣстный Метуенскій договоръ, который обезсмертилъ имя англійскаго посланника „превосходительнаго Джона Метуена, эсквайра“, отправленнаго въ Португалію въ качествѣ чрезвычайнаго посла для заключенія этого договора. Метуенскимъ договоромъ отмѣнялось въ пользу Англіи запрещеніе привоза иностранныхъ шерстяныхъ издѣлій, которое было установлено въ Португаліи въ 1684 году. Взамѣнъ этого допущенія англійскихъ матерій въ Португалію, англичане обязались установить преимущества для португальскихъ винъ, привозимыхъ въ Англію: они облагаются на $1/3$ ниже того, что взимается въ качествѣ пошлинъ съ французскихъ винъ.

Въ экономической литературѣ Метуенскому договору придается большое значеніе. Его называютъ наиболѣе знаменитымъ торговымъ договоромъ эры протекціонизма (Онкенъ), наиболѣе блестящимъ примѣромъ умѣлой торговой политики (Шмоллеръ); Англія сумѣла совершенно вытѣснить голландцевъ

и нѣмцевъ изъ торговли съ Португаліей и ея колоніями и всецѣло подчинить Португалію своему вліянію (Фридрихъ Листъ), вслѣдствіе чего пріостановилось развитіе сельскаго хозяйства и промышленности Португаліи (Шеферъ). Напротивъ, Ад. Смитъ находитъ этотъ договоръ гораздо болѣе выгоднымъ для Португаліи, чѣмъ для Англіи. Въ самой Англіи одни превозносили до небесъ автора договора, Метуена, утверждали, что ему нужно поставить памятникъ въ каждомъ торговомъ городѣ Англіи за то, что онъ сумѣлъ убѣдить португальцевъ въ томъ, что имъ, живущимъ подъ яснымъ небомъ, нѣтъ надобности идти противъ природы и заниматься изготовленіемъ шерстяныхъ матерій; это они должны предоставить англичанамъ, которыхъ сырой и холодный климатъ заставляетъ большую часть года проводить подъ крышей и работать въ спертомъ воздухѣ. Другіе, наоборотъ, находили, что, заключивъ договоръ помимо парламента, онъ совершилъ „открытое наглое покушеніе на англійскую свободу, за это онъ достоинъ смерти“ (къ счастью онъ уже раньше успѣлъ умереть).

Въ дѣйствительности, какъ можно усмотрѣть изъ приведеннаго выше договора 1654 г., этотъ трактатъ (а вовсе не Метуенскій) отдалъ Португалію во власть Англіи и уже подъ вліяніемъ его, Англія стала „владычицей морей, омывающихъ Пиренейскій полуостровъ“. Метуенскій договоръ измѣнилъ въ этомъ отношеніи весьма мало. Португальскій портвейнъ сталъ уже раньше національнымъ напиткомъ англичанъ, подъ вліяніемъ вражды къ Франціи, сокращавшей привозъ французскихъ винъ. „Размѣръ привоза португальскихъ винъ являлся показателемъ того, насколько вражда къ французамъ въ каждый данный моментъ выражалась въ направленныхъ противъ нихъ мѣрахъ торговой политики“. Послѣднія состояли прежде всего въ дифференціальныхъ (повышенныхъ) пошлинахъ на французскія вина, такъ что и до заключенія договора португальскія вина облагались обыкновенно на $1/3$ и даже на половину ниже французскихъ. Договоръ, слѣдовательно, закрѣпилъ лишь существовавшій ранѣе обычай и создалъ лишь извѣстное постоянство для португальскаго вывоза вина въ Англію; устранялись прежнія частыя измѣненія и колебанія, вызываемыя политическими отношеніями между Англіей и Португаліей, закрѣплялось на будущее время ея преимущество по сравненію съ Франціей. И впослѣдствіи, какъ сообщаетъ Савари (экстрактъ Саваріева Лексикона о коммерціи, переведенный Волчковымъ въ 1747 г.) — англичане берутъ изъ Порто славнаго португальскаго вина на всякое судно до 20 куфъ; по сту по двадцати ливровъ бочка, токмо сего вина въ Англіи мало остается, по большую часть онаго въ другія мѣста развозятъ „для особливой сихъ винъ природной кислости и остроты; которая, по объявленію докторовъ и лѣкарей, аглинскому народу весьма вредительна“ (стр. 138.144). Но и Англія не добилась многаго: Англія „одѣвала“ Португалію и раньше; лишь въ 1684 г. былъ запрещенъ привозъ въ Португалію иностранныхъ матерій. Но договоромъ 1703 г. Португалія вовсе не обязалась снять это запрещеніе для одной лишь Англіи; спустя нѣсколько лѣтъ, она безъ особаго соглашенія распространила эту мѣру и на голландцевъ и французовъ; былъ допущенъ привозъ всякаго сукна въ Португалію, независимо отъ его происхожденія. Если Англія все-же являлась главнымъ поставщикомъ шерстяныхъ тканей португальцамъ и находила тамъ широкій рынокъ сбыта (туда направлялось около $1/3$ части шерстяныхъ тканей, производимыхъ Англіей), то это объяснялось дешевизной ея продукта, по сравненію съ голландскими и французскими издѣліями. И для Англіи важно было лишь установленіе разъ навсегда свободы допущенія ея сукна, которое не могло быть отмѣнено, какъ для другихъ странъ, одностороннимъ постановленіемъ португальскаго короля. Метуенскій договоръ представляетъ собой, слѣдовательно, одну изъ первыхъ попытокъ уже въ эпоху протекціонизма установить извѣстное постоянство въ торговлѣ, устранить частыя колебанія, создать постоянный рынокъ для важнѣйшихъ объектовъ своего вывоза [1]).

Въ интересахъ своей шерстяной промышленности Англія вскорѣ послѣ этого заключила договоры и съ другими странами: съ Австріей, у которой въ 1715 г. выговорила себѣ пониженіе пошлины на шерстяныя издѣлія,

[1]) См. Schorer. Der Methuenvertrag, особ. p. 597 и сл.

ввозимыя въ австрійскіе Нидерланды; съ Испаніей, гдѣ англичане, по договору 1713 г., пользовались всѣми льготами, предоставляемыми другимъ державамъ (правомъ наибольшаго благопріятствованія) и гдѣ англичане—по словамъ Савари—„всякіе торги пополамъ съ голландцами имѣютъ и множество своихъ суконъ, славныхъ аглинскихъ этаминовъ, саржей, перпетуэлей, баекъ и другихъ шерстяныхъ матерій посылаютъ".

Въ Московскомъ государствѣ англійская компанія съ половины XVI вѣка пользовалась широкими правами въ области торговли: правомъ торговать безпошлинно, какъ въ самой Россіи, такъ и чрезъ нее съ Востокомъ, правомъ заводить въ Россіи конторы и подворья, исключительнымъ правомъ приставать въ гавани двинскія и на сѣверѣ отъ Двины. Допускалось хожденіе англійской монеты въ Москвѣ, Новгородѣ и Псковѣ; дозволялось англичанамъ пользоваться для своихъ торговыхъ поѣздокъ ямскими лошадьми; они жили вездѣ „по англійскому закону"; за долги они не могли быть посажены въ тюрьму, съ нихъ бралось лишь поручительство [1]). Правда, Іоаннъ Грозный подъ сердитую руку бранилъ свою „любительную сестру, Елисаветъ Королевну" „пошлой дѣвицей" за то, что ея королевствомъ помимо нея „люди владѣютъ, да не токмо люди, а мужики торговые", и этихъ „торговыхъ мужиковъ" онъ не разъ несправедливо обижалъ, но все же онъ былъ другомъ англичанъ. Послѣ же смерти этого „англійскаго царя", какъ назвалъ Грознаго Щелкаловъ, права англичанъ нѣсколько сократились, несмотря на покровительство, оказываемое имъ Борисомъ Годуновымъ, „лордомъ-протекторомъ", какъ его называли англичане въ царствованіе Θеодора. Имъ запрещено было торговать въ розницу и дозволено держать подворья лишь въ нѣкоторыхъ городахъ (грамота 1587 г.); но и при Михаилѣ Θеодоровичѣ и въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича они пользовались широкими привилегіями и держали въ своихъ рукахъ торговлю Россіи съ Западомъ. Конкуренція голландцевъ, датчанъ, шведовъ, которыхъ англичане первоначально старались совершенно вытѣснить, требуя для себя исключительной привилегіи торговли, повидимому, нисколько не была опасна для нихъ, тѣмъ болѣе, что голландцы не обладали столь значительными привилегіями, какъ англичане.

Только при Алексѣѣ Михайловичѣ и тѣ и другіе были сравнены въ правахъ; а съ половины XVII ст. голландцы даже пользовались большими выгодами, ибо въ 1649 г. англичане лишены были своихъ прежнихъ привилегій—царь придрался къ тому, что они „всею землею учинили злое дѣло: государя своего Карлуса—короля убили до смерти". Тѣмъ не менѣе англичане попрежнему играли роль въ торговлѣ съ Россіей, хотя и меньшую, чѣмъ голландцы; а съ первыхъ десятилѣтій XVIII вѣка торговля снова очутилась во власти англичанъ. Въ ихъ рукахъ сосредоточивался вывозъ изъ Россіи товаровъ, составлявшихъ монополію казны—мѣди, желѣза, поташа, ревеня,—послѣдній сбывался не только въ Англіи, но и въ Нидерландахъ и Гамбургѣ исключительно англійскимъ резидентомъ, жившимъ въ

[1]) Костомаровъ. Очеркъ торговли Московскаго государства въ XVI и XVII ст. стр. 20 и сл. Любименко. Исторія торговыхъ сношеній Россіи съ Англіей. Ч. I. 1912.

С.-Петербургѣ. Изъ прочихъ товаровъ они вывозили большую часть пеньки и полотенъ, рыбьяго клея, щетины, воска, сала, а также болѣе половины всѣхъ отпускавшихся заграницу кожъ и льна. Французы, итальянцы, испанцы получали русскіе товары чрезъ посредство англичанъ, и неоднократныя попытки установить непосредственныя торговыя сношенія между Россіей и Франціей оказывались безрезультатными.

Кромѣ казны англичане вели такимъ образомъ торговлю и съ русскими оптовыми торговцами, которые въ началѣ зимы пріѣзжали въ Петербургъ для заключенія съ англичанами контрактовъ о поставкѣ русскихъ товаровъ будущимъ лѣтомъ. Англичане оказывали русскимъ купцамъ кредитъ на срокъ 6—12 и даже 18 мѣсяцевъ; они впервые стали кредитовать русскихъ и ихъ примѣру уже послѣдовали другіе иноземцы. Въ розницу англичане торговать не могли, какъ и не могли торговать и мѣняться товарами между собою и съ другими иноземцами или заключать съ ними записи или подряды; согласно Новоторговому уставу 1667 г., это было запрещено—какъ и въ другихъ странахъ—всѣмъ иноземцамъ, ибо „отъ того русскимъ людямъ въ ихъ торгахъ причинялось помѣшательство и убытокъ“. Но гораздо больше значенія, чѣмъ эти стѣсненія, имѣла для англичанъ недобросовѣстность русскихъ купцовъ, нерѣдко отказывавшихся признавать долги своихъ приказчиковъ и устраивавшихъ злостныя банкротства; они страдали и отъ злоупотребленій таможенныхъ чиновниковъ, отъ судебной волокиты и т. д. „Кредитъ, иже есть душа въ купечествѣ“, жаловались англичане, „чрезъ нынѣшнее въ платежахъ долгое продолженіе и между купцами неисправность, также и чрезъ волокитное поведеніе въ полученіи суда—утратился и разорился“ [1]).

Для устраненія этихъ и нѣкоторыхъ другихъ злоупотребленій Англія предложила Россіи заключить торговый договоръ и такой „трактатъ между Россійскимъ и Англійскимъ Дворами о дружбѣ и взаимной между обѣихъ Державъ коммерціи“ состоялся въ 1734 г. срокомъ на 15 лѣтъ. Онъ основанъ на принципѣ наибольшаго благопріятствованія: „постановили и договорили, что обѣихъ странъ подданные въ ихъ областяхъ всегда, яко наилучше фаворизованной народъ, трактованы и почитаны быть имѣютъ“. Въ частности „подданнымъ обѣихъ высокодоговаривающихся странъ не надлежитъ съ привозныхъ и вывозныхъ товаровъ своихъ болѣе пошлинъ платить, почему другихъ народовъ подданные тамо платятъ“. Но кромѣ того англичане добились того, что договоромъ были для нихъ понижены пошлины на шерстяные товары—англинскія солдатскія сукна, толстыя сукна іоркской провинціи, широкія фланели и узкія фланели. И въ Россіи такимъ образомъ, какъ и въ Испаніи и Австріи, англичане преслѣдовали цѣль расширенія сбыта своего сукна [2]).

Утвердившись уже съ конца XVI вѣка рядомъ съ французами въ торговлѣ съ Турціей и другими левантійскими странами, англичане съ начала XVII ст. вмѣстѣ съ голландцами расширяютъ ее насчетъ французской торговли.

[1]) См. Остроуховъ. Англо-русскій торговый договоръ, 1734, стр: 41—50. 99.
[2]) Остроуховъ. Тамъ же.

Это совершилось, съ одной стороны, благодаря добросовѣстному выполненію ими принятыхъ на себя въ торговыхъ сношеніяхъ обязательствъ и доставленію шерстяныхъ тканей высокаго качества, которыми они вскорѣ заполнили левантійскія страны; это были new drapery—тонкія и легкія ткани, предназначенныя для теплыхъ странъ. А съ другой стороны, они сумѣли создать крѣпкую организацію торговли въ видѣ образованной окончательно въ 1606 г. левантійской компаніи; компанія эта посылала большія суда, нагруженныя втрое большимъ количествомъ товаровъ, чѣмъ французскія, но все же не требовавшія болѣе многочисленнаго экипажа. Суда эти ѣздили флотиліями и поэтому легче избѣгали нападеній пиратовъ, которыми кишѣло Средиземное море. Центральнымъ пунктомъ англійскихъ судовъ являлось Ливорно, откуда они затѣмъ посѣщали Венецію, Смирну, Константинополь. При ввозѣ товаровъ они платили 3 проц. съ цѣны, вмѣсто 5 проц., уплачиваемыхъ французами.

По словамъ Савари (Parfait négociant), левантійская торговля, гдѣ англичане сбывали рядомъ съ большимъ количествомъ матерій свои металлы (олово, жесть), перецъ и кошениль изъ колоній, имѣла для нихъ не меньше значенія, чѣмъ обмѣнъ съ Индіей и Америкой,—даже больше, такъ какъ сюда экспортировалось значительное количество промышленныхъ издѣлій, тогда какъ въ заокеанскія страны вывозились почти исключительно деньги.

Гораздо болѣе существенная разница между англійской торговлей въ этихъ странахъ—въ Московскомъ государствѣ, на Пиренейскомъ полуостровѣ, въ левантійскихъ странахъ, какъ и въ Германіи (Гамбургѣ), съ одной стороны, и въ заокеанскихъ частяхъ свѣта, съ другой стороны, состояла въ слѣдующемъ. Въ первомъ случаѣ она основана была на торговыхъ договорахъ, предоставляющихъ англичанамъ опредѣленныя привилегіи, на факторіяхъ, устроенныхъ ими, съ разрѣшенія мѣстныхъ властей, въ тѣхъ или иныхъ мѣстахъ. Англичане здѣсь были иностранцами, нерѣдко терпѣли непріятности отъ мѣстнаго населенія, въ любой моментъ могли лишиться своихъ привилегій. Иное дѣло въ Индіи и Америкѣ, гдѣ они являлись въ качествѣ завоевателей и колонизаторовъ, гдѣ имъ принадлежали обширныя пространства земли, гдѣ возведены были форты и содержалось войско. Тамъ они были повелителями, могли произвольно устанавливать цѣны на пріобрѣтаемые и сбываемые продукты, запрещать колоніямъ производство тѣхъ или иныхъ товаровъ, въ особенности промышленныхъ издѣлій, заставляя ихъ пріобрѣтать послѣднія исключительно отъ англичанъ. Въ Америкѣ Англія пріобрѣла колоніи посредствомъ отнятія различныхъ территорій у другихъ странъ—Канады, Новой Шотландіи (Акадіи), Луизіаны и области Миссисипи у Франціи (1713 и 1763 г.), Новаго Амстердама, переименованнаго въ Нью-Іоркъ, у Голландіи (1667 г.), еще раньше Ямайки у Испаніи (1655 г.). Къ этому присоединились земледѣльческія колоніи, созданныя самими англичанами—Массачусетсъ (пуритане), Мерилендъ (католики), Пенсильванія (квакеры); здѣсь возникли табачныя и рисовыя плантаціи, обрабатываемыя привозимыми изъ Африки рабами-неграми. Однако, изъ всей обширной территоріи, захваченной въ Сѣверной Америкѣ и простиравшейся отъ Аллеганскихъ горъ до Атлантическаго океана, англичанамъ удалось удержать одну лишь Канаду, ибо 13 колоній, подъ вліяніемъ стѣсненій, установленныхъ Англіей, отпали отъ нее въ 1773 г. и образовали само-

стоятельное государство [1]). Свои владѣнія въ Южной Америкѣ и Вестъ-индскомъ архипелагѣ (Ямайка) они сохранили.

Напротивъ, въ Остъ-Индіи англичане основали обширную имперію. На Малайскомъ архипелагѣ они, вслѣдствіе противодѣйствія Голландіи (кровавое столкновеніе на Амбоинѣ въ 1620 г.), не могли утвердиться; но зато на континентѣ они—именно англійская остъ-индская компанія, которой принадлежала монополія колонизаціи и торговли въ Индіи,—основали рядъ факторій: Бомбей, Мадрасъ, Каликутъ, а затѣмъ пошли вглубь Индостана, гдѣ возникла въ 1700 г. Калькутта. Благодаря Роберту Клайву и Уорренъ-Гастингсу, остъ-индская компанія вытѣснила изъ Индіи главныхъ враговъ своихъ—французовъ, которые вынуждены были отказаться отъ Бенгаліи и сохранили за собой лишь пять факторій, гдѣ, однако, не могли ни строить укрѣпленій, ни содержать гарнизоновъ. А затѣмъ ею же было предпринято завоеваніе Индіи, имперіи великаго могола.

Съ 1697 г. по 1773 г. привозъ и вывозъ Англіи, по Уайтворсу, увеличился въ 3—4 раза (привозъ съ $3\frac{1}{2}$ до 11,4 милл. ф. ст., вывозъ съ $3\frac{1}{2}$ до $14\frac{3}{4}$ милл. ф. ст.), а до 1805 г. весь торговый обмѣнъ возросъ въ 9 разъ (съ 7 милл. въ 1697 г. до $64\frac{1}{2}$ милл. въ 1805 г.). Торговый флотъ ея, насчитывавшій въ 1704 г. 260 тыс. тоннъ, возросъ въ XVIII ст. на $1\frac{1}{2}$ милл. тоннъ, причемъ въ составъ его входило большое количество отнятыхъ у другихъ странъ во время войнъ кораблей; такъ въ 1651—55 г.г. у Голландіи захвачено 1600 судовъ.

Англія была къ концу XVIII вѣка какъ первой промышленной, такъ и первой торговой и колоніальной державой міра.

ГЛАВА III.

Старые и новые торговые центры.

Соотвѣтственно измѣнившемуся торговому пути, измѣнились и главные рынки, торговые города, игравшіе роль въ международномъ обмѣнѣ. Какъ указываетъ Гецъ, въ XVII—XVIII ст. только нѣкоторые избранные города обнаруживаютъ ростъ, благодаря своему географическому положенію и выдвигаются далеко впереди всѣхъ другихъ; многіе же города теряютъ вмѣстѣ съ переходомъ отъ торговли, охватывающей всего $\frac{1}{3}$ земного шара, къ міровой торговлѣ свое прежнее значеніе. Въ XVI вѣкѣ пріобрѣтаетъ торговое значеніе прежде всего Лиссабонъ, въ это время центръ всего торговаго обмѣна съ Индіей, „резиденція Европы“, какъ говорили на Востокѣ. Далѣе, крупное значеніе имѣла Севилья, исходный пунктъ въ торговыхъ сношеніяхъ Испаніи съ Америкой — сюда приставали т. наз. серебряныя флотиліи.

[1]) Любопытно, что поводъ къ началу войны заключался вовсе не въ обложеніи чая, привозимаго въ Америку, пошлинами, а, напротивъ, въ предоставленіи остъ-индской компаніи ввозить чай въ Америку безпошлинно. Послѣднее дѣлало невыгодной ту широкую контрабандную торговлю чаемъ, которую развили сами колонисты (монополія торговли съ Америкой принадлежала англичанамъ), и это то вызвало возмущеніе и привело къ тому, что грузъ чая, привезенный на корабляхъ компаніи, былъ выброшенъ въ Бостонѣ въ море—это послужило сигналомъ войны.

Здѣсь, въ „casa de contratation“, составлялся реестръ товаровъ каждаго корабля, возвращавшагося изъ испанской Америки. Къ концу XVI ст., однако, когда Гвадалквивиръ настолько обмелѣлъ, что суда „индійской“ флотиліи не могли съ полнымъ грузомъ пройти чрезъ мель въ Санъ-Лукарѣ, Севилья вынуждена была уступить часть своего владычества Кадиксу. Въ Кадиксѣ въ XVII—XVIII ст. сходились пути изъ американскихъ колоній, Африки и Средиземнаго моря. Сюда пріѣзжали въ большомъ количествѣ англійскіе и фламандскіе корабли, какъ за пріобрѣтеніемъ піастровъ—монеты, необходимой въ торговлѣ съ Левантомъ, такъ и для торговли отсюда съ Марокко. Опасаясь отправляться въ Марокко, гдѣ происходили постоянные разбои, они помѣщали свои товары въ Кадиксѣ—каждая нація имѣла въ порту судно, служившее ей складомъ и освобожденное отъ пошлинъ.

Для XVI ст. особенно важны кастильскія ярмарки (Медина дель Кампо, Виллалонъ и Медина дель Ріосеко). Эти ярмарки называли началомъ и концомъ всѣхъ испанскихъ платежей, ибо здѣсь заключались займы представителями короны съ иностранными банкирами, въ особ. генуэзцами—на веденіе войны съ Нидерландами. Здѣсь производились обширные платежи по торговымъ дѣламъ безъ уплаты наличными, путемъ простого сличенія разсчетныхъ книгъ (сконтраціи); ибо, несмотря на принадлежавшіе Испаніи перуанскіе серебряные рудники, она никогда не имѣла денегъ, и каждая серебряная флотилія лишь на короткое время орошала высохшую землю. Здѣсь прибывшее изъ „Индіи“ серебро передавалось кредиторамъ казны, поскольку вообще платились долги; но уже въ 1775 г. король объявилъ себя банкротомъ и прекратилъ платежи.

Изъ французскихъ городовъ развиваются: Парижъ, центръ всей культурной Европы въ XVIII вѣкѣ; Марсель — главный пунктъ французской торговли на Средиземномъ морѣ; Гавръ, гавань Парижа, гдѣ Ришелье велѣлъ въ 1628 г. соорудить (первый въ Европѣ) защищенный шлюзами портъ; будучи наиболѣе близко изъ всѣхъ европейскихъ портовъ расположенъ къ Америкѣ, Гавръ вскорѣ пріобрѣлъ огромное значеніе въ торговлѣ съ Америкой, въ особ. съ Центральной Америкой и Антильскими островами. Въ XVIII ст. растетъ значеніе и Бордо для торговли съ колоніями.

Во второй половинѣ XVIII ст. въ Бордо строилось ежегодно въ среднемъ 18 судовъ въ 6 тыс. тоннъ въ первой половинѣ XVIII в. отправлялось ежегодно около 100 судовъ въ колоніи, въ слѣдующія десятилѣтія больше, хотя еще въ 1749—56 г.г. изъ Гавра отправилось столько же судовъ въ колоніи, сколько изъ Бордо и Марселя вмѣстѣ взятыхъ. Число судовъ, отправленныхъ въ колоніи, составляло въ среднемъ въ 1749—55 г.г.: изъ Бордо 163, изъ Нанта 103, изъ Ларошели 41, изъ Марселя 29 [1]).

Во Франціи мы находимъ въ XVII—XVIII ст. четыре порто-франко (ports francs), т. е. такіе портовые города, которые лежатъ за таможенной границей государства и гдѣ поэтому суда выгружаются безъ таможеннаго досмотра. Послѣдній имѣетъ мѣсто только тогда, когда товаръ вывозится внутрь страны, за предѣлы городской черты. Въ городѣ же товары могутъ свободно разгружаться, помѣщаться въ склады или перерабатываться въ промышленныхъ заведеніяхъ [2]). Такими порто-франко являлись Марсель, Дюнкеркъ, Байонна, Лоріанъ. Наибольшее значеніе среди нихъ пріобрѣлъ въ торговлѣ Марсель, „царица Средиземнаго моря“, какъ этотъ городъ называли въ тѣ времена. Будучи въ средніе вѣка свободной коммуной, которая своихъ купцовъ, въ противоположность иностранцамъ, освобождала отъ всякихъ сборовъ, Марсель и

[1]) Malvezin. Hist. du commerce de Bordeau. T. III. p. 140—1. 185. 193. 203—4.

[2]) Въ портахъ, объявленныхъ порто-франко, допускается—въ отличіе отъ нынѣшнихъ вольныхъ гаваней—устройство фабрикъ и заводовъ и потребленіе иностранныхъ безпошлинныхъ товаровъ; въ вольныхъ гаваняхъ не могутъ быть устраиваемы промышленныя заведенія и проживать тамъ могутъ только лица портоваго и таможеннаго управленія.

впослѣдствіи, когда онъ вошелъ въ составъ французскаго государства, сохранилъ свои вольности: съ установленіемъ государственныхъ таможенъ, Марсели былъ попрежнему выдѣленъ изъ таможенной черты, и вслѣдствіе этого, многочисленныя пошлины на привозимые и вывозимые товары не касались грузовъ, прибывавшихъ въ Марсель. Однако, соотвѣтственно срерневѣковой политики покровительства своимъ купцамъ и стѣсненія купцовъ другихъ городовъ и странъ, вольностями пользовались въ сущности одни марсельскіе купцы, ибо съ товаровъ, привозимыхъ на другихъ судахъ, взимался цѣлый рядъ различныхъ сборовъ въ пользу города. Такое положеніе сохранилось и впослѣдствіи, когда при Кольберѣ прежній режимъ городскихъ вольностей былъ отмѣненъ и замѣненъ установленіемъ порто-франко. Хотя главную выгоду отъ этого извлекли иногородніе и иностранцы, такъ какъ они были освобождены отъ прежнихъ портовыхъ сборовъ—для городскихъ жителей это обозначало лишь сохраненіе прежняго порядка — но все же разница между тѣми и другими была сохранена въ одномъ существенномъ отношеніи: именно, по требованію самого же города, „который оказался болѣе протекціоннымъ, чѣмъ самъ отецъ протекціонизма—Кольберъ", привозимые иностранцами товары облагались пошлиной въ 20 проц., если это не были товары ихъ родины (по примѣру навигаціоннаго акта Кромвеля). Этимъ путемъ Марсель желалъ сохранить торговлю съ левантійскими странами—на товары, привозимые изъ американскихъ колоній его порто-франко не распространялось—въ своихъ рукахъ и не желалъ допускать къ ней другихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ для всѣхъ обязательно было привозить левантійскіе товары (также подражаніе навигаціонному акту) въ Марсель непосредственно изъ странъ происхожденія, а не изъ какихъ-либо иныхъ портовъ. Наконецъ, самый привозъ этихъ товаровъ во Францію могъ производиться согласно эдикту 1699 г., лишь чрезъ Марсель (и Руанъ, хотя послѣдній въ ней принималъ мало участія). Вслѣдствіе этого, для всей Франціи Марсель являлся единственнымъ портомъ въ торговлѣ съ Левантомъ, и свою торговлю онъ сильно развилъ въ ущербъ Венеціи. Но другая цѣль, которую особенно имѣлъ въ виду Кольберъ, создать въ Марсели портъ, куда бы заходили корабли всѣхъ національностей, образовать складочное мѣсто, гдѣ бы стекались левантійскіе товары и этимъ путемъ вытѣснить англичанъ и голландцевъ изъ левантійской торговли,—не могла быть достигнута: 20-проц. пошлина заставляла голландцевъ и французовъ предпочитать Марсели Ливорно, или Мессину, или Геную. Только датчане, шведы, ганзейцы заходили сюда (какъ и въ Ливорно) и принимали грузъ левантійскихъ товаровъ (въ особ. хлопокъ, сахаръ, кофе); пересылались эти товары также въ южную Германію и Швейцарію черезъ посредство жившихъ въ Марсели женевскихъ купцовъ (хотя туда товары шли и черезъ Геную)—единственныхъ иностранцевъ, которыхъ Марсель не стѣснялъ въ ихъ дѣятельности. Наконецъ,—на что не разсчитывалъ ни городъ ни Кольберъ—здѣсь возникъ рядъ отраслей промышленности, какъ-то: производство мыла, сахара-рафинада, шляпъ, издѣлій изъ ко́ралловъ, шелковыхъ тканей и парчи (конкуренты Ліона), т.-е. промыслы, которые могли работать дешевле, чѣмъ внутри страны, такъ какъ въ Марсели не приходилось платить пошлинъ на привозимые матеріалы, и кромѣ того эти товары имѣли свободный сбытъ прямо за границу. При ввозѣ же въ другія части Франціи, внутрь таможенной черты, они были—въ видѣ особой льготы—обложены ниже, чѣмъ иностранные товары [1] [2].

Въ Ліонъ уже съ конца XV вѣка переходитъ изъ Женевы товарный обмѣнъ между Франціей, Италіей и южной Германіей; позже, въ связи съ предоставленіемъ ліонскимъ ярмаркамъ полной свободы вексельныхъ операцій, туда переходитъ и торговля денежная и вексельная. Ліонская биржа которую посѣщали преимущественно флорентинскіе коммерсанты, играла въ XVI ст. важную роль, въ особенности для французскаго государствен-

[1] Masson. Les ports francs d'autrefois et d'anjourd'hui. 1904. p. 1—62.

[2] Особенно славился Марсель какъ центръ мыловаренной промышленности См. объ этомъ Тарле. Рабочій классъ во Франціи въ эпоху революціи. II. 61. 233 324 и др.

наго кредита, ибо здѣсь заключались займы—король обращался къ „биржѣ“, а не къ отдѣльнымъ купцамъ.

Однако центръ торговаго обмѣна все болѣе перемѣщался въ тотъ пунктъ сѣверо-западной Европы, гдѣ Атлантическій океанъ сливается съ Сѣвернымъ моремъ, гдѣ морскіе пути съ юга, изъ южной Европы, Индіи, Америки и съ сѣверо-востока встрѣчаются съ сухопутной дорогой, идущей съ юго-востока внутрь материка. Уже одновременно съ Лиссабономъ (и Ліономъ) здѣсь выдвинулся по своему торговому значенію, затмѣвая его все болѣе и болѣе,—Антверпенъ, гдѣ возникла первая міровая биржа; ему долженъ былъ уступить свое мѣсто Брюгге.

„Тамъ раздавался гулъ голосовъ на самыхъ различныхъ языкахъ, тамъ можно было видѣть разношерстную смѣсь всевозможныхъ одеждъ—пишетъ современникъ,—это былъ цѣлый міръ въ миніатюрѣ“. Антверпенъ, по словамъ англичанъ, „проглотилъ купцовъ другихъ городовъ и ихъ торговлю“. Современники, на которыхъ торговля Антверпена производила ошеломляющее впечатлѣніе, сообщали фантастическія цифры объ его оборотахъ: число кораблей, входящихъ въ его гавань и выходящихъ изъ нея, превышаетъ нерѣдко 2000 въ день; еженедѣльно въѣзжаетъ и уѣзжаетъ до 10 тыс. возовъ, нагруженныхъ товарами.

Развитіе Антверпена начинается съ тѣхъ поръ, какъ португальскій король превратилъ торговлю перцемъ въ регалію: прибывавшій изъ Индіи грузъ онъ сбывалъ далѣе въ Антверпенъ торговымъ компаніямъ, которыя еще во время нахожденія груза въ пути давали нуждавшемуся въ деньгахъ королю значительную часть платы впередъ. Огромное значеніе для Антверпена имѣлъ и сбытъ англійскаго сукна, которое массами привозилось сюда, сбывалось здѣсь крупнымъ торговымъ фирмамъ, и отсюда уже распредѣлялось ими дальше по Европѣ. Но на антверпенской биржѣ производились и обширныя операціи государственными фондами, ибо нидерландское правительство, англійскіе короли, Испанія—всѣ они чрезъ посредство своихъ факторовъ заключали займы и производили платежи на этой биржѣ. Однако, и торговля Антверпена, подобно торговлѣ Брюгге въ предшествующія столѣтія, находилась по преимуществу въ рукахъ иностранцевъ—итальянскихъ и южно-германскихъ купцовъ, и какъ только иностранцы покинули Антверпенъ, прекратилось и торговое значеніе его.

Это совершилось, когда завоеваніе Антверпена испанцами въ 1576 г. и закрытіе Шельды, превратившее его изъ морского порта въ континентальный городъ, привели къ полному упадку его торговли; въ 1584 г. остававшіеся еще тамъ иностранные купцы либо переселились на сѣверъ, либо вынуждены были прекратить платежи; въ 1609 г. въ Антверпенѣ насчитывалось всего два купца изъ Генуи, одинъ изъ Лукки и ни одного флорентинца. Антверпенская биржа совершенно опустѣла, въ ея галлереяхъ была устроена городская библіотека, позже тамъ были установлены станки для выдѣлки ковровъ. Его наслѣдство перешло съ начала XVII вѣка къ Амстердаму, расположенному въ юго-западномъ углу Южнаго моря (Зюдерзе), доступнаго кораблямъ, и въ то же время защищеннаго отъ вѣтровъ лежащими передъ нимъ островами. Антверпенъ развился благодаря португальской торговлѣ съ Индіей; напротивъ, съ переходомъ торговаго пре-

обладанія къ Голландіи, выдвинулся Амстердамъ; онъ сталъ вскорѣ международнымъ торговымъ центромъ, сосредоточившимъ въ своихъ рукахъ всю міровую голландскую торговлю—какъ привозимыми изъ Индіи пряностями, такъ и европейскими товарами; къ нимъ присоединялась оживленная биржевая спекуляція акціями—вновь возникшая отрасль коммерческой дѣятельности (см. ниже). Но здѣсь—какъ прежде въ ганзейскихъ городахъ—активная торговля принадлежала уже самимъ голландцамъ; они производили здѣсь операціи, какъ продуктами прибалтійскихъ странъ, такъ и Остъ-Индіи и Вестъ-Индіи.

Одновременно съ этимъ начинается и ростъ Лондона и Ливерпуля; постепенное развитіе ихъ даетъ представленіе о возвышеніи торговаго могущества Англіи.

Уже въ 1700 г. въ Лондонъ прибывало ежегодно свыше 1300 кораблей (англійскихъ и иностранныхъ), насчитывавшихъ болѣе 150 тыс. тоннъ. Въ 1559 г. въ лондонскомъ порту имѣлось 22 „legal cays", гдѣ допускалась нагрузка и разгрузка кораблей между восходомъ и закатомъ солнца; въ 1696 г. былъ устроенъ первый запирающійся шлюзами со стороны моря докъ въ лондонской гавани (отданъ въ концессію герцогу Бедфордскому); въ теченіе XVIII вѣка число кораблей возросло въ $2^1/_2$ раза, количество тоннъ увеличилось въ $3^1/_2$ раза. Уже въ концѣ XVII вѣка англичане съ гордостью разсказывали о тѣхъ огромныхъ суммахъ, которыя уплачивались на лондонской таможнѣ и о томъ лѣсѣ мачтъ, который покрывалъ Темзу вплоть до Тоуера. Хотя все судоходство Лондона въ это время едва достигало 70 тыс. тоннъ, но оно казалось англичанамъ колоссальнымъ: дѣйствительно, эти 70 тыс. тоннъ составляли третью часть всего количества тоннъ королевства. Въ Лондонѣ сосредоточивалась англійская торговля какъ съ континентомъ Европы, такъ и съ Индіей и американскими колоніями: принадлежавшая Англіи, по навигаціонному акту, монополія торговли съ колоніями находилась въ рукахъ Лондона, ибо здѣсь помѣщались привилегированныя заокеанскія компаніи. Другіе города: Манчестеръ, Бирмингемъ еще не играли роли; развивались попрежнему Дублинъ и Бостонъ (въ 1766 г. пришло 434, вышло 363 корабля). Во время Карла II говорили и о Ливерпулѣ, какъ о городѣ сдѣлавшемъ за послѣднее время большіе успѣхи и ведущемъ торговлю съ „сахарными" колоніями. Торговое значеніе Бостона и Ливерпуля основывалось на ихъ сношеніяхъ съ западной Африкой и Америкой и покоилось на торговлѣ неграми. Эти города вывозили металлическія издѣлія (ножи, булавки, пряжки, пуговицы, гвозди и т. п.) Шеффильда и Бирмингема въ западную Африку, обмѣнивали ихъ здѣсь на невольниковъ и доставляли послѣднихъ на бразильскія и вестъ-индскія плантаціи, откуда взамѣнъ этого вывозили колоніальные товары въ Англію. Въ Ливерпулѣ число тоннъ (пришедшихъ и вышедшихъ судовъ) возросло съ 27 тыс. въ 1730 г. до 140 тыс. въ 1770 г.; въ 1709 г. былъ выстроенъ первый, а въ 1737 г. второй докъ, и размѣры гавани были увеличены до $1^1/_2$ мили въ длину. Къ концу XVIII ст. Ливерпуль опередилъ Бостонъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ Бразилія стала поставщикомъ хлопка для находившейся по близости отъ Лондона и соединенной съ нимъ Бриджуатерскимъ каналомъ хлопчатобумажной индустріи Манчестера. Изъ вывезенныхъ въ 1783—93 г.г. изъ западной Африки въ Вестъ-Индію 814 тыс. негровъ (по Baines'у) половина была транспортирована на ливерпульскихъ судахъ.

Въ противоположность этимъ городамъ и странамъ, торговые центры, расположенные у Средиземнаго моря, съ открытіемъ новаго пути въ Индію, потеряли свое прежнее значеніе. Вѣнскіе купцы жаловались въ 1512—13 г.г. императору Максиміліану, что въ Венеціи невозможно болѣе достать необходимаго количества перца и просили о допущеніи въ Вѣну иностранныхъ купцовъ, привозящихъ перецъ изъ Антверпена, Франкфурта и Нюрнберга

Въ 1515 г. уже сами венеціанцы вынуждены были закупать пряности въ Лиссабонѣ [1]). Такимъ образомъ, въ теченіе немногихъ десятилѣтій, съ точки зрѣнія міровой исторіи, какъ бы однимъ ударомъ, Средиземное море лишилось своего тысячелѣтняго положенія въ международной торговлѣ, опустившись на ступень континентальнаго моря съ небольшимъ торговымъ значеніемъ. Характерно, что въ XVII ст. главнымъ предметомъ вывоза голландцевъ въ итальянскіе, французскіе и др. портовые города на Средиземномъ морѣ являлся перецъ, которымъ прежде эти самые города снабжали всю Европу. Онъ составлялъ 25 проц. всего вывоза въ страны, прилежащія къ Средиземному морю; голландцы привозили перецъ изъ Остъ-Индіи въ Амстердамъ, а оттуда уже экспортировали въ южныя страны [2]).

Тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ предполагать,—какъ это высказывается въ болѣе старыхъ сочиненіяхъ по исторіи торговли,—что съ открытіемъ морского пути въ Индію, Венеція сразу потеряла свое значеніе. Постепенное паденіе ея торговли началось уже съ половины XV ст., со времени завоеваній османовъ въ Малой Азіи, Греціи и Египтѣ. Въ рукахъ послѣднихъ очутились торговые пути къ Черному морю и Индіи; венеціанцы лишились своихъ прежнихъ факторій въ левантійскихъ странахъ. Къ этому присоединился затѣмъ переходъ товарнаго обмѣна между Европой и Индіей со Средиземнаго моря на Индійскій и Атлантическій океаны и прекращеніе торговли арабовъ между Индіей и Египтомъ: она была уничтожена португальцами. Но окончательный ударъ венеціанской торговлѣ былъ нанесенъ тогда, когда прекратились плаванія ея галеръ въ Нидерланды и Англію и когда голландцы, французы и англичане стали предпринимать плаванія въ Средиземное море, учреждать собственныя факторіи въ Константинополѣ, Малой Азіи и Египтѣ и пріобрѣтать здѣсь товары левантійскихъ странъ (за исключеніемъ индійскихъ). А это совершилось лишь въ 1570-хъ и 1580-хъ годахъ. Только съ этихъ поръ венеціанцы перестали быть посредниками между европейскимъ Западомъ и мусульманскимъ Востокомъ, перестали снабжать Европу не только индійскими продуктами, но и произведеніями Малой Азіи и Египта. Роль Венеціи съ конца XVI вѣка свелась къ торговому посредничеству между южной Германіей и славянскими странами, прилежащими къ Средиземному морю, съ одной стороны, и левантійскими рынками, съ другой стороны. Отъ Солимана Великолѣпнаго они получили право торговли въ левантійскихъ странахъ и право плаванья подъ своимъ флагомъ; пріобрѣтенные тамъ товары они сбывали частью южно-германскимъ купцамъ, которые попрежнему посѣщали Венецію и для которыхъ былъ выстроенъ новый фондако, разрисованный фресками Тиціана, частью же снабжали ими Италію, Истрію, Далмацію.

Однако, Адріатическое море Венеція еще и въ XVII ст. разсматривала какъ свою собственность, допускала туда только суда, плавающія подъ венеціанскимъ флагомъ или подъ флагомъ папской области, взимала со всѣхъ

---

[1]) Heyd. II. 531—32. 538—39.

[2]) Первоначально, впрочемъ, торговля пряностями еще сохранялась отчасти въ рукахъ итальянцевъ, подъ вліяніемъ распространяемаго ими же предубѣжденія, будто бы при перевозкѣ моремъ качество пряностей ухудшается. (Roth. Geschichte des Nürnberger Handels. I. 252).

кораблей высокія пошлины, подвергала ихъ досмотру, а въ случаѣ наличности запрещенныхъ товаровъ,—и конфискаціи. Это измѣнилось лишь съ начала XVIII вѣка, когда Австрія рѣшительно выступила противъ притязаній Венеціи, и Карлъ VI объявилъ, что на всякое оскорбленіе, нанесенное его судамъ, онъ будетъ отвѣчать такъ же, какъ если бы оно было направлено противъ какой-либо изъ его территорій. Венеція, скрѣпя сердце, вынуждена была подчиниться и признать австрійскій флагъ въ Адріатическомъ морѣ. Но этимъ не ограничилась дѣятельность Австріи; послѣдняя, для развитія собственной торговли и судоходства, заключила рядъ торговыхъ договоровъ съ левантійскими странами (Турціей, Триполи, Алжиромъ), создала Восточную компанію для торговли съ этими странами (въ 1710 г.); въ особ. же съ цѣлью отвлечь къ себѣ торговлю отъ Венеціи, Карлъ VI учредилъ порто-франко въ Тріестѣ и Фіуме, и его примѣру послѣдовала папская область, которая объявила Анкону порто-франко. Многія изъ этихъ мѣръ оказались неудачными—собственнаго торговаго флота Австрія не имѣла и впослѣдствіи и австрійскіе купцы предпочитали фрахтовать иностранныя суда; восточная компанія вскорѣ прекратила свое существованіе; торговля Австріи съ левантійскими странами развивалась медленно. Но Тріестъ дѣйствительно оказался опаснымъ конкурентомъ для Венеціи. Несмотря на недостатки его гавани (даже послѣ того, какъ былъ сооруженъ второй подходный каналъ), онъ сталъ во второй половинѣ XVIII ст. вторымъ складочнымъ мѣстомъ сѣверо-восточной части Средиземнаго моря, въ особ. для табаку, кофе и сахара. Благодаря освобожденію привозимыхъ въ Тріестъ товаровъ отъ пошлинъ, этотъ портъ сталъ промежуточнымъ пунктомъ остановки для судовъ каботажнаго плаванія [1]).

Одновременно съ Венеціей и Генуя съ конца XVI ст. потеряла свое торговое значеніе, и вся ея роль съ этого времени свелась къ торговлѣ на Средиземномъ морѣ и къ снабженію товарами испанскихъ флотилій, отправлявшихся въ Америку. Для торговли съ левантійскими странами Генуя учредила нѣсколько компаній, по образцу англійскихъ и голландскихъ, и старалась отбить у западныхъ народовъ торговлю съ Турціей и сѣверо-африканскими племенами. Но ей трудно было бороться съ ними и еще труднѣе было сохранить свое положеніе на Средиземномъ морѣ, въ виду возникшихъ въ южной части его новыхъ крупныхъ портовъ, въ особ. Марсели и Ливорно. Въ первомъ сосредоточивалась быстро развивавшаяся французская торговля съ южной Европой и Турціей (см. выше, стр. 347): второй пользовался исключительнымъ положеніемъ центральнаго порта, куда заходили суда всѣхъ странъ, плававшіе на Средиземномъ морѣ.

Подобно Марсели, и Ливорно, окончательно съ 1675 г., въ сущности уже съ начала XVII ст., являлся порто-франко; это, вмѣстѣ съ его выгоднымъ положеніемъ на Средиземномъ морѣ и удобными портовыми сооруженіями для храненія запасовъ, въ особ. оливковаго масла, хлѣба (каждый коммерсантъ имѣлъ свои отдѣльные резервуары и склады въ порту), вызвало ростъ ливорнскаго порта. Ежегодно англійскія и нидерландскія флотиліи, направлявшіяся въ левантійскія страны, заходили въ Ливорно, гдѣ онѣ пополняли свой грузъ южными плодами или промышленными издѣліями Италіи; а на обратномъ пути изъ Смирны, Александріи и другихъ мѣстъ онѣ снова приставали къ Ливорно и оставляли здѣсь часть своего груза, предназначенную для южной Германіи и Швейцаріи, а также для сѣверныхъ странъ. Изъ послѣднихъ прибывали въ Ливорно датскіе, шведскіе, ганзейскіе корабли, отвозившіе эти продукты на сѣверъ. Благодаря существованію порто-франко, всѣ эти товары, предназначенные для вывоза моремъ въ другія страны, достигали своего назначенія безъ уплаты ввозныхъ пошлинъ въ Ливорно. Въ противоположность Марсели, не въ области активной торговли, а именно въ этой роли гавани для иностранныхъ судовъ—собственнаго флота Тоскана не имѣла—и заключалось важное торговое значеніе Ливорно. Къ указанной свободѣ присоединялись въ Ливорно и другія; портъ былъ объявленъ нейтральнымъ и въ немъ находили убѣжище во время войны суда всѣхъ націй; далѣе, лицамъ всѣхъ вѣроисповѣданій гарантировалась полная свобода вѣры въ Ливорно; оно являлось единственнымъ мѣстомъ Италіи, гдѣ свободно могли селиться и заниматься вся-

[1]) Jülg. Die geschichtl. Entwicklung der oesterr. Seeschiffahrt. 1904. p. 21—98.

каго рода торговлей и промыслами (въ противоположность Марсели, стѣснявшей иностранцевъ) мусульмане, евреи, англичане и голландцы—приверженцы различныхъ сектъ и т. д. Во время религіозныхъ войнъ и преслѣдованій того времени эта свобода вѣроисповѣданія имѣла огромное значеніе и должна была вызвать переселеніе сюда (въ противоположность Марсели) купцовъ самыхъ различныхъ національностей. Наконецъ, подобно Марсели, и здѣсь возникла промышленность—она была создана здѣсь иностранцами—въ видѣ изготовленія въ порту изъ безпошлинно привозимыхъ съ Востока матеріаловъ шелковыхъ матерій, фарфора, въ особ. же мыла и издѣлій изъ коралловъ, т. е. тѣхъ же издѣлій, какъ и въ Марсели [1]).

Итальянскіе города, въ особенности Генуя, Флоренція, еще впослѣдствіи играли роль въ международной торговлѣ, однако, почти исключительно въ области банковыхъ операцій, являясь попрежнему банкирами иностранныхъ государей. На антверпенской и ліонской биржахъ, на кастильскихъ ярмаркахъ итальянскіе банкиры задавали тонъ; они производили, по порученію Филиппа II, платежи въ Нидерландахъ, Италіи и др. мѣстностяхъ (эти платежи назывались asiento), пользуясь своими сношеніями съ другими странами и инкассируя ихъ затѣмъ въ Испаніи посредствомъ привозимаго изъ Перу серебра. Эти операціи регулировались на т. наз. генуэзскихъ ярмаркахъ. Послѣднія происходили четыре раза въ годъ, сначала въ Безансонѣ, позже въ Савойѣ (Шамбери), затѣмъ были перенесены въ Риволи, Асти и, наконецъ, въ Піаченцу; но назывались онѣ Генуэзскими, ибо 30 (позже 60) банкировъ, которые здѣсь собирались, состояли почти исключительно изъ генуэзцевъ. Въ противоположность всѣмъ другимъ ярмаркамъ, онѣ являлись исключительно вексельными ярмарками и служили для вызываемыхъ испанскими „asiento" разсчетныхъ и кредитныхъ операцій; подобно испанскимъ ярмаркамъ, онѣ устраняли платежи на наличныя посредствомъ сличенія разсчетныхъ книгъ отдѣльныхъ банкировъ; при этомъ тѣ, у которыхъ дебетъ превышалъ кредитъ, выдавали векселя своимъ кредиторамъ. Лишь въ крайнемъ случаѣ американское серебро изъ Испаніи перевозилось въ Генуя, откуда оно уже переходило въ другія страны; но все же его не приходилось перевозить въ Нидерланды, гдѣ производились наиболѣе крупные платежи (во время войны за независимость) и куда перевозка многихъ милліоновъ сопряжена была бы съ гораздо большими трудностями.

Генуэзскія ярмарки, просуществовавшія до 20-хъ годовъ XVII вѣка и представлявшія собою нигдѣ не достигнутый впослѣдствіи образецъ концентраціи денежнаго и кредитнаго обращенія, составляли послѣднее созданіе итальянской коммерческой техники, которая съ этихъ поръ теряетъ значеніе вмѣстѣ съ вытѣсненіемъ итальянцевъ и изъ этой сферы торговой дѣятельности.

Въ Англіи и Нидерландахъ флорентинцы уже въ половинѣ XVI вѣка перестали играть роль въ области государственнаго кредита, а въ 1600 г. умеръ и послѣдній итальянскій банкиръ, генуэзецъ Поллавичини, принимавшій участіе въ денежныхъ операціяхъ англійскаго правительства,—итальянцы были замѣнены англійскими коммерсантами. Въ теченіе XVI вѣка и французскимъ банкирамъ удается проникнуть въ область государственнаго кредита вытѣсняя постепенно итальянцевъ; банкротство французскаго правительства

---

[1]) Masson. Les ports francs. p. 160—183. Wätjen. p. 35 и сл.

въ 1648 г. знаменуетъ собою окончательное исчезновеніе иностранныхъ, т.-е. итальянскихъ банкировъ. Только въ Испаніи, съ ея полной экономической отсталостью, генуэзцы, несмотря на неоднократное нарушеніе королемъ своихъ обѣщаній, несмотря на производимую конфискацію привозимаго на счетъ частныхъ лицъ изъ Америки серебра, продолжали еще въ теченіе всего XVII вѣка заключать съ королемъ займы подъ огромные проценты (они доходили до 40).

Такимъ образомъ, по мѣрѣ экономическаго развитія другихъ странъ, по мѣрѣ пріобрѣтенія ими самостоятельности въ области торговли, нарожденія у нихъ собственнаго купеческаго класса и образованія торговаго капитала, итальянцы сначала въ товарной, а затѣмъ и въ денежной торговлѣ и банковыхъ операціяхъ теряютъ свое прежнее значеніе, перестаютъ быть банкирами и купцами всей Европы.

Такая же участь должна была постигнуть и ганзейцевъ, которые занимали въ средніе вѣка такое же мѣсто въ торговыхъ сношеніяхъ, какъ и итальянцы. Въ Англіи ганзейцы при Елизаветѣ лишаются окончательно своихъ привилегій, а въ 1598 г. закрывается и Stalhof, ихъ торговое подворье. Политика покровительства иноземнымъ купцамъ, въ которыхъ страна нуждалась, замѣняется политикой національной исключительности. То же произошло вскорѣ и въ скандинавскихъ государствахъ. Датчане стали развивать собственное мореплаваніе, въ особ. съ тѣхъ поръ, какъ сельдь, „по причинамъ ей одной извѣстнымъ", стала метать икру не у померанскаго берега, а у южнаго побережья Швеціи. Это привлекло датчанъ въ море, и они даже стали утверждать, что имъ принадлежитъ dominium maris baltici. Христіанъ IV прямо заявилъ ганзейцамъ, отмѣняя ихъ привилегіи въ Даніи, что въ нихъ болѣе не нуждаются и что и безъ нихъ найдется достаточно торговцевъ для снабженія государства товарами, изъ-за чего они, по ихъ собственному признанію, только и получали прежде льготы. Въ концѣ XVI вѣка прекратилась и торговая зависимость отъ ганзейцевъ Швеціи, которая также самостоятельно вступила на путь торговли и мореплаванія. Наконецъ, въ Бергенѣ ганзейцы вытѣснены были англичанами, голландцами, датчанами—въ 1763 г. ихъ контора была окончательно закрыта. Потеряла свое значеніе и торговля Ганзы съ Московскимъ государствомъ. Послѣ закрытія въ 1494 г. ганзейской конторы въ Новгородѣ Іоанномъ III, торговыя сношенія возобновились и еще при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ ганзейцы посѣщали Новгородъ, Псковъ, Архангельскъ и Холмогоры. Но въ теченіе XVI вѣка на первый планъ уже выступали англичане и голландцы, а въ Смутное время ганзейская торговля окончательно пала.

Послѣдній сеймъ ганзейскихъ городовъ состоялся въ 1669 г., и даже тѣ немногіе города, которые явились на сеймъ, не могли придти ни къ какому рѣшенію. Союзъ окончательно распался. Это былъ однако лишь заключительный аккордъ; подобно тому, какъ ганзейскій союзъ возникъ и ганзейская торговля развилась еще задолго до заключенія оффиціальныхъ договоровъ между городами въ XIV ст.,—такъ и паденіе Ганзы совершилось гораздо раньше; союзъ распался, и важнѣйшіе ганзейскіе города перестали играть роль въ торговлѣ уже въ XVI вѣкѣ.

Упадокъ какъ сѣверо-американскихъ, такъ и прирейнскихъ городовъ находится въ тѣсной связи и съ тѣмъ обстоятельствомъ, что устья нѣмецкихъ рѣкъ очутились въ рукахъ другихъ народовъ. Вслѣдствіе установленныхъ Голландіей стѣсненій, плаванье въ устьѣ Рейна было для нѣмцевъ невозможно, Шельда же была согласно Вестфальскому миру, (и вплоть до 1792 г.) совершенно закрыта для торговли. Вслѣдствіе этого, въ теченіе почти двухъ столѣтій прирейнскіе города очутились во власти Нидерландовъ—ихъ рынокъ не простирался за предѣлы Голландіи; Кельнъ и Майнцъ стремились лишь къ тому, чтобы удержать въ своихъ рукахъ комиссіонную торговлю, объ активной торговой дѣятельности они и не мечтали [1]). На основаніи того же Вестфальскаго договора, устье Везера (территорія Бремена, кромѣ самого города) и Одера (Штеттинъ) принадлежали шведамъ. Торговля Штеттина не могла при такихъ условіяхъ развиваться — прекращеніе ловли сельдей въ Шоненѣ, сокращеніе торговли въ западной части Балтійскаго моря, вслѣдствіе политики датчанъ, въ особ. же Тридцатилѣтняя война, а также сѣверныя войны вплоть до XVIII ст.,—все это пагубнымъ образомъ отражалось на торговлѣ Штеттина [2]). Не лучше обстояло дѣло въ Кенигсбергѣ, который еще въ XVI ст. имѣлъ, хотя и въ небольшомъ числѣ, морскія суда, но въ XVII ст., подъ вліяніемъ голландской конкурренціи, лишился своего судоходства и морской торговли; въ 1675 г. въ Кенигсбергѣ имѣлось 2—3 корабля, привозившихъ соль изъ Франціи, въ 1704 г. уже не было ни одного судна, годнаго для морского судоходства [3]). Нидерландская конкурренція вызвала упадокъ мореплаванія и въ Данцигѣ, гдѣ оно было когда-то весьма развито [4]). Самостоятельной торговли нѣмцы уже не вели; повсюду они являлись комиссіонерами, агентами, факторами голландцевъ и англичанъ. Неудивительно, если Фридрихъ-Вильгельмъ заявлялъ, что вся прусская торговля никуда не годится; англичане и голландцы снимаютъ сливки [5]).

Гораздо раньше, однако, чѣмъ въ сѣверной Германіи и въ прирейнскихъ областяхъ, дали себя чувствовать перемѣны, происшедшія въ міровой торговлѣ, въ южно-германскихъ городахъ. Послѣдніе, съ открытіемъ торговаго пути въ Индію сильно пострадали, хотя еще въ XVI и XVII ст. они продолжали вести торговлю съ Венеціей въ значительныхъ размѣрахъ. Первоначально они старались принаровиться къ измѣнившимся обстоятельствамъ; не ограничиваясь сохраненіемъ прежнихъ торговыхъ сношеній съ Италіей, они пытались развивать свою торговлю въ новомъ направленіи, извлечь выгоду изъ торговли съ вновь открытыми странами. Такъ, купцы Нюрнберга и Аугсбурга принимали участіе въ первыхъ торговыхъ экспедиціяхъ португальцевъ въ Индію; въ седьмой экспедиціи, участвовали аугсбург-

---

[1]) Gothein. Geschichtliche Entwickelung der Rheinschiffahrt im XIX Jahrh. 1903 (Schriften des Vereins für Sozialpolitik. B. 101. p. 2—4).

[2]) Rachel. Die Handels-, Zoll- und Akzisepolitik Brandenburg-Preussens bis 1713. Acta Borussica. 1911. p. 162. 337.

[3]) Baasch. Beiträge zur Geschichte des deutschen Schiffsbaues und der Schiffsbaupolitik. 1899. p. 232—35. Rachel. p. 451. 457.

[4]) Rachel. p. 451.

[5]) Baasch. p. 239. Behre. Geschichte der Statistik in Brandenburg-Preussen bis zur Gründung des Königl. Preussischen Bureaus. 1905.

скіе и нюрнбергскіе торговые дома Фуггеръ, Вельзеръ, Гохштеттеръ, Госсембротъ, Имгофъ, Велинъ—изъ 6 кораблей имъ принадлежало 3. Позже, когда иностранные купцы были устранены португальцами отъ непосредственной торговли съ Индіей, они перенесли центръ своей торговой дѣятельности въ Антверпенъ, находившійся въ зенитѣ своего величія, и стали играть руководящую роль (Фуггеры, Вельзеры, Лацарусъ Тухеръ, Гохштеттеры) въ торговлѣ остъ-индскими пряностями, въ особенности перцемъ, между Лиссабономъ, Антверпеномъ и южной Германіей. На ліонской биржѣ имъ принадлежала почти столь же важная роль, какъ флорентинцамъ.

Еще во второй половинѣ XVI вѣка торговый домъ Краффтеръ въ Аугсбургѣ посредствомъ устроенной въ Марсели факторіи принималъ непосредственное участіе въ левантійской торговлѣ. Вельзерамъ было предоставлено „отправлять корабли изъ Севильи въ новую Индію на собственный страхъ и рискъ, когда и сколько имъ угодно, какъ если бы они были испанцами". Но не ограничившись участіемъ въ торговлѣ съ Вестъ-Индіей, Вельзеры произвели завоеванія и попытку колонизаціи въ Венецуэлѣ—первый и единственный случай пріобрѣтенія нѣмцами значительныхъ территоріальныхъ владѣній въ Америкѣ. И только съ паденіемъ Антверпена и въ особенности съ переходомъ торговли съ Остъ-Индіей въ руки Нидерландовъ, южно-германскіе купцы были вытѣснены изъ товарной торговли.

Еще больше было въ XVI ст. значеніе южно-германскихъ купцовъ въ области кредитныхъ операцій. Обладая обширными капиталами, они имѣли возможность доставлять въ теченіе многихъ десятилѣтій не только императору, но и его врагамъ, французскимъ королямъ, какъ и другимъ государямъ, испанскимъ, англійскимъ, необходимыя имъ для веденія войнъ и снаряженія войска денежныя суммы. Имущество Фуггеровъ составляло съ 1546 г., какъ выяснилъ Эренбергъ, на основаніи ихъ торговыхъ книгъ, около $3^1/_2$ милл. дукатъ, тогда какъ, по словамъ венеціанца Джіованни Мичели, богатѣйшіе англійскіе купцы обладали въ 1557 г. не болѣе, чѣмъ 200—250 тыс. дукатъ или 50—60 тыс. ф. стерл. Если въ средніе вѣка государственный кредитъ находился въ рукахъ итальянцевъ, то въ XVI вѣкѣ, наравнѣ съ генуэзцами и флорентинцами, эта роль принадлежала банкирамъ южно-германскихъ городовъ, отъ которыхъ зависѣла судьба королей и исходъ войнъ; результатъ опредѣлялся тѣмъ, кому они давали деньги и являлась ли возможность уплатить наемному войску.

Наконецъ, въ тѣсной связи съ кредитными операціями находится и оживленная дѣятельность этихъ коммерсантовъ въ области горнаго дѣла. Первоначально товарищества аугсбургскихъ купцовъ заключаютъ съ герцогами тирольскими займы съ правомъ полученія всего добываемаго въ Тиролѣ, „этой Калифорніи XV вѣка", въ ближайшіе годы серебра. Позже они переходятъ къ самой эксплоатаціи рудниковъ и къ торговлѣ металлами. Фуггеры этимъ занимаются не только въ Тиролѣ, но и въ Каринтіи, Силезіи, Венгріи, Саксоніи (золото, серебро, мѣдь, желѣзо, свинецъ), въ Испаніи они разрабатываютъ ртутные рудники. Ихъ примѣру слѣдуютъ другіе аугсбургскіе и нюрнбергскіе коммерсанты; Вельзеры производятъ

разработку мѣдныхъ залежей и на Эспаньолѣ, плавку серебра въ Венецуелѣ [1]).

Но все это оживленіе продолжалось сравнительно недолго и уже къ концу XVI ст. смѣнилось упадкомъ. Слишкомъ рискованы были кредитныя операціи южно-германскихъ коммерсантовъ — неоднократное прекращеніе платежей императорами и королями должно было привести къ гибели ихъ кредиторовъ. Въ 1577 г. испанскій король долженъ былъ Фуггерамъ 5 милл. гульд. и этихъ денегъ они никогда не получили обратно, а всего они потеряли на займахъ Габсбурговъ около 8 милл. гульд. Въ 1630 г. уже говорили, что богатство Фуггеровъ существуетъ лишь въ воображеніи; въ это время послѣдовала ликвидація ихъ имущественной массы въ Испаніи, Фуггеры покинули Аугсбургъ [2]). Къ тому же времени относится и банкротство Вельзеровъ, оно совершилось въ 1614 г. и сопровождалось огромными убытками какъ для аугсбургскихъ жителей, такъ и для иногороднихъ кредиторовъ; но развалъ этой фирмы начался уже гораздо раньше — уже съ 1570-хъ годовъ. Уже въ 1565 г. былъ посаженъ въ долговую тюрьму Паумгартнеръ, въ 1570-хъ годахъ оказались несостоятельными шесть другихъ крупнѣйшихъ торговыхъ фирмъ Аугсбурга—Нейдгардтъ и Манлихъ, Гаугъ, Ремъ, Цангмейстеръ, Крафтеръ, Шореръ. Для нюрнбергскихъ коммерсантовъ были особенно пагубны займы французскихъ королей—торговый домъ Имгофъ и еще рядъ другихъ (Эренбергъ называетъ еще 7 торговыхъ домовъ) много на этомъ потерпѣли; хотя они и продолжали свою дѣятельность, но все же уже съ 60-хъ годовъ XVI вѣка совершенно лишились своего прежняго значенія [4]). Здѣсь, какъ и въ Мюнхенѣ, Страсбургѣ, итальянскихъ городахъ, банкротство слѣдовало за банкротствомъ — все, что было нажито въ теченіе столѣтія, сразу было потеряно.

Съ этихъ то поръ, съ конца XVI и начала XVII ст. начинается упадокъ южно-германскихъ городовъ—не со времени открытія Америки и морского пути въ Индію, а съ тѣхъ поръ, какъ накопленные ими крупные капиталы погибли во Франціи, Испаніи и Нидерландахъ. Къ этому присоединилась и потеря Венеціей своего торговаго значенія, въ особенности съ начала XVII ст. (что обозначало сокращеніе южно-германской торговли съ Италіей), въ особ. же упадокъ Антверпена и переходъ португальскихъ факторій въ Индіи и заокеанской торговли къ Голландіи. Въ отличіе отъ португальскаго короля, голландцы не нуждались въ нѣмецкихъ и итальянскихъ купцахъ; товарная торговля послѣднихъ, которую они постепенно прекращали съ половины XVI ст., по мѣрѣ расширенія своей дѣятельности въ области кредита, въ особ. торговля колоніальными товарами, по необходимости должна была прекратиться или стать торговлей, производимой

[1]) Worms. Schwazer Bergbau im XV Jahrh. 1904. p, 69. 71. 85—87. Jansen. Studien zur Fugger-Geschichte. B. I. 1907. p. 54—62. Haebler. Die überseeischen Unternehmungen. der Welser. 1903. p. 50. 64—65. 689. Haebler. Geschichte der Fuggerschen Handlung in Spanien. p 94 и сл. 144.

[2]) Ehrenberg. Das Zeitalter der Fugger. B. I. p. 178—86.

[3]) Müller. Der Zusammenbruch des Welserschen Handelshauses. Vierteljahrschrift für Social und Wirtschaftsgeschichte. B. VII. 1903. p. 196 и сл.

[4]) Ehrenberg. B. I. p. 193. 224. 227. 234. 243. 245—46. B. II. p. 342.

изъ третьихъ рукъ, черезъ посредство голландцевъ. Что же касается торговли промышленными издѣліями, то въ виду исчезновенія промышленности изъ южно-германскихъ городовъ и вообще незначительнаго развитія нѣмецкой промышленности, работающей для внѣшняго рынка, въ XVII—XVIII ст., эта торговля находила себѣ мало питанія [1]).

А между тѣмъ разгромъ Антверпена, столь пагубный для нѣмецкихъ купцовъ, могъ ~~имѣть и выгоды~~ для германской торговли и промышленности, вслѣдствіе вызваннаго религіозными преслѣдованіями переселенія нидерландскихъ протестантовъ въ различныя страны, въ томъ числѣ въ Германію, начиная въ особ. съ 1560-хъ годовъ. Однако національная и религіозная нетерпимость помѣшала многимъ городамъ Германіи воспользоваться иниціативой и капиталами переселенцевъ изъ Франціи, Италіи, Нидерландовъ.

Такъ, въ Кельнѣ въ первой половинѣ XVI ст. установились оживленныя сношенія съ Нидерландами; въ 1566 г. туда переселились нидерландскіе протестанты и въ томъ же году, повидимому подъ ихъ вліяніемъ, была устроена кельнская биржа. Значительно оживилась торговля, развивалась шелковая промышленность, въ которой эмигрантами были введены техническія улучшенія. Но уже въ 1568 и 1570 гг. начались преслѣдованія ихъ, появились жалобы на то, что, благодаря имъ, вздорожала квартирная плата, съѣстные припасы и цѣны товаровъ, и городской магистратъ потребовалъ, чтобы всѣ протестанты покинули городъ. Послѣдніе стали выѣзжать изъ Кельна, оставшихся же пытались изгнать силой [2]). Хотя и впослѣдствіи находимъ нидерландскихъ эмигрантовъ въ Кельнѣ, но они оставались тамъ чужими, не могли стать гражданами города, не имѣли права пріобрѣтать недвижимость; имъ запрещалась торговля въ розницу, въ 1711 г. было запрещено даже продавать сукно цѣлыми кусками въ торговыхъ рядахъ, съ 1713 г. не допускалась комиссіонная торговля,—они не могли ни сами отправлять товары, ни дѣлать это черезъ посредство другихъ лицъ [3]). Въ результатѣ въ XVII ст. и еще болѣе въ XVIII ст. Кельнъ совсѣмъ потерялъ свое торгово-промышленное значеніе. „Если не считать промысла отправки голландскихъ товаровъ въ Германію и германскихъ въ Голландію, писалъ очевидецъ къ концу XVIII вѣка, то остаются совершенно незначительныя торговыя операціи, которыя могли бы производиться полдюжиной маклеровъ и для которыхъ достаточно было бы десятой части судовъ, приходящихъ въ Кельнъ. Но и транзитная торговля незначительна. На улицахъ и рынкахъ пустота, какую трудно найти въ другомъ городѣ величиною въ Кельнъ „Городъ потонулъ въ грязи, улицы кишатъ монахами и нищими“ [4]).

---

1) См. выше, стр. 327.

2) Witzel. Gewerbegeschichtliche Studien zur niederländischen Einwanderung in Deutschland im 16. Jahrh. Westdeutsche Zeitschr. XXIX. p. 128—29. Banck. Bevölkerungszahl der Stadt Köln in der zweiten Hälfte des 16. Jahrh. Koch. Geschichte des Seidengewerbes in Köln. p. 79.

3) Schwann. Geschichte der Kölner Handelskammer. p. 28—30.

4) Schwering. Die Auswanderung protestantischer Kaufleute aus Köln nach Mülheim a. Rhein. Westdeutsche Zeitschrift für Geschichte und Kunst. B. XXVI. Schwann. Gesch. der Kölner Handelskammer. B. I. p. 28—29. 39. 41. Koch. Gesch. des Seidengewerbes. p. 80. 83. 91

Другимъ примѣромъ того, какъ нѣмецкіе города не умѣли воспользоваться новыми силами, притекавшими къ нимъ въ лицѣ эмигрантовъ изъ Нидерландовъ, Италіи и другихъ странъ, можетъ послужить Нюрнбергъ. Уже въ 1499 г. изъ Нюрнберга были изгнаны жившіе тамъ евреи; они поселились неподалеку отъ Нюрнберга. Въ XVI вѣкѣ въ Нюрнбергѣ стали селиться итальянцы и торговать здѣсь пряностями, шелковыми и бархатными издѣліями (эта отрасль производства являлась новой для Нюрнберга), появились и выходцы изъ Нидерландовъ и другіе иностранцы. Но всѣмъ имъ чинились различнаго рода препятствія, для нихъ устанавливалось повышенное обложеніе (въ видѣ мыта и иныхъ сборовъ съ торговли). Иностранцы не нашли необходимаго простора для своей дѣятельности, и упадокъ Нюрнберга продолжался; участіе въ международномъ обмѣнѣ прекратилось, торговая дѣятельность свелась къ комиссіоннымъ операціямъ, къ посѣщенію ярмарокъ—франкфуртской, лейпцигской, наумбургской, — „обнаруживается ничѣмъ не сдерживаемое движеніе внизъ“ [1]). Еще въ XVI ст. Нюрнбергъ являлся крупнымъ промышленнымъ центромъ, но позже сосѣдніе небольшіе города Ансбахъ, Байрейтъ, Эрлангенъ, гдѣ поселились гугеноты, отбили у него промышленность. Сохранились лишь остатки былого величія—производство игрушекъ, печатаніе географическихъ картъ, изготовленіе нѣкоторыхъ художественныхъ работъ изъ дерева, металла и слоновой кости. „Они разыгрываютъ венеціанцевъ—пишетъ Пелльницъ въ 1730 г. о нюрнбергскихъ патриціяхъ — и вздуваются какъ лягушки, между тѣмъ, какъ падающее благосостояніе города даетъ себя знать въ тѣхъ униженныхъ поклонахъ, съ которыми встрѣчаютъ пріѣзжихъ, доставляющихъ имъ пропитаніе“ [2]).

Не лучше было положеніе и другихъ южно-германскихъ городовъ: въ Ульмѣ едва сохранились остатки прежней торговли холстомъ съ Италіей; дѣятельность Аугсбурга свелась къ мелочному торгу иконами и амулетами, жители Регенсбурга кормились лишь благодаря рейхстагу, собиравшемуся въ его стѣнахъ. „Куда ни посмотришь,—говоритъ Лампрехтъ—изъ изъ торговыхъ центровъ, игравшихъ роль еще въ XVI вѣкѣ, насъ обдаетъ запахомъ разложенія“.

Напротивъ, швейцарскіе города, въ особ. Цюрихъ и Базель, благодаря своей политической и религіозной терпимости, обнаруживаютъ значительный ростъ; нидерландскими эмигрантами и еще болѣе итальянцами (изъ Локарно) и гугенотами была создана здѣсь промышленность—производство шелка и бархата, вязальныхъ и кожаныхъ издѣлій, лентъ, галуновъ, позументовъ и т. п. [3]). Базельскіе торговцы шелковыми издѣліями (почти

[1]) Müller. Die Finanzpolitik des Nürnberger Rates in der zweiten Hälfte des 16. Jahrh. Vierteljahrschrift für Sozial-und Wirtschaftsgesch. B. VII. p. 5. 52. 55. 57—59. Sander. Der reichsstädtische Haushalt Nürnbergs. 1902. p. 121—140. 890. Населеніе Нюрнберга составляло въ 1431 г. 22,8 тыс. жителей, въ 1449 г. 20,2 тыс., въ 1662 г. 40,3 тыс., въ 1806 г. 25,2 тыс. и въ 1818 г. 26,7 тыс.; въ началѣ XIX ст. оно вернулось, слѣдовательно, къ той цифрѣ, на которой стояло въ XV ст. (Ott. Bevölkerungsstatistik in der Stadt und Landschaft Nürnberg in der ersten Hälfte des XV. Jahrh. 1907. p. 47).

[2]) Lamprecht. Deutsche Geschichte. B. VIII. p. 127—28.

[3]) Geering. Handel und Industrie der Stadt Basel bis zum Ende des XVII. Jahrh. 1886. p. 440—447. 457—60. 471—76. Thürkauf. Verlag und Heimarbeit in der

все иностранцы) имѣли на Рейнѣ 360 кораблей, отправляемыхъ во Франкфуртъ.

Франкфуртъ выдвинулся благодаря голландцамъ, бѣжавшимъ изъ Нидерландовъ во время войны съ Испаніей, и изгоняемымъ изъ Испаніи евреямъ, а также благодаря своему выгодному географическому положенію: здѣсь перекрещивались пути изъ Швейцаріи, Голландіи и Франціи, изъ южной Германіи и съ Востока—изъ Галле и Эрфурта. Послѣ паденія Антверпена сюда перешла его товарная торговля съ Германіей, поскольку она не сосредоточивалась въ Гамбургѣ, а затѣмъ и денежная и вексельная операція. Въ 1577 г. Фуггеры еще утверждали, что Франкфуртъ является рынкомъ, „гдѣ мало торгуютъ деньгами, а больше товарами". Энеа Сильвіо Пикколомини называетъ Франкфуртъ „commune emporium inter inferiores et superiores Teutones", Лютеръ—„серебряной и золотой дырой, чрезъ которую изъ нѣмецкихъ странъ уходитъ все, что произрастаетъ или чеканится въ нихъ". Съ ростомъ амстердамской биржи Франкфуртъ правда очутился въ торговой зависимости отъ послѣдней—лишь къ концу XVIII ст. онъ вполнѣ эманципировался отъ Амстердама; онъ пріобрѣлъ конкуррентовъ въ лицѣ Мангейма и Базеля, ибо голландцы и англичане поднялись вверхъ по Рейну. Но все же и въ XVII ст. Франкфуртъ составлялъ важное ярмарочное мѣсто, въ XVIII же вѣкѣ чрезвычайно важный рынокъ капиталовъ,—съ тѣхъ поръ, какъ фирма Ротшильдъ стала выдвигаться и отвоевывать себѣ первое мѣсто въ области государственнаго кредита. Напротивъ, промышленнымъ центромъ Франкфуртъ являлся лишь временно; половина переселившихся изъ Нидерландовъ въ 1560-хъ г.г. эмигрантовъ принадлежала къ текстильному промыслу, изготовляя, помимо шелковыхъ матерій, тѣ же новые сорта шерстяныхъ издѣлій, которыя они перенесли въ Англію—легкія ткани, тонкія, гладко вытканныя матеріи (burschet или wursit, то же, что англ. worsted). Но всевозможныя стѣсненія со стороны магистрата, въ особ. же запрещеніе Кальвинистамъ отправлять богослуженіе нанесли франкфуртской промышленности сильный ударъ, вызвавъ отъѣздъ нидерландцевъ, и съ начала XVII ст. объ его промышленности уже ничего не слышно [1]).

Особенно выгодно было географическое положеніе Лейпцига, ибо прямой путь изъ южной Германіи въ Гамбургъ, главный нѣмецкій торговый портъ, какъ и путь изъ Венгріи по Дунаю и съ нижняго Рейна въ Бреславль велъ на Лейпцигъ. Послѣдній сталъ, такимъ образомъ, узломъ важнѣйшихъ торговыхъ путей внутренней Европы: онъ соединялъ на своей ярмаркѣ торговлю Сѣвернаго моря и Адріатическаго побережья, Венгріи, Россіи и Польши и затмилъ собою въ XVIII ст. даже франкфуртскую ярмарку. Лейпцигъ строго проводилъ во время ярмарки принципъ свободы торговли и одинаковаго отношенія къ своимъ и иностранцамъ,—послѣдніе торговали

Basler Seidenbandindustrie. p. 9 и сл. Bürckli—Meyer. Geschichte der zürcherischen Seidenindustrie. p. 75 и сл. Maliniak. Die Entstehung der Exportindustrie und des Unternehmerstandes in Zürich im XVI und XVII. Jahrh. 1913. p. 60—62. Sieveking. Zur zürcherischen Handelsgeschichte. Jahrbuch für Schweizerische Geschichte. 1910. p. 71 и сл.

[1]) См. Witzel. Gewerbegesch. Studien zur niederl. Einwand. in Deutschland. p. 134 и сл. 145. Bothe. Entwicklung der dir. Besteuerung in Frankfurt. 1906. p. 225 и сл. 244—67. Dietz. Frankfurter Handelsgeschichte. I. p. 83—97. 100—1.

даже въ промежуткахъ между ярмарками. Этимъ онъ привлекалъ на свои ярмарки отъ 3 до 7 тыс. купцовъ—какъ англичанъ и голландцевъ, такъ и грековъ и польскихъ евреевъ (послѣдніе составляли 13—25 проц.); обороты ярмарки значительно увеличились съ конца XVI вѣка и достигали въ XVIII ст. $7^1/_2$—$13^1/_2$ милл. марокъ и 15—24 милл. марокъ въ годъ [1]).

Въ противоположность Амстердаму и Франкфурту, вексельныя операціи въ Лейпцигѣ не имѣли самостоятельнаго значенія, а составляли лишь придатокъ къ товарной торговлѣ, причемъ лейпцигскіе векселя не играли роли въ международной торговлѣ, но зато иностранные векселя обращались въ большомъ количествѣ на лейпцигской ярмаркѣ въ качествѣ платежнаго средства; до Тридцатилѣтней войны это были векселя на южно-германскіе рынки, послѣ войны—франкфуртскіе (на Майнѣ), въ XVIII ст.—амстердамскіе (въ операціяхъ съ Россіей), вѣнскіе (въ Левантійской торговлѣ), къ концу XVIII столѣтія—англійскіе и гамбургскіе.

Въ половинѣ XV ст. лейпцигская торговля стояла далеко позади торговли Эрфурта, Магдебурга и Галле, которые пользовались болѣе благопріятнымъ географическимъ положеніемъ, чѣмъ Лейпцигъ; Галле, находясь въ одинаковыхъ съ Лейпцигомъ условіяхъ, въ то же время имѣлъ преимущество въ видѣ расположенія у судоходной рѣки, у рѣки лежалъ и Магдебургъ. Но послѣ продолжительной упорной борьбы съ ними (противъ ихъ ярмарокъ и рынковъ и штапельнаго права), какъ и съ Наумбургомъ, Брауншвейгомъ и цѣлымъ рядомъ другихъ городовъ, Лейпцигу удалось развить свою торговлю на ихъ счетъ. Ярмарки происходили 3 раза въ годъ, въ XV ст. продолжались по одной недѣлѣ, впослѣдствіи двѣ изъ нихъ происходили по три недѣли. При этомъ нерѣдко иностранные купцы оставались или оставляли своихъ факторовъ или довѣренныхъ весь годъ въ Лейпцигѣ; они продавали въ розницу, вступали въ непосредственный обмѣнъ между собою, и хотя все это было запрещено и мѣстные купцы жаловались на такую конкуренцію, но городъ не рѣшался принимать мѣръ противъ этихъ нарушеній. Не помогали и жалобы на то, что купцы изъ Лондона, Гамбурга, польскіе евреи и др., подъ видомъ распаковки привезенныхъ мѣховъ уже за три недѣли до открытія ярмарки приступаютъ къ продажѣ. Когда сдѣлана была попытка запретить подобную торговлю, а во избѣжаніе обхода, запретить и распаковку товаровъ до открытія ярмарки, то они отвѣчали, что немедленная по пріѣздѣ сортировка мѣховъ и выколачиванье ихъ, какъ и чистка оставленныхъ въ Лейпцигѣ мѣховъ, представляется необходимымъ во избѣжаніе порчи товара, да и чистка товара, будучи начата лишь съ открытіемъ ярмарки, отняла бы цѣлую недѣлю, во время которой уже производится обыкновенно торговля. Весьма важнымъ признавалъ городъ посѣщенія ярмарки евреями и сожалѣлъ (отчетъ ярмарочнаго комитета—Commerzien-Deputation за 1747 г.) объ уменьшеніи ихъ числа, объясняя это тѣмъ, что Франкфуртъ на Одерѣ и Бреславль привлекаютъ ихъ на свои рынки, ибо не дѣлаютъ различія между ними и христіанами, тогда какъ въ Саксоніи они вынуждены уплачивать унизительную и высокую подушную подать [2]).

Едва ли не наиболѣе крупнымъ торговымъ центромъ въ Германіи былъ Гамбургъ. Въ то время, какъ въ средніе вѣка ганзейская торговля сосредоточивалась у Балтійскаго моря и здѣсь расположены были главные торговые центры, теперь оживленный торговый обмѣнъ, подъ вліяніемъ роста Англіи и Нидерландовъ, совершался на Сѣверномъ морѣ. Среди сѣверо-германскихъ городовъ сталъ выдвигаться постепенно съ XVI вѣка Гамбургъ, который въ средніе вѣка по своему значенію стоялъ далеко позади Любека, Ростока, Данцига; уже въ XVI ст. Гамбургъ называли „florentissimum emporium totius Germaniae“. Расположенный у устья Эльбы въ такомъ

---

[1]) Hasse. Geschichte der Leipziger Messen. p. 189—90. 248—250. 298—300.
[2]) Ibid. p. 34—102. 180—81. 196—98. 277—78.

пунктѣ, гдѣ наиболѣе глубоко сидящія суда имѣли возможность входить далеко во внутрь континента, являясь до извѣстной степени гаванью Берлина и вообще Бранденбурга и сѣверной Германіи и соединенный Эльбой съ Богеміей, Моравіей и Вѣной,—Гамбургъ, съ измѣненіемъ торговаго пути, захватилъ въ свои руки торговлю прибалтійскихъ городовъ и сталъ первымъ послѣ Амстердама портовымъ городомъ на континентѣ. Во второй половинѣ XVIII ст. число судовъ, ежегодно приходившихъ въ его портъ и уходившихъ оттуда, составляло около 2 тыс. (изъ нихъ 150—160 подъ гамбургскимъ флагомъ), тогда какъ въ Любекѣ оно не превышало 800—950, въ Бременѣ доходило едва до 480.

Начавъ съ торговли сырьемъ, Гамбургъ вскорѣ, съ учрежденіемъ въ 1558 г., черезъ 4 года послѣ Антверпена, гамбургской биржи (въ Любекѣ она была устроена лишь въ 1607 г., въ Бременѣ въ 1614 г.) присоединилъ къ этому и денежныя и фондовыя операціи; въ 1618 г. учрежденъ былъ и извѣстный Гамбургскій банкъ, устроенный по образцу Амстердамскаго. А затѣмъ, въ особенности послѣ паденія Антверпена, благодаря переселившимся въ Гамбургъ голландцамъ, сильно оживилась его торговля съ Нидерландами; въ 1625 г. третья часть всѣхъ гамбургскихъ судовъ была занята въ торговлѣ съ Нидерландами. Черезъ посредство Нидерландовъ—самостоятельной торговли съ заокеанскими странами Гамбургъ не велъ—онъ сталъ торговать всѣми тѣми товарами, которые шли въ Амстердамъ, т.-е. прежде всего т. наз. колоніальными товарами. Въ XVIII ст. Гамбургъ находился въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ также съ Бордо и другими французскими портами и вывозилъ оттуда кромѣ винъ, сахаръ и кофе, индиго и другія произведенія французскихъ колоній; черезъ Гамбургъ французы сбывали въ Германію продукты своихъ колоній. Благодаря эмигрировавшимъ въ Гамбургъ португальскимъ евреямъ, оживилась его торговля съ Пиренейскимъ полуостровомъ и портами Средиземнаго моря. Еще раньше, въ 1567 г., англійская компанія merchant-adventurers перенесла изъ Антверпена въ Гамбургъ свою факторію, которая была облечена особыми привилегіями. Возмущеніе Ганзы было столь велико, что Гамбургъ вынужденъ былъ изгнать вскорѣ англичанъ; но въ 1611 г. факторія была возобновлена и съ этихъ поръ Гамбургъ сталъ крупнѣйшимъ центромъ англійской торговли на континентѣ, прежде всего англійскимъ сукномъ, которое отсюда распространялось по Европѣ, и торговля Гамбурга промышленными издѣліями начала быстро возрастать. Такъ какъ Гамбургъ во всѣхъ многочисленныхъ войнахъ XVII—XVIII ст. соблюдалъ нейтралитетъ и умѣлъ сохранять торговыя связи съ обѣими воюющими сторонами, то его роль въ международной торговлѣ возрастала все болѣе и болѣе (онъ сохранилъ ее даже во время Семилѣтней войны), и онъ усиленно конкурировалъ съ Англіей и Голландіей въ Португаліи, Испаніи и Скандинавскихъ государствахъ. Ему удалось уже въ XVII и еще болѣе въ XVIII вѣкѣ заключить рядъ выгодныхъ торговыхъ договоровъ съ европейскими государствами; особенно важенъ договоръ 1661 г. съ Англіей, согласно которому навигаціонный актъ (направленный, впрочемъ преимущественно противъ Нидерландовъ) не примѣнялся къ Гамбургу. Во второй половинѣ XVIII вѣка онъ вступилъ въ непосредственныя сношенія съ Сѣверной Америкой (послѣ ея отпаденія): въ 1796 г. въ Гамбургъ прибыло 239 судовъ изъ Америки правда подъ американскимъ флагомъ. Къ этому времени онъ сталъ и посредникомъ въ экспортѣ хлѣба изъ Архангельска и Балтійскихъ портовъ въ Англію. Съ началомъ революціонныхъ войнъ, лишившихъ Амстердамъ значительной части его торговли, Гамбургъ занялъ первое мѣсто на континентѣ.

Вся жизнь Гамбурга XVII—XVIII ст. проникнута интересами торговли. Литература, поэзія, театръ — всѣ они изображаютъ купца, биржу, мореплаванья, обсуждаютъ коммерческую дѣятельность, восхваляютъ ее, рѣже порицаютъ, да и то не торговлю, а лишь связанныя съ ней „злоупотребленія“, въ видѣ погони за богатствомъ. Въ драматическихъ сочиненіяхъ

указывается тѣсная связь между театромъ и биржей; поэты воспѣваютъ пользу денежнаго обращенія, говорятъ о томъ, что міръ держится деньгами и удобреніями. Торговля оказывала вліяніе и на церковь. Лютеранское духовенство терпѣло и португальскихъ евреевъ, и католиковъ, и кальвинистовъ, переселившихся и въ Гамбургъ въ большомъ количествѣ изъ Нидерландовъ, сознавая значеніе всѣхъ ихъ для развитія гамбургской торговли. Мало того, въ своихъ проповѣдяхъ гамбургскіе пасторы касаются торговли, признаютъ ее, какъ и связанныя съ ней вексельныя операціи, а въ молитвахъ благословляютъ честную торговую дѣятельность [1]).

ГЛАВА IV.

Объекты торговли; формы внутренней торговли.

Среди товаровъ, объектовъ международной торговли, попрежнему стояли на первомъ мѣстѣ пряности, которыя получили названіе колоніальныхъ товаровъ, такъ какъ они привозились изъ португальскихъ, нидерландскихъ, англійскихъ, французскихъ колоній. Но прежде эти продукты получались чрезъ посредство арабовъ, которые въ средніе вѣка доставляли индійскіе товары въ Ормуздъ, Аденъ или Мекку и оттуда въ Египетъ. Теперь же они пріобрѣтались европейцами непосредственно, на мѣстѣ ихъ произрастанія; эти мѣста были ранѣе неизвѣстны и о нихъ ходили въ средніе вѣка всевозможныя легенды. Перецъ произрасталъ на Малабарскомъ побережьѣ и доставлялся въ Европу, послѣ открытія морского пути въ Индію, португальцами, а позже, по вытѣсненіи ихъ изъ Индіи, голландцами; его привозили также изъ Суматры, Бантама и др. мѣстъ. Корица вывозилась тѣми и другими, позже и англичанами, изъ Цейлона; изъ-за нея португальцы только и овладѣли повидимому этимъ островомъ. Гвоздика и мускатный орѣхъ экспортировались съ Молукскихъ острововъ (острова Тернате, Амбоина, Банда), изъ-за которыхъ голландцы вели кровопролитную войну съ португальцами, первоначально занявшими эти острова, и англичанами, старавшимися отнять ихъ у Нидерландовъ. Впрочемъ съ цѣлью уничтоженія монополіи Нидерландовъ, гвоздичное дерево, было тайно пересажено французами, а мускатное дерево англичанами на Антильскіе острова, Маскаренскіе, остр. Маврикій.

Но къ этимъ и другимъ пряностямъ присоединялись теперь новые. Рисъ, которымъ изобиловали Большіе Зондскіе острова и материкъ Индіи.

---

1) На молитвенникѣ XVII вѣка изображена биржа съ ея посѣтителями; въ 1608 г. одинъ пасторъ издалъ богословскую книгу—„сокровище мореплавателей". Другой признавалъ судоходство „божеско-христіанскимъ и полезнымъ дѣломъ", необходимымъ для „милой торговли" и заявлялъ, что оно научаетъ людей молиться—qui nescit orare, discat navigare. Въ XVIII ст. появилось сочиненіе Фабриціуса подъ названіемъ „гидротеологія", гдѣ излагается значеніе воды съ точки зрѣнія богословія и естественныхъ наукъ. (О Гамбургѣ см. Ehrenberg. Hamburg und England im Zeitalter der Königin Elisabeth. Baasch. Holland und Hamburg im XVII—XVIII Jahrh. Hans. Geschichtsblätter. I. . 45 и сл. Его же. Der Einfluss des Handels auf das Geistesleben Hamburgs. 1909).

Кофе, который французы и венеціанцы вывозили изъ Малой Азіи и Египта; голландцы стали разводить его на Явѣ, позже и на Цейлонѣ, а англичане въ Деканѣ; затѣмъ и французы начали устраивать плантаціи на Малыхъ Антильскихъ островахъ, въ Гвіанѣ, на о. Маврикіи съ 1770-хъ годовъ появляется и бразильскій кофе, который съ начала XIX ст. стоитъ на первомъ мѣстѣ въ международной торговлѣ кофе. Появился опій изъ Бенгаліи. Изъ Китая вывезенъ былъ чай—впервые въ Нидерланды въ 1610 году; голландцы получали его, однако, изъ Индійскаго архипелага, куда онъ доставлялся китайцами; только съ начала XVIII ст. англичане привозятъ чай непосредственно изъ Китая. Изъ Америки съ XVI вѣка стали вывозить табакъ, какао (изъ Мексико, затѣмъ онъ разводится въ Бразиліи), позже кошениль и различныя лекарственныя средства (хину, ипекакуану и др.). Количество колоніальныхъ товаровъ, привозимыхъ въ Европу, значительно возросло и цѣны ихъ съ конца XVI и начала XVII ст. понизились, такъ что, несмотря на совершавшееся въ XVI—XVI ст. паденіе цѣнности денегъ (см. ниже), они стояли немногимъ или даже вовсе не выше, чѣмъ до открытія новаго пути въ Индію. Цѣны риса и перца были даже ниже, чѣмъ въ XV ст.; въ XVIII вѣкѣ, по крайней мѣрѣ во Франціи—по даннымъ д'Авенеля—цѣна сахара, перца и имбиря еще болѣе упала. Благодаря этому, пряности стали употребляться въ пищу не только въ торжественныхъ случаяхъ, какъ это было въ средніе вѣка, но и въ качествѣ обычной приправы у болѣе зажиточныхъ слоевъ населенія: перецъ, калганъ, мускатъ, гвоздика, имбирь должны были устранять дурной запахъ несвѣжихъ продуктовъ и возбуждать аппетитъ. Они стали и общеупотребительными народными снадобьями, которыми лечились отъ всякихъ болѣзней, отъ чумы, холеры и т. п. Точно также сахаръ, который до 1600 г. покупался лотами въ аптекѣ, теперь стали потреблять въ пищу въ гораздо большемъ количествѣ, благодаря тому, что сахарный тростникъ воздѣлывался не только въ Сиріи и Аравіи, какъ въ средніе вѣка, но и въ индійскихъ, въ особенности же въ американскихъ колоніяхъ. Сахарный тростникъ былъ занесенъ португальцами въ XV ст., на канарскіе острова и Мадеру, а также на Азорскіе острова, гдѣ возникли огромныя сахарныя плантаціи, обрабатываемыя трудомъ негровъ; отсюда сахарный тростникъ былъ перевезенъ на Кубу и въ Мексико, а затѣмъ былъ занесенъ въ Бразилію; изгнанные изъ Бразиліи голландцы стали разводить на Антильскихъ островахъ—Америка стала поставщицей сахара. Потребленіе чая, кофе и табаку—несмотря на запрещенія и кары — стало распространяться среди зажиточныхъ классовъ [1]), для массы населенія эти напитки, какъ и другіе колоніальные товары, были однако еще слишкомъ дороги [2]).

Первоначально кофе, произраставшій въ Моккѣ, вывозился въ Джедду, оттуда въ Суецъ, и дальше въ Александрію, гдѣ онъ нагружался на европейскія суда. Голландцамъ удалось тайно добыть нѣсколько кофейныхъ деревьевъ въ Іеменѣ, пересадить ихъ въ Батавію на Явѣ, и въ концѣ XVII ст. островъ

[1]) Остъ-индская компанія привезла въ Англію въ 1710 г. всего 1½ центнера чая, а 50 лѣтъ спустя (въ 1761 г.) уже 26 тысячъ центн., въ 1781 г.—86 тыс. центн.

[2]) О борьбѣ съ табакомъ и кофе и о кофейняхъ, появляющихся съ XVII ст., а также о потребленіи чая и какао см. выше, стр. 240 и сл., о новыхъ лекарственныхъ средствахъ—стр. 236.

былъ покрытъ кофейными плантаціями. Они сдѣлали попытку разводить кофейное дерево и въ Голландіи, но опытъ, конечно, оказался неудачнымъ, ибо для этого нуженъ былъ совершенно другой климатъ. Одно изъ посланныхъ съ большими предосторожностями въ Амстердамъ деревьевъ было переслано Людовику XIV и помѣщено въ парижскомъ ботаническомъ саду; отростокъ его былъ перевезенъ капитаномъ de Clieu въ 1723 г. на островъ Мартиникъ. Много затрудненій пришлось преодолѣть de Clieu, прежде чѣмъ онъ достигъ своей цѣли, ибо во время путешествія на корабль напали пираты, затѣмъ поднялась буря, позже завистливые люди хотѣли украсть у него кофейное дерево; наконецъ, въ виду недостатка воды, порціи воды были сокращены для всѣхъ, находившихся на кораблѣ, и свою порцію онъ вынужденъ былъ дѣлить съ кофейнымъ деревомъ. Но въ результатѣ онъ довезъ его невредимымъ до Мартиника и черезъ два года дерево уже дало обильную жатву, а нѣсколько лѣтъ спустя, островъ (гдѣ не задолго до того погибли плантаціи какао) сталъ производить кофе въ большомъ количествѣ. Оттуда плантаціи распространились на Гваделупѣ и Сенъ-Доминго. Къ 1789 г. эти три острова производили кофе на 88 милл. фр. De Clieu, который разведеніемъ кофейныхъ плантацій создалъ богатства Мартиника, былъ назначенъ за эту заслугу губернаторомъ на Гваделупѣ, а послѣ смерти ему былъ поставленъ памятникъ. Съ большими опасностями французамъ удалось перевезти кофейное дерево и въ Гвіану—зерна были тайкомъ увезены изъ Суринама, за что голландцы угрожали казнью, и посѣяны въ Кайенѣ, гдѣ получился прекрасный урожай [1]).

Появилось новое красильное вещество — индиго, конкурентъ синильника, „чортова краска", какъ его называли. Хотя, подобно кофе и табаку, употребленіе его подвергалось повсюду гоненіямъ и за пользованіе имъ, какъ опаснымъ ядомъ, полагалась смертная казнь, но съ начала XVII ст. онъ вывозился въ большомъ количествѣ въ Европу, сначала нидерландской, а затѣмъ англійской остъ-индской компаніей. Къ этимъ товарамъ присоединился вывозъ въ Европу остъ-индскихъ хлопчатобумажныхъ тканей, хотя европейскія государства, въ интересахъ своей текстильной промышленности, шерстяной и шелковой, запрещали населенію ношеніе этихъ матерій. Что касается вывоза самого хлопка изъ Америки, то въ значительныхъ размѣрахъ онъ начался лишь въ концѣ XVIII ст. Наконецъ, своеобразный объектъ колоніальной торговли составляла торговля людьми (рабами). Она существовала и въ средніе вѣка, производилась особенно итальянскими городами; теперь въ видѣ торга неграми она достигла широкихъ размѣровъ. Негры вывозились изъ Африки, преимущественно изъ Гвинеи, на Малые и Большіе Антильскіе острова и на континентъ Америки; монополія торговли ими, какъ и торговли съ Америкой вообще, принадлежала испанцамъ. Однако, послѣдніе на основаніи договоровъ (assiento de negros) уступили ее за опредѣленную плату сначала въ XVI ст. генуэзцамъ и нѣмцамъ, затѣмъ она перешла къ португальцамъ. Съ конца XVII ст. ассіенто было передано французской компаніи. Впрочемъ фактически и французы продолжали производить эту торговлю, доставлявшую огромные барыши: они продавали негровъ на Антильскихъ островахъ по цѣнѣ въ десять разъ большей, чѣмъ уплачивали за нихъ въ Сенегамбіи. Торговля Новой Англіи и Нью-Іорка въ XVIII ст. состояла въ значительной мѣрѣ въ вывозѣ соленой рыбы, лѣса и т. д. въ Африку для обмѣна на негровъ, которые транспортировались въ Вестъ-Индію. Въ англійскихъ сѣверо-американскихъ колоніяхъ насчитыва-

[1]) Franklin. La vie privée d'autrefois. Le café, le thé et le chocolat. 1893. p. 98—108.

лось въ 1715 г. 60 тыс. негровъ, въ 1754 г. 260 тыс. и 1776 г 460 тыс. [1]).

Болѣе значительные размѣры пріобрѣла и хлѣбная торговля, хотя она попрежнему носила почти исключительно морской характеръ; на сушѣ издержки транспорта массовыхъ продуктовъ были и теперь еще слишкомъ высоки. Восточная Германія съ ея крупнымъ помѣщичьимъ хозяйствомъ (см. выше стр. 289 и сл.), какъ и Польша, были теперь еще въ большей мѣрѣ чѣмъ прежде, странами, вывозившими хлѣбъ; они, отчасти также Данія и Россія, стали теперь правильно снабжать хлѣбомъ различныя мѣстности Нидерландовъ и Франціи, въ особенности же южную Европу — Италію, Пиренейскій полуостровъ. Посредниками между этими странами хлѣбнаго вывоза и привоза были теперь уже не ганзейцы, а голландцы, въ торговлѣ которыхъ обороты на Балтійскомъ морѣ — какъ мы видѣли выше — занимали первое мѣсто; на первомъ планѣ стоялъ хлѣбъ, затѣмъ строевой лѣсъ и иные предметы сырья. Итальянскіе и французскіе купцы иногда обращались за хлѣбомъ въ прибалтійскія мѣстности, но дѣлали это только тогда, когда у нихъ былъ неурожай, постоянной же торговли они не вели. Кромѣ того, ни Италія, ни Испанія, съ одной стороны, ни прибалтійскіе города (Данцигъ, Штеттинъ, Кенигсбергъ), съ другой стороны, въ эту эпоху торговаго флота не имѣли [2]) и поэтому не могли установить непосредственныхъ сношеній. Они должны были предоставить хлѣбную торговлю голландцамъ, которые широко развили свое мореходство и судостроеніе и создали правильно организованную хлѣбную торговлю. Голландцы имѣли своихъ постоянныхъ факторовъ и комиссіонеровъ въ прибалтійскихъ городахъ для закупки хлѣба и производили скупку въ годы обильныхъ урожаевъ; это было выгодно и для странъ экспорта и для самихъ голландцевъ, имѣвшихъ возможность пріобрѣтать въ эти годы хлѣбъ по дешевой цѣнѣ. Затѣмъ они отправляли хлѣбъ въ Амстердамъ и оттуда уже вывозили туда, гдѣ былъ неурожай и гдѣ его можно было сбыть по высокой цѣнѣ. Амстердамъ, вслѣдствіе этого, сталъ хлѣбнымъ амбаромъ Европы, и цѣны на хлѣбъ, устанавливавшіяся на амстердамской биржѣ, оказывали свое вліяніе во всей Европѣ — въ Генуѣ, Мадридѣ и Лиссабонѣ въ такой же мѣрѣ, какъ и въ Лондонѣ, Гамбургѣ и Данцигѣ.

Торговая политика западно-европейскихъ государствъ въ области хлѣбной торговли попрежнему носитъ двоякій характеръ. Съ одной стороны, государства, подобно средневѣковымъ городамъ, въ годы возрастанія хлѣбныхъ цѣнъ стѣсняютъ экспортъ хлѣба изъ страны посредствомъ запрещеній или вывозныхъ пошлинъ: это дѣлается въ интересахъ населенія — такъ поступалъ въ особенности Кольберъ во Франціи. А съ другой стороны, короли и папы продолжаютъ свою фискальную политику, запрещая вывозъ хлѣба, но въ то же время выдавая за плату лиценціи на экспортъ хлѣба. Такъ это дѣлалось и во Франціи послѣ смерти Кольбера. Или они даже самостоятельно торгуютъ хлѣбомъ, какъ это дѣлали папы, тосканскіе

---

[1]) Halle. Baumwollproduktion etc. in den Nordamerikanischen Südstaaten. I. 1897. p. 40.

[2]) См. выше. стр. 367.

герцоги, шведскіе короли—Карла XI называли прямо „главнымъ торговцемъ хлѣбомъ". Въ Папской области, Неаполѣ, Сициліи, Піемонтѣ и т. д. это происходило такимъ образомъ, что запрещалось вывозить хлѣбъ, съ цѣлью увеличенія запасовъ его въ магазинахъ на случай голода; когда же цѣна, вслѣдствіе этого, понижалась, лица, издававшія запрещеніе, ихъ фавориты или купцы, которые дѣлили съ ними выручаемую такимъ путемъ прибыль, скупали у крестьянъ хлѣбъ по низкой цѣнѣ и вывозили его въ другія мѣстности.

Рядомъ съ этимъ возникаетъ, однако, въ нѣкоторыхъ странахъ въ особенности въ Англіи и Голландіи, въ XVII—XVIII ст. протекціонная политика, въ цѣляхъ покровительства земледѣлію; отчасти это находимъ также въ Саксоніи и Пруссіи. Политика эта выражается въ постепенномъ облегченіи вывоза хлѣба; затѣмъ дѣлается дальнѣйшій шагъ — совершенно устраняются препятствія къ вывозу; послѣдній даже поощряется посредствомъ выдачи вывозныхъ премій; наконецъ, устанавливаются пошлины на привозъ хлѣба. Въ Нидерландахъ, уже къ концу XVI ст. въ отдѣльныхъ провинціяхъ появились таможенныя пошлины на привозной хлѣбъ, но вывозныя пошлины, образовавшіяся изъ прежнихъ лицензій на вывозъ хлѣба, не только продолжали существовать, но и превышали въ 4—5 разъ привозную пошлину; только въ 1725 г. землевладѣльцы, послѣ продолжительной борьбы, одержали побѣду надъ купеческимъ классомъ, добившись полной свободы вывоза и установленія сравнительно высокихъ привозныхъ пошлинъ для всей страны. И въ Англіи уже въ 1660 г. появляются привозныя пошлины, когда еще вывозъ былъ стѣсненъ, лишь въ 1689 не только устранены всякія стѣсненія вывоза, но и установлено поощреніе его посредствомъ вывозныхъ премій,—знаменитый законъ Вильгельма III, который физіократы постоянно приводили въ качествѣ примѣра, заслуживающаго подражанія и во Франціи. Законъ этотъ считается исходной точкой въ развитіи англійскаго аграрнаго протекціонизма, продолжавшагося до 40-хъ годовъ XIX ст. (см. ниже).

Наконецъ, по сравненію съ средневѣковымъ періодомъ, когда промышленныя издѣлія, при господствѣ городского хозяйства, являлись лишь въ видѣ исключенія объектами торговыхъ оборотовъ, въ эту эпоху торговля полуфабрикатами и фабрикатами значительно расширилась. На первомъ планѣ въ качествѣ объектовъ торговли стояли промышленныя издѣлія англійскія, особенно сукно, и французскія, именно шелковыя ткани и другіе предметы роскоши, отчасти и произведенія швейцарской промышленности [1]). Италія же и Германія совершенно потеряли то значеніе, которое они имѣли въ средніе вѣка, лишившись теперь (южно-германскіе и сѣверо-итальянскіе города) своихъ промысловъ, работавшихъ для вывоза; только въ Саксоніи и Баденѣ имѣлись мѣстности съ развитой индустріей. Торговля промышленными издѣліями расширилась и внутри государства, благодаря уменьшенію таможенныхъ преградъ и благодаря сооруженію каналовъ и устройству почтовыхъ сообщеній. Она приняла далѣе значительные размѣры въ

1) См. выше, стр. 320 и сл.

видѣ сбыта промышленныхъ издѣлій въ колоніи, которыя являлись главными рынками для Англіи, и въ левантійскія страны (Турцію, Марокко и т. д.), весьма существенныя для французскаго экспорта; она усилилась, наконецъ, и между европейскими государствами, несмотря на промышленный протекціонизмъ [1]). Различныя страны, Скандинавскія государства, Россія, Испанія и Португалія, въ значительной мѣрѣ и Германія, будучи странами сельскохозяйственными являлись важными рынками сбыта для кустарной промышленности и мануфактуръ такихъ государствъ, какъ Голландія, Англія, Франція. Мы видѣли выше (см. стр. 353—54), какъ Англіи удалось повсюду—и въ Россіи, и въ Португаліи, и въ австрійскихъ Нидерландахъ (Бельгіи) добиться особенныхъ льготъ для своихъ шерстяныхъ издѣлій. Наконецъ, съ запрещеніемъ ввоза и запретительными пошлинами успѣшно боролась контрабандная торговля, которая значительно облегчалась въ эту эпоху, по сравненію съ средневѣковымъ періодомъ. Въ средніе вѣка контроль товаровъ производился при ввозѣ ихъ въ города, въ XVII—XVIII ст., напротивъ, при ввозѣ въ страну, вслѣдствіе чего контроль сильно затруднялся, ибо пограничная черта была нерѣдко весьма значительна. Далѣе, въ средніе вѣка зорко слѣдилъ за привозомъ каждой категоріи товаровъ тотъ цехъ, который пользовался монополіей въ данной отрасли производства; въ XVII—XVIII ст. надзора со стороны цеховъ уже не могло быть, правительственные же чиновники, заступившіе ихъ мѣсто, не были заинтересованы въ той мѣрѣ, какъ цехи, въ стѣсненіи привоза товаровъ въ страну, и ихъ нетрудно было подкупить. Наконецъ, поскольку существовали пошлины, а не запрещенія привоза, эти пошлины въ средніе вѣка были несложны и взиманіе ихъ не представляло затрудненій; теперь же они замѣняются сложными и пространными тарифами, дѣлавшими вычисленіе пошлинъ дѣломъ крайне труднымъ; таможенные чиновники были совершенно несвѣдущи въ техникѣ товаровъ и обыкновенно полагались на свѣдѣнія, сообщаемыя купцомъ подъ присягой.

Въ Англіи XVI—XVII ст. „несовершенство таможеннаго управленія въ техническомъ отношеніи, подкупность чиновниковъ, неопредѣленность ставокъ тарифа, ихъ сложность, вслѣдствіе существованія различныхъ добавочныхъ платежей, неясность всего тарифа, вслѣдствіе цѣлой массы исключеній, наконецъ, система пошлинъ ad valorem, взимаемыхъ на основаніи показаній купца подъ присягой, безъ какихъ-либо иныхъ средствъ контроля,—все это приводило къ тому, что контрабанда приняла грандіозные размѣры“, несмотря на то, что въ 1617 г. одинъ изъ купцовъ былъ назначенъ въ высшее учрежденіе по таможеннымъ сборамъ, въ виду его знакомства со всѣми продѣлками контрабандистовъ. Лишь послѣ финансовыхъ реформъ Питта 1784 и сл. г.г. контрабанда нѣсколько уменьшилась. Вслѣдствіе „билля о контрабандѣ“ была усилена охрана пограничной черты, запрещенъ ввозъ товаровъ на небольшихъ судахъ, ибо такія суда, имѣвшія возможность повсюду пристать къ англійскому берегу, особенно облегчали привозъ контрабандныхъ товаровъ; далѣе, всякое конфискованное судно истреблялось; уничтожена была и присяга при показаніи о цѣнности товара [2]). Во Франціи еще во второй половинѣ XVIII ст. рядомъ съ безпошлиннымъ провозомъ товаровъ окольными дорогами, практиковалось въ широкихъ размѣрахъ и сокрытіе дѣйствительной цѣнности товаровъ, откупщики же таможенныхъ доходовъ были настолько несвѣдущи въ ка-

---

[1]) См. выше, стр. 320 и сл.

[2]) См. Hewins. English Trade and Finance.

ествѣ товаровъ, что не въ состояніи были разоблачить эти незаконныя дѣйствія иностранныхъ купцовъ [1]. Въ Австріи „цѣлыя кипы актовъ о контрабандномъ ввозѣ товаровъ, относящіяся къ XVIII ст., даютъ лучшее представленіе о значительности привоза товаровъ въ эту эпоху, чѣмъ оффиціальныя таблицы этого времени, составленныя на основаніи совершенно недостаточныхъ данныхъ. Вся изобрѣтательность правительства, направленная къ уничтоженію ввоза иностранныхъ товаровъ, не могла помочь горю, ибо контрабандистамъ всегда удавалось перехитрить правительство, а чиновники, получавшіе „подарки“, смотрѣли на ихъ продѣлки сквозь пальцы [2].

Впрочемъ и для этого періода не слѣдуетъ преувеличивать размѣровъ торговли промышленными издѣліями не только международной, но и происходящей внутри страны, ибо—какъ мы видѣли выше (см. стр. 308)—многія отрасли производства, въ особ. производство предметовъ для непосредственнаго потребленія, поскольку это не были предметы роскоши, носило ремесленный характеръ. Въ этихъ областяхъ ни оптовой, ни розничной торговли не найдемъ, а имѣемъ почти исключительно ремесленника—сапожника, портного, шапочника, столяра, сѣдельника, скорняка, мясника, токаря, который при мастерской устраиваетъ нерѣдко и лавку и продаетъ изъ нея свои издѣлія иногда и пріобрѣтенныя у другихъ мастеровъ или привозныя. Поэтому то въ Германіи еще въ началѣ XIX вѣка встрѣчаемъ лишь нѣсколько видовъ торговли—торговлю матеріями, торговлю желѣзными товарами, посудные магазины, магазины галантерейныхъ товаровъ, торговлю привозными или колоніальными товарами, лавки съѣстныхъ припасовъ и торговлю старыми вещами. Нѣтъ ни мебельныхъ, ни сапожныхъ, ни шляпныхъ и т. д. магазиновъ, нѣтъ ни мясныхъ лавокъ (мясо продается прямо изъ ларей мясниковъ), ни многихъ другихъ, лишь значительно позже появляющихся, отраслей торговли [3].

Если, такимъ образомъ, кругъ объектовъ торговли лишь постепенно расширяется, то еще медленнѣе устанавливается раздѣленіе труда въ области торговли. Вплоть до половины XVIII вѣка банковыя операціи въ провинціальныхъ городахъ Англіи и Шотландіи производятся торговцемъ, который даетъ ссуды своимъ покупателямъ и учитываетъ ихъ векселя; или же фермеры, опасаясь разбойничьихъ нападеній, помѣщаютъ свои вклады подъ проценты у мѣстнаго суконщика Смита, который пускаетъ эти деньги въ обращеніе, пока его кредитныя операціи, постепенно возростая, не становятся главной отраслью его дѣятельности и онъ не прибиваетъ вывѣски „банкъ“ надъ своей дверью. Такъ возникъ банкъ въ Нотингэмѣ; такъ возникали и другіе банки, вплоть до пол. XVIII ст., въ томъ числѣ и извѣстный, привилегированный въ 1740 г., шотландскій банкъ „Льняная компанія“, который, какъ видно изъ самаго названія его, лишь постепенно превратился въ кредитное учрежденіе и прекратилъ торговлю полотняными товарами [4].

---

[1] Malvezin. III. p. 59 и др. Dupitre. Toile peinte. p. 135 и сл.
[2] Beer. Studien. I. p. 78.
[3] См. Sombart. Kapitalismus. B. I. p. 445 и сл. B. II. p. 000. Bergius. Arch. fûr soziale Gesetzgebung etc. 1899. Hirsch. Das Warenhaus in Westdeutschland. p. 6. Kanter. Handel mit gebrauchsfert. Waren in Frankfurt. p. 18 и сл.
[4] Lawson. History of Banking. p. 260 и сл., 416. Graham. Progress of banking in Scotland. 1886. p. 42. 79 и др. Cunningham. p. 350. Mamroth. Die Schottischen Banken. p. 5—7. Schmidt. Gesch. des engl. Geldwes. etc. p. 180 и сл. 190 и сл.

У слѣдующихъ лицъ—читаемъ въ спискѣ франкфуртскихъ фирмъ 1774 г.—можно получать векселя на всѣ европейскіе торговые центры и можно обращаться къ нимъ по денежнымъ переводамъ и траттамъ; они принимаютъ и иныя комиссіонныя порученія, а также занимаются экспедиторскимъ дѣломъ и оптовой торговлей". Это соединеніе въ одномъ лицѣ торговца ведущаго самостоятельныя операціи товарами, комиссіонера, экспедитора и, наконецъ, „банкира" (впрочемъ банковыя операціи еще въ XVIII ст. сводились вообще на континентѣ къ куплѣ-продажѣ векселей) мы находимъ повсюду въ Германіи (въ Кельнѣ, Бреславлѣ, Нюрнбергѣ, Штутгартѣ, Лейпцигѣ, Берлинѣ). Оно обусловливалось тѣмъ, что при комиссіонныхъ операціяхъ по пріобрѣтенію или продажѣ товаровъ и въ качествѣ экспедитора (уплата экспедиторомъ, по порученію торговца, за перевозку товаровъ, пошлинъ и сборовъ всякаго рода, задатка и т. п.) приходилось трассировать векселя на комерсанта, обращавшагося къ комиссіонеру и экспедитору, а въ то же время торговцы, у которыхъ комиссіонеръ закупалъ товары, трассировали векселя на него [1]).

Столь же медленно отдѣляется оптовая торговля отъ розничной. Конечно существуютъ мелкіе розничные или точнѣе мелочные торговцы, которые изъ будокъ и ларей на рынкѣ или въ подвалахъ домовъ продаютъ простые и дешевые товары, въ особ. съѣстные припасы и одежду. Но оптовые торговцы по прежнему—поскольку это не запрещено, какъ, напр., иностранцамъ—соединяютъ въ своихъ рукахъ и торговлю въ розницу, торговлю изъ лавокъ и домовъ. Такъ поступали и знаменитые Фуггеры въ XVI вѣкѣ и англійскіе mercer'ы въ XVII ст., занимавшіеся скупкой шелковыхъ издѣлій, бархата, кружевъ и т. д., но охотно продававшіе ихъ аршинами двору и аристократіи. Только голландскія заокеанскія компаніи продавали привезенные изъ Индіи и Америки товары оптомъ, обыкновенно на спеціальныхъ аукціонахъ, пріѣзжавшимъ въ Амстердамъ французскимъ, итальянскимъ, гамбургскимъ купцамъ.

Въ Австріи съ начала XVI вѣка существовала корпорація иностранныхъ купцовъ, члены которой имѣли право держать склады товаровъ (Niederlagen, откуда названіе этихъ купцовъ—Niederlagsverwandte) въ Вѣнѣ и другихъ большихъ городахъ, но могли продавать только иностранные товары и только купцамъ (а не публикѣ); тогда какъ австрійскіе купцы пользовались правомъ не только оптовой торговли, но и владѣнія „открытыми для публики лавками съ вывѣсками и эмблемами промысла", т. е. могли торговать ими въ розницу. Лишь во второй пол. XVIII ст. дальнѣйшій пріемъ въ корпорацію иностранныхъ купцовъ былъ прекращенъ и взамѣнъ этого былъ созданъ особый классъ австрійскихъ оптовыхъ торговцевъ, которымъ было предоставлено право оптовой торговли всякаго рода товарами и кромѣ того исключительное право производства комиссіонныхъ и вексельныхъ операцій—такъ что и здѣсь всѣ эти виды коммерческой дѣятельности со-

[1]) Kanter. Der Handel mit gebrauschsfertigen Waren in Frankfurt. p. 17—21. 24—25. Loewenstein. Geschichte des württembergischen Kreditbankwesens. 1912. p. 32 и сл. Meltzer. Stud. zur Geschichte des deut. Effektenbankwesens. p. 75 и сл. 81 и сл. Lenz-Unholtz. Geschichte des Bankhauses der Gebrüder Schickler. 1911. Soll und Haben der Firma Moritz Eichborn.

единены; но только лавокъ они не должны имѣть. Однако только въ Вѣнѣ и Прагѣ возникли такія корпораціи оптовыхъ торговцевъ, тогда какъ другіе города, напр., Грацъ, заявляли, что „одной оптовой торговлей ни одинъ купецъ существовать не можетъ, ибо обороты не столь оживленны, какъ въ Вѣнѣ, и потому купцу необходима, и розничная продажа—торговля „a la minuta", какъ она называлась. Они предпочитаютъ сохраненіе прежняго почтенія, при которомъ всякій торговецъ торгуетъ какъ оптомъ, такъ и въ розницу, хотя и не всѣми видами товаровъ одновременно.

Торговля была разбита въ Австріи на нѣсколько классовъ, причемъ каждый купецъ записывался въ опредѣленный классъ и долженъ былъ имѣть соотвѣтствующій данному классу капиталъ—торговецъ матеріями долженъ имѣть 12.000 гульд., торговецъ галантерейными товарами—10.000 гульд., торговецъ т. наз. нюрнбергскими товарами—8.000 гульд. Однако спеціализація и здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, невелика. Какъ мы видѣли выше, даже въ большихъ городахъ XVIII ст. имѣлось всего нѣсколько видовъ торговли. Это обусловливалось какъ тѣмъ, что многіе предметы не являлись объектами торговли, такъ и тѣмъ, что прочіе были разбиты всего на нѣсколько спеціальностей, преимущественно по характеру сырья, изъ котораго они выдѣлывались; напр., галантерейная торговля заключалась въ торговлѣ всякаго рода предметами роскоши изъ золота, серебра, стали, черепахи, слоновой кости, бумаги, кожи, дерева; желѣзная торговля заключала въ себѣ всевозможныя издѣлія изъ желѣза, стали, олова и другихъ неблагородныхъ металловъ); или же по происхожденію товаровъ, напр., колоніальную или „матеріальную" торговлю составляли разнообразные иностранные товары—колоніальные товары, пряности, красильныя вещества, сахаръ, растительныя масла и т. д. Въ Бреславлѣ въ началѣ XIX ст. имѣлась торговля 7 спеціальностей (въ томъ числѣ торговля старыми вещами), въ Ахенѣ въ концѣ XVIII ст. было 3 торговца матеріями и сукнами, 2 лавки шелковыхъ и позументныхъ товаровъ, 4 торговли желѣзными товарами, 6 колоніальныхъ лавокъ.

Если мы возьмемъ торговца шелковыми товарами XVII и начала XVIII ст., то увидимъ, что онъ вовсе не ограничивается сбытомъ шелка и издѣлій изъ него, а продаетъ всевозможные текстильные фабрикаты—холстъ, шерстяныя ткани, сукно, позументы, галуны, тесьму и соотвѣтствующее имъ сырье: пеньку, ленъ, шелкъ, пряжу всякаго рода. Когда же представлялся случай, тѣ же торговцы распространяли свою дѣятельность и на другія совершенно чуждыя имъ области торговли. Такъ, одинъ изъ основателей крефельдской шелковой промышленности, голландецъ ванъ деръ Лейенъ, не только покупалъ въ Нидерландахъ для сбыта въ Кельнѣ и Франкфуртѣ или заказывалъ шелкъ и шелковыя, бархатныя, льняныя и суконныя матеріи, позументы и ленты, но торговалъ также иголками и наперстками, пуговицами, пряжками, гребенками, медальонами и даже флейтами, бумагой и чернильницами, библіями и катехизисами [1]). Больше была, повидимому, спеціализація только въ Лондонѣ, въ виду значительнаго развитія тамъ уже съ

[1]) Keussen. Geschichte der Stadt Krefeld. 1865. Bötzkes. Die Seidenwarenproduktion und der Seidenwarenhandel in Deutschland. 1909.

конца XVII ст. торговли предметами роскоши, предназначенными для аристократіи. Послѣдняя во многихъ случаяхъ уже не заказываетъ бѣлья, обуви и т. д. у соотвѣтствующихъ ремесленниковъ, а покупаетъ ихъ готовыми въ магазинахъ, содержимыхъ скупщиками — предпринимателями. „Въ лондонскомъ сапожномъ магазинѣ имѣется запасъ на цѣлую армію, въ мебельномъ—мебель для цѣлаго королевскаго дворца; у ювелира больше серебряныхъ вещей, чѣмъ на столахъ всѣхъ нѣмецкихъ князей вмѣстѣ, а магазинъ металлическихъ вещей снабжаетъ работой сотни деревенскихъ кузнецовъ, которые ему доставляютъ свои издѣлія; въ магазинахъ имъ дается послѣдняя отдѣлка и накладывается клеймо фирмы".

Во всякомъ случаѣ, поскольку мы находимъ извѣстную спеціализацію по видамъ товаровъ, она имѣла мѣсто вплоть до конца XVIII ст., да и позже, лишь въ крупныхъ центрахъ. Въ болѣе же мелкихъ городахъ и мѣстечкахъ, какъ и въ пригородахъ сохраняются средневѣковыя условія—отсутствіе всякой спеціализаціи: господствуетъ „Gemischtwarenhandlung", т. е. розничная продажа изъ одной и той же лавки всевозможныхъ товаровъ. Въ связи съ этимъ находится и неопредѣленность названій этихъ лавокъ: лавочникъ именуется въ Англіи grocer или mercer или haberdasher, это обозначаетъ торговца и матеріями, и пряностями, и желѣзными товарами. Но и внѣ крупныхъ городовъ совершается весьма существенная перемѣна: она заключается въ самомъ фактѣ появленія осѣдлой торговли, ибо прежде послѣдняя имѣлась лишь въ крупныхъ центрахъ.

Только въ деревняхъ осѣдлой торговли не было [1]) и она замѣнялась коробейниками (въ Англіи — pedlar отъ слова ped — корзина, или hawkers, въ Германіи — Packenträger отъ Packen — коробъ), переносившими на плечахъ свои незатѣйливые товары, иногда, въ особ. въ Англіи, и перевозившими ихъ верхомъ или пѣшкомъ сопровождавшими навьюченную коробами лошадь, осла или мула.

Насколько потребность въ коробейникахъ въ тѣ времена была велика, настолько недоброжелательно было отношеніе къ нимъ со стороны городскихъ (осѣдлыхъ) лавочниковъ, „честныхъ купцовъ", какъ они себя называли. Деревенскіе жители должны были являться, по мнѣнію купцовъ, въ рыночные дни въ городъ и здѣсь покупать необходимыя имъ вещи, а не пользоваться услугами коробейниковъ; мало того, послѣдніе нерѣдко посѣщали и города, слѣдовательно, вдвойнѣ нарушали привилегіи городскихъ купцовъ, да и вообще примѣняли здѣсь недопустимый, съ точки зрѣнія того времени, способъ хожденія изъ дома въ домъ, ловли покупателей, продавали на улицахъ и площадяхъ, въ тавернахъ и харчевняхъ. Вражда къ коробейникамъ усугублялась тѣмъ, что это были въ значительной мѣрѣ иностранцы, которые торговали привозными товарами, слѣдовательно, наносили ущербъ промышленности страны, нерѣдко торговали запрещенными товарами, провозили контрабанду. Итальянцы изъ Піемонта, Ломбардіи, Савои, Швейцаріи, Австріи и южной Германіи, шварцвальдцы во Франціи и Швейцаріи, въ прирейнскихъ странахъ французы, тирольцы, итальянцы, во многихъ мѣстахъ шотландцы—вотъ главные элементы среди коробейниковъ, причемъ нерѣдко они сами изготовляли сбываемые товары, напр., итальянцы—мышеловки, барометры, тирольцы—дешевыя украшенія (кольца, цѣпочки и т. д.) или же разносили производимые на родинѣ товары, напр., чехи—стекляные товары, тирольцы—кожевенныя издѣлія, швейцарцы и шварцвальдцы—часы; на нихъ нерѣдко покоились цѣлыя отрасли

[1]) Rogers. Six Centuries. p. 147.

производства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они закупали, въ особенности на большихъ ярмаркахъ, всевозможные иные товары—цвѣтные платки и матеріи, дешевыя кружева и булавки, приводя затѣмъ ими въ восторгъ деревенскихъ женщинъ и дѣвушекъ; продавали ножницы и пряжки, трубки для табаку и т. д., „словомъ, все, чего нѣтъ у деревенскаго кузнеца или поденщика“. Они же являются нерѣдко бродячими музыкантами и пѣвцами, въ особ. французы, „веселые коробейники, у которыхъ въ головѣ опера, а въ кошелькѣ ничего“.

Коробейниковъ обвиняли и въ обманномъ сбытѣ плохихъ товаровъ, и въ томъ, что они не питаютъ особаго уваженія къ чужой собственности, что они въ ...ды эпидемій переносятъ заразу. Но въ общемъ деревенское населеніе стояло на ихъ сторонѣ, нуждалось въ нихъ и поэтому государству такъ ...дно было бороться съ ними. Въ Англіи въ особ., хотя Flashmen'ы (изъ округа Flash) и считались коробейниками и разбойниками одновременно, все же въ большинствѣ случаевъ мы находимъ похвалы по адресу коробейника; онъ пользуется вездѣ гостепріимствомъ, въ церквахъ на разрисованныхъ стеклахъ и въ корчмахъ мы находимъ изображенія его. Народъ относится къ нему съ особымъ интересомъ, какъ къ человѣку, „много видавшему и много знающему“, въ литературѣ встрѣчаются типы образованныхъ коробейниковъ. Его коробъ оцѣнивается въ 20 фунт. ст.; однимъ изъ главныхъ предметовъ сбыта являются кружева; кромѣ того упоминаются (см. у Шекспира) ленты всѣхъ ...въ, батистъ, полотно, саржа, нитки и др. Изображаемый Водсвортомъ коробейникъ (въ концѣ XVIII ст.) правда уже сознаетъ, что условія торговли ...тѣнились и что положеніе кочующаго торговца понижается. Но развитіе крупной промышленности снова улучшило его положеніе: въ большомъ количествѣ появились шотландцы, занимавшіеся tea-trade, т. е. торговлей чаемъ и отправлявшіеся въ промышленные районы Ланкашира [1]).

Подъ вліяніемъ приведенныхъ выше соображеній, во многихъ странахъ торговля въ разносъ и въ развозъ внѣ ярмарки вовсе запрещена, напр., въ Пруссіи, въ Баваріи; въ другихъ странахъ, напр., въ Кургессенѣ, запрещеніе касается только иностранныхъ коробейниковъ. Напротивъ, въ Англіи попытка осѣдлыхъ купцовъ добиться запрещенія этой торговли не увѣнчалась успѣхомъ; коробейники обязаны лишь, по закону 1697 г., выбирать патентъ на право торговли (licence) съ уплатой 4 ф. ст. и кромѣ того платить столько же „съ каждой лошади, осла, мула или иного животнаго, навьюченнаго грузомъ или везущаго товаръ“; это было значительное стѣсненіе для коробейниковъ. Такая же система была установлена въ кант. Бернъ послѣ того, какъ прежнія запрещенія оказались безрезультатными. Къ концу XVIII ст. и Австрія, признавая пользу, приносимую коробейниками отечественной промышленности въ смыслѣ распространенія ея издѣлій, отмѣняетъ прежнія огульныя запрещенія и дозволяетъ собственнымъ подданнымъ торговать всякаго рода австрійскими издѣліями вездѣ и повсюду, даже въ городахъ.

Какъ видно изъ изложеннаго, внутренняя торговля была обставлена весьма многими стѣсненіями и ограниченіями, главнымъ образомъ въ интересахъ осѣвшихъ въ городахъ купцовъ (иногда и для защиты цехового ремесла: „торговля принадлежитъ городамъ“, „городское купечество какъ бы рождено для торговли“ и только оно имѣетъ право содержанія лавокъ и продажи въ розницу. Всѣмъ прочимъ—иностранцамъ [2]), коробейникамъ, кустарямъ (сбывавшимъ часть своихъ издѣлій непосредственно потребителямъ), иногда, (напр., въ Австріи) и скупщикамъ-предпринимателямъ (въ нѣкоторыхъ отрасляхъ тор-

[1]) См. Justus Möser. I. 4 изд. 222 и сл. (XXXVI. Klage wider die Packenträger. XXXVII. Schutzrede der Packenträger. XXXVIII. Urteil über die Packenträger). Gothein. Wirtschaftsgesch. des Schwarzwaldes. I. 738—41. 845—68. Geering. Basels Handel etc. 458 и сл. Lerch. Der Berner Kommerzienrat im 18. Jahrh. p. 133 и сл. 148 и сл. Молчановскій. Цеховая система въ Пруссіи, стр. 183 и сл. Mantoux. Révol. industr. p. 96 и сл. Rogers. Six Cent. Toynbee. стр. 55 и сл. Roscher. III. p. 112 и сл. Landau. Entw. des Warenhand. in Oesterr. p. 12 и сл., 53 и сл. Levasseur. Classes ouvrières. II. p. 655. Schriften des Ver. für Sozialpol. B. 83. Unters. über die Lage des Hausiergewerbes. 1899. p. 55 и сл.

[2]) Въ Англіи въ половинѣ XVII ст. раздаются жалобы на голландцевъ, французовъ и валлоновъ, торгующихъ въ розницу и отнимающихъ хлѣбъ у мѣстныхъ жителей. (Unwin. The Gilds and Companies of London. 1908. p. 335).

говли), словомъ всѣмъ, кто не записался и не принятъ въ городское купечество, розничная продажа запрещена. Въ Бернскомъ кантонѣ ведется сильная борьба и съ появляющимися въ деревняхъ лавками — дозволяются они лишь на разстояніи не менѣе 2 часовъ отъ Берна и 1 часа отъ прочихъ городовъ, да и въ этихъ случаяхъ новыя ходатайства объ открытіи лавокъ отклоняются, а существующія должны закрыться послѣ смерти или отъѣзда владѣльца.

Всѣ эти ограниченія розничной продажи теряютъ свою силу на время ярмарокъ, которыя являются оплотами свободной конкурренціи — на ярмаркѣ иностранные и иногородніе торговцы, ремесленники, кустари, коробейники конкуррируютъ съ мѣстной осѣдлой торговлей, продавая оптомъ и въ розницу, свои и чужія издѣлія, любой категоріи (не придерживаясь даннаго класса товаровъ), мѣстныя и привозныя. Большихъ ярмарокъ, которыя привлекали бы купцовъ различныхъ странъ и куда привозились бы товары въ большомъ количествѣ для крупныхъ операцій, мы находимъ немного—франкфуртскую, лейпцигскую ярмарку въ Стербриджѣ и еще двѣ-три. Но каждый сколько-нибудь значительный городъ, имѣлъ разъ или два въ году (согласно выданнымъ ему привилегіямъ) свою ярмарку, продолжавшуюся 1—4 недѣли, когда исчезали ограниченія торговли, установленныя въ интересахъ „порядка и добрыхъ нравовъ“, когда происходила концентрація спроса и предложенія по мѣсту и времени. Потребитель—помѣщикъ, крестьянинъ, зависѣвшій весь годъ отъ мѣстнаго цехового мастера, который многихъ товаровъ вовсе не имѣлъ или имѣлъ вещи плохого качества, могъ теперь ихъ найти на ярмаркѣ въ большомъ выборѣ и по болѣе дешевой цѣнѣ. Свои покупки, состоявшія въ одеждѣ и матеріяхъ, домаш- ней утвари и сельскохозяйственныхъ орудіяхъ, игрушкахъ для дѣтей онъ откладывалъ до ближайшей ярмарки, когда производилъ и сбытъ своихъ продуктовъ, хлѣба, скота. Народныя празднества на ярмаркѣ, акробаты, бродячіе цирки и всякія иныя представленія привлекали населеніе со всей округи; ткачи, сапожники, кузнецы, пирожники въ значительной мѣрѣ существовали посѣщеніемъ ярмарокъ.

Весьма существенное явленіе для развитія торговли XVI—XVIII ст. составляетъ распространяющееся въ эту эпоху веденіе торговыхъ книгъ. Зачатки счетоводства имѣются уже у арабовъ, затѣмъ у норманновъ, во французскомъ государственномъ хозяйствѣ при Людовикѣ Св. Но въ то же время торговыя книги средневѣковыхъ купцовъ въ ганзейскихъ, южно-германскихъ и др. городахъ содержатъ лишь безсистемную запись отдѣльныхъ операцій. Мы находимъ въ нихъ записи вродѣ слѣдующихъ: „тюкъ перчатокъ, не помню, сколько онъ стоитъ; еще продалъ я . . . забылъ только фамилію купившаго“. Да и вообще, поскольку даже такія записи дѣлались — это особенно существенно—онѣ относятся лишь къ такимъ операціямъ, которыя производились въ кредитъ, а не на наличныя деньги. „Это записныя книжки, замѣняющія узлы на носовыхъ платкахъ“. Въ XIV ст. правда появляются уже въ итальянскихъ городахъ зачатки двойной бухгалтеріи или бухгалтеріи по венеціанскому способу, какъ говорили впослѣдствіи; но основателемъ ея все же справедливо считается Frater Lucas de Burgo или Лука Пачіоло (монахъ ордена минориτовъ), систематически изложившій и сдѣлавшій доступнымъ всѣмъ это искусство (arte della scrittura doppia): въ одномъ изъ своихъ сочиненій (они относятся къ области математики), носящемъ заглавіе „Summa di arithmetica, geometria, proportioni et proportionalita“ и появившемся въ 1494 г., имѣется знаменитый трактатъ XI (въ отдѣлѣ IX) „о счетахъ и записяхъ“. Въ немъ говорится о составленіи инвентаря, о „трехъ главнѣйшихъ книгахъ купечества“ (меморіалъ, журналъ и главная книга) и о порядкѣ, „въ какомъ онѣ ведутся, какъ въ Венеціи, такъ и въ другихъ мѣстахъ“, о томъ, какъ счетъ ведется простымъ или же двойнымъ способомъ, о составленіи баланса и т. д. Кромѣ того, Пачіоло вообще даетъ весьма полезныя „напоминанія и наставленія для хорошаго купца“; онъ совѣтуетъ ему быть прилежнымъ, находя, что труднѣе стать хорошимъ купцомъ, чѣмъ докторомъ правъ; купца сравниваютъ—говоритъ онъ — „съ соловьемъ, который поетъ всю ночь напролетъ, но это подтверждается только лѣтомъ и то при жаркой погодѣ, а не зимой; голову купца нерѣдко сравнивали съ головой, имѣющей сто глазъ, однако и этого недостаточно“. Нѣкоторыя

наставленія имѣютъ стихотворную форму: „ты лѣности не долженъ предаваться, для нашей славы легкихъ нѣтъ дорогъ, извѣстности не можетъ тотъ дождаться, кто нѣжиться привыкъ въ пуховикахъ“ и т. д. (пер. Минаева).

Въ XVI вѣкѣ мы находимъ уже цѣлый рядъ учебниковъ торговаго счетоводства. Таково напр. сочиненіе Венедикта Котрульи изъ Рагузы подъ названіемъ Della Mercatura et del Mercanti perfetto“ (напечатанное въ 1573 г.). Соотвѣтственно своему названію, оно касается всевозможныхъ вопросовъ, имѣющихъ отношеніе къ веденію торговыхъ дѣлъ; рѣчь идетъ не только о различныхъ видахъ торговли (сукномъ, матеріями на вырѣзку, шерстью и т. д.) и формахъ обмѣна (мѣна, продажа на наличныя, на срокъ и т. д.), но и объ умственныхъ способностяхъ купца, объ его молчаливости, праведности, хитрости, учтивости, похвальномъ образѣ мыслей и воздержности“, о супругѣ купца, о воспитаніи его дѣтей, о слугахъ его и т. п. Собственно ученіе о бухгалтеріи въ сочиненіи Котрульи изложено всего на нѣсколькихъ страницахъ. „Перо—говоритъ Венедиктъ Котрульи—благородное и превосходное орудіе, необходимое не только купцу, но и всякому, занимающемуся промысломъ; если ты встрѣтишь купца, которому перо въ тягость и который не умѣетъ обращаться съ нимъ, то можешь смѣло сказать, что это не коммерсантъ. Купецъ не долженъ совершать своихъ дѣлъ на память, развѣ только, если онъ такой же, какъ царь Киръ, знавшій, какъ зовутъ по имени каждаго солдата его безчисленнаго войска“. Далѣе идетъ описаніе порядка веденія торговыхъ книгъ — главной, журнала и меморіала и книгъ для записи (копированья) счетовъ и писемъ, отсылаемыхъ купцомъ, и въ заключеніе указывается на необходимость правильнаго счетоводства, „предохраняющаго отъ разногласій, ссоръ и неудовольствій“; при отсутствіи его „дѣла превратятся въ хаосъ и вавилонское столпотвореніе“.

Въ теченіе XVI, въ особ. же XVII вѣка постепенно входитъ въ обычай веденіе торговыхъ книгъ, но происходитъ это весьма медленно, такъ какъ самое умѣнье считать, знакомство съ основными правилами ариѳметики распространяется медленно. Еще въ началѣ XVI ст. купцы отправлялись въ Венецію, чтобы изучить тамъ четыре правила съ цѣлыми числами, тройное правило и правило товарищества; къ концу этого вѣка купцы еще гордились тѣмъ, что они умѣютъ правильно производить дѣленіе чиселъ. Въ городскихъ записяхъ доходовъ и расходовъ XVII ст. мы находимъ сплошь и рядомъ ошибки при подсчетахъ. Повидимому не только въ средніе вѣка, но и позже подсчеты производились только приблизительно и современное представленіе о томъ, что счеты должны „сходиться“, было еще долго чуждо населенію. Въ средніе вѣка вычисленія сильно затруднялись, вслѣдствіе пользованія римскими цифрами; въ виду неумѣнія писать, прибѣгали къ абаку—счетной доскѣ съ деревянными или металлическими счетными марками. Въ Италіи въ XIII ст. появились и арабскія (или правильнѣе, индусскія) цифры; но въ Германіи и Англіи онѣ стали входить въ употребленіе лишь два-три столѣтія спустя; въ Англіи до пол. XVI ст. большинство купцовъ вели свои счета съ помощью римскихъ цифръ. Все же съ теченіемъ времени знакомство съ ариѳметикой распространяется, въ XVII вѣкѣ „человѣкъ, не умѣющій считать, признается лишь человѣкомъ на половину“. Издаваемые въ эту эпоху учебники ариѳметики приспособлены къ нуждамъ купца: англійскіе учебники (напр. изданіе Неперовыхъ логариѳмовъ) имѣли въ виду „достопочтенную и уважаемую компанію лондонскихъ купцовъ, ведущихъ торговлю съ Остъ-Индіей, которымъ составитель желаетъ всякаго благополучія въ сей жизни и блаженства въ жизни будущей“ [1]).

---

[1]) См. Бауеръ. Мемуары къ исторіи бухгалтеріи. 1911. Стр. 43 и сл., 70 и сл., 104 и сл., 109 и сл., 129 и сл. 145 и сл., 174 и сл. Кэджори. Исторія элементарной математики. 1910. (Пер. подъ ред. Тимченко). Стр. 120 и сл. 127. 148. 191 и сл. 198. 220. Sattler. Handelsrechnungen des deutschen Ordens, p. 8 и др. Sombart. Kapitalismus. I. p. 176 и сл. 191 и сл. 392 и сл. Auer. Finanzwesen der Stadt Freiburg von 1648 bis 1806. I. p. 35.

ГЛАВА V.

Торговыя компаніи; биржа и биржевая спекуляція; капиталъ.

Средневѣковыя гильдіи являлись организаціями личнаго характера, производящими торговлю съ данной мѣстностью и регулирующими дѣятельность отдѣльныхъ купцовъ; послѣдніе вели, однако, торговыя операціи за собственный страхъ и рискъ. Эти гильдіи мы находимъ и въ разсматриваемую эпоху въ видѣ такъ называемыхъ регулированныхъ компаній, въ составъ которыхъ обязанъ войти всякій, желающій вести торговлю съ опредѣленными странами; и здѣсь каждый купецъ—членъ компаніи—велъ свои операціи самостоятельно. Такую организацію имѣло большинство англійскихъ компаній, учрежденныхъ въ XVI ст., какъ напр., компанія Merchant Adventurers или Гамбургская компанія, вывозившая англійское сукно на континентъ Европы, въ особенности въ Гамбургъ; Турецкая или Левантійская компанія, учрежденная въ 1518 г.; Африканская, учрежденная въ 1536 г.; Сѣверо-американская или Плимутская компанія, учрежденная въ 1579 г. Въ отличіе отъ средневѣковыхъ гильдій (напр., ганзейскихъ Nowgorodfahrer, Bergenfahrer и т. д.) и въ соотвѣтствіи съ замѣной городского строя государственнымъ, для торговли съ каждой страной или нѣсколькими странами теперь существовала только одна компанія, почему она и являлась привилегированной и никто кромѣ ея членовъ не могъ вести соотвѣтствующія торговыя операціи.

Какъ въ средніе вѣка въ предѣлахъ гильдій, такъ и внутри этихъ регулированныхъ компаній отдѣльныя группы купцовъ — члены компаній—могли соединяться въ товарищества, торгуя за общій страхъ и рискъ, посылая совмѣстно одинъ или нѣсколько кораблей. Такой характеръ имѣла первоначально торговля въ Остъ-Индіи какъ Нидерландовъ, такъ и Англіи: различныя товарищества купцовъ снаряжали независимо другъ отъ друга суда въ Индію, хотя ѣздили суда вмѣстѣ и дѣйствія военныя и дипломатическія велись совмѣстно. Лишь постепенно эти отдѣльныя товарищества—они не могли держаться, конкуррируя другъ съ другомъ—слились вмѣстѣ; изъ отдѣльныхъ капиталовъ образовался одинъ общій капиталъ и изъ регулированной возникла объединенная компанія [1]).

Какъ и регулированныя компаніи, объединенная компанія пользовалась привилегіей торговли съ опредѣленными странами или частями свѣта; въ торговлѣ, однако, уже принимали участіе исключительно владѣльцы постояннаго капитала компаніи—всѣмъ другимъ эта торговля была закрыта. Впрочемъ, формально и въ этихъ случаяхъ право участія въ торговлѣ предоставлялось всякому, ибо объединенныя компаніи имѣли характеръ акціонерныхъ обществъ и акціи, на которыя раздѣлялся ихъ капиталъ, были юридически доступны каждому; вскорѣ онѣ стали объектомъ биржевыхъ

---

[1]) Такой характеръ имѣла уже во второй половинѣ XVI вѣка—какъ установила г-жа Любименко.—Русская компанія, учрежденная въ Англіи для торговли съ Московскимъ государствомъ (см. выше, стр. 355).

операцій. Въ дѣйствительности, однако, акціи находились въ рукахъ немногихъ лицъ, которыя и занимали постоянно должности директоровъ. Такъ, акціи англійской остъ-индской компаніи принадлежали 550 лицамъ, причемъ большая часть находилась въ рукахъ 40 лицъ; акціи голландской остъ-индской компаніи принадлежали въ концѣ XVII ст. 550 — 600 акціонерамъ; $^{9}/_{10}$ акцій гудсоновой компаніи владѣло въ XVIII ст. 8—9 лицъ.

Среди заокеанскихъ акціонерныхъ компаній наибольшее значеніе имѣла нидерландская остъ-индская компанія, возникшая въ 1602 г., и англійская остъ-индская компанія; послѣдняя образовалась приблизительно одновременно съ первой, но долгое время не имѣла общаго капитала, ибо существовало нѣсколько отдѣльныхъ фондовъ (joints-tock), которые хотя и управлялись тѣми же директорами и на тѣхъ же основаніяхъ, но представляли собою самостоятельныя единицы; каждый фондъ отдѣльно выплачивался акціонерамъ и затѣмъ объявлялась подписка на новый; сліяніе произошло лишь въ 1708 г. И та и другая компанія сосредоточивала въ въ своихъ рукахъ всю торговлю (первая—Нидерландовъ, вторая — Англіи) съ Остъ-Индіей, причемъ онѣ естественно находились въ постоянной борьбѣ между собой; лишь временно между ними было установлено соглашеніе. Съ посторонними компаніи купцами, пріѣзжавшими изъ Индіи, онѣ обходились, какъ съ пиратами, суда же ихъ подвергались конфискаціи.

По ихъ образцу въ значительной мѣрѣ были учреждены прочія акціонерныя компаніи: голландская вестъ-индская (торговля съ Бразиліей), англійская африканская (Гвинея), гудсонова компанія и гренландская. Во Франціи Ришелье учредилъ въ 1628 г. канадскую компанію, сенегальскую. Кольберъ—по образцу нидерландской—создалъ остъ-индскую компанію, далѣе вестъ-индскую, сѣверную (для торговли съ Нидерландами, Швеціей, Россіей) и левантійскую; въ концѣ XVII ст. возникла гвинейская (южная) компанія для торговли неграми, И въ другихъ странахъ, Швеціи, Даніи, Австріи, Пруссіи образовались подобныя же привилегированныя заокеанскія акціонерныя компаніи. Организація этихъ компаній была различная въ разныхъ странахъ — въ тѣсной связи съ государственнымъ строемъ каждой. Поэтому въ голландской остъ-индской компаніи имѣлось восемь палатъ, въ которыхъ участвовали крупные акціонеры—аналогія съ провинціальными штатами—и которыя выбирали 60 директоровъ (генеральные штаты!). При этомъ во главѣ компаніи стояли тѣ же лица, которыя управляли республикой, почему всѣ договоры въ Индіи заключались ею отъ имени государства, товары закупались факторомъ генеральныхъ штатовъ и т. д., хотя дѣйствительнымъ контрагентомъ являлась компанія. И въ Англіи сила остъ-индской компаніи основывалась на ея тѣсной связи съ правительствомъ; но здѣсь имѣлось общее собраніе — по аналогіи съ парламентомъ—съ участіемъ лишь крупныхъ акціонеровъ (и въ государствѣ не было общаго избирательнаго права). Въ Франціи это общее собраніе имѣло лишь формальное значеніе: предсѣдателемъ его былъ король, который совмѣстно съ министрами управлялъ компаніей (параллель французскому абсолютизму), кромѣ нихъ участвовали придворные, взявшіе акціи, чтобы угодить королю. Въ Португаліи торговля съ Индіей составляла монополію самого короля.

Эти компаніи, пользуясь обширными привилегіями, покоились однако на весьма шаткомъ основаніи. Уже въ средневѣковыхъ комендахъ и въ товариществахъ XVI ст., образовавшихся въ предѣлахъ регулированныхъ компаній, лишь нѣкоторые участники - трактаторы, капитаны производили торговыя операціи, остальные же участвовали только своими капиталами. Въ акціонерныхъ заокеанскихъ компаніяхъ все веденіе дѣла возлагалось на

находившихся на мѣстахъ, въ Индіи, Америкѣ чиновниковъ подъ разными названіями (губернаторы, резиденты, главные купцы и т. д.), тогда какъ директоры компаніи, остававшіеся въ Европѣ, могли лишь давать указанія, сообразно получаемымъ отчетамъ. Служащіе эти, не будучи заинтересованы въ выгодахъ компаніи и получая плохое вознагражденіе, старались увеличить его и нажиться посредствомъ торговли на собственный счетъ; корабли заходили по дорогѣ въ различныя гавани, гдѣ служащіе занимались собственными торговыми операціями; точно также на мѣстѣ они сбывали продукты за свой счетъ. При этомъ нерѣдко наиболѣе выгодныя отрасли торговли они монополизировали въ свою пользу, заставляя туземцевъ покупать товары исключительно у нихъ по опредѣленной, ими же установленной цѣнѣ; часто они прямо производили насилія и грабительскія нападенія на туземное населеніе,—все время прикрываясь именемъ компаніи. Чрезъ нѣсколько лѣтъ они возвращались въ Европу съ огромными накопленными богатствами, къ великому неудовольствію директоровъ компаніи.

Если такого рода дѣйствія служащихъ были чрезвычайно убыточны для компаніи, то и расходы ея были всегда велики, ибо учреждаемыя въ эту эпоху компаніи имѣли—однѣ въ большей, другія въ меньшей степени—политическій характеръ. Онѣ занимались устройствомъ укрѣпленныхъ факторій, завоеваніемъ новыхъ странъ и т. д., независимо отъ того, насколько это было выгодно въ коммерческомъ отношеніи — тогда какъ въ средніе вѣка купцы всегда оставались купцами и, поскольку они дѣлали завоеванія всегда преслѣдовали исключительно цѣли торговаго характера. Наиболѣе обширныя завоеванія произведены англійской остъ-индской компаніей, благодаря которой создалась британская имперія въ Индіи, дивиденды же компаній сокращались все болѣе и болѣе. Огромное большинство учрежденныхъ въ XVII — XVIII ст. компаній прозябало, несмотря на то, что многія изъ нихъ занимались пиратствомъ; лишь въ теченіе небольшихъ періодовъ онѣ давали дивидендъ и въ большинствѣ случаевъ вскорѣ прекращали свое существованіе, замѣняясь новыми привилегированными компаніями для торговли съ тѣми же странами. Но даже двѣ наиболѣе крупныя компаніи, въ теченіе двухъ столѣтій сосредоточивавшія въ своихъ рукахъ торговлю съ Остъ-Индіей, голландская остъ-индская и англійская остъ-индская процвѣтали недолго. Первоначально онѣ распредѣляли высокій дивидендъ,—результатъ впрочемъ неимовѣрной эксплоатаціи туземцевъ, которые обязаны были доставлять компаніи товары по опредѣленной ею чрезвычайно низкой цѣнѣ. Но въ концѣ XVIII ст., по указаннымъ выше причинамъ, и онѣ уже пережили себя и доставляли одинъ убытокъ.

Характерной для средневѣковаго періода организаціей торговли являлась ярмарка. Основныя свойства ярмарочной торговли составляли: періодичность торговыхъ операцій (4—6 разъ въ годъ); сравнительная незначительность размѣровъ оборота и немногочисленность объектовъ обмѣна; пріобрѣтеніе привезенныхъ товаровъ лишь послѣ осмотра ихъ, установленія количества и качества; наконецъ, обособленность мѣстъ собранія купцовъ различныхъ городовъ или „націй“,—соотвѣтственно обособленности горо-

довъ въ средніе вѣка. Ярмарки сохраняются и въ XVI—XVIII ст.; въ эту эпоху нѣкоторыя изъ нихъ, напр., франкфуртская, лейпцигская играли важную роль (см. выше, стр. 392—93); но въ общемъ онѣ теряютъ свое значеніе въ международной торговлѣ и замѣняются уже съ XVI ст. болѣе совершенной организацiей торговаго обмѣна въ видѣ биржъ. Выражая лишь одну изъ сторонъ происшедшаго въ эту эпоху крупнаго переворота въ области обращенія товаровъ и денегъ, биржи знаменовали собою концентрацію обмѣна въ немногихъ опредѣленныхъ мѣстахъ, непрерывность его и значительное упрощеніе торговыхъ операцій. Онѣ имѣли первоначально временный характеръ, какъ и ярмарочный обмѣнъ,—но постепенно биржевыя операціи стали постоянными. Такой характеръ пріобрѣли сначала операціи въ векселяхъ—это произошло въ итальянскихъ городахъ уже съ конца среднихъ вѣковъ. Въ этихъ центрахъ средневѣковой торговли „вексельный рынокъ въ любое время готовъ былъ давать или получать деньги по векселямъ". Послѣдніе являлись по самой природѣ своей замѣнимыми объектами торговли—ихъ не было надобности ни перевозить, ни помѣщать въ подворьѣ, ни подвергать осмотру для опредѣленія ихъ характера и качества.

„Если ты меня спросишь—говоритъ въ 1474 г. извѣстный Fra Luca Pacioli, основатель двойной бухгалтеріи,—какъ можно узнать вексельный курсъ, то я отвѣчу, что въ Венеціи надо отправиться на Rialto, во Флоренціи же на Mercato nuovo, гдѣ обсуждается цѣна векселей". Итальянцы создали зачатки вексельной биржи и въ другихъ городахъ, въ особ. въ Лондонѣ; тамъ въ пол. XV ст. на Lombardstreet (улица ломбардовъ, т. е. итальянцевъ) жили итальянцы—тамъ былъ и торговый центръ, гдѣ купцы собирались ежедеевно. Благодаря итальянцамъ, возникла биржа и въ Брюгге; и здѣсь уже въ концѣ XV вѣка она происходила ежедневно; въ Антверпенѣ и Ліонѣ четыре ежегодныя ярмарки постепенно и незамѣтно превратились въ одну непрерывную биржу. Къ векселямъ присоединились въ XVI ст. различнаго рода товары, въ особенности перецъ, который привозился изъ Индіи въ Антверпенъ цѣлыми флотиліями (а также сельди и пр.) и качество котораго было однообразно, такъ что можно было пріобрѣтать безъ осмотра самаго груза, на основаніи одной пробы. Для перца вскорѣ выработалась въ Антверпенѣ покупка на срокъ прибытія португальскихъ судовъ изъ Индіи; тогда ликвидировались всѣ заключенные договоры. Выработались, такимъ образомъ, совершенно новыя сдѣлки на срокъ и замѣнимыми товарами.

По мѣсту ихъ заключенія эти операціи перешли теперь изъ отдѣльныхъ „ложъ" итальянцевъ (еще въ XVIII вѣкѣ голландскія факторіи въ Индіи назывались „loges"), которыя они (именно каждый изъ итальянскихъ городовъ отдѣльно) имѣли во всѣхъ торговыхъ центрахъ, въ общее мѣсто, гдѣ собирались уже купцы различныхъ націй. Сначала соединялись только итальянцы разныхъ городовъ: въ Брюгге до 1500 г.—генуэзцы, флорентинцы, венеціанцы, да и то только для совершенія вексельныхъ операцій, тогда какъ сдѣлки на товары производились по-прежнему въ отдѣльныхъ подворьяхъ; биржа возникла здѣсь путемъ соединенія купцовъ этихъ трехъ „націй", ложи которыхъ были сосредоточены въ одномъ и томъ же мѣстѣ,

на площади „de bursa“. И въ Лондонѣ на Lombard-Street сходились почти исключительно итальянцы. Позже, въ Антверпенѣ, биржа объединяла купцовъ всѣхъ странъ, хотя они еще дѣлились на націи; въ 1531 г. на новомъ зданіи биржи красовалась надпись: in usum negotiatorum cuiuscunque nationis ac linguae. Не участвовали только англичане; послѣдніе имѣли особое мѣсто для собраній, гдѣ производились преимущественно операціи товарами и куда отправлялись купцы другихъ странъ для товарной торговли. На болѣе позднихъ биржахъ, амстердамской, гамбургской, сходились уже купцы всѣхъ національностей. Собирались они первоначально, какъ прежде на ярмаркѣ, на открытомъ мѣстѣ—въ Брюгге въ крытыхъ навѣсомъ ложахъ, въ Амстердамѣ на мосту или въ церкви, въ Ліонѣ на площади, сначала открытой, позже огороженной на время биржевыхъ собраній. Лишь впослѣдствіи были выстроены особыя зданія—въ Ліонѣ только въ 1653 г., хотя биржа существовала уже за сто лѣтъ до того, въ Амстердамѣ въ 1613 г. При этомъ исходной точкой являлись собранія итальянцевъ; въ Брюгге, въ Ліонѣ и самая биржа возникла на площади передъ ихъ „ложей“. Въ различныхъ нѣмецкихъ городахъ, гдѣ биржа возникла значительно позже по образцу нидерландскихъ, она образовалась изъ соединенія различныхъ купеческихъ гильдій—въ Гамбургѣ, напр., England-Schonen-и Flandernfahrer составили въ 1558 г. купеческую корпорацію—„meenen Kopmann“; въ Берлинѣ биржа образовалась изъ возникшей въ 1716 г. „гильдіи“ всѣхъ нѣмецкихъ и французскихъ купцовъ.

Въ Брюгге впервые появляется и самый терминъ „биржа“, въ отличіе отъ прежняго названія рынка (mercato), площади (piazza) или ложи (loggia), которыми обозначались мѣста собраній купцовъ. Какъ указываетъ итальянецъ Гвиччіардини, проживавшій долгое время въ Нидерландахъ, въ вышедшемъ въ 1567 году сочиненіи, названіе „биржа“ происходитъ отъ площади въ Брюгге, на которой стоялъ „большой и старинный домъ“, принадлежавшій знатному роду van der Burse, на гербѣ котораго, помѣщенномъ на воротахъ дома, были изображены три кожаныхъ мѣшка (ter buerse). На этой площади происходили собранія купцовъ, которыя и получили отъ нея названіе „Borsa“ (биржа). Однако, тамъ происходили не собранія купцовъ вообще, а однихъ лишь итальянскихъ купцовъ. Впослѣдствіи на этой площади помѣщались консульскіе дома, „ложи“ венеціанцевъ (въ домѣ „ter buerse“), генуэзцевъ и флорентинцевъ; причемъ подъ колонадами дома флорентинцевъ находились столы мѣнялъ и банкировъ, и здѣсь, повидимому, и происходили купеческія собранія. Если, такимъ образомъ, первоначальный терминъ „биржа“ находится въ связи со случайнымъ названіемъ площади, гдѣ происходили собранія, то, повидимому,, дальнѣйшее распространеніе этого термина и укрѣпленіе его объясняется тѣмъ, что онъ соотвѣтствовалъ значенію слова „bursa“. „Bursa“ обозначала кожаный мѣшокъ, но въ переносномъ смыслѣ уже въ средніе вѣка—денежныя суммы; позже подъ этимъ понимались общія кассы (bourses communes); купеческія кассы взаимопомощи, общія студенческія столовыя (bursae scolarum), ассоціаціи торговыя и иныя. Во всякомъ случаѣ, самый терминъ биржи еще долго примѣнялся лишь въ Нидерландахъ. Въ обычномъ правѣ

Марселя XVII ст. говорится: мѣсто, гдѣ собираются купцы въ Марсели для производства своихъ операцій, называется „la lode“, подобно тому, какъ въ Ліонѣ оно именуется „la loge du change“, а въ Нидерландахъ — „la bourse“.

Изъ Брюгге, гдѣ возникла (вексельная) биржа, она перешла въ началѣ XVI вѣка въ Антверпенъ. Здѣсь мы находимъ какъ вексельную, такъ и фондовую биржу; операціи въ государственныхъ бумагахъ. Вслѣдствіе концентраціи товарныхъ и вексельныхъ оборотовъ, сюда притекали въ большомъ количествѣ свободные капиталы и крупныя торговыя фирмы всегда имѣли возможность пріобрѣсти необходимыя имъ денежныя суммы. Нуждавшіеся въ деньгахъ государи также стали рано обращаться къ антверпенской биржѣ — помимо облигацій нидерландскаго правительства, здѣсь обращались и облигаціи королей португальскаго и англійскаго (послѣднія за поручительствомъ тайнаго совѣта г. Лондона). Но государямъ приходилось уплачивать первоначально весьма высокіе проценты, да и вообще они не всегда доставали необходимыя суммы, ибо биржа мало довѣряла имъ. Въ Антверпенѣ же возникла и товарная биржа, купля - продажа на пробу, развилась комиссіонная торговля. Здѣсь поселились купцы, которые производили торговлю по порученію не только купцовъ своей національности, но и цѣлаго ряда иноземныхъ торговыхъ фирмъ, что шло совершенно въ разрѣзъ со средневѣковыми обычаями. Они соединяли въ своемъ лицѣ и маклера и комиссіонера одновременно: „не знаю, можно ли вѣрить ему,—говоритъ одинъ факторъ о Лазарусѣ Тухерѣ — ибо онъ часто является и покупателемъ и продавцомъ перца одновременно“.

Антверпенъ не только сохранилъ то равноправное положеніе различныхъ національностей, какъ и равноправіе между иностранными купцами и мѣстными жителями, которое господствовало уже въ Брюгге, проводя этотъ принципъ до конца, но и развилъ далѣе свободу биржевой торговли; это, по словамъ современниковъ, много содѣйствовало концентраціи торговыхъ оборотовъ на антверпенской биржѣ. Маклерскій промыселъ, который въ Брюгге еще составлялъ монополію опредѣленной корпораціи, былъ въ Антверпенѣ свободенъ и доступенъ всѣмъ и каждому; точно также размѣнъ денегъ, торговля золотомъ и серебромъ и производство переводныхъ операцій, принадлежавшее въ Брюгге однимъ присяжнымъ мѣняламъ, было здѣсь предоставлено всѣмъ и каждому. Если вообще въ Антверпенѣ существовали какія-либо ограниченія, то исходили они отъ самихъ иностранныхъ купцовъ, а не отъ города, который всячески старался установить полную свободу торговли.

И въ Ліонѣ, гдѣ почти одновременно съ Антверпеномъ изъ ярмарокъ возникла товарная и фондовая биржа, господствовала не только полная свобода отъ всякихъ податей и пошлинъ, но и предоставлялось всѣмъ и каждому, за исключеніемъ англичанъ, „нашихъ старыхъ враговъ“, производить денежныя, вексельныя и кредитныя операціи; въ томъ числѣ взимать запрещенный во всѣхъ другихъ случаяхъ ссудный процентъ. Маклеромъ можетъ быть всякій, онъ не долженъ лишь заниматься самостоятельно коммерческими операціями; до XVII вѣка число маклеровъ не было ограничено, и купля-продажа не должна была обязательно совершаться чрезъ ихъ посредство; къ нимъ обращались лишь въ виду большей легкости найти чрезъ ихъ посредство контрагента.

Съ паденіемъ антверпенской (и ліонской) биржи заканчивается первый періодъ—XVI вѣка и начинается второй—періодъ амстердамской биржи. Въ Амстердамѣ главнымъ объектомъ биржевыхъ операцій являются уже акціи, именно акціи нидерландской остъ-индской компаніи; акціи здѣс

впервые становятся предметомъ, и притомъ постояннымъ предметомъ, биржевой торговли. Несмотря на то, что акціи не были установлены въ круглыхъ однообразныхъ суммахъ, а зависѣли отъ размѣровъ участія отдѣльныхъ лицъ въ капиталѣ компаніи, онѣ все же оказались весьма удобными для биржевой спекуляціи. Биржа, повидимому, уже съ самаго начала предпочитала крупныя цифры, и постепенное стремленіе къ возможно большей замѣнимости объектовъ привело къ тому, что образовалась биржевая единица въ 3.000 фл., и эта единица именовалась теперь на биржѣ акціей (actie). Рядомъ со сдѣлками кассовыми, при которыхъ совершался трансфертъ акцій на имя покупателя и послѣдній уплачивалъ за нихъ посредствомъ перевода денегъ по книгамъ Амстердамскаго банка (см. ниже) на имя продавца, вскорѣ появляются и сдѣлки иного рода. Покупатель до срока исполненія договора продаетъ акціи, спекулируя на разницу, или же занимаетъ подъ нихъ $^4/_5$ ихъ цѣнности, или, наконецъ, вовсе отказывается отъ сдѣлки, уплачивая премію. Въ формѣ сдѣлокъ на срокъ весьма скоро возникла оживленная биржевая игра. Первоначально не болѣе 20 человѣкъ держали въ своихъ рукахъ всю торговлю акціями; но къ концу XVII вѣка число лицъ, владѣвшихъ акціями, сильно возросло; стали играть на части акцій (прибыль или убытокъ не превышалъ 3 гульд.). Въ этой игрѣ — по словамъ современниковъ—принимало участіе все населеніе, даже женщины, старики и дѣти.

Биржевая игра, сильно развившаяся благодаря устроенымъ по близости отъ биржи кофейнямъ, гдѣ пили вновь появившіеся въ то время напитки — кофе, какао, чай, производя тутъ же биржевыя операціи, создала профессіональныхъ спекулянтовъ, вся жизнь которыхъ была наполнена исключительно мыслью объ акціяхъ. Ихъ называли „gente de especulacion“ и сравнивали вслѣдствіе ихъ подвижности, съ perpetuum mobile: они, какъ утверждали, даже во снѣ видятъ акціи, во время лихорадки бредятъ ими и умирая еще вспоминаютъ о нихъ. „Одни, игроки на повышеніе, всегда ждали добрыхъ извѣстій (спекулянты имѣли своихъ агентовъ при дворахъ), почему ихъ называли „amantes de la patria“, все прикрашивали, египетскую тьму превращали въ сумерки, молнію въ фейерверкъ; ихъ сравнивали съ волшебникомъ, который показывалъ женщинамъ зеркало, гдѣ онѣ казались лучше, чѣмъ были на самомъ дѣлѣ. Другіе, baissiers—мизантропы, они сдѣланы изъ однихъ нервовъ; не переставая говорить о кончинѣ міра и сообщать всякіе страхи, они превращаютъ муху въ слона, всякую драку въ возстаніе“. Существовали уже консорціи повышателей и понижателей, распространявшіе ложныя извѣстія или искусственно вызывавшіе недостатокъ въ деньгахъ; на ряду съ продажей нидерландскихъ государственныхъ облигацій, которая, вызывая предположеніе о дурныхъ политическихъ событіяхъ, имѣла послѣдствіемъ паденіе курса акцій, они дурачили легкомысленныхъ людей даже такими способами, какъ потеря нарочно для того написаннаго письма, въ которомъ содержалось какое-либо выдуманное извѣстіе.

Подробно описалъ биржевую спекуляцію поселившійся въ Амстердамѣ португальскій еврей Don Ioseph de la Vega въ вышедшемъ въ 1688 г. сочиненіи; это замѣчательное произведеніе, по словамъ Эренберга, осталось и до сихъ поръ едва ли не лучшимъ описаніемъ биржевыхъ операцій. Биржу онъ называлъ совокупностью всего хорошаго и всего дурного на свѣтѣ, всего истиннаго и всего ложнаго, пробнымъ камнемъ всѣхъ осторожныхъ и могилой всѣхъ чрезчуръ смѣлыхъ, кладеземъ полезныхъ вещей и очагомъ зла, воплощеніемъ Сизифа, никогда не отдыхающаго, и символомъ Иксіона, который постоянно вращается со своимъ колесомъ. Онъ указываетъ на то, что спекуляція привлекаетъ всѣхъ, такъ какъ не нужно ни вести книгъ, ни отсылать товаровъ, ни производить платежей, ни держать приказчиковъ. По поводу биржe-

вой игры онъ совѣтывалъ никогда не давать совѣтовъ другимъ относительно покупки или продажи акцій, при выигрышѣ никогда не сожалѣть, если потомъ цѣна поднимется, не удерживать долго акцій въ своихъ рукахъ („не вступать въ бракъ съ ними"), имѣть терпѣніе и деньги и всегда помнить, что биржевая прибыль есть утренняя роса, мыльный пузырь, который тутъ же исчезаетъ, что она имѣетъ обманчивый блескъ карбункула.

Позже, не ранѣе 1673 г., появились на амстердамской биржѣ и операціи въ государственныхъ фондовыхъ бумагахъ, преимущественно въ облигаціяхъ нидерландскаго правительства; однако, вслѣдствіе разнообразія ихъ по видамъ и размѣрамъ—въ противоположность однообразію акцій—облигаціи не могли имѣть такого значенія на биржѣ, какъ акціи. Къ концу XVII вѣка амстердамская биржа превратилась въ международный рынокъ, а въ половинѣ XVIII ст., согласно первому дошедшему до насъ бюллетеню, котировалось уже 44 вида фондовыхъ бумагъ,—нидерландскія акціи трояктого рода, англійскія трехъ сортовъ, 25 видовъ внутреннихъ займовъ и т. д. Къ концу XVIII ст. котировалось свыше 100 фондовыхъ бумагъ различнаго рода.

Сдѣлки на разницу производились не только акціями, но и на всякаго рода товары, въ особ. кофе, хлѣбъ, спиртъ; люди, не обладающіе и 10 тысячами, заключаютъ нѣсколько десятковъ сдѣлокъ на одинъ и тотъ же срокъ, которыя ликвидируются уплатой разницы. Въ 30-хъ годахъ XVII ст. чрезвычайныхъ размѣровъ достигла спекуляція на тюльпаны (тюльпаноманія); послѣдніе были вывезены изъ Турціи въ Западную Европу и съ половины XVI ст. ихъ стали разводить въ Нидерландахъ, причемъ старались производить новые, рѣдкіе и особо цѣнимые виды и цвѣта. Тюльпаны стали объектомъ биржевой игры; къ нимъ примѣнялись всѣ господствовавшіе на биржѣ методы спекуляціи на акціи съ той только разницей, что акцію замѣнялъ тюльпанъ. Въ торговлѣ ими принимали участіе не только коммерсанты, но и все населеніе: „крестьяне и матросы, каретники и ткачи, грузчики и трубочисты, торговки тряпьемъ, даже батраки". Покупались и продавались не существующіе вовсе экземпляры, и вся суть заключалась въ уплатѣ разницы между условленной цѣной, и цѣной, по которой они котировались въ день исполненія сдѣлки. Увлеченіе тюльпанами привело къ тому, что цѣна ихъ поднялась до неимовѣрныхъ размѣровъ, выше, чѣмъ собственный вѣсъ ихъ золотомъ: за луковицу тюльпана третьяго сорта давали карету и пару лошадей. Въ теченіе 2—3 лѣтъ въ одномъ только изъ городовъ Голландіи было сдѣлано оборотовъ болѣе чѣмъ на десять милліоновъ; все имущество обращалось въ деньги и закладывалось для покупки тюльпановъ. Въ 1637 г. эта манія закончилась кризисомъ, цѣны на тюльпаны упали, никто не хотѣлъ ихъ болѣе покупать; довѣріе исчезло, заключенныя сдѣлки не выполнялись; результатомъ было разореніе и продолжительный застой въ торговлѣ, отъ котораго Амстердамъ не скоро оправился.

И лондонская фондовая биржа создалась подъ вліяніемъ спекуляціи на акціи; послѣднія, а не государственныя бумаги, явились здѣсь основой биржевыхъ операцій. До конца XVII ст. мы находимъ въ Англіи только три акціонерныя компаніи; но въ послѣднее десятилѣтіе этого вѣка, въ

связи съ общимъ оживленіемъ въ промышленности, вызваннымъ переселеніемъ гугенотовъ въ Англію и введеніемъ ими новыхъ отраслей и способовъ производства, появились новыя акціонерныя компаніи въ области обрабатывающей промышленности и горнаго дѣла, появились на биржѣ и акціи вновь учрежденнаго въ 1694 г. Англійскаго банка. Къ тому же времени относится введеніе на биржу различныхъ краткосрочныхъ обязательствъ казначейства: сдѣлки на эти бумаги по своему характеру не многимъ отличались отъ операцій съ акціями. Стараясь во всемъ подражать голландцамъ, англичане заимствовали у нихъ и технику биржевыхъ операцій; амстердамская биржевая техника была сразу и цѣликомъ введена въ Лондонѣ. Здѣсь возникла впервые обширная профессіональная биржевая торговля, заключавшаяся въ сдѣлкахъ на срокъ и въ уплатѣ разницы (та же форма, что и въ Амстердамѣ). Change Alley, улицу, гдѣ находилась биржа, называли разбойничьимъ притономъ (гдѣ господствуетъ и особый воровской жаргонъ) для обиранія публики путемъ невѣрныхъ извѣстій и ложныхъ курсовъ. Спекуляція особенно возросла и закончилась биржевымъ кризисомъ въ 1720 г., послѣ учрежденія южно-океанской торговой компаніи (въ 1713 г.).

Послѣдняя получила исключительное право торговли съ Южной Америкой, какъ и право на всѣ открытыя земли, и за это должна была заключить заемъ съ правительствомъ: именно, какъ и Англійскій банкъ и Остъ-индская компанія, она передавала правительству свой основной капиталъ и выпускала на ту же сумму акцій. Такъ какъ Америка, о которой многіе даже не знали гдѣ она находится, представлялась всѣмъ страной, изобилующей золотомъ, то цѣна акцій сразу сильно поднялась, а съ дальнѣйшими выпусками, при которыхъ акціи брались на расхватъ, цѣна ихъ повысилась на 1000 проц.; директоры компаніи, щедро ссужая акціи въ кредитъ и примѣняя иныя средства, весьма содѣйствовали этому повышенію курса. Въ связи съ этимъ появился—при дѣятельномъ участіи высшей аристократіи—и цѣлый рядъ иныхъ предпріятій, т. наз. мыльные пузыри (bubbles), подписка на которыя всегда была, вслѣдствіе ослѣпленія публики и охватившаго ее безумія, чрезвычайно успѣшна. Первые покупщики легко находили другихъ покупателей, дававшихъ еще болѣе высокую цѣну: одна и та же бумага продавалась на одномъ концѣ улицы Change-Alley на 10 проц. дороже, чѣмъ на другомъ. Основывалось предпріятіе для осуществленія perpetuum mobile, для привоза изъ Испаніи высокорослыхъословъ, для извлеченія серебра изъ свинца и т. п.; предлагалось даже подписываться на предпріятіе, имѣющее цѣлью расталливаніе древесныхъ опилокъ и выдѣлку изъ нихъ досокъ. Дѣло доходило до того, что объявлялась подписка на капиталъ предпріятія, цѣль котораго не объяснялась даже; всякій, уплатившій 2 гинеи, получитъ впослѣдствіи акцію въ 100 гиней и узнаетъ цѣль общества—и публика шла на приманку. „Во имя Господа, дайте намъ возможность подписаться на что-либо, что бы это ни было“—таково было общее желаніе. Опьяненіе кончилось крахомъ и всеобщей паникой. Именно, когда южно-океанская компанія вступила въ борьбу съ новыми обществами и добилась Bubble Act, на основаніи котораго они были объявлены уничтоженными, какъ выпустившія акціи безъ разрѣшенія правительства, тогда началась паника: всякій старался реализовать свои акціи. Это движеніе захватило, однако, и акціи самой южно-океанской компаніи: послѣднія сильнѣйшимъ образомъ упали, потери были огромны.

Англійское правительство (какъ ранѣе голландское) пробовало бороться съ биржевой спекуляціей, но безуспѣшно. „Есть одно лишь средство для правительства—говорилъ одинъ спекулянтъ—избавиться отъ насъ: уплатить всѣ государственные долги и ликвидировать всѣ акціонерныя компаніи; тогда ему не нужно будетъ вѣшать спекулянтовъ, но за то тогда ему придется самому повѣситься“. Какъ указываетъ И. И. Кауфманъ, въ основаніи спекулятивной эпи-

деміи, охватившей Англію во второмъ десятилѣтіи XVIII ст., лежала „грандіозная“ мысль конвертировать почти весь англійскій государственный долгъ въ акціонерный капиталъ. Разъ изъ основного капитала трехъ главныхъ акціонерныхъ компаній (Англійскаго банка, Остъ-Индской и Южно-океанской компаніи) значительная сумма, свыше $16\frac{1}{2}$ милл. ф. ст., была передана правительству и составляла государственный долгъ (на эту сумму находились въ обращеніи акціи, представлявшія государственный долгъ), то почему нельзя было такимъ же образомъ обратить въ акціи и остальные 30—35 милл. госуд. долга. И даже послѣ неудачнаго исхода этой попытки самая мысль ея не была брошена, только примѣненіе ея считали неудачнымъ [1]).

Зачатки фондовой спекуляціи въ Парижѣ или ажіотажа — какъ его называли во Франціи—находимъ уже въ первые годы XVIII вѣка; уже тогда банкиры выдавали деньги по часамъ за огромный процентъ (до 1 проц. въ часъ) для усиленія биржевой игры. Но особенно огромные размѣры послѣдняя приняла въ связи съ операціями Джона Ло. Тогда впервые биржевыя сдѣлки, которыя совершались въ домахъ на rue Quincampoix, были вынесены на самую улицу; тамъ распространялись извѣстія, дѣлались предложенія „по образцу Амстердама и Лондона, гдѣ купцы ежедневно собираются“.

Джонъ Ло (Law) является наиболѣе яркимъ представителемъ тѣхъ авантюристовъ, которые въ ту эпоху странствовали по различнымъ государствамъ въ надеждѣ найти охотниковъ до ихъ фантастическихъ плановъ быстраго обогащенія. Покинувъ Англію и попытавъ счастья въ Амстердамѣ, Брюсселѣ и Италіи, онъ, наконецъ, попалъ въ Парижъ, и въ 1617 г. основалъ частный банкъ на акціонерныхъ началахъ для учета векселей, пріема вкладовъ и выпуска банковыхъ билетовъ—все новыя для того времени операціи. Затѣмъ онъ превратилъ банкъ въ государственное учрежденіе. Далѣе, онъ основалъ Вестъ-Индскую компанію или компанію Миссиссипи (аналогія англійской южно-океанской компаніи) для колонизаціи береговъ Миссиссипи, незадолго до того поступившихъ во владѣніе Франціи. Компанія пользовалась широкими привилегіями въ области торговли и въ смыслѣ владѣнія всѣми открытыми уже въ Луизіанѣ странами и тѣми, которыя будутъ открыты. При этомъ предпріятіе раздувалось всѣми искусственными средствами—богатство открытыхъ странъ изображалось въ самыхъ яркихъ краскахъ. Были выставлены публично гравюры, на которыхъ индійцы и индіанки Луизіаны съ благоговѣніемъ спѣшили на встрѣчу французамъ, и сообщалось о томъ, что въ Америкѣ имѣются горы, наполненныя золотомъ, серебромъ и другими металлами. Въ 1719 г. съ этой компаніей были слиты и двѣ другія—Остъ-Индская, пользовавшаяся исключительнымъ правомъ торговли во всѣхъ гаваняхъ Тихаго и Индійскаго океановъ, отъ мыса Доброй Надежды до Магелланова пролива, и Африканская компанія. Въ рукахъ Ло такимъ образомъ сосредоточивалось исключительное право торговли почти со всѣми странами, гдѣ имѣлись французскія колоніи и факторіи. Наконецъ, Ло взялъ на откупъ монетную регалію и подати Франціи, и компанія ссудила правительству 1.500 милл. изъ 3 проц. на покрытіе его долговъ. Цѣлью Ло являлось слить всю націю въ одну огромную

[1]) Кауфманъ. Исторія государственнаго долга въ Англіи, стр. 59—63.

корпорацію, управленіемъ которой завѣдывала бы Вестъ-Индская компанія, т. е. самъ Ло, а кассою которой служилъ бы Королевскій Банкъ.

Осуществленіе этихъ грандіозныхъ плановъ возможно было лишь черезъ посредство биржи, и Ло дѣйствительно удалось вызвать сильную спекуляцію и азартную игру. Несмотря на огромное количество акцій, заполнившихъ рынокъ, курсъ ихъ повышался все болѣе, дойдя до 18 тыс. ливровъ при номинальной цѣнѣ въ 550, 1000 и 5000 ливр., такъ что 300 тыс. акцій съ номинальной цѣнностью въ 150 милл. ливр. дали компаніи 1500 милл., а на биржѣ представляли цѣнность въ 3000 милл. Не только со всѣхъ концовъ Франціи, но даже пзъ-за границы началось настоящее переселеніе народовъ, съ цѣлью наживы, на берега Сены; на улицѣ Кенкампуа, гдѣ находилась биржа, центръ всей спекулирующей Европы, скопленіе было столь велико, что въ прилегавшихъ домахъ каждый уголокъ оплачивался на вѣсъ золота, а въ дни подписки у бюро компаніи происходила прямо свалка, и ежедневно оказывалось нѣсколько человѣкъ задавленными до смерти. „Даже простые поденщики, стоявшіе на углу, наживали состоянія тѣмъ, что подставляли свою спину вмѣсто письменнаго стола“. Но долго такая спекулятивная горячка продолжаться не могла, ибо хотя компанія — въ дѣйствительности выручавшая весьма мало—и обѣщала уплачивать высокій дивидендъ (на нарицательный капиталъ), но при чрезвычайно высокомъ курсѣ акцій этотъ дивидендъ оказывался незначительнымъ; вмѣсто 40 проц.—$1^2/_3$. Когда такой подсчетъ былъ произведенъ, началась продажа акцій, и курсъ ихъ сталъ падать. Хотя Ло и старался удержать его какъ посредствомъ выпуска милліарда банкнотъ (ассигнацій), такъ и различными насильственными мѣрами, но паника усиливалась, и все зданіе рухнуло, а за банкротствомъ банка послѣдовало и банкротство государства.

Въ противоположность Лондону, гдѣ спекуляція 1720-хъ годовъ создала фондовую биржу и сдѣлала акціи нормальнымъ объектомъ биржевыхъ операцій,—на парижской биржѣ періодъ Джона Ло не оставилъ, повидимому, никакихъ прочныхъ слѣдовъ, ибо еще въ 1730-хъ годахъ Мелонъ указываетъ на оживленный денежный рынокъ въ Голландіи и Англіи, противополагая имъ отсталую въ этомъ отношеніи Францію. И только въ эдиктѣ 1785 г. упоминается о томъ, что до свѣдѣнія короля дошло о возникновеніи въ послѣднее время въ столицѣ новаго вида операцій, именно фондовой торговли на срокъ.

Наиболѣе поздно возникла биржа и наиболѣе медленно развивалась она въ Германіи. Соотвѣтственно многочисленности нѣмецкихъ государствъ, находимъ здѣсь и биржи въ XVII—XVIII ст. въ различныхъ городахъ, но значенія они нигдѣ не имѣли. Главнымъ объектомъ ихъ дѣятельности являлись вексельныя, отчасти и товарныя операціи и сдѣлки въ области морского страхованія. Когда же въ Гамбургѣ въ 1720 г. „магистратъ съ большимъ недоумѣніемъ и неудовольствіемъ узналъ, какъ нѣкоторыя лица, подъ видомъ страхового общества, самовольно начали торговлю акціями“, то онъ ее рѣшительно запретилъ. Но для нея и не было пищи въ Германіи, ибо до второй пол. XVIII ст. почти совсѣмъ отсутствовали акціонерныя компаніи. Когда же они стали возникать въ концѣ XVIII ст., то при учрежде-

ніи ихъ не прибѣгали къ биржѣ; да и подписка на акціи открывалась лишь тогда, когда общество было вполнѣ учреждено. Медленно развиваются и операціи государственными облигаціями. Въ берлинскихъ биржевыхъ бюллетеняхъ находимъ курсы прусскихъ бумагъ не ранѣе 1800 года, тогда какъ они уже раньше котировались на амстердамской и франкфуртской биржѣ. Послѣдняя обнаруживаетъ къ концу XVIII ст. оживленіе; Австрія, Пруссія, Данія обращаются къ ней при заключеніи займовъ; но и здѣсь еще въ 1804 г. котировалось всего 26 бумагъ и только для 5 изъ нихъ устанавливался курсъ. Значеніе пріобрѣтаетъ франкфуртская биржа лишь съ начала XIX вѣка, въ связи съ операціями Ротшильдовъ.

Вообще надо имѣть въ виду, что не въ одной только Германіи (и притомъ даже въ наиболѣе крупномъ торговомъ центрѣ того времени—въ Гамбургѣ) говорили о „столь гибельной и роковой торговлѣ акціями и фондами", отъ которой слѣдуетъ опасаться многихъ въ высшей степени вредныхъ какъ для общества, такъ и для частныхъ лицъ, послѣдствій". И въ другихъ болѣе развитыхъ въ хозяйственномъ отношеніи странахъ коммерческіе круги XVII — XVIII вѣка и слышать не хотѣли о биржевой спекуляціи. Французскіе, итальянскіе, даже англійскіе коммерческіе словари и руководства того времени либо вовсе не упоминаютъ о ней, либо—какъ Postlethwadt въ пол. XVIII ст.—возмущаются ею, называютъ „stock jobbing" (биржевую игру) „public grievance", которое сдѣлалось „scandalous to the nation"—такъ же, какъ и въ англійскомъ парламентѣ безпощадно осуждаются эти „возмутительныя биржевыя операціи".

Но борьба со спекуляціей была безполезна. Биржевая игра являлась выраженіемъ той наклонности людей къ азарту, которая проявляется въ эту эпоху въ разнообразныхъ формахъ. Одни занимаются искательствомъ кладовъ, будучи увѣрены въ томъ, что они найдутъ зарытыя въ землѣ сокровища, другіе держатъ пари относительно различныхъ событій (напр., времени смерти папы или короля), третьи прибѣгаютъ къ алхиміи—и въ княжескомъ дворцѣ, и въ бѣдной хижинѣ, и даже за монастырскими стѣнами работала „черная кухня" для „производства" золота. Это новые способы наживы—такъ стараются разбогатѣть тѣ, кто не имѣетъ средствъ. А кто уже имѣлъ деньги, тотъ прибѣгалъ къ биржѣ; предаваясь и здѣсь игрѣ, азарту, онъ имѣлъ возможность легко и быстро увеличить свое состояніе. А въ то же время въ биржѣ нуждались возникавшія крупныя акціонерныя компаніи, безъ биржи не могло обойтись новое государство при заключеніи займовъ. Биржа нужна была и многочисленнымъ „изобрѣтателямъ" и „прожектерамъ", сочинявшимъ фантастическіе проекты, создававшимъ обширныя компаніи, которыя должны были доставить богатства участникамъ, и затѣмъ, бросивъ кость падкой до наживы публикѣ, старавшимся поскорѣе скрыться; эти проекты создавались и питались биржевой игрой.

Конечно, все это еще только были первые шаги, даже въ Голландіи и Англіи фондовый рынокъ былъ еще въ зачаточномъ состояніи; лишь съ начала XIX вѣка возникаютъ въ большомъ количествѣ акціонерныя компаніи—промышленныя, желѣзнодорожныя, страховыя; лишь съ этого времени государственные займы достигаютъ огромныхъ размѣровъ и безъ публичной

подписки не могутъ реализоваться. Но биржа XVII—XVIII вѣка, въ особ въ Голландіи и Англіи, уже создала биржевую технику и биржевую организацію и тѣмъ самымъ подготовила условія, необходимыя для слѣдующей эпохи, для биржи XIX вѣка.

Появленіе крупныхъ компаній, развитіе биржевой торговли и спекуляціи свидѣтельствуетъ о существованіи въ разсматриваемую эпоху крупныхъ капиталовъ, отсутствовавшихъ въ предыдущій періодъ. Господствующее, въ особенности со времени Маркса, мнѣніе состоитъ въ томъ, что эти капиталы, появляющіеся съ XV—XVI ст. (или вообще капиталъ, по терминологіи Маркса), создались изъ прибыли, вырученной въ торговлѣ и въ кредитныхъ операціяхъ. Въ противоположность этому, Зомбартъ выставилъ новое положеніе: появляющіеся въ Италіи уже въ XV ст., а затѣмъ въ XVI вѣкѣ, въ особенности въ южно-германскихъ городахъ, крупные капиталы—утверждаетъ онъ—могли образоваться лишь у городскихъ и сельскихъ собственниковъ земли, какъ результатъ накопленной ими земельной ренты, которую они теперь стали помѣщать въ торговопромышленныхъ операціяхъ [1]. Подвергнувъ, такимъ образомъ, сомнѣнію господствующее, но мало доказанное мнѣніе, Зомбартъ своими возраженіями противъ него вызвалъ детальную провѣрку этого взгляда путемъ анализа фактическаго матеріала и способствовалъ научному обоснованію старой теоріи, -- ибо оказалось, что его собственная теорія не можетъ быть подтверждена историческими данными. Среди ряда работъ по этому вопросу, вызванныхъ сочиненіемъ Зомбарта, весьма цѣнно изслѣдованіе Гейнена, въ которомъ онъ прослѣдилъ образованіе капиталовъ въ наиболѣе крупномъ изъ средневѣковыхъ центровъ--Венеціи. Не менѣе любопытна книга Стридера, гдѣ выяснено, какъ возникли тѣ крупные капиталы. которые появляются въ XVI ст. и центромъ которыхъ является Аугсбургъ, резиденція знаменитыхъ „денежныхъ царей“ того времени—Фуггеровъ [2]).

Гейненъ пришелъ къ тому заключенію, что въ Венеціи уже весьма рано, съ XII ст., существовала значительная торговая прибыль, которая и могла создать все болѣе возрастающіе капиталы, тогда какъ никакого другого источника въ тѣ времена еще не существовало [3]). Такой же результатъ получаетъ и Стридерръ, изучая, на основаніи статистики имущественнаго обложенія, развитіе имущества и капитала у торговыхъ фирмъ Аугсбурга (у каждой изъ нихъ въ отдѣльности) въ XV—XVI ст. Изъ податныхъ списковъ выясняется, что поскольку помѣстное дворянство переселялось въ городъ, не избытокъ въ деньгахъ гналъ этихъ дворянъ изъ родовыхъ помѣстій въ города, а нужда, необходимость снискивать себѣ пропитаніе. Они являлись сюда разоренными, проживъ свое состояніе или потерявъ его во время войнъ; уже здѣсь, въ городѣ, начавъ съ капитала ничтожныхъ

[1]) Эта теорія находится въ связи съ другой теоріей Зомбарта (см. выше, стр. 173), согласно которой размѣры средневѣковой торговли были весьма незначительны, такъ что крупныхъ капиталовъ она создать не могла.

[2]) Ихъ именемъ Эренбергъ назвалъ и всю эпоху XVI ст.—періодъ Фуггеровъ

[3]) Heynen. Zur Entstehung des Kapitalismus in Venedig. Относительно Флоренціи см. Davidsohn. Forschungen. IV. p. 268 и сл., Гейнъ—Sieveking, Viert. 1909. p. 73—74. См. также выше, стр. 195.

размѣровъ, имъ удавалось посредствомъ торговли составить себѣ постепенно значительный капиталъ [1]). Такимъ же путемъ—въ торговой дѣятельности и въ области кустарной промышленности (въ особ. текстильной)—образовались капиталы — какъ выяснилъ Малинякъ — въ Цюрихѣ. И здѣсь земельныя ренты феодальной аристократіи не играли никакой роли [2]) [3]).

Раздѣливъ аугсбургскихъ патриціевъ на двѣ группы, Стридеръ показываетъ, какъ изъ 42 семействъ, не занимавшихся торговлей, ни одно не достигло успѣха—это видно изъ поимущественнаго обложенія. Напротивъ, изъ второй группы—участвовавшей въ торговлѣ, вышло восемь крупнѣйшихъ торговыхъ фирмъ XVI вѣка (какъ напр., Вельзеры, Госсембротъ, Герwартъ, Мейтингъ и др.), которые принимали дѣятельное участіе въ первыхъ экспедиціяхъ португальцевъ въ Остъ-Индію, позже въ торговлѣ съ Лиссабономъ и Антверпеномъ, какъ и въ наиболѣе значительныхъ кредитныхъ операціяхъ (государственныхъ займахъ) того времени (см. выше, стр. 368—69). Раньше, въ XV ст. всѣ эти патриціи вели торговлю съ Венеціей, и, повидимому, въ этой торговлѣ создались ихъ крупные капиталы, выступившіе на сцену въ XVI ст. До начала ихъ коммерческой дѣятельности капиталы патриціевъ этой второй группы были минимальны, нисколько не превышали имущество тѣхъ патриціевъ, которые попрежнему оставались только собственниками земли и домовъ; по впослѣдствіи, по мѣрѣ развитія ихъ торговой дѣятельности, имущества ихъ возрастаютъ, чего не замѣчается у патриціевъ, не занимавшихся коммерческой дѣятельностью: послѣдняя очевидно и является дифференцирующимъ моментомъ. Однако, не только торговля пряностями и иными левантійскими товарами чрезъ Венецію, но и переходъ къ домашней промышленности, которая существовала въ Аугсбургѣ уже въ XV ст., создалъ крупный капиталъ: цѣлый рядъ важнѣйшихъ торговыхъ фирмъ Аугсбурга, среди нихъ такія всемірноизвѣстныя, какъ Гехштетеры и въ особенности Фуггеры, въ XV ст. производили торговлю не только хлопкомъ, но и выдѣланными изъ этого хлопка въ окрестностяхъ Аугсбурга бумажными издѣліями и обработаннымъ здѣсь пушнымъ товаромъ [4]).

Если въ левантійской торговлѣ, въ торговлѣ германскихъ городовъ съ Венеціей и во вновь возникающей кустарной промышленности создались постепенно крупные капиталы въ XVI ст., то въ послѣдующіе вѣка вслѣдствіе гибели этихъ капиталовъ южно-германскихъ (и итальянскихъ) купцовъ (см. выше стр. 369), Германія, какъ и Италія, постоянно страдали отъ недостатка въ капиталахъ. Капитала не имѣлось даже для созданія различныхъ отраслей кустарной промышленности, требующей по своему характеру только одного оборотнаго капитала. Отсюда тѣ постоянныя затрудненія, съ которыми приходилось бороться и Фридриху Великому и Маріи-Терезіи при созданіи новыхъ отраслей промышленности; отсюда необходимость поддержки предпринимателей со стороны правительства; отсюда и непродолжительность существованія вновь возникавшихъ мануфактуръ, — и только

---

[1]) Strieder. Zur Genesis des modernen Kapitalismus. 1904.

[2]) Maliniak. Die Entstehung der Exportindustrie und des Unternehmerstandes in Zürich im XVI und XVII Jahrhundert. 1913.

[3]) Въ отношеніи Франкфурта Боте, впрочемъ, утверждаетъ, что образованіе крупныхъ имуществъ являлось послѣдствіемъ различныхъ моментовъ: многія возникли благодаря торговлѣ, другія, напротивъ, вслѣдствіе роста цѣнности городскихъ (но не сельскихъ) недвижимостей. Bothe. Die Entwicklung der direkten Besteuerung in der Reichsstadt Frankfurt. 1906. Excurs.

[4]) Bothe (Entwickl. der dir. Besteuer.) вноситъ различныя ограниченія въ выводы Стридера, что, однако, не измѣняетъ его основного положенія: см. также по поводу Стридера —Sander въ Hist. Vierteljahrschr. 1905 (и отвѣтъ его тамъ же) и Below въ Hist. Zeitschr. N. F. B. 59.

постепенно въ теченіе XVIII ст. возникаютъ, подъ вліяніемъ торговыхъ операцій, болѣе значительные капиталы. Въ началѣ XVIII ст. — говоритъ Трельтшъ по поводу вюртембергской компаніи шерстяныхъ издѣлій въ г. Кальвѣ — капиталъ въ 5 тыс. для участника компаніи былъ рѣдкостью; послѣ Семилѣтней войны капиталъ каждаго умиравшаго и выходившаго изъ состава компаніи участника составлялъ въ большинствѣ случаевъ болѣе 30 тысячъ, хотя компанія теперь уже не принимала всѣхъ сбереженій, которыя хотѣли ей передать участники [1]).

Иное дѣло въ странахъ, въ рукахъ которыхъ находилась заокеанская торговля: тамъ скоплялась прибыль, пріобрѣтенная въ торговлѣ пряностями и рабами, добытая чисто торговыми операціями или насиліемъ надъ туземнымъ населеніемъ, которое заставляли отдавать задаромъ мѣстные продукты или у котораго просто отнимали золото и серебро. Поэтому-то въ Англіи и Нидерландахъ образуются наиболѣе крупные капиталы, и количество ихъ вскорѣ превышаетъ сравнительно незначительный въ торговлѣ и промышленности спросъ на нихъ. Внѣшняя торговля была монополизирована немногими компаніями, и для всѣхъ прочихъ торговля какъ съ Остъ-Индіей, такъ и съ Америкой и другими странами была совершенно закрыта. До конца XVII и начала XVIII ст. производство и сбытъ различныхъ промышленныхъ издѣлій также составляли въ Англіи монополію отдѣльныхъ лицъ или компаній; лишь въ началѣ XVIII ст. исчезли послѣднія промышленныя монополіи въ Англіи. Поскольку же существовала свобода производства, господствовала кустарная форма промышленности, не требовавшая значительныхъ капиталовъ.

Свободный капиталъ въ Англіи и Нидерландахъ въ XVIII ст. повидимому достигалъ значительныхъ размѣровъ. Кредиторы государства готовы въ этихъ странахъ довольствоваться чрезвычайно низкимъ процентомъ,— доказательство обилія капиталовъ, лишь бы найти помѣщеніе для своихъ капиталовъ. Голландскій „Меркурій" сообщалъ, что въ одной провинціи Голландіи имѣется 65 тыс. человѣкъ, которые пріобрѣли фондовыя бумаги или въ состояніи это сдѣлать, вслѣдствіе обилія капиталовъ; погашеніе же государственныхъ займовъ вызывало жалобы со стороны кредиторовъ, которые со слезами на глазахъ говорили, что они нигдѣ не въ состояніи столь вѣрно помѣщать свои деньги [2]). Въ Англіи Валполь справедливо говорилъ въ 1737 г., что всякая конверсія (пониженіе процента) принудительна, ибо угроза кредиторамъ правительства уплатой капитала равносильна принужденію согласиться на болѣе низкій процентъ [3]). Наоборотъ, правительство, прибѣгая къ займамъ въ безсрочной рентѣ, желало обезпечить себѣ возможность ускореннаго погашенія долга [4]). Тѣмъ же обстоятельствомъ, обиліемъ капиталовъ, вызывалась и разсмотрѣнная выше головокружительная спекуляція на амстердамской и лондонской биржахъ и кризисы вродѣ лондонскаго 1720 года.

---

[1]) Troeltsch. p. 137 и сл.
[2]) Ehrenberg. I. 281—82. 342.
[3]) Кауфманъ, стр. 78.
[4]) Тамъ же, стр. 56.

Только съ конца XVIII ст., когда въ Англіи возникла фабричная промышленность, весь этотъ свободный капиталъ нашелъ себѣ примѣненіе въ ней. Вмѣстѣ съ тѣмъ прибыль, накопленная въ торговлѣ предшествующихъ столѣтій, сдѣлала возможнымъ созданіе крупной промышленности въ Англіи,—на континентѣ еще и въ началѣ XIX ст. недоставало необходимыхъ для нея капиталовъ.

ГЛАВА VI.

Денежное обращеніе и цѣны.

Вліяніе открытія Америки на хозяйственную жизнь Европы обнаружилось не только въ измѣненіи торговыхъ путей и образованіи океанской торговли, но и въ чрезвычайномъ увеличеніи въ Европѣ запаса золота и серебра, привозимаго изъ Америки, что, въ свою очередь, имѣло крайне важныя послѣдствія. Къ концу XV ст. весь запасъ благородныхъ металловъ не превышалъ 7 милл. килогр. (по Лексису); въ теченіе же слѣдующаго XVI ст., именно въ 1493 — 1601 г.г., было добыто, по Зетберу, около 23 милл. килогр. серебра и 755 тыс. килогр. золота, т. е. Запасъ благородныхъ металловъ количественно увеличился въ 3—$3^1/_2$ раза. Но въ такомъ же размѣрѣ онъ возросъ и по цѣнности: добыча составляла по цѣнности въ концѣ XVI ст. свыше $7^1/_2$ милліард. мар. вмѣсто 2 съ небольшимъ милліард., которые находимъ въ концѣ XV ст. Еще болѣе увеличилась добыча золота и серебра въ слѣдующія столѣтія. Въ теченіе XVII и XVIII ст. цѣнность добытаго золота и серебра составляла 26 милліард. мар. (93 милл. килогр. серебра и около 3 милл. кил. золота). При этомъ по цѣнности уже съ половины XVI ст. $^3/_4$, а въ XVII ст. $^5/_6$ всей добычи приходилось на долю Америки. Боливія, Перу и Мексико доставляли почти все серебро; лишь небольшая часть его добывалась въ Европѣ—въ рудникахъ Саксоніи, Венгріи, Тироля, Богеміи, Гарца. Благодаря примѣненію съ половины XVI ст. процесса амальгамированья въ американскихъ рудникахъ, добыча серебра все болѣе возрастала. По Зетберу, ежегодная добыча серебра составляла до половины XV ст. 27 тыс. килогр., во второй половинѣ XV ст. 44 тыс. кил., съ половины XVI ст. 300—400 тыс. килогр., наконецъ во второй половинѣ XVIII ст. она достигла 500—800 тыс. килогр. Золото добывалось не только изъ американскихъ рудниковъ въ Мексико, Перу, Чили, Новой Гренадѣ, но оно пріобрѣталось также путемъ ограбленія храмовъ, могилъ и домовъ во время завоеванія Америки и посредствомъ полученія огромныхъ выкуповъ у туземныхъ царьковъ, напр., Монтезумы въ Мексико, перуанскаго инки. Добыча золота была, по сравненію съ серебромъ, гораздо менѣе значительна, но и она возрастала, постепенно повышаясь въ теченіе XVI — XVII ст. съ 6 тыс. килогр. ежегодно до 8 и 10 тыс. Въ XVIII же вѣкѣ добыча золота сразу сильно повысилась, благодаря открытію залежей золота въ Бразиліи, эксплоатація которыхъ началась уже въ концѣ XVII ст., такъ что въ XVIII столѣтіи золота добывалось въ среднемъ не менѣе 20 тыс. килогр. ежегодно. Европа въ области добыванія золота имѣла еще

*

меньше значенія, чѣмъ въ отношеніи серебра—только Зибенбюргенъ, Зальцбургъ, съ половины XVIII ст. и Уралъ доставляли золото.

Соотношеніе между цѣнностью серебра и золота немногимъ измѣнилось въ теченіе XVI ст. (1 : 11—11,8), по сравненію съ средневѣковымъ періодомъ; но затѣмъ, съ начала XVI ст., подъ вліяніемъ гораздо болѣе скораго возрастанія добычи серебра, обнаружилась перемѣна къ выгодѣ золота, превратившись въ отношеніе 1 : 14 — 15; это отношеніе (1 : 14,7 — 15,2) сохранилось до конца XVIII и начала XIX ст. Лишь временно, подъ вліяніемъ усиленнаго притока золота въ XVIII ст., золото подешевѣло: отношеніе серебра къ золоту составляло въ 1701 — 10 гг. 1 : 15,27, а въ 1751—60 гг. 1 : 14,56. Но гораздо болѣе рѣзко измѣнилась цѣнность денегъ, ихъ покупательная стоимость, выражающаяся въ товарныхъ цѣнахъ: послѣднія повысились въ теченіе XVI—XVII ст. на 100—150 проц. Уже въ теченіе XVI ст. цѣны на хлѣбъ въ различныхъ странахъ возрасли на 150—200 проц., а въ теченіе слѣдующаго столѣтія достигли еще болѣе высокаго уровня. Но и другіе продукты сырья — соль, лѣсъ, металлы, какъ и промышленныя издѣлія, возрасли въ цѣнѣ; даже тѣ изъ нихъ, которые до половины XVI ст. не обнаруживали повышательнаго движенія, въ теченіе второй половины этого столѣтія повысились, притомъ во всѣхъ странахъ, на 100 и болѣе процентовъ.

Большинство современниковъ, которымъ возрастаніе цѣнъ бросилось въ глаза, приписывало это явленіе самымъ разнообразнымъ причинамъ — какъ естественнымъ, въ видѣ роста населенія, неурожаевъ и войнъ, такъ и искусственнымъ—торговымъ компаніямъ, скупающимъ товары, порчѣ монеты, въ Англіи также огораживаньямъ. Но Жанъ Боденъ въ своемъ сочиненіи, вышедшемъ въ 1568 г., установилъ, что наиболѣе важную роль изъ всѣхъ моментовъ играетъ избытокъ золота и серебра, который и „является главной и почти единственной причиной возрастанія цѣнъ",—почему онъ и считается основателемъ ученія о цѣнности денегъ. Это объясненіе постепенно было принято и другими, и Адамъ Смитъ могъ уже утверждать, что, повидимому, единственной причиной пониженія цѣны серебра, по сравненію съ цѣной на хлѣбъ, является открытіе американскихъ рудниковъ и что какъ самый фактъ паденіе цѣны серебра, такъ и правильность его объясненія общепризнаны. Нельзя отрицать, конечно, того, что—какъ выяснили Гельферихъ, Вибе и др.—и спросъ на деньги въ эту эпоху увеличился, вслѣдствіе расширенія денежныхъ сдѣлокъ вмѣсто натуральныхъ сдѣлокъ, какъ частныхъ лицъ, такъ и государства; это произошло подъ вліяніемъ учрежденія наемныхъ войскъ, наемныхъ чиновниковъ, постоянныхъ податей, а равно благодаря оживленію въ торговомъ обмѣнѣ, Но все же спросъ на деньги возросъ далеко не въ той степени, какъ увеличился запасъ золота и серебра; вѣдь благородныхъ металловъ имѣлось на 2 — $2^1/_3$ милліарда въ 1500 г. и свыше 33 милліардовъ было добыто въ XVI—XVIII ст. Кромѣ того—и это весьма существенно—въ эту эпоху большая часть всего запаса драгоцѣнныхъ металловъ употреблялась—какъ указываетъ Лексисъ—на выдѣлку монеты: по его вычисленіямъ изъ $7^1/_2$ милл. мар. серебра въ концѣ XVI ст. 4,2 милл. состояло въ монетѣ. Лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ и

мѣстностяхъ и въ отдѣльныя десятилѣтія увеличеніе цѣнъ могло быть вызвано иными причинами—неурожаями, войнами, ростомъ населенія; послѣдній могло оказывать вліяніе лишь на предметы массоваго потребленія. Правильность предположенія, что основная причина лежитъ на сторонѣ не товаровъ, а денегъ, что причина заключается въ превышеніи предложенія денегъ надъ спросомъ, подтверждается слѣдующимъ. Возрастаніе цѣнъ началось въ тѣхъ именно странахъ, гдѣ ранѣе всего получился приливъ драгоцѣнныхъ металловъ; поэтому подъемъ цѣнъ начался раньше, чѣмъ гдѣ-либо въ Испаніи, куда американское серебро непосредственно доставлялось, но ростъ ихъ въ Испаніи уже потерялъ вскорѣ свою интенсивность, по мѣрѣ отлива золота и серебра оттуда въ другія страны. Напротивъ, тамъ, гдѣ сравнительно поздно появились новые запасы драгоцѣнныхъ металловъ, но гдѣ, благодаря развитію вывозной торговли, притокъ ихъ все болѣе усиливался, какъ это было въ Англіи, и возрастаніе цѣнъ, начавшись гораздо позже, продолжалось въ теченіе двухъ столѣтій.

Рядомъ съ возрастаніемъ общаго уровня цѣнъ произошло измѣненіе въ соотношеніи между различными категоріями цѣнъ, изъ коихъ, напр., цѣны на хлѣбъ и другіе съѣстные припасы возрасли сильнѣе, чѣмъ цѣны на сырье, а послѣднія въ свою очередь болѣе, чѣмъ цѣны на промышленныя издѣлія. Цѣны промышленныхъ издѣлій начали возрастать позже, чѣмъ цѣны всѣхъ другихъ товаровъ, во многихъ случаяхъ не ранѣе начала XVII ст., да и въ теченіе этого вѣка возрасли несравненно менѣе, чѣмъ средній уровень цѣнъ вообще, и всегда въ гораздо меньшей степени, чѣмъ цѣны сырыхъ матеріаловъ, изъ которыхъ они произведены (сукно менѣе, чѣмъ шерсть, металлическія издѣлія менѣе, чѣмъ руда и т. д.). Если общій подъемъ цѣнъ объясняется измѣненіемъ въ соотношеніи между спросомъ на деньги и производствомъ ихъ, то эти частныя отличія находятся въ связи съ различными спеціальными причинами. Меньшій и болѣе поздній ростъ цѣнъ на промышленныя издѣлія, по сравненію съ увеличеніемъ цѣнъ сырья, обозначалъ въ сущности паденіе цѣнъ на фабрикаты, увеличеніе издержекъ производства, ибо замѣтныхъ улучшеній въ процессѣ производства въ эту эпоху не произошло, и во всякомъ случаѣ улучшенія носили частичный характеръ и распространялись весьма медленно. Это явленіе объясняется прежде всего усиленіемъ конкурренціи въ торговлѣ фабрикатами, вызванной улучшеніемъ путей сообщенія и расширеніемъ рынка и отсутствіемъ соглашеній относительно цѣнъ между скупщиками,—въ противоположность минимальнымъ таксамъ цеховыхъ ремесленниковъ въ предыдущій періодъ. Для сырья эти моменты—въ особенности почта не была приспособлена для перевозки громоздкихъ товаровъ—далеко не могли имѣть того же значенія, да и вывозъ сырья изъ страны былъ сильно стѣсненъ.

Въ эту эпоху возрастаетъ предложеніе рабочихъ рукъ, такъ какъ сельскіе жители, не-цеховые, привилегированные мастера и т. д., стали участвовать въ производствѣ (см. выше, стр. 303 и сл.); это увеличеніе предложенія, по сравненію съ спросомъ, и установленіе чрезвычайной зависимости рабочихъ отъ предпринимателей (стр. 305 и сл., 328), вызвали измѣненіе въ соотношеніи между товарными цѣнами и денежной заработной платой къ невыгодѣ послѣдней. Хотя и денежная плата возросла, но вездѣ гораздо менѣе, чѣмъ общій уровень цѣнъ; она повысилась всего на 30—40 проц. при увеличеніи общаго уровня цѣнъ въ 100 проц.; она увеличилась въ 100 проц. при повышеніи цѣнъ на 150 процентовъ. Реальная плата, слѣдовательно, упала: она понизилась уже въ началѣ XVI ст. и составляла къ концу XVII ст. не болѣе половины того, что рабочіе получали въ 1500 г.

Приливъ американскаго золота и серебра въ Европу вызвалъ усиленную чеканку монеты, въ особенности серебряной. Потерявъ нѣсколько свое значеніе къ концу средневѣковья, вслѣдствіе появленія золотыхъ дукатовъ,

флориновъ или гульденовъ, серебряная монета теперь, съ усиленнымъ притокомъ американскаго серебра (см. выше), снова стала господствующей монетой. Амстердамскій банкъ и Гамбургскій банкъ установили въ качествѣ валюты только серебро [1]). Въ XVIII ст. однако же, съ приливомъ бразильскаго золота, усилилась и чеканка золотыхъ монетъ и золото стало играть значительную роль въ обращеніи; въ Англіи совершился даже переходъ къ золотой валютѣ. Только въ Пруссіи еще въ началѣ XVIII ст. не чеканили золота, а пользовались французской и голландской золотой монетой [2]).

Тѣмъ не менѣе даже въ XVIII ст. настоящими деньгами считались только серебряныя; „серебро полезнѣе и употребительнѣе въ торговлѣ, чѣмъ золото". Лондонская торговая палата заявляла въ 1699 г., что, по общему согласію, во всемъ мірѣ въ качествѣ орудія обмѣна установлено серебро, и что немыслимо, чтобы эту функцію выполняли два металла. Локъ указывалъ на то, что золото не можетъ быть общимъ мѣриломъ цѣнности, ибо отношеніе между цѣнностью золота и серебра не является постояннымъ. Поэтому, хотя золото и слѣдуетъ чеканить, но мѣриломъ цѣнности является серебро; золото же есть такой же товаръ, какъ свинецъ. Хотя деньги чеканятся—говоритъ Дюто—какъ изъ золота, такъ и изъ серебра и мѣди, но все же серебро пользуется тѣмъ преимуществомъ, что имъ опредѣляется цѣна золота и цѣна мѣди и что оно считается тѣмъ масштабомъ, на который измѣряются другіе предметы [3]).

Количество обращающихся видовъ монеты значительно увеличилось, вслѣдствіе появленія крупныхъ монетъ, ранѣе не существовавшихъ. Чеканенный съ XIII ст. золотой флоринъ или экю (дукатъ, гульденъ) уже съ конца XV ст., когда сильно возросла добыча серебрянныхъ рудниковъ въ Тиролѣ, Богеміи и другихъ мѣстностяхъ Германіи, стали изображать въ видѣ серебряной монеты. Послѣдняя была гораздо больше существовавшихъ ранѣе грошеновъ; она вѣсила два лота; съ 1484 г. она чеканится эрцгерцогомъ австрійскимъ, Сигизмундомъ. Въ отличіе отъ грошеновъ, новая крупная серебряная монета, такъ какъ она по цѣнности должна была соотвѣтствовать гульдену, называлась гульденгрошенъ; въ виду того, что она чеканилась преимущественно изъ серебра, добываемаго изъ Іоахимстальскаго рудника въ Богеміи—она получила названіе іоахимсталеръ (іоахимстальскій грошенъ), а позже, въ особенности когда ее стали чеканить и въ другихъ мѣстахъ,—просто талеръ (начало слова отброшено).

Талеръ, который теперь дѣлился на крейцеры (уже раньше въ прирейнскихъ мѣстностяхъ гульденъ распадался на 60 крейцеровъ по 4 пфенига), сталъ новымъ типомъ монеты, которая въ самыхъ разнообразныхъ наименованіяхъ, подъ именемъ піастра, луид'аржана (т. е. Людовикъ изъ серебра), кронента-

[1]) См. ниже, стр. 414.

[2]) Въ Пруссіи до 1726 года было запрещено уплачивать подати въ золотой монетѣ, въ 1730 году берлинскимъ центральнымъ кассамъ было предоставлено имѣть запасъ золота въ 50 тыс. рейхсталеровъ, но не болѣе. Чеканенные въ началѣ XVIII ст. золотые дукаты предназначались не для обращенія въ странѣ, а для любителей, которымъ монетчики ихъ сбывали; Фридрихъ-Вильгельмъ пользовался ими для подарковъ и наградъ, почему и приказывалъ чеканить собственную золотую монету, не желая прибѣгать въ этихъ случаяхъ къ французской или голландской. (Das preuss. Münzwesen im 18. Jahrh. I. p. 178 и сл., 237 и сл. II. p. 38 и сл.

[3]) Kalkmann, p. 12 и сл.

лера, чеканится во всей Европѣ; только англійская крона (въ 5 шилл.), наибольшая серебряная монета въ Англіи, была меньше талера.

Въ теченіе XVII ст., съ возрастаніемъ добычи золота, появилась и крупная золотая монета, значительно большая, чѣмъ гульденъ, въ видѣ пистоли, которую, повидимому, ранѣе всего стали чеканить въ Испаніи; подъ этимъ наименованіемъ (въ Германіи, Швейцаріи) или подъ другими названіями она вскорѣ также стала общимъ типомъ золотой монеты въ Европѣ. Такъ, пистоли равняется луидоръ, который чеканится съ половины XVII ст. во Франціи, причемъ на монетѣ было поясное изображеніе короля,—отсюда самое названіе. Ту же монету представляетъ собой въ Пруссіи фридрихдоръ; двойнымъ пистолямъ (дублонамъ) соотвѣтствуютъ вильгельмсдоры.

Рядомъ съ крупными золотыми и серебряными монетами появляется и мѣдная монета; она замѣнила прежнюю монету, съ виду серебряную, въ дѣйствительности же на $^3/_4$ состоявшую изъ мѣди и лишь сверху покрытую серебромъ. Мѣдная монета существовала въ Нидерландахъ уже въ XV ст., съ XVI ст. она чеканится въ Испаніи и Франціи, въ XVII ст. и въ Англіи, а также въ Швеціи и въ Московскомъ государствѣ.

При этомъ мѣдная монета и въ Испаніи, и въ Швеціи, и у насъ при Алексѣѣ Михайловичѣ и Петрѣ Великомъ чеканилась въ чрезмѣрномъ количествѣ и по номинальной цѣнѣ, значительно превышавшей цѣнность содержавшагося въ ней количества мѣди,—въ цѣляхъ увеличенія доходовъ казны; въ Швеціи выпускъ мѣдной монеты въ 1715—1719 г.г. доставлялъ казнѣ 3—5 милл. талеровъ въ годъ. Повсюду это вызывало вздорожаніе товаровъ, торговый кризисъ, волненія. Во Франціи новая монета появляется въ 1575 г. какъ результатъ продолжительнаго развитія, выражавшагося въ постепенномъ сокращеніи серебра въ серебряной монетѣ до тѣхъ поръ, пока отъ серебра уже ничего не осталось. Подобнымъ же образомъ и въ Германіи съ 1620 г. появилась монета, которая въ сущности являлась мѣдной, ибо только сверху она была немного покрыта серебромъ; а затѣмъ и послѣдніе остатки серебра исчезли, и она стала чисто мѣдной. Начало было положено брауншвейгскими герцогами; ихъ примѣру послѣдовали саксонскія, прирейнскія области, Силезія, Богемія, Австрія. „Врачи покидаютъ больныхъ и думаютъ гораздо болѣе о наживѣ, чѣмъ о Гиппократѣ; юристы перестали читать Бартола, купцы занимаются товаромъ, который создается штемпелемъ. Всевозможные мѣдные предметы превращаются въ монету, даже церковная утварь изъ мѣди относится въ чеканку". Города, которые когда-то чеканили монету, на этомъ основаніи теперь приступали къ чеканкѣ. Эта эпоха извѣстна подъ именемъ Kipper und Wipperzeit (kippen значитъ обрѣзывать, wippen—взвѣшивать) [1]).

Въ Англіи, въ виду недостатка въ мелкой серебряной монетѣ, уже въ XVI ст. появляются полу-пенсы и фартинги ($^1/_4$ пенса) изъ свинца, мѣди, олова, бронзы и даже изъ кожи, которые выпускаются частными лицами—нѣкоторыми торговцами, кабатчиками, пекарями. По словамъ современника, въ 1609 г. въ одномъ только Лондонѣ имѣлось 3 тысячи человѣкъ, выпускавшихъ въ общей сложности на 15 тыс. ф. ст. такихъ „tokens", т. е. знаковъ, какъ ихъ презрительно называли. Они обращались среди публики, въ особ. среди покупателей этихъ торговцевъ, которые нерѣдко вынуждены были, въ силу зависимости отъ торговца, брать ихъ; многіе изъ нихъ терялись, отъ чего торговецъ имѣлъ прямую выгоду; если же онъ умиралъ или банкротился, то эти знаки теряли всякую цѣнность, никто ихъ не мѣнялъ на серебро. Въ 1613 г. былъ запрещенъ выпускъ tokens и исключительное право чеканки ихъ предоставлено лорду Гаррингтону, позже передано другимъ лордамъ и кузинѣ Карла I. Они чеканились теперь исключительно изъ мѣди и должны были имѣть опредѣленный штемпель; было создано спеціальное учрежденіе для размѣна ихъ на серебро или золото, но пріемъ ихъ былъ попрежнему факультативный. Съ 1670-хъ годовъ положеніе tokens снова измѣнилось: хотя и теперь отдѣльныя лица получали патентъ на выпускъ ихъ, но чеканиться они должны были (попрежнему изъ

[1]) См. Friedensburg. р. 120 и сл.

мѣди) на казенномъ монетномъ дворѣ и только въ опредѣленномъ количествѣ. Пріемъ ихъ былъ теперь обязателенъ, но лишь при платежахъ не свыше 6 пенсовъ. Но подделка ихъ была весьма распространена и поэтому ихъ неохотно брали (подделанная мѣдная монета именовалась обыкновенно бирмингэмской монетой, ибо въ этомъ городѣ подделка особенно процвѣтала). Вскорѣ частныя лица, какъ и городскія корпораціи, стали снова выпускать мѣдную монету для мѣстнаго обращенія. Путаница была весьма велика вплоть до конца XVIII ст., когда (въ 1797 г.) государство окончательно взяло въ свои руки выпускъ мѣдной монеты (въ 2 пенса, 1 пенсъ, $^{1}/_{2}$ пенса и $^{1}/_{4}$ пенса) [1].

Мѣдная монета должна была выполнять ту функцію, которую впослѣдствіи выполняли бумажныя деньги; но и послѣднія уже находимъ въ XVIII ст. Въ особенности Джонъ Ло во Франціи имѣлъ въ виду замѣнить монету бумажными деньгами, утверждая, что только государю необходима звонкая монета, для подданныхъ же достаточно имѣть кредитные билеты. Выпускъ послѣднихъ въ связи съ другими спекуляціями Ло повлекъ за собой кризисъ (см. выше, стр. 398).

Особенно печально было положеніе денежнаго обращенія въ Германіи; въ то время, какъ и Англія и Франція въ эту эпоху уже составляли одно цѣлое въ монетномъ отношеніи (съ 1707 г. англійская монета распространяется и на Шотландію) [2], въ Германіи каждый изъ многочисленныхъ территоріальныхъ государей чеканилъ свою монету. Нѣкоторые изъ нихъ, въ особенности мелкіе владѣтельные князья, систематически выпускали одну лишь плохую монету (они именовались Heckenmünzer). Другіе, какъ, напр., курфюрсты бранденбургскіе, которые вели противъ этого сильную борьбу, отличались отъ нихъ лишь тѣмъ, что чеканили рядомъ съ такой неполновѣсной монетой и другіе сорта, полновѣсные [3]). Послѣдніе, однако, извлекались изъ обмѣна посредствомъ вывоза за границу или же переплавлялись. Но и въ другихъ государствахъ встрѣчаемъ однородныя явленія. Такъ, напр., во Франціи къ 1-му января 1700 г. экю равнялся 71 су, а луидоръ = 13 ливрамъ 15 су; но затѣмъ они были понижены—экю до 65 су, луидоръ, до 12 ливровъ, а въ слѣдующемъ году обращеніе этихъ монетъ было запрещено, и когда они вернулись въ правительственныя кассы, то были перечеканены и выпущены—экю въ 76 су, луидоръ въ 14 ливр.; такъ что государство уплачивая войску, чиновникамъ, поставщикамъ и т. д., располагало теперь номинально большимъ количествомъ денегъ, чѣмъ прежде [4]). Вообще во Франціи вплоть до пол. XVIII ст. попрежнему продолжаются фискальныя операціи въ видѣ поперемѣннаго повышенія и пониженія цѣнности монеты; особенно широко онѣ практикуются при Людовикѣ XIV. При немъ каждые 3—6 лѣтъ населенія вынуждено было отдавать въ казну свою монету, ибо она объявлялась недѣйствительной, и получать взамѣнъ ея почти ту же самую, но въ меньшемъ количествѣ (см. выше, стр. 200).

Извлеченіе казной дохода изъ монетной регаліи признавалось и въ эту эпоху писателями-меркантилистами вполнѣ правильнымъ. Но значи-

[1]) Schmidt. Gesch. des engl. Geldwesens im 17—18 Jahrh. p. 127—39.

[2]) Впрочемъ въ Англіи (какъ и въ другихъ странахъ) обращалось и много иностранной монеты, въ особенности испанскіе пистоли и французскіе луидоры; устанавливая пріемъ этихъ монетъ казначействами по опредѣленному курсу, англійское правительство создавало имъ равную съ собственной монетой обращаемость въ странѣ, и этимъ усиливало безпорядокъ въ денежномъ обращеніи.

[3]) См. Preuss. Münzwes. im 18. Jahrh. p. 44 и сл., 78 и сл., а также Salz. Gesch. der böhmischen Industrie. 1913. Anhang. p. 487 и сл.

[4]) Landry. l. c.

тельная разница между номинальной цѣной монеты и содержанiемъ въ ней благороднаго металла вызывалась и тогда не только фискальными соображенiями, но и неудовлетворительностью чеканки. Правда, съ XVI ст. въ Англiи, съ XVII ст. и во Францiи, въ XVIII ст. въ Данiи, Швецiи, Пруссiи, Австрiи уже дѣлается выпуклый ободокъ на монетѣ; однако, еще и въ XVIII ст различали два вида дукатовъ—съ ободками и безъ нихъ и нерѣдко выговаривали себѣ уплату въ первыхъ. Болѣе частое обрѣзыванiе кенигсбергскихъ и голландскихъ дукатовъ, по сравненiю съ чеканенными въ Берлинѣ, повидимому, объясняется отсутствiемъ ободка у нихъ. Разрѣзанные на части слитки попрежнему обрабатывались молотомъ. Кромѣ того, послѣ чеканки не взвѣшивалась каждая монета въ отдѣльности; въ видахъ сбереженiя времени, стремились лишь къ тому, чтобы извѣстное количество монетъ вѣсило марку серебра. Вслѣдствiе этого, отдѣльныя монеты имѣли различный вѣсъ, что облегчало обрѣзыванiе болѣе полновѣсныхъ. Поскольку же взвѣшивалась каждая монета, ремедiумъ (т. е. отступленiе отъ установленнаго вѣса) былъ запрещенъ, и слишкомъ легкая или тяжелая монета должна была исправляться путемъ соотвѣтствующаго плюса или минуса въ слѣдующей. Но вслѣдствiе этого отступленiя отъ установленнаго вѣса значительно увеличивались [1]). Лишь въ теченiе XVII — XVIII ст. стали распространяться болѣе усовершенствованные механическiе инструменты чеканки, приводимые въ движенiе силой воды или лошадей, удешевлявшiе ея стоимость и доставлявшiе монету вполнѣ круглую и одинаковой толщины. Однако, распространенiе ихъ сильно задерживалось, вслѣдствiе борьбы противъ нихъ со стороны монетчиковъ (въ Нидерландахъ, въ Австрiи) и вслѣдствiе сомнѣнiя въ пригодности этихъ аппаратовъ.

Только въ Англiи съ 1663 года монета производилась исключительно машиннымъ способомъ, затѣмъ провѣрялся ея вѣсъ и монета чеканилась рычажнымъ прессомъ. Но и тамъ рядомъ съ этой прекрасной монетой, какъ говорили современники, равной которой дѣйствительно тогда еще нигдѣ не было, продолжала обращаться попрежнему въ теченiе почти 70 лѣтъ (съ 1732 г. она была совершенно извлечена изъ обращенiя) и болѣе старая монета, изготовленная прежнимъ способомъ. Вслѣдствiе этого, и въ Англiи происходили монетные кризисы еще въ XVII и въ началѣ XVIII ст. А между тѣмъ тамъ не только правительство—въ отличiе отъ другихъ странъ — не извлекало никакихъ доходовъ изъ монетной регалiи, но даже самые расходы по чеканкѣ (съ 1666 г.) приняты были всецѣло на счетъ казны (чего въ другихъ государствахъ и до сихъ поръ не существуетъ); такъ что номинальная цѣнность монеты и дѣйствительное содержанiе въ ней металла совершенно совпадали. Но монетные кризисы происходили вслѣдствiе того, что монета, произведенная старымъ способомъ, вытѣсняла новую монету, выдѣланную машиной; старая же монета, не будучи круглой и одинаковой по толщинѣ, легко обрѣзывалась и лучшiе экземпляры ея извлекались изъ обращенiя. Въ результатѣ въ обращенiи оставалась только испорченная и обрѣзанная монета, потерявшая въ среднемъ 40—50 проц.

[1]) См. Preussisches. Münzwesen im 18. Jahrh. I. p. 7—18.

своей номинальной цѣнности, а въ отдѣльныхъ случаяхъ составлявшая всего ¼ или ⅙ ея. Въ 1696 г. это привело къ тому, что „даже коммерсанты теряли голову, а фермеру приходилось имѣть дѣло, съ одной стороны, съ людьми, которые платили деньги по номинальной цѣнности, а съ другой стороны съ людьми, которые соглашались брать ихъ лишь по вѣсу“ (т. е. приблизительно по половинѣ ихъ номинальной цѣнности).

Маколей слѣдующимъ образомъ описываетъ состояніе денежнаго обращенія въ Англіи въ 1690-хъ годахъ.

„Лошадь въ Тоуерѣ — говоритъ Маколей — попрежнему ходила кругомъ, приводя въ движеніе машину; возы, нагруженные монетой, непрерывно выѣзжали съ монетнаго двора, но грузъ ихъ столь же быстро исчезалъ, какъ появлялся на свѣтъ. Много новой монеты переплавлялось въ слитки, много вывозилось за-границу, много сохранялось въ сундукахъ; но очень мало монетъ этого рода имѣлось въ кассѣ лавочника или въ кожаномъ мѣшкѣ, который везъ фермеръ, возвращаясь со скотопригоннаго рынка“. Въ поступленіяхъ казначейства изготовленная машиной монета составляла не болѣе 10 шилл. на 100 фунтовъ. Разсказываютъ объ одномъ купцѣ, который изъ 35 фунтовъ получилъ всего полъ-кроны ($2^1/_2$ шилл., т. е. менѣе $^1/_2$ проц.) такой монеты.

Между тѣмъ ножницы обрѣзывателей остававшейся въ обращеніи монеты (т. е. монеты, изготовленной старымъ способомъ — молотомъ), дѣйствовали по прежнему. Съ страшной быстротой возрастало и количество поддѣлывателей, дѣлавшихъ прекрасныя дѣла, ибо чѣмъ хуже была монета, тѣмъ легче было поддѣлать ее. Смертная казнь грозила и тѣмъ и другимъ, и на каждомъ шагу встрѣчаемъ сообщенія о казняхъ; но все это не помогало, ибо когда при обрѣзываніи монеты получалась прибыль въ 20 проц. и ежегодный доходъ въ 6 тыс. ф. ст., то такой барышъ—по словамъ современника — былъ достаточенъ для того, чтобы устранить всякія угрызенія совѣсти. Населеніе же вовсе не считало такого рода дѣйствія преступленіемъ, а скорѣе смотрѣло на нихъ какъ на грѣхи школьника, собирающаго орѣхи въ сосѣднемъ лѣсу. И даже тогда, когда монета стала страшнымъ бичомъ для населенія, человѣкъ, подвергаемый смертной казни за то, что онъ содѣйствовалъ превращенію ея въ такое состояніе, былъ предметомъ общаго сожалѣнія. „Полиція неохотно задерживала преступника, судьи неохотно отправляли его въ тюрьму, свидѣтели неохотно разсказывали всю правду, присяжные неохотно произносили „виновенъ“. Напрасно объясняли народу, что обрѣзыватели монеты приносятъ больше зла, чѣмъ разбойники и опаснѣйшіе враги — ничего не помогало; получался всеобщій заговоръ, препятствовавшій осуществленію правосудія“.

Въ результатѣ, когда въ 1695 г. были произведены опыты съ взвѣшиваніемъ монетъ, оказалось, что внесенные въ казначейство 57.200 фунтовъ обработаннаго молотомъ серебра вѣсили вмѣсто 220 тыс. унцій всего 114 тыс. унцій, т. е. половину. 100 фунт. стерл., которые должны были содержать около 400 унцій, имѣли въ Бристолѣ въ дѣйствительности 240 унцій, въ Кембриджѣ 203, въ Экзетерѣ 180, а въ Оксфордѣ всего 116 унцій. Особенно усилилось паденіе вѣса серебряной монеты въ 1690-хъ годахъ. „Зло, принесенное такимъ состояніемъ монеты, не принадлежитъ къ числу тѣхъ предметовъ, которымъ въ исторіи отводится почетное мѣсто. Тѣмъ не менѣе едва ли можно сравнивать всѣ тѣ несчастья, которыя въ теченіе четверти вѣка нанесены были народу дурными королями, дурными министрами, дурными парламентами и дурными судьями, съ тѣми, которыя производили дурныя кроны и дурные шиллинги. Правленіе Карла и Якова, какъ ни тяжелы они были для народа, никогда не препятствовали мирному ходу повседневной жизни. Въ то самое время, когда честь и независимость государства продавались другой державѣ, когда права попирались ногами, а основные законы страны нарушались, сотни тысячъ прилежныхъ семействъ работали, садились за столъ и ложились спать спокойно и въ безопасности; скотоводъ гналъ своихъ быковъ на рынокъ, торговецъ взвѣшивалъ свои товары, суконщикъ отмѣрялъ сукно, покупатели и продавцы вели себя въ городахъ особенно шумно, а праздникъ жатвы въ деревняхъ справлялся еще веселѣе, чѣмъ прежде. Когда же великое орудіе обращенія пришло въ полный безпорядокъ, въ торговлѣ и промышлен-

ности начался застой. Зло чувствовалось ежедневно и ежечасно повсюду и всѣми классами населенія, на мызѣ и въ ригѣ, у наковальни и у ткацкаго станка, на волнахъ океана и въ нѣдрахъ земли. Ничего нельзя было купить безъ того, чтобы не происходили недоразумѣнія. У каждаго прилавка ссорились съ утра до вечера. Между рабочимъ и работодателемъ правильно каждую субботу происходили столкновенія. На ярмаркѣ и на рынкѣ непрерывно шумѣли, кричали, ругались, проклинали другъ друга, и было особеннымъ счастьемъ, если дѣло кончалось безъ сломанныхъ ларей и безъ убійства".

Единственнымъ исходомъ являлась монетная реформа, которая къ счастью попала въ руки четырехъ замѣчательныхъ людей; двое изъ нихъ, Сомерсъ и Монтегю, являлись „государственными людьми, которые во время занятій дѣлами, никогда не переставали любить и уважать науку", а двое другихъ, Локкъ и Ньютонъ, были „философами, у которыхъ углубленіе въ царство мыслей не повредило простого здраваго смысла, безъ котораго даже геній въ области политики приноситъ вредъ". Первоначально предполагалось опредѣлить день, съ котораго монета принималась бы лишь по дѣйствительному вѣсу — это устранило бы всякое дальнѣйшее обрѣзываніе, вызвало бы на свѣтъ хорошую монету, а затѣмъ постепенно вся монета перечеканивалась бы на монетномъ дворѣ и за все это время никогда не обнаружилось бы недостатка денегъ въ странѣ. Но было одно лишь препятствіе — все населеніе получило бы выгоды отъ реформы, но лишь часть его несла бы бремя ея. „Конечно, было необходимо, чтобы слова „фунтъ" и „шиллингъ" снова получили опредѣленный смыслъ, чтобы каждый зналъ содержаніе заключенныхъ имъ договоровъ и цѣнность своего имущества; но было ли бы справедливо достигать этой цѣли средствами, послѣдствіемъ которыхъ являлось бы то, что каждый фермеръ, скопившій 100 фунтовъ для уплаты аренды, каждый торговецъ, собравшій 100 фунтовъ для платежа по векселямъ, внезапно изъ своихъ 100 фунтовъ терялъ бы 40 или 50. Ни фермеръ ни торговецъ не былъ виноватъ въ томъ, что его кроны и полу-кроны не полновѣсны, вина падала на правительство, оно и должно было исправить это зло. Было бы столь же разумно, требовать отъ торговцевъ лѣсомъ, чтобы они несли всѣ расходы по снабженію флота въ Ламаншѣ, или отъ оружейниковъ, чтобы они снабжали войска, находящіяся во Фландріи, на свой счетъ оружіемъ, какъ возстановить цѣнность монеты на счетъ тѣхъ индивидовъ, въ рукахъ которыхъ обрѣзанное серебро случайно находилось въ опредѣленный день".

По этимъ соображеніямъ парламентъ принялъ рѣшеніе, согласно которому металлическая должна быть перечеканена на основаніи прежнихъ постановленій о содержаніи въ ней серебра, съ тѣмъ, чтобы убытокъ, происходящій отъ неполновѣсной монеты, несла казна; населенію же дается возможность въ теченіе опредѣленнаго срока доставлять въ казначейство испорченную монету, которая принимается послѣднимъ по номинальной цѣнѣ, такъ что случайные владѣльцы ея ничего не теряютъ. Въ теченіе нѣкотораго времени господствовалъ сильный недостатокъ въ деньгахъ, ибо населеніе старалось возможно скорѣе сбыть испорченную монету въ казначейство, а новая чеканилась и выпускалась весьма медленно. Только съ назначеніемъ Ньютона директоромъ монетнаго двора чеканка значительно ускорилась; онъ учредилъ новые монетные дворы, и населеніе повсюду встрѣчало рабочихъ и машины для выдѣлки монетъ пушечными выстрѣлами, колокольнымъ звономъ и иллюминаціей—настолько велика была нужда въ монетѣ, несмотря на то, что банковыми билетами, векселями и т. д. въ значительной мѣрѣ старались замѣнить ее. Лишь постепенно каналы обращенія наполнились звонкой монетой. Казнѣ эта операція обошлась въ 2,7 милл. ф. ст., т. е. превысила годичные обыкновенные доходы государства (2 милл.).

Однако впослѣдствіи, въ XVIII ст. снова обнаружилось значительное уменьшеніе въ вѣсѣ серебряныхъ монетъ (въ половинѣ XVIII ст. они потеряли около $^1/_4$ своей номинальной цѣнности), затѣмъ и золотыхъ. Правда уже съ 1698 года существовалъ ремедіумъ на серебряныя монеты, но онъ выражался лишь въ томъ, что не принимались казначействами монеты, потерявшія болѣе того, что составляетъ „необходимое изнашиваніе" (reasonable wearing), понятіе же послѣдняго не было опредѣлено. Лишь въ 1773 году этотъ законъ былъ распространенъ и на золотыя монеты, причемъ казначейство точно опредѣлило минимумъ

вѣса, который должны имѣть предъявляемыя монеты. А годъ спустя всѣ старыя золотыя монеты были перечеканены, что обошлось казнѣ снова въ 520 тысячъ ф. ст. [1]).

Въ Германіи находимъ весьма первобытную монетную систему. До 1750 г. здѣсь не только опредѣлялось, должна ли производиться уплата въ золотѣ или въ серебрѣ, но и прибавлялось, въ какой именно золотой или серебряной монетѣ; между отдѣльными видами монеты, хотя бы чеканенной изъ того же металла, не было установлено, слѣдовательно, законнаго отношенія, а послѣднее постоянно мѣнялось; они не были приведены въ систему и при платежахъ не могли замѣнять другъ друга. Это состояніе Гельферихъ называетъ Sortengeld.

Такъ, напр., хотя оффиціальное содержаніе благороднаго металла въ рейхсталерѣ (Reichsspeciestaler) въ теченіе двухъ столѣтій съ 1566 г. до 1748 г. не измѣнялось, но на практикѣ соотношеніе между нимъ и другими серебряными монетами подвергалось постояннымъ измѣненіямъ: за талеръ давали то 72, то 74 крейцера или 24 грошена (въ XVI ст.), то 90 крейц. или 24 грош. (въ 1623 г.), то 105 крейц. или 28 грош. (договоръ 1667 г. въ Циннѣ между Бранденбургомъ, Саксоніей и Брауншвейгомъ), наконецъ 120 крейц. или 32 грош. (по Лейпцигскому соглашенію 1690 г,). Эти измѣненія происходили вслѣдствіе того, что содержаніе серебра въ крейцерахъ и грошенахъ постоянно уменьшалось, тогда какъ талеръ не подвергался порчѣ; при такихъ условіяхъ очевидно замѣнять при платежахъ одну монету другой безъ особой оговорки не представлялось возможнымъ.

Точно также отношеніе между золотыми монетами—гульденомъ и дукатомъ постоянно колебалось. Хотя въ 1559 г. имперскимъ постановленіемъ оно было опредѣлено въ видѣ 100 дукат.=$136^2/_3$ зол. гульд., и до 1737 г. содержаніе золота въ нихъ не было измѣнено закономъ (изъ марки зол. 93 гульд. и 68 дук.), все же 100 дук. приравнивали въ различные годы 136, 120, 140, 135, 128, 165 гульд.; по Лейпцигскому соглашенію 100 дук. равнялось $133^1/_3$ гульд.

Лишь постепенно въ Германіи совершился переходъ къ параллельной валютѣ; именно, по мѣрѣ того, какъ прежнее многообразіе монетъ упростилось, серебряныя монеты, съ одной стороны, и золотыя, съ другой стороны, образовали систему, и изъ всѣхъ различій между монетами сохранилось лишь одно—различіе въ металлѣ, на которое приходилось обращать вниманіе въ виду колебаній въ соотношеніи между цѣнностью золота и серебра.

Правда, Фридрихъ Вел. въ 1750 г. сдѣлалъ попытку перейти сразу къ двойственной монетной системѣ, установивъ законное отношеніе между золотыми и серебряными монетами. Однако, въ томъ же эдиктѣ опредѣлено, что всѣ обязательства, заключенныя на золотую монету, ликвидируются золотыми фридрихсдорами, а заключенныя на серебряную монету,—серебряной. Должникъ, слѣдовательно, лишался права выбора по своему усмотрѣнію металла, въ которомъ онъ желаетъ платить,—между тѣмъ такая свобода выбора составляетъ существенную черту двойственной системы. И въ дальнѣйшемъ законодательствѣ строго выдержанъ принципъ замѣнимости однихъ видовъ монетъ другими, чеканенными изъ того же металла; напротивъ, лажъ на золотыя монеты при обмѣнѣ на серебряныя (и наоборотъ) допускается, т. е. устанавливается параллельная валюта [2]).

[1]) См. ук. соч. Dana Horton, Liverpool, Schmidt.
[2]) См. Helfferich. Gesch. Entwickl. der Münzsysteme. Jahrh. p. 801 и сл.

Напротивъ, высоко стояла монетная система въ Англіи; здѣсь уже съ конца XVII ст. фактически установилась золотая валюта. Чеканилась какъ золотая, такъ и серебряная монета и формально существовала параллельная валюта, но серебряная монета—какъ мы видѣли выше (стр. 409—11)—была очень низкаго качества и цѣнность золотой монеты (гинеи—отъ Гвинеи, откуда золото доставлялось), по сравненію съ ней, возростала все болѣе и болѣе, достигнувъ въ 1695 г. 30 шилл.—по этому курсу ее принимали не только частныя лица, но и государственныя кассы. Хотя впослѣдствіи курсъ гиней былъ пониженъ до $21^1/_2$ шилл., но и теперь гинея оцѣнивалась гораздо выше, чѣмъ это соотвѣтствовало отношенію между обоими металлами и выше (на 1 шилл.) чѣмъ въ другихъ странахъ. Вслѣдствіе этого, было весьма выгодно закупать золото заграницей по гораздо болѣе низкой цѣнѣ и привозить въ Англію для чеканки; то золото, которое теперь въ большомъ количествѣ доставлялось изъ Америки, шло главнымъ образомъ въ Англію; здѣсь въ 1695—1717 г.г. было чеканено гиней на $10^1/_2$ милл. ф. ст. и Англія была къ началу XVIII ст. „overstocked" (переполнена) золотомъ. Ибо серебро, которое на континентѣ гораздо выше цѣнилось, чѣмъ въ Англіи, переплавлялось въ слитки и уходило туда—въ 1710—17 г.г. было вывезено серебра на 18 милл. ф. ст. Въ 1717 г. курсъ гинеи былъ снова пониженъ до 21 шилл., и пріемъ ихъ былъ признанъ обязательнымъ, такъ что установленъ былъ биметаллизмъ; но въ дѣйствительности, въ виду отсутствія серебра (въ 1714—73 г.г. золота чеканено въ 60 разъ больше, чѣмъ серебра, и съ половины XVIII ст. чеканка серебряной монеты фактически совсѣмъ прекратилась, установилась золотая валюта. Она была признана государствомъ въ 1774 г., когда серебро было превращено въ билонную монету: пріемъ послѣдней признавался обязательнымъ лишь въ суммѣ 25 ф. ст., при большей же суммѣ, лишь по вѣсу [1]).

ГЛАВА VII.

Кредитъ и банки; пути и средства сообщенія.

Неудовлетворительность условій денежнаго обращенія вызывала и въ разсматриваемую эпоху среди купцовъ желаніе обходиться по возможности безъ монеты. Этой цѣли служила ликвидація счетовъ посредствомъ сличенія торговыхъ книгъ (fare il riscontre) съ уплатой разницы векселями, а не монетой. Операція эта широко производилась въ XVI вѣкѣ и на ліонской ярмаркѣ, и на кастильскихъ и генуэзскихъ ярмаркахъ,—они этому главнымъ образомъ и служили. Но купцы пошли и дальше: они установили для своихъ разсчетовъ условную, общую для всѣхъ и независимую отъ

[1]) О переходѣ Англіи къ золотой валютѣ см. Liverpool. A treatise on the coins of the realm. p. 78—95. Kalkmann. Englands Uebergang zur Goldwährung. passim. Schmidt. Gesch. des engl. Geldwesens im 17—18 Jahrh. p. 64—81. 85—98. 106—11. 117—19. Lexis. Goldwährung. Handwört der Staatswiss. 3 Aufl. B. III. p. 558—59.

вида и качества разныхъ монетъ, денежную единицу (scudo di marche, ecu de marc), по которой расцѣнивались различныя монеты и на которую производились разсчеты и платежи. Такая идеальная, неизмѣняющаяся денежная единица, „банковая монета", какъ она называлась, существовала на ярмаркахъ XVI—XVII ст. Установленіе ея въ видѣ постояннаго средства, позволяющаго обходиться безъ чеканенной монеты, было, повидимому, главной цѣлью основанія тѣхъ публичныхъ банковъ, которые возникаютъ въ XVI—XVII ст. По примѣру учрежденнаго еще въ началѣ XV ст. Генуэзскаго банка (и Барселонскаго), въ слѣдующіе вѣка, въ особенности въ XVII ст., возникаетъ рядъ публичныхъ (государственныхъ) банковъ: Венеціанскій (Banco del Giro въ 1619 г.), Амстердамскій (Amsterdamsche Wisselbanck въ 1600 г.), Гамбургскій (Wechsel—Banco въ 1619 г.), Англійскій (въ 1694 г.). Характерную черту этихъ банковъ составляетъ принужденіе мѣстнаго купечества производить платежи другъ другу личными приказами банку—непремѣнно чрезъ посредство банка. Они помѣщаютъ въ банкѣ свои платежныя средства—вклады, причемъ наилучшая монета, какъ это было въ Венеціи, или извѣстное количество чистаго драгоцѣннаго металла, какъ въ Гамбургѣ, Амстердамѣ, составляетъ банковую монету. Въ Гамбургскомъ банкѣ такой характеръ имѣла „Mark Banco" въ 1/3 полновѣснаго рейхсталера, позже только слитки серебра; въ Амстердамскомъ—„банковый флоринъ" въ 211,91 асъ чистаго серебра. Принимая отъ своихъ вкладчиковъ всякаго рода монету, банкъ, однако, открывалъ имъ кредитъ лишь соотвѣтственно тому, сколько банковой монеты въ себѣ содержали эти деньги.

Въ Англіи первоначально, уже съ XVI ст. переводъ платежей, въ видахъ устраненія необходимости пользованія испорченной звонкой монетой, производился черезъ посредство золотыхъ дѣлъ мастеровъ. Послѣдніе одновременно съ производствомъ ювелирныхъ издѣлій занимались размѣномъ монеты, причемъ они отбирали болѣе полноцѣнныя монеты и переплавляли ихъ въ слитки и только худшія монеты вновь пускали въ обращеніе; нерѣдко они и сами обрѣзывали монету. Но они принимали вклады и уплачивали за нихъ проценты, благодаря чему въ ихъ рукахъ уже въ началѣ XVII ст. сосредоточилось большое количество денегъ. При этомъ они выдавали удостовѣренія относительно помѣщенныхъ у нихъ вкладовъ подъ названіемъ goldsmith-notes (т. е. билеты золотыхъ дѣлъ мастеровъ), позже banker's notes (билеты банкировъ), ибо съ половины XVII ст. ихъ стали называть „банкирами". Въ случаѣ уплаты части помѣщенной суммы, на билетѣ дѣлалась соотвѣтствующая помѣтка, и онъ являлся дѣйствительнымъ на оставшуюся сумму вклада. Впослѣдствіи взамѣнъ одного такого свидѣтельства золотыхъ дѣлъ мастера стали выдавать нѣсколько болѣе мелкихъ билетовъ, равнявшихся въ суммѣ величинѣ вклада, и, возвращая билеты, вкладчикъ получалъ обратно соотвѣтствующую часть вклада. При платежахъ же за товары или услуги вкладчикъ взамѣнъ никуда не годной монеты передавалъ другому лицу эти билеты и въ виду печальнаго состоянія монеты, ихъ брали охотно. Благодаря этому, въ Англіи еще до учрежденія Англійскаго Банка населеніе въ широкихъ размѣрахъ обходилось безъ поль-

зованія монетой. Въ другихъ странахъ упомянутые выше банки (Амстердамскій, Гамбургскій и т. д.) освобождали отъ этой необходимости лишь извѣстную группу купцовъ, входившихъ въ составъ вкладчиковъ банка, давая имъ возможность производить платежи другъ другу черезъ посредство банка переводомъ денегъ со счетовъ одного на счетъ другого. Въ Англіи же билеты банкировъ принимались при платежахъ и лицами, не имѣвшими у нихъ вкладовъ и не состоявшими въ сношеніяхъ съ ними; эти билеты бралъ всякій, ибо зналъ, что при предъявленіи ихъ ему будетъ уплочена банкиромъ указанная на билетѣ сумма. Эти билеты получили широкое обращеніе въ качествѣ платежнаго средства, замѣняющаго монету. Въ 1666 году имѣлось въ обращеніи билетовъ на 1.200.000 ф. стерл., выпущенныхъ однимъ только золотыхъ дѣлъ мастеромъ. Конечно, ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ монеты, соотвѣтствующей выпущеннымъ имъ билетамъ; послѣдніе стали банкнотами или банковыми билетами въ полномъ смыслѣ слова, доставляя безпроцентный кредитъ выпускавшимъ ихъ банкирамъ. Банкиры, благодаря этому, получали возможность выдавать ссуды торговцамъ и приходить на помощь государству, когда оно нуждалось въ средствахъ—къ нимъ обращался даже Кромвель.

Учрежденіе возникшаго въ 1694 г. Англійскаго Банка было обусловлено нуждой государства въ кредитѣ: привилегія на учрежденіе банка, выдается тому, кто даетъ казнѣ необходимую сумму. Уже въ этомъ отношеніи Англійскій банкъ отличается отъ прочихъ упомянутыхъ выше банковъ, хотя фактически и суммами венеціанскаго Banco del Giro, и вкладами Амстердамскаго банка въ XVIII ст. пользовалось правительство, какъ это ни противорѣчило ихъ уставамъ. Но еще большее различіе заключается въ томъ, что, приходя на помощь казнѣ, Англійскій банкъ въ то же время ставитъ своей цѣлью и содѣйствіе развитію торговли (что отчасти дѣлалось уже и золотыхъ дѣлъ мастерами); онъ принимаетъ денежныя суммы не на храненіе, а для пользованія ими, для собственныхъ активныхъ операцій—для учета векселей и для выдачи ссудъ подъ товары и земли. Наконецъ, Англійскій Банкъ, въ отличіе отъ прочихъ банковъ, не обязывалъ своихъ кліентовъ производить платежи въ опредѣленной монетѣ или переводомъ по книгамъ банка, но выпускаемые имъ банковые билеты находили себѣ еще болѣе широкое распространеніе, чѣмъ билеты золотыхъ дѣлъ мастеровъ, и стали фактически среди населенія платежнымъ средствомъ, замѣнявшимъ монету, ибо они принимались при платежахъ казначействами. Подобно билетамъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ, они первоначально были писанные, а не печатные, и первоначально можно было обмѣнять на монету и часть указанной на билетѣ суммы (такой билетъ отъ 1699 г. сохранился на сумму въ 555 ф. ст., причемъ отмѣчено, что сначала выплочено по этому билету 131 ф. ст., позже 360 ф. ст.); впослѣдствіи же выдавались взамѣнъ этого билеты на небольшія крупныя суммы.

Маколей слѣдующимъ образомъ изображаетъ возникновеніе банковъ въ Англіи и учрежденіе національнаго банка.

Еще при Вильгельмѣ III (т. е. въ концѣ XVII ст.) старики вспоминали о тѣхъ временахъ, когда въ лондонскомъ Сити не существовало ни одного банкира; каждый торговецъ держалъ кассу у себя дома и когда ему предъ-

являли векселя, онъ платилъ наличными. Но затѣмъ установилась новая мода образовался и новый классъ агентовъ, хранившихъ кассы комерсантовъ; это были золотыхъ дѣлъ мастера, въ подвалахъ которыхъ могло храниться большое количество слитковъ золота и серебра, не подвергаясь опасности отъ пожара или ограбленія. Это нововведеніе вызвало много шуму и протестовъ. Купцы стараго покроя горько жаловались на то, что люди, которые еще 30 лѣтъ тому назадъ ограничивались своей профессіей и выручали хорошіе барыши на изготовленіи кубковъ и чашъ, на вдѣлываніе въ оправу брилліантовъ для красивыхъ женщинъ и на продажѣ пистолей и талеровъ путешественникамъ, отправлявшимся на континентъ Европы, теперь стали казначеями почти всей Сити. Эти ростовщики ведутъ опасную игру тѣмъ, что другіе добыли своимъ прилежаніемъ и накопили благодаря своей бережливости. Въ случаѣ удачи, ловкій кассиръ становится альдерманомъ, при проигрышѣ же обманутый, наполняющій его кассу, оказывается банкротомъ. Но другіе настаивали на выгодности новой системы, сберегающей трудъ и деньги: два клерка въ одной конторѣ при новой системѣ исполняютъ то же, что прежде дѣлали двадцать въ двадцати разныхъ конторахъ; билетъ золотыхъ дѣлъ мастера въ теченіе одного утра переходитъ десять разъ изъ рукъ въ руки и благодаря этому, сто гиней, лежащихъ подъ его замкомъ по близости отъ биржи, исполняютъ ту же функцію, что прежде тысяча гиней, разбросанныхъ по разнымъ ящикамъ. Въ результатѣ даже тѣ, кто кричалъ громче всѣхъ, вынуждены были подчиниться новому обычаю. Дольше всѣхъ сопротивлялся извѣстный экономистъ Дедлей Нортъ. Вернувшись, послѣ продолжительнаго отсутствія, въ 1680 г. въ Лондонъ, онъ былъ особенно пораженъ и возмущенъ новымъ обычаемъ производить платежи черезъ посредство банкировъ. Онъ жаловался на то, что не можетъ идти на биржу безъ того, чтобы его не преслѣдовали золотыхъ дѣлъ мастера, съ глубокими поклонами прося его о чести быть ему полезными. Съ большимъ трудомъ друзья убѣдили его помѣстить свои деньги у одного изъ людей ломбардъ-стрита, какъ ихъ называли. Къ несчастью, этотъ человѣкъ обанкротился и хотя Дедлей Нортъ потерялъ всего 50 фунтовъ, но этотъ случай еще болѣе убѣдилъ его въ правильности своихъ взглядовъ. Но борьба его была безплодна ибо люди не желали отказаться отъ выгодъ, соединенныхъ съ новой системой, на томъ основаніи, что возможны отдѣльные несчастные случаи, такъ же какъ они не имѣли намѣренія прекратить постройку домовъ, въ виду опасности пожара, или сооруженіе караблей, вслѣдствіе опасности морскихъ бурь.

Когда банковое дѣло стало самостоятельной и важной отраслью, возникъ вопросъ о необходимости учрежденія національнаго банка, по примѣру двухъ извѣстныхъ банковъ—св. Георгія въ Генуѣ и Амстердамскаго. Указывали на то, что банкъ св. Георгія существуетъ въ теченіе трехъ столѣтій, что онъ началъ принимать вклады и выдавать займы прежде, чѣмъ Колумбъ переѣхалъ черезъ Атлантическій океанъ, чѣмъ Васко да Гама объѣхалъ мысъ Доброй Надежды, тогда, когда еще христіанскій король сидѣлъ въ Константинополѣ и магометанскій султанъ въ Гранадѣ, когда Флоренція была республикой, а Голландія наслѣдственной монархіей. Все это съ тѣхъ поръ измѣнилось—новыя моря были открыты, въ Константинополѣ правилъ турокъ, а въ Гранадѣ кастилецъ, Флоренція стала наслѣдственной монархіей, а Голландія республикой, но банкъ св. Георгія попрежнему принималъ вклады и попрежнему выдавалъ ссуды. Амстердамскій банкъ существовалъ въ теченіе всего 80 лѣтъ, но выдержалъ успѣшно много испытаній; даже въ эпоху ужаснаго 1672 года, когда все устье Рейна находилось въ рукахъ французовъ и на ратушѣ развивались бѣлые флаги, среди всего смятенія и паники было лишь одно мѣсто, гдѣ все время господствовало спокойствіе и порядокъ, и этимъ мѣстомъ являлся банкъ. Почему бы и лондонскому банку не процвѣтать такъ же, какъ эти банки?

Возникъ рядъ проектовъ національнаго банка, изъ коихъ одни предлагали учредить его подъ руководствомъ короля, другіе—поставить во главѣ его лордъ-мэра, альдерменовъ и общинный совѣтъ столицы. Нѣкоторые проекты напоминали скорѣе дѣтскій лепетъ или бредъ горячечнаго больного. Двое изъ такихъ фантазеровъ, постоянно толпившихся въ передней палаты общинъ, утверждали, что лучшимъ средствомъ противъ всякой болѣзни государства является земельный банкъ и что учрежденіе его создастъ чудеса, какихъ не испытали даже израелитяне, большія чудеса, чѣмъ манна небесная. Не будетъ болѣе по-

датей, и все же казначейство будетъ ломиться отъ денегъ, исчезнутъ сборы въ пользу бѣдныхъ, ибо не будетъ бѣдныхъ; доходы каждаго землевладѣльца удвоятся, барыши каждаго купца увеличатся, словомъ, Англія станетъ раемъ небеснымъ. Пострадаютъ лишь банкиры, эти злѣйшіе враги націи, доставившіе ей больше несчастій, чѣмъ могло бы нанести вторженіе французской арміи въ Англію. Къ счастью, подобнаго рода проекты остались безъ разсмотрѣнія, и страна избѣгла несчастья, „по сравненію съ которымъ понесенныя Вильгельмомъ въ Нидерландахъ пораженія и уничтоженіе англійскаго флота французскимъ въ 1693 году были бы благословеніемъ".

Однако,—говоритъ Маколей—не всѣ изобрѣтатели проектовъ этого бойкаго времени были столь абсурдны. Одинъ изъ нихъ, Уилльямъ Патерсонъ, былъ талантливый, хотя не всегда умный спекулянтъ. Относительно его прошлаго было извѣстно только, что онъ по рожденію шотландецъ и что онъ жилъ въ Вестъ-индіи, причемъ друзья его утверждали, что онъ ѣздилъ туда въ качествѣ миссіонера, а враги говорили, что онъ былъ пиратомъ. Его проектъ подъ названіемъ tonnage-act, т. е. билля о потонномъ сборѣ, встрѣтилъ въ парламентѣ сочувствіе. Правительству нужны были деньги и оно проектировало выдать изъ потоннаго сбора съ судовъ и лодокъ вознагражденіе тому, кто ссудитъ его суммой въ $1^1/_2$ милл. ф. ст. Патерсонъ и предлагалъ учредить банкъ въ формѣ акціонерной компаніи, который заключитъ съ казной заемъ на эту сумму.

Но и у Патерсона было много противниковъ, и когда планъ его сталъ извѣстенъ, началась война на бумагѣ, не менѣе ожесточенная, чѣмъ борьба между конформистами и нонконформистами или между старой и новой остъ-индской компаніей. Авторы отвергнутыхъ проектовъ набросились какъ сумасшедшіе на своего счастливаго соперника; золотыхъ дѣлъ мастера и содержатели ссудныхъ кассъ подняли разъяренный вой; недовольные тори предсказывали паденіе монархіи, ибо банки являются республиканскими учрежденіями—банкъ процвѣтаетъ въ Венеціи, Генуѣ, Амстердамѣ и Гамбургѣ, но слыхалъ ли кто-либо о французскомъ или испанскомъ банкѣ? Напротивъ, нѣкоторые виги говорили о гибели англійскихъ свободъ: банкъ орудіе тиранніи, ужаснѣе звѣздной палаты, страшнѣе арміи Кромвеля; все имущество страны будетъ находиться въ рукахъ „тонажнаго" банка — таково было презрительное названіе его,— „тонажный" банкъ будетъ въ рукахъ монарха. Наконецъ, въ верхней палатѣ нѣкоторые лорды заявляли, что весь планъ имѣетъ въ виду лишь обогащеніе ростовщиковъ насчетъ дворянства и джентри; люди, имѣющіе сбереженія, предпочтутъ помѣщать ихъ въ банкъ подъ проценты, чѣмъ ссужать ихъ подъ залогъ земель.

Но деньги нужны были правительству, иначе Англія рисковала остаться безъ флота въ Ламаншѣ,—и билль былъ принятъ. Билль разрѣшаетъ открытіе подписки на 1,2 милл. ст., причемъ подписавшіеся—каждое лицо на сумму не свыше 20 тыс. ф.—образуютъ акціонерное общество подъ названіемъ „губернаторъ (директоръ) и компанія Англійскаго банка". Общество передаетъ весь свой капиталъ правительству, которое обязуется уплачивать ему 8 проц. съ этой суммы—кредитъ для того времени не дорогой.

Съ учрежденіемъ Англійскаго Банка, послѣднему не была предоставлена монополія, онъ даже не пользовался исключительной привилегіей въ области выпуска банкнотъ. Только закономъ 1708 г. запрещенъ былъ выпускъ банкнотъ компаніямъ, учреждаемымъ въ количествѣ болѣе 6 человѣкъ, т. е. акціонернымъ банкамъ. Такое запрещеніе считалось равносильнымъ запрещенію учреждать банки вообще, и дѣйствительно другихъ банковъ (учрежденныхъ компаніями) въ Англіи долго не возникало. Банкноты могли выпускать попрежнему только отдѣльные банкиры; но въ Лондонѣ это скоро прекратилось, ибо съ появленіемъ всесильнаго Англійскаго банка роль банкировъ тамъ надолго свелась къ минимуму. Въ провинціи же, гдѣ до пол. XVIII ст. Англійскій банкъ не имѣлъ отдѣленій, возникали небольшіе банки. Первоначально это были торговцы, которые рядомъ съ товарной торговлей давали ссуды своимъ покупателямъ;

они же принимали у послѣднихъ вклады. Такъ возникали банки въ провинціи до пол. XVIII ст., въ 1755 г. впервые былъ сразу основанъ банкъ въ отличіе отъ этихъ постепенно возникающихъ банковъ. Но еще въ 1759 г. насчитывалось въ Англіи всего 12 банковъ и лишь въ 1776 г. число ихъ достигло 150, а въ 1790 г. увеличилось до 300 [1]). Они выпускали банкноты, которыми производили учетъ векселей, такъ что въ провинціи — въ отличіе отъ Лондона — банкноты являлись не столько свидѣтельствами о помѣщенныхъ вкладахъ, сколько средствомъ кредитованія; ибо депозитная операція была въ провинціи еще мало развита и безъ выпуска банкнотъ банкиры не въ состояніи были бы кредитовать своихъ кліентовъ [2]).

Какъ мы видѣли выше, англійскіе банкиры въ XVII вѣкѣ обогатили человѣчество новымъ открытіемъ въ области кредита—они стали выпускать кредитныя бумаги, которыя съ XVIII вѣка стали называться банкнотами. Но къ этому присоединяется еще другое введенное ими новшество—чеки (bankers draft), т. е. порученія вкладчиковъ своимъ банкирамъ уплатить предъявителю извѣстную сумму, помѣщенную у банкира на текущемъ счету. „Прошу уплатить мистеру Томасу Дикензону или его приказу сумму въ 30 фунтовъ за счетъ вашего друга Уичкотта“ (приложена печать послѣдняго)—гласитъ чекъ 1683 года. Въ теченіе XVIII ст. чеки въ Лондонѣ столь широко распространились, что въ 1775 г. лондонскіе банкиры учредили расчетную палату (Clearing-House) для погашенія чековъ путемъ компенсаціи (зачета).

Значительно расширились и вексельныя операціи, благодаря введенію въ употребленіе передаточной надписи — girata или endossement) ибо во Франціи она дѣлалась на оборотной сторонѣ векселя); посредствомъ такой надписи производилась уступка переводнаго векселя кредиторомъ другому лицу. Благодаря передаточной надписи, теперь вмѣсто одного должника является два или болѣе (по числу бланконадписателей), отвѣтственныхъ за уплату долга. Кромѣ того вексель до оплаты его переходитъ нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки, служитъ платежнымъ средствомъ. Вексельное обращеніе сильно оживилось: „индоссаментъ мостъ отъ средневѣковаго къ нынѣшнему векселю“. Возникаетъ учетъ векселей, т. е. оплата ихъ до истеченія срока съ вычетомъ процентовъ за оставшееся время. Онъ встрѣчается уже съ XVI и въ особ. съ XVII ст. въ Ліонѣ, но широко распространяется лишь въ Англіи. Англійскій Банкъ учитывалъ векселя англійскіе изъ $4\frac{1}{2}$ проц. иностранные изъ 6 проц.

Существенную роль въ развитіи вексельнаго обращенія и кредита вообще играли и перемѣны въ законодательствѣ о ссудномъ процентѣ. Въ предшествующую эпоху—какъ мы видѣли выше (см. стр. 220 и сл.)—взиманіе процента считалось грѣховнымъ и запрещалось не только церковью, но и государствомъ, хотя на практикѣ оно было широко распространено. Въ разсматриваемый же періодъ былъ сдѣланъ значительный шагъ впередъ въ видѣ принципіальнаго допущенія процента, съ установленіемъ лишь извѣстной максимальной нормы, выше которой запрещалось брать. Въ Нидерландахъ онъ установленъ былъ въ размѣрѣ 5 проц. въ 1640 г. и

[1]) См. Lawson. History of Banking. p. 260 и сл. Francis. History of the Bank of England. Vol. I. p. 205 и сл.

[2]) См. Jaffé. Das engl. Bankwesen. p. 105 и сл.

4 проц. въ 1655 г. Въ Англіи появляется такой указный ростъ въ 1545 г., причемъ онъ былъ опредѣленъ въ 10 проц., но въ 1624 г. дозволенный максимумъ пониженъ до 8 проц., а въ 1652 г. до 6 проц. И во Франціи былъ установленъ въ 1624 г. указный ростъ въ 6 проц. Въ дѣйствительности, впрочемъ, эти постановленія обходились различными способами и—какъ указываетъ Локкъ—въ его время въ Нидерландахъ можно было заключить договоръ на любыхъ условіяхъ. Въ Англіи упомянутые выше золотыхъ дѣлъ мастера (банкиры) въ XVII ст. взимали 33 и болѣе проц. съ частныхъ лицъ, даже съ казны они брали 12 проц. и болѣе.

Торгово-промышленный кредитъ былъ распространенъ въ эту эпоху лишь въ Англіи; напротивъ, въ Австріи, Франціи, Германіи онъ еще почти совершенно отсутствовалъ. Публичные банки — какъ мы видѣли выше— имъ не занимались [1]), частныхъ же банковъ почти не существовало [2]). Правда—какъ мы упоминали — и на континентѣ Европы съ товарной торговлей соединяются банковыя операціи, но онѣ сводятся къ куплѣ-продажѣ векселей [3]). И даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда возникалъ самостоятельный, отдѣлившійся отъ прочихъ отраслей коммерческой дѣятельности, „банкъ", онъ съ вексельными операціями соединялъ кредитованіе государства, но не коммерческаго міра. Но и вексельное обращеніе на континентѣ едва ли было сильно распространено: даже въ такомъ крупномъ торговомъ центрѣ, какъ Гамбургъ, еще въ половинѣ XVIII ст. купецъ, который учитывалъ свои векселя, рисковалъ вовсе лишиться кредита.

Обширныя торговыя операціи такихъ крупныхъ фирмъ XVI вѣка, какъ Фуггеры, Вельзеры, Гехштеттеры и др., обходились еще почти безъ кредита. Это были обыкновенно семейныя полныя товарищества, въ которыхъ каждый изъ членовъ не только несъ рискъ, но и принималъ нерѣдко участіе въ общемъ предпріятіи. Правда членамъ, выходившимъ изъ состава товарищества, разрѣшалось въ видѣ особой льготы оставить свой капиталъ цѣликомъ или частью въ предпріятіи въ качествѣ депозита, т. е. какъ вкладъ, съ котораго онъ получалъ опредѣленные проценты независимо отъ прибылей или убытковъ товарищества. Однако, эти капиталы, принадлежали родственникамъ, которымъ оказывалась такимъ образомъ особая льгота. Извѣстная торгово-промышленная вюртембергская компанія, центромъ дѣятельности которой являлся г. Кальвъ, въ началѣ XVIII ст. уже пользовалась въ значительныхъ размѣрахъ не только вкладами участниковъ, которые обязаны были помѣщать извѣстную часть прибылей у компаніи изъ 6 проц. годовыхъ (независимо отъ прибылей, получаемыхъ ими въ качествѣ членовъ), но и капиталами постороннихъ лицъ; компанія дѣлала займы у частныхъ лицъ, правительственныхъ кассъ, мѣстныхъ чиновниковъ и центральной администраціи вплоть до высшихъ ступеней и уплачивала 4 или 5 проц. Однако этимъ путемъ компанія не столько имѣла въ виду расширить свои операціи, сколько заинтересовать населеніе, въ особенности же чиновниковъ, въ успѣхахъ предпріятія и привлечь ихъ на свою сторону. Когда же положеніе ея упрочилось, компанія начала выплачивать обратно помѣщенные у нея капиталы, усматривая въ нихъ обузу, отъ которой нужно освободиться какъ можно скорѣе [4]).

---

1) См. выше, стр. 414—15.

2) Въ источникахъ и въ литературѣ (Марпергеръ) XVIII вѣка упоминается нерѣдко и о другихъ публичныхъ банкахъ, напр., въ Германіи, Австріи (Landbanke. Stadtbanko), но въ дѣйствительности это были учрежденія по заключенію и погашенію государственныхъ займовъ или же ссудныя кассы (montes pietatis), выдававшія ссуды подъ закладъ движимостей (ломбарды).

3) См. выше, стр. 382.

4) Troeltsch. Calwer Zeughandlungskompagnie. p. 140—42.

*

Гораздо болѣе, чѣмъ коммерческій міръ, прибѣгала къ кредиту помѣстная аристократія, землевладѣльческіе классы, но только это было кредитъ потребительный, а не производительный. И въ Шотландіи въ XVIII ст. и во Франціи накануне революціи весьма велика была задолженность дворянства, которое вынуждено было закладывать и перезакладывать свои имѣнія, а чтобы избавиться отъ долговъ, продавать ихъ по частямъ и даже цѣликомъ. Въ Германіи находимъ сильную задолженность землевладѣльцевъ уже къ концу XVI ст.; въ эпоху Тридцатилѣтней войны задолженность дворянства настолько увеличилась, что „долги его на много тысячъ гульденовъ превышаютъ имущество и даже между состоятельными дворянскими семьями трудно найти такія, земля которыхъ не была бы обременена крупными долгами“ [1]).

Такъ, въ Баваріи во время 30-лѣтней войны дворянство настолько пострадало и отъ враговъ и отъ „враждебныхъ друзей“, что ему ничего не оставалось, какъ „жить долгами“, ибо „не могло же оно работать или жить подаяніемъ, какъ другія сословія“. Послѣ заключенія мира 1648 г. произошла крупная перемѣна въ области земельной собственности: задолженныя земли стали переходить въ другія руки; только военачальники сумѣли обогатиться во время войны, въ эпоху всеобщаго обѣдненія. Отъ стараго дворянства земли переходятъ къ церквамъ и монастырямъ или къ новому дворянству, homines novi, состоявшему изъ иностранцевъ и изъ лицъ, получившихъ дворянское достоинство благодаря гражданской или военной службѣ.

Было бы ошибочно предполагать, что въ эту эпоху отсутствовала задолженность крестьянскихъ земель; предположеніе, что это наступили лишь съ отмѣной крѣпостного права и не могло имѣть мѣста до тѣхъ поръ, пока крестьяне не могли свободно распоряжаться землей, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Артуръ Когенъ, подробно изслѣдовавшій вопросъ о задолженности крестьянъ въ Баваріи въ 1598—1745 г.г., пришелъ къ тому выводу, что въ эту эпоху отчужденіе, залогъ и продажа за долги крестьянскихъ земель составляли обычное явленіе. Если крестьянинъ вынужденъ былъ заложить землю, то помѣщикъ не могъ помѣшать этому; еще менѣе онъ могъ воспрепятствовать продажѣ съ публичнаго торга заложенной земли, которая переходила, независимо отъ его согласія, къ тому, кто предлагалъ высшую цѣну. На основаніи инвентарей 30 крестьянскихъ имѣній, получается задолженность въ среднемъ въ размѣрѣ 28 проц. цѣнности имущества, причемъ болѣе крупныя хозяйства менѣе задолжены, чѣмъ мелкія хозяйства. Долги вызывались какъ уплатой податей, сеніоріальныхъ оброковъ и повинностей, такъ и платежами при переходѣ двора по наслѣдству, дефицитомъ при веденіи хозяйства, наконецъ пожарами, наводненіями, войнами. Невозможность уплаты долговъ приводила къ тому, что они переходили изъ рода въ родъ, ложась съ самаго начала тяжелымъ бременемъ на новаго хозяина. Изъ 60 случаевъ заключенія крестьянами кредитныхъ сдѣлокъ, приводимыхъ Когеномъ, въ 54-хъ кредитъ полученъ подъ залогъ всего имущества или его части; кредиторами являются и въ этомъ случаѣ—какъ и въ отношеніи дворянъ — преимущественно церкви и монастыри; если же они отказывали въ ссудѣ, то крестьянинъ обращался къ частнымъ лицамъ, нерѣдко односельчанамъ—существовали повидимому семьи, которыя занимались выдачей ссудъ какъ профессіей [2]).

Наиболѣе важную форму кредита составлялъ, однако, и теперь кредитъ публичный, который сохранилъ еще много характерныхъ особенностей

[1]) См. Taine. L'ancien régime. Ein Neu: Nutzlich- und Lustigs Colloqium etc. изд. Gothein'омъ. Einleitung (Die deutschen Kreditverhältnisse und der 30-jährige Krieg). Cohen. Der Kampf um die adeligen Güter in Bayern nach dem dreissigjähr Kriege. Zeitschr. f. Staatswiss. 1903.

[2]) См. Cohen. Die Verschuldung des bäuerlichen Grundbesitzes in Bayern von der Entstehung der Hypothek bis zum Beginn der Aufklärungsperiode. 1906. особ. p. 128. 141. 148. 183 и сл. 240 и сл. 298. 360 и сл. 406 и сл.

предыдущей эпохи. Это былъ попрежнему кредитъ не государственный, а государей—даже въ Англіи долгъ былъ признанъ національнымъ впервые въ 1716 г. Еще въ 1665 г. имп. Леопольдъ I не призналъ сдѣланныхъ его предшественникомъ долговъ и лишь „по доброй волѣ" согласился уплачивать по нимъ проценты въ теченіе трехъ лѣтъ [1]). Въ Баваріи даже въ 60-хъ г.г. XVIII вѣка обсуждался вопросъ о томъ, обязанъ ли государь уплачивать заключенные его предшественникомъ займы [2]). Кредитъ выражался и теперь въ краткосрочныхъ займахъ подъ отдѣльные источники доходовъ или ожидаемыя въ будущемъ поступленія налоговъ. Домены по прежнему отдаются въ залогъ при заключеніи займовъ, причемъ онѣ и теперь переходятъ во владѣніе къ кредиторамъ; послѣдніе въ лицѣ дворянства отказываются вернуть заложенныя имъ земли. Фридрихъ Вел. вынужденъ былъ прекратить вызванные этимъ многочисленные процессы между казной и дворянствомъ. Но и Людовикъ XIV не въ состояніи былъ выкупить заложенныя за небольшую сумму королевскія домены [3]). Займы заключались у иностранныхъ банкировъ—итальянцевъ, южно-германскихъ купцовъ, на амстердамской биржѣ. Или же это были принудительные займы у собственныхъ подданныхъ; во Франціи находимъ цѣлый рядъ случаевъ принудительныхъ займовъ въ XVI и XVII ст., особенно принудительные займы у г. Ліона; въ Англіи они имѣли мѣсто при Елисаветѣ, при Іаковѣ I въ 1625 г.; въ Испаніи примѣнялся захватъ королемъ американскаго серебра, принадлежащаго частнымъ лицамъ, взамѣнъ чего имъ выдавались долговыя обязательства.

Для уплаты этихъ краткосрочныхъ займовъ нерѣдко не хватало средствъ, и доходы, предназначенные на уплату процентовъ и погашеніе (по частямъ) займовъ, употреблялись на иныя цѣли, въ особенности на дальнѣйшія войны. Государь, ссылаясь нерѣдко на ростовщическій характеръ займа — какъ это бывало въ средніе вѣка, — объявлялъ себя банкротомъ: кредиторы лишались обѣщанныхъ имъ доходовъ, напр., американскаго серебра, и долгъ превращался въ 5 проц. вѣчную ренту, которая стояла гораздо ниже нарицательной цѣны. Такъ это дѣлалось въ особенности въ Испаніи, гдѣ въ XVI—XVII ст., какъ и въ слѣдующія столѣтія, такія банкротства происходили каждыя 20 лѣтъ. Во Франціи они частью принимали такую же форму, частью просто прекращались платежи и не возобновлялись, несмотря на требованія кредиторовъ, какъ это было, напр., въ 1557 г.; частью процентъ насильственно понижался или часть займа объявлялась несуществующей; такъ это было при Сюлли, нѣчто подобное произошло и въ 1664 г. при Кольберѣ [4]). Въ нѣмецкихъ государствахъ земскіе чины уже съ конца XV и начала XVI ст. принимаютъ на себя отвѣтственность за заключенные государемъ долги, но „раздѣленіе отвѣтственности обозначало лишь уменьшеніе ея и увеличеніе путаницы". Проценты не уплачиваются, долги не погашаются, договоръ нарушается, заклю-

[1]) Thorsch. Mater. zu einer Gesch. der oesterr. Staatsschulden. p. 59.
[2]) Schmelzle. Staatshaushalt Bayerns im 18. Jahrh. p. 243.
[3]) Däbritz. Staatsschulden Sachsens. p. 50. Bresson. Hist. financière de la France. I. p. 36. Landmann. Finanzarchiv. 1912. p. 31 и сл. Ehrenberg. I. p. 23.
[4]) Vührer. Histoire de la dette publique. p. 39 и др.

чаются новыя соглашенія съ сложеніемъ долга, и въ результатѣ въ эпоху Тридцатилѣтней войны Бранденбургъ, Баварія, Вюртембергъ близки къ банкротству. Принудительное пониженіе процентовъ и прекращеніе уплаты старыхъ долговъ производились и въ XVIII ст. [1]). Исключеніе среди всѣхъ этихъ государствъ составляли лишь Нидерланды и Англія, гдѣ правительство съ начала XVIII ст. добросовѣстно выполняло свои обѣщанія.

Неудивительно, если въ половинѣ XVIII ст. еще говорили: не давай въ займы болѣе сильному, если же далъ, то смотри на эту сумму, какъ на потерянную, и прибавляли: обѣщанія даютъ дворяне, но выполняютъ ихъ только мужики. Ростъ государственныхъ займовъ этой эпохи вызывался въ особенности непрерывными войнами: въ XVI ст. насчитывалось всего 25 лѣтъ, въ XVII ст. всего 21 годъ, когда не происходило бы крупныхъ военныхъ операцій; притомъ войны въ эту эпоху, въ виду господства наемныхъ войскъ (кондотьеры), требовали особенно большихъ расходовъ. Отсутствіе необходимыхъ на это средствъ и потеря кредита послѣ отказа уплатить прежніе долги, послѣ банкротства, нерѣдко заставляли правительство прекратить войну и заключить миръ; отказомъ въ дальнѣйшихъ займахъ вызванъ, напр., миръ при Като-Камбрези въ 1558 г., при Вервенъ въ 1598 г., 12-лѣтнее перемиріе съ Нидерландами въ 1609 г. Въ другихъ случаяхъ потеря кредита приводила къ такимъ событіямъ, какъ разграбленіе въ 1576 г. Антверпена войсками, не получившими жалованья, ибо за годъ до этого произошло банкротство Испаніи; точно также парижское возстаніе 1558 года находится въ связи съ неуплатой займа городу Парижу; послѣднее вызвало сильное возбужденіе среди населенія, потерявшаго свои деньги [2]).

Однако же, перемѣна, по сравненію съ предыдущимъ періодомъ, заключалась прежде всего въ томъ, что займы были гораздо крупнѣе и что иностранные банкиры, которые во Франціи и Испаніи успѣли потерять свои деньги, замѣнялись постепенно мѣстными. Займы теперь заключались у нихъ въ Англіи съ половины XVI ст., во Франціи въ XVII в. Перемѣна состояла и въ томъ, что при заключеніи займовъ обращались не къ отдѣльнымъ лицамъ, а къ биржѣ, антверпенской, ліонской, гдѣ создавалось мнѣніе объ общей кредитоспособности того или иного монарха, независимо отъ опредѣленнаго источника доходовъ, предоставляемаго на покрытіе займа. Благопріятное мнѣніе биржи, создававшееся подъ вліяніемъ различныхъ свѣдѣній, которыя нерѣдко фальсифицировались агентами даннаго правительства, вызывало повышательное настроеніе на биржѣ и повышеніе курса выпускаемаго займа; при возникновеніи сомнѣній въ платежеспособности монарха, оно смѣнялось понижательнымъ движеніемъ. Въ другихъ случаяхъ объявлялась публичная подписка на новый заемъ, какъ это было въ Англіи съ конца XVII ст.; она привлекала во Францію въ XVII ст. и провинціальное населеніе; въ Нидерландахъ подписка принималась непосредственно въ „конторахъ" государства, съ обходомъ всякихъ посредниковъ; въ Англіи посредникомъ являлся Англійскій банкъ. Къ этому прибѣгала и Австрія, тогда какъ нѣмецкіе князья еще въ XVIII ст. отправлялись на каждую франкфуртскую ярмарку или посылали туда своихъ приближенныхъ для разыскиванія денегъ у тамошнихъ капиталистовъ; послѣднимъ выдавались индивидуальныя облигаціи на мелкія суммы. Въ Амстердамѣ, Франкфуртѣ на Майнѣ, Генуѣ, Женевѣ мы находимъ банкировъ, которые въ качествѣ комиссіонеровъ различныхъ правительствъ занимались спеціально размѣщеніемъ государственныхъ займовъ среди публики, такъ что выпускъ займа происходилъ не сразу, а какъ бы непрерывно [3]).

Только Нидерланды и Англія ушли значительно дальше въ области развитія своего государственнаго кредита: они производили не принудительное, какъ во Франціи и Германіи, а добровольное пониженіе процента

[1]) Däbritz. Staatsschulden Sachsens. p. 11—12. 41. 67. Landmann. Entwickl. der Formen des öff. Kredits. p. 38.
[2]) Ehrenberg. I. p. 9 и сл. 22. II. p. 147—183 205 и сл. 259 и сл.
[3]) Landmann. p. 59 и сл.

по займамъ—конверсіи: кредиторамъ предлагалось либо получить обратно долгъ, либо согласиться на болѣе низкій процентъ. Въ Нидерландахъ такимъ путемъ въ половинѣ XVII ст. процентъ былъ пониженъ съ 6 до 4, въ Англіи въ половинѣ XVIII ст. съ 4 до $3^1/_2$ и 3 проц. Далѣе, въ Нидерландахъ исчезаютъ опредѣленные фонды на покрытіе займовъ; послѣдніе теперь гарантировались всѣмъ состояніемъ государства. Въ Германіи и Австріи еще въ началѣ XIX ст. указывались спеціальные источники, изъ которыхъ должны покрываться проценты и капиталъ. Наконецъ, краткосрочные неутвержденные долги превращаются постепенно въ безсрочные консолидированные займы. Въ Англіи въ 1715 г. появляется впервые 5 проц. безсрочная рента; къ концу XVIII ст. (въ 1786 г.) безсрочные займы здѣсь достигли огромной, неслыханной для того времени цифры въ 240 милл. ф. стерлинговъ—изъ нихъ болѣе $^2/_3$ заключалось въ 3 проц. рентѣ, — тогда какъ за 50 лѣтъ до того они не превышали шестой части этой суммы (43 мил.). [1]).

До 20-хъ годовъ XVIII вѣка въ Англіи публичный кредитъ эксплуатировался различными способами; во 1-хъ посредствомъ заимствованія большихъ суммъ акціонерныхъ капиталовъ крупныхъ компаній; во 2-хъ посредствомъ самостоятельныхъ лотерейныхъ займовъ, т. е. такихъ, при которыхъ участники займа получали весь капиталъ сполна съ процентами и, кромѣ того, нѣкоторые изъ нихъ выигрыши, расходъ по которымъ падалъ на казну; въ 3-хъ посредствомъ самостоятельныхъ же займовъ срочныхъ; наконецъ, въ 4-хъ посредствомъ разнаго рода сочетаній операцій страховыхъ съ займами [2]). Новый періодъ начинается со времени выпуска 5 проц. безсрочной ренты въ 1715 г.: въ безсрочную ренту постепенно превращаются (консолидируются) всѣ старыя формы неотвержденнаго долга, причемъ понижаются проценты (до 3 проц.) по этому консолидированному долгу, т. е. совершается то, чего въ Пруссіи и Австріи достигли не ранѣе половины XIX в., во Франціи не ранѣе начала XIX вѣка. До половины XVIII ст. англійское правительство пользовалось кредитомъ умѣренно, предпочитая займамъ, несмотря на ихъ дешевизну, новые налоги, и стараясь при всякой возможности погашать займы; учреждается спеціальный погасительный фондъ (Валполя), по образцу котораго значительно позже, въ началѣ XIX ст. возникли фонды погашенія государственныхъ долговъ въ Пруссіи, Баваріи, Баденѣ, Вюртембергѣ (въ Саксоніи уже въ 1763 г.). Во второй половинѣ XVIII вѣка въ Англіи займы стали менѣе щадить, погасительный фондъ отвлекается отъ своего назначенія; онъ идетъ не на погашеніе долговъ, а на уплату процентовъ, и долгъ необычайно быстро достигаетъ никогда и нигдѣ невиданной прежде въ исторіи высоты: послѣдняя вызываетъ опасенія даже у такихъ мыслителей, какъ Ад. Смитъ и Давидъ Юмъ.

Въ Амстердамѣ во время войны Англіи съ американскими колоніями возникалъ вопросъ о томъ, долго ли Англія еще въ состояніи будетъ платить проценты по своимъ долгамъ, а въ 80-хъ гг. XVIII ст. одинъ писатель утверждалъ, что либо нація должна уничтожить свои долги, либо долги уничтожатъ ее. Но уже 20 лѣтъ спустя историкъ Синклеръ пророчески писалъ: потомство будетъ смѣяться надъ глупостью нашихъ государственныхъ дѣятелей, которые рѣшаются утверждать, что источники нашихъ доходовъ исчерпаны. Уже съ половины XVIII ст. государственный кредитъ Англіи, какъ и финансы ея вообще, покоились на прочныхъ основаніяхъ [3]).

---

[1]) См. И. И. Кауфманъ. Государственный долгъ Англіи.
[2]) И. И. Кауфманъ. Указ. соч.
[3]) Sinclair. The History of the public revenue of the British Empire. 3 ed. 180

Въ области путей и средствъ сообщеній періодъ XVI—XVIII ст. обнаруживаетъ значительные успѣхи, по сравненію со средневѣковой эпохой, хотя и неодинаковые въ различныхъ направленіяхъ и въ различныхъ странахъ. Менѣе всего было сдѣлано въ отношеніи путей сообщенія на сушѣ. И въ Англіи, и въ Германіи дороги были попрежнему отвратительны—чрезвычайно узки, такъ что не только двѣ повозки, но даже двѣ лошади нерѣдко не могли разъѣхаться. Часто дороги были надолго запружены возами, ибо никто не хотѣлъ уступить мѣста другому. Дороги были съ глубокими пробоинами, останавливавшими путешественника. Приходилось доставать добавочныхъ лошадей изъ окрестностей, чтобы вытащить возъ или коляску. По той же причинѣ ѣздили обыкновенно въ каретахъ, запряженныхъ шестеркой лошадей—это являлось вовсе не роскошью, а необходимостью; но даже въ этомъ случаѣ экипажъ иногда погибалъ въ болотѣ, людямъ же приходилось спасаться вплавь [1]. Англичане XVII ст. описываютъ путешествія по Англіи, сопряженныя съ такими трудностями и опасностями, какія на нашъ взглядъ, по словамъ Маколея, могутъ только встрѣчаться при путешествіи въ Ледовитый океанъ или въ Сахару. На путешествіе смотрѣли какъ на печальную необходимость, соединенную съ большимъ рискомъ; издержки по перевозкѣ товаровъ сушей равнялись запретительной пошлинѣ. Еще и въ XVIII ст. уголь изъ Ньюкестля въ Лондонъ и скотъ изъ Шотландіи въ Норфолькъ предпочитали возить моремъ. И это неудивительно, разъ, по словамъ Артура Юнга онъ „проѣхалъ 18 миль и сломалъ три повозки; онъ настоятельно совѣтуетъ избѣгать эту адскую дорогу, которая соединяетъ графства между собой и гдѣ тѣмъ не менѣе нѣтъ ничего легче, какъ опрокинуться и сломать себѣ шею". Только по направленію къ Лондону вело нѣсколько хорошо сооруженныхъ дорогъ.

Но тотъ же Артуръ Юнгъ приходитъ въ восторгъ отъ французскихъ дорогъ: „великолѣпная дорога, лучшая въ мірѣ дорога"—восклицаетъ онъ на каждомъ шагу, поражаясь лишь рѣдкой пустотой на нихъ; нѣсколько возовъ, одинъ кабріолетъ, да женщинъ съ ослами онъ встрѣтилъ на протяженіи 36 миль. Даже на дорогахъ, ведущихъ къ Парижу, и при въѣздѣ въ Парижъ онъ не нашелъ почти никакого движенія, въ противоположность оживленному движенію при въѣздѣ въ Лондонъ. Хотя во Франціи дороги были, повидимому, не повсюду столь хороши [2], но все же, по сравненію съ другими странами, Франція стояла въ этомъ отношеніи весьма высоко: въ концѣ XVII ст. она затрачивала на мосты и дороги въ среднемъ $1^1/_2$ милл. фр. ежегодно (на современ. деньги), при Людовикѣ XV даже 4—5 милл. Въ концѣ XVIII ст. она имѣла 25 тыс. километр. большихъ дорогъ, широкихъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже вымощенныхъ; въ другихъ государствахъ шоссированныя дороги составляли явленіе исключительное. Во второй половинѣ XVIII ст. и въ Западной Германіи строятся дороги, хотя они были хуже французскихъ, и перевозка товаровъ отъ Базеля до Франкфурта обходилась на нѣмецкой территоріи гораздо дороже, чѣмъ на французской

[1]) Jähns. Ross und Reiter. II. p. 183 и сл. 302 и сл. Huber. Gesch. des Verkehrs. pass.

[2]) См., напр., Brutails. p. 42. Bernier. p. 23.

сторонѣ Рейна (съ воза, запряженнаго шестью лошадьми,—131 гульд. вмѣсто 60 гульд.), какъ по причинѣ болѣе значительныхъ расходовъ на лошадей и т. д., такъ и въ особенности вслѣдствіе того, что въ Германіи сохранились еще многочисленныя таможенныя заставы (сборы на заставахъ составляли въ приведенномъ случаѣ 60 гульд.) [1].

Какъ и въ средніе вѣка, препятствіемъ передвиженію являлась, однако, не только неудовлетворительность путей сообщенія, но и разбои, совершаемые на дорогахъ. Путешественники рисковали быть ограбленными, если они не отправлялись въ дорогу въ большомъ числѣ и хорошо вооруженные. „Верховые разбойники, которыхъ мы знаемъ изъ книгъ,—говоритъ Маколей—имѣлись (въ концѣ XVII ст.) на всѣхъ большихъ дорогахъ Англіи". Властямъ весьма трудно было справиться съ ними. „Однажды было издано объявленіе, что нѣкоторыя лица, которыхъ подозрѣвали въ такихъ грабежахъ, но противъ которыхъ не имѣлось достаточныхъ уликъ, должны явиться въ Ньюгетъ въ одеждѣ для верховой ѣзды; будутъ показаны и ихъ лошади, и всѣ, кто былъ ограбленъ, приглашаются явиться на эту своеобразную выставку". Въ другой прокламаціи объявлялось содержателямъ харчевенъ, что правительство слѣдитъ за ними; благодаря ихъ укрывательству, бандиты имѣютъ возможность безнаказанно грабить на дорогахъ. Эти разбойники были часто аристократическаго происхожденія; нѣкоторые изъ нихъ, взимая каждые три мѣсяца дань съ погонщиковъ воловъ, въ то же время брали послѣднихъ подъ свою защиту противъ другихъ [2].

Несмотря на неудовлетворительность дорогъ, возникли и достигли значительнаго развитія почтовыя сообщенія—перевозка людей, товаровъ и извѣстій. Уже въ XIV—XV ст. государи и, въ особенности, торговые города, имѣли своихъ какъ пѣшихъ, такъ и верховыхъ людей, которые переносили и перевозили письма (посланія) и посылки; о времени отъѣзда ихъ сообщалось на рынкѣ. Въ XVI ст. мы находимъ между различными городами (Аугсбургъ—Венеція, Нюрнбергъ—Вѣна, Нюрнбергъ — Брюссель) постоянныя сообщенія посредствомъ такихъ еженедѣльно правильно отправляющихся нарочныхъ (эстафетъ, курьеровъ); издаются особыя росписанія ихъ поѣздокъ. Во Франціи уже съ конца XV ст. имѣлось 230 конныхъ посыльныхъ, были установлены опредѣленныя станціи, гдѣ производилась смѣна лошадей; это и называлось почтой — postes; въ Италіи въ XVI ст. существовало свыше 70 постоянныхъ сообщеній. Въ слѣдующія столѣтія сѣть такихъ постоянныхъ сообщеній расширяется и въ другихъ странахъ; почта пріобрѣтаетъ международный характеръ, соединяя различныя страны. Въ особенности это было необходимо при Карлѣ V, когда должны были возникнуть сообщенія между различными частями его монархіи—Испаніей, Нидерландами, Германіей; при этомъ устанавливается точно время прибытія и отхода почты.

Первоначально почта существуетъ исключительно для государственныхъ надобностей—Людовикъ XI въ 1464 г. запрещаетъ перевозку частной корреспонденціи подъ страхомъ смерти. Позже, однако, предоставляется пользоваться ею и частнымъ лицамъ—во Франціи съ 1576 г. (почта городовъ, повидимому, имѣла такой характеръ уже въ средніе вѣка), хотя это составляетъ лишь побочную функцію ея и никакой гарантіи за доставку

---

[1] См. Kanter. Die Entwickl. des Handels mit gebrauchsfert. Waren etc. p. 7.
[2] Macaulay. History. T. I. Ch. III.

почта не принимаетъ на себя. Наконецъ, къ XVII ст. устанавливается почтовый тарифъ, въ 1599 г. въ Германіи, въ 1627 г., во Франціи,—признакъ того, что потребности частныхъ лицъ стоятъ теперь на первомъ планѣ. Далѣе, развитіе почты выражается въ томъ, что рядомъ съ корреспонденціей производится и перевозка людей—первоначально верхомъ, въ XVII ст. въ почтовыхъ повозкахъ, именно, съ 60-хъ г.г. во Франціи, немного раньше въ Германіи; въ Англіи въ концѣ XVII ст. отправлялись три раза въ недѣлю „летучія кареты" изъ Лондона въ нѣсколько большихъ городовъ. Наконецъ, почта принимаетъ на себя и перевозку не очень громоздкихъ товаровъ,—фактъ, чрезвычайно важный для развитія торговли, ибо ранѣе, еще въ XVII вѣкѣ, товары перевозились только караванами вьючныхъ лошадей. Уже съ XVI ст. эксплоатація почтовыхъ сообщеній на всемъ протяженіи габсбургской монархіи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, въ особенности въ Италіи, находилась въ рукахъ фамиліи Таксисъ (Тассисъ), причемъ почта была обращена въ имперскую регалію.

Вліяніе почты сразу отразилось на увеличеніи корреспонденціи; „Ah! c'est une belle invention que la poste!" восклицаетъ M-me де-Севинье, которая любила писать письма. Любопытно, что когда императоръ Максимиліанъ въ 1507 г. прибылъ въ Виллингенъ, на другой день было отослано свыше 800 писемъ въ Нидерланды и Венгрію. Въ Англіи въ XVII ст. письма отправляли черезъ день, въ Линкольнширѣ, Кумберландѣ и другихъ мало заселенныхъ мѣстностяхъ, впрочемъ, только разъ въ недѣлю. Вліяніе почты обнаружилось и въ оживленіи коммерческой дѣятельности. „Когда купцы увидѣли—говоритъ Бейстъ въ XVII ст.,—что за небольшую плату они могутъ узнать вексельный курсъ и цѣны товаровъ посредствомъ почты, безъ того, чтобы ѣздить въ Антверпенъ, на почтѣ стало скопляться огромное количество писемъ". На берлинской биржѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, биржевыя собранія назначены были два раза въ недѣлю, именно въ тѣ дни, когда приходила почта. Помимо того, что теперь болѣе не было надобности купцу лично отправляться на ярмарку или биржу, — почта „за небольшую плату съ большой скоростью" перевозила и большіе пакеты, тюки и всякаго рода товары центнерами.

Если въ концѣ средневѣковаго періода успѣвали проѣхать въ среднемъ не болѣе 5 миль въ день, рѣдко 6—7 миль, то въ XVII—XVIII ст. въ Англіи скорость провоза не очень громоздкихъ товаровъ составляла 7—8 миль въ день, а въ Германіи 9—10 миль при перемѣнѣ лошадей. При этомъ даже по сравненію съ XVI ст., скорость перевозки въ XVII ст. возросла—изъ Страсбурга въ Аугсбургъ перевозка товаровъ продолжалась въ 1590 г. 8 дней, а въ 1690 г. 5 дней; изъ Магдебурга въ Гамбургъ въ 1560 г. 6 дней, сто лѣтъ спустя 3—4 дня; изъ Вѣны въ Тріестъ въ 1590 г. 14 дней, къ концу XVII ст. 11—12 дней [1]). Во всѣхъ центральныхъ пунктахъ появились многочисленные постоялые дворы, содержавшіе лошадей; періодически разъ или два въ недѣлю двигались цѣлые обозы — возы, запряженные 4—8 лошадьми, нагруженные 3 — 6 тоннами товара. Въ поло-

---

[1]) Huber. Entwickl. des modernen. Verkehrs. p.

винѣ XVIII ст. изъ Франкфурта на Майнѣ верховая почта (для писемъ) отправлялась почти по всѣмъ направленіямъ ежедневно или четыре раза въ недѣлю, почтовыя же повозки отходили обыкновенно не чаще 1 — 2 разъ въ недѣлю [1]).

Когда въ 1669 г. оксфордскій университетъ рѣшилъ отправлять въ Лондонъ дилижансъ, который долженъ былъ совершать весь путь изъ Оксфорда въ теченіе одного дня, отъ восхода до заката солнца, это возбудило такой же интересъ въ обществѣ, какъ открытіе какой-либо новой желѣзной дороги двѣсти лѣтъ спустя. Попытка оказалась вполнѣ удачной, въ 6 ч. утра отошелъ дилижансъ, а въ 7 ч. вечера путешественники, рискнувшіе подвергнуться этой опасности, прибыли въ Лондонъ. Такая скорость передвиженія казалась людямъ того времени прямо удивительной. Но рядомъ съ лицами, восхвалявшими ея достоинства, имѣлись и противники, приводившіе доводы однородные съ тѣми, которые выставлялись впослѣдствіи противъ сооруженія желѣзныхъ дорогъ (см. ниже). Они утверждали, что новые дилижансы уничтожатъ коннозаводство и верховую ѣзду, что Темза, которая всегда была школой для моряковъ, перестанетъ быть главнымъ путемъ изъ Лондона въ Виндзоръ и далѣе въ Гравезендъ. Сѣдельники и производители шпоръ лишатся работы; харчевни, въ которыхъ прежде останавливались ѣздившіе верхомъ, опустѣютъ. Боялись и появленія на рынкѣ новыхъ конкуррентовъ, которые будутъ продавать свои товары дешевле, чѣмъ мѣстные жители. Наконецъ, въ дилижансахъ лѣтомъ слишкомъ жарко, а зимой холодно, калѣки и дѣти своимъ плачемъ безпокоятъ пассажировъ, экипажи пріѣзжаютъ такъ поздно, что невозможно получить ужина и отъѣзжаютъ настолько рано, что пассажиры не успѣваютъ позавтракать. На основаніи этого, въ петиціяхъ выражалось требованіе, чтобы общественнымъ экипажамъ запрещено было ѣздить болѣе, чѣмъ на четырехъ лошадяхъ, отправлятъся въ путь чаще одного раза въ недѣлю и проѣзжать въ день свыше 30 миль [2]) [3]).

Еще болѣе оживились рѣчныя сообщенія, благодаря исправленію руслъ рѣкъ какъ во Франціи, такъ и въ Англіи и благодаря соединенію бассейновъ рѣкъ между собою посредствомъ устройства каналовъ. Вслѣдствіе этого, создались обширные водные пути отъ Средиземнаго моря до Сѣвернаго моря и Атлантическаго океана; особенно этому способствовали каналы Бріарскій, Лангедокскій, Орлеанскій во Франціи. Протяженіе каналовъ во Франціи увеличилось за 2 столѣтія, XVII и XVIII, вшестеро —съ 156 до 1004 килом., въ Пруссіи въ теченіе XVIII вѣка въ $2^1/_2$ раза — съ 530 килом. въ 1687 г. до 1272 въ 1787 г.

Подъ вліяніемъ политики, направленной къ развитію національнаго судоходства, весьма возрасло число морскихъ судовъ. При Кольберѣ число судовъ во Франціи возрасло съ 30 до 200; суда, выходившія изъ ливерпульскаго порта, насчитывали въ 1700 г. 317 тыс. тоннъ водоизмѣщенія, сто лѣтъ спустя — въ шесть разъ больше, свыше 1900 тыс. тоннъ; при этомъ среднее водоизмѣщеніе корабля увеличилось съ 38 до 100 тоннъ. Какъ въ области кораблестроенія, такъ и въ скорости передвиженія были сдѣланы значительные успѣхи, въ особенности голландцы строили большія

[1]) Kanter. p. 8—11.
[2]) Porter. Progress of the Nations. III. Ch. 2, а также Macaulay. Ibid.
[3]) И въ Германіи къ постройкѣ шоссейныхъ дорогъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX ст. относились первоначально весьма отрицательно, какъ къ новшеству, весьма невыгодному въ особенности для всѣхъ тѣхъ, кто занимался починкой прежнихъ плохихъ дорогъ и ломавшихся на нихъ экипажей, для владѣльцевъ харчевенъ и т. д.

суда въ 500—650 и болѣе тоннъ и въ значительной мѣрѣ благодаря примѣненію такихъ судовъ въ торговлѣ съ Ость-Индіей, они получили преобладаніе въ торговлѣ колоніальными товарами. Примѣру ихъ послѣдовали и англичане; въ 1770 г. въ Ливерпулѣ было много кораблей въ 900 тоннъ. Благодаря примѣненію компаса, морскихъ картъ съ 1550 г., въ особенности же изобрѣтеннаго въ 1608 г. въ Нидерландахъ телескопа, въ XVIII ст. также хронометра и секстанта, путешествіе моремъ было сопряжено съ меньшими опасностями и совершалось гораздо скорѣе: вмѣсто 18—20 милль въ день въ XIV—XV ст., теперь проѣзжали 30—40 милль при благопріятной погодѣ. Однако, бо̀льшая скорость на парусныхъ судахъ была недостижима: это были суда деревянныя, сидѣли они весьма глубоко, ибо они были снабжены пушками и имѣли тяжелыя мачты, а потому были чрезвычайно широки, иначе бы они перевернулись [1]). Медленность вызывалась и тѣмъ, что суда какъ въ океанѣ, такъ и на Сѣверномъ и Балтійскомъ и Средиземныхъ моряхъ ѣздили флотиліями и поэтому къ ходу наименѣе быстрыхъ должны были приспособляться всѣ остальныя.

Такія совмѣстныя плаванія, какъ и необходимость ѣздить въ сопровожденіи военныхъ судовъ, объясняются тѣмъ, что моря кишѣли и теперь еще пиратами. „Капитанъ торговаго корабля въ тѣ времена долженъ былъ быть человѣкомъ весьма хладнокровнымъ, ибо повсюду, даже у самаго выхода изъ гавани его ожидали пираты [2]) [3]). Если ему удалось избѣжать пиратовъ въ Дюнкеркѣ, то новыя опасности ожидали его вблизи испанскихъ береговъ, гдѣ постоянно крейсировали тунисскіе и алжирскіе пираты". Нерѣдко они входили въ самый портъ и лишали суда возможности выхода въ море; въ такихъ случаяхъ флотилія вовсе не отправлялась.

Пиратство было широко распространено среди всѣхъ классовъ общества. Въ эпоху преслѣдованій при Маріи Католической въ Англіи много лицъ изъ лучшаго общества превратилось въ пиратовъ, а къ нимъ присоединились рыбаки, не находившіе заработка; тѣ и другіе продолжали этотъ „промыселъ" и впослѣдствіи. „Почти каждый джентельменъ на западномъ побережьи Англіи—по словамъ Кембелля—принималъ участіе въ пиратствѣ. Пиратамъ оказывали содѣйствіе въ сооруженіи кораблей лорды; во Франціи Кольберъ проектировалъ объединить пиратовъ Дюнкерка въ особую флотилію подъ командой одного изъ этихъ „capitaines-corsaires". Зна-

---

[1]) Чѣмъ больше длина по сравненію съ ширпной, тѣмъ скорѣе можетъ двигаться судно; въ настоящее время отношеніе длины къ ширинѣ 7—9 1; прежде оно было 3—4 : 1.

[2]) Относительно судоходства см. Masson. Le commerce français dans le Lévant au XVII s. p. 475 и сл. Wätjen. Die Niederländer im Mittelmeergebiet. p. 189 и сл. Malvezin. Histoire du commerce de Bordeaux. II. p. 159 и сл. 362 и сл. III. 157 и сл. Götz. Verkehrswege. p. 681 и сл. 693 и сл. Sombart. Krieg und Kapitalismus. Kap. VI. Его-же. Der Bourgevis. Kap. VII. 1.

[3]) По этой причинѣ каждый коммерсантъ распредѣлялъ свои товары между цѣлымъ рядомъ судовъ; только въ случаѣ необходимости грузить значительную партію товаровъ на тотъ же корабль, прибѣгали къ страхованію. При этомъ размѣръ страховыхъ премій сильно колебался—въ Марсели они составляли на то же судно сегодня 6 проц., завтра 10 или 15 проц. Голландцы платили въ Венеціи 15—16 проц. за товары, отправляемые на нидерландскихъ судахъ на сѣверъ, напротивъ всего 5—7 проц., если товары отвозились на хорошо вооруженныхъ англійскихъ корабляхъ.

менитые мореплаватели, открывавшіе новыя моря и страны, были въ то же время пиратами. Таковъ былъ извѣстный Вальтеръ Ралей, „великій“ Ралей, основавшій Виргинію, преданный „въ равной мѣрѣ и Марсу и Меркурію“, и Френсисъ Дрекъ „благородный пиратъ“, какъ его называли, и Фробишеръ, въ душѣ котораго уживались одновременно ученый и пиратъ“, и Кевендишъ „вернувшійся на кораблѣ съ позолоченными мачтами, съ парусами изъ дамаста, съ моряками, одѣтыми въ бархатъ и шелкъ“. Заокеанскія компаніи—какъ мы видѣли выше—столь же усердно занимались военными операціями и грабежами и на сушѣ и на морѣ, какъ и торговлей. „Krieg, Handel und Piraterie—dreieinig sind sie, nicht zu trennen“, война, торговля и пиратство—тріедины, нераздѣльны, —говоритъ Мефистофель въ Фаустѣ. Насиліе являлось еще и въ эту эпоху существеннымъ источникомъ доходовъ.

———

V. Переходъ къ XIX вѣку [1]).

Зомбартъ утверждаетъ, что періодъ XVI—XVIII ст. отличается отъ предыдущей эпохи тѣмъ, что теперь появилось стремленіе къ наживѣ, отсутствовавшее въ средніе вѣка. Однако, какъ можно усмотрѣть изъ изложеннаго выше, стремленіе къ богатству обнаруживалось и въ средневѣковую эпоху: оно обнаруживалось и въ средневѣковомъ ремеслѣ, гдѣ несмотря на всѣ цеховыя стѣсненія, наблюдалось рѣзкое различіе въ имущественномъ положеніи отдѣльныхъ ремесленниковъ (см. стр. 119); оно обнаруживалось еще болѣе въ области торговли (см. стр. 175—76, 181 и сл.), гдѣ дѣятельность купца, его готовность рисковать не только имуществомъ, но и жизнью, готовность промѣнять мирную жизнь земледѣльца, домашній очагъ на бурную стихію, на жизнь въ чужихъ краяхъ, среди враждебныхъ ему чужестранцевъ,—все это объяснялось лишь погоней за золотымъ тельцомъ.

Разницы мы не найдемъ и въ тѣхъ средствахъ и способахъ, которыми получалась прибыль и добывалось богатство въ средневѣковую эпоху и въ періодъ XVI—XVIII ст. Какъ мы уже упоминали выше (стр. 298), — и въ XVI—XVIII ст., какъ и въ средніе вѣка, промышленная дѣятельность была мало-интенсивна, работали медленно, праздновали „синій понедѣльникъ“, ни о какихъ улучшеніяхъ въ промышленной техникѣ, въ смыслѣ болѣе бережливаго и умѣлаго веденія предпріятія, и не думали. Да въ этомъ и не было надобности, ибо цеховой строй и исключительныя привилегіи, выданныя отдѣльнымъ предпринимателямъ, охраняли отъ конкурренціи, обезпе-

1) См. Sombart. Der Bourgeois. Zur Geistesgeschichte des modernen Wirtschaftsmenschen. 1913. Его-же. Luxus und Kapitalismus. 1912. Его же. Krieg und Kapitalismus. 1912. Его же. Die Juden und das Wirtschaftsleben. 1911. Levy. Die Grundlagen des oekonomischen Liberalismus in der Geschichte der englischen Volkswirtschaft. 1912. Его-же. Monopole, Kartelle und Trusts. 1909. Cunningham. Allien Immigrants to England. 1897. Его-же. Growth of English Industry and Commerce. Moderne Times. 1907. Hewins. English Trade and Finance chiefly in the seventeenth century. 1892. Unwin. Industrial Organisation in the sixteenth and seventeenth centuries. 1904. Его-же. The Gilds and Companies of London. 1908. Troeltsch. Die Soziallehren der christlichen Kirchen und Gruppen. 1912. Weber Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus. Archiv für Sozialwissensch. B. XX. XXI. Rachfahl. Kalvinismus und Kapitalismus. Internat. Wochenschrift für Wissenschaft, Kunst und Technik. 1909 Campbell. The Puritans in England, Holland and America. 1892. Schulze—Gävernitz. Britischer Imperialismus und englischer Freihandel. 1906. Gardiner. Oliver Cromwell. 1903. Beer. Cromwells Economic Policy. Political Science Quarterly. XVI. 1904, Curteis. Dissent in its relation to the Church of England. 1872. Price. The English Patents of Monopoly. 1906. Laspeyres. Geschichte der volkswirtschaftlichen Anschaungen der Niederländer. 1863.

чивали достаточный доходъ и ремесленнику и скупщику или владѣльцу мануфактуры. На монопольномъ положеніи была построена и торговля какъ въ средніе вѣка (торговля Венеціи и Генуи, ганзейскихъ городовъ, см. стр. 158 и сл.), такъ и въ XVI—XVIII ст. (заокеанскія компаніи); къ выручаемой такимъ путемъ прибыли присоединялись вплоть до XVIII ст. (дѣятельность компаній) пиратство и ограбленіе туземнаго населенія въ другихъ частяхъ свѣта (см. выше, стр. 194—95. 339—340. 357. 392. 402—03. 428—29).

Различіе между первымъ и вторымъ періодомъ мы найдемъ лишь въ томъ отношеніи, что — соотвѣтственно измѣнившемуся характеру всего хозяйства—въ XVI—XVIII ст. все поставлено на болѣе широкія основанія—возникаютъ монополіи производства въ предѣлахъ всей страны, монополіи торговли съ цѣлыми частями свѣта, происходитъ ограбленіе многочисленныхъ племенъ и народовъ. Различіе заключается далѣе въ томъ, что стремленіе къ обогащенію съ теченіемъ времени охватываетъ болѣе широкіе круги и проявляется и внѣ нормальной торгово-промышленной дѣятельности, принимая разнообразныя новыя формы—искательство кладовъ, держаніе пари, занятіе алхиміей („производствомъ золота“), наконецъ, широко распространяющаяся биржевая игра (см. выше, стр. 394. 399 и сл.).

Есть и еще одна отличительная особенность періода XVII—XVIII ст., это появленіе новаго типа предпріятія, гдѣ обогащеніе является уже результатомъ не пользованія монополіями и привилегіями, не биржевой спекуляціи и не насильственныхъ дѣйствій,—а иниціативы предпринимателя, построенія предпріятія на раціональныхъ началахъ. Но это новое теченіе рѣшительно противорѣчитъ общему укладу жизни XVII — XVIII ст., оно является протестомъ противъ господствующей хозяйственной организаціи; постепенное осуществленіе этихъ новыхъ началъ, въ борьбѣ со старыми, обозначаетъ переходъ къ XIX вѣку—къ свободной конкурренціи.

Зачатки идеи раціональнаго веденія хозяйства мы находимъ уже давно: Д. С. Мережковскій въ своей книгѣ „Воскресшіе боги“ (Леонардо да Винчи) разсказываетъ о томъ, какъ Леонардо да Винчи находитъ въ отцовскомъ домѣ книжку, написанную и оставленную ему братомъ Лоренцо, членомъ флорентинскаго шерстяного цеха, на которой изображены новыя добродѣтели, новые догматы хозяйства—благоразуміе, которое созерцаетъ настоящее, прошлое и будущее; справедливость съ мечомъ и вѣсами и умѣренность съ ножницами, „коими пресѣкаетъ всякое излишество“. Къ нимъ присоединяется четвертый догматъ дѣда Леонардо да Винчи — быть бережливымъ, подобно муравьямъ, заботиться о нуждахъ завтрашняго дня.

Но полное развитіе эти взгляды получили позже—въ XVII—XVIII ст. у Дефоэ и Франклина. Первый принципъ новаго направленія—соотвѣтствіе между доходами и расходами; расходы никогда не должны превышать доходовъ. „Остъ-Индія не обогатила Испанію, ибо ея расходы выше ея доходовъ“. (Франклинъ). „Лишніе расходы являются ползучей лихорадкой, скрытымъ врагомъ, который выпиваетъ кровь купца“. Въ тѣсной связи съ этимъ находится—выводъ изъ этого—идея бережливости, идея совершенно новая, неизвѣстная ни средневѣковому ремесленнику, ни промышленнику и торговцу стараго типа эпохи XVII—XVIII ст. „Каждый сбереженный грошъ

дѣлаетъ человѣку больше чести, чѣмъ сотня истраченныхъ имъ". Франклинъ восхищается бережливыми, экономными людьми; онъ прямо любитъ экономію. Экономію во всемъ, не только въ деньгахъ, но и во времени. Ему принадлежитъ извѣстное изреченіе „время—деньги" (time is money). Нужно быть дѣятельнымъ, работать. „Прилежный купецъ есть знающій и совершенный купецъ" (Дефоэ).

Но помимо этихъ добродѣтелей, безъ которыхъ немыслимо правильное веденіе хозяйства и предпріятія, нужны и другія—честность и солидность коммерсанта. Въ противоположность старой (господствующей въ эту эпоху) торговой морали, допускавшей обманъ покупателя, неисполненіе договора, теперь требуется во всемъ honesty, honnêtété—„продавая, не забывай о совѣсти, довольствуйся меньшей прибылью, но не пользуйся незнаніемъ покупателя". Нужно строго исполнять свои обязанности, нужно не только быть, но и казаться солиднымъ, вести приличный образъ жизни, не пить, не играть, не увлекаться женщинами, ходить къ обѣднѣ и къ воскресной службѣ, ибо это поднимаетъ кредитъ предпринимателя, довѣріе къ нему.

На такой точкѣ зрѣнія стоитъ и новое религіозное ученіе — протестантизмъ (въ Англіи), въ особ., въ лицѣ протестантскихъ сектъ (пуританъ, пресвитеріанъ, индепендентовъ, квакеровъ). Въ противоположность средневѣковой канонической доктринѣ, согласно которой хозяйство и въ особ. торговля, является лишь меньшимъ изъ двухъ золъ (см. выше, стр. 218),— пуританизмъ разсматриваетъ торговую дѣятельность въ качествѣ призванія человѣка ко славѣ Божіей и честно вырученную прибыль, какъ награду его. Хозяйственная дѣятельность изъ средства удовлетворенія необходимыхъ потребностей превращается въ самоцѣль, въ религіозную обязанность. Истинная религіозность содѣйствуетъ успѣхамъ купца, ибо она воспитываетъ въ немъ привычки предусмотрительности и заботливости о будущемъ. А съ другой стороны, честность и добросовѣстность необходимы и съ точки зрѣнія коммерческой, ибо „обманъ затрудняетъ торговлю" и пользованіе незнаніемъ другого не приноситъ „благословенія" въ коммерческомъ дѣлѣ. Такимъ образомъ, честный коммерсантъ совпадаетъ съ истиннымъ пуританиномъ: сидя за своей конторкой, купецъ заполняетъ мѣсто, на которое Господь поставилъ именно его, а не кого-либо другого, выполняетъ свое призваніе. Мало того, онъ служитъ созданію англійской міровой торговли, могущество же Англіи обозначаетъ силу защитниковъ протестантизма. Такъ коммерческая дѣятельность пріобрѣтаетъ важное религіозное и политическое значеніе.

Пуританизмъ возстаетъ какъ противъ католицизма, совершенно отдѣляющаго экономическую жизнь отъ религіозной, такъ и противъ тѣхъ, кто безъ внутренняго углубленія въ смыслъ труда стремится къ обогащенію безъ всякой дѣятельности—путемъ спекуляцій, биржевой игры, сомнительныхъ ссудныхъ операцій и т. д., т. е. посредствомъ старинныхъ средствъ наживы, — въ противоположность честной и прилежной дѣятельности коммерсанта. Нравственный человѣкъ—говоритъ Пеннъ, основатель Пенсильваніи — не отказывается отъ своего имущества, которое Богъ далъ ему въ управленіе; онъ презираетъ скрягу, который не имѣетъ смѣлости рисковать своими деньгами, хотя бы онъ могъ добыть богатства Индіи. Нравственный человѣкъ — учитъ онъ далѣе — выполняетъ свои обязательства, исправно платитъ долги. Прежде всего онъ

уплачиваетъ долги, признанные судомъ, затѣмъ долги по векселямъ и, наконецъ, долги, основанные на записяхъ кредитора въ его книгахъ; но въ результатѣ онъ платитъ всѣ долги. И этому соотвѣтствуетъ вообще исполненіе обязанностей, долга—и здѣсь та же постепенность: прежде всего обязанности по отношенію къ Богу, затѣмъ къ самому себѣ и, наконецъ, къ ближнимъ, но и тутъ выполняются всѣ обязанности. Параллель между коммерческой и духовной жизнью, коммерческая подкладка и коммерческій духъ религіозно-нравственнаго ученія [1]).

Новые догматы проникаютъ въ жизнь—создается мало-по-малу типъ предпринимателя, придерживающагося новыхъ идей и принциповъ. Онъ возникаетъ среди нидерландскихъ иммигрантовъ въ Англіи: ихъ бережливость, прилежаніе и предусмотрительность ставятся въ XVII вѣкѣ въ примѣръ англичанамъ, такъ же, какъ простота ихъ жизни. Честенъ, какъ гугенотъ—гласитъ англійская поговорка того времени. Имѣя доходъ, при которомъ англичанинъ едва сводитъ концы съ концами, голландцы въ состояніи накоплять богатства—таково общее мнѣніе.

Но вскорѣ за ними слѣдуютъ и англичане. Возникаетъ новый средній классъ—протестантскихъ торговцевъ, ремесленниковъ, скупщиковъ-предпринимателей („гдѣ еретики, тамъ и торговля" — говоритъ Петти), старающихся создать новое раціональное предпріятіе, а сочиненіе Франклина „The Way of Wealth", содержащее квинтессенцію его ученій, выходитъ въ нѣсколькихъ десяткахъ изданій, перепечатывается во всѣхъ англійскихъ газетахъ, его проповѣдь вызываетъ широкій интересъ къ себѣ среди публики. Духъ раціонализма проникаетъ повсюду—въ область сельскаго хозяйства, гдѣ лорды стараются—какъ мы видѣли выше (стр. 251, 255, 266—67)—использовать паровыя поля, улучшать болотистыя почвы, воздѣлывать полезныя растенія, разводить рогатый скотъ для убоя. Еще сильнѣе онъ обнаруживается въ промышленности и торговлѣ,—въ стремленіи завоевать рынокъ для англійскаго сукна производствомъ матерій высокаго качества и добросовѣстнымъ выполненіемъ обязательствъ, въ скромномъ образѣ жизни и трудолюбіи предпринимателей. Въ Манчестерѣ, гдѣ возникла новая хлопчатобумажная промышленность, въ началѣ XVIII ст. скупщики-мануфактуристы работали не покладая рукъ, отличаясь большой бережливостью. До появленія машинъ, они, сходясь вечеромъ въ тавернѣ, тратили не болѣе 6 пенсовъ на стаканъ пива и 1 пенса на табакъ; тотъ, кто угощалъ своихъ гостей иностранными винами, вызывалъ удивленіе и пересуды среди сосѣдей. Распространяется бухгалтерія—выраженіе раціональнаго хозяйства, ибо новому предпринимателю приходится постоянно считать и считать, сравнивать доходы съ расходами, опредѣлять, насколько велика прибыль и увеличился ли капиталъ. Для изученія счетоводства „по венеціанскому способу" (т. е. двойной итальянской бухгалтеріи), молодые англичане отправляются въ Гентъ, Роттердамъ и Амстердамъ: въ Голландіи, по словамъ Франклина, искусство веденія торговыхъ книгъ преподавалось даже въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. „Бухгалтерія проникаетъ повсюду; вся жизнь превращается въ количественныя цѣнности, составляется счетъ прибылей и убытковъ по способу двойной бухгалтеріи".

[1]) См. William Penn. Some Fruits of Solitude. (Новое изд. 1903 г.).

Въ связи съ возникновеніемъ предпріятія новаго типа, покоющагося на трудѣ его владѣльца, на его бережливости и разсчетливости, на честности и добросовѣстности, на точномъ счетоводствѣ, — въ связи съ этимъ должны были измѣниться и установившіеся вѣками обычаи коммерческой жизни. Новая коммерческая мораль требовала отъ предпринимателя иниціативы, требовала „honesty"; но она не могла мириться со старыми идеями, проникнутыми цеховымъ духомъ, согласно которымъ каждому отведенъ опредѣленный районъ и онъ не можетъ расширять свою дѣятельность въ ущербъ другимъ. Вѣдь такой принципъ лишалъ возможности проявить свою иниціативу и предпріимчивость, находился въ полномъ противорѣчіи съ характеромъ предпріятія, построеннаго на новыхъ началахъ. Отсюда борьба со старой коммерческой этикой, съ ея представленіемъ о недопустимости конкурренціи съ сосѣдями, о недозволенности различныхъ способовъ привлеченія покупателей; борьба со всѣми тѣми, кто изъ принципа или изъ соображеній собственной выгоды считалъ необходимымъ поддерживать старый порядокъ.

Сколь ни зазорнымъ считалось извѣщеніе купцомъ о продаваемыхъ имъ товарахъ, о преимуществахъ ихъ, по сравненію съ товарами другихъ торговцевъ, все же такая реклама распространяется уже въ теченіе XVII ст. въ Нидерландахъ, причемъ раздача объявленій на улицахъ вскорѣ смѣнилась помѣщеніемъ ихъ въ газетахъ—гентская газета 1667 г. содержитъ повидимому первое такое объявленіе. Въ Англіи газетныя объявленія появляются съ 1682 года; но еще долго господствующую форму составляютъ анонсы, раздаваемые на улицѣ, и только съ XVIII ст. входитъ въ обычай и публикація въ газетахъ. Постлетуайтъ въ своемъ „Dictionnary" 1751 г. говоритъ, что то, что еще недавно считалось недопустимымъ для купца, пользующагося уваженіемъ, теперь стало обычнымъ: даже весьма кредитоспособные купцы сносятся съ публикой посредствомъ газетныхъ объявленій въ качествѣ наиболѣе простого способа оповѣщенія о предлагаемыхъ товарахъ.

Во французскихъ политическихъ газетахъ Hatin до 1762 г. не нашелъ и тѣни объявленій. Напротивъ, въ спеціальныхъ листкахъ для объявленій (affiches, annonces, avis) помѣщались уже въ началѣ XVIII ст. извѣщенія о продаваемыхъ товарахъ; такимъ путемъ, напр., парижская публика оповѣщалась о продажѣ (изготовляемыхъ въ предмѣстьяхъ, которыя пользовались особыми привилегіями) запрещенныхъ бумажныхъ набивныхъ тканей (см. выше, стр. 323). Распространяются и плакаты, наклеиваемые на стѣнахъ домовъ, причемъ промыселъ наклейки ихъ составлялъ въ Парижѣ привилегію особой корпораціи изъ 40 человѣкъ [1]).

Постепенно сталъ входить въ моду и другой обычай, долгое время считавшійся недозволеннымъ, пріемъ „ловли покупателей"—привлеченіе ихъ витринами и внутреннимъ убранствомъ магазина. Въ Лондонѣ—какъ сообщается въ одномъ англійскомъ сочиненіи 1739 г.—„появились стеклянные шкафчики передъ лавками, въ которыхъ торговцы выставляютъ все, что у

[1]) „Ихъ ровно сорокъ—иронизируетъ одинъ авторъ—подобно членамъ академіи, а для большаго сходства между тѣми и другими установлено, что ни одинъ afficheur не можетъ занять эту должность, если онъ не умѣетъ читать и писать".

нихъ имѣется наиболѣе красиваго, чтобы привлекать публику“ [1]). Тамъ же — указывается въ различныхъ справочникахъ половины XVIII вѣка—для открытія магазина во многихъ отрасляхъ торговли—цвѣточной, парфюмерной, книжной, въ особ. же по продажѣ предметовъ роскоши (зеркалъ, цѣнной мебели, шелковыхъ издѣлій, дорогого бѣлья), необходимъ капиталъ въ размѣрѣ 500—2000 ф. ст. и даже въ 500—5000 ф. ст. Это находится въ связи съ тѣмъ, что прежнія темныя галлереи, въ которыхъ помѣщались лавки, смѣнились иными помѣщеніями, свѣтлыми, удобными для публики, иногда даже элегантно устроенными и богато убранными, съ яркимъ освѣщеніемъ [2]).

Какъ видно изъ приведенныхъ фактовъ, едва ли можно согласиться съ утвержденіемъ Зомбарта въ его сочиненіи „Der Bourgeois“ (1913 г.), что коммерсантъ новаго типа, обнаруживая прилежаніе и энергію, бережливость и разсчетливость, во всемъ остальномъ однако же придерживался старыхъ взглядовъ и не рѣшался еще нарушать правилъ старой коммерческой морали, расширять свой сбытъ путемъ пониженія цѣнъ, рекламы, выставокъ въ магазинахъ и т. д. Тотъ же Зомбартъ въ другомъ своемъ сочиненіи (Luxus und Kapitalismus. 1912. p. 156) признаетъ, что уже съ конца XVII ст. „англійская розничная торговля проникнута духомъ экономическаго раціонализма, сознаніемъ необходимости вести борьбу съ сосѣдями-конкуррентами, изобрѣтать и примѣнять наиболѣе цѣлесообразные способы привлеченія покупателей“.

Столь же неправильной является и терминологія Зомбарта, называющаго новое предпріятіе, построенное на началахъ раціонализма, капиталистическимъ. Развѣ можно отрицать—если употреблять этотъ терминъ—капиталистическій характеръ заокеанскихъ акціонерныхъ компаній или биржевой спекуляціи; а между тѣмъ предпріятіе новаго типа составляетъ нѣчто совершенно отличное отъ нихъ и даже противоположное имъ. Характерная особенность его заключается не въ капиталистическомъ характерѣ, а въ духѣ свободной конкурренціи, которымъ оно проникнуто.

Средствомъ расширенія круга своихъ покупателей, въ особ. за предѣлами даннаго города, и средствомъ расширенія производства является и пользованіе услугами комивояжеровъ, разсылка приказчиковъ съ образцами товаровъ по различнымъ городамъ и ярмаркамъ. До тѣхъ поръ, пока манчестерскій купецъ развозилъ самыя матеріи на вьючныхъ лошадяхъ по странѣ, онъ могъ это дѣлать лишь въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ, ибо перевозка ихъ и обратный транспортъ, если они оказывались непроданными, были сопряжены съ большой потерей времени и денегъ и порчей товара. Уже съ 1740-хъ годовъ прибѣгаютъ поэтому къ разсылкѣ взамѣнъ этого „верховыхъ приказчиковъ“ съ образцами и такимъ путемъ конкуррируютъ съ предпринимателями на протяженіи всей Англіи. Мало того, въ теченіе того же XVIII ст. англійскіе коми-вояжеры появляются далеко за предѣлами своей родины—Musterkarten-Reiter или Ellen-Reiter (въ виду продажи тканей аршинами) называли ихъ въ Германіи. Въ отчетѣ о лейпцигской ярмаркѣ 1774 года указывается на то, что, по примѣру прошлыхъ лѣтъ — значитъ этотъ обычай установился уже раньше—пріѣхали на ярмарку англичане съ образцами тонкихъ сортовъ тканей для принятія заказовъ у посѣщающихъ ярмарку купцовъ.

[1]) И въ Парижѣ съ начала XVIII ст. выставляются въ окнахъ магазиновъ модныя матеріи, платья и т. д. (Dépitre. p. 125).

[2]) Разсказываютъ даже, что герцогъ Монакскій, пріѣхавшій въ Лондонъ, по приглашенію короля, былъ настолько пораженъ освѣщеніемъ, что подумалъ, что оно устроено въ его честь.

Точно также—какъ разсказываютъ очевидцы—Германію объѣзжали коми-вояжеры съ образцами всякаго рода бирмингэмскихъ металическихъ издѣлій, причемъ иногда такой коми-вояжеръ возилъ съ собой „не менѣе 200 сортовъ однихъ лишь стальныхъ пуговицъ, пряжекъ, ноженъ для сабель и т. п.“ и „большая комната, въ которой они были разложены, производила впечатлѣніе лавки, хотя у него имѣлся всего одинъ экземпляръ каждаго рода“.

Для созданія новаго предпріятія необходима была борьба и въ другомъ направленіи—борьба не только со старой цеховой моралью, но и съ самымъ цеховымъ строемъ, съ монополіями и привилегіями, съ вмѣшательствомъ въ промышленную жизнь, со всѣми тѣми законодательными постановленіями, которыя связывали промышленника и торговца по рукамъ и ногамъ. Препятствуя новому предпринимателю проявить свою иниціативу, использовать накопленные капиталы, старый строй въ то же время не могъ ему принести никакой пользы, ибо въ этого рода костыляхъ, стѣснявшихъ конкурренцію, онъ не нуждался; онъ строилъ свое благополучіе—какъ мы видѣли на другихъ основаніяхъ.

Въ началѣ XVIII вѣка уничтожены были въ Англіи исключительныя монополіи во вновь возникшихъ отрасляхъ, преимущественно кустарной, промышленности. Въ первой половинѣ XVII ст. въ Англіи отдѣльныя лица (и ассоціаціи владѣли исключительными привилегіями производства и сбыта различныхъ издѣлій. Однимъ принадлежала монополія изготовленія стекла, другимъ—булавокъ, третьимъ—мыла, различныхъ тканей, эксплоатація мѣдныхъ, свинцовыхъ и иныхъ рудниковъ и т. д. При Карлѣ I такія привилегіи раздавались—за высокую плату—въ большомъ количествѣ; самъ король скупалъ грузы перца, привозимые остъ-индской компаніей, и занимался продажей ихъ, создавая себѣ монополію въ области сбыта перца. Неудивительно, что въ этихъ исключительныхъ привилегіяхъ принимали дѣятельное участіе придворные, знатные лорды, адмиралы, являясь посредниками между королемъ и предпринимателями при полученіи послѣдними привилегій, или же выговаривая въ свою пользу монополію производства тѣхъ или иныхъ товаровъ. Извѣстный мореплаватель Вальтеръ Ралей эксплоатировалъ привилегію добычи жести, одному аристократу принадлежало право изготовленія булавокъ, другой участвовалъ въ производствѣ бобровыхъ шапокъ. Въ одномъ случаѣ даже Карлъ I самъ былъ удивленъ, узнавъ что Робинъ Манцеллъ, „извѣстный въ качествѣ моряка и на этомъ поприщѣ стяжавшій себѣ много почестей“—онъ былъ адмираломъ и пріобрѣлъ исключительную привилегію выдѣлки стекла—„отъ воды перешелъ къ огню, хотя они являются совершенно различными элементами“.

Однако съ теченіемъ времени въ Англіи промышленныя монополіи стали разсматриваться въ качествѣ недопустимыхъ злоупотребленій, съ которыми слѣдуетъ бороться, ибо они стѣсняютъ развитіе промышленности въ странѣ. Въ 1640 г. Джонъ Кольпенеръ говорилъ въ парламентѣ, что „монополисты“, подобно лягушкамъ въ Египтѣ, поселились въ домахъ и съ головы до ногъ покрыли человѣка своими знаками. Парламентъ принялъ рѣшеніе, согласно которому ни одинъ монополистъ не можетъ быть членомъ пар-

ламента. И дѣйствительно, въ слѣдующемъ году четыре владѣльца исключительныхъ привилегій были удалены изъ его состава. Съ этого времени начинается сильная борьба съ монополистами, этими кровопійцами и чудовищами, какъ ихъ называли въ народѣ. Монополіи уничтожаются: съ конца XVII ст. король окончательно лишается права раздачи ихъ безъ согласія парламента, парламентъ же отказываетъ въ выдачѣ разрѣшеній и съ начала XVIII ст. въ Англіи дѣйствительно не существуетъ болѣе исключительныхъ привилегій въ области производства и торговли внутри страны. Исчезла „воспитательная" система, какъ ее называли сторонники монополій; производителямъ была предоставлена возможность изготовлять всякаго рода товары и сбывать ихъ въ любое время и по любой цѣнѣ.

Но такъ это было даже въ Англіи лишь во вновь возникшихъ областяхъ преимущественно крупной промышленности. Въ сферѣ же ремесла и вообще во всѣхъ тѣхъ производствахъ, гдѣ господствовали цехи, ихъ монополія еще и въ теченіе XVIII вѣка сохранялась; существовала попрежнему и регламентація производства въ старыхъ отрасляхъ промышленности, напр. въ шерстяной индустріи. Пользованіе тѣми или другими инструментами, качество издѣлій, число подмастерьевъ и учениковъ, размѣръ заработной платы и цѣны товара,—все это подлежало попрежнему регламентаціи. Правда въ теченіе XVIII вѣка и въ этихъ направленіяхъ замѣчаются въ Англіи облегченія, прежнія стѣсненія постепенно теряютъ свою силу, но все это происходитъ лишь послѣ и подъ вліяніемъ сильной борьбы за экономическую свободу—free trade. Еще крѣпче всѣ эти устои стараго промышленнаго уклада были, конечно, на континентѣ Европы—тамъ лишь въ концѣ XVIII вѣка, и то только во Франціи, прежняя политика регламентаціи промышленности терпитъ крушеніе въ отдѣльныхъ областяхъ.

Борьба за „свободную торговлю" въ широкомъ смыслѣ этого слова начинается уже въ XVII вѣкѣ, въ особ. въ Голландіи; Питеръ-де-ла-Куртъ выступаетъ противъ монополіи цеховъ, которые лишаютъ населеніе возможности покупать товары у иногороднихъ, хотя бы послѣдніе продавали лучшіе и болѣе дешевые товары. Вслѣдствіе монопольнаго положенія, цеховые мастера становятся лѣнивыми, ибо „лишь голодъ заставляетъ попугая говорить, а въ нуждѣ и старуха поскачетъ". Онъ протестуетъ противъ регламентовъ, устанавливающихъ размѣръ, длину и ширину тканей и прочихъ товаровъ и признающихъ всѣ иныя издѣлія обманными. На самомъ дѣлѣ—продолжаетъ де ла Куртъ—обманъ имѣется лишь тамъ, гдѣ доставляются товары не того качества или не по той цѣнѣ, какъ условлено. Онъ является противникомъ и заокеанскихъ компаній, находя, что торговля съ Остъ-Индіей развивалась бы еще успѣшнѣе, если бы не составляла исключительной привилегіи компаніи. Онъ находитъ—это особенно характерно,—что принципъ торговли долженъ заключаться въ стремленіи къ большимъ оборотамъ при незначительной прибыли на каждой единицѣ товара, тогда какъ компаніи придерживаются противоположнаго правила (небольшой оборотъ—высокая прибыль). Вообще Питеръ де ла Куртъ уже въ половинѣ XVII вѣка настаивалъ на свободѣ во всѣхъ направленіяхъ—свободѣ вѣроисповѣданій, свободѣ избранія мѣстожительства, свободѣ промысловъ, торговли, рыболовства, колоній. Онъ уже

тогда утверждалъ, что при отсутствіи стѣсненій со стороны властей каждый стремится къ собственной выгодѣ, а это выгодно для всего населенія.

Съ конца XVII вѣка—какъ мы видимъ, и тутъ Голландія идетъ впереди другихъ странъ—находимъ и въ Англіи сторонниковъ свободной конкуренціи, настаивающихъ на свободѣ промысловъ и выступающихъ противъ монопольныхъ компаній (напр., Englands Great Happiness неизвѣстнаго автора, 1677 г., Dudley North, Discourses upon Trade etc. въ концѣ XVII ст.). Въ XVIII ст. это теченіе расширяется, перебрасывается и на континентъ Европы—во Францію, гдѣ появляется новое ученіе физіократовъ, возстающихъ противъ меркантилизма. Въ противоположность большинству меркантилистовъ, они придаютъ особенное значеніе земледѣлію и въ интересахъ послѣдняго требуютъ свободной торговли. Но затѣмъ идутъ и дальше—заявляя „pour gouverner mieux il faudrait gouverner moins“, настаиваютъ на принципѣ: laissez faire, laissez passer. А Тюрго, ставши министромъ финансовъ въ 1774 г., осуществляетъ эти идеи на практикѣ—устанавливаетъ свободу торговли внутри страны, отмѣняетъ цеховую монополію, предоставляя всякому, даже иностранцу, заниматься любымъ промысломъ. Наконецъ, въ 1776 г. появляется трудъ шотландца Адама Смита—отца политической экономіи, какъ его называютъ—„Изслѣдованіе о природѣ и причинахъ богатства народовъ“, въ которомъ наиболѣе послѣдовательно проводится идея свободной конкуренціи, какъ тотъ принципъ, который необходимъ для достиженія наибольшаго народнаго богатства.

Такимъ образомъ, къ концу XVIII ст. провозглашается лозунгъ свободной конкурренціи, борьбы за новую организацію хозяйственной жизни. Являясь составной частью той свободы, которая вообще устанавливается въ Нидерландахъ и Англіи съ XVII вѣка въ видѣ свободы политической, свободы религіозной, свободы экономической,—послѣдняя вытекала необходимо изъ сущности того новаго предпріятія, которое стало возникать съ XVII вѣка и которое не могло мириться со старымъ хозяйственнымъ укладомъ. Осуществляется этотъ новый лозунгъ уже въ XIX вѣкѣ.

Господствовавшая въ XVII—XVIII ст. экономическая доктрина—меркантилизмъ, какъ ее называли впослѣдствіи противники ея—физіократы, доктрина находившаяся въ тѣсной связи съ практикой того времени, исходила изъ регламентаціи хозяйственной жизни; въ цѣляхъ содѣйствія развитію собственной промышленности и внѣшней торговли насчетъ торговли и промышленности другихъ народовъ. Посредствомъ внѣшней торговли, съ одной стороны, и промышленности, производящей для вывоза, съ другой стороны — промыслы, работающіе для внутренняго рынка, имѣютъ мало значенія — увеличивается богатство страны и облегчается существованіе большаго количества населенія (изреченіе Кольбера). „Мы должны завоевать націи нашей промышленностью, и побѣдить ихъ нашимъ вкусомъ“, говорилъ Кольберъ, ставя себѣ цѣлью поставить другія страны въ такую же экономическую зависимость отъ Франціи, въ какой находилась деревня отъ города. Въ свои же границы государство не должно допускать привоза иностранныхъ промышленныхъ издѣлій: лучше платить дороже за собственные продукты, чѣмъ дешевле за привозные—говоритъ Вилліамъ Стаффордъ; лучше платить два талера, остающіеся въ странѣ, чѣмъ одинъ, уходящій изъ нея, читаемъ у Герника; вообще слѣдуетъ по возможности довольствоваться тѣмъ, что производится въ предѣлахъ государства.

Во всякомъ случаѣ „не слѣдуетъ больше покупать отъ иностранцевъ, чѣмъ продаемъ имъ, ибо это значило бы самимъ обѣднѣть, ихъ же обогатить“. Соотношеніе между первымъ и вторымъ—тѣмъ, что покупается у иностранцевъ, и тѣмъ, что продается имъ, и есть торговый балансъ; выраженіе это—balance of trade—впервые встрѣчается въ сочиненіи Бэкона 1615 г. Торговый балансъ указываетъ на то, обогащается ли государство или бѣднѣетъ, развивается ли его промышленность, растетъ ли его торговля въ интересахъ общаго народнаго блага (Дженовези).

Вмѣстѣ съ тѣмъ благопріятный торговый балансъ обозначаетъ приливъ звонкой монеты въ страну; но запасъ золота и серебра въ странѣ увеличивается вовсе не посредствомъ запрещеній вывоза монеты, ибо стѣсненія вывоза денегъ препятствуютъ развитію торговли. „Деньги подобны сѣменамъ, которыя земледѣлецъ, бросая въ землю, какъ бы расточаетъ, но зато осенью получаетъ обратно въ видѣ обильной жатвы“—говоритъ Томасъ Мэнъ. Ошибочно мнѣніе, будто меркантилисты требовали запрещеній вывоза золота и серебра. Напротивъ, и Джозія Чайльдъ, и Вилліамъ Петти, и Антоніо Серра, и Юсти протестуютъ противъ практикуемой нѣкоторыми государями старинной мѣры запрещеній вывоза монеты и слитковъ. Вывозъ денегъ—говорятъ эти писатели—не уменьшаетъ количества ихъ въ странѣ, а, наоборотъ, служитъ средствомъ къ увеличенію его. Развитіе производства тонкихъ тканей несравненно лучшее средство для того, чтобы имѣть возможность покупать товары у иностранцевъ, не тратя собственныхъ денегъ, чѣмъ запрещеніе вывоза денегъ изъ страны,—читаемъ у Лаффема.

Если у меркантилистовъ и встрѣчается иногда взглядъ на деньги, какъ на богатство само по себѣ—въ чемъ ихъ упрекалъ Адамъ Смитъ и его послѣдователи,—то еще чаще они указываютъ на то, что звонкая монета является только выраженіемъ богатства, развитой промышленности, что количество ея должно соотвѣтствовать потребности въ ней торговаго оборота (Монкретіенъ). Деньги оживляютъ торговлю, „ибо деньги—восклицаетъ Дженовези—играютъ ту же роль въ отношеніи торговли, какъ масло для телѣги; чѣмъ больше телѣгъ, именуемыхъ торговлей, тамъ больше нужно имъ и масла для того, чтобы онѣ двигались“. Развивавшаяся торговля, съ одной стороны, нужда государства въ деньгахъ, въ особенности для содержанія наемныхъ войскъ во время войнъ, съ другой стороны, вызывала потребность въ большемъ количествѣ звонкой монеты, чѣмъ имѣлось въ средніе вѣка. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ тѣ страны, гдѣ развивалась промышленность и внѣшняя торговля, въ Нидерланды, Англію, дѣйствительно приливало золото и серебро, уходя изъ Испаніи, гдѣ обнаруживался полный экономическій упадокъ; такъ что приливъ монеты на самомъ дѣлѣ являлся показателемъ хозяйственнаго развитія страны. И точно также ученіе о томъ, что этотъ приливъ или отливъ денегъ обусловливается торговымъ балансомъ, въ значительной мѣрѣ соотвѣтствовало дѣйствительности въ ту эпоху, когда торговый балансъ почти совпадалъ съ платежнымъ балансомъ.

Въ настоящее время указываютъ на то, что приливъ или отливъ монеты является послѣдствіемъ платежнаго баланса, который опредѣляется не только цѣнностью привозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ, но также иными платежами, особенно въ видѣ фрахта за перевозку товаровъ на судахъ другихъ странъ, въ видѣ процентовъ, уплачиваемыхъ по иностраннымъ фондамъ, и въ видѣ уплаты по векселямъ. Однако, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что не только Кромвель посредствомъ навигаціоннаго акта, но и Франція и другія страны старались затруднить перевозку своихъ товаровъ на чужихъ судахъ; и точно также государственные займы въ Нидерландахъ и Англіи съ конца XVI ст., во Франціи съ половины XVII ст., заключались внутри страны, и доктрина именно требовала этого. Слѣдовательно, и оба эти момента учитывались, понимали, что и они вліяютъ на притокъ и отливъ монеты и старались ихъ регулировать соотвѣтствующимъ образомъ. Что же касается другихъ обстоятельствъ, въ особенности платежей по векселямъ, то векселя въ международныхъ платежахъ въ тѣ времена, вслѣдствіе сравнительно небольшого ихъ распространенія, не могли еще оказывать существеннаго вліянія на платежный балансъ.

Большинство меркантилистовъ усматриваютъ богатство страны въ развитой промышленности и торговлѣ и мало интересуются земледѣліемъ или

касаются его лишь вскользь, какъ, напр., Моншретіенъ, называющій его „ногами государства". Нѣкоторые, впрочемъ, въ особенности англійскіе меркантилисты, указываютъ на то, что ростъ торговли чрезвычайно важенъ и для сельскаго хозяйства, которое съ развитіемъ торговли находитъ лучшій сбытъ для своихъ продуктовъ и доставляетъ болѣе высокую ренту. Другіе же писатели этой эпохи требуютъ въ интересахъ развитія сельскаго хозяйства свободы вывоза хлѣба, такъ какъ иначе цѣны на хлѣбъ слишкомъ низки для земледѣльца; при этомъ французы, Буагильберъ, Монтескье, д'Аржансонъ и др., ставятъ въ примѣръ англійскій законъ 1689 г., предотвращающій слишкомъ высокія, какъ и слишкомъ низкія хлѣбныя цѣны. Нѣкоторые идутъ и дальше— возстаютъ противъ крупныхъ компаній, въ рукахъ которыхъ находится монополія торговли, вообще противъ вмѣшательства государства въ хозяйственную жизнь. Этимъ намѣчаются два основныхъ положенія ученія физіократовъ, школы, господствовавшей въ Франціи во второй половинѣ XVIII вѣка, — покровительство земледѣлію и экономическая свобода.

Основой школы физіократовъ (или экономистовъ, какъ они себя называли) является ученіе Кене (François Quesnay, 1694 — 1774). Послѣднее изложено главнымъ образомъ въ двухъ его сочиненіяхъ: во 1-хъ, въ Tableau économique, которое физіократы называютъ „основой экономической науки и компасомъ для правительства: лишь съ появленіемъ его экономическая наука стала точной наукой, подобно математикѣ". Оно даетъ возможность выяснить, находится ли государство въ состояніи здоровомъ или больномъ и идетъ ли по пути къ улучшенію или къ ухудшенію. Дополненіемъ къ нему являются „Maximes du gouvernement économique": когда установленъ діагнозъ, они указываютъ средства леченія, законы и постановленія, которые необходимо издать. Максимы являются императивами, принципами экономической дѣятельности, исходящими изъ идеальнаго состоянія общества и являющимися для законодателя путеводной звѣздой; впрочемъ, Кене и его послѣдователи понимали, что въ жизни это состояніе, а слѣдовательно и требованія, выраженныя въ „Maximes", никогда вполнѣ не достижимы.

Основныя положенія Кене состоятъ въ слѣдующемъ. Самое важное занятіе для человѣка земледѣліе, ибо земля составляетъ единственный источникъ богатствъ (l'unique source des richesses), и все, что вредно земледѣлію, вредно и народу и государству: „pauvre paysan, pauvre royaume; pauvre royaume, pauvre roi". Напротивъ, торговля и промышленность являются лишь дополненіемъ къ земледѣлію, и онѣ выгодны для государства только тогда, когда занимаются обработкой или сбытомъ собственнаго сырья, а не привознаго, ибо только тогда онѣ полезны для земледѣлія.

Населеніе состоитъ изъ трехъ классовъ. Первый изъ нихъ — производительный классъ земледѣльцевъ (classe productive), который, благодаря содѣйствію силъ природы, создаетъ новыя цѣнности, избытокъ сверхъ затраченнаго труда и иныхъ издержекъ — produit net. Но для этого необходимо, чтобы земледѣльцы были самостоятельными предпринимателями, арендаторами крупныхъ фермъ съ собственнымъ капиталомъ, имѣли значительное количество скота, обрабатывали землю при помощи лошадей и разводили кормовыя травы.

Классъ землевладѣльцевъ (classe des propriétaires, classe mixte или classe disponible) правда самъ не занимается обработкой земель, но землевладѣльцы первоначально превратили землю въ пашню, построили необходимыя сельскохозяйственныя зданія, да и теперь они еще производятъ затраты на осушеніе и орошеніе почвы, сооруженіе дорогъ и каналовъ, а безъ этихъ затратъ земля не давала бы чистаго дохода — produit net. За это они получаютъ отъ земледѣльцевъ въ видѣ ренты чистый доходъ — produit net, за вычетомъ прибыли, поступающей въ пользу арендатора.

Наконецъ, третій классъ—промышленный и торговый; это классъ непроизводительный (classe sterile или stipendiée), ибо онъ ничего не прибавляетъ новаго къ цѣнности продукта: то, что онъ присоединяетъ къ ней, равняется затраченнымъ во время производства расходамъ на пропитаніе. Этотъ классъ имѣетъ право лишь на вознагражденіе, необходимое для его пропитанія; если же получается избытокъ сверхъ этого, то это происходитъ на счетъ другихъ и составляетъ послѣдствіе монополій, привилегій и запрещеній, установленныхъ въ интересахъ торговли и промышленности.

Государство очевидно должно прежде всего имѣть въ виду интересы сельскаго хозяйства; для послѣдняго же имѣеть важное значеніе высокая цѣна на хлѣбъ,—это „альфа и омега экономической науки“. Если земледѣлецъ въ состояніи сбывать свои товары по высокой цѣнѣ, то онъ имѣетъ возможность увеличивать помѣщаемый въ земледѣліи капиталъ, доставлять высокую ренту классу землевладѣльцевъ и хорошо оплачивать промышленниковъ и рабочее населеніе. Это не должна быть однако чрезмѣрно высокая цѣна, такъ какъ послѣдняя скоро смѣняется очень низкой; нужна цѣна средняя, свободная отъ колебацій, которыя особенно пагубны для земледѣлія. Такая цѣна достигается не установленіемъ таксъ или устройствомъ хлѣбныхъ магазиновъ, а допущеніемъ свободнаго вывоза хлѣба,—это показываетъ опытъ Англіи.

Такимъ образомъ, необходима свободная конкуренція (la pleine liberté de la concurrence), отмѣна всякихъ стѣсненій, привилегій и монополій; тогда получается естественное состояніе. Поэтому основное требованіе: laissez faire, laissez passer. Отсутствіе же конкуренціи доставляетъ болѣе сильному власть надъ слабымъ.

Послѣдователи Кенe, физіократы съ Мирабо во главѣ, выдвинули на первый планъ требованіе экономической свободы: liberté sacrée et absolue. Всякое вмѣшательство либо излишне, ибо жизнь сама создаетъ естественный порядокъ, либо оно вредно, если намѣрено измѣнить естественный порядокъ. Il mondo va de se — измѣнить этотъ порядокъ можетъ только Богъ. Законодательное регулированіе хозяйственной жизни есть тиранія, а слѣдовательно, безсмысленно. Единственное, что можетъ сдѣлать правительство, это воздерживаться отъ дѣйствій. „Свобода есть основной божескій и человѣческій законъ, и всякое вмѣшательство равносильно убійству, отравленію колодцевъ, даже государственной измѣнѣ“.

На этомъ настаиваетъ и Тюрго, говоря, что законы не должны ничего уничтожать въ томъ, что создаетъ естественный порядокъ, и ничего не должны прибавлять къ нему. Его взглядъ рѣзко выражается въ ученіи о процентѣ: Тюрго возстаетъ противъ установленія максимума. Свобода опредѣленія размѣровъ процента вытекаетъ изъ свободы торговли, а послѣдняя, въ свою очередь, изъ права собственности, т. е. изъ права индивида свободно распоряжаться принадлежащими ему предметами какъ въ производствѣ, такъ и въ потребленіи. Если же существуютъ случаи, когда высокій процентъ убыточенъ для людей, именно для людей расточительныхъ, то они, а не законъ должны заботиться о сохраненіи своего имущества.

Наконецъ, Адамъ Смитъ—сочиненіе его (появившееся въ 1776 году) называли наиболѣе выдающимся трудомъ, какой знаетъ экономическая наука (какъ сказалъ еще Стюартъ—первый біографъ Смита), а по словамъ Бокля, оно является даже наиболѣе замѣчательнымъ произведеніемъ, когда-либо написаннымъ,—Адамъ Смитъ отказывается отъ односторонностей, какъ меркантилизма съ его поощреніемъ промышленности и экспортной торговли, въ цѣляхъ увеличенія количества денегъ въ странѣ, которыя онъ вообще не признаетъ богатствомъ, такъ и физіократовъ, для которыхъ все существуетъ лишь постольку, поскольку оно создаетъ produit net—„здѣсь палка столь же сильно перегнута въ другую сторону“: цехи и протекціонная система, подушная подать и налоги на потребленіе осуждаются лишь потому, что они наносятъ ущербъ сельскому хозяйству. Въ противоположность имъ, Адамъ Смитъ признаетъ истиннымъ источникомъ богатства трудъ, всякій трудъ—въ городѣ и деревнѣ, въ области сельскаго хозяйства и промышленности; трудъ вездѣ производителенъ, если только онъ оставляетъ слѣды, результаты въ видѣ продуктовъ. Земля сама по себѣ еще не есть богатство; квадратная миля въ американскихъ лѣсахъ едва въ состояніи прокормить семью гуроновъ, живущихъ охотой; но воздѣланная человѣческимъ трудомъ она доставляетъ пропитаніе тысячамъ людей. „Годовой трудъ представляетъ собою главное средство, ежегодно доставляющее народу всѣ предметы для удовлетворенія какъ насущныхъ потребностей, такъ и удобствъ жизни; всѣ эти предметы либо производятся непосредственно его трудомъ, либо вымѣниваются у другихъ народовъ въ обмѣнъ на отдаваемые продукты народнаго труда“. Но для того, чтобы трудъ былъ возможно болѣе производителенъ, необходимы два условія. Первое—раздѣленіе труда, благодаря которому (онъ приводитъ знаменитый примѣръ булавочной мануфактуры) въ те-

ченіе того же времени производится въ нѣсколько сотъ разъ больше, чѣмъ было бы создано, если бы каждый изготовлялъ весь продуктъ отъ начала до конца. „Между домашней утварью европейскаго государя и утварью трудолюбиваго и бережливаго крестьянина разстояніе будетъ, быть можетъ, меньше, чѣмъ между обстановкой крестьянина и обстановкой какого-нибудь африканскаго царька, царствующаго надъ десятками тысячъ нагихъ дикарей и произвольно распоряжающагося ихъ жизнью и свободой“. Въ этомъ выражаются результаты раздѣленія труда, которымъ культурное общество отличается отъ дикаго состоянія. Другое условіе—свободная конкуренція. При господствѣ ея устанавливается естественная цѣна, соотвѣтствующая издержкамъ производства (она содержитъ заработную плату рабочаго, прибыль капиталиста и ренту землевладѣльца). Если рыночная цѣна падаетъ ниже этого уровня, то сокращается производство даннаго рода товаровъ, уменьшается приливъ труда и капитала и цѣна снова возвращается къ своему естественному уровню; точно также возрастаніе рыночной цѣны надъ этимъ уровнемъ вызываетъ расширеніе производства, пока цѣна снова не упадетъ до естественнаго предѣла. При существованіи вполнѣ свободной конкурренціи каждый старается производить возможно дешевле и лучше для того, чтобы конкурренты его не вытѣснили. Такимъ образомъ, преслѣдуя собственную выгоду, каждый въ этомъ случаѣ избираетъ тотъ путь, который наиболѣе выгоденъ для всего общества. Отсюда—требованіе отмѣны всего того, что ограничиваетъ свободу конкурренціи; всего, что стѣсняетъ свободу передвиженія внутри страны и приложенія занятій—законовъ объ осѣдлости, объ ученичествѣ, цеховъ; всѣхъ ограниченій въ области внѣшней торговли—запрещеній привоза и вывоза, протекціонныхъ пошлинъ, монопольныхъ компаній. Государство не должно вмѣшиваться въ хозяйственную жизнь, оно не имѣетъ возможности руководить трудомъ людей и направлять его наиболѣе выгоднымъ образомъ; поскольку же оно вмѣшивается, это идетъ на пользу не болѣе слабымъ, а болѣе сильнымъ, не рабочимъ, а хозяевамъ. „Мы не знаемъ постановленій парламента, направленныхъ противъ стачекъ, имѣющихъ цѣлью пониженіе заработной платы, но мы имѣемъ много постановленій противъ заговоровъ, старающихся повысить ее“. Государство должно ограничиваться защитой страны отъ внѣшняго врага и поддержаніемъ порядка внутри страны. Все остальное достигается человѣческимъ эгоизмомъ, частной иниціативой, стремленіемъ каждаго къ наибольшей выгодѣ.

Такимъ образомъ, Адамъ Смитъ, притомъ совершенно независимо отъ физіократовъ, выставилъ своимъ лозунгомъ экономическую свободу, но во имя не одного только сельскаго хозяйства, какъ физіократы, а ради достиженія наибольшаго народнаго богатства вообще. Сочиненіе его болѣе и дольше, чѣмъ какое-либо другое, владѣло умами и теоретиковъ и практиковъ [1]). Идеи его были осуществлены въ слѣдующую эпоху: подъ знаменемъ свободной конкурренціи идетъ борьба за новую организацію хозяйственной жизни.

---

[1]) Еще при жизни Смита (онъ умеръ въ 1790 г.) оно выдержало пять изданій и было переведено на рядъ иностранныхъ языковъ.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Новѣйшее время.

(Общій обзоръ періода со времени французской революціи до 60-хъ годовъ XIX вѣка).

Литература. Населеніе. Wappäus. Allgemeine Bevölkerungsstatistik. 1859. *Brachelli. Die Staaten Europas.* Vergleichende Statistik. H. I. 3. Aufl. 1875. *Levasseur. La population française.* 1889—1892. *Legoyt. Du progrès des agglomerations urbaines* et de l'émigration rurale en Europe et particulièrement en France. 1870. *L. Bertillon. La démographie figurée de la France.* 1874. *Meuriot. Des agglomérations urbaines dans l'Europe contemporaine.* 1898. *Mac. Culloch. A statistical account of the British Empire.* 1 изд. 1837. 4 изд. 1854. Его же. *A Dictionary, georaphical, statistical and historical* etc. 1 изд. 1841—42. *Longstaff. Studies in Statistics.* 1891. *Weber. The Growth of Cities in the nineteenth Century.* 1899. *Goldstein. Berufsgliederung und Reichtum.* 1897. Его же. (Гольдштейнъ). *Проблемы населенія во Франціи.* 1903. *Reden. Vergleichende Kulturstatistik.* 1848. *Phillipovich. Auswanderung.* Handwört. der Staatswiss.

Сельское хозяйство. Англія. Литература состоитъ съ одной стороны, изъ изслѣдованій, посвященныхъ огораживаніямъ вообще (частью тѣ же сочиненія, что и для предыдущаго періода), а съ другой стороны, изъ работъ, трактующихъ о т. наз. хлѣбныхъ законахъ и ихъ вліяніи на сельское хозяйство. Послѣдними вызваны преимущественно и анкеты о сельскомъ хозяйствѣ и хлѣбной торговлѣ—важные источники этой эпохи (*Report from the select comittee on the corn trade. 1804. Report relating to the corn laws. 1814. Report on the state of agriculture. 1821. 1833. 1836.* См. также *Hansard. Parliamentary debates*). Важнѣйшія сочиненія: *Prothero. The pioneers and progress of english farming. 1888. Porter. The progress of the nation. 1851. Caird. English agriculture. 1852.* Его-же. *The Landed Interest and the Supply of Food.* 1878. *Tuckett. A History of the Past and Present State of the Laburing Population.* 1846. *Tooke-Newmarch. The History of prices. Nicholson. The History of English Corn Laws. 1904. Brodrick. English Land and English Landlords. 1881. Rae. Why have the Yeomanry perished? Contemp. Rev. 1883.* Levy. *Die Not der englischen* Landwirte *zur Zeit der hohen Getreidezölle.* 1902. Его же. *Entstehung und Rückgang des landwirtschaftlichen Grossbetriebes in England. 1904. Hasbach. Die englischen* Landarbeiter *in den letzten hundert Jahren und die Einhegungen.* 1894. (Schriften des Vereins für Sozialpolitik. B. LIX). *Hammond. The Village* Labourer *1760--1832.* 1911. *Johnson. The Disappareance of Small* Landowner. 1909. *Bowley. Statistics of Wages in the United Kingdom during the last hundred Jears* (Journal of the Royal Statistical Society. T. LXI—LXII. 1898. Agricultural Wages). См. также соч. Рикардо и Мальтуса о земельной рентѣ и хлѣбныхъ законахъ и *I. M. Кулишеръ. Историческія основы ученія Рикардо о поземельной рентѣ.* (Рус. Богатство. 1904).

Франція. Богатая литература относительно отмѣны крѣпостного права и продажи національныхъ имуществъ въ эпоху революціи. Наиболѣе важны: *И. В. Лучицкій. Состояніе земледѣльческихъ классовъ во Франціи наканунѣ революціи и аграрная реформа 1789—1793 г.г. 1912.* Его же. *Крестьянская поземельная собственность во Франціи и продажа національныхъ имуществъ. 1896.* Его же. *Отчужденіе національныхъ имуществъ во Франціи въ концѣ XVIII в.* (Русское Богатство. 1912. Кн. II, IV). *M. M. Ковалевскій. Происхожденіе мелкой крестьянской собственности во Франціи. 1912. Н. И. Карѣевъ. Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи. 1879.* Его же. *Бѣглыя замѣтки по экон. исторіи Франціи. 1912. Minzes. Die Nationalgüterveräusserung während der französischen Revolution.*

1890. Vialay. Les ventes des biens nationaux pendant la révolution française. 1908. Marion. La vente des biens nationaux pendant la révolution. 1908. Sagnac. La legislation civile de la Revolution Française. 1898. Для болѣе поздней эпохи очень мало: кое-что у *Romeuf. La crise agricole sous la Restauration. 1902. Lavergne. Economie rurale de la France depuis 1789. Васильчиковъ. Землевладѣніе и земледѣліе. T. I. 1881. Левитскій. Сельскохозяйственный кризисъ во Франціи.* 1899.

Германія (и Австрія). Сочиненія общаго характера — старое: *Sugenheim. Geschichte der Aufhebung der Leibeigenschaft und Hörigkeit in Europa. 1861.* Новое— *Goltz. Geschichte der deutschen Landwirtschaft. B. II,* а также *Билимовичъ. Германское землеустроительное законодательство. 1908.* (T. I. Раздѣлъ общинныхъ земель). Далѣе рядъ изслѣдованій по исторіи освобожденія крестьянъ въ различныхъ государствахъ—въ значительной мѣрѣ тѣ же сочиненія, которыя указаны для исторіи аграрнаго строя XVII—XVIII ст., какъ-то: Knapp, Grünberg, Hanssen, Ludwig, Wittich, Haussmann; далѣе *Brentano. Die Agrarreform in Preussen. 1897. Goltz. Die ländliche Arbeiterklasse und der preussische Staat. 1893.* Его же. *Die Entwicklung der ostpreussischen Landwirtschaft.* Jahrbuch für Gesetzgebung etc. B. VII. *Wismüller. Geschichte der Teilung der Gemeinländereien in Bayern.* 1903. Münch. Volksw. Studien. 62). *Reinhard. Die Grundentlastung in Württemberg. 1910.* См. также статью *Bauernbefreiung* въ *Handwört der Staatswiss. Ucke. Die Agrarkrisis während der zwanziger Jahre dieses Jahrhunderts. 1888. Anna Neumann. Die Bewegung der Löhne der ländlichen „freien“ Arbeiter etc. im Konigreich Preussen bis 1850.* (Landwirtsch. Jahrbücher. Erg. B. 1901). *Conrad. Die Stellung der landwirtschaftlichen Zölle* in den 1903 zu schliessenden Handelsverträgen Deutschlands. Schriften des Vereins für Sozialpolitik. B. 90. *Mucke. Der Getreideertrag Deutschlands.* 1883. *Paasche. Die Entwicklung der Kaufpreise des ritterschaftlichen Grundbesitzes in Mecklenburg-Schwerin von 1770—1878.* (Jahrbücher für Nationaloekon. 1891).

Промышленность. Англія. О возникновеніи и развитіи крупной промышленности рядъ сочиненій (частью указанныхъ на стр. 189): *Cunningham. Growth of English Industry etc. Toynbee. Lectures on industrial revolution. 1894. Hobson The evolution of modern capitalism. 1894. Marx. Das Kapital. B. I. Mantoux. La révolution industrielle au XVIII siècle. 1906. Schulze-Gävernitz. Der Grossbetrieb. Held. Zwei Bücher zur sozialen Geschichte Englands. 1881. Steffen. Geschichte der englischen Lohnarbeiter. B. II. 1904. Chapman. The Lancashire Cotton Industry. 1904. Clapham. Woollen and Worsted Industries.* 1907. См. также *Wood. Industrial England in the Middle of the Eigteenth Century.* 1909. *Туганъ-Барановскій. Промышленные кризисы.* Изд. 2. 1900. *I. M. Кулишеръ. Эволюція прибыли съ капитала. T. II. 1908.* Девятнадцатый вѣкъ (характеръ промышленной прибыли; ученія о прибыли). Изъ старыхъ сочиненій: *Ure.* Philosophy of manufactures. *Baines.* History of the cotton manufacture. 1835. *Ellison.* Handbook of cotton trade. 1854. *Mc. Culloch. A descriptive and statistical Account of the British Empire. James. Worsted Manufacture.* 1857. *Scrivenor. History of the Iron Trade.* New Ed. 1854. *Meade. The Coal and Iron Industries of the United Kingdom.* 1882. *Gaskell. The Manufacturing Population.* 1833. Спеціально о машинахъ: *Beck. Geschichte des Eisens. B. III—IV. Matschoss. Geschichte der Dampfmaschine. 1901. Grothe. Bilder und Studien zur Geschichte vom Spinnen, Weben, Nähen. 1875. Смайльсъ. Желѣзопромышленники и фабриканты желѣзныхъ издѣлій.* Спб. 1903. По рабочему вопросу (фабричное законодательство, профессіональные союзы и т. д.). *Ludlow and Jones. Progress of the working class. 1867. Plener. Die englische Fabrikgesetzgebung. 1871. Nostitz. Das Aufsteigen des Arbeiterstandes in England. 1900.* (Есть по-рус.). *Marx. Das Kapital. B. I. Engels. Die Lage der arbeitenden Klasse in England.* 2. Aufl. 1892. (Есть по-рус.). *Weyer. Die englische Fabrikinspektion. 1888. Швиттау. Квалифицированный трудъ. I.* Проблема дѣтскаго труда. 1915. *Brentano. Die Arbeitergilden der Gegenwart. 1871—72. Webb. The history of trade unionism. 1894.* (есть рус. пер.). *Levy. Wages and Earnings of the Working Classes.* 1867 и 1885. *Bowley. Wages in the United Kingdom* in the XIX century, 1900. Его же статьи въ Journal of the Statistical Society. т. 63—65 и 68—69.

Франція, Яркую картину положенія промышленности и рабочаго класса въ эпоху революціи и Наполеона I даютъ труды проф. *Е. В. Тарле. Рабочій классъ во Франціи въ эпоху революціи.* 2 тома. 1909—1911 (впервые выясненъ характеръ техники въ эпоху революціи, вліяніе закона о максимумѣ и т. д., на основаніи новыхъ архивныхъ данныхъ) и *Континентальная блокада.* 1913. (T. I. Изслѣдованія

по исторіи промышленности и внѣшней торговли Франціи въ эпоху Наполеона I) [1]. Отмѣна цеховъ: *Martin—Saint—Leon. Histoire des corporation de métiers. Евг. Петровъ. Вопросы промышленности и торговли въ наказахъ депутатовъ третьяго сословія.* (Журн. Мин. Нар. Просв. 1911). Для болѣе поздней эпохи Levasseur. *Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France de 1789 à 1870.* T. I—II. См. *Schoenberg.* Handbuch der politischen Oekonomie. 4. Aufl. B. II. 1. (Gewerbe. T. I). См также *Н. И. Карѣевъ. Бѣглыя замѣтки по экономич. исторіи Франціи.* Серія 2-я. 1915.

Германія и Австрія. Schmoller. Zur Geschichte der deutschen Kleingewerbe im 19 Jahrh. 1870. Wiedfeldt. Statistische Studien zur Entwicklungsgeschichte der berliner Industrie. 1896. Quandt. Die Niederlausitzer Schafwollindustrie in ihrer Entwickelung zum Grossbetriebe. 1895. Zimmermann. Blüte und Verfall des Leinengewerbes in Schlesien. Thun. Die Industrie am Niederrhein. Mischler. Das deutsche Eisenhüttengewerbe. 1852. Engel. Das Zeitalter des Dampfes. 2. A. 1881. Вопросъ о цехахъ: *Adler. Ueber die Epochen der deutschen Handwerker—Politik. 1903. Roehl. Beiträge zur preussischen Handwerkerpolitik vom Allgemeinen* Landrecht *bis zur Allgemeinen Gewerbeordnung. Rohrscheidt. Vom Zunftzwang zur Gewerbefreiheit. 1898. Kaizl. Der Kampf um Gewerbereform und Gewerbefreiheit in Bayern. 1879. Stieda. „Handwerk“ и „Zunft“* въ Handwört. der Staatwiss. *Reschauer. Geschichte des Kampfes der Handwerkerzünfte etc. 1882.* Кромѣ того: *Sombart. Die deutsche Volkswirtschaft im 19. Jahrh.* Lamprecht. *Zur jüngsten deutschen Vergangenheit. B. II. 1.*

Торговля. Общія сочиненія: *Nöel. Histoire du commerce du monde. T. III. 1906.* Lang. *Hundert Jahre Zollpolitik. 1906. Beer. Geschichte des Welthandels. IV. Англія. Н. И. Янжулъ. Англійская свободная торговля. T. II. 1882.* Leon Levi. *History of British Commerce. Cunningham. Growth of English Industry and Commerce II. Richelot. Histoire de la reforme douanière en Angleterre. 1853. Vocke. Geschichte der Steuern des britischen Reichs. 1866. Dowell. History of taxation and taxes. II. Wagner. Finanzwissenschaft.* T. III. 2. *Aufl. 1911.* См. также ук. выше (аграрный строй) сочиненія Porter, Tooke—Newmarch, Levy и др. о хлѣбныхъ законахъ, а также *Raumer. Die Korngesetze Englands. Diehl. Ueber die Frage der Einführung beweglicher Getreidezölle.* Jahrbücher für Nationaloekonomie. 1900. *Henningsen. Die gleitende Scala für Getreidezölle.* 1912. (Probleme der Weltwirtschaft. B. IX), а также *I. M. Кулишеръ. Хлѣбныя пошлины и ихъ вліяніе на народное хозяйство.* (Рус. Эконом. Обозрѣніе. 1904).

Франція. Levasseur. *Histoire du commerce de la France. T. II.* De 1789 à nos jours. 1912. *Arnauné.* Le *commerce exterieur et les tarifs des douanes. 1911. Colin.* La *navigation commerciale au XIX siècle 1901. Тарле. Континентальная блокада.* T. I. 1913. T. II. 1916. *Brandt. Geschichte der französischen Handelspolitik. 1894. Amé. Etudes sur les Tarifs de douanes. T. I. 1876.* Lexis. *Die französischen Ausfuhrprämien. 1870. Pietsch. Die Wirkung der veränderlichen Getreidezölle in Frankreich. 1902.* de Launay. *De l'échelle mobile. (Journal des Economistes. 1859. T. XXI). Boric.* La *société centrale d'agriculture et la loi des cereales* (тамъ же, XXII). *L'echelle mobile des droits sur les blés,* (тамъ-же XXI), *Roulleaux. Réflexions sur l'enquête concernant l'echelle mobile* (тамъ-же, XXII).

Германія и Австрія. Lotz. *Die Ideen der deutschen Handelspolitik. Matlekowits. Die Zollpolitik der oesterreichisch—ungarischen Monarchie. 1877. Mamroth. Die Entwickelung der oesterreichisch-deutschen Handelsbeziehungen. 1887. Krökel. Das preussisch—deutsche Zolltarifsystem.* (Jahrbücher für Nationaloekonomie. 1881). *Freymark. Die Reform der Preussischen Handels-und Zollpolitik 1800—1821.* (Conrads Sammlung. 1898). *Beer. Die oesterreichische Handelspolitik im XIX Jahrh. 1891. Weber. Der deutsche Zollverein. 1872. Emminghaus. Entwickelung, Krisis und Zukunft des deutschen Zollvereins. 1863. Sommerlad. „Zollverein“. Handwört. der Staatswiss. Conrad. Die Stellung der landwirtschaftlichen Zölle.* (Schriften des Vereins für Sozialpolitik. 1900. B. 90). См. также *List.* Das nationale System der politischen Oekonomie. 1840 и ук. соч. Sombart, Lamprecht. *Cohn.* Nationaloekonomie. III.

Денежное обращеніе, кредитъ и банки. Н. Н. Кауфманъ: Неразмѣнныя банкноты въ Англіи. Изд. 2-е. 1915. Его же. *Бумажныя деньги въ Австріи.* 1913. *Maclaren. History of the Currency.* 1858. *K. Helfferich. Geschichte der deutschen Geldreform.* 1898. Его же. *Beiträge zur Geschichte der deutschen Geldreform.* 1898. *I. Hel-*

[1] Въ началѣ 1916 г. вышелъ и второй томъ этого цѣннаго изслѣдованія проф. Тарле (мы уже не могли имъ воспользоваться)—экономическая жизнь королевства Италіи при Наполеонѣ.

ferich. Die Einheit im deutschen Münzwesen. Zeitschr. für ges. Staatswiss. 1850. *Cleymann. Materialien für Münzgesetzgebung.* 1822. *Hoffmann. Die Lehre vom Geld* 1838. *Wagner. System der Zettelbank-Politik.* 1873. *Mac Culloch. Historical scetch of the Bank of England.* 1831. Его же. *A treatise on metallic and paper money and banks.* 1858. *Macleod. The theory and practice of banking.* 5 изд. 1892 (1 изд. 1855 -56). Его же ст. о банкахъ въ Великобританіи въ т. 2 *„History of the banking of all nations"*. *Lawson. History of Banking.* 1850. *Bagehot.* Lombard,—*Street.* 1873 (рус. пер, Е. М. Эпштейна. 1901). *Jevons. Money and the Mechanism of Exchange.* 1875. *Kerr. Scottish Banking.* 1898. *Jaffé. Das englische Bankwesen.* 1904. *Nasse. Das englische Bankwesen.* Zeitschr. für ges. Staatswiss. 1859. *Mamroth. Die schottischen Banken.* Jahrb. für Nationaloekonomie. 1902. B. 24. *Wolowski.* La *Banque d'Angleterre et les Banques d'Ecosse.* 1867. *Wirth. Handbuch des Bankwesens.* 1870. *Hübner. Die Banken.* 1854. *Mehrens. Entstehung und Entwicklung der grossen französischen Kreditinstitute.* 1911. *Aubry.* Les *banques d'émission ou d'escompte.* 1804. *Lavergne.* La *Banque de France et les banques départamentales.* 1865. *Courtois. Histoire des banquesen France.* 1881. *Plenge. Gründung und Geschichte des Crédit Mobilier.* 1903. *Poschinger. Bankwesen und Bankpolitik in Preussen.* 1878. Его же. *Bankgeschichte des Königreichs Bayern. Riesser. Die deutschen Grossbanken und ihre Konzentration.* 4 Aufl. 1912. *Metzler. Studien zur Geschichte des deutschen Effektenbankwesens.* 1911. *Spangenthal. Geschichte der Berliner Börse.* 1903. *Ehrenberg. Grosse Vermögen.* B. I. (Fugger, Rothschild, Krupp). *Model. Die grossen Berliner Effektenbanken.* 1896. *Steiner. Die Entwicklung des Mobilbankwesens in Oesterreich.* 1913. *Loewenstein. Geschichte des württembegischen Kreditbankwesens.* 1912. *Schuhmann. Die Privatnotenbanken.* 1909. *Hecht. Bankwesen und Bankpolitik in den süddeutschen Staaten.* 1880.

Періодъ, обнимающій XIX вѣкъ, у Бюхера не выдѣленъ въ качествѣ самостоятельной эпохи хозяйственной жизни, а включенъ въ періодъ народнаго хозяйства, начинающійся съ XVI вѣка. Марксъ называетъ эпоху съ конца XVIII вѣка періодомъ развитого капитализма или капиталистическаго накопленія. Намъ представляется, однако, болѣе цѣлесообразнымъ—исходя изъ принятой нами періодизаціи (см. выше, стр. 239)—назвать періодъ съ конца XVIII вѣка (и до настоящаго времени) періодомъ международнаго или мірового хозяйства; таковымъ является весь этотъ періодъ, въ отличіе отъ предыдущихъ столѣтій народнаго или національнаго хозяйства. Возникаютъ международные пути и средства сообщенія въ видѣ желѣзныхъ дорогъ, заокеанскаго пароходства и телеграфа; они соединяютъ уже не отдѣльныя части страны между собою, какъ прежде каналы, грунтовыя дороги, почта (для перевозки людей и товаровъ), а цѣлыя государства и части свѣта. Но для мірового рынка работаетъ и промышленность — изъ этого вытекаетъ и сущность и формы промышленности: крупное фабричное производство, основанное на существованіи обширнаго рабочаго класса. Для мірового рынка производитъ и сельское хозяйство, и оно всецѣло зависитъ отъ условій международнаго производства и сбыта. Наконецъ, торговля соединяетъ народы, и даже возстановленіе съ конца XIX ст. протекціонной системы не можетъ остановить ея быстраго развитія.

Къ этой общей характеристикѣ всего XIX вѣка необходимо однако присоединить дополнительные признаки для установленія различія между первыми двумя третями XIX вѣка и концомъ его. Со времени французской революціи исчезаютъ тѣ институты, которые стѣсняли развитіе хозяйственной жизни: въ области сельскаго хозяйства — сеньоріальный строй, чрезполос-

ность участковъ и полевые сервитуты; въ промышленности—исключительныя привилегіи, цеховая система и регламентація производства и сбыта; въ торговлѣ — запрещенія привоза и вывоза, монополіи отдѣльныхъ компаній и ограниченія иностраннаго судоходства. Постепенная отмѣна всѣхъ этихъ стѣсненій дѣлаетъ возможнымъ образованіе міровою рынка и мірового хозяйства—международной торговли, крупной промышленности, раціональнаго сельскаго хозяйства. Вмѣстѣ съ тѣмъ уничтоженіе этихъ ограниченій создаетъ свободу личности, создаетъ экономическую свободу въ ея различныхъ формахъ—свободу производства и сбыта, свободу торговли, свободу договора, свободу передвиженія и избранія занятій. Это установленіе свободъ имѣло огромное значеніе; въ настоящее время даже трудно правильно оцѣнить его. Но все же дальнѣйшаго шага сдѣлано не было — на мѣстѣ стараго порядка не было создано новаго; все свелось къ уничтоженію прежнихъ стѣснительныхъ для народнаго хозяйства институтовъ. Былъ провозглашенъ индивидуализмъ—отрицаніе всякихъ организацій, всякихъ союзовъ всякаго единенія лицъ одной и той же профессіи, одного и того же класса, для совмѣстныхъ дѣйствій, для защиты общихъ интересовъ.

Противоположность этой эпохѣ составляетъ вторая эпоха—съ конца XIX вѣка, когда міровое хозяйство сохраняется и развивается попрежнему, но на пустомъ мѣстѣ, оставшемся отъ разрушеннаго зданія ограниченій XVII—XVIII вѣка, воздвигается новое въ видѣ синдикатовъ и трестовъ профессіональныхъ союзовъ и союзовъ предпринимателей, акціонерныхъ компаній и кооперативовъ, палатъ соглашенія, союзовъ ремесленниковъ и т. д. Эту эпоху можно назвать эпохой союзовъ или, если имѣть въ виду также фабричное законодательство, обязательное страхованіе рабочихъ, муниципальныя предпріятія,—эпохой соціальной (по примѣру Зомбарта), въ отличіе отъ эпохи индивидуалистической предыдущихъ десятилѣтій. Конечно, зачатки этихъ новыхъ явленій (въ особ. фабричнаго законодательства и рабочихъ союзовъ въ Англіи) относятся уже къ предыдущей эпохѣ; но значеніе они пріобрѣтаютъ лишь въ концѣ XIX ст. и только тогда производятъ крупныя измѣненія во всемъ характерѣ экономической жизни.

ГЛАВА I.

Населеніе.

Съ конца XVIII ст. происходитъ быстрый ростъ населенія въ Европѣ. Въ то время, какъ населеніе Европы увеличилось въ теченіе столѣтія съ 1700 до 1800 г., всего на 58 милл. (съ 130 до 188 милл.) или на 45 проц., возростаніе его дало такую же цифру (свыше 40 проц.) всего за полстолѣтія, 1800—1850 г. (со 188 до 267 милл.), т. е. происходило вдвое скорѣе, а до 1870 г. населеніе увеличилось до 308 милл. или за 1800—1870 г.г. возросло на $^2/_3$, т. е. въ теченіе 70 лѣтъ получилось несравненно большее возрастаніе, чѣмъ за предыдущее цѣлое столѣтіе. Наиболѣе быстрый ростъ населенія обнаружился, какъ и слѣдовало ожидать, въ такой промышленной странѣ, какъ Англія, гдѣ прирость населенія за десятилѣтіе составлялъ въ

первой половинѣ XVIII ст. 3 проц., въ 1750—1780 г.г. 6 проц., въ 1780-хъ г.г. 9 проц., въ 1790-хъ г.г. 11 проц., въ 1801—11 г.г. 14 проц., въ 1811—21 г.г. 18 проц. Съ 1821 г. приростъ снова нѣсколько уменьшается, вслѣдствіе чрезвычайно сильной эмиграціи; но все же и въ послѣдующія полвѣка 1821—1871 г., онъ составлялъ по десятилѣтіямъ 16, 14, 13, 12 и 13 проц. Въ то время, какъ населеніе Европы вообще за полвѣка 1800—1850 г.г. увеличивается въ полтора раза, въ Англіи за тотъ же періодъ оно удваивается (съ 8,9 до 17,9 милл.). Оно удваивается и въ другой промышленной странѣ — Саксоніи за полстолѣтія съ 1815 по 1867 г. (болѣе раннихъ данныхъ нѣтъ)—съ 1,2 до 2,4 милл., причемъ особенно быстро растетъ въ 1820-хъ годахъ (21 проц. за десятилѣтіе); тогда какъ въ Германіи въ цѣломъ за 54 года 1816—1870 г.г. населеніе возростаетъ всего на двѣ трети (съ 24,8 до 40,8 милл.), въ Италіи за полвѣка 1812—1861 г.— на 1/4 (съ 19,8 до 25 милл.), во Франціи за 1800—1851 г. на одну треть, если же возьмемъ періодъ 1806—1861 г.г., то также на 1/4 (съ 29,1 до 36,7 милл.).

Наибольшую густоту населенія уже въ 1831 г. (первая бельгійская всеобщая перепись) имѣла Бельгія (123 чел. на кв. килом.), ибо въ Англіи и Саксоніи имѣлось тогда всего 92—94 чел. на кв. килом. Въ половинѣ XIX вѣка Англія имѣла уже 119 (въ 1851 г.) и 133 (въ 1861 г.) жителей, Саксонія 126 (въ 1849 г.) и 133 (въ 1858 г.), Бельгія же 140 (въ 1846 г.) и 147 (въ 1856 г.); тогда какъ Германія въ цѣломъ всего 66 (въ 1850 г.), и 70 жит. (въ 1860 г.), Италія въ 1861 г. 87 жит., а Франція 67 жит., Австрія (въ 1857 г.) и Швейцарія (въ 1860 г.) — 61 жит., только Нидерланды (въ 1859 г.) 100 жит. на кв. килом.

Но быстро возроставшее населеніе не находило себѣ уже пропитанія въ деревняхъ. Наплывъ въ Англіи деревенскаго населенія въ въ города начался уже въ концѣ XVIII ст. и наиболѣе усилился въ первыя десятилѣтія XIX вѣка, вмѣстѣ съ ростомъ крупной промышленности.

Въ 1831 г. въ Англіи болѣе 1/4 населенія проживало въ городахъ съ числомъ жителей свыше 20.000, а двадцать лѣтъ спустя городское населеніе въ Англіи вообще составляло половину всѣхъ жителей страны, еще черезъ 20 лѣтъ—62 проц. Напротивъ, во Франціи въ 1846 г. всего четвертая часть населенія жила въ городахъ (съ населеніемъ свыше 2 тыс.) и даже четверть вѣка спустя (въ 1818 г.) она не превышала 31 проц. Въ Англіи въ 1800 г. имѣлся только одинъ большой городъ (съ населеніемъ свыше 100 тыс. жителей) — Лондонъ, а черезъ полстолѣтія населеніе большихъ городовъ превышало пятую часть всего населенія (22,6 проц.); во Франціи же въ 1801 г. насчитывалось три большихъ города (Парижъ, Марсель и Ліонъ) и они составляли 2,8 проц. населенія; но 50 лѣтъ спустя населеніе большихъ городовъ во Франціи не превышало 4,6 проц. т. е. было въ 5 разъ меньше населенія большихъ городовъ Англіи, и къ упомянутымъ тремъ большимъ городамъ присоединился лишь одинъ новый (Бордо). Все же и во Франціи городское населеніе растетъ значительно быстрѣе населенія въ странѣ вообще, иначе говоря и тутъ происходитъ агломерація населенія: съ 1836 по 1851 г. населеніе въ городахъ съ числомъ жителей свыше 10 тыс. увеличилось на 1/4, тогда какъ въ поселеніяхъ съ

3—10 тыс. жителей всего на 10 проц., а въ поселеніяхъ менѣе 3 тыс.—на $2^{1}/_{2}$ проц. Въ 1841—51 г.г. населеніе 12 крупнѣйшихъ городовъ Франціи повысилось на 19 проц. или въ четверо скорѣе, чѣмъ населеніе страны, а въ 1851—61 г.г. на одну треть или въ 12 разъ быстрѣе общей цифры населенія Франціи.

Только въ Пруссіи городское населеніе въ теченіе первой половины XIX ст. оставалось почти стаціонарнымъ (въ 1800 г. 26,4 проц., въ 1849 г. 28 проц.). Даже въ Саксоніи въ 1849 г. имѣлось всего 5 городовъ съ населеніемъ свыше 10 тысячъ, хотя вообще городское населеніе Саксоніи составляло почти третью часть ея населенія; въ другихъ нѣмецкихъ государствахъ оно равнялось въ половинѣ XIX ст. $^{1}/_{5}$ и менѣе, т. е. находилось почти въ томъ же состояніи какъ и въ концѣ XVIII и началѣ XIX ст.; въ Австріи также населеніе въ городахъ (свыше 2 тыс. жителей) составляло въ 1843 г. менѣе 20 проц. Въ серединѣ XIX ст. и въ Германіи обнаружился сильный избытокъ населенія въ деревняхъ и послѣднее стало въ большомъ количествѣ переселяться въ города: въ 1871 г. городское населеніе германской имперіи составляло болѣе одной трети всѣхъ жителей (36 проц.), превышая уже процентъ городского населенія во Франціи.

На бѣгство деревенскаго населенія въ города раздавались жалобы уже въ XVII—XVIII ст., уже тогда говорили, что большіе города „сдѣлаются могилой королевствъ и націй", и признавали необходимыми „плотины, которыя помѣшали бы волнамъ провинціи наводнить Парижъ". Въ половинѣ XIX вѣка снова обращается вниманіе на ростъ городовъ въ ущербъ деревнямъ въ особ. во Франціи, гдѣ этому явленію приписывается замедленіе прироста населенія. Повторяютъ слова Руссо, что большіе города являются скопищемъ, вреднымъ для населенія какъ въ нравственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи, хотя теперь уже характерная особенность городовъ предыдущихъ столѣтій—превышеніе смертности надъ рождаемостью—отсутствовала. Но борьба съ притягательной силой городовъ, гдѣ „населеніе какъ бы постоянно виситъ надъ пропастью, тогда какъ въ землѣ оно находитъ неизмѣняющійся и постоянно возростающій капиталъ", борьба была едва ли мыслима съ тѣхъ поръ, какъ города стали центрами промышленности.

Въ Англіи рѣзко обнаруживается эта связь между приростомъ населенія и развитіемъ индустріи. Если разобьемъ графства Англіи на три группы съ приблизительно равной площадью, въ зависимости отъ того, какую роль играетъ земледѣліе въ различныхъ графствахъ, то увидимъ, что въ періодъ 1801—31 г.г. въ промышленныхъ графствахъ населеніе возросло на 71 проц., а въ періодъ 1831—61 г.г. на 64 проц., тогда какъ въ земледѣльческихъ графствахъ всего на 41 (первый періодъ) и 18 проц., а въ средней группѣ на 46 и 28 проц. Вообще въ Англіи сельскохозяйственное населеніе постепенно сокращается: въ 1811 г. оно составляетъ 35 проц. всего населенія, а въ 1831 г. 28 проц., въ 1861 г. всего пятую часть населенія (21 проц.). Общее число лицъ, занятыхъ въ земледѣліи, сократилось и абсолютно—это сокращеніе замѣчается уже въ 1830-хъ и 1840-хъ г.г.; въ періодъ 1851—1871 г.г. оно составило свыше 400.000 чел. или 20 проц. Напротивъ во Франціи, хотя къ половинѣ XIX ст. земледѣльческое населеніе и успѣло

сократиться до 57 проц., но все же превышаетъ еще половину населенія; и въ дальнѣйшемъ доля его понижается очень медленно, составляя въ теченіе всего періода 1850—70-хъ годовъ 53—51 проц., т. е. болѣе половины всего населенія. Въ Пруссіи сельскохозяйственное населеніе не только въ началѣ XIX вѣка составляло $^2/_3$ населенія (въ 1816 г. 78 проц.), но и въ половинѣ вѣка равнялось почти $^2/_3$; но зато въ 1867 г. оно понизилось уже до 48 проц., т. е. (какъ и деревенское населеніе) составляло уже меньшій процентъ, чѣмъ во Франціи.

Быстрое возростаніе населенія въ Европѣ является послѣдствіемъ сокращенія смертности при почти не измѣняющейся рождаемости. Исключеніе въ отношеніи рождаемости составляла уже тогда Франція. Въ то время, какъ въ Пруссіи и Вюртембергѣ рождаемость еще въ 1840—1870-хъ г.г. равнялась 38—40 на тысячу, въ Швеціи 30—32, во Франціи она успѣла постепенно сократиться съ 32 въ первое десятилѣтіе XIX ст. до 26 въ 1851—60 г.г.; поэтому средній ежегодный излишекъ рожденій на 1000 душъ составлялъ во Франціи въ 1821—40 г.г. 5 (30 рожденій и 25 смертныхъ случаевъ), а въ 1841—60 г.г. всего 3,2 (26,9 рожденій и 23,7 смертей) и вѣроятный періодъ удвоенія населенія въ 1830—1860 г.г. былъ во Франціи вчетверо больше, чѣмъ въ Англіи или Пруссіи (190 вмѣсто 49 и 54).

Не находя себѣ пропитанія въ деревняхъ, избытокъ населенія направлялся не только въ города, но и за океанъ, въ особ. въ Новый Свѣтъ; безъ этого отлива въ Европѣ обнаружился бы еще гораздо большій ростъ населенія. Эмиграція въ Соединенные Штаты, какъ и эмиграція вообще изъ Европы, еще незначительная до 1830-хъ годовъ, съ усовершенствованіемъ условій транспорта, повышается въ 1831—40 г.г. до $^1/_2$ милл., въ 1840-хъ г.г. до $1^1/_2$ и въ 1850-хъ г.г. до $2^1/_2$ милл., а вообще за полстолѣтія 1820—70 г.г. составляетъ $7^1/_2$ милл. На первомъ планѣ стоятъ Ирландія и Германія съ эмиграціей (за 1820—1870 г.г.) въ 2,4 милл. чел. каждая (вслѣдствіе чего Ирландія при своемъ небольшомъ населеніи съ 1850 г.—единственная въ Европѣ страна—обнаруживаетъ непрекращающуюся убыль населенія) и Англія, изъ которой эмигрировало въ Соед. Штаты 1,4 милл. чел. (кромѣ того въ Канаду, Австралію, Южную Африку). Эти страны доставляютъ вплоть до 1870-хъ г.г. $^6/_7$ всѣхъ европейскихъ эмигрантовъ въ заокеанскія страны.

ГЛАВА II.

Аграрный строй.

Изъ всѣхъ европейскихъ странъ личное освобожденіе крестьянъ ранѣе всего совершилось въ Англіи: не только къ началу разсматриваемой эпохи, но уже за двѣсти лѣтъ до того крестьянское населеніе являлось вполнѣ свободнымъ. И земля принадлежала крестьянамъ на полномъ правѣ собственности,—поскольку крестьяне вообще сохранились въ Англіи. Ибо Англія въ то же время является той страной, гдѣ обезземеленье крестьянъ совершилось раньше, чѣмъ гдѣ-либо, и въ наиболѣе широкихъ размѣрахъ. Какъ мы видѣли выше (см. стр. 261 и сл.), одновременно съ раздѣломъ общин-

ныхъ земель и разверстаніемъ черезполосныхъ участковъ (огораживаніями) въ теченіе XVIII ст. погибалъ классъ мелкихъ земельныхъ собственниковъ и образовывались крупныя помѣстья, которыя сдавались въ аренду цѣликомъ или частями (обыкновенно крупнымъ) арендаторамъ. Эти огораживанія вызваны были въ значительной мѣрѣ стремленіемъ къ расширенію площади земледѣльческой культуры и къ болѣе раціональному хозяйству, что поощрялось ростомъ цѣнъ на хлѣбъ и на продукты животноводства. Но тѣ же причины должны были оказывать еще больше вліянія впослѣдствіи, въ первыя два десятилѣтія XIX вѣка, когда населеніе—какъ мы видѣли выше—чрезвычайно быстро возростало; съ 1750 по 1800 г. сельское хозяйство не въ состояніи было слѣдовать за нимъ столь же ускореннымъ темпомъ. Изъ страны, вывозившей хлѣбъ, Англія уже въ концѣ XVIII ст. превратилась въ страну, нуждающуюся въ привозномъ хлѣбѣ: въ 1741—50 г.г. вывозъ хлѣба изъ Англіи еще составлялъ 850 тыс. кварт. въ годъ, а въ 1773—92 г.г. ежегодный привозъ превышалъ вывозъ на 430 тыс. кв.

Послѣдствіемъ этой потребности въ хлѣбѣ и являлись тѣ обширныя огораживанія, которыя были произведены въ концѣ XVIII и въ первыя десятилѣтія XIX вѣка: (какъ и въ теченіе XVIII ст.) въ 1797 — 1820 г.г. было снова огорожено 3,3 мил. акр. земли. Распаханы были новыя пустопорожнія земли, часто малоплодородныя, песчаныя, дававшія весьма невысокій урожай. Но обработка ихъ была выгодна лишь при высокихъ цѣнахъ на хлѣбъ, и поэтому лендлорды всячески старались удержать высокія цѣны, которыя установились еще во второй пол. XVIII ст., и еще болѣе повысить ихъ. Съ этой цѣлью въ 1791 г. были установлены высокія пошлины на привозной хлѣбъ, чрезвычайно стѣснявшія привозъ иностраннаго хлѣба. Дѣйствительно, цѣна на пшеницу возрастала все болѣе и болѣе: съ 51 шилл. въ 1770-хъ и 1780-хъ г.г. до 68 шилл. въ послѣднее десятилѣтіе XVIII ст., а въ 1804—1813 г.г. до 90 шилл. Та цѣна, которую законодатель считалъ нормальной и старался удержать, не только сохранялась, но, подъ вліяніемъ частыхъ неурожаевъ, высокихъ пошлинъ и войнъ съ Франціей, сильно затруднявшихъ подвозъ хлѣба, росла дальше, превзойдя всѣ ожиданія правительства и землевладѣльцевъ.

Но съ 1815 года, со времени прекращенія войнъ съ Наполеономъ, положеніе измѣнилось—начался періодъ низкихъ цѣнъ на хлѣбъ. Законъ 1814 г. сдѣлалъ ввозъ хлѣба почти совершенно невозможнымъ, ибо привозъ допускался лишь до тѣхъ поръ, пока цѣна хлѣба въ Англіи стояла не ниже 82 шилл.; этотъ законъ, слѣдовательно, какъ бы обезпечивалъ землевладѣльцамъ высокую цѣну въ 82 шилл. На самомъ дѣлѣ, средняя цѣна вмѣсто 82 шилл., къ которымъ стремился законъ, и вмѣсто 90 шилл. за предыдущее десятилѣтіе, составляла въ 1815—1824 г.г. всего 64 шилл., а въ слѣдующія десятилѣтія она стояла еще ниже (1829—38 = = 56 шилл., 1839—48 = 59 шилл.). При такихъ условіяхъ, очевидно, пошлины на хлѣбъ или хлѣбные законы [1]), какъ они назывались, не только не приносили пользы землевладѣльцамъ, но оказывались для нихъ прямо вредными. Несоотвѣтствіе между обѣщанными цѣнами и дѣйствительно на-

[1]) Относительно борьбы за отмѣну „хлѣбныхъ законовъ“ см. ниже, гл. IV.

*

ступившими должно было вызвать полное разстройство всего ихъ хозяйства, такъ какъ землевладѣльцы, разсчитывая на высокія цѣны, производили издержки гораздо болѣе высокія, чѣмъ это было возможно при низкихъ цѣнахъ. Фермеры крупныхъ имѣній находились въ весьма затруднительномъ положеніи, ибо, въ разсчетѣ на сохраненіе прежняго уровня цѣнъ и даже на повышеніе его, они заключили договоры на продолжительное время и согласились на значительное увеличеніе арендной платы. Теперь же, съ паденіемъ цѣнъ на хлѣбъ, они не въ силахъ были уплачивать вдвое и втрое увеличенную аренду. Но еще хуже было положеніе мелкихъ землевладѣльцевъ—іоменовъ. Поскольку они еще сохранились, несмотря на огораживанія эпохи высокихъ цѣнъ, поскольку крестьяне еще не продали тогда своихъ земель—они погибли теперь, въ годы, слѣдовавшіе за 1815 г., въ эпоху паденія цѣнъ, въ періодъ несоотвѣтствія между ожидаемыми и дѣйствительно существующими цѣнами. Въ эпоху высокихъ цѣнъ — какъ указывается въ Report of Agriculture 1833 г. — мелкіе землевладѣльцы обременили свои участки долгами, въ цѣляхъ меліораціи, въ чемъ въ тѣ времена не усматривали никакой неосторожности; теперь же, при низкихъ цѣнахъ, они не въ состояніи были вносить проценты и сводить концы съ концами и вынуждены были продавать свои участки. Въ другомъ Report 1836 г. говорится, что класса крестьянъ уже болѣе не существуетъ.

Періодъ низкихъ хлѣбныхъ цѣнъ оказался и эпохой застоя въ развитіи сельско-хозяйственной культуры Англіи. Послѣ 1814 г. площадь посѣвовъ не расширяется болѣе, огораживанья почти прекращаются (въ 1820—40 г.г. огорожено всего 600 тыс. акровъ вмѣсто 3,3 милл. въ предыдущее 20-лѣтіе). Новыхъ людей, производящихъ опыты въ своихъ помѣстьяхъ и вводящихъ усовершенствованную культуру, не появляется—лорда Тоуншенда и графа Лейчестера никто не смѣнилъ (см. выше, стр. 251). Артуръ Юнгъ постарѣлъ и прекратилъ свою дѣятельность, издаваемые имъ „Анналы" закрылись. Только съ половины 1820-хъ годовъ, т. е. спустя два десятилѣтія, когда землевладѣльцы уже успѣли освоиться съ низкимъ уровнемъ цѣнъ и не вѣрили болѣе въ могущество хлѣбныхъ законовъ, въ сельскомъ хозяйствѣ вновь обнаруживается то оживленіе, которое господствовало въ XVIII вѣкѣ. Въ 1837 г. учреждена Royal Agricultural Society, вернувшаяся къ традиціямъ предыдущаго столѣтія и старавшаяся посредствомъ устройства выставокъ и съѣздовъ и распространенія брошюръ и журналовъ вызвать улучшенія въ посѣвѣ, удобреніи и сельско-хозяйственныхъ инструментахъ, вліять на разведеніе улучшенныхъ породъ скота, на производство дренажа. Успѣхи химіи, примѣняемой со времени Дэви въ области сельскаго хозяйства, открытія Перкса въ отношеніи дренированья почвы, проведеніе желѣзныхъ дорогъ, удешевившихъ перевозку сѣмянъ и удобреній,—все это оказало огромное вліяніе на подъемъ въ области сельскаго хозяйства. Во многихъ мѣстностяхъ съ конца 1830-хъ годовъ производится осушеніе болотъ, причемъ примѣняются паровыя машины; ввозъ удобрительныхъ веществъ въ Англію, въ особ. костей и гипса, значительно усиливается.

Но все это были лишь первые подготовительные шаги къ современной раціональной сельско-хозяйственной культурѣ. Только съ отмѣной „хлѣбныхъ законовъ" и съ установленіемъ свободы привоза хлѣба въ 1846 и 1849 г.г., капиталы стали притекать въ большомъ количествѣ къ сельскому хозяйству Англіи, открытія и изобрѣтенія въ области агрономической химіи, животноводства, машиностроенія и т. д. стали оплодотворять сельское хозяйство. По словамъ Керда, съ 1848 по 1878 г. въ сельскомъ хозяйствѣ Великобританіи и Ирландіи было затрачено 15 милл. ф. ст., изъ которыхъ двѣ трети пошли на дренажъ. Въ 1860 г. привозъ гуано въ Великобританіи составлялъ 140 тыс. тоннъ цѣнностью въ $1^1/_2$ милл. ф. ст., десять лѣтъ спустя — вдвое болѣе-

(280 тыс. тоннъ въ $3^1/_2$ милл. ф. ст.); а привозъ азотнокислой соли для удобренія равнялся въ 1860 г. 37 тыс. тоннъ цѣнностью въ 500 тыс. ф. ст., въ 1870 г.— 56 тыс. цѣнностью въ 880 тыс. ф. ст. Рента за два десятилѣтія 1850—70 г.г. повысилась съ 27 на 30 шилл. съ акра.

Изъ этихъ данныхъ видно, что положеніе сельскаго хозяйства въ Англіи послѣ отмѣны „хлѣбныхъ законовъ“ было вполнѣ благопріятное и что, подъ вліяніемъ иностранной конкурренціи, фермеры стали теперь придерживаться совершенно новой системы хозяйства: не разсчитывая уже на высокія цѣны продуктовъ, они старались увеличить доходность хозяйства инымъ путемъ — посредствомъ сокращенія расходовъ. Послѣднее достигалось и примѣненіемъ новыхъ технических приспособленій — молотилки, парового плуга и др. „Лица, допрошенныя при производствѣ анкеты 1873 г.—говоритъ тотъ же Кердъ—и притомъ знатоки въ области меліорацій, заявляли, что произведенныя ими улучшенія не только возвратили помѣщенный въ нихъ капиталъ съ процентами, но доставили еще сверхъ того значительную прибыль. Выгоднымъ оказалось также разведеніе кормовыхъ травъ, хмеля и льна, въ особ. же племенного рогатаго скота. Послѣднее имѣло мѣсто въ связи съ ростомъ цѣнъ на мясо, которыя повысились за двадцать лѣтъ съ 1843 г. по 1863 г. на одну треть (30—35 проц.), а за тридцать лѣтъ 1843—1873 г.г. на $^2/_3$—$^3/_4$ и болѣе. Возростаніе цѣнъ на мясо вызывалось значительно усилившимся спросомъ: въ то время, какъ—по словамъ Джиффена—еще въ половинѣ XIX ст. цѣна мяса имѣла для рабочаго столь же мало значенія, какъ цѣна драгоцѣнныхъ камней, рабочій въ 1860-хъ г.г., благодаря повысившейся заработной платѣ, получилъ возможность потреблять мясо и другіе продукты животноводства. Улучшается въ частности и положеніе сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Съ конца XVIII ст. и до начала XIX вѣка ихъ денежная заработная плата сильно повышается одновременно съ очень рѣзкимъ возрастаніемъ цѣнъ на хлѣбъ и прочіе съѣстные припасы (см. стр. 477), но затѣмъ, когда цѣны на хлѣбъ съ 1815 г., понизились, и заработная плата (въ 1820-хъ г.г.) сократилась и съ тѣхъ поръ почти не измѣнялась до половины 1840-хъ г.г.). Напротивъ, съ этого времени обнаруживается, по Боули (Statistics of Wages), быстрый ростъ денежной заработной платы, который составляетъ въ Англіи за 25-лѣтіе 1845—1870 г.г. 32 проц., а въ Соединенномъ Королевствѣ вообще почти 60 проц., что при почти не измѣняющемся общемъ уровнѣ цѣнъ обозначаетъ значительное повышеніе уровня жизни сельско-хозяйственныхъ рабочихъ.

Если въ Англіи въ сущности никакого освобожденія крестьянъ не было (повинности и платежи сами собою, въ силу обычнаго права, постепенно вымирали),—то во Франціи отмѣна сеньоріальнаго строя была произведена однимъ ударомъ въ эпоху Революціи.

Уже въ моментъ созыва генеральныхъ штатовъ (24 янв. 1789 г. опубликованъ королевскій указъ объ этомъ) раздраженіе крестьянъ противъ сеньоріальнаго режима было, подъ вліяніемъ попытокъ сеньоровъ возстановить весь прежній строй (см. выше, стр. 280), особенно сильно. Однако, тогда на первомъ планѣ стояли вопросы политическіе; крестьянскимъ вопросомъ совершенно не интересовались, да и вообще среднее сословіе въ своихъ наказахъ держалось той же точки зрѣнія, что и правительство — сеньоріальныя права составляютъ неприкосновенную собственность. Лишь послѣ того, какъ начались крестьянскія волненія и крестьяне повторили „по отношенію къ сеньоріальнымъ замкамъ то же, что парижское населеніе сдѣлало съ Бастиліей“, вопросъ о той самой собственности, „которая сдѣлалась жертвой самаго наглаго грабежа и разбоя“, былъ поставленъ на очередь въ Учредительномъ Собраніи; отъ него перешли къ выкупу феодальныхъ правъ, и въ знаменитую ночь 4 авг. 1789 г. были приняты общія положенія объ отмѣнѣ несвободнаго состоянія (поскольку послѣднее со-

хранилось), main-morte, сеньоріальной юстиціи, права охоты и о выкупѣ сеньоріальныхъ правъ и десятины. Хотя король и вынужденъ былъ утвердить эти постановленія (декретъ 11 авг.), но это были лишь общіе принципы, которые нужно было еще оформить для осуществленія ихъ на практикѣ. Между тѣмъ законъ 15 марта, изданный Учредительнымъ Собраніемъ, объявлялъ выкупъ сеньоріальныхъ правъ лишь чисто факультативнымъ, не признавая ни за сеньорами, ни за крестьянами права требовать выкупа. Кромѣ того выкупу подлежалъ не только чиншъ, но и сборы съ перехода земли (lods et ventes) и прочія т. наз. случайныя права (droits casuels); это сразу поднимало сумму выкупа до размѣровъ, недоступныхъ для большинства населенія — размѣръ выкупа не опредѣлялся закономъ. Наконецъ, крестьяне должны были предварительно уплатить всѣ накопившіяся недоимки. Результатомъ этого было то, что отмѣненный въ принципѣ 4 августа сеньоріальный режимъ сохранялся въ полной силѣ; законъ 15 марта вызвалъ лишь раздраженіе среди населенія, рѣзкіе протесты со стороны крестьянъ, заявлявшихъ, что „они забыты", усилились крестьянскіе бунты и поджоги замковъ.

И Законодательное Собраніе первоначально не рѣшалось сдѣлать что-либо въ отвѣтъ на возроставшія требованія крестьянъ; лишь постепенно, желая привлечь населеніе на сторону революціи, оно стало на иной путь, чѣмъ Учредительное Собраніе, признавъ, въ униссонъ съ крестьянами, эдикты послѣдняго „злодѣйскими", „пропитанными чудовищной непослѣдовательностью", составленными такъ, „какъ будто ихъ диктовали сами сеньоры". Въ то время, какъ Учредительное Собраніе, исходившее изъ феодальныхъ законовъ и феодальной юриспруденціи, считало сеньоріальныя права собственностью, основанною на давности владѣнія ими и поэтому установило выкупъ ихъ,—Законодательное Собраніе заявляло, что источникомъ сеньоріальныхъ правъ является узурпація и насиліе. Поэтому оно исходитъ изъ того принципа, что всѣ эти права подлежатъ отмѣнѣ безъ выкупа. Исключеніе въ смыслѣ необходимости выкупа дѣлается лишь для тѣхъ правъ, которыя могутъ быть подтверждены подлинными документами, причемъ бремя доказательствъ возлагается на сеньора; это условіе суживало до крайности сумму выкупаемыхъ правъ. Только теперь, закономъ 28 авг. 1792 г. (почти три года спустя послѣ ночи 4 авг.), сеньоріальный строй дѣйствительно отмѣнялся.

Но теперь крестьяне и этимъ рѣшеніемъ не удовлетворялись— декретъ не отмѣнялъ сразу сеньоріальный строй, а требовалъ предварительнаго выясненія сеньоріальныхъ правъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, для установленія того обстоятельства, въ какихъ случаяхъ сеньоріальныя права подлежатъ отмѣнѣ безъ выкупа и когда необходимъ выкупъ. Между тѣмъ крестьяне настаивали на немедленной отмѣнѣ всего режима, и когда волненія достигли крайнихъ предѣловъ, а извнѣ стала угрожать опасность вторженія чужеземцевъ и возстановленія монархіи,—Конвентъ, замѣнившій съ 21 сент. 1792 г. Законодательное Собраніе, удовлетворилъ требованія крестьянъ. Конвентъ сразу упразднилъ весь сеньоріальный строй; согласно декрету 17 іюля 1794 г., „всѣ недавнія сеньоріальныя повинности

и платежи, всѣ феодальныя и цензуальныя права, постоянныя и временныя, даже тѣ, которыя сохранены въ силу декрета 28 авг. 1792 г., отмѣняются безъ выкупа". Прекращались всѣ процессы, касавшіеся земли, недоимокъ по сеньоріальнымъ платежамъ и т. д., и крестьяне объявлялись собственниками земли, на которой они сидѣли, безъ внесенія какихъ бы то ни было платежей. Разрушеніе сеньоріальнаго режима было настолько полное, что всѣ попытки возстановить его, сдѣланныя впослѣдствіи при Наполеонѣ, оказались безсильными.

Съ отмѣной сеньоріальнаго режима, крестьяне становились полными и неограниченными собственниками тѣхъ земель, которыя они обрабатывали ранѣе. Сохранялась, слѣдовательно, вмѣстѣ съ тѣмъ и прежняя неравномѣрность въ распредѣленіи земель (см. стр. 275), недостаточность земли у значительныхъ группъ населенія. Между тѣмъ въ эпоху революціи государство располагало земельнымъ фондомъ двоякаго рода — общинными землями и землями, конфискованными у церкви и эмигрантовъ.

Общинныя земли хотя и были объявлены въ 1659 и 1665 г.г. неотчуждаемыми (см. стр. 271), въ дѣйствительности узурпировались въ значительномъ количествѣ и впослѣдствіи, и жалобы на это крестьянъ оказывались безрезультатными. Только Законодательное Собраніе (Учредительное Собраніе и въ этомъ отношеніи не рѣшалось на коренную ломку) признало недѣйствительными всѣ акты, на основаніи которыхъ общинныя земли были присуждены сеньорамъ за весь періодъ, начиная съ 1669 года. Лишь въ томъ случаѣ, если сеньоръ докажетъ, что онъ владѣлъ ими безъ перерыва въ теченіе 40 лѣтъ, эти земли сохраняются за нимъ. Но и въ этомъ отношеніи требованія населенія шли гораздо дальше „во имя процвѣтанія и славы республики", „во имя блага страны и ея успокоенія". Конвентъ и здѣсь пошелъ на встрѣчу крестьянамъ и „своими декретами объ общинныхъ земляхъ создалъ то же, что и декретами о сеньоріальномъ режимѣ, создалъ полное признаніе правъ собственности за общинами". Онъ потребовалъ отъ сеньоровъ представленія подлиннаго акта, на основаніи котораго эти земли были пріобрѣтены, а такъ какъ это невозможно было сдѣлать, то всѣ прежнія общинныя земли, находящіяся на территоріи общинъ, должны были быть возвращены послѣднимъ—40-лѣтняя давность, признававшаяся Законодательнымъ Собраніемъ, отмѣнена декретомъ 10 іюня 1793 года.

Первоначально имѣлось въ виду распредѣлить эти земли въ частную собственность между всѣми членами общины. Примѣръ Англіи съ ея развитымъ сельскимъ хозяйствомъ и огораживаніями импонировалъ французамъ. Въ Законодательномъ Собраніи сопоставлялись картины цвѣтущихъ полей частнаго владѣнія съ печальной картиной общинныхъ земель — и оно постановило немедленно же произвести раздѣлъ всѣхъ общиныхъ земель, кромѣ лѣсовъ; раздѣлъ былъ признанъ обязательнымъ. Но вопросъ о способахъ и пріемахъ раздѣла не былъ имъ разрѣшенъ и перешелъ къ Конвенту. Послѣдній стоялъ на той же точкѣ зрѣнія; установленъ былъ поголовный раздѣлъ, съ той лишь разницей, что онъ производился въ случаѣ требованія раздѣла со стороны $1/3$ населенія общины. Однако, на практикѣ

декретъ 10 іюня 1793 г. былъ примѣненъ лишь въ нѣкоторыхъ общинахъ; раздѣлъ совершался лишь медленно, вызывая много протестовъ и недоразумѣній. Въ слѣдующіе же годы республики законъ былъ измѣненъ, въ особенности въ виду того соображенія, что надѣленіе всего населенія землей вызоветъ недостатокъ въ рабочихъ какъ въ промышленности, такъ и въ области земледѣлія—и такъ уже раздавались жалобы на отсутствіе рабочей силы. Въ виду этого, раздѣлы были сначала обставлены различными стѣсненіями (необходимо изданіе закона въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ), а затѣмъ и окончательно прекращены, благодаря чему бо́льшая часть общинныхъ земель сохранилась за общинами. „Культура страны, получившей широкую свободу, освобожденной отъ сеньоріальныхъ платежей,—говоритъ И. В. Лучицкій—поднялась и развивалась, несмотря на сохраненіе общинныхъ земель, несмотря на чрезполосицу, царившую и во время революціи“.

И продажа имуществъ, принадлежавшихъ церкви и эмигрировавшимъ во время революціи дворянамъ, не имѣла существеннаго значенія въ смыслѣ земельнаго обезпеченія крестьянскаго населенія. Хотя превращенныя въ эпоху революціи въ національную собственность и затѣмъ распроданныя земельныя имущества составляли отъ $^1/_5$ до $^1/_4$ всей территоріи Франціи (цѣнность ихъ опредѣляютъ въ $5^1/_2$ милл. фр.), но при конфискаціи и продажѣ этихъ земель правительство имѣло прежде всего въ виду фискальную цѣль, полученіе необходимыхъ для веденія войны средствъ; къ этому присоединялись и политическія соображенія—сдѣлать путемъ продажи церковныхъ земель невозможнымъ возвращеніе къ старому порядку, ибо эти земли находились бы въ рукахъ многочисленныхъ мелкихъ собственниковъ. Изъ послѣдняго вытекала необходимость сдѣлать пріобрѣтеніе ихъ доступнымъ широкимъ слоямъ населенія; первоначально дѣйствительно отдавалось предпочтеніе покупателямъ мелкихъ участковъ и устанавливалась разсрочка уплаты на 12 лѣтъ (декретъ 1790 г.). Однако, въ томъ же 1790 году, въ видахъ ускоренія продажи, эти благопріятныя бѣднѣйшимъ классамъ условія были отмѣнены—предпочтеніе теперь отдавалось тѣмъ, кто внесетъ всю сумму сразу, введена была аукціонная продажа, разсрочка при уплатѣ была сокращена, фермы и метеріи должны продаваться цѣликомъ, а не разбиваться на мелкіе участки. Въ результатѣ эти фермы и метеріи попали главнымъ образомъ въ руки буржуазіи, пріобрѣтеніе же земли крестьянами было сильно затруднено. Правда, крестьяне принимали участіе въ покупкѣ національныхъ земель, но гораздо больше пріобрѣла городская буржуазія—къ ней перешли наиболѣе крупныя владѣнія церкви и дворянства, хотя и не цѣликомъ, а лишь частями, такъ что прежняя крупная собственность не сохранялась. Купцы, ремесленники, лица свободныхъ профессій и т. д.,—всѣ они, наряду съ состоятельными крестьянами, пріобрѣтали земельные участки.

Такимъ образомъ, къ земельному фонду, находившемуся въ рукахъ крестьянъ въ XVIII ст., въ эпоху революціи прибавилось немного. Но Франція была уже раньше страной мелкаго крестьянскаго землевладѣнія (см. стр. 272 и сл.); ею она осталась и послѣ революціи.

Различие въ характерѣ аграрнаго строя въ западной и восточной Германіи (Grundherrschaft и Gutsherrschaft—см. стр. 281 и сл.) отразилось и на ходѣ освобожденія крестьянъ и на самихъ условіяхъ его. Хотя и въ западной Германіи процессъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостного состоянія растянулся на весьма значительный періодъ времени, но все же здѣсь онъ происходилъ съ гораздо меньшими треніями и значительно легче, чѣмъ въ восточныхъ областяхъ. Въ области ограниченій личнаго характера рѣчь шла въ сущности лишь объ уничтоженіи „самаго имени рабства", которое ложилось позорнымъ пятномъ на данномъ слоѣ населенія. Въ большей части Бадена личная несвобода была отмѣнена уже въ 1783 г., въ Баваріи въ 1808 г., въ Гессенѣ въ 1811 г., въ Вюртембергѣ въ 1818 г. Что же касается верховныхъ правъ помѣщика на землю, то раскрѣпощеніе сводилось къ замѣнѣ ежегодныхъ платежей уплатой опредѣленной, такъ или иначе исчисленной, капитальной суммы. Положеніе помѣщиковъ отъ этого нисколько не измѣнилось, необходимо было лишь найти приложеніе для этихъ капиталовъ, которое доставляло бы столь же вѣрные доходы, какъ ранѣе. Конечно, такая мѣра все же представляла собою крупный переворотъ—потерю помѣщиками верховныхъ правъ и власти надъ крестьянами, и всякія попытки въ этомъ направленіи вызывали протесты съ ихъ стороны. Начало отмѣнѣ сеньоріальнаго строя (и вотчинной юрисдикціи) было положено въ 1818—1820 г.г., отчасти (въ Баденѣ) уже раньше, но проведено оно было лишь послѣ іюльской революціи 1830 г., заставившей правительство произвести выкупъ крестьянскихъ земель (въ Гессенѣ, Вюртембергѣ, Ганноверѣ). Наконецъ, революція 1848 г. привела къ отмѣнѣ и послѣднихъ остатковъ вотчиннаго строя (въ Баденѣ. Гессенѣ, Вюртембергѣ).

Гораздо сложнѣе было дѣло освобожденія крестьянъ къ востоку отъ Эльбы. Здѣсь нужно было еще начинать съ начала, создать свободу личности крестьянина, нужно было превратить его изъ безправнаго арендатора въ свободнаго собственника земли, перевести барщину на деньги. Послѣднее было сопряжено съ большими трудностями, ибо возможность дальнѣйшаго веденія хозяйства въ крупныхъ размѣрахъ зависѣла для помѣщика отъ наличности безземельныхъ сельскихъ батраковъ, которыми можно было бы замѣнить подневольную рабочую силу—барщинный трудъ. Поэтому здѣсь долгое время реформы ограничивались одними королевскими доменами, не затрагивая частныхъ помѣстьевъ.

Уже въ Баваріи, гдѣ имѣлось значительное количество крупныхъ помѣстьевъ и была распространена барщина, препятствія были настолько велики, что лишь въ 1848 г. установлена была выкупная операція и крестьяне были объявлены свободными собственниками.

Въ Баваріи отмѣна личной несвободы и связанныхъ съ нею платежей совершилась въ 1808 г. безъ всякаго вознагражденія — мѣра эта встрѣтила мало возраженій со стороны помѣщиковъ, ибо она въ сущности лишь узаконивала и объявляла всеобщимъ положеніе, которое фактически въ значительной мѣрѣ установилось уже раньше. Въ 1825 г. установленъ и выкупъ барщины и всѣхъ сеньоріальныхъ платежей на казенныхъ помѣстьяхъ. Частнымъ землевладѣльцамъ предложено было добровольно отказаться отъ своей юрисдикціи, но эта мѣра не имѣла никакого практическаго значенія. Объ отмѣнѣ же сень-

оріальнаго строя въ частныхъ вотчинахъ вплоть до 1848 года и не думали; въ лучшемъ случаѣ возбуждался вопросъ о постепенномъ превращеніи временнаго и пожизненнаго владѣнія землей, поскольку таковое еще существовало, въ наслѣдственное, а неопредѣленной барщины — въ разъ навсегда установленную. Только народныя волненія въ февралѣ 1848 г. (въ особ. въ Мюнхенѣ) заставили правительство сразу покончить съ вотчинной юрисдикціей и совсѣмъ сеньоріальнымъ строемъ: уже въ апрѣлѣ 1848 г. былъ внесенъ законопроектъ, и не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ онъ превратился въ законъ, и все то, что обсуждалось и вызывало споры въ теченіе многихъ десятилѣтій, было достигнуто — крестьяне получили землю въ полную собственность, съ уплатой опредѣленныхъ выкупныхъ платежей.

Подобно тому, какъ еще въ средніе вѣка и въ XVI ст. короли французскіе и испанскіе производили личное освобожденіе крестьянъ на своихъ имѣніяхъ, подобно маркграфу баденскому и королю баварскому, Марія-Терезія въ Австріи уничтожила прежнюю систему аграрнаго строя лишь на королевскихъ доменахъ. Домены были разбиты на небольшія участки и заселены наслѣдственными лично-свободными арендаторами: вслѣдствіе прекращенія крупныхъ хозяйствъ на доменахъ, здѣсь исчезла и самая потребность въ барщинѣ. Іосифъ II въ 1789 г. сдѣлалъ попытку превратить и на частныхъ помѣстьяхъ всѣ натуральныя повинности и барщинныя работы въ денежные платежи (въ размѣрѣ до 18 проц. валового дохода земли); но она оказалась неудачной, ибо не было возможности найти необходимую для крупныхъ помѣстій свободную рабочую силу. Прежняя система сохранилась вполнѣ до 1848 г.; лишь тогда революція заставила осуществить идею Іосифа II въ видѣ превращенія барщины въ выкупные платежи, изъ коихъ крестьяне несли лишь третью часть; другая треть возложена на государство, третья вовсе уничтожена. Только личную свободу, свободу вступленія въ бракъ, избранія занятій, передвиженія, а также отмѣну дворовой службы удалось Іосифу II установить и на частныхъ помѣстьяхъ въ 1781 г.

Въ Пруссіи даже послѣдняя мѣра могла быть проведена лишь 26 лѣтъ спустя, въ 1807 г. — для этого необходимо было пережить французскую революцію и полное уничтоженіе монархіи Фридриха Великаго. Затѣмъ Пруссія пошла и дальше, но медленнымъ, черепашьимъ шагомъ (вплоть до 1850 г.), все время ставя на первый планъ интересы юнкеровъ-помѣщиковъ, ожидая, пока образуется обширная армія безземельныхъ батраковъ. Число батраковъ увеличивалось, вслѣдствіе дальнѣйшаго присоединенія крестьянскихъ участковъ къ помѣстьямъ; послѣднему покровительствовало самое законодательство, ибо въ 1807 г. всякая охрана крестьянскихъ земель противъ „Bauernlegen“ была уничтожена (см. выше, стр. 287). Мысль о выкупѣ крестьянскихъ земель не въ формѣ платежей, а посредствомъ отдачи части земель помѣщикамъ, возникавшая въ другихъ странахъ, въ Савойѣ, Баденѣ, но не выполненная тамъ, была осуществлена въ Пруссіи (къ востоку отъ Эльбы). Превращаясь теперь въ полныхъ собственниковъ, съ отмѣной барщины и всякаго рода повинностей (натуральныхъ и денежныхъ), крестьяне отдавали, если они были наслѣдственными держателями, $^{1}/_{3}$, прочіе же — половину своего участка землевладѣльцу (законъ 1811 года).

Однако, и это относилось далеко не ко всѣмъ крестьянскимъ дворамъ, ибо декларація 1816 г., идя навстрѣчу требованіямъ помѣщиковъ, значи-

тельно сузила ихъ число. „Регулированіе отношеній между помѣщикомъ и крестьяниномъ" или, иначе говоря, отмѣна сеньоріальнаго строя имѣла мѣсто лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьянинъ имѣлъ запряжку, т. е. касаясь лишь состоятельныхъ крестьянъ; это сокращало число дворовъ сразу на половину. Далѣе оно распространялось лишь на дворы, существовавшіе уже за полстолѣтія до изданія закона, т. е. до начала борьбы прусскихъ королей съ отнятіемъ земли у крестьянъ (см. выше, стр. 286). При этомъ требовалось заявленіе помѣщика или крестьянина о желаніи той или другой стороны измѣнить существующія условія—иначе сеньоріальный режимъ сохранялся, правительство само (согласно деклараціи 1816 г.) въ это не вмѣшивалось. Поэтому-то отмѣна крѣпостного состоянія производилась такъ медленно—еще 30 лѣтъ спустя сохранилась часть дворовъ въ прежнемъ состояніи. Между тѣмъ, до момента „регулированія" крестьянскія держанія не охранялись: свободное обращеніе недвижимостей было допущено еще до установленія свободной собственности. Вслѣдствіе этого, помѣщики могли вступать съ крестьянами въ соглашенія и пріобрѣтать у нихъ ту самую землю, которая должна была стать собственностью крестьянина. Крестьянинъ въ этомъ случаѣ лишался земли и превращался въ безземельнаго батрака.

Что касается прочихъ категорій земель, то пустопорожніе участки помѣщику просто предоставлялось присоединять къ своей землѣ. Но то же происходило весьма часто и съ дворами крестьянъ, не удовлетворявшихъ требованіямъ деклараціи 1816 г.; или же земля у нихъ не отнималась, но помѣщики превращали ихъ въ простыхъ арендаторовъ, съ которыми заключался договоръ на опредѣленный срокъ. Лишь немногіе остались въ прежнемъ состояніи до 1850 г., когда регулированіе было распространено на всѣ крестьянскія держанія, большія и малыя, безъ прежнихъ ограниченій, но лишь поскольку на нихъ сохранились верховныя права помѣщика. Слѣдовательно, тѣ крестьяне, которые прожили подъ сеньоріальнымъ режимомъ до этого времени, находились въ сравнительно счастливомъ положеніи—могли часть своей земли получить въ собственность. Напротивъ, тѣ изъ нихъ, которые въ силу соглашенія съ помѣщиками, уже раньше превратились въ свободныхъ арендаторовъ, не могли предъявлять требованія на полученіе земли въ собственность, такъ что этотъ законъ имѣлъ значеніе лишь для небольшой группы крестьянъ, оставшихся еще въ феодальной зависимости. Въ результатѣ количество земель, накопившихся въ рукахъ помѣщиковъ, въ первой пол. XIX ст. еще болѣе возросло; Пруссія къ востоку отъ Эльбы, которая и раньше уже была — въ противоположность прочей Германіи — страной крупнаго помѣстнаго землевладѣнія, теперь стала ею въ еще большей степени.

И въ другой области аграрной политики — въ отношеніи къ общиннымъ землямъ — мы находимъ рѣзкое различіе между западной и восточной Германіей. Въ западной, въ особ. юго-западной, Германіи господствуетъ та же политика, какъ и во Франціи — благопріятная сохраненію общинныхъ земель. Напротивъ, въ сѣверной Германіи, въ особ. въ Пруссіи, она направлена къ исчезновенію общинныхъ земель, къ превращенію ихъ въ частную собственность.

Уже въ теченіе XVIII вѣка въ нѣмецкихъ государствахъ повсюду, въ Пруссіи, Ганноверѣ, Брауншвейгѣ, Баваріи, Баденѣ, Вюртембергѣ, дѣлаются попытки произвести раздѣлъ общинныхъ земель, причемъ послѣдній нерѣдко соединенъ съ разверстаніемъ черезполосныхъ участковъ и отмѣной лѣсныхъ и полевыхъ сервитутовъ. И здѣсь исходной точкой являлось стремленіе къ устраненію, въ видахъ улучшенія сельско-хозяйственной культуры, всякой земельной общины, всего того, что ограничиваетъ свободу хозяйственной дѣятельности. Идеи физіократовъ и Адама Смита и примѣръ Англіи съ ея развитымъ сельскимъ хозяйствомъ имѣли и здѣсь огромное значеніе. Въ Баваріи увлеченіе идеей превратить землю въ частную собственность доходило до того, что не только каждому отдѣльному члену общины предоставлялось право требовать раздѣла общинныхъ земель, но за всякимъ, даже чужимъ человѣкомъ признано было (въ 1803 г.) право потребовать выдѣла ему въ частную собственность участка общинной земли для разработки. Повсюду законодательство, направленное къ раздѣлу общинныхъ земель, вызывало, однако, первоначально противодѣйствіе со стороны крестьянъ (Саксонія, Брауншвейгъ, Гессенъ), которые боялись всякихъ новшествъ; Фридрихъ Вел. прибѣгалъ даже къ военной силѣ, въ Баваріи происходили волненія. Раздѣлы шли первоначально чрезвычайно медленно, они были особенно трудны тамъ, гдѣ соединялись съ разверстаніемъ чрезполосныхъ участковъ.

Но южно-германскія государства уже скоро отступили отъ этого первоначальнаго пути; въ Баденѣ и Вюртембергѣ уже законодательство начала XIX вѣка направлено не къ раздѣлу, а къ сохраненію общинныхъ угодій: отчужденіе допускается лишь съ разрѣшенія правительства, разрѣшенія же вскорѣ перестали совсѣмъ давать. Позже вступила на этотъ путь Баварія, гдѣ въ началѣ XIX вѣка еще съ восторгомъ привѣтствовали раздѣлы общинныхъ земель, создающіе „цвѣтущія поля, вмѣсто дикаго скотоводства, и благосостояніе многихъ тысячъ людей“. Правда, уже съ 1812—15 г.г. устанавливаются и здѣсь ограниченія раздѣловъ. Но только въ 1834 г. Баварія радикально измѣнила свое отношеніе къ раздѣламъ, установивъ необходимость согласія $^{3}/_{4}$ членовъ общины и разрѣшенія правительства для производства раздѣла; послѣднее къ тому же болѣе не давалось. Раздѣлы общинныхъ земель были пріостановлены, и правительство теперь уже старалось поднять культуру общинныхъ земель. Но Баварія все же поплатилась сокращеніемъ скотоводства, вызваннымъ раздѣлами первыхъ трехъ десятилѣтій XIX вѣка, „Раздѣляя пастбища, крестьяне не переходили къ посѣвамъ кормовыхъ травъ, а оставались при старомъ трехпольи, увеличивъ только запашки хлѣбовъ. Часто они не оставляли ни клочка общиннаго выгона“.

Баварія и въ этомъ отношеніи занимаетъ переходное положеніе отъ южно-германскихъ государствъ съ мелкимъ крестьянскимъ землевладѣніемъ, сохранившихъ свои общинныя земли, къ сѣверной Германіи съ ея прочно сложившимся помѣщичьимъ элементомъ, для котораго раздѣлы были весьма выгодны. Въ Ганноверѣ, Ольденбургѣ, Брауншвейгѣ раздѣлы общинныхъ земель были гораздо болѣе значительны; еще больше раздѣлы производи-

лись въ Саксоніи. Но страной особенно широкаго распространенія ихъ является Пруссія, гдѣ законъ 1821 г. допускаетъ раздѣлы въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Раздѣлъ производится по требованію хотя бы одного члена общины; дѣлятся всѣ общинныя земли; если участковъ земли или лѣса нельзя раздѣлить въ натурѣ, то они продаются съ публичныхъ торговъ и дѣлится выручка. Лишь указъ 1828 г. нѣсколько стѣснилъ раздѣлы, хотя къ тому времени площадь общинныхъ земель значительно сократилась; вполнѣ же ограничены были раздѣлы лишь подъ вліяніемъ закона 1847 г., но тогда уже было слишкомъ поздно. До 1848 было раздѣлено и разверстано, въ виду черезполосицы, около 11 милл. гектаръ (всего до 1905 г. 17 милл. гект.), и участвовало въ этомъ около 1 милл. хозяевъ.

Нельзя отрицать того, что разверстаніе черезполосныхъ земель и раздѣлъ общинныхъ угодій, наряду съ отмѣной вотчиннаго строя и освобожденіемъ крестьянъ, содѣйствовали подъему крестьянскаго хозяйства; расширилась площадь сельско-хозяйственной культуры, обработка земель приняла болѣе интенсивный и болѣе раціональный характеръ. Но одновременно съ этимъ происходило опустошеніе лѣсовъ, общинныя торфяныя болота раздѣлены были на части и на нихъ велось хищническое хозяйство. Еще существеннѣе однако были печальныя послѣдствія въ соціальномъ отношеніи, вызванныя законами о раздѣлѣ общинныхъ земель и прекращеніи полевыхъ и лѣсныхъ сервитутовъ. Положеніе 1821 г. — какъ указываетъ Гольтцъ — такъ же, какъ и законы 1811 и 1815 г.г. объ освобожденіи крестьянъ, имѣло въ виду лишь интересы помѣщиковъ и состоятельныхъ крестьянъ и совершенно не интересовалось мелкими и безземельными хозяевами. Прежде въ пользованіи общинными землями и въ пастьбѣ на поляхъ и лѣсахъ участвовали всѣ, кто проживалъ въ предѣлахъ общины, даже безземельныя и не имѣвшія своего двора лица. Теперь это прекратилось: одни взамѣнъ права пользованія не получили ничего, не имѣли выгона и не могли болѣе держать скота; другіе получили небольшіе участки, которые не возмѣщали потери пользованія общимъ пастбищемъ и лѣсами,—имъ приходилось продавать землю и уходить въ города [1]).

Недовольство среди этого новаго класса батраковъ тѣмъ, что его совершенно лишили земли, и сыграло—по мнѣнію Гольтца — существенную роль въ революціонныхъ движеніяхъ 1848 года.

Въ области улучшенія сельскаго хозяйства большая заслуга принадлежитъ извѣстному нѣмецкому агроному Тэру (Thaer), который въ своихъ „Основаніяхъ раціональнаго сельскаго хозяйства“ (1809 — 1812 г.г. проповѣдовалъ

[1]) Прежде почти каждый домовникъ (Häusler) имѣлъ нѣсколько овецъ, которыя вмѣстѣ съ другими паслись на обширныхъ поляхъ помѣщика, а въ зимнее время получали кормъ въ видѣ соломы изъ хлѣвовъ помѣщика. Шерсти отъ этихъ овецъ хватало на чулки и простую самодѣльную матерію. Когда же вошло въ силу правило, что тотъ, кто не имѣетъ земли, не можетъ участвовать въ пользованіи выгономъ, овцы были проданы или заколоты, а шерсть пришлось покупать. Далѣе въ прежнее время домовникъ выпускалъ своихъ свиней и гусей на землю помѣщика или крестьянъ; это также исчезло, и ему негдѣ взять перьевъ для постели и сала. Еще хуже было то, что онъ не могъ держать теперь коровы и былъ вынужденъ отказаться отъ молока или покупать его; ему пришлось перейти на картофель съ солью. Столь же велика нужда въ топливѣ; если по близости есть лѣсъ, то онъ теперь крадетъ деревья. (См. Knapp. 1. 304—306).

плодосмѣнную систему, отдавая ей предпочтеніе передъ всякой другой. Въ періодъ 1830—50 г.г. дѣйствительно совершается переходъ къ плодосмѣну; травосѣяніе, какъ первый шагъ къ нему, широко распространяется, хотя вполнѣ система плодосмѣна (гдѣ травосѣяніе становится систематическимъ) была введена лишь въ немногихъ, преимущественно крупныхъ хозяйствахъ. Не менѣе велики были заслуги Тэра и другого крупнаго агронома Шверца въ области улучшенія техники производства. Они настаивали на болѣе глубокомъ вспахиваньи почвы, на обильномъ унавоживаньи, на примѣненіи усовершенствованныхъ орудій, заимствованныхъ изъ Англіи и Нидерландовъ (Тэръ выпустилъ въ 1803—06 г.г. спеціальное сочиненіе о земледѣльческихъ орудіяхъ). На практикѣ все это прививалось, конечно, весьма медленно, но въ серединѣ XIX ст. все же результаты были уже замѣтны; въ благоустроенныхъ имѣньяхъ почва распахивалась въ среднемъ на 7—8 вершк. въ глубину (прежде на 3—4), рядомъ съ обыкновенными плугами и боронами появились конныя мотыки, скребки и т. д. Въ началѣ 40-хъ г.г. стали ввозиться искусственныя удобренія, въ особ. гуано (ввозъ гуано въ Саксонію въ 1842 г. составлялъ всего $22^1/_2$ талера, въ 1859 г. 272 тысячи тал.). Площадь пастбищъ и пустошей въ Пруссіи сократилась за десятилѣтіе съ 1849 г. по 1858 г. почти вдвое (съ $8^1/_2$ до 4,4 милл. гектаръ). Если мы будемъ сравнивать урожайность различныхъ хлѣбовъ (въ западной Пруссіи и Саксоніи) въ періодъ 1820—1830 г.г. съ періодомъ 1840 — 1850 г.г., то увидимъ, что за это 20-лѣтіе менѣе всего возросли урожаи пшеницы (на 15 проц. и менѣе), тогда какъ урожаи ржи поднялись на 30—40 проц., ячменя ва 30—50 проц., а овса на 50—70 и даже на 100 проц.

Количество головъ скота въ Пруссіи въ періодъ 1816 — 1849 г.г. значительно увеличилось (на 42 проц.), хотя и менѣе быстро, чѣмъ населеніе (на 44 проц.); только число овецъ возросло быстрѣе; еще важнѣе было качественное улучшеніе овцеводства (разведеніе мериносовъ). Впрочемъ, вмѣстѣ съ увеличеніемъ количества головъ скота вообще, увеличился и вѣсъ ихъ не менѣе чѣмъ на 30—40 проц.

Благопріятны были и цѣны сельско-хозяйственныхъ продуктовъ: въ 1841—1850 г.г. цѣны и хлѣба и продуктовъ скотоводства стояли на 25 проц. выше, чѣмъ за 20 лѣтъ до того (1821—1830 г.г.), въ 1850-хъ и 1860-хъ годахъ обнаруживается дальнѣйшій ростъ цѣнъ. Однако, этотъ ростъ цѣнъ имѣлъ значеніе лишь для помѣщичьихъ хозяйствъ, ибо крестьяне мало производили для рынка. Для крупныхъ же землевладѣльцевъ онъ былъ крайне выгоденъ, ибо одновременно съ возрастаніемъ валового дохода заработная плата почти не измѣнялась: она была большей частью натуральная, поскольку же она уплачивалась въ деньгахъ, она при большомъ количествѣ избыточнаго населенія, вслѣдствіе появленія класса сельскихъ батраковъ, потерявшихъ землю, не могла возрастать. По вычисленіямъ А. Нейманъ, заработная плата сельскохозяйственныхъ рабочихъ составляла въ Пруссіи въ среднемъ для мужчинъ въ 1821—30 г.г. 66,1 пф., въ 1831—40 г.г. 68,5 пф., а въ 1841—50 г.г. 71,3 пф., для женщинъ 37 пф., 49 пф. и 48,4 пф. Вообще же, сравнивая періодъ 1801—10 г.г. съ періодомъ 1811—1850 г.г., получимъ, что за всю эту эпоху въ цѣломъ денежная заработная плата оставалась та же; выраженная же въ цѣнѣ ржи, она повысилась на 36 проц. (мужчины) и 52 проц. (женщинъ); впрочемъ и въ этомъ случаѣ оказывается, что періодомъ возрастанія является третье десятилѣтіе, въ слѣдующіе же два происходитъ снова паденіе.

Сильное увеличеніе не только валового дохода, но и чистаго въ натуральной и еще болѣе въ денежной формѣ въ помѣщичьихъ хозяйствахъ находило себѣ ясное выраженіе въ цѣнахъ на землю. Такъ, напр., въ Мекленбургѣ-Шверинѣ цѣнность гуфы аллодіальныхъ земель возросла съ 63 тыс. въ 1830—39 г.г. до 180 тыс. въ 1860—69 г.г., а цѣнность гуфы ленныхъ земель за тотъ же періодъ съ 55 до 152 тыс. мар. Въ провинціи Познани земельные участки повысились съ 1821—30 г.г. по 1861—70 г.г. слѣдующимъ образомъ: мелкіе участки со 113 до 412 мар., средніе съ 210 до 516 мар. и крупные съ 133 до 459 мар. Въ пров. Саксоніи цѣнность дворянскихъ помѣстій возросла съ 1801—20 г.г. по 1841—60 г.г. на $^2/_3$. Однако въ сильномъ возростаніи цѣнности земли заключалась и опасность: съ одной стороны, земли пріобрѣтались новыми владѣльцами по чрезмѣрно высокой цѣнѣ (изъ обслѣдованныхъ въ Пруссіи имѣній каждое въ среднемъ два раза мѣняло за 1835 — 1864 г.г.

владѣльца, причемъ свыше половины отчужденій были добровольными), — въ разсчетѣ на дальнѣйшій ростъ цѣнъ на сельскохозяйственные продукты. А съ другой стороны, земельные участки сильно обременялись долгами—ипотечная задолженность имѣній въ Пруссіи за 1837 — 59 г.г., т. е. всего за 20 лѣтъ увеличилась вдвое (съ $5^1/_2$ до 11 милл. талер.) — опять-таки въ разсчетѣ на ростъ цѣнъ на хлѣбъ и другіе продукты. Пока цѣны на хлѣбъ и доходность помѣстій дѣйствительно возростали, это все могло производиться безнаказанно; но лишь только возростаніе прекратилось и даже обнаружилось пониженіе ихъ, какъ пагубность подобнаго образа дѣйствій немедленно обнаружилась.

ГЛАВА III.

Свобода промысловъ. Машина и фабрика. Фабричный рабочій.

И въ области промышленности періодъ конца XVIII и первой половины XIX ст. составляетъ прежде всего эпоху освобожденія личности отъ тѣхъ стѣсненій, которыя господствовали въ предыдущія столѣтія. Съ одной стороны, въ области крупнаго производства — кустарной промышленности и мануфактуры—господствовала система исключительныхъ монополій, выдаваемыхъ отдѣльнымъ лицамъ или компаніямъ скупщиковъ на производство даннаго промысла въ опредѣленномъ районѣ или даже во всей странѣ; промышленники обладали исключительными привилегіями учрежденія даннаго рода предпріятій, производства и сбыта того или другого рода товаровъ. А съ другой стороны, существовали попрежнему цехи: для занятія тѣмъ или другимъ промысломъ необходимо было вступить въ члены цеха, доступъ же туда былъ чрезвычайно труденъ, число членовъ ограничено. Скупщики въ кустарной промышленности и владѣльцы мануфактуръ обходили это путемъ различнаго рода привилегій; для ремесленниковъ же цехи попрежнему составляли огромное стѣсненіе, либо лишая ихъ вовсе возможности заниматься промысломъ, либо ставя имъ различныя препятствія въ видѣ запрещенія производить одновременно два различныхъ ремесла, держать болѣе извѣстнаго числа подмастерьевъ, т. е. расширять свое предпріятіе, и т. д. Если уже эти цеховыя правила стѣсняли развитіе крупнаго производства, то столь же неудобными, въ особ. для послѣдняго, являлись различные регламенты, которыми предписывался самый процессъ производства—качество обрабатываемаго матеріала, величина и вѣсъ изготовляемаго продукта, употребленіе опредѣленныхъ инструментовъ и т. д.

Впрочемъ въ Англіи всѣ эти ограниченія къ концу XVIII ст. уже имѣли мало значенія. Существовавшія здѣсь въ большомъ количествѣ монополіи въ области горнаго дѣла и обрабатывающей промышленности исчезли уже къ началу XVIII вѣка (см. выше, стр. 436 и сл.). Поэтому Адамъ Смитъ уже не упоминаетъ объ исключительныхъ привилегіяхъ отдѣльныхъ лицъ или ассоціацій промышленниковъ, о нихъ англичане уже успѣли забыть. Напротивъ, онъ возстаетъ противъ ограниченій другого рода—противъ привилегій, принадлежавшихъ различнымъ городскимъ корпораціямъ, противъ цеховъ. Во время пребыванія Адама Смита въ Глазго тамъ работалъ надъ своей моделью паровой машины Джемсъ Уаттъ. Узнавши объ его дѣятельности, корпорація механиковъ, къ составу которой онъ не принадлежалъ, запре-

тила ему продолжать работу; только въ качествѣ университетскаго механика, въ предѣлахъ университета, на который надзоръ корпорацій не распространялся, онъ могъ работать дальше и дать міру свое великое изобрѣтеніе. Однако, хотя перемѣна въ области цеховыхъ привилегій происходила лишь постепенно, все же въ половинѣ XVIII вѣка такой образъ дѣйствій городскихъ корпорацій составлялъ уже явленіе довольно рѣдкое. Въ то время, какъ въ началѣ XVIII ст. лордъ Мольсвортъ еще сильно жаловался на вредъ, причиняемый ими, Тукеръ въ 80-хъ г.г. XVIII в. указываетъ на то, что „привилегіи цеховъ и торговыхъ корпорацій въ городахъ въ настоящее время уже обладаютъ лишь незначительной силой, не дающей имъ возможности приносить много вреда, какъ это было раньше“; право ихъ на полученіе вступительнаго взноса, на осмотръ произведеній данной отрасли промышленности и т. п. осуществлялось весьма мало. Но и ограниченіе числа подмастерьевъ, обязательность семилѣтняго срока ученичества, какъ и установленіе размѣра заработной платы мировыми судьями, постепенно выходили изъ употребленія и къ этому времени уже не имѣли почти никакого реальнаго значенія. Въ новыхъ же отрасляхъ промышленности, какъ, напр., въ хлопчатобумажной индустріи, гдѣ не существовало старинныхъ, сохранившихъ силу еще съ прежнихъ временъ, регламентовъ, уже въ половинѣ XVIII ст. господствовала свободная конкуренція; здѣсь не было никакихъ регламентовъ, стѣсняющихъ инициативу предпринимателя. Формальная отмѣна ограниченій въ области промышленности произошла въ законѣ 1814 г., который санкціонировалъ установившіеся на практикѣ обычаи. На основаніи этого закона, отмѣнялось требованіе 7-лѣтняго ученичества, обязательность держать при трехъ ученикахъ одного взрослаго рабочаго и нормировка платы мировыми судьями (т. е. отмѣнялся т. наз. законъ объ ученичествѣ Елисаветы 1562 г.). Послѣдніе остатки привилегій городскихъ корпорацій— въ дѣйствительности они уже давно исчезли—упразднены закономъ 1835 года.

Во Франціи жалобы на игнорированіе промышленниками регламентовъ, которыми устанавливалось качество и размѣръ различныхъ тканей, раздаются уже въ XVII ст.; уже тогда многіе регламенты не исполнялись. Но еще болѣе они потеряли свое значеніе подъ вліяніемъ развившейся въ теченіе XVIII ст. промышленности въ деревняхъ, которая легализована была (она существовала уже гораздо раньше) въ 1762 г. (см. выше, стр. 303). „Деревенская индустрія—говоритъ проф. Е. В. Тарле—самымъ фактомъ своего существованія, безъ рѣзкихъ словъ и насильственныхъ дѣйствій, молчаливо и быстро подтачивала и разрушала два главныхъ установленія того времени: цеховую организацію и регламентацію промышленности“. Въ самомъ дѣлѣ, хотя деревенскіе „фабриканты“ (т. е. кустари) были подчинены (закономъ 1762 г.) тѣмъ же регламентамъ, какъ и городскіе цехи, но фактически они не доставляли изготовляемыхъ ими издѣлій (въ особ. тканей) въ мѣстныя контрольныя бюро для осмотра и наложенія клейма и, слѣдовательно, имѣли возможность отступать отъ требованій регламентовъ; живущіе же внѣ города и не входящіе въ составъ торговыхъ корпорацій купцы покупали у нихъ такой „неправильный“, „незаконный“ товаръ. А это отражалось и на городской цеховой промышленности: „деревня заражала своимъ непо-

виновенiемъ и городъ. Городскiе мастера не могли отставать отъ своихъ конкурентовъ—сельскихъ кустарей—и они стали открыто нарушать регламенты, установивъ для себя полную свободу; они „совсѣмъ не знаютъ ни цеховъ, ни какихъ бы то ни было стѣсненiй"—жалуются мѣстныя власти.

Въ 1774 г., со времени назначенiя Тюрго министромъ, началось и формальное уничтоженiе регламентовъ и цеховъ. Первые, вслѣдствiе административнаго распоряженiя 1775 г., перестали дѣйствовать; вторые были отмѣнены въ 1776 г.—запрещены были ремесленныя корпорацiи и установлена свобода для каждаго заниматься любымъ промысломъ. Правда, послѣ ухода Тюрго, спустя два года, эдиктъ о закрытiи цеховъ былъ отмѣненъ, но тѣ цехи, которые уже ранѣе, до отмѣны эдикта, были упразднены, не были возстановлены. При этомъ доступъ въ цехи былъ облегченъ, организацiя ихъ была значительно измѣнена. Ремесленники боролись и противъ такой реформы и послѣдняя осуществлялась весьма медленно вплоть до революцiи, когда Учредительное Собранiе одновременно съ отмѣной сеньорiальнаго строя объявило и цехи уничтоженными; а Конвентъ, осуществившiй свободу собственности и освободившiй крестьянъ отъ выкупа, осуществилъ и здѣсь на практикѣ это принципiальное постановленiе, предоставивъ всякому заниматься промыслами при условiи лишь выборки промысловаго свидѣтельства (patente), за которое уплачивается опредѣленный налогъ. Наконецъ, декретами того же года уничтожены были должности инспекторовъ мануфактуръ и закрыты были бюро для осмотра издѣлiй и наложенiя клейма—эти декреты только узаконили давно установившiйся порядокъ.

Во время консульства и имперiи и въ сферѣ промышленности, какъ и въ области аграрнаго строя, были сдѣланы попытки возстановить прежнiя ограниченiя, но въ обоихъ случаяхъ онѣ были одинаково безплодны. Только промыслы пекарей, мясниковъ и колбасниковъ были вновь подвергнуты регламентацiи; они были объединены въ закрытыя корпорацiи, для нихъ установлена обязательность полученiя концессiи для производства промысла, введены и таксы на хлѣбъ и мясо. Временно при Наполеонѣ I было подвергнуто ограниченiямъ производство оружiя и кромѣ того въ Парижѣ пивоваренный, печатный, строительный промыслы. Но все это были временныя и частичныя отступленiя—въ общемъ и впослѣдствiи господствовала свобода производства и избранiя занятiй; ни исключительныхъ привилегiй, ни корпорацiй, ни регламентовъ болѣе не существовало.

Медленнѣе развитiе шло въ Германiи, но въ области промышленности Пруссiя опередила другiя нѣмецкiя государства. Въ Пруссiи уже къ концу XVIII вѣка широко распространились идеи физiократовъ и Адама Смита о свободѣ труда, о томъ, что стѣснять человѣка въ пользованiи своимъ умѣньемъ и своими руками, значитъ нарушать самое святое право собственности. Изъ этого вытекала необходимость отмѣны цеховъ, изъ-за которыхъ многiе не могутъ заниматься промыслами, отмѣна всякой опеки и всякихъ привилегiй. Уже въ это время писатели заявляли, что предки сдѣлали глупость, учредивъ цехи, ибо этотъ институтъ совершенно безсмысленъ, называли цехи порожденiемъ темныхъ временъ, изобрѣтенiемъ зависти и эгоизма. Еще болѣе повлiяло въ этомъ направленiи установленiе свободы промысловъ во Францiи въ 1791 г. Но все же еще и къ началу XIX вѣка многiе изслѣдователи и государственные дѣятели Пруссiи не рѣ-

шались сразу покончить съ цехами, указывая и на хорошія стороны ихъ и требуя лишь реформъ въ либеральномъ духѣ; они настаивали на необходимости держаться средняго пути—частичной цеховой системы или ограниченной свободы промысловъ. Изъ этого неопредѣленнаго состоянія Пруссія была выведена разразившейся надъ ней катастрофой 1806 г., когда она вынуждена была (по Тильзитскому миру) уступить значительную часть своей территоріи. За частичными реформами 1806—1808 г.г., отмѣнявшими обязательность вступленія въ цехи для нѣкоторыхъ промысловъ, послѣдовалъ эдиктъ 1810 г., которымъ, по примѣру Франціи, устанавливалась полная свобода для всякаго заниматься любымъ промысломъ, подъ условіемъ взятія промысловаго свидѣтельства. Цехи какъ таковые сохраняются (эдиктъ 1811 г.); но каждый вправѣ выйти изъ состава цеха и продолжать промыселъ—члены цеха теряютъ всякія преимущества. По постановленію же большинства членовъ, цехи вовсе закрываются. Отмѣняются таксы; уничтожается всякое различіе между городомъ и деревней.

Среди цеховыхъ ремесленниковъ эдиктъ 1810 г. вызвалъ сильное раздраженіе. Въ теченіе многихъ лѣтъ послѣ его обнародованія города представляли правительству петицію за петиціей о возстановленіи прежняго состоянія, жалуясь на то, что результатомъ возможности для каждаго заниматься промыслами явится отсутствіе „порядка, прилежанія и морали въ ремеслѣ“. Исторія—заявлялъ магистратъ Кенигсберга — сможетъ когда-нибудь привести примѣры того, какъ города обезлюдѣли не вслѣдствіе насилія, а въ мирное время, изъ-за утеряннаго правопорядка. Еще долго цеховые мастера оказывали пассивное противодѣйствіе осуществленію свободы промысловъ, не принимая подмастерьевъ, которые были въ ученіи у нецеховыхъ ремесленниковъ; результатомъ этого было то, что послѣднимъ было весьма трудно получить учениковъ и подмастерьевъ. Но эдиктъ попрежнему оставался въ силѣ вплоть до 1845 г., когда началась реакція въ промышленномъ законодательствѣ. Ремесленный конгрессъ (ремесленный парламентъ, какъ его называли), происходившій во Франкфуртѣ въ 1848 г., протестовалъ „отъ имени милліоновъ несчастныхъ“ противъ свободы промысловъ и настаивалъ на возстановленіи цеховъ съ обязательнымъ участіемъ въ нихъ всѣхъ ремесленниковъ, на запрещеніи кому бы то ни было держать свыше двухъ учениковъ и производить одновременно болѣе одного промысла, а также заниматься ремеслами въ деревняхъ, наконецъ, на обложеніи фабрикъ въ пользу ремесла. Результатомъ этого и другихъ конгрессовъ ремесленниковъ въ эпоху революціи 1848 г. было изданіе закона 1849 г., которымъ имѣлось въ виду „сохраненіе и укрѣпленіе ремесла“ путемъ существенныхъ ограниченій свободы промысловъ: заниматься послѣдними вправѣ только тотъ, кто состоитъ членомъ цеха (причемъ онъ принимается по выдержаніи испытанія) или, не будучи имъ, выдержалъ особое испытаніе; а для того, чтобы быть допущеннымъ къ такому испытанію, необходимо пробыть три года ученикомъ, выдержать испытаніе на званіе подмастерья и затѣмъ пробыть три года подмастерьемъ. Устанавливался и рядъ другихъ ограниченій (въ отношеніи одновременнаго производства нѣсколькихъ ремеслъ, торговли ремесленными издѣліями и т. д.). Но было уже поздно: возвращеніе къ

цеховой системѣ, послѣ 40-лѣтняго господства свободы промысловъ, въ эпоху, когда въ Германіи широко распространялись фабрики и машины, когда строились желѣзныя дороги и развивался міровой рынокъ,—было уже немыслимо. Прусское правительство смотрѣло сквозь пальцы на нарушенія закона 1849 г.; учрежденія, необходимыя для выполненія различныхъ постановленій его (промысловыя палаты), вовсе не были созданы; да и среди ремесленниковъ, подъ вліяніемъ благопріятныхъ экономическихъ условій 1850-хъ годовъ, духъ исключительности и вѣра въ цехи вскорѣ значительно сократились.

Въ другихъ нѣмецкихъ государствахъ движеніе къ свободѣ промышленности шло гораздо медленнѣе, чѣмъ въ Пруссіи; оно началось позже, и мѣры были менѣе радикальны. Либо господствовала попрежнему концессіонная система: для занятія промысломъ нужно было получить разрѣшеніе властей, которое выдавалось на основаніи предварительнаго испытанія. Такъ это было въ Баваріи (законы 1811 и 1825 г.г.). Либо сохранялись цеховые промыслы, но цеховой характеръ выражался лишь въ обязанности вступить въ число гражданъ общины, гдѣ производится ремесло, и выдержать испытаніе—это находимъ въ Вюртембергѣ (законы 1828 и 1836 г.г.). Въ Баденѣ и Саксоніи до 60-хъ г.г. цехи оставались въ полной силѣ, только доступъ въ нихъ былъ облегченъ — различныя „злоупотребленія“ были отмѣнены. Лишь въ 1861—62 г.г. повсюду была установлена свобода промысловъ (Ольденбургъ, Саксонія, Вюртембергъ, Баденъ). Она была закрѣплена въ 1869 г. промысловымъ уставомъ (Gewerbeordnung) Сѣверо-германскаго союза, который сталъ затѣмъ въ 1871 г. имперскимъ закономъ. Въ 1859 г. она введена и въ Австріи: въ то время, какъ въ первой половинѣ XIX ст. въ большинствѣ промысловъ требовалась концессія, по этому закону такіе промыслы составляли лишь исключеніе, вызываемое соображеніями общественной пользы; всѣ же остальные промыслы были признаны свободными и производство ихъ было открыто всякому; требовалась лишь подача заявленія и выборка промысловаго свидѣтельства.

Однако, гораздо раньше, чѣмъ устранены были всѣ эти стѣсненія, крупное производство успѣло проложить себѣ дорогу. Повсюду, не взирая на различныя ограниченія, возникла и развивалась новая форма промышленности—фабрика, характерную черту которой составляетъ примѣненіе машинъ, замѣняющихъ трудъ человѣка. Машины появляются въ Англіи съ 70-хъ годовъ XVIII вѣка, примѣненіе ихъ обозначаетъ „промышленную революцію“.

Потребность въ замѣнѣ ручного труда машиннымъ ощущалась въ Англіи уже въ серединѣ XVIII вѣка. И хлопчатобумажная и шерстяная промышленность нуждались въ такомъ приспособленіи, при помощи котораго можно было бы въ одинаковый промежутокъ времени производить болѣе значительное количество пряжи, ибо чувствовался недостатокъ въ пряжѣ; прядильщики не въ состояніи были доставлять ткачамъ необходимое количество ея. Этотъ спросъ на пряжу еще болѣе усилился со времени примѣненія въ 1760-хъ годахъ въ ткацкомъ промыслѣ летучаго челнока, изобрѣтен-

наго Кэемъ, благодаря которому удвоилось количество продукта, производимаго въ теченіе дня ткачомъ. Экономическая необходимость заставляла теперь обратить особенное вниманіе на изобрѣтеніе прядильной машины, на усовершенствованіе техники прядильнаго промысла.

Результатомъ этого прядильнаго „голода“ и явилось изобрѣтеніе прядильной машины, появленіе которой знаменуетъ собою новую эру въ исторіи экономической жизни—эру машиннаго производства. Изобрѣтеніе прядильной машины связано съ именами Люиса Поля, Джона Уайета, Аркрайта, Харгривса и Кромптона. Изобрѣтеніе Поля и Уайета (1730-ые годы) стали примѣнять на практикѣ лишь съ начала 80-хъ годовъ XVIII в., когда ихъ прядильная машина была въ деталяхъ усовершенствована Аркрайтомъ. Однако, машина Аркрайта, названная ватерной, такъ какъ она приводилась въ движеніе силою воды, приготовляла слишкомъ толстыя нити, непригодныя для болѣе тонкихъ матерій. Необходимую для пряденія тонкихъ нитей машину изобрѣлъ Харгривсъ и назвалъ ее Дженни въ честь своей дочери. Наконецъ, вѣнцомъ этихъ изобрѣтеній явилась машина Кромптона. Послѣдній соединилъ въ одной машинѣ достоинства и водяного станка Аркрайта и изобрѣтенія Харгривса, такъ что получилась тонкая, какъ на Дженни, но вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпкая, какъ на ватерной машинѣ, нить. Кромптонъ назвалъ свой аппаратъ „мюль-машиной“ (отъ слова мулъ), помѣсью изъ двухъ различныхъ аппаратовъ. Если водяной станокъ Аркрайта далъ возможность выдѣлывать коленкоровыя ткани, издѣлія изъ чистаго хлопка, которыя ранѣе привозились изъ Индіи, то благодаря мюльной машинѣ, доставлявшей нить особенной тонкости, Англія опередила легендарную искусность индусовъ, производя муслинъ (кисею) особенной, совершено неизвѣстной до того времени, тонкости и нѣжности. Возникло новое производство муслина, центромъ котораго являлся Ланкаширъ, и въ 1785 г. Великобританія производила не менѣе 50 тысячъ штукъ муслина.

До изобрѣтенія прядильной машины чувствовался „прядильный голодъ“; теперь онъ былъ не только удовлетворенъ, но и удовлетворенъ съ избыткомъ: прядильщикъ въ состояніи былъ въ теченіе того же времени произвести въ 200 разъ больше, чѣмъ до появленія Дженни-машины. Картина рѣзко измѣнилась: уже не хватало ткачей для обработки всей производимой пряжи. Такимъ образомъ, снова не получалось равновѣсія, и положеніе было столь же неудовлетворительно, какъ и прежде; но причина его лежала уже въ иномъ направленіи. Въ 80-хъ годахъ XVIII вѣка прядильное производство значительно обгоняло ткацкій промыселъ, и послѣдній уже не поспѣвалъ за первымъ, замедляя изготовленіе бумажныхъ тканей. Это вызвало работу творческой мысли въ новомъ направленіи, стремленіе къ усовершенствованіямъ въ техникѣ ткацкаго производства. Дѣйствительно, вскорѣ былъ изобрѣтенъ Картрайтомъ механическій ткацкій станокъ; ткачъ, работавшій на немъ, создавалъ почти столько же, сколько 40 ручныхъ ткачей въ теченіе того же времени. Но на практикѣ онъ сталъ примѣняться лишь значительно позже—для этого нужны были еще усовершенствованія ткацкаго станка Радклиффомъ и Хорроксомъ. Только съ 1813 г. фабриканты стали пользоваться этимъ изобрѣтеніемъ, замѣнявшимъ и въ области тка-

чества физическій трудъ машиннымъ; но еще и впослѣдствіи они полагали что количество ручныхъ ткачей въ будущемъ не только не уменьшится, а, напротивъ, еще должно возрасти.

Первыя прядильныя машины приводились въ движеніе частью рукой человѣка, частью силой животныхъ—ословъ и лошадей, или силой воды. Но для болѣе крупныхъ предпріятій этихъ двигательныхъ силъ было недостаточно; фабрики съ болѣе значительнымъ количествомъ прядильныхъ машинъ могли возникать лишь при условіи примѣненія двигательной силы пара. Быстрый ростъ англійской бумагопрядильной индустріи и былъ результатомъ одновременнаго распространенія прядильной машины и изобрѣтеннаго Уаттомъ парового двигателя. Однако, было бы ошибочно предполагать, что изобрѣтеніе паровой машины было вызвано потребностью въ ней въ хлопчатобумажной промышленности; паровой двигатель былъ изобрѣтенъ гораздо раньше, чѣмъ необходимость въ новой силѣ природы стала ощущаться въ обрабатывающей промышленности. И изобрѣтеніе паровой машины было вызвано важными потребностями экономической жизни, но только не въ индустріи, а въ области горнаго дѣла. До 1780-хъ годовъ еще никто не могъ себѣ представить паровую машину иначе, какъ въ видѣ насоса для выкачиванія воды изъ рудниковъ.

Такова была первая паровая машина, изобрѣтенная Томасомъ Сэвери въ 1698 г. Сэвери было извѣстно тяжелое положеніе владѣльцевъ рудниковъ, которые едва въ состояніи были бороться съ напоромъ воды, и онъ рѣшилъ придти имъ на помощь. Въ его патентѣ машина названа изобрѣтеніемъ „для поднятія воды и для приведенія въ движеніе всевозможныхъ мельницъ двигательной силой огня“; Сэвери назвалъ ее „другомъ горнозаводчика“. Однако, вскорѣ выяснилось, что при пользованіи этимъ изобрѣтеніемъ опасность взрыва очень велика, а въ то же время сила машины была незначительна, и она поглощала такое количество топлива, что примѣненіе ея въ широкихъ размѣрахъ не могло быть экономически выгоднымъ. Примѣнялась машина только тамъ, гдѣ не требовалось большого количества силъ: она годилась для устройства фонтановъ, купаленъ, для орошенія садовъ.

Другомъ горнозаводчика водоподъемная машина Сэвери стала лишь въ усовершенствованной Ньюкоменомъ и Коуле формѣ. Въ этомъ видѣ она давала возможность выкачивать воду на глубинѣ вдвое большей, чѣмъ это было возможно раньше, и поэтому въ рудникахъ Корнуэльса появился сильный спросъ на нее уже въ 1720-хъ годахъ. Однако, при большомъ напорѣ воды и ея силъ не хватало. Нѣсколько десятилѣтій спустя, въ Корнуэльсѣ, дойдя до извѣстной глубины, приходилось уже снова прекращать производство; но тогда появилась изобрѣтенная Джемсомъ Уаттомъ паровая машина, примѣняемая въ производствѣ и до нашего времени. Всѣ съ напряженіемъ ожидали результатовъ дѣйствія новой машины, и она, дѣйствительно, превзошла наиболѣе смѣлыя надежды; уже при примѣненіи первыхъ двухъ машинъ въ рудникахъ Корнуэльса въ 1777 г. можно было убѣдиться въ преимуществахъ новаго изобрѣтенія, по сравненію съ предыдущими. „Скорость, сила, объемъ машины и страшный шумъ„ произво-

димый ею,—писалъ Уаттъ своему компаньону Больтону,—удовлетворили всѣхъ, кто ее видѣлъ,—и друзей и недруговъ. Я пускалъ ее два раза въ ходъ такимъ образомъ, чтобы она двигалась болѣе спокойно и дѣлала меньше шуму, но мистеръ Вильсонъ (владѣлецъ рудника) не можетъ спать, если не слышитъ ея бушеванія. Между прочимъ — изъ шума, производимаго машиной, люди, повидимому, заключаютъ о силѣ ея. Скромныя заслуги здѣсь столь же мало признаются, какъ и среди людей". Спустя три года, фирмой Больтонъ-Уаттъ было установлено 20 машинъ въ Корнуэльсѣ, произведено же было на этомъ заводѣ вдвое больше. Въ 1790 г. въ Корнуэльсѣ уже не было ни одной машины системы Сэвери-Ньюкомена; эта столь прославленная въ свое время водоподъемная машина была совершенно вытѣснена геніальнымъ изобрѣтеніемъ Уатта.

Лишь съ большимъ трудомъ Больтону удалось убѣдить Уатта приспособить водоподъемную машину къ нуждамъ обрабатывающей промышленности, дать возможность примѣненія и тамъ парового двигателя. Къ этому времени, въ 1780-хъ годахъ, потребность въ паровомъ двигателѣ ощущалась уже и въ обрабатывающей промышленности, не только въ хлопчатобумажной, но и въ металлургической.

Надо имѣть въ виду, что въ это время машинный способъ производства распространяется и въ металлургической индустріи: кричный молотъ и мѣха—ручные инструменты кузнеца, и древесный уголь при плавкѣ желѣза уступаютъ мѣсто воздуходувной машинѣ, пламенной печи на минеральномъ топливѣ и прокатному стану—автоматическимъ приспособленіямъ человѣческаго ума. До 1780-хъ г.г. развитіе желѣзодѣлательнаго производства было сопряжено съ большими затрудненіями, такъ какъ приводило къ истребленію лѣсовъ. При тогдашнихъ способахъ выдѣлыванія изъ руды желѣза сжигалось чрезвычайно много дерева: чтобы получить одну тонну желѣза, необходимо было сжечь четыре сажени дровъ строевого лѣса. Конечно, расчистка лѣсовъ приносила даже пользу, содѣйствуя развитію земледѣлія образованіемъ просѣкъ; но „прожорливые" желѣзодѣлательные заводы пожирали все, что только могло сгорать, такъ что большіе старые лѣса быстро исчезали. Лѣсъ цѣликомъ истреблялся и надо было выжидать много лѣтъ, пока онъ опять выростетъ. Чтобы положить конецъ безпощадному истребленію лѣсовъ въ ближайшихъ окрестностяхъ Лондона, жителями котораго овладѣло опасеніе, что столица вскорѣ вовсе не будетъ имѣть топлива по близости, уже въ 1581 г. было воспрещено актомъ парламента рубить лѣсъ для топлива на выдѣлку желѣза на протяженіи 14 миль отъ Темзы.

Такимъ образомъ, единственный исходъ заключался въ замѣнѣ лѣса минеральнымъ топливомъ. Еще въ началѣ XVII ст. было взято нѣсколько патентовъ на выдѣлку чугуна безъ употребленія древеснаго угля, но изобрѣтенія эти на практикѣ не примѣнялись; желѣзодѣлательное производство стало сокращаться, опасались, что оно вовсе исчезнетъ. Только въ 1735 году Абрагамъ Дерби достигъ, наконецъ, этой цѣли; но производство чугуна посредствомъ каменнаго угля стало примѣняться лишь полвѣка спустя, когда дальнѣйшій процессъ, превращеніе чугуна въ полосовое желѣзо, былъ усовер-

шенствованъ, сталъ производиться при помощи минеральнаго топлива. Это достигнуто было изобрѣтеніями Корта въ 1780-хъ г.г.; съ этихъ поръ обработка чугуна и прокатываніе его также производилось на каменноугольномъ топливѣ и притомъ новымъ механическимъ способомъ (пудлингованіе), примѣнявшимся въ металлургической промышленности въ теченіе столѣтія, отчасти существующимъ и до сихъ поръ. Результатомъ этого было то, что вмѣсто 18 тысячъ тоннъ полосового желѣза, вырабатываемыхъ въ Англіи въ пол. XVIII ст., въ 1821 г. производилось 400 тысячъ тоннъ. Въ серединѣ XVIII вѣка многіе держались того мнѣнія, что Англія можетъ обойтись безъ собственной желѣзодѣлательной промышленности, что ей выгоднѣе пользоваться желѣзомъ, привозимымъ изъ Испаніи, чѣмъ изготовлять его у себя дома, ибо этимъ предотвращалось бы истребленіе лѣсовъ. Въ началѣ XIX вѣка она, напротивъ, не только избавилась отъ иностранной зависимости въ полученіи желѣза для изготовленія машинъ и инструментовъ, но и стала вывозить этотъ металлъ въ огромномъ количествѣ въ другія страны.

Появленіе машинъ и фабричнаго способа производства во второй пол. XVIII в. объясняется, однако, не одной потребностью въ усовершенствованной техникѣ, но и тѣмъ уровнемъ, котораго достигли естественныя науки и техника въ это время. До половины XVIII вѣка эти изобрѣтенія были немыслимы по той простой причинѣ, что наука и техника стояли на слишкомъ низкой ступени развитія. Такъ, изобрѣтеніе паровой машины было результатомъ пріобрѣтенныхъ къ этому времени научныхъ свѣдѣній и постепенное развитіе ея происходило одновременно съ развитіемъ естественныхъ наукъ. Сэвери и Ньюкоменъ при устройствѣ ими паровой машины основывались на великомъ открытіи о давленіи воздуха, сдѣланномъ Торичелли въ 1643 г., тогда какъ до него думали, что природа не терпитъ пустого пространства. Причина несовершенства изобрѣтенной ими паровой машины коренилась въ отсутствіи научныхъ свѣдѣній о теплотѣ и ея свойствахъ. Точный приборъ для измѣренія теплоты былъ впервые изобрѣтенъ въ 1650 г. голландцемъ Дреббелемъ въ видѣ термометра съ растворомъ мѣднаго купороса; лишь въ 1714 г. Фаренгейтъ воспользовался ртутью для измѣренія температуры; за нимъ уже послѣдовали термометры Реомюра въ 1730 г. и Цельсія въ 1741 г. Далѣе, въ 1760 г. профессоромъ университета въ Глазго Блэкомъ были сдѣланы важныя открытія въ области теоріи теплоты: онъ выяснилъ понятія свободной и скрытой теплоты и удѣльной теплоты. Однимъ изъ наиболѣе прилежныхъ учениковъ Блэка былъ механикъ Уаттъ; пріобрѣвъ новыя свѣдѣнія по теоріи теплоты, Уаттъ приступилъ къ усовершенствованію паровой машины и сдѣлалъ свое великое изобрѣтеніе. Такимъ образомъ, на изобрѣтеніе паровой машины наука имѣла огромное вліяніе и безъ открытій, сдѣланныхъ въ области физики, это изобрѣтеніе было бы немыслимо.

Въ другихъ изобрѣтеніяхъ второй половины XVIII ст. это вліяніе не обнаруживается столь ясно, какъ въ исторіи паровой машины; однако, и здѣсь можно прослѣдить тѣ нити, которыми они связаны съ современной имъ техникой и естественной наукой.

Нерѣдко указываютъ на то, что эти изобрѣтенія были сдѣланы людьми, совершенно незнакомыми съ естественными науками: Харгривсъ, изобрѣтатель Дженни, былъ ткачъ, Аркрайтъ, изобрѣтатель ватерной машины, былъ цырюльникъ, Картрайтъ, изобрѣтатель механическаго ткацкаго станка, былъ сельскій священникъ. Дѣйствительно, эти изобрѣтенія не были созданы учеными механиками, подобно паровой машинѣ; но изобрѣтатели ихъ не были также лишь цырюльниками, священниками или простыми рабочими. Они были механиками, именно—часовыхъ дѣлъ мастерами. Такъ, цырюльникъ Аркрайтъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ часовыхъ дѣлъ мастеромъ; прозвище его было „ноттингэмскій часовщикъ". Точно также Фультонъ, изобрѣтатель парохода, былъ первоначально часовщикомъ; хотя онъ вскорѣ и бросилъ это занятіе но пріобрѣтенныя въ этомъ ремеслѣ свѣдѣнія имѣли большое вліяніе на конструкцію его изобрѣтеній. Съ нимъ познакомился Картрайтъ, впослѣдствіи изобрѣвшій механическій ткацкій станокъ, и также построилъ модель парохода, колеса котораго приводились въ движеніе посредствомъ часового механизма. Такимъ образомъ, и Картрайтъ былъ не только священникомъ, но и механикомъ. Наконецъ, и Харгривсъ соединялъ съ занятіемъ ткача профессію механика, принадлежалъ къ числу тѣхъ импровизированныхъ инженеровъ, которые въ тѣ времена, за отсутствіемъ настоящихъ инженеровъ, устанавливали водяныя и вѣтряныя мельницы, насосы и фонтаны, производили необходимыя починки въ механизмахъ и руководили ихъ конструкціей. Эти лица знали обыкновенно ариѳметику, отчасти и механику, умѣли чертить проекты, вычислять скорость и силу механизмовъ.

То обстоятельство, что изобрѣтатели въ области прядильно-ткацкой промышленности были знакомы съ часовой механикой, является крайне важнымъ для пониманія того, при какихъ условіяхъ возникли новыя изобрѣтенія. Сложность часового механизма и тонкость работы, необходимость имѣть дѣло съ цѣлой системой зубчатыхъ колесъ и пользоваться самыми разнообразными инструментами,—все это должно было подготовить будущихъ изобрѣтателей прядильной машины и механическаго ткацкаго станка. Дѣло въ томъ, что то же самое маховое колесо, которое первоначально примѣнялось въ искусствѣ изготовленія часовъ для регулированія ихъ хода, служило впослѣдствіи въ машинной техникѣ XVIII вѣка средствомъ для поддержанія хода машинъ. Но, находясь въ связи съ часовымъ искусствомъ, изобрѣтенія въ области пряденья и ткачества тѣмъ самымъ стоятъ въ связи и съ открытіями въ области естественныхъ наукъ, ибо уже первые успѣхи въ техникѣ часовъ всецѣло покоятся на новыхъ открытіяхъ, сдѣланныхъ въ физикѣ, на установленныхъ въ XVII в. Галилеемъ и Гюйгенсомъ законахъ колебанія маятника. Съ половины XVII в. часы уже стали точными приборами, основанными на выводахъ науки. Такимъ образомъ ясно, что изобрѣтеніе машинъ обусловливалось не только нуждой въ нихъ, но и успѣхами въ области естественныхъ наукъ и техники, и при отсутствіи послѣднихъ появленіе машинъ во второй пол. XVIII ст. было бы немыслимо даже при существованіи самой сильной потребности въ нихъ: машины появились именно во второй пол. XVIII в. по той причинѣ, что лишь къ этому времени термофизика и механика достигли необходимаго для сложныхъ техническихъ изобрѣтеній уровня развитія.

Промышленность и торговля Англіи въ теченіе всего XVIII вѣка быстро развивалась, и когда въ области естественныхъ наукъ были сдѣланы новые успѣхи, Англія въ состояніи была удовлетворить назрѣвшую потребность въ техническихъ улучшеніяхъ. Капиталъ уже былъ налицо, — это видно и изъ роста горнаго дѣла въ XVIII ст., и изъ размѣровъ государственнаго долга Англіи и низкаго процента, по которому заключались займы. На обиліе свободныхъ капиталовъ указываетъ и головокружительная спекуляція начала XVIII ст. (см. выше, стр. 395 и сл. 402). Предыдущимъ развитіемъ—обезземеленьемъ крестьянъ—былъ подготовленъ и другой, необходимый для фабричной промышленности элементъ—рабочая сила. Огораживанія XVIII вѣка заставили мелкихъ землевладѣльцевъ продаватъ

свои земли и уходить въ города въ качествѣ фабричныхъ рабочихъ (см. выше, стр. 269). Съ XVIII ст. исчезли промышленныя монополіи, а регламентація производства и цеховыя правила, хотя и не были оффиціально отмѣнены, но на практикѣ потеряли свое значеніе (см. стр. 463—64). Народился—какъ мы видѣли выше (см. стр. 434 и сл.)—и сталъ къ концу XVIII ст. уже массовымъ явленіемъ въ Англіи новый типъ предпринимателя, характерной чертой котораго являлась иниціатива, разсчетливость, затрата большого количества труда на веденіе предпріятія, стремленіе расширять сбытъ посредствомъ оповѣщенія покупателей, разсылки комивояжеровъ и т. д. и улучшать организацію и техническое оборудованіе примѣненіемъ новѣйшихъ усовершенствованій. Всѣ условія экономической жизни въ Англіи способствовали промышленному перевороту, все было какъ бы подготовлено для такого переворота, все ждало лишь толчка, который бы вызвалъ полное преобразованіе въ промышленной жизни страны. Такимъ толчкомъ явились машины.

Первоначально нѣсколько мюльныхъ машинъ или нѣсколько дженни, приводимыхъ въ движеніе руками человѣка, можно было установить въ любомъ мѣстѣ, въ томъ же жиломъ помѣщеніи, гдѣ прежде кустари работали ручнымъ способомъ; особыхъ зданій для этого еще не требовалось. Но позже, когда количество машинъ увеличивалось, производство расширялось, пріобрѣтались паровые двигатели, мастерская уже превращалась въ крупное фабричное предпріятіе. Появленіе первыхъ машинъ вызвало вражду къ нимъ какъ со стороны скупщиковъ-предпринимателей, такъ и со стороны мастеровъ-кустарей и самостоятельныхъ ремесленниковъ, со стороны всѣхъ предпринимателей стараго типа, которые не допускали никакихъ новшествъ вообще и въ частности въ разъ установившихся, примѣняемыхъ въ теченіе столѣтій способахъ производства, и опасались ихъ. Изобрѣтатели подвергались гоненіямъ; конкуренты-промышленники, услышавъ о новомъ изобрѣтеніи, являлись въ домъ изобрѣтателя, уничтожали модели или машины, на которыхъ онъ работалъ. Изобрѣтатели вынуждены были спасаться бѣгствомъ, какъ это испытали и Харгривсъ и Аркрайтъ—изобрѣтатели прядильной машины.

Но вскорѣ отношеніе предпринимателей къ изобрѣтеніямъ измѣнилось. Они поняли, что путемъ новыхъ машинъ можно нажить состояніе, что не бороться съ ними надо, а, наоборотъ, узнать какъ можно скорѣе секретъ новаго изобрѣтенія, скопировать его и примѣнять въ производствѣ, Теперь всякій старался воспользоваться новыми изобрѣтеніями, ничего не уплачивая авторамъ послѣднихъ, безцеремонно нарушая ихъ права. Таково было поведеніе владѣльцевъ металлургическихъ заводовъ въ отношеніи Корта; Уатъ и Больтонъ также вынуждены были возбуждать рядъ процессовъ противъ тѣхъ, кто незаконно пользовался паровой машиной. Другіе изобрѣтатели никакого патента на машину не брали и охотно предоставляли пользованіе ею всѣмъ и каждому. Но и тѣ, кто добивался патента, какъ, напр., Аркрайтъ, пользовались имъ недолго; владѣльцы фабрикъ добились того, что Аркрайтъ былъ лишенъ патента въ 1785 г. Послѣ того, какъ патентъ Аркрайта былъ уничтоженъ и изобрѣтателю за пользованье машиной уже

ничего не нужно было платить, ее стали широко примѣнять, началось распространеніе фабричной промышленности въ области хлопчатобумажнаго производства, совершавшееся съ чрезвычайной, прямо лихорадочной быстротой. „Всякій, кто имѣлъ капиталъ, хотя бы весьма небольшой, брался за это дѣло—лавочники, трактирщики, перевозчики товаровъ, всѣ они становились фабрикантами. Многіе изъ нихъ терпѣли неудачу и вынуждены были вернуться къ своимъ прежнимъ занятіямъ или увеличить собою армію фабричныхъ рабочихъ. Но другіе достигали своей цѣли и наживали состоянія, хотя и не имѣли понятія о той отрасли производства, посредствомъ которой обогащались". Много фабрикантовъ вышло изъ тѣхъ іоменовъ, которые вынуждены были покинуть свои земли вслѣдствіе огораживаній; они обнаружили большую предпріимчивость въ области промышленности и нерѣдко, наживъ богатства, покупали обратно земли отцовъ и дѣдовъ. Другіе превратились въ фабрикантовъ изъ скупщиковъ-предпринимателей, переставъ раздавать матеріалъ на домъ и помѣщая станки въ собственныхъ, наскоро выстроенныхъ, зданіяхъ. Было также много кустарей, мелкихъ мастеровъ, открывавшихъ фабрику на деньги, скопленныя въ предшествующіе годы изъ небольшой заработной платы. И въ области бумагопрядильной промышленности, и въ производствѣ гончарныхъ и металлическихъ издѣлій находимъ цѣлый рядъ случаевъ, когда рабочіе достигли положенія предпринимателя. Первоначально фабриканты жили еще весьма скромно; они не подражали лендлордамъ въ расточительности. Бережливость и разсчетливость новаго типа предпринимателя давала себя знать; пріобрѣтаемые доходы снова помѣщались въ предпріятія, затрачивались на расширеніе ихъ. Только когда благосостоянію семьи уже было положено основаніе и дѣлать сбереженія уже не было надобности, когда фабриканты уже свыклись съ своимъ новымъ положеніемъ,—тогда въ лицѣ ихъ дѣтей и внуковъ уже появилось новое поколѣніе, съ новыми потребностями и привычками, съ новыми расходами.

Самой трудной задачей фабриканта была организація предпріятія,— новая задача, которой скупщики-предприниматели, раздававшіе работу на домъ, еще не знали. Прежде всего кустари не соглашались покидать свои жилища и идти на фабрику; съ презрѣніемъ они относились къ тому, кто посылалъ туда своихъ дѣтей,—работа на фабрикѣ считалась низменной, недостойной мастера. Вслѣдствіе этого, рабочій персоналъ приходилось набирать изъ иныхъ элементовъ: крестьяне, ушедшіе изъ селъ, вслѣдствіе огораживаній, уволенные солдаты, нищіе, призрѣваемые приходами, подонки всѣхъ классовъ и слоевъ населенія,—вотъ кто шелъ на фабрику въ первый періодъ фабричнаго производства. Все это были люди совершенно недисциплинированные и неподготовленные къ фабричной работѣ, которыхъ нужно было прежде всего пріучить къ правильной работѣ, принаровить къ машинному способу производства. А это было нелегко, ибо рабочіе не только портили много матеріала, не умѣли обращаться съ машинами, но и вообще противились всякой организаціи производства, требовавшей отъ нихъ подчиненія и напряженнаго труда; дисциплина на фабрикѣ была для нихъ тяжела и невыносима. Обвиняя машины въ сокращеніи заработка, рабочій

относился къ нимъ крайне враждебно, портилъ и ломалъ ихъ. Всякое волненіе рабочихъ сопровождалось разгромомъ фабрикъ и уничтоженіемъ машинъ; разрушеніе машинъ составляло въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій явленіе обычное. Уже первыя дѣйствія этого рода вызвали законъ 1769 года, угрожавшій смертной казнью за разрушеніе зданія, въ которомъ имѣются машины, однимъ лицомъ или толпой незаконной и мятежной. Когда начинались волненія, сопровождавшіяся уничтоженіемъ машинъ рабочими, правительство посылало войска и дѣло оканчивалось кровопролитіемъ и ссылкой въ колоніи; но большинство участниковъ, благодаря содѣйствію населенія, ускользало отъ преслѣдованія: населеніе стояло въ этой борьбѣ на ихъ сторонѣ.

Однако, эти волненія, нанося убытки отдѣльнымъ предпринимателямъ, все же не могли задержать побѣдоносное шествіе фабричной промышленности. Фабрики росли и расширялись, промышленное населеніе страны увеличивалось на счетъ сельско-хозяйственнаго (см. выше, стр. 449). Крупнымъ промышленнымъ центромъ сталъ прежде всего Манчестеръ, въ которомъ и вокругъ котораго въ Лаканширѣ сосредоточивалась хлопчатобумажная промышленность. Въ 1727 году Дефоэ еще называлъ Манчестеръ однимъ изъ наиболѣе крупныхъ, пожалуй, крупнѣйшимъ селомъ Англіи; полвѣка спустя въ Манчестерѣ уже насчитывалось 3,400 домовъ и 22 тысячи жителей — сооруженіе каналовъ облегчило Манчестеру снабженіе углемъ и торговыя сношенія съ Ливерпулемъ. Но быстрый ростъ его начался позже: въ 1790 году только населеніе достигло 50 тысячъ, а десять лѣтъ спустя — 95 тысячъ; въ 1841 году оно равнялось 350 тыс. Въ 1786 г., по словамъ современника, надъ домами возвышалась лишь одна труба—изъ фабрики Аркрайта; черезъ 15 лѣтъ въ Манчестерѣ насчитывалось свыше 50 бумагопрядильныхъ фабрикъ, большинство которыхъ пользовалось силой пара.

Результаты новой техники производства сказались весьма быстро. Въ 1788 году расходы предпринимателя на сырье и трудъ при производствѣ хлопчатобумажной пряжи равнялись 12 шилл., въ 1800 году они, подъ вліяніемъ примѣненія прядильной машины, сократились до 3 шилл., т. е. составляли всего четвертую часть тѣхъ издержекъ, которыя необходимы были прежде для производства пряжи; наконецъ, въ 1830 г. расходы немногимъ превышали 1 шилл. Такое уменьшеніе издержекъ обозначало огромную экономію въ производствѣ. Оно сопровождалось сильнымъ удешевленіемъ бумажной пряжи: съ 35 шилл. въ 1788 г. цѣна фунта пряжи упала до 9 шилл. въ 1800 г. и до 3 шилл. въ 1830, т. е. населеніе уплачивало въ 1800 г. за фунтъ пряжи всего четвертую часть прежней цѣны, а въ 1830 г. всего одну двѣнадцатую часть того, что стоила пряжа до введенія машинъ. Благодаря этому, потребленіе бумажныхъ тканей чрезвычайно возрасло. По Эллисону, производство бумажной пряжи въ Англіи увеличилось съ 106 милл. фунтовъ въ 1819—21 г.г. до 216 милл. въ 1829—31 г.г. (т. е. почти удвоилось за десятилѣтіе), повысилось въ 1844—46 г.г. до 523 милл. и въ 1859—61 г.г. до 910 милл., слѣдовательно за 40 лѣтъ возросло въ 8—9 разъ. Производство бумажныхъ тканей, составлявшее еще въ 1819—21 г.г. всего 80 милл. ф. (тогда еще преобладало ручное ткачество), повысилось въ 1829—31 г.г.

до 143 милл., а въ особ. въ 1844—46 г.г. (широкое примѣненіе ткацкихъ машинъ) до 348 милл.; въ 1859—61 г.г. оно составляло 650 милл. Люди, которые прежде, вслѣдствіе дороговизны бумажныхъ матерій, не могли ихъ пріобрѣтать, получили теперь возможность потреблять ихъ, одѣваться въ дешевыя бумажныя издѣлія. Но страдало отъ всего этого мелкое ручное производство; вслѣдствіе появленія машинъ, заработки ручныхъ прядильщиковъ сильно упали и вскорѣ въ Англіи ручной трудъ въ прядильномъ производствѣ уже сталъ невозможенъ.

Но и въ самой фабричной промышленности Англіи далеко не все обстояло благополучно. Фабричное населеніе было населеніемъ нездоровымъ, невѣжественнымъ, жило въ печальныхъ матеріальныхъ условіяхъ. Рабочій день былъ продолжителенъ, составлялъ 12—13 час. и болѣе въ день; заработная плата стояла низко, плохо прокармливая рабочаго, вызывая необходимость жить въ грязныхъ жилищахъ скученно и бѣдно; широко примѣнялся трудъ не только взрослыхъ женщинъ, но и малолѣтнихъ дѣтей, которыхъ заставляли работать по 10—12 часовъ въ день. Однако, на основаніи такого рода фактовъ, еще нельзя утверждать, какъ это нерѣдко дѣлаютъ, что промышленный переворотъ оказался чрезвычайно пагубнымъ для фабричнаго населенія, что фабрика и машина вызвали всѣ эти бѣдствія; необходимо предварительно выяснить условія жизни рабочихъ въ предшествующій періодъ. Только путемъ сравненія между обоими періодами—до и послѣ распространенія фабрикъ, — можно опредѣлить, вызвало ли появленіе послѣднихъ, замѣна ручного производства фабричнымъ, ухудшеніе въ положеніи рабочихъ.

Что касается прежде всего наиболѣе важнаго момента, именно, размѣровъ заработка рабочихъ, то въ этомъ отношеніи, несомнѣнно, произошло сильное ухудшеніе. Правда, денежная или номинальная заработная плата рабочихъ въ общемъ не только не понизилась, а, напротивъ, даже увеличилась, т. е. возросло то количество денегъ, которое получалъ теперь англійскій рабочій отъ предпринимателя. Но еще скорѣе и въ еще большемъ размѣрѣ повышались цѣны на съѣстные припасы, такъ что даже увеличенная денежная плата означала для рабочаго меньшую реальную плату, чѣмъ прежде— онъ могъ пріобрѣсти на нее лишь меньшее количество нужныхъ ему товаровъ. Средній годовой заработокъ прядильщика на фабрикахъ составлялъ въ 1819—1821 г.г. 26 ф. ст., а 25 лѣтъ спустя (въ 1844—46 г.г.) 28 ф. 12 шилл., въ 1859—61 г.г. онъ равнялся 32 ф. 10 шилл. Между тѣмъ въ теченіе всего XVIII ст. промышленный рабочій, по вычисленіямъ Роджерса, зарабатывалъ въ лучшемъ случаѣ, т. е. когда онъ работалъ полныхъ 52 недѣли въ году, всего 15 фунт. 13 шилл. По сравненію съ этой послѣдней цифрой, и заработная плата въ бумаготкацкой промышленности въ эпоху введенія машинъ была выше, именно, годовой доходъ рабочаго равнялся, по Эллисону, въ 1819—1821 г.г. 20 фунтамъ 18 шилл., въ 1829—31 г.г. 19 фунт. 8 шилл. и повысился въ 1844—46 г.г. до 24 фунт. 10 шилл. и въ 1851—61 г.г. до 30 фунт. 15 ш. Наконецъ, и на шерстопрядильныхъ фабрикахъ заработная плата, по Бенсу, значительно возрасла между 1795 г. и 1805 г., именно, съ 16 шилл. 9 пенс. до 24 шилл. 8 пенс. въ недѣлю

и снова повысилась между 1805—1815 г.г. до 31 шилл. 8 пенс.; затѣмъ она упала до 20 шилл. 1 пенсъ въ недѣлю въ 1825 г. и, наконецъ, въ 1835 г. плата снова вернулась къ тому уровню, который занимала въ 1805 г., равняясь 25 шилл.

Такимъ образомъ, денежная плата въ эпоху введенія машинъ не только не сократилась, а, наоборотъ, увеличилась. Но въ то же время съ цѣнами на хлѣбъ произошла рѣзкая перемѣна: онѣ съ половины XVIII ст. возрастали все болѣе и болѣе (см. выше, стр. 451). Артуръ Юнгъ въ своемъ сочиненіи о цѣнахъ, вышедшемъ въ 1815 г., приходитъ къ тому выводу, что со времени 1760-хъ г.г. до 1812 г. цѣны на хлѣбъ въ Англіи повысились на 100 проц., и что въ томъ же размѣрѣ 100 проц. увеличилась и денежная заработная плата. Однако—прибавляетъ онъ—одновременно съ повышеніемъ цѣнъ на хлѣбъ и заработной платы на 100 проц. цѣна на съѣстные припасы вообще возрасла на 134 проц., ибо цѣна на мясо увеличилась на 146 проц., на масло на 140 проц., на сыръ — на 153 проц. Такимъ образомъ, реальная плата стояла на одну треть ниже, чѣмъ прежде, рабочій вынужденъ былъ теперь довольствоваться меньшимъ количествомъ съѣстныхъ припасовъ, чѣмъ за полстолѣтія ранѣе. Но существенно еще и другое обстоятельство. Даже при сопоставленіи однихъ только цѣнъ на хлѣбъ съ заработной платой—и тѣ, и другая возрасли, какъ мы видѣли, въ равномъ размѣрѣ—измѣненія въ нихъ совпадаютъ лишь въ томъ случаѣ, если имѣть въ виду крупные періоды. Напротивъ, по отдѣльнымъ годамъ такого параллельнаго движенія не существовало. Въ то время, какъ заработная плата въ теченіе десятилѣтія почти не измѣнялась, цѣна на хлѣбъ въ отдѣльные годы возрастала чуть ли не вдвое, и наступалъ голодъ; спустя же нѣсколько лѣтъ, цѣна снова понижалась до прежняго уровня. Такъ, за десятилѣтіе 1805—1814 г.г. цѣна на хлѣбъ составляла въ среднемъ 90 шилл. за квартеръ, а въ 1815—1824 г.г. равнялась 64 шилл. Этому соотвѣтствовала и денежная плата. Однако, въ отдѣльные годы, какъ, напр., въ 1800—1801 г.г., въ 1809—1813 г.г., въ 1816—1817 г.г., цѣна хлѣба превышала 100 шилл., доходя до 135 шилл., заработная же плата сохраняла свой прежній размѣръ. Въ эти годы рабочіе классы прямо голодали, приходы вынуждены были приходить имъ на помощь, затрачивая милліоны на поддержаніе бѣдствующаго населенія.

Такимъ образомъ, денежная плата повысилась недостаточно; она не соотвѣтствовала возрастанію цѣнъ на хлѣбъ за отдѣльные годы, не соотвѣтствовала увеличенію цѣнъ на другіе припасы. Но едва ли причину этого можно приписывать переходу отъ кустарной промышленности къ фабрикѣ, отъ ручного труда къ машинному. Иногда указываютъ на то, что промышленная революція выражалась прежде всего въ лишеніи заработка сотенъ тысячъ кустарей, производившихъ ручнымъ способомъ, а это должно было вызвать сильнѣйшее пониженіе заработной платы. Дѣйствительно, какъ мы видѣли выше, послѣ появленія прядильной машины бумагопряденье стало вскорѣ фабричнымъ производствомъ, и уже въ началѣ XIX вѣка ручное пряденье хлопка на дому отошло въ Англіи въ область преданія. Но это касалось лишь одной отрасли труда; въ другихъ областяхъ

промышленности до 1820 г. примѣненіе машинъ составляло лишь единичное явленіе, ни о какомъ вытѣсненіи ручного труда, ни о какомъ лишеніи заработка ручныхъ рабочихъ на дому не могло быть и рѣчи. Между тѣмъ бѣдственное положеніе рабочихъ вообще относится именно къ этой эпохѣ, къ концу XVIII ст. и первымъ двумъ десятилѣтіямъ XIX вѣка. Такъ, въ области шерстопрядильнаго производства первыя машины появляются лишь около 1815 г., но распространяются въ значительномъ количествѣ лишь гораздо позже. Еще важнѣе то обстоятельство, что механическій ткацкій станъ сталъ входить въ употребленіе лишь въ 20-хъ годахъ XIX вѣка. Въ 1813 году въ Англіи насчитывалось всего 2,400 механическихъ ткацкихъ станковъ, а ручныхъ станковъ было около 200,000; переходъ ручныхъ ткачей на фабрики совершался лишь въ 30-хъ и 40-хъ годахъ. Такимъ образомъ, въ области ткачества до 20-хъ годовъ XIX вѣка вліяніе машины еще совершенно не чувствовалось, ручной трудъ еще процвѣталъ. Мало того, какъ мы видѣли выше, примѣненіе прядильной машины въ хлопчатобумажной промышленности содѣйствовало расцвѣту ручного ткачества; не хватало ткачей для обработки всего того огромнаго количества пряжи, которое доставляли новыя бумагопрядильныя машины. Такъ что та единственная категорія рабочихъ, которая въ 1780—1820 г.г. вытѣснялась машиной — бумагопрядильщики, находила себѣ въ эту эпоху заработокъ въ ткацкомъ производствѣ.

Такимъ образомъ, въ концѣ XVIII ст. и первой четверти XIX вѣка спросъ на рабочія руки не уменьшился, и если всетаки рабочіе не могли добиться увеличенія заработной платы, соотвѣтственно росту цѣнъ на съѣстные припасы, то это, очевидно, надо приписать совершенно инымъ причинамъ.

Что касается установленія принципа свободной конкурренціи, благодаря которой рабочій при заключеніи договора съ предпринимателемъ признавался формально равноправнымъ послѣднему, то свобода договора не могла сразу измѣнить положенія рабочаго. Хотя рабочій и пользовался теперь, съ отмѣной прежнихъ законодательныхъ постановленій, правомъ покинуть въ любое время своего хозяина и перейти въ другое заведеніе въ той же или иной мѣстности, но фактически онъ лишенъ былъ возможности осуществить это право,—онъ не въ состояніи былъ ни узнать, гдѣ условія труда болѣе выгодны, ни своевременно принять мѣры къ полученію работы на болѣе благопріятныхъ условіяхъ, ни, наконецъ, добыть необходимыя средства для переѣзда въ другія мѣста. Наиболѣе существенное право—право коалицій не было дано рабочему, а при отсутствіи его, фактически договоръ являлся попрежнему одностороннимъ постановленіемъ хозяина, которому рабочій по старой привычкѣ совершенно подчинялся. Быстрый же ростъ населенія въ Англіи въ эпоху 1781—1821 г.г. дѣлалъ положеніе рабочаго особенно невыгоднымъ: приростъ составлялъ—какъ мы указывали (см. стр. 448 и сл.) — въ послѣднія два десятилѣтія XVIII ст. 9 и 11 проц., и въ первыя два десятилѣтія XIX вѣка даже 14 и 18 проц. (за десятилѣтіе). Если имѣть въ виду, что во Франціи съ 1789—1801 г.г. населеніе почти не возрасло, а въ первой половинѣ XIX ст. возрастаніе его происходило приблизительно въ тѣхъ же размѣрахъ, какъ въ Англіи до 1780-хъ г.г., не пре-

вышая 5—7 проц. въ десятилѣтіе,—то станетъ понятнымъ, что въ Англіи оказывался избытокъ рабочихъ рукъ, который не находилъ себѣ примѣненія и который мѣшалъ и другимъ рабочимъ добиться платы, соотвѣтствовавшей измѣненіямъ цѣнъ на съѣстные припасы.

Рабочій день въ XVII—XVIII ст.—какъ мы видѣли выше (см. стр. 329)—былъ весьма продолжителенъ; въ Лондонѣ въ 1774 г. огромное большинство предпріятій работало съ 6 час. утра до 8—9 час. вечера, т. е. 14—15 час. въ сутки. Какъ указываетъ Сидней Веббъ, „въ 1797 г. англійскій рабочій трудился обыкновенно 72 часа въ недѣлю, и это составляло уже шагъ впередъ по сравненію съ 1747 г., когда большинство работало 75—80 часовъ въ недѣлю“. Въ послѣдующую эпоху рабочій день временно возвращается къ тому размѣру, который являлся обычнымъ въ первой пол. XVIII в. Именно, въ 1804 г. на бумагопрядильныхъ фабрикахъ рабочее время составляло 74—80 час. въ недѣлю, т. е. столько же, сколько мы находимъ въ предпріятіяхъ съ ручнымъ трудомъ, до появленія машинъ, въ 1747 году. Но затѣмъ въ 1814 году продолжительность труда сократилась на бумагопрядильняхъ до 74 часовъ въ недѣлю, а въ 20-хъ и 30-хъ годахъ и до 69—70 часовъ, т. е. рабочій день съ 14—15 час. уменьшился до 12 часовъ. Точно также и на бумаготкацкихъ фабрикахъ господствовалъ рабочій день въ 14—15 час. только въ 1814 году, когда механическій станокъ примѣнялся еще весьма мало. Напротивъ, въ 1832 г., когда ручной трудъ и въ бумаготкацкомъ производствѣ былъ уже въ значительной степени замѣненъ машиннымъ, работа продолжалась не болѣе 72 час. въ недѣлю, т. е. 13 час. въ день. Сравнительно съ 8 и 9-часовымъ рабочимъ днемъ, господствующимъ въ Англіи въ настоящее время, 13 часовъ составляютъ, конечно, крайне длинный рабочій день, и уже въ 1860-хъ и 70-хъ г.г., а тѣмъ болѣе въ настоящее время, писатели не хотѣли вѣрить, чтобы до введенія машинъ продолжительность рабочаго времени могла быть еще больше; напротивъ, они полагали, что введеніе машинъ вызвало такое увеличеніе продолжительности труда. Однако, въ дѣйствительности, при изученіи рабочаго дня въ предшествующую промышленному перевороту эпоху, приходится признать, что распространеніе машинъ вызвало не ухудшеніе, а, напротивъ, даже извѣстный прогрессъ въ этомъ направленіи.

То же самое мы должны сказать и въ отношеніи степени распространенія въ промышленности труда женщинъ и дѣтей. Изъ анкетъ, произведенныхъ парламентомъ, мы узнаемъ о сильнѣйшей эксплоатаціи дѣтей на фабрикахъ (и въ рудникахъ); о полуголодныхъ дѣтяхъ 6—7 лѣтъ, которыя работаютъ цѣлыми днями, нерѣдко и ночью, не имѣя даже времени для принятія пищи, а принимая ее во время самой работы. Но какъ ни ужасны эти описанія, новаго они ничего не представляютъ собою. Какъ мы видѣли выше, уже въ XVII и XVIII ст., задолго до появленія фабрикъ, и въ Англіи и на континентѣ Европы трудъ малолѣтнихъ примѣнялся въ широкихъ размѣрахъ и всѣ стремленія того времени были направлены къ возможно лучшему использованію этого дешеваго труда (см. выше, стр. 329 и слѣд.).

Наиболѣе ужасной эта эксплоатація дѣтей становилась тогда, когда фабриканты пользовались трудомъ сиротъ, получаемыхъ ими изъ домовъ призрѣнія. Сэръ Фредерикъ Эденъ, сочиненіе котораго относится къ 1797 году, указываетъ на то, что въ Англіи съ появленіемъ машинъ, приводимыхъ въ движеніе силою воды, оказалась потребность въ рабочей силѣ дѣтей въ мѣстностяхъ съ проточной водой. Сюда и посылались тысячи дѣтей въ возрастѣ 7—13 лѣтъ изъ общинныхъ пріютовъ Лондона, Бирмингема и другихъ городовъ. Съ изобрѣтеніемъ паровой машины эта присылка дѣтей, впрочемъ, значительно сократилась, ибо промышленность уже не сосредоточивалась болѣе въ мѣстахъ, расположенныхъ у рѣкъ, а могла распространяться повсемѣстно. Однако, еще въ 1815 г. въ англійскомъ парламентѣ указывалось на существованіе подобныхъ злоупотребленій: одинъ фабрикантъ пріобрѣлъ у лондонскаго прихода извѣстное количество мальчиковъ, которыхъ уступилъ другому фабриканту, послѣдній же сильнѣйшимъ образомъ эксплоатировалъ ихъ. Въ другомъ случаѣ фабрикантъ изъ Ланкашира заключилъ договоръ съ лондонскимъ приходомъ, на основаніи котораго онъ обязался брать у послѣдняго на каждыхъ двадцать здоровыхъ дѣтей одного идіота.

Какъ ни ужасенъ этотъ родъ эксплоатаціи дѣтей, „похищеніе дѣтей", какъ его называетъ Марксъ, но и онъ не является характернымъ для эпохи примѣненія машинъ. Въ Англіи и раньше приходы освобождали себя отъ необходимости тратить общинныя суммы на бѣдныхъ дѣтей, отдавая послѣднихъ въ работу кустарямъ и ремесленникамъ. По закону Елисаветы 1601 года, смотрители бѣдныхъ каждаго прихода обязаны были отдавать дѣтей въ ученичество: мальчиковъ до достиженія ими 24-лѣтняго возраста, дѣвочекъ—до 21 года. Законъ 1697 года обязывалъ промышленниковъ, по назначенію мировыхъ судей, брать къ себѣ дѣтей изъ приходовъ въ качествѣ учениковъ подъ страхомъ штрафа въ 10 ф. стерл. Дѣйствительно, напр., въ чулочномъ производствѣ въ началѣ XVIII вѣка мастера брали дѣтей въ огромномъ количествѣ, такъ что нерѣдко приходилось брать по десяти и болѣе малолѣтнихъ на одного взрослаго рабочаго, хотя это и было запрещено закономъ. Но причина этихъ нарушеній закона заключалась въ томъ, что хозяева получали отъ приходскихъ совѣтовъ по 5 фунтовъ стерл. за каждаго малолѣтняго, отъ котораго освобождалась приходская казна. Положеніе этихъ дѣтей было крайне печальное, граничившее съ голодной смертью; нерѣдко въ мастерской имѣлся всего одинъ камзолъ, который надѣвалъ каждый разъ тотъ, кому приходилось выйти изъ мастерской.

Конечно, до появленія фабрикъ, когда главной формой производства являлась кустарная промышленность, дѣти работали преимущественно на дому, въ семьѣ; лишь со времени примѣненія машинъ они вынуждены были перейти на фабрику, гдѣ условія производства оказывали на нихъ особенно вредное вліяніе, гдѣ санитарныя условія были, пожалуй, еще хуже, чѣмъ въ избахъ и мастерскихъ кустарей. Конечно, машинное производство дѣлало дѣтскій трудъ особенно выгоднымъ и удобнымъ для фабриканта, присоединяя, такимъ образомъ, къ прежнимъ мотивамъ, вызывавшимъ пользованіе имъ, еще новый: нерѣдко представлялась возможность замѣнить взрослыхъ рабочихъ малолѣтними,—для надзора за машинами во многихъ случаяхъ и они были вполнѣ пригодны. Но все же не слѣдуетъ забывать, что основныя причины пользованія трудомъ женщинъ и дѣтей лежали гораздо глубже. Онѣ коренились въ общемъ характерѣ міровоззрѣнія людей XVII—XVIII ст., вытекали изъ указанной выше промышленной политики того времени, когда все было направлено къ одной цѣли: увеличивать производство и вывозъ промышленныхъ издѣлій изъ страны, для чего нужно было всячески сокращать расходы въ производствѣ товаровъ. Поэтому государство устанавливало минимумъ продолжительности рабочаго дня, опредѣляло высшій размѣръ заработной платы, покровительствовало примѣненію

дѣтскаго труда, ибо послѣдній былъ дешевле труда взрослыхъ, да и дѣти съ раннихъ лѣтъ пріучались къ полезному труду, научались работать (см. стр. 330).

Вся эта политика сохранилась и съ появленіемъ фабрикъ въ концѣ XVIII вѣка. И лишь постепенно, съ начала XIX ст., взгляды стали измѣняться, началась борьба съ трудомъ малолѣтнихъ, который теперь уже считали явленіемъ вреднымъ, опаснымъ для физическаго и умственнаго развитія новаго поколѣнія, борьба съ чрезмѣрно-длиннымъ рабочимъ днемъ, вообще, съ другими неблагопріятными условіями производства. Интересы рабочаго, какъ личности, стали выдвигать на первый планъ: они ставились выше, чѣмъ дешевизна производства, чѣмъ возможность побивать дешевымъ трудомъ конкуррентовъ въ лицѣ другихъ странъ; а къ тому же стало выясняться, что болѣе дешевый трудъ далеко не всегда и болѣе выгодный.

Не слѣдуетъ однако упускать изъ виду, что первые шаги въ этомъ направленіи сдѣланы были еще до появленія машинъ и находятся въ связи съ тѣмъ общимъ лозунгомъ гуманности, который во второй половинѣ XVIII вѣка проникаетъ въ общественное самосознаніе. Приложеніе дѣтскаго труда въ промышленности, еще недавно вызывавшее полное сочувствіе, подъ вліяніемъ эксплоатаціи приходскихъ учениковъ мастерами, которымъ они издавна (съ XVI ст.) отдавались въ обученіе, вызвалъ требованіе вмѣшательства со стороны государства въ область примѣненія дѣтскаго труда. Въ 1747 г. (т. е. задолго до появленія машинъ) мировымъ судьямъ предоставлено право отнимать учениковъ у мастеровъ, дурно съ ними обращающихся. Подобныя же постановленія повторяются въ расширенномъ видѣ законами 1792 и 1802 г.г.; послѣдній считается началомъ фабричнаго законодательства, хотя онъ является въ сущности продолженіемъ предыдущаго законодательства о приходскихъ ученикахъ и касается, подобно имъ, только послѣднихъ, но не прочихъ малолѣтнихъ. Согласно этому закону, приходскимъ ученикамъ, работающимъ на хлопчатобумажныхъ и шерстяныхъ фабрикахъ, запрещена ночная работа; рабочій день для нихъ опредѣленъ въ 12 часовъ, мальчики и дѣвочки должны помѣщаться въ отдѣльныхъ спальняхъ и въ одной постели не должно спать болѣе двухъ дѣтей; наконецъ, эти фабрики должны окрашиваться два раза въ годъ и должны имѣть достаточное количество оконъ; дѣти должны обучаться чтенію, письму и ариѳметикѣ и должны по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ посѣщать церковь.

Касаясь однихъ лишь приходскихъ учениковъ, законъ 1802 г. имѣетъ однако принципіальное значеніе, вслѣдствіе того, что—въ отличіе отъ предыдущаго законодательства о приходскихъ ученикахъ—впервые устанавливаетъ ограниченія продолжительности ихъ труда и въ этомъ смыслѣ является исходной точкой для послѣдующаго законодательства, опредѣляющаго продолжительность труда для различныхъ группъ фабричныхъ рабочихъ. Но переходъ отъ приходскихъ учениковъ къ другимъ категоріямъ рабочихъ, даже къ „свободнымъ дѣтямъ" былъ весьма нелегокъ. Хотя лица, которымъ былъ порученъ надзоръ надъ трудомъ малолѣтнихъ, находили очень неблагопріятныя условія приложенія дѣтскаго труда на фабрикахъ, но поскольку эти условія касались не учениковъ, а „другихъ" дѣтей, они не

считали возможнымъ вмѣшиваться и требовать устраненія злоупотребленій. Представляя собою лишь дальнѣйшее развитіе мѣропріятій государства въ защиту призрѣваемыхъ дѣтей, законъ 1802 г. — какъ указываетъ Г. Г. Швиттау—не встрѣтилъ никакой оппозиціи. Но стоило только подняться вопросу о дѣйствительномъ ограниченіи труда малолѣтнихъ рабочихъ, какъ тотчасъ же началась ожесточенная борьба и лишь путемъ компромисса (въ данномъ случаѣ между знаменитымъ Робертомъ Оуэномъ и промышленниками) получился законъ 1819 года; онъ охватываетъ малолѣтнихъ рабочихъ моложе 9 лѣтъ вообще, которымъ запрещена работа въ бумагопрядильняхъ; онъ касается и другой группы несовершеннолѣтнихъ рабочихъ—подростковъ моложе 16 лѣтъ, (съ 1831 г. моложе 18 лѣтъ), для которыхъ рабочій день ограниченъ 12 часами и запрещенъ ночной трудъ. Законъ 1819 г. распространяется, слѣдовательно, не только на малолѣтнихъ, но выступаетъ въ защиту и другихъ категорій рабочаго населенія. Онъ является исходной точкой борьбы за десятичасовой рабочій день.

Слѣдующій законъ 1833 г., касающійся не только хлопчатобумажныхъ, но всякаго рода текстильныхъ фабрикъ, вовсе запрещаетъ работу дѣтей до 9 лѣтъ, трудъ же малолѣтнихъ 9—13 лѣтъ ограничиваетъ 9 часами въ день, а подростковъ 13—18 лѣтъ—12 часами; тѣмъ и другимъ запрещенъ ночной трудъ. Для малолѣтнихъ 9—13 лѣтъ обязательно посѣщеніе школы въ теченіе не менѣе 2 часовъ ежедневно. Еще существеннѣе, однако, то обстоятельство, что въ 1833 г. введена фабричная инспекція для надзора за осуществленіемъ фабричнаго законодательства; вслѣдствіе этого, законъ 1833 г. былъ первымъ, имѣвшимъ реальное, а не только принципіальное значеніе, ибо прежніе законы оставались въ сущности на бумагѣ. Слѣдующіе законы 1844 и 1847 г.г. распространяются и на женщинъ—признается, слѣдовательно, то положеніе, что государство должно защищать не только дѣтей и несовершеннолѣтнихъ. Для женщинъ и подростковъ установленъ (въ 1847 г.) 10-часовой рабочій день (58 часовъ въ недѣлю), осуществлено давнишнее требованіе рабочихъ. Для малолѣтнихъ 9—13 лѣтъ рабочій день ограниченъ $6^1/_2$ час. (законъ 1844 г.); но и теперь фабричное законодательство относится лишь къ текстильной промышленности. Только законъ 1867 г. распространяетъ эти постановленія на всю фабричную промышленность.

Конечно, все это законодательство проводилось не безъ сильнаго противодѣйствія, оказываемаго промышленниками, на сторонѣ которыхъ была и наука того времени. Вмѣшательство въ отношенія между предпринимателями и рабочими, въ заключаемый ими договоръ противорѣчило принципу свободы договора; такого рода отступленія считались весьма опасными, вредными для самихъ же рабочихъ, свобода которыхъ въ этомъ случаѣ стѣснялась; они разсматривались какъ возвращеніе къ правительственной опекѣ промышленности, господствовавшей въ предыдущія эпохи. На самомъ дѣлѣ, они представляли собою совершенно новую эру: отъ законодательства, изданнаго въ интересахъ предпринимателей (сокращеніе заработной платы, удлиненіе рабочаго дня, усиленіе зависимости рабочаго—см. характеристику періода ранняго капитализма у Маркса), черезъ кратковременный періодъ формально свободнаго

договора Англія перешла уже въ началѣ XIX вѣка къ фабричному законодательству—къ ограниченію эксплоатаціи труда капиталомъ.

Ростъ фабричной промышленности заставилъ Англію вскорѣ отказаться и отъ другой идеи, господствовавшей вѣками—идеи о недопустимости рабочихъ союзовъ. Законъ 1799 г., объединяя прежнія запрещенія, еще признаетъ недѣйствительными и наказуемыми всякаго рода соглашенія и соединенія рабочихъ, имѣющія цѣлью въ особенности добиться увеличенія заработной платы или сокращенія рабочаго дня. Онъ рѣзко проводитъ мысль, свойственную предыдущимъ эпохамъ, о томъ, что рабочій долженъ довольствоваться обычной платой и ни подъ какимъ видомъ не можетъ дѣлать шаговъ, которые заставили бы предпринимателя повысить ее. Напротивъ, законъ 1824 г., хотя и съ ограниченіями 1825 г., принципіально признаетъ свободу рабочихъ союзовъ и стачекъ—соглашенія рабочихъ въ цѣляхъ повышенія заработной платы и сокращенія рабочаго дня, ненаказуемы. Хотя стѣсненія въ осуществленіи коалиціоннаго права еще далеко не устранялись въ 1824—25 г.г. и еще долго отношеніе общества и государства къ рабочимъ союзамъ было отрицательное, но все же, подобно первымъ фабричнымъ законамъ, это обозначало переходъ къ совершенно новому принципу, переходъ, совершившійся уже въ 20-хъ годахъ XIX вѣка. Практическое значеніе трэдъ-юніонизмъ пріобрѣлъ лишь съ 1840-хъ годовъ, ибо ранѣе (въ особ. въ 1830-хъ г.г.) возникшіе союзы столь же быстро распадались, какъ появлялись на свѣтъ. Событіе въ исторіи трэдъ-юніонизма составляетъ учрежденіе въ 1844 г. союза рудокоповъ съ большимъ числомъ членовъ, въ особ. же въ 1851 г., организаціи соединенныхъ (amalgamated) машиностроительныхъ рабочихъ; за ними слѣдуетъ союзъ строительныхъ рабочихъ. На конгрессахъ трэдъ-юніоновъ было представлено въ 1867 г. 155 тыс. рабочихъ, а четыре года спустя—280 тыс.

Совершенно иныя условія господствовали въ концѣ XVIII и началѣ XIX ст. на континентѣ Европы. Потребность въ замѣнѣ древеснаго топлива минеральнымъ, въ виду истребленія лѣсовъ желѣзодѣлательными заводами, ощущалась и на континентѣ Европы уже въ теченіе XVIII вѣка (декретъ бельгійскій 1723 г., жалобы во Франціи, запрещенія рубки лѣсовъ въ Пруссіи и другихъ нѣмецкихъ государствахъ въ XVIII ст.). Еще болѣе чувствовался въ XVIII ст. недостатокъ въ пряжѣ въ главныхъ центрахъ хлопчатобумажной промышленности—Саксоніи, Эльзасѣ, швейцарскомъ кантонѣ Санктъ-Галленѣ. Въ области шерстяной и льняной промышленности вывозъ пряжи запрещался; торговкамъ, женамъ ремесленниковъ, солдатамъ предписывалось въ Пруссіи заниматься пряденьемъ; прядильщикамъ выдавались ежегодныя преміи; устраивались цѣлыя прядильныя колоніи. Несмотря на всяческія поощренія, на устройство прядиленъ въ работныхъ домахъ и сиротскихъ пріютахъ (см. выше, стр. 316), пряжи не хватало, ибо, вслѣдствіе отсталой техники пряденья, на одного ткача необходимо было десять прядильщиковъ.

И все же, несмотря на наличность потребности въ техническихъ усовершенствованіяхъ и на континентѣ, машины появились не здѣсь,

а въ Англіи. И даже послѣ этого новыя англійскія изобрѣтенія примѣнялись на континентѣ весьма медленно. И то и другое объяснялось прежде всего отсталостью континента въ области техники. И тамъ появлялись доморощенные механики (или „художники“, какъ ихъ называли), которые брались устранить существующія неудобства и изобрѣсти различнаго рода машины. Однако, поскольку ихъ изобрѣтенія оказывались не фантазіей, а дѣйствительно примѣнимыми на практикѣ, это были на самомъ дѣлѣ уже давно извѣстныя англійскія машины. Но даже воспользоваться англійскими моделями и построить на основаніи ихъ машину эти механики далеко не всегда умѣли; а когда привезенная изъ Англіи машина портилась, они не въ состояніи были исправить поломанныя части. Необходимо было такимъ образомъ вывозить изъ Англіи не только модели новыхъ изобрѣтеній, но и самыя машины—паровые котлы, ткацкіе станки, выписывать и англійскихъ механиковъ для надзора за работой машинъ и ремонтированія ихъ. А это было весьма трудно, такъ какъ Англія запрещала вывозъ машинъ, эмиграцію механиковъ и рабочихъ—она желала секретъ изобрѣтеній сохранить для себя. Во Франціи въ эпоху революціи—какъ указываетъ проф. Е. В. Тарле—подавляющему большинству промышленниковъ англійскія изобрѣтенія были вовсе неизвѣстны, несмотря на то, что промышленники, употреблявшіе англійскія машины, получали правительственныя субсидіи, и даже оффиціальныя лица обращались къ промышленникамъ съ просьбой вывезти изъ Англіи машины контрабанднымъ путемъ. „Промышленники—читаемъ далѣе — обращаются къ правительству съ просьбой снабдить ихъ плѣнными англичанами и женить послѣднихъ поскорѣе во Франціи, чтобы привязать ихъ къ странѣ, причемъ рѣчь идетъ даже не о механикахъ, а касается обыкновенныхъ рабочихъ, вся заслуга которыхъ заключалась лишь въ томъ, что онѣ работали на англійскихъ фабрикахъ“.

Если къ этому прибавимъ, что Германія послѣ наполеоновскихъ войнъ была весьма бѣдна капиталами, что безземельный рабочій классъ и въ Пруссіи и во Франціи появлялся лишь медленно, что исключительныя привилегіи, выдаваемыя промышленникамъ, продолжали еще существовать, а въ южной Германіи господствовала еще и цеховая система,—то станетъ понятнымъ, почему распространеніе фабричной промышленности на континентѣ происходило лишь весьма медленно. До 1850 г. примѣненіе паровыхъ машинъ на континентѣ Европы было незначительно: въ то время, какъ въ Англіи паровая машина примѣнялась въ обрабатывающей промышленности уже съ 1780-хъ гг. и въ 1810 г. въ англійской индустріи насчитывалось около 5 тыс. паровыхъ машинъ, — въ Пруссіи, гдѣ первая паровая машина была установлена въ 1788 г., вторая появилась только въ 1822 г., а въ 1837 г. ихъ имѣлось всего 300. Въ 1849—51 г.г. имѣлось на прусскихъ фабрикахъ 1100 паровыхъ двигателей (16 тыс. лош. силъ), въ Австріи 647 (съ $8^1/_2$ тыс. лош. силъ), въ Венгріи 100 (всѣхъ паровыхъ двигателей, въ томъ числѣ и на судахъ и т. д.); въ Бельгіи въ 1840 г. насчитывалось ок. 1000 (25 тыс. лош. силъ) въ сельскомъ хозяйствѣ и промышленности. Въ Парижѣ въ 1860 г. приходилось на промышленное предпріятіе въ среднемъ менѣе 4 рабочихъ и имѣлось немногимъ болѣе тысячи паровыхъ машинъ.

А въ связи съ отсутствіемъ паровыхъ двигателей находится медленное распространеніе и прочихъ машинъ: ихъ приходилось приводить въ движеніе силой человѣка или животныхъ. Такъ, въ Англіи уже въ 1788 г. насчитывались 142 бумагопрядильныя фабрики съ 2 милл. веретенъ. „На континентѣ же Европы и Америки,—говоритъ Юръ—еще и послѣ заключенія мира въ 1814 г. существовали предпріятія столь незначительныхъ размѣровъ, что они вообще не могли конкуррировать съ Англіей на міровомъ рынкѣ". Результатомъ того, что промышленность на континентѣ Европы находилась еще въ состояніи младенчества, было наводненіе континента англійскими товарами — англійской пряжей и матеріями, изготовленными машиннымъ способомъ. Предпочтеніе, отдаваемое имъ во Франціи, заинтересованныя лица объясняли „недостаткомъ патріотическихъ чувствъ у французскаго торговца, дѣйствующаго изъ-за гнусной надежды на временную прибыль, и англоманіей потребителей", забывая о большей дешевизнѣ и лучшемъ качествѣ англійскихъ машинныхъ издѣлій. И впослѣдствіи, послѣ разрыва между Франціей и Англіей, англійскіе товары проникали во Францію въ большомъ количествѣ, ибо „контрабанда приняла размѣры и характеръ регулярной коммерческой дѣятельности"; существовали многочисленныя страховыя общества, отвѣчавшія не только за провозъ черезъ границу, но и за доставку такого рода товаровъ. Еще болѣе Англія стала наводнять континентъ своей пряжей и тканями послѣ уничтоженія континентальной системы: огромное количество дешевой машинной пряжи и равномѣрно вытканныхъ на механическомъ станкѣ гладкихъ бумажныхъ издѣлій стало появляться на вновь открытыхъ рынкахъ, вытѣсняя саксонскія и швейцарскія издѣлія, произведенныя ручнымъ способомъ, и лишая повсюду сбыта мѣстную промышленность. Только тогда и континентъ Европы вступилъ на единственно возможный путь—сталъ переходить къ механическому способу производства. Въ Саксоніи, Санктъ-Галленѣ и Эльзасѣ уже съ 20-хъ годовъ, а въ слѣдующія десятилѣтія и въ прочихъ мѣстностяхъ Франціи и Германіи ручное производство постепенно замѣняется выдѣлкой машинной пряжи, кустари вытѣсняются фабрикой. Но происходитъ это весьма медленно: въ то время, какъ въ хлопчатобумажной индустріи въ Великобританіи и Ирландіи въ 1847—50 г.г. насчитывалось $14\frac{1}{2}$ милл. веретенъ, во Франціи ихъ имѣлось всего 3,5 милл., а въ Германскомъ таможенномъ союзѣ 1 милл. Лишь съ середины XIX вѣка начинается побѣдоносное шествіе ткацкаго станка, постепенно уничтожающаго ручныхъ ткачей и создающаго голодъ и эпидеміи среди нихъ.

И на континентѣ Европы взгляды на трудъ малолѣтнихъ, который и здѣсь былъ перенесенъ изъ кустарной избы и мануфактуры на фабрику, должны были измѣниться съ теченіемъ времени. И здѣсь идея о необходимости вмѣшательства въ отношенія между предпринимателемъ и рабочимъ должна была постепенно проникнуть въ общество; должна была появиться и мысль о рабочихъ коалиціяхъ, при отсутствіи которыхъ рабочій лишь формально равноправенъ предпринимателю. Но осуществиться это могло на континентѣ лишь значительно позже, соотвѣтственно гораздо болѣе позднему появленію и развитію фабричной промышленности. Вплоть до

30-хъ и 40-хъ годовъ та эксплоатація труда малолѣтнихъ, тотъ чрезвычайно продолжительный рабочій день и т. д., которые и здѣсь господствовали и отмѣчались въ правительственныхъ отчетахъ и анкетахъ, имѣли мѣсто почти исключительно въ кустарныхъ мастерскихъ и на мануфактурахъ, ибо фабрикъ еще почти не было (см. напр. данныя въ книгѣ Антона по исторіи прусскаго фабричнаго законодательства). Точно также, хотя запрещенія рабочимъ вступать въ союзы и устраивать стачки, господствовавшія вѣками, теперь впервые, соотвѣтственно идеѣ индивидуальнаго договора, были распространены и на хозяевъ, но въ дѣйствительности негласныя ассоціаціи послѣднихъ продолжали существовать; государство же на послѣднія по старой памяти смотрѣло сквозь пальцы и лишь рабочихъ строго преслѣдовало за всякую попытку соединяться, усматривая въ нихъ попрежнему революціонный элементъ, въ предпринимателяхъ же—благодѣтелей населенія, насаждающихъ промышленность.

Первые шаги въ области фабричнаго законодательства относятся въ Пруссіи, Австріи и Франціи къ 1839—42 г.г., но эти первые законы, касающіеся защиты малолѣтнихъ, имѣли еще мало практическаго значенія. Прусскій законъ 1839 г. напр., запретившій пріемъ на фабрики и въ рудники дѣтей моложе 9 лѣтъ и установившій для подростковъ до 16 лѣтъ максимальный рабочій день въ 10 часовъ, почти не примѣнялся; практическое значеніе имѣлъ лишь законъ 1853 г., допускавшій дѣтей къ работѣ лишь съ 12 лѣтъ и понизившій рабочее время для малолѣтнихъ до 14 лѣтъ до 6 час. въ сутки. Онъ имѣлъ реальный смыслъ, въ виду установленія въ томъ же году фабричной инспекціи, хотя не слѣдуетъ упускать изъ виду, что фабричные инспектора еще не были обязательнымъ учрежденіемъ, а должны были назначаться лишь по мѣрѣ надобности, да и первоначально они встрѣчали много противодѣйствій со стороны фабрикантовъ, на сторонѣ которыхъ нерѣдко стояли и мѣстныя власти. Къ тому же другія германскія государства этотъ законъ былъ распространенъ лишь въ 1869 и 1871 г.г. Такимъ образомъ, лишь въ 1850—1860-хъ г.г. осуществляется идея фабричнаго законодательства; къ 60-мъ годамъ относится и признаніе рабочихъ союзовъ и стачекъ ненаказуемыми.

Любопытно, что въ эпоху Французской революціи всякая стачка рабочихъ считалась „преступленіемъ противъ общественнаго строя, покушеніемъ на спокойствіе, которое должно господствовать въ мастерскихъ“. Муниципалитетъ г. Бордо заявляетъ, что разница между стачечниками и врагами общества лишь та, что враги республики дѣйствуютъ во имя извѣстныхъ политическихъ убѣжденій, рабочіе же только изъ-за личныхъ выгодъ. Результатомъ происходившихъ въ Парижѣ забастовокъ было изданіе т. наз. закона Ле-Шапелье 14 іюля 1791 г., который приравниваетъ организаціи рабочихъ къ отмѣненнымъ уже ранѣе цехамъ и запрещаетъ рабочимъ устанавливать регламенты, касающіеся „ихъ, такъ называемыхъ, общихъ интересовъ“. Не дозволяются и организаціи рабочихъ для оказанія помощи больнымъ и безработнымъ, ибо „доставлять работу нуждающимся въ ней и помощь больнымъ должна сама нація чрезъ посредство должностныхъ лицъ“. Характерно при этомъ, что—какъ указываетъ Е. В. Тарле, подробно выяснившій происхожденіе и роль этого закона,—послѣдній не вызвалъ ни съ чьей стороны осужденія; онъ вполнѣ соотвѣтствовалъ общественному мнѣнію того времени. Даже сами рабочіе стояли

на той точкѣ зрѣнія, что профессіональныя организаціи недопустимы, что „обособленность интересовъ вызываетъ эгоизмъ, создаетъ корпоративный духъ, враждебный всякой общественности“. Рабочіе указываютъ лишь на „политическую неблагонадежность хозяевъ, на ихъ желаніе воскресить цехи“. И другія постановленія революціонной эпохи обнаруживаютъ то же стремленіе сохранить и даже усилить зависимость рабочихъ отъ предпринимателей, какъ и законы предыдущихъ столѣтій. „Въ основныхъ принципахъ своихъ—заключаетъ Е. В. Тарле — законодательство, касающееся рабочихъ, въ эпоху стараго режима, законодательство революціоннаго періода и законодательство Наполеоновской эпохи ничѣмъ между собою не отличаются“.

ГЛАВА IV.

Торговая политика. Желѣзныя дороги.

Въ то время, какъ въ 1814 г. въ Англіи были отмѣнены послѣднія стѣсненія въ области промышленности—законъ Елисаветы, существовавшій уже давно лишь на бумагѣ, — въ области внѣшней торговли и судоходства всевозможныя препятствія въ видѣ монополій и рѣзко выраженнаго протекціонизма господствовали еще въ полной силѣ. Правда, уже къ концу XVIII вѣка развившееся судоходство вызвало такой ростъ контрабанды въ этой окруженной со всѣхъ сторонъ водой странѣ, что Питтъ вынужденъ былъ понизить различныя таможенныя ставки и упростить таможенное управленіе. Но общій протекціонный характеръ тарифа не измѣнялся. Напротивъ, къ концу этого вѣка присоединились (съ 1791 г.) высокія таможенныя пошлины на хлѣбъ, а по закону 1814 г. привозъ хлѣба допускался только при крайне высокой цѣнѣ въ 82 шилл. (см. выше, стр. 451). Такимъ образомъ, въ томъ самомъ году, когда были отмѣнены послѣдніе остатки цехового строя, былъ установленъ высокій аграрный протекціонизмъ.

Въ такомъ положеніи находилось законодательство Англіи въ области внѣшней торговли, когда въ 1820 г. была представлена парламенту знаменитая петиція лондонскихъ купцовъ, настаивавшая на необходимости свободной торговли. Петиція эта исходитъ изъ того основного положенія, что торговля съ иностранными государствами необходима для страны. Съ одной стороны, внѣшняя торговля даетъ возможность привозить продукты, для которыхъ почва и климатъ, трудъ и капиталъ другихъ странъ наиболѣе приспособлены. А въ то же время она доставляетъ возможность вывозить изъ страны тѣ товары, для производства которыхъ наиболѣе выгодными являются условія, господствующія въ странѣ, въ данномъ случаѣ въ Великобританіи. Устраненіе всякаго вмѣшательства — говорится въ петиціи — приведетъ къ широкому развитію внѣшней торговли; правило, которымъ руководствуется каждый купецъ—покупать на самомъ дешевомъ рынкѣ и продавать на самомъ дорогомъ, вполнѣ примѣнимо и къ торговлѣ цѣлой націи. Петиція указываетъ на тѣ бѣдствія, которыя навлекаетъ на промышленность Англіи охранительная система, угрожая исключить ея товары съ иностранныхъ рынковъ и тѣмъ самымъ подорвать ея благосостояніе; она настаиваетъ на переходѣ Англіи къ системѣ свободной торговли, какъ единственно разумной и полезной политикѣ, которая исправитъ зло, нанесенное торговлѣ въ предшествующую эпоху.

Петиція лондонскаго Сити, за которой немедленно послѣдовала и петиція другого крупнаго торговаго города Эдинбурга, написанная въ томъ же духѣ, имѣла огромное значеніе; она составляетъ начало новой эры въ экономической политикѣ Англіи. Она оказала большое вліяніе на взгляды всего англійскаго общества, ибо являлась публичнымъ отреченіемъ купцовъ и фабрикантовъ отъ той вѣры, которую они исповѣдывали много вѣковъ. Еще много времени прошло до тѣхъ поръ, пока въ Англіи вполнѣ осуществились идеалы свободной торговли, которые проповѣдывалъ Адамъ Смитъ— основатель современной экономической науки. „Еще много горячихъ преній— говоритъ И. И. Янжулъ—вызывали въ парламентѣ вопросы покровительственной политики и находили себѣ защитниковъ; но, несмотря на это, знаменитую петицію 1820 г. можно считать поворотнымъ пунктомъ англійской торговой политики. Съ этого времени идеи свободной торговли получаютъ право гражданства не въ одной литературѣ, но и въ жизни; онѣ все болѣе и болѣе распространяются въ среднемъ классѣ и при благопріятныхъ къ тому условіяхъ дѣлаются чуть не догматомъ торговой политики британскаго правительства“.

Вліяніе новыхъ воззрѣній въ области торговой политики выразилось уже въ законодательствѣ первой половины двадцатыхъ годовъ, т. е. уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ подачи лондонской и эдинбургской петицій. Прежде всего духъ свободной торговли проникаетъ въ область законодательства о мореплаваніи. Въ послѣднее десятилѣтіе XVIII вѣка и въ началѣ XIX ст. были допущены нѣкоторыя исключенія изъ правилъ, установленныхъ навигаціоннымъ актомъ 1651 г. Но это были лишь немногія частичныя мѣры, значеніе которыхъ было невелико. Напротивъ, въ 1822, 1823 и 1824 г.г. издано было три новыхъ закона о мореплаваніи или три новыхъ навигаціонныхъ акта, устанавливавшихъ значительную свободу въ сношеніяхъ между Англіей, ея колоніями и другими странами. Такъ, напр., прежде единственной страной сбыта для произведеній англійскихъ колоній являлась Англія, и въ свою очередь привозить туда товары можно было только изъ Англіи. Теперь для многихъ товаровъ эти запрещенія были отмѣнены: около ста различныхъ видовъ товаровъ можно привозить изъ Европы и Африки въ англійскія колоніи и всевозможные продукты колоній могутъ экспортироваться не только въ Англію, но и на континентъ Европы и въ Африку. Мало того, эти сношенія между англійскими колоніями и другими государствами могутъ производиться не только посредствомъ англійскихъ судовъ—привозъ и вывозъ товаровъ можетъ совершаться и подъ иностраннымъ флагомъ.

Такимъ образомъ, въ 20-хъ годахъ Англія открыла свои колоніи для кораблей другихъ странъ, вызвавъ этимъ подражаніе и со стороны послѣднихъ,—тѣмъ болѣе, что она ставила условіемъ взаимность: страны, желавшія воспользоваться этой льготой, должны были предоставить англійскому флагу доступъ въ свои колоніи. Открыты были еще не всѣ гавани, а лишь опредѣленныя, указанныя закономъ. Въ Остъ-Индіи, напр., такой свободной гаванью, куда открытъ доступъ для иностранныхъ судовъ, объявленъ Сингапуръ; онъ былъ признанъ порто-франко. Сюда могли входить (безпо-

шлинно) корабли всѣхъ націй, и вскорѣ Сингапуръ сталъ той промежуточной гаванью, гдѣ останавливались суда, отправлявшіяся на Дальній Востокъ. Онъ сталъ оживленнымъ портомъ, съ быстро возроставшимъ населеніемъ, гдѣ сталкивались двѣ цивилизаціи, два міра—европейскій и азіатскій. Рядъ такихъ гаваней (порто-франко) былъ созданъ англичанами и въ Африкѣ, въ Америкѣ, на Вестъ-индскихъ островахъ.

Одновременно съ этимъ, въ тѣ же годы совершалась реформа таможеннаго тарифа, благодаря энергичной дѣятельности Гэскиссона. Ему удалось добиться того, что привозъ различныхъ промышленныхъ издѣлій въ Англію былъ значительно облегченъ. Такъ, шерстяныя издѣлія, привозъ которыхъ ранѣе былъ совершенно запрещенъ, въ 1819 г. были допущены къ ввозу съ уплатой пошлины въ 50 проц. цѣнности товара; Гэскиссонъ понизилъ пошлину до 15 проц. Пошлина на хлопчатобумажныя матеріи, составлявшая 50 проц., была имъ доведена до 10 проц.; взамѣнъ запрещенія привоза шелковыхъ тканей онъ установилъ пошлину въ размѣрѣ 25—30 проц. Своимъ противникамъ, опасавшимся конкурренціи иностранныхъ издѣлій, Гэскиссонъ заявлялъ, что онъ дѣйствуетъ подобнымъ образомъ, не только исходя изъ теоретическихъ соображеній, но и имѣя въ виду современное положеніе Англіи. „Наше богатство и наша промышленность, наша ловкость и умѣніе вызываютъ необходимость въ свободныхъ сношеніяхъ съ другими странами".

Особенное вниманіе, однако, Гэскиссонъ обратилъ на привозныя пошлины, взимаемыя съ сырья, съ различныхъ матеріаловъ. Эти пошлины особенно вредны для развитія промышленности, такъ какъ пошлина на сырой продуктъ вызываетъ удорожаніе производимыхъ изъ него издѣлій; напр., пошлина на металлы приводитъ къ увеличенію расходовъ по производству металлическихъ издѣлій. Поэтому пошлина на мѣдь была понижена на половину; уменьшены были пошлины на цинкъ, свинецъ, шерсть, лѣсъ и другіе предметы сырья. Въ общемъ пошлины на промышленныя издѣлія были понижены съ 50 до 20 проц. съ цѣны товара, а пошлины на прочіе предметы съ 20 до 10 проц. Къ этимъ реформамъ Гэскиссона присоединились въ началѣ 30-хъ годовъ нѣкоторыя дальнѣйшія измѣненія таможеннаго тарифа. Особенно существеннымъ является сокращеніе пошлинъ на хлопокъ, послѣдовавшее въ 1833 г.; уменьшеніе ихъ вдвое имѣло огромное значеніе для хлопчатобумажной промышленности, важнѣйшей отрасли индустріи въ Англіи.

Въ томъ же 1833 г. произошло еще одно важное событіе, обозначавшее новый крупный шагъ на пути къ осуществленію принципа свободной торговли—была отмѣнена торговая монополія Остъ-индской компаніи. Противъ торговыхъ компаній, пользовавшихся исключительными привилегіями, уже давно въ Англіи раздавались голоса, но лишь въ 1814 году противникамъ Остъ-индской компаніи удалось добиться ограниченія ея монополіи. Согласно новой хартіи, выданной Остъ-индской компаніи, одна лишь торговля съ Китаемъ составляла ея монополію; съ Индіей отнынѣ могли торговать и частныя лица. Компанія обязана была принимать на свои суда товары частныхъ лицъ, отправляемые въ Индію, причемъ ежегодно

она должна была отводить для этихъ товаровъ не менѣе 3.000 тоннъ. Правда, она старалась обойти это постановленіе, взимая за такіе отправляемые на ея судахъ товары (другія суда не допускались) чрезвычайно высокую плату. Несмотря на это, торговля частныхъ лицъ развивалась, нанося сильный ущербъ компаніи. Прибыль ея въ торговлѣ съ Остъ-Индіей сократилась до 4 проц. въ годъ, тогда какъ торговля съ Китаемъ, составлявшая попрежнему ея исключительную привилегію, за тѣ же годы доставляла около 40 проц. Цѣна на привозимые изъ Индіи товары сразу упала; такъ, напр., мускатный орѣхъ, стоившій ранѣе въ Лондонѣ почти 12 шилл., теперь продавался тамъ же всего за 3 шилл., т. е. вчетверо дешевле. Но чай, привозимый изъ Китая, и послѣ 1815 г., вслѣдствіе сохранявшейся монополіи Остъ-индской компаніи въ торговлѣ съ Китаемъ, обходился населенію Англіи чрезмѣрно дорого: путемъ сравненія англійскихъ цѣнъ съ цѣнами на чай въ Гамбургѣ и Нью-Іоркѣ, было установлено въ 1824 г., что англичане ежегодно переплачиваютъ на чаѣ около 2 милл. фунт. ст. Въ 1833 г. и эта послѣдняя привилегія компаніи была уничтожена; всякій могъ отнынѣ торговать и съ Китаемъ, торговая же дѣятельность Остъ-индской компаніи вообще прекращалась. Результаты этого закона сразу сказались; въ годъ, предшествовавшій отмѣнѣ этой привилегіи, привозъ чая въ Великобританію составлялъ всего $29^1/_2$ милл. фунтовъ, а въ первый годъ послѣ отмѣны привилегіи онъ уже достигалъ 42 милл. фунт.; въ 1853 г. привозъ чая превысилъ 70 милл. фунтовъ.

Полную побѣду свободная торговля торжествовала въ сороковыхъ годахъ, когда Пиль сдѣлалъ дальнѣйшій шагъ—добился коренной реформы англійскаго таможеннаго тарифа: отмѣны почти всѣхъ пошлинъ на сырье, необходимое для промышленности (напр., на хлопокъ, шерсть, ленъ, шелкъ-сырецъ), сильнаго пониженія пошлинъ на привозныя промышленныя издѣлія, наконецъ уничтоженія всѣхъ пошлинъ, взимаемыхъ при вывозѣ товаровъ изъ страны. Еще въ 1842 г. англійскій таможенный тарифъ состоялъ изъ 1090 статей, а въ 1846 г. число послѣднихъ сократилось почти до 500. Въ 1849 г. къ этому присоединилась отмѣна навигаціоннаго акта: всѣ еще сохранившіяся стѣсненія въ области торговли съ колоніями и судоходства были уничтожены; сохранено было только исключительное право береговой (каботажной) торговли для англійскихъ судовъ. Съ этихъ поръ монопольное положеніе англійскаго мореплаванія прекратилось; его конкуррентамъ были предоставлены тѣ же права. Въ слѣдующее десятилѣтіе 1850—1860 г.г. иностранное судоходство въ британскихъ портахъ сразу сильно возросло—съ 5 до $10^1/_2$ милліон. тоннъ.

Въ томъ же 1849 г. былъ установленъ и свободный привозъ хлѣба.

Какъ мы видѣли выше (см. стр. 451 и сл.), съ 1815 г. цѣны на хлѣбъ упали, и такимъ образомъ ожиданія, возлагаемыя сельскими хозяевами на высокія пошлины, не осуществились; это вызвало сильное разстройство въ ихъ хозяйствѣ. Столь же пагубно отзывались на сельскомъ хозяйствѣ и сильныя колебанія цѣнъ, являвшіяся послѣдствіемъ пошлинъ: спекулянтамъ выгодно было выжидать временнаго повышенія цѣнъ до того уровня, при которомъ допускался ввозъ иностраннаго хлѣба. Затѣмъ гавани сразу открывались и на рынокъ поступало большое количество хлѣба, почему цѣна его сразу падала.

Въ виду этого, хотя „хлѣбные законы“ и были сохранены, но форма ихъ въ 1828 году была измѣнена. Введена была подвижная шкала, которая просуществовала въ теченіе почти двухъ десятилѣтій и вызвала подражаніе въ цѣломъ рядѣ государствъ континента. И въ прежнихъ „хлѣбныхъ законахъ“ устанавливались различныя пошлины, въ зависимости отъ того, на какомъ уровнѣ стоитъ въ данное время цѣна пшеницы; но тогда этихъ ставокъ было немного, напр., по закону 1791 г. рядомъ съ запретительной пошлиной при цѣнѣ до 64 шилл. устанавливалась незначительная пошлина на тотъ случай, если бы цѣна стояла между 64 и 68 шилл., а при цѣнѣ выше 68 шилл. привозъ былъ вполнѣ свободенъ. Такимъ образомъ, прежде переходъ отъ запрещенія къ свободному привозу былъ очень рѣзокъ. Напротивъ, подвижная шкала предусматривала рядъ ставокъ—пониженію цѣны на хлѣбъ соотвѣтствовало повышеніе пошлины, такъ что переходъ отъ одной ставки къ другой сталъ медленнымъ и постепеннымъ. Этимъ путемъ предполагалось достигнуть большей устойчивости въ хлѣбныхъ цѣнахъ: привозъ станетъ равномѣрнымъ, удовлетворяя дѣйствительнымъ потребностямъ населенія, но не наводняя страны излишнимъ количествомъ хлѣба; предполагалось добиться такого уровня цѣнъ, который обезпечивалъ бы правильное развитіе сельскаго хозяйства, но въ то же время не вызывалъ бы чрезмѣрнаго возрастанія цѣнъ. Опредѣляли даже тѣ границы, въ которыхъ хлѣбныя цѣны должны находиться въ будущемъ: рынокъ пріобрѣтетъ такую устойчивость, что цѣна на хлѣбъ будетъ колебаться не между 38 и 112 шилл., какъ до сихъ поръ, а лишь въ предѣлахъ 55 и 65 шилл.

На самомъ дѣлѣ, результатъ получился совершенно иной. Средняя цѣна пшеницы за два десятилѣтія существованія подвижной шкалы равнялась всего $57\frac{1}{2}$ шилл., т.-е. стояла ниже, чѣмъ въ предыдущую эпоху, но колебанія были немногимъ меньше. Въ теченіе 1831—1839 г.г. цѣна упала съ 75 шилл. до 36 шилл. и успѣла вновь повыситься до 81 шилл., а за весь періодъ цѣна колебалась между 36 и 90 шилл., а вовсе не между 55 и 65 шилл., какъ разсчитывали при введеніи ея. Подвижная шкала съ „восходящей и нисходящей лѣстницей пошлинъ“ не только не сократила спекуляцію иностраннымъ хлѣбомъ, но напротивъ, еще болѣе усилила ее. При существованіи прежнихъ законовъ, рискъ, сопряженный съ привозомъ хлѣба въ Англію, былъ весьма значителенъ, ибо, какъ только цѣна падала до извѣстнаго уровня, привозъ оказывался невозможнымъ и приходилось ждать въ теченіе продолжительнаго времени, пока цѣна снова повысится до опредѣленнаго размѣра. Съ введеніемъ шкалы рискъ значительно сократился, такъ какъ паденіе цѣны лишь немногимъ повышало привозную пошлину, не было прежнихъ рѣзкихъ переходовъ. А въ то же время всякое возрастаніе цѣны при господствѣ шкалы сразу увеличивало барышъ для торговца; стоило лишь на нѣкоторое время удержать хлѣбъ въ складахъ, какъ сейчасъ же повышалась цѣна, что доставляло двойную выгоду—и ввозъ по пониженной пошлинѣ и продажу по высокой цѣнѣ. Когда торговецъ хлѣбомъ, закупивъ его за 40 шилл. на континентѣ — въ Пруссіи, Польшѣ, остзейскихъ провинціяхъ, ввозитъ его въ Англію при цѣнѣ въ 66 шилл., онъ получаетъ прибыль лишь въ размѣрѣ $5\frac{1}{3}$ шилл., такъ ему приходится уплачивать пошлину въ $20\frac{2}{3}$ шилл. Но подождавъ до тѣхъ поръ, пока цѣна достигнетъ 73 шилл., онъ выручаетъ прибыль въ $26\frac{2}{3}$ шилл., т.-е. на 21 шилл. болѣе, чѣмъ раньше, несмотря на разницу въ цѣнѣ всего въ 7 шилл., ибо онъ уплачиваетъ пошлину не въ $20\frac{2}{3}$ шилл., а въ 1 шилл. Это различіе въ пошлинѣ доставляетъ ему, слѣдовательно, 19 шилл. барыша.

Неудивительно, что торговцы удерживали запасы хлѣба, пока цѣна не достигала, вслѣдствіе недостатка въ хлѣбѣ, значительной высоты, и пошлина понижалась до минимума. Во многихъ случаяхъ они прибѣгали къ фальсификаціи самыхъ цѣнъ. Существующая въ странѣ цѣна, отъ которой зависѣлъ размѣръ пошлинъ, опредѣлялась на основаніи заключенныхъ за послѣднія шесть недѣль сдѣлокъ на хлѣбъ, причемъ цѣна выводилась изъ цѣнъ, уплоченныхъ на 155 рынкахъ Англіи. Для того, чтобы получилась высокая средняя цѣна, торговцы хлѣбомъ прибѣгали къ такой мѣрѣ: они скупали хлѣбъ на многихъ рынкахъ, пріобрѣтая на каждомъ изъ нихъ небольшое количество, и намѣренно уплачивали въ различныхъ мѣстахъ высокія цѣны. Когда же на основаніи такихъ продажъ выводилась высокая цѣна, въ качествѣ господствующей въ королевствѣ, пошлины понижались и появлялось огромное коли-

чество хлѣба на рынкѣ: сотни тысячъ квартеровъ выпускались изъ гаваней и амбаровъ въ теченіе какой-нибудь недѣли, что вело къ новому паденію цѣны. Это паденіе цѣнъ происходило обыкновенно во время уборки урожая, нанося огромный ущербъ фермерамъ, которые не въ состояніи были выжидать выгодныхъ условій рынка, а вынуждены были сбывать хлѣбъ тотчасъ же послѣ жатвы. Вычисленія показываютъ, что въ 1829—1842 г.г., въ теченіе іюля, августа и сентября въ Англію привезено было 12 милл. кварт. иностранной пшеницы, въ теченіе же остальныхъ девяти мѣсяцевъ всего 6 милл. Слѣдовательно, на каждый изъ осеннихъ мѣсяцевъ приходилось по 300.000 кварт. ежегодно, на каждый же изъ прочихъ мѣсяцевъ всего шестая часть этого количества—едва 50.000 кварт. Такимъ образомъ, послѣ жатвы, вплоть до Рождества, рынокъ былъ переполненъ хлѣбомъ, т.-е. именно въ ту пору, когда фермеру приходилось вывозить на рынокъ сжатый хлѣбъ.

Не менѣе страдали отъ таможенной политики рабочіе классы. Когда хлѣбные запасы удерживались торговцами, и цѣна вслѣдствіе этого возрастала, положеніе рабочихъ становилось безотраднымъ—среди нихъ наступалъ голодъ. Всякій плохой урожай въ Англіи вызывалъ дороговизну. При существованіи свободнаго привоза иностраннаго хлѣба, торговля въ состояніи была бы предупредить возрастаніе цѣнъ, своевременно доставивъ хлѣбъ съ континента Европы. Но подвижная шкала не допускала этого—надо было ждать, пока не наступятъ дороговизна и голодъ. Только тогда пошлина понижалась, и привозъ хлѣба становился возможнымъ. Заработки рабочихъ въ эту эпоху были вообще весьма скудны, періодическое же возрастаніе цѣнъ на хлѣбъ, важнѣйшій предметъ пропитанія, еще болѣе ухудшало ихъ положеніе (см. выше, стр. 477). При такихъ условіяхъ движеніе, направленное противъ „хлѣбныхъ законовъ“, могло разсчитывать на успѣхъ, почва для него была подготовлена.

Хлѣбные законы (установленное съ 1828 г. въ формѣ скользящей шкалы пошлинъ) уже давно имѣли много противниковъ. Но вражда къ нимъ особенно усилилась къ концу 1830-хъ годовъ. Въ 1837 году былъ тяжелый промышленный кризисъ: въ Манчестерѣ, Лондонѣ, Ливерпулѣ, Глазго было закрыто много фабрикъ, тысячи рабочихъ лишились заработка и терпѣли нужду. Многіе усматривали причину бѣдствія въ „хлѣбныхъ законахъ“, распространено было убѣжденіе, что этого бы не случилось, если бы нація имѣла возможность свободно привозить хлѣбъ. Манчестерская торговая палата, предсѣдателемъ которой былъ фабрикантъ Ричардъ Кобденъ, рѣшила представить въ парламентъ петицію съ требованіемъ допущенія свободнаго ввоза хлѣба. Въ петиціи указывалось, что „безъ немедленнаго уничтоженія пошлинъ на хлѣбъ неизбѣжна гибель фабричной промышленности и что только примѣненіе въ широкихъ размѣрахъ принципа свободной торговли можетъ обезпечить дальнѣйшее процвѣтаніе индустріи и спокойствіе страны“. Петиція произвела большое впечатлѣніе въ странѣ. Однако, авторъ ея, Кобденъ, сознавалъ, что для того, чтобы добиться отмѣны хлѣбныхъ законовъ, за сохраненіе которыхъ стояли крупные землевладѣльцы, необходима сильная агитація противъ хлѣбныхъ пошлинъ. „Если бы англійскіе законы о торговлѣ и налогахъ,—говорилъ онъ—одни, безъ всякихъ историческихъ комментаріевъ, попали на луну, то жители луны все же сейчасъ же сообразили бы, что эти законы—созданіе собственниковъ земли, лендлордовъ“. Поэтому Кобденъ, при содѣйствіи Джона Брайта, усилилъ свою агитацію противъ хлѣбныхъ законовъ, стараясь привлечь на свою сторону другихъ промышленниковъ, фабрикантовъ Манчестера, а затѣмъ и другихъ городовъ Англіи. Стремясь къ осуществленію полной свободы въ торговлѣ между Англіей и другими странами, Кобденъ и его послѣдователи ограничивались

однако борьбой съ хлѣбными пошлинами; въ этомъ случаѣ они могли разсчитывать на сочувствіе фабрикантовъ, такъ какъ даже тѣ изъ нихъ, которые были противниками свободной торговли въ отношеніи привоза промышленныхъ издѣлій, стояли за уничтоженіе „хлѣбныхъ законовъ". Для Кобдена же послѣдніе являлись „краеугольнымъ камнемъ и основаніемъ всей протекціонной системы".

На одномъ изъ митинговъ Кобденъ, описывая передъ слушателями организацію Ганзы, средневѣкового союза городовъ, направленнаго „противъ насилій аристократіи и для защиты промышленныхъ классовъ", предложилъ образовать подобный же союзъ, лигу англійскихъ городовъ противъ аристократіи. „Лигу противъ хлѣбныхъ законовъ" (anti-corn-law-league) — воскликнулъ одинъ изъ присутствовавшихъ на собраніи. „Лига—говоритъ И. И. Янжулъ—скоро насчитывала своихъ приверженцевъ сотнями тысячъ по всей странѣ, устраивала многолюдные митинги, собирала для борьбы огромные денежные фонды въ десятки и сотни тысячъ фунтовъ стерл. Съ цѣлью пропаганды идей общества, кромѣ газеты (Anti-breadtax-circular), расходившейся въ количествѣ 20.000 экземпляровъ, выпускалось въ свѣтъ множество брошюръ и летучихъ листковъ; до 1843 г. издано было девять милліоновъ экземпляровъ вѣсомъ болѣе шестидесяти тысячъ пудовъ!"

Лига достигла своей цѣли: послѣ неурожая (въ 1843 г.) картофеля, который сталъ главной пищей рабочихъ, что, при высокихъ цѣнахъ на хлѣбъ 1842—45 г.г. грозило голодомъ,—нижняя палата приняла въ 1846 г. предложеніе Пиля объ измѣненіи подвижной шкалы, а съ 1849 г. шкала вовсе уничтожалась и замѣнялась пошлиной въ 1 шилл. Верхняя палата пыталась воспротивиться биллю, но и она вынуждена была принять новый законъ, когда ей было заявлено, что „для палаты лордовъ лучше дать свое согласіе, иначе билль будетъ навязанъ лордамъ королевой и палатой общинъ". Въ 1869 г. и пошлина въ 1 шилл. была отмѣнена.

Заключительный аккордъ въ исторіи англійской свободной торговли представляютъ собою реформы Гладстона въ 50-хъ годахъ, когда уничтожены были послѣдніе остатки протекціонной системы. Отнынѣ въ англійскомъ таможенномъ тарифѣ сохранялись лишь немногія фискальныя пошлины, т. е. такія, которыя имѣли цѣлью доставить государству доходъ, а не защищать ту или другую отрасль производства: остались пошлины на чай, кофе, какао, табакъ и т. д., т. е. на предметы, которые вовсе не производятся и не могутъ производиться въ Англіи. Пошлинъ же на привозъ промышленныхъ издѣлій или такихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, которые производятся и въ Англіи (хлѣбъ, скотъ и т. д.), съ 1860 года болѣе не существуетъ. Въ 1854 году отмѣненъ былъ и послѣдній остатокъ навигаціоннаго акта—привилегія каботажнаго плаванія для англійскихъ судовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ 1860 году Англія заключила торговый договоръ съ Франціей, причемъ, уничтоживъ у себя протекціонныя пошлины, заставила и Францію сильно понизить свой тарифъ—привозныя пошлины не должны превышать 30 проц., а съ 1864 г. 25 проц. съ цѣнности товаровъ.

Таможенная политика Англіи всегда оказывала вліяніе на политику другихъ государствъ въ области торговли. Это выражалось въ особенности

въ области хлѣбной торговли, гдѣ съ введеніемъ привозныхъ пошлинъ на хлѣбъ въ Англіи и другія государства — Франція, Пруссія, Португалія установили у себя таможенныя пошлины на привозной хлѣбъ, а Нидерланды, Швеція, Испанія значительно повысили уже ранѣе существовавшія у нихъ пошлины на хлѣбъ. Но на этомъ подражаніе Англіи не остановилось. Не успѣла Англія въ 1828 году ввести свою подвижную шкалу, какъ уже въ 1830 г. ея примѣру послѣдовала Швеція, а затѣмъ (въ 1831—37 г.г.) Франція, Бельгія, Голландія, Португалія. Когда же въ 1846 г. отмѣнена была въ Англіи подвижная шкала, за нею вскорѣ послѣдовали и другія страны, также почувствовавшіе вредные результаты шкалы, въ особенности въ годы неурожая. Въ концѣ 40-хъ годовъ установлена свобода хлѣбнаго ввоза въ Голландіи и Бельгіи, въ 50-хъ годахъ шкала отмѣнена была въ Швеціи, Сардиніи, Португаліи; въ 1861 г. уничтожены пошлины на хлѣбъ во Франціи.

Въ смыслѣ установленія свободной торговли въ Пруссіи первые шаги сдѣланы были уже въ началѣ XIX ст.: закономъ 1818 г. многочисленны внутреннія таможни были уничтожены, и всѣ внутренніе сборы были замѣнены однимъ общимъ пограничнымъ тарифомъ; съ промышленныхъ издѣлій взималась невысокая пошлина въ 10 проц. ихъ цѣнности, съ колоніальныхъ товаровъ фискальная пошлина въ 20 проц. Затѣмъ послѣдовало постепенное объединеніе Германіи въ таможенномъ отношеніи: въ 1828 г. Гессенъ соединился съ Пруссіей, а въ 1834 г., „въ постоянномъ стремленія къ развитію свободы торговли между государствами и въ Германіи вообще“ Прусско-гессенскій союзъ объединился съ баварско-вюртембергскимъ (возникшимъ уже въ 1824 г.), и съ этого года образовался изъ нихъ, а также Саксоніи и нѣкоторыхъ болѣе мелкихъ государствъ (въ 1835 г. присоединился и Баденъ) Германскій таможенный союзъ (Deutscher Zollverein). Въ предѣлахъ союза господствовала свобода торговли, по отношенію же къ иностраннымъ государствамъ сохранялась система весьма умѣреннаго протекціонизма въ видѣ прусскаго тарифа 1818 г. съ нѣкоторыми лишь измѣненіями; только въ 40-хъ годахъ, по требованію различныхъ государствъ—членовъ союза, протекціонизмъ былъ значительно усиленъ.

Во Франціи объединеніе страны въ таможенномъ отношеніи произошло еще раньше, — въ 1791 г., когда отмѣнены были всѣ внутреннія таможни и установленъ одинъ общій для всей страны таможенный тарифъ, который хотя и содержалъ нѣкоторыя запрещенія привоза, но въ общемъ не превышалъ 5—15 проц. съ цѣнности товаровъ. Однако, этотъ низкій тарифъ дѣйствовалъ недолго. Революція и Наполеонъ въ борьбѣ съ Англіей создали запретительную систему: для того, чтобы вѣрнѣе уничтожить англійскую промышленность и торговлю, запрещенія привоза промышленныхъ издѣлій устанавливались независимо отъ ихъ происхожденія — иначе англійскіе товары проникали бы подъ видомъ издѣлій другихъ странъ. А съ прекращеніемъ войнъ, въ эпоху реставраціи, эти запрещенія не только не были отмѣнены, но къ нимъ присоединились еще новыя—на такіе товары, которые фактически раньше, въ виду стѣсненій, вызванныхъ войнами, не привозились во Францію. Лишь въ 30-хъ, въ особ. же въ 40-хъ годахъ,

отчасти благодаря договору съ Бельгіей, появляются частичныя облегченія— различныя запрещенія замѣняются высокими пошлинами; но еще въ 1850 г. ввозъ значительнаго количества промышленныхъ издѣлій былъ совершенно запрещенъ. Только въ 50-хъ г.г. эти запрещенія мало-по-малу исчезаютъ—въ 1860 г. окончательно, вслѣдствіе договора съ Англіей, которымъ таможенныя пошлины опредѣлены въ 30 проц. съ цѣнности товаровъ въ качествѣ максимума. За нимъ послѣдовали договоры на тѣхъ же основаніяхъ съ другими странами, которыя поспѣшили получить доступъ къ открытому уже для Англіи французскому рынку. Благодаря принципу наибольшаго благопріятствованія, пониженіе тарифныхъ ставокъ для той или другой страны немедленно распространялось и на всѣ другія страны и такимъ образомъ получилось всеобщее пониженіе тарифовъ — переходъ Европы къ свободной торговлѣ.

Для развитія послѣдней необходимо было, однако, еще и другое условіе — усовершенствованіе способовъ транспорта товаровъ. Только благодаря перевороту въ этой области, могла возникнуть и развиваться международная торговля; въ прежнія столѣтія оживленный обмѣнъ между отдаленными другъ отъ друга мѣстностями былъ бы немыслимъ даже при самой большей свободѣ торговли.

Съ конца XVIII вѣка происходитъ значительное улучшеніе водныхъ путей сообщенія. Въ Англіи сооруженіе каналовъ начинается уже съ 1755 г., когда былъ построенъ каналъ между Ливерпулемъ и Манчестеромъ; но эпоха наиболѣе оживленнаго строительства относится къ 1790 — 1855 г.г. Въ Ланкаширѣ, въ центрѣ хлопчатобумажной промышленности, и въ области Бирмингема, гдѣ сосредоточивалась металлургическая индустрія, устроена была сѣть каналовъ, на которыхъ перевозились произведенія англійской фабричной промышленности въ первый періодъ новой эпохи мірового хозяйства; въ 1825 г., когда было представлено въ парламентъ первое ходатайство о разрѣшеніи устроить желѣзную дорогу, въ Англіи насчитывалось уже свыше 500 миль каналовъ и вложенный въ нихъ капиталъ составлялъ болѣе 13 милл. ф. ст. Къ періоду 1824—1847 г.г. относится и наиболѣе оживленная дѣятельность по постройкѣ каналовъ во Франціи. Въ Германіи въ 1830—50-хъ г.г. по Рейну, Одеру, Эльбѣ происходило оживленное движеніе, ходили крупныя коммерческія суда.

Одновременно съ водными путями на континентѣ строятся и шоссейныя дороги по способу Макъ-Адама; въ 1816 г. въ Пруссіи насчитывалось 420 миль такихъ дорогъ, а въ 1848 г.—болѣе полутора тысячъ. Эти дороги имѣли огромное значеніе въ смыслѣ оживленія торговыхъ сношеній въ эпоху до появленія желѣзныхъ дорогъ; въ 1838 г. изъ Лондона отправлялось ежедневно болѣе 30 дилижансовъ, и путешествіе въ 80 англ. миль, которое за 40 лѣтъ до того продолжалось 19 часовъ, теперь совершалось дилижансомъ въ теченіе 8 часовъ.

Шоссейныя дороги и рѣчныя системы ускорили обмѣнъ товаровъ внутри страны и этимъ самымъ соединили разрозненныя части страны и превратили каждую страну въ единое цѣлое. Благодаря желѣзнымъ дорогамъ создалось еще болѣе крупное цѣлое, составными частями котораго

являлись уже страны. На желѣзныя дороги съ самаго начала уже смотрѣли какъ на средство соединить страны между собой, и если при этомъ на первомъ планѣ стояли стратегическія соображенія, то все же въ результатѣ при помощи этихъ дорогъ получилось единеніе Европы въ экономическомъ отношеніи. Первая желѣзная дорога была построена въ Англіи въ 1826 г., въ половинѣ 1830-хъ г.г. онѣ появились и на континентѣ — въ Бельгіи, Франціи, Германіи. Во Франціи при сооруженіи сѣти желѣзныхъ дорогъ имѣлось въ виду, съ одной стороны, приблизить Францію къ Ламаншу и, слѣдовательно, въ Англіи, и соединить ее съ Бельгіей, а съ другой стороны, установить въ южномъ направленіи связь со Средиземнымъ моремъ. Дальнѣйшіе шаги заключались въ установленіи непрерывныхъ сношеній черезъ сухопутную границу посредствомъ постройки моста черезъ Рейнъ около Страсбурга, проведеніи прямого пути въ Италію черезъ туннель Монъ-Сенисъ и сооруженіи дорогъ изъ Парижа мимо Пиренеи въ Испанію. При этомъ, однако, особенно имѣлись въ виду интересы столицы, нерѣдко въ ущербъ цѣлымъ областямъ страны—въ особ. передвиженіе отъ портовъ Атлантическаго океана по направленію къ Швейцаріи и Италіи было связано съ значительными неудобствами, вслѣдствіе недостаточнаго развитія сѣти южныхъ дорогъ, хотя именно здѣсь было возможно значительное оживленіе торговыхъ сношеній. Въ Германіи также вскорѣ послѣ постройки первыхъ желѣзныхъ дорогъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, соединившихъ нѣкоторые большіе, наиболѣе населенные города, недалеко расположенные другъ отъ друга, началось планомѣрное сооруженіе сѣти большихъ дорогъ отъ столицъ къ центру и отъ центра къ границамъ, и сѣть съ теченіемъ времени развѣтвлялась все болѣе и болѣе, скрѣпляя экономическое единеніе Германіи съ другими странами континента.

Попытки примѣнить силы природы къ передвиженію на сушѣ, соорудить самодвижущуюся повозку, дѣлались уже въ XVII ст.—въ эпоху всевозможныхъ, часто фантастическихъ, изобрѣтеній, въ эпоху устройства фонтановъ, часовъ съ музыкой и съ выскакивающими каждый часъ фигурами, въ эпоху различныхъ попытокъ осуществленія perpetuum mobile. Въ эту эпоху мы находимъ и самодвижущіяся приспособленія: стулья, „полезныя для безногихъ и подагриковъ, ибо на нихъ можно разъѣзжать по саду, не опасаясь испортить грядки и изгороди“; разрисованныя рѣзныя повозки, которыя автоматически двигались, и т. п. Въ томъ же XVII ст. извѣстный голландскій математикъ Ставипусъ конструировалъ повозку съ мачтой и парусами, которая двигалась силой вѣтра; слѣдовательно, онъ пользовался уже для передвиженія силой природы.

Поѣздка, совершенная имъ на этомъ „гаагскомъ чудѣ“, какъ тогда говорили, вызвала удивленіе во всемъ культурномъ мірѣ. „Если бы кто-либо видѣлъ, писалъ одинъ изъ участниковъ этой поѣздки, какъ эта повозка приводится въ движеніе не лошадьми, а человѣческимъ разумомъ, онъ бы приписалъ это не искусству, а дьяволу“. Наконецъ, въ XVIII в. въ Англіи, гдѣ изобрѣтена была паровая машина, дѣлаются и попытки конструировать повозку, движущуюся силой пара; правительствомъ было выдано нѣсколько патентовъ на изобрѣтеніе такой повозки. Одно время въ Лондонѣ въ 1780-хъ г.г. пользовались четырехколесными повозками: „одинъ человѣкъ, который поддерживаетъ огонь, въ то же время можетъ въ качествѣ возницы направлять повозку въ любую сторону“. Новыя паровыя повозки представляли собою ничто иное, какъ обыкновенныя телѣги, на которыя нагромоздили изобрѣтенную Уаттомъ для промышленности паровую машину. Однако, препятствіемъ являлись неровныя дороги; онѣ тормозили движенія, вызывали рѣзкіе толчки и портили самый механизмъ, который не могъ выдержать столь сильныхъ сотрясеній. Выясни-

лось, что для обыкновенныхъ дорогъ онѣ не годятся и лошадямъ нѣтъ основанія опасаться ихъ конкурренціи.

Положеніе измѣнилось только тогда, когда къ силѣ пара присоединился рельсовый путь. Идея послѣдняго была уже извѣстна древнимъ. Въ XVI вѣкѣ въ рудникахъ Гарца появляются деревянныя рельсы для перевозки руды изъ шахтъ до завода; для того, чтобы предохранить ихъ отъ порчи, на нихъ стали впослѣдствіи набивать тонкія металлическія пластинки, которыя, въ случаѣ изнашиванія, могли быть удалены, тогда какъ деревянныя рельсы оставались нетронутыми. Въ англійскихъ рудникахъ съ 1760-хъ г.г. рельсы стали выдѣлывать изъ желѣза. На этихъ рельсахъ перевозили тяжести въ небольшихъ повозкахъ, запряженныхъ лошадьми. Пытались замѣнить послѣднихъ силой природы, но это долго не удавалось; боялись, что въ особ. при подъемахъ треніе о гладкіе рельсы будетъ недостаточно для того, чтобы повозка могла непрерывно двигаться, думали, что колеса будутъ вертѣться вокругъ своей оси. Лишь Стефенсону удалось въ 1812 году доказать неосновательность этихъ опасеній: его локомотивъ, пущенный въ ходъ въ каменоугольныхъ копяхъ Ньюкестля, не только самъ передвигался, но и въ состояніи былъ везти 8 вагоновъ съ 30 тоннами груза со скоростью 6 километр. въ часъ. Въ то время, какъ прежде паровыя повозки строились по образцу телѣгъ или каретъ, возимыхъ лошадьми, Стефенсонъ совершенно отдѣлилъ машинную часть отъ груза, помѣстивъ ее въ самостоятельной повозкѣ-локомотивѣ. Однако, еще и впослѣдствіи въ Англіи строились конно-желѣзныя дороги, а не паровыя; онѣ были предназначены для перевозки тяжестей, причемъ всякій за уплату по установленному тарифу имѣлъ право пользоваться дорогой на своихъ лошадяхъ и своими повозками; послѣднія должны были лишь удовлетворять опредѣленнымъ условіямъ. Еще въ 1824 г. парламентъ разрѣшилъ постройку 24 желѣзнодорожныхъ линій съ лошадиной тягой. Даже когда въ 1825 г. на линіи Стоктонъ-Дарлингтонъ, гдѣ Стефенсонъ былъ главнымъ инженеромъ, онъ замѣнилъ конную тягу паровой, во время пути по временамъ приходилось отцѣплять локомотивъ и замѣнять его лошадьми. Только въ 1829 г., послѣ ряда улучшеній, произведенныхъ Стефенсономъ въ конструкціи локомотива, ему удалось доказать не только пригодность локомотива во всѣхъ случаяхъ передвиженія, но и преимущество его локомотива передъ всѣми другими.

Первоначально отношеніе къ желѣзнымъ дорогамъ было весьма отрицательное. Государственные люди усматривали въ нихъ „весьма ограниченное и второстепенное средство сообщенія“, считали ихъ даже игрушкой, непригодной для серьезныхъ цѣлей. Ученые медики заявляли, что передвиженіе при помощи пара должно несомнѣнно вызвать у пассажировъ, какъ и у тѣхъ жителей, мимо которыхъ поѣздъ будетъ проходить, тяжелыя заболѣванія мозга, и признавали необходимымъ, по крайней мѣрѣ, въ интересахъ мирныхъ жителей, окружать полотно деревянными заборами. Въ 1825 г., при разсмотрѣніи въ англійскомъ парламентѣ проекта постройки первой желѣзной дороги, многіе настаивали на томъ, что конную тягу слѣдуетъ предпочесть паровой, ибо въ послѣднемъ случаѣ пассажиры задохнутся въ туннеляхъ, поля будутъ сожжены искрами паровоза, скотъ, пасущійся на поляхъ, погибнетъ отъ страха при рѣзкихъ свисткахъ локомотива, а куры перестанутъ нестись. А извѣстная газета Quarterly Review находила, что ничего не можетъ быть глупѣе идеи построить локомотивъ, движущійся съ двойной скоростью дилижансовъ. Особенно поддерживались такія опасенія владѣльцами каналовъ, которые находились въ рукахъ немногихъ компаній, выручавшихъ огромные дивиденды, и для которыхъ желѣзныя дороги являлись большой угрозой. Столь же опасны онѣ были для владѣльцевъ дилижансовъ; послѣдніе стали препятствовать производству работъ при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ — дѣло доходило до кровопролитныхъ столкновеній, которымъ былъ положенъ конецъ лишь при помощи вооруженной силы.

Вскорѣ вопросъ о сооруженіи желѣзныхъ дорогъ возникъ и на континентѣ Европы. Однако, знаменитый Тьеръ, самъ видѣвшій желѣзную дорогу въ Англіи, находилъ еще въ 1835 г., что этотъ способъ передвиженія годится, пожалуй, для перевозки пассажировъ и для нѣкоторыхъ линій, ведущихъ въ столицу, но ни въ коемъ случаѣ не для всей страны: онъ не вѣрилъ, что во Франціи можно будетъ ежегодно строить хотя бы 5 миль желѣзныхъ дорогъ.

И въ Пруссіи директоръ почтъ Наглеръ высказывался въ концѣ 30-хъ годовъ противъ сооруженія линіи между Берлиномъ и Потсдамомъ, ибо даже отходящіе туда нѣсколько разъ въ день шестимѣстные дилижансы часто идутъ наполовину пустыми. И въ Германіи при постройкѣ первыхъ желѣзныхъ дорогъ землевладѣльцы жаловались, что онѣ уничтожатъ коннозаводство и обезцѣнятъ овесъ и сѣно, а владѣльцы каналовъ и дилижансовъ возбуждали населеніе противъ рабочихъ, строившихъ дороги. Высказывались противъ нихъ и съ религіозной точки зрѣнія, находя, что безбожно передвигаться паромъ, когда Богомъ созданы для того лошади и другія животныя; поэтому желѣзная дорога—изобрѣтеніе дьявола.

Въ Бельгіи, гдѣ была построена первая желѣзная дорога на континентѣ, въ 1839 г., при разсмотрѣніи въ парламентѣ вопроса о сооруженіи нѣсколькихъ желѣзныхъ дорогъ, противники ихъ заявляли, что полезность ихъ вовсе не доказана, что они будутъ мчаться мимо городовъ и деревень, не доставляя имъ никакой выгоды, а владѣльцамъ повозокъ и кораблей принесутъ убытокъ. Въ виду огромнаго количества необходимаго для постройки дорогъ желѣза, придется исчерпать рудники; сооружать ихъ столь же безразсудно, какъ строить пирамиды; къ этому прибавляли, что провозимое по желѣзной дорогѣ молоко превратится въ сливки, а яйца сварятся.

Первыя желѣзныя дороги какъ въ Англіи, такъ и на континентѣ Европы пользовались силой животныхъ, или же имѣли смѣшанную конную и паровую тягу. Лишь впослѣдствіи, съ 1829 г. въ Англіи, съ 1837 г. во Франціи, съ половины 1840-хъ г.г. въ Австріи появились желѣзныя дороги, примѣнявшія исключительно силу пара. Но это были лишь зачатки; эра желѣзнодорожнаго строительства на континентѣ Европы началаеь значительно позже—въ 1850-хъ годахъ, въ періодъ быстраго роста фабричной промышленности и вытѣсненія ручного труда машиннымъ, въ періодъ возникновенія крупныхъ акціонерныхъ банковъ, финансировавшихъ желѣзнодорожныя компаніи (дороги строились и управлялись частными обществами). Во Франціи въ періодъ 1852—57 г.г. были созданы сѣти желѣзныхъ дорогъ (шесть сѣтей), которыя покрыли всю Францію и соединили ее съ другими странами, и въ то же пятилѣтіе (1853—57) возникли въ Пруссіи желѣзнодорожныя акціонерныя компаніи съ капиталомъ въ 420 милл. мар., что составляетъ $^1/_6$—$^1/_5$ всего капитала акціонерныхъ компаній, учрежденныхъ въ Пруссіи вообще за двадцатилѣтній періодъ 1851—70 г.г. Въ Германіи вообще въ періодъ 1855—65 г. строилось ежегодно въ среднемъ 610 килом. желѣзныхъ дорогъ, тогда какъ въ предыдущее 20-лѣтіе всего 390 килом. ежегодно. Уже изъ этихъ данныхъ можно усмотрѣть, какой крупный переворотъ во всей хозяйственной жизни произвело самое желѣзнодорожное строительство (не говоря уже о вліяніи новаго средства передвиженія на экономическія условія), какое сильное оживленіе оно вызвало во всѣхъ сферахъ—въ промышленности, банковомъ дѣлѣ и т. д.

Особенно сильно это оживленіе чувствовалось на биржѣ—здѣсь появились новыя цѣнности, желѣзнодорожныя акціи и облигаціи. Прежде котировалось на биржѣ вообще очень мало бумагъ (въ Парижѣ въ 1826 г. всего 24 котировки, въ 1836 г.—81, въ Вѣнѣ еще въ 1848 г. всего 20 курсовъ) и поскольку онѣ котировались, это были почти исключительно государственные займы; теперь они были отодвинуты на второй планъ акціями, среди которыхъ огромное большинство составляютъ желѣзнодорожныя. Въ Парижѣ въ 1850 г. изъ 9 милліардовъ фр. биржевыхъ цѣн-

ностей $^2/_3$ приходилось на государственныя ренты, тогда какъ въ 1869 г. послѣднія составляли изъ 26 милліард. всего $11^1/_2$, изъ прочихъ же котировокъ $^2/_3$ приходилось на желѣзнодорожныя акціи и облигаціи. На берлинской биржѣ въ 1870 г. желѣзнодорожныя цѣнности составляли половину всѣхъ котируемыхъ бумагъ, (175 изъ 359), тогда какъ промышленныхъ акцій и облигацій имѣлось всего 9. Такимъ образомъ, современная биржа создана желѣзнодорожнымъ строительствомъ; лишь впослѣдствіи къ желѣзнодорожнымъ цѣнностямъ присоединились бумаги промышленныхъ предпріятій.

Въ 1850-хъ г.г. все вниманіе общества было сосредоточено на биржѣ, желѣзнодорожныхъ предпріятіяхъ, банкахъ, акціонерныхъ компаніяхъ. Всѣ остальные вопросы, отступили на второй планъ: о театрѣ, литературѣ, еще недавно стоявшихъ въ центрѣ общественнаго вниманія, даже о военныхъ дѣйствіяхъ (Крымская кампанія) газеты упоминали лишь вскользь. Конечно, это оживленіе имѣло и свою обратную сторону—чрезмѣрную спекуляцію и кризисы.

За желѣзными дорогами вскорѣ послѣдовали паровыя суда, значеніе которыхъ въ смыслѣ развитія международной торговли и созданія міроваго рынка было не менѣе велико, если имѣть въ виду, что водное пространство занимаетъ гораздо большую часть земного шара, чѣмъ суша, и провозоспособность судовъ несравненно выше, чѣмъ вагоновъ. Здѣсь рѣчь шла о соединеніи не отдѣльныхъ странъ, а цѣлыхъ частей свѣта, хотя (въ особ. въ тѣ времена) и малонаселенныхъ, частью совсѣмъ не изслѣдованныхъ, гдѣ необходимо было еще создать потребности у населенія, но гдѣ открывались въ будущемъ новые обширные рынки. Фультонъ, изобрѣтатель парохода, уже въ 1805 г. сталъ пускать свое паровое судно „Клермонъ" на Гудсоновой рѣкѣ; съ 1814 года въ Англіи устанавливаются рѣчныя сообщенія при помощи паровыхъ судовъ, затѣмъ паровыя суда стали отправляться изъ Англіи въ Ирландію и на континентъ Европы; вскорѣ начали плавать на нихъ и по Средиземному морю. Но въ области торговаго мореплаванія паровыя суда еще долго имѣли весьма мало значенія; еще долго держались того мнѣнія, что паровыя суда пригодны лишь для транспорта на рѣкахъ и озерахъ, на морѣ же въ крайнемъ случаѣ для каботажнаго плаванія. На нихъ смотрѣли какъ на игрушку, и путешествіе изъ Ливерпуля въ Нью-Іоркъ на такомъ суднѣ приравнивали по своей утопичности путешествію на луну. Даже когда въ 1818 г. „Саванна" впервые совершила переходъ изъ Америки въ Ливерпуль въ 25 дней, она еще одновременно съ паромъ пользовалась и парусами. Лишь 20 лѣтъ спустя въ Англіи одна желѣзнодорожная компанія продолжила свою желѣзнодорожную сѣть пароходной линіей съ Америкой. Но и это еще были суда смѣшаннаго типа,—только со времени замѣны колесныхъ судовъ винтовыми стали исчезать смѣшанныя суда и съ 1860-хъ г.г. паровое судоходство становится господствующимъ.

Благодаря всему этому, міровой обмѣнъ, равнявшійся въ 1800 г. 6 милліард. марокъ, достигъ въ 1850 г. 17 милліард., а въ 1860 г. 30 милліард. Четвертая часть этой міровой торговли приходилась въ 1860 г. на долю Англіи.

*

ГЛАВА V.

Денежное обращеніе, кредитъ и банки.

Эпоха конца XVIII и начала XIX ст. (эпоха революціи и наполеоновскихъ войнъ) составляетъ періодъ грандіозныхъ экспериментовъ съ государственными бумажными деньгами въ качествѣ новаго источника государственныхъ доходовъ, замѣняющаго прежнюю чеканку неполновѣсной монеты (см. выше, стр. 408). Выпущенныя правительствами бумажныя деньги были признаны неразмѣнными (т. е. нарушалось принятое на себя при выпускѣ обязательство мѣнять бумажныя деньги на звонкую монету по ихъ номинальной цѣнѣ). При такихъ условіяхъ оказывалось возможнымъ выпускахъ ихъ въ большомъ количествѣ; но по той же причинѣ цѣнность ихъ быстро падала. Наибольшія суммы добыла отъ выпуска своихъ ассигнацій Франція, которая приступила къ выпуску ихъ въ 1789 г.; но уже 4 года спустя, когда ассигнацій было выпущено на 4 милліарда фр., курсъ ихъ понизился до 22 проц. нарицательной цѣны. Затѣмъ онъ, правда, нѣсколько поправился, но вскорѣ сталъ снова стремительно падать и франкъ равнялся 10 сант. уже къ тому времени, когда выпущено было ассигнацій на 8,3 милліард. фр.—правда цифра совершенно неслыханная для того времени, немыслимая ни въ какой другой странѣ континента. Несмотря на это, въ теченіе короткаго промежутка полутора лѣтъ (съ 1 апр. 1795 г. по 1 сент. 1796 г.) было произведено ассигнаціонныхъ выпусковъ еще на 37 милліард. фр., т. е. въ 4—5 разъ болѣе того, что выпущено было за предшествующіе $5^1/_2$ лѣтъ,—операція, похожая „на злоумышленное озорство, явно расчитанное на уничтоженіе всякой цѣнности ассигнацій, или, иначе говоря, на намѣренное и безцеремонное банкротство". (И. И. Кауфманъ). Неудивительно, если эти выпущенныя на баснословную сумму, ассигнаціи потеряли всякую цѣну—понизились до $^1/_2$ проц. нарицательной цѣны (франкъ равнялся $^1/_2$ сантима).

Однородные финансовые эксперименты были произведены въ Австріи, гдѣ выпуски ассигнацій, хотя и начались на 17 лѣтъ раньше, чѣмъ во Франціи, и продолжались во время войнъ не только революціонныхъ, но и наполеоновскихъ, тѣмъ не менѣе составляли въ 1816 г. всего 4 милліарда фр., т. е. были значительно меньше французскихъ. И все же уже въ 1810 г. австрійскія ассигнаціи упали до 10 проц. своего нарицательнаго достоинства и пришлось прибѣгнуть къ девальваціи: они принимались за 20 проц. ихъ нарицательной цѣны (за 500 гульд. въ старыхъ ассигнаціяхъ давались 100 гульд. въ новыхъ ассигнаціяхъ, называемыхъ выкупными свидѣтельствами). Но и новыя ассигнаціи черезъ нѣсколько лѣтъ успѣли потерять $^3/_4$ своего достоинства: въ 1815 г. опять за 100 металлическихъ гульденовъ выдавалось 400 т. бумажныхъ.

Такія же явленія происходили и въ другихъ странахъ (напр. въ Россіи, гдѣ также въ 1810 г. ассигнаціи упали до 20 проц. нарицательной цѣны). Общій духъ эпохи отразился даже на Англіи, которая уже тогда значительно опередила Европу въ экономическомъ отношеніи, но все-таки также временно пріостановила размѣнъ своихъ банкнотъ на золото.

Разница между Англіей и другими странами заключалась однако въ томъ, что здѣсь это были не государственныя бумажныя деньги, а банкноты, опиравшіяся на частный кредитъ акціонерной компаніи Англійскаго банка и служившія нуждамъ не только государства, но и торговли и промышленности. Частные банки въ Англіи оказывались неоднократно неплатежеспособными, когда на нихъ производился „набѣгъ" (a run) вкладчиковъ и они не въ состояніи были производить размѣнъ своихъ банкнотъ — къ концу XVIII ст. погибло большое количество такихъ банковъ. Англійскій же банкъ даже въ эпохи кризисовъ, несмотря на то, что враги неоднократно подкапывались подъ него (впрочемъ и онъ предъявленіемъ большого количества банкнотъ старался уничтожить другіе банки) продолжалъ платежи и размѣнъ своихъ банкнотъ и лишь во время войнъ конца XVIII ст., въ 1797 г., когда запасъ золота въ банкѣ сильно сократился, ему пришлось „затворить передъ публикою двери", т. е. прекратить размѣнъ банкнотъ на звонкую монету. Хотя эти банкноты не имѣли принудительнаго курса, (т. е. пріемъ ихъ не являлся обязательнымъ), но въ виду заявленія наиболѣе крупныхъ комерсантовъ о своей готовности принимать платежи въ любыхъ размѣрахъ въ банкнотахъ Англійскаго банка (сила ихъ „патріотическаго" подвига впрочемъ значительно ослабляется, если вспомнить, что они не имѣли другого орудія обращенія, кромѣ банкнотъ Англійскаго банка), эти банкноты продолжали во всѣхъ платежахъ замѣнять монету, и первоначально никакого лажа не было. Лишь въ первое десятилѣтіе XIX вѣка обнаружилась разница между цѣнностью банкнотъ и звонкой монеты, но и она большею частью составляла не болѣе 10 проц. и максимума достигла въ 1813 году, когда 100 ф. въ банкнотахъ равнялись 71 ф. въ звонкой монетѣ, — тогда какъ на континентѣ Европы, какъ мы видѣли, бумажныя деньги въ теченіе короткаго срока теряли 80—90 проц. своей нарицательной цѣны, такъ что въ Англіи, въ отличіе отъ континента, фискальная драма не успѣла превратиться въ трагедію, пагубную для казны и для населенія. Мало того, самая пріостановка размѣна здѣсь была лишь кратковременна. Какъ только кончилась война, курсъ банкнотъ сталъ снова повышаться, достигая почти паритета (въ 1817 г. уже 97 проц. нарицательной цѣны) и хотя размѣнъ на звонкую монету долженъ былъ (по закону 1819 г.) возобновиться лишь съ 1822 г., но онъ былъ фактически открытъ уже раньше (въ маѣ 1821 г.) Съ тѣхъ поръ Англія не имѣла суррогатовъ звонкой монеты, ни въ видѣ неразмѣнныхъ банкнотъ, ни въ формѣ государственныхъ бумажныхъ денегъ Въ Англіи съ того времени существуетъ установившаяся фактически еще въ концѣ XVIII ст. (см. стр. 413) и формально введенная закономъ 1816 г золотая валюта (свободная чеканка золота, выпускъ неполноцѣнныхъ серебряныхъ монетъ исключительно государствомъ, ограниченный пріемъ серебряной монеты).

Напротивъ, на континентѣ неоднократно въ различныхъ странахъ прибѣгали къ неразмѣннымъ бумажнымъ деньгамъ. Хуже всего дѣло обстояло въ этомъ отношеніи въ Австріи и Россіи, гдѣ они вытѣснили звонкую монету и являлись господствующимъ платежнымъ средствомъ. Во Франціи установилась двойственная монетная система (биметаллизмъ), при которой

государствомъ опредѣляется законное отношеніе между золотомъ и серебромъ (по закону 1803 г. $15^1/_2:1$) и устанавливается право производить уплату въ золотой или серебряной монетѣ, по своему усмотрѣнію. Бумажныхъ же денегъ французы послѣ опыта съ ассигнаціями сильно боялись; лишь впослѣдствіи они стали выпускать бумажныя деньги (размѣнныя), но и въ 1870 г. ихъ обращалось не болѣе 192 милл. фр.

Болѣе значительно было обращеніе суррогатовъ монеты въ Германіи, гдѣ они достигли въ 1870 г. 630 милл. мар., причемъ состояли какъ изъ банкнотъ выпущенныхъ различными банками, такъ и изъ государственныхъ бумажныхъ денегъ, формально размѣнныхъ, хотя для размѣна ихъ не имѣлось спеціальныхъ фондовъ, такъ что въ случаѣ кризиса сохраненіе ихъ цѣнности являлось сомнительнымъ [1]). Выпускъ этихъ суррогатовъ обусловливался въ значительной мѣрѣ отсутствіемъ въ обращеніи золотой монеты. Въ Германіи постепенно изъ прежней паралельной валюты (см. выше, стр. 412) образовалась путемъ исчезновенія золота серебряная валюта, причемъ вплоть до реформы 1870-хъ г.г. не было единства въ денежномъ обращеніи; хотя господствующими и являлись талеры и двойные талеры (не только въ предѣлахъ Таможеннаго союза, но и внѣ его), но рядомъ съ ними на югѣ обращались и гульдены, которые чеканились тамъ одновременно съ талерами; въ южныхъ государствахъ принимались въ казначействахъ и монеты прежнихъ системъ, какъ и различныя иностранныя монеты—французскія, австрійскія, англійскія.

Въ это состояніе денежнаго обращенія, гдѣ господствовало въ большинствѣ государствъ серебро, внезапно ворвались событія, происходившія въ Калифорніи и Австраліи съ начала 1850-хъ г.: найдены были золотыя розсыпи, и въ дикихъ мѣстностяхъ, гдѣ прежде почти не слышно было человѣческаго голоса, вдругъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, выросли населенные города, появилась кипучая жизнь—жажда золота охватила людей, побросавшихъ свои очаги, свою родину, чтобы искать счастья въ новой обѣтованной странѣ. Въ то время, какъ въ 1831—40 г.г. добыча золота на земномъ шарѣ составляла всего 3 проц. всей добычи благородныхъ металловъ, въ теченіе одного лишь пятилѣтія 1851—55 г.г. она достигла 18 проц. и въ продолженіе двухъ десятилѣтій (1850—70) было добыто больше золота, чѣмъ въ предыдущія два столѣтія (1650—1850). Подъ вліяніемъ появленія калифорнійскаго и австралійскаго золота, уже въ 1854 г. на вѣнской монетной конференціи Австрія предложила государствамъ германскаго Таможеннаго союза заключить монетную конвенцію на основахъ золотой валюты; далѣе неоднократно устроенныя во Франціи въ 1850-хъ и 1860-хъ г.г. конференціи и обслѣдованія дали заключенія въ пользу золотой валюты, и точно также засѣдавшій во время парижской выставки 1867 г. монетный конгрессъ высказался въ пользу заключенія всемірнаго монетнаго союза, въ которомъ должна быть установлена золотая валюта. Правда, всѣ эти пожеланія и об-

[1]) При этомъ большое количество билетовъ было до такой степени разорвано и замарано, что нельзя было разобрать того, что напечатано на нихъ (и банки пользовались этимъ, отказывая въ уплатѣ по такимъ билетамъ), такъ что впослѣдствіи одинъ депутатъ, демонстрируя билеты рейхстагу, приложилъ къ нимъ пару перчатокъ, чтобы можно было взять ихъ въ руки, не запачкавшись.

слѣдованія не имѣли реальныхъ послѣдствій, ибо вѣнская монетная конвенція (Германскія государства и Австрія), отвергла золотую валюту, всемірный монетный союзъ не былъ образованъ, а Франція, вслѣдствіе начавшейся въ 1870 г. войны осталась при своемъ биметаллизмѣ (въ 1865 г. ею былъ заключенъ съ другими странами биметаллизма, гдѣ господствовала мон ная единица въ видѣ франка,—Италіей, Бельгіей и Швейцаріей Латинскій монетный союзъ, на основаніи котораго золотыя и серебряныя монеты, чеканенныя въ одной изъ этихъ странъ, принимались въ кассахъ всѣхъ другихъ—фактически это было уже раньше). Во всякомъ случаѣ уже изъ этихъ переговоровъ и попытокъ видно было, въ какомъ направленіи должно идти въ будущемъ развитіе денежнаго обращенія.

И въ области кредита и банковъ замѣчается рѣзкое различіе между Англіей и континентомъ Европы, вполнѣ соотвѣтствующее ихъ различію въ отношеніи развитія торговли и промышленности—Англія съ своей индустріей уже въ первой половинѣ XIX ст. нуждалась въ развитомъ кредитѣ и имѣла много свободныхъ капиталовъ, тогда какъ на континентѣ до появленія крупной промышленности и до начала эры желѣзныхъ дорогъ, т. е. приблизительно до пол. XIX ст., банковое дѣло по необходимости находилось въ зачаточномъ состояніи.

До 1844 г. въ Англіи провинціальные частные банки наряду съ Англійскимъ банкомъ выпускали банкноты и вслѣдствіе чрезмѣрнаго выпуска послѣднихъ не только оказывались банкротами, (въ 1814—16 г.г. 240 банковъ прекратили платежи), но и парализовали этимъ нерѣдко политику Англійскаго банка, старавшагося, когда количество платежныхъ средствъ въ странѣ оказывалось чрезмѣрнымъ и вексельный курсъ этого требовалъ, вызвать сокращеніе обращающихся въ странѣ банкнотъ. Это не измѣнилось и въ 1830-хъ годахъ, когда стали возникать въ провинціи крупные акціонерные банки;и они въ теченіе 1835—36 г.г. выпустили банкнотъ на 1,7 милліоновъ ф. ст. Въ виду этого, рѣшено было ограничить право выпуска банкнотъ однимъ банкомъ—Англійскимъ, который въ состояніи былъ бы регулировать ихъ выпускъ въ каждую данную минуту соотвѣтственно потребностямъ денежнаго рынка. Выпускъ банкнотъ всѣми остальными банками былъ ограниченъ, по закону 1844 г., существующими банками и количество ихъ банкнотъ, которое находилось въ обращеніи при изданіи этого закона, не могло быть увеличено. Однако и Англійскому банку были поставлены предѣлы: онъ могъ выпускать банкнотъ (покрытыхъ государственными консолями) на сумму не свыше 14 милл. ф. ст.; дальнѣйшіе выпуски должны быть покрыты звонкой монетой. Въ случаѣ отказа какого-либо банка отъ права выпуска банкнотъ, сумма въ 14 милл. увеличивается на соотвѣтствующую сумму. Наконецъ, выпускъ банкнотъ Англійскимъ банкомъ совершенно отдѣлялся отъ прочихъ операцій: выпускъ банкнотъ переданъ былъ Issue-Departement банка, тогда какъ прочая дѣятельность банка сосредоточивалась въ Banking-Department.

Этотъ актъ Пиля вызвалъ много споровъ: въ то время, какъ одни усматривали въ немъ проявленіе величайшей мудрости, другіе называли его

прокрустовымъ ложемъ для торговыхъ оборотовъ и приписывали ему вину во всѣхъ происходившихъ впослѣдствіи кризисахъ. Во всякомъ случаѣ, предоставивъ банку исключительное право выпуска банкнотъ, законъ укрѣпилъ его монопольное положеніе и сдѣлалъ его въ глазахъ населенія государственнымъ учрежденіемъ, тѣмъ болѣе, что правительство сдѣлало его своимъ казначеемъ, признало его билеты обязательнымъ платежнымъ средствомъ и во всѣхъ затруднительныхъ для банка случаяхъ какъ бы отождествляло себя съ банкомъ. „Все это, а также обязательность для Англійскаго банка выпускать еженедѣльные отчеты (установленная тѣмъ же закономъ) и необходимость для него держать сравнительно большой запасъ золота, создало къ нему такое довѣріе, какимъ не пользуется ни одинъ банкъ въ мірѣ—„надеженъ, какъ Банкъ“ (т. е. какъ Англійскій банкъ)—гласитъ англійская поговорка.

Этимъ безграничнымъ довѣріемъ обусловливается то положеніе, которое занялъ Англійскій банкъ съ половины XIX вѣка. Многочисленные крахи акціонерныхъ и частныхъ банковъ въ 1830-хъ годахъ привели къ тому, что публика стала помѣщать свои деньги въ одномъ Англійскомъ банкѣ; тѣ акціонерные банки, которые желали привлекать къ себѣ вклады, вынуждены были для того, чтобы пріобрѣсти довѣріе населенія, помѣщать свою наличность въ Англійскомъ банкѣ, наиболѣе надежномъ (и дешевомъ) мѣстѣ. Вслѣдствіе этого, съ развитіемъ депозитной операціи акціонерныхъ банковъ, Англійскій банкъ сталъ тѣмъ мѣстомъ, куда стекается вся свободная наличность страны; въ этомъ центральномъ институтѣ всѣ банки держатъ свои запасные капиталы. Создалась система „единаго резервнаго фонда“, и Англійскій банкъ сталъ „банкомъ банковъ“.

Упомянутые нами депозитные акціонерные банки возникаютъ въ Англіи въ 1830-хъ годахъ послѣ того, какъ законъ 1833 г. призналъ, что монополія Англійскаго банка, установленная закономъ 1708 года касается лишь выпуска банкнотъ и отказалъ ему въ распространеніи исключительной привилегіи на прочія банковыя операціи. Между тѣмъ „было сдѣлано открытіе, что выпускъ банкнотъ не составляетъ важнѣйшей части банковаго дѣла“ и въ противоположность прежнему взгляду—банки могутъ существовать и не обладая правомъ выпуска банкнотъ. Изъ англійскихъ банковъ, существовавшихъ въ 1875 г., 64 было учреждено въ десятилѣтіе 1831 — 40 г.г. Эти депозитные банки сыграли весьма важную роль, въ особ. съ 1850-хъ г.г., привлекая свободные капиталы въ качествѣ вкладовъ и снабжая ими быстро развивающуюся хлопчабумажную, шерстяную, металлургическую, каменноугольную индустрію. Первоначально провинціальные депозитные банки южныхъ и юговосточныхъ земледѣльческихъ графствъ переводили помѣщаемыя у нихъ поступленія отъ аренды и отъ продажи хлѣба въ сѣверные промышленные районы, которые не въ состояніи были удовлетворить всю потребность въ капиталахъ изъ мѣстныхъ сбереженій. Но впослѣдствіи и провинціальные банки стали направлять свои свободные капиталы въ Лондонъ и отсюда они уже распредѣлялись по странѣ.

Депозитнымъ банкамъ пришлось преодолѣть много препятствій, ибо Англійскій банкъ старался уничтожить новыхъ конкуррентовъ, установивъ даже спеціальныя правила для борьбы съ ними и добившись между прочимъ того, что имъ запрещено было производить акцептъ векселей (такъ что они платили по векселямъ безъ акцепта). А въ то же время несовершенство англійскаго акціонернаго законодательства приводило къ тому, что эти банки не имѣли характера юридическаго лица и искъ вчинялся не банкомъ, а отъ имени всѣхъ акціонеровъ. Если же въ товариществѣ участвовало духовное лицо, то, по англійскому законодательству, предпріятіе и всѣ его операціи являлись не законными—этимъ пользовались лица, которыя должны были платить банкамъ по векселямъ. Къ концу 1830-хъ годовъ рядъ вновь возникшихъ банковъ (акціо-

нерную форму приняло около 140) снова лопнулъ и это дало поводъ Пилю, пользуясь общей враждой къ акціонернымъ предпріятіямъ, затруднить учрежденіе новыхъ банковъ: по закону 1845 г., минимальная цѣна акціи составляла 100 ф. ст. Такъ что возникшіе ранѣе банки пользовались фактической монополіей—изъ существовавшихъ въ 1875 г. 118 депозитныхъ банковъ въ 1841—60 г.г. учреждено было всего четыре; когда же въ 1862 г. изданъ былъ новый законъ, предоставившій свободу учрежденія акціонерныхъ компаній и установившій для нихъ ограниченную отвѣтственность, возникло сразу въ пятилѣтіе 1861—66 г.г.—26 банковъ.

Такимъ образомъ, уже въ половинѣ XIX ст. Лондонъ сталъ резервуаромъ, въ которомъ сосредоточивались всѣ свободные капиталы страны. Но одновременно онъ сталъ и международнымъ денежнымъ рынкомъ, Послѣ 1815 г. Англія съ ея богатствомъ и капиталами замѣнила Нидерланды въ качествѣ того рынка, гдѣ правительства континентальныхъ государствъ могли заключать займы—на континентѣ Европы, какъ прежде, такъ и теперь еще невозможно было найти необходимыхъ для этого, при томъ сильно возросшихъ, суммъ. Точно также Англія являлась банкиромъ всего міра и въ области коммерческаго кредита. Она вѣдь была въ то время мастерской всего міра, фрахтовщикомъ всего міра, перевозившимъ товары всѣхъ странъ по океанамъ на своихъ судахъ, она была, наконецъ, центральнымъ рынкомъ всего міра, тѣмъ торговымъ центромъ, куда направлялись товары какъ изъ англійскихъ колоній, такъ и изъ прочихъ странъ и частей свѣта; черезъ посредство Лондона и Ливерпуля эти товары уже отправлялись въ другія страны. Неудивительно, что при богатствѣ Англіи капиталами, вся эта торговля пользовалась англійскимъ кредитомъ; даже въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣкоторые виды заокеанскихъ товаровъ непосредственно направлялись въ порты континента, всѣ разсчеты производились черезъ посредство Лондона, векселя трассировались на Лондонъ и совершались на фунты стерл. и лондонскіе банки, кредитуя контрагентовъ; имѣли возможность слѣдить за характеромъ торговыхъ операцій континента.

Континентъ Европы еще долго не имѣлъ необходимыхъ для государства и для промышленности и торговли капиталовъ, не имѣлъ и кредитныхъ учрежденій, которыя могли бы поставить кредитныя операціи на широкую ногу. Крупные банки появляются на континентѣ не ранѣе 1850-хъ и 1860-хъ годовъ. Лишь въ видѣ исключенія мы находимъ банки до 1848 г. Такъ въ Австріи Національный банкъ, учрежденный въ 1816 г., являлся въ теченіе трехъ десятилѣтій единственнымъ. Во Франціи такое же монопольное положеніе занималъ возникшій въ 1800 г. Французскій банкъ (Banque de France). Если не считать трехъ небольшихъ мѣстныхъ банковъ, имѣвшихъ лишь мѣстное значеніе, то банки во Франціи стали возникать лишь въ концѣ 1830-хъ и въ началѣ 1840-хъ годовъ, но во время кризиса 1848 г. наиболѣе крупные изъ нихъ погибли, а прочіе были превращены въ мѣстныя отдѣленія Французскаго банка, который такимъ образомъ снова занялъ монопольное положеніе. Притомъ какъ австрійскій Національный банкъ, такъ и Французскій банкъ созданы были главнымъ образомъ для снабженія правительства необходимыми ему средствами, и большая часть суммъ этихъ банковъ находилась въ рукахъ казны, вслѣдствіе чего Французскій банкъ неоднократно оказывался въ затруднительномъ положеніи.

размѣнъ своихъ банкнотъ онъ нѣсколько разъ въ состояніи былъ производить лишь съ нарушеніемъ своего устава. Для кредитованія коммерсантовъ у этихъ банковъ такимъ образомъ оставалось весьма мало средствъ. Къ тому же они распространяли свою дѣятельность исключительно на столицу, такъ что провинція совершенно была лишена кредитныхъ учрежденій: Французскій банкъ открылъ впервые отдѣленія въ провинціи послѣ 1835 г., а австрійскій Національный банкъ лишь въ 1848 г. Въ отличіе отъ Франціи и Австріи, въ Бельгіи находимъ два банка, учрежденные въ 1822 и 1835 г., преслѣдующіе цѣль содѣйствія промышленности (первый такъ и назывался—Société générale pour favoriser l'industrie nationale)—въ другихъ странахъ такіе банки появились лишь въ 1850-хъ г.г. — и принимавшіе участіе въ различныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ Но эти банки свидѣтельствуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ о томъ, какъ неумѣло еще велись кредитныя учрежденія въ эту эпоху, какъ нарушались всѣ основныя правила банковой политики—они помѣщали свои капиталы на продолжительные сроки въ предпріятія, какъ и въ недвижимости, принимали же краткосрочные вклады и выпускали банкноты, подлежавшіе уплатѣ по предъявленію. Неудивительно, если въ 1848 г. оба бельгійскихъ банка вынуждены были прекратить размѣнъ банкнотъ на звонкую монету. Государство превратило ихъ въ бумажныя деньги, установивъ обязательность ихъ пріема (принудительный курсъ).

Какъ видно изъ изложеннаго, всѣ эти банки являлись эмиссіонными (имѣли право выпуска банкнотъ); но такой же характеръ имѣли и всѣ банки, существовавшіе въ Германіи, (тамъ имѣлся Королевскій банкъ въ Берлинѣ, превратившійся впослѣдствіи въ Прусскій банкъ, а еще позже, въ 1875 г., въ Имперскій банкъ, и еще три банка, учрежденные въ 1824, 1834 и 1838 г.г.), всѣ итальянскіе банки, банки, возникшіе во Франціи въ 1835—45 г.г. (и прекратившіе вскорѣ свое существованіе). Понятіе банка въ то время совпадало съ эмиссіоннымъ банкомъ, банка безъ права выпуска банкнотъ себѣ не представляли (такой банкъ называли „металлическимъ") и прочія операціи банковъ являлись лишь дополненіемъ къ главной—эмиссіонной дѣятельности. Еще въ 1854 г., когда въ Парижѣ возникъ банкъ движимаго кредита, финансировавшій промышленныя и желѣзнодорожныя предпріятія, но не выпускавшій банкнотъ, о немъ говорили, что онъ не производитъ банковыхъ операцій.

Въ первыя десятилѣтія XIX вѣка въ сущности никакіе иные банки, кромѣ эмиссіонныхъ и не были возможны, ибо изъ иныхъ источниковъ банки не могли извлекать необходимыхъ имъ суммъ — притокъ вкладовъ, вслѣдствіе бѣдности населенія, не могъ быть значителенъ. Но и впослѣдствіи, когда въ 1830-хъ и 1840-хъ г.г., въ особ. во Франціи, отчасти и въ Австріи, народное богатство значительно увеличилось, банки, пользуясь правомъ выпуска банкнотъ, не считали нужнымъ привлекать свободные капиталы, развивать депозитную операцію. А между тѣмъ въ этомъ направленіи необходимо было преодолѣть значительныя препятствія: населеніе привыкло держать свободныя суммы у себя, даже коммерсанты хранили въ своей кассѣ деньги, временно остававшіяся безъ употребленія или отложенныя на непредвидѣнные расходы. Частые крахи банковъ (см. ниже), конечно, не способствовали измѣненію этихъ обычаевъ.

Всѣ эти обстоятельства препятствовали развитію банковаго дѣла на континентѣ. Тормазомъ являлось и нежеланіе банковъ открывать отдѣленія въ провинціи; они (Французскій банкъ, австрійскій Національный)—какъ въ предыдущемъ столѣтіи и Англійскій банкъ—не рѣшались передавать свои капиталы въ руки лицъ (завѣдующихъ отдѣленіями), пользующихся большой самостоятельностью: при отсутствіи телеграфа руководить ихъ дѣйствіями изъ центра и контролировать ихъ было чрезвычайно трудно; пока получалось по почтѣ донесеніе и доходилъ почтой же отвѣтъ на него, обстоятельства нерѣдко успѣвали сильно измѣниться. Но тѣ же банки, которые не рѣшались открывать отдѣленій въ провинціи, какъ напр. Французскій банкъ, препятствовали и возникновенію другихъ эмиссіонныхъ банковъ; не желая навлечь на себя гнѣвъ Французскаго банка, учреждаемые въ 1835—45 г.г. банки даже не рѣшались именоваться банками, а носили названіе „Caisse" или „Comptoir".

При отсутствіи банковъ, въ особ. внѣ столицъ, и при незначительномъ развитіи ихъ операцій, неудивительно, что частные банкиры и банкирскіе дома сохранили свое значеніе въ теченіе всей первой половины XIX вѣка. И теперь еще (см. выше, стр. 382,419) они нерѣдко соединяютъ кредитныя операціи съ товарной торговлей и комиссіоннымъ дѣломъ, лишь постепенно прекращая эти виды дѣятельности (какъ это было ранѣе въ Англіи); но и послѣ этого они иногда занимаются учетомъ векселей лишь въ той отрасли торговли, которую данный банкиръ прежде производилъ, ибо только въ этомъ случаѣ онъ въ состояніи былъ опредѣлить кредитоспособность кліента. При этомъ еще въ 1820-хъ г.г. Вѣна и Парижъ обращались при заключеніи государственныхъ займовъ къ иностраннымъ банкирамъ—въ Нидерланды и Англію; позже ихъ замѣнили собственные банкиры — преимущественно выходцы изъ Швейцаріи (въ Австріи — потомки иммигрировавшихъ швейцарцевъ, во Франціи—потомки французскихъ протестантовъ, бѣжавшихъ въ Женеву). Но вскорѣ ихъ всѣхъ затмилъ банкирскій домъ Ротшильдъ, который, какъ и самый кредитъ, всецѣло находившійся въ рукахъ Ротшильдовъ, имѣлъ интернаціональный характеръ. Благодаря существованію отдѣленій во всѣхъ важнѣйшихъ центрахъ (пять сыновей основателя завѣдывали отдѣленіями въ Лондонѣ, Парижѣ, Вѣнѣ, Неаполѣ и главной конторой во Франкфуртѣ), заемъ, заключенный тѣмъ или другимъ государствомъ, имѣлъ всегда характеръ внутренняго займа, публика могла получать проценты въ любомъ изъ этихъ пяти мѣстъ, слѣдовательно, по желанію, у себя дома и въ туземной монетѣ. Этотъ международный характеръ организаціи, въ связи съ рѣдкой освѣдомленностью обо всѣхъ событіяхъ [1]), создалъ Ротшильдамъ въ теченіе полустолѣтія почти безраздѣльное господство на биржѣ—прежде всего въ области

[1]) Въ виду отсутствія телеграфа, биржевые спекулянты пользовались курьерами, причемъ самыхъ быстрыхъ имѣли Ротшильды, почему ихъ именовали „паровыми курьерами". Разсказываютъ, что Натанъ Ротшильдъ въ 1814 г., опередивъ правительственныхъ курьеровъ, первый прибылъ въ Лондонъ, зная уже о побѣдѣ Веллингтона надъ Наполеономъ, когда объ этомъ еще никому не было извѣстно, и благодаря этому нажилъ милліоны: онъ скупилъ англійскіе фонды, которые на другой день, когда узнали о побѣдѣ, сильно поднялись.

государственнаго кредита: за одно только 15—лѣтіе 1818 - 32 г.г. Лондонская фирма Ротшильдъ выпустила облигацій почти на 25 милл. фунт. стерл., т. е. на большую сумму, чѣмъ было заключено займовъ на амстердамской биржѣ въ теченіе всего XVIII вѣка. Говорили, что мать пяти Ротшильдовъ могла въ своемъ салонѣ гарантировать миръ Европѣ, ссылаясь на то, что ея сыновья не дадутъ денегъ на веденіе войны; а министру финансовъ, утратившему расположеніе Ротшильдовъ, совѣтовали „закрыть свою лавочку"—извѣстны случаи, когда Ротшильды вносили цѣлую страну на черную доску и прекращали учетъ ея векселей, что обозначало полный крахъ ея кредита [1]). Впослѣдствіи Ротшильды занялись и финансированіемъ различныхъ предпріятій—страховыхъ компаній, въ особ. же въ 1840-хъ г.г. желѣзнодорожныхъ обществъ. Рядъ линій во Франціи, Австріи и другихъ странахъ былъ сооруженъ этими „первыми желѣзнодорожными королями": „Ротшильдъ, а не правительство является хозяиномъ желѣзныхъ дорогъ"—говорили современники.

Хотя Ротшильды, такимъ образомъ, до появленія акціонерныхъ банковъ, выполняли роль послѣднихъ, все же потребность въ кредитѣ до учрежденія этихъ банковъ была велика, въ особ. среди среднихъ слоевъ купечества и промышленниковъ. Банкиры имѣлись въ недостаточномъ количествѣ и кромѣ того занимались биржевой спекуляціей, торговлей золотомъ и серебромъ и т. д., вслѣдствіе чего сокращались суммы, предназначенныя для кредитованія комерсантовъ, и послѣднимъ приходилось обращаться къ ростовщикамъ. Во Франціи кредитныя операціи производили сборщики податей (trésoriers généraux), которые не ограничивались использованіемъ временно находившихся у нихъ суммъ для учета векселей, но „составляли до 1850-хъ г. настоящій національный банкъ". На помощь населенію приходили и нотаріусы, которые съ давнихъ поръ принимали вклады подъ проценты, превращая постепенно свои конторы въ настоящія сберегательныя кассы, но кромѣ того выдавали и ссуды, и не только своимъ кліентамъ, но и прочему населенію, а затѣмъ стали заниматься и учетомъ векселей и даже биржевыми операціями. Хотя въ 1843 г., послѣ того, какъ многіе нотаріусы оказались несостоятельными, имъ были запрещены эти операціи, все же населеніе и впослѣдствіи несло къ нимъ свои сбереженія, отдавая ихъ въ безконтрольное пользованіе, причемъ нотаріусы никакой бухгалтеріи не вели и даже квитанцій въ пріемѣ денегъ не выдавали.

Лишь послѣ революціи 1848 г. повсюду на континентѣ появляются банки, повсюду возникаетъ банковый кредитъ какъ для владѣльцевъ недвижимостей, такъ и для промышленныхъ и горныхъ предпріятій, банками строятся и финансируются желѣзныя дороги. Правда и теперь еще, въ періодъ 1850—1870 г.г., много препятствій стояло на пути къ учрежденію банковъ и къ успѣшному развитію ихъ дѣятельности. Даже во Франціи банки лишь постепенно стали руководствоваться так. наз. банковымъ принципомъ относительно соотвѣтствія между активными и пассивными операціями. Населеніе долго не желало разставаться съ прежнимъ обычаемъ храненія денегъ у себя, и французскіе банки еще въ 1850-хъ г.г. не могли добиться того, чтобы ихъ кліенты черезъ посредство банка производили платежи, а не брали для платежей деньги изъ банка. Правительство затрудняло учрежденіе банковъ, вслѣдствіе господства концессіонной (разрѣ-

[1]) Говорили, что существуетъ „только одна великая держава въ Европѣ—это Ротшильдъ; его тѣлохранителями являются десятокъ-другой банкирскихъ домовъ, его солдатами—всѣ честные купцы, а его мечомъ—спекуляція".

шительной) системы открытія акціонерныхъ компаній, существовавшей вплоть до 1860-хъ г.г. Еще болѣе отсталой въ этомъ отношеніи являлась Германія, гдѣ учетъ векселей, кромѣ, какъ въ Гамбургѣ и еще нѣсколькихъ крупныхъ торговыхъ центрахъ, былъ еще очень мало распространенъ, а депозитную операцію банки не старались развивать, нерѣдко напротивъ понижая проценты по вкладамъ, чтобы помѣшать чрезмѣрному приливу ихъ. Джиро (переводъ по книгамъ) и контокоррентныя операціи тамъ были почти неизвѣстны; такъ что даже въ такомъ крупномъ коммерческомъ центрѣ, какъ Франкфуртъ на Майнѣ (гдѣ тогда была наиболѣе крупная биржа), еще въ 1850-хъ годахъ можно было встрѣтить въ любое время до полудня многочисленныя повозки, нагруженныя бочками съ серебромъ, или носильщиковъ, переносящихъ мѣшки съ серебряной монетой. Что же касается отношенія правительства къ банкамъ, то, въ противоположность мелкимъ нѣмецкимъ государствамъ, гдѣ банкамъ оказывалось содѣйствіе—почему почти всѣ банки и возникали тамъ—Пруссія препятствовала ихъ развитію, запрещая банкамъ открывать отдѣленія и агентуры, или не допуская пріема вкладовъ, нерѣдко и просто отказывая въ разрѣшеніи учредить акціонерный банкъ [1]; правительство опасалось большой силы крупнаго кредитнаго учрежденія которое имѣло бы возможность отказать въ помощи тѣмъ или другимъ непріятнымъ банку предпріятіямъ, парализуя мѣры, принимаемыя государствомъ (Пошингеръ). Отказывая въ концессіи, правительство ссылалось и на опасность возникновенія новыхъ банковъ, когда и такъ обнаруживается чрезмѣрное оживленіе въ предпринимательскомъ дѣлѣ [2]).

Несмотря на всѣ эти препятствія, эпоха 1850—70 г.г. все же составляетъ періодъ учрежденія крупныхъ банковъ и успѣшнаго развитія ихъ не только во Франціи, но и въ Австріи, Швейцаріи, Бельгіи и даже въ столь отсталой въ тѣ времена Германіи (въ особ. банковъ движимаго кредита, цѣлью которыхъ является финансированіе промышленныхъ и желѣзнодорожныхъ предпріятій).

Движеніе исходило изъ Франціи, гдѣ въ 1852 г., былъ учрежденъ братьями Перейре (Pereire) Crédit Mobilier для финансированія различныхъ предпріятій, въ особ. желѣзнодорожныхъ. Этотъ банкъ являлся составной частью задуманной бр. Перейре цѣлой системы банковъ—„Crédit foncier“ для владѣльцевъ недвижимостей, „Crédit Mutuel“ для ремесленниковъ и торговцевъ и наконецъ „Crédit Mobilier“ для крупныхъ предпріятій; послѣдній долженъ былъ представлять собою центръ, куда бы стекались всѣ капиталы населенія и откуда бы они направлялись въ каналы народнаго хозяйства, „оплодотворяя національное производство, смотря по потребности,

---

[1]) Примѣрами могутъ послужить такіе факты, какъ отношеніе его къ банку Шафгаузена, къ первоначальному проекту Disconto-Gesellschaft или къ проекту учрежденія въ 1856 г. въ Берлинѣ банка для содѣйствія земледѣлію, торговлѣ и промышленности.

[2]) И въ Вюртембергѣ, гдѣ уже съ 1849 г. появляются проекты учрежденія акціонерныхъ банковъ, въ теченіе цѣлыхъ 20 лѣтъ ни одинъ изъ нихъ не былъ утвержденъ правительствомъ (не получилъ концессіи), во время же банковаго кризиса 1850-хъ г.г., происходившаго въ другихъ странахъ, правительство радовалось, что въ Вюртембергѣ нѣтъ банка, который могъ бы лопнуть. Первый банкъ появился тамъ лишь въ 1869 г.

болѣе обильно или болѣе умѣренно". Этотъ гигантскій планъ централизаціи капиталовъ находится въ тѣсной связи съ ученіемъ соціалиста Сенъ-Симона, который и самъ не былъ чуждъ комерческой дѣятельности и учениками котораго являлись крупнѣйшіе французскіе банкиры и директора банковъ. Къ усерднымъ послѣдователямъ сенъ-симонизма принадлежали и бр. Перейре, въ которыхъ—по ихъ словамъ—Сенъ-Симонъ „вдохнулъ новую жизнь"; „они горѣли живымъ пламенемъ Сенъ-Симона".

По ученію Сенъ-Симона, необходимо такое учрежденіе, которое бы руководило производствомъ—система банковъ (système générale des banques) съ центральнымъ банкомъ, который будетъ представлять собою правительство въ экономической жизни (le gouvernement dans le monde matériel)—въ его рукахъ будутъ сосредоточиваться средства производства и имъ они будутъ распредѣляться. Всѣ средства производства будутъ передаваться наиболѣе достойнымъ, тогда какъ въ настоящее время землевладѣльцы и капиталисты чисто случайно, въ силу факта рожденія, оказываются въ роли управителей ими. Такимъ образомъ банкамъ, по этому ученію, принадлежитъ главная роль въ созданіи индустріи; подъ индустріальнымъ классомъ Сенъ-Симонъ понимаетъ предпринимателей и рабочихъ, торговцевъ, ученыхъ, художниковъ; банкиры составляютъ „главу индустріальнаго класса", объединяютъ его въ одно цѣлое, одной общей идеей.

Планъ бр. Перейре, „возникшій на сенъ-симонистской фабрикѣ идей и выкованный соціалистскимъ органомъ „Producteur", не могъ осуществиться, ибо правительство не разрѣшило имъ выпуска облигацій, посредствомъ которыхъ должны были быть скуплены бумаги всѣхъ предпріятій, такъ что банкъ держалъ бы въ своихъ рукахъ все производство—идеалъ сенъ-симонистовъ. Когда положеніе банка, слѣдовательно, кореннымъ образомъ измѣнилось, они обратились къ биржевой спекуляціи, которая ихъ и погубила. Акціи банка подвергались сильнѣйшими колебаніямъ, являлись „самой опасной бумагой" и самый банкъ стали называть „игорнымъ домомъ, гдѣ играютъ краплёнными картами". Лишь впослѣдствіи Перейре поняли свою ошибку и пытались выдачей болѣе равномѣрныхъ дивидендовъ измѣнить азартный характеръ своихъ акцій и сдѣлать ихъ „семейной бумагой" (valeur de père de famille), но было ужъ поздно.

„Crédit Mobilier" братьевъ Перейре просуществовалъ 15 лѣтъ и погибъ въ 1867 г. Онъ вызвалъ къ жизни многочисленныя предпріятія,—каналы, газовые заводы, омнибусы, строительныя предпріятія, въ особенности желѣзнодорожныя, явился „желѣзнодорожнымъ банкомъ", причемъ, финансировалъ сооружаемыя желѣзныя дороги не только во Франціи, гдѣ, благодаря ему за десятилѣтіе 1850—60 г.г. сѣть желѣзныхъ дорогъ увеличивалась болѣе, чѣмъ на 6 тысячъ килом., но и въ другихъ странахъ—Австро-Венгріи, Швейцаріи, Испаніи, Россіи. Въ Италіи, Нидерландахъ, Испаніи онъ учредилъ банки, преслѣдовавшіе тѣ же цѣли — прежде всего желѣзнодорожное строительство. Такимъ образомъ, его дѣятельность выходитъ далеко за предѣлы Франціи. Но еще важнѣе былъ самый принципъ, идея новой организаціи кредита, выдвинутая братьями Перейре. Если до того времени

считалось, что роль банковъ пассивная, что они „слѣдуютъ развитію промышленности, а не идутъ впереди“, — то Перейре осуществили совершенно новую, неслыханную мысль, согласно которой банки должны активно вмѣшиваться въ экономическую жизнь.

Часть новыхъ, возникшихъ повсюду, по образцу Crédit Mobilier, банковъ просуществовала недолго, зарвавшись въ биржевой спекуляціи; другіе, напротивъ, наиболѣе солидные банки старались избѣгать ошибокъ Перейре и сумѣли поставить дѣло на солидную ногу, въ особенности благодаря тому, что они рядомъ съ финансированіемъ промышленныхъ предпріятій и желѣзнодорожныхъ компаній занимались также болѣе вѣрной операціей выпуска государственныхъ займовъ и старались развивать такъ наз. регулярныя банковыя операціи — ломбардный кредитъ, учетъ векселей, контокоррентъ. Въ результатѣ они оказали большую услугу народному хозяйству, какъ развитіемъ этихъ послѣднихъ операцій, такъ и финансированіемъ въ особ. желѣзнодорожныхъ обществъ; наблюдаемому повсюду росту сѣти желѣзныхъ дор[illegible]ъ Европа обязана именно вновь возникшимъ банкамъ.

Первымъ изъ кру[illegible] [illegible]зскихъ банковъ являлся Comptoir National d'Escompte, учр. въ 18[illegible] [illegible]ально ограничивавшійся одними лишь учетными операціями; [illegible] 1[illegible]-хъ годахъ онъ значительно расширилъ свою [illegible]ятельность, оказыв[illegible] [illegible]е содѣйствіе французской внѣшней торговлѣ, въ цѣляхъ устраненія [illegible]ва Англіи въ области привоза сырья во [illegible]ацію и экспорта [illegible]. Съ этой цѣлью были устроены отдѣленія въ Индіи, Китаѣ, Японіи ([illegible] широко извѣстенъ подъ именемъ „The French Bank“), въ Александріи и на Антильскихъ островахъ. Или же банкъ вступалъ въ соглашеніе [illegible] банками (въ Гвіанѣ, Сенегалѣ, Мартиникѣ и т. д.), заявляя о своей готовности трассировать векселя на важнѣйшіе пункты всѣхъ пяти частей свѣта и открывать банкамъ кредитъ. Такая организація существовала до того времени въ одной лишь Англіи, и хотя Banque d'Escompte не въ силахъ былъ вытѣснить послѣднюю въ качествѣ посредника между Франціей и заокеанскими странами, но все же ему удалось значительно усилить французское вліяніе на дальнемъ Востокѣ и въ Америкѣ. Другой банкъ — Société Générale du Crédit Industriel et Commercial, учр. въ 1859 г., вскорѣ сталъ конкуррировать съ Crédit Mobilier въ области финансированія всякаго рода предпріятій (причемъ — по образцу послѣдняго — и здѣсь проектировался выпускъ облигацій). Однако, въ отличіе отъ существовавшихъ ранѣе банковъ, этотъ банкъ имѣлъ въ виду оказывать содѣйствіе въ учрежденіи не только желѣзнодорожныхъ компаній, но и промышленныхъ предпріятій — машиностроительныхъ, горныхъ и иныхъ, а также содѣйствовать развитію торговли. Но одновременно съ этимъ Société Général стала впервые усердно развивать и депозитную операцію, стараясь привлекать всѣ свободные капиталы въ странѣ, — хотя это и вызывало возраженія съ разныхъ сторонъ, въ виду того, что въ Англіи такое соединеніе въ одномъ и томъ же учрежденіи спекулятивно-депозитныхъ операцій не практиковалось. Еще больше вниманія депозитной операціи удѣлилъ третій возникшій въ эту эпоху банкъ — „Ліонскій Кредитъ“, среди учредителей котораго имѣлись послѣдователи сенъ-симонизма. Первоначально онъ имѣлъ характеръ мѣстнаго банка, предназначеннаго для обслуживанія одного изъ многихъ районовъ, игнорируемыхъ Парижемъ; это особенно необходимо было на югѣ, гдѣ Ліонъ является въ сущности „столицей Франціи съ точки зрѣнія промышленной“ и гдѣ не только существовало обиліе свободныхъ капиталовъ, но и вслѣдствіе большей подготовленности населенія въ коммерческомъ отношеніи, вклады охотно приливали въ банкъ. Возникалъ не менѣе важный вопросъ о томъ, куда ихъ помѣстить, и Ліонскій кредитъ по необходимости сталъ заниматься финансированіемъ предпріятій, хотя рядомъ съ этимъ обращалъ большое вниманіе на регулярныя банковыя операціи.

Въ Австріи учрежденіе перваго банка движимаго кредита — Kreditanstalt въ

1855 г. вызвало сильное оживленіе (наканунѣ открытія подписки на акціи его люди дежурили всю ночь передъ банкомъ, грѣясь отъ холода у жаровенъ) и на банкъ возлагались большія надежды. Отъ него ждали всего, чего только можно желать, начиная отъ регулированія денежнаго обращенія и вплоть до созданія экспорта, международной торговли и судоходства: „опытъ покажетъ, какъ ничего не значущія слова „crédit mobilier“ дали толчокъ къ величайшимъ усовершенствованіямъ“. Банкъ ставилъ себѣ ту же конечную цѣль, что и парижскій Crédit Mobilier—объединеніе въ своихъ рукахъ всѣхъ австрійскихъ акціонерныхъ компаній и созданіе такимъ путемъ „концентрированнаго капитала и кредита“. Но при этомъ онъ всячески открещивался отъ смѣшенія его со своимъ предкомъ — Crédit Mobilier братьевъ Перейре, подчеркивая въ своихъ отчетахъ „добродѣтели австрійской дочери“ и ея солидность, въ противоположность поведенію французской матери, предававшейся пороку биржевой игры“. Въ періодъ 1855—65 г.г. въ Вѣнѣ возникло еще нѣсколько банковъ, частью движимаго кредита, частью ипотечныхъ, при значительномъ участіи англійскихъ и французскихъ капиталовъ. Въ провинціи до 1859 — 60 г.г. банковъ вовсе не было, не было и отдѣленій вѣнскихъ банковъ (кромѣ отдѣленій Національнаго банка); это и неудивительно, если имѣть въ виду, что еще въ 1856 г. смѣялись надъ проектомъ учрежденія биржи въ Прагѣ и опасались ея вреднаго вліянія — погибнетъ провинціальная добродѣтель и простодушіе и начнется азартная игра. При этомъ характерно, что не только первые провинціальные банки, возникшіе въ началѣ 1860-хъ г.г. и относившіеся весьма скептически къ грюндерству и биржевымъ операціямъ, но и вѣнскіе банки, учрежденные въ первую эпоху, оказались весьма солидными и крѣпкими; тогда какъ банки слѣдующаго періода 1867—73 г.г., возникшіе въ теченіе этихъ нѣсколькихъ лѣтъ въ огромномъ количествѣ (около 150), оказались въ подавляющемъ числѣ случаевъ нежизнеспособными. Это видно изъ того, что послѣ кризиса 1873 г. („вѣнскій крахъ“), явившагося вѣнцомъ головокружительной спекуляціи предыдущихъ лѣтъ, всѣ шесть вѣнскихъ банковъ, учрежденныхъ до 1868 г., остались въ цѣлости (они существовали еще въ 1883 г.), тогда какъ изъ 70 банковъ, возникшихъ въ 1868—73 г.г., только $^1/_{10}$ (8 банковъ) пережила кризисъ и слѣдующіе годы; точно также изъ 7 провинціальныхъ банковъ, учрежденныхъ до 1868 г., только одинъ потерпѣлъ крушеніе, изъ банковъ же періода 1868—73 г. погибло $^2/_3$ (44 изъ 65).

Германскіе банки, сначала эмиссіонные, позже движимаго кредита возникали преимущественно въ мелкихъ государствахъ, въ виду вражды къ нимъ со стороны Пруссіи (см. выше); особенно много ихъ возникло въ 1856 г. (въ періодъ 1852 — 57 г.г. учреждены акціонерные банки съ капиталомъ въ 600 милл. мар.), за которымъ вполнѣ естественно послѣдовалъ кризисъ 1857 г. и слѣдующихъ лѣтъ; лишь немногіе, наиболѣе солидные банки, пережили его. Съ 1866 г. снова учреждаются новые банки, въ особ. въ періодъ 1871—73 г.г., но во время послѣдовавшаго затѣмъ новаго кризиса изъ 76 банковъ, возникшихъ въ эти годы, погибло $^2/_3$ банковъ (475 милл. изъ 780 милл. акц. капитала). Изъ оставшихся же многимъ пришлось сильно сократить свой акціонерный капиталъ. Каково въ Германіи было отношеніе къ банкамъ въ разсматриваемую эпоху, видно изъ того, что еще въ 1870 г., когда возникалъ извѣстный „Deutsche Bank“, съ цѣлью устраненія зависимости нѣмецкой торговли отъ посредничества Англіи въ области платежей по векселямъ и кредита и для облегченія торговыхъ сношеній съ другими европейскими странами и заокеанскими рынками, — надъ проектомъ насмѣхались и заявляли, что банкъ все еще не можетъ родиться, несмотря на помощь множества докторовъ; когда же онъ появился—говорили, что „роды совершились при помощи щипцовъ“. Впрочемъ, мѣсяцъ спустя его акціи уже называли „единственной солидной бумагой“.

